

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

8
S20

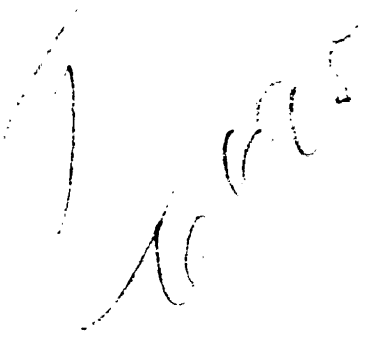

96

Digitized by Google

S
570

Digitized by Google

Digitized by Google

8
520

ПАМЯТНИКИ
РУССКОЙ СТАРИНЫ

ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ

ИЗДАВАЕМЫЕ

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

П. Н. Батюшковымъ

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ

ХОЛМСКАЯ РУСЬ

(Люблинская и Сѣдлецкая губ., Варшавскаго Генералъ-Губернаторства).

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

№ 7924.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1885.

Digitized by Google

DK4600
.C575K56

Изданіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Больш. Подъяческая, № 39.

Digitized by Google

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Настоящій VIII выпускъ изданія „Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ“ посвящается, какъ и предшествовавшій ему VII, Холмской Руси, этой terra incognita для большинства не одного иноземнаго, но, къ сожалѣнію должно сознаться, отчасти и русскаго общества. По невѣдѣнію историческихъ судебъ края и этнографическаго его состава, многіе и донынѣ не признаютъ его органическою частью Русской земли. Здѣсь повторяется заблужденіе, существовавшее въ 60-хъ годахъ по отношенію къ сѣверо и юго западнымъ губерніямъ, которыя слыли тоже страною польскою; тамъ, какъ и здѣсь, старались увѣрить русское общество, что составъ края польскій и что онъ принадлежитъ намъ не по праву, какъ древнее русское достояніе, не по составу его населенія, не по вѣрѣ исповѣдуемой народомъ, но вслѣдствіе насильственнаго отнятія его отъ б. Польши.

Въ VII вып. изданія мы помѣстили нѣсколько статей общаго и частнаго содержанія, фактически опровергающихъ навѣты на Холмщину, пущенные въ свѣтъ польскими патріотами и усвоенные, безъ критической оцѣнки, польскою, а за нею и иностранною историческою литературою. Благодаря отсутствію ближайшихъ и безпристрастныхъ свѣдѣній, ложный взглядъ

Digitized by Google

на Забужье проникъ и къ намъ. Между тѣмъ Забужье, подобно Волыни, Подоліи, Галиціи, при- и за-карпатской Руси и Буковинѣ, заселено сплошнымъ русскимъ племенемъ, исповѣдывавшимъ съ начала введенія христіанства въ Россіи православную вѣру Этотъ край, какъ и западныя губерніи, покрытъ древнѣйшими остатками русскаго зодчества — этимъ неумолчнымъ свидѣтелемъ его минувшей жизни; онъ ярко отмѣченъ мѣстною русскою письменностью и старопечатью; часть этихъ сокровищъ сохранилась и донынѣ, не смотря на систематическое и повсемѣстное ихъ истребленіе поляками и іезуитами; по всему его пространству, отъ Буга до Вислы, и теперь слышится русская рѣчь, поется русская пѣсня; мѣстные обычаи во всемъ краѣ рѣзко выдѣляются отъ обычаевъ пришлыхъ въ него ляховъ, подъ невыносимымъ игомъ которыхъ въ теченіе пяти вѣковъ страдало русское его населеніе. Великъ былъ польскій гнетъ, но Холмщина и до нашихъ дней сохранила еще элементы своей русской народности.

Этотъ мало извѣстный уголокъ нашего отечества требуетъ правильнаго освѣщенія, въ виду чего мы предприняли съ VII выпуска изданіе его памятниковъ и теперь представляемъ цѣлый рядъ монографій и описаній какъ прошлаго такъ и настоящаго его быта, чтобы показать, чѣмъ онъ есть и чѣмъ былъ въ *дѣйствительности*, а не въ искаженныхъ образахъ мечтателей, пригодныхъ только для цѣлей враговъ единства Россіи.

Считаемъ умѣстнымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣтокъ относительно отдѣльныхъ статей, вошедшихъ въ составъ настоящаго выпуска, въ порядкѣ ихъ помѣщенія.

Гербъ, изображенный на „мапѣ царствъ Галицкаго и Володимірскаго“ въ альбомѣ рисунковъ VII выпуска, даетъ поводъ уважаемому нашему сотруднику *Я. Г.*, въ небольшой замѣткѣ, которою начинается настоящій выпускъ, затронуть вопросъ о гербахъ Червонной и Литовской Руси вообще и

Digitized by Google

коснуться нѣсколькихъ важныхъ историческихъ недоразумѣній. Изображеніе герба на „мапцѣ", очевидно, невѣрно, какъ невѣрно и то, чтобы существовало *такое* царство. По обязательному содѣйствію герольдмейстера Е. Е. Рейтерна мы получили возможность помѣстить на особомъ рисункѣ къ тексту замѣтки г. *Я. Г.* дѣйствительно вѣрные гербы Червонной Руси, изъ коихъ древнѣйшій 1313 г. находится въ Кенигсбергскомъ музеѣ, на граматѣ внука Данила Романовича Галицкаго князя Юрія къ Гросмейстеру Нѣмецкаго Ордена. Къ гербу Червонной и Литовской Руси присоединяемъ гербы отдѣльныхъ земель, входившихъ нѣкогда въ ея составъ, и настоящіе гербы губерній Люблинской и Сѣдлецкой [1]).

Въ слѣдующей за этой замѣткой статьѣ авторъ ея, членъ виленской археографической коммиссіи *С. В. Шолковичъ* принялъ на себя тяжелый и кропотливый трудъ прослѣдить главнѣйшіе моменты еще неразработаннаго у насъ граничнаго вопроса между Короной Польской и Великимъ княжествомъ Литовско-русскимъ. Помѣщаемая статья составляетъ извлеченіе изъ обширнаго изслѣдованія г. Шолковича по тому же предмету. Съ граничнымъ журналомъ 1546 года въ рукахъ, шагъ за шагомъ, авторъ обозрѣваетъ границу между Короной и Княжествомъ, отъ Подлѣсья до Каменца Подольскаго: почти повсюду ясно обозначаются захваты ляхами русскихъ земель, сопровождаемые насиліями, противъ которыхъ, при безнаказанности своевольной шляхты, не у кого было искать справедливости и защиты. Для нагляднаго обозначенія этихъ захватовъ помѣщается карта, составленная авторомъ статьи, съ показаніемъ границъ Володиміро Галицкаго княжества, лѣтописной, до Люблинской уніи, по граничному журналу 1546 году и послѣ Люблинской уніи, а также современной, (Варшавскаго Генералъ-Губернаторства).

---

[1]) Гербы эти нарисованы Худ. Леманъ.

Digitized by Google

Обходъ границъ, по спеціальности изслѣдованія, напечатанъ петитомъ.

Прославленная и возвеличенная польскими историками Люблинская унія, какъ добровольное, братское соединеніе Литвы съ Польшею, давно уже требовала безпристрастнаго изслѣдованія; въ интересахъ исторической истины нужно было освободить это событіе отъ тѣхъ вымысловъ, какими украсила его польская фантазія. Требовалось изложить дѣло, на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, такъ, какъ оно происходило въ дѣйствительности. Это отчасти уже и сдѣлано нашими историками, въ доказательство чего достаточно указать на превосходное изданіе проф. *М. О. Кояловича* „Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г.“, явившееся въ 1869 году; но въ виду важности событія и для бо́льшаго распространенія вѣрныхъ свѣдѣній о немъ среди русскаго общества, мы считаемъ необходимымъ для нашего изданія представить еще разъ достовѣрную исторію люблинскаго съѣзда 1569 г. Почтенные сотрудники наши, профес. *И. И. Малышевскій* и *М. О. Кояловичъ* въ помѣщаемыхъ здѣсь статьяхъ своихъ изложили дѣло, какъ оно было, безъ всякой утайки или предвзятой мысли. Читатель увидитъ, какую тяжкую борьбу, сколько горя и страданій должны были вынести русскіе и литвины, отстаивая на сеймѣ отдѣльность и самостоятельность своего княжества и отказываясь отъ уніи; но они должны были уступить силѣ. Въ результатѣ, Люблинская унія есть не болѣе, какъ актъ обмана и насилія.

Къ статьѣ: „Памятниковъ русской старины въ г. Люблинѣ“ приложена карта люблинской и сосѣднихъ съ нею земель Червонной Руси, составленная авторомъ статьи, глубокимъ знатокомъ мѣстной исторіи, *А. В. Лонгиновымъ*. Продолжительное изученіе топографіи Червонной Руси доставило автору возможность провести границы этихъ земель съ достаточною правильностію. Подобной карты еще не было издано.

Digitized by Google

Павлищевъ, Риттихъ, Мирковичъ, Замысловскій, Шараневичъ и др. не показывали границъ отдѣльныхъ червоннорусскихъ земель и даже западную границу Холмской Руси проводили невѣрно, именно по Вепрю, тогда какъ ее слѣдуетъ вести по Быстрицѣ. Одни Туробинскія граматы, бывшія неизвѣстными упомянутымъ ученымъ, достаточно убѣждаютъ въ этомъ.

„Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ", дѣятельности и характеристикѣ котораго посвящена статья проф. *Н. И. Петрова*, по своему происхожденію, не принадлежитъ собственно Холмщинѣ. Въ началѣ своего святительства онъ придерживался идеи соединенія восточной церкви съ западною посредствомъ уніи съ Римомъ, въ томъ чаяніи, что этотъ союзъ выведетъ православную церковь изъ безотраднаго ея состоянія, но впослѣдствіи, сознавая свое заблужденіе, святитель явился ревностнымъ и самоотверженнымъ защитникомъ православія и русской народности въ Галиціи и юго-западной Россіи. Въ альбомѣ VII выпуска мы помѣстили въ точномъ снимкѣ благословенную грамоту Гедеона Балабана, отъ 1606 г., которою онъ благословляетъ замостское православное братство при храмѣ св. Николая и утверждаетъ его правила.

Къ статьѣ прилагаемъ и портретъ сего святителя, присланный намъ изъ Онуфріевскаго монастыря, находящагося въ г. Львовѣ. Ни въ Кіевѣ, ни въ Почаевѣ, ни въ другихъ мѣстахъ, не смотря на самые усердные поиски, мы не могли достать его изображенія: всѣ портреты Гедеона Балабана были уничтожены іезуитами и поляками.

При изображеніи исторической жизни Холмской земли, гдѣ такъ недавно еще закончила свое существованіе унія, свѣдѣнія о ея началѣ и первыхъ ея сторонникахъ вполнѣ умѣстны. Въ статьяхъ О. И. Левицкаго жизнь и дѣятельность Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя изложены въ связи съ характеристикою эпохи, чтобы яснѣе представить уму чи-

Digitized by Google

тателя возникновеніе уніи, причины и поводы къ ней, условія ея провозглашенія. группировку партій и интересовъ *за* и *противъ* уніи. Внѣ этого общаго историческаго фона, личности К. Терлецкаго и И. Потѣя, сами по себѣ, не заслуживаютъ большаго вниманія, въ особенности, первый: впослѣдствіи не мало было своекорыстныхъ приверженцевъ уніи и ярыхъ гонителей православія, но въ такомъ изданіи, какъ „Памятники русской старины" для воспроизведенія отрицательной дѣятельности каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности, надобности не предстоитъ.

Добавимъ: И. Потѣй, по мѣсту рожденія, принадлежитъ Забужью: онъ родился близь г. Влодавы (въ нын. сѣдлецкой губ.).

Къ статьямъ приложены портреты, доставленные намъ изъ Кіева, и автографы обязательно сообщенные г. Директоромъ Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычковымъ. Кромѣ того, подъ портретомъ И. Потѣя помѣщенъ снимокъ съ его гербовой печати, полученный нами изъ синодальнаго уніатскаго архива.

Исторія распространенія уніи въ Подлясьѣ, въ нынѣшней Сѣдлецкой губерніи, невольно вызываетъ на память имя злѣйшаго врага православія, уніатскаго фанатика Іосафата Кунцевича. Жизнь и дѣятельность его, служившія предметомъ для многихъ сочиненій, не составляютъ цѣли статьи *Н. И. Петрова* объ этомъ лжемученикѣ, которую мы предлагаемъ въ настоящемъ выпускѣ. Чуждый холмскому краю при жизни, І. Кунцевичъ имѣетъ значеніе для него послѣ своей смерти, значеніе крайне гибельное для православнаго населенія: около 180 лѣтъ уніаты — базиліане пользовались мнимыми его мощами, какъ орудіемъ, для искорененія православія въ краѣ и для совращенія жителей въ уніатство и латинство. На эти посмертныя похожденія уніатскаго лжемученика и обращаетъ вниманіе читателей статья Н. И. Петрова.

Digitized by Google

Г. Бѣла, сѣдлецкой губ., гдѣ хранились останки І. Кунцевича, былъ, какъ извѣстно центромъ р.-католической пропаганды и въ 60-хъ гг. гнѣздомъ мятежа. Между тѣмъ, этотъ городъ и вся, окружающая его мѣстность, издавна были заселены русскимъ народомъ, исповѣдывавшимъ православную вѣру. Независимо отъ тѣхъ данныхъ по этому предмету, которыя читатель можетъ найти въ двухъ выпускахъ нашего изданія, мы можемъ представить новыя доказательства въ подкрѣпленіе нашей мысли.

Когда печатаніе VIII выпуска приближалось уже къ окончанію, мы получили отъ достоуважаемаго Я. Ѳ. Головацкаго извѣстіе о рѣдкой находкѣ, сдѣланной въ г. Бѣлѣ б. благочиннымъ и настоятелемъ мѣстной церкви о. Ливчакомъ: на чердакѣ церковнаго зданія, между всякимъ старымъ хламомъ, онъ нашелъ ветхую рукописную книжку славяно-русскаго письма, въ которой, между прочимъ, оказались современныя лѣтописныя записки мѣстныхъ русскихъ священниковъ о нашествіи и разореніи г. Бѣлы козаками Богдана Хмельницкаго, со многими подробностями о сосѣднихъ селахъ и уніатскихъ священникахъ. Къ запискамъ присоединенъ перечень лицъ, вписавшихся въ мѣстное русское братство, не только мѣщанъ г. Бѣлы, но и жителей сосѣднихъ селъ и даже шляхты. Между вписавшимися братчиками находится много фамилій, которыя, бывъ прежде православными, послѣ уніатами, наконецъ совратились въ латинство и нынѣ называются поляками. Рукопись носитъ заглавіе: „Лѣтописецъ презвитеровъ церкви св. Рождества присно Дѣвы Маріи, еже отъ коего лѣта создана бысть и яже въ ней служаще олтару святому и правоправяще слово Божіе овцамъ паствы своея“. Начало ея относится ко времени основанія церкви, къ 1582 г., и затѣмъ разными почерками записки продолжаются по 1690-й годъ, т. е. болѣе ста лѣтъ; въ помянникахъ значатся многіе роды

*

Digitized by Google

священниковъ Бѣльской церкви и другихъ приходовъ, дворянъ, мѣщанъ и сельчанъ и поминаются имена фундатора этой церкви князя Миколая Радивила и всего рода его, — очевидно, вся страна была русская. Кромѣ многихъ интереснѣйшихъ фактовъ, бѣльская лѣтопись заключаетъ въ себѣ текстъ Зборовскаго договора, замѣчательный своею полнотою и тѣмъ, что статьи договора писаны на современномъ русскомъ языкѣ, какъ ихъ сочинили и списали козаки.

Въ бѣльской лѣтописи мы видимъ новое достовѣрное указаніе на то господствующее значеніе, какое нѣкогда принадлежало русскому элементу въ этомъ краѣ. Какіе же ухищренія и обманы потребовались со стороны базиліанъ, чтобы, при помощи мнимыхъ мощей Іосафата Кунцевича, ополячить и окатоличить мѣстное русское населеніе.

Выражаемъ сожалѣніе по случаю невозможности напечатать драгоцѣнную бѣльскую рукопись въ VIII выпускѣ нашего изданія, но во всякомъ случаѣ для публики она не останется неизвѣстною.

Прилагаемый портретъ І. Кунцевича снятъ съ портрета, находящагося въ галлереѣ Виленскихъ римско-католическихъ епископовъ. Автографъ принадлежитъ издателю и жертвуется имъ въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Игуменъ Аѳанасій Филипповичъ, самоотверженный поборникъ православія въ югозападной Россіи въ первой половинѣ XVII в., открыто и смѣло всюду заявлявшій о безправномъ положеніи восточной церкви подъ польскимъ владычествомъ, предсказывавшій о гибели страны, если православная восточная церковь не будетъ „грунтовне“ успокоена и въ конецъ не искоренится унія, человѣкъ непреклонной воли, принявшій мученическую смерть за свои убѣжденія,— и рядомъ съ нимъ польскій шляхтичъ изъ Подлѣсья, самозванецъ Янъ-Фаустинъ Дмитровичъ Луба, жалкое орудіе въ рукахъ польскихъ магнатовъ, припасенное ими для мос-

Digitized by Google

ковскаго государства, на всякій случай,—эти двѣ личности, столь противоположныя между собою по своимъ нравственнымъ свойствамъ, характеру и дѣятельности, соединились въ одномъ очеркѣ нашего изданія, при чемъ изложены весьма интересные переговоры между двумя дворами, московскимъ и польскимъ, о выдачѣ жалкаго самозванца.

По благосклонному содѣйствію г. директора московскаго главнаго архива М. И. Д. барона Ѳ. А. Бюлера, авторъ статьи г. *Станкевичъ* имѣлъ возможность пользоваться многими неизданными документами изъ сего архива.

Память святаго преподобнаго мученика Аѳанасія Филипповича дорога жителямъ Холмщины, и хотя г. Брестъ, гдѣ почиваютъ его мощи, не входитъ въ холмскую область, тѣмъ не менѣе въ виду значенія этого города и дѣятельности св. Аѳанасія въ исторической жизни края, мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ помѣстить въ альбомѣ настоящаго выпуска изображеніе раки съ мощами мученика, находящейся въ брестскомъ соборномъ храмѣ св. Симеона Столпника. Прилагаемъ въ текстѣ изображеніе чудотворной иконы Купятицкой Божіей матери, передъ которой молился св. Аѳанасій, испрашивая заступничества за православныхъ, и передъ которой имѣлъ видѣнія. Икона находится нынѣ въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ; фотографическій съ нея снимокъ обязательно доставленъ намъ Григоріемъ Павловичемъ Галаганомъ.

По поводу статьи: „Послѣдній греко-уніатскій епископъ Холмской епархіи“ находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ. Непродолжительная дѣятельность епископа Михаила Куземскаго въ холмскомъ краѣ едва ли не въ первый разъ подвергается теперь печатному обсужденію. Для своей статьи авторъ пользовался несомнѣнно вѣрными матеріалами, но онъ воздерживается отъ окончательнаго мнѣнія о дѣятельности покойнаго епископа, считая это преждевременнымъ, по неимѣнію многихъ, необходимыхъ для того дан-

Digitized by Google

пыхъ. Посему было бы весьма желательно, если бы лица близко стоявшія къ епископу Куземскому и хорошо ознакомленныя съ взглядами и убѣжденіями относительно того дѣла, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ, подѣлились съ читающею публикою своими свѣдѣніями объ этой, во всякомъ случаѣ, замѣчательной личности.

Къ статьѣ „Представленіе Императору Александру II греко-уніатской депутаціи изъ Холмской Руси въ 1875 г.“, прилагаемъ, въ альбомѣ, гравированный на деревѣ снимокъ съ фотографической группы депутатовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, имѣвшихъ счастіе представляться въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру II и Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Подъ портретами депутатовъ отъ духовенства мы имѣли возможность обозначить соотвѣтствующія фамиліи, но, по недостатку свѣдѣній, не могли сдѣлать того же для двадцати депутатовъ отъ прихожанъ.

Доставленіемъ этой весьма рѣдкой фотографіи мы обязаны почтенному нашему сотруднику, законоучителю Холмской учительской семинаріи, протоіерею Н. И. Страшкевичу, перу котораго принадлежитъ въ настоящемъ выпускѣ статья: „Устная народная словесность въ Холмской и Подлясской Руси“.

Въ текстѣ этой книги читатели найдутъ также портретъ кн. В. А. Черкаскаго, снятый съ фотографіи, принадлежащей издателю, и портретъ Сплѣтскаго архіепископа М. А. Господнѣчича. Оба портрета, по статьямъ объ этихъ лицахъ, принадлежатъ къ VII выпуску.

Digitized by Google

Замѣтка къ портретамъ царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича.

Въ текстѣ настоящаго выпуска мы помѣщаемъ портреты царей Михаила Ѳедоровича (стр. 408) и Алексѣя Михайловича (стр. 258), въ царствованіе которыхъ пребывалъ въ Москвѣ Брестскій игуменъ Аѳанасій Филипповичъ, претерпѣвшій, по возвращеніи на родину, мученическую смерть отъ поляковъ за приверженность къ православію и причисленный нашею церковью къ лику святыхъ. Въ это время возникли переговоры между московскимъ и польскимъ дворами о выдачѣ самозванца Лубы, уроженца Подлясья. Этому эпизоду мы посвящаемъ особую монографію.

Не смотря на отдѣляющее насъ время отъ царствованія царя Алексѣя Михайловича, каждый русскій человѣкъ не можетъ и нынѣ, безъ чувства признательности, вспоминать о благотворной помощи, которую Царь оказывалъ православнымъ храмамъ западной Россіи, гдѣ неустанно и систематически дѣйствовала польско-іезуитская пропаганда. Въ видахъ искорененія ненавистной ей вѣры, а съ нею и русской народности, пропаганда принимала между прочимъ мѣры къ затрудненію

Digitized by Google

прихожанъ снабжать церкви богослужебными предметами и необходимыми для церковныхъ службъ книгами, такъ что во многихъ мѣстностяхъ за недостаткомъ ихъ было прекращено богослуженіе. При бѣдности и беззащитности русскаго православнаго люда внѣшняя помощь осиротѣлымъ церквамъ была въ высшей степени благотворна и необходима. Царь Алексѣй Михайловичъ, внявъ жалобамъ православнаго населенія Бѣлоруссіи и Литвы, щедрою рукою пришелъ имъ на помощь. Чрезъ боярина Хитрова, многіе города и селенія получили церковную утварь и богослужебныя книги. Изъ этихъ царскихъ даровъ не многіе сохранились донынѣ; другіе, къ вѣчной укоризнѣ угнетателей православія, при обращеніи прихожанъ въ унію, поступили отчасти въ костелы; нѣкоторые же изъ нихъ (мѣдные паникадила съ двуглавыми орлами), при отдачѣ православныхъ церквей въ аренду евреямъ, изъяты ими изъ церквей и служатъ нынѣ украшеніемъ синагогъ. Но память о царскихъ дарахъ жива еще въ народѣ; они составляютъ, б. м., исходную точку мѣръ, принятыхъ нашимъ правительствомъ къ возвращенію уніатовъ на лоно православія, — не путемъ насилія и обмана, какъ это было при совращеніи православныхъ въ уніатство, во время польскаго правительства, но мѣрами попеченія о духовныхъ нуждахъ народа, единокровнаго намъ и воспріявшаго святое крещеніе въ дни Равноапостольнаго князя Владиміра, когда о латинствѣ еще не было и рѣчи въ славянскомъ мірѣ.

Предлагаемые портреты сняты съ фотографій, сдѣланныхъ въ Москвѣ художникомъ В. В. Левицкимъ. Они составляютъ нынѣ собственность московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

По сохранившемуся въ семъ учрежденіи преданію, они принадлежали Государственному Посольскому Приказу.

Особенно замѣчателенъ портретъ царя Михаила Ѳедоровича. Это единственный (unica), дошедшій до потомства.

Digitized by Google

Царь представленъ *безъ бороды*. Написаніе его, очевидно, современно избранію на царство. Живопись итальянской школы, детали весьма тщательной отдѣлки. Съ этого портрета еще никогда не было снято копіи.

Всѣ остальные, сколько-нибудь извѣстные портреты царя Михаила Ѳедоровича (въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца, въ палатахъ бояръ Романовыхъ, въ Москвѣ, на Варваркѣ и фрескъ въ Новоспасскомъ монастырѣ), изображаютъ его *съ бородою*.

Что же касается до портрета царя Алексѣя Михайловича, то онъ также несомнѣнно современный; представленный съ *сѣдою* бородою, онъ относится къ концу его царствованія. Съ него была снята въ 1875 году фотографія въ Москвѣ, Набгольцомъ; но сдѣланная по оной литографія, приложенная къ октябрской книжкѣ журнала *Древней и Новой Россіи* того же года вышла не совсѣмъ удачною.

Подъ портретомъ царя Михаила Ѳедоровича помѣщенъ нами снимокъ съ печати его времени, приказа Большаго дворца, такъ какъ при всѣхъ изысканіяхъ нашихъ мы не могли добыть его автографа. Означенный снимокъ обязательно доставленъ издателю г. герольдмейстеромъ департамента герольдіи Е. Е. Рейтерномъ.

Подъ портретомъ царя Алексѣя Михайловича помѣщается печать, которая была приложена къ грамотѣ царя Богдану Хмельницкому на пожалованіе ему г. Гадяча, и напечатанъ снимокъ съ двухъ строкъ изъ собственноручной его приписки на его грамотѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, отъ 29 августа 7156 (1648) года, за доставленіе которыхъ издатель обязанъ Е. Е. Рейтерну и г. директору Императорской публичной библіотеки А. Ѳ. Бычкову. Приписка на грамотѣ несомнѣнно принадлежитъ царю Алексѣю Михайловичу, хотя и не имѣетъ его подписи.

Digitized by Google

Оба портрета гравированы, съ фотографіи Левицкаго, г. Вейерманомъ, въ Петербургѣ.

Относительно автографовъ московскихъ царей слѣдуетъ замѣтить вообще, что отысканіе ихъ составляетъ величайшую трудность; даже въ такой сокровищницѣ государственныхъ бумагъ, какъ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ находятся всѣ до петровскія дѣла, имѣющія отношеніе до семействъ великокняжескихъ и царскихъ, и, въ числѣ ихъ масса царскихъ писемъ, — царскихъ автографовъ нѣтъ: всѣ письма писаны дьяками.

Въ поясненіе изложеннаго обстоятельства выписываемъ изъ предисловія къ „Снимкамъ древнихъ русскихъ печатей“ слѣдующія строки:

„Въ теченіе всего продолжительнаго періода, когда Москва была постоянно царскою резиденціей, приложеніе государственной печати къ актамъ, исходящимъ отъ верховной власти, имѣло несравненно большее значеніе, чѣмъ въ иныхъ странахъ: печать замѣняла подпись царя, а дьякъ скрѣплялъ.

Согласно требованіямъ восточнаго этикета, Русскій царь, Великій князь Московскій, могъ брать въ руки лишь скипетръ или мечъ, но никогда перо. Потому-то не сохранилось ни одного автографа даже царя-грамотѣя Іоанна IV Грознаго, которому царскій титулъ былъ поднесенъ восточнымъ духовенствомъ. Остается возможнымъ предположить, что подобнаго автографа никогда и не существовало и что въ своей остроумной и тонкой полемикѣ съ іезуитомъ Поссевинымъ и княземъ Курбскимъ Іоаннъ IV, дабы не отступать отъ установленнаго обычая, прибѣгалъ къ диктовкѣ.

Къ многимъ другимъ причинамъ, повлекшимъ за собой паденіе перваго Лжедимитрія, позволительно отнести и то не-

Digitized by Google

годованіе, которое должно было испытывать неграмотное боярство, видя на престолѣ „писаку“.

Петръ Великій, лишь по возвращеніи изъ перваго своего заграничнаго путешествія, началъ подписывать акты, исходящіе отъ духовной власти“.

За доставленіе для нашего изданія портретовъ царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича и за всѣ вышеизложенныя о нихъ свѣдѣнія издатель глубоко признателенъ г. директору московскаго главнаго архива М. И. Д., барону Ѳ. А. Бюлеру, принявшему въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе.

Digitized by Google

Digitized by Google

ХОЛМСКАЯ РУСЬ

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ ВОСЬМАГО ВЫПУСКА

ПАМЯТНИКОВЪ РУССКОЙ СТАРИНЫ

ВЪ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Отъ издателя I

Нѣсколько словъ по поводу герба, помѣщеннаго на старинной картѣ Володиміро-Галицкаго царства. **Я. Г.** 1

О границахъ Польской Короны и Великаго княжества Литовско-Русскаго. **С. В. Шолковича**. 7

Краткій очеркъ состоянія Холмской Руси въ религіозномъ отношеніи со времени введенія христіанства до церковной уніи на Брестскомъ соборѣ. **Х. Х.** 81

Люблинскій съѣздъ 1569 г. **И. И. Малышевскаго**. . . 108

Присоединеніе Подлѣсья къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. **М. О. Кояловича**. 198

Замѣтка о Кормчей Люблинскаго священника Василія, писанной въ 1604 году. **А. Павлова**. 217

Памятники русской старины въ г. Люблинѣ. **А. В. Лонгинова** 229

Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ и его дѣятельность на пользу православія и русской народности въ Галиціи и юго-западномъ краѣ Россіи. **Н. И. Петрова**. . . . 261

Кириллъ Терлецкій, епископъ Луцкій и Острожскій. **Ор. И. Левицкаго**. 308

*

Digitized by Google

Ипатій Потѣй, кіевскій уніатскій митрополитъ **Его-же**. 342
Уніатскій лжемученикъ Іосафатъ Кунцевичъ и посмертное чествованіе его бывшими уніатами юго-западной и западной Россіи. **Н. И. Петрова**. 375
Игуменъ Аѳанасій Филипповичъ и шляхтичъ Янъ Луба. **А. Станкевича** 400
Объяснительный указатель словъ (къ ст. г. Станкевича). 450
Устная народная словесность въ Холмской и Подляской Руси. Прот. **Н. И. Страшкевича**. 453
Послѣдній греко-уніатскій епископъ Холмской епархіи (матеріалы для характеристики дѣятельности епископа Михаила Куземскаго). **М. И. Городецкаго**. 504
О представленіи Императору Александру II уніатской депутаціи изъ Холмской Руси въ 1875 г. 531
Алфавитный указатель личныхъ именъ въ VII в. „пам. р. ст. въ зап. губ.“ 543
Алфавитный указатель личныхъ именъ къ VIII в. „пам. р. ст. въ зап. губ.“ 557

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Гербы 1
II. Карта границы Короны Польской и Великаго княжества Литовско-русскаго съ древнѣйшихъ временъ до Люблинской уніи. 80
III. Карта границы люблинской земли въ половинѣ XIII в.
IV. Портретъ **Царя Алексѣя Михайловича** 259
V. Портретъ **Гедеона Балабана**, енископа Львовскагона 260
VI. Портретъ **Кириллы Терлецкаго**, епископа Луцкаго и Острожскаго 308
VII. Портретъ **Ипатія Потѣя**, Кіевскаго уніатскаго митрополита. 343

Digitized by Google

VIII. Портретъ **Іосафата Кунцевича**, уніатскаго лжемученика 375
IX. Его автографъ 381
X. Крестъ съ изображеніемъ Купятицкой Божіей Матери 406
XI. Портретъ Царя **Михаила Ѳедоровича** 408
XII. Портретъ **князя Черкаскаго** 507
XIII. Портретъ **Марка-Антонія Господнѣчича**, Сплѣтскаго архіепископа, относится къ VII выпуску „Памятниковъ“ 563

Digitized by Google

Digitized by Google

Point de rêveries, messieurs, point de rêveries.

(Варшава, Май 1856).

Il y a des rêveries qui font mourir.

(M-me de Sévigné à M-me de Grignan).

...Смотри, о сынъ иноплеменный,
Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны
Почти ихъ гробъ святой!

К. Батюшковъ.

Здѣсь Русскій духъ..... здѣсь Русью пахнетъ!

А. Пушкинъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

АВСТРО-ВЕНГЕРСКІЙ ГЕРБЪ

ЛОДОМЕРІИ И ГАЛИЦІИ

ГЕРБЪ МАППЫ

ВОЛОДИМІРО ГАЛИЦКАГО ЦАРСТВА

1772 г.

ВОЛОДИМІРО-ГАЛИЦКОЙ ЗЕМЛИ

ГЕРБЪ ЛИТОВСКОЙ РУСИ

1313

ГЕРБЪ ЧЕРВОННОЙ РУСИ

Domini GEORGI REGIS RUSSIAE

ГЕРБЫ ЗЕМЕЛЬ

1388 г.

ЛИТОВСКОЙ

ЛЬВОВСКОЙ

ПЕРЕМЫШЛЬСКОЙ

ГАЛИЦКОЙ

ХОЛМСКОЙ

БѢЛЗСКОЙ

ГЕРБЫ ГУБЕРНІЙ

1869 г.

ЛЮБЛИНСКОЙ

СѢДЛЕЦКОЙ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Нѣсколько словъ по поводу герба, [1]) помѣщеннаго на старинной картѣ Володиміро-Галицкаго царства.

Вопросъ о гербѣ, изображенномъ на „Маппѣ царствъ Галицкаго и Володимірскаго", заставилъ меня призадуматься и порыться въ книгахъ. Этотъ вопросъ не такъ легко разрѣшить; между тѣмъ онъ очень важенъ, такъ какъ съ нимъ связанъ вопросъ о правахъ Австро-Венгріи на Галицко-Перемышльскую или Червенскую Русь. Послѣ занятія Галиціи Австріей, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, было много писано на нѣмецкомъ, латинскомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ объ этихъ правахъ. Нѣмцы и поляки съ жаромъ спорили о чужой собственности, но къ удивленію, въ русской литературѣ никто не коснулся этого вопроса, и до сихъ поръ никто не разработалъ этой части исторіи, столь близко касающейся не малой части русской земли—достоянія св. равноапостольнаго Владиміра, добытаго его мечемъ, просвѣщеннаго имъ же святымъ крещеніемъ и населеннаго русскимъ племенемъ. Трудно понять, какъ русскіе государственные люди XVIII вѣка могли признать права Венгерской короны на русскія земли, которыми впродолженіе почти *пяти столѣтій* законно владѣли Рюриковичи, на томъ шаткомъ основаніи, что Коломану удалось врасплохъ занять Галичь и посидѣть на его тронѣ *пять* лѣтъ! Непонятно, какъ впродолженіе ста слиш-

[1]) Смотри VII вып. изд. „Памятники" стр. 320–322.

Digitized by Google

комъ лѣтъ, не смотря на иногда весьма натянутыя отношенія сосѣдняго государства, даже враждебныя выходки Австріи, никогда не поднимался вопросъ о границахъ. Желательно было бы, чтобы кто нибудь изъ русскихъ историковъ разслѣдовалъ и разъяснилъ этотъ вопросъ [1]).

Но возвратимся къ гербу Галиціи, изображенному на маппѣ. Вышеупомянутый гербъ не соотвѣтствуетъ ни гербу древнихъ Галицко-Владимірскихъ княжествъ, ни позднѣйшему гербу польскаго воеводства Червонной Руси (Russia rubra [2]), наконецъ онъ имѣетъ мало сходства съ нынѣшнимъ гербомъ созданнаго въ 1772 г. австрійцами королевства Галиціи и Лодомеріи. Вообще этотъ предметъ не былъ подвергаемъ критическому разслѣдованію и поэтому не ясенъ. Древнѣйшій гербъ на печатяхъ при грамотахъ Галицко-Владимірскихъ князей съ нѣмецкимъ орденомъ съ 1316—1335 г. изображаетъ всадника со щитомъ и копьемъ въ рукѣ, на другой сторонѣ изображенъ левъ, вѣроятно, гербъ Галицкой Руси, а всадникъ—Владимірско-Луцкаго княжества. Впослѣдствіи употреблялся гербъ всадника для всего Литовско-Русскаго вел. княжества. Галицкая Русь, съ землями Львовскую, Перемышльскою, Саноцкою, Самборскою, Галичскою, Белзскимъ воеводствомъ и Покутьемъ называлась Червонною Русью (Russia rubra) и имѣла въ гербѣ: на голубомъ фонѣ золотой левъ, передними лапами опершійся на скалу. Въ частности различались въ Червонной Руси земли съ особыми гербами: 1) Львовская земля употребляла тотъ же гербъ, что и воеводство Русское или Червонная Русь, 2) Перемышльская земля имѣла гербъ: двуглавый орелъ съ одной короною на голубомъ фонѣ, вѣроятно это былъ гербъ древняго Перемышльскаго княжества [3]); 3) Галицкая земля имѣла

---

[1]) Мартенсъ обнародовалъ только нѣкоторые документы, касающіеся пріобрѣтенія Австріей Галиціи.

[2]) Снимки съ двухъ гербовъ Червонной Руси, обязательно доставленные издателю г. управляющимъ гербовымъ отдѣленіемъ департамента герольдіи, помѣщены въ альбомѣ рисунковъ настоящаго выпуска. Въ первый разъ гербъ Червонной Руси встрѣчается въ 1388 г. на печати польскаго короля Ягелло, затѣмъ и на другихъ печатяхъ польскихъ королей. Гербъ изображалъ льва въ лазоревомъ щитѣ, а съ половины XVIII стол. этого льва изображали въ коронѣ, взлѣзающимъ на скалу. Въ такомъ же видѣ гербъ встрѣчается на печатяхъ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго. *Ред.*

[3]) Страппо, что Черниговское воеводство получило такой же гербъ, чернаго двуглаваго орла подъ одной короной.

Digitized by Google

гербъ: на бѣломъ фонѣ черная галка въ золотой коронѣ съ распростертыми крыльями; 4) Холмская земля имѣла гербъ: бѣлый медвѣдь между тремя зелеными деревьями на зеленомъ фонѣ. Гербъ Белзскаго воеводства: на красномъ фонѣ бѣлый грифъ или крылатый левъ въ коронѣ, съ поднятыми вверхъ крыльями и передними лапами.

Австрійцы, завладѣвъ Червонною Русью, завѣдомо-избѣгали щекотливаго для нихъ названія *Руси* и ея герба, такъ какъ *Червонная Русь* (Russia rubra) могла напоминать о своемъ существованіи обладателямъ и Самодержцамъ Великой, Малой, Бѣлой и Черной, другими словами всея Руси—и по этому признали лучше придумать названіе Галиціи и Лодомеріи съ новымъ гербомъ. Австро-Венгерскій историкъ Энгель съ ужасомъ вспоминаетъ объ универсалѣ генерала Тутолмина отъ 18-го іюля 1795 г. о занятіи Россіей Холма, Белза и Луцка, и что Тутолминъ прямо заявляетъ, что эти земли издревле принадлежали Русскому государству. По этому поводу Энгель пишетъ: „Wer erschrickt nicht darüber, wenn der Russische General Tutolmin durch ein eigenes Universale vom 18 Juli 1795 über die Besitznehmung von Chelm, Belz und Luzk erklärt, dies wären Bestandtheile des alten Russischen Reiches und hier hätten sich auch vor Alters die Gränzen des Russischen Reichs und Galiziens geschieden [1]). Wer erschrickt nicht, wenn er Herrn Hupel [2]) in den Worten... aus dieser willkührlich von Cromer (?) erfundenen Benennung (Rothrussland) den Schluss auf die *billig zu geschehene Einverleibung von Galizien in die Russische Reichsmasse* ziehen sieht? Wie wenn es dem Russischen Cabinet einfiele, zu behaupten, *dass Galizien eigentlich eine Russische Provinz sei*, weil ehe dem daselbst Verwandte und Nachkommen der Kiewer Grossfürsten geherrscht haben? Vergebens würde man fragen, was der Zaar von Moskau und der Russische Kaiser in Petersburg aus dem Hause Romanow für Ansprüche auf jenes machen könne, was einst ein Grossfürst von Kiew, oder dessen Verwandten aus dem Stamme Wladimir besessen haben. Vergebens würde man gegen die

---

[1]) Мартенсъ почему-то не напечаталъ этого замѣчательнаго универсала, приведшаго въ такое смятеніе австрійцевъ.

[2]) Huppel Versuch der Staatverfassung des Russischen Reiches, Riga 1793. II, стр. 386. Въ то время остзейскіе нѣмцы еще не были зачумлены маніей пангерманизма и Гуппель, какъ вѣрный подданный Россіи, отстаивалъ права своего отечества.

Digitized by Google

ausgeübte Kiewische Oberherrschaft, ihre öftere Unmacht, die Eintrettung Ungrischer Schutzherrlichkeit, und die Unterdrückung Kiews durch die Mongolen, und so manches andere aus der Geschichte einwenden; *die Russische Übermacht wüsste alsdann wol alle Scheingründe mit dem Canonen-und Bajoneten-Rechte geltend zu machen* [1]).

По этимъ причинамъ, кажется, австрійцы предпочли названіе Галиціи (напоминающей испанскую провинцію) и какую-то Любомерію или Лодомерію, съ особыми гербами, не выставляя ни Червоннорусскаго льва, ни Перемышльскаго орла съ двумя головами.— Въ нынѣшнее время въ Австріи употребляются слѣдующіе гербы, для Галиціи: щитъ голубаго цвѣта съ королевскою короною, раздвоенный узкой красной полоской на двѣ половины. На верхней половинѣ стоитъ черная галка съ короной, на нижней же половинѣ три золотыя открытыя короны, двѣ рядомъ, а третья на верху надъ ними. Что касается до австрійской Лодомеріи, то графъ Куропатницкій еще въ прошломъ столѣтіи замѣтилъ, что для этого воображаемаго королевства австрійцы не съумѣли даже опредѣлить главнаго города (столицы), ни найти физическихъ и моральныхъ границъ, раздѣляющихъ его отъ Галиціи [2]). Тѣмъ не менѣе они придумали для своей Лодомеріи гербъ, т. е. голубой щитъ, раздѣленный двумя красными полосами, между которыми чередуется шесть серебрянныхъ и красныхъ четыреугольниковъ. Гербъ на Маппѣ немножко похожъ на нынѣшній, но не-вполнѣ. По всей вѣроятности, это гербъ изобрѣтенія мадьярскаго; Венгерская корона присвоивала себѣ не разъ какое-то право на эти искони русскія земли, будто-бы подчиненныя венгерскимъ королямъ. Впродолженіе вѣковъ, конечно, случались событія, вызывавшія вмѣшательство сосѣдей мадьярскихъ королей, напр. Андрея и Коломана въ дѣла Галицко-Владимірскаго княжества. Королямъ удавалось нечаянно завладѣвать землей, но владѣніе венгерцевъ въ Галичинѣ было непродолжительно. Король Андрей захватилъ Галичъ, но вскорѣ князья черниговскіе прогнали его оттуда; Коломанъ

---

[1]) См. I. E. v. Engel Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Cosaken, wie auch der Königreiche Halitsch und Wladimir, Halle 1796, стр. 406.

[2]) Lodomeryi zaś geografia i historya iak dawna ciemna, tak i teraz nie iasna; albowiem nie masz nawet Lodomeryi krolewstwa stolicy, ani od Galicyi oddzialu, ani fizycznego, ani moralnego. См. Geografia albo dokładne opisanie Królewstw Galicyi i Lodomeryi (Ewarysta gr. Kuropatnickiego), w Przemyślu, 1787.

Digitized by Google

вторично занялъ Галичину и даже будто короновался въ Галичѣ, но не больше пяти лѣтъ сидѣлъ на тронѣ, оберегаемый своими войсками; а послѣ прогнанный княземъ новгородскимъ Мстиславомъ Удалымъ, долженъ былъ лишиться трона въ пользу законнаго наслѣдника Романова кн. Даніила. Тѣмъ неменѣе мадьяры внесли титулъ rex Galiciae et Lodomeriae въ титулъ своихъ королей и, не забывая о своихъ претензіяхъ на случайно захваченныя и присваиваемыя ими русскія земли, до сихъ поръ знаменоносцы, при коронаціи венгерскихъ королей, съ торжествомъ выносятъ флаги съ гербами Галицкаго и Владимірскаго королевствъ, на ряду съ флагами Сербіи, Босніи, Расціи, Валахіи и др. (въ воображеніи мадьяръ) вассальныхъ земель. Когда только начались переговоры о раздѣлѣ Польши, Австрія первая поспѣшила занять своими войсками прежде (1771 г.) Спижское княжество, а послѣ (1772 г.) и Галицію или воеводства Русское и Белзское, а также части воеводствъ Подольскаго, Судомірскаго и Краковскаго, съ княжествами Заторскимъ и Освѣтимскимъ. Вслѣдъ затѣмъ издана была книжечка на нѣмецкомъ, латинскомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ въ видѣ манифеста [1]), въ которомъ австрійскіе историки и дипломаты пытались доказать свои будто-бы *ревиндикаціи*, какъ обыкновенно выражались въ оффиціальныхъ актахъ Венгерской короны, но эти доказательства столь шатки и неосновательны, что самые австрійцы перестали на нихъ ссылаться и прямо основываютъ свои права на конвенціи съ 1772 г. и на постановленіи вѣнскаго конгресса съ 1815 г.

Такимъ образомъ гербъ, изображенный на Маппѣ, нельзя считать ни гербомъ древнихъ русскихъ княжествъ, ни гербомъ польской области, называемой Червонной Русью, ни наконецъ нынѣшняго королевства Галиціи и Лодомеріи, и по этому онъ не имѣетъ

---

[1]) См. Exposé préliminaire des droits de la couronne de Hongrie sur la Russie Rouge et sur la Podolie, ainsi que de ceux de la couronne de la Bohème sur les duchés d'Oswiecim et de Zator, à Vienne chez I. Th. de Trattern imprimeur et libraire de la cour 1772 (4).—Тоже см. Odpowiedź na Wykład poprzedzaiący praw korony Węgierskiey do Rusi Czerwoney y Podola, tak iako Korony Czeskiey do xięstw Oświecimskiego i Zatorskiego (s. l.) 1773, тоже на франц. языкѣ: Réponse à la exposé préliminaire de droits de la couronne de Hongrie sur la Russie Rouge et sur la Podolie 1773 (4). Въ этомъ историческомъ изслѣдованіи разительнымъ способомъ опровергаются всѣ мнимыя права Венгріи на обладаніе Галицкой или Червонной Руси, присвоивая такія же права польской коронѣ.

Digitized by Google

никакого историческаго значенія. По всему вѣроятію, это должно быть гербъ, который усвоили себѣ венгерцы для торжества коронаціи своихъ королей. О такихъ манифестаціяхъ пишется въ описаніяхъ венгерскихъ коронацій; напр. у Ковачича (Solennia inaugu-ralia regum periodi tertiae autore Kovachich), Pestini 1790, а Тимонъ въ своей исторіи: Timonis et Belii Jmago Hungariae novae, посвятилъ цѣлую главу (XIII-ю) вопросу: De regnis Galliciae et Lodomeriae. Тоже самое мадьяры манифестовали на коронаціонныхъ медаляхъ, напр. коронаціи Матѳея II съ 1608 г., гдѣ двѣ короны на красномъ фонѣ изображаютъ подъ буквою G Галицію, а серебряно-красные квадратики съ буквою L Лодомерію [1]).

Послѣ обнародованія столь многихъ историческихъ памятниковъ и документовъ, слѣдовало бы со строгою критикой изслѣдовать весь вопросъ, начиная напр. со времени обозначеннаго въ Лаврентьевской лѣтописи (980 г.) словами: „Иде Володимеръ къ ляхомъ и зая грады ихъ *Перемышль*, *Червенъ и ины грады*, иже суть и до сего дне *подъ Русью*“, а даже и раньше того, когда князь Олегъ, въ 907 году, шедши на грековъ „поя множьство варягъ и словѣнъ... *и Деревляны... и Хорваты, и Дулѣбы и Тиверцы*“. Явное и исторически незыблемое доказательство, что нынѣшняя Галичина, Волынь, Подоль и Бессарабія, гдѣ жили помянутыя племена, были подвластны русскому князю Олегу. По этому надлежало бы обнаружить, какія сношенія происходили между Прикарпатской Русью и сосѣдними народами, изслѣдовать всю суть и характеръ ихъ обоюднаго вліянія, ихъ политическихъ взаимодѣйствій и столкновеній, изъ которыхъ вышло какое-то право—jure caduco—и завладѣніе поляками Червонной Русью, а въ 1772 г. опять обнаружилось какое-то наслѣдственное право Венгерской короны на Галицію и Лодомерію и послѣдовало безъ боя завладѣніе Прикарпатской Руси Австріей. Оставя неприкосновенными международные трактаты и договоры, задачей исторіи будетъ *теоретически* провѣрить историческіе факты, взвѣсить ихъ цѣнность и значеніе и окончательно разъяснить цѣлый рядъ историческихъ недоумѣній и спорныхъ вопросовъ.

Я. Г.

---

[1]) См. Jahrgang der Anzeigen der kais. Kön. Erbländer 1774.

Digitized by Google

О границахъ Польской короны и Великаго княжества Литовско-Русскаго.

Измѣненіе государственныхъ границъ всегда указываетъ на какія-либо важныя политическія событія, имѣвшія неотразимое вліяніе на судьбы извѣстнаго народа, или государства. Разширеніе ихъ служитъ символомъ величія, славы, торжества или побѣды; уменьшеніе—символомъ уничиженія, паденія и порабощенія. Въ нихъ бьется до извѣстной степени пульсъ государственной международной жизни съ его здоровыми и болѣзненными симптомами; въ нихъ отражаются воззрѣнія извѣстной исторической эпохи на начала человѣческой справедливости. И благо тому народу или государству, который зиждетъ ихъ не на своекорыстномъ разсчетѣ или порабощеніи, а на началахъ племенныхъ, на началахъ высшей справедливости и государственнаго порядка. Судьбы народовъ, призванныхъ провидѣніемъ быть двигателями человѣчества, могутъ подвергаться въ своемъ поступательномъ движеніи задержкамъ и болѣе или менѣе тяжелымъ испытаніямъ, но не могутъ зависѣть отъ своекорыстныхъ разсчетовъ ни отдѣльныхъ лицъ, ни народовъ. Многострадальная Русь, въ исторіи своихъ злополучныхъ западныхъ и юго-западныхъ окраинъ, по крайней мѣрѣ для своихъ гражданъ, имѣетъ самыя краснорѣчивыя и неоспоримыя доказательства истинности такого положенія.

Мы приняли на себя трудъ прослѣдить главнѣйшіе моменты *граничнаго вопроса между Короной Польской и Великимъ княжествомъ*

Digitized by Google

Литовско-русскимъ, — трудъ утомительный и тяжелый, по отсутствію строгихъ историческихъ данныхъ и подготовительныхъ работъ. Польскіе историки сдѣлали по этому предмету довольно многое, но имъ нельзя вѣрить, потому что они игнорируютъ русскія лѣтописи и несогласны съ историко-юридическими документами, изданными въ позднѣйшее время; русскіе историки занимались разработкой или древнѣйшаго періода начальной лѣтописи, или же вопросовъ болѣе важныхъ—политическихъ, бытовыхъ и религіозныхъ, а на граничный вопросъ смотрѣли какъ на второстепенный; историки галицкіе сдѣлали по этому предмету больше, но они мало касаются самаго животрепещущаго времени, т. е. Ягеллоновъ. Намъ пришлось пользоваться по преимуществу *актами*, но не тѣми, которые должны заключать въ себѣ спеціальное межеваніе, а тѣми, которые были изданы въ свѣтъ разными учеными обществами и лицами, въ видѣ актовъ историческихъ и юридическихъ. Изъ нихъ наибольшее значеніе имѣютъ 2 граничныхъ журнала 1546 года, напечатанныхъ въ собраніи граничныхъ документовъ *Догеля*. *Volumina Legum* говорятъ только о граничныхъ коммиссіяхъ, или вовсе несобиравшихся, или неимѣвшихъ конца, или же о сеймахъ, откладывавшихъ разсмотрѣніе граничныхъ документовъ отъ одного собранія до другаго, или же о передачѣ этого дѣла воеводскимъ и уѣзднымъ властямъ; изъ нихъ нельзя узнать ничего опредѣленнаго, потому что польское государственное право никогда не признавало русской собственности; *собраніе дипломатовъ Варшевицкаго* не всегда пользуется достовѣрными источниками; *Skarbiec Даниловича*, указывая на самые незначительные документы изъ исторіи крестоносцевъ, умалчиваетъ о документахъ граничныхъ между короной и Литвою; въ такомъ же родѣ и *собраніе дипломатовъ Рачинскаго, Бартошевича и др.* Мы пользовались крохами... А въ Литовскихъ метрикахъ граничные документы спятъ сномъ силы и покоя; спитъ и 3-я книга, носящая названіе: *„то суть книги, кому король* (Ягелло) *именья роздалъ* (т. е. полякамъ на Литвѣ и Руси). Вотъ источники, которыми мы пользовались при разработкѣ *граничнаго вопроса*; вслѣдствіе этого и изслѣдованіе свое мы считаемъ далеко неполнымъ.

Изучая подробности, касающіяся этого важнаго дѣла, мы пришли къ заключенію, что для болѣе успѣшной его разработки слѣдуетъ

Digitized by Google

воспользоваться не только юридическими документами и постановленіями Volumina Legum, но и указаніями исторіи.

Юридическіе документы—это безспорные и иногда весьма краснорѣчивые факты; но историческія указанія—это освѣщеніе этихъ фактовъ со стороны ближайшихъ ихъ мотивовъ, истинныхъ побужденій и цѣлей.

И такъ будемъ справедливы къ нашимъ предкамъ и прежде всего разсмотримъ ихъ древнѣйшіе рубежи и межи, которые они прокладывали для насъ, своихъ потомковъ, укрѣпляя ихъ городами и городищами, около которыхъ не лѣнились рыть рвы и насыпать каменные копцы среди болотъ и трясинъ; здѣсь они могучей рукой бросали сѣмена древнѣйшей русской гражданственности; здѣсь же, на этихъ межахъ и рубежахъ, до сихъ поръ еще покоится наша этнографическая граница, не смотря на много вѣковую борьбу, продолжающуюся и до сего дня. Потомъ отмѣтимъ границы даровитыхъ потомковъ Мономаха во времена Галицко-Володимерскаго княженія. Наконецъ укажемъ на главнѣйшіе моменты политической и національной борьбы Литовско-русскаго княжества съ Польшей, обусловливавшихъ собой состояніе его территоріи во времена Ягеллоновъ.

Граничные журналы двухъ коммиссій во времена Сигизмунда Августа фактически покажутъ, что сохранила еще Русь и что потеряла наканунѣ окончательнаго подчиненія Польшѣ.

Выводовъ и заключеній мы не будемъ дѣлать: пусть лучше говорятъ о себѣ нѣмыя урочища.

Такимъ образомъ наше изслѣдованіе распадется на слѣдующія части:

1) Очертаніе древнѣйшаго русско-лядскаго рубежа въ періодъ начальной лѣтописи и Галицко-володимерскаго княженія;

2) Очертаніе Литовско-русскаго рубежа съ Короной до Люблинской уніи;

3) Граничный журналъ 1546 года между Короной и в. кн. Литовско-русскимъ, какъ приблизительное доказательство этого древне-русскаго рубежа, и

4) Границы Короны и Княжества послѣ Люблинской уніи.

Digitized by Google

I.

Повѣсти временныхъ лѣтъ указываютъ на огромную европейскую равнину, какъ на мѣсто древнѣйшаго поселенія славянъ, положившихъ въ IX ст. начало государственной жизни Руси и Польши. Эта равнина начиналась съ карпатскихъ горъ и обнимала бассейны Одры, Вислы, Западнаго Буга, верхняго теченія Нѣмана, Западной Двины, шла на сѣверъ въ озерную область, потомъ спускалась на юго-востокъ въ верхнюю область Волги, затѣмъ на югъ въ бассейнъ Припети, Днѣпра, потомъ поворачивала на ю.-з. въ бассейны В. Буга, Днѣстра, Прута, Середа, Дуная, наконецъ снова принимая горный характеръ, поворачивала на с.-в. и оканчивалась на горахъ у истоковъ Вислы. На этой же равнинѣ въ области средняго и нижняго Нѣмана, Нарева, Бобра и Западной Двины пріютились и разныя мелкія родственныя славянамъ леттскія племена, принимавшія болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ историческихъ судьбахъ Руси и Польши.

Отмѣтимъ здѣсь древнѣйшія поселенія этихъ племенъ, входившихъ въ послѣдствіи въ составъ Польши и в. кн. Литовско-русскаго; они имѣютъ весьма важное значеніе для опредѣленія этнографическихъ границъ, бывшихъ въ періодъ образованія этихъ государствъ и границами государственными.

Племена лядскія занимали область Одры, Варты и Вислы на сѣверъ до Варяжскаго моря; здѣсь на востокѣ они граничили съ Пруссами. Между этими племенами лѣтопись называетъ Лутичей, Поморянъ, Мазовшанъ и Полянъ. Древнѣйшіе города ихъ были Глогова, Гнѣзно и Краковъ.

Къ востоку и юго-востоку отъ нихъ жили *Волыняне, или Бужане, Дулѣбы и Хорваты*, а еще южнѣе ихъ *Тиверцы* и *Улучи*. Послѣдніе рано были затерты кочевниками въ низовьяхъ В. Буга, Днѣстра и Дуная и слились частію съ Хорватами, частію съ Дулѣбами и Волынянами. Такимъ образомъ, кореннымъ сосѣдями Ляховъ на в. и ю.-в. остались Волыняне или Бужане, Дулѣбы и Хорваты. Опредѣленіе границъ этихъ племенъ съ племенами лядскими имѣетъ очень важный народно-русскій интересъ съ одной стороны

Digitized by Google

потому, что племена Дулѣбовъ принимали такое же дѣятельное участіе въ образованіи русскаго государства, какъ и племена славянъ новгородскихъ, кривскихъ и кіевскихъ; съ другой же стороны потому, что они выносили и теперь выносятъ на своихъ плечахъ всю тяжесть многовѣковой борьбы съ племенами лядскими за начала русскія. Но объ нихъ мы будемъ говорить послѣ. Поселенія *Хорватовъ* начинались у вислинскаго Вислока, шли по Саноцкому Вислоку и Сану до ю.-в. части Вислинскаго бассейна. Здѣсь они соединялись съ поселеніями *Бужанъ или Волынянъ*. Далѣе по теченію верхняго Вѣпря и З. Буга, и именно, по притокамъ его *Распѣ*, *Солокамъ*, *Гучвѣ*, *Угеру* и *Володавѣ*, шли поселенія Бужанъ до рѣки Володавы; за тѣмъ Бужане сходились съ племенемъ *Дреговичей*, сосѣдя на западѣ съ племенемъ лядскимъ Мазовшанами, а на сѣверѣ съ *Ятвягами*.

Ятвяги жили между собственно Русью, Червенскими городами и ляхами съ одной стороны и между Литвой — съ другой, между старославянскими поселеніями въ области Нѣмана, Припети и З. Буга и старо-литовскими по правую сторону Нѣмана, въ области Виліи. Они занимали весьма важный стратегическій пунктъ въ сношеніяхъ кіевскаго княжества съ Побужьемъ и Поднѣстровьемъ и потому въ первыя же времена образованія русскаго государства вызвали цѣлый рядъ энергическихъ походовъ Владиміра св., Ярослава и ихъ потомковъ. Эти походы отодвинули ихъ на сѣверо-западъ въ область Нарева и Бобра, гдѣ Ятвяги окончательно погибли подъ ударами князей галицкихъ, литовскихъ и отчасти мазовецкихъ. Мѣста ихъ скоро были заняты племенами *Дреговичей*, *Бужанъ* и *Кривичей*, спѣшившихъ заселить Понѣманье и область З. Буга. Здѣсь они продолжали свою колонизаціонную работу далѣе на западъ по рр. Нареву и Бобру, вступивши въ непосредственное сосѣдство съ Мазовшанами, Пруссами и Литвой. Дреговичи входили въ составъ кіевскаго княженія, а часть Кривичей рано образовала самостоятельное княжество Полоцкое, которое мало принимало участія въ общей судьбѣ русскаго государства, потому что, сосѣдя съ инородцами, имѣло много своей колонизаціонной работы.

На западѣ отъ Кривичей жила Литва. Она занимала пространство по Нѣману отъ устьевъ Дубиссы до верховьевъ Бобра и главнымъ образомъ по правымъ притокамъ Виліи и Меречанки, примыкая на с.-з. къ Жмуди у р. Невѣжи, на з. къ Мазовецкимъ вла-

Digitized by Google

дѣніямъ, на югъ и ю.-в. къ Ятвягамъ, а на в. только къ племенамъ славянскимъ.

Въ такихъ мѣстахъ застаетъ древняя лѣтопись племена лядскія и русско-литовскія.

Въ концѣ IX столѣтія славянскія племена выступаютъ на сцену исторической дѣятельности; она запечатлѣна героизмомъ и замѣчательной энергіей въ собираніи и устроеніи земель. Изъ сумерекъ баснословнаго времени выступаютъ два ясно опредѣляющіеся центра новой государственной жизни съ ихъ врагами внѣшними и внутренними. Русь собирается около Кіева и дробится на удѣлы съ многочисленными князьями и дружиной; но въ сознаніи народномъ выше всѣхъ стоитъ *Володиміръ-Красное Солнышко*. Среди племенъ лядскихъ тоже возникаютъ два центра государственной жизни—Гнѣзно и Краковъ съ не менѣе популярнымъ въ польской исторіи Болеславомъ Храбрымъ или Великимъ. Съ этого времени ясно очерчиваются и ихъ историческія роли въ судьбахъ славянства. Русь на востокѣ и югѣ вступаетъ въ борьбу съ кочевниками, на западѣ—съ племенами лядскими; племена лядскія не выдерживаютъ перваго напора племенъ нѣмецкихъ, принимаютъ ихъ въ свои города, уступаютъ имъ цѣлыя провинціи и всю свою энергію направляютъ на русскій востокъ. Такимъ образомъ на лядско-русской границѣ сосредоточивается тысячелѣтняя борьба русской замозащиты и лядскаго порабощенія.

Настаетъ XI вѣкъ. Раздробленная на удѣлы Русь много теряетъ народныхъ силъ въ междоусобной войнѣ; но эта удѣльная система приноситъ и извѣстную долю пользы въ развитіи городовъ, національнаго сознанія и новыхъ государственныхъ началъ, ибо князья, многочисленная дружина и духовенство были просвѣщеннѣе народа. Эти новыя начала тѣмъ прочнѣе прививаются къ народной жизни, что не уничтожаютъ началъ общинныхъ, глубоко проникшихъ въ славяно-русскую природу. Въ такомъ же направленіи идетъ историческая жизнь въ XII и XIII столѣтіяхъ до нашествія монголовъ. Монголы производятъ роковое вліяніе на весь политическій строй русской жизни.

Но обратимъ вниманіе на Польшу. Въ XI ст. и она съ необыкновенной энергіей выступила на поприще государственнаго развитія. Возникаютъ двѣ Польши—Великая съ Гнѣзномъ во главѣ и Малая съ Краковомъ. На сцену политической жизни появля-

Digitized by Google

ются сословныя начала—эти нервы общественнаго организма; мы видимъ скудные города съ нѣмецко-жидовскимъ населеніемъ, стонущіе подъ гнетомъ военныхъ повинностей; видимъ несчастныхъ „кметовъ", уже обрекаемыхъ на жертву матеріальнаго и духовнаго убожества; видимъ духовенство, чутко прислушивающееся къ велѣніямъ своего римскаго вождя; видимъ наконецъ шляхтича рыцаря. Онъ не достигъ еще безграничной свободы и долженъ дѣлиться своимъ значеніемъ и вліяніемъ съ помѣщикомъ—епископомъ, который со второй половины этого столѣтія начинаетъ уже распоряжаться страной. Что пользы, что при Болеславѣ II неугомонный прелатъ заплатилъ за свою дерзость жизнью? Наступившая послѣ этого эпоха XII и XIII ст. совмѣстила въ себѣ всѣ элементы глубокаго паденія Польши. Королевская власть теряетъ свое значеніе и силу; шляхетство, подъ вліяніемъ феодализма, добивается не только вотчинныхъ правъ въ государственныхъ земляхъ, но и участія въ державномъ правленіи страной; духовенство оспариваетъ первенство у шляхетства, вездѣ междоусобія, вездѣ хаосъ отъ соперничества двухъ Польшъ, и общество принимаетъ видъ палачей и жертвъ. Корона дѣлается игрушкой. Чтобы получить её законному наслѣднику, нужно прибѣгать къ содѣйствію чужеземца, будь онъ *Куманъ*, или оперяющійся *Литовецъ* или недобитый *Ятвягъ*. А сосѣди Польши въ это время мужаютъ... Но вотъ на востокѣ Руси появляются монголы, и Польша спасена [1]).

Такимъ образомъ нѣмецъ съ запада, монголъ съ востока въ одинаковой мѣрѣ несли гибель Руси. Монголъ разорилъ ея города, унизилъ ея честь, попралъ ея свободу; нѣмецъ нагналъ на нее западныхъ сосѣдей: полякъ и литвинъ съ одинаковой энергіей и ожесточеніемъ стали дѣлить чужое наслѣдство.

Отступленіе, сдѣланное нами отъ главнаго предмета, имѣло въ виду уясненіе тѣхъ историчеекихъ условій, при которыхъ совершалась зиждительная государственная дѣятельность ю.-з. Руси въ періодъ начальной лѣтописи. Она развивалась безостановочно потому, что не имѣла опасныхъ враговъ на западной границѣ. Теперь обозначимъ эти границы Руси съ племенами лядскими. Въ періодъ древнѣйшаго заселенія страны, славяно-русскія племена имѣли свои межи, обозначившія земельное владѣніе каждаго

[1]) Трачевскій, польское безкоролевье, стр. VIII и сл.

Digitized by Google

племени въ отдѣльности. Они долгое время сохранялись между ними и послѣ подчиненія центральной власти. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что съ развитіемъ національнаго самопознанія граничные знаки должны были получить опредѣленное національно-государственное значеніе при встрѣчѣ Руси съ племенами чуждыми и враждебными. Такими племенами на западѣ были попреимуществу племена лядскія. Терминовъ, обозначающихъ международныя границы, лѣтопись представляетъ значительное количество. Таковы были: *межи, рубежи, предѣлы, грани, тверди*. Также разнообразны были и топографическія названія мѣстностей, несшихъ сторожевую пограничную службу; таковы были названія: *Стража, Стражница, Стражникъ, Рубежовъ, Рубежевича, Осѣкъ, Ворота, Сутень или Сутескъ, Хутиска, Хучиска, Хута, Гута* и т. д. Н. П. Барсовъ въ своемъ почтенномъ трудѣ, носящемъ названіе: „Очерки русской историч. географіи“ особое значеніе приписываетъ топографическимъ названіямъ: *сутень, сутиски*, получившимъ въ послѣдствіи значеніе украинъ. Такихъ названій больше всего находится на Галицко-волынскихъ порубежьяхъ, въ червенской Руси. Ворота встрѣчаются въ трехъ мѣстахъ: около *Терновы*, около *Комова* (въ 10-ти верстахъ отъ Холма) и около *Дрогичина* возлѣ Ятвяговъ.

Лядско-русскій рубежъ шелъ по границамъ трехъ русскихъ княжествъ: Перемышльскаго, Владиміро-Волынскаго и части Кіевскаго, изъ которыхъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтій образовалось Галицко-Володимерское княженіе. Онъ начинался у истоковъ Бѣлой и Попрада, на Карпатскихъ горахъ. Здѣсь возлѣ *Дукли* есть селеніе *Роги* [1]), которое еще въ XIV ст. находилось въ землѣ русской; два селенія Брановицы къ сѣверу отъ города Яслы; *Осѣкъ* къ югу отъ него на Вислокѣ; *Стражна*, близъ котораго *Руски* на Ропицѣ и другія. Эти поселенія могли быть такими же передовыми русскими укрѣпленіями, какъ *Грудекъ, Стражно, Выста, Ниста, Оструженна* на р. Бѣлой со стороны ляховъ. Затѣмъ, захватывая верхнее теченіе *вислинскаго Вислока* и притоковъ его *Яслы* и *Ропы*, граница шла въ с.-в. направленіи по водораздѣлу Вислоковъ вислинскаго и саноцкаго и спускалась

*) Зубрицкій - границы Галиціи; Барсовъ – Очеркъ историч. географіи Россіи стр. 94.

Digitized by Google

въ болотистую низменность Лонки и Сана, мало заселенную и теперь. *Перемышль* былъ здѣсь центральнымъ городомъ княжества. Въ с.-з. отъ него направленіи уже въ XII ст. были здѣсь города: *Любачевъ, Ярославъ, Перевореск*ъ и другіе. Здѣсь было порубежное укрѣпленіе *Ворота*, быть можетъ, тамъ, гдѣ теперь село *Превратно* къ сѣверу отъ Решова по дорогѣ въ Судомиръ [1]).

Далѣе лядско-русскій рубежъ шелъ по княжеству Владиміро-волынскому, которое занимало всю ю.-в. часть вислинскаго бассейна, верхнее теченіе Вѣпра до устьевъ Быстрицы, верхнее побужье съ притоками *Распой, Солоками, Гучвой, Угеромъ и Володавой*. Уже въ XIII ст. въ граничной чертѣ здѣсь были русскіе города: *Угровеск*ъ (теперь Угроекъ) *Верещинъ, Холмъ, Столпье, Комовъ* (теперь Кумовъ), *Щекаревъ* (теперь Краснославъ), *Бусовно, Охожа, Андреевъ* и др. Такимъ образомъ, лядско-волынскій рубежъ шелъ отъ низменной долины Сана на сѣверъ по притокамъ Вислы, по Вѣпрю, оставляя Люблинъ на сторонѣ ляховъ, а Холмъ на сторонѣ Руси до р. Володавы [2]).

Еще далѣе на сѣверъ лядско-русскій рубежъ шелъ по княжеству кіевскому. Онъ начинался у Володавы и шелъ прямо на сѣверъ, захватывая западное побережье Буга мимо Берестья, Дрогичина (къ югу отъ котораго и теперь есть селенія *Межки и Русаковъ*, а къ з. и с.-з. селенія: *Руски, Бучикъ Русскій и Русска Строна* [3]) на полдорогѣ изъ Соколова въ Нуръ); наконецъ мимо Нура къ болотистымъ низовьямъ Буга. Отсюда русскій рубежъ переходилъ на правый берегъ Буга и простирался по лѣсистой и болотистой низменности до Нарева. Въ XIII ст. здѣсь уже находилось селеніе *Андреевъ* (опустошенное въ 1245 г. ляхами) и нѣсколько мѣстностей съ названіемъ *Русь*. Крайнимъ порубежнымъ лядскимъ городомъ на с.-з. была Визна, уступленная въ 1146 г. лядскими князьями Межкомъ и Болеславомъ кіевскому князю Всеволоду Ольговичу. Далѣе за Бобромъ начинались уже земли Ятвяговъ, среди которыхъ могли быть и колоніи русскія.

Такимъ образомъ лядско-кіевскій рубежъ начинался у Володова, шелъ на сѣверо-западъ чрезъ Воинь, Морды, Соколовъ, мимо

---

[1]) Барсовъ, Очеркъ истор. географіи 93.
[2]) ibid 102—108.
[3]) ibid 112—113.

Digitized by Google

Нура, отсюда прямо на сѣверъ мимо Визны, оставляя ее на сторонѣ лядской.

Если обратить вниманіе на мѣстоположеніе Бѣлгорая и Щекарева съ одной стороны и Воиня—съ другой, то сдѣлается совершенно ясно, что лядскій городъ Люблинъ лежалъ въ самой серединѣ черты русскихъ поселеній. Вотъ, вѣроятно, причина, по которой съ одной стороны польскіе историки ничего опредѣленнаго не говорятъ о его происхожденіи, а съ другой — русскіе и литовскіе князья оспоривали этотъ городъ у ляховъ до половины XIV столѣтія. Глубокій изслѣдователь историческихъ судебъ Галицкой Руси Д. Зубрицкій рядомъ очень вѣскихъ фактовъ и соображеній доказываетъ, что люблинская земля вмѣстѣ съ частію судомірской издревле были заселены русскими славянами, противъ которыхъ еще Владиславъ Локотокъ писалъ жалобы папѣ Іоанну XII, прося у него помощи для собиранія съ нихъ лепты св. Петру; что для этихъ же русскихъ было открыто особое епископство въ Опатовѣ. Тоже доказываетъ и Карамзинъ въ разныхъ мѣстахъ IV т. исторіи Русскаго государства. Тоже доказываетъ и древній польскій географъ Іоаннъ Кразинскій. Такъ въ своемъ сочиненіи *Polonia* онъ говоритъ, что ю.-з. Русь (Роксоланія) граничитъ съ карпатскими горами, *начинаясь недалеко отъ г. Кракова* тянется по р. Тярть въ области Валашской и другою стороною къ Днѣстру и Чорному морю и идетъ по обоимъ берегамъ р. Ахіасіs. Эта область считается частію королевства польскаго... Она заключаетъ въ себѣ области: леопольскую, *люблинскую*, белзскую и др. Далѣе, пересчитывая роксоланскіе города, говоритъ: „отъ города Перемышля на нѣсколько дней пути отстоитъ городъ *Люблинъ*, гдѣ въ опредѣленное время года производится значительная торговля“. Есть еще два документальныхъ доказательства о принадлежности Люблина къ Руси; *первое*—исполненіе Глинскимъ духовнаго завѣщанія князя Дмитрія Путяты, по которому онъ передалъ главной *Люблинской церкви Спасителя* пять копъ грошей, *второе*—грамота короля Яна Казиміра, по которой онъ возвращаетъ *всѣмъ люблинскимъ неунитамъ* церковь, построенную дворянствомъ и отнятую у нихъ предъ 1650-мъ годомъ. Этого мало. Въ описаніи Румянцевскаго музея Востокова упоминается Евангеліе, подаренное въ XV столѣтіи жителемъ г. Казиміра *Иваномъ Леонти-*

Digitized by Google

вичемъ Шовникомъ мѣстной церкви. Отсюда слѣдуетъ, что Русь жила не только по Вѣпрю, но и по берегамъ Вислы [1]).

Въ концѣ XII ст. изъ Перемышльско-теребовльскаго княжества, а равно Буссkаго и Звенигородскаго образовалось Галицкое, которое въ началѣ XIII ст. успѣло соединить подъ собой почти всю ю.-западную Русь; но могущество его было непрочно, значеніе непродолжительно, потому что основывалось на началахъ обособленія и независимости отъ общей матери—Руси. Объяснимъ нашу мысль точнѣе. Перемышльско-Теребовльская земля досталась въ удѣлъ изгоямъ—ростиславичамъ. Имъ пришлось долгое время скитаться по домамъ своихъ родственниковъ и познать всю горечь чужого хлѣба. Достигши мужества, они стали презирать родовыя отношенія; мечъ сдѣлался у нихъ правомъ на пріобрѣтеніе, а разъ добытое имъ теряло значеніе общаго достоянія и становилось наслѣдственной собственностію. Утвердившись въ Галицкой Руси, они не обратили вниманія на Увѣтичевскій съѣздъ и такимъ образомъ произвели расколъ въ княжескихъ родовыхъ отношеніяхъ древней Руси. Съ этого времени Кіевская Русь начинаетъ терять свое значеніе; оно переходитъ вмѣстѣ съ самостоятельностію къ Руси Галицкой. Отъ князей не хотѣла отставать и дружина. Многочисленные члены ея стали стремиться къ пріобрѣтенію поземельной собственности и правъ потомственнаго наслѣдства. Отсюда возникло своеволіе бояръ и внутреннее нестроеніе, которымъ не могли не воспользоваться недремлющіе сосѣди. Даровитые потомки Мономаха, Романъ и сынъ его Даніилъ, умѣли своимъ дальновиднымъ умомъ, стойкостію непреклонной воли и личнымъ мужествомъ обуздать своеволіе бояръ и держать крѣпко въ своихъ рукахъ бразды правленія, основаннаго на новыхъ началахъ; но ихъ потомки не могли поддержать величаваго зданія своихъ отцовъ: бояре возвратились къ прежнему своеволію; нѣкоторые стали примыкать къ польскимъ панамъ, нѣкоторые стали примыкать къ латинству; княжеская власть потеряла значеніе и Галицкая Русь сдѣлалась яблокомъ раздора между сосѣдями [2]). Со смертію Юрія-Казиміра пресѣкся родъ князей Галицкихъ. Съ востока не могло

[1]) Границы Галицкой Руси Д. Зубрицкаго; Востоковъ. Описаніе Румянц. музея стр. 185-я.

[2]) Соловьевъ. Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома, стр. 367 и слѣд.

Digitized by Google

быть помощи: тамъ Иванъ Даниловичъ Калита только что принялся за устроеніе Московскаго княжества; между тѣмъ какъ на западѣ, въ Польшѣ, сидѣлъ на престолѣ одинъ изъ лучшихъ ея государей Казиміръ Великій, а на Литвѣ одинъ изъ даровитыхъ Гедиминовичей—князь Ольгердъ. „Они раздѣлили ея ризы и объ одеждѣ ея бросали жребій".

Вотъ въ общихъ очертаніяхъ границы этого чужаго наслѣдства. Начнемъ съ *Тылича*—крайняго ю-з. пункта. Отъ него на ю-в. границу составляли *Карпаты*, потомъ верхнее и среднее теченіе *Середа*, нижнее теченіе *Прута* до *Дуная* и *Чернаго моря*, а моремъ до устья *Днѣстра*. Отсюда граница поворачивала на с. в. и упиралась возлѣ Черкасъ въ Днѣпръ. Восточная граница одно время шла по Днѣпру до Березины; отъ Березины на западъ сѣверную границу составляла область Припети, проходила мимо Новогородка, Гродна до Суража. Восточная и сѣверная границы, впрочемъ были очень не устойчивы: онѣ зависѣли отъ политическихъ отношеній князей русскихъ и литовскихъ. За то западная была гораздо устойчивѣе и въ большинствѣ случаевъ совпадала съ древнѣйшимъ лядско-русскимъ рубежемъ. Она шла съ с. на ю. мимо Дрогичина, Мельника, Берестья, Воиня, оставляя ихъ въ предѣлахъ княженія. Отъ Воиня, во время владѣнія люблинской землей, шла мимо Казиміра, Завихвоста, Судиміра до болотистой низменности Сана. Здѣсь принимала ю.-з. направленіе и проходила возлѣ Терновы, оставляя Рѣшовъ въ предѣлахъ княжества и спускалась прямо на ю. къ Тыличу. Во времена княженія Романа Галицко-Володимерская Русь имѣла около 4,000 кв. миль пространства и до 6-ти милліоновъ жителей [1]).

II.

Бросимъ бѣглый взглядъ на взаимныя политическія отношенія ю.-з. Руси, Польши и Литвы въ теченіи XIV ст., на сколько это необходимо для уясненія граничнаго вопроса.

Потерявши Силезію, часть Великой Польши, Лузаціи и Пруссіи, Польша уступаетъ на западѣ поле сраженія нѣмцамъ и пе-

---

[1]) Клевановъ, Исторія ю-з. Руси стр. 216.

Digitized by Google

реноситъ центръ своей политической жизни на юго-востокъ, поближе къ Руси: Краковъ дѣлается столицей, вмѣсто Гнѣзна. Отсюда легче наблюдать надъ ослабленіемъ Руси и политическимъ ростомъ на ея счетъ Литвы. Эта послѣдняя широко уже распускаетъ надъ ней свои могучія крылья. Она владѣетъ уже значительною частью Бѣлоруссіи, Волыни и Кіевскаго княжества,— владѣетъ этими землями тѣмъ прочнѣе, что сама подчиняется вліянію русской жизни: князья ея роднятся съ князьями русскими, принимаютъ православіе, русскій языкъ, русское законодательство, русскую гражданственность и грозно держатъ свой мечъ противъ враговъ своего зарождающагося государства. Въ Польшѣ пробуждается съ одной стороны страхъ къ этому могущественному сосѣду и она спѣшитъ породниться съ Гедиминомъ; съ другой—растетъ жажда пополнить свои западныя потери новыми пріобрѣтеніями на востокѣ. Среди дворянства и духовенства начинаетъ пробуждаться національное воодушевленіе; нужно только явиться смѣлому вождю, чтобы воспользоваться имъ для государственныхъ цѣлей. И такимъ вождемъ является Казиміръ Великій, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ королей польскихъ; его личностію запечатлѣнъ весь XIV в. польской исторіи. Онъ первый сталъ устроять свое государство на законахъ строгой справедливости; разбойничьи набѣги сталъ замѣнять правильной войной, а пріобрѣтенія закрѣплять политическими договорами; это былъ „мужицкій“ король и человѣкъ толерантный. Единственная вина его заключается въ томъ, что онъ былъ сынъ своего вѣка и разширилъ права шляхты, которая, при позднѣйшихъ избирательныхъ короляхъ, сдѣлалась государствомъ въ государствѣ со всѣми его зловредными послѣдствіями.

Въ 1340 г. онъ воспользовался внутреннимъ замѣшательствомъ въ Галиціи послѣ убіенія Болеслава Тройденовича и сдѣлалъ первое нападеніе на ю.-з. Русь. Загорѣлась упорная и продолжительная война, окончившаяся только за четыре года до его смерти, т. е. въ 1366 г.; она распространилась и на владѣнія литовскихъ князей—червенскіе города Волынь и Подлѣсье. Нападеніе 1349 г. было одно изъ самыхъ удачныхъ, потому, что литовскіе князья были въ это время сильно стѣснены крестоносцами; кончилось договоромъ, по которому присуждено было: „королеви держати *землю львовскую исполна*, а намъ (литовскимъ князьямъ)

Digitized by Google

держати *Володимѣрскую, Луцкую, Белзскую, Холмьскую, Берестинскую* исполнажь“ [1]). Князья литовскіе почувствовали опасность и не пропускали тоже случаевъ заплатить своему сопернику такимъ же вооруженнымъ возмездіемъ; но перевѣсъ склонялся на сторону Казиміра. По договору 1366 г. Галиція осталась за Польшей; Белзско-холмскій князь Юрій призналъ себя въ ленной зависимости отъ Польши, а Владимірскій замокъ содержалъ польскій гарнизонъ; въ Городлѣ назначены пограничные суды [2]).

Положимъ, что до времени окончательнаго покоренія Галицкой Руси и Червенскихъ городовъ было еще довольно далеко; но тутъ важны были первые шаги покоренія: подъ перьями польскихъ хронистовъ и историковъ, вдохновляемыхъ патріотическими рѣчами сеймовыхъ ораторовъ и дипломатовъ, они получали въ представленіяхъ позднѣйшихъ поколѣній значеніе непреложныхъ фактовъ, служившихъ исходной точкой при опредѣленіи державныхъ правъ Польши надъ землей русской. Достаточно было какому либо цольскому отряду побывать нѣсколько мѣсяцевъ въ какомъ либо русскомъ замкѣ и благоразумное потомство считало вполнѣ законнымъ требовать для Польши цѣлой русской области. На такой почвѣ, независимо отъ уній, велись дипломатическіе переговоры польской короны съ великимъ княжествомъ Литовско-Русскимъ во времена Ягеллоновъ; на такой же почвѣ строили свои доказательства, касательно владѣтельныхъ правъ Польши, и многіе ученые польскіе историки [3]).

---

[1]) Акты С.-З. Россіи, т. I, № 1.

[2]) Зубрицкій. Критико-историческая повѣсть Галиц. Руси, стр 151—152.

[3]) Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное изслѣдованіе такихъ доказательствъ; но для примѣра мы остановимъ вниманіе читателя на историческихъ показаніяхъ довольно извѣстныхъ польскихъ ученыхъ, какъ Балинскій, или Нарушевичъ. Вотъ что пишется о г. *Холмѣ и Белзѣ*. (Starożytna Polska, T. II, 755—756—1176; Naruszewicz, T. VII, str. 281). „*Холмъ* получилъ свое названіе отъ *славянскаго,* (а не русскаго?) слова холмъ... Замокъ построенъ Щекомъ (а не Даніломъ?).. Принадлежитъ къ древнѣйшимъ *славянскимъ городамъ* (а не русскимъ?).— Было здѣсь, *кажется* (?), епископство латинское, фундованное въ XIII ст. *Болеславомъ Стыдливымъ* и хотя не могло уцѣлѣть во время литовско-русскихъ войнъ, *все таки костельныя хроники воспоминаютъ о нѣсколькихъ бискупахъ, носившихъ названіе холмскихъ* (какъ будто титулъ есть доказательство? Вѣдь мы очень хорошо знаемъ, что были такіе епископы католическіе in partibus, а какихъ епископій никогда не существовало въ дѣйствительности). Король Людвигъ (венгерскій), окончательно присоединивши холмскую землю къ коронѣ (это событіе случилось при Казимірѣ Ягеллончикѣ) обновилъ фундацію бискупства 1377 г. „za upoważnieniem“ *Григорія XI чрезъ буллу 1375 г.* (когда Холмъ и по Балинскому еще не былъ при

Digitized by Google

Не успѣлъ еще Казиміръ В. закрыть глазъ своихъ, какъ завоевательное его зданіе подверглось крушенію; литовцы не только изгнали завоевателей, но еще страшно опустошили землю Судомірскую и Люблинскую. Въ 1370 году умираетъ Казиміръ. На польскій престолъ вступаетъ король венгерскій Людовикъ; Галиція переходитъ во владѣніе самостоятельнаго князя Опольскаго, а потомъ Угровъ. Окончательно Галиція подчиняется Польшѣ въ 1387 г. и то не столько силой оружія, сколько путемъ *мирныхъ переговоровъ*. Мы остановились на подробностяхъ покоренія Галиціи потому, что это была единственная русская область, пріобрѣтенная Польшей путемъ завоеванія; всѣ же остальныя земли перешли въ ея непосредственное или посредственное владѣніе, выражаясь современнымъ языкомъ, *путемъ дипломатическихъ переговоровъ и*

соединенъ къ Коронѣ) и въ 1394 г. *какимъ-то* (sic) *холмскимъ епископомъ былъ какой-то* (sic) *Стефанъ* (но въ тѣ времена епископы были люди очень извѣстные, *а не какіе-то)* и т. д...

Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что во времена Людовика Венгерскаго белзко-холмскимъ княземъ былъ Юрій, князь русскій. (Dlugosz, p. 1149); что онъ не только не потерялъ своего княжества, а напротивъ того, благодаря посредничеству Кейстута, пріобрѣлъ еще Любачевскую землю и 100 гривенъ съ соляныхъ бохнянскихъ копей; что дѣйствительно во времена Казиміра В. Холмъ былъ на время занятъ поляками, но потомъ возвращенъ этому же князю въ 1366 г. на правахъ ленной зависимости (Bielski, p. 237; Stryikowski, p. 408). Князь этотъ былъ лишенъ своего удѣла только во времена Ягайлы въ 1388 г., когда княжество это понадобилось ему для того, чтобы задобрить Семовита Мазовецкаго (Зубрицкій, Крат. историч. пов. Галиц. Руси, стр. 220); такъ какъ холмская земля входила въ составъ княжества белзскаго, то неприлично было Ягайлѣ, задабривая Семовита, въ тоже время и обирать его. Не могла быть холмская земля присоединена къ коронѣ во время Людовика еще и потому, что въ рѣчи, сочиненной польскими историками отъ имени Ягайловскаго посла, какого-то князя Бориса, было обѣщано: *возвратить коронѣ землю Холмскую, Поморье, Силезію.* Эта рѣчь по увѣренію польскихъ историковъ была произнесена въ Угріи королевѣ Елисаветѣ при испрашиваніи руки ея дочери для Ягайла въ 1386 году. Значитъ, въ 1386 г. Холмъ не подчинялся коронѣ, а Балинскій подчинилъ его еще въ 1377 г. Есть еще одно доказательство, что холмская земля не могла принадлежать коронѣ, — это грюнвальденская битва. Въ перечнѣ полковъ, принимавшихъ въ ней участіе *Холмская хоругвь* показана отдѣльно отъ хоругвей польскихъ (Шараневичъ, стр. 301). Холмская земля была уступлена Польшѣ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ и утверждена за ней Ягайломъ на съѣздѣ въ Едльнѣ 1432 г. Далѣе мы знаемъ, что этотъ Юрій, лишенный своего удѣла, на старости лѣтъ былъ принятъ къ двору Витовта, что сынъ его Иванъ былъ убитъ въ кровопролитномъ сраженіи на берегахъ Ворсклы, (Шараневичъ, Истор. Галиц. Волод. Руси, стр. 289), что послѣдній князь белзскій Ѳедоръ бѣжалъ на Москву въ 1481 г., сейчасъ послѣ брака, потому что и ему угрожала такая же смертная казнь за преданность русскому дѣлу, какая постигла князя Ивана Ольшанскаго и князя Михаила Олельковича (Skarbiec Daniłowicza док. № 2012.

Digitized by Google

научнаго исправленія границъ, ибо трудно найти даже самые жалкіе слѣды территоріальныхъ завоеваній въ походахъ 10 древнѣйшихъ польскихъ королей отъ Болеслава Храбраго до Лешка Чорнаго, которые по своимъ послѣдствіямъ и продолжительности смѣло можно назвать или *„корыстными нападеніями“* съ цѣлію захвата или грабежа, или же *династическими* [1]).

Границы новопріобрѣтенной земли шли на з. по перемышльскому рубежу, на югѣ по карпатскимъ горамъ и верховьямъ Днѣстра, захватывая Покутье; на в. по Теребовльской землѣ и червенскимъ городамъ; на сѣверѣ по землѣ люблинской и любачевской. Главнѣйшіе города ея были: Перемышль, Львовъ и Галичъ.

Мы стоимъ на порогѣ XV столѣтія, имѣвшаго самое роковое вліяніе на судьбы ю.-з. Руси. Эпоху событій открываетъ женщина. Прекрасная, обворожительная, любящая и любимая, она мечтаетъ на зарѣ своей юности устроить какъ можно полнѣе свое земное счастіе; но по волѣ случая попадаетъ въ руки олигарховъ и дѣлается орудіемъ политическихъ заговоровъ. Въ умахъ дерзкихъ заговорщиковъ развиваются и зрѣютъ политическіе замыслы, какимъ образомъ поработить слабой Польшѣ могуществен-

---

Теперь посмотримъ, что говорится про *Белзъ*... „Смерть Болеслава Тройденовича отворила Казиміру В. дорогу *къ возвращенію* (?) этихъ краевъ, бывшихъ нѣкогда (интересно знать, сколько именно времени?) подъ властію короны. Въ договорѣ, заключенномъ съ князьями Литовскими (какомъ именно—не извѣстно, а ихъ было нѣсколько). *Кажется* (вотъ хорошее доказательство!) земля белзская досталась Юрію Наримонтовичу; но замокъ, какъ и другіе на Руси, имѣлъ польскій гарнизонъ.... Въ 1350 г. литовцы съ татарами выгнали изъ нихъ поляковъ; но когда Казиміръ В. предпринялъ походъ на Волынь въ 1366 г. то Юрій Наримонтовичъ покорился ему и получилъ это княжество въ ленной зависимости *до конца своей жизни*“. Съ такимъ мнѣніемъ согласенъ и Нарушевичъ.

Дѣло это было совершенно иначе. По первому договору Казиміра В. съ литовскими князьями, который Зубрицкій очень основательно относитъ къ 1349 г. Юрій Коріатовичъ получилъ Кременецъ на Подоли, а Белзское княжество осталось въ владѣніи своего князя тоже Юрія (князя русскаго), по второму договору 1366 г. Юрій Наримонтовичъ неизвѣстно что получилъ, а Белзскій князь Юрій остался при своемъ удѣлѣ. Онъ недосидѣлъ здѣсь до своей смерти, а былъ лишенъ княженія Ягайломъ въ 1388 г. въ пользу Семовита Мазовецкаго; окончательно *Белзская земля* присоединена была къ коронѣ при Казимірѣ Ягеллончикѣ, какъ это увидимъ ниже.

[1]) Вотъ имена этихъ королей: 1017—1018 *Болеславъ Храбрый;* 1038 *Казиміръ I;* 1068—69, 73, 77 *Болеславъ Смѣлый;* 1101 *Владиславъ Германъ;* 1123—25—36 *Болеславъ Кривоустый;* 1158 *Болеславъ Кудрявый;* 1179—82—85—87 *Казиміръ Справедливый;* 1198—1205 *Лешекъ Бѣлый;* 1266 *Болеславъ Стыдливый;* 1280 *Лешка Чорный.*

Digitized by Google

ное литовско-русское княжество посредствомъ ловкой политической интриги и дипломатическаго насилія? И вотъ на историческую сцену выдвигается *политическая унія* двухъ государствъ, не имѣвшихъ между собой ничего общаго, кромѣ страха передъ нѣмцами и Москвой и взаимнаго страха другъ передъ другомъ. Католическая Польша съ ея олигархо-демократическимъ строемъ соединяется съ православнымъ Литовско-русскимъ княжествомъ, сильнымъ своей аристократіей и беззавѣтнымъ подчиненіемъ княжеской власти. Но тутъ была еще и спеціальная побудительная причина со стороны Польши поддерживать и развивать унію — это жажда наживы чужимъ добромъ и легкость порабощенія; эта причина придавала ея дѣйствіямъ необыкновенную энергію и силу. Утилизируя политическое обаяніе соединенныхъ государствъ въ международныхъ отношеніяхъ исключительно въ свою пользу, Польша въ то-же время разставляетъ хитро-сплетенныя дипломатическія сѣти къ полному порабощенію своего союзника. Она достигаетъ наибольшаго торжества въ минуты наибольшей опасности, когда коварная политика ея становится ясной и отчетливой даже для людей, мало посвященныхъ въ ея таинства [1]). — Выдающіяся черты этой политики были слѣдующія: 1) сохраненіе и расширеніе преимуществъ Польши на счетъ Литвы, посредствомъ уніи; 2) ослабленіе значенія древнихъ княжескихъ родовъ, а при случаѣ и совершенное ихъ уничтоженіе; 3) пріобрѣтеніе Литовско-русскихъ земель путемъ непосредственнаго подчиненія Коронѣ или же частныхъ сдѣлокъ въ видѣ брачныхъ договоровъ, аренды, купли, занятія разныхъ должностей и, наконецъ грубаго захвата, особенно въ мѣстахъ пограничныхъ; 4) уничтоженіе древне-русскаго строя правленія и замѣна его строемъ польскимъ; 5) распространеніе р. католической вѣры и польской гражданственности среди Литвы и православной Руси; 6) прельщеніе литовско-русскаго дворянства польскими гербами и прерогативами польскаго шляхетства; 7) наконецъ, твердое и неуклонное преслѣдованіе этихъ цѣлей всѣми наличными силами польскаго государства, т. е.

---

[1]) Спеціальное изслѣдованіе политическихъ отношеній Короны и В. кн. Литовско-Русскаго изложены въ *чтеніяхъ проф. Кояловича*, въ спеціальномъ *сборникѣ документовъ* съ его же историческимъ предисловіемъ, *„Дневникъ Люблинской уніи“* его же, въ диссертаціи г. Линниченко.

Digitized by Google

е. правительства, духовенства и шляхты. Осуществленію этой политики много помогала сонливая и часто безразличная природа Ягеллоновъ, искусно поселяемые среди княжества внутренніе раздоры и, наконецъ, внѣшнія политическія обстоятельства..... Послѣдствія ея стали обнаруживаться очень скоро и вызвали упорную и продолжительную борьбу со стороны Литвы, окончившуюся во времена Сигизмунда Августа насильственнымъ порабощеніемъ Литовско-Русскаго княжества Коронѣ и потерей обширныхъ земель не потому, чтобы княжество не могло вступить въ открытую войну съ Польшей, а потому, что такова была главнымъ образомъ державная воля его верховныхъ вождей.

Отмѣтимъ здѣсь главнѣйшія событія, касающіяся измѣненія границъ и порабощенія литовско-русской земли. Въ 1388 г. Владиславъ Ягайло пожелалъ вступить въ тѣсную связь съ княземъ Мазовецкимъ Семовитомъ, имѣвшимъ болѣе правъ на польскую корону, нежели онъ самъ, и потому выдалъ за него замужъ свою сестру Александру, а въ приданое за ней далъ княжество *Белзское*; послѣ смерти послѣдняго Мазовецкаго князя оно было занято въ 1462 г. во имя Польши [1]).

Границы Белзскаго княжества были слѣдующія: на в. верховья Буга, на з. устья Сана, на с. княжество Володимерское, на ю. Галиція. Оно было расположено главнымъ образомъ по обѣимъ сторонамъ З. Буга и состояло изъ земли *Белзской и Холмской* [2]).

Самыя сильныя притязанія во времена Ягайла Польша предъявляла на *Волынь и Подоль*, въ особенности на ту часть послѣдней, которая подвергалась нападеніямъ во времена Казиміра В. Она заключала въ себѣ города *Каменецъ*, *Смотричь*, *Червоно-городокъ*, *Бакоту* и *Скалу*. Но авторитетная власть на Литвѣ одного изъ лучшихъ государей тогдашняго времени Витовта помѣшала осуществленію польскихъ замысловъ, и эта часть Подоли, дважды покупаемая и продаваемая, все-таки сохранилась за Литвой до смерти Витовта. Границы Литовско-русскаго княжества при немъ шли по Мазовіи, Белзскому княжеству, Галиціи и Днѣстру до Черного моря. Покутье было присоединено къ Польшѣ еще раньше, а славянскія племена, жившія по Середу и Дунаю, должны были или

---

[1]) Зубрицкій, стр. 219–383.
[2]) Шараневичъ, стр. 249.

Digitized by Google

подчиниться, или же уступать свои мѣста образовавшемуся здѣсь новому княжеству Молдавіи.

Болѣзненные симптомы политической борьбы Польши съ княжествомъ Литовско-русскимъ во времена княженія Витовта, обнаруживавшіяся со стороны Польши въ религіозномъ насиліи, страстномъ домогательствѣ русскихъ земель, безцеремонномъ хозяйничаньи въ нихъ при кратковременномъ владѣніи, а со стороны Литвы—при затруднительности ея политическихъ отношеній къ сосѣдямъ, въ стремленіи сохранить съ нею миръ, а для себя прочную независимость, выразились въ двухъ политическихъ актахъ этого времени, одинаково важныхъ по своимъ послѣдствіямъ для историческихъ судебъ Литвы и ю.-з. Руси. Мы разумѣемъ городельскую унію 1413 г. и желаніе Витовта возложить на свою маститую голову королевскій вѣнецъ, по предложенію императора Сигизмунда, въ 1429 году на луцкомъ съѣздѣ. Какъ иначе объяснить себѣ эту разительную противоположность въ умѣ одного изъ лучшихъ государей своего времени, тонкаго политика и мудраго устроителя своей земли, выразившуюся съ одной стороны въ соглашеніи на подчиненіе своего государства государству чуждому, враждебному, а съ другой въ желаніи упрочить его политическое бытіе и независимость, какъ не требованіемъ тяжелыхъ политическихъ условій тогдашняго времени? Но онъ не дожилъ до осуществленія этой послѣдней своей земной мечты: его недремлющіе враги, польское духовенство и дворяне, составили противъ него заговоръ; корона была задержана, а смерть унесла его въ вѣчность; все-таки его идея нашла очень много сторонниковъ въ послѣдствіи.

Преемникъ его на литовскомъ престолѣ князь Свидригайло, человѣкъ увлекающійся, но не послѣдовательный, хотя и искренно преданный идеѣ независимости своего государства, слишкомъ круто и бурно повелъ свою политику по отношенію къ Польшѣ и въ то время, когда хитросплетенная унія должна была рушиться на вѣки,—благодаря ловкой польской интригѣ, онъ самъ былъ лишенъ великокняжескаго достоинства; его мѣсто занялъ слабодушный и безсердечный Сигизмундъ, согласившійся за велико-княжеское достоинство на всякія уступки Коронѣ. Онъ отдалъ ей *Ратно* (въ холмской области), *Лопатинъ* (въ белзской области), *Городло* на лѣвомъ берегу з. Буга, *Олесько* у истоковъ Стыри со всѣми окружными землями, а на сеймѣ въ Едльнѣ 1432 г. король Ягайло утвердилъ

Digitized by Google

эти земли за короной; такимъ образомъ отъ Литвы отпала земля Холмская, западная часть Подоліи [1]). Галиція въ это время получила польскую администрацію.

Запылала междоусобная война, которою не могли не воспользоваться поляки. Сигизмундъ заплатилъ за нее своею жизнію отъ руки князя Ивана Чарторыйскаго; но Литовско-русское княжество потеряло почти двѣ богатѣйшія свои провинціи, а унія пріобрѣла очень сильную поддержку въ междоусобныхъ замѣшательствахъ и обѣщаніяхъ слабодушнаго князя. Въ умахъ польскихъ политиковъ родилась мысль раздѣлить княжество на нѣсколько частей подъ управленіемъ нѣсколькихъ претендентовъ и тѣмъ вѣрнѣе достигнуть цѣли порабощенія. Но русская партія на Литвѣ восторжествовала и великимъ княземъ избранъ былъ Казиміръ Ягеллончикъ. Онъ примирился съ старымъ Свидригайломъ, отнялъ у мазовецкаго князя Угровъ и Дорогичинъ и сталъ думать объ умиротвореніи и устроеніи своего княжества, въ то время когда русскія земли, находившіяся подъ непосредственнымъ владѣніемъ Польши, тяжко страдали отъ разоренія и грабительствъ какъ своихъ владѣтелей такъ и татаръ; русскіе люди, по свидѣтельству польскихъ хронистовъ, побуждаемые чувствомъ отчаянія и мщенія [2]), добровольно призывали татаръ на Польшу, которые безпощадно разоряли русскія же земли, отнятыя хищничествомъ поляковъ у ихъ законныхъ владѣльцевъ. Смерть польскаго короля Владислава Варнскаго, брата в. князя литовскаго, въ битвѣ съ турками заставила поляковъ опять призвать къ себѣ въ короли в. князя Казиміра. Литовская рада совѣтовала ему отказаться отъ этого престола и онъ медлилъ отвѣтомъ два года; но кандидатура князя мазовецкаго заставила и Казиміра и его раду согласиться на это избраніе въ 1446 году. Новоизбранный король прежде своего вѣнчанія потребовалъ, чтобы Польша отреклась отъ всякихъ притязаній на Волынь, Подоль, Ратно, Лопатинъ, Городло и землю Олеськую; послы польскіе дали уклончи-

---

[1]) Volumina Legum I, 42.

[2]) Вотъ что говорятъ Длугошъ и Бѣльскій по поводу жадности своихъ земляковъ: „augebat etiam hujusmodi malum (т. е. татарскія нападенія) baronorum Poloniae ambitio, qui a rege donationibus oppidorum et villarum in terris Russiae et Podoliae impetratis antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui inopia et egestate pressi et quadam desperatione compulsi ad Tartaros fugiebant, illosque postmodum ad vastandum terras Russiae et possessiones, de quibus ejesti fuerunt, inducabant". Długosz pag. 773; Bielski pag. 371.

Digitized by Google

вый отвѣтъ, что послѣ вѣнчанія онъ можетъ распорядиться этими краями, какъ ему угодно. Но требуя отъ Польши отреченія отъ этихъ земель, онъ находилъ вполнѣ возможнымъ съ одной стороны передать ей княжество Белзское послѣ смерти мазовецкаго князя Казиміра [1]), (владѣвшаго имъ на ленныхъ правахъ отъ Ягайлы) другой линіи этихъ князей; передать ей Ротно, Городло, Любомль съ округами; съ другой же стороны—отрѣзать отъ Парчевской экономіи Ломазь и Полубицу съ принадлежащими къ нимъ землями по лѣвой сторонѣ Буга и присоединить къ Берестью въ возмѣщеніе захваченныхъ поляками на Подоли городовъ: Межибожья, Хмельника и Караволя [2]) Эта уклончивая политика короля была ближайшимъ поводомъ къ поддержанію надежды у обѣихъ спорящихъ сторонъ на счастливый исходъ ихъ домогательствъ. Многочисленные частные съѣзды литовскихъ бояръ и польскихъ вельможъ, общіе съѣзды тѣхъ и другихъ, подъ предсѣдательствомъ самаго короля, были исполнены самыхъ оживленныхъ и иногда бурныхъ пререканій относительно правъ на русскія земли Литвы и Польши. Берестье, Городно, Вильна, Піотрковъ, Люблинъ, Парчевъ и другіе города были свидѣтелями этой ожесточенной борьбы. Къ соглашенію не могла прійти ни та, ни другая сторона. Поляки предлагали рѣшить это дѣло третейскимъ судомъ самого короля или германскаго императора; но литовцы и русскіе, уже постигшіе истинныя ихъ цѣли, не соглашались ни на какія сдѣлки, а на Парчевскомъ сеймѣ 1453 года даже спросили ихъ: „не избрать-ли лучше въ третейскіе судьи крымскаго хана?“ Упорство литовско-русской рады было на столько постоянно, что Казиміръ Ягеллончикъ въ 1457 году въ жалованной грамотѣ в. княжеству вынужденъ былъ произнести торжественный обѣтъ за себя и своихъ преемниковъ, *что больше территоріальныхъ уступокъ Польшѣ не будетъ* [3]); но ни самъ онъ, ни его преемники не исполняли сво-

---

[1]) Шараневичъ, стр. 428 Въ 1449 г. на Піотрковскомъ сеймѣ по ходатайству цесаря Фридриха III эта земля была передана другому князю Владиславу, представителю старшей линіи князей мазовецкихъ впредь до окончательнаго рѣшенія этого дѣла.

[2]) Ibid стр. 416.

[3]) „Такожъ обѣцуемъ и слюбуемъ, говорится въ грамотѣ, ижъ въ земляхъ тыхъ нашихъ великого княжства *земль, городовъ мѣстъ, а любо которыхъ кольвекъ дѣдичьствъ у володѣніе и въ держаніе, и любо нѣкоторыи вряды, а любо чьти не имоемъ дати въ честь никоего чюжеземца,* але только тамъ родичамъ тѣхъ земль на-

Digitized by Google

ихъ обѣтовъ и съ замѣчательнымъ равнодушіемъ дѣлали полякамъ уступку за уступкой. Литовско-русскіе люди, видя произволъ и полное хозяйничанье польскихъ магнатовъ въ русскихъ земляхъ, зависѣвшихъ прямо отъ Короны, не переставали дѣлать Казиміру постоянныя напоминанія о присоединеніи къ княжеству этого законнаго его наслѣдія; король старался смягчать ихъ строптивость мольбами, лаской и дарами; а въ 1462 г, послѣ прекращенія старшей линіи мазовецкихъ князей, все-таки приказалъ занять Белзское княжество во имя Польши: такимъ образомъ, Червенскіе города были для княжества потеряны на всегда. На берестейскомъ сеймѣ 1478 года они настойчиво просили его дать имъ въ князья одного изъ своихъ сыновей; но король не согласился и на это: онъ боялся неизбѣжной войны между Литвой и Короной, боялся банкротства королевской казны безъ литовско-русскихъ денегъ и сохранилъ за собой княжескую власть до конца своей жизни. Онъ умеръ въ Городнѣ 1492 года. Плодомъ его долговременной и уклончивой политики для поляковъ была уступка Белзскаго княжества, отдача многихъ русскихъ земель въ ихъ арендное содержаніе и частію полное владѣніе, и наконецъ дальнѣйшее развитіе на Литвѣ и Руси началъ польскихъ; для литовцевъ и русскихъ—болѣе тѣсное сближеніе между собой, сохраненіе за княжествомъ оставшихся въ его непосредственномъ владѣніи земель, а вслѣдствіе этого и незначительный подъемъ народнаго духа, тѣмъ болѣе, что литовско-русскіе подданные не разъ видѣли въ своемъ князѣ доказательства его искренней къ нимъ любви и привязанности.

Смерть Казиміра еще съ большей силой пробудила надежды передовыхъ людей княжества на полное освобожденіе его отъ Польши. Въ посольскихъ рѣчахъ литовско-русской рады радѣ польской 1492 г. говорится: „и просили есмо Александра королевича его милости, ажъ бы зосталъ у *вотчинѣ своей у великомъ князьствѣ Литовскомъ на* росказанье и полѣцанье отца своего; якожъ его милость зосталъ и есть теперь *у вотчинѣ своей у Великомъ князьствѣ Литовскомъ* [1]). Въ другомъ посольскомъ наказѣ литовско-русскаго князя Александра къ польскому королю Альбрехту

шихъ предрѣченыхъ великого князства Литовского дамы и наши послѣ будущіи дадуть въ дерьжаніе и володѣніе". Акты Западной Россіи Т. I, стр. 76—77.

[1]) Акты Западной Россіи Т I, стр. 116—117.

Digitized by Google

смѣло и рѣшительно выражены какъ обиды пограничныхъ подданныхъ княжества, такъ и требованіе ихъ удовлетворенія. Еще при жизни отца, говорится въ этомъ наказѣ, были постоянныя жалобы Волынянъ на пограничныя обиды со стороны короны, *„ижъ имъ великія втисненья и наѣздки и грабежи и кгвалты (насилія) отъ нихъ (поляковъ) дѣются и его милость отецъ нашъ наменилъ былъ паны съ обу сторонъ тамъ зъѣхати и тыи вси дѣла межи ними росправити, подлѣ ухвалы и записовъ на первыхъ соймѣхъ съ обу сторонъ, которое право было ухвалено и записано“*.—Такія же жалобы, говорится далѣе, заявлены были недавно и жителями земли Дорогицкой и Берестейской.—*Про то жадаемъ вашое милости, яко брата нашого*, заключаетъ князь Александръ, назначить со стороны короны коммиссаровъ, а самъ онъ назначитъ такихъ-же коммиссаровъ со стороны Литвы, чтобы они, съѣхавшись въ опредѣленное время, разобрали спорныя дѣла и сохранили обѣ стороны *„подлѣ обычая права стараго, яко ухвалено на первшыхъ соймѣхъ“* [1]). Но на эти заявленія польское правительство не дало никакого отвѣта; а между тѣмъ граничные *„втиски, грабежи и кгвалты“* продолжались по прежнему, съ той лишь разницей, что въ нихъ стали принимать уже участіе и польскіе сановники. Прошло 4 года; князь Александръ отправилъ новое посольство въ Корону. Въ V пунктѣ его посольскихъ рѣчей опять было заявлено: „присылалъ къ намъ жалобу Володимірскій епископъ на белзскаго старосту, пана Каменецкаго, что этотъ послѣдній учинилъ на его имѣніе вооруженное нападеніе съ 500 человѣкъ конницы кромѣ пѣхоты; этотъ отрядъ не только все разграбилъ, но еще угналъ съ собой епископскаго урядника и 120 человѣкъ крестьянъ, кромѣ женъ и дѣтей“. Такъ какъ на первое заявленіе князя отъ 1492 г. по поводу такихъ же пограничныхъ захватовъ и обидъ до сихъ поръ еще не послѣдовало отъ Короны отвѣта, а граничныя обиды возрастаютъ все въ большихъ размѣрахъ и совершаются уже не частными лицами, *а коронными сановниками*, то князь Александръ требуетъ не только удовлетворенія обиженнаго, но и строгаго наказанія грабителя. При этомъ онъ заявляетъ, что литовскіе люди въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, могли бы по-

[1]) ibid. стр. 122—123.

Digitized by Google

стоять за себя, но такое самоуправство запрещено имъ велико-княжескимъ правительствомъ [1]). Такое твердое направленіе литовско-русской политики, не достигшее, впрочемъ, никакихъ положительныхъ результатовъ, было къ сожалѣнію очень непродолжительно. На Москвѣ сидѣлъ въ это время одинъ изъ величайшихъ русскихъ государей, глубокій политикъ, мудрый устроитель и энергическій собиратель русской земли—царь Іоаннъ III. Сверженіе татарскаго ига, бывшаго самою главной причиной раздѣленія и ослабленія Руси, дало ему полную возможность обратить свою дальновидную политику на западъ: онъ смѣло и рѣшительно заявилъ въ своихъ посольскихъ рѣчахъ римскому папежу и князю Александру, что литовскую, а слѣдовательно и польскую Русь онъ считаетъ своей *дѣдиной и вотчиной* и будетъ добиваться ихъ всѣми силами своего государства. Эта политика ясно указала Литвѣ и Польшѣ, на ихъ общаго врага и общую солидарность въ изысканіи средствъ сохранить за собой чужое наслѣдство. Между тѣмъ умеръ польскій король Альбрехтъ; на его мѣсто избранъ былъ Александръ; унія получила самую сильную поддержку въ краковскомъ, піотрковскомъ и мельницкомъ актахъ [2]), по которымъ Польша получила явный перевѣсъ надъ Литвой *въ ихъ равноправномъ союзѣ*, вопреки желаніямъ многихъ литовско-русскихъ бояръ, насильно вынужденныхъ подчиниться суровому самовластію своего деспотическаго государя. Польша стала широко вторгаться въ внутреннюю жизнь литовской Руси, какъ это она уже сдѣлала въ Руси галицкой и Червенскихъ городахъ.

Посольскія рѣчи литовско-русской рады Сигизмунду I и Сигизмунду Августу заключаютъ въ себѣ по этому предмету очень много драгоцѣнныхъ подробностей.

Добродушный и нѣсколько лѣнивый Сигизмундъ I, строгій къ себѣ и другимъ, онъ вѣчно мечталъ о спокойной помѣщичьей долѣ, о мирѣ и благоденствіи своего общаго государства. Онъ не любилъ противорѣчій. Простота и практичность обнаруживаются въ его взглядахъ и поступкахъ [3]). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ его продолжительное царствованіе приняты были и разныя мѣры къ

---

[1]) Акты Западной Россіи Т. I, 160
[2]) Uolumina Legum T. I. 131—138.
[3]) Трачевскій. Польское Безкоролевье, XXVII.

Digitized by Google

упроченію внутренняго мира между Короной и Литвой. Нѣкоторыя изъ нихъ прямо касались граничнаго вопроса, какъ очень больнаго мѣста искусственно слагавшагося организма рѣчи посполитой. Старикъ спокойно выслушивалъ жалобы литовско-русской рады и, по видимому, старался держаться на законной почвѣ. Его трезвость позволяла представителямъ княжества высказывать ему и очень много горькихъ истинъ, которыя прекрасно опредѣляютъ политическое ихъ настроеніе и взгляды, какъ лучшихъ государственныхъ людей тогдашней эпохи. Мы остановимся на двухъ такихъ посольскихъ рѣчахъ 1529-го и 1538-го годовъ, которыя близко касаются нашего предмета.

Разсматривая современное положеніе политическихъ дѣлъ своего государства, литовско-русская рада между прочимъ проситъ короля Сигизмунда I-го вытребовать у поляковъ королевскую корону, предназначавшуюся для в. кн. Витовта, „которую загамовали панове поляцы и до тыхъ часовъ ее выдати не хотятъ и не зычатъ тое чти паньству вашое милости отчизному“. Они не желаютъ потому, чтобы „паньство вашое милости было въ пониженью, ажебы втѣлено имъ къ корунѣ, о штожъ ся они давно працуютъ, хотячи дѣдицтво вашое милости привлащити (присвоить) къ князьству короны польскоѣ“. Во избѣжаніе этой печальной возможности рада совѣтуетъ королю возложить эту корону на главу своего сына; тогда княжество уже не будетъ присвоено короной: „*бо коруна въ коруну втѣлена быти не можетъ*“. Также точно рада совѣтуетъ ему присоединить къ Литвѣ княжество мазовецкое, по прекращеніи рода владѣтельныхъ его князей, частію потому, что „*оно припало не къ коруни, але къ парсуни вашое милости*; частію же потому, что такой политическій шагъ заставилъ бы поляковъ на будущее время искать для себя королей не иначе, какъ среди династіи Ягеллоновъ [1]).

Наказныя рѣчи второму посольству 1538 года указываютъ на глубокія внутреннія язвы Литовско-русскаго княжества, которыя стали проявляться подъ вліяніемъ польскаго вліянія въ разныхъ отправленіяхъ его государственнаго организма.

Вотъ пани Богушовая, заявляетъ рада, выдала замужъ свою дочку за пана Точинскаго безъ вѣдомости опекуновъ, назначенныхъ

---

[1]) Акты западной россіи Т. II. № 144, стр. 171—176.

Digitized by Google

духовнымъ завѣщаніемъ ея мужа, и такимъ образомъ выразила пренебреженіе къ законамъ всей страны.

Вотъ на Литвѣ встрѣчаются уже многочисленные польскіе землевладѣльцы, каковы напр: Времевскій, Скорута, Опаровскій, Свѣтицкій и другіе. Они не несутъ никакой службы ни въ Литвѣ ни въ Польшѣ: „*бо кіды потреба якая укажетъ у великомъ князствѣ, они пдутъ до коруны, а кіды въ корунѣ, они за ся до великого князства*“.

Во времена княженія Александра пани Точинская, тетка теперешняго бискупа, выпросила было для себя нѣсколько селъ въ Володимерскомъ повѣтѣ и обязалась во всемъ подчиняться литовскимъ законамъ; теперь же среди этихъ селъ выстроенъ замокъ Крыловъ и села присвоены коронѣ. Это же самое непремѣнно случится и съ имѣніемъ Семятичами, лежащими на коронной границѣ, если только это имѣніе перейдетъ по брачному договору къ пану Точинскому. Рада почтительнѣйше проситъ короля вспомнить свое торжественное обѣщаніе: „*не помножати коруны князствомъ, ани тежъ коруною князства*“ и на будущее время не выдавать своихъ привиллегій ляхамъ на право владѣнія русскими землями, какъ это было имъ самимъ сдѣлано съ имѣніями: Вопятичами, Неякомуемъ, Претвичами, Слежаками (около Винницы), уступленными коронѣ.

Съ глубокимъ сожалѣніемъ указываетъ также на примѣръ короннаго самоуправства на литовской землѣ въ поступкѣ люблинскаго воеводы. Будучи назначенъ опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей Немиры (въ мельницкомъ повѣтѣ), онъ сталъ владѣть ихъ многочисленными землями и людьми лично, на что не имѣетъ отъ покойнаго никакого полномочія. И когда мельницкій староста попросилъ его показать суду свои документы, то воевода сказалъ ему: „я состою подъ королевскимъ присудомъ и привилегіи свои покажу не тебѣ, а па піотрковскомъ сеймѣ“... Милостивый королю! восклицаетъ по этому поводу рада: какая польза для нашего государства отъ такихъ людей, которые не только не несутъ для него никакой службы, а еще вторгаются съ литовскими имѣніями въ присудъ коронный?“

Съ такимъ же сожалѣніемъ рада заявляетъ королю объ отдачѣ имъ *дворнаго вряда чашничества неякомусь Ясеньскому ляху*, служебнику виленскаго бискупа, находитъ, что это *речь новая*, еще не практиковавшаяся при его предкахъ. Она крайне обидна для

Digitized by Google

достоинства княжества, *что какой-нибудь ляшокъ*“ [1]) получаетъ придворное мѣсто, точно между природными мѣстичами не могло найтись человѣка, способнаго занять эту второстепенную должность,— обидна и вмѣстѣ опасна, ибо можетъ войти въ обычай.

Такое нарушеніе международныхъ правъ княжества самимъ королемъ и коронными панами вредно отзывается и на повѣтахъ: Дорогицкомъ, Мельницкомъ и Брянскомъ, получившихъ коронную администрацію: урядники этихъ повѣтовъ позволяютъ себѣ оскорбительно относиться къ заслуженнымъ сановникамъ княжества. Такъ брянскій и саражскій намѣстникъ позволилъ себѣ потребовать чрезъ дѣтского на свой судъ жомойтскаго старосту. Если повѣтъ бѣльскій испросилъ для себя польское право, разсуждаетъ рада, то оно не можетъ быть обязательно для всего великаго княжества; тѣмъ болѣе нѣтъ никакого основанія ломать все литовское законодательство для одного повѣта, что рада и великое княжество не подданные бѣльскаго повѣта, а напротивъ того повѣтъ составляетъ незначительную часть этого княжества. Вслѣдствіе этого рада проситъ короля „*грозно росказать*“ повѣтовымъ урядникамъ, чтобы они почтительно обходились съ сановниками великаго княжества, потому что эти повѣты находятся „*въ тѣлѣ в. княжества*“.

Но всѣ эти обиды, по мнѣнію рады, ничтожны въ сравненіи съ недавно установившимся обычаемъ—„*позывать подданныхъ великаго-княжества для окончательнаго рѣшенія ихъ дѣлъ въ корону и королевскимъ позвомъ*“. Такихъ явленій не было еще на литовской землѣ. „Дѣдъ вашей королевской милости, король Якгейло, былъ княземъ литбвскимъ 30 лѣтъ; отецъ вашое милости король Казимеръ на великомъ князствѣ былъ петьдесятъ и два года, а братъ вашое милости король Александръ полпета года; а ваша милость, господарь нашъ милостивый, пануешь вжо 32 годы—и николи, милостивый королю, черезъ всѣ тые часы тотъ сильно шкодливый (вредный) звычай въ тое паньство вашей милости не

---

[1]) Этотъ *ляшокъ* былъ никто иной какъ панъ *Ясенскій*, родственникъ виленскаго бискупа Павла. Объ этихъ лицахъ есть королевскій декретъ 1542 г. по поводу жалобъ виленскихъ мѣщанъ на злоупотребленія ихъ и вымогательства въ сборѣ незаконныхъ пошлинъ съ плотовъ, сплавляемыхъ по „*Вельи*“ мимо Верокъ. Эти личности были чужеземцы, т. е. поляки по происхожденію. (Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Семенова ч. I стр. 70).

Digitized by Google

вносился, одно сего году надъ паномъ (воеводой) виленскимъ, яко ся мы вышей повѣдили тое вызнанье початокъ свой взяло". И если такое зловредное нововведеніе можетъ еще практиковаться относительно *урядниковъ*, то для частныхъ лицъ и земской службы оно совершенно невозможно и разорительно: земскій человѣкъ, отправившись на судъ въ корону, не явится на службу, а мало состоятельный, совершивши такое длинное путешествіе, можетъ пойти по-міру.

Король въ своихъ отвѣтахъ старается успокоить раду тѣмъ, что нѣкоторыя нововведенія въ мѣстные обычаи сдѣланы имъ по просьбѣ нѣкоторыхъ же обывателей княжества, *часто надоѣдающихъ ему своими докуками въ чужой сторонѣ*; съ другой же стороны въ Литовскомъ статутѣ нѣтъ такихъ узаконеній, которые бы запрещали ему чинить справедливость обывателямъ княжества во время пребыванія его въ коронѣ [1]).

Изъ послѣдующихъ событій видно, что этотъ зловредный обычай такъ сильно возмущалъ обывателей княжества, что на Берестейскомъ сеймѣ 1542 г. „*княжата, панята и шляхта*" постановили являться на королевскій судъ въ корону только въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло не будетъ имѣть окончательнаго рѣшенія во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ княжества на основаніи литовскаго статута [2]).

Чѣмъ ближе подходило время къ люблинской уніи, тѣмъ яснѣе и отчетливѣе всплывали на поверхность больныя мѣста международныхъ отношеній Литвы и Короны. Они очень опредѣленно выражены въ постановленіяхъ представителей литовско-русскаго княжества на виленскихъ съѣздахъ 1547-го, 1551-го и 1554 годовъ. Главнымъ образомъ, они касаются слѣдующихъ предметовъ: твердаго и вѣчнаго установленія границъ, прекращенія поляками захватовъ литовскихъ земель посредствомъ браковъ и земскихъ сдѣлокъ и сохраненія политической автономіи княжества въ назначеніи и отправленіи государственныхъ должностей.

„Недавній объѣздъ границъ уполномоченными короны и в. княжества (1546 г.) заявляютъ представители послѣдняго, обнаружилъ,

---

[1]) Акты Западной и Юго-Западной Россіи. Т. I. № 101.
[2]) Акты Западной Россіи. Т. II. 389—390.

Digitized by Google

что „*тымъ большія кривды той братьи нашой пограничной въ бопхъ, кивалтахъ, въ головщизнахъ, въ забиранью земль и въ иншихъ многихъ рычахъ дѣются*“ [1]). Особенно энергически жаловалась по этому поводу Волынская земля. Король давалъ разныя обѣщанія, что онъ разберетъ, что приметъ мѣры на Піотрковскомъ сеймѣ и установитъ наконецъ „*отчныя границы*“; но эти обѣщанія не исполнялись ни при Сигизмундѣ Августѣ, ни при его преемникахъ.

„Былъ обычай стародавній, заявляютъ тѣ-же представители, что когда королю угодно было посѣщать в. княжество Литовское, то на границѣ оставались всѣ коронные урядники, а мѣста ихъ заступали урядники великаго княжества; если же кто изъ коронныхъ и посѣщалъ его, то не иначе, какъ въ качествѣ гостя. Теперь же, свидѣтельствуютъ они, дворные врядники в. княжества „одно титулы врядовъ своихъ мають; а врядники корунныи всякой владности въ ихъ урядѣхъ уживають и доходы и оброки, которыи на тыи вряды прислухаютъ на себе берутъ и, правѣ, вжо ся во всемъ стародавный обычай около тыхъ врядовъ замѣнилъ“ [2]). Король отвѣтилъ, что не замѣчалъ такого явленія, обѣщалъ разсмотрѣть это дѣло и сохранить по старинѣ.

Просили и били челомъ тѣ же представители княжества, „абы на Подляшьи и Волыни имѣней не куповали чужеземцы, а ни жадными причинами не посѣдали имѣней, кгдыжъ тымъ не мало паньства (т. е. дворянства) великого князства убываетъ“... Король отвѣтилъ, что на будущее время у чужеземцовъ (т. е. поляковъ) отнимутся всѣ права пріобрѣтать имѣнія на вѣчность и будетъ оставлено одно только *временное право-заставное*—и то внутри княжества; на границахъ же и оно не будетъ имѣть силы, „абы ся не нарушали ничимъ привилья земскіе, присягою его милости утвержоные“ [3]).

Напоминали господарю его милости, чтобы чужеземцы „*урядовъ никоторымъ правомъ не держали*“, чтобы эти уряды были отдаваемы только сынамъ и обывателямъ великаго княжества, а отданные были отняты и возвращены имъ по принадлежности; чтобы

---

[1]) Акты З. Россіи Т. III стр. 10.—
[2]) Акты Западной Россіи Т. III. стр. 14.
[3]) ibid. стр. 53.—

Digitized by Google

вдовы и дѣвицы, выходящія замужъ за чужеземцовъ, лишались одной половины своихъ имѣній, а другая — чтобы пріобрѣталась родственниками и сосѣдями по 5 копъ за службу. Король отвѣтилъ, что уряды будутъ раздаваться только мѣстичамъ; а въ дѣлахъ брачныхъ будетъ сохраненъ литовскій статутъ [1]).

Наконецъ докладывали тѣже представители, чтобы господарь его милость устроилъ оборону имѣній въ повѣтахъ пограничныхъ съ Польшей и Мазовіей *и рачилъ учинить справедливость безъ проволоки*. Король обѣщалъ успокоить обѣ стороны, какъ можно скорѣе, но успокоилъ только корону.

Въ виду такихъ энергическихъ и рѣзкихъ протестовъ со стороны княжества; въ виду такихъ опредѣленныхъ и положительныхъ обѣщаній со стороны верховнаго владыки, кто-бы могъ подумать, что дѣло этого княжества кончится порабощеніемъ его государству чуждому и враждебному. Но такова была сила политическихъ событій.

На велико-княжескомъ престолѣ сидѣлъ въ это время послѣдній изъ Ягеллоновъ Сигизмундъ-Августъ. Воспитанный подъ руководствомъ женщинъ, онъ и въ зрѣломъ возрастѣ искалъ въ нихъ и утѣшенія, и развлеченія и врачеванія отъ разныхъ болѣзней. Онъ сознавалъ дурное въ своихъ поступкахъ, но не находилъ нужнымъ отъ него освобождаться. Онъ былъ мягокъ, ласковъ, но не имѣлъ въ своей натурѣ ничего прочнаго и опредѣленнаго. Ораторъ и музыкантъ, прекрасно образованный по своему времени человѣкъ, онъ въ то-же время былъ ходячей нерѣшительностію и считалъ житейской мудростію никогда не давать обѣщаній и не отнимать надеждъ: современники называли его *королемъ-Завтра*. Онъ всю жизнь терялся между страхомъ и сомнѣніемъ и никогда не придерживался опредѣленныхъ мнѣній. Это былъ щедрый и расточительный сибаритъ, вѣчно окруженный блестящей свитой и такимъ же блестящимъ колосальнымъ богатствомъ, и въ то же время часто затруднявшійся производить уплаты по своимъ счетамъ и роспискамъ [2]). Не имѣя дѣтей, онъ рѣшилъ въ своемъ лѣнивомъ и недальновидномъ умѣ, что величайшимъ подвигомъ его жизни будетъ отреченіе отъ своихъ державныхъ правъ надъ княжествомъ

---

[1]) Акты Западной Россіи т. III, стр. 53.
[2]) Трачевскій, Польское безкоролевье стр. XXVII.

Digitized by Google

въ пользу короны; но онъ не могъ этого сдѣлать до смерти виленскаго воеводы, *Радивила Чорнаго*, вѣрнаго блюстителя и стража независимости княжества. Въ 1567 г. умеръ этотъ твердый человѣкъ и корона торжествовала. Она отдала Литвѣ Ливонію—это созрѣвавшее яблоко раздора между Швеціей, Москвой и будущей рѣчью посполитой, а себѣ прочила Кіевъ, Подоль, Волынь и Подлѣсье; въ 1569 г. она взяла себѣ все лучшее, чѣмъ только отличалось княжество отъ короны, а ему дала однѣ только язвы. Что же удивительнаго, что лучшіе литовскіе люди бѣжали изъ Люблина, чтобы не покрыть своего честнаго имени вѣчнымъ позоромъ національнаго предательства? Что-же удивительнаго, что жмудскій староста съ своими товарищами, стоя на колѣняхъ со слезами на глазахъ говорилъ своему государю: „именемъ Бога умоляемъ тебя, государь, помнить нашу службу, нашу вѣрность тебѣ и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы. Благоволи такъ устроить насъ, чтобы всѣмъ намъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, чтобы сохранены были наше доброе имя и твоя царская совѣсть. Именемъ Бога умоляемъ тебя помнить, что ты намъ утвердилъ своею собственной присягой“. При этомъ литовцы съ плачемъ встали. „И изъ насъ поляковъ, говорится въ Дневникѣ Люблинской уніи, рѣдко кто не плакалъ, или не былъ взволнованъ отъ жалости, потому что многіе сенаторы плакали“ [1]).

Фактъ однако же былъ совершонъ. Корона отняла у княжества лучшія и богатѣйшія провинціи, а у короля значительную часть его спеціальныхъ доходовъ.

Иначе взглянулъ на унію царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Онъ хорошо зналъ, что этотъ равно-правный политическій союзъ направленъ и противъ Москвы; но онъ глубоко понималъ его непрочность. При извѣщеніи объ этомъ событіи польскихъ пословъ, онъ захохоталъ. „Это не впервые произошла унія, сказалъ онъ; она совершилась лѣтъ 120—130 тому назадъ“ [2]).

На основаніи Люблинской уніи Сигизмундъ-Августъ передалъ свои державныя права коронѣ надъ княжествомъ Кіевскимъ, Волынью, Подолью и Подлѣсьемъ и присоединилъ ихъ къ Польшѣ; остальную же часть княжества включилъ въ составъ *польской рѣчи-посполитой*.

---

[1]) Днѣвникъ Люблинской уніи Кояловича, стр. 471.
[2]) Трачевскій, Польское безкоролевье, стр. XXXI.

Digitized by Google

III.

Граница Мазовіи и в. княжества литовско-русского.

Энергическія домогательства литовско-русской рады во времена Сигизмунда стараго —провести границы между короной и Литвой заставили наконецъ Сигизмунда Августа назначить въ 1546-мъ году спеціальныхъ граничныхъ коммиссаровъ изъ представителей обѣихъ сторонъ. Они прошли по всей границѣ, начиная отъ р. *Лека* (возлѣ прусской границы) до *Каменца Подольскаго* и представили подробные журналы своихъ ежедневныхъ дѣйствій. Но коммиссары эти уполномочены были только собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о захватахъ, обидахъ, насиліяхъ и нарушеніяхъ правъ собственности съ обѣихъ сторонъ, подкрѣпленныя свидѣтельскими показаніями, и не имѣли права ни разбирать этихъ дѣлъ, ни произносить по нимъ приговоровъ. Тѣмъ не менѣе граничные журналы ихъ полны животрепещущаго интереса и историческаго значенія. Условія настоящей работы не позволяютъ намъ привести ихъ въ полномъ видѣ, но мы не теряемъ надежды напечатать ихъ когда либо отдѣльно.

Коммиссары должны были пройти огромное пространство почти первобытной страны съ ея безконечными дѣвственными лѣсами, непроходимыми топями, болотами и обширными лугами. Они были очевидцами и этой природы и древнѣйшихъ поселеній людей, внесшихъ свой первый культурный трудъ въ ея нѣдра. Они видѣли по урочищамъ каменныя бабы, вилообразныя деревья, около которыхъ собиралась международная *копа* (вѣче) для суда и казни преступниковъ. Предъ ними лицемъ къ лицу сталкивались двѣ враждебныя стороны, съ одинаковой энергіей отстаивавшія свои права владѣнія этой землей: одна сторона въ качествѣ хищника, пользовавшагося всѣми средствами насилія, захвата и порабощенія; другая — въ качествѣ первобытнаго ея поселенца, оросившаго ея поля и луга своимъ потомъ и кровью. Коммиссары были свидѣтелями и очевидцами весьма скромной, но полной глубокаго трагизма международной драмы. Всѣхъ коммиссаровъ, спе-

Digitized by Google

ціально назначенныхъ для этой цѣли королемъ, было шесть человѣкъ; но въ дѣлахъ ихъ должны были принять участіе и мѣстные урядники, и землевладѣльцы пограничныхъ имѣній, и ихъ свидѣтели, такъ что персоналъ лицъ, шедшихъ по границѣ, состоялъ отъ 15 до 60 и болѣе человѣкъ.

Обозрѣніе границъ начато было въ первыхъ числахъ августа и продолжалось до послѣднихъ чиселъ октября. Для скорѣйшаго и болѣе успѣшнаго исполненія этого дѣла коммиссары были раздѣлены на двѣ группы: одна пошла по границѣ Мазовіи и в. кн. Литовскаго, отъ р. Лека до Парчева; другая по границѣ короны и княжества отъ Воиня и Парчева до Каменца-Подольскаго. Въ первой группѣ коммиссарами были: со стороны короны—Давидъ Понятовскій и Лаврентій Приборовскій; со стороны княжества: Николай Андрашевичъ и Станиславъ Комаровскій. Во-второй группѣ коммиссарами были со стороны короны: варшавскій каноникъ Матіасъ Варгантъ и королевскій секретарь Матвѣй Горецкій, а со стороны княжества: литовскій маршалъ Василій Тышкевичъ и королевскій писарь Альбертъ Нарбортъ и Войтехъ Ленартовичъ.

Описаніе границъ первой группы началось съ того мѣста, гдѣ сходятся границы княжества Мазовецкаго, Прусскаго и Литовско-русскаго, именно отъ р. *Лека;* въ разстояніи $3^1/_2$ миль отъ города Вонсогла, гдѣ рѣка раздѣляетъ эти княжества и сооруженъ большой угольный копецъ, обнесенный каменной стѣной; по серединѣ его воздвигнута каменная колонна, украшенная съ одной стороны гербомъ княжества Литовско-русскаго, съ другой—Прусскаго. Здѣсь расположены три деревни, именно: *Богуши* со стороны Мазовіи, *Фочилово* со стороны Литвы и *Простки* со стороны Пруссіи. Далѣе мы послѣдуемъ за коммиссарами.

Граница Мазовіи и Литвы шла по р. Леку до впаденія ея въ Боберъ подъ Ганяземъ; въ обозначеніи ея не было сдѣлано сторонами никакихъ разногласій. Отсюда начинаются уже разногласія. Отъ впаденія Лека въ *Боберъ* границу показывалъ ганязскій префектъ Иванъ Зелинскій; онъ повелъ внизъ по теченію Бобра на 17 миль до впаденія въ него ручья *Тростянки;* отъ Тростянки далѣе внизъ по теченію того же Бобра границу показывалъ Тыконскій подстароста Станиславъ Юрковскій до впаденія этой послѣдней рѣки въ *Наревъ,* именно до того мѣста, гдѣ сходится уѣздъ визненскій съ замбровскимъ.

Противъ такого обвода протестовалъ визненскій подстароста Яковъ Богенскій и, начиная отъ Ганязя, повелъ границу Мазовіи по землѣ княжества, присвоивая себѣ островъ *Барвикъ* (съ общими бортями) и часть дремучаго *бора Добарча* до большой дороги, идущей изъ Ганязя въ деревню *Тростину,* отсюда по ручью мимо горы *Перелайны,* по границѣ деревень *Тибарева* и *Нетечи* до моста, построеннаго Гаштольдомъ на р. Наревѣ (Здѣсь и кончается визненскій уѣздъ).

Разница въ показаніяхъ слѣдующая: въ длину на 5 миль; въ ширину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 2, а въ другихъ на 3 мили. Это спорное пространство заключаетъ въ себѣ безконечные, неоцѣненные луга, перемежающіеся дремучими лѣсами на 7 и 8 верстъ въ окружности; проходъ по нимъ крайне затруднителенъ; остальная часть луговъ примыкаетъ къ берегамъ р. Бобра. На спорной землѣ рас-

Digitized by Google

положены деревни: половина *Тростины*, *Добарская воля*, три деревни владѣльцевъ *Схочей* и *Быковые Заики* (на соляной повинности).

Въ подтвержденіе своего протеста Богенскій представилъ 4 привиллегіи мазовецкихъ князей на право владѣнія землей и лугами; а противная сторона— свидѣтельскія показанія многочисленной сѣдовласой шляхты, бравшейся учинить присягу въ истинности своихъ показаній. (Въ этомъ мѣстѣ сходится уѣздъ ломжинскій съ тыкотинскимъ).

Граничный обводъ продолжалъ мазовецкій подстароста Францискъ Добрынецкій отъ Гаштольдова моста по Тростяницкой дорогѣ черезъ деревню Лопухово (смежную съ деревней Завадами) по *мазовецкой дорогѣ* и р. *Слинѣ* до впаденія въ нее ручья *Борисовки* по направленію къ дер. *Сикорамъ*, бѣльскаго уѣзда.

Тыкотинскій же подстароста продолжалъ прежній обводъ съ дер. *Тарпоней* (ломжинскаго повѣта) отъ устья р. *Слины* въ Наревъ по *Слинѣ* до дер. *Милеева*, гдѣ кончается уѣздъ тыкотинскій и начинается уѣздъ бѣльскій.

Разница въ показаніяхъ: въ длину на 1 милю, въ ширину на полчетверть мили. Спорная земля заключаетъ въ себѣ дубовыя рощи, ломжинскіе борти, тыкотинскіе луга и поселенія 3-хъ крестьянъ изъ деревни Лопухова. (Здѣсь начинается уѣздъ бѣльскій.

Граничный обводъ продолжали мазовецкіе помѣщики дер. *Завадовъ* Гедеты по ручью *Борисовкѣ* и болоту (смугу) мимо литовской дер. *Сикоръ* чрезъ поля и болота до дер. *Кравцовъ*.

Со стороны же княжества помѣщики Сикорскіе указывали границу чрезъ луга и поля Завадскихъ, по кустарникамъ и болотамъ, чрезъ *ломжинскую дорогу* до большаго граничнаго конца между д. д. *Завадами, Сикорами* и *Чиборами*; по этой границѣ нѣкоторые граничные знаки были уничтожены.

Разница въ граничныхъ показаніяхъ въ длину на четверть мили, въ ширину на полчетверти мили.

Далѣе обводъ продолжали мазовецкіе помѣщики дер. *Кравцовъ*. Они повели его отъ 4-хъ концовъ по стѣнѣ деревни *Сикоръ* (в. княжества) чрезъ поля и кустарники до болота, называющагося *Лебяжья Бѣль*, чрезъ болото до большой ямы возлѣ *залѣсско-ломжинской дороги*, утверждая, что на мѣстѣ этой ямы стояла прежде граничная сосна.

Противъ нихъ показывали помѣщики Сикорскіе отъ конца, смежнаго съ имѣніемъ Завадами на *тыкотинско-ломжинской дорогѣ*, по направленію къ 4-мъ каменнымъ концамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Судковъ*, затѣмъ чрезъ заросли до *суражско-ломжинской дороги*, при чемъ въ многихъ мѣстахъ показывали граничные концы и деревья, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испорченные Кравцами; во время обвода встрѣтилъ ихъ между прочимъ на дорогѣ девяносто-лѣтній старикъ, выразившій желаніе подтвердить присягой истинность показаній Сикорскихъ.

Разница въ показаніяхъ на 3 и на 2 версты.

Отъ суражско-ломжинской дороги идутъ деревни, находящіяся въ спокойномъ владѣніи; со стороны Мазовіи: *Замбричи, Чахоны, Чвалины, Свялуки, Слаши, Сливно, Ольшево, Холевы, Гоюды;* со стороны княжества: *Вноры, Грабки, Кулеши, Быки, Голяши и Дампсъ*. Эта спокойная граница тянется на разстояніи почти двухъ миль до д.д. *Голяшей* и *Мостична* (княжества) и *Калаковъ* и *Гунева* (Мазовіи). Затѣмъ пришли къ двумъ дорогамъ: *ломже-высоцкой* и *гоюдо-шаненской*.

Здѣсь встрѣтили помѣщики имѣнія *Голяшей* и повели по дорогѣ, идущей въ *Шани*, затѣмъ по концамъ и граничнымъ деревьямъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испорченнымъ) черезъ болото *Бѣль* до *Шаневысоцкой дороги* и остановились возлѣ бортнаго дерева. Здѣсь кончается уѣздъ бѣльскій и начинается дорогицкій.

Граничный обводъ продолжали со стороны княжества помѣщики дорогицкаго повѣта Тиборовскіе отъ старой гати дер. *Голяшей* и ручья *Дампса* по границѣ

Digitized by Google

деревни *Тесаковъ* и *Тропъ*, называющейся *Плозы* [1]) чрезъ лѣсъ и поля д.д. *Зегадлей* и *Рамбейковъ* до ручья *Тростинки*.

Со стороны Мазовіи эту же границу показывали помѣщики Гуни отъ деревни Голяшей, но по другому направленію чрезъ *ломже-высоцкую* дорогу до границъ *Ушенскихъ* (княжества), и деревень *Шаней* и *Щодрухъ* (Мазовіи).

Далѣе граничный обводъ продолжали мазовшане, владѣльцы Шаней и Щодрухъ (противъ Тиборовскихъ). Они повели въ сторону деревни *Яблонки* мимо свѣжаго конца, будто нарожнаго съ имѣніемъ *Гунями*, до деревни *Тиборовъ*.

Разница въ показаніяхъ въ длину на половину мили, въ ширину на четверть мили.

Здѣсь граничный обводъ приняли помѣщики (мазовецкіе) имѣнія *Чаховъ* или *Дампа*. Они повели по направленію къ деревнѣ *Рамбишеву* (помѣщиковъ Зегадлей) *до тиборо-рамбишевской дороги* и передали владѣльцамъ мазовецкимъ Зегадлямъ. Эти, принявши обводъ, пошли по *ломже-высоцкой* дорогѣ къ мазовецкой деревнѣ *Фошамъ* и литовской *Яблонкѣ* мимо граничныхъ концовъ и граничныхъ дубовъ черезъ болота и поля деревни Яблонки до большой ямы, обозначающей, по ихъ увѣренію, граничный знакъ между д.д. *Рамбишевомъ*, *Зегадлями* (Мазовіи), *Тиборами* и *Яблонкой* (княжества). Отъ ямы граничной обводъ продолжали мазовецкіе помѣщики Лащи по прямой линіи возлѣ сада и огорода Яблоновскаго священника, возлѣ церковной паперти, чрезъ большую дорогу, болота и луга по направленію къ д. *Медушамъ*.

Со стороны княжества обводъ показывали владѣтели Яблонки; они начали отъ гребли при ставѣ д. Рамбишева, пошли по обширнымъ лугамъ чрезъ ручей *Тростнику* и ручей *Яблонку* по направленію къ медуше—яблонской дорогѣ, до граничнаго конца между деревнями, носящими эти названія.

Далѣе владѣльцы мазовецкіе Лащи показывали свои границы отъ деревни *Медушъ* согласно съ литовской стороной на 10 верстъ по граничнымъ концамъ до имѣнія *Краевскихъ* (которые протестовали противъ такой границы на 6 верстъ въ ширину, а въ длину на все протяженіе имѣнія), прошли имѣніе *Бѣлый-край* и лѣсъ *Грабникъ* по граничнымъ деревьямъ и знакамъ, внесеннымъ въ Замбровскія земскія книги, другой лѣсъ *Грабникъ* по граничнымъ деревьямъ до угольнаго конца между д.д. Медушами, Бѣлымъ-краемъ и Зарубами.

(Здѣсь кончается замбровскій уѣздъ и начинается уѣздъ нурскій).

Граничный обводъ продолжали владѣльцы Медуши съ владѣльцами Зарубами отъ угольнаго конца чрезъ ручей *Малиброкъ*, отдѣляющій уѣздъ нурскій, чрезъ поля, засѣянныя Зарубами, до литовскаго имѣнія *Скоринскихъ* и наконецъ самихъ Зарубъ.

Противъ нихъ показывали Зарубы въ сторону княжества отъ ручья *Малиброка* по граничнымъ концамъ (смѣшаннымъ изъ земли и камней) и граничнымъ деревьямъ до угольнаго конца, положеннаго *подъ Ольхой, въ смугъ* (болотѣ).

Разница въ показаніяхъ въ длину около 10 верстъ, въ ширину около 3; въ спорномъ пространствѣ есть поля, засѣянныя Зарубами.

Граничный обводъ продолжали Зарубы (мазовшане) противъ Качинскихъ (литовцевъ) отъ деревни Медушъ чрезъ *Смугъ* и кустарники по двумъ граничнымъ концамъ и 30 большимъ граничнымъ дубамъ, (изъ коихъ нѣкоторые будто были испорчены Качинскими) по направленію къ деревнѣ *Россохатъ*, въ сторону *Нура*, гдѣ сходятся ихъ сумежныя границы.

Напротивъ того Качинскіе повели отъ ломжинской дороги близъ *дд. Старые Зарубы* и *Кранково* по направленію къ *д. Зарубы Шванковскія Романа* и сошлись съ показаніями Медушей.

---

[1]) Это названіе имѣетъ общее значеніе граничной тропы.

Digitized by Google

Разница въ показаніяхъ въ ширину на стадій 20, въ длину на четверть мили.

Далѣе граничный обводъ показывали Нартольты, владѣльцы имѣнія *Россохаты* и Херубини, владѣльцы имѣнія *Дубровы*. Границу между ними составляетъ большая *ломже-цѣхановецкая дорога* раздѣляющая дер. Россохаты по-поламъ, оставляя церковную Дуброву и Долгую Дуброву на сторонѣ княжества, до д. Новой Веси; затѣмъ повели черезъ поля, болота и лѣсъ до имѣнія Кишки и далѣе по граничной тропѣ, обозначенной концами и деревьями до угольнаго каменнаго конца, разбросаннаго Кучинскими и составляющаго сводный граничный пунктъ Качинскихъ (литовцевъ), Медзелевскихъ (мазовшанъ) и Дубровскихъ (литовцевъ) съ тѣми и другими; окончили свой обводъ у другаго конца цѣльнаго, а Модзолевскіе нѣсколько далѣе у дуба, на которомъ, по увѣренію послѣднихъ, были когда-то граничные знаки.

Дальнѣйшій обводъ продолжали Кучинскіе, владѣльцы имѣнія *Капланіи* съ Мазовшанами, Синицкими, Годлевскими и Завистами (владѣльцами смежныхъ съ ней деревень) до мазовецкой деревни *Кутилова* и литовской *Лунева*. Граница ихъ шла большею частію по *высоко-цѣхановецкой дорогѣ* и черезъ имѣніе Капланію, противъ чего сильно протестовали Кучинскіе.

Послѣ Завистовъ продолжали обводъ мазовшане Кутиловскіе противъ владѣльцевъ Лунева (литовцевъ) по такой граничной тропѣ, которую Кучинскіе считали своей границей съ имѣніемъ литовскимъ же Луневомъ; далѣе по границѣ Лунева до имѣнія *Гнатъ* (литовскаго) и *Тринишева* (мазовецкаго) при чемъ указывали граничныя деревья и знаки, которыхъ литовцы не признавали.

Далѣе границы были показаны владѣльцами Тринишскими противъ Гнатъ и Цѣхановца по граничной тропѣ, извѣстной подъ названіемъ *Плозы;* съ ними согласилась и сторона противная.

Но литовскіе владѣльцы имѣнія *Капланіи* (смежные съ мазовецкими владѣльцами Сѣницкими, Годлевскими и Завистами) доказывали, что мазовецкія деревни *Новая Весь, Мадели, Свянки*, извѣстныя подъ общимъ названіемъ Сѣницы, и половина деревни *Годлева* всегда принадлежали княжеству; что на новой границѣ ихъ поставлены концы лѣтъ 20 тому назадъ; литовцы же Луневскіе (начиная съ подновленной границы) повели на одну милю по *ломжинской дорогѣ* и $7^1/_2$ мазовецкихъ деревень причислили къ великому княжеству (именно 4 деревни Кутилово Пизише, 3 деревни Кутилово Скупе и половину Тринишъ) до большаго бора, принадлежащаго городу Цѣхановцу.

Далѣе граничный обводъ со стороны княжества показывалъ Кишка съ другими соучастниками во владѣніи Цѣхановцемъ; со стороны Мазовіи владѣльцы Тринишъ. Они согласно повели сначала по *ломжинской дорогѣ*, свернули затѣмъ на право на граничную тропу, называющуюся *Плозами* и шли этой тропой до королевскаго бора при дер. *Зашковъ*, смежнаго съ боромъ цѣхановецкимъ. Здѣсь мазовшане Тименскіе съ цѣхановецкими владѣльцами пошли по границѣ Зашкова до мѣста, гдѣ она граничитъ съ деревней послѣднихъ *Казарами*. Но подстароста нурскій Петръ Ходзинскій съ зашковскими старцами протестовалъ противъ такого показанія и повелъ по направленію къ Нурцу, потомъ Нурцомъ и смежными лугами, находящимися въ общемъ спокойномъ владѣніи; цѣхановцы же придерживались граничной тропы *Плозовъ*, шли возлѣ самой деревни Зашкова прямо въ Нурецъ и остановились возлѣ мельницы, находящейся въ общемъ пользованіи съ королемъ.

Рѣка Нурецъ течетъ на западъ и впадаетъ въ Бугъ, который раздѣляетъ оба княжества на разстояніи 3-хъ миль до литовской деревни *Кельчева;* ниже этой деревни Бугъ течетъ уже по Мазовіи; княжество же отдѣляетъ ручей *Веляча* на разстояніи полумили до варшавской капитульной деревни *Шадовна*.

Отъ капитульной деревни *Колодезя*, смежной съ имѣніемъ *Липками* начина-

Digitized by Google

ются безпокойства. Владѣльцы послѣдней предъявили жалобы на капитульные захваты, сопровождавшіеся самымъ упорнымъ сопротивленіемъ, потому что границу между этими имѣніями должны были составлять не граничные концы, установленные комиссарами, а ручей *Колодезь*.

Здѣсь же дрогичинскій подстароста Андрей Фальковичъ заявилъ, что р. Бугъ должна составлять границу между княжествами отъ устья Нурца, до устья Ливца; затѣмъ граница должна идти по Ливцу до его истоковъ.

Слѣдующія деревни находятся въ спокойномъ владѣніи, именно со стороны Мазовіи: *Модникъ* и *Гребиска, Сточекъ* и *Мотыкалы;* со стороны Литвы: городъ *Угоша, Козолупы, Каленчинъ* и *Борички*. Они раздѣляются опредѣленными урочищами.

Отъ мазовецкой деревни *Твароговъ* (владѣльдевъ Лаховскихъ) и литовской — *Паплинской воли* (владѣльцевъ Паплинскихъ) опять начинаются разнорѣчія. Паплинскіе повели граничный обводъ по ручью *Линбешъ* къ мельницѣ Лаховскихъ называющейся *Дижекъ*, потомъ черезъ гать, которую пройти было очень трудно.

Лаховскіе же заявили, что ручей называется не *Линбеша*, а *Каменка*, и повели не на западъ, а на югъ по стоку Линбеша до р. Ливца, потомъ по сторонѣ паплинской мельницы, называющейся *Бѣлый Берегъ*, оставляя ее и поля въ предѣлахъ княжества литовскаго.

Разница въ показаніяхъ въ длину на четверть мили, въ ширину нѣтъ разницы; въ спорномъ пространствѣ находится крупный лѣсъ и мельница Лаховскихъ.

Далѣе идетъ спокойная граница между мазовецкимъ имѣніемъ *Горками* и литовскимъ *Паплиномъ* на протяженіи 10 миль по р. Ливцу до дер. *Бейды*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ споровъ мелкихъ землевладѣльцевъ, о которыхъ подробности приложены къ реестру пограничныхъ жалобъ.

(Здѣсь начинается уѣздъ Луковскій). Рѣка *Житбна*, впадающая въ р. Ливецъ между *Нивишками* и *Осполье*мъ, отдѣляетъ луковскій уѣздъ отъ ливскаго; *Ливецъ* же составляетъ спокойную границу между княжествами. На этой границѣ расположены мазовецкія имѣнія: *Гопичи, Стрѣла* и *Съдлецъ*, и литовскія (дорогицкаго уѣзда) *Ходовъ, Крислинъ, Боски* и другія. По этой же рѣкѣ граница пошла на востокъ по крайней мѣрѣ на три мили до имѣнія *Чепелева* (луковскаго уѣзда). Здѣсь были заявлены претензіи противъ троцкой воеводины Елисаветы по поводу разрушенной ею гати на р. Ливцѣ, возлѣ имѣнія Чепелева.

Троцкая же воеводина показала концы, произвольно сдѣланные владѣльцами Чепелева и Вельгоръ-Кримаша (Олецкими)на ея собственной землѣ по той сторонѣ Ливца, и просила ихъ уничтожить; но вышепомянутые владѣльцы сослались на декретъ луковскаго подкоморія и остались при своемъ показаніи; при чемъ выяснилось, что природное русло Ливца было подвержено сомнѣнію, потому что воеводина указывала его по направленію къ деревнѣ *Радикову-Стопку*, а мазовшане—возлѣ своего имѣнія. Владѣльцы *Радикова-Стопка* и *Корницы* по поводу предыдущихъ разнорѣчій засвидѣтельствовали, что половину р. Ливца т. е. половину луговъ и болотъ смежныхъ съ имѣніемъ воеводины *Мордами* они получили еще раньше.

Далѣе граничный обводъ повели обѣ стороны по теченію Ливца до деревни *Бейды*, гдѣ онъ начинается, между мазовецкими деревнями: *Радиковъ Очки, Радиковъ Свѣшки, Перья, Пытки, Остои, Кошновъ, Издебки, Гузы и Собѣже и литовскими: Воля, Яйки, Сколимовъ, Бейды, Климы, Давиды, Шидловка, Ольшанка, Пороховка и Корчоватка.*

(Здѣсь кончается уѣздъ дорогицкій и начинается уѣздъ мельницкій).

Пришли потомъ черезъ болото *Бѣляны*, оставивши мазовецкую деревню *Остои* направо (у которой опять продолжается р. Ливецъ), черезъ длинные лу́га, общіе между Мазовіей и княжествомъ на протяженіи мили до большой граничной гати,

Digitized by Google

называющейся *Перекопомъ*, а по ней до луково-мельницкой дороги. Въ этомъ мѣстѣ Антоній Собецкій учинилъ большое прекательство.

Отъ Перекопа граничный обводъ продолжали мазовецкіе владѣльцы деревень *Веселой* и *Кречи* противъ литовскихъ деревень *Кожушковъ* и *Лукева*. Они шли чрезъ землю Забрезинскаго, черезъ гать, тянущуюся верстъ 5 и будто составляющую продолженіе *Перекопа*, до ручья Кревицы, а по ручью—до „польской деревни Гроховки".

Смѣнили ихъ владѣльцы Гроховки и показывали дальнѣйшую границу между ихъ имѣніемъ и литовской деревней *Кримошами* по ручью *Кревицъ*.

Со стороны княжества литовскаго противъ вышепомянутыхъ владѣльцевъ границу показывалъ междурѣцкій староста Иванъ Чижъ, отъ имени своего довѣрителя, державца междурѣцкаго замка Ивана Горностая, скарбія в. кн. литовскаго и королевскаго маршала. Онъ началъ ее отъ гати *Перекопа* и повелъ къ другой такой же гати (на 5 верстъ) черезъ лѣсъ и показалъ липу съ зарубами, похожими на граничные, потомъ такую же другую и возлѣ нея камень; далѣе повелъ *къ ручью Кревицъ*, и по ручью до граничнаго конца между мазовецкими деревнями Гроховкой и Высокиниомъ.

Отъ этого конца границу повели мазовшане Высокинскіе Тенчки противъ деревни Кримошичъ отъ р. Кревицы черезъ болотный лѣсъ, называющійся дубовымъ Смугомъ до р. Сѣничи, по р. Сѣничѣ до мазовецкой деревни *Лещанки*. А владѣльцы *Кримошичъ* продлили ее до впаденія Сѣничи въ р. Крсну.

Разница въ граничныхъ показаніяхъ между *Высокиниомъ* (маз.) и *Кримошичами* (лит.) въ ширину на 3 стадіи.

Далѣе, граничный обводъ продолжалъ луковскій подстароста Матіасъ Ивановскій между королевскими имѣніями *Требешевомъ* и *Дубровкой* со стороны Мазовіи и литовскими деревнями *Кримошичами, Пошишами* и другими. Онъ началъ отъ малой Крсны, повелъ чрезъ болото Смугъ по этой же рѣкѣ мимо междурѣцкаго замка и предмѣстья; чрезъ гать и мость, ведущій къ замковой мельницѣ, опять по Малой Крснѣ до впаденія ея въ Большую Крсну возлѣ другой замковой мельницы. Отъ этой мельницы по Большой Крснѣ до впаденія въ нее р. Коржи, по литовски—*Сошки*, потомъ болотнымъ лугомъ *Бѣль*, на которомъ лежатъ два граничныхъ камня надъ самой рѣкой. Отсюда до границы королевской деревни Дубровки съ мазовецкой деревней Тузовомъ и литовскими землями междурѣцкой державы.

Противъ такого обвода со стороны литовскаго княжества показывалъ границы междурѣцкій подстароста Иванъ Чижъ со своими старцами. Онъ началъ ихъ отъ р. Крсны, близъ мазовецкой деревни *Лещанки* и литовской *Стрѣлковъ*, повелъ по *Перекопу* до граничнаго конца, на которомъ стоитъ Ольха, этимъ же *Перекопомъ* далѣе, мимо другихъ такихъ же концовъ до полей лещанскихъ и стрѣлковскихъ, гдѣ указалъ замѣтныя ямы, называющіяся глинянками, сдѣланныя съ цѣлію уничтоженія *Перекопа;* далѣе, мимо двухъ граничныхъ липъ, повелъ по большому рву, тянущемуся на 4 стадіи, заявляя, что онъ сдѣланъ для обозначенія границы княжества съ луковскимъ повѣтомъ. Отсюда повелъ въ противоположную сторону, прямо черезъ поля поляковъ Лещинскихъ до Ольховаго лѣса, возлѣ котораго указалъ на замѣтный граничный ровъ; по рву пошелъ чрезъ болотный лѣсъ *Дубовицкій*, въ которомъ показалъ ручей, вытекающій изъ болота „Каня", прежде обильный водой, а теперь высохшій. Далѣе повелъ чрезъ тотъ же лѣсъ возлѣ королевской деревни *Дубовички*, относящейся къ Лукову. Оставивши ее на лѣво, какъ принадлежавшую прежде къ Литвѣ, именно владѣніямъ Забрезинскаго, пошелъ далѣе по лѣсу на $1^1/_2$ мили до болота *Каня*, въ которомъ есть лугъ королевской деревни Требешова и заявилъ, что сѣно съ этихъ луговъ собиралось прежде междурѣцкимъ замкомъ. Отсюда пошелъ чрезъ лѣсъ до луково-междурѣцкой дороги, проходящей возлѣ луковской деревни *Мошицкихъ* и

Digitized by Google

королевской *Березовицы*. По дорогѣ онъ указалъ во многихъ мѣстахъ рвы, которые прежде составляли *Перекопъ*, указалъ два граничныхъ конца, около которыхъ, по заявленію старцевъ, земля была уступлена Литвѣ, потому что здѣсь польскіе короли, проѣзжавшіе когда-то изъ Лукова въ Междурѣчье, были встрѣчены литовскими сенаторами и вельможами. Потомъ повелъ по тому же болоту *Каня* и показалъ граничную липу съ тремя замѣтными „*карбами*“, вырубленными Забрезинскимъ для обозначенія бортей; далѣе повелъ по тому же болоту до р. *Крсны*, прежде называвшейся *Хоржей*, которая течетъ изъ Лукова въ Междурѣчье; по рѣкѣ пришелъ къ польской деревнѣ *Мошицкихъ*, принадлежавшей прежде къ Междурѣчью и вносившей туда свои подати. (Противъ этого показанія уполномоченный мазовецкихъ владѣльцевъ утверждалъ, что названная деревня *Мошицкихъ* всегда принадлежала луковскому повѣту, а деревня *Мостиска*, называющаяся Коржей, возлѣ Турова причислялась къ Литвѣ, брестскому старостѣ). Отъ спорной деревни *Мостиска* границы повелъ далѣе по р. *Хоржъ* до королевской мельницы въ деревнѣ *Куколевницъ*, до другой р. *Сошки* и болота *Сошки*. Середина этого болота составляетъ границу между княжествомъ и короной до королевской деревни *Дубровки*, разграниченной недавно коммиссарами съ деревней *Туровомъ*. Здѣсь кончился граничный обводъ съ имѣніями королевскими.

Разница въ граничныхъ показаніяхъ въ длину на 2 мили, въ ширину на 3 мили. Захваты сдѣланы на счетъ земель королевскихъ. На нихъ беззаконно основаны были Забрезинскимъ (вслѣдствіе потаковничества луковскихъ старостъ) слѣдующія деревни: *Стрѣлки, Мыси, Яблынка, Переходы*, предмѣстье *Новое-мѣсто* и замокъ *Междурѣчье*. Между тѣмъ старцы изъ королевскихъ имѣній заявили, что Забрезинскимъ была основана другая деревня *Островъ*, разоренная старостою Феликсомъ Зелинскимъ. На это литовскіе свидѣтели замѣтили, что деревня *Островъ* не была разорена; что въ этомъ обводѣ существуютъ королевскія деревни: *Дубовичка Березовица* и владѣтелей Мостицкихъ—*Мостиско* и *Соколы*, съ принадлежащими къ нимъ боромъ и бортями; *Островъ* же былъ купленъ какимъ-то шляхтичемъ Пострихомъ у помѣщиковъ Кримошскихъ; здѣсь онъ выстроилъ было домъ, но потомъ переселился въ деревню *Пощиши* и отсюда ушелъ.

Когда оконченъ былъ граничный обводъ между королевскими имѣніями и Междурѣчьемъ, то дальше продолжали его владѣльцы деревни *Турова*. Они начали его отъ перваго граничнаго конца съ деревней *Дубровкой*, положеннаго въ большомъ болотѣ *Шосуки*, пошли потомъ черезъ самое болото на боръ; здѣсь показали липу, на которой былъ повѣшенъ воръ, крестьянинъ Забрезинскаго, по приговору копы. Эта липа стоитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходится граница княжества съ луковскимъ повѣтомъ, ибо таковъ былъ обычай, что на граничныхъ углахъ подобныя злодѣянія наказывались *дыбомъ*. Отсюда повели дальше на разстояніи $^1/_2$ мили и непоказывали никакихъ граничныхъ знаковъ, не смотря на то, что вели по полямъ, засѣяннымъ литовскими крестьянами изъ деревни *Островковъ*; затѣмъ снова указали на два мѣста, избранныя для совершенія казни надъ преступниками изъ короны и княжества по приговорамъ *копныхъ судовъ*. Наконецъ опять пошли къ болоту *Сошукамъ*, признавая его границей, черезъ поля междурѣцкой деревни Островки до деревни *Горки* и сказали, что здѣсь граница ихъ имѣнія сходится съ имѣніемъ луковскаго судьи Бартоломея Казановскаго *Съляновымъ* и *Устрѣхомъ*.

На этомъ мѣстѣ между прочимъ спрошены были 4 старца, свидѣтеля изъ королевскихъ крестьянъ, что они скажутъ на счетъ границы? Каждый изъ нихъ отдѣльно отвѣчалъ: „*несправедлива*, потому что названныя выше деревни должны раздѣлять болото Сошуки“.

Съ литовской стороны показывалъ границу противъ деревни Турова междурѣцкій урядникъ Иванъ Чижъ. Онъ повелъ отъ граничнаго конца на болотѣ до другаго; потомъ по рву, называющемуся *Перекопомъ* до турово-ворщанской дорожки (изъ Турова въ литовскую деревню *Ворщу*).

Digitized by Google

Дальнѣйшій граничный обводъ между *Островками* (съ литовской стороны) и *Съляновымъ* и *Устрѣхомъ* (съ коронной) продолжалъ тотъ же урядникъ Чижъ. Онъ показывалъ его посерединѣ болота *Темелька*, топкимъ болотомъ *Бѣльскомъ* до другаго *Окниска*, гдѣ сходятся границы Литвы и вышепомянутыхъ имѣній. Противъ него возражалъ луковскій судья Козановскій. Онъ началъ свой обводъ съ другой половины *Бѣльска*, повелъ не къ *Окниску*, а къ угольному концу *Керекъ*, на которомъ стоитъ липа, раздѣляющая имѣнія *Устрѣхъ*, *Браницу* и *Сбелинтово* Разница въ показаніяхъ на 10 стадій въ ширину.

Отъ конца Керекъ границу повели помѣщики мазовецкіе деревень *Браницы* и *Сбелинтова* черезъ болото *Бѣльско* къ лѣсу *Семитесу*, а черезъ лѣсъ къ мельницѣ воинскаго плебана, гдѣ, по ихъ заявленію, кончается уѣздъ луковскій и начинается люблинскій

Съ литовской стороны воинскій урядникъ Алексѣй Сума отказался продолжать граничный обводъ на томъ основаніи, что таковой былъ сдѣланъ уже нашими предшественниками три недѣли тому назадъ, именно: варшавскимъ каноникомъ *Матіасомъ Вариантомъ*, королевскимъ секретаремъ *Матвѣемъ Горецкимъ*, литовскимъ маршаломъ *Василіемъ Тишкевичемъ* и королевскимъ секретаремъ *Альбертомъ Нарбортомъ*. При этомъ заявилъ, что началъ свой обводъ отъ болота *Бѣльска*, велъ по этому болоту, потомъ черезъ гать до впаденія р. *Воинки* въ р. *Бранку* и прекратилъ его возлѣ става Лучева, гдѣ кончается уѣздъ Луковскій. Тутъ же засвидѣтельствовалъ, что конецъ Керекъ есть граничный знакъ между имѣніемъ *Междурѣчьемъ* и *Воиномъ* и лѣсъ, по которому вели Браницкіе, принадлежитъ Воину.

Браницкіе въ свою очередь заявили, что предшествовавшіе коммиссары начали граничную ревизію съ уѣзда люблинскаго, въ которомъ лежитъ одна половина ихъ имѣнія, а другая лежитъ въ уѣздѣ луковскомъ. Заявленіе свое они подтвердили достаточными доказательствами. Четыре свидѣтеля со стороны Браницкихъ удостовѣряли вѣрность показанія своихъ господъ желаніемъ учинить присягу.

Заключеніе. Такимъ образомъ не нашлось ни одного лица, которое бы согласилось вести дальнѣйшій граничный обводъ къ *Парчеву*, потому что это дѣло было уже исполнено предшествующими коммиссарами. Поэтому и мы отъ изслѣдованія дальнѣйшихъ границъ воздержались. Данъ въ Браницѣ (луковскаго уѣзда) Feria tertia mensis Augusti, anno Domini 1546. [1])

Граница Короны и великаго княжества Литовско-Русскаго.

Отъ Парчева и Воина до Каменца-Подольскаго граничный обводъ совершала другая коммиссія. Дѣйствія свои она начала 3 августа, а окончила 24 октября. По обширности этого журнала мы не имѣемъ возможности привести его въ подробности, а ограничимся только указаніемъ на главнѣйшіе граничные пункты и болѣе выдающіяся столкновенія и захваты литовскихъ земель со стороны короны.

Коронный. Граничный обводъ начали коронные владѣльцы Браницкіе отъ воинской мельницы мѣстнаго плебана; повели чрезъ воинскія поля и кустарники на 1 милю до 3-хъ граничныхъ концовъ, которые признавали угольными между Пар-

[1]) Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithvaninae ex originalibus exemplis autenticis discripti. Anno 1758. Vilnae. p. 1—33. (Limitis inter R. P. et D. Lithvaniae nec non Prussiae) per Dogel.

Digitized by Google

чевомъ [1]) и Воиномъ, Браницкими и Воиномъ, Копейной и Воиномъ. Одинъ изъ нихъ цѣлъ, а другіе будто уничтожены воинцами. При этомъ они заявили, что на эти границы они имѣютъ привилегію отъ короля Владислава, хранящуюся у копеинскаго земянина Петра. Копеинскій земянинъ по этому поводу лично заявилъ: „дѣйствительно я имѣю привилегію на свою вотчину, но не Браницкіе и покажу ее, когда настанетъ время". (Противъ этого показанія возразилъ воинскій врядникъ Сума со своими людьми, что мельница споконъ вѣка воинская, но подарена королемъ воинскому плебану только нѣсколько лѣтъ тому назадъ; что рѣка, на которой она стоитъ называется Воинскою и впадаетъ въ Бронку, что три конца не граничатъ съ короной, а съ литовскимъ же имѣніемъ Копейной и устроены берестейскимъ старостой Александромъ Ходкевичемъ по распоряженію короля; одинъ изъ нихъ цѣлъ, а два уничтожены судомирскимъ воеводой Точинскимъ, да не только эти два, но и многіе другіе. Панъ судомирскій черезъ своего прокуратора показалъ, что онъ не приказывалъ разсынать концевъ, а сдѣлали это сами воинцы, при чемъ они уничтожили и много другихъ нарожницъ съ Парчевомъ, о чемъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ. Но противъ этого возразилъ берестейскій подстароста Яцынигъ отъ имени Александра Ходкевича, что дѣйствительно эти три конца сдѣланы были для обозначенія границъ между Воинемъ и Копейной; но парчевскій врядникъ приказалъ ихъ разсыпать). Отъ этихъ трехъ угольныхъ кощовъ Браницкіе повели по простой дорогѣ, идущей изъ Воиня къ Глиняному Стоку, и указали 10 концовъ разсыпанныхъ воинцами между *Сухою Волей* и ихъ имѣніемъ, заявляя что по обѣ стороны этой границы вся земля коронная. На это пояснилъ воинскій урядникъ *Сума*, что дѣйствительно онъ уничтожилъ ихъ по распоряженію берестейскаго старосты Александра Ходкевича въ исполненіе королевскаго повелѣнія, потому что эти концы были насильственно сдѣланы воеводой судомирскимъ

Отсюда Бронецкіе повели черезъ дуброву къ дорогѣ, идущей отъ нихъ къ Парчеву, и показали еще 7 концовъ, разоренныхъ воинцами. И къ этому факту признались послѣдніе, что совершили его три года тому назадъ, во исполненіе той же королевской воли. Здѣсь окончили свои показанія Браницкіе.

Литовскій. Со стороны в. кн. литовскаго урядникъ воинскій со своими свидѣтелями началъ граничный обводъ отъ болота *Бѣльска*, повелъ черезъ луцовъ ставъ, устье Воинки въ Бронку, и по теченію послѣдней до *Городища*. Здѣсь онъ заявилъ, что налѣво — великое княжество, а направо — корона; но самое Городище и всѣ окружныя поля и лѣса принадлежатъ княжеству. (Браницкіе возражали, что это ихъ имѣніе). Отъ Городища повелъ долиной, дорогой и греблей до *Кокорецкаго Ставка* (Браницкіе возражали, что этотъ ставокъ ихъ). Отъ ставка повелъ чрезъ поле и указалъ крестъ, въ воспоминаніе убійства Броницкими трехъ воинскихъ человѣкъ на ихъ собственныхъ воинскихъ поляхъ. (Броницкіе признались въ убійствѣ только одного человѣка). Отъ этого мѣста повели по стоку до дороги, идущей отъ Браницкихъ къ Парчеву, и указали граничный копецъ и граничный дубовый пень на стокѣ, а по дорогѣ—другой конецъ подъ названіемъ урочище *Шадымеръ*; далѣе пошли дорогой до другаго урочища *Бабы „на которомъ собирается копа изъ многихъ селъ короны и княжества"*. (Браницкіе указали на концы по правой сторонѣ дороги, утверждая, что направо отъ нихъ— *Суховольское*, а налѣво ихъ *Браницкое*; но воиняне отстаивали свое, что на право—коронное, а на лѣво – ихъ воинское великаго княжества литовскаго. Про

---

[1]) Когда г. Парчевъ былъ отданъ Коронѣ съ достовѣрностью сказать нельзя, по отсутствію документовъ; можно только полагать, что онъ принадлежалъ Литвѣ до 1529 г. потому что до этого времени съ него собирались княжествомъ *Ордынскіе выходы* наравнѣ съ другими литовскими городами. См Акты З. Россіи, т. II, стр. 205—206.

Digitized by Google

тивъ урочища Бабы показывалъ луковскій прокураторъ, что оно принадлежитъ коронѣ, а не княжеству). Отсюда повели воинцы черезъ деревню *Чехоставъ*, объясняя, что она осажена 9 лѣтъ тому назадъ Точинскимъ, и показывали свѣжія распашки; къ этому поселку онъ отнялъ у воинцевъ 3 года тому назадъ 70 полуволокъ, отмежованныхъ Ходковичемъ. Наконецъ повели къ пруду *Фракантову*, отъ пруда долomъ чрезъ *миляновскіе огороды* до *Божое муки*, отъ Божое муки *до Переровца*. И сказали воинцы „*что въ этомъ мѣстѣ собирается копа изъ княжества и короны польской*“. Наконецъ привели къ границѣ князя Полубенскаго.

Здѣсь встрѣтилъ коммиссаровъ служебникъ князя Полубенскаго со своими свидѣтелями и заявилъ, что здѣсь начинается граница его князя съ воинянами. А урядникъ воинскій заключилъ, что показанная имъ граница отъ *междурѣцкаго* имѣнія черезъ болото *Бѣльско* по всему пройденному имъ пространству, урочищамъ, концамъ и гранямъ есть истинная граница между княжествомъ — на лѣво и короною — направо, и брался подтвердить ее присягой свидѣтелей суграничниковъ, шляхтичей, „*добролѣтнихъ и добреосѣлыхъ*“, а равно и показанія свои относительно порчи граничныхъ знаковъ и граничныхъ обидъ.

Коронный. Судомірскій воевода Янъ Точинскій, ставши возлѣ перваго конца (гдѣ по указанію Браницкихъ было три) заявилъ, что одинъ изъ нихъ есть нарожница съ *Воиномъ*, другой—съ *Браницкими*, а третій *Чехостава съ Копейной*, а село Чехоставъ онъ самъ осадилъ 10 лѣтъ тому назадъ; что граничный обводъ Браницкихъ по дорогѣ отъ нихъ къ Парчеву — вздорный, потому что границу должны составлять рѣки, болота, долы, горы и концы, а не дороги; что на 70 полуволокахъ воинскихъ между граничными концами засѣли люди королевскіе и земянскіе, а онъ захватовъ не дѣлалъ. И повелъ отъ этого конца панъ Точинскій якобы на $^1/_4$ мили лѣсомъ и сказалъ: по правой рукѣ коронное, а по лѣвой в. княжества — земянъ копеинскихъ; но ни какого граничнаго знака не показалъ; привелъ потомъ къ концу, будто нарожницѣ между Чехоставымъ и Копейной, и рекъ: *тамъ я велъ, яко зъ уряду моего, а далѣй южъ не веду*“.

(Урядникъ воинскій замѣтилъ, что это конецъ не стародавній, а устроенный 6 лѣтъ тому назадъ, какъ справедливо заявилъ объ этомъ и панъ воевода Точинскій). Съ этого мѣста граничный обводъ повели коронные земяне-миляновцы и костровцы на сѣверъ черезъ поля копеинцевъ, мимо дворовъ черезъ болото, носящее два названія отъ миляновцевъ—*Миляновскаго* и отъ копеинцевъ—*Ратайска*. Здѣсь они указали на конецъ, будто граничный короны съ княжествомъ (который копеинцы признаютъ своимъ концемъ съ воинцами и имѣютъ такихъ граничныхъ знаковъ много; эти знаки были положены берестейскимъ старостою Ходковичемъ и старостою мельницкимъ—паномъ Никодимомъ по приказанію короля, въ удостовѣреніе чего и были предъявлены три листа: два королевскихъ и третій коммиссарскій); но вѣрность его отвергъ даже панъ Точинскій, сказавши: „дармо ся миляновскіе и костровскіе въ то вкладаютъ, менятъ собѣ быти тотъ конецъ граничный зъ великимъ княствомъ, а то не есть такъ; але то есть концы промежку Воина и копеинцевъ“. Дальше повели миляновцы и костровцы на четверть мили боромъ и указали на три конца, будто граничные между короной и княжествомъ (а по заявленію воинскаго врядника однородные съ прежними), потомъ черезъ дуброву и боръ на 2 мили до болота *Руда*. Ставши по срединѣ его, заявили, что по правую руку—корона, а по лѣвую—в. княжество (но урядникъ князя Полубенскаго пояснилъ, что по правую руку—земля князя Полубенскаго, а по лѣвую — воинская; коронная же начинается далѣе; это подтвердилъ и воинскій урядникъ со своими свидѣтелями). Отсюда болотомъ всѣ пошли дальше до Руденецкаго моста по дорогѣ, „бѣгущей изъ *Руденца въ Костровъ*“. Здѣсь урядникъ князя Полубенскаго заявилъ, что по обѣимъ сторонамъ дороги земля его князя, а „*коронной тутъ и вида нѣтъ*“. Затѣмъ привелъ къ греблѣ на р. Ясенкѣ. Вотъ эта рѣчка и дѣлитъ корону съ княжествомъ. Дальше пошли боло-

Digitized by Google

томъ Миляновцы и Костровцы налѣво, а урядникъ Полубенскаго направо и каждая сторона утверждала, что идетъ по своей границѣ. Между прочимъ урядникъ князя Полубенскаго указывалъ на старые граничные знаки, уже заросшіе на большихъ деревьяхъ, на дубахъ и ольхахъ. Наконецъ опять всѣ сошлись вмѣстѣ и повели по границѣ *правдивой, спокойной* тѣмъ же болотомъ до берестейко-парчевской дороги, потомъ рѣкою *Ясенкою* до р. *Перевóлоки*, которая идетъ подъ Парчевъ, а отъ Переволоки, получающей отсюда другое названіе *Пивонеи*, вверхъ до переволоцкихъ земянъ, а отъ этихъ послѣднихъ до земянъ Хмѣлевскихъ (в. княжества и коронныхъ) до пруда, занятаго паномъ Точинскимъ, утверждающимъ, что по лѣвой рукѣ княжество, а по правой—корона.

Литовскій. Обводъ в. княжества началъ берестейскій подстароста Иванъ Яцыничъ отъ пруда (става), сдѣланнаго Точинскимъ къ большой обидѣ княжества, потому что задержалъ рѣку, составляющую границу между государствами. (На это сказалъ Янъ Точинскій: *„мнѣ позволилъ это сдѣлать король“).* При этомъ Яцыничъ положилъ жалобу на Точинскаго, что крестьяне новоосаженныхъ имъ деревень захватили литовскій островъ и производятъ на немъ распашки. (На это панъ Точинскій сказалъ: *„южъ я не каже черезъ то тамъ уступовать, а мѣйте то ку великому княжеству“*). Далѣе повелъ по р. Пивонеѣ съ господарскими людьми Коденчанами и князя Полубенскаго до болота, раздѣляющаго Корону отъ княжества, именно: *Бондаревъ лѣсъ* направо, а *Коденскій* и *Русиловскій островъ* налѣво; отсюда къ другому болоту *Гугнину*, надъ которымъ Точинскій осадилъ село 10 лѣтъ тому назадъ. Болото это составляетъ границу Коденчанъ съ Парчевомъ. Отсюда пошелъ къ р. Пивонеѣ, заявляя, что направо идетъ повѣтъ Холмскій—корона, а налѣво до р. Пивонеи в. княжество. При этомъ онъ указалъ на 26 граничныхъ сосенъ, на которыхъ *„старые звѣчистые грани выкажены и выжжены“*; далѣе черезъ Пивонею граница пошла по Холмской землѣ. (На это Точинскій сказалъ, что границею короны онъ считаетъ Пивонею; земли же при граничныхъ деревьяхъ считаетъ забранными *„хлопствомъ“*; король приказалъ ему не допускать такихъ захватовъ и *„ямъ кажу ихъ хлоповъ вѣшати и тые грани всѣ каже вырубати“)* [1]).

Коронный. Отъ Парчевскаго повѣта начинается повѣтъ Холмскій и граничитъ съ повѣтомъ Берестейскимъ въ Гугневскомъ болотѣ, пройдя разстояніе *„яко бы на стреленье къ шапцѣ“*. Здѣсь начинаются „грани“ черезъ боръ къ рѣкѣ Пивонеѣ; отсюда въ долину *Мостище* и ольховый багонъ, отъ багна въ *Кропивку*, отъ Кропивки въ рѣку *Сколотую*, отъ Сколотой въ *Турную* до Андреевскихъ границъ, всего на полторы мили супокойной границы Сосновскихъ съ Коденчанами. Здѣсь возлѣ креста Сосновскіе заявили, что дальше идетъ супокойная граница земянъ „Андреевскихъ (Холмскаго повѣта) съ Коденчанами на полмили до *„Жадова верха“*.

Литовскій. Возлѣ Жадова Верха коденчане заявили, что здѣсь ихъ граница сходится съ одной стороны съ *Володавскимъ* имѣніемъ володимерскаго старосты князя Сангушка, а съ другой—съ имѣніемъ коронныхъ земянъ Холмскаго повѣта *Андреев-*

---

[1]) Браницкіе начали вести границу отъ ставка воинскаго плебана и показывали въ длину на 1 милю; Судомірскій воевода Точинскій на $^1/_4$ мили; Миляновскіе вели до князя Полубенскаго на 3 мили (Точинскій имъ говорилъ, что граница ихъ вздорная ; воинскій урядникъ велъ отъ Междурѣчья до границы князя Василія Полубенскаго на 5 миль; разница въ граничныхъ показаніяхъ въ ширину на милю, на полмили; на версту, а въ иныхъ мѣстахъ—на *стрѣлянье изъ лука*; граница князя Полубенскаго вездѣ почти супокойливая, есть разногласіе въ болотѣ на $1^1/_2$ версты и на границѣ Переволоцкихъ земянъ до Хмѣлевскихъ 1 миля; между Хмѣлевскими земянами и Коденчанами граница супокойливая до болота Гугнина; здѣсь Точинскій самовольно построилъ на граничной рѣкѣ Пивонеѣ ставъ и отнялъ у Коденчанъ островъ на полмили вдоль и поперекъ.

Digitized by Google

ских. Коммиссары посылали за послѣдними коронныхъ *„передопжчихъ“* и ждали ихъ три дня; но имъ не угодно было явиться. Граничный обводъ повели коденчане съ имѣніемъ володимерскаго старосты. Они начали отъ Жадова Верха, гдѣ встрѣтилъ коммиссаровъ урядникъ князя Ѳедора Андреевича Сангушка со своими свидѣтелями, пошли болотомъ *Прибораженъ* до колодезя *„на брусскомъ гостинцѣ“* изъ короны въ княжество; потомъ рѣкою Скородницею черезъ лѣсъ до брода *Ульянова*, отъ брода до *Липичъ*. (На этомъ броду встрѣтили коммиссаровъ Андреевскіе и требовали возвращенія ихъ къ началу границъ своихъ съ княжествомъ, но не получили согласія; при этомъ заявили, что у нихъ много отнято коронныхъ земель во времена княженія Александра [?]. Здѣсь граница сошлась съ имѣніемъ коронныхъ земянъ Холмской земли Ганскихъ и пошла далѣе по р. *Скородницѣ* до моста по дорогѣ изъ Сухавы до Калачовъ; далѣе по той же рѣкѣ до впаденія ея въ *Володаву*. Ѣдучи далѣе по рѣкѣ Володавѣ до моста, заявили, что по правой сторонѣ—корона, а по лѣвой—княжество. Здѣсь на мосту урядникъ князя Сангушка брался подтвердить свидѣтельской присягой истинность своего граничнаго обвода. (Андреевскіе же, сопровождавшіе коммиссаровъ, заявили, что по лѣвой рукѣ вся земля ихъ собственная, отнятая володимерскимъ старостой, противъ чего протестовалъ княжескій урядникъ). По *Володавѣ* граница идетъ съ Ганскими на одну милю до впаденія въ нее р. *Лютой*. Отъ р. Лютой начинается граница князя старосты съ коронной земянкой-Крупской и идетъ по Володавѣ до моста, чрезъ который проложена дорога изъ короны въ княжество.

На другой день къ коммиссарамъ явился Холмскій подстароста Станиславъ Зубрицкій и, когда они пришли на мостъ, заявилъ, что онъ строится по поламъ людьми холмскими и берестейскими. Тутъ-же урядникъ князя Сангушка пояснилъ, что отецъ его патрона проводилъ уже границы съ земянами крупскими, и предъявилъ документы, изъ которыхъ было видно, что въ случаѣ нарушенія ихъ крупскими, послѣдніе должны лишиться земли на двѣ мили отъ *р. Лютой*, т. е. до прежней границы володавскаго имѣнія. (Урядникъ земянки Крупской сказалъ, что онъ не имѣетъ полномочія указывать свои границы; но жалуется на обиды [?]. Коммиссары пропустили границу имѣнія Крупской и продолжали дальнѣйшій граничный обводъ отъ пяты имѣнія Уханскихъ съ княземъ Сангушкомъ, т. е. отъ болота *Іюницы*. Изъ этого болота вытекаетъ рѣчка *Іюница*, впадающая въ р. *Снетовку;* отъ Снетовки граница идетъ черезъ большой лѣсъ по концамъ и гранямъ на деревьяхъ, по болоту (багну) до лѣса и рѣки *Радогощи*. Здѣсь начинается граница князя Головнина. (Урядникъ Уханскихъ засвидѣтельствовалъ, что граница съ володимерскимъ старостою показана вѣрно и супокойливая *). Она шла къ *Тименому* лѣсу, оттуда черезъ болото къ *Соломени Гради*, далѣе черезъ рѣку *Дубицкую* въ болото, изъ болота въ *Деревицкій лѣсъ* до *Сергіевой ямы*, отъ ямы къ *Луцкой дорогѣ*. Показывая эту границу урядникъ князя Головнина показывалъ въ то же время и старые граничные знаки, вырубленные на деревьяхъ. (Урядникъ Уханскихъ заявилъ, что границъ своихъ онъ не знаетъ, но только знаетъ, что эта земля его владѣльцевъ). Протяженіе границы на 2 мили.

Литовскій. На луцкой дорогѣ встрѣтилъ коммиссаровъ панъ Янъ Угровецкій и заявилъ, что староста любомльскій „на королевской послугѣ“, подстароста боленъ, что граница его не соприкасается съ княжествомъ, а только люди изъ Шацка и Свиташа *„зашли его отъ в. княжества“*, и потому границы своей показывать онъ не станетъ. Это дѣло взялъ на себя берестейскій подстароста Иванъ Яцыничъ отъ имени деревни *Олтушковичъ*. Онъ началъ ее отъ березеваго броду,

---

*) Протяженіе вышепоказанной границы слѣдующее; отъ Жадова Верха до Липъ 2 мили; отъ Липъ до рѣки Володавы 2 мили; отъ Володавы при впаденіи Лютой до моста 3 мили; отъ моста до подгорья 1 миля; отъ подгорья до Радогощи 2 мили, а всего 10 миль.

Digitized by Google

гдѣ княжество сходится съ любомльскимъ повѣтомъ, именно съ имѣніемъ Угровецкихъ; бродомъ до урочища *Тросковыхъ мховъ*; отъ мховъ до болота *Зеленца*, далѣе болотомъ до урочища *Утовки*, боромъ до *каменнаго креста*; отъ креста черезъ лѣски возлѣ ясени, *Закальники* до болота *Небимеховъ* возлѣ озера *Орѣхова*. При этомъ были указаны многочисленные граничные знаки на деревьяхъ, но многіе были уничтожены. Граница шла на протяженіи 2-хъ миль.

Коронный. На луцкой же дорогѣ встрѣтилъ коммиссаровъ и любомльскій подстароста Павелъ Чарноставскій съ земянами Уханскими и заявилъ; „здѣсь урочище Кобылко отъ котораго идетъ грань до Олтушскаго озера, а отъ Олтушскаго, до Орѣховскаго". При этомъ они повели не по коронной, а по частной границѣ, между литовскими деревнями *Олтушемъ* и *Радешомъ*, которая извѣстна подъ названіемъ *Хрипской*. Она была положена Сенькой Олизаровичемъ въ княженіе Александра, въ подтвержденіе чего и были предъявлены документы. Эта частная граница была положена между многими литовскими деревнями на протяженіи 5 миль до бискупской деревни *Замшанъ*. Но любомльскій подстароста остался при своемъ первомъ показаніи и въ подтвержденіе своихъ словъ указалъ на граничную сосну, подъ которой будто зарыта лютыка. Коммиссарскій осмотръ не нашелъ сосны, а только обгорѣлый пень, не заключавшій никакихъ граничныхъ знаковъ; такъ точно не оказалось подъ нимъ и мотыки. Далѣе любомльскій подстароста повелъ по *Олтушскому озеру* до р. *Орѣховки*, впадающей въ Олтушъ, и заявилъ, что на этой рѣкѣ стоитъ мельница в. княжества, принадлежащая Орѣхову, но на землѣ любомльской.

Литовскій. Берестейскій подстароста заявилъ, что граница, по которой велъ любомльскій подстароста и Уханскіе, есть по обѣимъ сторонамъ в. княжества и оба озера споконъ вѣка принадлежали ему же; рѣчки же Орѣховки никогда не существовало; это показаніе подтвердилось и коммиссарскимъ осмотромъ. Далѣе повелъ границу отъ урочища *Небимеховъ* на четверть мили до р. *Перевѣски*— между княжествами и панами Угровецкими. (любомльскіе люди Шатчане заявили, что эта граница отдѣляетъ ихъ отъ земли Угровецкихъ); далѣе р. *Перевѣською* по болоту до урочища *Перевѣсья* [1]). Здѣсь онъ заявилъ вмѣстѣ съ Орѣховскими людьми, что направо земля коронная—любомльская, а налѣво в. княжество и указалъ на дубѣ грани съ обѣихъ сторонъ. (Любомльскій подстароста выразилъ протестъ противъ этой границы). Далѣе повелъ р. *Перевѣською* до большой граничной сосны; возлѣ нея сказалъ, что рѣка перестаетъ быть границею и идетъ по любомльскому повѣту, а граница тянется по болоту на 12 миль. Во время обозрѣнія этой границы берестейскій подстароста показывалъ на болотныхъ островахъ много граничныхъ концовъ и деревьевъ; велъ же мимо лѣса *Умеча*, черезъ грудъ *Побій-коня* до *Бабьяго* (любомльскій подстароста не согласился съ такой границей). У Бабьяго Яцыничъ заявилъ, что здѣсь кончается уѣздъ любомльскій и начинается уѣздъ ратенскій между селомъ *Орѣховскимъ* со стороны княжества и *Залѣсскимъ*—со стороны короны. Граница между ними идетъ берегомъ урочища *Пегого* до урочища *Урека*; отъ Урека до болота *Оря*, именно до моста на р. Орѣ, протекающей серединой болота; дальше пошла граница Хотеславская по серединѣ же болота чрезъ *Королевъ мостъ* (Подстароста ратенскій протестовалъ противъ такого обвода и обѣщалъ показать границу истинную).

Коронный. Со стороны короны любомльскій подстароста продолжалъ граничный обводъ отъ *Орѣховскаго млынка* черезъ болото, дубровы, поля по серединѣ гуменъ орѣховцевъ до *Плѣшивой горы*, не показывая никакихъ граничныхъ зна-

---

[1]) Обводъ берестейскаго подстароста отъ Березоваго брода до Перевѣсья 3 мили, обводъ коронный отъ Кобылки до Млынка $4^1/_2$ мили; разстояніе между Березовымъ бродомъ и Кобылкой въ ширину въ началѣ на $^1/_2$ мили, потомъ 1 милю, наконецъ все уже на $^1/_4$ мили.

Digitized by Google

ковъ. Смѣнилъ его подстароста ратенскій Войтѣхъ Свѣтницкій съ людьми Залѣсскими. Онъ заявилъ, что у Плѣшивой горы сходятся три границы: любомльская, ратенская и в княжества—берестейская. (Берестейскій подстароста Яцыничъ замѣтилъ, что Плѣшивая гора находится въ предѣлахъ в. княжества и на ней есть грани, а граница съ Ратномъ идетъ по болоту, „потому что Ратно и Любомль прежде входили въ составъ княжества и укрѣплены за короной только во времена короля Казиміра Ягеллончика“). И дѣйствительно Свѣтицкій оставилъ ее въ предѣлахъ княжества и повелъ черезъ небольшое болото, на которомъ острова были засѣяны рѣпой людей Орѣховскихъ, потомъ чрезъ дубровы и лѣски возлѣ большаго болота до горы *Бабилецкой „не указывая нигдѣ жадныхъ знаковъ по тымъ мѣстцамъ“*. (Берестейскій подстароста заявилъ, что гора Бабилецкая осталась уже назади, а эта называется *Подмаковищемъ*). Далѣе повелъ черезъ небольшой долъ, боръ и Иржищчи, не большими горками и *великой грядой* до другой горы, нѣсколько большей. (Берестейскій подстароста заявилъ, что и эта гора не Бобилецкая, но *Гочинская* и составляетъ грань селамъ в. княжества Хотеславцамъ и Орѣховцамъ). Далѣе повелъ грядой, лѣсомъ, по краю болота до Лисовой горы и не показывалъ никакихъ граничныхъ знаковъ, кромѣ словеснаго заявленія, *„что по лѣвой рукѣ княжество, а по правой Любомско“*. (Берестейскій подстароста снова заявилъ, что на этой границѣ съ обѣихъ сторонъ в. княжество). Наконецъ панъ Свѣтицкій привелъ къ *Королеву мосту* на р. Орѣ и сказалъ, что границу составляетъ середина болота Оря. (Съ этимъ согласилась и сторона литовская). Разница въ показаніяхъ только въ ширину на полмили и на четверть мили.

Корон. и Литов. Отъ Королева моста обѣ стороны повели граничный обводъ вмѣстѣ по р. Орю, называя ее супокойливой границей между княжествомъ и Ратномъ до *Сосноваго островка*. Здѣсь обѣ стороны разошлись: коронная пошла налѣво — по предѣламъ в. княжества, а сторона в. княжества пошла направо— по предѣламъ короны.

Обѣ стороны шли къ Дивину на различномъ разстояніи другъ отъ друга на версту, на полмили и на милю. Въ длину эта граница имѣетъ 5 миль, и недоразумѣнія касаются дѣйствительнаго теченія р. Оря, которая въ однихъ мѣстахъ идетъ открыто, а въ другихъ „понуро“.

Литовскій. Берестейскій подстароста Иванъ Яцыничъ вмѣстѣ съ Дивинцами повели граничный обводъ по направленію къ острову *Годеню* по болоту *Орю*, до озера *Берзскаго*, въ которое впадаетъ р. Орь; здѣсь они указали на сосну, въ которой въ трехъ мѣстахъ были уничтожены грани Картелишцами; далѣе привели къ граничному дубу, на которомъ видны были старые знаки въ видѣ крестовъ; далѣе къ урочищу *Залозамъ*, то-же съ граничной липой; отъ липы болотомъ мимо граничныхъ сосенъ до урочища *Бабы* противъ *Дѣдня;* здѣсь тоже указали на граничную сухую сосну, на которой грани были уничтожены Картелишцами. Всего пространства на этой границѣ около двухъ миль. (Ратенскій подстароста протестовалъ противъ такого показанія и считалъ эту границу въ предѣлахъ короны).

Коронный. Эту же границу со стороны короны показывалъ ратенскій староста съ людьми Картелишскими отъ моста на *Перевѣсьи* или *Орь* до кривыхъ проходовъ, отъ проходовъ до *Сабичоваго мху*, отъ мху до перекопа, отъ перекопа до р. *Рѣчицы*, до урочища *Дѣдня*, а отъ Дѣдня до *Кривого Броду*. (Берестейскій подстароста протестовалъ противъ этой границы и заявилъ, что урочище кривой бродъ называется *Межигорами*).

Эта граница тянется въ длину на 2 мили, а въ ширину на 1 милю и менѣе.

Литовскій. Берестейскій подстароста Яцыничъ продолжалъ граничный обводъ съ Дивинцами отъ урочища *Бабы*, среди болота *Хванева*, черезъ кривую ниву, *Бороцкую* гать и *Добрицу* и здѣсь заявилъ, что дивинская граница съ Самаровскимъ селомъ (ратенскаго уѣзда) кончается и начинается граница Щедрогоская. Далѣе онъ повелъ отъ Добрицы чрезъ урочище *Гончариху, Кунево болото,*

Digitized by Google

Гончаровъ лѣсъ, островъ *Кіевъ* до угольскихъ *Горицъ* надъ р. *Хоморою* и заявилъ, что дальше идетъ уже граница Углянская (кобринскаго уѣзда). (Ратенскій подстароста выразилъ протестъ противъ этой границы).

Коронный. Далѣе граничный обводъ показывалъ ратенскій подстароста съ людьми Леликовцами, Повѣтянами и Радоставцами отъ урочища *Криваго брода* по рѣкѣ черезъ плеса *Осмульницу, Колоду, Городецъ, Личковъ* до половины озера *Любаня*; отъ озера пошла рѣчка *Нетеча* до Чалищовское пяты села кобринскаго уѣзда. (На это заявилъ берестейскій подстароста Яцыничъ, что урочище Кривой бродъ называется *Межигорьемъ*, рѣка съ плесами называется *Дивинкой*, а озеро *Дивиномъ*, отчего и самое село называется *Дивинскимъ;* что все пространство, пройденное ратенскимъ подстаростою, есть великое княжество до Чалищовской границы на протяженіи 3-хъ миль; а отъ урочища Бабы до той же границы по обводу княжества на протяженіи 4-хъ миль. Разница въ ширину на 2 мили, на 1 милю и на полмили).

Литовскій. Дальнѣйшій обводъ продолжали люди кобринскаго уѣзда Угляне отъ границы Дивинской; начали его съ болотнаго острова *Горицы*, который считаютъ пятой съ Дивинцами. Отсюда пошли болотомъ до *Сухаго лѣса*, черезъ болотные острова до *Дубина Ровича*, отъ Дубина до *Слѣпятища* и наконецъ до пяты села *Осиповскаго*, кобринскаго уѣзда. Во время обвода они показывали граничные знаки на разныхъ деревьяхъ; въ одномъ мѣстѣ на старую пробитую березу, которую называли „ *стражемъ своей границы, идущей по серединѣ болота*“ (Ратенскій подстароста выразилъ протестъ противъ такого обвода). Въ длину эта граница имѣетъ полторы мили, а въ ширину между обводомъ Углянъ (со стороны княжества) и Повѣтчанъ (со стороны Ротна) на полмили и на версту.

Коронный. Эту же границу показывалъ и ратненскій подстароста панъ Свѣтицкій съ Повѣтчанами. Онъ повелъ отъ Чалищевской пяты чрезъ урочища *Раникъ, Всухи, Пруглибокъ* до р. Волока, гдѣ сходится граница селъ *Осиповскаго, Головчинскаго* и *Татариновичъ*. (На эту границу несоглашался врядникъ городецкій Иванъ съ Углянами; онъ заявилъ: земля, по которой вели ратчане, есть великое княжество, „*бо привели есте до кобринскаго села Челищевичовъ: свою грань отъ Челищевичовъ есте взяли, то все водите кругомъ великаго княжества*“) Далѣе отъ рѣки *Волока* продолжалъ граничный обводъ тотъ же панъ Свѣтицкій съ людьми Радошскими черезъ урочище *Кривецъ* рѣкою Волокомъ до Витерки, пяты короннаго села *Ветеля*. Со стороны в. княжества суграничники—Осиповцы, Головчичи, Татариновичи, люди доктора Андрея, а равно и урядникъ его Бобровницкій, не явились къ коммиссарамъ, не смотря на оффиціальное приглашеніе, — не явились потому, что докторъ Андрей не получалъ на этотъ предметъ королевскаго листа, имѣніями владѣетъ пожизненно, а потому, по ихъ мнѣнію, и не обязанъ показывать своихъ границъ. Эта граница тянется въ длину на полторы мили.

Литовскій. Далѣе граничный обводъ показывали земянинъ кобринскій, Гаврило Мархотка по имѣнію своему *Велавлю* отъ пяты Головчичовъ; онъ началъ его отъ *Криваго острова*, повелъ черезъ болото по р. *Волоку* до *Красной дубровы*, до пяты села Суличовскаго, принадлежащаго Павлу Біютивскому. Эта граница супокойливая съ Ратномъ и тянется на 1 милю. Отъ пяты Суличовской повели далѣе люди в. княжества, пинскаго уѣзда, *Суличовцы* по границѣ Ратенскихъ селъ *Радошова* и *Ветлянъ;* вели р. *шиною* черезъ островъ *Тростянку*, островъ *Дашникъ* до границы села *Ляховичъ*. Граница эта тянется на полмилю съ Ратномъ и супокойливая. Далѣе повели ляховцы между *Батыевомъ* и селищемъ по болоту до острова *Калиновки*; отъ Калиновки по краю *Хмѣлева лѣса*, черезъ *Бѣсовъ лѣсъ*, по краю *Зеленой дубровы* между *точаевомъ* и селищемъ; наконецъ между *Краснымъ и общимъ до Липинъ*, т. е до пяты *Бѣлинской* села в. княжества Гра-

Digitized by Google

ница эта тянется на полторы мили и, по заявленію коронной стороны, „супокойливая“, кромѣ небольшаго острова *Дѣдня*.

Отъ урочища Залипья граничный обводъ продолжали Бѣлинцы, люди пинскаго уѣзда „королевое ее милости“, съ селомъ Ратенскимъ Ветелемъ; они повели черезъ великій лѣсъ, островъ *Затученье*, *Заболотье* до границы *Горецкой* князя Александра Чорторыйскаго. Здѣсь они указали на многіе граничные знаки, испорченные во времена пинскаго старосты Ивана Михайловича и возобновленные настоящимъ старостою Петромъ Кирдеемъ по распоряженію королевы. На этотъ актъ ратенскій староста не пріѣзжалъ и его совершала только одна сторона в. княжества (Староста ратненскій панъ Янъ Свѣтицкій протестовалъ противъ этого обвода и всю землю по границѣ считалъ коронной).

Коронный. Далѣе границу показывалъ ратенскій староста Свѣтицкій съ Ветлянами отъ *Краснаго острова* черезъ *Перекопъ*, островъ *Дѣдинъ*, *Озерише*, *Малееву Веретею*, рѣку *Залькову до Шибеника* [1]); далѣе ратенская граница пошла съ имѣніемъ пинскаго земянина Полоза черезъ *Сыровъ лѣсъ*, *Костровъ* и *Заячье* до пяты имѣнія Полоза и села *Горецкаго*, принадлежащаго князю Чорторыйскому. Граница эта тянется въ длину на 3 мили. Противъ этого показанія возражалъ урядникъ старосты Кирдея съ людьми пинскаго уѣзда Ляховцами, Бѣлянами и Глинянами, что коронный обводъ перешолъ далеко за границу княжества, потому что есть два села „*Бѣляны*“; одно изъ нихъ сугранічное съ Ветелемъ, а другое въ предѣлахъ княжества. (Обводъ коронный и былъ показанъ по границѣ этого послѣдняго). По обводу княжества эта граница тянется въ длину на полторы мили, а по обводу короны на 3 мили; въ ширину на одну милю и на полторы.

Литовскій. Отъ Заболотья повели Горчане—люди кн. Чорторыйскаго по болоту черезъ урочище *Окриково*, островъ *Липникъ*, между островами *Лядцемъ* (со стороны княжества) и *Старчемъ* (со стороны короны) къ урочищу *Проритицъ* на р. Припети; далѣе *Припетью до Воймина дуба*. При этомъ заявили, что р. Припеть обоими берегами принадлежитъ княжеству и ратенскіе земяне Чырскіе доступа къ ней не имѣютъ. Граница эта идетъ на 3 мили вдаль и «супокойливая».

Коронный. Со стороны короны границу показывали земяне Чирскіе; они начали ее отъ села *Ветлянъ* и повели по *Припети*, отъ *Селивонова поля* до впаденія въ нее р. *Чири* на протяженіи 1 мили. При этомъ заявляли, что границу составляетъ середина Припети; эта граница нарушалась Чорторыйскимъ, который поставилъ было на Припети мельницу, дважды разрушаемую паномъ Точинскимъ и людьми князя *Городчанами*, занявшими почти всю рѣку подлѣ урочища *Копуръ*. Далѣе повели по стѣнѣ *Илбежанъ* черезъ урочища, боръ и болота мимо средняго урочища *Добрынина* по направленію къ урочищу *Медвѣдевой головѣ* на 2 мили до ратенской деревни *Глуши*. (Противъ этого показанія протестовали врядники князя Коширскаго, старосты Луцкаго, Ирикъ Сметанка и Тимоѳей Волынецъ, королевскій дворянинъ Образцовъ со многочисленными сельчанами: *Ильбяжцами*, *Деревчанами*, *Быховцами*, *Орокомцами*, *Церянами*, *Любешовцами*, *Ведерцами*, *Льблянами*, *Глушанами*, что сторона коронная показывала свои границы на территоріи в. княжества.

„Правда, что Ратно и Любомль были великое княжество, но я не знаю, какъ они отошли отъ него; поговорите объ этомъ съ его милостью королемъ“, сказалъ имъ панъ Янъ Свѣтицкій.

—„То будетъ вѣдати Богъ, и князи наши, и надѣемся на Бога, ижъ его милость Господарь отчизнъ князей своихъ не отдалитъ“, отвѣтили урядники в. княжества).

---

[1]) Мѣсто казни чрезъ повѣшеніе.

Digitized by Google

Граничный обводъ продолжалъ тотъ же староста Свѣтицкій. Онъ заявилъ, что, отъ *Медвѣдевой головы* идетъ Глушская граница Олехна Скоруты между островами до *Каменя*, т е. замка князя Андрея Коширскаго на протяженіи полуторы мили. Здѣсь другой Свѣтицкій, Войтѣхъ, заявилъ, что съ этого мѣста начинается граница села его *Ракова лѣса, Ильбля* съ половины р. Цыри подъ Каменецкимъ замкомъ. И заѣхалъ онъ въ городѣ Каменцѣ дымовъ 80 или 100, потомъ повелъ рѣкою вверхъ до урочища *Дубровицы* по крайней мѣрѣ на одну милю, утверждая, что направо Корона, а налѣво—Княжество. (Но въ это время служебникъ Ковельскаго старосты заявилъ, что съ этого мѣста начинается граница села *Нюйна*, „королевое ее милости" в. княжества: *„Тутъ пану Свѣтицкому съ повѣту Ратенскаго и людемъ его жадного уступу нѣтъ"*. Урядники же князя Коширскаго выразили протестъ противъ показанія Свѣтицкаго, признавая все пространство, пройденное коммиссарами, принадлежностію княжества).

Между тѣмъ Свѣтицкій повелъ граничный обводъ со своими людьми *Ильблянами* противъ королевской деревни *Нюйна*. Онъ началъ отъ урочища *Дубровицы*, возлѣ котораго въ р. Цырь врѣзалась долиной въ лугъ, названный имъ р. *Дмитровкою*, по этому лугу онъ пошелъ черезъ лѣсъ—Урочище *Передѣлъ*, черезъ озеро *Мочульно*, рѣчку *Голышовку* до р. *Турьи*. Здѣсь онъ заявилъ, что граница его имѣнія кончается, а начинается—королевскаго села Велимицы. (Урядникъ ковельскаго старосты заявилъ, что все пройденное пространство принадлежитъ королевскому селу Нюйну, а рѣчка называется не Дмитровскою, но *Сагожею*). Дальше повели Велимчане противъ Нюйна рѣчкою *Голышовкою* до мельницы Нюевскаго священника; отсюда до рѣчки *Быстрижи* и заявили, что съ этого мѣста идетъ уже граница между ратенскимъ селомъ *Датномъ* и луцкаго владыки-*Качиномъ*. (Урядникъ королевое ее милости съ литовскими людьми сказалъ, что земля по всей границѣ, показанной Свѣтицкимъ, всегда принадлежала в. княжеству *со временъ Витовта;* что Быстрижа рѣка составляетъ границу между Нюйномъ и Качиномъ, входящими въ предѣлы княжества и *„Ратенскаго тутъ ничого нѣтъ"*. Это же подтвердили и Качинцы). Далѣе повели Датновцы, люди села Ратенскаго, отъ *Быстрижи* черезъ *Матеевъ островъ* до р. *Сыновки;* но Качинцы заявили, что эта земля находится въ ихъ *„звычистомъ, спокойномъ владѣніи со временъ в. князя Витовта"*.

Вся пройденная граница отъ урочища Дубровицы до р. Сыновки тянется на 5 миль.

Отъ рѣки *Турьи* границу показывали ратенскіе Сыновцы противъ Мельцовъ и Сыновцовъ, людей володимерскаго старосты, Ѳедора Андреевича Сангушка. Они повели рѣкою *Сыновкою* до озера *Сынова*, отъ озера р. *Мокрою* черезъ болото *Осечно* до озера *Песечна;* смѣнили ихъ ратнещцы *Замшане* противъ селъ володимерскаго старосты Сереховичъ и *Грабовки*; они повели рѣкою *Студенкою* до впаденія ея въ рѣку Вижву.

Отъ р. Турьи до р. Вижвы граница тянется на три мили. (На это урядникъ князя Ѳедора Андреевича Сангушки заявилъ, что все протяженіе границы отъ р. Турьи до Вижвы есть великое княжество, собственное владѣніе его князя Ѳедора, имѣющее «*Судеревъ*» съ королевскими селами *Облапами*, *Секунцами*, *Гридчанами* и *Городишскими боярами*; что село *Замошье* и *Васильки*, равно какъ и многія другія осажены во времена Казиміра и Александра:«*бо замокъ Ратенъ былъ великаго князства, якожъ часу потребы панове наши будутъ о то мовити, яко давно зашло*»)

Коронный. Далѣе граничный обводъ продолжалъ ратненскій староста Янъ Свѣтицкій между ратенскимъ селомъ *Глуховомъ* и великаго княжества *Вижвой*, Онъ повелъ черезъ р. *Вижву* Смугою, которую называлъ рѣчкою *Березовкою* (хотя и не было въ ней воды) до вижво-ратенской дороги; здѣсь онъ встрѣтилъ любомльскаго врядника съ кремнянами и заявилъ, что по той сторонѣ дороги—

Digitized by Google

общая земля любомльская и ратненская кремнянъ. Затѣмъ оба коронные урядника повели Смугою *Березевкою* черезъ болото *Чавли* до *Святого озера*, (отъ озера черезъ лѣсъ *Остъ*, по *грядѣ до горы Теремца*. За Теремцомъ идетъ уже граница любомльскихъ земянъ Обрамовичей. Пространство пройденное коммиссарами тянется на 2 мили Коронные урядники показывали на немъ многія граничныя деревья, будто испорченныя Вижовцами съ того времени, когда князь ковельскій продалъ это имѣніе королевѣ. (Противъ этихъ показаній протестовалъ Петръ Семашко отъ имени брата своего Богдана, ковельскаго старосты, что граница эта показана совершенно не вѣрно, потому что Вижовцы *„яко памяти ихъ займутъ и предковъ ихъ“* всегда владѣли этими урочищами и землями до настоящей поры. Граничные же знаки, будто испорченные ими, были сдѣланы княземъ Сендюшкомъ, который держалъ Ковель, Ратенъ и Любомль и Вижву; онъ сдѣлалъ ихъ между Вижвой и другими своими имѣніями для обозначенія *„лововъ, уходовъ и пашенъ: бо тое Ратно и Любомль отняли ку Корунѣ за Казимира короля. И я хочу Вашу милость*, заключилъ онъ, *по тымъ границамъ повести, которые дѣлятъ Ратенъ съ Ковлемъ и зъ Вижвою“*).

Литовскій. Противъ короннаго обвода со стороны в. княжества границу показывали урядники князя Андрея Михайловича Сангушка Коширскаго—старосты луцкаго съ многочисленными крестьянами: Ильбизцами, Деревчанами, Быховцами, Орокомцами, Любешовцами, Ведерцами, Льблянами и Глушанами. Ставши на урочищѣ *Войлишнъ Дубъ*, они заявили, что вверхъ по Припети по правой рукѣ—*Горецкое*, князя Чорторыйскаго, а по лѣвой—тоже великаго княжества—*Цырское*. Земяне цырскіе со своими крестьянами „заложилися ку повѣту ратенскому за короля его милости Казимира; они владѣютъ только одной десятой земли и угодій; а наши люди цырскіе всегда служили княжеству; границу же княжества съ короной составляетъ *Цинскъ и Ратно*“. Отъ впаденія р. Прорытицы въ Припеть эта граница прежде всего идетъ по Припети мимо урочищъ *Липова острова Брышова острова, Лысой горы* до *Косова берега*, оставляя направо Ветляны и Щедрогощи—села Ратенскія, а налѣво—великое княжество. Въ этомъ обводѣ, начиная отъ временъ Казимира до временъ Сигизмунда Стараго, изъ Ратна были осажены на землѣ в. княжества слѣдующія села: *Щитинъ, Черинче, Ильбле, Раковъ лѣсъ, Бузаки, Михновичи, Глуша и Борки*. Вотъ почему ратенскіе люди вырубаютъ много бортныхъ деревьевъ на землѣ княжества и *„кладутъ свои знамена“*. Эта граница по Припети тянется на 6 миль.

У Косова берега перешли р Припеть по мосту. Ставши на томъ берегу, тѣже урядники со своими людьми заявили, что эта же р. Припеть составляетъ и дальнѣйшую „стародавную“ границу Пинска и Ратна. Здѣсь же урядники „королевое ее милости“ Насонъ и Андрей съ людьми Хотѣшовскими сказали, что съ лѣвой ихъ стороны въ Припеть впадаетъ р. *Турья*[1]) изъ подъ Ковля; эта послѣдняя отдѣляетъ имѣнія князя Коширскаго (направо) отъ имѣній королевы (на лѣво; но панъ Янъ Свѣтицкій выстроилъ на ней мельницу подъ своимъ дворомъ Щитиномъ къ великой кривдѣ княжества (Свѣтицкій заявилъ, что земля по теченію Припети и Турьи принадлежитъ Ратну, такъ точно и королевскія имѣнія считаются въ ратненскомъ повѣтѣ).

И повели королевскіе врядники рѣкою Припетью къ урочищу—*Солнечкову селищу*, заявляя, что по правой рукѣ земля князя, Коширскаго, а по лѣвой—Королевой ее милости; Солнечково же селище есть островъ королевскихъ людей села Хотѣшова; они спокойно пользуются имъ со временъ „Витовта и Швитригайла“,

---

[1]) Обводъ шелъ противъ теченія рѣки, слѣдовательно Турья должна впадать съ правой стороны рѣки Припети.

Digitized by Google

хотя онъ и причисленъ къ ратненскому повѣту. (Янъ Свѣтицкій сказалъ: этотъ островъ есть моя „*дѣдизна*"; правда что на немъ жилъ когда-то *Солнечко*, но потомъ онъ пересталъ служить Ратну и островъ отъ него былъ отнятъ).

Отъ Солнечкова острова повели тѣ же урядники *Яровымъ* болотомъ мимо озера *Святаго* (оставивъ его налѣво) до другого озера *Островья*, заявляя, что одна половина его принадлежитъ королевѣ, а другая Яну Свѣтицкому (Свѣтицкій сказалъ, что урядники вели назадъ по его имѣнію *Щитину* къ другому имѣнію *Невѣрову*, которое расположено надъ озеромъ Островьемъ). Ставши на краю озера Островья, урядники заявили, что дальнѣйшая граница идетъ по *болоту Островью* до *озера Орѣховскаго*. Свѣтицкій всю эту землю причислялъ къ Ратну до королевскаго села *Щедрогоща* и проѣхавши съ четверть мили, сказалъ: „вотъ уже земля *Щедрогошская* налѣво, *Радостовская* направо"; но урядники замѣтили, что тутъ нѣтъ этой земли, а все тянется королевская земля—*Хотѣшовская* до озера Орѣхова). И пошли по берегу озера Орѣховскаго, оставивши самое озеро направо, а Котѣшовскую землю налѣво; потомъ болотомъ до рѣки *Щучьей* и сказали: „здѣсь уже кончается земля Котѣшовская и начинается рѣчицкое имѣніе князя Андрея Коширскаго". Смѣнили ихъ урядники князя Андрея Коширскаго съ людьми рѣчицкими и повели рѣкою *Щучьей* до рѣки *Вязовни*, потомъ берегами озеръ *Тесоболя и Мшанаго* до *Конищъ* (ратенскихъ пановъ); отъ Конищъ до *Залубицкихъ мостовъ* и наконецъ къ Припети. При этомъ они заявили, что хотя пройденное пространство и причислено къ Ратну, но составляетъ собственность великаго княжества отъ временъ Витовта, и королевскія села *Щедрогоща* и *Комарово* лежатъ на землѣ княжества, подвергающейся частымъ нападеніямъ и насиліямъ со стороны короны. Далѣе пошли рѣкою Припетью до моста на *р. Вижвѣ* и сказали: „здѣсь кончается граница князя Коширскаго, его рѣчицкаго имѣнія; направо отъ этого моста—Ратно, а налѣво—в. княжество" (Свѣтицкій остался при своемъ первомъ показаніи). Отъ Косова берега до моста на р. Вижвѣ граница имѣетъ въ длину 5 миль, а въ ширину разница между обводомъ короннымъ на 3 мили, въ иныхъ мѣстахъ менѣе, въ другихъ—болѣе 3 миль. Отъ моста на р. *Вижвѣ* обводъ продолжали урядникъ королевскій и володимерскаго старосты князя Ѳедора Андреевича со своими многочисленными людьми изъ 8 селъ; они повели вверхъ по *Вижвѣ* на полторы мили до впаденія въ нее р. *Хочевы*, заявляя что направо отъ Вижвы-Ратно, а налѣво — в. княжество; за рѣкой же Хочевой вся земля принадлежитъ королевскимъ селамъ *Городищанъ*, *Гридьковцевъ* и *Секунцовъ*. Тутъ же Петръ Семашко отъ имени своего брата ковельскаго старосты съ Вижевскими людьми продолжалъ свою границу съ ратенскимъ селомъ *Глуховомъ* и во многихъ мѣстахъ указывалъ на граничныя деревья, испорченныя Глуховцами, что было въ свое время освидѣтельствовано „*вижами*" изъ Луцка и Володимера. (Противъ этого обвода протестовалъ Войтехъ Свѣтицкій, утверждая, что показанная граница идетъ по землѣ Глушской). Онъ велъ немного по Вижвѣ, черезъ *урочище Колодину*, рѣчкою *Колодиною* до урочища „*Лядскихъ Бервъ*", на которомъ стоитъ ясень съ граничными крестами. На этомъ пространствѣ во многихъ мѣстахъ небольшія поля были засѣяны рѣпой Глуховскихъ людей; хотя послѣдніе и заявили, что эта граница ихъ съ *Дубичанами и Кремнянами*, но Вижовцы отвергали ее и повели по испорченнымъ гранямъ далѣе до урочища *Липинъ* и указали между двумя большими ольхами большой граничный камень между землей *Вижовцевъ* и *Дубичанъ*. (Панъ Свѣтицкій заявилъ, что по обѣимъ сторонамъ показанной границы лежитъ земля ратненская — дубичанская). Семашко, отвергая это заявленіе, повелъ далѣе рѣкою, вытекающею изъ *Колодинъ* мимо *Холопина лѣса* черезъ поля и *Кошары* (названіе отъ рыболовнаго коша) до вижево-дубичанской дороги; перешелъ черезъ дорогу по направленію къ *Лютому лѣсу*, и повелъ далѣе черезъ поля, отнятыя у *Вижовцевъ* Кремнянами (послѣдніе сознались, что на этихъ поляхъ у нихъ забирали

Digitized by Google

скотъ Вижевцы) рѣкою *Лютою* до урочища *Теремца*. На этомъ пространствѣ были указаны во многихъ мѣстахъ граничные дубы съ цѣльными и испорченными граничными знаками; были указаны многія поля, захваченныя людьми коронными и обсѣмененныя.

Разница между короннымъ обводомъ и в. княжества оказалась очень значительная: коронный обводъ имѣетъ въ длину 16 миль, в. княжества 17 миль; въ ширину на 10, на 5, на 2 мили и менѣе. Въ спорномъ пространствѣ находятся на ратенской землѣ слѣдующія в. княжескія села: *Цыри, Борки, Глуша, Щедрогощъ, Щитинъ, Черче, Бузаки, Раковъ лѣсъ, Михновичи, Ильбле, Велимче, Поступле, Замшане, Датынья и Василъки;* на литовской землѣ, по заявленію Свѣтицкаго, осажены слѣдующія ратенскія села: *Цыри, Глушка, Ведеръ, Ильбле Лохвичи, Хотѣшовъ, и Мостища.*

Коронный. Съ урочища Теремца коронный обводъ продолжали любомльскіе земяне Городецкіе; они вели рѣкою *Лютою* внизъ до впаденія ея въ *Вижву*, потомъ Вижвою до р. *Оходной*, по этой послѣдней вверхъ до горы *Кремяной*, ихъ смѣнили здѣсь любомльскіе же земяне Грабинскіе и Окунинскіе и повели большою дорогой изъ Берестья въ Володимеръ, заявивъ что эта дорога есть ихъ граница съ селами в. княжества *Видютемъ* и *Смединомъ*; потомъ привели къ урочищу *Чернцу* по рѣкѣ *Чернчѣ* и пройдя четверть мили повернули съ большой дороги налѣво по проселочной дорогѣ къ *Паридубамъ* (в. княжества); не доходя до самого села, пошли черезъ его поля, сѣножати и перелѣски и вышли снова на ту же большую дорогу и здѣсь остановились; ихъ смѣнили тоже любомльскіе земяне Стокорскіе (противъ деревни в-кн. *Сомина*)) и сошли съ большой дороги (*Витовта гостинца*) на дорожку идущую изъ *Перевалъ къ Лукову* и сказали, что здѣсь „пришла граница Грабинскаго у потоку". (Панъ Сѣмашко противъ этого послѣдняго показанія заявилъ, что пройденное коммиссарами пространство принадлежитъ в. княжескому, королевскому селу *Паридубамъ*.

Литовскій Противъ этого обвода со стороны в. княжества границы показывалъ Петръ Сѣмашко „я говорилъ еще въ субботу, началъ онъ, что между вижовскими королевскими имѣніями нѣтъ границы съ короною, потому что Ратно и Любомль были великое княжество и отчизна князей Сендюшковичей, а отошли они къ коронѣ только во времена Казиміра, что будетъ обнаружено въ свое время. Теперь же я стану показывать границы только между землей королевской и любомльскихъ земянъ".

Отъ урочища *Теремца* по р. *Лютой* до впаденія ея въ *Вижву*, р. Вижвой до впаденія въ нее р. *Оходной* идетъ спокойная граница съ земянами Городенскими (любомскаго повѣта); далѣе она тянется черезъ урочище *Ловы*, охотничій дворъ кн. Сангушка, *Мостище, Корнино, Чорное, Плеса* до впаденія въ Вижву рѣки Чорной; отсюда вверхъ черезъ *Соломени* по р. Чернчѣ къ большой берестейско-володимерской дорогѣ; далѣе дорогою черезъ сельцо *Стахоры* (земянъ любомльскихъ) на бродъ.

Протяженіе этой границы въ длину имѣетъ 4 мили (по заявленію обѣихъ сторонъ), а въ ширину разница на 1 милю. Далѣе границу показывали люди„ королевое ее милости" *Соминцы*. Они оставили великую дорогу на-лѣво, а сами пошли на-право черезъ поля „якобы на одно стрѣлянье изъ лука" къ болоту; по серединѣ его они заявили, что граница ихъ Соминская на-лѣво, а на-право половина любомльскаго села *Лукова*; отсюда повели черезъ *Ольховъ лозъ* и *Дорошининъ* лѣсъ; выйдя изъ лѣса „якобы на два стрѣленья изъ лука" привели къ двумъ озерамъ: направо земянъ окунинскихъ (любомльскаго повѣта), а налѣво людей Соминскихъ (великаго княжества); отсюда по р. *Рудкѣ* до лѣса *Лозища*, заявляя что направо земля пана Свѣтицкаго Трушковская, а на-лѣво Соминская; далѣе повели черезъ лѣсъ, по границѣ Каспора Новосельскаго (любомльской) на-право и Соминской (в. княжества) налѣво; отъ лѣса *Лазища* повели до другаго *Серебова*,

Digitized by Google

смежнаго съ *Перевальскимъ* имѣніемъ Свѣтицкаго, наконецъ мимо *Окунькаго* болота и Коршакова дуба до *Самино-перевальской* дороги и сказали, что здѣсь начинается уже граница *Торговицкая* князя старосты Володимерскаго. Протяженіе этой границы имѣетъ въ длину полторы мили (Свѣтицкій протестовалъ со своими земянами противъ этого обвода и всю землю считалъ своей собственной).

Коронный. Со стороны короны граничный обводъ показывали земяне: Грабинскій съ людьми своего села *Лукова* (на полмили), Окунинскіе (на одну милю) и наконецъ панъ Свѣтицкій

Коммиссары великаго княжества по поводу этого обвода заявили: „*а по тымъ границамъ мы сами не ходили; чотыри дни есьмо товаришовъ своихъ ждали, хотячи по границамъ ѣхати; оны въ пана Свѣтицкаго мѣшкали; потомъ олижъ шостого дня списки намъ прислали*“ [1]).

Литовскій. На Сомино-перевальской дорогѣ у Коршакова дуба встрѣтилъ коммиссаровъ урядникъ князя Ѳедора Андреевича Сангушка Богданъ Голимонтъ съ Торговицкими людьми и сказалъ: „здѣсь коронной границы нѣтъ, потому что Ратно и Любомль были князей нашихъ Сендюшковичей, какъ объ этомъ его милость въ свое время молчать не станетъ; а что касается границы между селами, то я укажу ихъ“. И повелъ онъ коммиссаровъ къ вѣтряной мельницѣ, возлѣ которой поставлена капличка (часовня) два года тому назадъ на княжеской землѣ; отсюда *Волческимъ* болотомъ къ *Мошенскому* лѣсу и наконецъ къ дорогѣ, идущей изъ Перевалъ къ Туричанамъ; по правую руку этого обвода—корона, а по лѣвую—в. княжество; протяженіе его на одну милю. (Свѣтицкій сказалъ, что все пройденное Голимонтомъ пространство, есть его собственная Перевальская земля).

Коронный. Со стороны Короны граничный обводъ продолжалъ панъ Янъ Свѣтицкій между своимъ *Перевальскимъ* имѣніемъ и селомъ князя Курцевича *Туричиномъ*. Онъ началъ отъ озера *Святаго* и говорилъ, что долиной должна вытекать изъ него рѣчка *Романиха*, а граница идетъ до р. Турьи, отъ *Турьи* до р. *Турки* на этой послѣдней „збудованъ“ ставъ *Вопиханка*; отъ става вверхъ по р. *Глубочицѣ* черезъ лѣсъ *Зяблю* до острова *Бартоша* (князья Курцевичи Богданъ и Михайло заявили, что все это ихъ собственная земля; „а кгды будетъ того часъ, будемъ умѣть и зъ Свѣтицкимъ о то мовити“).

Литовскій. Съ перевало-туричанской дороги обводъ приняли со стороны княжества князья Курцевичи и показывали границы между своимъ имѣніемъ *Туричанами* и *Переваломъ* Свѣтицкаго. Они вели возлѣ Святаго озера по граничнымъ концамъ *грядою* до става *Хотеновичъ*, потомъ *Чистою струѣою* въ *Чорную Воду*. Здѣсь передали обводъ Овлучемскимъ; объ обидахъ не заявляли. Протяженіе его на полъ мили.

Коронный. Границу свою съ земянами Овлучинскими: Андреемъ, Иваномъ и Юрьемъ Гнѣвошевичами показывалъ со стороны Короны Янъ Свѣтицкій. Онъ началъ ее отъ *Королева болота*, повелъ по р. *Глубочицѣ* до лѣса *Тишина*, далѣе, тою же рѣкой до острова *Жукова* и *Обидова* и передалъ дальнѣйшій обводъ Любомльскимъ земянамъ Олѣскимъ. (Овлучинскіе заявили, что эта граница совершенно невѣрная). Олѣскіе повели далѣе отъ урочища *Потымья* черезъ болота, *Лютый* лѣсъ, бродъ *Неретце* до *Городища* надъ озеромъ; отсюда серединой *озера Неретуя*, потомъ черезъ болота и лѣсъ *Мѣшокъ* до р. Домашней; отъ рѣки до урочища *Перекрестья* на володимерскомъ гостинцѣ; отсюда черезъ *гряду до Качанова* ставка и передали дальнѣйшій обводъ владѣльцамъ городельскихъ селъ: *Стеширита* и *Заболотья* (Овлучинскіе земяне заявили, что все пройден-

---

[1]) Мы не приводимъ здѣсь подробностей этихъ списковъ, потому что они не имѣютъ юридическаго значенія.

Digitized by Google

ное Олѣскими пространство есть ихъ собственная земля; „но они насиліемъ вытѣсняютъ изъ нея насъ и нашихъ людей, производятъ разбои, грабежи, отнимаютъ скотъ и пчелиныя борти, жито и разный хлѣбъ; вообще они во время нашего малолѣтства причинили убытковъ на 800 копъ грошей").

Литовскій. Со стороны Литвы граничный обводъ продолжали Гнѣвошевичи, владѣльцы Овлучинскіе. Они повели *чистымъ болотомъ* отъ урочища *Чорной воды* до *Жукова ставка* (возлѣ котораго кончается граница Свѣтицкаго и начинается граница Олѣскихъ; отъ ставка р. *Чорною водою* черезъ *Чортовъ лѣсъ* до ставища; здѣсь заявили, что любомскій земянинъ Олѣскій 10 лѣтъ тому назадъ осадилъ на ихъ землѣ своихъ людей; отъ ставища черезъ *Тешовъ* лѣсъ налѣво, мимо 3-хъ концовъ до урочища *Вьюнищъ* на р. *Невъдомкѣ;* далѣе рѣкою мимо *Ставрова лѣса* до озера *Невъдомки;* здѣсь заявили, что начинается Стережицкая граница городельскаго повѣта; отсюда повели „багнами" мимо *Банилова* лѣса черезъ болото *Паровицу* до границы *Пузовской.* Протяженіе всей границы на $3^1/_2$ мили; а земянъ Любомскихъ на 4; въ ширину разница на 2 и на 1 мили.

Сюда явился урядникъ Володимерскаго епископа Геннадія и заявилъ, что имѣніе городельскаго повѣта *Стережицы* (на этой сторонѣ Буга), отстоящее отъ города въ 2-хъ миляхъ, принадлежитъ Володимерской церкви Пречистой Богородицы; но отнято белзскимъ воеводою Крупскимъ, не смотря на то, что епископъ имѣетъ на правовладѣнія имъ листы и твердости „и часу своего то хоче оказати".

Литовскій. У Паровца границу приняли другіе Овлучемскіе: Богушъ, Тимошъ и Ѳедоръ, владѣльцы *Пузова* (володимерскаго повѣта); они повели по границѣ *Пузова* и Стережицы черезъ *Песчаный бродъ*, ставище, *край гряды*, урочище *Лъски* и *самотешъ* до Стережицко-володимерской дороги, гдѣ начинается Устилужская граница, и между прочимъ *Ѳедоровскаго* имѣнія володимерскаго владыки. Протяженіе ея вдоль на 1 милю, поперекъ на полмили.

Далѣе граничный обводъ продолжалъ урядникъ князя Александра Вишневскаго Михайло Котовичъ между *Стережицами* (имѣніемъ короннымъ) и *Устилугомъ* (княжества). При этомъ онъ заявилъ, что Стережицы принадлежатъ володимерской церкви Пречистой Богородицы, но недавно отняты „гвалтомъ" Крупскими. И повелъ онъ отъ *Пузовской гребли* чрезъ *Волчьи броды* серединой р. *Выдровицы* до городельско-володимерской границы, потомъ черезъ *Бугъ* къ тополю до сосноваго „*полгая*", затѣмъ черезъ *Красную гору* до границы другаго княжескаго села *Езовскаго.* При этомъ было заявлено, что Стережицко-володимерская дорога лежитъ на землѣ Пузовской. Протяженіе этой границы равно 2-мъ милямъ.

Коронный. Коронная граница городельскаго староства показана отъ урочища *Ставрова*, мимо *Невъдомскаго озера* черезъ болота и лѣса, дорогу (признаваемую грядой), *Кочанъ-Ставокъ*, урочища *Черницы, Городище, Королевское становище, Годень,* черезъ дорогу, поля, озеро Малеево, Бугъ, черезъ болота и урочище *Каменное* до Стрижевской границы.

На этихъ границахъ коммиссары не были и показаній не провѣряли. Но земяне Овлучемскіе и Пузовскіе, урядники князя Вишневскаго и другіе сограничники заявили, что „всѣ грани и урочища есть у великомъ княжствѣ и кгрунтъ отчизна наша и зъ вѣку великое княжство. Кали будетъ часъ тотъ, ясне то оповѣмы и доводомъ слушнымъ ведлѣ бычаю права подперети хочемъ" [1]).

Литовскій. Со стороны в. княжества дальнѣйшій обводъ продолжали разные урядники пограничныхъ имѣній: сначала урядникъ князя Вишневскаго отъ уро-

[1]) Протяженіе этой границы не обозначено.

Digitized by Google

чища *Красной горы* до *Савина рва* на Бугѣ, между имѣніемъ своего князя *Езовскимъ* и имѣніемъ Свѣтицкаго *Стрижами* на $1^1/_2$ версты въ длину и полмили въ ширину; потомъ урядникъ земянина Щаснаго Львовича отъ *Савина Рва* по Бугу до имѣнія *Лудинскаго* Котовича и Крупскаго между своимъ имѣніемъ *Чернейками* и имѣніями Свѣтицкаго – *Гусиномъ;* наконецъ владѣльцы имѣнія Лудинскаго (Котовичъ и Крупскій) между своимъ Лудинскимъ имѣніемъ и короннымъ *Гусинскимъ* и *Городецкимъ* до урочища *Чорной Лозы*, до границы Володимерскаго владыки *Боженя* и *Крылова*. Всего протяженія имѣетъ эта граница 3 мили и $1^1/_2$ версты; въ ширину на полмили и на $^1/_4$ мили. Во время граничнаго обвода урядникъ кн. Вишневскаго заявилъ, что Свѣтицкій гвалтомъ уступуетъ и забираетъ сѣножати у князя бискупа луцкаго; владѣльцы имѣнія Лудинскаго заявили, что на ихъ землѣ Грубешовскій староста панъ Дубинскій осадилъ село *Путневу волю;* на пространствѣ же отъ урочища Чорной лозы до Боженки и Крылова „ляхами" отняты села володимірскаго повѣта: *Михалъ, Поромово, Кречевъ и Ясенево;* независимо отъ этого городецкіе владѣльцы Петровскіе и Османскіе причиняютъ имъ „бои, гвалты и грабежи на многихъ мѣстахъ".

Коронный. Со стороны короны встрѣчный граничный обводъ показывали владѣльцы городельскаго повѣта Свѣтицкій, Петровскіе и Османскіе. Первый повелъ границу своего имѣнія *Стрижей съ Езовскимъ* имѣніемъ князя Вишневскаго *Чернейскимъ*, имѣніемъ Щаснаго Львовича и *Лудинскимъ*—Котовича и Крупскаго; началъ отъ Колодезя, потомъ повелъ черезъ урочище *Бакачъ* до Буга, далѣе р. *Бугомъ* на полмили до *Чернейкова*, затѣмъ черезъ урочище *Рудки, Могилы* до урочища *Глубины*, наконецъ чрезъ урочище *Дѣвіи Горы* и поля до озера *Веренемиша* и передалъ обводъ Петровскимъ и Османскимъ; протяженіе этого обвода на 2 мили. (Владѣльцы Лудинскіе заявили, что граница ихъ есть р. Бугъ). Принявши отъ Свѣтицкаго обводъ, Петровскіе и Османскіе продолжали его между своимъ имѣніемъ *Городецкимъ и Лудинскимъ* в. княжества отъ *урочища Рва* черезъ урочище *Глубокую долину*, черезъ поля и дубровы *Кочапую могилу* и *Раково озеро* до Буга, всего на 1 милю въ длину и полмили въ ширину. (Тѣ-же владѣльцы Лудинскіе заявили, что граница ихъ есть Бугъ, а коронные земяне показывали свою границу на ихъ собственной землѣ).

Возлѣ урочища Чорной лозы встрѣтилъ коммиссаровъ урядникъ королевы Боны и отъ имени Володимерскаго епископа Геннадія, вмѣстѣ съ крестьянами деревень *Божанки, Дорощничъ, Фурсовичъ, Тишковичъ, Полупанщины* заявилъ, что граница между повѣтомъ Володимірскимъ и Белзскимъ есть Бугъ. Тѣмъ не менѣе „межи тыхъ селецъ вышей описанныхъ владыки его милости и межи селъ повѣту володимерскаго, которые села ляхове привлащили къ себѣ, а иншіе осадили на грунтѣ володимерскомъ и владычества володимерскаго". Вотъ села захваченныя ляхами: *Михалъ, Поромовъ, Лезница, Кречево;* вотъ села осаженныя ими: *Волчковъ*, другія *Лезницы*. Первыя были отняты во времена Александра, вторыя осажены не болѣе 10 лѣтъ. При этомъ князь Миколай Збаражскій заявилъ, что панъ Точинскій выгналъ его людей изъ урочища Волчка и осадилъ тамъ свою волю, что села и земли отняты также отъ его имѣнія Морозовичъ къ Крылову воеводы Судомирскаго. Граница отъ *Чорной Лозы* идетъ черезъ *Долгую Лозу Глиница, Скомороховъ* курганъ, урочище *Жолобово*, мимо Лезницы, потомъ дорогою до *Петрова озера* и наконецъ рѣкою *Гускою* до Буга, а *Бугомъ* вверхъ до села Литовижскаго Молникова. Протяженіе этой границы на 2 мили въ длину.

Коронный. Со стороны Короны граничнаго обвода не было, а представлены были только списки, въ которыхъ граница проведена была по захваченнымъ землямъ къ Крыловскому замку. Коммиссары внесли въ свой журналъ эти границы съ заявленіемъ: *„При томъ мы сами ани вижи наши, ани сторона зъ великого князства ку отказу не были"*.

Digitized by Google

Литовскій. Со стороны в. княжества граничный обводъ продолжалъ урядникъ князя Чорторыйскаго между имѣніями его Литовижскими и Коронными имѣніями *Крыловымъ и Кречевомъ* (пани Судомирской) и *Голубями* (пани Колдачевое) Эта граница положена недавно, вслѣдствіе присоединенія володимерскаго села Кречева къ Белзскому имѣнію Крылову и имѣетъ 19 концовъ, до границы пановъ Езовскихъ; далѣе пошла граница съ селомъ *Пятью коровами* (пани Судомірской) до земянъ Городиловцовъ, до Крыницы *Дыменницы* на Сокодо-володимерскомъ гостинцѣ; отсюда дорога отдѣляетъ Литовижскія земли отъ имѣнія земянина в. княжества Иваницкаго. Протяженіе ея отъ ставка Пятичъ до Буга на полмили; отъ Буга отъ озера *Жуковца* до *Бѣлыхъ береговъ* Буга на полторы мили; отъ Бѣлыхъ береговъ мимо *Ливина* и *Кругля* до Соколо-володимерской дороги (гдѣ граница Литовижская выходитъ изъ Буга) на одну милю, а всего на три мили. На этой границѣ возлѣ урочища *Верха Карповца* панъ Колдачъ осадилъ на сыромъ корнѣ новое село *Песечное* лѣтъ 10 тому назадъ.

Коронный. Со стороны короны границу показывалъ по Бугу панъ Колдачъ между своимъ имѣніемъ *Голубями* и имѣніями кн. Чорторыйскаго—Литовижскими; онъ началъ ее отъ нарожницы села *Кречева* (пани Судомирской) и повелъ до другаго села *Тудоровскаго* (этой же воеводины) на разстояніи одной мили.

При этомъ обводѣ, заявляютъ комиссары, „ни *мы сами, ани вижи наши, ани сторона зъ великаго князства ку отказу не были*“.

Литовскій Со стороны в. княжества обводъ принялъ у Криницы *Дыменницы* Иваницкій и повелъ „границами стародавными“ по Соколо-володимерской дорогѣ до Сокольскаго села *Скоромоховъ* и передалъ его на *Ильковицкой* греблѣ (на р. Роятинѣ) земянкѣ Ляховицкой. Протяженіе этого обвода на полмили. Люди ляховицкаго села повели вверхъ по р. *Роятинъ* до става пана Млечка, устроеннаго на землѣ в. княжества, далѣе рѣкою до *Криницы* и передали обводъ князю Александру Порыцкому. Протяженіе этой границы на полмили.

Князь Порыцкій повелъ по рѣкѣ вверхъ на полмили и заявилъ, что налѣво лежатъ его имѣнія *Порыцкъ* и *Грушово*, а направо имѣніе *Стонятинъ* пана Млечка, потомъ повелъ черезъ гору до другой долины и указалъ на Кошарища, въ которыхъ „Волошья зъ овцами стаивали и тыхъ дубровъ уживали“; здѣсь онъ сказалъ: по праву земля пановъ Рудкировъ село ихъ Лучича, прежде во времена князя Александра считалась въ предѣлахъ в. княжества и принадлежала къ Бокеевскому имѣнію Печихвостамъ, и по-лѣву его имѣніе *Грушово;* затѣмъ повелъ по направленію имѣнія Бокеевскаго *Милетина* и остановился у трехъ концовъ. Протяженіе этой границы на 2 мили.

Коронный. Встрѣчный обводъ со стороны короны показывали земяне Городиловскіе, люди королевскаго села Скомороховъ и панъ Млечекъ. По заявленію комиссаровъ при этомъ обводѣ *„мы сами, ани вижи наши, ани сторона зъ великаго князства ку отказу не были“.*

Литовскій. У трехъ концовъ обводъ приняли Ѳедоръ и Гаврило Бокеи. Они заявили, что въ этомъ пунктѣ сходятся углы трехъ имѣній: *Грушова, Лучичъ* (бывшаго во времена князя Александра въ предѣлахъ в. княжества) и *Милетина.* Они повели по Володимерско-Бужской дорогѣ между Лучичемъ (повѣта белзскаго) и *Милетиномъ* (володимерскаго), до 3-хъ концовъ; отсюда на протяженіе одной мили до урочища *Жидовки* по граничнымъ концамъ и граненымъ дубамъ, отстоявшимъ другъ отъ друга на одно или на два стрѣлянья изъ лука (здѣсь протестовъ не было).

Отъ *Жидовки* же до урочища *Бѣлой Криницы* на протяженіе полумили Бокеи показывали очень много разоренныхъ концовъ и дубовъ срубленныхъ Лучицкимъ владѣльцемъ Рудкиромъ (противъ этого показанія протестовалъ Рудкиръ и заявилъ, что эти грани не бокеевскія, а остророговскія; но Бокеи остались при своемъ показаніи). Отъ *Бѣлой Криницы* урядникъ остророговскій, воеводины Судо-

Digitized by Google

мирской, и Бокеи повели далѣе по болоту до большаго граничнаго конца, гдѣ заявили, что по правой рукѣ идетъ граница села *Лешетовъ* (воеводины Судомірской), а по лѣвой села *Лешка* (земянина в. княжества Медвѣдева). Протяженіе имѣетъ эта граница полторы мили, а въ ширину отъ одного до 3-хъ стрѣляній изъ лука.

При этомъ Бокеи заявили, что село Лучичи прежде входило въ составъ в. княжества и присоединено къ Коронѣ только въ княженіе Александра.

Коронный. Дальнѣйшій обводъ продолжали на нѣкоторое разстояніе обѣ стороны: урядникъ судомірской воеводины и земянинъ Медвѣдь. Они начали его отъ конца на серединѣ болота до гати подъ селомъ земянина Медвѣдя *Ляшками*; здѣсь урядникъ судомірской воеводины сдалъ свой обводъ равскому воеводичу, селу его Тартакову, а Медвѣдь повелъ дальше по серединѣ болота рѣчкою до *Чорной лозы*, указывая на семь граничныхъ концовъ и пятнадцать свай—противъ имѣнія *Бобятинъ*; отсюда повелъ дорогой до Тартакова. Въ этомъ мѣстѣ Станиславъ Волчко отъ имени луцкаго бискупа заявилъ, что *Бобятинъ* всегда находился въ предѣлахъ в. княжества; заявить объ этомъ лично бискупъ не можетъ потому, что на войнѣ (со стороны короны было молчаніе). Привелъ наконецъ Медвѣдь къ гати по болотной рѣкѣ, отдѣляющей его имѣніе отъ короннаго—Тартакова и сдалъ обводъ земянину Кгетолту Здѣсь тотъ же Волчко заявилъ отъ имени луцкаго бискупа, что села *Калпытово и Стопятинъ* отошли отъ княжества къ коронѣ во времена княженія Александра. (Со стороны короны т. е. Равскаго воеводича былъ протестъ противъ этой границы). Потяженіе этой границы въ длину на одну милю, а въ ширину на полмили.

Литовскій. Со стороны в. княжества обводъ продолжалъ Кгетолтъ между своимъ имѣніемъ *Шпиколосцами* и коронными селами *Спасскимъ* (Шафаровскихъ) и *Переспою* (пани Добричовской). Онъ велъ ми о урочища *Пугачева* мѣловой горы, черезъ шпиколосско-переспенскую дорогу, мимо граничнаго конца черезъ соколостояновскую дорогу до имѣнія *Хусово* земянина Грицка Олексѣевича; протяженіе этой границы на одну милю (Шафоровскіе выразили противъ нея протестъ).

Урядникъ Грицко, принявши обводъ, повелъ по границѣ короннаго имѣнія *Сошна* (пана Липскаго) до стояново-княжеской дороги, потомъ княжеской дорогой по границѣ короннаго имѣнія Стоянова мимо *Чорной лозы* до земли *Торской*, потомъ черезъ урочище *Вербовъ логъ* до урочища *Збоища* и передалъ обводъ уряднику Володимерскаго епископа Геннадія, Гаврилу. Протяженіе этой границы на полторы мили.

Отъ Збоища границу показывалъ урядникъ епископа Геннадія между его мѣстечкомъ *Квасовомъ* и короннымъ *Стояновомъ*. Онъ повелъ по дорожкѣ изъ села *Бешева* къ стояновской церкви св. Ильи, потомъ дубровою черезъ луцкобужскую дорогу, черезъ поле до бешево-стояновской дороги; далѣе дорогой до сокольскаго гостинца къ урочищу *Перелайну*. Здѣсь онъ передалъ обводъ земянину Марку Васильевичу. Этотъ послѣдній повелъ мимо своей Воли возлѣ церкви св. Ильи черезъ большое болото, граничное съ короннымъ имѣніемъ Тетовчичами до *Турьяго Рога* и передалъ обводъ земянину Микитѣ Ржищовскому (Сокольскій подстароста заявилъ, что Марко показывалъ свою границу по землѣ сокольской). Протяженіе всей границы, показанной со стороны в. княжества, на 4 мили и 5 верстъ, а въ ширину на одну милю.

Коронный. Со стороны короны обводъ показывали разныя лица: урядникъ воеводины Точинской (отъ своего села Лещетова), Равскій воеводичъ, (отъ своихъ селъ Тартакова, Хлопьихъ Роговъ, Стрѣльчи и Копыта), на которыя есть у него королевскія привилегіи, но онъ ихъ покажетъ въ свое время; паны Шафоровскій и Озерскій (отъ общаго своего имѣнія Набожонокъ и Бронева-Шафоровскаго). Они вели по дубровамъ и полямъ пограничныхъ селъ великаго княжества, мимо гуменъ и заборовъ, не показывая никакихъ граничныхъ знаковъ.

Digitized by Google

Шафаровскій повелъ наконецъ по бешевско-шпиколосской дорогѣ; но его остановилъ сокольскій земянинъ панъ Янъ Бешевскій, сказавши: „пане Шафаровскій, чому заводишъ мое?“ И панъ Шафаровскій повѣдилъ: „кгды твое, я дамъ покой! и ведши тою дорогою, и вернулся опять назадъ до тоежъ криницы“.— (Со стороны в. княжества эту границу шагъ за шагомъ оспаривалъ земянинъ Кгетолтъ доказывая, что онъ, Шафаровскій, все идетъ по его собственной землѣ). Панъ Бешевскій повелъ границу черезъ ставъ Кгетолта подъ его дворомъ, причисляя села *Хосово* земянина Грицка къ Коронѣ, а равно и *Бешево* Кгетолта, но находящіяся во владѣніи земянъ в. княжества, далѣе повелъ черезъ дубровы и поля, не показывая граничныхъ знаковъ, ни копцовъ, „едно повѣдилъ: ижъ то были знаки копцовы, але я не вѣмъ, гдѣ ихъ шукать“; наконецъ провелъ къ урочищу *Лысой горѣ* и передалъ обводъ панамъ Вишневскому и Чистовскому (отъ имѣнія ихъ Торковъ). Принялъ его панъ Вишневекій и повелъ между селами *Хусовомъ* и *Княжимъ* („*што Москва держитъ*“), черезъ рольи, поля и ржищи, воздѣлываемыя княжествомъ насильственно до большой стояново-луцкой дороги, отсюда черезъ другую дорогу до *Пилиповой долины*, гдѣ обводъ передалъ сокольскому подстаростѣ пану Островскому.

Этотъ послѣдній повелъ отъ *Пилиповой* долины по направленію къ стояново-володимерской дорогѣ, заявляя, что сокольская земля насильно отнята отъ Стоянова и присвоена къ имѣнію володимерскаго владыки – *Квасову*, въ то время, когда лежала впустѣ; привелъ потомъ къ могилѣ и сказалъ: „*на этой могилѣ сожгли бабу изъ Квасова, потому что это граница*“; отъ могилы пошелъ долиною Чернцомъ черезъ поля, *Криницу Чернецъ*, черезъ болота, *Высоцкія могилы* и поля, будто отнятыя у короны Маркомъ Жоравинскимъ и володимерскимъ владыкою, потомъ мимо Сынова до могилы, возлѣ которой есть копецъ, наконецъ черезъ дубровы до озера *Небожки*, половину котораго считалъ за короной, а другую за княжествомъ. (Со стороны в. княжества земянинъ Жоравинскій выразилъ протестъ противъ такого показанія и всю границу считалъ въ предѣлахъ своего имѣнія; копецъ же указанный подстаростою призналъ граничнымъ знакомъ между имѣніями в. княжества: епископскимъ, сѣмашковымъ и его Жоравинскимъ). Протяженіе этой границы на 3 мили.

Литовскій. Обводъ в. княжества продолжалъ урядникъ князя Василія Курцевича съ Слоновскими людьми между короннымъ имѣніемъ *Конюхами* и своимъ *Слоновомъ*. Онъ началъ отъ урочища *Круглаго борка*, повелъ по олексо-луцкой дорогѣ до горы *Узводня*, черезъ гору до впаденія *Слоновки* въ Стырь, далѣе *Стырью* до р. *Смоленки*, Смоленкою до урочища *Болдорей*, гдѣ Фридрушъ Олексій устроилъ ставъ лѣтъ 10 тому назадъ, со стороны Олеська. Здѣсь онъ передалъ границу земянамъ Опарипескимъ. По лѣвой рукѣ показанной имъ границы лежало имѣніе князя Курцевича – в. княжества, а по правой— бужское Галицкаго хоружаго Фридруша (Урядникъ Фридруша выразилъ протестъ противъ этой границы и всю землю присвоивалъ къ Олесьскому замку). Далѣе границу показывали Опарипескіе до имѣнія земянъ Ледоховскихъ противъ Олесскаго имѣнія *Конюхова*. Они начали ее отъ урочища Болдарей, повели черезъ село Бѣлевцо (осаженное на ихъ собственной землѣ короннымъ урядникомъ Фридрушомъ во времена Сигизмунда стараго), потомъ грядою, черезъ урочище *Бреное*, урочище *Бесьды* (на которомъ сходится копа изъ *Опарипсовъ* и короннаго села *Бродовъ „на всякія права“*), далѣе черезъ урочище *Сопельницу*, мимо трехъ кургановъ и двухъ граничныхъ колодезей до горы *Орлей* и прекратили её возлѣ трехъ граничныхъ копцовъ между своимъ имѣніемъ, земянина Ледоховскаго (со стороны княжества) и *Бродами* (со стороны короны). Здѣсь луцкій повѣтъ кончается и начинается кременецкій.

Во время граничнаго обвода земяне Опорипескіе указали на продолжительный рядъ граничныхъ деревьевъ, или испорченныхъ, или срубленныхъ, указали на

Digitized by Google

рядъ граничныхъ концовъ и кургановъ разсыпанныхъ людьми Фридруша Конюшскими; при этомъ „оповѣдили, ижъ въ томъ заводѣ нашомъ на властномъ кгрунтѣ и звѣчистой властивой земли нашой панове Олексіе осадили села: первое *Бѣлевецъ*, другое *Вербовецъ*, третее *Шнерево* сего лѣта"; засыпали пруды, завладѣли рудами, сѣножатями, озерами бортнымъ деревомъ.... При этомъ земяне луцкіе Рогозинскіе и Ингневскіе засвидѣтельствовали, что коронное село *Броды* отнято у княжества къ коронѣ во времена Александра, „а то есть близкость наша".

„Со стороны короны выраженъ былъ протестъ, что Опарипескіе показывали свою границу на землѣ коронной, а она идетъ „гдѣ нибудь выше, по лѣвой сторонѣ".

Коронный. Коронный обводъ продолжалъ урядникъ пана Познанскаго Закровскій отъ урочища *Сушковой долины*. Онъ повелъ черезъ гору *Узводень*, черезъ засѣянныя поля, ржища и гречневища „на полмилю добрую не оказуючи намъ жадныхъ знаковъ" до главнаго ёза князя Курцевича на р. Слоновкѣ. Здѣсь онъ передалъ границу пану Фридрушу, его имѣніямъ *Поповцамъ и Новоселкамъ* Когда урядникъ этотъ уѣзжалъ съ обвода со Щуровскимъ войтомъ и мѣщанами, то мужи пана Познанскаго сами заявили: „куда врядникъ нашъ съ войтомъ ѣдутъ, мы того не вѣдаемъ, але мы старѣлися тутъ, а границы иншое не мѣли съ Лунвляны одно тою горою Узваднемъ, а съ тое горы просто у рѣку Стырь". (Это же подтвердилъ и урядникъ князя Курцевича, что коронный обводъ показанъ былъ въ предѣлахъ в. княжества: „это кгрунтъ князя моего и то ёзъ головный, властный князя моего, якожъ и тые мужи пана Познанскаго сами сознаваютъ", заключилъ онъ [1]).

Протяженіе этого короннаго обвода на одну милю, а в. княжества—на $2^1/_2$ мили; въ ширину на $1^1/_2$ мили.

Отъ головнаго ёза границу коронную показывалъ *Фридрушъ* между *Слоновомъ* (селомъ княжества) и *Новоселами* (короннымъ). Онъ заявилъ, что у этого урочища оканчивается повѣтъ бужскій и начинается олесьскій и повелъ по р. *Слоновкѣ* черезъ урочище *Великую Гать*, *Сетратинскій бродъ*. черезъ ставъ Опарипесскаго до криницы *Гливятинки*. Возлѣ криницы оставилъ р. Слоновку налѣво, а самъ пошелъ по суходольской дорогѣ, потомъ черезъ опарипесскія поля до горы *Дранчи* и здѣсь передалъ обводъ своему брату, Подольскому воеводичу, селамъ его *Бродамъ и Черницѣ* (Земяне Опарипесскіе протестовали противъ этой границы, какъ проходящей по ихъ собственной землѣ).

Протяженіе этой границы по обводу коронному на 3 мили, а по обводу вел. княжества на $3^1/_2$ мили; въ широкомъ мѣстѣ поперечная разница на 1 милю.

Литовскій. У Сапельницкой горы встрѣтили коммиссаровъ земяне Лидуховскіе Гаврило, Михайло и Гнѣвошъ съ братьею и повели по долинѣ *Смольной* до рѣки *Иковьи*, или Иквы. Здѣсь они заявили, „что съ Олеська моцно, кгвалтомъ збожья наше побираютъ и насъ самихъ бьютъ и земли и сѣножати наши позабирали и многіе грабежи и кривды намъ чинятъ, еножъ мы передъ се того у держанью и во вживанью". Рѣкою *Иковью* повели внизъ до става *Поповскаго* села и передали границу уряднику князя Вишневскаго или Вишневецкаго Дмитрея съ братьею селу его *Крутнову*. (Подольскій воеводичъ протестовалъ противъ этой границы, что она показана на его коронной землѣ). Протяженіе обвода Лидуховскихъ на 2 мили вдоль и на 1 поперекъ.

---

[1]) Протяженіе коронной границы отъ урочища Сушковой долины до головнаго ёза на одну милю; а в. княжества отъ Кругаго борка до Балдырскаго става на $2^1/_2$ мили; разница въ ширину на $1^1/_2$ мили.

Digitized by Google

Корбиный. Отъ горы *Дранчи* коронный обводъ продолжалъ урядникъ подольскаго воеводича Жабинскій. Онъ повелъ черезъ другую гору, присвоивая себѣ *Сопельничій лѣсъ*, черезъ долы, горы и дубровы до *королевской дороги*; отъ дороги далѣе черезъ дубровы до *Почаевской* дороги, мимо могилки, отдѣляющей по его заявленію село *Ледухово* отъ коронныхъ селъ *Велены* и *Поповцевъ*; потомъ мимо другой могилки *Бугаевой*, составляющей границу съ княземъ Дмитромъ Вишневскимъ, не показывая никакихъ другихъ граничныхъ знаковъ. (Лидуховскіе и урядникъ Вишневскаго во время обвода при всякомъ случаѣ опровергали истинность показываемой границы, удостовѣряя что она проведена по имѣніямъ в. княжества).

Литовскій. Со стороны в. княжества дальнѣйшій обводъ продолжалъ урядникъ князя Вишневецкаго.

Онъ началъ его отъ гребли возлѣ села *Поповцовъ* и повелъ внизъ по р. Икѣ до села *Дудина* бродомъ и сказалъ: здѣсь идетъ граница съ короной, потому что *„тутъ права даемъ межы собою, яко зъ великаго князства князи и панове, такъ съ коруны людей своихъ ставятъ ку справедливости всякое рече“*. Отсюда повелъ дорогою, заявляя, что по лѣвой рукѣ лежитъ коронное село *Дудино* (подольскаго воеводича), а по правой—села его князя: *Крутенское, Лопушевское* и *Бобровецкое* (кременецкаго повѣта); что на этомъ пространствѣ воеводичъ насильственно осадилъ своихъ людей на землѣ в. княжества. Далѣе повелъ къ селу *Нѣмечову* и сдалъ границу князьямъ Збаражскимъ Степану и Владиславу, селамъ ихъ *Нѣшковцамъ, Серетцу и Загорью*. Протяженіе границы на 1 милю. (Отъ имени подольскаго воеводича былъ выраженъ протестъ противъ этого обвода). Князья *Збаражскіе* повели по дорогѣ черезъ гору до озерца *Чахова*, потомъ черезъ ставъ на *Мокромъ урочищѣ* подъ селомъ воеводича *„Пали коровы“*, по дорогѣ до урочища *Урви Хвостовъ вертепа*. Здѣсь они показали двѣ ямы съ большими камнями, на мѣстѣ которыхъ были прежде граничные концы, уничтоженные воеводичомъ, потому что 2 года тому назадъ онъ осадилъ на ихъ землѣ свое село *Кутище*. Отсюда повели дорогой до урочища Воробьевой лозы, спустились въ долину и пошли рѣкою Серетцомъ до става, устроеннаго воеводичомъ на ихъ землѣ въ текущемъ году; на ихъ же землѣ имъ осажено и три села: *Ячнище, Березцы и Кутище*, а подольской воеводиной отнято село Дудино года 4 тому назадъ. Здѣсь князья Збаражскіе передали границу уряднику князя Вишневскаго. Протяженіе ея $1^1/_2$ мили.

(Урядникъ воеводича заявилъ, что Збаражскіе показывали границу на коронной землѣ воеводича и онъ имѣетъ на свои села „привилья“; а подольская воеводина владѣетъ Дудиномъ „зъ розсудку“, съ права пановъ коммиссарей корунныхъ (?).

Урядникъ князя Вишневскаго съ Олексинцами повелъ рѣкою *Серетомъ* внизъ мимо *Залозецъ* и границы Чернеховской княгини Біяты Ильиной и показалъ ставъ, засыпанный воеводичемъ, заявляя что этотъ же воеводичъ на землѣ его князей засыпалъ еще 4 става и осадилъ 5 селъ: одно противъ Залозецъ, а 4 на рѣкѣ Мелной. (Со стороны подольскаго воеводича было заявлено, что граница показана на землѣ коронной, а онъ воеводичъ *„имѣетъ на пять селъ листы и (привилья“)*.

Протяженіе всей границы князя Вишневскаго и Збаражскихъ отъ гребли подъ Поповцами до Реневскаго става имѣетъ 5 съ $^1/_2$ миль.

Коронный. Встрѣчный обводъ со стороны короны продолжалъ урядникъ подольскаго воеводича съ Велюнцами и Поповцами, противъ селъ: *Крутеня, Бобровца* и *Лопушня*. Онъ началъ отъ Бугаевой могилы и повелъ чрезъ урочище *Озерцы* на р. Иквѣ до селища Локотковецъ и здѣсь сказалъ, что княжата Вишневскіе осадили на Олесьской землѣ два съ половиною села (Крутнево, Бобровцы и половину Лопушнаго); далѣе отъ Лопушенской криницы повелъ черезъ дубровы,

Digitized by Google

поля и урочища мимо села *Краснодубскаго* черезъ гору *Холмъ* и Черехово-вишневскую дорогу; здѣсь по его заявленію, начинается граница съ имѣніемъ княгини Ильиной—*Колодою*. (Урядникъ князя Вишневскаго сказалъ: „куда менилъ быти собѣ границы врядникъ Олѣскій и куды велъ по всимъ тымъ врочищамъ, то есть властная отчизна и дѣдизна князей Вишневскихъ". Только три года тому назадъ по смерти князя Ивана, воеводичъ сталъ производить кгвалты, бои и грабежи и осадилъ на княжеской землѣ 5 селъ. Князья Збаражскіе подтвердили эту жалобу урядника и выразили свою личную въ такомъ же родѣ. Всѣхъ селъ было осажено воеводичомъ на ихъ землѣ пятнадцать.

Протяженіе коронной границы имѣетъ въ длину 3 мили; а литовской 5 съ $^1/_2$; въ ширину разница между обѣими на 3 мили.

Коронный. Отъ чернеховско-вишневецкой дороги тотъ же урядникъ воеводича повелъ граничный обводъ черезъ гору *Бѣлый Холмъ*, и указалъ на ней могилу, которую выдавалъ за граничный знакъ, далѣе повелъ до *частоловской границы* и передалъ его возлѣ колодинской дороги и другой могилы уряднику краковскаго пана Познанскаго, его селу Золочевскому, въ разстояніи 5 миль отъ Чернехова. Протяженіе этой границы тянется на 3 мили. (Противъ этого обвода протестовали урядники Вишневскихъ и Збаражскихъ; они заявили, что все пройденное пространство есть ихъ собственная земля; „ено не вѣмы, для которыхъ причинъ то теперь обводятъ, и села осаживати и ставы засыпати хочуть, и въ то ся уступуе, до чого отецъ и предкове его нычего не мѣли, а ни ся въ то уступовали; якожъ часу потребы ясне ся то окажеть, и будутъ умѣти панове наши о то съ паномъ воеводичомъ мовите").

Литовскій. У Ревенскаго става границу принялъ намѣстникъ княгини Чернеховской съ боярами, мѣщанами и людьми посполитыми. Они повели мимо села *Залозья*, основаннаго подольскимъ воеводичомъ на княгининой землѣ и показали срубленные имъ граничныя деревья, черезъ урочище *Лозы* до р. *Бѣлоголовской*, на которой воеводичъ устроилъ на княгининой землѣ ставъ 2 года тому назадъ; отъ става черезъ курганъ, черезъ гору до *Взовской долины*, на которой указали граничный колодезь, „съ котораго колодезя стада, быдла, кони князей нашихъ паивали, которыи по тымъ дубровамъ хаживали"; далѣе черезъ *чернеховско-львовскую дорогу* до урочища *Жидовскихъ лозъ*. (Здѣсь начинается коронное имѣніе Познанскаго Ольшово). Отсюда повели мимо кургановъ черезъ золочово-козловско-терабовльскую дорогу до другихъ кургановъ, возлѣ которыхъ начинаются коронныя села Япа Сѣненскаго— *Глинное* и *Золочовки;* остановились на урочищѣ Олехновой лозѣ и заявили „*что въ этомъ урочищѣ со всѣхъ пограничныхъ селъ великаго княжества и короны польской права съ обѣихъ сторонъ даютъ*" (съ этимъ показаніемъ согласилась и сторона коронная); привели наконецъ къ каменному кресту, расколотому громовымъ ударомъ. (Урядники подольскаго воеводича и Познанскаго выразили протестъ противъ этой границы). Отсюда повели въ глубокую долину, гдѣ начинается повѣтъ Теребовльскій, село *Козловское;* затѣмъ р. *Озерною* внизъ до урочища *Дерлова брода*. (Сторона коронная заявила, что граница ея идетъ по рѣкѣ Серету). Далѣе повели черезъ дуброву въ *Грузкую руду*, „*гдѣ всегда собирается копа съ обѣихъ сторонъ в. княжества и короны*, т. е. Теребовльскаго повѣта". Отъ Грузкой долины пошли черезъ дубровы, минуя урочище *Пуцкову Лозу*, къ другому урочищу *Дупленатой могилѣ*, въ которомъ также *собирается копа съ короны и в. княжества* Затѣмъ повели черезъ ставъ на р Серетѣ къ *Плотичьему озеру* и долинѣ, надъ которою лежитъ „сыпаная могила". Здѣсь они заявили, что панъ Тарновскій заставилъ ставъ на Серетѣ къ великой обидѣ княгини, и передали свой обводъ князьямъ Збаражскимъ. Протяженіе этой границы въ длину на 6 миль; а въ ширину разница между обоими обводами на 5 миль. Въ этомъ пространствѣ захвачено короной 52 става и 27 селъ.

Digitized by Google

Коронный. Со стороны короны граничный обводъ продолжалъ урядникъ пана краковскаго между коронным имѣніемъ *Тарнополемъ* и в. княжества *Лозовымъ*. Онъ началъ отъ урочища *Ходоровки*, велъ рѣкою *Ходоровкою* до урочища Криницы, при которой есть двѣ могилы и камень и передалъ границу коронному земянину Давидовскому. (Князья Збаражскіе протестовали противъ этого обвода, что онъ показанъ на ихъ собственной землѣ). Далѣе повелъ Давидовскій между своимъ имѣніемъ *Ходоровичами* и *Лозовымъ и Байковцами* князя Збаражскаго, черезъ урочище *Язвины*, дуброву, потомъ рѣкою *Ходоровкою* до 7 могилъ, которыя будто „усыпаны между его имѣніемъ *Черленовымъ* и князей Збаражскихъ — *Збаражемъ и Охремовцами;* отсюда черезъ урочище *Берестокъ* до р. *Задмишовки* и передалъ границу галицкому каштеляну, его селу *Каменной*. Протяженіе этого обвода на 3 мили великихъ. (Князья Збаражскіе при этомъ замѣтили, что граница показана на ихъ землѣ, а въ лѣсу *Березскомъ „ставивали подданныи нашіе и дани давали; и ешо надто укупывалися и ставивали Сколатчане (Теребовльскаго повѣта) и намъ съ того ку Збаражу дань давали“;* но теребовльскій подстароста заявилъ, что Сколотчане давали ему дань по принужденію.

Литовскій. Отъ урочища и озера Плотичьяго границу в. княжества показывали князья Збаражскіе между своимъ имѣніемъ *Збаражскимъ* и коронными—краковскаго пана *Піотрковомъ* и королевскимъ селомъ *Боркомъ*. Они повели отъ своего озера (затопленнаго паномъ краковскимъ) на р. Серетѣ черезъ Грузкую долину мимо двухъ поставленныхъ камней до р. *Дичковой* и лѣса *Стѣнокъ*, отсюда до моста на р. *Гнѣздной*, а рѣкою Гнѣздной до р. *Теребной*, этою послѣдней черезъ урочища и дубровы до границы села *Скалатъ*. Далѣе черезъ поля и урочища *Михновы посѣки, Голый камень* до сколато-волочиской дороги; далѣе дорогой черезъ урочище *Вербовыя Лозы* до криницы. (Здѣсь начинается имѣніе теребовльскаго повѣта Орѣховское); отъ криницы *Глубокою долиной* до р. *Збучи*. Въ этомъ мѣстѣ начинается граница другаго замка Збаражскихъ—*Волочиска*. Протяженіе этой границы на 8 миль; а имѣнія коронныхъ земянъ Давидовскихъ въ длину на 3 мили, а въ ширину на 3 мили, а въ иныхъ мѣстахъ болѣе и менѣе 3 миль.

Литовскій. Отъ рѣки Збучи граничный обводъ продолжали далѣе — тѣже Збаражскіе. Они шли этой рѣкой около двухъ миль заявляя, что направо лежитъ имѣніе *Орѣховское* и *Рожище* (каменецкаго староства), а налѣво ихъ собственное в. княжества; потомъ пошли урочищемъ *Постоловскимъ болотомъ*, извѣстнымъ подъ названіемъ *Руды*, мимо одного конца въ *Шоломной дубровѣ*, мимо 3-хъ другихъ до впаденія р. *Гигловки* въ р. *Болванецъ*, далѣе Болванцемъ къ Глубокой долинѣ и къ *Бозкой* дубровѣ черезъ волочискую дорогу на Чорный островъ до зеленой криницы. Здѣсь они передали свою границу урядникамъ князя Вишневскаго и княгини Збаражской. Протяженіе ея на $6^1/_2$ миль. Въ тотъ же день продолжали обводъ вышепомянутые урядники. Они повели отъ Зеленой криницы полемъ черезъ урочище *Чорную Лозу* до болота *Бога* и передали границу Кузминскому войту. Протяженіе ея на 2 мили.

Въ этомъ мѣстѣ коронные коммиссары оставили литовскихъ и уѣхали въ *Межибожъ*, на разстояніе 7 миль отъ границы и требовали къ себѣ коммиссаровъ в. княжества; но эти послѣдніе продолжали свой граничный обводъ дальше по границамъ княжества: Кузминской, Чудновской, Винницкой и Браславской до Семаковцовъ. „И мы ихъ есмо яко служебниками, говорятъ литовскіе коммиссары, такъ тежъ листы нашими напоминали, абы они ведлугъ росказанья господарей ихъ милости на границы ѣхали“. Но они отказывались исполнять свою обязанность то по причинѣ татаръ, то другою, то отсутствіемъ владѣльцовъ. „И мы на то отповѣдили; гдѣ есмо кольвекъ первей того пописывали зъ вами старостъ и державцевъ, замковъ и дворовъ господарскихъ такъ тежъ по князскимъ и панскимъ имѣньямъ, гдѣ ихъ самихъ не бывало, однакожъ врядники и старыи люди

Digitized by Google

границы и шкоды свои намъ оповѣдывали. Затѣмъ есмо жадного омешканья не пріймовали". Староста Кузминскій и урядники княгини съ людьми и боярами пошли въ погоню за татарами, а вмѣсто себя оставили своихъ уполномоченныхъ для совершенія дальнѣйшаго обвода. „И передъ ся есмо просили черезъ служебника ихъ (короннаго дьяка), абы ся оны зъ нами зъѣхали межи Вонячина, и села Хмѣльницкаго и Евча и о всемъ томъ обмову зъ нами вчинили. И лежали есмо у Вонячинѣ тыйдень ждучи ихъ, оны пріѣхати не хотѣли. Потомъ ѣхали есмо до Венницы, люди съ погони пришли и панъ воевода Бѣльскій самъ былъ у Венницы. И лежали есмо послѣ пана воеводы тый-день и ихъ есмо обсылали, оны быти не хотѣли и до насъ не отписали".

Литовскій. Затѣмъ осталось 7 обводовъ, которые совершала только одна сторона в. княжества.

Первый обводъ на протяженіи 12 миль между Кузьминскою волостью и коронными селами: *Везденками, Дешковцами, Ходковцами, Пашковцами, Митковцами.* Граница показана по р. *Божку* до впаденія въ нее *Смольчи*, потомъ по р. Смольчѣ до пилевецко-межибожской дороги, а дорогою черезъ р. *Икву, поле Круглое* до бессарабско-губинской дороги, наконецъ мимо „*сторожевой могилы*" до р. *Золви.* Бъ этомъ обводѣ осажено коронными владѣльцами 5 селъ: *Половцы Яначинцы, Игнатовцы, Маломолинцы* и *Волосовцы.*

Второй обводъ имѣлъ протяженія 9 миль, между Венницкою волостью княгини Біяты (кіевскаго повѣта) и коронными селами: *Грузскимъ, Ланевщизною, Пеленельщиною, Гридьковщиною,* и *Бурковцами* (повѣта Хмѣльницкаго). Граница была показана отъ р. *Золчи* по *Чорной дорогѣ,* черезъ могилу *Гончариху* до урочища *Мытника.* Отсюда черезъ дуброву *Немировку* къ *Рудѣ,* урочищу *Бѣлому Рукаву* и р. *Сневотовкѣ;* отсюда черезъ *Березовскую Руду* мимо Румынова Ставка до р. „*Бога*".

Третій обводъ сдѣланъ былъ только между имѣніемъ Настасьи Дубицкой—*Каменногорскимъ* и коронным селомъ *Евладовскимъ* до Кропивное руды венницкаго земянина Кондрата, который на границу не явился. Протяженіе каменногорской границы на двѣ мили. Она показана отъ устья *Румыновки въ Бугъ, черезъ Бугъ* болотомъ черезъ *Уюнье* озеро и урочище, на которыхъ поставлены рубежи, до каменногорской дороги, „*гдѣ отъ давныхъ часовъ и отъ предковъ ихъ (свидѣтелей) о злодѣйство и о всякіе кривды яко зъ селъ в. княжества повъту кіевскаго права собѣ даютъ*"; далѣе мимо Іевовой пасѣки (насильно отнятой Хмѣльничанами) черезъ р. *Бобровку* до *Кропивной Руды* вышепомянутаго земянина. Граничный обводъ показывалъ Семенъ атаманъ съ людьми земянки Дубицкой.

Четвертый обводъ показывалъ Семенъ Кмита между своимъ имѣніемъ *Вонячинымъ* и коронным *Журавлемъ.* Протяженіе его на $2^1/_2$ мили. Граница показана отъ истоковъ *Коломозова* потока лѣсомъ *грядою* чрезъ Долгую Лозу, *Суходольскій* потокъ, устье *Бѣлавинскаго* потока въ р. *Изгарокъ;* далѣе чрезъ романовскую дорогу, поля, *Долгій лѣсъ,* урочище *Лунево,* лѣсокъ до лозы у *Мешкова* лѣса. Здѣсь начинается граница другаго села Кмиты Летина.

Пятый обводъ былъ совершонъ между селомъ *Летиномъ* и коронными *Дьяковцами* и *Батриновцами.* Протяженіе его на $2^1/_2$ мили. Граница была показана отъ *Жаселовской дубровы* черезъ сѣножать *Буйнакову,* дубровой по р. *Летинцѣ грядою* черезъ урочища *Кулигу, Должокъ,* мимо пробитой березы, къ летинской пасѣкѣ.

Шестой обводъ показывали сначала земяне Микулинскіе между своимъ имѣніемъ *Микулиномъ* и коронным *Багриновомъ* на протяженіи одной мили до р. *Згари,* потомъ земянка Духна Микулинская между своимъ селомъ *Почаповцемъ* и коронным—*Лысогорцами* на протяженіи 3-хъ миль. Граница была показана отъ устья р. *Кобелки* въ р. Згарю, по р. Кобелкѣ чрезъ *Лобейкову долину,*

Digitized by Google

урочище *Сковородчина*, черезъ р. *Рѳвецъ* до *Бубновой* долины (гдѣ начинается повѣтъ барскій). *Седьмой* обводъ былъ совершенъ земянкой Михновой Якубовича и ея зятемъ Бокеемъ между ихъ селами: *Михновцами* и *Новосельцами* и коронными (Барскаго повѣта) *Курыловцами* и *Бѣликовцами*. Протяженіе его на 2 мили Они передали свою границу земянамъ Браславскаго повѣта *Носковичамъ* которые продолжали его между своимъ селищемъ Носковичами и коронным—*Слободками*. Протяженіе ея на 2 мили.

Восьмой обводъ начатъ былъ земяниномъ Браславскаго повѣта Зъяловскимъ между его селищемъ *Зъяловомъ* и коронным *Качманскимъ*, но другіе земяне на границу не явились; коммиссары въ ожиданіи вызванныхъ лицъ „*лежали*“ полторы недѣли, но не дождались. Петръ Братковичъ между прочимъ прислалъ имъ списокъ своей границы; они внесли его въ свой журналъ; а другой земянинъ Клещевскій, явившись предъ ними сказалъ: „отъ кого быхъ я мѣлъ границу свою взяти, не вѣдаю; бо ихъ татаре побрали, а отъ давныхъ часовъ пусто“. Тѣмъ не менѣе онъ разсказалъ границу своего селища *Русова* съ барскимъ земяниномъ Белькомъ. Она начинается отъ устья *Буши* въ р. *Моравy*, идетъ по *Моравѣ* до *Днѣстра*, а Днѣстромъ до *Видова озера*. По правой рукѣ этого обвода—корона, по лѣвой—в. княжество. Здѣсь же онъ заявилъ,что на его землѣ и барской бывшій волошскій воевода Петръ поставилъ мельницу „*и по той земли моей волохове свавольне пасѣки маютъ, и сѣно косятъ, и пашню пашутъ*“.

IV.

На основаніи Люблинской уніи корона завладѣла лучшими литовско-русскими областями: *Подолью, княжествомъ Кіевскимъ, Волынью и Подлѣсьемъ*. Вмѣстѣ съ княжествомъ Белзско-Холмскимъ и Галиціей это новое пріобрѣтеніе представляло собой территорію по меньшей мѣрѣ въ два раза большую собственно польскаго королевства. Всѣмъ прежнимъ граничнымъ спорамъ и недоразумѣніямъ положенъ былъ конецъ, потому что спорная граница очутилась внутри польскаго государства; на мѣсто ея отодвинулась новая на сѣверъ и востокъ. Не смотря на требованія обрѣзаннаго и ощипаннаго литовско-русскаго государства сохранить за собой хоть эту убогую часть своихъ прежнихъ владѣній въ опредѣленныхъ границахъ и съ опредѣленными автономными правами, корона не обращала на нихъ вниманія: она смотрѣла на остальную часть княжества, какъ на будущую неизбѣжную свою собственность и нисколько не торопилась удовлетворить вполнѣ законныхъ его требованій, хотя бы даже изъ чувства сожалѣнія къ своему обездоленному и униженному сопернику. Она твердо стояла на почвѣ принциповъ политическаго безсердечія даже въ то время, когда Литва должна была составлять

Digitized by Google

вмѣстѣ съ ней одну Рѣчь—посполитую. Это пренебреженіе къ ней выразилось въ опредѣленіи новыхъ государственныхъ границъ.

Новыя границы начинались въ прусской озерной области недалеко отъ Августова. Онѣ шли на югъ по границѣ троцкаго воеводства по водораздѣлу между среднимъ теченіемъ Нѣмана и Нарева, далѣе чрезъ Васильково, Саражъ и Наревъ до брестскаго воеводства; отсюда опускались еще южнѣе чрезъ Высокое и Каменецъ (литовскій) и переходили черезъ Бугъ, захватывая къ княжеству Междурѣчье и Ломазы до верховьевъ Вѣпря у города Парчева; отъ Парчева онѣ круто поворачивали на востокъ и по прямой почти линіи шли черезъ Бугъ (выше Володавы) черезъ среднее теченіе Стыри Горыни; подъ Овручемъ поднимались нѣсколько вверхъ, переходили черезъ Припеть и оканчивались за Днѣпромъ по лѣвой сторонѣ Сожи, недалеко отъ впаденія ея въ Днѣпръ; отсюда на югъ Сожью и Днѣпромъ до Кіева, отъ Кіева до Кременчуга; наконецъ поворачивали съ востока на западъ (въ юго-западномъ направленіи) чрезъ южный Бугъ, Балту въ Днѣстръ, а Днѣстромъ на с.-з. до Покутья.

Во времена люблинской уніи эти границы не были строго опредѣлены и оставались такими-же неопредѣленными во все почти время существованія Рѣчи—посполитой. Изъ воеводскихъ инструкцій XVII и даже XVIII ст. мы знаемъ, что со стороны брестскаго воеводства часто раздавались на сеймахъ жалобы на пограничные „*бои, кіялты*“, какъ и въ доброе старое время ante unionem. Раскройте эти инструкціи и въ разныхъ мѣстахъ увидите воеводскія требованія: *о разграниченіи коронныхъ земель отъ литовскихъ*; о *не включеніи коронным подскарбіемъ въ свои диспозиціи имѣній, находящихся въ предѣлахъ княжества*; *о воспрещеніи коронным лицамъ и особенно жолнерамъ переходить литовскія границы*; *о воспрещеніи чужеземцамъ пріобрѣтать въ краѣ индигенаты*; *о сохраненіи цѣлости границъ и территоріи в. княжества и т. д.* [1]). Эти постоянныя жалобы и нареканія очень краснорѣчиво говорятъ о произволѣ короны, о бездѣйствіи ея правительства, о пренебреженіи законныхъ правъ чужой собственности.

Но мы лучше раскроемъ „*Volumina Legum*“ и посмотримъ,

---

[1]) Акты Виленской археографической коммиссіи T. IV, 38 разныхъ инструкцій, номера которыхъ обозначены въ предисловіи.

Digitized by Google

въ какомъ положеніи находилось это граничное дѣло на основаніи дѣйствовавшихъ въ Рѣчи-посполитой законовъ.

О назначеніи граничныхъ коммиссаровъ хлопотать могъ каждый землевладѣлецъ. При столкновеніи частныхъ лицъ съ королевскими имѣніями граничная коммиссія должна была составляться изъ двухъ сановниковъ (обыкновенно старостъ, или ихъ помощниковъ), изъ двухъ чиновниковъ воеводства и одного подкоморія. Староста и шляхтичъ, выѣзжающіе на границу, не имѣли права брать въ свою свиту болѣе 30 человѣкъ шляхты—свидѣтелей и 20 рабочихъ для совершенія граничныхъ знаковъ и насыпки копцовъ. Лица, неявлявшіяся къ отправленію обязанностей граничныхъ коммиссаровъ, подвергались денежному штрафу. Показанія спорящихъ лицъ должны были вноситься въ граничные протоколы и подтверждаться присягой свидѣтелей—старцевъ; въ сомнительныхъ случаяхъ окончательное рѣшеніе дѣла зависѣло отъ усмотрѣнія коммиссаровъ. Протокольныя постановленія коммиссіи должны были вноситься въ *„гродскія книги“* и не нуждались въ санкціи верховной власти. Содержаніе коммиссаровъ производилось на счетъ старостъ. Хлопъ, обидѣвшій коммиссара словомъ, подвергался тюремному заключенію и штрафу въ размѣрѣ ½ гривны; а обнажившій на него мечъ наказывался *„горломъ“*. Шляхтичъ въ томъ и другомъ случаѣ подвергался отвѣтственности по статуту. За порчу граничныхъ знаковъ хлопы должны были заплатить 50 грошей, шляхта—100 грошей, а староста—лишиться титула и должности.

Въ 1557 году Сигизмундъ-Августъ, уступая настояніямъ в. княжества о проведеніи границъ между Короной и Литвой, назначилъ было еще спеціальную для этой цѣли граничную коммиссію, въ составъ которой должно было входить четыре члена, — два отъ короны и два отъ княжества. Это королевское роспоряженіе было утверждено и на сеймѣ 1633 года.

Но параллельно съ вышеизложенными законоположеніями о граничныхъ коммиссарахъ существовало еще особое 1601-го года, по которому уѣздамъ предоставлялось право составлять для своихъ частныхъ границъ хотя бы и уѣзда коронаго съ княжескимъ особыя коммисіи изъ *подкоморія*, *хоружихъ и войскихъ* съ правомъ апелляціи на ихъ постановленія въ трибунахъ. Эта позднѣйшая законодательная мѣра обязана своимъ происхожденіемъ не-

Digitized by Google

брежности коммиссаровъ, которые не хотѣли являться на мѣста споровъ, не смотря на увеличеніе штрафовъ, и такимъ образомъ затягивали дѣла на неопредѣленное время.

Самое бѣглое обозрѣніе проведенія новыхъ границъ между короной и княжествомъ, на основаніи Volumina Legum, можетъ убѣдить самаго отъявленнаго скептика, что не только предъ Люблинской уніей, но и послѣ уніи опредѣленныхъ и вѣрныхъ границъ между этими частями Рѣчи посполитой въ дѣйствительности не существовало.

Литовско-русскія провинціи были отданы коронѣ въ 1569 г.; о границахъ она вспомнила только чрезъ 20 лѣтъ. Въ 1589 г. назначено было двѣ граничныхъ коммисіи,—одна для Подлѣсья и в. княжества Литовскаго, другая для княжества Кіевскаго и Литовскаго. Общій ходъ граничнаго дѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Подлѣсская коммиссія 1589 г. не исполнила своего дѣла и была возобновлена въ 1591-мъ году. Этой новой коммиссіи поручено было окончить дѣла прежней и провести еще границы и по уѣзду *гродненскому*. За неисполненіе коммиссарскихъ обязанностей увеличенъ былъ штрафъ до 200 гривенъ.—Прошло 7 лѣтъ, и въ 1598 году эта же коммиссія опять была возобновлена; на коммиссаровъ увеличенъ былъ штрафъ до 1000 гривенъ. Прошло еще 3 года и въ 1601-мъ году эта же коммиссія опять была возобновлена. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ такихъ же возобновленій съ разными варьяціями и разъясненіями: въ 1611 году [1]), въ 1616-мъ, въ 1620-мъ, 1623-мъ, 1649-мъ (bez wszelkiey dyllacyi) и въ 1661-мъ. Этой послѣдней прибавлены были еще границы и со стороны Люблинскаго воеводства. Результаты дѣйствій этой продолжительной коммиссіи выражены въ сеймовомъ постановленіи „titulo: Kommissia“ слѣдующими словами: „многочисленныя сеймовыя конституціи вымагаютъ отъ насъ окончательнаго разграниченія Брестскаго воеводства отъ Подлѣсья, которое еще до сихъ поръ не приведено къ концу къ явной обидѣ пограничныхъ жителей и даже къ ущербу государственныхъ податей. Вслѣдствіе этого король Янъ Казиміръ назначаетъ спеціальныхъ гра-

[1]) Эта коммисія назначена была съ условіемъ, что если и не состоится, то всѣ безъ различія лица должны судиться въ коронѣ; срокъ сохраненъ только для литовскихъ закладныхъ.

Digitized by Google

ничныхъ коммиссаровъ, которые nullorum absentia non obstante должны собраться 15 октября въ Коднѣ и окончательно рѣшить обоюдные граничные споры absque quavis apellatione. Постановленія ихъ должны быть окончательно утверждены на сеймѣ *безъ всякаго отлагательства*. Эта же коммиссія должна разсмотрѣть граничныя дѣла и Люблинскаго воеводства [1]).

Кіевская коммиссія тоже назначена была въ 1589 году и вслѣдствіе неуспѣшности дѣйствій возобновлялась въ 1593-мъ и 1598-мъ, 1601-мъ, 1607-мъ, 1611-мъ, 1613-мъ и 1623-мъ. Постановленія этой послѣдней обѣщано было разсмотрѣть и утвердить на сеймѣ тогоже 1623 года, *но за многосложностію другихъ важныхъ дѣлъ* окончательное утвержденіе откладывалось отъ одного сейма до другаго и было наконецъ ратификовано въ 1631 году въ слѣдующемъ смыслѣ: " желая успокоить граничныя недоразумѣнія между воеводствомъ кіевскимъ и мозырскимъ уѣздомъ, мы утверждаемъ на вѣчныя времена постановленія коммиссіи 1621 г. Однако же имѣнія виленской капитулы Каменщизну и Убортскую волость мы оставляемъ за княжествомъ согласно нашему обѣщанію на сеймѣ 1625 г. Всѣ взаимные съ обѣихъ сторонъ процессы, возникшіе въ періодъ разграниченія, силою настоящаго сейма уничтожаемъ, а дѣла передаемъ въ подлежащія судебныя инстанціи, безъ подчиненія земской давности [2])".

Границы брестскаго воеводства съ люблинскимъ устанавливались до 1611 года. Окончательно были ратифицированы въ 1638-мъ году „*titulo: uspokoienie*" въ слѣдующемъ смыслѣ: „желая провести окончательныя границы между воеводствомъ брестскимъ и подлѣсскимъ и люблинскимъ, которыя представляли столько затрудненій для многочисленныхъ сеймовъ, мы съ согласія государственныхъ чиновъ обоихъ народовъ запрещаемъ жителямъ перемѣнять воеводства и повелѣваемъ держаться уже на вѣчныя времена только одного изъ нихъ и именно того, гдѣ кто уплачиваетъ повинности. Для этой цѣли назначаются поименованные въ конституціи коммиссары. Они собравшись въ Кодень, *absentia duorum vel trium ad hoc vel illa parte non obstante*, 26-го октября должны установить между частными владѣніями границы, *принаравливаясь къ современному владѣнію* (?)

---

[1]) Volumina Legum T. IV 720.
[2]) Volumina Legum III. I. 683.

Digitized by Google

absque quavis apellatione и окончить это дѣло безъ обиды для воеводствъ. Лица же, не желающія почему либо подчиняться своей юрисдикціи, подвергаются взысканію въ количествѣ 50 гривенъ“ [1]).

Мы разсмотрѣли главнѣйшіе моменты граничнаго вопроса между Короной Польской и великимъ княжествомъ Литовско-Русскимъ, на основаніи тѣхъ историческихъ источниковъ, которые были для насъ доступны. Въ заключеніе мы находимъ, не лишнимъ выразить сущность ихъ въ общихъ положеніяхъ, насколько даютъ намъ основанія разсмотрѣнные источники и документы.

Въ періодъ начальной лѣтописи между племенами русскими и польскими были частыя столкновенія и войны, но не было продолжительныхъ земельныхъ захватовъ, потому что Русь была сильнѣе Польши и не нуждалась въ ея владѣніяхъ. Предметомъ пограничныхъ споровъ была только узкая полоса земли по Вислѣ и по Вѣпрю съ городомъ Люблиномъ, населенная племенами несомнѣнно русскими. Она оспаривалась и русскими и литовскими князьями до конца XIV ст. и только послѣ этого времени перешла въ постоянное владѣніе Польши.

Границы Галицко-володимерскаго княженія были единственно вѣрными историческими границами между Русью и Польшей, потому что шли по этнографической чертѣ этихъ племенъ, заключавшей въ предѣлахъ Руси и Люблинъ.

Первыя серьезныя нападенія на Русь съ завоевательными цѣлями сдѣланы были Польшей во времена Казиміра В. Ближайшими причинами ихъ были: ослабленіе Руси монголами, соревнованіе Литвѣ, владѣвшей уже значительными русскими землями, и наконецъ потеря Польшей собственныхъ земель на западной границѣ. Фактическое и окончательное присоединеніе къ Польшѣ первой русской области путемъ завоеванія было совершено королевой Ядвигой. Эта область была Галиція; остальныя же русскія провинціи, когда либо входившія въ составъ Польши, были присоединены къ ней путемъ дипломатическихъ переговоровъ, путемъ лести и захватовъ и, наконецъ, путемъ добровольной уступки ей литовскими князьями своихъ державныхъ правъ на русскія земли,

Белзско-Холмское княжество уступлено было Ягайломъ младшей линіи мазовецкихъ князей въ видѣ приданаго за его сестрой

---

[1]) Volumina Legum T. III f. 946.

Digitized by Google

Анной въ 1388 г. Значительная часть Подоліи была захвачена послѣ смерти Витовта. Сигизмундъ Кейстутовичъ уступилъ Ратно, Любомль, Лопатинъ, Городло, Олесько и другія земли въ вознагражденіе за доставленіе ему велико-княжескаго достоинства, не зависимо отъ этого раздавалъ еще и мелкіе участки земли „ляхомъ“ но Подлѣсьи [1]). Казиміръ Ягеллончикъ не только утвердилъ эти земли за короной, но и Белзское княжество, и сквозь пальцы смотрѣлъ на частые захваты, особенно на югѣ. Эти захваты продолжались съ необыкновенной энергіей и во времена Александра, Сигизмунда стараго и Сигизмунда Августа. Этотъ послѣдній князь вопреки своей великокняжеской присягѣ *не помножать короны княжествомъ, ни княжества короной* уступилъ свои державныя права Польшѣ надъ княжествомъ Кіевскимъ, Волынью, Подлѣсьемъ и Подолью. Граничные журналы 1546 г. рисуютъ намъ поразительную картину польскихъ захватовъ того времени, вопіющихъ злоупотребленій и обидъ жителямъ великаго княжества.

Самое бѣглое обозрѣніе этихъ документовъ оставляетъ въ читателѣ два неизгладимыхъ представленія: беззавѣтной скромности и страданія Руси и высокомѣрнаго глумленія надъ ней Польши.

Что представляютъ намъ дѣйствія и показанія пановъ Браницкихъ, Точинскихъ, Свѣтицкихъ и др.? Эти люди ведутъ королевскихъ коммиссаровъ по чужой землѣ, указывая на частныя границы между имѣніями великаго княжества, какъ на свои собственныя и въ то же время коронныя, и безстыдно присвоиваютъ себѣ чужую собственность. Они портятъ граничные знаки и копцы, осаживаютъ на чужой землѣ свои села и производятъ разбои и грабительства надъ законными владѣльцами. При спросахъ коммиссарами документовъ, они ихъ не представляютъ, а ссылаются на личныя позволенія королей, или же такіе листы, которые они будутъ предъявлять сейму, а коммиссарамъ показать не желаютъ, или же чаще всего, не опираются ни на какіе документы. Захваты эти простирались иногда до 7 и 10 миль.

Мы сошлемся на факты. Судомірскій воевода Точинскій, уличаемый воинскимъ урядникомъ Яцыничемъ, что имъ захвачено 70 полуволокъ крестьянской земли въ королевскихъ имѣніяхъ, заявилъ предъ коммиссарами, что дѣйствительно имъ „*заложено*“ село

---

[1]) Палеографическій Сборникъ В. 1, стр. 28 № 52.

Digitized by Google

Чехоставъ 10 лѣтъ тому назадъ, но земли онъ не отнималъ (?); въ качествѣ же правительственнаго чиновника, по поводу показаній своихъ сосѣдей Бранецкихъ, замѣтилъ, что ихъ границы вздорныя, потому что представляютъ собой не рѣки, болота, горы и концы, а „*простыя дороги*“; въ другомъ мѣстѣ замѣтилъ земянамъ коронным, костровскимъ, что „они дармо ся въ то тамъ вкладаютъ, менятъ собѣ быти тотъ конецъ за граничный зъ великимъ князствомъ; але то не есть такъ, але то есть конецъ промежку *Воина и Копеницовъ*“ (земянъ в. кн.); въ другомъ мѣстѣ, уличенный въ самовольной постройкѣ мельницы на рѣкѣ княжества Пивонеѣ и захватѣ значительнаго острова, онъ сознался въ своей винѣ и далъ обѣщаніе, что на будущее время „я южъ не каже черезъ то тамъ уступовать, а мѣйте то ку великому княжеству“. Нѣкоторые коронные земяне были такъ увлечены легкостію присвоенія чужаго добра, что границы показывали на обумъ и попадали въ имѣнія своихъ же сосѣдей. Такъ панъ Шафаровскій повелъ коммиссаровъ по имѣнію своего сосѣда сокальскаго земянина Бешевскаго; этотъ не стерпѣлъ и произошла довольно смѣшная сцена.

„Пане Шафаровскій, остановилъ его сосѣдъ: чому заводишь мое?“ — „Кгды твое, отвѣчалъ тотъ, я дамъ покой. И ведши тою дорогою, отмѣтили коммиссары, и вернулся опять назадъ до тоежъ криницы“. Такимъ-же знаніемъ, или быть можетъ умышленнымъ незнаніемъ границъ, отличался въ своихъ обводахъ ратенскій староста панъ Свѣтицкій По поводу показанныхъ имъ границъ Повѣтчанъ, которыя онъ началъ отъ Чилищевичъ, литовскіе урядники заявили, что онъ все водитъ кругомъ по землѣ великаго княжества: „свою грань отъ Челищевичовъ есте взяли, а привели есте до Кобринскаго-жъ села Чилищевичовъ: то все водите кругомъ великаго княжества“.

Коммиссары, назначенные со стороны короны, при всякомъ случаѣ старались мирволить своимъ кліентамъ; они не рѣдко отлучались отъ своихъ товарищей литовскихъ въ гости къ помѣщикамъ и только предъявляли имъ потомъ уже граничные списки, не провѣренные и не засвидѣтельствованные стороной литовской, такъ были осмотрѣны границы обширныхъ помѣстьевъ Свѣтицкаго и многихъ другихъ. „По тымъ границамъ, отмѣтили литовскіе коммиссары, мы сами не ходили; чотыри дни есмо товаришовъ

Digitized by Google

своихъ ждали, хотячи по границамъ ѣхати; оны въ пана Свѣтицкаго мѣшкали; потомъ олижъ шостого дни списки намъ прислали". Такія явленія повторялись не рѣдко; а возлѣ болота *Бога* [1]) коронные коммиссары совершенно бросили литовскихъ и требовали ихъ къ себѣ въ Межибожъ; но они къ нимъ не хотѣли ѣхать. „И мы ихъ яко служебниками, такъ тежъ листы нашими напоминали, абы оны ведлугъ росказанья господарей ихъ милости на границы ѣхали (отмѣтили въ своемъ дневникѣ коммиссары литовскіе)... И лежали есмо у Вонятичъ тыйдень, ждучи ихъ; оны пріѣхати не хотѣли. Потомъ ѣхали есмо до Венницы; люди съ погони (за татарами) пришли и панъ воевода Бѣльскій самъ былъ у Венницы. И лежали послѣ пана воеводы тыйдень и ихъ есмо обсылали; оны быти не хотѣли и до насъ не отписали".

Такимъ же образомъ были освидѣтельствованы и границы Крыловскаго замка, устроеннаго теткой бискупа Точинской на литовской землѣ, о которомъ упоминала въ своихъ посольскихъ рѣчахъ 1538 года литовско-русская рада королю Сигизмунду старому. „При томъ мы сами, ани вижи наши, ани сторона зъ великаго князства ку отказу не были.

Вслѣдствіе такого самоуправства коронныхъ коммиссаровъ, часть границы была осмотрѣна только коммиссарами литовскими. Такихъ обходовъ сдѣлано было *восемь*.

Что думали литовскіе урядники и свидѣтели во время граничныхъ обводовъ? Прежде всего многіе изъ нихъ терялись въ догадкахъ и сомнѣніяхъ, съ какою цѣлію коммиссары разсматриваютъ и изслѣдуютъ *коронную границу*, т. е. такую границу, о которой многіе изъ мѣстныхъ жителей не имѣли яснаго и опредѣленнаго понятія. Одни говорили: это наша вѣчистая собственность отъ временъ великаго князя Витовта и Свидригайлы и мы ничего не знаемъ на счетъ границы коронной, потому что ея здѣсь нѣтъ, а знаемъ только границы между имѣніями и повѣтами.

Въ такомъ родѣ выражался урядникъ князей Сендюшковичей Петръ Сѣмашко со своими многочислепными свидѣтелями: „я говорилъ еще въ субботу, протестовалъ онъ, что между вижовскими королевскими имѣніями нѣтъ границы съ Короной, потому что

---

[1]) Болото и рѣка въ документѣ названы *Богомъ*, что по польскому произношенію соотвѣтствуетъ *Бугу* (Bòg).

Digitized by Google

Ратно и Любомль были великое княжество и отчизна князей Сендюшковичей, и отошли они къ Коронѣ только во времена Казиміра, что будетъ обнаружено въ свое время. Теперь же я стану показывать границы только между землей королевской и любомльскихъ земянъ".

Другіе, какъ напр. урядники князей Вишневскихъ и Збаражскихъ со своими свидѣтелями выразили не только негодованіе по поводу коронныхъ захватовъ и самоуправства, но и надежду, что такія безчинства на будущее время будутъ прекращены: „ено не вѣмы, заявляли они, для которыхъ причинъ то теперь обводятъ, и села осаживати, и ставы засыпати хочуть, и въ то ся уступуе, въ чого отецъ и продкове его ничого не мѣли ани ся въ то уступовали; якожъ часу потребы ясне ся то окажеть и будутъ умѣти панове наши о то съ паномъ воеводичемъ (подольскимъ) мовити".

Третьи, какъ напр. урядники князя Коширскаго съ королевскимъ дворяниномъ и многочисленными сельчанами изъ 9 селъ, отвергали даже всякую возможность перехода ратенскихъ и любомльскихъ земель своихъ владѣльцевъ подъ власть Короны. Это глубокое убѣжденіе ихъ выражено было по поводу обширныхъ захватовъ Яна Свѣтицкаго и его насмѣшливаго замѣчанія по поводу протестовъ мѣстныхъ владѣльцевъ, что отнятыя имъ земли должны входить въ составъ княжества. „Правда что Ратно и Любомль были великое княжество, говорилъ имъ панъ Янъ Свѣтицкій, но я не знаю, какъ они отошли отъ него; поговорите объ этомъ съ его милостью королемъ".—„То будетъ вѣдати Богъ и князи наши, отвѣтили урядники в. княжества вмѣстѣ съ свидѣтелями, и надѣемся на Бога, ижъ его милость Господарь отчизнъ князей своихъ не отдалитъ". Но протесты эти, какъ и многіе другіе въ такомъ же родѣ, остались голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Замѣчательно, что на протяженіи границы, пройденной коммиссарами, начиная съ Подлѣсья и кончая подольскими степями, вездѣ встрѣчались урочища, на которыхъ собиралась копа изъ Короны и в. княжества Литовско-русскаго. Въ этихъ вѣчевыхъ собраніяхъ принимали участіе не только люди простаго званія, *„но и княжата и панята"*. Такимъ образомъ до введенія Литовскаго статута вѣчевой судъ, или *копной*, былъ такимъ же на-

Digitized by Google

роднымъ русскимъ учрежденіемъ на западѣ Россіи, какъ на сѣверѣ ея и югѣ.

Законодательство рѣчи-посполитой касательно установленія границъ между Короной и в. княжествомъ послѣ 1569 г. носитъ на себѣ ясные слѣды поразительной небрежности и пристрастія къ этому дѣлу польскаго правительства, но только во вредъ в. княжеству. Граничныя столкновенія и споры тянулись неразрѣшенными не менѣе 70 лѣтъ и кончились въ пользу Короны. При этомъ нерѣдко принималось въ разсчетъ современное владѣніе; такъ между прочимъ сдѣлано было въ 1638 г. при разграниченіи брестскаго воеводства съ люблинскимъ. Очевидно, такое сеймовое постановленіе узаконяло за Короной всѣ земельные захваты, которые совершались въ теченіи трехъ четвертей столѣтія. Позднѣйшія жалобы представителей великаго княжества на нарушеніе границъ его Короной не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ не соблюдались и послѣ окончательнаго ихъ установленія.

Отсюда слѣдуетъ, что Корона никогда не признавала границъ великаго княжества, ни до уніи, ни послѣ уніи.

Членъ Виленской Археографической коммиссіи

С. Шолковичъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Краткій очеркъ состоянія Холмской Руси въ религіозномъ отношеніи, со времени введенія христіанства до церковной уніи на Брестскомъ соборѣ.

Страна, называемая Холмскимъ краемъ, въ простонародьи „Холмщиной", расположена въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній люблинской и сѣдлецкой и заключаетъ въ себѣ мѣстности, которыя наравнѣ съ другими юго-западными землями, извѣстными въ X столѣтіи подъ именемъ Червенскихъ городовъ и Волыни, а въ XIII княжества Галицко-Владимірскаго [1]), искони населены были славяно-русскими племенами и подчинялись власти русскихъ князей, сперва Владиміра Великаго и его потомковъ [2]), а послѣ литовско-русскихъ князей, владѣнія коихъ въ началѣ XIV вѣка занимали почти всю площадь отъ низовьевъ Нѣмана, вверхъ по обѣимъ сторонамъ этой рѣки и на югъ чрезъ Наревъ до р. Буга, Кар-

[1]) По свидѣтельству галицкихъ историковъ: Дениса Зубрицкаго (въ сочиненіи его Критико-историч. повѣсть о Червонной Руси. 1846 г., стр. 151—152, 201, 206) и Исидора Шараневича (Исторія Галицко- Володимірской Руси. Львовъ, 1863 г.) въ составъ Галицко-Владимірскаго княжества входили слѣдующія земли съ кореннымъ русскимъ населеніемъ: Червенскіе города: Червень, Галичъ, Перемышль, Белзъ, Холмъ, Львовъ съ ихъ округами по Карпаты, а также часть Литвы—Полѣсье съ городами: Брестомъ, Слонимомъ, Гродномъ, Волковыскомъ, Кобриномъ и Подляшье или Подлясье съ городами: Мельникомъ, Дрогичиномъ и Бѣльскомъ. Справ. И. Бѣляева о географ. свѣд. въ древней Россіи въ запискахъ Императ рус. геогр. общества 1852, кн. 6, стр. 8, 9, 125 и И. А. Чистовича очеркъ исторіи з п.-рус. церкви 1882 г., стр. 3- 6.

[2]) М. Погодинъ (Польскій вопросъ. Москва, 1867, стр. 3) говоритъ: еще во времена Олега были въ подданствѣ его Дулебы въ западной Волыни и Хорваты въ горахъ Карпатскихъ, ходившіе съ нимъ на войну.

Digitized by Google

патскихъ горъ и по восточному склону ихъ до степей Черноморскихъ и Днѣпра [1]).

Послѣ присоединенія Владиміромъ Великимъ къ своей державѣ въ 981 г. Червенскихъ городовъ [2]), въ предѣлы коихъ входила также Холмская земля [3]), всѣ населявшія эту страну племена приняли общее названіе Руси, которая въ началѣ XIV в. стала именоваться Червонной и Малой Русью, въ противоположность слагавшейся тогда, при Калитѣ, въ могущественное государство Великой Руси [4]).

Этнографическими и историческими изслѣдованіями доказывается, что русскія владѣнія на западѣ, въ XII столѣтіи, обнимали нынѣшнюю Австрійскую Галицію и восточную часть люблинской и сѣдлецкой губерніи по г. Люблинъ, Луковъ, Венгровъ и Нуръ на Бугѣ [5]), и что этнографическія въ этихъ странахъ

---

[1]) Документы, объясн. ист. зап.-рус. края, изд. археол. коммиссіи С.-Петербургъ, 1865, стр. XXVI. Нарушевичъ Hystorya narodu polsk. 1860. Т. VI, 93–98.

[2]) По мнѣнію Зубрицкаго, Шафарика, Иловайскаго, Мацѣевскаго и другихъ историковъ, — главный городъ *Червень* находился въ южной части люблинской губерніи, на рѣкѣ Гучвѣ, близь посада Тышовцы, гдѣ нынѣ село *Чермно* (Червно).

[3]) Истор. очеркъ о Червенскихъ городахъ. Прилож. къ Холм.-Варш. епарх. вѣст. 1884, ст. 58

[4]) Шафарикъ. Славян. древн. Т. II, кн. 1, стр. 145. Максимовичъ. Собр. Соч. Кіевъ. 1876. Т. I, 106. Чистовичъ. Ист. з.-р. церк., ст. 6. Шараневичъ въ книгѣ своей „Стародавній Львовъ“ 1861 г. говоритъ, что князь Холмскій и Бѣльскій Юрій II Андреевичъ въ 1324 г. первый сталъ употреблять титулъ «Князь Малой Руси». Названіе *Русская земля* утвердилось первоначально въ кіевской области, съ приходомъ Олега въ Кіевъ, названный имъ матерью русскихъ городовъ; имя же русина встрѣчается впервые на славянскомъ языкѣ въ договорѣ Олега съ греками „Аще кто убьетъ или христіанина русинъ, или христіанинъ русина, да умретъ“, а затѣмъ въ «Русской Правдѣ» Ярослава, гдѣ русинъ является родовымъ понятіемъ. Максимовичъ. Собр. соч. I, 105. Погодинъ. Древ. рус. ист. до монгольскаго ига. Т. II, стр. 724. Срав. Мацѣевскаго Polska pod wzgled. obyczaj izwyczajow. 1842. Т. II, 69.

[5]) По изслѣдованіямъ Шафарика, Риттиха, Барсова (очерки рус. ист. геогр. 1873). Щебальскаго (объясненія къ картѣ Рус. Забужья) и извѣстныхъ польскихъ историковъ Лелевеля, Нарушевича и Мацѣевскаго, границею между юго-западной Русью и Польшею были въ древнѣйшія времена верховыя рѣки Кросны (нынѣ Кржна) у г. Лукова, въ сѣдлецкой губерніи, затѣмъ граница проходила на на югъ около г. Радина, (въ окрестностяхъ коего, близь с. Збулитова, лежитъ камень съ надписью, означающею границу между Русью и Польшею), Вогиня къ р. Вепру и по ней вверхъ до г. Тернавы (нынѣ сел. въ яновскомъ уѣздѣ, люблинской губерніи), Щебрешина, а оттуда къ г. Крѣшову и пересѣкая тамъ р. Санъ граница направлялась въ прямой линіи къ Карпатамъ. На сѣверо-западѣ граничной чертой Руси были низовья Буга, у впаденія въ него р. Нурца, нѣсколько выше Стердыня, нынѣ крайняго русскаго поселенія съ сѣверной части

Digitized by Google

границы русскихъ племенъ настоящаго времени совпадаютъ съ государственными границами юго-западной Руси 1139 года и лежатъ гораздо дальше на западъ въ Польшу и Австрію нынѣшнихъ государственныхъ границъ Русской Имперіи [1]).

Что касается собственно до древней Холмской земли, извѣстной чаще всего подъ именемъ Холмско-Белзской и неоднократно измѣнявшей свои границы по политическимъ причинамъ, то для очерченія ея границъ со всею точностію и со всѣми постепенными измѣненіями исторія не сохранила намъ достаточныхъ данныхъ. Слѣдуетъ лишь замѣтить, что мѣстная политическая и преемственная связь Холмской земли съ сосѣдними землями: Галицко-Белзской, Люблинской [2]) и даже Брестской отражается и въ настоящемъ составѣ Холмскаго края, въ предѣлы коего, какъ оказывается по сличеніи оныхъ съ административными подраздѣленіями старой Польши, входятъ древняя земля Холмская съ пограничными ей тогда землею Люблинскою, часть земли Белзской и значительная часть земель Дрогичинской и Мельникской [3]),

---

сѣдлецкой губерніи. Срав. изслѣдованіе Модеста, епископа люблинскаго о древнѣйшемъ существованіи православія въ Галиціи и привислинскихъ губерніяхъ. Варшава. 1883 года, вып. II, стр. 54—57; М. Балинскаго, Starożytna Polska 1884. Т. II, 1160—1272. Пол. Собр. Лѣт. II, 160, 217, 203.

[1]) Документы, объясн. ист. зап. Россіи, стр. CLXXX—CLXXXIV и карта №№ 1, 3, ср. съ картою Галицко-Владимірской Руси при сыновьяхъ короля Даніила Романовича 1264 г., прилож. къ холмскому мѣсяц. на 1875 г.

[2]) Польскій историкъ Миклашевскій, въ своемъ очеркѣ (Rys) истор. Польши (Warszawa, 1829 г.) доказываетъ, на основаніи древнѣйшихъ польскихъ лѣтописныхъ сказаній, что границы первобытной Польши не заходили далѣе Вислы и затѣмъ, описывая походъ Мечислава I противъ князя Святослава, дѣлаетъ такое замѣчаніе о Люблинѣ: „Когда Мечиславъ шелъ противъ кіевскаго князя Святослава, то по дорогѣ, проходя чрезъ Червонную Хробацію (Русь), расположился въ ея столицѣ Люблинѣ». Люблинъ основанъ около 810 г. на мѣстѣ прежняго поселенія Длотличе (osada rybacka Dłotlitcze). Этотъ городъ съ окрестностями былъ постоянной ареной битвъ русскихъ съ поляками, особенно съ XIII вѣка и почти до соединенія Литвы съ Польшею при Ягайлѣ. Балинскій, Starożytna Polska. Т. II, стр. 1065—1066. Зелинскій. Monografia Lublina 1878.

[3]) Люблинская губернія обнимаетъ часть бывшаго Белзскаго воеводства, заключающуюся между границею Галиціи, Бугомъ до г. Дубенки и по прямой линіи отсюда на посадъ Грабовецъ къ г. Томашеву. Сѣверная же часть сѣдлецкой губерніи, а именно: нынѣшніе уѣзды: соколовскій венгровскій, и сѣдлецкій составляли прежде землю *Дрогичинскую*, а константиновскій, бѣльскій, часть радинскаго и влодавскаго уѣзда, по линіи отъ г. Радина къ западному Бугу, между Влодавой и пос. Славатичи, принадлежали къ *Мельникской* землѣ, которая вмѣстѣ съ Дрогичинскою землею входила въ составъ *Подлясскаго* воеводства, называвшагося также Брестско-Литовскимъ. М. Балинскій Starozyt. Polska Т.

Digitized by Google

Брестско-Литовскаго округа, или такъ называемое Подлясье [1]).

Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ о неразрывномъ соединеніи судебъ Холмской Руси, въ ея національно-религіозныхъ интересахъ, съ судьбами остальной западной Россіи.

Вся эта страна, древнее достояніе равноапостольнаго князя Владиміра, послѣ принятія имъ св. крещенія въ 988 г. по греческому обряду, озарилась свѣтомъ христіанства изъ Кіева и вѣра восточно-православная стала всеобщей на Руси. По словамъ русской лѣтописи (Ипат. 83) „Владиміръ просвѣщенъ самъ и сыновья его и земля его, и, нача ставити по градомъ церкви и попы и люди на крещеніи приводити по всѣмъ градомъ и селомъ". Извѣстный въ польской исторіи составитель хроники Матвѣй Стрыйковскій, жившій во второй половинѣ XVI вѣка, пишетъ: „Владиміръ Святославичъ принялъ крещеніе отъ митрополита, посланнаго съ востока патріархомъ, и съ того времени всѣ русскіе народы, находящіеся въ Бѣлой, Черной, восточной, полунощной и полуденной Руси твердо и непоколебимо стоятъ въ христіанской вѣрѣ, по обрядамъ и уставу греческимъ, подъ верховною властью константинопольскаго патріарха" [2]).

Одновременно со введеніемъ христіанства на Руси устроена была Владиміромъ святымъ духовная іерархія, подъ властію кіевскаго митрополита, подчинявшагося въ свою очередь цареградскимъ вселенскимъ патріархамъ, и учреждена въ 992 году епископская каѳедра во Владимірѣ Волынскомъ [3]), вѣдѣнію которой

II. ст. 1060–1171, 1173–1248, 1259–1032 Н. Павлищева карта по атласу Zannoni 1772 г., въ его сочиненіи Dzieje polski. Warszawa 1844 г.

[1]) *Подлясье* или Подляшье, называемое въ древности землею ятвяговъ, по словамъ историка Балинскаго (т. II стр. 1260) первоначально шло рука объ руку (wizało sie) съ русскими. Дѣйствительно, ятвяги еще съ IX вѣка находились во власти русскихъ князей, но окончательно покорены княземъ Галицкимъ Даніиломъ, вѣнчавшимся въ главномъ ихъ городѣ Дрогичинѣ, 1257 г., королевскимъ вѣнцомъ; затѣмъ Подлясье перешло къ литовскимъ князьямъ и только на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. присоединено къ Польшѣ. Независимо отъ сего, Нарушевичъ, въ своей исторіи Польши, (Т. II, 65–66), основываясь на лѣтописи Кадлубка, жившаго около 1204 г, говоритъ о существовавшемъ тогда также Холмскомъ Подлясьи и отводитъ ему пространство отъ г. Холма на сѣверъ до Ратна (нынѣ въ волынской губерніи между рѣками Припетью и Турьею) гдѣ, по словамъ его, оно встрѣчается съ Подлясьемъ брестскимъ.

[2]) Kronika Macieja Stryjkowzkiego. Warszawa 1846 T. I, 132.

[3]) Еписк. люб. Модестъ въ своемъ сочиненіи «О древнѣйшемъ существ. правосл. въ Галиціи и привислинскихъ губерніяхъ» (т. II, стр. 60) приводитъ

Digitized by Google

принадлежала не только вся Волынь, но и тогдашняя Червонная Русь, что продолжалось около 130 лѣтъ [1]), когда стали учреждаться новыя епископіи и, между прочимъ, для забужной и при вислинской Руси епархія сперва Угровская, а потомъ Холмская.

Новѣйшіе изслѣдователи введенія христіанства въ славянскихъ земляхъ [2]) доказываютъ, что зачатки христіанской вѣры въ Польшѣ и сосѣдней съ нею Руси насаждены первоучителями славянъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками въ половинѣ IX вѣка, что еще за долго до крещенія польскаго князя Мечислава I-го, въ 965 г., по греко-славянскому обряду, находились въ привислинскихъ странахъ тысячи послѣдователей восточно-православнаго вѣроисповѣданія, что эта паства уже тогда имѣла своихъ епископовъ и, между прочимъ, въ г. Судомирѣ [3]), подчинявшихся Панноно-Моравской митрополіи и, наконецъ, что границы этой Меѳодіевской митрополіи простирались на востокъ до р. Буга и Стыря на Волыни [4]).

Какъ бы то ни было, но всѣ эти повѣствованія приводятъ къ заключенію, исторически достовѣрному, что не только въ русской странѣ между Бугомъ и Вислою, но и въ завислинской до Кракова, по словамъ Муратория „fines Russe extendente usquae in Cracoa“

преданіе о томъ, что въ доисторическое время въ Червонной Руси (въ г. Червенѣ) была епископская каѳедра, перенесенная впослѣдствіи Владиміромъ Великимъ во Владиміръ-Волынскій.

[1]) Чистовичъ. Очеркъ ист. з.-р. церкви, стр. 6: ср. изслѣдованіи Модеста о древ. сущ. православія въ Галиціи, II, 65—66.

[2]) Мацѣевскій. Исторія первобытн. христіанской церкви у славянъ перев. Евецкаго, стр. 96—107, 109—110, 194. Бандке. Dzieje narodu Polsk. 139—140. А. Петрушевичъ. Холмская епарх. и святители ея въ Холмск. мѣсяцесл. на 1871 стр. 25—36. Чистовичъ. Исторія з.-р. церк. 24—19. Архимандр. Амвросія статья „Начало и распростр. христ. вѣры въ царствѣ Польскомъ“. Холмск. мѣсяцес. 1867 г., стр. 93—127.

[3]) Судомиръ, нынѣ г. Сандомиръ въ радомской губерніи, по словамъ Балинскаго (т. II, 269, 279) былъ первоначально славянскимъ поселеніемъ, звался Судомиромъ (суд—sod. миръ —pokój) и такъ названъ въ грамотахъ королей польскихъ 1509 и 1560 гг.; въ этомъ городѣ еще въ началѣ XII ст. былъ храмъ св. Николая, перестроенный затѣмъ въ Kollegiata insiquis; здѣсь первоначально хранились останки убитаго подъ Завихостомъ князя Галицкаго Романа. Петрушевичъ же утверждаетъ, что Судомиръ былъ мѣстомъ пребыванія славяно-русскихъ епископовъ, гдѣ въ церкви св. Якова находились ихъ гробы.

[4]) По Нарушевичу (т. IV, 73—74). Границы Моравской, а послѣ Пражской епархіи, въ XI в., обозначаются такъ: „inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Styr cum Cracovia civitate“.

Digitized by Google

(въ „Antiquitates Italiae“ V, 831) границы русскихъ окраинъ былъ первоначально греческо-славянскій обрядъ господствующимъ, что мѣстное населеніе издревле исповѣдывало греческо-православную вѣру, крѣпко ея придерживалось и что во всѣхъ частяхъ древней Руси, какъ отошедшихъ къ Россіи, такъ и доставшихся Польшѣ, въ народѣ-господствовало русское славянское православное начало, которое сохраняется тамъ и до настоящаго времени.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ также не только безчисленное множество западно-русскихъ памятниковъ на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, но главнымъ образомъ то, что коренное населеніе нынѣшней Малороссіи [1]) всегда называло себя и называетъ теперь русскимъ народомъ, языкъ свой русскимъ языкомъ, свою вѣру (греко-восточнаго исповѣданія) русскою вѣрою, и что въ западной Руси господствовало и утверждалось правительственною властью русское церковно-гражданское право, — извѣстный уставъ Владиміра и Ярослава, сперва въ концѣ XIII вѣка въ Галицкомъ княжествѣ, а потомъ въ Литовско-Польскомъ государствѣ [2]).

Центромъ религіозной жизни въ Холмской странѣ, между Бугомъ и Вислою, отъ котораго она получила свое названіе, былъ городъ Холмъ, столица русскихъ святителей, въ теченіи послѣднихъ семи столѣтій Начало Холма покрыто мракомъ неизвѣстности [3]). По свидѣтельству польскихъ историковъ [4]) и перваго изслѣдователя холмской старины, епископа Як. Суши въ его сочиненіи „Phoenix redivivus“ основаніе Холма относится къ временамъ Владиміра Великаго, который, какъ повѣствуютъ, построилъ въ немъ первую церковь на мѣстѣ языческаго капища и въ доказательство сего приводится, что въ существовавшемъ въ г. Холмѣ до XVII вѣка древнемъ храмѣ св. Богородицы на потолкѣ у праваго столба при алтарѣ высѣченъ былъ греческими цифрами годъ его постройки 1001; далѣе говорится, что при торжественномъ перенесеніи въ Вышеградѣ въ новый храмъ мощей свят. Бориса

---

[1]) Важнѣйшею частью Малороссіи Погодинъ, въ своемъ сочиненіи „Польскій вопросъ“ (стр. 90), называетъ древнее княжество Галицкое съ принадлежавшими къ нему русскими землями нынѣшней люблинской и сѣдлецкой губерній.

[2]) Документы, объясн. ист. з.-р. края, стр. XIV—XXX.

[3]) См. Статьи Д. И. Иловайскаго и Г. К. Хрусцевича въ VII вып. настоящ. изданія. *Ред.*

[4]) Длугоша, Кромера, Нарушевича (Hist. Nar. pol. I, 358), Нѣсецкаго (Korona Pols. I, 94) Балинскаго (Star Pol. II, 755).

Digitized by Google

и Глѣба присутствовалъ, между прочимъ, епископъ холмскій Іоаннъ (о томъ же Никонов. лѣтоп.) и, наконецъ, что въ 1074 король польскій Болеславъ Смѣлый, не будучи въ состояніи овладѣть холмской твердынею, по своему положенію трудно доступной для непріятеля, ограничился опустошеніемъ ея окрестностей. Другіе же, напр. Петрушевичъ [1]), приписываютъ основаніе Холма князю Галицко-Владимірскому Даніилу Романовичу, основываясь на Ипатьевской лѣтописи (Полн. собр. лѣт. II, 163, 196), гдѣ подъ годомъ 1223 сказано „Божіимъ повелѣніемъ Даніилу, княжащу во Володимерѣ созда градъ Угорескъ [2]) и постави въ немъ пискупа... Богу изволившу Даніилъ созда градъ именемъ Холмъ: Божію же волею избранъ бысть и поставленъ бысть Иванъ пискупъ княземъ Даніиломъ, отъ клироса великія церкви св. Богородицы володимерской. Бѣ бо прежде того пискупъ Асафъ въ Угровскѣ, иже скочи на престолъ митрополичъ и за то сверженъ бысть стола своего и переведена бысть пискупья въ Холмъ“.

Оставляя открытымъ вопросъ о времени основанія самаго Холма, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что іерархическая духовная зависимость народонаселенія холмской и привислинской Руси, принадлежавшая въ XI столѣтіи Владимірскимъ святителямъ [3]), перешла въ послѣдствіе къ Угровскимъ епископамъ и въ первой половинѣ XIII вѣка, при князѣ Даніилѣ Романовичѣ утвердилась окончательно въ Холмѣ, гдѣ уже въ 1242 г. на каѳедрѣ является епископомъ Кириллъ, извѣстный въ 1250 г. митрополитъ всея Руси.

Образовавшись такимъ образомъ, холмская православная епископія и ея епархія, съ самаго начала своего существованія до конца XVIII вѣка, подчинялась кіевскимъ митрополитамъ, сперва православнымъ, а послѣ введенія брестской уніи (1595 г.) грекоуніатскимъ, за исключеніемъ лишь нѣкотораго времени (1370—1393), когда она, съ переходомъ червонной Руси подъ владычество Польши, вошла вмѣстѣ съ другими 4-мя епархіями (галицкой, перемышльской, владимірской и туровской) въ составъ особой Галицкой митрополіи, учрежденной константинопольскимъ

---

[1]) Въ книгѣ „Холмская епархія и святители ея“. Львовъ 1867 г.

[2]) Угорескъ, нынѣ Угровскъ на сѣверъ отъ Холма, во влодав. уѣздѣ, близъ впаденія р. Угеръ въ Бугъ.

[3]) По словамъ арх. Филарета, въ его исторіи рус. церкви I стр. 113 прим. 299, Холмъ принадлежалъ Владимірскому епископу до 1137 г.

Digitized by Google

патріархомъ Филофеемъ, по настоянію короля польскаго Казиміра [1]).

Упомянутое выше разъединеніе іерархической власти въ русской церкви, усилившееся избраніемъ въ тоже время для Литовской Руси особаго третьяго митрополита, завершилось въ половинѣ XV в. окончательнымъ раздѣленіемъ русской церкви на двѣ митрополіи: Московскую и Кіевскую [2]). Это переходное состояніе не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій собственно по отношенію къ холмской епархіи. Находясь въ безусловномъ подчиненіи кіевскимъ православнымъ митрополитамъ а чрезъ нихъ константинопольской вселенской патріархіи, до конца XVI в. и даже еще долго послѣ введенія церковной уніи съ Римомъ, она была хранительницею древняго православія и въ дѣлахъ церковнаго управленія руководствовалась одними и тѣми-же правилами, коими управлялись другія православныя епархіи. Холмскіе епископы XIII-XIV в., подъ водительствомъ лучшихъ того времени первосвятителей своихъ, митрополитовъ: Кирилла, Ѳеогноста и Кипріана [3]), были ревностными исполнителями уставовъ восточной цер-

---

[1]) Въ грамотѣ Казиміра къ патріарху въ 1369 г., между прочимъ, говорится, я король ляшскій пріобрѣлъ русскую землю. И нынѣ ищемъ у тебя своего архіерея.. рукоположите Антонія въ митрополита, дабы не исчезъ, не разорился законъ русскій. А не будетъ милости Божіей и вашего благословенія на семъ человѣкѣ, то послѣ не жалуйтесь на насъ: намъ нужно будетъ крестить русскихъ въ латинскую вѣру, если у нихъ не будетъ митрополита, такъ какъ земля не можетъ быть безъ закона (Ист. рус. церк митроп. Макарія 1866 Т. IV, 56—57. Рус. ист. библ. Т. VI, 1880. Прилож. стр. 324—325. Чистовичъ. Очеркъ ист. зап.-рус. цер. 110 - 111

[2]) Въ 1376 г. русская православная церковь имѣла трехъ митрополитовъ: Алексія—кіевско-московскаго, Антонія - галицкаго и Кипріана—литовскаго; такое раздѣленіе, продолжавшееся первоначально недолго, именно до 1389 г, когда соборнымъ константинопольскимъ опредѣленіемъ митрополитъ литовскій Кипріанъ, назначенъ, по прежнему, митрополитомъ всея Руси, возникло вновь послѣ избранія литовско-русскими епископами на соборѣ въ Новогрудкѣ 1416 особаго для себя митрополита, въ лицѣ Григорія Цамблака, и окончательно утвердилось при избраніи преемника митрополиту всея Руси Исидору, согласившемуся съ постановленіемъ Флорентійскаго Собора объ уніи Восточной церкви съ Римскою, но не признаннымъ въ Россіи (Прот. Хойнацкаго очерки изъ ист. прав. церкви 1878 г. стр 102—106 Чистовичъ. Очеркъ ист. з.-р. церкви стр. 113, 120, 165).

[3]) Польскій писатель Ликовскій въ своей исторіи польской церкви (Hist. kosciola polskiego. Poznań. 1875 г., стр. 33—34) даетъ о трудахъ сего святителя такой отзывъ „Кипріанъ жилъ исключительно для добра русской церкви, старательно посѣщалъ епархіи своей митрополіи, исправлялъ недостатки, съ великою ревностью заботился о возвышеніи образованія и наукъ въ духовенствѣ". Болѣе подробныя свѣдѣнія о кіевскихъ митрополитахъ православныхъ и уніатскихъ

Digitized by Google

кви и защитниками духовныхъ интересовъ своей паствы, пользуясь въ этомъ отношеніи поддержкою и покровительствомъ русскихъ владѣтельныхъ князей и вельможъ, исповѣдывавшихъ православную вѣру. Заботливостью этихъ князей холмская епископская каѳедра уже въ началѣ своего существованія обезпечена была надѣленіемъ въ ея пользованіе обширныхъ имѣній и другихъ богатыхъ угодій и десятинъ, отказанныхъ благочестивою ея паствою [1]).

Изъ извѣстныхъ намъ 28-ми холмскихъ православныхъ епископовъ, за время съ учрежденія холмской епархіи до введенія уніи съ Римомъ [2]), отличались особою дѣятельностью 1., *Калистъ*, именовавшійся епископомъ холмскимъ и белзскимъ. За святительство его въ 1276 г. князь холмскій Юрій „придалъ къ стольцу сего епископа на богомоленіе вѣчисто села Стрижево, Слепче, Космово, Цуцнево з-обѣма береги обаполъ Бугу“ [3]). 2., *Харитонъ* Угровецкій, принимавшій участіе въ избраніи, на соборѣ въ Новогрудкѣ 1416, особаго митрополита для западно-русской церкви. 3., *Филаретъ*, участвовавшій въ извѣстномъ виленскомъ соборѣ 1509 г., созванномъ для устройства церковныхъ дѣлъ и порядка въ управленіи и жизни западно-русскаго духовенства. 4., *Вассіанъ* или Василій Бака, заступавшійся въ 1548 г. предъ королемъ польскимъ за русскихъ крестьянъ дер. Бусьня и Бѣлополя, близь Холма, принуждаемыхъ грубешовскимъ старостою Дембовскимъ-католикомъ къ разнымъ на себя работамъ.

Составъ и предѣлы древней Угровско-холмской епархіи съ точностію не извѣстны. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, предѣлы этой епархіи совпадали съ указанными выше политическими границами древней холмско-белзской земли, отъ имени коей уже первые владыки холмскіе называются также епископами белзскими. При Даніилѣ Романовичѣ, послѣ присоединенія имъ къ своимъ владѣніямъ г. Люблина съ окрестностями, границы холмской пра-

---

находятся въ сочиненіи Игнатія Стебельскаго († 1790) „Dwa wielkie swiatla“ въ III Т. стр. 180–275. Вильно. 1783 г.

[1]) Подробности о семъ сочиненіи протоіерея холмскаго собора Ивана Поцѣя „O dziesięcinach kościelnych na Rusi“. Варшава. 1845 г. и А. Будиловича о недвижимыхъ имуществахъ зап. рус. церкви въ Холм.-Варш. Вѣстн. 1878 г.

[2]). Петрушевича Холм. епар. и святит. ея въ Холмск. мѣсяц. 1871 г. стр. 46–58.

[3]) Востоковъ. Опис. рукоп. Румянц. музея. С-Прбургъ стр. 174.

Digitized by Google

вославной епархіи простираются по р. Вислу и обнимаютъ собою такъ называемыя тогда украйнскія мѣстности по лѣвую сторону Буга и по обѣимъ сторонамъ р. Вепра.

Въ XIV ст. предѣлы холмской епархіи разширяются на Волынь, съ присоединеніемъ къ ней трехъ округовъ по правую сторону Буга т. е. любомльскаго, турійскаго (кашегородскаго) и ратненскаго [1]) и въ такихъ предѣлахъ она находится до половины XVII в., когда въ составъ оной входили земли: холмская, белзская, люблинская и часть Подлясья, на сѣверѣ Холма до границъ нынѣшняго бѣльскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи, заключающія въ себѣ тогда 700 приходовъ. Остальная часть Подлясья, по обѣимъ сторонамъ сѣвернаго Буга, принадлежала всегда до послѣдняго раздѣла Польши къ Владиміро-брестской епархіи [2]).

Холмская Русь, по своему географическому положенію, находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Польшею, хотя и испытывала давленіе бушевавшей тамъ уже съ X вѣка римско-католической пропаганды, но подъ мощной защитой русскихъ князей, особенно галицкаго князя Даніила Романовича и его потомковъ, чаще всего проживавшихъ въ Холмѣ [3]), стойко боролась съ иноземнымъ вліяніемъ и до самаго перехода подъ владычество Польши въ половинѣ XIV вѣка твердо сохраняла вѣру своихъ предковъ и пользовалась полною свободою совѣсти. Господствовавшій въ западной Руси восточный обрядъ—православіе мирно укрѣплялось и развивалось не только въ искони русской холмской странѣ, но и въ завислинской, особенно сандомірской (нынѣ радомской) области, гдѣ, по свидѣтельству русскихъ и польскихъ лѣтописцевъ, въ городахъ Судомірѣ, Лысцѣ, Опатовѣ и Вислицѣ [4]),

---

[1]) Эти округа или благочинія только въ 1796 г., послѣ раздѣла Польши, отошли отъ холмской епархіи къ брестской и заключали въ себѣ тогда 90 приход. церквей и одинъ монастырь. (Холм. мѣсяц. 1874 г. стр. 25—26.

[2]) Холмскій мѣсяц. на 1872 г. стр. 24; Холмск. Вѣст. 1884 г. № 8 стр. 125—126.

[3]) Даніилъ Романовичъ перенесъ свой княжескій столъ изъ Галича въ Холмъ, здѣсь умеръ 1264 г. и похороненъ; здѣсь же погребены у „святой Богородицы“ сыновья его Романъ († 1260) Шварнъ († 1268) и правнукъ Михаилъ Юрьевичъ († 1284) Пол. соб. лѣт. 202, 204, 213, 218.

[4]) *Вислица*—одна изъ столицъ Польши во времена св. Меѳодія, гдѣ „погонескъ князь (Вышевитъ изъ рода Попелей) силенъ вельми, сѣдя въ Вислѣхъ ругашеся христіаномъ и накости дѣяше“ былъ окрещенъ въ христіанскую вѣру Меѳодіевскими учениками. *Опатовъ* еще въ XVI вѣкѣ принадлежалъ православнымъ князьямъ Острожскимъ. Баженскій. Star. Pol. 302—304, 324.

Digitized by Google

существовали греческія церкви и еще въ XIII в. совершалось тамъ греко-славянское богослуженіе [1]). Принадлежность г. Люблина и его западныхъ окрестностей къ православной вѣрѣ удостовѣряется, между прочимъ, древнѣйшимъ памятникомъ христіанства въ этомъ городѣ: церковью св. Николая, которая, по Кадлубеку, построена въ 986 г., т. е. ранѣе распространенія католицизма въ Польшѣ, и существовавшею въ г. Казимірѣ еще въ XV в. православною церковью [2]). Въ доказательство русскихъ началъ и православія въ холмско-привислинской странѣ нельзя не привести также свидѣтельства польскаго историка Кромера, по словамъ котораго, населеніе малой Польши [3]),—русское искони, отличалось особою привязанностію къ обрядамъ древней греческой вѣры и къ своей церковной іерархіи [4]), а равно заявленіе краковскаго епископа Матвѣя, который въ письмѣ къ Клервоскому аббату Бернарду (1144 г.), вызываемому къ берегамъ Вислы для искорененія „безбожнаго русскаго обряда", указывалъ, что въ привислинской странѣ „русское племя безчисленнымъ множествомъ подобное свѣтиламъ небеснымъ не соблюдаетъ правилъ католической вѣры [5]).

Еще въ началѣ XIV вѣка прибужная Русь или Волынь, къ коей въ то время причислялась холмская земля, пользовалась мирнымъ теченіемъ религіозной жизни и вообще благосостояніемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ митрополитъ всея Руси св. Кипріанъ († 1406) въ описаніи жизни св. Петра (митрополита съ 1306-1326) говоря „тогда бяше въ своей чести и времени земля Волынская всякимъ обиліемъ преимущи и славою, еще и нынѣ по многихъ ратѣхъ" [6]). Но вскорѣ за тѣмъ, послѣ прекращенія поколѣнія великихъ князей Галицкихъ, около 1340 г., и перехода Галицко-Холмской земли подъ власть Польши, поднимается въ этой стра-

---

[1]) Петрушевича Холм. епархія. Холмск. мѣсяц. 1871 ст. 25—32 ср. Модеста епископа о древнѣй. сущ. правосл. въ привис. губ. в, I, 107-108.

[2]) Изслѣдованіе К. Неволина о Прост. церк. суда въ Россіи до Петра В-го Собр. Соч. т. VI; Востокова Опис. рук. Румянц. муз. стр. 185.

[3]) Малая Польша, по картѣ польскихъ владѣній 1770 г., приложенной къ Документамъ, объясн. ист. зап-рус. края, обнимала нынѣшнія Малороссію, Галицію, люблинскую и радомскую губерніи.

[4]) Cromera Polonia sive de sito, populis, moribus etc. 1570 г. стр. 56; Холм-Варш. еп. Вѣст. 1883 № 1 стр. 14.

[5]) А. Бѣлевскаго Wstep kryt. do dziejow Polski 1850 стр. 94.

[6]) Холм-Варш. еп. Вѣст. 1884 № 11 стр. 181.

Digitized by Google

нѣ открытое гоненіе на православную вѣру со стороны латинопольской пропаганды, дошедшее до того, что въ 1343 г. обитатели прибужной Руси просили хана татарскаго избавить ихъ отъ этого религіознаго ига [1]).

Польша съ самаго начала введенія въ ней римско-католическаго вѣроученія, подпавъ подъ всесильное тогда вліяніе римскихъ папъ и допустивъ вмѣшательство ихъ даже въ свои внутреннія дѣла [2]), отдала имъ также въ жертву ненавистное Риму восточно-русское славянство. Уже первый римскій миссіонеръ, пражскій епископъ, Войцѣхъ (Адальбертъ) прибывъ въ Ляхи 996 г. „разрушиша вѣру правовѣрну, русскую грамоту отверже и латинскую грамоту и вѣру постави, правыя иконы пожьже, епископы посѣче, а другая разгнавъ“ [3]).

Покушенія Рима совратить Русь въ католицизмъ начинаются еще до принятія ею христіанства, когда посламъ папы къ Владиміру Великому, съ предложеніемъ крестить Русь по латинскому обряду, этотъ князь отвѣтилъ „идѣте опять яко отцы наши сего не приняли суть“ [4]) и, не смотря на обращеніе Руси въ христіанство, означенныя покушенія продолжаются чрезъ всю нашу древнюю исторію, преимущественно же во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Графъ Д. А. Толстой, въ своемъ капитальномъ сочиненіи о Римскомъ католицизмѣ въ Россіи (Т I, стр. 3—7) насчитываетъ, въ періодъ времени съ XI по конецъ XVI столѣтія, до 25-ти разныхъ папскихъ посольствъ и посланій къ русскимъ князьямъ и народу, съ цѣлью совращенія ихъ въ латинскую вѣру, но всѣ они остались безъ успѣха, подобно настоятельному въ семъ отношеніи призыву папы Инокентія IV къ великому князю Александру Невскому въ 1248 г., на который послѣдовалъ отвѣтъ: „мы знаемъ истинное ученіе церкви, а вашего не пріемлемъ и знать не хотимъ“.

Рядомъ съ этими усиліями Рима не было недостатка въ различныхъ публичныхъ приказахъ папъ о крестовомъ походѣ противъ русскихъ схизматиковъ [5]), о низложеніи православныхъ спи-

[1]) Гр. Д. А. Толстой. Римскій католицизмъ въ Россіи 1876 г. Т. I стр. 310.

[2]) Папа Александръ III утвердилъ постановленія перваго польскаго Ленчицкаго сейма 1180 г., касавшіяся исключительно внутренняго управленія страной.

[3]) Русск. ист. библ. т. IV, Чистовичъ, Очеркъ Ист. З—р. Цер. стр. 27.

[4]) Римскій католиц. въ Россіи. Гр. Толстаго стр. 3.

[5]) Папа Александръ IV издалъ въ 1258 г приказъ Ольмуцкому и другимъ епископамъ стараться заставить князя Галицко-Владимірскаго Даніила силою

Digitized by Google

скоповъ съ ихъ каѳедръ, предложеннымъ на прим. папою Григоріемъ XI, въ 1372 г., краковскому польскому епископу въ слѣдующихъ словахъ: „апостольскимъ распоряженіемъ поручаемъ и приказуемъ твоему братолюбію всѣхъ и каждаго изъ епископовъ русской земли: въ г. Галичѣ, Перемышлѣ, Холмѣ и Владимірѣ, которые окажутся схизматиками, совершенно отдалять властью апостольскою отъ ихъ церквей и епископій“ [1]).

Независимо отъ сего, съ цѣлью латинизаціи русскаго народа, папа Инокентій IV, еще въ половинѣ XIII в; учредилъ для русскихъ областей странствующую общину—миссію изъ доминиканцевъ и францисканцевъ, подъ именемъ „Societas peregrinantium“ [2]), а для успѣшнѣйшаго совращенія православныхъ въ католичество папа Григорій XI, въ 1375 г., основалъ на Руси четыре латинскія епископскія каѳедры и въ томъ числѣ епископію въ г. Холмѣ [3]). Епископія эта, среди населенія, исповѣдавшаго исключительно православную вѣру, долгое время существовала болѣе по имени, чѣмъ на дѣлѣ; она, по свидѣтельству польскихъ историковъ, устроилась кое-какъ только при королѣ Ягайлѣ въ 1414 г., но при всемъ томъ холмскіе латинскіе епископы никогда не имѣли въ Холмѣ своей каѳедральной церкви, вели какъ бы кочевую жизнь, переѣзжая съ мѣста на мѣсто: въ 1473 году холмская латинская каѳедра переведена въ Грубешовъ, отсюда въ 1490 въ г. Красноставъ и, наконецъ, въ 1781 утвердилась въ г. Люб-

---

оружія подчиниться Риму; папа Урбанъ IV въ 1264 г. предлагалъ Богемскимъ государямъ идти войною противъ схизматиковъ русскихъ и литовскихъ, а Венедиктъ XIII, двумя посланіями къ польскимъ епископамъ въ 1340 и 1352 г. открывалъ крестовый походъ противъ русскихъ и щедро разсыпалъ индульгенціи всѣмъ, кто изъявлялъ желаніе служить въ этомъ походѣ, возлагавшемся на короля польскаго Казиміра. Чистовичъ. Очеркъ Ист. 3–8. Цер. 11. 13. 40.—41, Холм-Варш. еп. Вѣст. 1884 № 11 стр. 180).

[1]) Нарушевичъ, Hyst. narod. Polsk. 1860 т. VIII, 270; статья объ учрежденіи латин. епископіи въ русс. областяхъ. Холм. мѣсяц. 1872, стр. 59.

[2]) Гр. Толстой Римск. католицизмъ въ Россіи Т. I, 315.

[3]) Холмская латин. епископія учреждена была собственно для холмско белзской земли, такъ какъ сосѣднія съ нею: люблинская земля уже ранѣе подчинена была краковской архіепископіи, а Подлясье сѣдлецкое принадлежало къ владимірско-луцкой каѳедрѣ. Латинскія епископіи получали окончательную организацію на Руси, какъ видно изъ утвердительнаго акта виленской епархіи, даннаго нунціемъ Захаріемъ въ 1520 г., въ вознагражденіе за утѣсненіе схизматиковъ и въ видѣ поощренія для подобнаго дѣйствованія въ будущемъ (Рим. католиц. въ Россіи I, 188).

Digitized by Google

линѣ [1]), въ коемъ уже прежде находились временно каѳедры бѣжавшихъ изъ Россіи латинскихъ епископовъ: каменецъ-подольскаго въ XV в. и кіевскаго съ 1648 по 1724 г.

Съ своей стороны, польскіе короли, по политическимъ разсчетамъ, раболѣпно подчиняясь видамъ и внушеніямъ могущественныхъ тогда римскихъ папъ, стали ревностно распространять католицизмъ на Руси, безпощадно уничтожая русскія церкви. Уже Казиміръ Великій, вопреки заявленному имъ патріарху Филоѳею побужденію къ учрежденію галицкой митрополіи, имѣвшему цѣлью сохраненіе русскаго закона т. е. православія, принялся за обращеніе церквей въ костелы, о чемъ повѣствуетъ русская хроника изд. Даниловичемъ „Въ лѣто 6857 пріиде король краковскій со много силою и взя лѣстію землю волынскую и много зла христіанамъ створи, а церкви святыя притвори на латинскія—богомерзкое служеніе [2]).

Ближайшій изъ преемниковъ Казиміра († 1370) великій князь литовскій Владиславъ Ягайло, женившись на польской королевнѣ и соединивъ Литву съ Польшею, обязался, по брачному договору, повести свое княжество, почти *все русское* и *православное*, къ пересозданію сверху до низу въ *польскую націю и латинскую вѣру*. Перекрестившись самъ изъ православія въ католицизмъ, онъ началъ свою миссію латинскую въ 1387 г. объявленіемъ въ западной Руси римско-католичества господствующею вѣрою [3]) и одновременно издалъ грамоту, въ которой обѣщаетъ всѣхъ людей своего государства, въ какомъ бы кто ни былъ званіи, состояніи и чинѣ „къ вѣрѣ католической и святому послушанію римской церкви привести, принудить и всѣми способами присоединить, какой бы секты и различія они не были [4]). Затѣмъ уничтожаетъ русское епископство въ Галичѣ [5]) и имѣніями онаго надѣляетъ львовскую

---

[1]) Балинскій. Staroz Polska II, 756. Зелинскій „Monografia Lublina стр. 9; Чистовичъ. Очеркъ ист. З-Р. церкви 46—47.

[2]) Пол. соб рус. лѣт. III, 84. Изслѣд. о червен. гор. прил. къ Х—В. Вѣст. 1884 ст. 75.

[3]) Narbutta Dzieje starożyt. narodu litewskiego. Wilno 183⅞ T. V, 401.

[4]) Кояловичъ. Литов. церк. унія стр. 8.

[5]) „И тотъ столецъ (епископскій) сгинулъ на много лѣтъ. И на томъ стольци Галицкомъ учинено есть арцибискупство латинское: которыя были мѣста въ Галичу, то все отобрали и на томъ фундовали арцибискупство (Ак. зап. Рос. II № 198).

Digitized by Google

латинскую митрополію; подобнымъ же образомъ передаетъ русскую каѳедральную церковь Іоанна Крестителя съ ея имѣніями во владѣніе мѣстнаго католическаго епископа, приказавъ предварительно выбросить трупы и останки погребенныхъ тамъ русскихъ вельможъ [1]).

Для болѣе дѣйствительнаго подавленія православія, Ягайло, сеймовою конституціею, лишаетъ своихъ православныхъ подданныхъ права гербовъ и дворянства, устраняетъ ихъ изъ совѣта державной думы и отъ всѣхъ общественныхъ должностей и достоинствъ [2]), объявляетъ запрещеніе своимъ подданнымъ латинскаго обряда вступать въ бракъ съ русскими обоего пола, ранѣе принесенія ими покорности римской церкви [3]) и, наконецъ, грамотою на имя львовскаго латинскаго архіепископа Іоанна [4]) въ 1423 г. предоставляетъ ему и его преемникамъ въ подвластныхъ Польшѣ русскихъ земляхъ, полную власть карать, по своему усмотрѣнію, схизматиковъ-послѣдователей греческаго обряда и измѣнниковъ христіанской религіи, какого бы сословія или пола они ни были [5]).

По примѣру Ягайлы, и другіе короли, его потомки, а также духовенство латинское и польская шляхта изыскивали всевозможныя мѣры и насилія къ обращенію Руси въ католичество и къ ея ополяченію. Изъ многочисленнаго ряда изобрѣтеній этого фанатизма слѣдуетъ отмѣтить: учрежденіе латинскихъ приходовъ на счетъ русскихъ церквей и матеріальнаго достоянія кореннаго русскаго населенія, посредствомъ насильственнаго захвата и незаконнаго присвоенія русскихъ церковныхъ имѣній; установленіе въ пользу латинскихъ епископій и приходовъ десятинныхъ сборовъ съ русскихъ мѣщанъ и сельчанъ: лишеніе Холмскихъ православныхъ епископовъ принадлежавшихъ имъ имѣній на томъ лишь основаніи, что нѣкоторые русины высшаго сословія въ холмской области перешли

---

[1]) Dlugosz Lib. XI ad annum 1412. Чистовича. Очеркъ ист. з.-р. цер. стр. 47.

[2]) Изслѣд. и моногр. Костомарова Т. III, описан. Кіево-Соф. соб. стр. 99. Докум. объясн. ист. зап.-рус. края № 2.

[3]) Докум. объясн. ист. з.-р. края № 1. Гр. Толстаго Римскій кат. въ Россіи I, 260.

[4]) Львовскому архіепископу подчинялись латинскіе епархіи холмская, владимірская, перемышльская и въ послѣдствіи каменецкая.

[5]) Metryka Koron. 23 p. 287. Поцѣй o dziesięcin. Kościel. na Rusi стр. 7. Изъ жалобы перемышльскихъ русиновъ королю Яну-Альбрехту мы узнаемъ, что русскихъ православныхъ поляки не считали христіанами, ибо свидѣтельства ихъ въ дѣлахъ христіанъ не были принимаемы по закону, а церкви русскія звали синагогами (Холм. мѣсяц. 1867. стр. 181).

Digitized by Google

въ латинскій обрядъ [1]). Далѣе, подъ предлогомъ что въ Литвѣ происходятъ религіозныя волненія, учреждается въ ней, въ 1436 г. трибуналъ св. инквизиціи (ранѣе на 43 года отъ испанской), подъ предсѣдательствомъ доминиканскаго монаха Николая изъ Ленчицы, съ правомъ отыскивать и карать еретиковъ и русскихъ отщепенцевъ, приводить ихъ „въ послушенство римскому двору“ и недозволять имъ строить и возобновлять церкви [2]). Епископы католическіе получаютъ отъ папы Александра VI въ 1500 г. разрѣшеніе, какъ для себя и своихъ преемниковъ такъ и для всего римско-католическаго духовнаго чина, употреблять оружіе противъ православныхъ, армянъ и татаръ и казнить смертію еретиковъ [3]). Львовскій архіепископъ Бернардъ Вильчекъ въ 1509 г. выпросилъ у польскаго короля Сигизмунда I право себѣ и своимъ преемникамъ избирать окружныхъ намѣстниковъ для управленія русскимъ духовенствомъ и церквами, т. е. право, коимъ предоставлялась намѣстникамъ „власть визитировать синаноги, исправлять поповъ и иныхъ церковно служителей, вообще же чинить и исполнять все то, что съ этой должностью было связано“ [4]). Петроковскій соборъ католическаго духовенства, подъ предсѣдательствомъ Петра, архіепископа краковскаго, въ 1542 г., въ статьѣ озаглавленной „дабы евреи и схизматики не злоупотребляли своими обрядами“ постановилъ „чтобы русскимъ запрещено было отправлять публично богослуженіе, звонить въ колокола и строить церкви“ [5]). Лучшей же иллюстраціей отношеній къ данному вопросу польской шляхты и ея религіозныхъ убѣжденій того времени можетъ служить грамота перемышль-

---

[1]) Касательно насильственнаго отнятія и не законнаго захвата русскихъ церквей и церковныхъ имѣній и передачи ихъ въ пользу латинскаго духовенства имѣется, начиная съ XIV в., цѣлый рядъ историческихъ указаній въ королевскихъ грамотахъ, во многочисленныхъ дѣлахъ и тяжбахъ, которыя велись не только въ судахъ и на сеймахъ, но и въ сеймовыхъ приговорахъ, имѣвшихъ цѣлью успокоивать русскихъ мертвою буквою. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на постановленія Городельскаго сейма 1432 г. Петроковскаго 1504 и Краковскаго 1543 г. сюда же относятся сеймовыя постановленія 1588 и послѣдующихъ годовъ (Volum. leg II p. 1221, 1606; IV, 645; VI, 168). Ср. І. Поцѣя о десят. церк. на Руси.

[2]) Чистовичъ. Очеркъ ист. з.-р цер. стр. 53. Вѣст. ю.-з. Россіи. 1863. мартъ. Холм. мѣсяц. 1872 г. ст. 77.

[3]) Гр. Толстаго римскій катол. въ Россіи 1, 261, Акт. зап. Россіи I, 115. Епископъ виленскій Таборъ самъ ходилъ иногда съ мечемъ (Przyalgowski T. I, стр. 81).

[4]) Metr. koron 29 p. 443. Чистовичъ. Очер. ист. з.-р. цер. стр. 179.

[5]) Холм. мѣсяц. 1872 г., стр. 80.

Digitized by Google

ской кастеляншi Екатерины Ваповской 23 января 1593 г., въ коей между прочимъ говорится [1]) „въ виду того, что римская церковь съ великимъ усердіемъ старалась всегда о приведеніи грековъ къ единству вѣры, насъ не будутъ порицать добрые христіане, что мы обращаемъ всѣ русскія церкви въ нашихъ вотчинахъ, селеніяхъ въ костелы римской вѣры". Оправдывая далѣе эту мѣру, какъ испрошеннымъ на сіе соизволеніемъ папы Григорія XIII, такъ въ частности жалобою католическихъ плебановъ „что многіе поляки, проживая между Русью, ради болѣе своевольной жизни, переходили въ русское недовѣрство", Ваповская поставляетъ обязанностью для капланновъ этихъ новыхъ костеловъ „что они прежде всего должны обращать Русь къ римской церкви, крестить русскихъ дѣтей и наблюдать, чтобы не были индѣ крещены у поповъ, и чтобы какъ можно чаще служили св. мшу по средамъ и пятницамъ за обращеніе Руси".

Правда, рядомъ съ этимъ, исторія сохранила намъ нѣсколько королевскихъ декретовъ и привилегій въ пользу русскаго духовенства, народа и ихъ обряда, особенно—короля Сигизмунда Августа, издавшаго грамоту 11 марта 1565 г. къ чиновникамъ русскихъ провинцій, чтобы не дѣлать препятствій русскимъ въ совершеніи ихъ обрядовъ, и на канунѣ заключенія люблинской уніи (въ 1569 г.) уравнявшаго русскихъ духовныхъ и мірянъ съ поляками-католиками [2]), но всѣ подобные акты лишены исторической цѣнности, такъ какъ они были мертвою буквою, не прилагались къ дѣлу и, какъ послѣдующія событія показали, издавались съ цѣлью усыпленія русскихъ, чтобы удобнѣе уничтожать ихъ народность и вѣру.

Всѣ вышеизложенныя мѣры, принятыя противъ русскаго народа вообще, примѣнявшіяся въ частности и къ холмской Руси, а равно задуманный папами, съ цѣлью соединенія восточной церкви съ римскою, Флорентійскій соборъ, къ огорченію Рима отвергнутый восточными патріархами и русскимъ народомъ [3]), доказываютъ вполнѣ, что православная церковь въ Польшѣ, со времени при-

---

[1]) Полная грамота напечатана въ Холм. мѣсяц. 1872. стр. 73—75.

[2]) Ярошевичъ. Obaz Litwy T. II, стр. 34. Поцѣй o dziesięc na Rusi стр. 15.

[3]) На соборѣ въ Константинополѣ 1450 г., который, признавъ Флорентійскій соборъ соблазнительнымъ, ложнымъ, насильственнымъ, дерзкимъ и вселенскимъ соборамъ противнымъ, уничтожилъ всѣ его дѣянія (Истор. извѣст. о возник. въ Польшѣ уніи Бант.-Каменскаго. Вильна. 1886, стр. 14).

Digitized by Google

соединенія къ ней русскихъ окраинъ, подчинена была самому грубому произволу и насилію, что она окружена была отовсюду враждебною ей гражданственностію въ Польшѣ и что учредитель, а затѣмъ ревностный помощникъ, польской политики — римская церковь, съ безпримѣрной настойчивостью и громадными средствами, предпринимала наступательное движеніе противъ восточнаго православія и неразрывно связаннаго съ нимъ русскаго государственнаго начала и вліянія.

Не касаясь другихъ сторонъ этого вопроса кромѣ религіозной, слѣдуетъ замѣтить, что послѣдствіемъ означенныхъ вѣковыхъ усилій Польши и Рима, т. е. почти до заключенія церковной уніи въ концѣ XVI в., было лишь совращеніе въ католичество и ополяченіе нѣкоторой части русскихъ дворянъ-помѣщиковъ, прельщенныхъ свѣтскими выгодами, почестями и мѣстами польской шляхты, которая безпрерывно, начиная со временъ Казиміра Великаго, наѣзжала изъ Польши и получала себѣ во владѣніе русскія земли [1]). Многіе же знатнѣйшіе литовско-русскіе люди, не перенося стѣсненій въ вѣрѣ, перешли подъ власть Московскаго царя [2]). Остальная масса кореннаго населенія, русскіе крестьяне съ частію своихъ вельможъ, окруженная моремъ латинства, не только не погибла въ его волнахъ, но съ честью отстояла правую вѣру своихъ предковъ. Народъ западной Руси [3]), ревностно поддерживаемый духовенствомъ въ православныхъ преданіяхъ, хотя терпѣлъ пытки и гоненія отъ поляковъ и жидовъ, бывшихъ также пособниками латинской пропаганды, остался вѣренъ православію почти до конца XVI в., ненавидя въ тоже время католичество.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ, между прочимъ, свидѣтельство одного современнаго писателя, краковскаго каноника Ив. Сакрана, который, въ своемъ сочиненіи 1500 г. „Истолкованіе заблужденій русской вѣры“, говоритъ: „по упорству въ своей схизмѣ русскіе

---

[1]) Балинскій. Starożytna Polska, II, 548 и слѣд. Погодина. Польск. вопросъ, ст. 108.

[2]) Перешли въ Россію князья: Бѣльскіе, Можайскіе, Трубчевскіе, Воротынскіе, Оболенскіе, Мосальскіе, Одоевскіе, бояры Мценскіе; Сѣрпецкіе и др. (Карамзина. Ист. рус. гос. VI, 182. Погодина. Польск. вопросъ, стр. 89).

[3]) По изслѣдованіямъ М. О. Кояловича и Погодина, въ западномъ краѣ, включая сюда и холмскую Русь, крестьяне—это исконные русскіе туземцы, аборигены, а католики-поляки: помѣщики и горожане-пришельцы и даже не завоеватели, а находники, вслѣдствіе соединенія литовско-русскаго государства съ Польшею.

Digitized by Google

не вѣрятъ никакой предлагаемой имъ истинѣ, не принимаютъ никакого убѣжденія и всегда противорѣчатъ; убѣгаютъ отъ ученыхъ католиковъ, ненавидятъ ихъ ученіе и отвращаются отъ ихъ наставленій... русскіе до того ненавидятъ вѣру латинянъ, что желали бы не только всячески вредить ей, но даже искоренить ее во всемъ мірѣ“ [1]).

При такомъ настроеніи и убѣжденіи массы народонаселенія въ западной Руси, естественно, что римско-католицизмъ не могъ имѣть успѣха въ этой странѣ, и дѣйствительно онъ развивался весьма медленно, поддерживаемый лишь прибывшими, какъ сказано выше, изъ Польши католиками и отрекшимися отъ вѣры своихъ отцовъ, изъ-за почестей и свѣтскихъ выгодъ, литовско-русскими дворянами. О смутномъ состояніи римско-католической церкви вообще въ юго-западной Руси, не только въ разсматриваемый нами періодъ времени, но даже и гораздо позже, въ XVI вѣкѣ, свидѣтельствуютъ какъ донесенія папамъ польскихъ королей и епископовъ, такъ и заявленія извѣстныхъ миссіонеровъ-іезуитовъ: Поссевина и Скарги, жаловавшихся на упорство (твердость въ вѣрѣ) русскихъ, которые, по ихъ словамъ, будучи безгранично преданы старинѣ, не хотятъ мѣнять своей религіи [2]). Убѣдительнымъ же доказательствомъ неуспѣха католицизма въ холмской Руси могутъ служить нѣкоторыя числовыя данныя. Такъ по сличеніи переданныхъ польскимъ историкомъ Балинскимъ [3]) свѣдѣній о костелахъ въ древнихъ польскихъ владѣніяхъ съ историческими указаніями объ основаніи костеловъ въ нынѣшней люблинско-подляской р.-кат. епархіи, приведенными въ шематизмѣ (Rubricella) этой епархіи на 1884 г., оказывается, что на пространствѣ холмскаго края было въ XIV в. всего 14 костеловъ [4]), въ XV в. число это возросло до 31, а въ XVI столѣтіи считалось въ этой странѣ до 60 костеловъ, изъ коихъ на нынѣшнюю люблинскую губернію приходится до 40 [5]). Но и это незначительное число костеловъ,

[1]) Исторія рус. церкви Макарія. Т. IX, стр. 141.

[2]) Поссевина отчетъ папѣ 1582 г. въ „Suplementa ad historja Russiae monumenta“, p. 367 и Петръ Скарга въ своей книгѣ: о единой церкви Божіей изд. 1577 г.

[3]) Balinski. Starożt. Polska. Т. II.

[4]) Древнѣйшіе костелы: въ г. Люблинѣ, Грабовцѣ, Городлѣ, Красноставѣ, Парчевѣ и Луковѣ.

[5]) Даже въ началѣ XVIII в. въ холмской латинской епархіи, заключавшей тогда въ себѣ 10 деканатовъ, изъ коихъ четыре входятъ нынѣ въ составъ дру-

Digitized by Google

выстроенныхъ преимущественно въ центрахъ административныхъ управленій, существовало болѣе для пропаганды чѣмъ для дѣйствительной потребности. Въ этомъ убѣждаетъ насъ, съ одной стороны, грамота короля Стефана Баторія отъ 15 іюня 1581 г. на учрежденіе костела въ Волѣ Куленской, Крѣшовскаго округа (нынѣ въ бѣлгорайскомъ уѣздѣ), изъ которой видно, что въ этомъ округѣ, населенномъ исключительно послѣдователями греческаго обряда, было всего 23 человѣка католиковъ, для которыхъ, какъ сказано въ грамотѣ, положено учредить костелъ въ томъ уваженіи, что число латинянъ можетъ скоро увеличиться [1]), а съ другой стороны подтверждается это тѣмъ, что въ г. Городлѣ и Тышовцахъ (люблинск. губ.), имѣвшихъ въ то время костелы, считалось всего въ первомъ 6 католическихъ семействъ и во второмъ 9 домовъ католиковъ близь замка, между тѣмъ какъ въ этихъ городахъ показано тогда по три православныхъ попа [2]).

Дальнѣйшему развитію католицизма и насиліямъ его пропаганды какъ въ холмской Руси, такъ и вообще въ Польско-Литовскомъ государствѣ, положило преграду, на нѣкоторое время, проникшее здѣсь въ началѣ XVI вѣка изъ западной Европы протестантство. Объявивши ненависть къ папизму и стремленіе возстановить образецъ древней вселенской церкви, протестантство сблизилось съ угнетаемыми въ польскихъ владѣніяхъ послѣдователями восточной церкви и при сочувствіи сему великому движенію тогдашняго польскаго двора и многихъ лицъ изъ польско-русской знати, оно быстро распространилось, особенно въ Литвѣ и на Руси, и чуть-было не испровергло здѣсь почти все латинство, разрушивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ самыхъ основахъ польско-латинское вліяніе въ русскихъ земляхъ. Ученіе Лютера, Кальвина, Гуса, а также Социніанъ [3]), возобновившихъ ученіе Арія, и называвшихся

гихъ епархій, было всего 81 латин. приходовъ, а въ принадлежавшемъ тогда къ луцкой епархіи сѣдлецкомъ Подлясьи считалось до 50 костеловъ, между тѣмъ какъ на томъ же пространствѣ уже въ 1818 году существовало до 300 костеловъ. (Гр. Толстаго рим. католицизмъ въ Рос. I, 312, Historyczno-politicz Kalendar на 1742 г. изд. въ Люблинѣ. Папская булла 1818 г. о разгран. латин. епар. въ Цар. Польск.).

[1]) Изслѣдованіе о Червен. городахъ въ Холм.-Варшав. Вѣст. 1884, стр. 81.

[2]) Baliński. Starož. Polz. II, 1196, 1248.

[3]) Социніане отъ имени прибывшихъ въ Польшу въ 1551 г. италіанскихъ сектантовъ Фавема и Лелія Соцыновъ, возобновившихъ осужденное еще въ 325 г. Никейскимъ вселенскимъ соборомъ ученіе Арія, отвергавшее Св. Троицу и Божество Іисуса Христа. Аріане изгнаны изъ Польши по постановленію сейма 1658 г.

Digitized by Google

также аріанами и унитаріями, нашло многихъ послѣдователей между поляками и новообращенными въ католицизмъ русско-литовскими вельможами; даже нѣкоторые латинскіе ксендзы, женившись сами, обращали костелы въ латинскія кирхи [1]). Римско-католики холмскаго края почти всѣ оставили латинство и перешли въ сектантство: въ одной люблинской землѣ было въ половинѣ XVI в. 10 протестантскихъ кирхъ и 11 аріанскихъ молитвенныхъ сборовъ [2]).

Съ развитіемъ такимъ образомъ свободы вѣроисповѣданія, коей явно сочувствовали польскіе короли Сигизмундъ I и особенно Сигизмундъ Августъ, лучшіе люди изъ поляковъ, на сеймѣ въ Петроковѣ 1553 г., требовали прекращенія всякихъ сношеній съ Римомъ, учрежденія народной церкви и мѣстной духовной власти, съ чѣмъ соглашался вполнѣ первый сановникъ въ государствѣ, примасъ, архіепископъ, Яковъ Уханскій, предполагавшій объявить себя патріархомъ польской самостоятельной церкви [3]).

Въ виду сего правительство польское и даже латинское духовенство, слѣдуя правилу терпимости, чужды были гоненій противъ иновѣрцевъ. Холмская Русь пользовалась въ то время свободнымъ исповѣданіемъ завѣщаннаго ей предками православія, греко-восточный обрядъ не подвергался стѣсненію, постройка церквей разрѣшалась безпрепятственно уже въ царствованіе Сигизмунда I-го [4]) напр. въ Красноставѣ, гдѣ по просьбѣ горожанъ въ 1542 г. допущено сооруженіе второй православной церкви во имя Св. Троицы.

Но это счастливое для русской церкви и народности въ Польшѣ время вскорѣ прошло. Римскіе папы, озабоченные возникшимъ въ католической церкви расколомъ, пошатнувшимъ ихъ авторитетъ и основы этой церкви, стали изыскивать мѣры для подавленія протестанства и другихъ сектъ, враждебныхъ Риму. Созванъ былъ

---

[1]) Iaroszewicz Obraz Litwy т. III, § 12.

[2]) Balinski. Staroz. Pols. II, 1129.

[3]) Чистовичъ. Очеркъ ист. з.-р. Церк. стр. 87 и 100.

[4]) О томъ, что Сигизмундъ I не былъ врагомъ русской вѣры и народности, свидѣтельствуетъ публичное на Варшавскомъ сеймѣ 1589 г., въ присутствіи короля заявленіе смоленскаго кастеляна Мелешко въ слѣдующихъ словахъ „дорога намъ память Сигизмунда I-го, опъ нѣмцевъ какъ собакъ какихъ, не кормилъ, ляховъ съ ихъ хитростями весьма не жаловалъ, а Литву и нашу Русь страстно любилъ и при немъ намъ было хорошо“ (Ак. ю.-з. Р. II № 158).

Digitized by Google

тридентскій соборъ, который послѣ десятилѣтняго своего существованія, призналъ, между прочимъ, лучшимъ средствомъ для противодѣйствія распространенію протестанства и охраненія правъ римскаго престола разослать во всѣ страны іезуитовъ, испытанныхъ уже тогда защитниковъ всемірнаго господства папъ и римскаго католицизма. По окончаніи сего собора въ 1565 г. присутствовавшій на немъ польскій кардиналъ Гозій [1]) пригласилъ на помощь упадавшему въ Польшѣ католичеству іезуитовъ, а папа съ своей стороны пригласилъ къ Сигизмунду-Августу нунція Коммендони съ освященнымъ мечемъ для казни еретиковъ. Возникшая вслѣдъ за симъ ожесточенная борьба религіозныхъ партій, а равно нѣкоторыя семейныя несчастія послѣдняго короля изъ Ягеллоновъ и задуманный имъ планъ формальнаго соединенія Литвы съ Польшею, въ видахъ охраненія ихъ цѣлости послѣ своей смерти предали его въ руки той партіи, которая, по его мнѣнію, обѣщала болѣе содѣйствія и прочности къ осуществленію его предположенія,—онъ сталъ на сторону латино-польской партіи.

На созванномъ съ этой цѣлью въ Люблинѣ, 1569 года, сеймѣ была заключена или точнѣе провозглашена, при жестокомъ насиліи поляковъ и позорномъ униженіи литовско-русскихъ представителей, унія Литвы съ Польшей. Мы не будемъ входить въ подробности дѣйствій люблинскаго сейма и происходившихъ тогда насилій, близко извѣстныхъ изъ капитальныхъ по сему предмету трудовъ М. О. Кояловича [2]), а ограничимся лишь общимъ значеніемъ этой мѣры и результатами оной по отношенію къ религіозной жизни русскаго населенія въ тогдашнихъ предѣлахъ Польши. Существо-

---

[1]) Гозій (Hozyusz) уроженецъ г. Кракова, былъ епископомъ Кульмскимъ и затѣмъ Вармійскимъ, пріобрѣлъ въ католическомъ мірѣ славу знаменитаго богослова. На тридентскомъ соборѣ былъ однимъ изъ видныхъ его дѣятелей и по возвращеніи оттуда способствовалъ введенію постановленій сего собора въ Польшѣ 1564 г., на сеймѣ въ Парчевѣ, за что получилъ отъ папы званіе великаго кардинала. Скончался 1579 г. Польскій писатель Б. Трентовскій въ своемъ сочиненіи: Chowanna (Poznań 1842 г.) говоритъ: „какъ въ Европѣ начинается новая эпоха отъ Мартина Лютера такъ въ Польшѣ отъ кардинала Гозія"; возмущаясь за тѣмъ враждой Гозія къ иновѣрцамъ и вызовомъ іезуитовъ, этотъ публицистъ восклицаетъ „Гозій одинъ изъ тѣхъ великихъ людей, которые родятся на несчастіе человѣчества и заслуживаютъ позднѣе его проклятіе, сами того не сознавая".

[2]) М. О. Кояловича. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. С.-Петербургъ, 1869 г. и Историческое изслѣдованіе о Западной Россіи, приложенное къ Документамъ, объясн. Ист. Зап. Рус. Края С.-Петербургъ 1865 г.

Digitized by Google

вавшій со временъ Ягайлы политическій союзъ литовско-русскаго княжества съ Польшею, объединявшихся только общими государственными интересами, посредствомъ такъ называемаго unio personalis, полагалъ нѣкоторыя ограниченія польско-латинскому вліянію въ русскихъ земляхъ. Послѣ же люблинской уніи, соединившей королевство польское и великое княжество литовское въ одно нераздѣльное тѣло, а также въ одну общую рѣчь-посполитую, въ которой два государства и два народа сливались въ одинъ народъ и въ одно государство (unum regnum et unum populum) подъ управленіемъ одного общаго государя, избираемаго въ Польшѣ, польско-латинское вліяніе почуялось вездѣ, всѣ особенности польской жизни переносились въ русскія области во всей цѣлости и соприкасались непосредственно съ русскою жизнью, съ русскимъ народомъ. Главнѣйшее условіе соединенія Литвы съ Польшею еще при Ягайлѣ, заключавшееся въ распространеніи латинства, нашло горячихъ адептовъ въ творцахъ люблинской уніи, открывшей широко ворота въ западно-русскія земли полякамъ вообще и католическому духовенству въ особенности. Притихшая на время латинизація и полонизація русскаго народа возстала съ новой силою, особенно послѣ смерти Сигизмунда Августа, при преемникахъ его Стефанѣ Баторіѣ и Сигизмундѣ III, нескрывавшихъ своего намѣренія уничтожить православіе, первый по политическимъ видамъ, а второй, какъ орудіе іезуитскаго фанатизма, думавшій не столько объ управленіи страной, какъ о распространеніи католицизма. Вызванные въ Польшу и затѣмъ разселившіеся по Руси и между прочимъ въ г. Люблинѣ [1]) іезуиты вскорѣ овладѣли воспитаніемъ юношества, и, съ помощью своихъ школьниковъ, покоривъ протестантство разными безчеловѣчными жестокостями и ухищреніями [2]), они принялись разрушать православную

---

[1]) По словамъ Зелинскаго въ его монографіи Люблина (стр. 66), іезуиты прибыли въ этотъ городъ въ 1582 г., по вызову злѣйшаго врага всѣхъ некатоликовъ, епископа Бернарда Мацѣевскаго, впослѣдствіи кардинала, для устраненія угрожавшей римской церкви опасности отъ существовавшихъ здѣсь разныхъ сектъ.

[2]) Катехизисъ и дѣятельность іезуитовъ рельефно очерчены въ приговорѣ французскаго парламента 1763 г., постановившимъ изгнаніе изъ Франціи іезуитовъ, какъ людей, признающихъ ученіе, послѣдствія котораго ведутъ къ извращенію естественнаго закона, нравственныхъ правилъ, самимъ Богомъ напечатлѣнныхъ въ сердцѣ человѣческомъ, а затѣмъ и къ разрыву всякихъ связей

Digitized by Google

вѣру: уничтоженіемъ русскихъ церквей, захватомъ ихъ имущества и насиліемъ надъ священнослужителями. Злодѣянія іезуитовъ, во второй половинѣ XVI в; равно какъ и содѣйствовавшихъ имъ польскихъ католиковъ въ западно-русской странѣ, краснорѣчиво изложены въ актѣ конфедераціи, заключенной въ Вильнѣ, 1599 г., дворянствомъ западной Россіи православнаго и протестантскаго исповѣданій, съ цѣлью взаимной помощи и защиты отъ тяжкихъ гоненій латинянъ. Въ этомъ актѣ, между прочимъ, говорится: „большая часть церквей и монастырей постыдно разграблены, надъ живыми проливается кровь, надъ мертвыми совершаются звѣрскія поруганія, запрещены: строеніе церквей, свободныя собранія на богомолье, погребеніе и другіе христіанскіе обряды, даже въ церковныхъ проповѣдяхъ высказывается сильное противъ насъ возбужденіе народа, съ указаніемъ средствъ истребить насъ и съ обѣщаніемъ за то благословеній и наградъ“ [1]).

Къ довершенію означенныхъ гоненій со стороны польскаго духовенства и шляхты короли Баторій и Сигизмундъ Ваза, отнявъ у кіевскихъ митрополитовъ власть непосредственнаго назначенія епископовъ и архимандритовъ, обратили русскія епископскія каѳедры

гражданскаго общества, такъ какъ это ученіе покровительствуетъ воровству, лжи, обману, вѣроломству, самому преступному безстыдству и вообще — всѣмъ страстямъ и преступленіямъ, научая тайному воздаянію (compensation occulte) двусмысленностямъ подразумѣваемымъ условіямъ, правдоподобіямъ (probabilisme) и грѣхамъ философскимъ. Дѣятельность же іезуитовъ въ Россіи по словамъ указа 20 декабря 1815 г. заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы „сдѣлать русскаго человѣка отпавшимъ отъ вѣры его предковъ, погасить въ немъ любовь къ единовѣрцамъ, согражданамъ своимъ, отдѣлить духъ его отъ духа отечества, посѣять раздоръ и вражду между семействами, отторгнуть брата отъ брата, сына отъ отца и дочь отъ матери и водворить несогласіе между чадами единыя церкви (П. С. З. № 26032, 26033, 28198). Полныя по сему предмету свѣдѣнія находятся въ сочиненіи прот. Морошкина „О іезуитахъ въ Россіи“.

[1]) Этотъ замѣчательный по своему содержанію актъ конфедераціи, подробно излагающій дѣйствія латинско-польской пропаганды и положеніе иновѣрцевъ въ польско русскихъ владѣніяхъ, скрѣпленъ нѣсколькими стами подписей разныхъ русскихъ князей, какъ то: Острожскихъ, Сангушковъ, Вишневецкихъ, Радзивилловъ, Соломерецкихъ и другихъ чиновъ Рѣчи Посполитой, въ томъ числѣ отъ имени холмско брестской земли росписались: Андрей *Уровецкій* воевода холмскій, *Зеновичъ* воевода бресстскій, Павелъ *Верещака* подстолій брестскій и люблинскіе стольникъ *Рей*, подсудокъ *Могренскій* и подкоморій Андрей *Рѣчицкій* и Андрей *Боржинскій*, чѣмъ доказывается, что холмскій край испытывалъ въ то время гоненія латинянъ наравнѣ съ прочими западно-русскими землями. Означенный актъ конфедераціи перепечатанъ вполнѣ въ холмскомъ мѣсяцесловѣ на 1870 г. стр. 66—78.—

Digitized by Google

въ свои бенефиціи, коими жаловались лица за заслуги военныя и гражданскія. За такую же „господарскую службу“ отдаваемы были и монастыри свѣтскимъ лицамъ въ пожизненное владѣніе „со всѣми пожитками, маючи у справѣ своей поповъ, черницъ, чернцовъ и весь станъ духовный“ при чемъ иногда, по просьбѣ владѣльцевъ, это право распространяемо было и на дѣтей ихъ, съ дозволеніемъ жить въ монастыряхъ цѣлыми семействами, къ общему соблазну народа [1]). Чѣмъ больше развивался въ Польшѣ фанатизмъ противъ православія, тѣмъ чаще злые люди назначаемы были въ высшія должности западно-русской іерархіи, какъ болѣе способные подорвать и уронить русскую церковь [2]).

При такомъ положеніи вещей, естественно, появились разныя неустройства какъ въ управленіи церковью такъ и въ жизни духовенства. Возникшіе вслѣдствіе того безпорядки, безначаліе [3]) и главное—упадокъ вліянія духовенства православнаго на народъ, облегчали дѣло латинской пропаганды и способствовали подготовкѣ и осуществленію задуманной іезуитомъ Поссевиномъ и его клевретами религіозной уніи, съ цѣлью постепеннаго привлеченія православныхъ къ католической вѣрѣ и, затѣмъ, полнаго подчиненія русской церкви власти папъ римскихъ.

Латинскіе пропагандисты, успѣвъ склонить на свою сторону въ концѣ XVI в. нѣкоторыхъ западно-русскихъ епископовъ, при ихъ помощи и подъ грозной защитой короля Сигизмунда, объявили на брестскомъ соборѣ въ 1595 г. унію западно-русской церкви съ римскою, которая по тогдашнему остроумному замѣчанію православныхъ, вмѣсто единенія посѣяла раздоръ и ненависть между братьями одной крови, одной матери [4]) и которая впослѣдствіи вызвала бѣдствія, приведшія Польшу, союзницу католицизма, къ совершенному политическому упадку [5])

---

[1]) Акты Зап-Рос. III № 29; IV № 61. Чистовичъ Очеркъ ист. з-р. ц. стр. 203.

[2]) Кояловича Лекціи по ист. зап. Рос. 1804 стр. 243.

[3]) Извѣстный проповѣдникъ XVI в. Вишенскій, видя всю безурядицу въ церковномъ строѣ, восклицалъ „безначаліе во многоначаліи нашемъ обрѣтается, законы отеческіе попраны и ложь православіемъ лицемѣрствующихъ учителей покрыла церковь“. (Ак. з-Рос. IV № 45).

[4]) Докум., объясн. ист. з-р. края стр. CXII.

[5]) По мѣткому замѣчанію гр. Толстаго, въ его сочин. Римскій католицизмъ въ Россіи (Т. I, 182) „въ Польшѣ исторія католицизма есть вся польская исторія, онъ не раздѣленъ съ ея судьбами, онъ ими руководилъ, онъ создалъ, обра-

Digitized by Google

Къ акту брестской уніи присоединился также епископъ холмской православной епархіи Діонисій Збируйскій, не спрашивая, подобно другимъ своимъ единомышленникамъ, согласія на эту унію своего духовенства и паствы. Вслѣдствіе сего народъ холмской Руси, хотя сталъ въ непосредственную политическую зависимость отъ католической Польши ранѣе другихъ русскихъ областей и изнемогалъ въ неравной борьбѣ, жилъ однако своей древней русской жизнію и держался крѣпко православія не только во время заключенія брестской уніи, но и гораздо позже, не смотря на измѣну своихъ пастырей.

Введеніе брестской уніи, какъ сказано выше, объясняется совершеннымъ упадкомъ нравственности среди западно-русской церковной іерархіи. Вотъ перечень іерарховъ второй половины XVI в. надлежаще уясняющій ихъ податливость латино-польской пропагандѣ и вліяніе сей послѣдней на дѣла русской церкви: каѳедру кіевскаго митрополита занималъ съ 1579 г. *Онисифоръ Дѣвочка*, двоеженецъ и человѣкъ вѣры сомнительной, дозволявшій епископамъ быть двоеженцами, а инымъ жить съ женами, не смотря на монашескіе обѣты [1]). *Полоцкою* архіепископіею управлялъ съ 1592—1595 Богушъ *Селицкій*, служившій ротмистромъ въ украинскихъ королевскихъ замкахъ [2]). *Пинско-Туровскую* каѳедру занималъ съ 1585 г. *Леонтій Зеновьевичъ-Пельчицкій*, возведенный въ санъ епископа за добрыя заслуги его въ молодости польскимъ государямъ; жилъ до смерти своей въ 1595 съ женою [3]). *Владиміро-Брестскою* епархіею управляли съ 1546—1565 Иванъ Борзобогатый—*Красненскій*, оставаясь міряниномъ [4]); ему наслѣдовалъ Ѳеодосій *Лазовскій* занимавшійся наѣздами на сосѣднія имѣнія, грабежами и разбоями [5]). Наконецъ въ 1593 г. занялъ

зовывалъ, мутилъ и губилъ эту несчастную страну". Приведенный же выше польскій писатель Трентовскій, въ своей „Chowanna", называя унію заговоромъ противъ честной и воинственной Руси, которая по его словамъ, была щитомъ Польши противъ мусульманъ и вообще правою рукою, восклицаетъ: „Мы сражались за вѣру въ папу, но съ кѣмъ? съ собственнымъ народомъ, вѣровавшимъ во Христа! Мы сражались за папу и іезуитовъ и копали гробъ для своего отечества! Гдѣ же разумъ? Іезуиты выжгли, вывинтили его изъ польскихъ головъ до самаго дна".

[1]) Чистовичъ. Очеркъ ист. з.-р. цер. стр. 142; ср. Ак. зап. Рос. III, 146, 246.

[2]) Ак. ю. и з.-р. I № 201.

[3]) Ак. з.-р. IV № 33.

[4]) Чистовичъ—165.

[5]) Арх. ю.-з. Рос. т. I, ч. I. № 4 и 6. Чистовичъ. Оч. ист. з.-р. цер. 165.

Digitized by Google

эту богатую каѳедру Ипатій (Адамъ) *Поцѣй*, брестскій кастелянъ воспитанникъ краковской польской академіи, нѣсколько разъ мѣнявшій вѣру и въ добавокъ разорившійся человѣкъ. Разсчитывая занять прежнее свое мѣсто въ сенатѣ, по званію кастеляна, онъ вошелъ въ союзъ съ луцкимъ епископомъ Терлецкимъ и оба устроили брестскую унію [1]). *Луцкую* епископію занимали, не посвящаясь въ духовный санъ, сперва Маркъ *Журавинскій* а затѣмъ Владимірскій Иванъ *Красненскій*, присужденный въ 1585 г. за преступленія, къ лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и къ изгнанію изъ отечества. Ему наслѣдовалъ епископъ Кириллъ *Терлецкій*, отнимавшій розданныя его предмѣстниками епископскія имѣнія вооруженною силою наемнаго отряда изъ татаръ, угровъ и валаховъ [2]). Наконецъ *Холмскою* епархіею управлялъ съ 1586 г. упомянутый выше епископъ *Діонисій*, державшій при себѣ жену. О немъ проповѣдникъ Вишенскій писалъ „Холмскій епископъ коли въ Луцку жилъ (онъ изъ тамошнихъ священниковъ) Соксономъ и Майдебурскимъ правомъ свое чрево кормилъ, а нынѣ коли бискупомъ сталъ, муситъ быти и слуговинъ себѣ набылъ“ [3]).

Закончивая настоящій очеркъ спискомъ названныхъ епископовъ, виновниковъ подчиненія, на нѣкоторое время, западно-русской церкви римскому католицизму, нельзя не выразить удивленія глубокой привязанности западно-русскаго народа къ православію и стойкости его въ охраненіи вѣры своихъ предковъ при подобныхъ іерархахъ.

Х. Х.

---

[1]) Чистовичъ.—166 Кояловича лекціи по ист. зап. Р. стр. 247; Ак. з.-р. IV № 149.

[2]) Чистовичъ 174—175.

[3] Ак. ю.-з. р. II, 231 и Ак. з.-р. IV № 33.

Digitized by Google

Люблинскій съѣздъ 1569 г.

Начальный характеръ союза Литвы и зап. Россіи съ Польшею.—Польская уніонная политика.—Споры о Волыни, Подольѣ и Подлѣсьѣ.—Борьба литовцевъ и русскихъ западной Россіи съ уніонною политикою Польши при Сигизмундѣ Августѣ.—Польскіе и литовско-русскіе съѣзды въ его время и значеніе ихъ въ исторіи этой борьбы.—Положеніе поляковъ и литовско-русскихъ представителей въ отношеніи къ дѣлу уніи предъ Люблинскимъ съѣздомъ.—Открытіе съѣзда и его дѣйствія съ *10 по 20 января:* польская постановка вопроса объ уніи; принужденіе литовцевъ къ переговорамъ о ней.—*Засѣданія съ 21 января до 1 марта:* переговоры поляковъ съ литовскими сенаторами; Радзивиллъ, Ходкевичъ и др.—Защита литовцами правъ княжества и мысль ихъ объ уніи, несогласная съ мыслію поляковъ.—Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, усиливающееся при новыхъ переговорахъ.—Литовцы уклоняются отъ переговоровъ объ уніи и хотятъ занять короля своими дѣлами.—Король союзникъ поляковъ; замыселъ ихъ противъ литовцевъ, огорченіе послѣднихъ и отъѣздъ изъ Люблина.—*Засѣданія съ 1 марта до 4 апрѣля:* проекты насильственныхъ мѣръ противъ литовцевъ и толки о войнѣ.—Замыселъ о присоединеніи русскихъ земель по частямъ.—Присоединеніе Подлѣсья съ помощію интригъ и насилія.—Присяга на унію нѣсколькихъ Подлѣсянъ.—Воловичъ, отказъ его отъ присяги и угрозы ему.—Подготовка присоединенія Волыни.—Константинъ Острожскій и надежды на него поляковъ.—Прусская унія.—Универсалъ короля съ призывомъ Подлѣсянъ и Волынянъ на сеймъ для уніи къ 3 апрѣля.—Грамоты литовцевъ противъ поляковъ и мѣры сейма противъ первыхъ; приговоръ о контумаціи.—*Засѣданія съ 4 апрѣля по 6 іюня:* возобновленіе дѣла о присоединеніи Волыни.—Литовское посольство, неуспѣхъ его и отправленіе безъ отвѣта.—Письма Подлѣсянъ и Волынянъ, не прибывшихъ къ сроку на съѣздъ.—Наказанія или угрозы не прибывшимъ, милости присягнувшимъ на унію.—Прибытіе Подлѣсянъ, затѣмъ Волынцевъ.—Присяга ихъ на унію, въ числѣ ихъ К. Острожскаго.—Просоединеніе части Подоліи или Брацлавскаго воеводства: Романъ Сангушко и его присяга.—Вопросъ о присоединеніи Кіева и споры о немъ между поляками.—Волынцы требуютъ присоединенія Кіева.—Декретъ 4 іюня о присоединеніи Кіева.—Привилегіи Волынская и Кіевская.—Присяга на унію въ Луцкѣ и Владимірѣ.—*Засѣданія съ 6 іюня до 1 іюля:* Горестное настроеніе литовцевъ; прибытіе ихъ въ Люблинъ, жалостливыя рѣчи королю и полякамъ, послѣднія усилія спасти остатки самостоятельности княжества.—Колѣнопреклоненная рѣчь королю и отвѣты на нее.—Согласіе литовцевъ на унію.—Польско-Литовская привилегія и присяга на унію 1 іюля.—Торжество поляковъ.—*Засѣданія съ 2 іюля по 12 августа:* дѣло Ливонское, дѣло Московское, дѣло объ экзекуціи и долгахъ короля; другія дѣла.—Закрытіе съѣзда.—Дѣйствительный характеръ дѣла уніи, совершившагося на съѣздѣ [1]).

Со времени перваго соединенія Литвы и западной Россіи съ Польшею въ 1386 г., соединеніе это понималось литовцами и западно-русскими не иначе, какъ *въ смыслѣ политическаго союза.* Соединенныя государства обязывались жить въ мирѣ между собою, оказывать взаимную помощь противъ внѣшнихъ враговъ, взаимное содѣйствіе развитію своего благоустройства и могущества, но не сливаясь въ одно государство, сохраняя свою отдѣльность и са-

[1]) Главными источниками для настоящаго очерка служили: 1) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г. въ превосходномъ изданіи его (С.-Петербургъ 1869 г.), которымъ наука обязана трудамъ М. О. Кояловича; 2) Volumina Legum т. I и II Petersburg 1859 г.; Акты западной Россіи; акты южной и западной Россіи; ар-

Digitized by Google

мостоятельность. По такому представленію о союзѣ великаго княжества съ королевствомъ, представители перваго всегда старались имѣть, и, когда могли, имѣли своихъ отдѣльныхъ великихъ князей, сами избирая ихъ и возводя на престолъ на своихъ съѣздахъ, хотя со времени Казиміра Ягайловича избирали ихъ всегда изъ общей княжеству и королевству Ягайловой династіи. Какъ при такихъ отдѣльныхъ, такъ и при общихъ княжеству и королевству государяхъ, представители перваго старались удержать для него всѣ условія политической независимости, каковы: отдѣльная территорія, особые органы законодательной, судебной и административной власти. Такое представленіе о союзѣ княжества съ Польшею и сохраненіи при этомъ союзѣ его отдѣльности и независимости усматривается въ цѣломъ рядѣ актовъ и такъ называемыхъ привилегій княжества. Таковы прежде всего Виленскій актъ 1401 г., и первый Городельскій актъ отъ 2 октября 1413 г. называемый „Sator“, говорящіе о союзѣ Литвы съ Польшею какъ *только союзъ* [1]). Таковы привилегіи Казиміра 1447 и 1452 и 1557 г.г., привилегіи Александра 1492 и 1499 и Сигизмунда 1506 г., которыми эти государи обязывались ограждать отдѣльность и цѣлость всей территоріи литовско-русскаго государства, его независимость, его самостоятельныя права и учрежденія. Для русскихъ православныхъ, составлявшихъ болѣе девяти десятыхъ въ составѣ государства, сознаніе политической отдѣльности отъ Польши охранялось различіемъ отъ поляковъ по народности, вѣрѣ, языку, который былъ также языкомъ и литовцевъ латинянъ, языкомъ почти всѣхъ государственныхъ актовъ и грамотъ и знаменемъ національнаго единенія между ними и русскими [2]). Поляки съ са-

---

хивъ югозападной Россіи; Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни (Кіевъ 1549 г.) Виленскій археологическій сборникъ, а на сколько пользовались мы каждымъ изъ этихъ источниковъ, спеціалистамъ видно и безъ нашихъ ссылокъ. Пользуясь, какъ пособіемъ при этихъ главныхъ источникахъ. нѣсколькими польскими изданіями и сочиненіями, касающимися уніи Литвы съ Польшею, мы не забывали о необходимой осторожности въ отношеніи къ послѣднимъ, внушаемой извѣстнымъ предвзятымъ взглядомъ поляковъ на Люблинскую унію. Имѣя въ виду только то значеніе Люблинскаго съѣзда, какое онъ имѣетъ для западной Россіи въ исторіи борьбы ея съ Польшею, мы не касались другихъ сторонъ этого съѣзда.

[1]) Городельскій актъ отъ 2 октября называется „Sator“ отъ начальнаго слова его. Забываемое поляками различіе этого перваго городельскаго акта отъ втораго, составленнаго 2 декабря 1413 г. хорошо знали литовцы и указывали на это различіе и на Люблинскомъ съѣздѣ.

[2]) Андрей Василдо, первый латинопольскій епископъ въ Вильнѣ, въ разговорѣ съ посѣтившимъ его тевтонскимъ рыцаремъ графомъ Кибургомъ, высказывалъ великое сожалѣніе, что въ Литвѣ, и по насажденіи въ ней латинства, продолжаетъ господствовать русскій языкъ и русская грамота.

Digitized by Google

маго начала союза Литвы и Руси съ Польшею усвоили иной взглядъ на этотъ союзъ. Союзъ этотъ сталъ для нихъ основою политики, направленной *къ уніи*, *къ инкорпораціи*, т. е. къ сліянію литовско-русскихъ земель съ Польшею въ одно польское государство съ видами для польскихъ пановъ на земельныя пріобрѣтенія и вообще на преобладаніе въ литовско-русскихъ владѣніяхъ, а для прелатовъ и ксендзовъ на новую пропаганду, новыя каѳедры и паствы. Свой взглядъ они также формулировали въ привилегіяхъ на унію, каковы особенно городельская привилегія 2 декабря 1413 г. и Александрова Мельницкая 1501 г., составленныя подъ вліяніемъ поляковъ безъ согласія или съ согласія весьма немногихъ литовско-русскихъ представителей. Провозглашаемая этими актами унія, какъ инкорпорація, какъ сліяніе Литвы и Руси съ Польшею, была задачею будущаго. Но поляки неуклонно стремились къ осуществленію ея при содѣйствіи общихъ княжеству и королевству государей, зависимыхъ отъ польской рады и сеймовъ, при содѣйствіи польскихъ шляхетскихъ учрежденій, усвояемыхъ княжеству и латино-польской пропаганды въ немъ, которою отъ времени до времени оживлялось религіозное разъединеніе между литовцами латинянами и русскими православными къ подрыву ихъ союза, столько нужнаго для совмѣстной борьбы съ польскими притязаніями. Стремясь вообще къ завладѣнію подъ видомъ уніи Литвою и западною Россіею, поляки въ особенности усиливались захватить сосѣднія съ Польшею русскія земли, каковы Волынь, Подолье и Подлѣсье. Упорно домогались они этихъ земель при Ягайлѣ и Витовтѣ, которому однакоже удалось удержать ихъ при литовскомъ княжествѣ. Особенно ожесточенные были споры поляковъ съ литовцами за эти земли при Казимірѣ Ягайловичѣ, происходившіе на многочисленныхъ съѣздахъ и не одинъ разъ грозившіе перейти въ открытую войну. Литво-руссы удержали эти земли за своимъ государствомъ, но поляки не переставали вторгаться въ нихъ, не отказываясь отъ захвата ихъ въ будущемъ. Впрочемъ въ краткомъ очеркѣ мы не войдемъ въ подробное изложеніе какъ исторіи упомянутыхъ выше актовъ и привилегій литовско-русскихъ и польскихъ, такъ и исторіи самой борьбы между литво-руссами и поляками, обусловленной столь различнымъ пониманіемъ взаимныхъ отношеній соединенныхъ государствъ. Ограничимся краткимъ обзоромъ этой исторіи за ближайшее къ эпохѣ люблинскаго

Digitized by Google

съѣзда время, а именно время Сигизмунда-Августа, при которомъ состоялся этотъ съѣздъ, роковой въ исторической судьбѣ западной Россіи.

Еще въ 1526 г. высшіе литовско-русскіе чины просили короля Сигизмунда I дать имъ и короновать на великое княжество сына Сигизмунда-Августа, выражаясь: „когда великое княжество будетъ имѣть свою корону, тогда нельзя будетъ присоединить его къ коронѣ польской, потому что одна корона не можетъ быть „втѣлена“, т. е. войти въ составъ другой короны. Тогда панамъ полякамъ нельзя будетъ желать, чтобы это государство было унижено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь за одно, противъ каждаго непріятеля“. Король исполнилъ эту просьбу настолько, насколько это совпадало съ видами его политики, какъ польскаго короля, преданнаго интересамъ Польши болѣе, чѣмъ княжества. Въ 1529 г. онъ привезъ въ Вильну девятилѣтняго королевича Сигизмунда-Августа, который торжественно провозглашенъ былъ великимъ княземъ литовскимъ. Но на корону для него король не согласился, даже не оставилъ въ Вильнѣ, гдѣ великокняжеская рада могла бы управлять отъ его имени, а взялъ его въ Польшу, гдѣ поляки избрали его на польскій престолъ, обезпечивъ себѣ выгоды имѣть въ своихъ рукахъ власть будущаго общаго государя. Теперь Сигизмундъ I продолжалъ самъ управлять княжествомъ изъ Польши, гдѣ большею частію и жилъ, рѣдко бывая въ княжествѣ. Но на съѣздѣ 1529 г. совершилось другое болѣе важное для княжества дѣло: это утвержденіе *перваго литовско-русскаго статута*. Какъ общій и свой законъ для всѣхъ земель государства, онъ ограждалъ его единство и самостоятельность, а своимъ русскимъ языкомъ свидѣтельствовалъ о продолжающемся господствѣ въ немъ русской стихіи, какъ основной. Польшу статутъ представлялъ страною чужою, поляковъ иноземцами, не имѣвшими права на уряды и общественныя должности и земельныя пріобрѣтенія въ княжествѣ, даже чрезъ браки, такъ что дѣвицы и вдовы, выходя замужъ за чужеземцевъ поляковъ, могли приносить имъ въ приданное деньги и движимость, но не родовыя имѣнія. Не смотря на статутъ, поляки имѣли возможность добывать уряды въ Литвѣ и Руси. На съѣздѣ въ Брестѣ въ маѣ 1542 г. литовцы жаловались на это королю, говоря, что „въ Литвѣ и Руси уряды и тіунства розданы ляхамъ“. Король отвѣ-

Digitized by Google

чалъ, что въ этомъ виноваты сами литовцы, но что онъ впередъ хочетъ оберегать ихъ права. Жаловались и на то, что литовская шляхта, уклоняясь отъ суда своихъ воеводъ и старостъ, переноситъ свои тяжебныя дѣла въ Польшу до короны. Король запретилъ это дѣлать. Видно такимъ образомъ, что и сами литво-руссы невсегда были тверды въ охранѣ своихъ правъ, а шляхта или низшее дворянство почему-то тяготилось судомъ своихъ воеводъ и старостъ, соблазняясь быть можетъ вольностями польской шляхты. Наконецъ на Брестскомъ съѣздѣ 1544 г. король вслѣдствіе новыхъ жалобъ литовско-русскихъ представителей на запущеніе имъ княжества, сдалъ управленіе имъ сыну Сигизмунду-Августу и сдѣлалъ много новыхъ назначеній на придворныя, почетныя и служебныя должности изъ среды ихъ самихъ. Великій князь прямо съ сейма переѣхалъ въ Вильну. Здѣсь первенствующее положеніе при немъ занялъ Николай Радзивилъ Черный, а затѣмъ — двоюродный братъ его Николай Рыжій, съ которыми онъ и породнился чрезъ бракъ съ сестрою Рыжаго Варварою. Радзивиллы были сильными поборниками независимости своего государства отъ Польши, а Николай Черный старался упрочить ее.

На первомъ при новомъ государѣ Виленскомъ съѣздѣ 1547 г. въ отвѣтъ на просьбы чиновъ и представителей страны, государь обязался утвердить права и привилегіи чиновъ и сословій духовныхъ и свѣтскихъ римскаго и греческаго закона; согласился на исправленіе статута чрезъ коммиссію изъ пяти лицъ римскаго и пяти греческаго закона, на точнѣйшее опредѣленіе границъ княжества отъ польской стороны, также и на то, чтобы, при переѣздахъ короля изъ Польши въ княжество, польскія придворныя и разныя лица оставляли его или переѣзжали только какъ гости, не вмѣшиваясь въ общественныя дѣла княжества.

Въ февралѣ 1548 г. скончался Сигизмундъ старый, а Сигизмундъ Августъ сталъ общимъ государемъ обѣихъ странъ. Скоро затѣмъ рядомъ съ вопросомъ о литовскомъ бракѣ короля поляки подняли вопросъ и объ уніи на Петриковскомъ сеймѣ 1548 г. Король отстранилъ послѣдній вопросъ, отстоялъ свой бракъ, хотя цѣною большихъ огорченій для него и Варвары, которая отъ нихъ и скончалась въ маѣ 1551 г., а король, увозя въ Вильну гробъ жены, говорилъ за нее о Польшѣ: terra ingrata non habebit ossa mea! Дружба съ Радзивиллами не ослабѣла, а, казалось, окрѣпла.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ ними онъ казался искреннимъ сторонникомъ независимости великаго княжества.

29 сентября 1551 г. состоялся въ Вильнѣ большой съѣздъ или вальный сеймъ. Бывшіе здѣсь коронные послы подняли вопросъ объ уніи, но сеймъ отказался отъ переговоровъ о ней. Вмѣсто того повторены просьбы и постановленія такія же, какъ на сеймѣ 1547 г. съ добавленіемъ новыхъ просьбъ и съ жалобами на частые наѣзды, захваты и разбои поляковъ въ пограничныхъ русскихъ земляхъ, на что особенно жаловались волыняне. Замѣчательно, впрочемъ, что по поводу жалобъ на пріобрѣтеніе поляками въ литовско-русскихъ земляхъ имѣній чрезъ покупку и браки, король отвѣчалъ, что въ этомъ виноваты сами литовско-русскіе паны, допуская такія покупки и браки. Если это правда, то говоритъ о слабости нѣкоторыхъ изъ нихъ, поддававшихся вліяніемъ жизни на сближеніе и родство съ поляками. На сеймѣ дана особенная привилегія Николаю Черному хранить въ своемъ нѣсвижскомъ замкѣ всѣ акты и привилегіи в. княжества, что дѣлало его какъ-бы главнымъ оберегателемъ и правъ княжества. На Парчевскомъ сеймѣ 1553 г. поляки опять пристали къ королю съ вопросомъ объ уніи, но опять безуспѣшно. На Виленскомъ съѣздѣ въ ноябрѣ 1554 г. члены съѣзда опять внесли, въ число другихъ просьбъ, просьбы и о томъ, чтобы выправлены были границы княжества со стороны Польши, чтобы на Волыни и Подлѣсьи чужеземцы поляки не занимали должностей, не пріобрѣтали осѣдлости, чтобы сдержаны были наѣзды, грабежи и „гвалты“ поляковъ. Король обѣщалъ принять мѣры противъ нихъ. Но въ числѣ жалобъ волынцевъ есть уже такія, которыя показываютъ недовольство ихъ на литовскихъ пановъ и самаго Радзивилла. Волынцы жаловались, что литовскіе паны, пріобрѣвшіе имѣнія на Волыни, не хотятъ судиться правомъ волынскимъ въ волынскихъ повѣтовыхъ судахъ. Жалоба касалась Радзивилла, наслѣдовавшаго отъ отца большое имѣніе на Волыни м. Олыку. Король понялъ намекъ, оправдывалъ Радзивилла, успокоивалъ волынцевъ. Послѣдніе просили еще, чтобы старосты луцкій и владимірскій и маршалокъ волынскій по прежнему имѣли свое мѣсто въ государевой радѣ, куда литовскіе паны, какъ видно, ихъ неохотно допускали. Король обѣщалъ вникнуть въ дѣло, возстановить прежній обычай. Въ дѣлѣ уніи это недовольство волынцевъ литовскими панами не лишено значенія,

Digitized by Google

какъ увидимъ потомъ. Послѣ новыхъ на послѣдующихъ сеймахъ напоминаній о повѣркѣ границъ княжества съ королевствомъ на Варшавскомъ сеймѣ 1557 г. постановлено назначить для сего по двухъ коммисаровъ съ обѣихъ сторонъ. Виленскій съѣздъ 1557—1558 г. въ присутствіи государя занятъ былъ обсужденіемъ многихъ вопросовъ и мѣръ касательно внутренняго благоустройства, укрѣпленія и охраны государства, какъ-бы въ предчувствіи великихъ грозящихъ ему опасностей и проектировалъ разныя дополненія и исправленія статута. Тоже продолжалось и на Виленскомъ съѣздѣ 1559 г., на которомъ внесены также просьбы къ королю отъ многихъ областей государства по предметамъ мѣстнаго самоуправленія. Интересна еще просьба по дѣлу князя Семена Слуцкаго и вдовы покойнаго князя Ильи Константиновича Острожскаго съ Ленчицкимъ воеводой Гуркою, напоминающее гнусныя польскія интриги и разсчеты при бракахъ съ русскими, не напрасно внушавшихъ опасенія литовско-русскимъ патріотамъ [1]). Король ограничился отвѣтомъ, что „хочетъ въ той справѣ чинити то, што слушнаго и пристойнаго видѣтися будетъ“. Дѣла литовскія, переговоры по ливонскому дѣлу и подготовка къ московской войнѣ, задержали короля въ Литвѣ около трехъ лѣтъ. Поляки были недовольны, требовали возвращенія короля въ Польшу съ угрозою, что въ противномъ случаѣ сами будутъ думать о себѣ. Въ 1561 г. король уѣхалъ въ Польшу. Съ Радзивилломъ онъ разстался въ наилучшихъ отношеніяхъ. Могущество его, казалось, только упрочилось въ послѣднее пребываніе короля въ Литвѣ. Когда Радзивилъ входилъ въ литовскій сенатъ, король дѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу ему, усаживалъ его не на обычномъ сенаторскомъ мѣстѣ, а у золотой занавѣси подлѣ трона. Въ публичныхъ собраніяхъ литовскіе паны и шляхтичи толпами тѣснились къ

---

[1]) Извѣстно, что Сигизмундъ Старый, желая пристроить незаконную дочь свою Беату Костелецкую, выдалъ ее въ 1539 г. замужъ за богатѣйшаго князя Илью К. Острожскаго. Послѣдній скончался чрезъ три года, а дочь его Елисавета или Гальшка Острожская, когда выросла,—была, съ согласія опекуна Константина Острожскаго, обручена съ любившимъ се и любимымъ ею Семеномъ Слуцкимъ. Сигизмундъ Августъ устранилъ Острожскаго отъ опеки и насильно выдалъ Гальшку за своего пріятеля Ленчицкаго воеводу поляка Лукаша Гурку, чтобы обогатить его громадными имѣніями Острожскихъ на Волыни. Семенъ погибъ отъ поляковъ, а Гальшка сошла съ ума. Во всей этой гнусной интригѣ замѣшана была цѣлая группа поляковъ, съ которыми мы встрѣтимся и на Люблинскомъ съѣздѣ.

Digitized by Google

нему, стараясь всячески услужить. Теперь при отъѣздѣ въ Польшу король далъ Николаю Черному новую и опять совершенно особую привилегію въ грамотѣ, которою объявлялъ его правителемъ государства въ отсутствіе государя. Посланный въ 1562 г. королемъ въ Ливонію, признавшую власть Сигизмунда Августа, Радзивиллъ въ своихъ грамотахъ ливонцамъ выражался: „Мы Николай Радзивиллъ, Божіею милостію, князь Олотскій и Нѣсвижскій". Ходилъ даже слухъ, что онъ питалъ виды на литовскій престолъ по смерти бездѣтнаго Сигизмунда Августа. Можно бы было предполагать, что такой могущественный противникъ уніи Литвы съ Польшею допуститъ поляковъ поднять вопросъ о ней а короля склониться на сторону поляковъ. Но полякамъ помогало время, помогали обстоятельства.

Съ 1563 г. король начинаетъ видимо склоняться на сторону польской уніонной политики, наперекоръ Радзивилламъ и всѣмъ литовско-русскимъ представителямъ. Бездѣтный послѣ трехъ браковъ, онъ въ 1563 г. развелся съ третьей женой, несмотря на упреки прелатовъ и пановъ, и не давалъ надеждъ на потомство. Грозила прерваться династія, служившая доселѣ связью Польши съ Литвою и опорою видовъ уніонной политики первой. Поляки напрягаютъ усилія довершить эту вѣковую политику прежде всего давленіемъ на короля. Но и самъ онъ, въ виду своего безпотомства, задался мыслію завершить свое правленіе подвигомъ для пользы управляемыхъ государствъ, понявъ ее какъ сліяніе ихъ въ одно государство *Польское*. Литовскія симпатіи, возбужденныя въ немъ съ конца сороковыхъ годовъ, не осилили въ немъ *польскаго духа*, болѣе и болѣе укрѣплявшагося въ Ягеллонахъ, особенно послѣднихъ изъ нихъ. На сторону Польши склоняло ихъ не только единовѣріе *со всею ею*, при отсутствіи такого единовѣрія съ девятью десятыми частями литовско-русскаго государства, но и на убѣжденіи или предубѣжденіи о большой высотѣ ея культуры и образованія въ сравненіи съ великимъ княжествомъ. Польское образованіе подъ вліяніемъ протестанства дѣйствительно поднялось въ вѣкъ Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, называемый золотымъ вѣкомъ польской литературы. Не мало повліяла на перемѣну настроенія короля въ вопросѣ объ уніи московская война, наведшая страхъ на него, особенно по взятіи московскимъ государемъ Полоцка въ февралѣ 1563 г. и настраивавшая его искать

Digitized by Google

спасенія великаго княжества въ сліяніи его съ Польшею. Но для насъ гораздо важнѣе вліяніе этой войны на самыхъ представителей литовско-русскаго государства и на ихъ положеніе въ вопросѣ объ уніи. Было время, когда недовольные своимъ государствомъ православные западно-руссы переходили подъ власть единовѣрнаго московскаго государя. Были такіе переходы и въ лучшее время Іоанна IV. Да и теперь, при началѣ московской войны ходили слухи о готовности Кіева перейти подъ власть московскаго государя. Но вообще литовско-русскіе государственные люди не думали теперь о томъ. Помимо другихъ причинъ, ихъ отклоняла отъ того нажитая временемъ привычка къ своимъ свободнымъ учрежденіямъ, во многомъ отличнымъ отъ московскихъ, слухъ о тиранніи Іоанна, вслѣдствіе которой не изъ западной Россіи переходили теперь въ Московскую, а обратно. Литовско-русскіе государственные люди не желали поступиться Москвѣ ни Ливоніею [1]), ни Полоцкомъ, ни другими землями, и пугались напоминаній со стороны Москвы о правахъ московскаго государя на Кіевъ, Волынь, Подолію. При началѣ войны они всячески старались предотвратить ее мирными переговорами. Литовскіе посланцы не одинъ разъ говорили въ Москвѣ, что Радзивиллъ, Воловичь и др. убѣждаютъ короля быть въ любви и мирѣ съ московскимъ государемъ, но поляки бранятъ ихъ, возбуждаютъ короля къ войнѣ, грозятъ даже устранить съ престола, если не начнетъ войны. Когда началась война, литовцы взялись за нее энергически, и хотя имѣли немалые успѣхи въ 1564 и слѣдующихъ годахъ, но не возвратили Полоцка и не видѣли близкой возможности сдержать московскія силы. Между тѣмъ эта война держала ихъ въ большомъ напряженіи, пала на нихъ большими тягостями, привела въ крайнее утомленіе и истощеніе, не избавивъ отъ страха московскихъ завоеваній. Поляки продолжали поджигать къ войнѣ и короля и литовцевъ, но сами не спѣшили помогать, стали помогать уже тогда, когда заслышали о московскихъ рѣчахъ касательно правъ московскаго государя на Кіевъ, Волынь, Подолію, и даже

[1]) Ливонія, послѣ разгрома ея войсками Іоанна Грознаго, искала защиты у польско-литовскаго государя Сигизмунда Августа, признавъ власть его. Первые, договоры объ этомъ заключены въ Польшѣ въ 1559 и 1561 гг. какъ договоры между Литвой и Ливоніей, по чему Ливонія считалась присоединенною къ Литвѣ а не Польшѣ.

Digitized by Google

Галицію, но и теперь помогали плохо, выказывали больше задору, чѣмъ усердія и умѣнія, въ тоже время предъявляя большія претензіи за эту плохую помощь. То было въ духѣ ловкой, или точнѣе, коварной политики, связанной съ дѣломъ уніи, разсчитанной именно на то, что московская война утомивъ, истощивъ литовцевъ, вообще приведя ихъ въ крайнее затрудненіе и страхъ, *пригонитъ* ихъ къ уніи, какъ потомъ и выражались поляки.

Прелюдіею ея было дѣло объ *экзекуціи* на польскомъ Петриковскомъ сеймѣ 1562-3 гг., имѣвшее свое независимое значеніе для поляковъ, но заключавшее угрозу и литовско-русскимъ панамъ въ вопросѣ объ уніи, какъ то увидимъ на Люблинскомъ съѣздѣ [1]).

Съ своей стороны литовско-русскіе представители, не смотря на тягости и затрудненія отъ войны, старались скрѣплять свои учрежденія и союзъ между собою въ виду предстоящей борьбы съ Польшею. Въ іюнѣ 1563 г. собрались на съѣздъ въ Вильну р.-католическіе епископы виленскій, луцкій, кіевскій, Радзивиллы Николай Черный и Николай Рыжій, Константинъ Острожскій, князь Стефанъ Зборажскій, Евстафій Воловичь, Павелъ Сапѣга, Григорій, Юрій и Иванъ Ходкевичи, Романъ Сангушко, Николай Кишка, Николай Нарушевичь и многіе другіе маршалки, старосты, державцы, урядники земскіе и дворные изъ всего литовско-русскаго государства. Главнѣйшимъ дѣломъ отъѣзда была грамота, данная 7 іюня королемъ литовскому и русскому дворянству православной вѣры о сравненіи его въ правахъ съ дворянами королевства р.-католической вѣры. Извѣстно, что въ актахъ городель-

---

[1]) Подъ, *экзекуціею* (executio legum) разумѣлось вообще исполненіе законовъ. На Петриковскомъ сеймѣ подъ нею разумѣлось исполненіе конституціи 1504 г. о столовыхъ королевскихъ имѣніяхъ, по которой они должны были раздаваться впредь не иначе, какъ съ согласія сейма. Послѣ 1504 г. высшіе польскіе паны продолжали добывать эти имѣнія отъ королей безъ согласія сейма, въ видѣ пожалованій, залога за даваемые королемъ деньги и т. д. обращая ихъ въ собственность. Отъ этого страдало государство, на нужды котораго, особенно военныя, должна была идти часть доходовъ съ этихъ имѣній. На Петриковскомъ сеймѣ члены посольской палаты подняли вопросъ объ экзекуціи противъ высшихъ пановъ, требуя повѣрки незаконныхъ пожалованій, грамотъ на нихъ, возврата позабранныхъ ими королевскихъ имѣній, привлеченія къ платежамъ съ нихъ, на что согласился и король, обѣщавъ платить съ своихъ столовыхъ имѣній четвертую часть дохода на нужды государства. Грозная для высшихъ польскихъ пановъ, экзекуція была угрозой и литовско-русскимъ панамъ, владѣвшимъ государевыми имѣніями въ Литвѣ и Руси.

Digitized by Google

скаго съѣзда права на польскіе гербы и общественныя должности въ литовскомъ государствѣ предоставлялись только литовцамъ латинской вѣры. Постановленіе это, сдѣланное въ видахъ латинской пропаганды въ Литвѣ и Руси, вмѣстѣ съ тѣмъ создало для литовцевъ—латинянъ привилегированное положеніе, тяжелое и обидное для православныхъ, поддерживало рознь между ними и литовцами лятинянами. Не одинъ разъ думали поправить это религіозною уніею, при невозможности навязать русскимъ латинство, но и унія не удавалась. Грамота прямо заявляетъ, что упомянутое постановленіе городельскихъ грамотъ отмѣняется, что и сдѣлано было на городельскомъ съѣздѣ будто бы потому только, что тамъ не было всѣхъ литовцевъ, не было русскихъ; но что заслуги и вѣрность русскихъ достаточно и славно обнаружены при прежнихъ государяхъ, почему они и допускались въ совѣтъ короля и на общественныя должности. Теперь право это утверждается для нихъ уже какъ законъ, подлежащій внесенію въ статутъ. Безъ сомнѣнія, что такое постановленіе состоялось подъ вліяніемъ идей вѣротерпимости, при внесенныхъ протестантствомъ, котораго держались теперь многіе въ Литвѣ, въ томъ числѣ оба Радзивиллы, Иванъ Ходкевичъ, Воловичъ, Кишка, а также съ цѣлію укрѣпить вѣрность русскихъ православныхъ во время войны. Но у короля уравненіе правъ русскихъ православныхъ дворянъ съ польскими было сверхъ того еще новымъ средствомъ предрасполагать ихъ къ уніи съ Польшей, о чемъ онъ думалъ теперь.

Варшавскій сеймъ съ ноября 1563 г. до апрѣля 1564 г. Это былъ общій сеймъ польскихъ и литовско-русскихъ представителей; въ числѣ послѣднихъ были нѣкоторые изъ упомянутыхъ выше лицъ и еще другіе, всѣхъ до 30 лицъ. Сеймъ вновь толковалъ объ экзекуціи, о сборахъ на войско противъ Москвы, но главнымъ образомъ объ уніи Литвы съ Польшею. Съ польской и литовской стороны были представлены и обсуждены акты и привилегіи на унію прежнихъ государей. Оказывалось то, что должно было оказаться по извѣстной исторіи этихъ актовъ и привилегій. Одни изъ нихъ изображали унію съ польской точки зрѣнія, какъ сліяніе соединенныхъ странъ и народовъ въ одно государство, въ одинъ народъ, другіе съ литовской—какъ союзъ политическій, при которомъ сохранялась отдѣльность и независимость литовско-русскаго государства. Произошли большіе и горячіе споры, особенно по во-

Digitized by Google

просу о старыхъ привилегіяхъ на унію. Николай Черный привезъ цѣлый сундучекъ литовскихъ привилегій, которыя, какъ знаемъ, отданы были ему на храненіе актомъ 1551 г. Когда поляки ссылались на старыя привилегіи, тогда онъ, вынувъ изъ сундучка Александрову привилегію, потрясалъ ею на сеймѣ въ отпоръ полякамъ [1]). Послѣдніе требовали, чтобы уничтожены были всѣ признаки отдѣльности литовскаго государства, чтобы у соединенныхъ государствъ остались одинъ канцлеръ, одинъ маршалъ, одна печать, одинъ скарбъ, одна канцелярія, одинъ титулъ (король польскій и земель литовскаго княжества), одни общіе сеймы, чтобы уничтожено было отдѣльное возведеніе государей на литовскій престолъ, оставлено одно коронованіе въ Польшѣ. Наконецъ они говорили и о правахъ Польши на Волынь, Подолію и проч. Но эти требованія были отвергнуты литовско-русскими представителями. Король старался мирить спорящихъ, видимо склоняясь на сторону уніи. Въ пользу ея онъ совершилъ *важнѣйшій и рѣшительный актъ*. Наибольшею помѣхою дѣлу уніи считалось то, что въ Польшѣ король избирательный, а въ Литвѣ — наслѣдственный обладатель своихъ русско-литовскихъ земель. И вотъ король за себя и за потомковъ, если бы еще имѣлъ ихъ, *отрекается отъ своего наслѣдственнаго права на литовско-русское государство и передаетъ его польскому королевству*, съ которымъ первое имѣетъ соединиться въ одно государство, въ одинъ народъ, съ однимъ государемъ, съ общими сеймами и т. п. Остальные пункты уніи отлагались до обсужденія на слѣдующихъ сеймахъ литовскихъ и польскихъ и общихъ. Это постановленіе внесено и въ конституціи сейма отъ 1 апрѣля 1564 г., издано еще прежде въ видѣ особой королевской *деклараціи* объ уніи отъ 13 марта и объявлено въ *сеймовомъ рецессѣ* отъ 13 марта. Литовско-русскіе представители волею или неволею подписали

---

[1]) Объ этомъ потрясаніи не одинъ разъ упоминалъ на Люблинскомъ съѣздѣ 1569 г. краковскій епископъ Падневскій, разумѣя привилегію 1501 г. Не совсѣмъ понятно, почему Радзивиллъ потрясалъ привилегіею 1501 г., выгодною для поляковъ, а не привилегіями 1492 или 1499 гг., выгодными для литовцевъ. Или Падневскій не хотѣлъ понять и сказать, какою именно привилегіею потрясалъ Радзивиллъ, или Радзивиллъ, потрясая привилегіею 1501 г., отражалъ ею новый замыселъ поляковъ—получить отъ короля Литву и Русь въ качествѣ дара польской коронѣ, на основаніи Ягайловыхъ обѣщаній: ибо Александрова привилегія 1501 г., при всей выгодѣ ея для поляковъ, все еще не заключала мысли о такомъ дарѣ.

Digitized by Google

рецессъ, но не подписалъ его Николай Черный Радзивиллъ и съ раздраженіемъ уѣхалъ съ сейма [1]). Варшавскій сеймъ произвелъ большое раздраженіе и среди остальныхъ литовцевъ. Еще во время сейма одинъ литвинъ изъ Вильна отъ 11 февраля писалъ какому-то другому знатному, что „панове ляхове давными и разными протекстами хотѣли, же бы Литву у кабалу записали и у вѣчную неволю собѣ насъ взяли“ и вычислялъ извѣстныя намъ притязанія поляковъ, радуясь, что они отвергнуты литовцами [2]). Николай Черный въ письмахъ къ королю послѣ сейма выражался, что Литвѣ грозитъ неволя съ двухъ сторонъ: отъ Москвы чрезъ силу, а отъ поляковъ чрезъ интриги, что съ одной стороны надъ головами литовцевъ виситъ мечь непріятельскій, съ другой арканъ (powroz) живой и вѣчной неволи. Король отвѣчалъ: Богъ да покараетъ того, по чьей винѣ дѣло уніи не дойдетъ до конца; никого мы не вели и не ведемъ къ неволѣ, а къ большей свободѣ, къ братскому согласію и любви; если чего не разумѣемъ, рады научиться, для чего и пріѣхали теперь въ Литву [3]). Пріѣхавъ въ Литву, король созвалъ *литовскій сеймъ въ г. Бѣльскѣ (на Подлѣсьи) въ маѣ и іюнѣ 1564 г.* Хотя бывшіе при королѣ поляки, въ числѣ ихъ и примасъ Уханскій, поднимали вопросъ объ уніи, но литовцы и русскіе уклонились отъ переговоровъ, предпочитая заняться исключительно своими дѣлами. Былъ представленъ литовскій статутъ, исправленный коммиссіею, послѣ многолѣтней работы надъ этимъ. Статутъ этотъ называемый вторымъ, утвержденъ привилегіею короля 1 іюня 1564 г. Этимъ вторымъ статутомъ еще съ большею силою, чѣмъ первымъ 1529 г., утверждается отдѣльность и независимость литовско-русскаго государства: чужеземцамъ и заграничникамъ сосѣдняго государства (т. е. Польши) запрещалось пріобрѣтать земли въ Литвѣ и Руси; пріобрѣвшіе частными способами обязывались возвратить ихъ; получившіе такія земли по особенной милости короля обязывались нести съ нихъ земскую службу, но не имѣли права занимать служебныя и почетныя должности, право на которыя имѣютъ

---

[1]) Объ этомъ говорилъ тотъ-же Падневскій на Люблинскомъ съѣздѣ. *Рецессомъ* назывались такія постановленія сеймовъ, которыми извѣстные вопросы, хотя и предрѣшались, но оставлялись еще открытыми для окончательнаго обсужденія на ближайшихъ сеймахъ.

[2]) А. з. Р. III., № 85.

[3]) Голембіовскаго—Czasy Zygmunta Augusta I, 170—171. Wilno 1851.

Digitized by Google

только литовцы и русскіе. За неисполненіе такихъ постановленій статутъ именемъ государя грозитъ непослушнымъ отнятіемъ ихъ имѣній и причисленіемъ ихъ къ столовымъ королевскимъ имѣніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь обѣщаетъ возвратить къ литовскому государству все, что отошло отъ него къ Польшѣ, Мазовіи, Пруссіи, Ливоніи [1]). Важнѣйшимъ дополненіемъ въ немъ было принятое уже на Виленскомъ сеймѣ 1557 г. и теперь внесенное въ статутъ учрежденіе выборныхъ уѣздныхъ или повѣтовыхъ судей и пословъ земскихъ. Король отказался отъ доходовъ отъ судовъ, совершаемыхъ отъ его имени намѣстниками его, воеводами и др., отказались въ пользу выборныхъ судей изъ дворянъ отъ своихъ правъ и доходовъ судебныхъ и знатные паны, воеводы, старосты, какъ-то оба Радзивиллы, Константинъ Острожскій, Иванъ Ходкевичъ, Павелъ Сапѣга, Богушъ Корецкій, Стефанъ Зборажскій, Василій Тышкевичъ, Евстафій Волловичъ. Это было дѣломъ патріотизма литовско-русскихъ пановъ, желавшихъ лучшаго устройства страны и достиженія его своими силами безъ помощи Польши. Литовцы уѣхали съ надеждою всегда имѣть свои отдѣльные вальные сеймы, такъ что и при утвержденіи статута сдѣлана оговорка, что дальнѣйшее исправленіе его, какое потребуется еще, будетъ сдѣлано не иначе, какъ на вальномъ сеймѣ. Но переѣхавъ въ Польшу, непостоянный король сталъ опять сдаваться на ея сторону. Въ томъ же году на Парчевскомъ сеймѣ король вновь обсуждалъ съ поляками способы къ приведенію до конца дѣла уніи. Въ связи съ этимъ занялись вопросомъ о Ливоніи, отъ которой предъ тѣмъ отказывалась Польша, но которую постановили теперь считать присоединенною совмѣстно къ Польшѣ и Литвѣ, какъ имѣющимъ остаться въ уніи. На Парчевскомъ сеймѣ совершилось другое дѣло, имѣющее значеніе и въ исторіи уніи. Сюда явился новый папскій нунцій, ловкій и энергичный кардиналъ Коммедони и представилъ королю присланную отъ папы книгу опредѣленій только что окончившагося Тридентскаго собора съ требованіемъ, чтобы они приняты были и въ Польшѣ. Въ сильной рѣчи кардиналъ пугалъ короля ужасами революціи отъ разновѣрія религіознаго и вольнодумства въ Польшѣ и Литвѣ и увѣщевалъ его принять опредѣленія собора для охраны

---

[1]) Временникъ Моск. Общ. исторіи и др. кн. 23, стр. 44. Эти же пункты статута приводятся и въ „Дневникѣ“ Люблинскаго сейма.

Digitized by Google

и утвержденія единой р.-католической вѣры. Поляки отказывались; возражалъ самъ примасъ Уханскій, требовавшій, чтобы опредѣленія собора были предварительно обсуждены представителями польской церкви и страны. Но король объявилъ, что слова нунція считаетъ внушеніемъ свыше и изъявляетъ волю свою на принятіе опредѣленій собора. То было предвѣстіе уніи религіозной! Кстати замѣтить, что Коммедоній, искусный дипломатъ, напряженно слѣдилъ и за ходомъ дѣла объ уніи, за значеніемъ въ этомъ дѣлѣ тогдашнихъ отношеній Литвы къ Ливоніи и Москвѣ, за отношеніемъ къ нему русскихъ православныхъ, стоялъ въ вопросѣ объ уніи за Польшу, надѣясь на близкое торжество въ ней папизма, которому политическая унія Польши должна проложить путь въ Литвѣ и Руси. Петриковскій сеймъ 1565 г. трактовалъ не объ уніи, а объ искорененіи разныхъ злоупотребленій, о денежныхъ сборахъ на московскую войну изъ-за Ливоніи, какъ присоединенной уже и къ Польшѣ. Денегъ не собрали, но сеймъ дозволилъ королю подъ залогъ столовыхъ имѣній занять сумму въ 500,000 злотыхъ. Съ Петриковскаго сейма король уѣхалъ въ Литву.

Здѣсь литовско-русскіе паны и дворяне на съѣздѣ въ Трабахъ обсуждали какъ средства обороны страны, такъ и вопросы внутренняго устройства, въ частности вопросъ о новомъ исправленіи статута и въ этомъ смыслѣ сдѣлали представленіе королю, съ октября жившему уже въ Вильнѣ [1]). Король все обѣщалъ сдѣлать на предстоящемъ сеймѣ, который и созвалъ въ Вильнѣ въ мѣсяцѣ ноябрѣ 1565 г. Важнѣйшимъ актомъ сейма была жалованная грамота короля отъ 30 декабря, которою подтверждался и вводился въ общее употребленіе новоисправленный статутъ и учреждались для литовско-русскихъ земель повѣтовые или уѣздные сеймики по примѣру сеймиковъ польскихъ [2]). Это было новое учрежденіе, служившее къ дальнѣйшему приравненію и сближенію учрежденій литовскихъ съ польскими, а слѣдовательно къ подкрѣпленію дѣла уніи. Король и поляки замѣчали, что уніи наиболѣе противятся знатные литовскіе аристократы, опасающіеся подрыва своего значенія, и разсчитывали, что низшее дворянство, льстясь на вольно-

---

[1]) О съѣздѣ въ Трабахъ (мѣстечко въ ошмянскомъ уѣздѣ, виленской губ.) упоминается въ „Виленск. Археогр. Сборникѣ“ (п. IV, № 62).

[2]) А. з. Р. III, № 38.

Digitized by Google

сти польскаго шляхетства, скорѣе аристократовъ поддастся на унію, въ чемъ отчасти и не ошиблись.

Виленскій сеймъ въ мартѣ 1566 г. На этомъ сеймѣ статутъ опять пополненъ статьями, принятыми на сеймахъ 1563 и 1565 гг., и нѣкоторыми другими и вновь утвержденъ. Литовцы могли считать обезпеченною независимость своего государства, которая признается статутомъ.

Польскій Люблинскій сеймъ и Литовскій Брестскій 1566 г. Люблинскій сеймъ 1566 г. назначался для поляковъ и литовцевъ съ цѣлію трактовать объ уніи; но полякамъ пришлось заняться только своими дѣлами; литовцы не прибыли на сеймъ, ссылаясь на опасность отлучки изъ страны по случаю войны московской. За то сами они въ мѣсяцѣ іюнѣ собрались на съѣздъ въ Брестѣ литовскомъ. Здѣсь они опять занялись исправленіемъ и дополненіемъ статута и свои пункты о томъ послали на утвержденіе королю въ Люблинъ. Въ инструкціи своимъ посламъ на люблинскій сеймъ отъ 5 августа они поручили заявить, что не отказываются отъ уніи, не будутъ избирать отдѣльно короля, а съѣдутся, если будетъ нужно, на общій сеймъ на границахъ, но что унія ни въ чемъ не должна нарушать ни правъ, ни границъ Литвы, что общіе сеймы будутъ поочередно то въ Польшѣ, то въ Литвѣ, что сохранится и обычай возведенія избраннаго короля на литовскій престолъ въ Вильнѣ чрезъ вручение ему меча литовскимъ маршаломъ.

Польскій сеймъ въ Петриковѣ и Литовскій въ Гроднѣ 1567 г. Поляки отправили съ этого сейма въ Литву подканцлера Петра Мышковскаго, каштеляна Холмскаго Лысаковскаго и Станислава Чарнковскаго для новыхъ переговоровъ объ уніи. Переговоры происходили въ м. Молодечнѣ (виленской губ., ошмянскаго уѣзда). Литовцы отвѣчали, что не прочь отъ уніи, что ничто не должно быть умалено въ титулахъ, правахъ, достоинствахъ Литвы. Собравшись затѣмъ на сеймъ въ Гроднѣ, гдѣ былъ и король, литовцы въ отпоръ полякамъ, объявившимъ, что Ливонія уже присоединена совмѣстно къ Польшѣ и Литвѣ, поставили, что Ливонія присоединяется къ Литвѣ съ тѣмъ, что если унія ея съ Польшею состоится, то тогда Ливонія считаться будетъ присоединенною вмѣстѣ къ Литвѣ и Польшѣ. Янъ Ходкевичъ еще прежде назначенъ администраторомъ Ливоніи.

Digitized by Google

Гродненскій сеймъ въ іюнѣ и іюлѣ 1568 г. На этомъ большомъ сеймѣ король опять уговаривалъ литовцевъ и русскихъ къ уніи. Но они старались занять его своими дѣлами. Такъ опять подвергнуты разсмотрѣнію новые пункты статута для внесенія въ него. Предложены были пункты или просьбы и кіевскимъ митрополитомъ Іоною Протасевичемъ о разныхъ правахъ православной церкви, іерархіи и духовенства. Король частію утверждалъ ихъ, частію отлагалъ. Въ частности митрополитъ просилъ, чтобы, по примѣру латинскихъ епископовъ, допущены были въ сенатъ и православные русскіе. Король отклонилъ эту просьбу, сказавъ, что отлагаетъ ее на „иншій часъ". Видно у разновѣрныхъ литовскихъ пановъ не было охоты поддержать столь законную просьбу православнаго митрополита. На Гродненскомъ сеймѣ еще разъ подтверждено присоединеніе къ Литвѣ Ливоніи, какъ отдѣльному государству. Предъ окончаніемъ сейма литовцы видимо въ противовѣсъ рецессу Варшавскаго сейма 1563—64 г.г., объявившаго уже унію дѣломъ предрѣшеннымъ, составили свой рецессъ, которымъ затронутыя, но не рѣшенныя дѣла о самостоятельномъ устройствѣ государства отлагались до новаго вальнаго сейма въ Вильнѣ [1]). Но уже не суждено было литовцамъ дождаться этого *своего* сейма. Король, обѣщавшій созвать его, или лицемѣрилъ, или, что вѣроятнѣе, по свойственному ему непостоянству и безхарактерности, давалъ противорѣчивыя обѣщанія въ Польшѣ—полякамъ, въ Литвѣ—литовцамъ. Еще въ 1568 г. онъ далъ приказъ Григорію Ходкевичу пріостановить военныя дѣйствія, сказалъ и полякамъ не идти на помощь литовцамъ въ московской войнѣ, послалъ гонца въ Москву для начатія сношеній о перемиріи, временемъ котораго и предположилъ воспользоваться для окончанія дѣла объ уніи [2]). Теперь, возвратясь съ Гродненскаго сейма въ Польшу, онъ окончательно отдался во власть поляковъ и, забывъ о предположенномъ литовскомъ сеймѣ въ Вильнѣ, назначилъ

---

[1]) О рецессѣ Гродненскаго сейма и предположеніи созвать Литовскій сеймъ въ Вильнѣ въ 1569 г. упоминается въ просьбѣ литовцевъ и русскихъ и отвѣтахъ на нихъ короля на Люблинскомъ съѣздѣ (Ярошевичъ, Obraz Litwy въ II, стр. 187. Wilno 1844 г.

[2]) Объ этихъ распоряженіяхъ короля, о цѣли которыхъ догадывался Ходкевичъ, упоминается въ его письмѣ къ Павлу Сапѣгѣ отъ 11 декабря 1568 г. (А. з. Р. III, № 45) и въ „Дневникѣ" Люблинскаго сейма, въ рѣчи Чарнковскаго, стр. 647.

Digitized by Google

общій польско-литовско-русскій сеймъ или съѣздъ въ Люблинѣ на 23 декабря 1569 года [1]).

Положеніе поляковъ предъ съѣздомъ было выгодное. Они имѣли одну ясную и опредѣленную мысль объ уніи, какъ о сліяніи, выработанную почти двухвѣковою политикою Польши, формулированную въ тѣхъ старыхъ и новыхъ актахъ на унію, которые составились подъ вліяніемъ поляковъ Они имѣли въ своихъ рукахъ власть короля, которою могли по своему воспользоваться для принужденія къ уніи литовско-русскихъ представителей то угрозою, то обѣщаніемъ милостей, также какъ и приманкою шляхетскихъ вольностей. Наконецъ они не были столько какъ литовцы затруднены и устрашены войною извнѣ и потому могли дѣйствовать съ большею свободою и увѣренностію. Не такъ было выгодно положеніе литовцевъ и русскихъ. Они продолжали держаться мысли объ уніи, какъ союзѣ съ сохраненіемъ при немъ отдѣльности и самостоятельности своего государства, имѣя опору этой мысли во всемъ своемъ прошломъ и въ цѣломъ запасѣ привилегій и статей статута. Но въ самой этой мысли уже заключалась двойственность, двусторонность, тяготѣвшая надъ ними въ теченіи всей прошедшей исторіи, отражавшаяся и на самыхъ актахъ уніи, даже литовско-русскихъ. Чувствуя это, литовцы, какъ увидимъ, предпочитали оставить въ сторонѣ всѣ „старыя записи“ на унію и устроить ее заново на основѣ мысли о братской любви, братскомъ союзѣ. Но устраивать унію заново на такой идеальной основѣ теперь слишкомъ трудно было для литовцевъ и русскихъ, когда они не могли создать у себя отдѣльной государственной власти, въ лицѣ отдѣльнаго государя, ни грозить такою возможностію королю и полякамъ, какъ могли дѣлать это въ былыя времена. Ни родъ Олельковичей, изъ котораго грозили литовцы и русскіе избрать себѣ отдѣльнаго великаго князя при Казимірѣ, ни другой какой-либо изъ литовско-русскихъ княжескихъ родовъ не давалъ опоры для подобной надежды. Не только литовцы, но и русскіе не могли теперь грозить королю и Польшѣ союзомъ съ Москвою, напротивъ, страхъ, наведенный московскою войною, за-

---

[1]) Королевскіе листы или извѣстительныя письма съ призывомъ на съѣздъ разсылались уже въ первой половинѣ октября (Лѣтопись занятій Археогр. коммисіи, (Вып. V. Отд. III, стр. 4 Спб. 1871 г.)

Digitized by Google

ставлялъ ихъ не отрываться отъ союза съ Польшею. Слѣдуетъ прибавить, что если поляки далеко не отличались согласіемъ на своихъ сеймахъ, то въ дѣлѣ борьбы съ литовцами и русскими они способны были достигать полной солидарности, не смотря на различіе сословныхъ интересовъ, религіозныхъ мнѣній и т. п., такъ что въ этомъ дѣлѣ умѣли сходиться магнатъ съ шляхтичемъ, латинскій епископъ съ социніаниномъ. Литовцамъ и русскимъ недоставало прочной солидарности. Слѣды разъединенія между ними, внесеннаго латинствомъ и привилегированнымъ положеніемъ литовцевъ латинянъ въ сравненіи съ русскими православными, еще не совсѣмъ изгладились, не смотря на переходъ въ протестантство многихъ литовскихъ пановъ и на уравненіе правъ лицъ р.-католической и православной вѣры на сеймахъ Виленскомъ 1563 г. и Гродненскомъ 1568 г., такъ еще недавнее и притомъ неполное, не простершееся на православную іерархію. Преобладательныя притязанія литовцевъ едва ли даже не усилились во время могущества Николая Чернаго Радзивилла, когда литовцы и большею частію протестанты понабрали слишкомъ много должностей и имѣній въ русскихъ земляхъ, забывая, что главною опорою самобытности литовско-русскаго государства могла быть только русская народно-православная стихія, рѣшительно преобладающая въ составѣ государства. Съ другой стороны высшіе литовскіе чины, на себя главнымъ образомъ принявшіе дѣло борьбы съ поляками, неподготовили себѣ достаточной опоры въ низшемъ литовскомъ дворянствѣ. Они обращались съ нимъ гордо и властно, угнетали иногда и тяжелыми повинностями. Въ самомъ вопросѣ объ уніи они преслѣдовали не только общій государственный, но и личный аристократическій интересъ, опасаясь, чтобы унія не принесла имъ польской, такъ называемой экзекуціи, не умалила ихъ значенія чрезъ подъемъ низшаго дворянства до вольностей польской шляхты. Надлежало впрочемъ ожидать, что послѣ тѣхъ уступокъ и улучшеній въ общественныхъ отношеніяхъ, какія сдѣланы на послѣднихъ сеймахъ, начиная особенно съ Виленскаго 1563 г., послѣдуютъ со временемъ и другія, къ устраненію внутреннихъ недоразумѣній въ Литвѣ и Руси. Это могло состояться на новыхъ литовско-русскихъ сеймахъ, созыва которыхъ не напрасно домогались литовцы до общаго польско-литовскаго сейма по дѣлу уніи. Но поляки не дали имъ времени на это. Хорошо понимая затрудни-

Digitized by Google

тельное и безпомощное положеніе литовцевъ и русскихъ въ данную эпоху и нѣкоторыя недоразумѣнія между ними, они пользуются этимъ съ полнымъ эгоизмомъ и спѣшатъ кончать дѣло объ уніи.

Предъ общимъ съѣздомъ поляки и литовско-русскіе представители имѣли свои мѣстные съѣзды или сеймики для выбора депутатовъ на общій съѣздъ и составленія инструкцій имъ. Такъ извѣстенъ съѣздъ въ Воинѣ (на Подлѣсьѣ), въ имѣніи подканцлера Евстафія Воловича. Но вообще о повѣтовыхъ съѣздахъ или сеймикахъ литовско-русскихъ дворянъ предъ люблинскимъ съѣздомъ извѣстно очень немного. Недавно (1565 г.) учрежденные, сеймики эти были еще дѣломъ довольно новымъ для нихъ. Со словъ нѣкоторыхъ русскихъ дворянъ поляки утверждали, будто на этихъ сеймикахъ всѣмъ заправляли высшіе литовскіе паны и сановники, сами дѣлали постановленія, приказывая дворянамъ подписывать здѣсь, а чаще на дому, грозя противникамъ даже палкой. Если есть часть правды въ этомъ, то значитъ литовскіе паны слишкомъ и не въ пору понадѣялись на свои силы, чѣмъ и могли воспользоваться поляки [1]).

Наиболѣе смѣлыми и энергическими представителями и борцами за самостоятельность и независимость литовско-русскаго государства на люблинскомъ съѣздѣ были знатные литовцы. Это особенно: Николай Рыжій Радзивиллъ, виленскій воевода и литовскій канцлеръ, наслѣдовавшій эти званія по смерти Николая Чернаго († 1565 г.), также какъ и значеніе главы литовскаго протестанства и главнаго поборника литовской независимости; потомъ Иванъ Ходкевичъ, староста жмудскій, по вѣрѣ протестантъ, хотя братья и родичи его еще оставались православными; наконецъ Евстафій Воловичъ, литовскій подканцлеръ, брестскій староста, владѣвшій тремя имѣніями на Подлѣсьѣ, родомъ русскій и православный, но теперь также протестантъ. Эти три лица были въ большой милости у короля, особенно Николай Рыжій, братъ Варвары, нѣкогда интимный другъ короля,

---

[1]) О съѣздѣ въ Воинѣ упоминается въ „Дневникѣ“ Люблинскаго съѣзда. Указаніемъ на повѣтовые съѣзды или сеймики для выбора депутатовъ на Люблинскій съѣздъ и составленія инструкціи имъ могутъ служить просьбы литовско-русскихъ представителей, представленныя королю на этомъ съѣздѣ (у Ярошевича тамъ-же) и упоминаніе объ инструкціи отъ Брестскаго земства (Вил. Археогр. Сборн. VII, № 24). О самовластныхъ распоряженіяхъ высшихъ литовскихъ пановъ на повѣтовыхъ съѣздахъ не одинъ разъ упоминаютъ на Люблинскомъ съѣздѣ подлѣсяне, а съ ихъ словъ и поляки.

Digitized by Google

обогатившаго его громадными имѣніями. Но если и Радзивиллъ Черный, въ свое время еще болѣе могущественный, не могъ наконецъ осилить давленія поляковъ на короля, то уже труднѣе было это менѣе даровитому Николаю Рыжему. Вообще эти три и другіе знатные литовцы не довольно поняли, что сила ихъ теперь не въ королѣ, что ее слѣдовало искать въ крѣпкомъ союзѣ съ православными русскими. Между тѣмъ гордый Николай Рыжій состязался за старшинство въ сенатѣ съ православнымъ Слуцкимъ княземъ, прямымъ потомкомъ тѣхъ Олельковичей, изъ рода которыхъ еще при Казимірѣ хотѣли избрать великаго князя. Ходкевичь имѣлъ какіе-то нелады съ княземъ Острожскимъ, преслѣдовалъ виленскаго воеводича Глобовича за его будто бы измѣнническія сношенія съ Іоанномъ Грознымъ. Болѣе повидимому наклоненъ былъ держаться союза съ православными русскими Воловичь, вступавшійся за права и Слуцкаго князя, нравившійся, какъ извѣстно, и Іоанну Грозному. Изъ православныхъ русскихъ князей виднѣе на съѣздѣ волынско-подольскіе магнаты князья Константинъ Острожскій, Константинъ Вишневецкій, Александръ Чарторыйскій, Романъ Сангушко. Не видно однакожь, чтобы они были въ крѣпкомъ союзѣ съ литовскими панами. Всѣ эти и другіе князья и высшіе сановники, по самому званію, имѣли представлять сенаторскую половину сейма вмѣстѣ съ латинскими литовскими епископами, но не православными іерархами, не получившими еще мѣста въ сенатѣ. Послы отъ земскаго дворянства, имѣвшіе составить посольскую половину его, извѣстны немногіе. Вообще и сенаторы и послы литовско-русскіе неохотно и медленно собирались на сеймъ; прибывали неодновременно, одни опоздали, другіе совсѣмъ не прибыли. Это объясняется затрудненіями военнаго времени, хлопотливостію поѣздки въ пограничный Люблинъ изъ дальнихъ русскихъ земель, тяжестію для земскихъ пословъ издержекъ на поѣздку и содержаніе во время сейма, дорогое по случаю большаго скопленія пріѣзжихъ, наконецъ и болѣе всего—просто желаніемъ уклониться отъ участія въ роковомъ дѣлѣ уніи съ надеждою, что дѣло такимъ образомъ можетъ еще затянуться и даже быть отложеннымъ. За то поляки собрались своевременно и притомъ въ большомъ числѣ, согласно инструкціямъ, даннымъ ихъ сеймикамъ изъ королевской канцеляріи. Разновременность пріѣзда и малочисленность пріѣхавшихъ литовско-русскихъ представителей не осо-

Digitized by Google

бенно смущали ихъ. Они воспользуются и этимъ обстоятельствомъ, чтобы вести дѣло уніи по частямъ. Тѣмъ не менѣе ни король, ни польскіе сеймовые паны не думали, что сеймъ затянется такъ надолго. Самое открытіе его замедлилось. Назначенный на 23 декабря, съѣздъ открылся спустя болѣе двухъ недѣль, когда прибыли нетерпѣливо ожидаемые литовскіе представители.

10 января, въ понедѣльникъ, послѣдовало открытіе сейма, въ залѣ сенатскихъ собраній, въ присутствіи короля, въ составѣ около 160 человѣкъ изъ сенаторовъ и пословъ. Единогласно избранный предъ тѣмъ посольскій маршалъ реффендарій королевства, Дрогичинскій староста Станиславъ Сендзивой Чарнковскій обратился къ королю съ привѣтственною рѣчью. Ораторъ восхвалилъ польскій народъ, всегда вѣрный своимъ королямъ, выше и дороже всего ставящій свою прекрасную свободу, восхвалилъ короля, стража этой свободы, и его труды для блага Рѣчи Посполитой, которые всегда готовы раздѣлять съ нимъ и поляки, какъ готовы были въ недавнюю войну съ московскимъ непріятелемъ, и если не участвовали въ ней, то потому, что не были позваны королемъ [1]). Перейдя затѣмъ, хотя и не скоро, къ дѣлу уніи, напомнивъ о томъ, какъ она началась при Ядвигѣ и Ягайлѣ, при участіи въ томъ и славныхъ предковъ самого оратора, какъ она утверждена *письменными актами* и присягами польско-литовскихъ государей, ораторъ налегаетъ на то, что унія эта представляла собою именно *сліяніе двухъ странъ и народовъ въ одно тѣло, въ одинъ народъ*. Теперь королю предстоитъ довершить въ этомъ смыслѣ дѣло уніи, которое превознесетъ его выше Геркулесовъ, Александровъ Македонскихъ, Цезарей и т. д. Упомянувъ и о другихъ предметахъ, предстоящихъ обсужденію сейма, ораторъ восторгается величіемъ дѣла его: „сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся

---

[1]) Панъ Чарнковскій прелыгалъ, когда хвалилъ готовность поляковъ помочь королю въ московской войнѣ. Готовность эта была очень сомнительною, и поляки съ удовольствіемъ приняли распоряженіе короля, приказавшаго и литовцамъ пріостановить военныя дѣйствія, чтобы во время перемирія покончить дѣло съ уніей. То, что далѣе затѣмъ говоритъ Чарнковскій о своихъ предкахъ, отличившихся въ исторіи уніи, довольно справедливо. И самъ онъ еще до Люблинскаго съѣзда показывалъ рвеніе къ дѣлу уніи, а въ болѣе молодые годы отличался еще участіемъ въ гнусной интригѣ польской противъ русскаго православнаго князя Димитрія Сангушка, у котораго отняли жену Елисавету Острожскую, чтобы отдать ее и ея имѣнія польскому пану, и котораго потомъ убили.

Digitized by Google

въ онь!“ Итакъ въ рѣчи на открытіе сейма съ полною опредѣлительностію высказана основная мысль поляковъ объ уніи, какъ о сліяніи, которое предстоитъ довершить на основаніи старыхъ актовъ уніи, разумѣя, конечно, акты диктованные поляками.

11 января, опять въ присутствіи короля, сенаторовъ и пословъ, происходила подача сенаторами мнѣній о томъ, какъ вести дѣла сейма. Первыми говорили епископы, между которыми сразу выдѣляется краковскій епископъ Филиппъ Падневскій, какъ лучшій ораторъ, умѣвшій прямѣе и отчетливѣе формулировать свои мнѣнія, и ставшій руководителемъ сенаторской части сейма. Дѣло уніи онъ призналъ, за нимъ и другіе, первымъ и главнѣйшимъ дѣломъ сейма. Слѣдуетъ упомянуть, что въ своихъ рѣчахъ епископы не опустили насказать королю много рѣзкихъ нотацій за оставленіе имъ своей жены, за дурную жизнь, даже за самоволіе, за дурное управленіе, причемъ епископъ Куявскій проговорился, что „причиной, почему литовцы не хотятъ уніи съ нами,—наше дурное управленіе, и то, что, по ихъ словамъ, у насъ нѣтъ ничего надежнаго“. Король не усидѣлъ подъ такимъ потокомъ увѣщательныхъ рѣчей, имѣвшихъ длиться еще, неожиданно всталъ и ушелъ, сказавъ однако, что и онъ дѣло уніи считаетъ важнѣйшимъ для сейма, а что о частныхъ дѣлахъ его можетъ быть рѣчь послѣ, если будетъ удобное къ тому время

12 января сенаторы и послы собрались уже безъ короля и то совмѣстно, то отдѣльно совѣщались о способѣ переговоровъ съ литовцами и порѣшили вести ихъ чрезъ депутатовъ, которые и избраны. По предложенію канцлера и настоянію пословъ принято рѣшеніе, чтобы король присутствовалъ при переговорахъ съ литовцами, мотивировалось оно тѣмъ, чтобы король „не ускользнулъ“ отъ дѣла, и въ случаѣ неудачи его, не искалъ себѣ оправданія въ томъ, что отсутствовалъ. По особенному настоянію пословъ, принято также рѣшеніе, чтобы при переговорахъ съ литовскими сенаторами присутствовали и литовскіе послы, ибо литовскіе сенаторы заботливо не допускаютъ ихъ до личныхъ совѣщаній съ поляками, опасаясь, что познакомясь съ правами польской свободы, литовско-русская шляхта полюбитъ унію, которую они сенаторы представляютъ этой шляхтѣ въ дурномъ видѣ и приводятъ въ омерзеніе. Эти рѣшенія весьма характерны, первое, по недовѣрію къ королю въ дѣлѣ уніи, второе, по надеждѣ на силу приманки для уніи,

Digitized by Google

представляемую польской свободою. Въ общихъ рѣшеніяхъ сказалась также выступающая съ первыхъ же дней сейма преобладающая роль посольской или шляхетской половины его, усилившейся въ послѣдніе годы.

Со вторника 13 января пачались чрезъ избранныхъ депутатовъ сношенія польскихъ сенаторовъ и пословъ съ литовскими сенаторами по дѣлу уніи, затянувшіяся на недѣлю. Литовцы попросили два дня отсрочки, которую продлили еще на нѣсколько дней—до 20 января. Въ эти дни они усиленно совѣщались съ королемъ о дѣлахъ Литовскаго княжества, настаивая особенно на томъ, чтобы король утвердилъ на сеймѣ новый литовскій статутъ и, согласно статьямъ его, отнялъ у поляковъ занимаемыя ими должности въ Литвѣ и отдалъ литовцамъ. Этими важными требованіями литовцы сразу фактически заявляли свой взглядъ на унію, по которому, согласно статуту, литовско-русское государство должно сохранять свою политическую отдѣльность и самостоятельность. Требованіе о должностяхъ король еще могъ исполнить, отчасти и исполнилъ [1]). Но не могъ, потому что не былъ допущенъ, исполнить требованіе объ утвержденіи литовскаго статута. Литовцы дали знать полякамъ, что не вступятъ ни въ какіе переговоры съ ними объ уніи, прежде чѣмъ король не утвердитъ новаго статута. Съ своей стороны польскіе сонаторы и послы послѣ то отдѣльныхъ, то общихъ совѣщаній, приставали къ королю съ требованіемъ—своею властію побудить литовцевъ къ начатію переговоровъ объ уніи. Это требованіе формулировано опять по настоянію преимущественно пословъ демократической части сейма, съ добавленіемъ при томъ другаго требованія, чтобы король не держалъ отдѣльныхъ совѣщаній съ литовцами. Тутъ опять сказались черты посольской или шляхетско-демократической половины польскаго сейма: властность, во имя свободы, требованій по отношенію къ королю и готовность распорядиться властью короля для насилія надъ литовцами. Осаждаемый противоположными требова-

[1]) Впрочемъ, только у трехъ поляковъ отняты литовскія должности и отданы литовско-русскимъ панамъ. Замѣчательно также, что одна изъ этихъ должностей отдана князю Боровскому, 90 лѣтнему старику, другая князю Головнѣ тоже старому и больному, что одна изъ должностей, отнятая теперь у поляка, досталась было ему, какъ осѣвшему въ Литвѣ послѣ брака на литвинкѣ. Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ вторженія поляковъ въ Литву и Русь чрезъ браки.

Digitized by Google

ніями съ обѣихъ сторонъ, бѣдный король занемогъ отъ возобновившихся припадковъ ревматизма и, какъ видится, уже сталъ раздражаться на литовцевъ, идущихъ наперекоръ давно уже данному имъ полякамъ слову покончить съ дѣломъ уніи. Къ сожалѣнію, между литовско-русскими представителями заходили какія-то несогласія, такъ что въ присутствіи самаго короля послышались рѣзкія рѣчи между старостой Жмудскимъ Ходкевичемъ и княземъ Константиномъ Острожскимъ. Всѣмъ этимъ воспользовались поляки и добились у короля приказа литовцамъ непремѣнно явиться въ собраніе сейма для переговоровъ объ уніи. Это было 20 января.

21 января литовскіе сенаторы впервые, согласно приказу короля, явились въ замокъ, гдѣ польскіе сенаторы и послы уже долго ожидали ихъ въ сенатской залѣ; но литовцы не пошли въ эту залу, а собрались въ особой залѣ, бывшей насупротивъ первой. Поляки хотѣли или были вынуждены показать вѣжливость и порѣшили первыми идти къ литовцамъ, но спросивъ о томъ напередъ короля чрезъ депутатовъ. Возвратясь отъ короля, депутаты зашли въ литовскую залу и краковскій епископъ пригласилъ литовцевъ въ сенатскую залу, выражаясь, что „двери отперты“. Радзивиллъ, отъ имени литовцевъ, поблагодарилъ за приглашеніе, но отказался принять его, выразившись: „двери дѣйствительно открыты, но есть еще рѣшетка, чрезъ которую мы не можемъ перейти къ вамъ, развѣ сниметъ ее король“ (разумѣя ожидаемое утвержденіе королемъ статута). Депутаты ушли, но скоро затѣмъ литовцы, платя вѣжливостью за вѣжливость, послали къ полякамъ депутатовъ во главѣ съ Евстафіемъ Воловичемъ, который въ рѣчи къ полякамъ просилъ извинить литовцевъ, что они не могутъ идти на совѣщанія съ поляками, потому что не кончили дѣлъ съ королемъ по устроенію своей страны и просятъ поляковъ быть терпѣливыми. Послѣ недолгаго совѣщанія, поляки прислали къ литовцамъ депутатовъ во главѣ съ краковскимъ епископомъ, который, восхваливъ унію, какъ дѣло выгодное для обѣихъ сторонъ и утвержденное привиллегіями и клятвами, убѣждалъ начать совѣщанія. Радзивиллъ и Ходкевичъ отвѣчали, что готовы начать совѣщанія, но не прежде какъ тогда, когда устроятъ съ королемъ дѣла своего государства и король утвердитъ литовскій статутъ, потому что литовцы хотятъ соединиться съ поляками, какъ рав-

Digitized by Google

ные имъ въ благородствѣ и достоинствѣ. Въ отвѣтъ на намеки въ рѣчи краковскаго епископа на власть короля въ Литвѣ, Радзивиллъ замѣтилъ, что не думаетъ, чтобы уже пропѣта была вѣчная память литовскому княжеству, а Ходкевичъ прибавилъ, что дѣло уніи собственно до короля и не касается, а есть свободное дѣло между поляками и литовцами, что онъ не полагаетъ, что Литва тогда только получила вольность, когда ею сталъ управлять польскій король. Переговоры вызвали раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, польскіе депутаты ушли къ своимъ, а затѣмъ пришелъ отъ литовцевъ Ходкевичъ съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, что они не начнутъ совѣщаній объ уніи до утвержденія королемъ статута, статьи котораго обѣщаютъ прислать завтра же [1]). Оба собранія разошлись.

23 января вечеромъ литовцы не явились въ замокъ, а только прислали статьи статута. Польскіе сенаторы и послы разсматривали эти статьи и съ великою досадою увидѣли, что онѣ клонятся не къ польской уніи, а къ огражденію политической самостоятельности Литвы съ присоединеніемъ къ ней Инфлянтъ, т. е. Ливоніи. Послы настаивали не входить болѣе ни въ какія сношенія съ литовцами и прибѣгнуть къ власти короля, который чрезъ маршала дѣйствительно сдѣлалъ внушеніе литовцамъ. Сенаторы, не такъ завзятые какъ послы, отправили и отъ себя пословъ къ нимъ, и литовцы обѣщали въ понедѣльникъ быть въ собраніи.

24 января въ понедѣльникъ собравшіеся польскіе сенаторы и послы уже надѣялись, что литовцы засядутъ съ ними въ общей залѣ и оставили мѣста для нихъ. Литовцы явились и, на этотъ разъ не одни сенаторы, но и послы; но въ сенатскую залу къ полякамъ литовцы однакоже не пошли, а собрались опять въ свою отдѣльную залу. Не усаживаясь на мѣста, поляки прислали сказать литовцамъ, что ихъ ждутъ; тѣ отвѣчали, что ждутъ отвѣта на статьи статута. Поляки рѣшились отвѣчать и литовцы въ *первый разъ* вступили въ сенатскую залу, но не заняли оставленныхъ

---

[1]) Мы видѣли что Литовскій статутъ былъ уже утвержденъ Сигизмундомъ Августомъ на Литовскихъ сеймахъ 1566 и 1568 г. Но здѣсь требовалось утвержденіе новыхъ статей его именно на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ отъ имени короны, что само собою означало бы признаніе его отдѣльности и самостоятельности литовско-русскаго государства, ограждаемыхъ статутомъ, а такое признаніе уже предрѣшало-бы и вопросъ объ уніи, какъ *только союзъ* отдѣльныхъ и равно-правныхъ государствъ, а не сліяніи ихъ въ одно польское государство.

Digitized by Google

для нихъ мѣстъ. Рѣчь къ нимъ держалъ все тотъ же епископъ краковскій, порицалъ, хотя и въ сдержанныхъ выраженіяхъ, статьи статута, какъ подрывающія унію, защищалъ унію старыми привиллегіями, сказавъ однако, что въ нихъ можетъ быть и измѣнено нѣчто, не къ подрыву уніи. Литовцы обѣщали отвѣчать. Отвѣты держаны Радзивилломъ въ засѣданіи слѣдующаго дня 25 января: „вы, господа, началъ онъ, дѣлаете намъ внушеніе, чтобы мы не теряли даромъ времени; но потеря времени насъ безпокоитъ больше, нежели васъ. На нашихъ хребтахъ былъ непріятель, когда мы уѣхали сюда, желая поставить съ вами унію, которая бы объединила насъ взаимно любовію и, если сказать правду, мы устремились къ ней почти бѣгомъ, тогда какъ предки наши шли къ ней тихимъ шагомъ". Коснувшись начала уніи литовцевъ съ поляками и признавая не малую долю добра въ ней для литовцевъ, Радзивиллъ первымъ добромъ считалъ то, что литовцы чрезъ поляковъ, по милости Божіей, пришли къ познанію вѣры. Къ сожалѣнію, онъ забылъ, что еще прежде это познаніе Литва приняла отъ Руси. Справедливѣе былъ онъ, когда затѣмъ пояснялъ, что вопросъ объ уніи имѣетъ совсѣмъ другое, чѣмъ когда-либо прежде, значеніе теперь, когда доживаетъ свой вѣкъ послѣдній представитель Ягеллоновой династіи, служившей связью Литвы и Польши, и что теперь именно слѣдуетъ литовцамъ позаботиться о прочномъ устройствѣ дѣлъ своего княжества, прежде чѣмъ рѣшать вопросъ объ уніи. Защищая статьи статута, имѣвшаго опредѣлить это устройство, Радзивиллъ закончилъ что *предварительное утвержденіе ихъ* королемъ литовцы считаютъ условіемъ для начатія переговоровъ объ уніи. Но уже въ послѣдній разъ ставится литовцами такое условіе: вѣроятно, король, по настоянію поляковъ, далъ знать литовцамъ, что утвержденія статей новаго статута не будетъ. То стѣсненное положеніе литовцевъ, ослабленныхъ бывшею и угрожаемыхъ новою войною съ Москвою, на которое намекалъ Радзивиллъ, вынуждало ихъ помириться съ невозможностію достичь утвержденія статута и согласиться начать прямо переговоры объ уніи, какъ то видно въ слѣдующихъ засѣданіяхъ.

Съ 26 января литовцы, вѣроятно, по внушенію короля, впервые засѣли съ поляками въ сеймовой залѣ и тоже повторили и въ собраніи 27 января. Литовскіе сенаторы сидѣли противъ польскихъ, а за тѣми и другими послы обѣихъ сторонъ. Было упомя-

Digitized by Google

нуто, что еще съ 24 января со стороны литовцевъ стали являться въ собранія сейма не одни сенаторы, какъ было предъ тѣмъ, но и послы. Теперь они являлись еще въ болѣе полномъ составѣ, т. е. со всѣми послами. Это обстоятельство литовскіе сенаторы сочли нужнымъ даже поставить на видъ полякамъ, говоря, что литовцы болѣе не желаютъ вести переговоры объ уніи чрезъ депутатовъ, что въ частности литовскіе послы присланы затѣмъ, чтобы лично присутствовать при всѣхъ переговорахъ. А въ засѣданіи 27 января Радзивиллъ выразился: „на одной телѣгѣ и для одного дѣла всѣ мы (литовцы) пріѣхали сюда; всѣ мы и должны совѣщаться съ вами объ уніи". Этимъ само собой должно было устраняться подозрѣніе поляковъ, будто литовскіе сенаторы—аристократы намѣренно не допускаютъ пословъ отъ дворянъ участвовать въ переговорахъ съ поляками, чтобы первые чрезъ сближеніе съ послами польскими не прельстились ихъ шляхетскими правами и не поддались ради нихъ на унію. Съ другой стороны, послѣ неудачи въ вопросѣ объ утвержденіи статута, литовскіе сенаторы почувствовали, что почва подъ ними слабѣетъ, что имъ необходимо сплотить силы въ виду имѣвшихъ наступить прямыхъ переговоровъ объ уніи.

Съ открытіемъ 26 января общаго засѣданія поляковъ и литовцевъ, отъ имени послѣднихъ Ходкевичъ поставилъ вопросъ: съ чего хотятъ поляки начинать переговоры объ уніи? и предупредилъ, что литовцы во всякомъ случаѣ хотятъ удержать свои права и статутъ (хотя и не утвержденный). Начавшіеся такимъ образомъ прямые переговоры объ уніи продолжались въ одномъ направленіи до 7 февраля и выяснили рѣзкое различіе во взглядѣ на унію одной и другой стороны. Поляки, главнымъ ораторомъ которыхъ былъ все тотъ же краковскій епископъ, утверждали, что переговоры слѣдуетъ начать съ древнихъ привиллегій и договоровъ, на нихъ основать унію, которая должна быть сліяніемъ обоихъ государствъ въ одно тѣло, обоихъ народовъ въ одинъ народъ. Литовцы, за которыхъ почти всегда говорили тѣ же Ходкевичъ и Радзивиллъ, утверждали, что унія должна быть заключена на основаніи братской любви, должна устроиться по новому свободному соглашенію въ духѣ этой любви съ сохраненіемъ внутренней отдѣльности литовскаго государства. Вслѣдствіе такого различія взглядовъ, съ 28 января, по видимому, прекратились было на нѣсколько дней и общія собранія поляковъ и литовцевъ и замѣнились опять сношеніями черезъ де-

Digitized by Google

путатовъ. Литовцы постоянно держались одного опредѣленнаго мнѣнія объ уніи, и еще со втораго засѣданія заявивъ желаніе, чтобы поляки сообщали имъ свои главныя рѣчи и отвѣты письменно, для обсужденія ихъ литовцами въ своихъ отдѣльныхъ совѣщаніяхъ, съ своей стороны дали полякамъ письменное изложеніе своего мнѣнія объ уніи или проекта ея, прося, чтобы такое письменное изложеніе своего мнѣнія или проекта дали имъ и поляки. На совѣщаніяхъ по поводу этого требованія, происходившихъ у поляковъ въ отсутствіе литовцевъ, мнѣнія членовъ польскаго сейма раздѣлились. Сенаторы въ главѣ съ краковскимъ епископомъ, держась общаго мнѣнія, что унію слѣдуетъ основать на старыхъ привиллегіяхъ и договорахъ, соглашались на этой основѣ составить письменный отвѣтъ литовцамъ, въ видѣ проекта новой записи на унію. новой привиллегіи на нее отъ имени сейма или короля; разногласіе происходило только въ томъ, какую изъ древнихъ привиллегій положить въ основу новой записи, слѣдуетъ ли упоминать ихъ въ самой записи. Изъ древнихъ привиллегій считали болѣе удобною для поляковъ привиллегію Александра, но этой привиллегіи, какъ объясняли другіе, особенно боятся литовцы, потому что она установляетъ *экзекуцію* [1]). Поэтому рѣшились составить новую привиллегію только согласно съ древними, но безъ упоминанія о нихъ. Другіе—главнымъ образомъ послы—не допускали такой записи, считая ее опасною, могущею умалять, даже подвергать сомнѣнію значеніе древнихъ записей и давать самому дѣлу уніи видъ дѣла, устрояемаго заново, по новому соглашенію. Они требовали обратиться опять къ власти короля, заставить литовцевъ подтвердить присягою старыя привиллегіи, главнымъ образомъ привиллегію Александра, которыя *обязательны* для литовцевъ, а полякамъ даютъ власть надъ ними. Рѣзче всѣхъ настаивали на этомъ послы краковскаго воеводства съ Шафранцемъ во главѣ, требовавшіе еще (какъ требовали и нѣкоторые другіе), чтобы сверхъ этихъ привиллегій взять въ основу уніи постановленія и декларацію варшавскаго сейма 1563—4 г., которыми уже подарена Литва Польшѣ

---

[1]) Подъ привилегіею Александра разумѣется извѣстная намъ привилегія 1501 г. она не установляла экзекуціи, установленной уже на польскомъ сеймѣ 1504 г., но предполагалось, что въ силу привилегіи 1501 г., провозгласившей *сліяніе* Литовскаго в. княжества съ Польшею въ одно государство, экзекуція со временемъ должна распространиться и на литовцевъ.

Digitized by Google

и признано сліяніе первой съ послѣднею. Противъ ссылки на Варшавскую декларацію краковскій епископъ ставилъ въ тихомолку то возраженіе, что она не была подписана на сеймѣ Николаемъ Радзивилломъ Чернымъ. Но и это возраженіе не помогло. Когда новая привиллегія на унію была составлена отъ имени короля и притомъ только съ общимъ упоминаніемъ о старыхъ привиллегіяхъ, но безъ названія ихъ въ частности, то по настоянію пословъ, особенно краковцевъ, эта запись была отвергнута съ рѣшеніемъ не передавать ее литовцамъ. Когда они, сперва чрезъ депутатовъ, а потомъ всѣ вмѣстѣ явились 5 февраля въ общее засѣданіе съ просьбой о письменномъ отвѣтѣ или записи на унію, то вмѣсто этого имъ данъ былъ краткій письменный отвѣтъ, что поляки не намѣрены вступать ни въ какіе переговоры съ литовцами помимо старыхъ привиллегій, что литовцамъ остается засѣсть въ общее засѣданіе съ поляками и на основаніи тѣхъ привиллегій обсуждать дѣло по братски. Впрочемъ, если не въ самомъ засѣданіи сейма, то послѣ него, сенаторы, не смотря на сопротивленіе пословъ, сообщили литовцамъ (можетъ быть, частнымъ образомъ) и полную записку объ уніи, какъ отвѣтъ на записку о томъ литовцевъ. Этотъ отвѣтъ въ смягченномъ видѣ заключалъ однако же ту же мысль объ уніи на основаніи старыхъ привиллегій.

Въ слѣдующіе дни съ 7 по 12 февраля полякамъ пришлось совѣщаться однимъ. Литовцы не являлись въ сеймовыя собранія ихъ. Получивъ отъ поляковъ и краткій отвѣтъ и затѣмъ обширный отвѣтъ, говорившій только о старыхъ привиллегіяхъ на унію, литовцы 7 февраля прислали имъ чрезъ Нарушевича свой на этотъ разъ болѣе пространный и обстоятельный отвѣтъ или записку объ уніи. Въ этой запискѣ литовцы, попрежнему, настаиваютъ на своемъ рѣшеніи вести дѣло объ уніи на основаніи не старыхъ привиллегій, а на основаніи братской любви, подтверждая, что таково порученіе, данное имъ какъ сенаторамъ, такъ и земскимъ посламъ, отъ ихъ братій духовныхъ и свѣтскихъ, при отправленіи ихъ на сеймъ. Но къ этому въ запискѣ приложены выписки изъ собственно литовскихъ,извѣстныхъ намъ привиллегій на унію Казиміра 1452 г., Александра 1492 г., Сигизмунда 1506 и 1526 и наконецъ изъ литовскаго статута, показывающія, наперекоръ польскимъ привиллегіямъ, что и при уніи ограждалась отдѣльность и самостоятельность Литвы. Поставивъ это на видъ полякамъ,

Digitized by Google

литовцы повторяютъ просьбу вести переговоры объ уніи не на основаніи привиллегій, а на основаніи братской любви и просятъ дать имъ отвѣтъ. По поводу записки литовцевъ начались то отдѣльныя, то общія совѣщанія польскаго сената и пословъ, затянувшіяся на пять дней и сопровождавшіяся бурными преніями. Сенаторы во главѣ съ краковскимъ епископомъ соглашались дать литовцамъ новый, болѣе обстоятельный, письменный проектъ уніи, который и составленъ въ болѣе сдержанной формѣ даже безъ упоминанія о Варшавской деклараціи. Послы большою частью не соглашались на этотъ проектъ, при чемъ то отрицали самую допустимость всякаго новаго проекта, настаивая на старыхъ привиллегіяхъ, на постановленіяхъ и рецессѣ Варшавскаго сейма, то предлагали свой проектъ. Краковцы и здѣсь выступали съ наиболѣе рѣзкимъ мнѣніемъ. Между сенаторами и послами прорывались выраженія недовѣрія, досады, упрековъ. Казалось разстроится дѣло въ самомъ польскомъ сеймѣ. Но предостереженіе отъ такой случайности дано на совѣщаніи сенаторовъ и пословъ русскаго (Галицкаго) воеводства у гетмана и русскаго воеводы Синявскаго, который убѣждалъ не разрывать уніи, доказывалъ необходимость для русскаго воеводства литовской помощи, ставилъ на видъ и то, что если Литва разорветъ союзъ съ Польшею, то отъ Польши отпадутъ и Пруссія и Инфлянты (Ливонія). Послѣ новыхъ совѣщаній и споровъ принято сенаторами 11, а послами 12 февраля предложеніе краковскаго епископа – положить предъ литовцами и старыя привиллегіи и Варшавскій рецессъ и новый проектъ.

12 февраля литовскіе сенаторы и послы опять явились въ собраніе сейма. По общему соглашенію рѣчь къ нимъ держалъ краковскій епископъ. Рѣчь была длинная и, надо правду сказать, умная и искусная. Съ польской точки зрѣнія епископъ обозрѣвалъ исторію уніи со времени Ягайлы, доказывая, что, какъ наслѣдственный и самодержавный государь, онъ своею властію присоединилъ Литву къ Польшѣ, какъ бы подарилъ первую послѣдней или точнѣе подарилъ соединенной Польско-Литовской Рѣчи Постолитой, составляющей единое тѣло, что таковы были и другія привиллегіи, каковы особенно Александра; опровергалъ сдѣланныя въ запискѣ литовцевъ ссылки на литовскія привиллегіи, представляя между прочимъ тѣмъ, что въ параллель съ ними у поляковъ имѣются другія привиллегіи, что впрочемъ права литовцевъ по

Digitized by Google

ихъ привиллегіямъ будутъ сохранены и въ уніи, насколько они ей не противорѣчатъ; напоминалъ, будто на Варшавскомъ сеймѣ литовцы, дѣйствовавшіе, безъ сомнѣнія, по мысли своихъ избирателей, наклонны были начать дѣло уніи даже съ Ягайловыхъ привиллегій и потомъ хотя и пошли къ позднѣйшему времени, но остановились на привиллегіи Александра, которою потрясалъ на сеймѣ достойной и славной памяти мужъ Н. Радзивиллъ (Черный) и убѣждалъ поляковъ тянуть литовцевъ только къ этой послѣдней уніи, т. е. Александровой. Въ заключеніе епископъ патетически призывалъ литовцевъ къ возобновленію и утвержденію уніи, на основаніи старыхъ привиллегій и договоровъ. Поляки были въ восхищеніи отъ этой рѣчи епископа. Не такъ отнеслись къ ней литовцы. Хладнокровно началъ отвѣтъ на нее Радзивиллъ: „такого длиннаго трактата еще намъ не приходилось слышать здѣсь ни разу во все время, какъ, по призыву короля, мы пріѣхали сюда въ Люблинъ. Такъ какъ отвѣтъ епископа довольно длиненъ и краснорѣчивъ и въ немъ онъ изложилъ и припомнилъ много разныхъ вещей, особенно привилегій, то мы не можемъ всего этого запомнить, мы вѣдь люди холодныхъ странъ; мы естественно ко всему болѣе хладнокровны; потому, слѣдуя школьной пословицѣ—„книга—вторая память“,—просимъ дать намъ на бумагѣ рѣчь епископа, а также и самую запись на унію“. Ходкевичь отозвался еще: „если мы вамъ подарены, то къ чему еще вамъ унія съ нами?“ Радзивиллъ продолжалъ: „насъ никто не можетъ подарить, потому что мы люди вольные и нашими вольностями и почестями, пріобрѣтенными у нашихъ государей доблестными заслугами предковъ, проливавшихъ кровь за отечество, можемъ сравниться со всякимъ другимъ народомъ. Господамъ полякамъ Литва дарила собакъ, жеребцовъ, маленькихъ жмудскихъ лошадей, а не насъ свободныхъ, благородныхъ людей, и если бы кто пожелалъ отнять у насъ эту свободу и благородство, я того считалъ бы и называлъ тираномъ“. Затѣмъ литовцы удалились, сказавъ: „дадимъ вамъ отвѣтъ сегодня или въ какой-либо другой день“. Чрезъ два дня 15 февраля они прислали письменный отвѣтъ на рѣчь епископа и свой проектъ уніи въ слѣдующихъ пунктахъ: поляки и литовцы имѣютъ одного государя, который избирается на общемъ изъ равнаго числа поляковъ и литовцевъ сеймѣ, коронуется сперва въ Краковѣ, потомъ въ Вильнѣ, подтверждая при этомъ тамъ и здѣсь права

Digitized by Google

каждаго государства, оба народа имѣютъ общіе сеймы разъ въ Польшѣ, другой разъ въ Литвѣ поочереди; но Литва, какъ и Польша имѣютъ свои и отдѣльные сеймы, свои сенаты, свои государственныя печати; сохраняется территоріальная отдѣльность Литвы, при чемъ осѣдлость поляковъ въ Литвѣ допускается, но чины и должности въ Литвѣ сохраняются только при литовцахъ и т. д.

Литовскій проектъ уніи вызвалъ въ засѣданіи 16 февраля сильное раздраженіе. Холмскій подкоморій Сѣнинскій говорилъ о литовцахъ съ негодованіемъ и угрозами и просилъ сенаторовъ не уступать литовцамъ. На слѣдующій день, когда литовцы явились въ засѣданіе сената, краковскій епископъ въ рѣчи къ нимъ говорилъ уже гораздо рѣзче, чѣмъ когда-либо прежде, выразившись между прочимъ, что проектъ литовцевъ ведетъ къ разрыву, а не къ уніи, что поляки и не очень нуждаются въ ней, что она нужнѣе литовцамъ и настойчиво спрашивалъ: хотятъ ли они наконецъ уніи? Литовцы обѣщали отвѣчать. Съ отвѣтомъ прибыли литовцы въ сенатъ 19 февраля. Отвѣтную рѣчь держалъ Ходкевичъ, и это была блестящая рѣчь. Сходная въ существѣ съ отвѣтомъ 15 февраля, рѣчь заключала болѣе обстоятельный обзоръ и характеристику прежнихъ привилегій и въ частности и тѣхъ, какія поляки добывали себѣ помимо литовцевъ, начиная съ Городельскаго сейма [1]). Рѣчь заключалась рѣшительнымъ отказомъ заключить унію на основаніи старыхъ привилегій. Совѣщанія прекратились теперь. Литовцы хотѣли занять короля отдѣльными дѣлами своего государства и представили о томъ свои просьбы королю, въ томъ числѣ просьбы о назначеніи въ Вильнѣ съѣзда депутатовъ для исправленія статута и о выправленіи границъ литовскаго княжества со стороны Польши, Мазовіи, Пруссіи и Ливоніи. На первую просьбу король согласился и срокомъ съѣзда назначилъ 4-ю недѣлю послѣ Пасхи въ томъ же 1569 г. На вторую просьбу отвѣчалъ, что отлагаетъ это дѣло до совмѣстнаго соглашенія съ панами и послами коронными, когда „начнется справа около уніи“ [2]). Эти и другіе отвѣты данные 20 февраля,

[1]) Особенно важно свидѣтельство Ходкевича о Городельскомъ актѣ 2 декабря 1413 г., какъ составленномъ поляками безъ участія литовцевъ.

[2]) Эти просьбы и отвѣты на нихъ не упоминаемыя въ „Дневникѣ“ сейма помѣщены у Яроцевича (Obraz Litwy II, стр. 186—192).

Digitized by Google

показываютъ, что въ данный моментъ король и самъ уже не зналъ какъ быть и что будетъ „съ справою около уніи“. Онъ сталъ держать секретныя совѣщанія о томъ съ польскими сенаторами, отдѣльныя совѣщанія съ литовскими сенаторами. Но эти совѣщанія возбудили у польскихъ сеймовыхъ пословъ подозрѣнія къ королю и въ отвѣтъ на усиливающіеся налеганія ихъ онъ вынужденъ былъ давать обѣщанія, что не обманетъ ихъ, еще попробуетъ уговорить литовцевъ, и хотя сожалѣетъ, что сеймовые паны взваливаютъ на его плечи это тяжелое дѣло уніи, вмѣсто того, чтобы самимъ устроить, тѣмъ не менѣе онъ истощитъ всѣ усилія для достиженія цѣли. Прошла цѣлая недѣля и литовцы не получали отвѣта на свой отзывъ, данный въ рѣчи Ходкевича 19 февраля. 26 февраля, въ субботу, литовцы явились къ королю, объяснили, почему не могли и не могутъ согласиться съ поляками по дѣлу уніи, и высказали надежду, что въ другое время, дастъ Богъ, легче будетъ устроить это дѣло, когда литовцы у себя на родинѣ сообщатъ своимъ братьямъ о томъ, что здѣсь слышали и получили на бумагѣ отъ поляковъ, посовѣтуются и установятъ съ своими братьями какое-либо соглашеніе. Объяснивъ это, литовцы прибавили, что имъ болѣе не для чего оставаться въ Люблинѣ. Но король приказалъ имъ подождать до слѣдующаго дня. Литовцы послушались. Въ воскресенье 27 февраля литовцы сперва утромъ, потомъ вечеромъ посылали къ королю депутатовъ, но они не были допущены къ нему. У короля и поляковъ уже составился тайный планъ, завлечь литовцевъ въ унію силою или обманомъ. Еще съ начала прошлой недѣли король то самъ, то чрезъ сенаторовъ напоминалъ польскимъ сеймовымъ панамъ, чтобы сеймовыя совѣщанія ихъ велись тайно, чтобы въ засѣданія сейма не были допускаемы постороннія лица и сами члены сейма не выносили за порогъ того, что говорится въ засѣданіяхъ. Секретничали и сами сенаторы. Къ понедѣльнику 28 февраля приготовлялась рѣшительная атака на литовцевъ и русскихъ. Еще въ субботу король обѣщалъ, что прикажетъ литовцамъ непремѣнно явиться въ засѣданіе сейма 28 февраля. Для засѣданія приготовлена краковскимъ епископомъ рѣчь, въ которой унія объявлялась какъ дѣло утвержденное старыми привилегіями, съ выраженіемъ изумленія, что литовцы отказываются отъ нея и съ просьбою къ королю въ этомъ самомъ засѣданіи подтвердить ее въ формѣ декларації, какъ дѣло

Digitized by Google

состоявшееся. Рѣчь разсмотрѣна и одобрена сенаторами и послами. Споръ возникъ было только о томъ, упоминать ли въ рѣчи о Волыни. Одни требовали упомянуть, замѣчая, что Волынь для Польши важнѣе самой Литвы; другіе совѣтовали не упоминать, чтобы Литва не догадалась, что Польша хочетъ взять себѣ Волынь. Положили не упоминать о Волыни и весь замыселъ держать въ секретѣ, чтобы не провѣдали о томъ литовцы. Въ понедѣльникъ польскіе сенаторы и послы рано собрались въ засѣданіе сейма. Литовцы не являлись. Отъ сейма послали напомнить королю субботнее обѣщаніе. Король отвѣчалъ, что уже два раза посылалъ за литовцами; пошлетъ въ третій разъ и затѣмъ поручилъ маршалу послать двухъ-трехъ польскихъ сенаторовъ къ важнѣйшимъ литовскимъ и каждаго отдѣльно просить прибыть въ засѣданіе сейма. Два польскіе сенатора поѣхали приглашать. Отъ Радзивилла получили отвѣтъ, что „къ королю радъ ѣхать, но ѣхать для дѣла уніи—уже поздно; нѣтъ другихъ литовскихъ сенаторовъ, къ польскимъ сенаторамъ не поѣдемъ“. Ходкевичъ отвѣчалъ: „къ королю поѣду, къ польскимъ сенаторамъ—нѣтъ“. Князь Острожскій отвѣчалъ: „*поѣдемъ*, но сегодня не можемъ собраться, потому что наши послы стоятъ по деревнямъ“. Но затѣмъ литовскіе сенаторы согласились прибыть въ замокъ завтра, 1 марта. Пока происходили эти разъѣзды и приглашенія, польскіе сенаторы и послы съ досадою ожидали вѣстей, тѣмъ болѣе, что, какъ стало извѣстно, еще въ воскресенье нѣкоторые литовскіе послы уѣхали, другіе собирались въ дорогу. Зарядъ, приготовленный на засѣданіе, приходилось отложить на завтра. Но безпокоились и литовскіе сенаторы. Въ бывшихъ приглашеніяхъ въ засѣданіе, по условію о секретѣ, имъ не объясняли, что именно будетъ въ засѣданіи. Они рѣшились еще сегодня узнать о томъ отъ короля и сенаторовъ и поѣхали въ замокъ. На мосту предъ замкомъ они встрѣтили двухъ польскихъ сенаторовъ, которые сказали, что польскій сенатъ уже разошелся, но болѣе ничего не объяснили. Это огорчило литовскихъ сенаторовъ, уже догадывавшихся о замыслѣ поляковъ. Они возвратились домой, но вечеромъ послѣ ужина литовскіе сенаторы еще разъ пріѣзжали къ королю, а именно Радзивиллъ, Ходкевичъ, Воловичъ. Тутъ они застали двухъ польскихъ сенаторовъ, бывшихъ у нихъ съ приглашеніемъ на засѣданіе и уже сказавшихъ королю, что литовцы будутъ въ замкѣ завтра. Литовцы просили короля

Digitized by Google

говорить съ ними не въ присутствіи польскихъ сенаторовъ. Король не согласился. Къ сожалѣнію, гордый Радзивиллъ въ такую критическую минуту повелъ рѣчь предъ королемъ о своемъ правѣ на первенство голоса въ сенатѣ предъ Слуцкимъ княземъ и вообще объ обидахъ дому Радзивилловъ. Воловичъ защищалъ права отсутствующаго Слуцкаго князя. Король отвѣчалъ Радзивиллу: „вѣдь завтра ваша милость будетъ въ сенатѣ и тамъ съ польскими сенаторами обсудится ваше дѣло. Но съ чѣмъ собственно теперь пріѣхали вы, гг. сенаторы?“ Радзивиллъ и Ходкевичъ высказали прежде всего сожалѣніе, что литовцевъ приглашали въ нынѣшнее засѣданіе чрезъ польскаго, а не литовскаго маршала, что однако же пріѣхавъ къ королю, какъ покорные слуги, они хотѣли бы знать, зачѣмъ звали ихъ въ засѣданіе, что до нихъ дошли слухи, будто въ засѣданіи предполагалось дѣлать какія-то деклараціи объ уніи, которыхъ они и слышать не хотятъ, и будто бы даже литовцевъ хотятъ забирать силою по домамъ и тащить въ засѣданіе. „Если бы дошло до того, прибавилъ смѣлый Ходкевичъ, то и мы будемъ защищаться силою въ своихъ домахъ“. Послѣдній слухъ король назвалъ ложнымъ, но о деклараціи промолчалъ, сказавъ только: „Богъ дастъ, устроится между вами дѣло такъ, что всѣ будемъ рады“. Такой отвѣтъ не могъ успокоить литовскихъ сенаторовъ, увидѣвшихъ, что король всецѣло въ стачкѣ съ поляками. Еще разъ напомнивъ королю о своихъ правахъ, о безцѣльности съѣзда при томъ положеніи, до какого дошло дѣло, они съ тяжелымъ чувствомъ ушли отъ него и одни ночью, другіе утромъ 1-го марта уѣхали изъ Люблина. Предъ отъѣздомъ они поручили литовскимъ подканцлеру Воловичу и подскарбію Нарушевичу извиниться за нихъ предъ королемъ, объясниться предъ польскими сенаторами о причинахъ отъѣзда.

Отъѣздъ съ сейма едва ли не былъ политическою ошибкою со стороны литовско-русскихъ представителей. Онъ оставлялъ дѣло уніи въ рукахъ поляковъ и возможность для нихъ вести его по частямъ давленіемъ на отдѣльныхъ лицъ, на отдѣльныя группы.

1 марта собрались въ своихъ палатахъ сенаторы и послы. Послѣднимъ сообщено отъ короля, что литовцы уѣхали и король сожалѣетъ о томъ. Послы единогласно постановили идти къ королю и сенаторамъ и первому напомнить его обязанности, а послѣднихъ проучить, чтобы въ присутствіи пословъ давали мнѣнія о томъ, что

Digitized by Google

дѣлать далѣе. Пошли въ сенатъ, куда прибылъ и король. Извѣстный уже намъ Сѣнинскій въ рѣчи къ королю и сенаторамъ, послѣ разнаго осужденія литовцевъ, просилъ не отдавать дѣла сейма на посмѣяніе и вести его до конца. Король чрезъ канцлера отвѣчалъ, что литовцы позволили себѣ неприличіе, уѣхали мятежническимъ образомъ, даже не попрощавшись, что, не смотря на это, онъ доведетъ унію до конца: „только вы, гг. сенаторы и послы, давайте совѣты мнѣ“. Сенаторы обѣщали дѣйствовать согласно съ послами и вскорѣ затѣмъ предложили пункты противъ отъѣхавшихъ литовцевъ о томъ, чтобы съ ними поступить какъ съ непокорными, какъ мятежниками, уничтожить всѣ старыя отдѣльныя литовскія привиллегіи, объявить королевскимъ указомъ принадлежащими Польшѣ Волынь и Подлѣсье и отнынѣ же всѣ дѣла ихъ вѣдать въ Польшѣ и по польскимъ законамъ, и за польскою печатью, тѣхъ волынцевъ и подлѣсянъ, которые покорятся указу освободить *отъ экзекуціи*, противящихся же лишить этой милости [1]), разослать по Литвѣ универсалъ о всемъ происходившемъ на сеймѣ, чтобы-де Литва не клеветала на сеймъ, пригласить находящихся еще въ Люблинѣ волынянъ и подлѣсянъ явиться въ засѣданіе; созвать на Волыни и Подлѣсьѣ сеймики, съ которыхъ должны прибыть на сеймъ тамошніе сенаторы и послы, старостъ и урядниковъ волынскихъ и подлѣскихъ обязать принесть присягу королю и королевству подъ опасеніемъ лишенія должностей и почестей; привлечь татаръ на сторону Польши, чтобы Литва не призвала ихъ противъ Польши, назначить гетмана и обезопасить границы; обдумать мѣры къ безопасности короля, когда онъ поѣдетъ въ Литву, а также средства къ удержанію его здѣсь на сеймѣ (т. е. къ содержанію его). Съ своей стороны король, какъ будто запуганный, свидѣтельствовался Богомъ, что онъ прилагалъ все усердіе къ дѣлу уніи, обѣщалъ исполнить все, что ему предлагаютъ и еще посовѣтуютъ и ничего не пощадить, чтобы безъ всякаго послабленія привесть унію до конца. Онъ объявилъ затѣмъ, что отдаетъ Польшѣ Волынь и Подлѣсье, что и теперь вторично даритъ ей свое Литовское княжество, даже свои частныя имѣнія въ Литвѣ, какъ наслѣдственныя, такъ и благопріобрѣтен-

---

[1]) О значеніи экзекуціи мы упоминали въ замѣткѣ о Петриковскомъ сеймѣ 1562—3 гг.

Digitized by Google

ныя, сохраняя ихъ только лично и пожизненно при себѣ, просилъ только помнить о его потомствѣ и выражалъ надежду, что поляки будутъ ему за все это благодарны. Такъ сурово ставилось дѣло литовское въ свободолюбивой Польшѣ. Но замѣчательно, что эти пункты показались то въ томъ, то въ другомъ отношеніи, недостаточными при обсужденіи ихъ въ польскомъ собраніи 2 марта. Нѣкоторые изъ пословъ, представителей шляхетской демократіи требовали болѣе суровыхъ и рѣшительныхъ мѣръ; особенно Сѣнинскій, выразившись о литовцахъ, что „эти лицемѣрные друзья хуже для насъ самыхъ открытыхъ враговъ“, а по поводу предложенія благодарить короля за согласіе на сенатскіе пункты и за его обѣщанія замѣтилъ, что пока не за что благодарить короля, ибо онъ возвращаетъ Польшѣ лишь то, что ей принадлежало, да и самое дѣло уніи еще не кончено. Принято однакоже благодарить, но съ этою благодарностію послы 3 марта представили королю свои пункты противъ литовцевъ, гдѣ сверхъ сенатскихъ пунктовъ, предлагается между прочимъ, еще потребовать отъ короля указа *контумаціи* [1]) на литовцевъ, привесть унію къ концу въ *тотъ* или *безъ тоги*, т. е. силою закона или мечемъ и стараться между Польшей и Литвою вопросы объ уніи порѣшить указомъ о ней короля въ пользу Польши; увеличить льготы волынянамъ и подлѣсянамъ для привлеченія ихъ къ уніи, принять болѣе рѣшительныя мѣры къ военной охранѣ въ Литвѣ не только короля, но и тѣхъ литовцевъ, которые согласятся на унію. Король чрезъ канцлера далъ отвѣты, согласные съ мнѣніями пословъ и только чрезъ епископа краковскаго уговаривалъ не настаивать на нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напр., не требовать указа о приведеніи уніи въ дѣйствіе силою королевской власти и указа о контумаціи, а подумать о средствахъ, т. е. деньгахъ нужныхъ для дѣла, когда бы королю пришлось ѣхать въ Литву приводить унію въ дѣйствіе.

Съ слѣдующаго дня 4 марта обсуждались или принимались мѣры къ осуществленію упомянутыхъ пунктовъ. По вопросу о средствахъ на войско, нужное для охраны короля на случай поѣздки

---

[1]) Контумаціею называлось заочное постановленіе противъ лицъ *непокорныхъ*, *мятежныхъ*, неявившихся на судъ или для извѣстнаго дѣла, или самовольно уклонившихся отъ него до окончанія суда и дѣла.

Digitized by Google

его въ Литву и вообще войны съ Литвою, одни соглашались *на экзекуцію* [1]), другіе устранялись отъ нея, говоря, что она неразлучна съ дѣломъ уніи, которая еще не существуетъ и можетъ даже погибнуть и предлагали „посполитое рушенье“, а иные налегали на средства самаго короля. Согласно порѣшили только вопросъ о скорѣйшемъ исполненіи пункта о присоединеніи Подлѣсья и Волыни, начавъ съ Подлѣсья. 5 марта дѣйствительно состоялось *присоединеніе Подлѣсья*. Съ подлѣсянъ начали, конечно, потому что они были слабѣе числомъ и силою, имѣли при томъ какіе-то счеты съ литовцами, какъ будто тяготились ихъ преобладаніемъ и соблазнялись вольностями сосѣдней польской шляхты [2]). Просьбу или вѣрнѣе постановленіе о присоединеніи Подлѣсья приносятъ королю именно послы во главѣ съ маршаломъ Чарнковскимъ. Король, уже впрочемъ рѣшившій для себя этотъ вопросъ, спросилъ только, согласны ли послы принять подъ свою защиту подлѣсянъ, которымъ, по ихъ словамъ, угрожаютъ литовцы? Послы, посовѣщавшись въ своей палатѣ, заявили готовность защищать подлѣсянъ, какъ братій, не щадя имущества и жизни. Отъ короля дано подлѣсянамъ приказаніе явиться въ засѣданіе сейма. Нашлось ихъ въ Люблинѣ всего *три*: Косинскій, подлѣскій маршалъ и писарь дрогичинскій, Буйно, дрогичинскій хорунжій и подстароста брянскій и Касперъ Ижиковичь, дрогичинскій и мельницкій подкоморій. Прочіе уѣхали всѣ, бѣжа отъ присоединенія. Уѣхалъ было и Ижиковичь, но его догнали и воротили. Предъ этими-то тремя подлѣсянами, между коими не было ни одного сенатора, вообще знатнаго, говорились пышныя рѣчи, изъ коихъ рѣчь Чарнковскаго начиналась словами: „сей день, его же сотвори Господь“! Въ рѣчахъ объявлялось о присоединеніи, обѣщалась защита, а въ частныхъ разговорахъ утѣшали подлѣсянъ и другими обѣщаніями, особенно свободою отъ экзекуцій. Въ то же время назначено отъ короля содержаніе этимъ подлѣсянамъ на время пребыванія ихъ

---

[1]) Здѣсь разумѣлась въ частности та статья изъ постановленій объ экзекуціи, по которой предполагался сборъ четвертой части доходовъ съ королевскихъ имѣній, пожалованныхъ отдѣльнымъ лицамъ, съ обращеніемъ сбора на военныя издержки.

[2]) Жалобы подлѣсянъ на притѣсненіе отъ литовскихъ пановъ упоминаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ „Дневника“. (Стр. 180, 182, 184, 186—7, 274).

Digitized by Google

въ Люблинѣ, такъ какъ они, выступивъ изъ данныхъ имъ избирателями полномочій, уже не могли получать содержаніе отъ нихъ. Эти-то три подлѣсянина согласились засѣсть въ польскомъ сеймѣ, признавая тѣмъ присоединеніе, о которомъ между тѣмъ уже готовъ былъ королевскій универсалъ, готова и привиллегія на присоединеніе, еще ими и не читанныя. По просьбѣ подлѣсянъ читана была копія универсала о присоединеніи Подлѣсья, въ послѣдующихъ засѣданіяхъ копія привиллегіи. Привиллегія и универсалъ еще не одинъ разъ разсматривались, редактировались въ послѣдующихъ засѣданіяхъ уже при участіи и подлѣсянъ прежнихъ и вновь прибывшихъ, которые все-таки домогались удержать нѣкоторую независимость отъ поляковъ и ихъ сейма, требуя напр., чтобы должности въ Подлѣсьѣ давались только подлѣсянамъ, и чтобы апелляціи отъ судовъ шли не къ сейму, а къ королю, на что польскіе послы не согласились. Привиллегія, хотя и позже получившая окончательную редакцію, датована была однако же отъ 5-го марта когда признано состоявшимся присоединеніе Подлѣсья. Въ привиллегіи говорится, что подлѣская земля принадлежала Польшѣ извѣчно еще до Ягайлы, при немъ и при Владиславѣ Варненскомъ, но что Казиміръ Ягайловичь, потому что одинъ властвовалъ надъ Польшей и Литвой, оторвалъ Подлѣсье отъ польской Мазовіи, хотя польскіе чины противились тому и потомъ всегда домогались отъ государей возвратить ее Польшѣ. Теперь по волѣ сейма и по волѣ *пословъ отъ всѣхъ чиновъ Подлѣской земли* король возвращаетъ ее къ Польшѣ, какъ членъ къ своему настоящему тѣлу и истинной главѣ [1]). Являя милость свою возвращаемой землѣ, король освобождаетъ ее отъ разныхъ податей, поборовъ, таможенныхъ пошлинъ и проч., приравнивая въ этомъ подлѣсянъ къ другимъ обывателямъ польской короны, освобождаетъ даже отъ постановленій объ экзекуціи, обезпечиваетъ для подлѣсянъ всѣ поземельныя наданья, владѣнія, имѣнія, права осѣдлости, всѣ привиллегіи и проч., установляетъ земскіе суды съ апелляціей къ вольному сейму коронному и къ великимъ судамъ воеводскимъ, имѣющимъ отправ-

[1]) Выраженіе отъ всѣхъ чиновъ Подлѣсской земли также лживо, какъ и увѣреніе о былой принадлежности Подлѣсья къ польской Мазовіи. Ни одинъ изъ высшихъ чиновъ Подлѣсской земли еще не принималъ уніи и не присягалъ на нее.

Digitized by Google

ляться ежегодно; сенаторамъ и посламъ подлѣскимъ даетъ мѣсто на сеймахъ; всѣ должности въ землѣ Подлѣской обѣщаетъ давать природнымъ подлѣсянамъ и вообще не уменьшать этихъ должностей и почестей, а прибавлять. Всѣмъ сановникамъ, чинамъ и старостамъ Подлѣской земли приказывается поэтому въ назначенные дни явиться предъ королемъ для принесенія присяги коронѣ польской, а подстаростамъ учинить присягу на мѣстѣ, подъ угрозою отнятія должностей и отдачи ихъ другимъ. Послѣ съ 5 марта подготовлялось принесеніе присяги подлѣсянами польской коронѣ. Естественно было начать съ подлѣсянскихъ пословъ и должностныхъ лицъ, которыхъ легче было принудить къ тому угрозою отнятія должностей. Польскіе послы не переставали напоминать о томъ королю и по его приказанію подлѣсяне 9 марта явились на сеймъ и вошли въ собраніе посольской палаты. Ихъ было всего пять: упомянутые уже Косинскій, Буйно, Ижиковичъ, Матишекъ писарь и староста мельницкій, и Дульскій, староста журавскій и брянскій. Не сразу согласились они на присягу. Отъ имени товарищей Косинскій просилъ польскихъ пословъ *не принуждать* ихъ къ присягѣ, пока имъ не будетъ обезпечена защита и свобода, потому что, говорилъ онъ, „наша жизнь и наши имѣнія въ опасности отъ литовскихъ сенаторовъ“. Отъ имени польскихъ пословъ маршалъ ихъ Чарнковскій витіевато увѣрялъ подлѣсянъ, что „никто никогда не ошибался въ польскомъ народѣ, который со славою всегда защищалъ свои земли и своихъ братьевъ. Если бы кто замышлялъ противъ васъ коварство, то мы будемъ защищать васъ нашею кровью и нашимъ достояніемъ“. Затѣмъ всѣ пошли наверхъ въ сенатскую залу, гдѣ былъ и король. Онъ повторилъ подлѣсянамъ увѣреніе въ защитѣ ихъ, и началась присяга. Безъ отговорокъ присягнули только Косинскій и Буйно. Ижиковичъ, тотъ самый, который хотѣлъ было убѣжать 5 марта, но вороченъ съ дороги, сталъ и теперь отговариваться отъ присяги, пока не пріѣдутъ другіе подлѣсяне, но, замѣчается въ „Дневникѣ“ сейма, „отговорка не помогла, ему *приказано* было присягать, и онъ присягнулъ“. Присягали на евангеліи, на которое положенъ былъ крестъ гнѣзненскаго архіепископа съ цѣпочкой. Еще долѣе сопротивлялся Матишекъ. Въ сильной и умной рѣчи къ королю онъ напоминалъ королю свою вѣрную службу и присягу, которую онъ уже приносилъ ему

Digitized by Google

какъ литовскому государю и своему литовскому государству и притомъ дважды, разъ вступая въ должность писаря, другой разъ, принимая староство: новую присягу онъ считалъ оскорбленіемъ совѣсти, ссылался на то, что онъ не принадлежитъ къ посламъ, которые обязаны присягать, и держитъ только мельницкое староство, за которое далъ королю не малую сумму денегъ, когда годъ тому назадъ король ѣздилъ къ войскамъ и т. д. именемъ Бога умолялъ Матишекъ не принуждать его къ присягѣ. Тогда польскій маршалъ Чарнковскій въ рѣчи къ королю гордо заявилъ, что „намъ важна не личность г. Матишка, если онъ не хочетъ быть съ нами за одно, но на его мѣсто долженъ быть другой староста". Посовѣщавшись съ сенаторами, король сказалъ Матишку, что оставляетъ его при его совѣсти и не нудитъ къ присягѣ, но отниметъ у него староство. Матишекъ сталъ опять просить, но канцлеръ Дембинскій не давалъ ему говорить, сказавъ: „пойдешь ли ты?" и въ другой разъ: „иди же!" Матишекъ рѣшился лучше принести присягу и остаться при староствѣ. Послѣ этого изъявилъ готовность принести присягу и Дульскій. Дѣло съ присягой Ижиковскаго и Матишка весьма выразительно для характеристики всего дѣла уніи на Люблинскомъ сеймѣ. Принужденіе, угрозы лишенія должностей и имѣній—вотъ главные или болѣе сильные способы, которыми велось это дѣло съ начала до конца. Еще интереснѣе дѣло съ присягой Евстафія Воловича. Это былъ видный сановникъ, много лѣтъ бывшій при королѣ литовскимъ писаремъ, а теперь подканцлеромъ литовскимъ. Послѣ уѣзда литовскихъ сенаторовъ, онъ остался въ Люблинѣ, какъ по своей должности, такъ особенно для того, чтобы слѣдить за ходомъ дѣла объ уніи и предупреждать литовцевъ. Онъ же считался подлѣсяниномъ, какъ владѣлецъ большихъ имѣній въ Подлѣсьѣ. Польскіе послы уже въ прежнихъ засѣданіяхъ не разъ заговаривали о томъ, чтобы привлечь къ присягѣ и Воловича. Теперь, когда добились присяги отъ нѣсколькихъ подлѣсянъ, взялись и за Воловича. Взялись именно польскіе послы, тогда какъ сенаторы, впереди ихъ епископъ краковскій и самъ король, готовы были не принуждать Воловича къ присягѣ, но наконецъ уступили посламъ. Воловичъ имѣлъ три помѣстья Ломазы, Воинъ и Ходевцы, которыя принадлежали брестскому староству. Поляки со-

Digitized by Google

чли ихъ принадлежащими къ Подлѣсью, теперь уже присоединенному къ Польшѣ и на этомъ основали свое требованіе присяги отъ Воловича. Къ дѣлу приступлено на слѣдующій день 10 марта въ общемъ собраніи сейма. Прежде всего канцлеръ отъ имени короля убѣждалъ пословъ держать себя хорошо во время переговоровъ съ Воловичемъ и оказывать уваженіе къ такому важному литовскому сановнику. Послы обѣщали. Воловичъ, бывшій уже въ королевской залѣ, именемъ короля позванъ въ собраніе, и ему объявляется воля короля о принесеніи присяги. Воловичъ отвѣчалъ, что онъ уже два раза присягалъ королю и всегда служилъ ему вѣрно, присягалъ въ частности и какъ владѣлецъ указанныхъ имѣній. Ему отвѣчали, что имѣнія эти теперь, какъ было будто-бы и всегда, принадлежатъ Польшѣ и присяга требуется отъ него именно, какъ владѣльца этихъ имѣній. Воловичъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью къ королю: „свѣтлѣйшій, милостивый король! Всегда я остерегался, чтобы вы, мой государь, *не входили въ судъ со мною*. Я вовсе не пришелъ сюда на судъ и не можетъ здѣсь быть произнесенъ надо мною никакой приговоръ. Пришелъ я сюда потому, что вы, ваше величество, Божій помазанникъ, такъ приказали. Какъ вѣрноподданный, я обязанъ былъ исполнить вашу волю и явиться сюда. Слышу, что здѣсь упоминаютъ землю подлѣскую. Въ этой землѣ мнѣ даны староства по особенной милости вашего величества за честную службу мою, за то, что я отразилъ жестокаго врага вашего. Прошу ваше величество не входить со мною въ судъ, потому что я не призванъ сюда на судъ именемъ закона. Прошу васъ, помазанникъ Божій, отпустить меня отсюда съ доброю мыслію. Что же касается Подлѣсья, то прошу, ваше величество, оставить открытымъ другое ухо тому государству (т. е. литовскому) и дать мнѣ время извѣстить о томъ другихъ моихъ братьевъ. Нужно еще удостовѣриться, принадлежатъ ли тѣ земли къ Подлѣсью и къ польскому королевству, ибо доселѣ мы этого не знали“. Въ рѣчи своей Воловичъ защищалъ и отъѣздъ литовцевъ. Воловичу отвѣчали дѣйствительно вѣжливо, но завѣжливыми отвѣтами канцлеръ отъ имени короля объявилъ ему, что въ случаѣ несогласія на присягу подлѣскія староства будутъ отняты у него и отданы другимъ. Воловичъ отказался принести присягу. Дѣломъ подлѣсянъ и Воловича занимались и въ слѣдующихъ собраніяхъ. Послы не одинъ разъ

Digitized by Google

напоминали королю, чтобы отнялъ у Воловича подлѣскія староства, запретилъ ему, какъ литовскому подканцлеру, употреблять литовскую печать по дѣламъ Подлѣсья и вообще изъять дѣла Подлѣсья и Волыни изъ литовской канцеляріи. Это и дѣлалось исподоволь. Малодушные страхи присягнувшихъ на унію подлѣсянъ, просившихъ защиты отъ грозившихъ будто бы имъ литовскихъ сенаторовъ, и затѣмъ слухи о грамотахъ литовскихъ сенаторовъ на Волынь и Подлѣсье съ призывомъ къ войнѣ ускорили изданіе королевскаго универсала отъ 12 ч. на Подлѣсье и Волынь. Здѣсь послѣ порицанія прежняго отъѣзда съ сейма, подлѣсяне призывались явиться на него опять къ воскресенью пятой недѣли поста для принесенія присяги подъ угрозою сенаторамъ лишенія сенаторствъ, старостамъ— староствъ и т. д. Между тѣмъ выправлялась привилегія о присоединеніи Подлѣсья, обсуждались мѣры защиты подлѣсянъ, которые продолжали высказываться съ своими страхами въ такой мѣрѣ, что пѣкто Гинга, лосицкій староста изъ Подлѣсья просилъ защиты отъ могущаго угрожать ему сосѣда по-имѣнію Ходкевича, и только подъ этимъ условіемъ соглашался принесть присягу; привлекались между тѣмъ прибывавшіе по призыву короля подлѣсяне, о несогласныхъ на присягу послы продолжали настаивать, чтобы король отнималъ у нихъ должности и имѣнія. Къ 27 марта подлѣское дѣло значительно подвинулось, окончательно принята привилегія на присоединеніе, объявлены присоединенными, будто бы по собственной просьбѣ, подлѣскіе города Бѣльскъ и Брянскъ, но все еще не всѣ подлѣсяне прибыли на сеймъ ни къ этому сроку, ни къ 3-му апрѣля, такъ что о мѣрахъ противъ нихъ разсуждали еще и потомъ.

Когда съ первыхъ дней марта принялись за присоединеніе Подлѣсья, то предполагали одновременно вести дѣло и о присоединеніи Волыни. Надѣялись особенно на кіевскаго воеводу Константина Острожскаго, который не уѣхалъ въ слѣдъ за литовскими сенаторами и оставался въ Люблинѣ еще нѣсколько дней. Какъ маршалъ волынскій и староста владимірскій, какъ первый вельможа своего края, онъ естественно долженъ былъ имѣть первенствующую роль въ вопросѣ о Волыни. Послѣ объявленія извѣстныхъ намъ пунктовъ объ уніи и противъ литовцевъ (1 и 2 марта), король приглашалъ Острожскаго въ засѣданіе польскаго сената. Князь отвѣтилъ: „для уніи идти въ сенатъ не имѣю власти, но

Digitized by Google

самъ лично, какъ покорный подданный, буду". Но 4 марта прислалъ королю извѣстіе, что не можетъ быть по болѣзни, потому что его схватила лихорадка. Тогда же открылось, что въ Люблинѣ не осталось ни одного посла изъ Волыни; всѣ уѣхали. 6 марта уѣхалъ и Острожскій, написавъ маршалу королевства, что уѣзжаетъ по настоятельной надобности, но уѣзжаетъ недалеко—къ Тарнову, и если его величество дастъ ему знать, чтобы пріѣхалъ, то онъ пріѣдетъ непремѣнно. Король сообщилъ о томъ посламъ. Тѣмъ не менѣе въ общемъ собраніи сейма 7 марта послы выразились предъ королемъ: „великое безпокойство возбуждаетъ въ насъ отъѣздъ воеводы кіевскаго, самаго великаго сановника волынскаго". Дѣлались, какъ кажется, намеки, чтобы послать за нимъ. Но изъ среды сената всталъ и обратился къ королю каштелянъ краковскій Мѣлецкій: „свѣтлѣйшій, милостивый король! Г. воевода кіевскій уѣхалъ не по другой какой-либо причинѣ, а потому, что нездоровъ, но онъ на все согласится, исполнитъ свою обязанность и пріѣдетъ, когда вашему величеству угодно будетъ извѣстить его. Онъ будетъ въ Тарновѣ, не дальше". Это было личнымъ со стороны Мѣлецкаго увѣреніемъ о томъ, что писалъ Острожскій маршалу. Вѣроятно, была доля правда и въ томъ добавочномъ увѣреніи, что Острожскій „согласится на все". Неявка въ сенатъ, а потомъ отъѣздъ Острожскаго, отъѣздъ и всѣхъ волынянъ, заставили сеймъ, думавшій одновременно вести дѣло о присоединеніи Подлѣсья и Волыни, налечь прежде на Подлѣсье. Но не оставлялась и Волынь. 12 марта, когда изданъ былъ универсалъ о Подлѣсьѣ, изданъ былъ универсалъ и о Волыни, призывавшій волынцевъ на сеймъ къ вербному воскресенію 3 апрѣля. Затѣмъ въ видѣ подготовки дѣла присоединенія Волыни, сеймъ въ разныхъ засѣданіяхъ слѣдующихъ дней обсуждалъ проектъ привиллегіи на присоединеніе Волыни, мѣры о защитѣ ея, какъ и Подлѣсья отъ литовцевъ и т. д. Все это дѣлалось безъ волынянъ, которые въ частности и не думали просить о защитѣ ихъ отъ Литвы, которой имъ не приходилось бояться столько, сколько боялись, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ подлѣсянъ. Что обдумывали и что дѣлали волынцы послѣ универсала 12 марта въ виду призыва на съѣздъ къ 3 апрѣля, съѣзжались ли они на сеймики и совѣщанія, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Но было о чемъ думать имъ. Универ-

Digitized by Google

салъ за непріѣздъ на сеймъ грозилъ лишеніемъ должностей и имѣній. Ниже увидимъ, что и эта угроза не сразу подѣйствовала на волынцевъ.

Между тѣмъ на ряду съ дѣлами Подлѣсья и Волыни поставлено на сеймѣ и дѣло Пруссіи, сенаторамъ и посламъ которой также приказано было явиться на сеймъ. Тѣ и другіе весьма не охотно собирались на сеймъ, прибыли поздно — около 10 марта и не хотѣли идти на засѣданія сейма. Послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ съ поляками и угрозъ со стороны короля лишеніемъ должностей, прусскіе сенаторы согласились засѣдать съ поляками. Долѣе упирались прусскіе послы отъ земянъ и городовъ. Польскіе послы много разъ и безплодно задавались вопросомъ: что дѣлать съ ними? безплодно напоминали и королю о мѣрахъ къ принужденію ихъ явиться въ засѣданіе, и такъ протянулось это дѣло до 4 апрѣля, когда король объявилъ, что не находитъ другой мѣры противъ прусскихъ пословъ кромѣ той, что они обязаны будутъ принять все то, что и безъ нихъ польскій сеймъ постановитъ относительно Пруссіи.

Съ большою озабоченностью шли совѣщанія о самой Литвѣ. Мы видѣли, что послѣ отъѣзда литовскихъ сенаторовъ и пословъ съ сейма, составлены были пункты противъ литовцевъ и болѣе горячіе изъ польскихъ пословъ предлагали самыя рѣшительныя мѣры. Король и сенаторы продолжали удерживаться и удерживать отъ этихъ мѣръ, которымъ впрочемъ противились и болѣе благоразумные изъ пословъ. Поводомъ къ новой досадѣ на литовцевъ среди пословъ было и то, что одинъ изъ знатнѣйшихъ литовскихъ сенаторовъ, воевода троцкій, князь Стефанъ Збаражскій, остававшійся, подобно Острожскому, въ Люблинѣ по отъѣздѣ прочихъ, также уѣхалъ,—и кажется въ одинъ день съ Острожскимъ 6 марта. Этотъ отъѣздъ, по всей вѣроятности, вызванъ былъ совершившимся 5 марта актомъ присоединенія Подлѣсья, хотя и комичнымъ, но достаточно обнаруживавшимъ замыслы сейма. Король успокоивалъ пословъ, что Збаражскій обѣщалъ пріѣхать, когда будетъ позванъ; увѣрялъ, что пріѣдетъ Ходкевичъ, которому послы готовы были устроить непріятность по поводу дѣла его съ виленскимъ воеводичемъ Глѣбовичемъ [1]). Тѣмъ не менѣе ни Зба-

[1]) О дѣлѣ Глѣбовича—ниже.

Digitized by Google

ражскій, ни Ходкевичъ, ни кто другой изъ Литвы не пріѣхалъ. Оставались только Глѣбовичъ по своему дѣлу съ Ходкевичемъ, подканцлеръ Воловичъ и подскарбій Нарушевичъ, а съ ними секретари литовской канцеляріи Гарабурда и Война [1]). Съ 11 марта до 5 апрѣля отдѣльныя совѣщанія относительно Литвы сосредоточивались на слѣдующихъ предметахъ. Въ сенатѣ, на тайныхъ совѣщаніяхъ его съ королемъ, обсуждались общая привиллегія на унію и способы къ ея осуществленію. Послы нѣкоторое время совсѣмъ отказывались отъ обсужденія привиллегіи, настаивая въ замѣнъ этого на разныхъ прямыхъ мѣрахъ практическаго свойства и, большею частью, насильственнаго характера, какъ то на мѣрахъ противъ Воловича, который своимъ отказомъ отъ подлѣской присяги вредитъ, какъ литовскій подканцлеръ, и литовской уніи, объ отнятіи у послѣдняго литовской печати подѣламъ Подлѣсья и Волыни, объ изъятіи литовской монеты изъ употребленія и т. под. Но наконецъ согласились и послы просматривать привиллегіи на литовскую унію и этотъ пересмотръ сопровождался сердитыми спорами, такъ что много разъ выправляемая привиллегія не была, какъ кажется, рѣшительно редактирована до 5 апрѣля, а нѣкоторые послы, какъ краковскіе, продолжали говорить противъ всякой новой привиллегіи, требуя властнаго объявленія уніи на основаніи старыхъ привиллегій и Варшавскаго сейма. За то были выработаны и приняты оповѣстительныя грамоты (litterae significatoriales) о дѣлахъ уніи на сеймѣ для разсылки въ Литву, чтобы уѣхавшіе литовцы не клеветали на сеймъ. Принята къ концу марта также долго вырабатывавшаяся „контумаціонная“ грамота противъ литовцевъ на случай несогласія ихъ на унію. Рядомъ съ этимъ обсуждались средства на случай военныхъ дѣйствій противъ Литвы, при чемъ болѣе горячіе изъ пословъ настаивали на „посполитомъ рушеніи“. Но вообще обсужденіе военныхъ дѣйствій противъ Литвы шло весьма туго, вслѣдствіе пререканій о существующихъ средствахъ и ис-

---

[1]) По поводу отъѣзда литовцевъ изъ Люблина 1 марта, составлена была эпиграмма: Литовцы заключили съ нами хорошую унію!
Убѣжали оставивъ Гарабурду и Войну.
Эпиграмма означала: вмѣсто уніи оставили смятеніе (гарабурду) и войну. См. предисловіе къ изданію „Дневника“ сейма г. Кояловича. Стр. II.

Digitized by Google

точникахъ, нежеланія пановъ подвергнуться новымъ платежамъ, такъ что въ концѣ всего тяжесть сбора на войну возложена на населеніе въ видѣ налога, по 20 грошей съ лана. Среди этихъ совѣщаній и пререканій не одинъ разъ говорились увѣрительныя слова и о королѣ, неумѣющемъ своими средствами и своею властію вести дѣло уніи, такъ что сенаторомъ, особенно краковскому епископу, не одинъ разъ приходилось защищать короля и успокаивать пословъ, что король, уже присоединившій Подлѣсье и Волынь, столько сдѣлавши вообще для уніи, доведетъ это дѣло до конца. Толки о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Литвы поджигались въ частности дѣломъ подлѣскимъ и волынскимъ. Какъ мы видѣли, подлѣсяне, т. е. тѣ очень немногіе изъ нихъ, которые оставались въ Люблинѣ и приняли унію, просили защиты отъ литовцевъ, потомъ спрашивали и о томъ, что дѣлать имъ по поводу грамотъ, разсылаемыхъ литовцами по Подлѣсью съ призывомъ собираться на войну. Объ этихъ грамотахъ въ собраніи 12 марта упоминалъ въ рѣчи къ королю и посолъ польскій, калишскій судья Потворовскій, выражаясь, что литовскіе сенаторы разсылаютъ грамоты въ Подлѣсье и Волынь съ приказаніемъ, чтобы жители этихъ областей, подъ опасеніемъ потери имѣній, шли на войну. Грамоты эти неизвѣстны, но, безъ сомнѣнія, онѣ существовали и составлены были на какомъ либо изъ совѣщаній литовскихъ сенаторовъ въ Вильнѣ. Эти грамоты были ошибкою въ томъ смыслѣ, что едва-ли литовскіе сенаторы могли надѣяться, что ихъ послушаютъ на Подлѣсьѣ и Волыни. Грамоты эти только ускорили изданіе королевскаго универсала, призывавшаго подлѣсянъ и волынцевъ на сеймъ для довершенія дѣла уніи. Для такихъ лицъ, какъ напр., князь Острожскій, грамоты отъ Радзивилла и Ходкевича и проч. теряли силу послѣ королевскаго универсала. А угроза литовскихъ сенаторскихъ грамотъ лишать имѣній тѣхъ, кто ихъ не послушается, была уже слишкомъ смѣлою и сама собой подрывала силу этихъ грамотъ и не для такихъ лицъ, какъ Острожскій. Словомъ, послѣ искуснаго маневра польскаго сейма, взявшаго присоединить сперва Подлѣсье, Волынь и Пруссію и тѣмъ обезсилить Литву, угрожаемую съ другой стороны возможностію войны съ Москвой, Литвѣ ничего болѣе не оставалось какъ явиться на сеймъ и здѣсь еще разъ лично от-

Digitized by Google

стаивать свое дѣло, свою независимость. Нѣкоторая надежда оставалась литовцамъ на Волынь, присоединеніе которой, хотя и объявлено въ королевскомъ универсалѣ, но двигалось далеко не такъ, какъ присоединеніе Подлѣсья, ибо изъ волынцевъ никто еще не присягалъ на унію, никто еще не пріѣзжалъ на сеймъ въ виду назначеннаго королемъ и уже приближавшагося срока для пріѣзда 3 апрѣля. Евстафій Воловичь, уже лишенный подлѣсскихъ староствъ, но не упадавшій духомъ въ противодѣйствіи уніи, напрягалъ усилія удержать волынцевъ отъ пріѣзда на сеймъ и не задолго до 30 апрѣля разсылалъ грамоты по Волыни, убѣждая не ѣхать на сеймъ. Не столько, вѣроятно въ силу этихъ грамотъ Воловича, сколько по собственной волѣ волынцы не охотно собирались на сеймъ, но все таки къ 3 апрѣля стали нѣкоторые съѣзжаться, а также и подлѣсяне, еще не принявшіе присяги. Нельзя было отсутствовать и литовцамъ въ такой критической моментъ и къ 3 апрѣля послы отъ нихъ дѣйствительно явились на сеймъ, и дѣло уніи оживилось.

Въ засѣданіяхъ съ 4 апрѣля предполагалось начать собственно съ присоединенія Волыни, довершая и присоединеніе Подлѣсья. Немногіе изъ волынцевъ и подлѣсянъ пріѣхали къ вербному воскресенью 5 апрѣля. Не пріѣхавшіе прислали письма къ королю, въ которыхъ одни извинялись болѣзнію, а другіе тѣмъ, что къ грамотамъ, призывавшимъ на сеймъ, приложена необычная печать (польская, а не литовская), но при этомъ объясненіи также ссылались на болѣзнь. Такія письма получены между прочимъ отъ луцкаго р.-католическаго епископа Викторина Вирбицкаго, отъ волынскаго воеводы, отъ подлѣскаго воеводы Костецкаго, отъ бѣльскаго кастелляна, отъ кіевскаго воеводы князя Острожскаго, который, впрочемъ, ссылаясь на болѣзнь, прибавлялъ, что какъ только выздоровѣетъ, то исполнитъ все, что прикажетъ король. Эти письма были королемъ сообщены посламъ сейма. Они требовали строгихъ мѣръ противъ не пріѣхавшихъ, а король объявилъ, что не пріѣхавшихъ по болѣзни привлечетъ къ присягѣ на унію чрезъ депутатовъ, которыхъ пошлетъ въ ихъ области, а ссылающихся на необычную печать лишитъ должностей почетныхъ и служебныхъ. Послы удовольствовались этимъ, но прибавили, чтобы еще разъ посланы были призывныя грамоты на Волынь и Подлѣсье,

Digitized by Google

а относительно нѣкоторыхъ не пріѣхавшихъ немедленно же приняты были строгія мѣры, особенно противъ луцкаго р.-католическаго епископа, тѣмъ болѣе, что онъ русскій, и даже письма писалъ къ королю по русски, а не по польски и не по латыни. Снисхожденіе они совѣтовали только по отношенію къ князю Острожскому, который обѣщалъ, что какъ выздоровѣетъ, то пріѣдетъ и исполнитъ все, что прикажетъ король. Бывшій на сеймѣ владѣлецъ имѣній на Волыни Сѣрадскій воевода Альбертъ Ласскій, родомъ полякъ, объявилъ свое присоединеніе къ Польшѣ, чѣмъ какъ бы начиналось присоединеніе Волыни [1]).

Въ слѣдующее засѣданіе 5 апрѣля явилось только что прибывшее литовское посольство: Ходкевичь, жмудскій староста, витебскій кастеллянъ Пацъ, литовскій крайчій Радзивиллъ и Кишка литовскій подчашій, къ которымъ присоединился и Воловичь. Король не хотѣлъ быть въ общемъ собраніи сейма при справленіи литовцами своего посольства. Въ длинной рѣчи, читанной по тетрадкѣ Ходкевичемъ, литовцы горько жалуются на объявленіе королевскими универсалами присоединенія, безъ ихъ вѣдома, Подлѣсья и Волыни къ Польшѣ, по поводу обвиненія ихъ за отъѣздъ съ сейма, оправдываютъ свой отъѣздъ съ сейма, напоминая, что они дѣйствовали на сеймѣ согласно данному имъ отъ братій порученію вести дѣло уніи не на основаніи старыхъ привиллегій, а на основаніи братской любви, что видя другой образъ дѣйствій поляковъ, они не могли выступить изъ своихъ полномочій и должны были уѣхать, уѣхали впрочемъ не безъ вѣдома короля, желали дать чрезъ уполномоченныхъ послѣднія объясненія о причинѣ отъѣзда, но лишены были возможности на это, что теперь, посовѣщавшись между собою, они чрезъ свое посольство заявляютъ, что Подлѣсье и Волынь присоединены несправедливо, потому что они всегда принадлежали къ Литвѣ, а не Польшѣ; они просятъ отмѣнить универсалы о Подлѣсьѣ и Волыни и вести дѣло уніи не по частямъ съ тою

---

[1]) Этотъ Альбертъ Ласскій былъ съ 1564 г. женатъ на Беатѣ Костелецкой вдовѣ посла Иліи Константиновича Острожскаго, матери несчастной Елисаветы Острожской. Женился онъ на уже довольно пожилой Беатѣ изъ разсчета и завладѣлъ доставшимся ей послѣ Иліи имѣніемъ съ м. Янушполемъ, которое удержалъ и послѣ того, какъ заточилъ неуживчивую Беату въ своемъ венгерскомъ замкѣ Кезмаркѣ. Так. обр. браки поляковъ съ русскими пригодились полякамъ и на Люблинскомъ съѣздѣ.

Digitized by Google

или другою областью, а съ цѣлою страною, указываютъ и на то, что отторженіе отъ Литвы цѣлыхъ областей ставитъ ее въ новую опасность отъ страшнаго непріятеля московскаго, который можетъ стать смѣлѣе на захватъ другихъ областей ея, что если когда, то теперь, когда литовцы ведутъ войну съ страшнымъ непріятелемъ, полякамъ слѣдуетъ показать любовь и братство давнимъ союзникамъ и вести унію не иначе, какъ въ духѣ братской любви и по взаимному соглашенію, напоминаютъ увѣренія, данныя въ этомъ смыслѣ литовцамъ (въ Воинѣ) польскимъ посольствомъ незадолго до Люблинскаго, повторяютъ, что они отнюдь не сторонятся отъ уніи, но желаютъ, чтобы это дѣло велось и устроилось справедливѣе и лучше и потому просятъ составить новый проектъ уніи и назначить для дѣла о ней другой новый сеймъ ближе къ границѣ обоихъ государствъ „къ уніи надобно идти не съ злою мыслію и съ подавленнымъ сердцемъ, а съ совершенно бодрымъ и спокойнымъ духомъ“. Польскіе сенаторы обѣщали дать отвѣтъ и просили оставить имъ рукопись рѣчи; литовцы обѣщали прислать копію съ нея и уѣхали изъ замка.

Скоро по удаленіи литовцевъ краковскій епископъ поставилъ польскимъ сеймовымъ посламъ вопросъ: „будете ли твердо добиваться уніи, какъ обѣщали? Будете ли помогать намъ довести ее до конца, и защитить Подлѣсье и Волынь, которыя мы съ такими большими завѣреніями приняли подъ свою защиту?“ И затѣмъ убѣждалъ, что это дѣло можно всего лучше устроить на деньги отъ четвертой части [1]) и посредствомъ налога, а не „посполитымъ рушеніемъ“, какъ предлагали послы, которое, кромѣ другихъ неудобствъ, безвременно и тѣмъ, что Польшѣ теперь грозитъ еще опасность отъ венгерцевъ и нѣмцовъ. Такія внушенія дѣлали и другіе. Но на этотъ разъ послы не спѣшили отвѣтомъ, и затѣмъ послѣ другихъ дѣлъ объявлено было королемъ, что засѣданія сейма отлагаются до среды послѣ праздника пасхи—до 13 апрѣля. Послы разошлись недовольными, но мало брались за дѣло въ виду праздниковъ, на которые инымъ хотѣлось уѣхать. Но въ тотъ день по приказу короля на воротахъ замка прибиты были два универсала, изъ которыхъ въ одномъ, между прочимъ, подтвер-

[1]) Т. е. четвертой части доходовъ съ королевскихъ столовыхъ имѣній.

Digitized by Google

ждалось дѣло присоединенія Подлѣсья и Волыни, а въ другомъ приказывалось пруссакамъ сенаторамъ и посламъ, еще не засѣдавшимъ въ сеймѣ, явиться въ слѣдующія засѣданія, съ угрозами въ случаѣ непослушанія. Это былъ косвенный отвѣтъ короля и литовцамъ, показывавшій, что онъ не думаетъ отступать въ предпринятомъ дѣлѣ объ уніи. Тяжело долженъ былъ пройти послѣ того праздникъ Пасхи для литовцевъ и волынянъ, пріѣхавшихъ въ Люблинъ.

Съ возобновленіемъ засѣданій сейма послѣ пасхи съ 13 апрѣля, начались, между другими совѣщаніями, совѣщанія и по дѣлу литовскаго посольства, продолжавшіяся до 23 апрѣля. Сенаторы и послы скоро и одинаково рѣшили—не прерывать сейма, не отмѣнять того, что сдѣлано относительно Подлѣсяя и Волыни, не вступать въ диспуты съ прибывшими теперь литовскими послами, а съ большею твердостію продолжать дѣло уніи. Но сенатъ наклоненъ былъ назначить литовцамъ сеймики для избранія новыхъ пословъ съ неограниченными полномочіями и послать на разсмотрѣніе проектъ уніи. Послы не соглашались на назначеніе литовскихъ сеймиковъ, ставя на видъ, будто литовскіе сеймики не такіе, какъ польскіе, что тамъ все дѣлаютъ сенаторы, а шляхта безгласна. Замѣчательно, что на этомъ настаивали особенно, уже извѣстные намъ, присягнувшіе на унію, послы подлѣскіе, отъ имени которыхъ дрогичинскій хорунжій Буйно говорилъ: „въ Литвѣ пріѣзжаютъ на сеймики только воевода, староста, да хорунжій; напишутъ, что имъ вздумается и пошлютъ къ шляхтичу на домъ, чтобы подписалъ. Если онъ не поднишетъ, то его отдуютъ палками... Тамъ шляхта не участвуетъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ; тамъ сенаторы дѣлаютъ, что хотятъ“. Къ этому Буйно прибавлялъ, чтобы поскорѣе сняты были съ подлѣсянъ наложенныя на нихъ Литвою тяжести, спята была съ нихъ литовская неволя, послѣ чего волынцы станутъ скорѣе склоняться къ уніи ради польскихъ вольностей. Сенаторы уступили посламъ, и сеймики для литовцевъ не были назначены. Повторялись строгія рѣчи противъ волынцевъ и подлѣсянъ, не пріѣхавшихъ на сеймъ, съ угрозою имъ экзекуціей и лишеніемъ должностей и имѣній, съ требованіемъ вообще, чтобы король *пригналъ* ихъ къ присягѣ. Литовскіе послы желали добиться, по крайней мѣрѣ, отвѣта на свою

Digitized by Google

посольскую рѣчь, сносились о томъ съ польскими сенаторами, слушали читанную имъ привиллегію на унію, соглашались принять въ основу ея даже *Александрову привиллегію*, просили дать новымъ литовскимъ посламъ шестинедѣльный срокъ для пріѣзда на сеймъ. Сенаторы наклонны были удовлетворить литовцевъ, хотѣли дать отвѣтъ, но польскіе послы рѣшительно воспротивились этому, и литовцы уже 23 апрѣля отправлены были безъ отвѣта. Имъ только назначено четыре недѣли срока для присылки новыхъ пословъ, а волынцамъ три недѣли для пріѣзда на сеймъ къ присягѣ. Болѣе ранній срокъ назначенъ послѣднимъ для того, чтобы „литовцы не могли сговориться съ ними“ и чтобы покончить съ волынцами до пріѣзда литовцевъ. Въ тоже время въ цѣломъ рядѣ засѣданій шли совѣщанія о средствахъ на войну, сопровождавшіяся большими спорами, пререканіями касательно экзекуціи, четвертой части дохода съ королевскихъ имѣній, новаго налога, отвергаемаго особенно послами краковскаго воеводства, и покончены пока объявленіемъ, вмѣсто всего, „посполитаго рушенія“, согласно мнѣнію болѣе радикальныхъ пословъ. Эпизодомъ въ сеймовыхъ засѣданіяхъ этихъ десяти дней было судебное дѣло Глѣбовича съ Ходкевичемъ, по обвиненію перваго послѣднимъ въ предательствѣ на сторону московскаго царя, едва не дошедшее до поединка между ними, но опять отложенное. Во всякомъ случаѣ дѣло, которое компрометировало литовцевъ, было на руку полякамъ.

Въ ожиданіи волынцевъ, доканчивали привлеченіе къ уніи подлѣсянъ. Срокъ для пріѣзда ихъ назначенъ былъ къ 28 апрѣля. Съ приближеніемъ этого срока сеймовые послы повторяли напоминанія королю, чтобы принудилъ подлѣсянъ явиться. Шляхта подлѣская, кажется, являлась понемногу. Но не явились подлѣскіе сенаторы и знатные паны, и прислали къ королю письма, извиняясь въ не пріѣздѣ одни болѣзнію, другіе тѣмъ, что призывная грамота писана не изъ литовской, а изъ польской канцеляріи, съ печатью не литовскою, а польскою и безъ подписи короля, иные говорили еще, что оглядываются на литовскихъ сенаторовъ и сановниковъ, иные наконецъ обѣщали пріѣхать. Такія письма писали королю: подлѣскій воевода Василій Тышкевичь, подлѣскій кастелянъ (неизвѣстный), бѣльскій староста Юрій Ходкевичь, троцкій

Digitized by Google

воеводичь, князь Слуцкій, жена витебскаго воеводы, (Станислава Поцѣя?), сынъ Николая Чернаго—Николай Христоферъ Радзивиллъ, виленскій воеводичь, нѣкто Александръ Вояновскій, княгиня Полубенская и др. Изъ нихъ только Слуцкій князь обѣщалъ пріѣхать и просилъ отсрочки, а Полубенская писала, что пріѣдетъ и ударитъ челомъ [1]). Понятно, что подобныя то уклончивыя, то робкія письма не могли стѣснять ни короля, ни сеймовыхъ пословъ, которымъ они были предъявлены. Согласно требованію пословъ подлѣскій воевода и кастеллянъ лишены должностей; подлѣское воеводство отдано литовскому подчашему Кишкѣ, а каштелляпство уже извѣстному Адаму Косинскому, фигурировавшему уже въ сеймѣ въ званіи подлѣскаго маршала. Оба они тотчасъ принесли присягу на вѣрность. Къ шляхтѣ же подлѣской посланы королевскіе коммисары для приведенія ея къ присягѣ, которую и выполнила эта шляхта, польщенная предъ тѣмъ снятіемъ съ Подлѣсья налога, наложеннаго на него литовцами, и другими шляхетскими льготами. Еще не всѣ подлѣсяне присягнули, но уже не трудно было ожидать, что не присягнувшіе не надолго устоятъ въ своемъ отказѣ. Въ ожиданіи срока пріѣзда волынянъ, сеймъ усилилъ начавшіяся еще ранѣе совѣщанія по дѣламъ Подоліи. Въ виду постигшихъ его разореній отъ татаръ и возможности новыхъ вторженій оттуда, подоляне освобождались отъ нѣкоторыхъ сборовъ и налоговъ, толковали затѣмъ объ уплатѣ жалованья военнымъ людямъ, стоящимъ въ Подоліи, объ усиленіи и лучшемъ устройствѣ тамъ военныхъ силъ, о вооруженіи городовъ Каменца и Бора; изъ этихъ толковъ ничего особеннаго не вышло для Подоліи, но они показывали, что поляки считаютъ Подолію, также какъ и Волынь, принадлежащею Польшѣ и потому заботятся о ней.

Въ воскресеніе 15 мая истекалъ второй срокъ, назначенный для пріѣзда волынянъ на сеймъ. 14 Мая ихъ было очень мало и сеймовые послы въ засѣданіи этого дня уже постановили въ понедѣльникъ просить короля, чтобы подвергъ экзекуціи непріѣхавшихъ волынянъ, а также и подлѣсянъ, срокъ пріѣзда которыхъ истекъ еще

---

[1]) Кромѣ подѣсскихъ воеводы и каштелляна, а также бѣльскаго старосты, всѣ другія, упомянутыя здѣсь, лица призывались къ пріѣзду и присягѣ на присоединеніе Подлѣсья не по своимъ чинамъ и званіямъ въ Литвѣ, а только какъ владѣльцы имѣній на Подлѣсьѣ.

Digitized by Google

ранѣе. Въ понедѣльникъ 16 мая послы уже собирались идти къ королю съ этою просьбою, какъ имъ присланы были письма волынцевъ, къ королю, въ которыхъ они извинялись то болѣзнію, то краткостью срока и просили отсрочить имъ пріѣздъ на недѣлю или даже на двѣ. Это указаніе на сроки заставляетъ предполагать, что были съѣзды и совѣщанія между волынцами, на которыхъ они условились относительно срока, а вѣроятно и образа дѣйствій по пріѣздѣ на сеймъ. Не пріѣхалъ и Константинъ Острожскій, а въ письмѣ къ королю прибавилъ еще, что Кременецъ, присоединяемый вмѣстѣ съ Волынью къ Польшѣ, ей не принадлежитъ. Сеймовые послы были сильно раздосадованы и ставя на видъ самые убытки, терпимые ими отъ затяжки сейма, просили короля дать понять ослушникамъ, что онъ гнѣвается на нихъ. Король отвѣчалъ, что ослушаніе волынцевъ огорчаетъ также его и сенаторовъ, а затѣмъ, посовѣтовавшись съ послѣдними, прислалъ сказать посламъ, что рѣшился подвергнуть ослушниковъ экзекуціи, т. е. будетъ отнимать у нихъ служебныя и почетныя должности и отдавать другимъ, только не знаетъ, кому отдавать, потому что должности эти слѣдуетъ давать лицамъ, имѣющимъ тамъ осѣдлость, а никто изъ нихъ не проситъ, что при томъ нужно имѣть на Волыни войско, чтобы новыя должностныя лица могли безопасно жить, а на войско нужны деньги: „извольте, господа, обсудить это“. 17 мая послы обсуждали и рѣшили, что на отнимаемыя на Волыни должности король можетъ послать *своихъ дворянъ*, которые должны отнять ихъ у волынцевъ, а въ случаѣ неуступки со стороны послѣднихъ, именемъ короля приказать *городамъ и селамъ* не повиноваться имъ; для содержанія войска на Волыни послы соглашались и на налогъ, которому краковскіе и сендомірскіе послы противились по прежнему. Между тѣмъ, пріѣхали нѣкоторые волынцы и подлѣсяне и просили короля подождать неявившихся волынцевъ до понедѣльника 23 мая, т. е. до недѣльнаго срока, какъ о томъ прежде просили; король по совѣту сенаторовъ согласился и не приступалъ къ экзекуціи, о чемъ сообщилъ и посламъ. За то одинъ изъ просившихъ, князь Петръ Збаражскій, луцкій воеводичь, въ утѣшеніе короля и сейма рѣшился принять и 21 мая принялъ присягу, въ качествѣ владѣльца Межирѣчья на Подлѣсьи.

Digitized by Google

23 мая волынцы и подлѣсяне пріѣхали уже въ большемъ числѣ, хотя далеко еще не всѣ. Они извинялись, что не пріѣхали до срока, просили не подвергать ихъ за это немилости, а относительно присяги заявили, что если они должны приносить ее, то пусть и представители королевства принесутъ присягу имъ. Надо полагать, что это заявленіе и было подготовлено волынцами на ихъ совѣщаніяхъ предъ отправленіемъ на съѣздъ. Польскіе сенаторы и послы отклонили такое требованіе, смягчая свой отказъ сладкими рѣчами о братствѣ, а послы подкрѣпляя его тѣмъ, будто король только возвращаетъ Польшѣ то, что ей принадлежало. Волею—неволею волыняне въ присутствіи короля, сената, пословъ принесли присягу въ тотъ же день 23 мая. Это были луцкій р.-католическій епископъ Вербицкій, волынскій маршалъ Загоровскій и другія *должностныя* или чиновныя лица—луцкіе и владимірскіе судьи, подсудки, подкоморіи, писари, ключники, мостовничіе, всего 15 лицъ. Кромѣ Вербицкаго и Загоровскаго, все это были неважные чиновники и паны. Слѣдующій день 24 мая назначенъ для присяги самыхъ высшихъ и знатныхъ пановъ и сановниковъ волынскихъ. Было полное собраніе сейма въ присутствіи короля. Вошли знатные волынцы: князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій, князь Богушъ Корецкій, староста луцкій, брацлавскій и винницкій, князь Константинъ Вишневецкій, князь Чарторыйскій, воевода волынскій, Василій Древинскій, писарь великаго княжества литовскаго и съ нимъ четыре подлѣсяне, въ числѣ ихъ братья Ижиковичи.

Отъ имени волынцевъ князь Корецкій въ рѣчи къ королю объяснялъ, что если они не пріѣхали на сеймъ по первой призывной грамотѣ короля, то потому, что эта грамота издана была за печатью необычною, т. е. польскою, а не литовскою, что впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ и не могли пріѣхать по болѣзни. Теперь, узнавъ изъ второй призывной грамоты, что король уже присоединилъ Волынь къ Польшѣ, они, всегда привыкшіе повиноваться королю, пріѣхали на сеймъ, но просятъ не принуждать ихъ къ присягѣ, смущающей ихъ совѣсть, потому что уже разъ присягали литовскому княжеству. Отъ имени короля отвѣчалъ подканцлеръ ксендзъ Красинскій, что король милостиво принимаетъ объясненіе волынцевъ о позднемъ пріѣздѣ, но, присоединивъ, по своему

Digitized by Google

долгу, къ королевству Волынь и Подлѣсье, какъ принадлежавшее ему и прежде, требуетъ отъ волынцевъ присяги ему, которая не должна смущать ихъ, потому что прежнія присяги ихъ литовскому княжеству теперь потеряли силу и требуется новая—королевству. Корецкій просилъ сенаторовъ и пословъ ходатайствовать предъ королемъ, чтобы волынцы не присягали. Отъ имени сенаторовъ гнѣзненскій архіепископъ убѣждалъ волынцевъ не отговариваться отъ новой присяги, добавивъ еще, что прежнюю присягу ихъ они, сенаторы, берутъ на свою совѣсть. Князь Корецкій просилъ, чтобы за присягою волынцевъ принесли и имъ присягу польскіе сенаторы и послы. Гнѣзненскій, затѣмъ краковскій епископъ отвѣчали, что полякамъ не слѣдуетъ приносить присяги, потому что они въ свое время уже присягали королевству. Выступилъ затѣмъ князь Вишневецкій съ рѣчью къ королю, по порученію волынцевъ. Онъ напомнилъ о всегдашней вѣрности и преданности ихъ своимъ государямъ и нынѣшнему государю, просилъ, чтобы съ присоединеніемъ къ Польшѣ не были нарушены ихъ права и вольности, что они желаютъ соединиться, какъ люди свободные и благородные, увѣренные, что никому не уступятъ въ достоинствѣ и благородствѣ, что между ними есть княжескіе роды, положеніе и честь которыхъ должны быть сохранены. „Съ другой стороны—мы люди иной съ вами вѣры, особенно мы, люди греческой вѣры, просимъ, *чтобы насъ не унижали (за вѣру), и чтобы никого не принуждали къ другой вѣрѣ*. Просимъ наконецъ не принуждать насъ къ присягѣ сегодня, а подождать до пріѣзда другихъ братій нашихъ, чтобы намъ не оскорбить ихъ тѣмъ, что станемъ присягать безъ нихъ". Напоминаніе волынцевъ о вѣрѣ, непринужденіи къ другой вѣрѣ было первымъ въ этомъ смыслѣ заявленіемъ на сеймѣ и безспорно однимъ изъ важнѣйшихъ. Оно-то особенно дѣлаетъ честь волынскимъ вельможамъ. Вѣроятно, по этому предмету было еще много говорено ими, и что это-то многое разумѣется въ замѣткѣ „Дневника". „Много и другихъ просьбъ они приносили, но онѣ здѣсь не записаны, потому что были излишни". Столько же вѣроятно, что въ этихъ просьбахъ волынцы высказывали опасенія относительно *экзекуціи*. По совѣщаніи короля съ сенаторами, волынцамъ отвѣчалъ сперва архіепископъ гнѣзненскій, а потомъ и самъ король—довольно длинною рѣчью. Архіепископъ увѣрялъ, что во-

Digitized by Google

лынцамъ не будетъ никакого униженія, что права и вольности ихъ будутъ не только сохранены, но и увеличены, если это окажется нужнымъ и откроется на совѣщаніяхъ, когда они засядутъ на сеймѣ съ поляками, что въ частности имъ нечего бояться *экзекуціи*, которая ихъ не будетъ касаться, потому что ее взяло на себя королевство. Король повелъ свою рѣчь — въ тонѣ благосклонномъ. „Думаю, говорилъ онъ, что по милости Божіей, я и всякаго изъ моихъ подданныхъ держу при свободѣ и вольностяхъ и повелѣваю ими по закону, а не какъ нибудь иначе. Надѣюсь, что всѣ мои государства, надъ которыми Богъ поставилъ меня, признаютъ это, и вы, господа, сами не можете не признать, что я не подвергаю васъ никакому порабощенію". Сказавъ затѣмъ, что, по долгу своей присяги польскому королевству, присоединяетъ теперь къ нему Волынь и Подлѣсье, оправдываетъ это дѣло тѣмъ, будто страны эти принадлежали королевству, но отошли отъ него вслѣдствіе ослабленія его предковъ и вслѣдствіе того, что въ королевствѣ и въ княжествѣ литовскомъ былъ „одинъ и тотъ же мой родъ", что теперь король возвращаетъ ихъ только королевству. Повторивъ увѣренія, что не только сохранитъ, но и съ удовольствіемъ умножитъ вольности волынскихъ господъ, что въ частности не подвергаетъ ихъ экзекуціи, король закончилъ: „исполните и вы, господа, свой долгъ, идите къ присягѣ". Отъ имени земскихъ пословъ маршалъ ихъ Чарнковскій, обратясь къ королю, сказалъ, что они желаютъ соединиться съ волынцами, именно какъ съ людьми равными и свободными, жаждутъ ихъ любви и братства, что не зная надъ собою никакого рабства, а зная только вольности и свободу, хотятъ дѣлиться ими съ волынцами, дѣлиться и всякимъ счастіемъ и несчастіями; но что теперь не въ пору отсрочивать присягу, когда вчера уже присягнули другіе волынцы. Настала тишина. Волынцы не шли къ присягѣ. Ксендзъ подканцлеръ сказалъ: „извольте, господа, идти къ присягѣ". Князь Вишневецкій отвѣчалъ. „мы пріѣхали сюда добровольно; по принужденію ничего не дѣлаемъ". Затѣмъ кіевскій воевода князь Острожскій сказалъ: „я на слово вѣрю моему государю во всемъ и нисколько не сомнѣваюсь, что будетъ сдѣлано все, что слышу отъ моего государя". Говоря такъ покорно и преданно, знаменитый князь, первый вельможа волынскій, безъ сомнѣнія, желалъ въ бу-

Digitized by Google

дущемъ охранить право русской Волыни, въ виду неизбѣжности соединенія ея съ Польшей. Однако же волынцы, несмотря на новыя убѣжденія сенаторовъ, не шли къ присягѣ и король сказалъ: „оставьте ихъ въ покоѣ; они вольны присягать и не присягать; тутъ никого не неволятъ; дѣло дѣлается добровольно. Если не хотятъ присягать, пусть уйдутъ, а я поступлю по закону". Далеко не согласовалась съ хваленою польскою вольностію эта угроза поступленія по закону, въ данномъ случаѣ сомнительному. Съ достоинствомъ отозвались на эту угрозу воевода волынскій князь Чарторыйскій и воевода кіевскій князь Острожскій, напоминали о заслугахъ своихъ предковъ, о своей службѣ, а Чарторыйскій напоминалъ о происхожденіи своего рода отъ князей литовскихъ. За всѣмъ тѣмъ они и всѣ бывшіе тутъ волынцы и четыре подлѣсянина принесли присягу. Присяга такихъ лицъ уже предвѣщала присягу и остальныхъ. И дѣйствительно, на слѣдующій день 25-го мая присягавшихъ изъ Подлѣсья и особенно Волыни было такъ уже много, что на присягу ушелъ весь день. Впервые присягнулъ и посолъ отъ шляхты брацлавской и винницкой Иванъ Кишка. Чарторыйскій не опустилъ предъявить грамоту отъ короля венгерскаго и польскаго Владислава, свидѣтельствующую о родствѣ Чарторыйскихъ съ литовскимъ княжескимъ домомъ. Присяга продолжалась и 26 мая. Въ числѣ другихъ въ этотъ день присягнули, хотя не безъ предварительныхъ отговорокъ, два знатные паны: Евстафій Воловичь и воевода Трокскій князь Зборажскій (отецъ)— впрочемъ еще не въ качествѣ литовскихъ подданныхъ, а въ качествѣ владѣльцевъ имѣній на Подлѣсьѣ и Волыни, сохраненіе или возвращеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, и желали прежде всего обезпечить присягой [1]).

За присоединеніемъ Волыни послѣдовало присоединеніе и Подолья или брацлавскаго воеводства, во главѣ котораго стоялъ Романъ Сангушко, воевода брацлавскій и винницкій. Сангушко еще

---

[1]) Напр. Воловичь, у котораго 12 марта отняты были подлѣсскія имѣнія за отказъ отъ присяги, скоро послѣ присяги сталъ хлопотать о возвращеніи ихъ; но польскіе сеймовые послы отражали всѣ его просьбы объ этомъ почти до конца сейма, предлагая чтобы король вознаградилъ Воловича чѣмъ либо другимъ за суммы, данныя королю подъ залогъ этихъ имѣній. Суммы эти причтены Воловичу, а по окончаніи сейма онъ получилъ трокское каштелляство.

Digitized by Google

отъ 4 апрѣля писалъ къ королю письмо, въ которомъ извинялся, что не можетъ исполнить повелѣнія короля—прибыть на съѣздъ, извинялся именно болѣзнію и невозможностію по дурной весенней дорогѣ доставить королю пушки и плѣнныхъ, но обѣщалъ съ поправленіемъ здоровья и улучшеніемъ дороги прибыть немедленно. Прибывъ теперь, онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Люблинъ, какъ недавній побѣдитель, представивъ королю плѣнныхъ и пушки. Сангушко былъ принятъ имъ милостиво. Но торжество это не помѣшало полякамъ тотчасъ налечь на него по дѣлу уніи. Въ первомъ же засѣданіи сейма 1 іюня потребовали отъ Сангушки присяги на унію. Въ сильной рѣчи къ королю, внушительной въ устахъ недавняго побѣдителя при Улѣ, Сангушко напоминалъ о вѣрности и заслугахъ своихъ предковъ, о своей службѣ и просилъ не принуждать его къ присягѣ, которую онъ считаетъ противною своей совѣсти, ибо присягалъ прежде литовскому государству. Король чрезъ канцлера Дембинскаго, потомъ самъ признавалъ и восхвалялъ доблести и заслуги предковъ Сангушки и его самого, но убѣждалъ къ присягѣ, увѣряя, что она не должна смущать совѣсть князя, что король присоединилъ брацлавское воеводство къ Польшѣ, потому что страна эта принадлежала прежде къ Подоліи, принадлежащей къ Польшѣ, что Сангушко обязанъ присягнуть какъ воевода брацлавскій и какъ житель Волыни. Еще два раза Сангушко обмѣнялся рѣчами съ королемъ, съ ораторами отъ сенаторовъ и пословъ, гдѣ по прежнему говорилось о правахъ и вольностяхъ, о братствѣ и любви и т. п. Разнѣженный рѣчами короля и польскихъ ораторовъ, Сангушко въ присутствіи и другихъ бывшихъ тутъ волынцевъ, будто бы воскликнулъ, что волынцы отдадутъ королю и Рѣчи-посполитой не только свои имущества и свои услуги, но и свои души, ибо не новость имъ приносить такія жертвы для блага Рѣчи-посполитой и пользы короля. Быть можетъ онъ напоминалъ заслуги и подвиги отца Константина Острожскаго, о которыхъ напоминалъ прежде Чарторыйскій. Затѣмъ Сангушко просилъ, чтобы ему напередъ прочитали присягу. Когда она была прочитана и ему подносили золотой крестъ гнѣзненскаго архіепископа для совершенія присяги, Сангушко, ставъ на колѣна, просилъ короля, чтобы онъ, какъ помазанникъ Божій, положилъ свою руку на его голову и тѣмъ снялъ съ него прежнюю присягу,

Digitized by Google

принесенную имъ литовскому княжеству. Король исполнилъ его желаніе. Тогда Сангушко принесъ присягу и какъ владѣлецъ имѣній на Волыни и какъ воевода брацлавскій и засѣлъ въ польскомъ сенатѣ. Принесли затѣмъ присягу староста луцкій князь Корецкій, кастеллянъ брацлавскій князь Капуста и многіе другіе изъ пановъ и сановниковъ волынскихъ, брацлавскихъ и др. Довольный всѣмъ этимъ, король напомнилъ, сколько въ этомъ дѣлѣ онъ положилъ усердія.

Очередь дошла и до Кіева. О немъ стали говорить настойчивѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу дѣла волынскаго. Посольскій маршалъ Чарнковскій въ собраніи 29 мая первый заговорилъ о мнимыхъ привилегіяхъ Польши на Кіевъ. Болѣе совѣстливые изъ самыхъ польскихъ пословъ сомнѣвались въ значеніи этихъ привилегій, какъ напр; Валентинъ Орѣховскій, судья перемышльскій. Но 1 іюня и онъ отъ имени посольской палаты заявилъ въ рѣчи къ королю, что доводами Чарнковскаго послы убѣдились въ правахъ Польши и на Кіевъ. Король откладывалъ вопросъ и совѣтовался съ сенаторами. Но еще съ конца мая присоединенія Кіева стали требовать и русскіе волынцы, уже присягнувшіе на унію съ Польшею. Они доказывали, что Кіевъ принадлежитъ не къ литовской Руси, а къ Волыни, что ей принадлежали Берестье, Кобринъ, Пинскъ съ границею на Наревъ и Ясольду. Если вѣрить „Дневнику“, волынцы прибавляли и слѣдующія разсужденія: „положеніе Волыни безъ Кіева будетъ плохо, говорили они, потому вопервыхъ, что литовцамъ будутъ оставлены *ворота* [1]), чрезъ которыя они, по злобѣ и мести, будутъ вводить на Волынь скифовъ (татаръ), какъ это они дѣлали въ прежнія времена, во вторыхъ, московскій князь сильно старается овладѣть Кіевомъ, какъ бывшей нѣкогда митрополіей Россіи. Если Кіевъ будетъ въ рукахъ литовцевъ, то невозможно думать, чтобы они могли защищать его. Рѣчь Постолитая потому еще должна отнять Кіевъ у литовцевъ, что если онъ будетъ въ ихъ рукахъ, то имъ впослѣдствіи легко будетъ возставать противъ нея“. 3 іюня польскіе сеймовые послы возобновили свои совѣщанія, а потомъ

[1]) Выраженіе о Кіевѣ, какъ о воротахъ въ литовско-польское государство было ходячимъ издавна. А. з. Р. II, стр. 173.

Digitized by Google

представленія королю о Кіевѣ и къ прежнимъ доводамъ за присоединеніе его прибавили новый, что Кіевъ трижды былъ взятъ и разграбленъ польскими королями [1]). Они настояли также, чтобы имъ присутствовать при обсужденіи этого дѣла королемъ и сенаторами. Предосторожность была не напрасною. Часть сенаторовъ высказалась противъ присоединенія Кіева къ Польшѣ и за оставленіе его при Литвѣ. Это была меньшая часть, но къ ней принадлежалъ умнѣйшій и передовой ораторъ сената краковскій епископъ Падневскій. Меньшинство сенаторовъ мотивировало свое мнѣніе такъ: мы можемъ доставить Кіеву слабую защиту, тогда какъ та страна требуетъ значительной посылки войска котораго мы не можемъ нанять съ малыми издержками. По этому Кіевъ нужно оставить литовцамъ; пусть они своей казной устрояютъ и защищаютъ его, какъ устрояли и защищали до сихъ поръ. Намъ нужно соображать, какъ бы не взять на себя больше тяжести, чѣмъ сколько могутъ вынести наши силы. Не желательно также платить скифамъ (татарамъ) ежегодную дань, которую литовцы даютъ въ видѣ платы за кіевскую область, чтобы тѣ не опустошали ее. Соображая все это, легко усмотрѣть, сколько расходовъ мы надѣлаемъ себѣ, если возьмемъ Кіевъ, съ которымъ неизбѣжно перешла бы къ намъ обязанность платить и вышесказанную дань за Кіевъ, и мы не видимъ, откуда бы взять намъ на это средства, когда у насъ совершенный недостатокъ въ деньгахъ". Споръ о Кіевѣ былъ крайне возбужденный, обѣ расходившіяся во мнѣніяхъ стороны клятвами увѣряли одна другую, что судятъ и говорятъ такъ, какъ внушаетъ имъ Богъ и совѣсть. Король колебался и отложилъ дѣло до слѣдующаго собранія. Сеймовые послы были сильно озабочены и старательно приготовились къ собранію 4 іюня въ субботу. Сами сплотившись въ единодушномъ рѣшеніи, они тѣмъ настойчивѣе просили согласныхъ съ ними сенаторовъ присоединиться къ нимъ при принятомъ ими

---

[1]) Кіевъ взятъ былъ поляками только дважды—въ 1018 г. Болеславомъ I и въ 1069 г. Болеславомъ II. Трéтьимъ взятьемъ считалось здѣсь, можетъ быть, занятіе Кіева Изяславомъ безъ войны въ 1076 г. и на томъ основаніи, что тогда въ отрядѣ Изяслава были и поляки. Привилегій на присоединеніе Кіева не было. Ссылавшійся на эти привилегіи Чарнковскій или просто прилгнулъ или же имѣлъ въ виду общее обѣщаніе Ягайлы присоединить къ Польшѣ русскія земли.

Digitized by Google

требованіи, чтобы король высказался самъ за присоединеніе Кіева, отстранивъ такимъ образомъ мнѣніе сенаторскаго меньшинства. Рѣчь къ королю отъ имени пословъ въ общемъ собраніи сейма держалъ все тотъ же маршалъ Чарнковскій, и эта рѣчь была, по замѣчанію „Дневника“ прекраснѣе всѣхъ рѣчей его. Отважный маршалъ энергически защищалъ мнимыя привилегіи королевства на Кіевъ, говорилъ о достоинствѣ и пользѣ Рѣчи Посполитой, требующихъ присоеденения его, опровергалъ, какъ выразился онъ, трусливыя опасенія противниковъ присоединенія, прославлялъ доблесть древнихъ поляковъ, всегда совѣтовавшихъ королямъ завоевать Кіевъ и покорить Пруссію, косвенно порицалъ нынѣшнихъ совѣтниковъ короля, убѣждалъ короля и сенаторовъ не отступать предъ столь важнымъ для безопасности Рѣчи Посполитой дѣломъ и поспѣшить присоединить къ ней *матерь городовъ русскихъ*, какъ называется Кіевъ въ привилегіяхъ. Рѣчь маршала покрываема была громкими рукоплесканіями. Эти рукоплесканія не оглушали такихъ лицъ, какъ епископъ Падневскій, продолжавшій съ немногими другими держаться прежняго мнѣнія; но они осилили колеблющагося короля, который, послѣ долго еще кипѣвшихъ въ собраніи споровъ, вполголоса сталъ переговариваться съ сенаторами и заявилъ наконецъ, что присоединяется къ мнѣнію большинства, что было бы опаснымъ, если бы Кіевъ находился во власти литовцевъ, припоминалъ при этомъ старыя интриги литовцевъ противъ королевства, которыя могли бы повториться впослѣдствіи, если бы въ рукахъ ихъ остались эти ворота королевства, показывалъ, какъ полезно послѣднему для удержанія литовцевъ во власти оцѣпить ихъ кругомъ своими укрѣпленіями и владѣніями. Король окончилъ приказаніемъ канцлеру Дембинскому объявить о присоединеніи Кіева. Вслѣдъ за тѣмъ канцлеръ чрезъ маршала пригласилъ собраніе къ тишинѣ, которая легко возстановилась, потому что всѣ съ нетерпѣніемъ ждали рѣшенія дѣла. Канцлеръ объявилъ королевскій декретъ 4 іюня о присоединеніи Кіева и кіевскія земли съ городами: Черкасы, Каневъ, Бѣлая Церковь, Остеръ, Любечь, Овручь. Декретъ принятъ, по словамъ „Дневника“, съ великою и живѣйшею радостью; отъ сенаторовъ и пословъ пошли благодарности королю, которыхъ усталый король не могъ и дослушать и поспѣшилъ уйти; а на

Digitized by Google

бывшихъ противниковъ присоединенія посыпались сердитыя упреки. Въ понедѣльникъ 6 іюня принесъ присягу Константинъ Острожскій, какъ воевода кіевскій.

Сеймовыя пренія о Кіевѣ и ихъ исходъ—знаменательны. Они еще разъ показываютъ преобладающую роль на сеймѣ земскихъ пословъ. Ихъ маршалъ и первый ораторъ Чарнковскій одолѣлъ въ этомъ вопросѣ перваго сенатскаго оратора, краковскаго епископа Падневскаго; послы одолѣли сенаторовъ и короля. Для насъ впрочемъ болѣе замѣчателенъ тотъ фактъ, что за одно съ большинствомъ польскаго сейма требуютъ присоединенія Кіева отъ Литвы къ Польшѣ и русскіе православные волынцы, высказываясь относительно литовцевъ почти въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и поляки. Какъ бы не объяснять значенія этого факта, онъ довольно показываетъ, что сердца волынцевъ не лежали къ кореннымъ литовцамъ и это зависѣло отъ стремленія послѣднихъ къ своего рода гегемоніи надъ русскими областями, примѣтной особенно у гордыхъ литовскихъ вельможъ, какъ Радзивиллъ, или даже Иванъ Ходкевичь, заспорившій съ славнымъ княземъ Острожскимъ еще при началѣ сейма. Жалобы на преобладаніе литовцевъ, тягости отъ нихъ, слышимыя у подлѣсянъ и волынянъ, вѣроятно, были не напрасны. Съ другой стороны, наиболѣе видные представители изъ литовцевъ наравнѣ съ поляками были теперь чужды православнымъ русскимъ по вѣрѣ и теперь почти всѣ были протестанты, какъ Радзивиллъ, Ходкевичь, Воловичь, что не могло не отзываться на взаимныхъ отношеніяхъ между ними и русскими православными. Вообще, если волынцы послѣ того, какъ земля ихъ уже присоединена къ Польшѣ отъ Литвы, не хотѣли оставить Кіева при послѣдней, то они сознавали, что дѣлали, они сознавали или вѣрнѣе чувствовали болѣе того, что говорили: они желали остаться въ ближайшей связи съ Кіевомъ, имѣя съ нимъ гораздо болѣе долгое и общее прошлое, чѣмъ съ Вильной или Троками, чѣмъ съ коренной Литвой и Жмудью. Въ этомъ общемъ прошломъ таились для нихъ такія надежды, какихъ совсѣмъ и не въ пору было высказывать на сеймѣ: это надежда въ союзѣ съ Кіевомъ отстаивать права своей вѣры, народности и нѣкоторой областной автономіи и по присоединеніи къ Польшѣ. Привилегіи на присоединеніе волынской и кіевской земель, изданныя первая отъ 26 мая,

Digitized by Google

вторая отъ 5 іюня, въ существенныхъ чертахъ сходны; онѣ сходны, въ частности, и по лживости доводовъ па права Польши па эти земли, по сходны и въ томъ, что обѣими привилегіями ограждаются права русской вѣры и русскаго языка, имѣвшаго по прежнему остаться языкомъ королевскихъ грамотъ въ этихъ земляхъ, административныхъ и судебныхъ актовъ и т. д.

По окончаніи дѣла присоединенія Подлѣсья, Волыни, Подоліи, Кіева и кіевской земли, время было приступить къ послѣднему дѣлу—къ присоединенію самой Литвы. Въ тотъ день, когда объявленъ декретъ о присоединеніи Кіева, давно жданные литовскіе послы уже были въ Люблинѣ.

Но прежде рѣчи о нихъ, дополнимъ исторію присоединенія названныхъ выше областей извѣстіями о томъ, какъ производилось дѣло присоединенія въ повѣтовыхъ городахъ названныхъ областей. Подъ руками у насъ только два документа объ этомъ, касающіеся волынскихъ повѣтовыхъ городовъ Луцка и Владиміра. Послѣ того какъ 24 мая присягнули на унію знатнѣйшіе сановники и паны волынскіе, король, продолжая въ слѣдующіе дни выслушивать присягу другихъ волынцевъ, бывшихъ въ Люблинѣ, издалъ 25 мая универсалъ на русскомъ языкѣ о приведеніи къ присягѣ волынскихъ дворянъ и другихъ обывателей по городамъ Волыни. Универсалъ обращенъ ко всѣмъ вообще и каждому въ частности: сановникамъ, панамъ, земскимъ урядникамъ, старостамъ, подстаростамъ, всѣмъ людямъ рыцарскаго сословія, также бурмистрамъ, райцамъ, городовымъ урядамъ и всѣмъ обывателямъ волынской земли. Объявляя имъ свою королевскую ласку, какъ вѣрнымъ и милымъ, король напоминаетъ о прежнихъ универсалахъ, по которымъ уже привернулъ волынскую землю къ польской коронѣ, какъ ей издавна принадлежащую; что онъ назначилъ было вербное воскресенье, какъ срокъ для пріѣзда волынцевъ въ Люблинъ „на унію“, что потомъ, по просьбѣ ихъ, отложилъ этотъ срокъ на 14 мая, что къ этому сроку и явились въ Люблинъ волынскіе князья, паны и члены рады и уже принесли присягу, но что требуется, чтобы ее принесли не они только, но и всѣ обыватели волынской земли. Облегчая ихъ, король не обязываетъ ихъ ѣхать въ Люблинъ, но предоставляетъ принесть присягу въ своихъ повѣтахъ предъ посылаемыми для сего королевскими коммиссарами, предъ старостою

Digitized by Google

или подстаростою и другими сановниками и чинами, назначая для сего 16 іюня, къ какому сроку приказываетъ всѣмъ явиться въ свой повѣтовый городъ для учиненія присяги по слѣдующей формѣ: „Я NN присягаю пану Богу вшехмогучому, же отъ того часу напотомъ вѣрный и послушный буду королеви его милости, на тотъ часъ и напотомъ будучому, и коронѣ польской, справуючися во всей повинности своей, вѣрне и статечне, стоячи при королю его милости и коронѣ польской, а николи ся отъ нее не отрываючи, и вшелякаго небезпеченства и шкоды, подле можности моей, остерегати яко на вѣрнаго подданнаго належитъ, такъ ми панъ Богъ, рачъ помочи и Его святая Евангелія". У того, кто противился бы принесть такую присягу, король грозитъ *конфисковать* имѣнія, какъ у непослушнаго его верховной власти и закону. Старосты обязывались огласить этотъ универсалъ по повѣтамъ, внесть въ гродскія книги, внесть также списки присягавшихъ и неприсягавшихъ, а выпись изъ нихъ чрезъ коммиссара должна быть доставлена королю для поступленія по закону съ непослушными.

Въ Луцкъ посланъ былъ съ универсаломъ королевскій коморникъ и коммисаръ панъ Станиславъ Мольскій. Прибывъ въ Луцкъ, онъ 8 іюня явился въ городской урядъ, гдѣ въ отсутствіе старосты князя Богуша Корецкаго, предсѣдалъ подстароста Петръ Хомякъ, безъ сомнѣнія, уже слыхавшій, а теперь отъ Мольскаго подробнѣе узнавшій о принесеніи присяги въ Люблинѣ самимъ старостой. Онъ внесъ универсалъ въ гродскія книги и, списавши копіи съ него, по обычаю, разослалъ ихъ за гродскою печатью въ повѣтъ. Слухъ о присягѣ въ Люблинѣ „преднѣйшихъ" пановъ, угроза конфискаціей имуществъ заставляли послушаться универсала. Къ 16 іюня наѣхало множество волынскихъ пановъ въ Луцкъ, и въ городскомъ замкѣ на урядѣ предъ паномъ Мольскимъ началась присяга. Первыми присягнули члены уряда подстароста Петръ Хомякъ, судья Титъ Хомякъ, писарь Ѳедоръ Русинъ и воротный замка Ярошъ Паликіевскій; затѣмъ присягали дворяне; всѣхъ присягнувшихъ въ этотъ день было 53, между ними князь Андрей Головня-Острожецкій и княгиня Авдотья Яловинская-Козинская. 17 мая принесли присягу 120 дворянъ волынскихъ, между ними княгини Четвертинская и Любецкая, луцкій православный епископъ Иванъ Красенскій и жидичинскій архимандритъ Іона и двое бояръ

Digitized by Google

Красносельскихъ. Почти всѣ присягавшіе обозначали свои имѣнія, по которымъ присягали, и которыя находились иногда не въ луцкомъ только уѣздѣ, но въ кременецкомъ, овручскомъ и даже кіевскомъ. За троихъ изъ дворянъ, не бывшихъ у присяги, ихъ повѣренные или родственники объяснили предъ урядомъ и комммиссаромъ причины неявки, какими были или болѣзнь или отлучка въ свои литовскія имѣнія, послѣдовавшая еще до оповѣщенія универсала. Были впрочемъ случаи, что жены присягали за больныхъ или отсутствующихъ мужей или матери за недорослыхъ дѣтей. Одинъ больной Григорій Гулевичъ, хорунжій земли волынской, присягалъ на дому своемъ въ Подлубицахъ предъ тѣмъ же коммиссаромъ, пріѣзжавшимъ для сего на домъ. Луцкій владыка Красенскій въ своемъ имѣніи Рожищахъ, а архимандритъ жидичинскій въ Жидичинѣ [1]). Не явилось къ присягѣ безъ объясненія причинъ 48 дворянъ, въ томъ числѣ были самые знатные. Во главѣ списка неявившихся стоятъ такія лица, какъ князь Острожскій, Чарторыйскій, Корецкій и другія, уже присягавшія въ Люблинѣ, изъ чего слѣдуетъ заключить что были въ числѣ неявившихся и другіе, также принесшіе присягу въ Люблинѣ [1]). Всѣхъ присягавшихъ насчитывается такимъ образомъ 226 лицъ, что *приблизительно* и опредѣляетъ численный составъ волынскихъ пановъ и дворянъ, землевладѣльцевъ луцкаго повѣта въ данное время. За весьма немногими исключеніями, это были дворяне русскіе и православные. 23 іюня присягали члены городскаго (мѣщанскаго) уряда и поспольство: бурмистръ съ 3 радцами и писаремъ, ландвойтъ съ 8 присяжными, 9 цехмистровъ за себя и за свою цеховую братію и 10 выборныхъ изъ поспольства луцкихъ мѣщанъ, всѣхъ 33; затѣмъ армяне—попъ Вартинъ

---

[1]) Присягавшіе не въ урядѣ едва ли могли присягать въ тотъ-же день 17 мая; они могли присягать послѣ—до 23 мая, когда королевскаго коммисара видимъ опять въ Луцкѣ. До этого дня онъ и могъ побывать тамъ, гдѣ присягали названныя три лица, внесенныя однакоже въ списокъ присягавшихъ дворянъ, присяга которыхъ въ Луцкѣ окончилась 17 мая.

[1]) Дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду того ошибочнаго вывода, сдѣланнаго издателемъ документа о луцкой присягѣ, будто означенные въ немъ не присягавшими, и между ними самые знатные паны, вообще не являлись къ присягѣ (Арх. юго-зап. Рос. ч. II, т. I. XVIV. прим. 3. Кіевъ 1861 г.) О луцкомъ присяжномъ. листѣ слѣдуетъ сказать тоже, что тутъ же говорится у издателя о владимірскомъ присяжномъ листѣ, помѣщенномъ въ изданіи. „Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и Волыни т. I. стр. 19 и дал. Кіевъ 1849 г.“

Digitized by Google

и три купца за всѣхъ армянъ луцкихъ; 5 евреевъ рабинскаго сбора за себя и весь сборъ и 5 евреевъ караимскаго сбора за себя и весь сборъ. Списокъ присягавшихъ и не присягавшихъ внесенъ въ гродскія книги, а выпись изъ нихъ взята коммиссаромъ для доклада королю въ Люблинъ. Въ другой важнѣйшій городъ на Волыни-Владиміръ посланъ былъ съ королевскимъ универсаломъ комиссаръ Иванъ Фалибовскій. Конечно, и здѣсь для созыва къ присягѣ было сдѣлано то, что и въ Луцкѣ. Присяга началась, какъ и въ Луцкѣ, 16 іюня, продолжалась 17 и 18. Первыми, какъ и въ Луцкѣ, присягали чины гродскаго уряда: подстароста Михаилъ Павловичь, гродскій судья Иванъ Кахусовскій и писарь Якимъ Васильевичь, затѣмъ князья Михаилъ, Дмитрій и Стефанъ Ружинскіе, князь Дмитрій Козека, князья Михаилъ и Дмитрій Курцевичи, а далѣе и другіе дворяне и дворянки, всѣхъ 48. И здѣсь нѣкоторые присягали разомъ по имѣніямъ въ разныхъ повѣтахъ; вдовы присягали за себя и свое потомство, т. е. недорослыхъ дѣтей или же вмѣстѣ съ взрослыми сыновьями, жены за больныхъ или отсутствующихъ мужей. Не явившимися къ присягѣ показано 61 лице, начиная опять съ Константина Острожскаго, о которомъ, какъ о старостѣ владимірскомъ, почтительно выражено, что „его милость не изволилъ быть на своемъ урядѣ здѣсь“. Между не явившимися есть лица, названныя по „Дневнику“, какъ присягавшія въ Люблинѣ. О нѣкоторыхъ другихъ какъ не названныхъ въ „Дневникѣ“ замѣчено именно, что они присягали въ Люблинѣ или уѣхали туда. О другихъ сказано, что уѣхали въ Литву, Польшу или вообще находятся далеко на службѣ королевской или у знатныхъ пановъ, такъ что не могли прибыть къ сроку, иные даже не могли и узнать о срокѣ для присяги. О значительной части неявившихся замѣчено однакоже, что не явились они „по неизвѣстной причинѣ“. Къ нимъ причисленъ и князь Андрей Курбскій. Для полученія полнаго свѣдѣнія о дворянахъ, подлежащихъ внесенію въ присяжный списокъ, гродскій урядъ и королевскій коммисаръ Фалибовскій посылали къ сборщику податей въ владимірскомъ повѣтѣ пану Иваницкому, также къ владимірскому судьѣ, прося ихъ доставить свѣдѣнія о повѣтовыхъ дворянахъ изъ поборовыхъ реестровъ, но получили въ отвѣтъ, что таковыхъ нѣтъ, и что они отданы съ поборовымъ отчетомъ и деньгами главнымъ сборщикамъ,

Digitized by Google

Во всякомъ случаѣ 109 дворянъ, показанныхъ въ присяжномъ листѣ, даютъ приблизительное представленіе о составѣ дворянъ владимірскаго повѣта. Въ сравненіи съ луцкимъ повѣтомъ здѣсь дворянъ было на половину менѣе, за то *княжески съ фамилій* здѣсь было больше, чѣмъ въ луцкомъ повѣтѣ. Впрочемъ, это большею частію—бѣдныя, такъ сказать, захудалыя княжескія фамиліи, представители которыхъ сами служили у такихъ знатныхъ князей, какъ Острожскій, Сангушко. 16 іюня присягали и городовые урядники: войтъ (М. Дубницкій, извѣстный безчинникъ и хищникъ) и присяжники, бурмистръ и ратматы или радцы, цехмистеры или старшины цеховъ, всѣхъ 18. Лицъ духовныхъ, армянъ и евреевъ въ присяжномъ листѣ не означено. Съ прискорбіемъ нужно замѣтить, что въ такую важную пору, какою была для Волыни настоящая пора, во главѣ церкви стояли крайне недостойныя лица Іона Борзобогатый — Красенскій, епископъ луцкій, и Ѳеодосій Лозовскій, епископъ владимірскій, оба извѣстные буяне и хищники. Они имѣли достаточно отваги, чтобы презирать королевскихъ посланцевъ и королевскіе приговоры на нихъ за беззаконія ихъ, но не были способны подумать объ интересахъ православной вѣры, церкви на Волыни въ моментъ присоединенія ея къ Польшѣ.

Изъ намековъ въ присяжныхъ листахъ луцкомъ и владимірскомъ видно, что одновременно производилось приведеніе къ присягѣ дворянъ и обывателей и въ другихъ мѣстахъ Волыни, Подоліи, также въ *кіевскомъ* повѣтѣ, хотя универсалъ о присягѣ въ послѣднемъ могъ быть изданъ не ранѣе 4 іюня [1]). Итакъ, вторая половина іюня была временемъ повсюдной присяги на унію во всѣхъ названныхъ русскихъ областяхъ, обнимавшихъ южную половину западной Руси. Слѣдуетъ присовокупить, что хотя волынцы одни въ Люблинѣ, другіе въ своихъ повѣтовыхъ городахъ уже приносили присягу на унію, а *волынская* привилегія датирована отъ 26 мая, но окончательная обработка ея продолжалась въ Люблинѣ

---

[1]) Что въ кіевскомъ повѣтѣ съ 16 Іюня уже производилась присяга, видно между прочимъ изъ заявленія, даннаго при совершеніи во Владимірѣ присяги Андреемъ Киселемъ, что онъ, присягая по своему имѣнію въ владимірскомъ повѣтѣ, имѣетъ еще часть селища въ повѣтѣ кіевскомъ, но въ *одинъ день* явиться въ Кіевъ и здѣсь во Владимірѣ ему было невозможно. Жизнь Курбскаго, тамъ же, стр. 20—21."

Digitized by Google

на сеймѣ еще долго уже при участіи волынцевъ, какъ членовъ сейма, которые до выработки ея не хотѣли даже и являться для засѣданія на сеймѣ съ польскими сенаторами и послами. Проекты ея волынцы составили и послали къ королю и сенаторамъ только 13 іюня. Польскіе послы и сенаторы заботливо обсуждали ее въ слѣдующіе дни, желая измѣнить тѣ пункты ея, гдѣ волынцы освобождаются отъ платежа 4-ой части, т. е. экзекуціи и обязываются ходить на войну только тогда, когда будетъ посполитое рушенье. Поляки, особенно послы, настаивали на томъ, чтобы привлечь волынцевъ къ означенному платежу и къ участію въ войнѣ *во всякое* время, когда понадобится войско. Замѣчательно, что король самъ вступился предъ поляками за волынцевъ въ собраніи сейма 19 іюня: „вѣдь, я далъ клятву, что буду защищать ихъ. Я обѣщалъ имъ... Вы, господа, тоже обѣщали. Чтожь это такое! Они принесли присягу на присоединеніе къ Польшѣ, а теперь имъ уничтожаютъ то, что обѣщали! Это было бы безславіемъ для меня. И какъ бы потомъ повѣрили мнѣ другіе, когда бы я этимъ не сдержалъ слова“? Много было по этому поводу разговоровъ, споровъ, даже ссоръ и перебранокъ. Въ болѣе умѣренномъ и примирительномъ духѣ говорилъ здѣсь, какъ большею частію и всегда, посолъ Орѣховскій, перемышльскій судья; упорны были, какъ и всегда, послы краковскаго воеводства. Кончилось дѣло однакоже въ пользу волынцевъ, умѣвшихъ и имѣвшихъ силу отстоять себя. Но возвратимся къ Литвѣ.

Мы видѣли, что литовское посольство во главѣ съ Яномъ Ходкевичемъ, находившееся въ Люблинѣ съ 4 по 23 апрѣля, послѣ безплодныхъ протестовъ на сеймѣ и безплодныхъ совѣщаній съ польскими сенаторами, отправлено было 23 апрѣля безъ отвѣта на сдѣланныя имъ предложенія. Съ тяжелымъ чувствомъ уѣхали литовцы изъ Люблина на родину, скорбныя вѣсти привезли собратіямъ. Теперь уже не время было думать о призывѣ къ вооруженному сопротивленію полякамъ. Переписка представительныхъ литовцевъ, извѣстная отъ этого времени, свидѣтельствуетъ только о ихъ заботѣ спасти для Литвы, что можно. Литовскій земскій подскарбій Николай Нарушевичь, уѣзжавшій на время изъ Люблина въ Литву, писалъ отъ 26 апрѣля изъ Вильны Николаю-Христофору Радзивиллу и послалъ ему цѣлую связку писемъ („фас-

Digitized by Google

цикулъ листовъ“) изъ Люблина. Эти письма (намъ къ сожалѣнію неизвѣстныя), безъ сомнѣнія, должны были познакомить князя съ печальнымъ положеніемъ литовскаго дѣла въ Люблинѣ. Николай Христофоръ прозваніемъ Сиротка, старшій, но теперь только еще 20-лѣтній, сынъ Николая Чернаго имѣлъ быть хранителемъ отцовскаго завѣта въ дѣлѣ вѣры, такъ и въ дѣлѣ защиты независимости Литвы отъ Польши [1]). Не устоялъ онъ въ первомъ, не могъ устоять и въ послѣднемъ, хотя на него, повидимому, надѣялись, какъ на сына Николая Чернаго и какъ на бывшаго любимца короля. Вмѣстѣ съ Ходкевичемъ онъ былъ въ Люблинѣ съ 4 апрѣля, привлекаемъ былъ къ присягѣ на унію по своему подлѣскому имѣнію Морды, но тогда не присягнулъ, просилъ отсрочки у короля, который отвѣчалъ, что не можетъ ручаться за то, что заставятъ его сдѣлать польскіе сенаторы и послы. Уѣхавъ изъ Люблина, онъ жилъ въ одномъ изъ своихъ имѣній, куда и писалъ ему Нарушевичь, и откуда самъ онъ писалъ къ королю съ извиненіемъ за непріѣздъ на подлѣсскую присягу во вторичный срокъ и съ объясненіемъ, что „смотритъ на старшихъ литовскихъ сенаторовъ и поступитъ такъ, какъ они поступятъ“. Теперь, послѣ письма отъ Нарушевича, онъ получилъ новое письмо отъ поляка Кречовскаго изъ Люблина отъ 4 мая. Кречовскій совѣтовалъ Сироткѣ поспѣшить къ сроку въ Люблинъ, чтобы не подвергнуться приговору *контумаціи* и не потерять имѣнія Морды. Извѣщая о примѣрахъ отнятія доходныхъ урядовъ у нѣкоторыхъ изъ подлѣсянъ, заупрямившихся присягнуть на унію, и отдачѣ ихъ другимъ присягнувшимъ, Кречовскій искусительно подсказываетъ молодому магнату, что прибывъ для присяги, онъ не только избавился бы отъ опасности потерять Морды, но и могъ бы добыть для себя вакантную должность подлѣскаго подчашія. Сейчасъ увидимъ, что Сиротка, несмотря на свое магнатство, не останется глухъ къ льстивымъ совѣтамъ своего польскаго пріятеля. Гораздо тверже казался старый дядя его Николай Радзивиллъ Рыжій. Уѣхавъ 1 марта изъ Люблина, онъ болѣе не

---

[1]) Этотъ Николай Христофоръ былъ съ дѣтства любимцемъ короля, отъ котораго и получилъ прозваніе *Сиротки*. Ему и другимъ сыновьямъ отецъ завѣщалъ быть вѣрными кальвинизму и преданіямъ фамиліи. Но скоро іезуиты стали зорко слѣдить за молодыми княжичами, начиная съ старшаго и покончили обращеніемъ всѣхъ въ р.-католичество.

Digitized by Google

пріѣзжалъ, и воеводствуя въ Вильнѣ, какъ первый литовскій вельможа, ободрялъ другихъ на сопротивленіе полякамъ. Теперь невеселыя получалъ онъ письма. Отъ 20 мая Иванъ Ходкевичь изъ своего имѣнія Гущи на Волыни писалъ Рыжему, что по полученнымъ изъ Люблина извѣстіямъ, тамъ угрозами о контумаціи и конфискаціи имѣній принуждаютъ волынянъ присягать на унію, что поляки не хотятъ продлить для литовцевъ срокъ пріѣзда на сеймъ [1]) и не скрываютъ своей радости на случай, если литовцы и не пріѣдутъ, ибо тогда литовскія имѣнія, на основаніи приговора о контумаціи, перейдутъ въ польскія руки, что вообще нечего ждать литовцамъ въ это невзгодное для нихъ время, а слѣдуетъ ѣхать въ Люблинъ и притомъ не порознь, а вмѣстѣ и въ заключеніе умолять князя прибыть лично въ Люблинъ, ибо „безъ вашей милости мы ничего не сможемъ сдѣлать". Еще печальнѣе было письмо Ходкевича къ Радзивиллу отъ 28 мая изъ Парчева. Увѣдомляя, что воеводы трокскій, кіевскій, волынскій, луцкій бискупъ, даже Евстафій Воловичь и не мало мелкой шляхты присягнули на своихъ волынскихъ имѣніяхъ, что волынскіе послы требуютъ, чтобы Кіевъ, какъ принадлежащій не Руси, а Волыни присоединенъ былъ къ Вильнѣ, т. е. къ Польшѣ вмѣстѣ съ Волынью, Ходкевичь присовокупляетъ, что и король старается, чтобы не было оппозиціи уніи [2]). Къ концу мая уже истекъ срокъ, назначенный для пріѣзда литовцевъ, и Ходкевичь съ нѣкоторыми литовцами прибылъ въ Люблинъ. Литовское дѣло засталъ онъ въ положеніи отчаянномъ, о чемъ и сообщилъ Николаю Рыжему письмомъ отъ 31 мая. „До чего дошло дѣло и опись убогой и бѣдной Литвы, нѣтъ нужды и говорить вашей милости. Сердце поражается болію, при видѣ того, что съ нами дѣлается, что насъ преслѣдуетъ зло съ

---

[1]) Литовцамъ, послѣ отправленія 23 апрѣля посольства ихъ безъ отвѣта, сеймъ назначилъ четыре недѣли срока для новаго пріѣзда на сеймъ. Литовское посольство просило продлить этотъ срокъ до шести недѣль, но сеймъ, по настоянію посольской палаты, не согласился на это.

[2]) Всѣ упоминаемыя здѣсь письма Нарушевича, Кречовскаго и Ходкевича помѣщены въ Виленск. археогр. сборникѣ т. VII, №№ 19—27. Слѣдуетъ замѣтить, что дни, къ которымъ пріурочиваются въ этихъ письмахъ извѣстныя дѣйствія сейма, не совпадаютъ съ днями, къ которымъ они отнесены въ „Дневникѣ". Это одно изъ указаній на отсутствіе въ послѣднемъ строгой точности. Датамъ писемъ мы довѣряемъ болѣе, чѣмъ „Дневнику".

Digitized by Google

той стороны, отъ которой мы ждали всякаго добра (т. е. Польши). Литовцы живо присягнутъ: одни, хотя и не рады, но должны, другіе—съ распростертыми объятіями". Сказавъ далѣе о требованіи волынцевъ, чтобы Кіевъ, Берестье, Пинскъ и Кобринъ были присоединены къ Волыни съ границею по Наревъ и Ясольду, Ходкевичъ прибавляетъ, что поляки, видя такой успѣхъ на своей сторонѣ, начинаютъ увѣрять, что въ уніи съ Литвой они болѣе не нуждаются, что вмѣстѣ съ уніей имъ пришлось бы принять на себя тяжкую обязанность защищать Литву отъ москалей, что поляки грозятъ отнять отъ Литвы и Жмудь и отдать пруссамъ. Ходкевичъ умоляетъ Радзивилла поспѣшить въ Люблинъ для защиты убогой Литвы. Гордый магнатъ эгоистъ не хотѣлъ подпасть униженію, ждавшему литовцевъ въ Люблинѣ. Но Николай Христофоръ пріѣхалъ и сейчасъ принесъ присягу по подлѣсскому имѣнію. Прибывали и другіе литовскіе сенаторы. Во главѣ съ Ходкевичемъ они еще разъ принялись отстаивать литовское дѣло. Они говорили о томъ королю въ частной аудіенціи 3 іюня, высказывая въ частности свою скорбь о присоединеніи Волыни къ Польшѣ и замыслѣ присоединенія Кіева съ его областію. Но эту скорбь поляки рѣшились усилить, чтобы подавить ею литовцевъ, и 4 іюня изданъ королевскій указъ о присоединеніи Кіева. Узнали литовцы и о томъ, что обыватели берестскаго повѣта въ инструкціи своимъ посламъ наказываютъ не возвращаться безъ уніи. „Никогда еще не было столь тяжелыхъ ударовъ нашему отечеству и вѣроятно за грѣхи Богъ караетъ Литву", писалъ изъ Люблина Нарушевичъ Николаю Рыжему отъ 5 іюня. Всю вину за неудачи Литвы литовскіе патріоты, по словамъ Нарушевича, приписывали литовскимъ знатнымъ сенаторамъ, ихъ рѣзкому обращенію съ королемъ и отъѣзду съ сейма, и впереди всѣхъ виня за это самого Радзивилла. Гордецъ этотъ продолжалъ блистать своимъ отсутствіемъ и тяжесть борьбы съ поляками падала на Ходкевича съ товарищами. Съ великою горечью писалъ къ Радзивиллу отъ 6 іюня, выражаясь, что дѣла идутъ все хуже и хуже, и что какъ не предвидится средствъ къ поправленію ихъ, то большая половина литовскихъ пословъ впала въ какую-то апатію. Сообщая о недавней внезапной кончинѣ своего дяди Юрія Ходкевича, Иванъ Ходкевичъ сообщалъ, что надняхъ за обѣдомъ у него, Ивана, Юрій, какъ истинный патріотъ,

Digitized by Google

выражалъ желаніе не дождаться уніи. Такъ и сталось: къ утру Богу душу отдалъ [1]). Не смотря на семейное горе, Иванъ Ходкевичь имѣлъ довольно бодрости, чтобы продолжать борьбу совмѣстно съ Воловичемъ и другими. Въ собраніи сената 7 іюля Ходкевичь говорилъ сильную рѣчь, съ горечью и съ колкими упреками за отторженіе отъ Литвы и присоединеніе къ Польшѣ цѣлыхъ областей, принадлежность которыхъ къ Польшѣ еще не доказана. „Непріятель, говорилъ Ходкевичь, во время перемирія не нарушалъ собственности, а насъ, живущихъ въ вѣчномъ мирѣ и братствѣ съ вами, вы, господа поляки, лишаете этого права. Справедливости мало на землѣ! Но Богъ такой неправды съ нами не попуститъ: рано или поздно, но расчетъ будетъ". Краковскій епископъ отвѣчалъ увѣщаніями литовцамъ признать совершившееся, продолжить дѣло, засѣсть въ сеймѣ и обработывать общую привилегію на унію. „Не знаю, отозвался Ходкевичь, какая то будетъ унія, когда мы видимъ, что уже теперь между вами въ сенатѣ сидятъ литовскіе сенаторы. Вы уже обрѣзали намъ крылья! Между вами уже сидятъ воеводы: волынскій, кіевскій, подлѣсскій, между вами и другіе наши сенаторы—кастелляны. Впрочемъ, дайте намъ привилегію на унію: мы обсудимъ ее". Имъ дали эту привилегію, а посольскій маршалъ Чарнковскій присоединилъ и свои увѣщанія литовцамъ отъ имени поляковъ. На слѣдующій день королю донесены послами рѣзкія рѣчи литовцевъ, оскорбительныя и для короля. Король отвѣчалъ, что и самъ дурно смотритъ на поступокъ литовцевъ, но совѣтуетъ оставить его безъ вниманія и вести дѣло до конца. „Сказать правду, прибавилъ король, литовцы не могутъ не сердиться; невзгода ихъ не маловажная, — у нихъ вѣдь оборваны крылья, но вы, господа, добивайтесь своего". Эти выраженія, какъ Ходкевича, такъ и самаго короля объ оборванныхъ у литовцевъ крыльяхъ (чрезъ отторженіе южно-русскихъ земель отъ Литвы) достаточно выясняютъ и прежнюю политику сейма и короля и безъисходное теперешнее положеніе литовцевъ, кото-

---

[1]) Письмо отъ 6 іюня приведено въ предисловіи къ изданію „Дневника" стр. III, съ усвоеніемъ его Григорію Ходкевичу. Но оно писано не Григоріемъ, а Иваномъ Худкевичемъ и упоминаетъ о смерти не Еронима, а Юрія Ходкевича, о которомъ говорится въ письмѣ московскаго посланца Булгакова. А. з. Р. III. стр. 152.

Digitized by Google

рымъ оставалось одно — идти на унію. Но они желали, по крайней мѣрѣ, покончить ее, на сколько можно, безобидно для Литвы, сохранивъ хоть что-нибудь изъ аттрибутовъ прежней независимости ея. Въ этомъ весь смыслъ дальнѣйшихъ переговоровъ ихъ объ уніи до самаго конца сейма.

Разсматривая данную имъ поляками привиллегію на унію и вырабатывая свои проекты ея, литовцы требовали отмѣнить въ привилегіи слѣдующіе пункты: а) предисловіе о контумаціи, дававшее мысль, что литовцы, какъ мятежники, уѣхавшіе предъ тѣмъ изъ сейма, приневолены къ уніи властію короля; б) пунктъ о наслѣдствѣ великаго княжества литовскаго, переходящемъ къ Польшѣ по варшавской деклараціи, и настаивали, что Литва была свободнымъ государствомъ, свободно избиравшимъ своихъ государей, между тѣмъ, какъ пунктомъ о наслѣдствѣ давалось представленіе о порабощеніи Литвы королевству, какъ подаренной ему королемъ, по праву распоряжаться своимъ наслѣдствомъ, — въ связи съ тѣмъ литовцы требовали, чтобы въ привилегіи не были упомянуты ни древнѣйшія привиллегіи, исключая Александровой, на которую они уже прежде согласились, ни новая варшавская деклярація, ни даже Люблинскій сеймъ, какъ упоминавшій о контумаціи и отдавшій Польшѣ отъ Литвы цѣлыя земли; в) сохранить двѣ государственныя печати, польскую и литовскую, какъ въ грамотахъ на избраніе короля, такъ въ самой привиллегіи на унію и вообще въ важныхъ государственныхъ актахъ, сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ почетныя должности и чины литовскіе; г) общіе сеймы соединеннаго государства держать поперемѣнно то въ Польшѣ, то въ Литвѣ, вообще не унижать чести и достоинства литовскаго государства; д) сохранить Инфлянты (Ливонію) при Литвѣ, которая пріобрѣла ихъ большими жертвами и кровію; е) требовали, чтобы не только поляки сенаторы и послы принесли присягу Литвѣ, какъ Литва принесетъ ее полякамъ, но чтобы принесли ей присягу и представители земель, уже объявленныхъ присоединенными къ Польшѣ; ж) требовали наконецъ, чтобы всѣ пункты на унію были окончательно выработаны и опредѣлены въ привиллегіи по взаимному соглашенію до присяги, которая послѣ того уже будетъ принесена, и литовцы засядутъ въ общемъ сеймѣ соединенныхъ государствъ. Эти пункты во многомъ уже выра-

Digitized by Google

жали уступку литовцевъ, въ сравненіи съ начальными требованіями ихъ; но еще не конецъ былъ ихъ уступкамъ. Замѣчательно, что на большую часть этихъ пунктовъ наклонны были согласиться король и сенаторы; но не соглашалось большинство пословъ. Они продолжали твердить, что не хотятъ входить съ литовцами ни въ какія совѣщанія и соглашенія и требуютъ безусловнаго принятія уже составленной привиллегіи. Болѣе умѣренные и благоразумные склонялись на уступки въ извѣстныхъ пунктахъ, напр., въ пунктѣ объ исключеніи контумаціи, говоря, что она не имѣетъ смысла теперь, когда литовцы пріѣхали на сеймъ. Но крайніе, каковы особенно послы краковскаго воеводства, настаивали и на ней, совѣтуя показать твердость предъ литовцами, ни въ чемъ не уступать имъ и высказывая готовность даже бросить дѣло уніи, если литовцы не уступятъ. Благоразумнѣйшіе изъ пословъ во главѣ съ тѣмъ же Орѣховскимъ называли такую твердость упрямствомъ, считали позоромъ и несчастіемъ разстроить дѣло, такъ долго и съ такими усиліями преслѣдуемое. Завзятость болѣе несговорчивыхъ пословъ доходила до того, что они позволили себѣ дерзкія инсинуаціи противъ короля и сената, домогались непремѣнно присутствовать въ совѣщаніяхъ его съ сенаторами и даже не приглашенные вторгались въ сенатскую залу, когда король держалъ тайныя совѣщанія съ сенаторами [1]). Такъ 15 іюня, когда король обсуждалъ съ сенаторами пункты литовской рукописи, т. е. проекта привилегіи на унію, послы, возбужденные особенно сочленами изъ краковскаго воеводства, въ пылу задора, рѣшили, не смотря на убѣжденія сдерживавшаго ихъ Орѣховскаго, отправить депутацію къ королю и сенаторамъ и требовать прекратить обсужденіе литовской рукописи. На этотъ разъ поддерживаемый сенаторами король далъ имъ выговоръ за нахальство и отослалъ ихъ назадъ ни съ чѣмъ. Тѣмъ не менѣе подъ давленіемъ пословъ король и сенаторы принуждены были склонять литовцевъ къ новымъ уступкамъ, къ постепенному отказу отъ своихъ пунктовъ. Надо признать, что поставленный между налега-

[1]) Въ инсинуаціяхъ сеймовыхъ пословъ шляхтичей видится подозрѣніе къ королю и сенаторомъ въ томъ, что они наклонны въ союзѣ съ литовскими сенаторами подорвать значеніе посольской или шляхетской палаты сейма, властною притязательностію которой дѣйствительно тяготились польскіе сенаторы.

Digitized by Google

ніями съ одной-польской и неподатливостью съ другой—литовской сторонъ, король трудился болѣе всѣхъ надъ дѣломъ соглашенія. Во время собраній польскихъ сенаторовъ въ одной, литовскихъ въ другой залѣ, король поперемѣнно ходилъ то въ одну, то въ другую залу, переговаривался то съ той, то съ другой стороной, посылалъ отвѣты и успокоенія посламъ, которые ожидая результата переговоровъ въ своей нижней залѣ, не переставали высказывать нетерпѣніе, и напоминать королю и сенаторамъ, чтобы не уступали литовцамъ. Особенно тяжки были для короля послѣдніе дни такихъ переговоровъ 24 и 25 іюня, когда онъ провелъ въ нихъ разъ около 6, другой и болѣе того часовъ, такъ что отъ утомленія почувствовалъ себя дурно. Безъ сомнѣнія, во время этихъ-то переговоровъ онъ гарантировалъ литовцамъ устранить изъ привилегіи на унію рѣчи о контумаціи, являлъ благосклонность къ нимъ послѣ бывшаго предъ тѣмъ гнѣва, обѣщалъ защиту и т. под. И онъ наконецъ достигъ цѣли. Литовцы, въ свою очередь также истомленные и жадившіе короля, рѣшились согласиться на унію, принесть присягу ему, предавъ на волю короля какъ все дѣло уніи, такъ и самую привилегію на нее, имѣвшую окончательно опредѣлиться послѣ присяги, какую съ своей стороны обѣщали дать и поляки.

28 іюня, наканунѣ праздника Петра и Павла, было особенно торжественное собраніе сейма. Король наканунѣ предупредилъ о томъ пословъ, приказавъ собраться имъ съ сенатомъ поранѣе—въ десятомъ часу, прибавивъ, что и самъ противъ обыкновенія пообѣдаетъ ранѣе, чтобы быть ранѣе въ сенатѣ. Собрались польскіе сенаторы, пришелъ король и, когда прибыли литовскіе сенаторы, позвалъ въ сенатскую залу и сеймовыхъ пословъ. Отъ литовцевъ выступилъ съ рѣчью къ королю все тотъ же Ходкевичъ. Въ этой длинной, сильной и трогательной рѣчи онъ еще разъ напомнилъ, на чемъ остановилось дѣло послѣ прежнихъ уступокъ въ немъ со стороны литовцевъ, сдѣланныхъ ими, какъ вѣрными подданными, изъ повиновенія королю, указалъ также на тѣ пункты польской привилегіи на унію, на которые они не соглашались, но наконецъ согласились, хотя принудили себя къ тому съ великою болію и стѣсненіемъ сердца; еще разъ объясняетъ тяжесть этихъ пунктовъ и умоляетъ хоть что-нибудь измѣнить въ нихъ, хоть что-нибудь сохранить для литовцевъ, сохранить особую государствен-

Digitized by Google

ную печать, ради чести бывшаго литовскаго государства, цѣлость котораго своею кровію защищали литовцы и если не могли довершить защиты, то потому, что нужно было уступить препятствіямъ, судьбѣ и времени. Чувствуя теперь свое безвыходное положеніе, смущаемые въ своей совѣсти, претящей имъ согласиться на порабощеніе своей страны Польшѣ, литовцы ищутъ опоры въ Богѣ и королѣ: „Намъ уже не къ кому обратиться за помощію, развѣ только къ Богу и къ вамъ, милостивый государь нашъ, какъ защитнику нашихъ правъ и Божію помазаннику... Приносимъ вамъ нижайшую просьбу—такъ привести къ концу это дѣло, дабы оно не влекло за собою порабощенія и позора намъ и потомкамъ нашимъ... Будьте сами стражемъ и умирителемъ этого дѣла, и если вы его совершите въ любви, то это будетъ для насъ величайшею отъ васъ милостію... Мы теперь доведены до того, что должны съ покорною просьбою пасть къ ногамъ вашего величества". Всѣ литовцы съ плачемъ пали на колѣна, а Ходкевичь продолжалъ: „именемъ Бога умоляемъ тебя, государь, помнить нашу службу, нашу вѣрность тебѣ и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы. Благоволи такъ устроить насъ, чтобы всѣмъ намъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, чтобы сохранены были наше доброе имя и твоя государская совѣсть. Именемъ Бога умоляемъ тебя помнить, что ты намъ утвердилъ своею собственною присягою". Литовцы встали съ плачемъ. „И изъ насъ, поляковъ, замѣчаетъ авторъ „Дневника" рѣдко кто не плакалъ, или не былъ взволнованъ отъ жалости, потому что многіе сенаторы плакали". Ходкевичь обратился къ польскимъ сенаторамъ: „просимъ васъ, милостивые государи, ради Бога, постарайтесь такъ кончить это дѣло, чтобы мы могли при этомъ сохранить нашу добрую совѣсть, нашу честь, и чтобы всѣмъ намъ была отъ того радость". Литовцамъ отвѣчалъ епископъ краковскій, начавъ такъ: „милостивые государи! Въ этой залѣ между нами, кажется, нѣтъ ни одного, кого бы не растрогала эта печальная, жалобная и, можно сказать, слезная рѣчь, съ которою вы обратились къ его величеству и къ намъ; но справедливо ли въ ней вы все говорите, это еще нужно надлежащимъ образомъ разсмотрѣть". Послѣ разныхъ дополнительныхъ объясненій, епископъ заключилъ: „Богъ дастъ, вы съ радостью согласитесь на унію". Затѣмъ онъ всталъ, встали со стульевъ и всѣ се-

Digitized by Google

наторы и епископъ продолжалъ: „просимъ васъ, милостивые государи и братья, согласитесь принять унію. Что касается до послѣднихъ пунктовъ, вами предложенныхъ, то король самъ дастъ отвѣтъ на нихъ. Вторично просимъ васъ, согласитесь на унію, покончите дѣло". Сказалъ краткую рѣчь и король, призналъ важность рѣчи литовской, защищалъ унію и благодарилъ литовцевъ за принятіе ими нѣкоторыхъ, предъ тѣмъ спорныхъ пунктовъ ея. Потомъ подканцлеръ ксендзъ Красинскій, по приказу короля, читалъ по напередъ уже приготовленной тетрадкѣ длинный отвѣтъ, въ которомъ особенно выяснялъ и защищалъ необходимость тѣхъ пунктовъ привилегіи на унію, на которые указалъ Ходкевичъ въ своей рѣчи, какъ обидные и нежеланные для литовцевъ. „Вамъ, гг., прочитано мое мнѣніе, сказалъ король обратясь къ литовцамъ: вы видите, что я имѣю въ виду одно—благоустроить дѣла въ государствахъ, надъ которыми Богъ поставилъ меня до времени, возложивъ на меня обязанность стараться, чтобы между этими двумя народами сохранялось надолго единеніе. Я дѣйствительно старался всегда и буду стараться исполнить эту обязанность. Дѣлать что-либо противъ совѣсти, у меня, по милости Божіей, нѣтъ желанія. И это дѣло уніи, ей-ей, я устроилъ по совѣсти и остерегался вести васъ къ тому, что могло бы быть противъ вашей совѣсти... Я не забываю, что долженъ предстать предъ Богомъ и дать ему отчетъ, какъ исполнялъ здѣсь все то, что Онъ мнѣ ввѣрилъ и какъ всякій получитъ отъ Него награду за добрыя дѣла, такъ и я надѣюсь получить ее за это дѣло уніи". Эти слова король говорилъ со слезами, присутствовавшіе тоже плакали. Король продолжалъ: „я убѣжденъ, что это дѣло не противно ни моей, ни вашей совѣсти, потому что тутъ имѣется въ виду взаимная любовь и вѣчное братство, а гдѣ любовь, тамъ пребываетъ Богъ, и напротивъ, тамъ нѣтъ Бога, гдѣ нѣтъ любви..." И долго еще говорилъ король, высказывалъ свою вѣру, что унія устроятся самимъ Богомъ и совѣтовалъ литовцамъ покориться волѣ Божіей, клятвенно увѣряя, что онъ не ведетъ ихъ къ порабощенію чрезъ эту унію, что литовцы будутъ имѣть съ нею тѣ же почести и вольности, какія имѣются въ королевствѣ. „Вы, господа, продолжалъ еще король, во время своей рѣчи плакали и падали на колѣна. Этимъ вы показали мнѣ необычную въ мірѣ честь, мнѣ—человѣку, созданію

Digitized by Google

грѣховному. При томъ такую честь не въ обычаѣ приносить государямъ, которые правятъ вольнымъ народомъ, по законамъ, но такъ какъ это сдѣлали вы, мои сенаторы, то какъ-бы то нибыло, я долженъ принять отъ васъ эту честь, но повторяю это колѣнопреклоненіе мы должны дѣлать только предъ Богомъ, а не предъ мірскими владыками“.... Король закончилъ выраженіемъ увѣренности, что литовцы со временемъ будутъ сами рады уніи, а теперь исполнятъ его волю о ней. Отъ имени литовцевъ епископъ жмудскій почтительно попросилъ дать имъ еще время на размышленіе и передать на обсужденіе письменный отвѣтъ короля, читанный подканцлеромъ. Король сказалъ дать. Литовцы удалились въ свою залу и обсуждали отвѣтъ около трехъ часовъ. Сеймъ не расходился и ждалъ, а съ нимъ и король. Литовцы возвратились и Ходкевичь опять держалъ умную рѣчь въ глубоко скорбномъ и, такъ сказать, молебномъ тонѣ, взывая къ милости короля и прося, чтобы при заключеніи уніи признаны были чистота и безупречность дѣйствій литовцевъ, соблюдены благо, достоинство и честь ихъ страны, чтобы дано было о томъ и письменное увѣреніе литовцамъ въ привилегіи на унію. О томъ же просилъ въ рѣчи къ сенаторамъ и Евстафій Воловичь. Отъ сенаторовъ епископъ краковскій отвѣчалъ убѣдительнѣйшими увѣреніями литовцевъ, что ихъ будутъ имѣть какъ братьевъ и т. д. Повторилъ и король увѣреніе въ своей полной благосклонности къ литовцамъ, въ заботливости о благѣ ихъ, какъ только они исполнятъ его волю объ уніи. Поздно кончилось собраніе сейма и унія признана состоявшеюся.

На слѣдующій день, въ праздникъ Петра и Павла, въ люблинскихъ костелахъ уже пѣли: Тебе, Бога, хвалимъ..., а проповѣдники призывали народъ благословлять Бога о счастливомъ событіи. То были еще поспѣшныя изліянія чувствъ радости. Въ самый этотъ день, не смотря на праздникъ, литовскіе депутаты, прибывши къ польскимъ посламъ, выправляли привилегію на унію, пытались, но безуспѣшно, отстаивать отдѣльную литовскую печать; на слѣдующій день выправка привилегіи производилась въ сенатѣ въ присутствіи короля. Литовцы на все согласились и на 1 іюля назначена присяга на унію.

Прежде всего читана въ слухъ всѣхъ привилегія на унію, предложенная въ двухъ совершенно сходныхъ спискахъ—одномъ

Digitized by Google

отъ имени поляковъ, другомъ отъ имени литовцевъ, такъ что они имѣли видъ взаимнаго вѣчнаго обязательства, которое давали одна другой обѣ стороны. Въ первомъ пунктѣ или предисловіи за началомъ — „во имя Господа, аминь. Да будетъ памятно нижеизложенное дѣло на вѣчныя времена“ и проч., — поименованы лица, присутствующія на сеймѣ, польскіе сенаторы и послы, между ними сенаторы и послы воеводствъ подлѣскаго, волынскаго, подольскаго и кіевскаго, какъ уже присоединенныхъ къ Польшѣ [1]). Какъ представители страны, имѣющіе полномочія отъ братій, они возобновляютъ и укрѣпляютъ союзъ королевства съ великимъ княжествомъ литовскимъ, который издавна существовалъ и охотно всегда поддерживался, и хотя былъ затрудненъ какимъ-то образомъ только въ недавнія злыя и мятежныя времена, но остается обязательнымъ на основаніи древнихъ привилегій. Дальнѣйшими пунктами новой привилегіи утверждается вѣчное сліяніе государствъ въ одно тѣло, одинъ народъ, одно государство, одну Рѣчь Посполитую съ однимъ всегда государемъ; прекращается отдѣльное избраніе и возведеніе на престолъ великаго князя въ Литвѣ, но сохраняется титулъ великаго княжества; у соединеннаго государства должны быть общій сенатъ и общіе сеймы, подъ предсѣдательствомъ общаго государя; отдѣльные государственные сеймы въ Литвѣ уничтожаются; общіе же созываются въ Польшѣ; король сохранитъ въ цѣлости всѣ права и привилегіи, вольности, почетныя и служебныя должности, суды, званія, княжескія сословія, шляхетскіе роды въ земляхъ соединенныхъ государствъ; присяга отнынѣ будетъ приноситься одному польскому королевству; представители соединенныхъ народовъ обязуются помогать одни другимъ и поровну дѣлить счастье и несчастье; сношенія и союзъ съ другими народами должны быть ведены совѣтомъ и согласіемъ представителей обоихъ народовъ; монета должна быть общая, всѣ таможенныя пошлины, водяныя и сухопутныя, уничтожаются, кромѣ обыкновенныхъ купеческихъ пошлинъ; отмѣняются всѣ постановле-

[1]) Всѣхъ сенаторовъ и пословъ изъ этихъ четырехъ воеводствъ поименовано всего до 30 при общемъ составѣ сенаторовъ и пословъ соединенныхъ польскихъ и русскихъ земель, простиравшемся свыше 160. Такъ слабо было численное представительство русскихъ на сеймѣ. Число литовцевъ, подписавшихся на литовскомъ спискѣ привилегій, намъ не извѣстно.

Digitized by Google

нія, запрещавшія или ограничивавшія пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній обывателями одной страны въ другой; экзекуція касательно столовыхъ имѣній короля на чиновъ и лицъ литовскаго княжества не простирается и самой рѣчи о ней сенаторы и всѣ чины обязываются не поднимать. Хотя отнынѣ король прекратитъ раздачу существующихъ имѣній королевскаго стола, но тѣ имѣнія, которыя потомъ могутъ переходить къ королю отъ родовъ княжескихъ, сенаторскихъ, шляхетскихъ, онъ можетъ раздавать лицамъ и родамъ польскимъ и литовскимъ. Крѣпости и имѣнія, отнимаемыя отъ врага — московскаго князя, король будетъ возвращать тѣмъ, чьи они были прежде. Эти пункты привилегіи обѣ стороны именемъ Божіимъ и честнымъ шляхетскимъ и христіанскимъ словомъ обѣщаютъ за себя и потомковъ хранить свято и неизмѣнно и общими силами подъ властію короля возставать противъ нарушителей ихъ и вручаютъ одна сторона другой списки привилегіи съ привѣшенными къ нимъ печатями участвовавшихъ лицъ.

Затѣмъ началась присяга. На столѣ предъ королемъ положено было евангеліе отъ Іоанна. Присягавшіе становились на колѣна, клали два пальца на евангеліе и произносили форму присяги. Первыми присягали польскіе сенаторы, начиная съ епископовъ: за ними свѣтскіе сенаторы по восемь заразъ; далѣе литовскіе сенаторы, потомъ польскіе и литовскіе послы по воеводствамъ. Съ польскими сенаторами и послами присягали и русскіе. При актѣ присяги польскіе сенаторы благодарили Бога, что дожили до этого времени и сильно плакали, такъ что и канцлеръ не могъ отъ волненія читать формулу присяги и ее сталъ читать великій маршалъ, но потомъ канцлеръ, оправившись, продолжалъ читать ее сенаторамъ и посламъ. Литовцамъ читалъ формулу присяги подканцлеръ Воловичъ [1]). Присяга длилась до 8 часовъ вечера. Король все время стоялъ у стола, снявъ шапку. Архі-

[1]) Литовцы присягали два раза: разъ какъ польскіе сенаторы, другой разъ — на привилегію. Скандальнымъ эпизодомъ во время присяги былъ отказъ трехъ польскихъ социніанъ-антитринитаріевъ присягать по формулѣ, гдѣ были слова, присягаю Господу Богу, въ *Троицѣ единому*. Только одинъ, по увѣщанію короля, согласился присягнуть, непроизнося однако послѣднихъ словъ. Другіе два ушли, избѣгая присяги. Отъ нихъ потребовали присяги на слѣдующій день, а когда они отказывались, то постановлено было лишить ихъ права подачи мнѣній и самаго засѣданія на сеймѣ. Послѣ этого они согласились присягнуть.

Digitized by Google

епископъ гнѣзненскій благодарилъ короля, поздравлялъ литовцевъ въ рѣчи къ нимъ, на что отвѣчалъ рѣчью Ходкевичъ, а все заключилъ рѣчью король. Затѣмъ на уже приготовленномъ у замка конѣ король, сопутствуемый сенаторами, послами и народомъ, подъ сильнымъ дождемъ, поѣхалъ въ костелъ св. Станислава; по слову короля запѣли: Тебе, Бога, хвалимъ...; король былъ въ слезахъ и самъ пѣлъ. По окончаніи богослуженія король отправился въ замокъ.

Событіями 1 іюня завершилось главное дѣло сейма—утвержденіе уніи. Но сеймъ продолжился еще до 12 августа. Требовалось еще формулировать всѣ частные акты уніи въ общемъ актѣ или конституціи на унію. Оставались нерѣшенными и многія другія дѣла, какъ намѣченныя въ самомъ началѣ сейма, такъ и выдвигавшіяся во время сейма. Много разъ принимались за эти дѣла на сеймѣ, обсуждали ихъ, спорили о нихъ, но большею частію еще не довершили ихъ. Эти другія дѣла сейма не имѣютъ для насъ непосредственнаго значенія и мы можемъ сказать о нихъ короче, и по стольку, по скольку они соприкасаются съ дѣломъ уніи, излагая при томъ не въ порядкѣ сеймовыхъ засѣданій, а въ порядкѣ ихъ однородности. Таковы:

1) Дѣло объ Инфлянтахъ или Ливоніи. На Люблинскомъ съѣздѣ съ первыхъ же дней неудачныхъ переговоровъ съ литовцами, поляки уже заговорили о Ливоніи, какъ неправильно присвоенной притязательными литовцами. Послѣ отъѣзда ихъ съ сейма 1 марта, поляки стали настойчивѣе говорить о Ливоніи и согласно принятому проекту—поразить Литву отторженіемъ отъ нея разныхъ земель по частямъ, не одинъ разъ требовали немедленнаго отнятія у Литвы и присоединенія къ Польшѣ и Ливоніи. Король обыкновенно повторялъ, что надо еще подождать. За тѣмъ въ іюнѣ, когда съ пріѣздомъ литовцевъ на сеймъ возобновились переговоры объ уніи, литовцы вступались и за свои права на Ливонію. Ходкевичъ, болѣе всѣхъ подвизавшійся въ пріобрѣтеніи Ливоніи, бывшій ея правителемъ, давшій и свой гербъ ей, имѣлъ полное право въ своей знаменитой рѣчи 25 іюня выразиться такъ: „что касается Инфлянтовъ, то вашему величеству извѣстно, какъ мы защищали ихъ отъ враговъ, сколько понесли издержекъ и сколько наконецъ принесли въ жертву нашей крови и жизни. И что еще

Digitized by Google

важнѣе: мы дали имъ клятву, что они будутъ при литовскомъ княжествѣ. По этому, если Инфлянты, вслѣдствіе совѣтовъ и убѣжденій вашего величества, сами пожелаютъ отойти отъ насъ, то ваше величество благоволите снять съ насъ вышесказанную присягу. Но такъ какъ мы, какъ я уже сказалъ, получили эту страну цѣною великихъ потерь, защищали ее отъ непріятеля и до сихъ поръ защищаемъ, жертвуя для сего нашимъ имуществомъ и здоровьемъ, то справедливо было-бы вознаградить наши потери". 1 іюля, въ день присяги на унію, литовцы требовали, чтобы представители Инфлянтовъ присягали вмѣстѣ съ литовцами, какъ члены литовскаго княжества. Но поляки отвѣчали: „Инфлянты на столько же принадлежатъ королевству, на сколько и вамъ; можно даже сказать, что они больше принадлежатъ королевству, чѣмъ вамъ: по этому они присягнутъ королевству особо, а не вмѣстѣ съ вами". Вопросъ объ Инфлянтахъ продолжалъ обсуждаться и въ засѣданіи 27 іюля. Замѣчательно, что настаивая на принесеніи литовцами присяги прямо королевству, нѣкоторые поляки предполагали однакоже до поры до времени оставить ихъ подъ покровительствомъ литовцевъ, т. е. оставить на плечахъ ихъ тягости защиты этой страны, а самую страну взять къ коронѣ. При этихъ спорахъ Ходкевичь между прочимъ замѣтилъ: „кто хочетъ имѣть въ виду выгоды, тому не мѣшаетъ имѣть въ виду и убытки." Долго еще и послѣ толковали объ Инфлянтахъ, между тѣмъ какъ самихъ-то представителей ихъ было въ Люблинѣ всего нѣсколько и тѣ какъ-то прятались, такъ что ихъ мало видѣли и мало слышали о нихъ. Наконецъ уже 8 августа находившіеся въ Люблинѣ ливонскіе послы принесли присягу и земля ихъ признана присоединенною совмѣстно къ Польшѣ и Литвѣ, какъ одному государству. При этомъ ливонскіе послы въ весьма жалобливой, по латыни сказанной рѣчи, говорили о великихъ несчастіяхъ, испытанныхъ литовцами за ихъ грѣхи отъ разныхъ жестокихъ враговъ, и просили короля защищать отъ послѣднихъ, потому что они уже его подданные, а онъ король, можно думать, сильнѣе теперь всѣхъ христіанскихъ государей. Ранѣе того прибывшій въ Люблинъ прусскій князь Фридрихъ Альбертъ принесъ 19 іюля присягу на подданство Польшѣ, чѣмъ закончено присоединеніе Пруссіи.

Digitized by Google

Дѣло Московское. Поляки выражались, что московская война пригнала Литву къ уніи [1]). Теперь, когда унія состоялась, надлежало ожидать, что Польша и Литва соединенными силами возобновятъ войну для возврата прежнихъ и послѣднихъ утратъ. И дѣйствительно, въ совѣщаніяхъ послѣ 1 іюля не разъ поднимался вопросъ о возобновленіи войны, но рядомъ съ вопросомъ и объ отправленіи посольства въ Москву для заключенія мира. Замѣчательно, что наиболѣе горячимъ сторонникомъ войны былъ брацлавскій воевода Романъ Сангушко, упоенный, какъ видно, недавнею своею побѣдою при Улѣ. Въ засѣданіи 2 іюля онъ выражался, что было бы позоромъ заключать миръ съ московскимъ государемъ: это значило бы упускать благопріятное время для войны. А такимъ онъ считалъ данное время, какъ вслѣдствіе внутренняго состоянія московскаго государства при тиранніи Іоанна, такъ вслѣдствіе слуха о готовящемся будто бы движеніи противъ Москвы турецкаго султана, о чемъ говорилъ въ Люблинѣ посолъ турецкаго султана потурчившійся полякъ Стражъ. Но воинственныя замашки Сангушка и немногихъ другихъ остались безплодны. Королю и полякамъ казалось теперь гораздо удобнѣе помириться съ Москвою, чтобы упрочить дѣло уніи. Финансовыя затрудненія еще болѣе обезоруживали какъ короля, такъ и поляковъ съ литовцами. Тѣ и другіе наклонны были взваливать тяжесть военныхъ издержекъ на короля, у котораго между тѣмъ совсѣмъ не было денегъ. Въ Москвѣ также слѣдили за ходомъ уніи на сеймѣ, во время котораго былъ въ Люблинѣ нѣкоторое время и московскій гонецъ. Окончаніе дѣла уніи произвело сдерживающее вліяніе на Москву, куда посланецъ Василій Булгаковъ принесъ такую вѣсть: „въ единочество король ляховъ съ литовскими панами привелъ, и присяга межъ ими была; а единанье ихъ на томъ, что имъ стояти ото всѣхъ украинъ за одинъ; ляхамъ Литвѣ пособляти, а Литвѣ ляхамъ пособляти, безъ пенязей“ [2]). Это *безъ пенязей* болѣе всего объясняетъ, что въ слѣдующемъ 1570 г. прибыло въ Москву большое польско-литовское посольство для заключенія мира

---

[1]) Предисловіе къ изд. „Дневника“ стр. VII, примѣч. 3.
[2]) А. з. Р. III, стр. 150.

Digitized by Google

Дѣло объ экзекуціи и долгахъ короля. Въ началѣ сеймовыхъ совѣщаній поляки выражались, что „унія повѣнчена съ экзекуціей"; что одна съ другой должны быть неразлучны. Вопросъ объ экзекуціи поднимали на сеймѣ почти всегда члены посольской или земско шляхетской палаты, направляя его противъ знатныхъ пановъ, которые поразобрали значительную часть королевскихъ столовыхъ имѣній. Угрожаемые возможностію то утраты ихъ, то привлеченія къ платежу четвертой части доходовъ съ нихъ, паны надѣялись вознаградить себя послѣ уніи доходными мѣстами и пріобрѣтеніями въ литовско-русскихъ земляхъ. Но боялись экзекуціи и многіе литовско-русскіе паны, также владѣвшіе государевыми столовыми имѣніями въ своихъ земляхъ. Въ этомъ для многихъ изъ нихъ заключалась особенная опасность и самой уніи, вслѣдствіе которой польскіе статуты объ экзекуціи могли быть распространены и на литовско-русскія области. Потому-то король и сеймовые паны для привлеченія ихъ къ уніи сочли нужнымъ успокоивать ихъ, что они не будутъ подвергнуты экзекуціи. Это говорили они подлѣсянамъ, волынянамъ и литовцамъ, и затѣмъ условіе о свободѣ отъ экзекуціи внесено во всѣ привилегіи на унію, составленныя на сеймѣ для присоединяемыхъ земель. Освобождая эти земли отъ экзекуціи, поляки говорили, что берутъ ее на себя. Такимъ образомъ, по окончаніи всего дѣла уніи, надлежало приступить къ экзекуціи относительно польскихъ пановъ. Послѣ 1 іюля это дѣлалось усиленнѣе, чѣмъ прежде. Сдѣлано однако же весьма немного. Отъ закона до его исполненія въ Польшѣ было очень далеко. Въ „Дневникѣ" сейма не разъ встрѣчаются замѣчанія: „обсуждали дѣла объ экзекуціи, но болѣе ссорились, чѣмъ разсуждали и рѣшали". За весьма немногими исключеніями, польскіе паны удержали столовыя королевскія имѣнія и слабо привлекались къ платежамъ съ нихъ. Отсюда вышло то, что дѣло объ экзекуціи пало наибольшею тяжестію на короля. Его-то особенно привлекали теперь къ платежу четвертой части доходовъ со своихъ столовыхъ имѣній, какъ обязался онъ на Петриковскомъ сеймѣ 1563 г. Король, всегда нуждавшійся въ деньгахъ, давно не платилъ, или плохо платилъ и на немъ по его столовымъ имѣніямъ, по займамъ, сдѣланнымъ подъ залогъ этихъ имѣній, считалось много долга. Сеймовые паны широко понимали этотъ долгъ, требуя съ короля не только недавнихъ долговъ, но и старыхъ, тре-

Digitized by Google

буя платежа не только съ имѣній позже возвратившихся къ королю, чрезъ обратный переходъ къ нему земельныхъ пожалованій его, но также съ имѣній давнихъ, даже съ такихъ, какія онъ считалъ личною собственностію, напримѣръ, тѣхъ, которые достались ему отъ матери, королевы Боны, словомъ, *со всѣхъ королевскихъ имѣній*. Долгъ выходилъ громадный. Хотя по временамъ паны и сдерживались въ своихъ заявленіяхъ къ королю по этому долгу, даже выражались, что уплаты его просятъ какъ милости, но вообще не отступали отъ своихъ требованій. Заходила рѣчь о томъ, чтобы часть королевскаго долга покрыли богатые польскіе прелаты-сенаторы. Но тѣ отказались. Хотѣли, по крайней мѣрѣ, чтобы прелаты поручились за короля въ уплатѣ долга, но прелаты отказались и отъ этого. Много огорченій и даже прямо оскорбленій нанесено было королю на сеймѣ во время всѣхъ этихъ толковъ и представленій ему объ уплатѣ долга. Не одинъ разъ король заболѣвалъ, наслушавшись рѣчей сеймовыхъ пановъ, особенно пословъ по этому предмету, и даже говорилъ о неблагодарности ему пановъ за то, что онъ сдѣлалъ для нихъ въ вопросѣ объ уніи. Король долженъ былъ покориться и обѣщалъ уплату долга, но въ самомъ концѣ сказалъ, что все таки не будетъ платить старыхъ долговъ. Онъ былъ и безъ того ограбленъ панами. Съ другой стороны они ничего не сдѣлали по неоднократно повторяемымъ на сеймѣ просьбамъ короля объ обезпеченіи его потомства (король разумѣлъ здѣсь своихъ сестеръ). Споры о долгахъ короля, обострившіеся особенно къ концу сейма, наиболѣе объясняютъ то тяжелое и грустное настроеніе, которое замѣчается у короля и сеймовыхъ пановъ въ это время.

Въ числѣ вопросовъ, занимавшихъ сеймъ послѣ 1 іюля, частію рѣшенныхъ лишь кое-какъ, были вопросы о снятіи пошлины на соль, о чемъ особенно просили послы галицко-русской, белзской, волынской, кіевской и подлѣсской земель, а также вопросъ о жидахъ, на которыхъ особенно жаловались представители — дворяне литовско-русскихъ земель, выражаясь, что „жиды одолѣли ихъ, держатъ торговыя пошлины, сборы на торгахъ, мельницы, побрали въ аренду солодовни и всѣ другія доходныя статьи“ („Дневникъ“, стр. 385). Скоро имѣло наступить и то, что жиды будутъ брать въ аренду и церкви и притомъ отъ самыхъ литовско-русскихъ пановъ, когда они ополячатся! Успѣшнѣе шла работа надъ

Digitized by Google

послѣднею обработкою сеймовыхъ конституцій, которыя почти закончены въ послѣдніе дни сейма. Вслѣдъ за тѣмъ составлена была коммиссія для новой обработки Литовскаго статута, съ измѣненіями, какія требовались теперь вслѣдствіе уніи. Это будетъ третій литовскій статутъ, напечатанный уже въ 1588 г. Своимъ русскимъ языкомъ и уцѣлѣвшими чертами самобытнаго литовско-русскаго права онъ еще будетъ напоминать Литвѣ и западной Россіи о ихъ національной отдѣльности и самобытности, которую будутъ отстаивать литовско-русскіе представители и послѣ уніи, доколѣ не ополячатся подъ давленіемъ польской религіозно-національной пропаганды.

Еще съ начала августа стали говорить объ ускореніи закрытія сейма, затянувшагося такъ долго, какъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ сеймовъ. Жаловались на крайнее утомленіе, а послы—и на истощеніе средствъ содержанія. Король чаще и чаще заболѣвалъ. Наконецъ на 11 августа назначено закрытіе сейма и прощаніе съ королемъ. Собрались въ общей залѣ сенаторы и послы, и маршалъ польской палаты Чарнковской сталъ говорить рѣчь, но впалъ въ обморокъ. Пришлось отложить церемонію на завтра. 12 августа опять собрались сенаторы и послы въ присутствіи короля. Чарнковскій оправился. Прощальная рѣчь его продолжалась по „Дневнику“ два часа. Онъ благодарилъ короля за труды и восхвалялъ за великое дѣло, которое совершилъ король на сеймѣ съ великою славою для себя и на страхъ своему врагу (т. е. московскому государю); убѣждалъ короля благодарить Бога и Ему приписывалъ это дѣло; убѣждалъ хорошо управлять своими государствами, такъ широко теперь распространенными; указывалъ королю на вопли обиженныхъ и просилъ утолить ихъ печали; не преминулъ указать и на врага его, московскаго государя, и говорилъ, что нужно энергически продолжать съ нимъ войну, внесть войну въ собственную землю его. Много и другихъ вещей говорилъ маршалъ и закончилъ призывомъ Божія благословенія на короля. Король отвѣчалъ сперва чрезъ канцлера, потомъ самъ — и довольно длинною рѣчью. Онъ началъ благодареніемъ Богу, и Его святой волѣ приписывалъ дѣла, совершившіяся на сеймѣ; о себѣ говорилъ, что исполнилъ то, что всегда было мыслію его предковъ, что какъ всею душею преданный Рѣчи Посполитой, онъ благодаренъ сенаторамъ и посламъ за труды ихъ

Digitized by Google

въ великихъ дѣлахъ, совершившихся на сеймѣ. Указавъ на значеніе этихъ дѣлъ, король присовокупилъ, что думаетъ еще объ одномъ, имѣющемъ завершить ихъ великомъ дѣлѣ — о *возстановленіи единства вѣры*, котораго хочетъ достигнуть однако же безъ всякаго насилія совѣсти и не прибѣгая къ насильнымъ мѣрамъ, неумѣстнымъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Затѣмъ еще напоминалъ о правилахъ избранія короля, о правосудіи, о мѣрахъ защиты государства, (но не о войнѣ), объ обезпеченіи королевскаго потомства, не преминувъ и здѣсь сказать, что не будетъ платить четвертой части съ старыхъ суммъ, и заключилъ призывомъ Божія благословенія на сенаторовъ и пословъ. По окончаніи королевской рѣчи, послы подходили къ королю, давали ему свою руку и цѣловали руку короля. Затѣмъ король всталъ и съ сенаторами ушелъ въ свои комнаты. Съѣздъ окончился.

Красивыя рѣчи, говоренныя при началѣ съѣзда, во время съѣзда, и при закрытіи его, не закрываютъ истиннаго характера дѣла, совершившагося на съѣздѣ, какъ дѣла интриги и насилія съ одной стороны, слабости и безпомощности съ другой. Такое дѣло не могло устоять. Разрушеніе его подготовятъ сами поляки. Скоро послѣ уніи политической они начинаютъ работать надъ уніею религіозною, руководимые іезуитами, прибывшими въ Вильну въ самый годъ Люблинскаго съѣзда. Начнется для западной Россіи новая борьба съ Польшею, ея латино-уніатскою пропагандою, съ замыслами ея на полонизацію высшихъ сословій русскаго общества и на порабощеніе русскаго народа въ западной и южной Россіи. Въ этой новой борьбѣ полякамъ, хотя не легко и не скоро, но довольно удастся олатинить и ополячить многихъ изъ тѣхъ литовскихъ и русскихъ пановъ и дворянъ, которые имѣли слабость поддаться на Люблинскую унію политическую, или потомковъ ихъ. Но въ этой борьбѣ поляки и ополячившіеся русскіе дворяне встрѣтятся съ тою силою, о которой забыли на Люблинскомъ съѣздѣ, которой они не предполагали и долго не разгадали и потомъ. Это сила всего русскаго народа южной и западной Россіи, нашедшаго мощнаго союзника въ единоплеменномъ и единовѣрномъ народѣ Великой Россіи, послѣ того, какъ, изгнавъ поляковъ изъ Москвы въ 1612 г. и укрѣпясь подъ властію новаго царствующаго дома, Великая Россія, подъ знаменемъ своихъ государей, выступитъ на

Digitized by Google

подвигъ защиты угнетаемой западной Россіи. Возсоединеніе оторженныхъ земель ея съ единою русскою землею было славнымъ плодомъ такого подвига. Пала унія Люблинская и Брестская, пала съ ними Польша, осталась Россія съ ея великимъ будущимъ, къ какому ведетъ ее рука Провидѣнія.

Ив. Малышевскій.

Digitized by Google

Присоединеніе Подлѣсья къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Длинная, узкая полоса земли отъ Августова до Лукова съ сѣвера на югъ, на западъ отъ Буга за Венгровъ, Межирѣчье у южнаго конца своего и за Бобромъ почти до Бѣлой у сѣвернаго конца составляла еще во времена Литовскаго великаго княжества Подлѣсское воеводство [1]). Названіе это, взятое въ началѣ XVI вѣка у поляковъ, прикрыло собою болѣе древнелитовско-русское названіе составныхъ частей этой области, сохранившееся, впрочемъ, и послѣ того. Подлѣсское воеводство состояло изъ земли Дорогичинской, земли Мѣльницкой и земли Бѣльской.

Область эта въ древнія времена только у сѣвернаго конца и у южнаго была заселена русскимъ народомъ,—у сѣвера бѣлорусскимъ племенемъ, которое тамъ составляетъ самую западную часть бѣлоруссовъ, а на югѣ заселена малорусскимъ племенемъ, составлявшимъ здѣсь прежде тоже крайнюю сѣверо-западную колонію малороссовъ изъ Волыни, Галиціи и Холмско-люблинской области.

[1]) Границы Подлѣсья съ Польшей показаны въ документѣ отъ 1358,—договорѣ литовскаго князя Кейстута съ мазовецкимъ княземъ Земовитомъ. Документъ напечатанъ Нарушевичемъ и изъ него переизданъ Нарбуттомъ въ его исторіи, т, 5, стр. 88. Позднѣйшее разграниченіе отъ первой половины XVI вѣка напечатано въ 1 томѣ Археографич. Комм. № 31. Изъ многихъ толкованій словъ: Подлѣсье, Подлясье, Подляшье, самое простое и естественное, по нашему мнѣнію, будетъ такое, что со стороны Польши страна эта будетъ Подлѣсье,—т. е. земля, лежащая подъ бѣлорусскими (бывшими) лѣсами, пущами, гродненской, кузницкой, супрамышльской, бѣловѣжской а со стороны западной Россіи Подлѣсье правильнѣе называть Подляшье, страною, прилегавшей къ землямъ ляховъ. На люблинскомъ сеймѣ страну эту называли Подлясье, по русски Подлѣсье. Послѣднее названіе и мы удерживаемъ въ настоящей статьѣ.

Digitized by Google

Вся средина Подлѣсской области составляла древнее мѣстожительство Ятвяговъ.

Русскія племена, — малороссійское изъ Бреста, Дорогичина, Брянска, Бѣльска подвигались все болѣе и болѣе въ ятвяжскую землю съ юга, а бѣлоруссы съ сѣверо-востока изъ трокской, виленской и гродненской областей. Оба эти племени больше всего потрудились для колонизаціи этой страны, давно уже сошлись въ своемъ движеніи—бѣлоруссы съ сѣвера, малоруссы съ юга и до сихъ поръ составляютъ въ ней плотное, коренное населеніе, такъ что съ весьма давнихъ временъ вся подлѣсская земля сдѣлалась русскою страною. Надвигались часто въ эту страну при истребленіи ятвяговъ и поляки мазовецкаго племени. Этому особенно много содѣйствовало то, что въ древнія времена, еще до соединенія Литвы съ Польшей, литовскіе князья отдавали иногда части Подлѣсья въ залогъ за деньги мазовецкимъ князьямъ. Но русскій этнографическій элементъ здѣсь всегда былъ такъ силенъ, что поселявшіеся мазуры въ значительной степени русѣли, особенно тѣ изъ нихъ, которые заходили далеко на востокъ, напримѣръ къ Бѣльску. До сихъ поръ сохранились слѣды этого обрусѣнія. На западъ отъ Бѣльска есть нѣкоторыя мѣстности, населенныя мазурами православной вѣры, и это не новыя пріобрѣтенія православія. Мазуры эти были прежде уніатами, а это всегда и вездѣ значило, что до уніи они были православными, т. е. исповѣдывали русскую вѣру съ весьма древняго времени.

Въ весьма старыя времена,-—еще съ XIII вѣка, и особенно въ XIV Подлѣсская область была яблокомъ раздора между сосѣдними государствами,—сперва между галицкими, южно-польскими и мазовецкими князьями, а потомъ между литовскими, мазовецкими и польскими государями; наконецъ въ эту борьбу впутывались прусскіе рыцари и еще больше запутывали дѣла. Особенно бурныя времена были для этой области въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XIV вѣка, когда польскій король Казиміръ Великій, покорившій тогда Галицію, задумалъ протянуть руку и къ Подлѣсской области. Но русская народная сила этой области неодолимо тянула ее къ востоку, къ Литовскому княжеству, и Казиміръ увидѣлъ необходимость отступиться отъ своихъ завоевательныхъ замышленій. Еще при Ольгердѣ страна эта была признана литовскою областію и Казиміромъ и мазовецкими князьями и съ тѣхъ

Digitized by Google

поръ до самой люблинской уніи составляла безспорное владѣніе Литовскаго княжества.

Государственные люди Литовскаго княжества хорошо понимали, что эта западная, окрайная область ихъ государства можетъ подвергаться сильному польскому вліянію, и принимали противъ этого мѣры особенно около половины XVI столѣтія, во время великаго возбужденія тогда государственнаго сознанія въ Литовскомъ княжествѣ. Они размѣстили на правительственныхъ мѣстахъ въ этой области большое число людей изъ Литвы, Волыни и даже изъ восточной Бѣлоруссіи, а на обоихъ историческихъ концахъ ея,—на сѣверномъ и южномъ сторожили ее два могущественныхъ двигателя литовской независимости,—на сѣверѣ жмудскій староста Иванъ Ходкевичъ, опиравшійся и на содѣйствіе единомышленнаго съ нимъ трокскаго воеводу Збаражскаго, и на югѣ литовскій подканцлеръ Евстафій Воловичъ, владѣвшій нѣсколькими подлѣсскими староствами на западъ отъ Брестья.

Предусмотрительность литовскихъ государственныхъ людей оказалась вѣрною, хотя, можетъ быть, запоздавшею. На Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. рѣшившемъ сліяніе Литвы съ Польшей или такъ называемую Люблинскую унію, малая, слабосильная Подлѣсская область сдѣлалась первымъ и самымъ большимъ яблокомъ раздора между чинами литовскаго княжества и польскаго королевства и была сценой многихъ драмъ и трагическаго и комическаго характера.

Извѣстно, что съ перваго соединенія Литвы съ Польшей въ 1386 г. при Ягайлѣ и до Люблинскаго сейма 1569 г. при Сигизмундѣ Августѣ, оба эти государства связаны были только тѣмъ, что имѣли, и то не всегда, одного государя и лишь нѣкоторыя общія дѣла, политическаго характера, во всемъ же остальномъ составляли особыя, отдѣльныя государства. Скрѣпить этотъ непрочный союзъ, сдѣлать его неразрывнымъ и собрались представители обоихъ государствъ въ Люблинѣ 10 января 1569 г. Но сейчасъ же обнаружилось между ними непримиримое противорѣчіе. Представители литовскаго княжества желали братскаго, полноправнаго союза, Польша желала сліянія съ нею Литвы, превращенія Литвы въ польскую область. Послѣ длинныхъ споровъ, тянувшихся январь и февраль 1569 г.; представители Литвы наконецъ убѣдились, что имъ не объ чемъ говорить съ поляками, бросили сеймъ 1 марта

Digitized by Google

и разъѣхались по домамъ. Вотъ въ это-то время и выдвинута была на сцену прославленой Люблинской уніонной драмы Подлѣсская область. Поляки рѣшились, какъ тогда выражались литовцы, обрѣзывать имъ крылья,—отнимать у нихъ русскія области по частямъ, и первымъ такимъ обрѣзываемымъ крыломъ оказалось Подлѣсское воеводство.

3 марта 1569 года сеймовые послы польскаго королевства постановили присоединить къ Польшѣ Подлѣсье, потребовать, чтобы прибыли на сеймъ въ Люблинъ сановники и послы этой области, принесли присягу на вѣрность Польшѣ и сѣли въ засѣданіи сейма, далѣе, чтобы старосты подлѣсскіе и всѣ владѣльцы тоже принесли присягу и чтобы всѣ дѣла въ Подлѣсьи производились отъ имени Польши и съ приложеніемъ польской печати [1]). Польскіе сенаторы и король приняли и утвердили тогда же эти насильственныя мѣры польскаго сейма [2]).

Нѣкоторые изъ подлѣсянъ находились тогда еще въ Люблинѣ и когда имъ приказано было явиться на сеймъ, то повиновались и нѣкоторые даже заявили, что охотно присоединятся къ Польшѣ. Поляки обрадовались и потребовали, чтобы эти подлѣсяне сейчасъ же принесли присягу. Но вдругъ эти самые подлѣсяне заговорили совсѣмъ другое. Можно думать, что ихъ не удовлетворила грамота на присоединеніе, которую они стали разсматривать и исправлять; но, главное, они получили изъ своихъ мѣстъ тревожныя извѣстія. Подъ 9 числомъ марта въ Люблинскомъ дневникѣ записано: „подлѣсскіе послы сказали посламъ королевства въ ихъ палатѣ такую рѣчь: милостивые государи и братья! Такъ какъ мы присоединились къ вамъ добровольно, то просимъ васъ: во первыхъ не принуждать насъ къ присягѣ, пока вы не обсудите, какъ защитить насъ; во вторыхъ, просимъ, чтобы дана намъ была привиллегія для огражденія нашей свободы, потому что наша жизнь и наши имѣнія въ опасности отъ литовскихъ сенаторовъ“ [3]). Въ другой редакціи этого дневника опасность эта изображается сильнѣе. Подлѣсскіе послы говорили что „они получаютъ изъ домовъ своихъ письма, въ которыхъ пишутъ, что имъ дѣлаются большія угрозы; говорили также, что получили извѣстіе, будто имъ приказано

[1]) Люблинскій дневникъ, изданіе Археографич. Комм. 1869 г. стр. 137—8.
[2]) Тамъ же, стр. 141.
[3]) Тамъ же, стр. 167—8.

Digitized by Google

собираться на войну и неизвѣстно куда“ [1]). Поляки дали голословное обѣщаніе, что дана будетъ надлежащая защита, и потребовали присяги. Несчастные подлѣсскіе послы, оказавшіеся между двухъ огней,—между гнѣвомъ поляковъ и опасностію на родинѣ, пали духомъ и принесли присягу. Это были: дорогичинскій писарь Косинскій, брянскій подстароста Буйно и еще какой-то Журавскій [2]). Сюда же попалъ и дрогичинскій подкоморій Ижиковичъ. Онъ было уже уѣхалъ изъ Люблина, подобно другимъ литовцамъ, но его вернули назадъ и приказали присягать [3]). Онъ сталъ было отговариваться, но „ему повторено приказаніе и онъ принесъ присягу“ [4]). Еще болѣе достойно жалости было положеніе мѣльницкаго старосты и литовскаго писаря Матишка, который вовсе не былъ сеймовымъ посломъ, но какимъ-то образомъ оказался въ Люблинѣ. Приводимъ подлинными словами люблинскаго дневника эту жалости достойную сцену. „Когда (бывшіе въ Люблинѣ) подлѣсскіе послы, говорится въ этомъ дневникѣ, принесли присягу, приказано подойти къ его величеству г. Матишку, литовскому писарю, старостѣ мѣльницкому, и принести присягу. Выступивъ впередъ, онъ сильно просилъ, чтобы его не принуждали къ присягѣ, и въ длинной рѣчи припоминалъ его величеству свою вѣрность и присягу, принесенную уже королю, какъ великому князю литовскому, и говорилъ, что поэтому ему не годится присягать вторично и притомъ другому государству. Если бы онъ это сдѣлалъ, то поступилъ бы противъ совѣсти: просилъ поэтому короля, чтобы не приказывалъ ему присягать. Просилъ онъ объ этомъ сильно и долго, просилъ не дѣлать этого ради самого Бога. Послѣ этого посольскій маршалъ (Чарнковскій) сказалъ его величеству слѣдующее: „свѣтлѣйшій, милостивый король! Вижу, что г. Матишекъ уклоняется отъ обязанности, которую долженъ исполнить. Намъ важна не личность г. Матишка. Онъ можетъ, если ему угодно, не быть съ нами за одно, пренебрегать нами; но намъ нужно, чтобы на его должности былъ человѣкъ, который былъ бы покоренъ и вѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 168. Упомянутая другая редакція люблинскаго дневника издана была Дзялынскимъ. Она приведена въ варіантахъ въ изданіи Археограф. Коммиссіи.

[2]) Тамъ же, стр. 155, 169.

[3]) Тамъ же, стр. 155.

[4]) Тамъ же, стр 169.

Digitized by Google

ренъ вашему величеству и королевству: поэтому, если г. Матишекъ желаетъ остаться подъ властію литовскаго княжества, то пусть отдастъ староство. При этомъ Матишекъ сильно сталъ просить, чтобы ему не присягать. Король подозвалъ къ себѣ сенаторовъ и послѣ совѣщанія съ ними, такъ рѣшилъ дѣло: его величество усматриваетъ, что ты обязанъ присягнуть и приказываетъ тебѣ это сдѣлать; впрочемъ, такъ какъ ты не желаешь присягать, чтобы не оскорбить своей совѣсти; то его величество оставляетъ тебя при твоей совѣсти, а староство отнимаетъ. Послѣ этого Матишекъ снова сталъ сильно просить и защищать себя; но господинъ канцлеръ не далъ ему говорить. Какъ только Матишекъ началъ говорить, канцлеръ сказалъ ему: пойдешь ли ты (присягать)! и въ другой разъ сказалъ: иди же! Г. Матишекъ рѣшился лучше принести присягу и остаться при старостве“ [1]).

Комедія, продѣланная надъ злополучнымъ Матишкомъ, понравилась польскимъ сеймовымъ депутатамъ, и они пожелали повторить ее надъ могущественнѣйшимъ защитникомъ литовской независимости подканцлеромъ Евстафіемъ Воловичемъ, который какъ мы уже говорили, владѣлъ нѣсколькими староствами въ Подлѣсьи. Польскіе сеймовые депутаты потребовали, чтобы и Воловичъ принесъ присягу Польшѣ. Всѣ сознавали, что это вопросъ грознаго свойства. Король и сенаторы смутились въ виду этой грозы и стали отклонять депутатовъ отъ этого шага. Они то доказывали, что Воловичъ не обязанъ присягать, то просто указывали посламъ на дурныя послѣдствія ихъ неблагоразумнаго образа дѣйствій. Архіепископъ Уханскій говорилъ депутатамъ между прочимъ. „если всмотрѣться въ дѣло глубже, то окажется, что ваше требованіе причинитъ больше затрудненій, чѣмъ принесетъ пользы. Не на всѣхъ бы намъ налегать, — тогда можно бы ожидать, что унія придетъ къ успѣшному окончанію [2]). Маршалъ королевства прибавлялъ: „гг. сенаторы просятъ васъ не раздражать слишкомъ литовцевъ“ [3]).

Но этотъ призывъ къ благоразумію не только не подѣйствовалъ на польскихъ сеймовыхъ пословъ, а напротивъ еще больше распалилъ ихъ страстное желаніе посрамить и Воловича, поста-

---

[1]) Тамъ же, стр. 169, 171.
[2]) Тамъ же, стр. 172.
[3]) Тамъ же, внизу.

Digitized by Google

вить и его въ жалкое положеніе ничтожнаго Матишка. Они еще настойчивѣе стали требовать, чтобы Воловичъ принесъ присягу и при этомъ откровенно высказали драгоцѣнныя для исторіи соединенія Литвы съ Польшей вещи. „Мы въ теченіи полутораста лѣтъ (т. е., очевидно съ первой уніи при Ягайлѣ) убѣждались, говоритъ холмскій посолъ Сѣницкій, и въ настоящее время видимъ, что литовцы не хотятъ уніи и что въ особенности ей противится г. Евстафій (Воловичъ). Если бы онъ не принесъ присяги, когда мы видимъ, что онъ врагъ королевства, то это было бы очень дурно“ [1]). По другой редакціи люблинскаго дневника Сѣницкій еще говорилъ: „мы этого требуемъ не на основаніи однихъ подозрѣній, а потому что вѣрно знаемъ, что литовцы не хотятъ соблюдать уніи согласно привилегіямъ (т. е. актамъ уніи); они говорятъ, что эти привилегіи испарились“ [2]). „Дѣло ясное, говорилъ радѣевскій староста Лещинскій; если г. Евстафій не принесетъ присяги, то и другіе не пріѣдутъ сюда; если же онъ принесетъ присягу, то едва ли за кѣмъ и придется посылать, всѣ здѣсь будутъ, потому что всѣ на него смотрятъ. Когда онъ принесетъ присягу, то легче будетъ и защищать Подлѣсье (отъ Литвы), потому что вся Литва на него смотритъ; онъ многихъ изъ нихъ повлечетъ за собою, а теперь дѣйствительно выходитъ по пословицѣ: мухи увязли въ паутинѣ, а оводъ пробился. Богъ отомстилъ бы намъ за присягу другихъ, если бы этотъ не принесъ“ [3]).

Страстное желаніе сеймовыхъ пословъ поглумиться надъ Воловичемъ стало заражать и сенаторовъ. Сандецкій кастелянъ, Оссолинскій заявилъ: „(послы) указываютъ, что г. Евстафій виновникъ расторженія уніи; какъ же возможно, чтобы онъ не присягалъ, когда онъ владѣетъ (въ Подлѣсьи) большими арендами и въ подозрѣніи у всѣхъ? Если къ намъ присоединились и принесли присягу тѣ (подлѣсяне), которые не были у насъ въ подозрѣніи, то тѣмъ болѣе обязанъ принести присягу онъ, когда онъ дѣйствительно въ подозрѣніи у насъ? Всѣ мы вѣдь знаемъ, что онъ противится уніи... Я перехожу на сторону пословъ“ [4]). Примѣръ

---

[1]) Тамъ же. стр. 173—4.
[2]) Тамъ же, стр. 174, внизу.
[3]) Тамъ же, стр. 174.
[4]) Тамъ же, стр. 174.

Digitized by Google

Оссолинскаго увлекъ другихъ сенаторовъ, и они постановили, что Воловичъ долженъ присягать, пошли къ королю и объявили „послы не желаютъ отступать отъ своего требованія и мы думаемъ тоже". Король уступилъ и маршалъ королевства объявилъ посламъ: „его величество приказалъ мнѣ объявить г. Евстафію, чтобы онъ завтра явился сюда" (въ засѣданіе сейма) [1]).

Но вскорѣ обнаружилось, что на Люблинскомъ сеймѣ оправдывается другая, русская пословица: нашла коса на камень, или что пословицу, приведенную Лещинскимъ, нужно измѣнить такъ: оводъ не то что пробился черезъ паутину, въ которой завязли мухи, но и разрушилъ ее такъ, что изъ нея стали высвобождаться и запутавшіяся въ ней мухи.

Воловичъ, поставленный всѣми членами сейма и даже королемъ въ такое трудное и тяжелое положеніе, повелъ себя такъ, что представилъ современному литовскому и польскому міру и еще болѣе потомству величественный образъ историческаго дѣятеля, возвышавшагося надъ тогдашнею польскою ожесточенною низменностію,—возвышавшагося и своими нравственными качествами и яснымъ разумѣніемъ историческихъ судебъ Литвы. Даже въ душѣ дряблаго тогда во всѣхъ отношеніяхъ короля Сигизмунда Августа какъ бы задрожала послѣдняя струна любви къ Литвѣ и къ лучшимъ ея представителямъ. Онъ сталъ бояться, чтобы это величіе доблестнаго литовскаго государственнаго мужа не было оскорблено расходившимися польскими послами и по этому на слѣдующій день (10 марта), когда Воловичъ уже находился въ стѣнахъ сеймоваго зданія, обратился къ нимъ чрезъ канцлера съ весьма обидною для ихъ благовоспитанности рѣчью. „Любезные гг. послы! говорилъ канцлеръ. По приказанію его величества, г. Евстафій пришелъ сюда и находится тамъ—въ залѣ его величества. Нужно вамъ, господа, имѣть въ виду, что это человѣкъ важный, высокаго положенія и что онъ не бѣжалъ отсюда—изъ Люблина отъ дѣла уніи. Когда онъ сюда будетъ вызванъ, то нужно ему оказывать надлежащее уваженіе. Не нужно уже окончательно сомнѣваться въ успѣхѣ уніи: поэтому, когда онъ придетъ, слѣдуетъ оказать ему уваженіе, и если придется давать ему какіе либо отвѣты, то надобно отвѣчать вѣжливо, и если намъ нужно

[1]) Тамъ же, стр. 175.

Digitized by Google

будетъ совѣщаться между собою, то эти совѣщанія должны происходить не въ его присутствіи“ [1]).

Польскіе послы такъ были обрадованы предстоявшею, по ихъ соображеніямъ, сценою униженія Воловича, что даже съ радостію проглотили эту, довольно горькую пилюлю. Посольскій ихъ маршалъ сказалъ: „Свѣтлѣйшій, милостивый король! Мы довольно умѣемъ уважать престолъ вашего величества и тѣхъ людей, которыхъ вы изволили удостоить особенной чести. Мы не только не будемъ говорить ничего жесткаго, но даже будемъ благодарить г. Евстафія, если увидимъ въ немъ готовность исполнить свой долгъ. Если будутъ какія либо бесѣды, ей-ей, онѣ будутъ приличны и мы будемъ держать себя прилично, какъ слѣдуетъ держать себя предъ престоломъ вашего величества“ [2]),

Евстафій Воловичъ исполнилъ свой долгъ, но такъ, что литовско-русское потомство можетъ питать къ нему дѣйствительно величайшую благодарность; но польскимъ посламъ Люблинскаго сейма не пришлось чувствовать къ нему никакой благодарности и, вѣроятно, многіе изъ нихъ даже жалѣли, что связали себя обязательствомъ вести себя прилично.

Въ люблинскомъ дневникѣ, особенно по редакціи, изданной Археографической коммиссіей, изложенъ весь ходъ этого въ высшей степени важнаго дѣла, и мы полагаемъ, что лучше всего сдѣлаемъ, если изложимъ его словами самаго этого памятника.

„...Послали за г. Евстафіемъ. Онъ пришелъ. Г. канцлеръ сказалъ ему слѣдующее: любезный г. подканцлеръ великаго княжества литовскаго! По желанію гг. пословъ и по напоминанію гг. сенаторовъ королевства его величество изволилъ приказать вамъ явиться сюда и исполнить долгъ, т. е. принести присягу королю и королевству въ качествѣ державца тѣхъ подлѣсскихъ старостъ, которыя вы имѣете отъ его величества, т. е. въ качествѣ старосты Ломазъ, Годынца и Воина, подобно тому, какъ это сдѣлали другіе державцы старостъ.

На это г. Евстафій сказалъ: свѣтлѣйшій, милостивый король! Во все то время, какъ я служу вашему величеству, т. е. съ юныхъ моихъ лѣтъ, вы никогда не обманывались во мнѣ, потому что я

---

[1]) Тамъ же, стр. 175.
[2]) Тамъ же, стр. 175—6.

Digitized by Google

всегда поступалъ такъ, какъ слѣдуетъ поступать вѣрному подданному и слугѣ вашего величества. Свѣтлѣйшій, милостивый государь! Вашему величеству хорошо извѣстно, что я приносилъ присягу великому княжеству литовскому: какъ же мнѣ приносить другую присягу королевству? Прежде чѣмъ принуждать меня къ этой присягѣ, благоволите ваше величество доказать, почему бы этимъ староствамъ слѣдовало принадлежать къ королевству, а не къ великому княжеству литовскому, потому что до сихъ поръ они принадлежали Литвѣ и я держу ихъ, какъ земли, принадлежащія къ главному въ той странѣ замку (крѣпости)—Брестью. Притомъ я остался здѣсь одинъ; самъ я безъ другихъ никому ничего (изъ литовскихъ владѣній) не могу отдавать въ собственность. Надѣюсь, что вы, ваше величество, какъ христіанскій государь, не будете принуждать меня къ тому, что противно моей совѣсти“ [1]). „Приказано г. Евстафію удалиться въ другую залу“.

„Потомъ послали за Евстафіемъ. Пришелъ онъ. Черезъ г. канцлера данъ ему такой отвѣтъ: любезный г. подканцлеръ! Его величество, милостивый государь нашъ, выслушавъ ваше объясненіе, именно то, что вы присягали его величеству по литовскому княжеству и въ частности, что вы присягали ему какъ староста брестскаго замка, находитъ, что отъ васъ и не требуется вторичная присяга въ этомъ смыслѣ; но требуется она отъ васъ только, какъ отъ владѣтеля поименованныхъ мѣстъ,—Ломазъ, Годынца, Воина, которыя принадлежатъ къ польскому королевству. И такъ какъ его величество также, какъ и вы, бережетъ въ этомъ случаѣ свою совѣсть, потому что обязанъ соблюдать всѣ тѣ привилегіи, которыя утвердилъ своею присягою; наконецъ такъ какъ въ настоящемъ случаѣ споръ возникаетъ касательно Подлѣсья только съ вами, почтенный сенаторъ, а не со всѣми литовцами, то его величеству угодно, чтобы вы исполнили долгъ, если хотите быть владѣтелемъ этихъ имѣній“.

---

[1]) Въ дневникѣ, по редакціи Даялынскаго, говорится, что происходило обсужденіе этой рѣчи Воловича и что холмскій подкоморій, извѣстный своею рѣзкостію, сказалъ: „Непрочно было-бы существованіе королевства, если-бы давать частнымъ людямъ отчетъ въ томъ, что принадлежитъ королевству и что нѣтъ. Мы, наши предки, а также князья мазовецкіе всегда добивались тѣхъ земель, которые отняты къ Брестью. Если-бы для каждаго дѣла, при каждомъ случаѣ приходилось доказывать привилегіи, то все подвергалось бы сомнѣнію“. Тамъ же стр 179, внизу.

Digitized by Google

На это г. Евстафій сказалъ: свѣтлѣйшій, милостивый король! Всегда я остерегался, чтобы вы, мой государь, *не входили со мною въ судъ*. Я вовсе не пришелъ сюда на судъ и не можетъ здѣсь быть произнесенъ надо мною никакой приговоръ. Пришелъ я сюда потому, что вы, ваше величество, Божій помазанникъ, приказали мнѣ. Какъ вѣрноподданный, я обязанъ былъ исполнить вашу волю и явиться сюда. Слышу, что здѣсь упоминаютъ землю Подлѣсскую. Въ этой землѣ мнѣ даны староства по особой милости вашего величества за честную мою службу,—за то, что я отразилъ жестокаго врага вашего. Прошу ваше величество *не входить со мною въ судъ*, потому что я не призванъ сюда на судъ именемъ закона. Прошу васъ, помазанникъ Божій, отпустить меня отсюда съ доброю мыслію. Что же касается до Подлѣсья, то прошу ваше величество оставить открытымъ другое ухо тому государству (литовскому) и дать мнѣ время извѣстить объ этомъ другихъ моихъ братьевъ. Нужно еще удостовѣриться, принадлежатъ ли тѣ земли къ Подлѣсью и къ польскому королевству, потому что до сихъ поръ мы этого не знали".

„На это отъ имени его величества отвѣтили ему: по совѣщаніи съ гг. сенаторами, его величество уже удостовѣрился, что тѣ земли издавна принадлежатъ къ королевству: потому извольте исполнить долгъ, какъ рѣшено уже прежде".

На это Воловичъ между прочимъ сказалъ: „такъ какъ мнѣ приходится здѣсь имѣть великое и трудное дѣло, какого еще никогда не случалось со мною, то прошу дать мнѣ нѣкоторое время подумать объ немъ и не принуждать меня къ такой присягѣ, о которой я думаю, что не долженъ приносить ея. При этомъ сенаторы окружили короля и совѣщались объ этомъ дѣлѣ. За тѣмъ черезъ г. канцлера данъ такой отвѣтъ: вы слышали, любезный подканцлеръ, волю и повелѣніе его величества, по этому исполняйте, что вы обязаны исполнить; если же вы не принесете присяги, которую обязаны принести и которую уже принесли другіе, то его величество возьметъ себѣ ваши староства и распорядится ими по своему усмотрѣнію" [1]). За тѣмъ говорится, что Воловичу приказано выйти изъ сената, и что сенаторы и послы поблагодарили короля. Конецъ этого дѣла, очевидно, неудовлетворительно за-

[1]) Тамъ же, стр. 176–179.

Digitized by Google

писанъ въ дневникѣ по редакціи, изданной Археографической коммиссіей. Въ редакціи дневника, изданной Дзялынскимъ, хотя сильно перепутанъ ходъ всего этого дѣла, но конецъ его изложенъ со всею ясностію. Тамъ говорится, что когда на просьбу Воловича отсрочить дѣло, ему объявлено было, что никакія отсрочки и изъятія не могутъ имѣть мѣста, то на это Воловичъ сказалъ: „вотъ я стою передъ вашимъ величествомъ; если мнѣ не могутъ помочь изъятія, то дѣлайте ваше величество со мною, что вамъ угодно: присягать не могу“ [1]).

Приготовляя такое тяжелое дѣло Воловичу, поляки, по всей вѣроятности, задумывали подвергнуть такой же бѣдѣ и другаго знаменитаго защитника литовской независимости, старосту жмудскаго Ивана Ходкевича, дѣйствовавшаго на другой—сѣверный край Подлѣсской земли, и по всей вѣроятности сдѣлали вызовъ охотникамъ привлечь къ отвѣтственности и этого литовскаго борца. Когда еще только начались переговоры съ Воловичемъ, лосицкій староста Гинча, зачѣмъ-то уѣзжавшій изъ Люблина, вернулся и требовалъ особенныхъ переговоровъ съ королемъ и послами о порученіи, привезеномъ отъ подлѣсянъ. Потомъ выяснилось, что Гинча, котораго одинъ изъ польскихъ пословъ аттестовалъ вѣрнымъ и послушнымъ подданнымъ, исполняющимъ все какъ слѣдуетъ, приносилъ жалобу на жмудскаго старосту, отъ котораго будто была въ опасности и жизнь и достояніе Гинча за его дѣла въ Люблинѣ на пользу уніи [2]). Но должно быть Воловичъ отбилъ всякую охоту поднимать новое подобное дѣло, которое, безъ всякаго сомнѣнія, встрѣтило бы такую же твердость и въ Ходкевичѣ. Изъ дневника не видно, чтобы Ходкевича тогда какъ либо затронули по жалобѣ Гинчи.

Впрочемъ, и независимо отъ такихъ соображеній, поляки имѣли поводъ оставить пока это дѣло. Они задумали другое дѣло, обѣщавшее болѣе вѣрныя и богатыя послѣдствія. Изъ малой слабосильной Подлѣсской области они задумали закинуть такія сѣти, которыми захватили и стали тянуть къ Польшѣ и Волынь и Бѣлоруссію и самую Литву. Историческій наблюдатель обязанъ при видѣ этихъ сѣтей отдать полную справедливость изобрѣтательности

---

[1]) Тамъ же, стр. 181, внизу.
[2]) Тамъ же, стр. 180 и 184.

Digitized by Google

польскихъ сеймовыхъ пословъ, которымъ всецѣло принадлежитъ эта честь, но, разумѣется, онъ при этомъ не можетъ вести рѣчь ни о добровольномъ соединеніи Литвы съ Польшей, ни о какихъ-либо братскихъ чувствахъ соединявшихся.

Въ крайнемъ раздраженіи противъ Воловича за его упорство, польскіе сеймовые послы стали настойчиво требовать, чтобы у Воловича дѣйствительно были отняты подлѣсскіе староства. Мѣра эта, кромѣ личныхъ непріятностей Воловичу, должна была имѣть слѣдующія весьма важныя послѣдствія.

Она должна была прежде всего поднять духъ тѣхъ подлѣсянъ, которые тянули въ сторону Польши. Въ Забужской Руси, при всей этнографической силѣ русской народной массы, давно уже происходило ополяченіе верхняго, интеллигентнаго слоя особенно посредствомъ латинства. Еще въ первой четверти XVI ст. эти отступники отъ народной вѣры успѣли склонить Сигизмунда Стараго, иногда называемаго Справедливымъ, на возмутительное насиліе. Онъ объявилъ, что въ виду значительнаго числа шляхетныхъ лицъ, перешедшихъ въ латинство, отнимаетъ часть имѣній у холмскаго православнаго епископа и передаетъ ихъ латинскому епископу [1]). Возмутительная эта мѣра была отмѣнена сыномъ этого короля, Сигизмундомъ-Августомъ, да и число латинянъ тогда уменьшилось въ Забужской Руси, но и въ это время ей стало немногимъ лучше. Въ латинской интеллигентной средѣ ея многіе перешли въ протестантство, между прочимъ, въ крайнія его секты и дѣлались еще болѣе чужими для своего народа. Упомянутый нами посолъ Холмской земли Сѣницкій былъ социніанинъ и публично отказывался въ концѣ Люблинскаго сейма отъ формы присяги, въ которой призывалась Св. Троица. Этотъ-же Сѣницкій былъ всегда выразителемъ и крайнихъ польскихъ воззрѣній на Литву, и въ частности на Подлѣсье. Всѣ подобныя личности нашли теперь прекрасный случай заявить свой полонизмъ. Дѣйствительно многіе подлѣсяне стали теперь заявлять свою преданность Польшѣ и позорить Литву. Такъ они стали вопіять, чтобы съ нихъ сняли литовское иго, подъ которымъ разумѣли прежде всего военныя литовскія повинности. Но кромѣ того, иные изъ нихъ ясно обнару-

---

[1]) Zbiór wiadomosci... dotyczacych dziesięcin koscielnych na Rusi... свящ. Ивана Поцѣя, стр. 13—14. Варшава 1845 г. Сочиненіе это издано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и составляетъ большую рѣдкость.

Digitized by Google

жили, что заразились польскими шляхетскими привилегіями и раскрывали, что подъ властію Литвы они не знали сеймоваго веденія дѣлъ, потому что въ Литвѣ сеймы не имѣютъ никакого значенія, а все рѣшаютъ литовскіе сенаторы.

Походъ противъ литовскихъ сенаторовъ и вообще противъ литовскихъ людей, поднявшійся въ Подлѣсьи, былъ истинною находкою для поляковъ, если только не сами они его вызвали. Въ Подлѣсьи занимали должности многочисленные чины Литвы, Волыни и Бѣлоруссіи. Прикосновенными къ шумнымъ дѣламъ Подлѣсья оказались даже нѣкоторыя дамы бѣлорусскія и волынскія,—жена витебскаго воеводы (должно быть, Паца), княгиня Полубенская [1]), жена Воловича, мать трокскаго воеводы Ходкевича [2]). Всѣмъ чиновнымъ лицамъ Литвы, Волыни и Бѣлоруссіи, владѣвшимъ имуществами въ Подлѣсьи, разосланы приказы явиться и принести присягу на вѣрность Польшѣ съ угрозою лишенія должностей и имущества въ случаѣ ослушанія, и тѣмъ вѣрнѣе поляки могли разсчитывать на силу этихъ приказовъ, что тогда же они принялись отрѣзывать и другое, еще болѣе крѣпкое крыло у литовцевъ,—малороссійское, Волынь и Кіевскую область.

Корыстные виды у подлѣсянъ, преданныхъ Польшѣ, развивались, само собою разумѣется, до грандіозныхъ размѣровъ. Въ случаѣ неисполненія разосланныхъ приказовъ, открывалось въ Подлѣсьи множество богатыхъ вакансій, на которыя, конечно, считали себя первыми и самыми законными кандидатами ополяченные и радѣющіе о Польшѣ подлѣсяне. Но среди этихъ радужныхъ надеждъ они вдругъ наткнулись на самые неожиданные камни претыканія. Поляки, присоединяя къ себѣ Подлѣсье, превращая его въ свою область, конечно, не думали держать себя въ сторонѣ отъ нея въ служебной средѣ, какъ и во всякой другой. Напротивъ, желаніе открыть себѣ всякій доступъ въ литовскія области и прежде всего въ Подлѣсье и было главнымъ возбужденіемъ ихъ энергіи въ проведеніи дѣла уніи. Ожидавшіяся служебныя вакансіи въ Подлѣсьи были и для нихъ заманчивыми, и тотъ самый радикальный посолъ Холмской земли Сѣницкій, который такъ ратовалъ о защитѣ подлѣсянъ отъ литовцевъ, имѣлъ уже въ виду польскаго кан-

---

[1]) Тамъ же, стр. 329—330.
[2]) Тамъ же, стр. 387.

Digitized by Google

дидата на служебныя мѣста въ Подлѣсьи и даже прямо выдвигалъ его на сеймѣ. Радѣвшіе о Польшѣ и подлѣсяне увидѣли, что ихъ богатыя надежды разрушаются, и что они изъ литовской неволи попадаютъ въ неволю польскую. Это сильно охладило ихъ усердіе, и они стали заявлять на сеймѣ, что подлѣсскія должности должны быть раздаваемы туземцамъ-подлѣсянамъ. Осѣли въ своемъ усердіи къ Польшѣ и многіе изъ тѣхъ подлѣсянъ, которые были дома на мѣстахъ,—они не ѣхали въ Люблинъ и дома не приносили присяги.

Между тѣмъ литовскіе чины работали по областямъ и въ сферѣ общегосударственной. Воловичъ далъ знать въ Литву, что дѣлается въ Люблинѣ. Литовскіе сенаторы поспѣшили съѣхаться на совѣщаніе и отправили на сеймъ посольство, которое заявило полякамъ удивленіе и негодованіе литовскихъ чиновъ, что въ ихъ отсутствіе такъ беззаконно отнимаются литовскія области. Жмудскій староста Ходкевичъ, стоявшій во главѣ литовскаго посольства къ полякамъ на сеймѣ, между прочимъ, говорилъ: „объ этихъ земляхъ (волынской и подлѣсской) не возникало никакого сомнѣнія никогда съ самыхъ давнихъ временъ. Всегда онѣ находились въ границахъ великаго княжества литовскаго, и нынѣшній государь нашъ, вступая на престолъ того государства,—великаго княжества литовскаго, засталъ эти земли при томъ государствѣ и утвердилъ это своею присягою... Эти декреты (касательно Волыни и Подлѣсья), которые вы изволили получить, обращался далѣе Ходкевичъ къ полякамъ, не могутъ не произвести большой путаницы въ головахъ людей и не могутъ не возбудить тревоги въ тѣхъ, которые здраво на все смотрятъ, обращаютъ вниманіе на будущее и соображаютъ, что могутъ со временемъ сдѣлать съ нашимъ литовскимъ народомъ. Теперь уже нарушается цѣлость великаго княжества литовскаго, а со временемъ, когда будутъ повторяться дѣла въ родѣ изданныхъ указовъ, въ родѣ того, что приводятся къ присягѣ на вѣрность Польшѣ люди, уже связавшіе свою совѣсть для литовскаго княжества, придется недоумѣвать, не станутъ ли отнимать и наслѣдственныхъ имѣній?.. Не допускайте, господа, просимъ васъ такихъ дѣлъ, которыя бы потомъ служили препятствіемъ къ братской любви. Обратите въ особенности вниманіе на то, что Волынь и Подлѣсье принадлежатъ великому литовскому княжеству и по Божьему и по человѣческимъ правамъ. Ягайло, первый славный король, взятый Польшей изъ Литвы, владѣлъ этими землями,

Digitized by Google

какъ принадлежащими къ великому княжеству литовскому, прежде чѣмъ вступилъ на польскій престолъ. Владѣли ими и другіе князья, которые, хотя дѣлали извѣстные договоры съ Польшей, приступая къ уніи съ нею, но это еще вовсе не даетъ права отрывать отъ великаго княжества литовскаго порознь эти части, которыя составляютъ съ нимъ одно тѣло и которыя хотя всѣ вмѣстѣ соединялись съ Польшей черезъ унію, но каждая изъ нихъ оставалась однако по прежнему при литовскомъ княжествѣ. Вы, господа, знаете также, что при вашихъ и нашихъ предкахъ никогда это дѣло не подвергалось сомнѣнію, и объ немъ не было никакого намека до самаго отъѣзда литовскихъ сенаторовъ съ этого сейма. До того времени вы, господа, никогда не говорили, что требуете этихъ земель отъ великаго княжества литовскаго, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и акты нашихъ общихъ съѣздовъ. Точно также не возникало никакого сомнѣнія и не дѣлалось никакого намека касательно этихъ земель и теперь при всѣхъ нашихъ переговорахъ и бесѣдахъ. Напротивъ великое княжество литовское было всегда въ полномъ обладаніи этими землями, и это можно, между прочимъ, тѣмъ доказать, что земля волынская населена только народомъ русскимъ и литовскимъ и родами князей Олелька, Ольгерда, Наримунта, Корибута, и по настоящій день ее мы защищаемъ отъ непріятеля. Подлѣсье было закладываемо великими князьями литовскими князьямъ мазовецкимъ, чѣмъ доказывается еще большая власть надъ нимъ литовскихъ князей. Притомъ эта страна давно уже возвращена назадъ въ тѣ руки, изъ которыхъ было вышла“ [1]). Это произвело такое сильное впечатлѣніе, что подлѣсяне, собиравшіеся приносить присягу на вѣрность Польшѣ, удержались отъ этого и даже иные принесшіе уже присягу перестали являться на засѣданія сейма. Еще сильнѣе было дѣйствіе литовскаго протеста по областямъ. Собиравшіеся ѣхать на сеймъ еще рѣшительнѣе прекратили эти сборы. Вмѣсто ихъ прибыли на сеймъ длинные списки больныхъ. Но нѣкоторые выступали и прямо заявляли, что тогда принесутъ присягу, когда увидятъ, что принесли присягу старшіе. Такъ это заявила даже одна дама,—жена витебскаго воеводы. Особенную досаду поляковъ вызвало то, что отказался пріѣхать на сеймъ луцкій латинскій епископъ Вирбитскій,

[1]) Тамъ же, стр. 261—264, по редакціи, изд. Дзялынскимъ.

Digitized by Google

да еще написалъ объ этомъ *по русски*. Поляки прямо по этому заключили, что онъ врагъ Польши, русинъ, потому что, говорили они, и письмо онъ написалъ *по русски* [1]).

Польскіе послы получили извѣстіе, что опять Воловичъ сталъ имъ на пути. Они узнали, что онъ разсылаетъ по Волыни грамоты, въ которыхъ убѣждаетъ волынцевъ не пріѣзжать на сеймъ [2]). Если это справедливо, то тѣмъ болѣе нужно думать, что онъ также дѣйствовалъ въ Подлѣсьи. Ниже мы увидимъ, что пособниками ему въ этомъ необходимо признать подлѣсскаго воеводу Костецкаго и неизвѣстнаго по фамиліи подлѣсскаго кастеляна.

Поляки пришли въ крайнее раздраженіе отъ всѣхъ этихъ неудачъ и стали настойчиво проводить крутыя мѣры,—были посланы коммиссары въ Подлѣсье свидѣтельствовать причины неявки подлѣсянъ и принимать отъ нихъ присягу на мѣстахъ. Король сталъ лишать должностей непокорныхъ, въ томъ числѣ сейчасъ указанныхъ важныхъ сановниковъ Подлѣсья, и назначать на ихъ мѣста другихъ. Въ это же время смѣлѣе и смѣлѣе поляки проводили дѣло о присоединеніи къ Польшѣ Малороссіи и самъ король Сигизмундъ Августъ явно лукавилъ по отношенію къ литовцамъ. Въ одномъ мѣстѣ Люблинскаго дневника по редакціи, изданной Археографической коммиссіей, записано даже такое дѣло этого короля, которое нужно признать недостойнымъ, предательскимъ съ его стороны. Присоединяя къ Польшѣ Подлѣсье и Волынь, поляки заговорили, что нужно присоединить и Кіевскую область. Это предложеніе показалось дикимъ даже нѣкоторымъ польскимъ сенаторамъ и они возставали противъ него. Тогда король, говорится въ дневникѣ, „сказалъ сенаторамъ въ полголоса весьма умную рѣчь, въ которой высказалъ, что онъ охотно склоняется къ мнѣнію тѣхъ которые желаютъ присоединенія Кіева къ королевству; что было бы опасно, если бы Кіевъ находился во власти литовцевъ, и припомнилъ при этомъ старыя интриги литовцевъ противъ польскаго королевства, которыя они могли бы дѣлать и въ послѣдствіи, если

---

[1]) Подъ четвертымъ числомъ апрѣля въ Люблинскомъ дневникѣ говорится: „У луцкаго епископа, говорили польскіе послы, пусть король отниметъ имѣнія, такъ какъ онъ не пріѣхалъ и не видно, чтобы имѣлъ намѣреніе пріѣхать. Притомъ онъ—русскій. Это видно изъ того, что онъ написалъ къ королю письмо по русски, а не по латынѣ и не по польски“... стр. 257.

[2]) Тамъ же, стр. 257.

Digitized by Google

бы остались въ ихъ рукахъ эти ворота королевства, и показывалъ, какъ важно рѣчи посполитой, для удержанія литовцевъ во власти, *оцѣпить ихъ кругомъ своими укрѣпленіями и владѣніями.* Затѣмъ король приказалъ канцлеру объявить рѣшеніе, что Кіевъ присоединяется къ королевству" [1]).

Евстафій Воловичъ, безъ сомнѣнія, зналъ всѣ закулисныя сношенія короля съ поляками и они не могли не приводить его въ сильное раздуміе. Не только Подлѣсье, но и Волынь отнимаются у Литвы; поляки добираются и до Кіева! У нѣкоторыхъ литовскихъ чиновъ, занимавшихъ въ Подлѣсьи должности и староства, тѣ и другія стали отнимать. Такъ лишены были должностей, какъ мы уже упоминали, подлѣсскій воевода Костецкій и подлѣсскій кастелянъ (неизвѣстный намъ по фамиліи). Добирались поляки опять и до самаго Воловича и за вышеуказанныя дѣла и просто какъ до лица, владѣвшаго имѣніями и на Волыни. Поднимался вопросъ и вообще объ изгнаніи изъ южнорусскихъ областей всѣхъ литвиновъ. Въ этомъ новомъ трудномъ положеніи Воловичъ поступилъ слѣдующимъ образомъ: онъ рѣшился прекратить напрасную потерю литовскихъ силъ въ Подлѣсьи и Волыни и сберечь литовскую энергію для защиты хотя послѣднихъ остатковъ литовской независимости. Въ концѣ мая онъ самъ заявилъ, что приноситъ присягу Польшѣ, но только какъ владѣтель имѣній въ Подлѣсьи и на Волыни, а не какъ подданный литовскаго княжества [2]). Послѣ этого участь Подлѣсья могла считаться съ польской точки зрѣнія рѣшенною. Правда объ этой злополучной области еще не разъ поднимали рѣчь литовскіе чины. Такъ 1 іюня жмудскій староста Иванъ Ходкевичъ говорилъ отъ имени литовцевъ, собравшихся опять на Люблинскій сеймъ: „До насъ дошло извѣстіе, что земли Волынь и Подлѣсье отчуждены отъ литовскаго княжества и жители ихъ приведены къ этому силою. Жмудскій староста проситъ отъ имени литовскаго сената, чтобы король, какъ справедливѣйшій судья, открылъ другое ухо другой сторонѣ и до тѣхъ поръ не рѣшалъ этого дѣла пока со всею справедливостію не изслѣдуетъ, — кому принадлежитъ агнецъ и кому козелъ? Можно доказать, продолжалъ староста, что при (ко-

---

[1]) Тамъ же, стр. 405.
[2]) Тамъ же, стр. 386—7.

Digitized by Google

ролѣ) Александрѣ, который завершилъ (1500) всѣ бывшія до него уніи новымъ позднѣйшимъ актомъ, эти земли были при литовскомъ княжествѣ. Онѣ пріобрѣтены кровію нашихъ предковъ и при Александрѣ объ нихъ не было ни малѣйшаго упоминанія: по этому просилъ не поступать съ ними такъ опрометчиво и не ниспровергать нашихъ правъ... Что же касается того, что сдѣлали съ нашими братьями,—воеводой и кастеляномъ подлѣсскими, которыхъ лишили должностей, то легко понять, какою скорбію мы поражены, увидѣвъ, какъ легко лишаются должностей люди, столь заслуженные въ государствѣ... Просимъ не поступать съ нами впередъ такъ сурово, напротивъ лучше бы дѣйствовать мягче, по братски“ [1]). Но всѣ эти напоминанія о правахъ, о законности, о братскихъ чувствахъ были напрасны. Подлѣсянамъ оставалось покориться своей участи и даже вмѣстѣ съ поляками участвовать на сеймѣ въ побіеніи всего самобытнаго на Волыни, Подоліи, въ Кіевской области и въ Литвѣ. Они могли имѣть утѣшеніе развѣ въ томъ, что не одни они упирались противъ союза съ Польшей, что упирались также многіе и во всѣхъ литовскихъ областяхъ, а въ послѣдніе дни Люблинскаго сейма представители Литвы даже прямо заявили, что собственно полякамъ они ни въ чемъ не хотятъ уступать и на унію не согласны, а все дѣло ввѣряютъ своему государю, котораго съ плачемъ умоляли, павъ на колѣни, не губить литовской независимости и не предавать ихъ въ польскую неволю. Но и этотъ послѣдній вопль, какъ извѣстно, былъ напрасенъ. Дряблый тогда во всѣхъ отношеніяхъ король Сигизмундъ Августъ предалъ всю Литву Польшѣ. Для потомства остался лишь поучительный примѣръ, какія древнія, истинно русскія доблести, какую вѣрноподданность, преданность государю показали тогда литовскіе чины, и какъ жаль, что все это принесено было Сигизмундомъ Августомъ въ жертву буйной Польшѣ на историческую порчу въ ея омутѣ цѣлыхъ поколѣній.

Считаемъ не излишнимъ пояснить, что всѣ эти свѣдѣнія взяты нами изъ такого источника—люблинскаго дневника, который имѣетъ первостепенное значеніе и пользуется въ ученомъ мірѣ великимъ уваженіемъ.

Профессоръ М. Кояловичъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 395—6.

Digitized by Google

Замѣтка о Кормчей люблинскаго священника Василія, писанной въ 1604 году.

Въ числѣ славянскихъ рукописей Румянцевскаго музея находится одна Кормчая, замѣчательная преимущественно въ томъ отношеніи, что она представляетъ первый въ древней Руси опытъ исправленія славянскаго текста источниковъ каноническаго права по ихъ византійскимъ оригиналамъ. Кормчая эта написана въ 1604 году православнымъ западно-русскимъ священникомъ Василіемъ, настоятелемъ Преображенской церкви въ г. Люблинѣ, входившемъ тогда въ составъ холмской епархіи. Востоковъ въ своемъ знаменитомъ „Описаніи рукописей Румянцевскаго Музеума“ хотя и указалъ главнѣйшія особенности этой Кормчей, но, само собою понятно, не имѣлъ побужденій входить въ ближайшее разсмотрѣніе того, что именно сдѣлалъ или по крайней мѣрѣ ходѣлъ сдѣлать люблинскій іерей Василій по исправленію старинаго славянскаго перевода церковныхъ правилъ [1]). Восполнить этотъ недостатокъ въ Востоковскомъ описаніи рукописи и есть цѣль настоящей замѣтки. Своему труду о. Василій предпослалъ довольно обширное и весьма краснорѣчивое предисловіе, въ которомъ яркими красками изображаетъ печальное состояніе церковныхъ дѣлъ въ православной западной Руси, поставленной въ борьбу съ іезу-

[1]) Кормчая о. Василія описана Востоковымъ подъ № 237. См. „Описанія“, стр. 316—319.

Digitized by Google

итами и уніей, горько жалуется на повсюдный упадокъ церковной дисциплины, на порчу церковныхъ книгъ и въ особенности церковныхъ правилъ, искаженныхъ невѣжественными писцами „не точію въ словеси, но и въ силѣ“. Для возстановленія вселенскихъ каноновъ въ ихъ подлинномъ видѣ и смыслѣ о. Василій располагалъ слѣдующими средствами: 1) славянскою Кормчею, выпрошенною имъ изъ Унева монастыря, 2) латинскимъ переводомъ номоканона и канонической синтагмы патріарха Фотія съ толкованіями Вальсамона—въ парижскомъ изданіи Гентіана Гервета 1561 года [1]).

Трудъ о. Василія, хотя, какъ увидимъ, далеко не доведенный до конца, представляющій не болѣе, какъ черную работу, принятъ былъ современниками съ большимъ уваженіемъ. По крайней мѣрѣ большая часть его предисловія,—та именно, въ которой содержатся выше указанныя жалобы, напечатана была въ первомъ изданіи Кормчей, сдѣланномъ въ 1649—1650 гг. при патріархѣ Іосифѣ,—обстоятельство, ускользнувшее отъ вниманія Востокова [2]). Считаемъ нужнымъ привести этотъ замѣчательный литературный памятникъ вполнѣ, съ указаніемъ разночтеній, представляемыхъ первопечатною Кормчею.

Къ православному читателеви предсловіе [3]).

Еже убо видимъ въ царскихъ строеніа народнаго [4]) коейждо [5]) исправленіе вещи, чинъ же и завѣщаніе, ради бываемыхъ и частѣе [6]) приключающихся, по волному и неволному хотѣнію, винъ и страстей, в няже удобъ любовещественный и скорѣе [7]) на зло при-

---

[1]) Вотъ полное заглавіе этого изданія: Canones Apostolorum, Conciliorum generalium et particularium, ss. Patrum Dionysii Alexandrini, Petri Alexandrini martyris, Tarasii Constantinopolitani, Gregorii Thaumaturgii, Athanasii, Timothei, Basilii, Theophili, Amphilochii, Gennadii, Niconis, Methodii, Theodori et caet., Photii, Constantinopolitani patriarchae praefixus est Nomocanon. Omnia haec commentariis Theodori Balsamonis, Antiocheni partiarchae, explicata. Parisiis 1561.

[2]) Принятіе въ Кормчую этого предисловія и двухъ другихъ статей изъ западно-русскихъ книгъ, именно гл. 36 „о рукоположеніи на издѣ“ (изъ книги Іоанна Златоуста о священствѣ, напечатанной во Львовѣ въ 1614 г, стр. 406—448) и гл. 51 „о таинствѣ супружества“ (изъ Требника Петра Могилы 1646 г.), доказываетъ, что изданіе первопечатной Кормчей совершилось не безъ участія „ученыхъ старцевъ“, вызванныхъ тогда въ Москву изъ Кіева. (см. *Макарія*, Ист. Русск. Ц. т. XI стр. 132—133.

[3]) Въ 1653 г. патріархъ Никонъ, пересматривая Іосифовское изданіе Кормчей, замѣнилъ это предисловіе другими (историческими) статьями, которыя удержаны и во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ книги.

[4]) народная. [5]) и коеяждо. [6]) часто. [7]) скоро.

Digitized by Google.

лежителный [1]) разумъ человѣческій зритъ паче, неже на любомудріе истиннаго и полезнаго свойственнаго всѣмъ мира. Сего убо ради и всякъ видъ мученіа и боязни, изгнаніа же и заточеніа, и взятіа имѣней и ина многа изобрѣтена суть, даже убо правда, в нейже благоволитъ Вышній, свѣтлится, не правда же, в нейже искони врагъ и супостатъ нашь діаволъ вселися, обличится и изчеснетъ [2]) и тако въ мирѣ, сирѣчь, покою [3]) вся наша пребудутъ, и [4]) любовъ другъ къ другу по образу Създавшаго насъ съхранитъ. Аще ли не сице имѣти ся будутъ, вся наша, яже горѣ, долѣ обрестися имутъ, миръ же и любовъ еже къ другъ другу въ превращеніе и исчезновеніе пріити имат. Ничтоже бо тако житіе наше устроаетъ, яко еже [5]) по естеству равенство намъ между себе съ держати и яже ближняго есть, ниже въжелѣти [6]), ниже похищати. Сие бо и [7]) Христосъ узаконя, среднее [8]) нѣкако положивъ естествено законіе [9]): „елика убо, глаголя, хощете да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такоже“. Сие же паче въ духовныхъ, нетлѣнныхъ и бесконечныхъ неизглаголанныхъ благихъ должни есмы окомъ сердечнымъ быстрѣе разсужати [10]) и съ божественнымъ апостоломъ разумѣвати, не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ [11]). Видимаа бо привременна суть, невидимаа ж вѣчна. Аще и вѣдятъ разумъ имящіи [12]) разсужати доброе отъ злаго, естественнымъ закономъ се искушающе (якоже апостолъ о язычѣхъ глаголетъ), но убо погрѣшителенъ есть разумъ человѣческій— иногда убо въ забытіе [13]), иногда ж самомнѣніемъ и нечестивою завистію [14]): понеже искони созда Господь человѣка (по вѣщанію премудраго) и остави его [15]) въ руку совѣта [16]) его: предложилъ ему огнь и воду, на неже [17]) хощетъ простретъ руку свою, предъ нимъ есть животъ и смерть, и еже аще изволитъ, дастся ему, даже убо правда мракомъ буести [18]) и нерадѣнія людского покровенна не будетъ (ейже не сущи, смятеніе немало въ вещахъ градскихъ же и началствуемыхъ бываютъ) изобрѣтени [19]) суть суды, закони, карности [20]), отмщеніа и истязаніа различна. По сему ж и въ церковныхъ вещехъ, еяже [21]) столпъ и утвержденіе вѣрѣ [22]) разумѣй:

---

[1]) прилѣжательный. [2]) исчезнетъ. [3]) въ покои. [4]) аще. [5]) якоже. [6]) не возделѣти. [7]) и—нѣтъ. [8]) среднѣе. [9]) законеніе. [10]) На полѣ къ этому слову сдѣлана пояснительная выноска: *зрѣти*. [11]) На полѣ цитата: 2 коринѳ. (зач.) 177.— [12]) имущіи. [13]) прибавлено: приходитъ. [14]) прибавлено: побѣждается. [15]) и. [16]) изволенія. Такъ пояснено и въ рукописной Кормчей о. Василія, съ цитатою: Сирах: 15. [17]) и на ньже. [18]) буестей. [19]) изобрѣтенія. [20]) казни. [21]) юже. [22]) вѣры.

Digitized by Google

не тако бо супостату [1]) нашему діаволу радѣніе въ внѣшнихъ, яко [2]) въ невещественныхъ (понеже, аще бы не сице, излишнѣе бы глаголати Христу: „не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити"). Миръ убо мира сего имѣющимъ не тако навѣтуетъ, яко миръ Божій имѣющимъ [3]). Сего ради и отъ начала проповѣданіа евангельскихъ догматъ вѣдый божественый гласъ о плевелахъ: „оставите, глаголя, обоя до жатвы", съ дерзновеніемъ окаанный въста на истинословіе и введе посредѣ лжесловіе, даже покрыетъ лукавствомъ возношеніа и гордости своея сѣмя благочестія, и подавитъ [4]) и безплодно сътворитъ. Въведе убо многокозныя [5]) и различныя нравы и ереси въ истино держащихъ православіа догматы, и распространитися тщаніемъ всякимъ и [6]) многоглаголаннымъ испещреніемъ, и нѣкако цѣломудріемъ и доблестію, къ сему ж [7]) и стяжаніемъ [8]) и славою мира сего устроивъ, даже нападающи [9]) на незлобивыхъ сердца, нравы и законоположеніа евангелска | *и узаконеніа* [10]) *святыхъ мужей* | [11]) въ конецъ растлитъ и звѣтромъ [12]) развѣетъ. Подвигшеся убо иже [13]) благочестіа хранителе, нелестные пастыріе, истинные дѣлателе [14]) винограда Христова, отци и учителіе наши о Христѣ ревностію духовною, изострившe серпъ, [15]) сиречъ, глаголъ Божій, по божественому апостолу глаголющу: „оручія, [16]) рече, воинства нашего не плотска, но силна [17]), Богови къ разорепію твердемъ [18]), помыслы низлагающе и всяко възношеніе, възносящееся на разумъ Божій, и [19]) плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово", запустили [20]) въ духовное жниво [21]) вѣрныхъ убо събраша въ житницу Христову, сиречъ, въ церковь святую, соборную, плевы же въ снопы связавше, огню негасимому, сиречъ, внѣ церкве оставишя: „измѣте [22]) бо, рече, злаго отъ среды васъ самѣхъ". Пребывающихъ же въ суровствѣ и непокааніи клятвѣ вѣчной [23]) отдаша, по Господню гласу: „елика аще свяжете на земли, будетъ связано [24]) на небесѣхъ". И преданіа

---

[1]) сопостату. [2]) якоже. [3]) И въ первопечатной и въ рукописной Кормчей сдѣлана къ этому слову выноска на полѣ: *хранящимъ*. [4]) Прибавлено: е. [5]) многокозненныя. [6]) и—нѣтъ и въ рукописи написано сверху строки. [7]) ж—же—нѣтъ. [8]) истязаніемъ. [9]) нападая. [10]) възаконеніа. [11]) такъ ограждены эти слова въ рукописи [12]) вѣтромъ. [13]) иже—нѣтъ. [14]) дѣлателіе. [15]) мечь. Такъ гласитъ и выноска на полѣ въ рукописи. [16]) оружія. Такъ поправлено и въ рукописи на полѣ. [17]) силно. [18]) твердей. [19]) и—нѣтъ. [20]) заступили. [21]) жнитъву. [22]) измите. [23]) вѣчнѣй. [24]) будутъ связана.

Digitized by Google

благочестная и уставы церкви божественнѣй [1]) помняще вселенней учителя, повелѣвающа: „вся благообразно и почину да бываютъ“, богомудрено съборнѣ [2]), съставишя и утвердишя, даже не влающеся въ всякомъ вѣтре ученіа, не изобрѣтаемъ собѣ [3]) самомнѣніемъ единъ по единому въ коейждо парохіи [4]), или граде, или селехъ [5]), или въ обителехъ, въ собраніяхъ различныхъ, уставъ повеленій и преданій [6]), съшедшеся въ различныхъ временехъ, единомудрено избравше запечатлѣшя. Видя же врагъ и добру [7]) ненавистникъ діаволъ, яко рогъ его симъ духовнымъ съжатъ серпомъ [8]), въста иною на православныхъ кознію, сътвори убо мало тишины, даж лѣность и нерадѣніе и о божественыхъ догматехъ и о преданіахъ благочестивыхъ въведъ, всѣхъ празности и миролюбіа научит. Сему ж сѣдѣавшуся, вся наша ниспадаху: „въсташя бо, по божественому апостолу глаголющу, человѣци самолюбцы, сребролюбцы, величави, горди, сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имуще образъ благочестіа, силы ж его отвергшеся“. Не точію же се въ мирскыхъ человѣцехъ обрѣтеся, но паче [9]) въ духовныхъ, ихже именуетъ Писаніе свѣтъ миру, сиречъ [10]), святителехъ, пастырехъ и іереехъ: „вси [11]) уклонишася вкупѣ, непотребни бышя, нѣсть творяй благостыня, нѣсть до единаго“ [12]). Погибе вѣра, погибе наказаніе, погибошя училища дѣтемъ [13]), погибоша исправляющіи божественаа писанія, погибошя поучающеися въ православныхъ догматехъ. Погибе, по пророку, крѣпкій, погибе сила хлѣба и воды, погибе исполинъ и человѣкъ ратникъ, и судія, и пророкъ; погибе смотреливый и старецъ, и пятдесятникъ, и дивный совѣтникъ, и премудръ художникъ, и разуменъ [14]) послушникъ, и поставишя собѣ юношя за князя [15]), и ручателей, да обладаютъ ими и прочаа“ [16]). Не туне убо [17]), православный читателю, прійдохъ [18]) на сия словеса, по самовидецъ сый предреченным [19]), не могохъ [20]) ся, взираа на хуленіа богоборныхъ еретикъ, удержати, иже [21]) въсташа на православную вѣру нашу [22]) и узаконеніе [23]): вина ж

---

[1]) церкве божественыя. [2]) Слово это въ рукописи приписано на полѣ. [3]) себѣ. [4]) въ коеждо приходѣ. [5]) селѣ. [6]) повеленій и преданѣй. [7]) добра. [8]) мечемъ. Такая же выноска и въ рукописи на полѣ. [9]) Прибавлено: и. [10]) прибавлено: въ. [11]) Сице вси. [12]) На полѣ цитата: Псал: 13. [13]) дѣтей. [14]) разумный. [15]) юноши за князи. [16]) На полѣ цитата: Исаія 3. [17]) Прибавлено: мы. [18]) пріидохомъ. [19]) самовидцы есмы предиреченнымъ. [20]) не могохомъ. [21]) яже. [22]) на церковныя уставы наша. [23]) взаконеніе

Digitized by Google

сицевымъ никтож, точію нерадѣніе наше. Възри убо, аще не лѣностенъ еси, обрящеши ли гдѣ правѣ исписанную без всякого порока въ церквахъ святыхъ книгу? обрящеши ли чинъ и послѣдованіе по указанному святыхъ [1]) богоносныхъ Отецъ взаконенію? обрящеши ли судъ и отмщеніе въ вещахъ [2]) церковныхъ, или строителя [3]), началника, право исправляюща слово истины, и по чину вся бывающая въ церкви? Но вѣмъ, яко неудобъ обрѣсти возможеши не точію въ соборныхъ градскыхъ церквахъ, но ниж [4]) епископіяхъ, паче ж ни въ монастырехъ. Виждь убо, аще не плачу [5]) достойни [6]) суть сие окаанные [7]) времена наша, в няже, увы, достигохомъ [8]). Но якож преди рекох, яко не всуе понудихся на сіа словеса: понеже обитающу ми зде не множае лѣтъ четыри, не видѣх ни по единому ж при церкви божественой исправляющаго и побаряющаго по словеси истинѣ, дабы кромѣ всякаго смущенія пребышя лучшая, изобрѣтох по испрошенію каноны или правила святых Апостолъ и святых Отецъ вселенских съборовъ, тако ж и помѣстныхъ, отъ честныя обители Уневскія и подвигся, совѣтом и попеченіем христолюбиваго братства, въ сию книгу исписах. Но ни та самаа книга, испрошенная отъ Унева, якож преж рѣх, обрѣтеся не потребующи исправленія, не точію въ словеси писца, но и въ силѣ не съгласующаася. Сего ради, елико мощно, исправися отъ нѣякое латинское почасти, обаче ж нелестное, древнѣйшаго и зависти всякоя чюжаго списаніа типарным художеством парижскаго, лѣта по воплощеніи Христовѣ 1561. И написася Божіею помощію мною многогрѣшнымъ рабом Христовым іереемъ Василіем, церкве Преображеніа Господня въ Люблипѣ предстателем, лѣта по рожествѣ Господа нашего Іс. Христа 1604, мѣсяца іюля третего дня, при державѣ великаго короля полскаго, Жикгимонта третего, не сущу тогда епископу на Холмѣ, отступ-

[1]) Прибавлено: и. [2]) вещехъ. [3]) Прибав: или [4]) Прибавлено: въ. [5]) плача. [6]) достойна. [7]) сія окаянная. [8]) Здѣсь оканчивается въ первопечатной Кормчей выписка изъ предисловія о. Василія. Издатели Кормчей прибавляютъ отъ себя только слѣдующее: „Сего ради поревнова по Господѣ Бозѣ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всея Русіи самодержецъ, и подвигся на отмщеніе таковыя злобы: повелѣ напечатати сія догматы, сирѣчь уставы святыхъ Апостолъ и святыхъ седми вселенскихъ соборъ, и помѣстныхъ, бывшихъ въ различная времена, и законоположенія градская благочестивыхъ греческихъ царей, великаго царя Константина и Іустиніана, и Льва Премудраго, и Алексія Комнина, на утвержденіе въ православіи сіяющимъ, на отгнаніе же и вящшее обличеніе злокозненнаго древняго врага нашего прелести, яко да познавше прелесть его, множае паче истины держимся“.

Digitized by Google

леніа ради, но точію екзарху великаго престола Константинопольскаго кvр Гедіону Балабану, епископу лвовскому, творящу того времени попеченіе всѣмъ церквамъ. Прочитающіи ж или преписующіи прощеніа всякого сподобляйте. На прочаа же и сами, братіе о Христѣ возлюбленная, нелѣностиви будите.

Славянская Кормчая, полученная о. Василіемъ изъ Унéвской обители, принадлежала къ разряду Кормчихъ т. наз. софійской, точнѣе русской редакціи: она содержала въ себѣ переводъ полнаго текста церковныхъ каноновъ, какой употреблялся у насъ еще до эпохи полученія митрополитомъ Кирилломъ II (въ 1262 г.) новой славянской Кормчей, въ которой каноны Восточной Церкви изложены были сокращенно, съ толкованіями Аристина (изрѣдка—Зонары). Эти толкованія, еще при названномъ митрополитѣ, приписаны были къ первоначальному (полному) тексту правилъ, который однакожъ при этомъ былъ большею частію сокращенъ, точнѣе—усѣченъ, иногда въ началѣ, иногда — въ концѣ, а помѣстамъ и вовсе замѣненъ новымъ (сокращеннымъ) текстомъ. Все это долженъ былъ замѣтить и о. Василій, при сравненіи Уневской кормчей съ парижскимъ (латинскимъ) изданіемъ греческаго каноническаго кодекса. Что же онъ дѣлалъ для исправленія славянскаго текста каноновъ по своему латинскому оригиналу? Въ однихъ случаяхъ приписывалъ на поляхъ своей рукописи особыя замѣтки о томъ, что въ славянской Кормчей опущено было, сравнительно съ первоначальнымъ полнымъ текстомъ правилъ. Такъ на л. 93 об. противъ конца 7-го правила Трульскаго собора, какъ оно изложено въ нашихъ софійскихъ Кормчихъ, сдѣлана такая приписка: „Здѣ смотри въ Луцѣ главы 14 о избирающихъ первое сѣданіе кончающее сей канонъ, *еже обрящеши въ иныхъ правилехъ*“. Это значитъ, что въ Уневской, какъ и въ другихъ кормчихъ той же редакціи, указанное соборное правило, запрещающее діаконамъ въ церковныхъ собраніяхъ занимать мѣста выше пресвитеровъ, не было дописано до конца, именно—опущена была заключительная часть правила, гдѣ приводится изъ евангелиста Луки притча о занимающихъ первыя мѣста на брачномъ пиру, не по приглашенію хозяина. Или: къ концу 16-го правила того-же собора приписано: „Здѣ читай въ Дѣяніяхъ зачало (число не указано) и толкованіе Златоуста на той же канонъ.

Digitized by Google

„*Обрящеши убо се въ иныхъ правилехъ*“ (л. 96 об.) 16-е правило Трульскаго собора въ полномъ текстѣ, дѣйствительно, оканчивается довольно длинною выпискою изъ книги Дѣяній Апостольскихъ и толкованія на нее Златоуста, приведенною въ доказательство того, что діаконы, о которыхъ говорится въ книгѣ Дѣяній, отличны отъ діаконовъ, служащихъ при совершеніи таинствъ. Равнымъ образомъ и противъ *начала* 4-го канона *VII* вселенскаго собора о. Василій замѣтилъ въ своей рукописи: „Дѣян. зач. 44. мовитъ Павелъ до презвитеровъ, або епископовъ ефескихъ: „сребру или злату или ризамъ—ниединому вожделѣхъ“ и прочаа. *Есть убо се с початку канона сего въ иныхъ правилехъ*“. (л. 120 об.) Полный текстъ правила, дѣйствительно, начинается указанною выпискою изъ книги Дѣяній Апостольскихъ. Отсылая читателей во всѣхъ приведенныхъ замѣткахъ къ „инымъ правиламъ“, о. Василій очевидно предполагалъ (ошибочно) существованіе такихъ списковъ славянской Кормчей *съ толкованіями* [1]), въ которыхъ бы каноны изложены были также, какъ и въ парижскомъ ихъ изданіи, т. е. безъ всякихъ сокращеній. Но какъ бы самъ сомнѣваясь въ истинности этого предположенія, онъ не рѣдко дополняетъ пропуски въ древне славянскомъ переводѣ правилъ своимъ собственнымъ переводомъ изъ бывшей у него подъ руками латинской книги Гервета. Такъ, напримѣръ, онъ перевелъ пропущенный въ софійскихъ Кормчихъ слѣдующій конецъ 19-го (по его счету 22-го) правила карѳагенскаго собора: „Аще же на вселенскій *роковый* съборъ не пріидетъ (обвиняемый кѣмъ либо епископъ), *дабы ся сконча́ла справа его*, той самъ съпротивно оклеветанію да будетъ осуженъ (на полѣ поправка: „да судится“). Въ тоже время да не причащается ниже въ дому, ниже въ церкви, ниже въ *парохіи*. Аще же оклеветанный епископъ, ту сый, исправленіа проситъ еже на немъ бывшаго оклеветаніа, клеветникъ же не явится, но бѣгаетъ нѣгде, самъ клеветникъ да пріиметъ осуженіе (на полѣ поправлено: „отлученіе“); да будетъ же оклеветанному епископу *мѣсце* волности, аще нужда ему бяше на исправленіе *назначоного* времени прійти. Оклеветаай же долженъ есть быти испытанъ, како вѣруетъ

[1]) Подчеркиваемъ слово: *съ толкованіемъ*, чтобы показать, что извѣстно нѣсколько (до 4-хъ) списковъ первоначальнаго славяно-русскаго номоканона, представляющихъ переводъ полнаго текста правилъ, но еще безъ толкованій.

Digitized by Google

и како есть житіе его: и аще будетъ самъ оклеветаемъ о нѣкихъ злыхъ, таковый на оклеветаніе церковныхъ вещей непріятенъ есть". (л. 136). Точно также дополняются пропуски, сдѣланные въ софійскихъ Кормчихъ и въ началѣ каноновъ (См. напримѣръ 85-е правило Трульскаго соб. л. 114, 10-е прав. VII вселен. соб. л. 122 об. и др.) Встрѣчаются примѣры и полной замѣны стараго перевода новымъ (напр. вновь переведены правила карѳаг. соб. 14 [л. 134], 21 [л. 135 об.], 27 [л. 136 об.], и др.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ новый переводъ только начатъ, но не доведенъ до конца, (см. наприм. Трул. соб. прав. 54-е), въ другихъ—оставлены въ рукописи пробѣлы и на полѣ выставлены только нумера пропущенныхъ правилъ. Особенно много такихъ пропусковъ сдѣлано въ правилахъ карѳагенскаго собора, какъ это замѣчено и Востоковымъ (стр. 317)). Пропущены также, сколько могъ я замѣтить, и всѣ тѣ правила, которыя въ софійскихъ Кормчихъ изложены въ сокращенномъ (Аристиновскомъ) текстѣ и въ томъ новомъ (сербскомъ) переводѣ, въ какомъ они получены были митрополитомъ Кирилломъ отъ болгарскаго деспота Іакова – Святислава. Таковы, напримѣръ, не написанныя о. Василіемъ 18 и 20-е правила Сардикскаго собора (см. л. 82 об.). На эти пропуски, по всей вѣроятности, и намекалъ о. Василій послѣдними словами своего предисловія: „Прочитающіи ж или преписующіи прощеніа всякаго сподобляйте, *на прочаа же и сами, братіе о Христѣ возлюбленная, нелѣностиви будете*". Но охотниковъ продолжать трудъ, безкорыстно начатый ученымъ люблинскимъ священникомъ, не находилось до второй половины XVII вѣка, когда новый переводъ каноническаго кодекса Восточной Церкви сдѣлался предметомъ заботъ самого русскаго духовнаго правительства. Что касается до толкованій на церковные каноны, то о. Василій долженъ былъ только переписывать тѣ, какія находилъ въ своемъ славянскомъ оригиналѣ — Уневской Кормчей. Исправлять ихъ по латинскому изданію Гервета онъ не могъ, такъ какъ здѣсь содержались только Вальсамоновы толкованія, вовсе неизвѣстныя нашимъ старинным Кормчимъ. Впрочемъ о. Василій перевелъ и помѣстилъ въ своей Кормчей и нѣсколько Вальсамоновыхъ толкованій, въ замѣнъ прежнихъ Аристиновскихъ. Ему принадлежитъ, напримѣръ, слѣдующій переводъ толкованія Вальсамона на 4-е правило карѳагенскаго собора: „Предваряющій канонъ глаголетъ о удаленіи

Digitized by Google

(о воздержаніи вообще) епископъ, презвитеръ и діаконъ, сей же извѣстнѣе (частнѣе)—о цѣломудріи и въздержаніи отъ женъ. Отъ сихъ убо каноновъ, найпаче же отъ настоащаго, Римляне и еици суть съ ними единомудрьствующе, разумѣютъ презвитеромъ или діакономъ съ женами не лучитися, но еще жити безъ женъ. Прелщаютжеся въ семъ, якоже и въ прочихъ. Пятый бо канонъ святыхъ Апостолъ, епископу, глаголетъ, или презвитеру или діакону жены своея извѣтомъ благовѣріа не отпущати (на полѣ замѣтка: „не изганяти, не оставляти“). Речетъ убо кто, яко епископи, сущіи въ насъ, женъ не имѣютъ, но сіе повелѣно есть отъ Отецъ шестаго събора, глаголющихъ въ канонѣ 12: „не противящеся отъ Апостолъ повелѣньемъ се глаголемъ, но на спасеніе и на лучшее спѣшеніе людемъ промышляюще, еже не дати порока коего на чистительское уставленіе (на священное звaніе). Той же съборъ въ 13 [1]) канонѣ настоящій канонъ толкуютъ (sic) *мовече*: „презвитери, діакони и подіакони отъ своихъ женъ да въздержатся во время приношеніа святыхъ таинъ, и пакъ съвокуплятися. Аще кто отъ презвитеръ или діаконовъ или подіаконовъ смѣетъ законныя жены съвокупленіа отлучатися, да извержется. И 28 (по греческой Кормчей 25, по печатной славянской 25, по новой книгѣ правилъ 34) побѣждаетъ о семъ Латинъ, злѣ мудрьствующихъ. Глаголетъ бо: „Годѣ бысть, яко презвитеромъ и діакономъ и епископомъ въ время заповѣдано отъ своихъ женъ въздержатися. Яко отъ сего явѣ есть, и презвитеромъ и діакономъ и епископомъ съ женами жити, и не възбраняетъ съборъ съ ними общеніа, точію аще не въ подобно время, сирѣчь, въ предзавѣщанныхъ вїаждо днехъ“ (л. 131).

На поляхъ своей рукописи о. Василій разсѣялъ еще множество краткихъ замѣтокъ (б. ч. на малороссійскомъ нарѣчіи), которыми поясняются отдѣльныя слова и фразы какъ въ старославянскомъ, такъ и въ его собственномъ переводѣ правилъ и толкованій. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ весьма удачны [2]). Такъ, напримѣръ, къ словамъ въ старомъ переводѣ 2-го канона VII все-

---

[1]) Такъ было написано сначала, но потомъ неудачно поправлено на 28.

[2]) Но есть примѣры и неудачныхъ замѣтокъ. Такъ къ слову „неизвѣстный“ (ἄκυρος, invalidus), стоящему въ 72-мъ правилѣ Трульскаго собора, о. Василій приписалъ: „смѣшной, сирѣчь слабый, смѣху достойный“ (л. III об.). Рѣчь идетъ о недѣйствительности брака съ еретиками.

Digitized by Google

ленскаго собора: „все пѣніе вѣдати“ (долженъ поставляемый въ епископы) приписано совершенно согласно съ подлинникомъ; „весь Псалтырь умѣти и толковати его“ (л. 119 об); къ слову „бътаря“ въ 62-мъ правилѣ Трульскаго собора—„съсуды якии, или кади, або бочки“; къ словамъ: „воня продающимъ“ въ 68-мъ правилѣ того же собора—„аптыкаромъ“ (въ греч. подлин. μυρεψοῖς); къ словамъ 102 правила того же собора. „судити грѣховнаа сътвореніа“—„осматривать яковость грѣховъ“ (л. 118); къ словамъ: „отозваніе подати мнятъ“ (въ 31-мъ правилѣ карѳагенскаго собора)—„апелюютъ“ (appellant—л. 137); къ слову „село“ (въ 12-мъ правилѣ VII вселенскаго собора)—„фольварокъ“ (л. 123 об.). Встрѣчаются и такія выноски на поляхъ рукописи, которыя имѣютъ характеръ реальныхъ толкованій. Напримѣръ: къ слову „Врумалія“, употребленному въ 62-мъ правилѣ Трульскаго собора, приписано: „Врумаліа подобно суть Сатурналіа, которые Врума (въ Римѣ?) зласча мѣсяца декавріа бывали“ (л. 110). Или: къ толкованію 5-го правила карѳагенскаго собора, запрещающаго лихоимство, прибавлено на полѣ: „а ни отъ грошей, въ заем даных, а ни отъ збожа позыченого, а ни отъ всякой иншой речи не брати лихвы“ (л 131 об.). Въ заслугу о. Василію нужно поставить и то, что онъ первый сдѣлалъ опытъ составленія алфавитнаго указателя къ книгѣ церковныхъ правилъ, о которомъ въ концѣ оглавленія своей Кормчей, помѣщеннаго вслѣдъ за предисловіемъ, сдѣлана особая замѣтка: „Положено ж есть напреди, вначалѣ книги сея, оглавленіе, или каталогъ, по алфавитъ (sic) трудолюбно сътворенный, скораго ради обрѣтеніа яже въ книзе сей написаных. Дающому ж намъ вся яже на ползу, единому премудрому Богу, въ трехъ ипостасех славивому, слава ж и держава нынѣ и въ бесконечныя вѣкы вѣком, аминь“.

Востоковъ совершенно правильно замѣтилъ, что сей алфавитный указатель вовсе отличенъ отъ приложеннаго при печатной Кормчей (стр. 316). Но не будетъ, кажется, ошибкою, если мы скажемъ, что издатели печатной Кормчей, взявшіе почти цѣликомъ предисловіе о. Василія, приняли за обязательный для себя образецъ и составленный имъ указатель къ своей книгѣ.

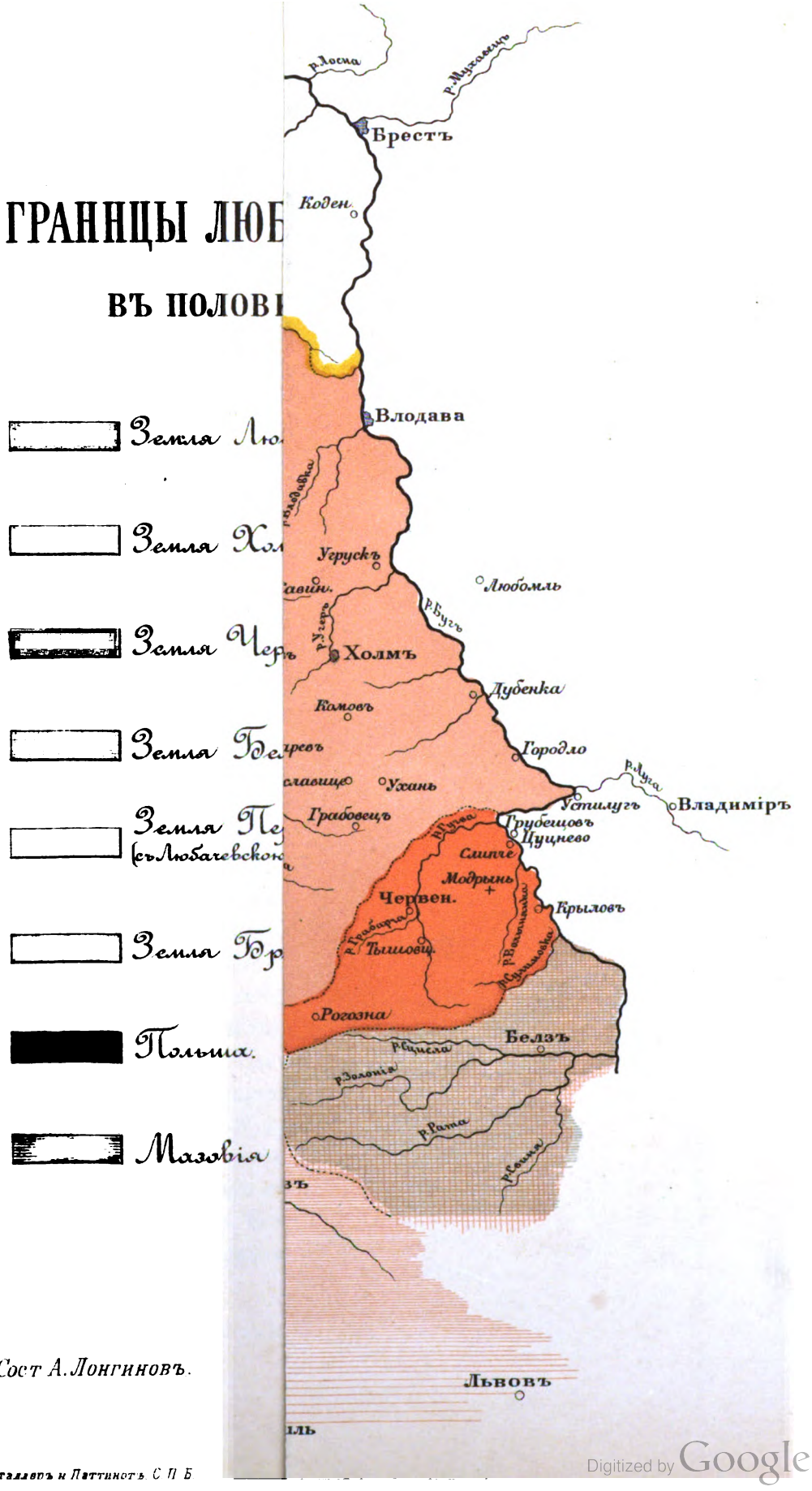
Въ заключеніе приведемъ, по примѣру Востокова, и слѣдующую интересную замѣтку, помѣщенную на внутренней оклейкѣ лѣвой доски переплета: „Року 1608 мѣсяца мая дня первого, въ

Digitized by Google

недѣлю 6 по пасце, гром ударил на церковъ святаго мученика Георгия въ Львовѣ и крестъ з церкве зверху и камен, в которомъ крестъ стоялъ, и образы внутрь в церкви попалил, и престол на двое розбилъ в олтари, а то было скоро по отслуженіи пана Тисаровскаго, владыки львовскаго". Замѣтка эта написана скорописью, которая не имѣетъ ничего общаго съ уставнымъ письмомъ самой Кормчей.

А. Павловъ.

Digitized by Google

Хромолит Штадлеръ и Патгинотъ С П Б

Digitized by Google

Digitized by Google

Памятники русской старины въ г. Люблинѣ.

Исходною точкою изслѣдованій нашихъ о Червонной Руси должно служить извѣстіе начальной лѣтописи подъ 981 годомъ: „Иде Володимеръ къ ляхомь и зая: грады ихъ,—Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего дне [1]) подъ Русью“. Вопреки распространенному мнѣнію о принадлежности Червенскихъ городовъ ляхамъ до похода Владиміра Св., я полагаю, что Несторъ различаетъ здѣсь двѣ категоріи городовъ: 1) города ляшскіе, т. е. лежавшіе за Вислою, и 2) Перемышль, Червенъ и другіе города, между Вислою, Днѣстромъ и з. Бугомъ, т. е. тѣ самые Червенскіе города, которые въ 1018 г. занялъ Болеславъ Храбрый при возвращеніи изъ Кіева и которые въ 1030 и 1031 гг. были снова присоединены къ русской державѣ Ярославомъ I. (Заяста грады Червенскія опять). Не трудно доказать, что Червенскіе города, завоеванные Владиміромъ, не были ляшскіе. Лѣтописецъ, упомянувъ о занятіи Болеславомъ польскимъ Червенскихъ городовъ, прибавилъ вслѣдъ затѣмъ о приходѣ Болеслава „въ свою землю“. Червенская область не могла въ X вѣкѣ входить въ составъ польскаго государства. Предѣлы послѣдняго простирались въ самомъ исходѣ X в. не далѣе Кракова, принадлежавшаго передъ тѣмъ Богеміи. Около 996 г. русскія владѣнія сталкивались съ владѣніями Чешскаго князя. „И бѣ живя (Володимеръ) съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскимъ и съ Стефаномъ Угрьскимъ и съ Андрихомъ Чешьскимъ и бѣ миръ межю ими и

[1]) Это „сего дне“ было въ концѣ XI или началѣ XII вѣка.

Digitized by Google

любы". По этому о принадлежности Червенскихъ городовъ полякамъ предъ 981 г. не могъ трактовать нашъ лѣтописецъ, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ подтвержденіе того, что оружіе Владиміра проникло далеко за Вислу и что именно тамъ онъ взялъ „ихъ грады", возвращенные затѣмъ поляками, ссылаюсь на свидѣтельства Волынской и Іоакимовской лѣтописей... Описывая походъ Даніила и Василька Романовичей къ Калишу въ 1229 г. и осаду ими этого города въ качествѣ союзниковъ Конрада Казиміровича, послѣ убійства брата его Лешка возмутившимися боярами, волынскій лѣтописецъ замѣтилъ, что „ни одинъ русскій князь не проникалъ столь далеко въ глубь земли польской, кромѣ Владиміра Великаго". По Іоакимовской же лѣтописи, Владиміръ послѣ побѣды, одержанной имъ надъ Мѣщемъ (Мечиславомъ), „при рѣцѣ Вислѣ" и истребленія польскаго войска, „вся грады ляцкія взятъ. Мещъ испроси миръ у Владиміра, отдая ему пять градовъ, Владиміръ же даде ему миръ, и дань погодну на ляхи возложи". Пребываніе Владиміра въ нѣдрахъ Польши запечатлѣлось неизгладимыми слѣдами. Въ Петроковской и Калишской губерніяхъ есть девять селъ, имѣющихъ названіе Владиміръ, Владиміровка и т. под. Въ Радомской же губерніи въ с. Шмелевѣ (выше Опатова), гдѣ, по свидѣтельству Собѣщанскаго, была русская церковь, дѣйствовали русское право и русскіе обычаи до 1505 г., когда они были отмѣнены королемъ Александромъ при преобразованіи этого села въ городъ [1]). Въ тѣхъ же губерніяхъ, а также Варшавской и отчасти Плоцкой, есть названія селъ, напоминающія русское ихъ происхожденіе: Русиновы, Русники, Русскій бродъ, Русь и проч. Съ тѣхъ поръ, какъ римско-католическая вѣра около конца XII вѣка была усвоена всѣми ляшскими племенами, существеннымъ признакомъ русской народности въ земляхъ, сосѣднихъ съ коренною Польшей, является православное вѣроисповѣданіе. Вотъ почему для этнографіи важны лѣтописныя сказанія о позднѣйшемъ преобладаніи греческаго обряда въ Сандомірѣ, Завихостѣ, Лысцѣ и нѣкоторыхъ другихъ древле-православныхъ городахъ и мѣстечкахъ, не исключая Клепарскаго предмѣстья въ Краковѣ. Вотъ почему изслѣдованія въ области исторіи

---

[1]) Петрушевичъ. О введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ, стр. 67.

Digitized by Google

Червоно-русскихъ церквей оказываютъ большую помощь въ разрѣшеніи одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ—вопроса о западныхъ границахъ Руси въ XIII вѣкѣ, когда они, послѣ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ и почти неуловимыхъ измѣненій въ теченіи двухъ съ половиною столѣтій, начинаютъ наконецъ обрисовываться въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ контурахъ. Постояннымъ колебаніямъ подвергались не одни границы государственныя, но и этнографическія. Взаимное же ихъ отношеніе выражается, съ одной стороны, въ постепенной ассимиляціи русскаго населенія праваго побережья Вислы съ ляшскимъ населеніемъ, а съ другой—въ томъ, что черта, раздѣлявшая русскую и ляшскую народности въ концѣ X вѣка, когда завершилось объединеніе племенъ, населявшихъ Червенскіе города, служила для галицко-владимірскихъ князей предѣломъ ихъ завоевательныхъ стремленій, начиная съ Романа Мстиславича, непрестанно домогавшагося отъ поляковъ Люблина съ землею и поплатившагося за это своею жизнію въ 1205 г. Объяснить внутренній процессъ объединенія надкарпатскихъ славянскихъ племенъ, — задача неразрѣшимая, но несомнѣнно, что однимъ изъ могучихъ факторовъ этого метаморфоза былъ свѣточъ православной вѣры, внесенный Владиміромъ равноапостольнымъ въ покоренную имъ Червенскую страну. Если мы выдѣлимъ русскія колоніи, возникшія въ самой сердцевинѣ Польши, и примемъ въ разсчетъ сплошное населеніе, то этнографическая граница между Русью и ляхами при Владимірѣ и Ярославлѣ, начинаясь отъ г. Визны на з. Бугѣ, шла чрезъ Венгровъ и Луковъ (сѣдлецкой губерніи), отъ Лукова сворачивала къ Вислѣ близъ Ивангорода, а затѣмъ шла по Вислѣ далѣе впаденія въ нея Вислоки. Съ половины XI до XIII вѣка значительная часть Червенскихъ городовъ у праваго побережья Вислы отпала отъ Руси вмѣстѣ съ Люблинскою землею, которая въ теченіи двухъ столѣтій, подъ вліяніемъ латинизаціи и наплыва польскихъ колонистовъ, на половину утратила свой первобытный національный типъ, вслѣдствіе чего въ сѣверо-западной ея части сохранилось за прежнее время мало такихъ рѣзкихъ слѣдовъ русской народности какъ напр. въ Казимірѣ на Вислѣ [1]).

[1]) Изъ отмѣтки на одномъ евангеліи, описанномъ Востоковымъ, видно, что оно было даровано гражданиномъ Иваномъ Шанникомъ въ XV вѣкѣ православной церкви въ Казимірѣ (описан. рукоп. Рум. муз. стр. 185).

Digitized by Google

Люблинская земля была предметомъ многочисленныхъ историческихъ изслѣдованій, но всѣ они погрѣшаютъ тѣмъ, что не опредѣляютъ ея предѣловъ. Постараюсь прежде всего пополнить этотъ капитальный пробѣлъ. Въ половинѣ XIII вѣка, сѣверная граница Люблинской земли, начинаясь нѣсколько западнѣе села Воина (нынѣ Вогинъ), тянулась по низовьямъ Вепря до впаденія его въ Вислу. Воинъ принадлежалъ къ Брестской землѣ и былъ отобранъ поляками отъ Владиміра Васильковича. „Воспомяну Володимеръ, оже Лестко пославъ Люблинецъ взялъ у него село на вкрайницѣ именемъ Воинъ [1]). На сѣверѣ Люблинская земля примыкала къ землѣ Луковской, принадлежавшей съ половины XIII вѣка къ Сандомірскому округу и входившей въ составъ Мазовіи. На западную и южную границы Люблинской земли указываютъ обстоятельства, непосредственно предшествовавшія взятію Люблина русскими въ 1245 г. Даніилъ и Василько, начавъ войну съ Болеславомъ, вступили во владѣнія польскія четырьмя путями. Даніилъ воевалъ около Люблина, Василько по Изволи и по Ладѣ около „Бѣлое“, дворскій же Андрей по Сану, а Вышата у Подгорья (въ землѣ Перемышльской). Набравши плѣнныхъ, вернулись обратно. „И паки изъидоста и повоеваста землю Люблинскую даже и до рѣки Вислы и Сяну и пріѣхаши подъ Завихостъ“. Слѣдовательно на западѣ Люблинская земля простиралась до Вислы а на югѣ до р. Сана. На юго-восточную границу указываетъ движеніе Василька въ окрестностяхъ р. Изволи, въ Бѣлгорайскомъ уѣздѣ, и р. Лады (притока Танева), берущей начало въ Яновскомъ уѣздѣ, не подалеку Горая, и именно къ мѣстечку Бѣлое, около самаго Янова, какъ видно изъ движенія, предпринятаго поляками тотчасъ по возвращеніи Василька: „малу же времени минувшу, пріѣхавши же ляхове и воеваша около Андреева“, а Андреевка находится не далеко отъ р. Лады, на югъ отъ Фрамполя. Мѣстечко Бѣлое какъ граничный пунктъ Люблинской земли, встрѣчается еще въ извѣстіи подъ 1262 г. Князья Шварнъ Даниловичъ, Василько Романовичъ и Владиміръ Василькевичъ „совокупишеся, поидоша въ Ляховѣ воевать. Шварно поча воевати около Люблина, а Володимеръ около Бѣлое“. Для обнаруженія всѣхъ точекъ соприкосновенія земли Люблинской съ землею Холмскою на востокѣ и

---

[1]) Ипат: стр. 586.

Digitized by Google

югѣ, обращусь къ актамъ Замойской ординаціи (маіората), учрежденной канцлеромъ и короннымъ гетманомъ Яномъ Замойскимъ въ 1589 г. Въ составъ ординаціи вошла громадная часть древнихъ земель Холмской и Червенской. Имѣнія ея дѣлятся на три категоріи: 1) окружные города (civitates) съ предмѣстскими селами (villae suburbii) 2) окружные города, съ принадлежащими къ нимъ отдѣльными селами (villae), или же только съ непосредственно принадлежащимъ къ нимъ предградьемъ и войтовствомъ (advocatia) и 3) имѣнія, состоящія изъ однихъ только селъ. Всего въ 23 имѣніяхъ насчитывается 130 населенныхъ мѣстъ въ земляхъ Белзской, Холмской, Перемышльской и отчасти Люблинской. Имѣнія перешли къ Яну Замойскому путемъ наслѣдства, купли и пожалованія [1]). Указанія въ актахъ Замойскаго маіората, по нѣкоторымъ имѣніямъ, на органическую связь селъ съ городами, я считаю признакомъ глубокой старины. Извѣстно, что когда политическій центръ тяжести перешелъ на города (управлявшіеся первоначально или самыми князьями, или ихъ представителями—тивунами и посадниками), то послѣдніе сдѣлались главными двигателями во всѣхъ отрасляхъ окружнаго управленія. Села тянули къ городу судомъ и данью (по землѣ и по водѣ). Важнѣйшіе вопросы рѣшались вѣчевыми собраніями, на которыхъ принимали участіе и представители пригородовъ. „Новгородцы изначала и Смолняне и Кіяне и Полочане, и вся власти, егда на вѣче сходятся, что старѣйшія здумаютъ, на томъ и пригороды станутъ (подъ 1176 г.)“. Вѣча собирались также во Владимірѣ Волынскомъ, Галичѣ, Звѣнигородѣ и другихъ Червонорусскихъ городахъ. Когда Даніилъ созвалъ вѣче въ Галичѣ, то кромѣ княжеской свиты (отроковъ и др.) присутствовали на немъ сотскіе — старшины городскихъ и пригородныхъ становъ. Въ западной Руси окружные города образовались изъ такъ назыв. „мѣстъ“, которыя еще Несторъ различалъ отъ городовъ, погостовъ и селъ. Мѣстомъ былъ погостъ осаженный, нерѣдко обнесенный рвомъ (гроблей) и валами, а городомъ была часть мѣста, обнесенная стѣною, нерѣдко съ дѣтинцемъ (внутреннее укрѣпленіе), иногда же просто монастырская или церковная ограда. На образованіе мѣстъ изъ погостныхъ осадъ

[1]) Statuta ordynacyi Zamojskiej od r. 1539—1348. Warszawa. 1867, стр. 1—25.

Digitized by Google

указываетъ между прочимъ единство земельныхъ мѣръ—мѣстичныхъ, городскихъ и сельскихъ во многихъ червонорусскихъ гминахъ. Такова древняя единица мѣры „четверть, четь или цверть поля", встрѣчающаяся въ Холмщинѣ и по селамъ, и по слившимся съ городами пригородамъ. Въ Червонной Руси съ размноженіемъ осадъ, съ расширеніемъ мѣста и возведеніемъ на немъ укрѣпленнаго замка на какой нибудь „приспѣ" или переспѣ (насыпи), оно, по просьбѣ владѣльца его, обращалось въ окружный городъ (civitas), вводилось въ немъ Тевтонско-Магдебургское право (съ радой подъ предсѣдательствомъ бургомистра, лавничимъ судомъ и наблюдательнымъ совѣтомъ). Затѣмъ учреждались въ немъ ярмарки періодическія. Съ тѣхъ поръ городъ становился административно податнымъ и военнымъ центромъ всего округа (districtus), а тяготѣвшія къ нему села, если они были надѣлены нѣмецкимъ правомъ, получали только самостоятельное судебное управленіе въ границахъ своей охожи или своего уѣзда, съ предоставленіемъ солтысу (обыкновенно основателю села), подчиненному исключительно королевской или епископской юрисдикціи, суда и расправы надъ сельскими обывателями. Въ основѣ городскаго округа лежала связь племенная, не разрушавшаяся и тогда, когда по призыву князя или въ качествѣ „гостей" къ нему начало приливать населеніе инородческое.—Познакомившись съ организаціей городскаго округа и ролью, какую выполняли въ немъ преградья, мы поймемъ какое важное значеніе въ топографіи Червонной Руси имѣетъ перечисленіе въ статутахъ Замойской ординаціи поселеній первой группы. Въ сельско-городскихъ имѣніяхъ двухъ остальныхъ категорій отсутствіе слѣдовъ тѣсной связи селъ съ городами даетъ поводъ приписывать городамъ позднѣйшее происхожденіе, или же основаніе ихъ, по произволу владѣльца, не въ тѣхъ поселеніяхъ, которыя по историческимъ условіямъ сдѣлались главными, притягивая къ себѣ, какъ къ центру, окрестныя села, и въ тѣхъ, гдѣ владѣлецъ намѣренъ былъ создать искуственный центръ изъ какихъ нибудь личныхъ разсчетовъ, напр. съ цѣлью подавленія православія и усиленія колонизаціи. Изъ сопоставленія списка городовъ Замойскаго маіората съ учредительными грамотами оказывается, что города, происхожденіе коихъ кроется въ глубинѣ вѣковъ, окружены предмѣстскими селами. Таковы, между прочимъ, Щебрешинъ, Туробинъ, Красникъ, Крешовъ. Всѣ они принадлежали къ кореннымъ рус-

Digitized by Google

скимъ городамъ. Приведу нѣкоторыя данныя. Въ привиллегіяхъ короля Людовика значится, что въ концѣ XIV вѣка Щебрешинъ съ округомъ входилъ въ составъ Холмской земли. Смежный съ Люблинскою землею Туробинскій округъ до XV вѣка былъ исключительно населенъ русинами и принадлежалъ также къ землѣ Холмской. По просьбѣ Доброгоста и Елизаветы Шамотулъ Владиславъ Ягайло въ 1420 г. преобразовалъ въ окружный городъ ихъ родовое село Туробинъ, находящееся „въ землѣ *русской* и уѣздѣ Холмскомъ“ и изъялъ его на всегда отъ дѣйствія правъ *русскаго*, польскаго и всякаго иного и подчинилъ праву Магдебургскому, распространивъ его на всѣхъ обывателей города, въ томъ числѣ православныхъ (schismaticis) и иныхъ невѣрныхъ“. Въ позднѣйшей грамотѣ Андрея и Викентія Швыдвовъ Шамотульскихъ отъ 1510 года замѣчательны два пункта: одинъ, опредѣляющій раіонъ, на который распространяется дѣйствіе магдебурскихъ законовъ и въ который грамота включаетъ принадлежавшія къ Туробинскому округу села Березовую Волю, нынѣ Березовка, между Красникомъ и Яновомъ, и Ольшанки. Другой пунктъ, опредѣляющій имущественное положеніе Туробинскаго священника и предоставляющій послѣднему въ собственность строенія, находящіяся за *русскою церковью* [1]). О Красникѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній до половины XIII вѣка. Нѣсецкій и Попроцкій свидѣтельствуютъ, что въ 1241 г., при Болеславѣ Стыдливомъ, онъ отразилъ нападеніе татаръ благодаря мужеству его владѣльца Корчака, происходившаго, по изслѣдованіямъ Шайнохи, изъ русскаго боярскаго рода, преданнаго русскимъ учрежденіямъ, обычаямъ и вѣрѣ. Русская народность давно вытѣснена изъ Красника, вмѣстѣ съ православіемъ вслѣдъ за постройкою тамъ костела Тенчинскими въ 1400 г. [2]), но память о ней сохранилась въ названіи одного изъ ближайшихъ городскихъ предмѣстій „Подляшскаго“. Такимъ образомъ, всѣ предмѣстья Красника, также какъ Щебрешина и Туробина въ XIII столѣтіи лежали въ русской украйнѣ. Слѣдуя указаніямъ актовъ Замойскаго маіората, я полагаю, что пунктами, чрезъ которые отъ Красника до самыхъ истоковъ р. Бялой проходила древняя межа, отдѣлявшая Холмскую землю отъ Люблинской, были предмѣстья Крас-

---

[1]) Подлинныя грамоты въ Любл. архивѣ

[2]) Bal. i Lip. Star. Pol. т. II.

Digitized by Google

ника, села: Сухиня, Выжница, Выжнянка, Стружа, Слодковъ, Блиновъ, Вилколазъ, Волька-Рудницкая и предмѣстья Туробина. Хута и Тарнава, та самая Тернава, гдѣ заключались договоры между русскими и польскими князьями. Сомнѣніе въ тожествѣ Тернавы съ Тарнавой должно, мнѣ кажется, окончательно разсѣяться по слѣдующимъ причинамъ: 1) Мѣстные жители называютъ Тарнаву—Тернавой и указываютъ остатки первобытнаго города неподалеку отъ села. Такъ же называется она въ актѣ, записанномъ въ холмскіе гродскіе книги 1646 г. дѣдичемъ Тернавы Максиміаномъ Фредро, каштеляномъ львовскимъ, объ отводѣ Тернавской православной церкви земельныхъ угодій и десятины [1]); 2) Тернава находилась на самой границѣ Люблинской и Холмской земель и туда, вѣроятно, изъ Гостынина „любимаго Болеславлева мѣста“ (Варш. губер.) звалъ на сеймъ князя Василько Романовича Болеславъ Семовитовичъ, чрезъ своего посла, *Люблинскаго* пробоща. У Тернавы пресѣкается путеводная нить, которую даетъ намъ перечень предградій въ статутахъ Замойской ординаціи, такъ какъ предградья другихъ ея городовъ не доходили до украйны Люблинской. Тарногродъ и Замѣхъ (или Замокъ) помѣщаются статутами въ землѣ Перемышльской [2]). Слѣдовательно раздѣльной чертой между Холмской и Перемышльской землями былъ бассейнъ р. Танева, отъ истоковъ впадающаго въ него Сопота и до сліянія Танева съ Саномъ около Уланова, куда доходили Крешовскія предградья. Словомъ, весь юго-западный уголъ Люблинской губерніи, начиная почти отъ границы Томашевскаго и Бѣлгорайскаго уѣздовъ до впаденія Танева въ Санъ, входилъ въ составъ земли Перемышльской. При дальнѣйшихъ розыскахъ юго-восточной границы Люблинской земли необходимо принять въ соображеніе, что села имѣнія Яновскаго-Бяла съ принадлежностями, Дзволя и Коцуджа (между Гораемъ и Фрамполемъ) актами Замойскаго маіората причисляются къ землѣ Люблинской. Отъ Люблина на сѣверъ граница шла по Быстрыцѣ и Вепрю. Межевые акты: одинъ о разграниченіи имѣній Каменка, Носатова и Сѣдлиска-Іоанна Олесницкаго, отъ Щекаркова-Грота изъ Острова, и другихъ имѣній,

[1]) Obl. grod. Chelm. кн. 186, fol. 413.

[2]) По церковному дѣленію, Тарногродскій благочинный округъ, съ 18 приходами, принадлежалъ къ Перемышльской епархіи до 1809 г. Schematismus cleri Premisliensis. 1833 г. стр. 18.

Digitized by Google

въ 1447 и 1466 г., составлялись коммисаромъ Люблинской земли [1]). Пространство между Вепремъ и Тысменицей я считаю частью Холмской украйны. У верховьевъ Тысменицы, почти рядомъ, два замѣчательныхъ по памятникамъ старины селенія Колеховице и Островъ. На рукописномъ евангеліи, принадлежавшемъ православной Колеховицкой церкви Косьмы и Демьяна, записано рукою мѣстнаго священника Назара: постановленіе *всей громады* села Колеховиче отъ 1-го ноября 1541 г. о платежѣ повинностей на потребности церковныя, въ концѣ котораго прибавлено: „Видимо чинимо ижъ предъ нами призналъ отецъ Стефанъ, ижъ его *придокъ* зоставилъ на осади церковномъ городъ Зертимово и Любольки до самаго колодизя попувскаго въ должъ побудовався на томъ городѣ церковномъ“ [2]). Въ Островѣ православная церковь построена 1276 года, какъ удостовѣряетъ о томъ надпись на циборіи, сдѣланной 1696 года. Отъ древней церкви сохранились нѣкоторыя иконы и книги и часть иконостаса.

Судя по древнимъ грамотамъ, первоначально Люблинская земля входила въ составъ Сандоміріи и была подчинена въ военномъ, административномъ и судебномъ отношеніяхъ Сандомірскимъ властямъ, пока не послѣдовало учрежденіе самостоятельнаго воеводства Люблинскаго въ 1471 г. (съ уѣздами Люблинскимъ, Луковскимъ и Уржендовскимъ). Иностранцы называли всю Сандомірію русскою землею. По крайней мѣрѣ, въ описаніи путешествія доминиканца Рикорда при Бѣлѣ IV (1235—1270) уноминается „dux. magnae Sandomiriae quae est terra Ruthenorum“ [3]), что вполнѣ согласуется съ извѣстіями Волынской лѣтописи объ осадѣ г. Сандоміра и Лысця татарами въ 1261 г. подъ предводительствомъ Буранды, неоставляющими никакого сомнѣнія, что во всей Сандомірской области было нѣкогда русское населеніе и православныя церкви.

Наименованіе Люблинская земля получила, какъ и другія Червонорусскія земли, отъ главнаго своего города Люблина (у сліянія Чеховки съ Быстрицей). О возникновеніи его не дошло до насъ достовѣрныхъ свѣдѣній и разглагольствованія польскихъ хроникъ о томъ, что Люблинъ заложенъ сестрою Юлія Цезаря женою

---

[1]) Граничные акты Любартовскихъ имѣній, стр. 1—5. (Любарт. арх.).

[2]) Преосв. Модестъ. Описаніе Холм. церковн. арх. музея. № 13. Епарх. вѣсти. 1882 г. стр. 384 и 385.

[3]) Западн. границы подкарпатской Руси. Ж. М. Н. П. мартъ. 1880, стр. 135.

Digitized by Google

Лешка III-го, имѣютъ легендарный характеръ. Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ разсказъ Кадлубека объ основаніи церкви св. Николая въ Люблинѣ въ концѣ X вѣка. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для провѣрки этого разсказа и вообще о судьбѣ православной церкви св. Николая ничего неизвѣстно до начала XVI вѣка, когда она выступаетъ на историческую сцену преобразованною въ латинскій костелъ. Быть можетъ, Волынскій лѣтописецъ, говоря (подъ 1268 г.) о прибытіи къ Василько Романовичу изъ Люблина посла Болеславова „пробоща Люблинскаго Григорія", для приглашенія русскаго князя начать мирные переговоры, разумѣетъ настоятеля церкви св. Николая („Болеславъ князь присла посолъ свой къ Василкови, Григоря пробоща Люблинскаго, тако река: свояче! соимевѣся. Василко рече: а̀ язъ радъ и нарекоша себѣ снемъ въ Тернавѣ"); но возможно также, что лѣтопись разумѣетъ настоятеля церкви Спаса-Преображенія, такъ какъ точныхъ свѣдѣній о ея первоначальномъ основаніи не существуетъ, въ дарственной же записи православному братству Люблинскому отъ 29 іюля 1599 г. князь Юрій Чарторыйскій выразился, что церковь Преображенія Господня въ мѣстѣ Любельскомъ на Чвартку „зъ вековъ давныхъ уфундована и збудована" [1]). Ссылка князя Чарторыйскаго на древній церковный фундушъ до извѣстной степени оправдывается актомъ 1509 г. о полюбовномъ соглашеніи между настоятелемъ Спасо-Преображенскаго храма Григоріемъ и коллекторомъ Николаевскаго костела Бернардомъ Мацѣевскимъ. Послѣдній уступилъ попу Григорію Юрковское поле взамѣнъ — лана земли, *искони* принадлежавшей церкви, между землею Подовскою и землею деревни Хостары [2]). Довольно важенъ также актъ, утвержденный королемъ Александромъ 29 апрѣля 1506 г., коимъ, согласно волѣ кіевскаго воеводы Дмитрія Путятича, маршалокъ литовскаго княжества Михаилъ Глинскій передалъ въ собственность церкви Спасо-Преображенія пять копъ грошей [3]). Значитъ, церковь

---

[1]) Этою записью переданы Люблинскому братству „всѣ фундуши и наданя", принадлежавшія церкви, но находившіяся въ распоряженіи священника Саввы Петровича, съ уплатою послѣднему 120 золотыхъ польскихъ. Арх. ю. з. Россіи т. VI, ч. 1, стр. 266.

[2]) Summarius privillegiorum. Въ Холмск. церк. арх. музеѣ.

[3]) Акт. зап. Россіи т. I, стр. 317.

Digitized by Google

была первоначально заложена за нѣсколько столѣтій до совершенія упомянутаго акта Юріемъ Чарторыйскимъ, а затѣмъ, судя по замѣткамъ Холмскаго епископа Шумборскаго отъ 1825 г. [1]), *возобновлена* княжною Кіевскою Маріею Ивановною въ 1447 г., при Казимірѣ IV. До конца XIII вѣка, какъ свидѣтельствуютъ акты Люблинскаго архива и польскіе историки, въ Люблинѣ не было ни одного латинскаго костела. Древнѣйшій изъ нихъ—Михаила Архангела—построенъ Лешкомъ Чернымъ въ 1282 г. Къ сожалѣнію, Волынская лѣтопись, сказавъ о поставленіи Даніиломъ многихъ храмовъ и украшеніи ихъ различными красотами, о Люблинскихъ церквахъ не сообщаетъ никакихъ подробностей, хотя преданія, живущія въ русскомъ населеніи Люблина, приписываютъ Даніилу созданіе нѣкоторыхъ изъ нихъ и часовни св. Тройцы на Люблинскомъ замкѣ. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ Дашкевичъ [2]), опираясь на Стадницкаго, отвергаютъ даже самый фактъ завоеванія Люблина Даніиломъ, нѣкоторые же полагаютъ, что Люблинъ, если и былъ взятъ Даніиломъ, то не долго находился подъ его властью. Такъ Зубрицкій, не довѣряя свидѣтельству Сарницкаго о томъ, что Люблинъ въ теченіи 57 лѣтъ состоялъ подъ державою этого князя, ссылается на походъ Шварна Даниловича къ Люблину въ 1268 г., опустошеніе Владиміромъ Васильевичемъ окрестностей Люблина, какъ собственности князя Краковскаго Лешка Чернаго въ 1282 г., и на неудачную попытку Конрада Мазовецкаго и Юрія Львовича завладѣть Люблиномъ въ 1287 г [3]). Нашъ лѣтописецъ повѣствуетъ, что въ 1245 г., Даніилъ съ братомъ Василькомъ, собравъ полки и взявъ съ собою „пращи и иные сосуды“, изъ Холма въ одинъ день подступили къ Люблину. „Мечющимъ же пращамъ и стрѣламъ яко дожду идущу на градъ ихъ, и увидевше Ляхове, яко крѣпцѣе брань руская належитъ, начаша просити милость получити. Данилъ же и Василко створиста завѣтъ положивъ имъ рѣка: не помогайте князю своему; они же обѣщашася то створити. Данилъ же со братомъ возвратистася, воевавша страну ту“.

Употребленное Даніиломъ и Василькомъ въ переговорахъ съ Люблянами выраженіе „не помогайте князю своему“ многимъ да-

[1]) Хранится въ Холм. церк. арх. музеѣ.
[2]) Даніилъ Галицкій, стр. 70.
[3]) Ист. Галич. княж. т. III, стр. 143 и 144.

Digitized by Google

етъ поводъ думать, что Люблинъ остался за Болеславомъ Стыдливымъ. Это очевидное недоразумѣніе, проистекающее изъ смѣшенія города съ древнимъ мѣстомъ, то-есть нынѣшнихъ предмѣстій Чвартекъ и Калиновщина, гдѣ группировалось русское населеніе и гдѣ (на Чварткѣ) пролегалъ такъ называемый въ нѣкоторыхъ грамотахъ русскій гостинецъ, или нынѣшняя русская улица [1]). Въ приведенномъ извѣстіи лѣтописи упускаютъ обыкновенно изъ виду, что завѣтъ не помогать князю своему обращенъ къ однимъ только *горожанамъ-ляхамъ*, когда они начали просить пощады. Тѣ же *горожане-ляхи* не впустили въ Люблинъ Конрада Мазовецкаго и Юрія Львовича въ 1287 г., сказавъ первому: „голова намъ Краковъ, тамо и воеводы наши и бояривелиціи; оже имешь княжити во Краковѣ, тоть мы готовѣ твои". Мѣстичи же или предмѣщане, конечно, не могли относиться несочувственно по крайней мѣрѣ къ русскому князю и предпочитать подданство князю ляшскому. Слова, вложенныя лѣтописцемъ въ уста Даніила и Василька, не имѣютъ иного значенія какъ угрозы—не помогать *ляшскому* (своему) князю.—Владычество Даніила надъ Люблиномъ ознаменовалось постройкой, по его приказанію, близь городской стѣны, высокой каменной башни, донынѣ уцѣлѣвшей.—Длугошъ, долго проживавшій въ Люблинѣ при дворѣ Казиміра IV, въ XV вѣкѣ, согласно съ старѣйшими польскими хрониками, свидѣтельствуетъ, что „Даніилъ, осадивъ Люблинъ, взялъ *замокъ* и *городъ* (tam castrum, quam civitatem), подчинивъ себѣ всю Люблинскую землю, соорудилъ среди замка (деревяннаго, построеннаго Болеславомъ Храбрымъ, круглую каменную башню [2]) turrim rotundam ex cortis lateribus in castri medio aedificat. Вскорѣ за тѣмъ, въ 1250 г., Даніиломъ же устроена была въ замкѣ часовня во имя св. Троицы [3]).

При нашествіи татаръ, когда весь Люблинъ обратился въ груду развалинъ, сгорѣлъ и замокъ. Новый замокъ, въ большихъ размѣрахъ, построилъ Казиміръ Великій. Существовала ли при немъ

---

[1]) При введеніи Магдебургскаго права въ г. Люблинѣ Владиславомъ Локеткомъ 1317 г., оно не было распространено на предмѣстья. Предмѣщане уравнены въ правахъ съ горожанами только Казиміромъ IV въ 1489 г. (Liber privilegiorum civit Lubl fol. 36.

[2]) Lib. VII, p. 628, подъ 1244.

[3]) Zielinski. Monografia Lublina. 1878 стр. 23. Показаніе Зелинскаго заслуживаетъ полнаго довѣрія, такъ какъ при составленіи монографіи онъ пользовался монастырскими и костельными архивами.

Digitized by Google

часовня—не знаю, но несомнѣнно, что устройство костела св. Троицы въ замкѣ, около Даніиловой башни, въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ нынѣ, относится къ 1395 г. и принадлежитъ Владиславу Ягайлѣ [1]) У самаго его порога сохранился отрывокъ латинской надписи, высѣченной въ камнѣ. Не вдаваясь въ гадательныя предположенія, припомню откровенное признаніе самого Ягайлы о страсти его передѣлывать православныя церкви въ латинскіе костелы, выраженное въ грамотѣ, пожалованной жителямъ Луцкой земли 31 октября 1432 г. на магдебургское право. Въ ней, между прочимъ, король обѣщаетъ „не притѣснять православныя церкви, *не обращать ихъ въ латинскіе костелы* и насильно не принуждать послѣдователей греческаго обряда къ переходу въ римско-католическую вѣру [2]). Въ Волынской лѣтописи находится описаніе событія, имѣющее, на мой взглядъ, нѣкоторую связь съ исторіей Даніиловой часовни. Въ 1287 г. Конрадъ Семовитовичъ, претендентъ на Краковское княжество, на которое имѣлъ виды братъ его Болеславъ Плоцко-Мазовецкій и Генрихъ Вратиславскій, въ сопровожденіи Дуная, одного изъ приближенныхъ Владиміра Василькoвича, поспѣшилъ къ Люблину, по передачѣ ему чрезъ какого то ляха Яртака приглашенія жителей города сѣсть на княженіе въ Краковѣ по смерти Лешка. Добравшись до города, „ста Кондратъ *на горѣ у мниховъ*“. Только-что Конрадъ началъ переговоры съ Люблянами о сдачѣ города, какъ подошло русское войско подъ предводительствомъ Юрія Львовича, который домогался для себя Люблина и Люблинской земли. Конрадъ, полагая, что это литовцы. „вбѣже *во столпъ ко мнихамъ* съ бояры своими и слугами, и Дунай Володимировъ съ нимъ“. Люблянe не уступили города ни тому, ни другому. Юрій наградилъ себя раззореніемъ окрестностей и захватомъ множества плѣнныхъ, а Конрадъ поѣхалъ восвояси съ великимъ стыдомъ, „лѣпши бы не живъ былъ“ [3]). О какой горѣ, о какомъ столпѣ и о какихъ монахахъ говоритъ лѣтописецъ? Близь самаго Люблина есть нѣсколько горъ—на одной стоитъ костелъ св. Николая, на другой—меньшей, Спасо Преображенская церковь, третья Бѣлковская гора, четвертая—значительная по высотѣ и объему—Замковая гора,

[1]) Ibid стр. 32.
[2]) Акты ю. з. Россіи, т. I ч. V, стр. 1 и 2.
[3]) Ипат. стр. 599.

Digitized by Google

на которой красуется знаменитая башня. Лѣтописи наши различаютъ двоякаго рода столпы каменные: одни глухіе въ видѣ колоннъ, на которые, по обычаю нѣкоторыхъ племенъ (Радимичи, Вятичи, Сѣвер.), ставились по дорогамъ сосуды съ человѣческими костями послѣ сожженія тѣла умершаго, или на которыхъ утверждали церковные своды [1]); другіе—въ видѣ сторожевыхъ башень, ставившіеся въ значительномъ разстояніи отъ города, какъ Холмскій столпъ, или близь городскихъ воротъ, какъ въ Городнѣ, Каменцѣ и Брестѣ, и имѣли значеніе передоваго форпоста, защищавшаго доступъ къ городу. Каменецкій столпъ имѣлъ 17 саженей высоты. Когда русскіе князья Мстиславъ, Владиміръ и Юрій взяли Городенскій столпъ „камень высокъ стоя передъ вороты города", куда заперлись Прузи, то горожане пришли въ ужасъ „зане тотъ столпъ бысть упованіе ихъ". Люблинскій столпъ построенъ также съ стратегическою цѣлью и при Даніилѣ былъ средоточіемъ княжескаго двора [2]). Въ юго-западной Руси и Малопольшѣ княжьи дворы обыкновенно устраивались за городомъ. Такъ, въ Перемышлѣ княжій дворъ стоялъ „внѣ города на лузѣ надъ Саномъ", тогда какъ самый городъ былъ расположенъ „надъ рѣкою подъ Вагромъ".

При осадѣ Даніиломъ Галича въ 1229 г. „Галичь бо бѣ ся затворилъ, Даніилъ же взя дворъ Судиславъ".—Походъ свой къ Люблину Конрадъ и Юрій предприняли по истеченіи болѣе 40 лѣтъ послѣ покоренія Люблинской земли Даніиломъ. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ во многомъ измѣнилось. Городъ Люблинъ со всей землей захватили поляки еще при Болеславѣ Стыдливомъ (умершемъ 1279 г.), какъ видно изъ нѣкоторыхъ грамотъ послѣдняго и похода на Болеслава къ Люблину Владиміра Васильковича и Льва Даниловича [3]), но *мѣсто* Люблинское съ башнею оставалось подъ державою русскаго князя до конца XIII вѣка. Въ одномъ спискѣ Ипатской лѣтописи (Ермиловскомъ) и въ лѣтописи Густынской сказано, что по взятіи Даніиломъ Люблина, онъ состоялъ подъ русскимъ владычествомъ 57 лѣтъ. Въ 1300 г. русскіе, дѣйствовавшіе совокупными силами съ Литвою и татарами, потерпѣвъ отъ ляховъ по-

[1]) Ипат. стр. 8 и 559.
[2]) Теперь въ немъ устроены арестантскія камеры.
[3]) Этотъ походъ ошибочно отнесенъ нашею лѣтописью къ 1282 г.

Digitized by Google

раженіе подъ самымъ Люблиномъ, „побѣгоша въ Люблинъ, но и тамъ ихъ гладомъ поддатися принудиша“. Какъ бы ни было, но въ 1287 г. въ Люблинскомъ столпѣ пребывали монахи. Слѣдовательно онъ былъ обращенъ въ монастырь, и притомъ русскій православный, такъ какъ первый у поляковъ монастырь въ Люблинѣ— Доминиканскій появился въ 1342 г.[1]). Въ составъ этого-то русскаго монастыря и входила часовня Св. Троицы, обращенная впослѣдствіи въ костелъ Владиславомъ Ягайломъ.

Перехожу къ другому, важнѣйшему памятнику русской старины въ Люблинѣ — церкви Преображенія Господня. До конца XVII столѣтія она была главнымъ оплотомъ православія въ Люблинѣ и его окрестностяхъ. Судьба ея, подробно изслѣдованная мною съ 1509 г., представляется въ высшей степени поучительною и интересною. Провидѣніемъ суждены были ей самыя тяжкія испытанія. Утвердившись на рубежѣ, гдѣ сталкивались двѣ народности— ляшская и русская, имѣя передъ собою цѣлую фалангу латинскихъ костеловъ и монастырей, плодившихся съ неимовѣрною быстротою изъ разсадника, устроеннаго іезуитами, весьма естественно, что всѣ силы свои она должна была напрягать въ борьбѣ за существованіе. Въ теченіи многихъ лѣтъ вела она процессы съ разными учрежденіями и лицами, отстаивая свою земельную собственность и своихъ чиншевиковъ отъ притѣсненій то со стороны ксендза сосѣдняго Николаевскаго костела, то со стороны представителей мѣстнаго городскаго управленія. Настоятелямъ церкви, утратившимъ, по горькому опыту, всякую надежду на правосудіе, приходилось иногда пускаться чуть не въ рукопашный бой со своими врагами. Такъ напр. въ одномъ актѣ 1554 г. значится, что когда, на основаніи королевской грамоты, совершался подстаростою Суходольскимъ вводъ во владѣніе каштеляна Сандомірскаго Станислава изъ Ходеля 12-ю участками вблизи границъ земель костела Св. Николая и городскаго выгона, то пришелъ русскій попъ греческаго обряда Пасскій и громогласно провозгласилъ, что онъ такого присвоенія участковъ, какъ принадлежащихъ церкви, не допуститъ и будетъ до послѣдней крайности сопротивляться силою. Пасскій сдержалъ слово, оказавъ насильственное сопротивленіе, о

[1]) Zieleński. Monogr. Lublina, стр. 28. То же самое единогласно утверждаютъ Серпинскій, Балинскій, Липинскій и Свенцкій.

Digitized by Google

чемъ сдѣлано Люблинскимъ земскимъ вознымъ Иваномъ Носекомъ оффиціальное заявленіе [1]). Петръ Пасскій,—этотъ образцовый типъ южно-русскаго священника, состоявшій настоятелемъ Спасо-Преображенскаго прихода около 30 лѣтъ (съ 1554—1585), — до конца своей жизни не переставалъ мужественно защищать интересы церкви и всего православнаго населенія Люблина, не дѣлая уступокъ и тогда, когда противниками его выступали лица вліятельныя или высокопоставленныя. Наиболѣе крупныхъ размѣровъ достигло нарушеніе имущественныхъ правъ Спасо-Преображенскаго храма при Сигизмундѣ III, которымъ издано много указовъ, клонившихся къ ограниченію вообще гражданскихъ правъ русскаго населенія Люблина и его предмѣстій. Дошло до того, что королевскимъ декретомъ (19 марта 1593 г.) лицамъ, жившимъ на церковной землѣ и подчиненнымъ настоятелю церкви, запрещалась, наравнѣ съ евреями, подъ страхомъ строгихъ наказаній, всякая промышленность и торговля.

Надвигалась грозная туча, наступило роковое для юго-западной Руси событіе — Брестская унія, а съ нею начались гоненія православнаго люда, какія, по выраженію Густынскаго лѣтописца, „бысть во днѣ Аріанскія или Нероновы". Предчувствуя бѣду, увидѣвъ на горизонтѣ зловѣщую тучу, встрепенулась русская община, сомкнула свои ряды и, во главѣ достойнаго преемника Петра Пасскаго іерея Саввы, грудью стала за свой храмъ, гдѣ она находила единственную отраду и утѣшеніе въ обрушившихся на нее бѣдствіяхъ.

По словамъ церковной лѣтописи, Люблинское православное братство при храмѣ Преображенія-Господня учреждено патріархомъ Антіохійскимъ Іоакимомъ 15 января 1586 г. и статуты его были позднѣе скрѣплены патріархомъ Царьгородскимъ Іереміею, коему окружною грамотою Сигизмунда III отъ 15 іюля 1589 г. было дозволено: при посѣщеніи православныхъ епархій, во всѣхъ краяхъ русскихъ, править всѣ духовныя дѣла и судить по предоставленной ему верховной власти [2]). „Такъ какъ братство, продолжаетъ лѣтопись, на каждомъ шагу встрѣчало препоны и противодѣйствіе со стороны католической лиги, то прихожане церкви стали просить

---

[1]) Akt grod. Lubelsk. relat. ctoblat, кн. 9, стр. 119. (Любл. арх.).
[2]) Арх. южн. и зап. Россіи, т. II, стр. 187.

Digitized by Google

митрополита Рагозу, еще не измѣнившаго въ то время православію, объ утвержденіи ихъ братства. Склонившись на усердныя просьбы, митрополитъ Рагоза, съ согласія синода, засѣдавшаго тогда въ Брестѣ-Литовскомъ, издалъ 28 іюня 1594 г. дипломъ для братства, а Сигизмундъ III утвердилъ дипломъ во всѣхъ его пунктахъ“ [1]). Изъ привиллегіи короля Яна III, данной въ Краковѣ 12 марта 1676 г., видно, что Рагоза выдалъ церкви еще другой дипломъ въ 1596 г., вѣроятно для меньшаго братства.— Благодаря плодотворнымъ трудамъ г. Ореста Левицкаго, отыскавшаго въ книгахъ главнаго Люблинскаго трибунала грамоту объ утвержденіи Люблинскаго братства, мы можемъ теперь сообщить болѣе обстоятельныя о немъ данныя. Уставъ братства Люблинскаго данъ патріархомъ Іереміей по чину братства духовнаго Львовскаго при храмѣ Успенія св. Богородицы, Виленскаго—при храмѣ св. живоначальной Троицы, и Брестскаго—при соборномъ храмѣ св. чудотворца Христова Николая. „И о семъ молиша насъ месчане релии закону святого греческаго“, гласитъ грамота Рагозы, „жебысмо имъ, яко парафіаномъ церкве тамошнее Любелское святого Спаса-Преображеня Господня, мѣти позволили въ заведанье и опатренье ихъ тую церковь, зо всѣми грунтами и пожитками, той церкви Любельской належачими, на выховане священника ихъ, которые то братя, гдебы ся отъ когожъ колвекъ якое кривды въ добрахъ церковныхъ деяли, маютъ боронити и заступовати, подле правъ наданыхъ той церкви и артикуловъ въ порядкахъ братскихъ описанныхъ, заховатися маютъ“. Найдя „моленіе“ Люблинскихъ мѣщанъ „зело честно и Богу угодно“, Рагоза разрѣшилъ имъ „братство духовное мети, рядити, справовати, добрами церковными опекатися и отъ вшелякихъ кривдъ боронити заступовати, по чину и устроенію братства“, съ тѣмъ, чтобы братству и всѣмъ его порядкамъ ни кто „переказы“ не чинилъ. Митрополитъ вмѣняетъ братству „единочестно, единомысленно и правовѣрно жити... съ смиренномудріемъ, въ любви нелицемѣрной во вся вѣки строити, по обычаю речоннаго братства о Господи всегда съ любовію и кротостію собирающеся, священниковъ же богоугодныхъ честныхъ, православныхъ и достовѣрныхъ, не корчемныхъ, отколь же колвекъ бы трафити и збирати могли собе, при которомъ свя-

[1]) Лѣтописная книга, въ Холмск. церковно-арх. музеѣ.

Digitized by Google

щеннику и наука школная чадомъ своимъ мети, пришелцовъ убогихъ по чину школному примовати, болницу, шпиталь убогихъ своихъ любезно и праведно строити, церковное благолѣпие по силе своей честно украшати, забранное наданное маетности отъ кого жъ колвекъ боголюбца въ влагалащи своемъ и шпиталными братскими праведно справовати и рядити маютъ, въ напастехъ, въ бѣдахъ и недузехъ брати своей сановнымъ помогати и до гробу равночестно провожати нищихъ, по преставлении брати своей сиротами жъ и вдовами елико мощно печися; а между братею своею кротостию и терпеніемъ нелицемѣрно праведно разсужати, аще ли жъ въ нѣкоей вещи недоумѣются, да испытаютъ о семъ испытнѣйшого разсуженя иншого братства вышъ помененого, и по увещанию правиломъ всѣмъ любовно смиряти. Аще ли жъ кто не будетъ жити зъ братствомъ въ единой мысли, но противно мысли творяти будетъ соблазнъ межи братьею и не престанетъ ли, такового теды епископъ и пастырь епархии тамошнея съ разсуженіемъ да отлучитъ отъ общаго братства къ целомудрию, а въ небытности епископа ино намѣсникъ его зъ ихъ священникомъ братскимъ да изженутъ изъ церкве. И аще бы кто собе иного искалъ безчинного братства, къ униженію сему святому братству, таковые да не имѣютъ ни единыя власти въ всемъ строеніи церковнаго братства“... „Засимъ, говоритъ Рогоза, отъ нашего смиренія и соборнаго собраня завещевается и въ святомъ Духу повелевается быти братству сему неразрушно и неподвижно въ вѣки, ни же отъ единаго по временемъ пришлыхъ по нихъ обрѣтаемого епископа, ни жъ отъ князей, пановъ или священниковъ или мирскихъ, подъ запрещеніемъ непрощеннымъ и отлученемъ не розрешенымъ отъ святое восточное кафолическое Божое церкве светого православия нашого греческого. И аще кто явится разоряя сия, яко соблазнитель и разоритель и злотворецъ и дияволу другъ, а врагъ Христу, да будетъ отлученъ отъ Отца и Сына и Святого Духа и проклятъ и посмерти неразрешенъ и да имѣетъ клятву 318 святыхъ отецъ иже въ Никеи и прочихъ святыхъ. Богъ же всякоя благодати той да совершитъ ихъ, да утвердитъ да укрепитъ, сохраняя отъ всякого вреда“... Грамота Рагозы утверждена Сигизмундомъ III-мъ, на вальномъ сеймѣ въ Варшавѣ 22-го апрѣля 1596 г. и внесена въ канцелярскія книги по ходатайству Дмитрія Статвичича, Леонтія Афонасовича, Андрея Лукьяновича, уполномоченныхъ Люблин-

Digitized by Google

скаго братства при церкви Спаса-Преображенія Господня, 22 мая 1603 г. Сигизмундова привиллегія была занесена до справъ главнаго трибунала Люблинскаго, по требованію старшинъ братства, „какъ ктиторовъ и подавцевъ церкви Преображенія Господня въ месте Любелскомъ, на Чвартку, на горѣ, при гостинцу Литовскомъ и Русскомъ стоячее „славетныхъ и учтивыхъ мещанъ“ Леонтія Афанасовича, Стефана Желеховскаго, Трохима Олешковича, Олекшія Молмоцкаго, Андрея Лукьяновича и Олекшія Васковича [1]).

Кратко, но въ яркомъ свѣтѣ обрисовываетъ главнѣйшіе моменты судьбы Спасо-Преображенскаго храма въ XVII вѣкѣ, характеръ и дѣятельность Люблинскаго братства, отрывокъ церковной лѣтописи. Вотъ его содержаніе: „Начатъ здатися Божественный храмъ св. Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ лѣто отъ созданія міра 7115, а отъ воплощенія Сына Божія 1607, царствующу великому королю Польскому Жигмонту третьему. Иждивеніемъ во союзѣ христолюбиваго братства святаго храма сего; сущихъ пресвѣтлыхъ благочестивыхъ княжатъ Острожскихъ, Вишневецкихъ, Корецкихъ, Чарторыйскихъ, Четвертинскихъ и благородныхъ Христолюбивыхъ вельможныхъ милостивыхъ пановъ шляхтичей обывателей воеводства Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго и иныхъ многихъ благочестивыхъ и христолюбивыхъ людей отъ многихъ странъ присовокупляющихся во союзъ христолюбиваго братства сего. Промысломъ же и трудолюбіемъ братства отъ союза зде меньшаго, имѣюще иконостасъ отъ честного храма сгорѣвшаго въ 1587 г. Совершижеся св. благодатію всемогущаго Бога въ лѣто отъ созданія міра 71..., отъ рождества Христова 1633. Благополучне царствующу непобѣдимому пресвѣтлѣйшему королю Польскому Владиславу четвертому. И освятися благодатію всесвятаго и животворящаго духа ясне превелебнымъ и преосвященнымъ отцомъ и господиномъ Петромъ Могилою православнымъ архіепископомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и всея Руси, экзархомъ святаго апостольскаго ѳрона Констаптинопольскаго, архимандритомъ Печерскимъ Кіевскимъ. Въ лѣто отъ созданія мира 71..., а отъ рождества Христова 1... (трехъ цифръ недостаетъ): мѣсяца марта 5 дня. Совершен... украс..., икон... въ лѣто“ (конецъ записки оборванъ)...

---

[1]) Арх. ю. з. Россіи, т. VI, ч. 1. стр. 104—108. Изд. 1883 г.

Digitized by Google

О началѣ постройки каменной церкви въ 1607 г., послѣ истребленія пожаромъ деревянной, удостовѣряетъ также надпись на рукописномъ Трефологіонѣ 1527 г., принадлежавшемъ Люблинскому братству, удостовѣряющая, что „почалася церковь новая въ Люблинѣ муровати того року, кгды Подзамче горѣло и церковь деревянная сгорѣла, 1607 г.“ [1]). Въ лѣтописномъ отрывкѣ умалчивается о мѣстѣ, гдѣ стояла деревянная церковь. Въ дарственной записи князя Юрія Чарторыйскаго отъ 29 іюля 1599 г. занесенной въ книги Люблинскаго трибунала 24 августа 1600 г., ясно выражено, что церковь Преображенія Господня на *Чвартку* „зъ вековъ давныхъ у фундована и *збудована*“. На рукописномъ Номоканонѣ, принадлежавшемъ также Люблинскому братству, находится такая замѣтка: „Написася Божею помощью мною многогрѣшнымъ рабомъ Христовымъ іереемъ Василіемъ церкви Преображенія Господня въ Люблинѣ предстателемъ, лѣта по рождествѣ Бога нашего 1601, мѣсяца юня 3 дня“ [2]). Очевидно, что деревянная Спасо-Преображенская церковь въ 1599 г. существовала на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ позднѣе построена каменная. Это подтверждается совершенно согласными показаніями записей въ лѣтописномъ отрывкѣ и въ Трефологіонѣ, что новая церковь (каменная) заложена въ 1607 г. Изъ приписки же на Трефологіонѣ видно, что церковь Спасо - Преображенская мураваться началась въ томъ же году, въ которомъ сгорѣла деревянная, когда пожаръ случился на Подзамчьи (смежномъ съ Чварткомъ). Этому не противорѣчатъ и слова Гронскаго, что „въ Люблинѣ еще въ наше время (т. е. въ XVII в.) въ той сторонѣ, гдѣ расположенъ такъ называемый, „Slomiany Rynek“ у русскихъ былъ храмъ, отнятый католиками при Владиславѣ IV [3]), такъ какъ Гронскій опредѣляетъ мѣстность лишь приблизительно. Слѣдовательно 1587 годъ выставленъ въ лѣтописномъ отрывкѣ ошибочно, тѣмъ болѣе что въ актахъ, касающихся Спасо - Преображенской церкви, съ 1587—1607 г., нѣтъ ни малѣйшаго указанія на двукратное истребленіе ея пожаромъ [4]). Отъ нея, кромѣ иконостаса, сохранилось нѣсколько

---

[1]) Книга эта находится въ библіотекѣ Львовскаго университета.

[2]) Розенкампфъ. Обозрѣніе кормчей книги. 1829 г., стр. 78.

[3]) Grondski de Grondi. Historia belli cosacco-polonici 1676 г., стр. 12.

[4]) Ошибка принадлежитъ, кажется, не автору лѣтописи, а лицамъ ее нашедшимъ, которые по своему возстановили двѣ среднія цифры, исчезнувшія отъ времени.

Digitized by Google

старинныхъ иконъ, которыми церковь и украшена была, вмѣстѣ съ новыми, пожертвованными разными лицами. Въ числѣ иконъ, на которыя намекаетъ лѣтописный отрывокъ, былъ и чудотворный образъ Божіей Матери, съ богатыми окладами, принесенный въ даръ церкви кѣмъ либо изъ благочестивыхъ русскихъ князей, вѣрнѣе всего Константиномъ и Иваномъ Александровичами Острожскими, жившими довольно долго въ Люблинѣ и тамъ умершими 1618—1619 г. [1]). При постройкѣ церкви братству приходилось преодолѣвать не мало препятствій. Главными были недостатокъ матеріальныхъ средствъ и противодѣйствіе польско-латинскаго духовенства, пока щедрыя приношенія западно-русскаго дворянства и наступившее съ восшествіемъ на престолъ Владислава VI „успокоеніе“ православнаго населенія Польши не дали возможности братству довершить святаго дѣла. Успѣху ея значительно должна была содѣйствовать проповѣдническая дѣятельность ректора Кіево-братскаго училища Кассіана Саковича, приглашеннаго въ Люблинъ Волынскимъ чашникомъ Древинскимъ въ 1624 г. [2]). Утрата большей части братскихъ книгъ не позволяетъ мнѣ привести полный списокъ „пресвѣтлыхъ, благочестивыхъ, христолюбивыхъ, вельможныхъ, милостивыхъ бояръ“, иждивеніемъ которыхъ знаменитый храмъ возникъ изъ пепла. Какъ велико было число обывателей воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго „присовокупившихся во союзъ“ Люблинскаго братства, можно составить понятіе по записи отъ 5 мая 1601 г., о передачѣ въ собственность Спасо-Преображенскаго храма двухъ домовъ, пріобрѣтенныхъ отъ Адама Бонка и Флоріана Сепретовскаго и стоящихъ на горѣ „близко тоежъ церкви при гостинцу Литовскомъ и Русскомъ“, съ грунтами, огородами, плацами и надворными постройками. Актъ подписали: князья Константинъ Острожскій, Григорій Сангушко-Кошерскій, Якимъ Корецкій, Григорій Четвертинскій, Юрій Чарторыйскій, занимавшіе высшія государственныя должности, и съ ними 39 другихъ князей и дворянъ, обывателей воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго. „Бачачи великое стѣсненіе въ грунтахъ церкви Преображенія Господня на предмѣстьи Люблинскомъ“, говорится между прочимъ въ актѣ, „слѣдуя примѣру

[1]) Кіевская старина. Ноябрь 1833 г. ст. Левицкаго объ Аннѣ кн. Острожской.
[2]) Голубевъ. Петръ Могила, т. I, стр. 123.

Digitized by Google

предковъ своихъ и фундаторовъ той церкви, для умноженія славы Божіей и обезпеченія слугъ церковныхъ, даруемъ ей на вѣчное время купленное нами, обѣщая всѣми зависящими отъ насъ способами защищать какъ владѣнія церковныя, такъ и священнослужителей и братство въ случаѣ причиненія имъ какой-либо „кривды“. Актъ этотъ 22 мая 1603 г. былъ внесенъ въ книги главнаго Люблинскаго трибунала по требованію шести мѣщанъ, уполномоченныхъ Люблинскаго братства, избранныхъ въ томъ году за старшихъ „яко фундаторы и подавцы церкви Преображенія Господня“, Леонтіемъ Афонасовичемъ, Степаномъ Желеховскимъ, Трофимомъ Олешковскимъ, Алексѣемъ Молмоцкимъ, Андреемъ Лукьяновичемъ и Алексѣемъ Васковичемъ [1]). Свято исполняли обѣщаніе западнорусскіе князья и бояре, и дѣйствительно не давали Спасо-Преображенскій храмъ въ обиду, пока не была довершена его постройка.

Между тѣмъ, воспользовавшись смертью короля Сигизмунда III, православное дворянство и козацкіе послы, на конвокаціонномъ и избирательномъ сеймахъ, настоятельно стали требовать о предоставленіи русскому народу полной свободы грековосточнаго богослуженія, домогаясь возвращенія православныхъ епархій, переданныхъ уніатамъ, удаленія изъ Люблина и Вильны іезуитскихъ коллегій, на томъ основаніи, что іезуитскіе ученики мѣшаютъ исповѣдующимъ греческую вѣру вести свои дѣла въ трибуналѣ, и т. п. На избирательномъ сеймѣ, происходившемъ въ Варшавѣ 27 сентября 1632 г., назначенными Владиславомъ IV совѣтниками были выработаны начала успокоенія народа русскаго греческой вѣры въ Польшѣ и Литвѣ, утвержденныя Владиславомъ 1 ноября. При этомъ былъ составленъ, 10 ноября, списокъ городовъ и мѣстечекъ, въ Коронѣ и Литвѣ, въ которыхъ предоставлялось православнымъ „спокойное одержане по одной церкви не въ уніи будучей“. Замѣчательно, что къ числу городовъ въ Коронной Руси (w Rusi koronney) отнесенъ и Люблинъ [2]). При заключеніи коронаціоннаго сейма въ Краковѣ, въ мартѣ 1633 г., одновременно съ выдачей Владиславомъ IV православному населенію Польши и Литвы общаго диплома, подтверждавшаго всѣ привиллегіи, дарован-

---

[1]) Арх. ю.-з. Россіи, т. I, ч. II, стр. 31.
[2]) Арх. ю.-з. Россіи, т. VI, ч. I, стр. 657.

Digitized by Google

ныя его предшественниками, король выдалъ обывателямъ воеводства Волынскаго и Брацлавскаго двѣ грамоты отъ 11 и 12 марта 1633 г. Въ первой изъ нихъ Владиславъ IV, подтверждая имущественныя права Люблинской Спасо-Преображенской церкви, объявилъ, что въ уваженіе къ предстательству люблинскаго православнаго братства (непринадлежащаго къ уніи), онъ изъемлетъ его изъ подъ власти Холмскаго уніатскаго епископа и будущихъ преемниковъ послѣдняго и подчиняетъ таковое власти митрополита не состоящаго въ уніи и его будущихъ преемниковъ, а при церкви разрѣшаетъ отправлять богослуженіе св. Василія Великаго, съ сохраненіемъ древняго греко-восточнаго обряда. Въ концѣ привилегіи прибавлено: „повелѣваемъ, чтобы упомянутому братству не было чинимо земскими трибуналами и Холмскимъ уніатскимъ епископомъ, а также его преемниками, никакихъ притѣсненій и чтобы не была нарушаема неприкосновенность дѣлаемыхъ въ пользу братства пожертвованій и отказовъ [1]). Второю привилегіею король обѣщаетъ свое покровительство Люблинской церкви и предоставляетъ со всѣми принадлежностями въ непосредственное и полное распоряженіе Люблинскаго братства, обязываясь не устранять его отъ завѣдыванія церковью и противодѣйствовать всякому посягательству на его прерогативы [2]). Люблинская церковь возвращена была братству королевскими коммиссарами: Городельскимъ старостою Зборовскимъ, шамбеляномъ Станишевскимъ и княземъ Четвертинскимъ, несмотря на протестъ Холмскаго уніатскаго епископа Меѳодія Терлецкаго [3]). Грамоты Владислава IV дали Люблинскому братству возможность завершить отдѣлку своего храма, а Петру Могилѣ поводъ—пріѣхать, для его освященія, въ Люблинъ. Петръ Могила пріѣзжалъ туда изъ Львова, до посвященія его въ санъ митрополита Кіевскаго, которое послѣдовало во Львовѣ 28 апрѣля 1633 г. [4]), — такъ какъ освященіе имъ Спасо-Преображенскаго храма, по словамъ приведеннаго мною документа, совершилось 5 марта, очевидно того же года (по Юліанскому календарю, употребленіе коего оставлено было русскимъ привилегіею Стефана Ба-

---

[1]) Summar. privil. (Холм. церк. арх. музей).

[2]) Акты Любл. гродск. relat et oblat, кн. 96, стр. I.

[3]) Семеновичъ. Начало уніи въ Холм. епархіи, Х. В. епарх. вѣстн. 1881 г., стр. 380.

[4]) Макарій. Истор. Русск. церк., т. XI, стр. 454.

Digitized by Google

торія отъ 21 января 1584 г.),—т. е. вслѣдъ за полученіемъ Петромъ Могилою грамоты Владислава IV объ изъятіи упомянутаго храма изъ вѣдѣнія уніатскаго епископа,—отъ 11 марта 1633 г. (по грегоріанскому календарю, введенному 1582 г.). Но скоро грамоты эти превратились въ мертвую букву. Въ 1638 г. Меѳодій Терлецкій „билъ челомъ" королю Владиславу IV, чтобы Спасо-Преображенская церковь была ему передана, при чемъ сослался на отсутствіе въ ней уніатскаго священника. Король, еще такъ недавно обѣщавшій братству свои милости, заговорилъ теперь другимъ языкомъ. Находя необходимымъ, „чтобы божественная служба и всѣ религіозные обряды совершались надлежащимъ образомъ, а не такъ безпорядочно, какъ они совершаются нынѣ при частой смѣнѣ бродячихъ поповъ, чуждающихся святой уніи, онъ объявилъ, что церковь Люблинскую Спасо-Преображенія, со всѣми ея доходами, пожитками, землями, слугами и людьми церковными, издавна ей принадлежащими, онъ отдаетъ превелебному епископу Меѳодію Терлецкому до смерти его, или же добровольнаго отреченія, въ полное его распоряженіе".—Передача эта, послѣдовавшая, по удостовѣренію Льва Кишки, 1-го декабря 1638 года [1]), санкціонирована королевскимъ приказомъ отъ 13-го ноября 1638 года, даннымъ въ Люблинскомъ замкѣ и внесеннымъ въ старостинскія книги 1639 года уполномоченнымъ М. Терлецкаго Курчасомъ [2]).

Слѣдующее десятилѣтіе, до избранія короля Яна Казиміра (17-го ноября 1648 г.) ознаменовалось печальными для православія событіями въ Червонной Руси. Къ концу царствованія Владислава IV члены большей части княжескихъ и дворянскихъ родовъ, на которые опиралось Люблинское братство, измѣнили вѣрѣ отцовъ и перешли въ католичество. Люблинская православная община была покинута на произволъ свирѣпѣвшаго все болѣе и болѣе фанатизма латынниковъ, обратившихся въ какихъ-то кровожадныхъ звѣрей и метавшихся въ дикомъ изступленіи по русскимъ городамъ и весямъ, обращая въ развалины православныя церкви и монастыри, отказывавшіеся принять унію, и подвергая русское духовенство всевоз-

---

[1]) Рукопись его, стр. 738.—Петрушевичъ. Холм. епархія и святители ея, стр. 52.

[2]) Акты гродск. Люб. oblat. кн. 68, стр. 20.

Digitized by Google

можнымъ мученіямъ и казнямъ [1]). Неутомимымъ и ловкимъ руководителемъ всѣхъ этихъ безчинствъ въ Холмской Руси является епископъ Меѳодій Терлецкій. 8-го Января 1639 г., въ сопровожденіи толпы вооруженныхъ челядинцевъ, Терлецкій нагрянулъ на *монастырь* [2]) Люблинскаго братства при церкви Преображенія Господня и проникнувъ въ монашескія кельи, требовалъ выдачи ему ключей отъ церкви. Встрѣтивъ отказъ игумена Севастьяна Селицкаго „зъ раменья отца митрополита Петра Могилы тамъ поданого", а также другихъ монаховъ „спеваковъ слугъ церковныхъ и людей убогихъ за шию зъ монастыря вытручаючи, бьючи" домогался исполненія своего приказа. Когда не удалась попытка поотмыкать слесарскими инструментами замковъ отъ церковныхъ дверей и склеповъ, Терлецкій прежде всего велѣлъ выбить переднія двери до церкви съ притвора, а затѣмъ „до бабинца", но не имѣя возможности пробраться въ самую церковь, такъ какъ внутреннія двери оказались запертыми, поднялся съ своими единомышленниками по лѣстницѣ до „церковки или каплички подъ звоницею", тамъ другими дверьми вошелъ на хоръ, а съ хоръ спустилъ на полъ церковный, по веревкѣ, челядника своего Васильковича. Послѣдній отомкнулъ замокъ отъ церковной двери, а другіе „до скарбцу церковнаго", т. е. склена, расположеннаго подъ церковью, двери выломали. „Опановавши" такимъ способомъ монастырь и церковь, Терлецкій забралъ изъ скарбца и присвоилъ всѣ цѣнные апараты, золото, серебро и другіе предметы, также книги, грамоты и разные документы, данные для храненія дворянами разныхъ воеводствъ. На все это 7 февраля 1639 г. принесена была жалоба, для записи въ Луцкіе старостинскіе акты, бургомистру и намѣстнику подстаростваа Луцкаго Станиславу Збражку, отъ имени митрополита Петра Могилы и всего духовенства, игумнами Іосифомъ Чапличъ Шпаковскимъ, Мелецкимъ и Городыскимъ, и Севастьяномъ Селицкимъ, Люблинскимъ, и отъ имени всѣхъ греческой вѣры не состоящихъ въ уніи, обывателей воеводствъ Волынскаго, Кіевскаго, Брац-

---

[1]) Афонасій Филипповичъ, игуменъ Брестскій, въ своемъ дневникѣ писалъ: „Бѣдные мѣщане Люблина и другихъ городовъ и мѣстечекъ слезно жалуются, что нѣтъ у нихъ уже людей, съ которыми они могли бы отстаивать свои церкви" (Х. В. еп. вѣстн. 1879. стр. 375).

[2]) Здѣсь впервые упоминается монастырь при церкви Спаса-Преображенія. Оказывается, что онъ учрежденъ Петромъ Могилой. Монастырь недавно разрушенъ и развалины проданы евреямъ съ публичнаго торга.

Digitized by Google

лавскаго и иныхъ, княземъ Григоріемъ Святополкъ-Четвертинскимъ, подкоморіемъ Луцкимъ [1]). Протестуя противъ такого произвола, одинъ изъ православныхъ депутатовъ, присутствовавшій въ Люблинскомъ коронномъ трибуналѣ [2]), Василій Литынскій въ пылу негодованія, произнесъ передъ судьями пламенную рѣчь, пользовавшуюся громкою славой во всей западной Руси. „Не могу помириться съ мыслью", сказалъ онъ, между прочимъ, „что католики лишили насъ храма, сооруженнаго нашими благочестивыми предками греческой вѣры и бывшаго издревле безспорнымъ достояніемъ православныхъ,—храма, служившаго единственнымъ надежнымъ прибѣжищемъ для лицъ, стекающихся сюда изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи по своимъ дѣламъ, которыя рѣшаются здѣшнимъ трибуналомъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи для нѣсколькихъ воеводствъ. Насильственное отнятіе у насъ нашей святыни есть возмутительное поруганіе старинныхъ королевскихъ привиллегій и торжественной присяги нынѣ царствующаго короля. Объявляю во всеуслышаніе, что греческой вѣрѣ нанесено тяжкое оскорбленіе. Къ несчастью, мы не въ силахъ отомстить за такое вопіющее злодѣяніе; но душа моя предчувствуетъ, что многіе изъ этого собранія дожцвутъ еще до той поры, когда Всевышній Судія, безпощадно карающій всякую неправду, воздастъ злодѣямъ по ихъ заслугамъ и сторицей вознаградитъ русскій народъ за храмъ, у него отнятый". Приводя рѣчь достопочтеннаго русскаго депутата, Гродскій добавляетъ, что Литынскій поплатился бы головою (capite detruncatus fuisset) за свой благородный порывъ если бы не выручила его сильная поддержка родныхъ его друзей [3]).

Дальнѣйшая исторія Спасо-Преображенской церкви находится въ тѣсной связи съ козацкими движеніями, охватившими мало-по-малу всю Холмскую Русь. Воспользовавшись пораженіемъ поляковъ подъ Корсунемъ, въ 1648 году гетманъ Богданъ Хмельницкій послалъ на имя короля письмо, въ кото-

---

[1]) Арх. ю.-з. Россіи т. VI ч. 1. стр. 751—753.

[2]) Люблинскій главный коронный трибуналъ учрежденъ 1578 г. для воеводствъ Краковскаго, Сандомірскаго, Русскаго, Подольскаго, Люблинскаго, Белзскаго и Подлясскаго. Въ 1589 г. вѣдѣнію его были подчинены также воеводства Волынское и Брацлавское съ тѣмъ, чтобы трибунальскіе приговоры подписывались двумя Волынскими депутатами и двумя коронными (Volumina legum. m. II f. 966, 1294, 1295 и 1297 и m. III f. 454.

[3]) Grondski. Historia belli cosacco-Polonici. 1676 г. стр. 12—14.

Digitized by Google

ромъ, излагая притѣсненія, чинимыя козацкому войску, домогался разныхъ привиллегій и просилъ усерднѣйше, чтобы древняя греческая религія ни въ чемъ не была нарушаема, чтобы всѣ святыя церкви, насильно обращенныя къ уніи въ Люблинѣ и другихъ Червонорусскахъ городахъ, вездѣ остались въ своей древней свободѣ. Письмо это, по словамъ г. Костомарова, не застало Владислава IV въ живыхъ. Съ такою же просьбою козацкіе послы обращались и на конвокаціонномъ сеймѣ. Сеймъ назначилъ коммисію, поручивъ ей отправиться въ Кіевъ для успокоенія козаковъ, но переговоры ни къ чему не привели. Хмельницкій устремился къ Львову и опустошилъ окрестности Замостья. Современный актъ, составленный по поводу истребленія козаками Красноставскихъ гродскихъ книгъ, свидѣтельствуетъ, что „расположивъ свои обозы подъ Замостьемъ, Богданъ Хмельницкій высылалъ козаковъ и скифовъ (татаръ) на грабежи, опустошилъ страну огнемъ и мечемъ, разрушилъ много замковъ королевскихъ, костеловъ, дворовъ и имѣній шляхетскихъ [1]). Существуетъ преданіе, что когда, въ 1649 году, войско Богдана Хмельницкаго подступило къ самому Люблину, то католическое духовенство, для отвращенія угрожавшей опасности, совершило по городу процессію изъ Доминиканскаго монастыря съ вынесенной оттуда частицей древа св. креста. На небѣ появилось зловѣщее знаменіе въ видѣ меча и стрѣлы, окруженныхъ сіяніемъ, и козаки, уже готовившіеся завладѣть монастыремъ, въ паническомъ страхѣ отступили отъ города... Послѣ торжественной встрѣчи Хмельницкаго въ Кіевѣ митрополитомъ Коссовымъ, духовенствомъ и гражданами, переговоры съ польскими комисарами возобновились въ Переяславлѣ. Условія мира, предложенныя Хмельницкимъ, были отвергнуты. Хмельницкій объявилъ, что станетъ воевать за вѣру православную, выразивъ увѣренность, что вся чернь, которая ея держится по Люблинъ и по Краковъ, поможетъ ему въ этомъ [2]).

Воспользовавшись побѣдой, одержанной надъ Яномъ Казиміромъ подъ Зборовымъ въ августѣ 1649 г., Богданъ Хмельницкій заключилъ съ королемъ мирный договоръ, утвержденный сеймомъ 22 ноября того-же года, по которому было обѣщано: обезпеченіе

---

[1]) Кн. земск Красност. 27, стр. 750.
[2]) Соловьевъ. Истор. Россіи, т. X, стр. 248.

Digitized by Google

свободы греческаго богослуженія и неприкосновенности православныхъ церквей и церковнаго имущества, по указаніямъ митрополита Кіевскаго и всего духовенства, а также возвращеніе православнымъ многихъ церквей, въ томъ числѣ и Люблинской. Въ исполненіе Зборовскаго договора Янъ Казиміръ 12 января 1650 г. выдалъ привиллегію, въ которой между прочимъ говорится: „въ воеводствѣ Люблинскомъ церковь каменную, построенную шляхетствомъ и отъ него отобранную, для отправленія въ ономъ богослуженія всему русскому, въ уніи не состоящему, народу, возвращаемъ [1]), а затѣмъ, 19 мая 1650 г. объявилъ особымъ указомъ, что беретъ подъ свое покровитетьство преданное ему духовенство и прихожанъ Люблинской церкви, исповѣдующихъ греческую вѣру, и вмѣнялъ въ обязанность подлежащимъ властямъ, особенно же Люблинскому подзамочному управленію, охраненіе личной свободы православныхъ жителей Люблина, ихъ религіозныхъ обрядовъ и имущества отъ всякихъ обидъ и притѣсненій [2]).

По словамъ современнаго Холмскаго администратора Я. Суши [3]). митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, проѣздомъ чрезъ Люблинъ въ Варшаву, гдѣ онъ готовился принять участіе въ засѣданіяхъ сената. „опираясь на народное сочувствіе“, занялъ прежде всего въ Люблинѣ церковь съ монастыремъ, изгнавъ изъ него уніатскихъ монаховъ, которые, продолжая въ изгнаніи отправленіе духовныхъ требъ и богослуженія въ костелѣ св. Духа, проживали полтора года въ домѣ своего благодѣтеля, сенатора, уніата Даніила Мялинскаго, каштеляна Белзскаго, питаясь подаяніемъ [4]). Въ одномъ изъ архивныхъ актовъ, отъ 1650, событіе это описывается такъ: „Сильвестръ Коссовъ, архіепископъ и митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси,—въ силу дарованныхъ ему и утвержденныхъ королевскою привиллегію правъ, по прибытіи лично въ подлежавшую передачѣ ему Люблинскую церковь, въ присутствіи генеральнаго вознаго королевства мѣщанина Николая Залѣсскаго и дворянъ Георгія Тысменецкаго и Осипа Островецкаго, а также нѣсколькихъ чиновъ Люблинскаго подстаростинскаго управленія,

---

[1]) Бантышъ—Каменскій. Историч. изв. объ уніи (стр. 113).
[2]) Oblat. grod. Lubel. кн. 79, стр. 445.
[3]) Донесеніе конгрегаціи de propaganda fide 1664.
[4]) De vita martiris Jos. Kuncevicl. стр. 133.

Digitized by Google

введенъ былъ во владѣніе означенною церковью и издавна принадлежащими ей угодьями, чрезъ назначенныхъ для сего тою же грамотою комисаровъ, съ устраненіемъ отъ онаго уніатскихъ монаховъ“ [1]).

Когда счастье измѣнило козакамъ и они потерпѣли пораженіе подъ Берестечкомъ въ іюнѣ 1651 г., почти всѣ приходы Холмско-Белзской епархіи, переданные митрополитомъ Коссовымъ въ управленіе Діонисія Балабана и состоявшіе прежде въ подчиненіи Якову Сушѣ, были заняты снова уніатскимъ духовенствомъ на основаніи королевской грамоты отъ 29 іюля 1651 г., отмѣнявшей всѣ дарованныя неунитамъ права, съ отдачею снова Холмскаго епископства въ администрацію Я. Суши со всѣми церквами и принадлежащими имъ имѣніями. Люблинская церковь съ монастыремъ, по порученію короля, передана была уніатамъ комисаромъ Даніиломъ Житкевичемъ [2]).

Въ октябрѣ 1651 г. заключенъ мирный договоръ поляковъ съ козаками подъ Бѣлой—Церковью, по которому православію гарантировались прежнія права, но они остались безъ осуществленія и самый сеймъ, созванный въ Варшавѣ, въ январѣ 1652 г. для устройства дѣлъ Рѣчи Посполитой и улаженія религіозныхъ споровъ, не состоялся, вслѣдствіе чего послы Волынскаго дворянства лишены были возможности выполнить данную имъ особую инструкцію настоять на томъ, чтобы разъ на всегда упрочены были за православными незаконно нарушаемыя права ихъ на обладаніе Люблинскимъ храмомъ, которыя признавались за ними на прежнихъ сеймахъ и такъ недостойно поруганы отнятіемъ у нихъ этого храма, не смотря на то, что онъ уже былъ переданъ имъ королевскими комисарами [3]). Люблинская церковь продолжала оставаться въ рукахъ уніатскаго духовенства до 1654 г. Нарушеніе Зборовскаго договора и оскорбленіе чести царя Алексѣя Михайловича искаженіемъ его титула въ перепискѣ съ нимъ короля Яна Казиміра и Рѣчи посполитой вовлекли Польшу въ войну съ Россіей. Московское войско, соединившись съ козаками, постепенно заняло всю Литву, а одинъ отрядъ подъ начальствомъ Данилы Выговскаго и Петра Потемкина въ 1654 г., достигъ Лю-

[1]) Акты Любл. град. oblat. кн. 78, стр. 88.
[2]) Я. Суша. Pgoenix. стр. 97, 98, 102 и 103.
[3]) Арх. ю. з. Россіи, т. 1, ч. 2, стт. 35.

Digitized by Google

блина и, перейдя Быстрицу подъ дер. Татары, разгромилъ предмѣстья Калиновщину, Чвартекъ и Чеховское, обративъ въ груду развалинъ нѣсколько католическихъ монастырей и костеловъ [1]), затѣмъ расположился обозами между Калиновщиною и Татарами, выслалъ сильный отрядъ къ краковскому предмѣстью, опустошилъ его и началъ брать штурмомъ краковскія ворота. Незначительная горсть кварцянаго войска, запершись въ городскихъ стѣнахъ, готовилась къ отчаянной оборонѣ, но люблинскіе горожане, опасаясь гибели всего города, вошли въ мирные переговоры съ московскими и козацкими предводителями и склонили ихъ снять осаду, давъ имъ выкупъ въ 10.000 злотыхъ [2]). Побѣдители потребовали отъ жителей принесенія присяги царю, установили новый магистратъ изъ выборныхъ, въ числѣ которыхъ должны были находиться двое русскихъ [3]), освободили храмъ Спасо-Преображенія и передали православному духовенству, со взятіемъ отъ католиковъ клятвеннаго обѣщанія не занимать его впредь ни подъ какимъ видомъ. Въ залогъ ненарушимости клятвы была послана Хмельницкому частица древа св. креста [4]), хранившаяся въ костелѣ св. Станислава и нѣкогда вывезенная изъ Кіева. Но клятва была вѣроломно нарушена тотчасъ же по выступленіи изъ Люблина московскаго и козацкаго войска, и католическая партія стала вымещать свою злобу на ни въ чемъ неповинномъ православномъ населеніи. Подробно описывая его страданія, кіевское духовенство въ челобитной къ царю Алексѣю Михайловичу (отъ 5 января 1658 г.) писало: „Вся напасти“, „не токмо сокровищъ, честій, имѣней своихъ отчуждены бывше, но и темницы и раны и біенія, узы желѣзны, наруганія, клеветы и досады о укрѣпляющемъ ихъ Іисусѣ Христѣ терпѣша! Въ Люблинѣ и Сокалѣ мужей православныхъ, жителей тѣхъ мѣстъ, аки злодѣевъ каты и муки и мечи множае, сто человѣкъ избиша зле: сіи беззаконія уніаты и ляхи святымъ Божіимъ за православіе святое повсюду содѣяша и доселѣ творятъ“.)

Положеніе православныхъ снова нѣсколько улучшилось послѣ Гадячскаго договора, заключеннаго гетманомъ Выговскимъ съ поль-

[1]) О разрушеніи Августинскаго монастыря и расправѣ съ монахами см. кн. 196, стр. 143. (Варш. Глав. арх.).

[2]) Zielinski. Monogr. Lublina. стр. 113 и 114.

[3]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій.

[4]) Grondski de bel. cos.-pol. стр. 236.

Digitized by Google

Печать приложенная къ жалованной грамотѣ Царя Алексѣй Михаилови-

ча Богдану Хмельницкому на городъ Гадячь 27 Марта 1654 г.

Дозв. ценз. Спб., 20 Мая 1865 г.

Тип. Тов. «Общ. Польза», Б. Подъяч., № 39.

Digitized by Google

Digitized by Google

скими коммисарами 6-го сентября 1658 года и обезпечивавшимъ православнымъ полную свободу богослуженія во всей Польшѣ наравнѣ съ католиками. Повсюду въ Рѣчи Посполитой дозволялось имъ строить новые храмы, заводить духовныя школы, богадѣльни и проч. [1]).—По утвержденіи договора сеймомъ 16 сентября, „король Янъ Казиміръ, узнавъ о захватѣ церкви Преображенія Господня уніатами", основываясь на условіяхъ Гадячскаго договора, грамотой отъ 5 іюля 1659 года, повелѣлъ передать ее обратно православнымъ со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, что и было приведено въ исполненіе королевскими коммисарами [2]). Упомянутая грамота гласитъ слѣдующее: „Такъ какъ намъ извѣстно, что церковь св. Спаса, стоящая на предмѣстьѣ Люблинскомъ, издревле принадлежала духовенству православнаго исповѣданія, то, согласно настоянію пословъ Запорожскаго войска, повелѣваемъ, чтобы нынѣшніе ея управители безъ замедленія прибыли на мѣсто и передали церковь со всѣми принадлежностями въ полное обладаніе кіевскаго митрополита Діонисія Балабана или его уполномоченнаго, не взирая ни на какія возраженія и отговорки нынѣшнихъ ея владѣльцевъ". Члены исполнительной коммисіи по выдачѣ церкви не присоединившемуся къ уніи православному духовенству и люблинскому братству, собирались нѣсколько разъ, но вслѣдствіе разныхъ уловокъ унитовъ, распоряжавшихся люблинскимъ монастыремъ, уполномоченному кіевскаго митрополита Саввѣ Понелю удалось добиться выдачи Спасо-Преображенской церкви только 5 сентября, а по прошествіи двухъ недѣль, были возвращены принадлежавшія церкви и незаконно отнятыя у нея земли. Постановленіе коммисіи утверждено королемъ Яномъ Казиміромъ, по просьбѣ кіевскаго митрополита и подчиненнаго ему православнаго духовенства, на основаніи сеймовой конституціи 1659 г., въ Варшавѣ, 31-го декабря 1666 года [3]). Всѣ права, дарованныя люблинской церкви и братству ея, признаны впослѣдствіи грамотою короля Михаила, данной въ Краковѣ 5 декабря 1669 года. Богослужебными книгами церковь была снабжена львовскимъ ставропигіальнымъ братствомъ [4]). Еще въ

[1]) Костомаровъ. Гетманство Выговскаго стр. 137—187.
[2]) Церковная лѣтописная книга. (Холм. музей).
[3]) Акты гродск. Люб. oblat. кн. 96, стр. 1, и слѣд.
[4]) Холмск. мѣсяц. 1871 г. стр. 32.—Зубрицкій. Пов. вр. лѣтъ Черв. и Гал. Руси стр. 57 примѣч.

Digitized by Google

1664 г., судя по донесенію Я. Суши конгрегаціи распространенія вѣры, русское населеніе г. Люблина оставалось преданнымъ православію. О томъ же свидѣтельствуетъ Вардумъ (протестантъ) въ описаніи своего путешествія по люблинскому воеводству во второй половинѣ XVII вѣка [1]). Потому-то, быть можетъ, этотъ городъ и былъ избранъ королемъ Яномъ Собѣсскимъ для съѣзда духовенства, назначеннаго на 14 янв. 1680 г. и имѣвшаго цѣлью довершить повсемѣстное водвореніе уніи [2]). Присоединеніе люблинскаго монастыря къ уніи совершилось, по удостовѣренію церковной лѣтописи, согласному съ позднѣйшими архивными документами, въ 1695 году, при епископѣ Гедеонѣ Война-Оранскомъ, но многіе изъ русскихъ мѣщанъ г. Люблина и его предмѣстій, остались вѣрными православію, и въ концѣ XVIII вѣка примкнули къ греческой колоніи, получившей въ 1790 г. отъ короля Станислава Августа разрѣшеніе на основаніе Рождественско-Богородицкой церкви, „съ тѣмъ чтобы“ говорится въ грамотѣ [3]), не производилось колокольнаго звона и не допускались публичныя процессіи, такъ какъ и то и другое могло бы повредить интересамъ господствующей римско-католической религіи“.

А. В. Лонгиновъ.

---

[1]) Х. В. епарх. вѣстн. 1880 г., стр. 81—83.

[2]) Сравн. Бант. Кам. Ист. изв. объ уніи стр. 140.—Кояловичъ. Литов. церк. унія. ч. 2. стр. 230. 235.

[3]) Помѣщена въ Памятн. кн. Любл. губ. за 1885 г.

Digitized by Google

Digitized by Google

Дозв. ценз. Спб., 8 Мая 1885 г.

Тип. Тов. «Общ. Польза», Б. Подъяч., № 39.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ и его дѣятельность на пользу православія и русской народности въ Галиціи и юго-западномъ краѣ Россіи [1].

Гедеону Балабану, насколько мы знаемъ, не было посвящаемо особыхъ монографій; но тѣмъ не менѣе о его жизни и дѣятельности много было писано и въ общихъ курсахъ русской исторіи, и въ монографіяхъ о западнорусской церковной уніи, въ историческихъ изслѣдованіяхъ о западнорусскихъ православныхъ церковныхъ братствахъ. Изъ этого одного уже можно видѣть, что жизнь и дѣятельность Гедеона Балабана имѣли въ свое время весьма широкое и видное значеніе въ судьбахъ западно-русской церкви.

Иной вопросъ—о направленіи и благотворности дѣятельности Гедеона Балабана для православной церкви. Два факта особенно бросаютъ невыгодную тѣнь на жизнь и дѣятельность Гедеона Балабана: это, во-первыхъ, продолжительная и сопровождавшаяся насиліями борьба его съ православнымъ львовскимъ братствомъ, бывшимъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ борцовъ за православіе, и участіе его въ затѣяхъ церковной уніи съ Римомъ, отъ которой, впрочемъ, онъ отказался впослѣдствіи, сдѣлавшись ревностнымъ защитникомъ православія. Эти-то факты и служили для изслѣдователей исходными и руководящими пунктами при оцѣнкѣ всей

[1]) Настоящая статья имѣетъ цѣлію не изысканіе новыхъ данныхъ о жизни Гедеона Бабалана, а группировку важнѣйшихъ, уже обнародованныхъ фактовъ изъ его жизни и дѣятельности, и характеристику сего святителя.

Digitized by Google

вообще жизни и дѣятельности Гедеона Балабана. Наиболѣе широкимъ и справедливымъ представляется намъ взглядъ на Гедеона Балабана историковъ русской церкви, раздѣляющихъ его жизнь и дѣятельность на два противоположные по своему направленію періода: до Брестскаго собора 1596 года, и послѣ этого собора. Въ первый періодъ своей жизни и дѣятельности Гедеонъ Балабанъ былъ, по этому взгляду, недостойнымъ пастыремъ, тогда какъ съ 1596 года тотъ же Гедеонъ является совершенно другимъ человѣкомъ и ревностно и самоотверженно защищаетъ интересы православія и русской народности въ Галиціи и юго-западной Россіи. Но подъ какими условіями и какими путями произошла въ Гедеонѣ Балабанѣ эта рѣзкая и удивительная перемѣна, въ отвѣтъ на это мы не находимъ достаточнаго объясненія у нашихъ историковъ западно-русской церкви. Поэтому прежде, чѣмъ говорить о дѣятельности Гедеона Балабана на пользу православія и русской народности въ Галиціи и юго-западномъ краѣ Россіи, сдѣлаемъ опытъ уясненія внутренняго смысла неблаговидныхъ поступковъ и дѣяній владыки Балабана, не задаваясь, впрочемъ, предзанятою цѣлію объяснять рѣзкій переломъ въ жизни и дѣятельности Гедеона Балабана со времени Брестскаго собора 1596 года, такъ какъ весьма легко можетъ быть, что подобнаго рѣзкаго перелома въ дѣйствительности вовсе и не было, что стремленія Гедеона Балабана всегда были одинаковы, и вся кажущаяся разница въ дѣйствіяхъ Гедеона зависѣла отъ обстоятельствъ и средствъ, какими онъ боролся съ этими обстоятельствами. Въ такомъ случаѣ, вина Гедеона Балабана за первый періодъ его жизни и дѣятельности, хотя и не можетъ быть снята съ него совершенно, но въ значительной мѣрѣ облегчалась бы и извинялась обстоятельствами и духомъ времени.

Преосвященный Макарій Булгаковъ, характеризуя церковную іерархію юго-западной Руси въ XVI вѣкѣ, рисуетъ ее слѣдующими мрачными чертами, не дѣлая исключенія въ пользу Гедеона Балабана: „изъ числа тогдашнихъ архіереевъ въ западно-русскихъ епархіяхъ мы не можемъ указать ни одного, который бы засвидѣтельствовалъ о себѣ своею ревностію о вѣрѣ и вообще о высшихъ интересахъ православной церкви. Напротивъ, въ этотъ именно несчастный для литовской митрополіи періодъ и процвѣтали въ ней, цѣлые десятки лѣтъ, такіе іерархи, какъ Ѳеодосій

Digitized by Google

Лозовскій и Иванъ или Іона Борзобогатый-Красенскій,—іерархи, какіе возможны были только въ западно-русскомъ краѣ подъ владычествомъ Польши, и какихъ даже тамъ въ прежнія времена не бывало. Въ этотъ же періодъ начали свою дѣятельность и довольно проявили себя и два другіе владыки, развѣ немного уступавшіе только-что названнымъ, Кириллъ Терлецкій и Гедеонъ Балабанъ, хотя во всемъ свѣтѣ они показали себя уже впослѣдствіи. Первою заботою всѣхъ тогдашнихъ владыкъ была забота о собственныхъ выгодахъ, изъ-за которыхъ единственно они и домогались архіерейскихъ каѳедръ, надѣленныхъ церковными имѣніями, и за которыми гонялись потомъ всю жизнь, добывая себѣ новыя и новыя имѣнія, выпрашивая у короля въ свое управленіе новые монастыри и доводя эти монастыри до крайняго раззоренія, хотя имѣнія владыкъ, особенно владимірскаго, луцкаго и полоцкаго, были и безъ того очень не скудны“ [1]). Слѣдовательно, Гедеонъ Балабанъ въ первый періодъ его епископской дѣятельности представляется для преосвященнаго Макарія почти такимъ же грубымъ эгоистомъ, заботящимся только о своихъ личныхъ выгодахъ, какими были Ѳеодосій Лозовскій, Іона Борзобогатый-Красенскій и др. Повидимому, такая характеристика Гедеона Балабана оправдывается нѣкоторыми его дѣйствіями въ первый періодъ его архипастырской дѣятельности, какъ напр. нападеніями на Жидичинскій монастырь и другіе монастыри и церкви, продолжительною враждою его съ львовскимъ братствомъ; противленіемъ власти митрополита, патріарха и короля и особенно участіемъ его въ затѣвавшейся уніи съ Римомъ. Но всѣ эти и имъ подобныя дѣйствія Гедеона Балабана съ большею вѣроятностію могутъ быть объясняемы исключительнымъ положеніемъ львовской епархіи въ то время, когда вступилъ на нее и управлялъ ею Гедеонъ Балабанъ, и его заботливостью о благѣ своей епархіи. Подобныхъ исключительныхъ обстоятельствъ не существовало для владимірской и луцкой епархій, съ ихъ епископами Лозовскимъ и Красенскимъ, а потому и поступки этихъ послѣднихъ епископовъ не могутъ идти въ сравненіе съ соотвѣтствующею имъ, по внѣшнему виду, дѣятельностью Гедеона Балабана.

До завоеванія въ 1340 году Галицкой Руси польскимъ коро-

[1]) „Исторія Русской Церкви“, Макарія, т. IX, 1879 г., стр. 465.

Digitized by Google

лемъ Казиміромъ Великимъ, въ Львовѣ существовала каѳедра православной галицкой епархіи, извѣстной еще въ XIII столѣтіи и по временамъ имѣвшей даже митрополитовъ, управлявшихъ, кромѣ собственно галицкой епархіи, нѣкоторыми западнорусскими епархіями отдѣльно отъ кіевской митрополіи. Казиміръ Великій, при покореніи Галиціи, далъ обѣщаніе не стѣснять совѣсти ея обитателей [1]). Въ то же время онъ просилъ константинопольскаго патріарха Филоѳея возвести въ санъ галицкаго митрополита избраннаго имъ епископа Антонія, который дѣйствительно и былъ посвященъ въ галицкіе митрополиты, съ подчиненіемъ ему епархій холмской, туровской, перемышльской и владиміро-волынской [2]). Но этотъ Антоній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ галицкимъ православнымъ митрополитомъ, по смерти котораго галицкая епархія оставалась безъ епископовъ и митрополитовъ болѣе 200 лѣтъ, и ею управляли только митрополичьи намѣстники. Неизвѣстно даже, управлялъ ли галицкою епархіею поставленный въ 1393 году митрополитомъ Кипріаномъ епископъ. Притомъ же король польскій Казиміръ скоро забылъ данное имъ при покореніи Галиціи обѣщаніе не стѣснять совѣсти ея обитателей и позволилъ папѣ Урбану, по смерти Антонія, учредить въ Галиціи, вмѣсто православной епископіи, латинское архіепископство, съ передачей ему имѣній, принадлежавшихъ православной архіерейской каѳедрѣ [3]).

При такихъ обстоятельствахъ, судьба православныхъ обитателей Галиціи была самая тяжелая. Они отъ времени до времени претерпѣвали сильныя гоненія какъ отъ галицкихъ латинскихъ архіепископовъ, такъ и отъ польскихъ королей. Намѣстники кіевскаго митрополита, управлявшіе дѣлами галицкой епархіи, имѣли большею частію санъ архимандрита и не только не могли защитить православныхъ отъ гоненій со стороны папистовъ, но и сами были поставлены въ зависимость отъ львовскаго католическаго архіепископа. Польскій король Сигизмундъ I наказною грамотою старостамъ подольскому и галицко-русскихъ городовъ, отъ 15 апрѣля 1509 года, лишилъ кіевскихъ митрополитовъ права опре-

---

[1]) Naruszewicz, t. I, p. 97.

[2]) Журн. мин. народн. просвѣщ., 1847 г., Протоколъ константинопольскаго патріарха XIV вѣка.

[3]) Истор. Галиц. Руси, Шаранѣвича, стр. 314 и 312.

Digitized by Google

дѣлять намѣстниковъ галицкой митрополіи и предоставилъ это право львовскому латинскому епископу Бернарду Вилчку и его преемникамъ [1]). Находясь въ зависимости отъ латинскаго архіепископа, намѣстники православной галицкой митрополіи на каждомъ шагу встрѣчали затрудненія въ исполненіи своихъ обязанностей и часто терпѣли притѣсненія со стороны „арцыбискупа львовскаго".

Но самая тяжесть религіознаго положенія православныхъ галичанъ, наконецъ, пробудила въ нихъ особенную энергію къ постепенному возстановленію попранныхъ правъ своей епархіи. Уклоняясь отъ подчиненія „арцыбискупу" и поперемѣнно обращаясь съ просьбами къ самому королю и православному митрополиту кіевскому (Макарію), православные обитатели Галиціи, подѣйствовавъ на корыстолюбіе королевы Боны, достигли наконецъ того, что привиллегія львовскому латинскому архіепископу на подчиненіе ему галицко-русскаго духовенства была уничтожена, и въ 1539 году король Сигизмундъ II Августъ далъ привиллегію на учрежденіе въ Галицкой Руси православной епархіи и на посвященіе львовскаго митрополичьяго намѣстника Макарія Тучапскаго въ санъ епископа, съ освобожденіемъ его и его преемниковъ навсегда отъ власти львовскаго латинскаго архіепископа. Въ привиллегіи своей король писалъ: „сему владыцѣ Макарію отдаемо въ вѣдѣніе всѣхъ священниковъ и ихъ церкви, собранія и монастыри въ земляхъ русскихъ и подольскихъ, въ уѣздахъ галицкомъ, львовскомъ, каменецкомъ, снятинскомъ теренбольскомъ, т. е. церковь галицкую митрополитскую, въ которой нѣкогда начальствовалъ ихъ архіепископъ митрополитъ, также монастырь Уневскій, основанный при предшественникахъ нашихъ въ честь успенія пресв. Дѣвы Маріи [2]). Въ слѣдующемъ 1540 году (22 февраля) Макарій Тучапскій торжественно посвященъ кіевскимъ митрополитомъ Макаріемъ, въ сослуженіи многихъ православныхъ архіереевъ, въ Новогрудкѣ, въ санъ епископа львовскаго, галицкаго и каменецъ-подольскаго. Предъ посвященіемъ Макарій Тучапскій за себя и за своихъ преемниковъ торжественно произнесъ присягу во всегдашней преданности, вѣрности и полномъ послушаніи кіевскому

---

[1]) Supplementum. ad historica Russiae monumenta, № 50.
[2]) Исторія Русской церкви, Филарета, вып. III, стр. 24.

Digitized by Google

митрополиту, по которой обязался каждогодно послѣ пасхи доставлять митрополиту кіевскому половину всѣхъ церковныхъ доходовъ, какіе будутъ поступать отъ ввѣренной ему епархіи, и въ которой именуетъ себя епископомъ только „дворнымъ (episcopus curialis), зъ рамени (ex brachio) преосвященнаго архіепископа митрополита кіевскаго и галицкаго и всея Руси“ [1]).

Такъ послѣ долгихъ усилій и борьбы со стороны православныхъ галичанъ, возстановлена была православная галицкая епархія и учреждена каѳедра православнаго епископа ихъ, но далеко не въ первоначальномъ видѣ. Продолжались еще прежнія притязанія львовскаго католическаго архіепископа на подчиненіе ему мѣстнаго православнаго духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, недоставало прежнихъ каѳедральныхъ имуществъ львовской православной епископіи давно уже перешедшихъ къ львовскому католическому архіепископу; не доставало прежняго титула митрополіи и самостоятельности епископской каѳедры, подчиненной теперь православному кіевскому митрополиту и обязанной платить ему извѣстную подать изъ своихъ скудныхъ средствъ. Но едва ли не болѣе важнымъ зломъ былъ недостатокъ сосредоточенія епархіальной власти въ рукахъ мѣстнаго епископа. Въ періодъ прекращенія епископской власти въ львовской епархіи, двѣ стихіи церковной жизни получили здѣсь особое значеніе и вліяніе на епархіальныя дѣла, именно львовское православное братство и власть кіевскаго митрополита, къ которымъ присоединилось впослѣдствіи вліяніе на галицко-львоскую епархію со стороны восточныхъ патріарховъ и особенно константинопольскаго. Эти стихіи продолжали дѣйствовать, и даже съ большею еще энергіей, и по возстановленіи львовской православной каѳедры въ 1539 году, и, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать гармонически и согласно для общаго блага епархіи и содѣйствовать мѣстной епархіальной власти, выходили изъ сферы своихъ правъ и компетенціи и потому вступали въ неизбѣжное столкновеніе съ епархіальною властію, въ ущербъ ея авторитету и вліянію и благу самой епархіи. При такихъ недостаткахъ возстановленной въ Галиціи епархіальной власти она едва ли могла быть сильною заступницею православія противъ постоянно наступавшаго на него,

[1]) Supplementum ad. historica Russiae monumenta, p. 145—146; Акты западн. Россіи т. II, стр. 364—5.

Digitized by Google

все съ большими силами, католицизма. Естественный ходъ событій въ Галиціи и сосѣднихъ съ нею западнорусскихъ областяхъ требовалъ, чтобы, для отпора католицизму, образовалась въ Галиціи изъ викаріатства сильная матеріальными средствами, самостоятельностію, сосредоточеніемъ правъ и авторитетомъ епископская власть. И Гедеонъ Балабанъ, бывшій вторымъ, по времени, преемникомъ Макарія Тучапскаго, хорошо понялъ нужды и задачи мѣстнаго православія того времени и во все время своей жизни, особливо же въ первый періодъ ея до 1596 года, неусыпно стоялъ на стражѣ интересовъ своей епископской силы и власти, велъ за свои права неустанную борьбу и съ львовскимъ братствомъ, и съ митрополитомъ кіевскимъ, и съ восточными патріархами, и даже съ самою королевскою властію, и въ заключеніе достигъ того, что со времени Брестскаго собора 1596 года онъ становится первымъ лицомъ въ православной западнорусской іерархіи, съ званіемъ патріаршаго экзарха, и въ этомъ положеніи своемъ оказываетъ незабвенныя услуги всей западнорусской православной церкви. Правда, мѣры, предпринимавшіяся Гедеономъ Балабаномъ для усиленія своей епископской власти, не отличаются строгою разборчивостію и никакъ не могутъ быть оправданы съ общечеловѣческой и православно-христіанской точки зрѣнія; но онѣ объясняются и нѣсколько извиняются духомъ того времени и общественно-политическими неурядицами въ бывшемъ королевствѣ польскомъ. Гедеонъ Балабанъ опирался преимущественно на юридико-каноническія основанія, весьма часто проводя и поддерживая ихъ силою. А такъ какъ польская юриспруденція XVI вѣка насквозь пропитана была казуистической софистикой мысли и прелюбодѣйствомъ слова, то неудивительно, что и юридико-каноническія основанія поступковъ и дѣйствій Гедеона Балабана для усиленія своей епископской власти не имѣли подъ собой реальной и абсолютной правды и часто служили только для отвода глазъ противнику и выигрыша процесса въ свою пользу. Эта юридическая софистика довела Гедеона Балабана даже до прискорбной игры въ унію съ Римомъ, которой онъ въ душѣ едва ли когда сочувствовалъ.

Ближайшимъ предшественникомъ Гедеона Балабана на львовской епископской каѳедрѣ былъ отецъ его, дворянинъ Маркъ, въ епископскомъ же санѣ Арсеній Балабанъ, который, получивъ въ 1548 году королевскую привиллегію на галицко-львовскую епи-

Digitized by Google

скопію, въ теченіи свыше 20-ти лѣтняго управленія львовской епархіей ознаменовалъ свою дѣятельность борьбою за монастыри Уневскій и Онуфріевскій, находившіеся подъ опекою львовскаго братства и считавшіеся митрополичьими монастырями, и тяжбою съ самимъ митрополитомъ кіевскимъ изъ-за этихъ монастырей, изъ коихъ Уневскій монастырь, какъ мы видѣли, дѣйствительно былъ порученъ королевскою грамотою 1539 года львовскому епископу [1]). Слѣдовательно, дѣятельность Арсенія Балабана была по преимуществу экономическая, направленная на увеличеніе матеріальныхъ средствъ галицко-львовской епископской каѳедры, которыя дали возможность сыну его Григорію, въ епископскомъ же санѣ Гедеону Балабану, въ теченіи семи лѣтъ (1569—1576 гг.) противиться силою другому претенденту на галицко-львовскую каѳедру, Ивану Лопаткѣ-Осталовскому, выставленному львовскимъ католическимъ архіепископомъ [2]).

Утвердившись на львовской епископской каѳедрѣ, Гедеонъ Балабанъ тоже прежде всего позаботился объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ своей каѳедры. Съ этою цѣлію онъ послалъ въ 1585 году въ Жидичинскій монастырь племянника своего Григорія Балабана, который силою будто бы овладѣлъ этимъ монастыремъ и объявилъ его принадлежащимъ епископу Гедеону Балабану. Получивъ 6 сентября, 1586 г., королевскую грамоту на этотъ монастырь [3]), Гедеонъ Балабанъ своею запискою 12 сентября, 1596 года, передалъ этотъ монастырь во владѣніе означенному племяннику Григорію, въ монашествѣ тоже Гедеону Балабану, но все-таки продолжалъ считать себя главнымъ хозяиномъ этого монастыря и потому въ 1598 году протестовалъ противъ королевскаго декрета о передачѣ Жидичинскаго монастыря отъ него Балабана Кириллу Терлецкому [4]).

Гораздо важнѣе и тяжелѣе была для епископа Гедеона тяжба его съ львовскимъ православнымъ братствомъ и съ кіевскимъ митрополитомъ изъ-за своихъ имущественныхъ и іерархическихъ правъ, тянувшаяся почти во все время управленія Гедеона львов-

---

[1]) Исторія русской церкви Макарія, т. IX, стр. 250—252 и 340—341.

[2]) Supplementum ad hist. Russiae monumenta №№ 169—176, p. 460 и слѣд. истор. русск. церкви, Макарія, т. IX, стр. 389—391.

[3]) Истор. русской церкви, Макарія, т. IX, стр. 451—452.

[4]) Архивъ Юго-Зап. Россіи т. VI, 1883 г., стр. 111—113 и 219—220.

Digitized by Google

скою епархіею и вовлекшая его уже въ столкновенія съ вселенскими патріархами и королевскою властію. Эта тяжба стоила ему большихъ хлопотъ и непріятностей съ разныхъ сторонъ и иногда доводила его до крайнихъ, рискованныхъ и опрометчивыхъ рѣшеній и поступковъ.

Тяжба съ львовскимъ братствомъ получена Гедеономъ Балабаномъ въ наслѣдство отъ своего предшественника по каѳедрѣ и отца Арсенія Балабана, который, какъ намъ извѣстно уже, долго боролся со львовскимъ братствомъ за монастыри Уневскій и Онуфріевскій, находившіеся подъ опекою сего братства и считавшіеся митрополичьими. Гедеонъ Балабанъ только продолжалъ эту борьбу, которая теперь вступила только въ новый фазисъ своего развитія. Вопросъ шелъ уже не о двухъ только монастыряхъ Уневскомъ и Онуфріевскомъ, но и о подчиненіи самаго братства съ его церквами, монастырями и священнослужителями юридикціи мѣстнаго епископа. Историки львовскаго братства нерѣдко становятся на его сторону и обвиняютъ владыку Гедеона въ излишнихъ и неумѣстныхъ притязаніяхъ къ братству, оказавшему важныя услуги православію. Но если мы будемъ разсматривать тяжбу епископа Гедеона съ львовскимъ братствомъ съ точки зрѣнія современнаго намъ іерархическаго устройства православной церкви, какъ болѣе совершеннаго и образцоваго и, по возможности, не допускающаго изъятій изъ юридикціи мѣстнаго епископа въ пользу отдѣльныхъ лицъ и братствъ; то мы не можемъ не придти къ противоположному заключенію, что скорѣе виновато было львовское братство, стремившееся образовать въ епархіи statum in statu и парализовавшее епархіальную власть, чѣмъ соперникъ этого братства епископъ Гедеонъ Балабанъ, старавшійся сосредоточить епархіальную власть въ своихъ рукахъ и указать братству ту нормальную колею, изъ которой оно пыталось выйти. Да и другіе западно-русскіе архіереи того времени, при всей путаницѣ тогдашнихъ отношеній и взглядовъ, приходили иногда къ убѣжденію, что львовское братство въ борьбѣ съ Гедеономъ Балабаномъ нерѣдко вступало на опасный путь, который неминуемо долженъ былъ повести къ подрыву іерархической власти мѣстныхъ архіереевъ и ко вреду всей православной церкви, и потому старались иногда ограничивать чрезмѣрныя и незаконныя притязанія львовскихъ братчиковъ.

Digitized by Google

Однимъ изъ ближайшихъ поводовъ къ обостренію отношеній между львовскимъ братствомъ и владыкой Гедеономъ были неоднократныя посѣщенія Львова восточными вселенскими патріархами и ихъ нетактичное вмѣшательство въ мѣстныя дѣла львовской епархіи. Въ концѣ 1585 года прибылъ во Львовъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ и во время пребыванія своего здѣсь издалъ, отъ имени константинопольскаго патріарха, окружное посланіе съ воспрещеніемъ стародавняго западно-русскаго обычая приносить въ церковь, на второй день праздника Рождества Христова и на св. Пасху, пироги и мясо для освященія. Не говоря уже о томъ, что патріархъ Іоакимъ неосновательно видѣлъ въ этомъ обычаѣ, соблюдающемся и доселѣ, выраженіе древнихъ еретическихъ мнѣній,—запретительное посланіе его, какъ лица, вмѣшивающагося въ дѣла чужой епархіи и патріархата, по всѣмъ признакамъ, шло помимо мѣстной епархіальной власти и въ ущербъ ея авторитету. Поэтому Гедеонъ не хотѣлъ подчиниться распоряженію патріарха Іоакима, которое онъ имѣлъ основаніе считать не имѣющимъ каноническаго значенія и обязательства; а между тѣмъ львовское братство предпочитало въ этомъ случаѣ повиноваться болѣе патріарху, чѣмъ мѣстному епископу. Вслѣдствіе этого Гедеонъ двукратно (22 марта и 30 апрѣля 1586 года) предалъ братчиковъ анаѳемѣ, какъ непокорныхъ своему епархіальному архіерею, и, по свидѣтельству братчиковъ, началъ дѣлать братству всякія притѣсненія. Не подѣйствовали на Гедеона и угрозы константинопольскаго патріарха Іереміи, Въ 1588 году, 7 января, Гедеонъ запретилъ священникамъ отправлять богослуженіе въ братской церкви и совершать христіанскія требы для львовскихъ мѣщанъ за то, что они присвояли себѣ власть въ дѣлахъ церковныхъ; на свѣтлый праздникъ приказалъ своему намѣстнику святить пасхи въ церкви только для вѣрныхъ, а не для тѣхъ, которые дерзновенно отлучаются отъ церкви, разумѣя членовъ братства; наконецъ, въ августѣ требовалъ старшихъ братчиковъ въ Вильну на судъ собора за то, что они, находясь подъ анаѳемою отъ своего епископа, осмѣлились войти въ церковь и сбросили съ каѳедры присланнаго имъ священника [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, добиваясь отнять у братства Онуфріевскій монастырь, Гедеонъ Балабанъ при-

[1]) Истор. Р. Ц., Макарія, т. IX, стр. 452--453.

Digitized by Google

гласилъ къ себѣ игумена Симеона и уговорилъ его и находившагося при немъ монаха внести въ львовскія городскія книги запись, что они отъ имени всей братіи передаютъ права на Онуфріевскій монастырь епископу Гедеону. Но иноки и львовское братство, узнавши объ этомъ, заявили протестъ; братство не пустило Гедеона въ монастырь, а родственниковъ его, пытавшихся занять монастырь силою, отразило оружіемъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ 1588 году константинопольскій патріархъ Іеремія посѣтилъ юго-западную Русь. Обѣ тяжущіяся стороны обратились къ нему за посредничествомъ и судомъ. Но нельзя сказать, чтобы патріархъ Іеремія въ этомъ случаѣ оказался на высотѣ своего положенія. Сначала онъ далъ въ Замостьѣ Гедеону Балабану грамоту, которою старшіе братчики львовскаго братства отлучались отъ церкви за то, что защищали Онуфріевскій монастырь оружіемъ, а еще прежде сбросили съ церковной каѳедры священника, присланнаго мѣстнымъ епископомъ; но потомъ, по жалобѣ братчиковъ, отмѣнилъ это распоряженіе свое и на Тарнопольскомъ соборѣ епископовъ рѣшилъ, что братство не должно подлежать власти львовскаго епископа, имѣетъ право управлять Онуфріевскимъ монастыремъ, который издавна признается ставропигіей митрополита, избирать для своей церкви священниковъ, равно какъ и удалять ихъ, исключать изъ среды своей неспособныхъ членовъ, содержать школу и типографію, и обязано вспомоществовать бѣднымъ ученикамъ своей школы. Тогда же патріархъ пожаловалъ львовскому братству новую свою грамоту, въ которой подтвердилъ всѣ предоставленныя ему права и уставъ и вновь оградилъ ихъ анаѳемой противъ всякихъ покушеній со стороны мѣстнаго епископа и другихъ лицъ, и кромѣ того опредѣлилъ, чтобы во Львовѣ, кромѣ братскаго училища, не открывалось никакой другой общественной школы для православныхъ дѣтей, и проч. [1]). А это постановленіе патріарха Іереміи послужило основаніемъ для рѣшенія Брестскаго собора 1590 года по тому же дѣлу. На засѣданіи 22 іюня соборъ, выслушавъ львовское братство и Гедеона Балабана, подтвердилъ опредѣленіе прежняго собора, бывшаго при патріархѣ Іереміи въ Тарнополѣ, что Онуфрі-

---

[1]) Лѣтопись львовскаго братства, Зубрицкаго, подъ 1589 г.; Истор. Р. Ц., Макарія, т. IX, стр. 493—494.

Digitized by Google

евскій монастырь долженъ принадлежать братству, а само братство должно быть свободно отъ власти львовскаго епископа. Кромѣ того, соборъ предоставилъ львовскому братству право распространяться по всей литовской митрополіи, т. е. по образцу его устроять вездѣ такія же братства [1]). Такимъ образомъ львовское братство не признавало надъ собой и Онуфріевскимъ монастыремъ власти мѣстнаго епископа, получило право учреждать по всей литовской митрополіи подобныя братства, независимыя отъ власти епархіальныхъ епископовъ, и присвоило себѣ монополію школьнаго преподаванія въ Львовѣ, въ силу которой даже львовскій епископъ не могъ открыть школы въ своемъ каѳедральномъ городѣ. Вѣроятно, еще до Брестскаго собора 1590 года въ Львовѣ, кромѣ ставропигіальнаго братства, образовались новыя небольшія братства при церквахъ Никольской, Ѳеодоровской, Богоявленской, но подчинявшіяся мѣстному епископу Гедеону Балабану, которыя, по всей вѣроятности, и дали ставропигіальному братству поводъ къ его домогательствамъ на соборѣ 1590 года, чтобы новыя братства учреждались совершенно по образцу ставропигіальнаго, съ устраненіемъ власти мѣстнаго епархіальнаго архіерея. И какъ скоро соборъ освятилъ это домогательство своимъ постановленіемъ, то львовское братство тотчасъ же послѣ собора обратилось къ митрополиту съ жалобою на нѣкоторыхъ членовъ этихъ братствъ и на епископа Гедеона за то, будто бы они старались всячески вредить ставропигіальному братству. Митрополитъ и на этотъ разъ поддался братству и 13 іюля того же года послалъ на нѣкоторыхъ изъ членовъ этихъ новыхъ братствъ свою неблагословенную грамоту, которою отлучалъ ихъ отъ общества вѣрующихъ и предавалъ клятвѣ, запрещалъ имъ ходить въ храмъ Божій, а равно отлучалъ и тѣхъ, кто захотѣлъ бы имѣть съ ними какое-либо общеніе, даже въ пищѣ и питіи, пока они не покаются и не исправятся [2]). На основаніи соборнаго постановленія 1590 года, въ слѣдующемъ 1591 году въ г. Гологорскѣ, львовской епархіи, по образцу ставропигіальнаго, составилось братство при церкви св. великомученика Димитрія, помимо разрѣшенія мѣстнаго архіерея

---

[1]) Лѣтопись львовскаго братства, Зубрицкаго, подъ 1590 г.; Памятники, изд. кіевск. коммис., т. III, №№ 6 и 7; Собран. грам. мин. губ., № 139, стр. 300; Ист. Р. Ц., Макарія, т. IX, стр. 499.

[2]) Акты запад. Россіи, т. IV, № 24; Истор. р. ц., Макарія, т. IX, стр. 496—7.

Digitized by Google

Гедеона Балабана, который поэтому и подвергъ мѣстнаго священника проклятію за то, что онъ производитъ смущенія и соблазны въ людяхъ. На Брестскомъ соборѣ 1591 года священникъ г. Гологорска Василій, ставъ съ очей на очи съ епископомъ Гедеономъ, оправдывался въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя послѣдній анаѳематствовалъ его, и соборъ призналъ всѣ дѣйствія священника согласными съ декретомъ патріарха Іереміи и опредѣленіемъ прошлогодняго собора, освободилъ священника отъ клятвы и благословилъ его священствовать, преподавъ вмѣстѣ благословеніе и всему братству св. Димитрія Гологорскому, чтобы оно продолжало существовать навсегда, сохраняя чинъ и весь порядокъ братства львовскаго. Но вслѣдъ за этимъ начинается замѣтный поворотъ во взглядахъ западно-русской іерархіи на львовское ставропигіальное братство и его пропагаторскія стремленія. На слѣдующемъ засѣданіи того же собора 27 октября, соборъ, подтвердивъ епископу Гедеону Балабану, чтобы онъ не препятствовалъ львовскому братству управлять принадлежащими ему церквами, школою, типографіею и гошпиталемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ считать только два братства ставропигіальными, не подлежащими епархіальной власти, львовское и виленское, священникамъ же ихъ быть подъ благословеніемъ архіепископа и подъ обороною всего собора [1]). Подобное наставленіе проектировано и на Брестскомъ соборѣ 1594 года. Въ проектѣ постановленій этого собора было опредѣлено: 1) оставляемъ въ силѣ лишь тѣ церковныя братства, которыя имѣютъ благословеніе отъ святѣйшихъ патріарховъ и одобрены митрополитомъ и всѣми епископами, и желаемъ не только не препятствовать, но и всячески содѣйствовать ихъ процвѣтанію; а всѣ иныя церковныя братства, противныя этимъ, хотя бы получили начало отъ какого либо епископа, знать не хочемъ и возбраняемъ; 2) священники братскихъ церквей должны во всѣхъ епархіяхъ находиться подъ властію мѣстныхъ архіереевъ, кромѣ братской Успенской церкви въ Львовѣ и львовскаго онуфріевскаго монастыря, состоящихъ подъ благословеніемъ митрополита [2]). Замѣчательно, что здѣсь уже не говорится объ изъятіи виленскаго братства изъ юрисдикціи мѣстнаго епар-

[1]) Истор. русск. церкви, Макарія, т. IX, стр. 509, 581—519.
[2]) Архивъ юго-зап. Россіи, ч. I, т. 1. № 107; Акт. зап. Росс., т. IV, № 48.

Digitized by Google

хіальнаго архіерея, и въ одной только львовской епархіи оставалось неподчиненное Гедеону Балабану, какъ епархіальному архіерею, и враждебное ему братство. Причину такой несправедливости къ Гедеону Балабану въ его тяжбѣ съ львовскимъ братствомъ нужно искать въ томъ обстоятельствѣ, что представитель собора, митрополитъ Рагоза, самъ лично заинтересованъ былъ въ дѣлахъ львовской епархіи, считалъ владыку Гедеона какъ-бы своимъ викаріемъ и признавалъ львовское братство и онуфріевскій монастырь подчиненными непосредственно его митрополитанской власти. Поэтому онъ и независимо отъ соборовъ, самъ лично дѣйствовалъ противъ Гедеона Балабана и въ пользу братства.

Въ январѣ 1591 года митрополитъ Михаилъ Рагоза прибылъ въ Львовъ, сдѣлалъ здѣсь нѣсколько распоряженій по епархіи, освятилъ для ставропигіальнаго братства небольшую церковь во имя трехъ святителей, устроенную на мѣсто сгорѣвшей въ 1586 году Успенской, благословилъ вновь строить эту церковь; 23 января совершилъ литургію въ Онуфріевскомъ монастырѣ и разсмотрѣлъ привиллегіи братства на этотъ монастырь; 25 января публично судилъ въ церкви епископа Гедеона, по жалобамъ на него братства, и, признавъ Гедеона виновнымъ, запретилъ ему угнетать братство подъ угрозой лишенія сана. Рѣшеніе митрополита относительно львовскаго братства дважды подтверждаемо было и восточными патріархами. Но Гедеонъ Балабанъ, сознавая правоту своего дѣла, обратился съ жалобою не только на братство, но и на самаго митрополита Рагозу къ константинопольскому патріарху Іереміи, который новою грамотою своею какъ бы уничтожалъ всѣ прежнія грамоты свои и привеллегіи, данныя братству, приказывалъ удалить митрополита, какъ обидчика, отъ завѣдыванія братскими монастырями и другими учрежденіями и передавалъ братство въ вѣдѣніе Гедеона [1]). Къ сожалѣнію, патріархъ Іеремія не отличался твердостію и устойчивостію своихъ опредѣленій и въ томъ же году прислалъ братству, по его просьбѣ, новую грамоту, которою признавалъ новостроющуюся Успенскую церковь его своею ставропигіею, и слѣдовательно независимою отъ мѣстнаго епископа. А польскій король Сигизмундъ III, 15 октября 1592 года, выдалъ львов-

[1]) Исторія русск. ц., Макарія, т. IX, стр. 504—506, 508—509. 522 и 524; обзоръ русской дух. литературы Филарета, 3 изд., 1884 г., кн. 1, стр. 167.

Digitized by Google

скому братству двѣ грамоты: одною утвердилъ за нимъ всѣ привиллегіи, данныя ему духовными властями, и въ частности право содержать школу и типографію; другою же утвердилъ за братствомъ онуфріевскій монастырь. Тогда Гедеонъ упросилъ короля назначить коммиссію для рѣшенія вопроса о томъ, кому должна принадлежать власть надъ церквами львовскаго братства. Эта коммиссія, состоявшая изъ четырехъ латынянъ, подъ предсѣдательствомъ православнаго епископа, открыла свои дѣйствія 6 февраля 1593 года и единогласно рѣшила, что обѣ братскія церкви, со всѣмъ имуществомъ, и самое братство должны подлежать власти епископа Гедеона, а не митрополита. Но братство подало аппелляцію королю; а митрополитъ, огорченный такими дѣйствіями Гедеона Балабана, послалъ ему отъ себя и полученное отъ патріарха запрещеніе править епархіею за то, что онъ, епископъ, упорно отвергаетъ всѣ бывшія постановленія патріарха и, вопреки церковныхъ правилъ, перенесъ это дѣло на свѣтскій, королевскій судъ. Будучи дважды призываемъ митрополитомъ на судъ собора, Гедеонъ не явился на этотъ судъ, считая его незаконнымъ, и наконецъ 26 января 1594 года былъ низложенъ на соборѣ митрополитомъ, „съ стану епископскаго и отъ всего сана святительскаго“. На слѣдующій день митрополитъ написалъ къ канцлеру Польши Яну Замойскому посланіе, въ которомъ, довольно подробно изложивъ ходъ дѣла и сообщивъ объ его низложеніи, просилъ канцлера предупредить короля, чтобы онъ, если Гедеонъ обратится къ нему съ жалобою, отнюдь не отмѣнялъ соборнаго рѣшенія, помня свою присягу, данную при коронаціи, не нарушать правъ духовенства какъ римскаго, такъ и греческаго [1]).

Изъ предыдущаго можно видѣть, что Гедеонъ Балабанъ, отстаивая свои епископскія права, обращался съ жалобами и просьбою о защитѣ ко всевозможнымъ инстанціямъ, и къ константинопольскому патріарху, и къ королевской власти, и къ митрополиту, и отъ первыхъ двухъ успѣлъ получить нѣсколько рѣшеній въ свою пользу; а этихъ рѣшеній ему достаточно было для того, чтобы впослѣдствіи имѣть въ нихъ легальную точку опоры для дальнѣйшей тяжбы за свои епископскія права. Но неподатливѣе всѣхъ былъ митрополитъ Рагоза, настойчиво и упорно ограничивавшій

[1]) Тамъ же, стр. 527—528 и 541—543.

Digitized by Google

власть владыки Гедеона въ его собственной епархіи. Провозглашенное митрополитомъ на соборѣ низложеніе Гедеона Балабана съ епископской каѳедры и обращеніе къ польскому правительству съ увѣдомленіемъ объ этомъ актѣ собора и съ просьбою не внимать жалобамъ Гедеона Балабана угрожали послѣднему лишеніемъ епископской каѳедры. Въ виду такой опасности Гедеонъ Балабанъ рѣшился идти на компромиссъ съ митрополитомъ Рагозой въ дѣлѣ затѣвавшейся тогда церковной уніи съ Римомъ и путемъ этой во всякомъ случаѣ недостойной уступки купить у митрополита формальное возстановленіе своего епископскаго сана. Рѣшительнымъ актомъ въ пользу уніи былъ актъ 2 декабря, 1594 года, подписанный митрополитомъ Рагозой и шестью епископами [1]). Гедеонъ Балабанъ, какъ считавшійся низложеннымъ съ епископства, не могъ быть приглашенъ къ участію въ составленіи и подписи этого акта. Но онъ принялъ видное участіе на съѣздѣ епископовъ, безъ митрополита, въ Сокалѣ, въ концѣ 1594 года, выразившемъ согласіе на принятіе уніи и составившемъ условія, на основаніи которыхъ они соглашались принять унію [2]) Не довольствуясь этимъ, Гедеонъ созвалъ еще соборъ у себя въ Львовѣ, 28 Января 1595 года, на которомъ также выражено было желаніе уніи [3]). Въ приговорахъ Сокольскаго съѣзда и львовскаго собора видная роль отводится митрополиту Рагозѣ, у котораго члены съѣзда просятъ благословенія на предпріятіе и содѣйствія дальнѣйшему движенію уніи. Такими дѣйствіями Гедеона Балабана митрополитъ подкупленъ былъ въ его пользу и самъ началъ искать возможности простить осужденнаго епископа и примириться съ нимъ. 25 февраля 1595 года митрополитъ Рагоза писалъ во Львовъ, что, „если бы осужденный епископъ Гедеонъ Балабанъ обратился съ просьбою о помилованіи, извиняясь тѣмъ, что онъ не могъ, по причинѣ набѣга татаръ, опустошавшихъ въ 1594 году Галичъ и Крылосъ, явиться на соборъ по спору съ братствомъ, и попросилъ бы новаго срока для явки, то митрополитъ дозволяетъ ему вновь начать духовный судъ по тяжбѣ съ братствомъ о монастырѣ и городской церкви. Хотя братство внесло въ городскія книги протестъ, что митрополитъ не

---

[1]) Акты зап. Россіи, т. IV № 53.
[2]) Тамъ же, №№ 55 и 149; Истор. р. ц. Макарія, т. IX, стр. 553—555.
[3]) Акты запад. Россіи, т. IV, № 58.

Digitized by Google

въ правѣ самъ собою отмѣнять постановленіе собора, утвержденное патріархомъ; но митрополитъ вскорѣ нашелъ случай лично видѣться съ Гедеономъ въ Слуцкомъ монастырѣ и въ заключеніе свиданія разрѣшилъ осужденнаго Гедеона и далъ ему свою благословенную грамоту по прежнему святительствовать, о чемъ тогда же въ мартѣ мѣсяцѣ, увѣдомилъ и князя К. К. Острожскаго [1]). Формальнымъ торжественнымъ актомъ, возстановляющимъ епископскія права Гедеона Балабана, могла служить подпись его подъ соборнымъ посланіемъ митрополита и западно-русскихъ епископовъ къ папѣ Клименту VIII отъ 12 іюня 1595 года [2]).

Но какъ скоро Гедеонъ возстановленъ былъ въ своихъ епископскихъ правахъ своею ближайшею духовною властію, то онъ одинъ изъ первыхъ заявилъ протестъ противъ замышлявшейся уніи съ Римомъ. Еще въ началѣ іюня 1595 года онъ пріѣзжалъ въ Острогъ къ князю Константину Острожскому, съ просьбою, чтобы князь примирилъ его съ львовскимъ братствомъ [3]). Теперь въ концѣ іюня того же года, когда едва ли еще могло разгласиться содержаніе посланія митрополита и епископовъ къ папѣ, Гедеонъ снова былъ у князя Острожскаго, выразилъ намѣреніе отказаться торжественно отъ всякаго участія въ дѣлѣ уніи и 1 іюля, въ присутствіи князя Острожскаго и нѣсколькихъ другихъ вельможныхъ пановъ, занесъ въ актовыя книги городскаго владимірскаго уряда протестъ противъ дѣйствій луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, который будто бы, получивъ отъ него, Гедеона, и другихъ епископовъ въ 1590 и 1594 годахъ мембраны или бланковые листы съ ихъ собственноручными подписями, для написанія на нихъ жалобы королю на латинянъ, за ихъ притѣсненія, вопреки ихъ желанію и намѣренію, написалъ на нихъ и подалъ королю какое-то предложеніе, противное православной вѣрѣ [4]). Протестъ этотъ, написанный въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ возраженіяхъ, нисколько не касался сущности уніи и личности митрополита Ра-

---

[1]) Лѣтопись львовскаго братства, Зубрицкаго, подъ 1595 годомъ; письмо митрополита къ князю Острожскому въ „Апокрисисѣ“ Христофора Филарета, Кіевъ, 1870 г., стр. 25—26.

[2]) Акты западн. Россіи, т. IV № 68.

[3]) Истор. русск. церкви, Макарія. т. IX стр. 586.

[4]) Лѣтопись львов. братства, Зубрицкаго, подъ 1595 годамъ; Архивъ юго-запад. Россіи, ч. I, т. I, № 109.

Digitized by Google

гозы, не подписавшагося на означенныхъ мембранахъ, и Гедеонъ Балабанъ продолжалъ съ митрополитомъ свою игру въ унію до самаго открытія Брестскаго собора 1596 года, можетъ быть съ цѣлію побольше выторговать себѣ правъ отъ митрополита и короля, а можетъ быть и по тому простому разсчету, что до Брестскаго собора 1596 года Гедеонъ и другіе епископы, не составляя особой іерархіи, признанной высшимъ авторитетомъ, сами по себѣ оставались совершенно безсильными противъ власти митрополита. Сохранился актъ, подписанный 27 августа 1594 года въ Луцкѣ епископами Кирилломъ Терлецкимъ, Гедеономъ Балабаномъ и Діонисіемъ Збируйскимъ, которымъ они заявляютъ о принятіи, вмѣстѣ съ митрополитомъ, уніи и постановляютъ, чтобы въ епархіяхъ луцкой, перемышльской и холмской никто изъ мірянъ не вступался въ ихъ архіерейскія духовныя дѣла и не смѣлъ противиться этому постановленію, подъ угрозою анаѳемы [1]). Высокопреосвященный Макарій подозрѣваетъ, не составлена ли эта грамота безъ вѣдома и участія Гедеона, и не написана ли она Терлецкимъ на одномъ изъ бланковъ, данныхъ ему на съѣздѣ въ Соколѣ Гедеономъ и епископами перемышльскимъ и холмскимъ [2]). Но независимо отъ этого акта есть и другія свидѣтельства о продолжавшихся пріязненныхъ отношеніяхъ между Гедеономъ Балабаномъ и митрополитомъ Рагозой. Когда въ Львовѣ полученъ былъ королевскій манифестъ отъ 24 сентября 1595 года о томъ, что митрополитъ и владыка отдались папѣ и послали къ нему своихъ пословъ, то львовское братство немедленно внесло протестъ въ городскія книги противъ замысла своихъ архипастырей и объявило, что митрополитъ, отщепенецъ отъ православной церкви, уже не можетъ быть судьею въ спорахъ братства съ епископомъ Гедеономъ. Узнавъ объ этомъ, митрополитъ послалъ братству отъ 19 декабря позывъ явиться на судъ въ Новогродокъ 15 января 1596 года, и именно по спорамъ братства съ Гедеономъ. А такъ какъ никто изъ братства на судъ не явился къ назначенному сроку, то митрополитъ своимъ постановленіемъ 20 января уничтожилъ всѣ прежнія рѣшенія, какія сдѣланы были имъ самимъ и соборами, въ пользу братства противъ Гедеона, признавъ братство винов-

---

[1]) Акты запад. Россіи, т. VI, № 82.
[2]) Истор. русск. ц., Макарія, т. IX, стр. 602.

Digitized by Google

нымъ во всемъ, а Гедеона не виновнымъ, подчинилъ ему Онуфріевскій монастырь и городскую братскую церковь и присудилъ братство къ уплатѣ всѣхъ понесенныхъ по этому процессу убытковъ. Съ своей стороны Гедеонъ Балабанъ 27 января 1596 года присутствовалъ у митрополита Рагозы на соборѣ и не отказался подписать декретъ противъ православнаго виленскаго дидаскала и проповѣдника Стефана Зизанія, дѣйствительно впрочемъ допускавшаго нѣкоторыя заблужденія, хотя впослѣдствіи самъ же Балабанъ и оправдалъ Зизанія [1]). О дѣйствительномъ же настроеніи Гедеона Балабана въ это время, именно не въ пользу уніи, можетъ свидѣтельствовать уже одинъ тотъ фактъ, что главные защитники уніи Поцѣй и Терлецкій еще 29 декабря 1595 г. послали изъ Рима на имя Гедеона Балабана письмо якобы съ извѣстіями объ ихъ путешествіи въ Римъ, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлію погубить, посредствомъ всыпаннаго въ письмо порошка, Гедеона Балабана. Письмо это доставлено было племяннику епископа Гедеона жидичинскому архимандриту Гедеону же Балабану, для передачи по адресу, 3 марта 1596 года [2]). Слѣдовательно, въ концѣ 1595 и въ началѣ 1596 года отношеніе епископа Гедеона Балабана къ дѣлу уніи опредѣлилось для ея защитниковъ ясно и безповоротно. Послѣднимъ актомъ лавированія и наружной солидарности Гедеона Балабана съ хитрымъ отщепенцемъ отъ православія митрополитомъ Рагозой было испрошеніе владыкой Гедеономъ, если вѣрить сему послѣднему, митрополичьяго благословенія племяннику его архимандриту Гедеону же Балабану на архимандритство Жидичинское 5 октября 1596 года, т. е. наканунѣ открытія Брестскаго собора [3]). Со времени открытія этого собора и до самой своей кончины епископъ Гедеонъ Балабанъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ православію и мужественнымъ защитникомъ его въ своей и чужихъ епархіяхъ. Перемѣны во внутреннихъ убѣжденіяхъ Гедеона Балабана на этомъ соборѣ не послѣдовало, а послѣдовала лишь перемѣна въ образѣ его

---

[1]) Лѣтопись львовскаго братства, Зубрицкаго, подъ 1595 и 1596 годами; Истор. русск. церкви, Макарія, т. IX, стр. 613 и 616.

[2]) Архивъ юго-зап. Россіи, ч. I, т. I, № 116, и ч. I, т. VI, № 97. О рецептахъ составленія ядовъ въ Италіи см. Вл.-Ламанскаго „Secrets d'état de Venise, S.-Petersbourg, 1884.

[3]) Архивъ юго западной Россіи, т. VI, ч. I, № 78, стр. 193.

Digitized by Google

внѣшнихъ дѣйствій, обусловливавшаяся обстоятельствами и духомъ времени.

Подтвержденіемъ нашей мысли о неизмѣнной внутренней вѣрности епископа Гедеона въ первый періодъ его дѣятельности до Брестскаго собора 1596 года могутъ служить и нѣкоторые рельефные факты изъ его жизни за это время, возвышающіе его въ религіозно-нравственномъ и умственномъ отношеніи надъ другими современными ему западно-русскими епископами, и свидѣтельства современниковъ въ пользу Гедеона. Нѣтъ сомнѣнія, что Гедеонъ Балабанъ, сынъ предмѣстника своего львовскаго епископа Арсенія, заранѣе приготовляемъ былъ отцомъ своимъ къ епископскому званію, еще при жизни отца получилъ отъ Сигизмунда и Августа грамоту на львовскую епархію и болѣе трехъ лѣтъ помогалъ отцу въ управленіи епархіальными дѣлами. А такая спеціальная подготовка къ епископскому званію была чуть ли не исключительною въ XVI вѣкѣ, когда король очень часто раздавалъ епископства въ кормленіе дворянамъ и военнымъ людямъ, вовсе не приготовленнымъ къ этому званію. О Гедеонѣ Балабанѣ въ первый періодъ его дѣятельности до Брестскаго собора 1596 г. есть извѣстія, что онъ былъ свѣдущъ въ догматахъ и церковныхъ канонахъ православной церкви. Когда затѣвалась унія на широкихъ основаніяхъ, съ приглашеніемъ къ участію въ ней восточныхъ патріарховъ и московскаго государства, то князь Константинъ Острожскій проектировалъ послать для переговоровъ по этому предмету въ Москву Поцѣя, а къ волохамъ—Гедеона Балабана [1]), конечно, какъ болѣе свѣдущихъ и лучшихъ іерарховъ западно-русской церкви. Далѣе, въ 1591 году митрополитъ Рагоза, прибывъ въ Львовъ и учинивъ публичное разбирательство тяжбы между львовскимъ братствомъ и владыкою Гедеономъ, съ обвиненіемъ сего послѣдняго, поручилъ однако ему обозрѣть сосѣднюю вдовствовавшую перемышльскую епархію, и Гедеонъ исполнилъ порученіе митрополита съ полнымъ знаніемъ дѣла, добросовѣстностію и энергіею [2]). Остается незапятнанною и частная жизнь епископа Гедеона, не смотря на то, что львовское братство, считая его злѣйшимъ врагомъ своимъ и имѣя возмож-

[1]) Акты западной Россіи, т. IV, № 45.

[2]) Грамоту Гедеона по поводу этого обозрѣнія см. тамъ же, № 29.

Digitized by Google

ность близко слѣдить за нимъ, не могло указать въ его поведеніи никакихъ темныхъ сторонъ, тогда какъ въ то же время указываетъ въ своихъ жалобахъ восточнымъ патріархамъ на нравственные недостатки другихъ иноепархіальныхъ архіереевъ и самого митрополита [1]). Но, что важнѣе всего, при своихъ умственныхъ и нравственныхъ преимуществахъ предъ другими іерархами, владыка Гедеонъ считался искренно преданнымъ православію. Одинъ изъ доблестныхъ защитниковъ православія въ то время, Новогрудскій воевода Скуминъ, узнавъ о подписи Гедеона Балабана на унію, писалъ митрополиту слѣдующее: „и слѣпой можетъ видѣть, что всему виною несогласіе братства съ владыкою Гедеономъ. Не менѣе виновникомъ того, безъ всякаго сомнѣнія, можемъ признать и патріарха нашего константинопольскаго, который своими грамотами сюда высылаемыми, произвелъ всю эту смуту и до того привелъ духъ и воспалилъ противниковъ, что владыка львовскій, томимый отъ братства, не только долженъ былъ броситься въ такое отщепенство, но, думаю, радъ былъ бы взять въ помощь себѣ и душевнаго врага, что и доказалъ, и другихъ увлекъ за собою [2])". Изъ этого видно, что воевода Скуминъ доселѣ считалъ Гедеона наиболѣе твердымъ въ православіи и менѣе всего склоннымъ къ уніи и объяснялъ его подпись на унію исключительно невыносимо-тяжелымъ его положеніемъ въ борьбѣ съ львовскимъ братствомъ и константинопольскимъ патріархомъ.

За твердость внутреннихъ убѣжденій Гедеона Балабана въ православіи можетъ говорить и послѣдующая дѣятельность его послѣ Брестскаго собора 1596 года, неуклонно направленная на защиту православія и русской народности въ краѣ. По нашему мнѣнію, нѣтъ нужды допускать въ жизни и дѣятельности епископа Гедеона Балабана крутой и какъ бы неожиданный переломъ со времени Брестскаго собора 1596 года: напротивъ, вся послѣдующая дѣятельность Гедеона Балабана на пользу православія и русской народности естественно вытекала изъ прежнихъ

---

[1]) См. посланія братства въ Supplementum ad historica Russiae monumenta, №№ 182 и сл., и въ Актахъ запад. Россіи, т. IV, № 33.

[2]) Акты запад. Россіи, т. IV, № 63.

Digitized by Google

его внутреннихъ расположеній и стремленій, лишь получившихъ теперь болѣе благопріятныя условія для болѣе полнаго развитія и выраженія своего. Къ обзору этой дѣятельности мы теперь и обращаемся.

Какъ извѣстно, Брестскій соборъ 1596 года созванъ былъ Сигизмундомъ III для торжественнаго признанія и провозглашенія на немъ уніи съ Римомъ. Но, вмѣсто одного, на самомъ дѣлѣ состоялись въ Брестѣ два собора, уніатскій и православный. Первый составляли митрополитъ Рагоза и епископы владимірскій Ипатій Поцѣй, луцкій Кириллъ Терлецкій, полоцкій Германъ, пинскій Іона Гоголь, холмскій Діонисій Збируйскій и нѣсколько архимандритовъ, три католическіе епископа съ нѣсколькими іезуитами въ качествѣ пословъ папы, послы короля изъ вельможъ и множество другихъ лицъ. На сторонѣ православія находились: два экзарха патріарховъ цареградскаго Никифоръ и александрійскаго Кириллъ Лукарисъ; Лука митрополитъ велиградскій; Макарій, архимандритъ монастыря Симона Петра на св. горѣ, по порученію Паисія, епископа веноцкаго; Матѳей, архимандритъ Святогорскаго Пантелеймонова монастыря, по порученію Амфилохія, епископа мукачскаго; епископы львовскій Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій и съ ними 9 архимандритовъ, 2 игумена и множество протоіереевъ, священниковъ, монаховъ; многіе государственные сановники и между ними князь К. Острожскій съ сыномъ своимъ Александромъ, со множествомъ вооруженныхъ людей; послы отъ разныхъ воеводствъ и повѣтовъ, отъ городовъ и отъ братствъ виленскаго и львовскаго. Торжественно принявъ и провозгласивъ унію, митрополитъ и единомысленные съ нимъ епископы 9 октября лишили сана и священства и предали проклятію Гедеона, епископа львовскаго, Никифора-Тура, кіево-печерскаго архимандрита, и другихъ духовныхъ, дѣйствовавшихъ съ Гедеономъ на православномъ соборѣ, а слѣдующаго 10 октября издали окружную соборную грамоту и чрезъ нее объявляли всѣмъ духовнымъ и мірянамъ, что епископы Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Копыстенскій, также архимандриты, игумены, протопопы, которые не согласились принять унію, предаются проклятію и лишаются сана и священства навсегда, равно и всѣ тѣ, которые не перестанутъ имѣть ихъ за епископовъ или пресвитеровъ, и что настоящее свое рѣшеніе соборъ представилъ

Digitized by Google

уже на утвержденіе королю, дабы онъ могъ, по своему усмотрѣнію, отдать мѣста всѣхъ, лишенныхъ теперь духовнаго сана, другимъ лицамъ. Въ свою очередь и православный соборъ, открывшійся подъ предсѣдательствомъ константинопольскаго протосингела Никифора, 9-го же октября объявилъ отщепенцевъ митрополита Рагозу и единомысленныхъ съ нимъ епископовъ лишенными архіерейскаго достоинства и служенія, епископской власти и всякаго духовнаго сана, и въ тотъ же день послалъ объявить митрополиту и единомысленнымъ съ нимъ владыкамъ, что они за свое отступничество отъ православной церкви и непокорность св. канонамъ низложены и лишены всякаго церковнаго сана [1]). Въ дополненіе къ этому, отъ лица всѣхъ членовъ собора, духовныхъ и мірянъ, было опредѣлено: просить короля чрезъ депутатовъ, чтобы онъ не удерживалъ низложенныхъ архипастырей въ ихъ теперешнемъ служеніи, лишилъ ихъ того духовнаго хлѣба, которымъ они доселѣ пользовались, и благоволилъ на мѣсто ихъ назначить для православныхъ другаго митрополита и владыкъ. Въ заключеніе всего присутствовавшіе на соборѣ сдѣлали въ тотъ же день два слѣдующія довольно сходныя между собою заявленія. Первое: „Мы даемъ обѣтъ вѣры, совѣсти и чести за себя и за нашихъ потомковъ, не слушать этихъ осужденныхъ соборнымъ приговоромъ митрополита и владыкъ, не повиноваться имъ, не допускать ихъ власти надъ нами, напротивъ, сколько возможно, противиться ихъ опредѣленіямъ и распоряженіямъ, и стоять твердо въ нашей св. вѣрѣ и при истинныхъ пастыряхъ нашей св. церкви, особенно при нашихъ патріархахъ, не оставляя стараго календаря, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствіе и сопротивляясь всѣмъ притѣсненіямъ, насиліямъ и новизнамъ, которыми бы стали препятствовать цѣлости и свободѣ нашего богослуженія, совершаемаго по древнему обычаю. Объявляемъ объ этомъ торжественно, прежде всего предъ Господомъ Богомъ, потомъ и всему свѣту и въ особенности всѣмъ обитателямъ Короны, великаго княжества литовскаго и областей, къ Коронѣ принадлежащихъ“. Второе: „Мы сенаторы, сановники, урядники и рыцарство, а также и духовныя лица греческой вѣры, сыны восточной цер-

---

[1]) Изложеніе дѣяній Брестскаго собора 1596 г. см. въ Истор. русск. церкви, Макарія, т. IX, стр. 652—672.

Digitized by Google

кви, собравшіеся сюда въ Брестъ на соборъ, достовѣрно узнали нынѣ отъ самихъ вельможныхъ пановъ, присланныхъ на соборъ его королевскою милостію, что они съ митрополитомъ и нѣсколькими владыками, отступниками отъ греческой церкви, составили и обнародовали, безъ нашего вѣдома и противъ нашей свободы и всякой справедливости, какую-то унію между церквами восточною и западною. Мы протестуемъ противъ всѣхъ этихъ лицъ и ихъ несправедливаго дѣянія и обѣщаемся не только не подчиняться, но съ Божіею помощію, всѣми силами сопротивляться имъ, а наше постановленіе, сдѣланное противъ нихъ, будемъ подкрѣплять и утверждать всѣми возможными средствами и особенно нашими просьбами предъ его королевскою милостію“ [1]).

Такимъ образомъ Брестскій соборъ 1596 года, вмѣсто предполагавшагося единенія (уніи), произвелъ еще большее и рѣшительное разъединеніе между многочисленными православными и малочисленными уніатами. Обѣ враждебныя стороны считали себя правыми, а противниковъ виноватыми, и для утвержденія и осуществленія своихъ рѣшеній обратились къ королю. Легко было предвидѣть, чью сторону приметъ король Сигизмундъ III, фанатическій приверженецъ римской церкви. Но успѣхъ той или другой стороны зависѣлъ не отъ одной королевской власти, и тогда уже сильно разшатанной въ Польшѣ своеволіемъ магнатовъ и шляхты. Въ ущербъ королевской власти, здѣсь выдвинулись на сцену и получили развитіе другія стихіи и силы, на которыя и хотѣли опираться обѣ враждебныя стороны. На сторонѣ уніатовъ, кромѣ королевской власти, была поддержка со стороны Рима, польскаго римско католическаго духовенства и польскихъ вельможъ, и небольшая горсть принявшихъ унію русскихъ людей. На сторонѣ православныхъ была высшая духовная власть въ лицѣ константинопольскаго патріарха, которая хотя и находилась вдали и сама нуждалась въ матеріальной помощи, но продолжала еще имѣть громадный нравственный авторитетъ и обаяніе для православнаго западнорусскаго народа. Главную же силу православія, и нравственную и матеріальную, составляли масса простаго западнорусскаго народа, его духовенство и вельможи, во главѣ которыхъ сто-

[1]) Апокрисисъ, изд. 1870 г., стр. 22—24; Архивъ юго-зап. Россіи. ч. I, т. I. стр. 526—532.

Digitized by Google

ялъ могущественный защитникъ православія, князь К. К. Острожскій. Притомъ же, западнорусскій народъ, въ цѣломъ своемъ составѣ и въ отдѣльныхъ сословіяхъ и классахъ, былъ обезпеченъ въ своихъ правахъ самими польскими законами и находилъ для себя ободреніе въ религіозномъ и племенномъ родствѣ съ обитателями другихъ сосѣднихъ державъ и особенно московскаго государства. Гедеонъ Балабанъ былъ истый сынъ своего народа, и если до Брестскаго собора 1596 года, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ своей жизни, поступалъ иногда двусмысленно и опрометчиво и бросался въ разныя противоположныя стороны, то со времени собора безповоротно увлеченъ былъ волною религіозно-народнаго движенія, пробужденнаго этимъ самымъ соборомъ, и нашелъ здѣсь могущественную поддержку своимъ стремленіямъ къ возстановленію въ своей особѣ авторитета и власти православнаго львовскаго епископа.

Вслѣдствіе постановленій Брестскаго уніатскаго собора 1596 года и тотчасъ послѣ него, Сигизмундъ III попробовалъ-было отнять у православныхъ и передать уніатамъ нѣкоторыя духовныя мѣста. Такъ напр., 27 октября того же 1596 года онъ выдалъ привиллегію луцкому уніатскому епископу Кириллу Терлецкому на Жидичинскій монастырь, находившійся въ управленіи архимандрита Гедеона Балабана, племянника львовскаго владыки, и 24 декабря далъ приказаніе луцкому старостѣ Александру Семашку отобрать этотъ монастырь отъ Балабана и передать Терлецкому; но архимандритъ Балабанъ вооруженною силою защищалъ и отбивалъ Жидичинскій монастырь отъ нападеній Семашка и Терлецкаго и удерживалъ его въ своей власти до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1620 году, не смотря на неоднократныя подтвержденія короля и даже объявленіе архимандрита Гедеона баннитомъ, т. е. изгнанникомъ изъ государства [1]). Тѣмъ менѣе могла имѣть силы королевская власть по отношенію къ православнымъ епископамъ, не принявшимъ уніи, и въ частности къ львовскому епископу Гедеону Балабану, опиравшимся на свои матеріальныя средства и на содѣйствіе со стороны православнаго элемента. 15 декабря 1596 года Сигизмундъ III, въ силу постановленій уніатскаго собора, издалъ приказъ ко всѣмъ православнымъ,

[1]) Архивъ юго-запад. Россіи, т. VI, ч. I. №№ 78, 73, 67, 178, 199 и др.

Digitized by Google

чтобы они не признавали православныхъ епископовъ львовскаго Гедеона Балабана и перемышльскаго Михаила Копыстенскаго своими епископами и не имѣли съ ними никакого общенія, какъ съ низложенными и проклятыми, а признавали своими законными архипастырями митрополита Рагозу и другихъ владыкъ, принявшихъ унію, и оказывали имъ совершенное послушаніе во всемъ [1]). Но приказъ королевскій не имѣлъ никакой силы. Еще прежде этого приказа, именно 11 октября 1596 года, уполномоченный цареградскаго патріарха, протосингелъ и экзархъ Никифоръ, находившійся тогда въ Литвѣ, разослалъ свою окружную грамоту, въ которой, напоминая православнымъ, что митрополитъ Рагоза и съ нимъ другіе епископы за отступничество въ унію преданы православнымъ соборомъ „конечному отверженію“, благословлялъ всѣхъ оставшихся вѣрными православію священнослужителей невозбранно совершать свои священнодѣйствія по всей митрополіи и поминать въ молитвахъ, вмѣсто митрополита и владыкъ отступниковъ, имя одного цареградскаго патріарха, а епископамъ львовскому и перемышльскому разрѣшалъ принимать всѣхъ православныхъ, которые будутъ обращаться къ нимъ по своимъ церковнымъ нуждамъ, слѣдовательно и изъ другихъ епархій, оставшихся безъ православныхъ архипастырей [2]). Въ то же время православные отправили списокъ дѣяній своего Брестскаго собора къ самому вселенскому патріарху Мелетію, который письмомъ на имя князя К. К. Острожскаго и всѣхъ православныхъ въ Литвѣ отъ 27 апрѣля 1597 года призналъ низверженіе отпавшихъ въ унію митрополита и епископовъ законнымъ и каноническимъ, выражалъ свою скорбь объ отступникахъ и радость о праведномъ соборномъ судѣ; поручалъ православнымъ молить короля своего Сигизмунда, чтобы онъ позволилъ имъ жить по отеческимъ обычаямъ и догматамъ; убѣждалъ православныхъ пребывать непреклонными въ своей вѣрѣ, и проч. Спустя немного, патріархъ Мелетій въ письмѣ на имя владыки Гедеона и всего православнаго духовенства и народа въ Малой Россіи, отъ 4 августа того же 1597 года, приказывалъ избрать соборомъ новаго митрополита и епископовъ на мѣсто отпадшихъ въ унію и учредить при всякой епархіаль-

---

[1]) Акты запад. Россіи, т. IV, № 114.
[2]) Тамъ же, № 111.

Digitized by Google

ной каѳедрѣ „академіи, сирѣчь училища“, особенно въ Львовѣ, а до того времени, пока не будутъ поставлены новые митрополитъ и епископы, назначалъ въ Литвѣ трехъ экзарховъ вселенскаго константинопольскаго престола: епископа львѳвскаго Гедеона, своего протосингела—архимандрита Кирилла Лукариса, находившагося тогда въ литовскомъ краѣ, и князя К. К. Острожскаго,—послѣдняго съ тою цѣлію, чтобы онъ, въ случаѣ надобности, имѣлъ благословный поводъ защищать отеческія преданія“. Этимъ тремъ экзархамъ своимъ патріархъ завѣщевалъ молить короля и сенатъ, да позволено будетъ православнымъ жить по отеческимъ догматамъ и обычаямъ и не держаться грегоріанскаго календаря, такъ какъ король далъ клятву, во время своей присяги, не нарушать никакихъ правъ всѣхъ своихъ подданныхъ и проч.[1]). На томъ же настаивали и русскіе православные послы, собравшіеся на генеральный сеймъ, бывшій въ Варшавѣ въ февралѣ и мартѣ 1597 года. Они объявили, что не приступятъ ни къ какимъ дѣламъ, пока не получатъ удовлетворенія по дѣлу о своей вѣрѣ; требовали, чтобы ихъ владыки, не желающіе подчиниться папѣ, оставались при своихъ давнихъ правахъ, и чтобы вообще свято исполнялись *pacta conventa*, утвержденныя присягою короля. Въ началѣ 1598 года послы воеводства волынскаго, прибывъ въ Варшаву на собиравшійся сеймъ, подали королю „позывъ“ на Ипатія Поцѣя и Кирилла Терлецкаго за своевольное и незаконное принятіе ими, отъ лица всѣхъ православныхъ христіанъ, уніи съ Римомъ, за незаконныя дѣйствія на Брестскомъ уніатскомъ соборѣ и наконецъ за то, что они нарушили права и привиллегіи, данныя прежними королями церкви греческой, какъ и римской, нарушили генеральную конфедерацію, установившую свободу вѣроисповѣданій въ Литвѣ и Польшѣ, и королевскую присягу—свято соблюдать эти права и привиллегіи и эту свободу.[3]). Эти заявленія и требованія православныхъ русскихъ пословъ не имѣли на сеймѣ положительныхъ, прямыхъ результатовъ; но они имѣли значеніе торжественнаго протеста противъ уніи, ослаблявшаго состоявшіяся въ пользу ея и

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. 11, №№ 162 и 164; Исторія русской церкви, Макарія, т. X. 1881 г.. стр. 242—244

[2]) Истор. русск. церкви. Макарія, т. X, стр. 245.

[3]) Акты зап. Россіи, т. IV, №№ 128 и 150; см. Архивъ юго-зап. Россіи, т. IV, ч. I, № 86.

Digitized by Google

приверженцевъ ея постановленія. Поэтому, хотя уніатскія епископы и объявили по своимъ епархіямъ, что всѣ священнослужители, которые не желаютъ принять уніи и оставаться въ подчиненіи своему владыкѣ, отлучаются отъ церкви и низлагаются, и слѣдов. лишаются своихъ мѣстъ и тѣхъ церковныхъ доходовъ и имѣній, какими доселѣ пользовались, а всѣ міряне, сопротивляющіеся уніи, предаются проклятію и анаѳемѣ; но эти анаѳематствованія и проклятія изъ устъ уніатскихъ владыкъ не могли устрашать православныхъ, а отнятіе мѣстъ, доходовъ и имѣній у православныхъ священнослужителей не могло имѣть практическаго примѣненія тамъ, гдѣ было сплошное православное неселеніе и гдѣ притомъ оно находилось подъ охраною православныхъ вельможъ и дворянъ, напримѣръ въ имѣніяхъ князя К. К. Острожскаго [1]).

Въ наиболѣе благопріятныхъ для православія условіяхъ находилась и львовская епархія владыки Гедеона, не имѣвшая еще уніатскаго епископа, въ которой единомысліе православныхъ обитателей продолжало нарушаться лишь несчастной борьбой владыки Гедеона съ львовскимъ ставропигіальнымъ братствомъ изъза онуфріевскаго монастыря и городской братской церкви. Да и эта борьба теперь уже приняла иной характеръ, видимо близилась къ концу и дѣйствительно скоро прекратилась совсѣмъ. Еще предъ объявленіемъ уніи владыка Гедеонъ Балабанъ просилъ князя К. Острожскаго помирить его съ львовскимъ братствомъ, хотя мировой и не состоялось тогда. За тѣмъ, православный Брестскій соборъ 1596 года, осудивъ унію, поручилъ князю Острожскому, чтобы онъ въ теченіи слѣдующихъ шести недѣль разобралъ споры Гедеона съ братствомъ и склонилъ ихъ къ примиренію. На этотъ разъ князь К. Острожскій склонилъ тяжущіяся стороны заключить 1 декабря 1596 года временную мировую и согласиться пріостановить тяжебное свое дѣло на цѣлый годъ и до того времени жить въ покоѣ и пріязни, сноситься между собою по дѣламъ вѣры и общими силами стоять за православіе противъ уніатовъ. Ровно черезъ годъ братство возобновило свою тяжбу и продолжало ее до 1602 года, не смотря на то, что молдавскій господарь Іеремія Могила и вселенскій патріархъ Мелетій на-

[1]) Истор. русск. церкви, Макарія, т. X, стр. 251.

Digitized by Google

стоятельно совѣтовали братству примириться съ владыкою Гедеономъ [1]). Сдѣлавъ въ 1601 году послѣднюю попытку овладѣть братскою церковною казною, Гедеонъ Балабанъ въ 1602 году, 21 января заключилъ съ братствомъ мировую, по которой братство обязывалось признавать Гедеона патріаршимъ экзархомъ митрополіи кіевской и галицкой и всея Россіи и оказывать ему подобающую честь и покорность, а Гедеонъ обязывался уважать всѣ права и привиллегіи ставропигіальнаго братства, пожалованныя ему патріархами, не вмѣшиваться въ его дѣла, и соглашался, чтобы преемникомъ ему по епископской каѳедрѣ сдѣлался не родственникъ его, архимандритъ или игуменъ Уневскаго монастыря Исаія Балабанъ, хотя послѣдній еще съ 1595 года имѣлъ на это королевскую грамоту, а тотъ, кого изберетъ вся церковь [2]). Къ чести Гедеона Балабана нужно замѣтить, что онъ, для мира церковнаго, гораздо больше уступалъ, чѣмъ братство, съ своей стороны согласившееся только признавать его патріаршимъ экзархомъ митрополіи, на каковое званіе Гедеонъ Балабанъ получилъ законное право отъ вселенскаго патріарха.

По мѣрѣ ослабленія борьбы между Гедеономъ Балабаномъ и львовскимъ братствомъ, силы мѣстнаго православія объединялись и сосредоточивались какъ для отраженія уніатскихъ притязаній, такъ и для устроенія внутреннихъ дѣлъ епархіи и расширенія вліянія на другія епархіи,—и самое видное мѣсто въ сферѣ этой дѣятельности принадлежитъ владыкѣ Гедеону Балабану.

Будучи объявленъ уніатскою стороною проклятымъ и низложеннымъ съ престола, Гедеонъ Балабанъ до конца жизни своей продолжалъ управлять свой львовской епархіей, мужественно отстаивая ее отъ посягательствъ со стороны уніатскихъ митрополитовъ Рагозы и Поцѣя, и не стѣснялся прещеніями короля, считая ихъ незаконными. Митропотитъ Рагоза, воспользовавшись возобновленіемъ тяжбы между Гедеономъ и львовскимъ братствомъ, 12 іюня

---

[1]) Исторія русск. церк. Макарія, т. X, стр. 269—270.

[2]) Тамъ же, стр. 340—341. По смерти Гедеона, Исаія Балабанъ дѣйствительно устраненъ былъ отъ львовскаго епископства, которое получилъ Іеремія (въ мирѣ Евстаѳій) Тиссаровскій, хотя за Исаію стоялъ и александрійскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ. На VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ, въ 1884 году, г. Пападопуло—Керамевсъ указывалъ на документъ александрійскаго патріарха Кирилла и Лукариса, 1610 года, относящійся къ возведенію Исаіи Балабана въ санъ епископа львовскаго и къ осужденію Евстаѳія Тиссаровскаго.

Digitized by Google

1598 года просилъ короля отложить рѣшеніе ея до слѣдующаго сейма и вызвать на сеймъ Гедеона со всѣми документами, обѣщаясь и самъ лично явиться туда, чтобы публично обличить Гедеона во всѣхъ производимыхъ имъ церковныхъ замѣшательствахъ. Въ другой разъ тотъ же Рагоза, имѣвшій давнія притязанія на Уневскій монастырь, который грамотою Сигизмунда отъ 30 іюля 1597 года переданъ былъ племяннику владыки Гедеона Ивану, въ монашествѣ Исаіи Балабану, хотѣлъ воспользоваться нежеланіемъ нѣкоторыхъ монашествующихъ подчиниться новому архимандриту и 26 мая 1599 года отправилъ къ нимъ свое посланіе, желая ихъ якобы утѣшить и ободрить надеждою на скорое возмездіе Гедеону [1]). Но обѣ эти попытки Рагозы вмѣшаться во внутреннія дѣла львовской епархіи и воспользоваться ими для своихъ личныхъ цѣлей и цѣлей уніи остались безуспѣшными, равно какъ и жалобы уніатскихъ епископовъ королю на Гедеона Балабана за его вмѣшательство въ дѣла православныхъ обителей ихъ епархіи. 12 марта 1599 года, вслѣдствіе жалобъ уніатскихъ епископовъ на Гедеона Балабана за то, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на положенное на него уніатами проклятіе и низложеніе, отправляетъ всѣ духовныя справы и даже вступается въ чужія епархіи, король послалъ Гедеону грамоту, въ которой, изложивъ вышеозначенные обвинительные пункты, писалъ слѣдующее: „за такое нарушеніе постановленія сейма мы могли бы приказать инстигатору преслѣдовать тебя. Но не желая этого нынѣ, мы хотимъ прежде только напомнить тебѣ, чтобы ты прекратилъ свои незаконныя дѣйствія и жилъ скромно и спокойно: иначе мы поступимъ съ тобою, какъ требуетъ сама справедливость,—и ты не въ правѣ будешь сказать, что тебя не предостерегали“ [2]). Но Гедеонъ Балабанъ, не смотря на королевскую грамоту, продолжалъ простирать свою духовную власть за предѣлы своей епархіи; поставилъ, напримѣръ, священниковъ для виленскаго братства и съ твердостію противодѣйствовалъ всѣмъ притязаніямъ Поцѣя, титуловавшагося и галицкимъ митрополитомъ, возвратить себѣ Галичъ со всею галицкою епархіею. Видя безплодность своихъ усилій, Поцѣй искалъ помощи у папы, и папа,

[1]) Тамъ же, стр. 270—272.
[2]) Тамъ же, стр. 274.

Digitized by Google

отъ 25 января 1601 года, отвѣчалъ ему, что писалъ о немъ королю Сигизмунду и поручилъ еще ходатайствовать о немъ своему нунцію, рижскому епископу [1]). Опираясь на помощь папы и короля, Поцѣй въ маѣ 1604 года пріѣхалъ внезапно во Львовъ, чтобы лично завладѣть и епископскою резиденціей, и соборною Георгіевскою церковію. Гедеона Балабана тогда не было во Львовѣ. Въ городѣ произошло необычайное смятеніе. Члены братства и вообще православные мѣщане окружили толпами какъ епископскій домъ, такъ и соборный храмъ, и не впустили Поцѣя ни въ тотъ, ни въ другой. Поцѣй долженъ былъ остановиться въ домѣ одного латинянина, аптекаря Яна, и 22 мая, чрезъ свѣтскихъ чиновниковъ, прибилъ на стѣнахъ православныхъ церквей свои листы, которыми требовалъ, чтобы чрезъ три дня епископъ Гедеонъ, духовенство и братство явились къ нему, какъ митрополиту Галицкому, и признали надъ собою его власть, угрожая въ противномъ случаѣ строгими мѣрами. Между тѣмъ возвратился въ городъ и Гедеонъ и того же 22 мая издалъ пастырское воззваніе ко всѣмъ духовнымъ и мірянамъ своей епархіи, въ которомъ, обвиняя Поцѣя въ чрезвычайныхъ смятеніяхъ, произведенныхъ его незаконными дѣйствіями, приглашалъ всѣхъ собраться 26 мая въ церковь Успенія пресв. Богородицы „для совѣщаній объ общемъ мирѣ церковномъ, и для придуманія мѣръ противъ нарушившихъ общественное спокойствіе смятеній“. Разумѣется, къ Поцѣю никто изъ приглашенныхъ имъ не явился, и онъ, совершивъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ города торжественную службу въ костелѣ, предалъ православныхъ жителей Львова проклятію. Князь Острожскій, по просьбѣ епископа Гедеона и львовскаго братства, написалъ обо всемъ этомъ королю и успѣлъ выпросить у него грамоту, которою король приказывалъ Поцѣю прекратить свою „фурію“. А 19 декабря король далъ письменное повелѣніе и львовскимъ бурмистрамъ, чтобы они не притѣсняли русскихъ и не препятствовали имъ въ занятіяхъ ремеслами и въ отправленіи богослуженія [2]). Тогда Поцѣй въ слѣдующемъ

[1]) Supplementum ad historica Russiae monumenta, № 186; Архивъ юго-зап. Росс, ч. 2, т. I, № 5.

[2]) Лѣтопись львовскаго братства, Зубрицкаго, подъ 1604 г.; сводная галицко-русская лѣтопись подъ 1604 г.; Акты юго-запад. и западной Россіи, т. II, № 15. Вѣстн. Запад. Россіи, Говорскаго, ноябрь, 1865 г.; Истор. Р. Церкви, Макарія, т. X, стр. 342–343.

Digitized by Google

1605 году принесъ королю на Гедеона Балабана жалобу за то, что онъ не только не исполняетъ клятвеннаго обѣщанія перваго епископа возстановленной львовской каѳедры Макарія Тучапскаго о подчиненіи митрополиту кіевскому, но и вмѣшивается въ дѣла другихъ епархій и проклинаетъ его митрополита. Вслѣдствіе этого король прислалъ Гедеону новую грамоту отъ 17 ноября 1605 года, которою подтверждалъ свой приказъ, данный Гедеону еще въ 1599 году, отнюдь не вмѣшиваться въ чужія епархіи, и угрожалъ за вмѣшательство штрафомъ въ 5 тысячъ золотыхъ [1]). Но мы имѣемъ извѣстіе, что Гедеонъ не послушался и этого приказа и въ слѣдующемъ 1606 году утвердилъ уставъ замостьскаго православнаго братства въ чужой епархіи, пользуясь предоставленными ему правами патріаршаго экзарха кіевской митрополіи [2]).

Жалобы уніатскихъ іерарховъ на Гедеона Балабана и королевскія запрещенія ему вступаться въ дѣла другихъ епархій для насъ важны еще въ томъ отношеніи, что изображаютъ въ общихъ чертахъ новую сторону дѣятельности Гедеона Балабана въ званіи патріаршаго экзарха митрополіи. Онъ, по просьбѣ православныхъ, освящалъ имъ церкви, выдавалъ антиминсы, ставилъ поповъ во всѣ православные приходы, гдѣ бы они ни находились, и въ этомъ отношеніи оказалъ незамѣнимыя услуги православію и въ Холмскомъ краѣ [3]). Въ 1599 году Ипатій Поцѣй, бывши тогда епископомъ владимірскимъ, жаловался митрополиту Рагозѣ на Гедеона Балабана, что онъ не только отправляетъ духовныя справы въ своей епархіи, но и вступается еще и въ чужія епархіи и ставитъ поповъ, какъ недавно поставилъ и прислалъ попа въ имѣніе пана Александра Загоровскаго Хоревъ, лежащее въ повѣтѣ владимірскомъ. Въ 1605 году тотъ же Поцѣй, будучи уже уніатскимъ митрополитомъ, жаловался Сигизмунду III, что Гедеонъ Балабанъ присвоилъ себѣ необычное названіе экзарха и отправляетъ епископскія дѣйствія не только въ своей епархіи, но и въ другихъ—владимірской, луцкой, холмской, пинской, поставляетъ архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и діаконовъ, освящаетъ церкви и публично проклинаетъ митрополита и другихъ владыкъ, принявшихъ унію, какъ по-

---

[1]) Акты западн. Россіи, т. IV. № 167.

[2]) Уставъ напечатанъ въ VII выпускѣ „Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ“, 1885 года.

[3]) Исторія Русской Церкви, Макарія, т. X, стр. 272—273.

Digitized by Google

ступилъ недавно въ луцкой епархіи при освященіи церкви въ селѣ Пашевѣ, въ присутствіи множества народа [1]).

Этимъ, впрочемъ, не ограничивалась архипастырская дѣятельность Гедеона на пользу православія. Ипатій Поцѣй, стоя исключительно на офиціально-административной точкѣ зрѣнія, не указалъ въ своихъ жалобахъ и, вѣроятно, не подмѣтилъ всей организаторской дѣятельности Гедеона Балабана, направленной къ упроченію православія въ грядущихъ поколѣніяхъ. Мы разумѣемъ здѣсь дѣятельность Гедеона по учрежденію и благословенію церковныхъ братствъ, учрежденію типографій, исправленію и изданію богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, заведенію школъ и преобразованію монастырской жизни на новыхъ началахъ, и притомъ не только въ своей, но и въ другихъ епархіяхъ.

Зная о продолжительной и упорной тяжбѣ владыки Гедеона съ львовскимъ братствомъ, можно бы подумать, что Гедеонъ Балабанъ неблагопріятно былъ пастроенъ вообще противъ церковныхъ братствъ. Но на самомъ дѣлѣ этого не было. Еще до 1590 года, въ самый разгаръ борьбы съ львовскимъ братствомъ, образовались въ Львовѣ, кромѣ ставропигіальнаго братства, два новыя небольшія братства при церквахъ Никольской, Ѳеодоровской и Богоявленской, подчинявшіяся Гедеону Балабану [2]). Кромѣ того; 30 августа, 1591 года Гедеонъ далъ письменное разрѣшеніе образовать братство въ г. Гродкѣ, перемышльской епархіи, по образцу львовскаго [3]). А это значитъ, что Гедеонъ Балабанъ вовсе не былъ противъ церковныхъ братствъ вообще; онъ не допускалъ только ставропигіи братствъ или изъятія ихъ изъ подчиненія мѣстной епархіальной власти. Въ этомъ направленіи онъ дѣйствовалъ и послѣ Брестскаго собора 1596 года, въ качествѣ патріаршаго экзарха митрополіи, не столько впрочемъ учреждая новыя братства, сколько утверждая своимъ авторитетомъ уставы прежнихъ братствъ, разрѣшенныхъ еще восточными патріархами, и—такъ сказать—переводя ихъ изъ-подъ власти патріарховъ подъ свою собственную власть патріаршаго экзарха митрополіи. Такъ напр., еще въ іюлѣ 1589 года могилевскіе мѣщане получили отъ патріарха Іереміи

---

[1]) Акты западн. Россіи, т. IV, № 167.
[2]) Тамъ же, № 24.
[3]) Исторія русской церкви, Макарія, т. IX, стр. 509.

Digitized by Google

грамоту на основаніе православнаго могилевскаго преображенскаго братства. Но такъ какъ король соглашался утвердить уставъ братства съ обязательствомъ подчиняться мѣстному уніатскому епископу или же уніатскому митрополиту, чего вовсе не желали братчики, то могилевское братство вошло въ 1605 году въ сношенія съ братствомъ львовскимъ и посылало къ Гедеону Балабану, проживавшему тогда въ Галичѣ, своихъ священниковъ, которые, при содѣйствіи львовскаго братства, и получили отъ экзарха какъ благословеніе, такъ и все, чего требовали. Въ свою очередь и Гедеонъ Балабанъ сносился съ могилевскимъ братствомъ, отправлялъ къ нему пастырскія посланія и своихъ посланцевъ, восхвалялъ его ревность, его твердость въ православіи, какъ это видно изъ письма Гедеона къ сему братству отъ 25 августа 1605 года [1]). Подобныя отношенія были у Гедеона Балабана и къ замостьскому православному николаевскому братству. Это братство, по всей вѣроятности, было разрѣшено еще въ 1589 году цареградскимъ патріархомъ Іереміею, въ бытность его въ этомъ году въ Замостьѣ. По крайней мѣрѣ, въ суммаріумѣ (описи) дѣлъ замостьскаго монастыря, поглотившаго собою это братство, составленномъ 20 ноября 1775 года, находится указаніе на „привилей восточнаго патріарха, писанный по гречески, съ печатью на массѣ, въ жестянкѣ (кустодіи), служащій тому братству св. Николая“. Въ 1606 году Гедеонъ Балабанъ, обозрѣвая православныя церкви, прибылъ и въ городъ Замостье и здѣсь 30 марта 1606 года вновь утвердилъ представленный ему мѣщаниномъ Волосовичемъ уставъ замостьскаго Никольскаго братства, старшаго и младшаго, представляющій изъ себя повтореніе устава львовскаго братства, утвержденнаго въ 1586 году антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ [2]). Но замѣчательно, что въ своей грамотѣ на утвержденіе замостьскаго Никольскаго братства Гедеонъ Балабанъ ни словомъ не упоминаетъ о существованіи братства до этого времени и о патріаршей грамотѣ на его учрежденіе и какъ бы вновь учреждаетъ это братство своею властію „ексархи великого ѳрону Константинополскаго“.

---

[1]) Ист. русск. церк. Макарія, т. X, стр. 348—350.

[2]) Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, изд. П. Н. Батюшковымъ, вып. VII, 1885 г., стр. 192—196.

Digitized by Google

Съ церковными западнорусскими братствами соединяла Гедеона и общность религіозно-нравственныхъ интересовъ и стремленій. Подобно наиболѣе извѣстнымъ братствамъ, владыка Гедеонъ къ концу своей жизни заботился объ учрежденіи училищъ и типографій и изданіи богослужебныхъ и учительныхъ книгъ православной церкви. Мы видѣли, что еще въ 1597 году александрійскій патріархъ Мелетій, правившій и цареградскимъ патріархатомъ, давалъ Гедеону совѣтъ завести училища при архіерейскихъ каѳедрахъ, особенно львовской, и Гедеонъ Балабанъ, исполняя этотъ совѣтъ, къ 1604 году основалъ на своей родинѣ, мѣстечкѣ Стрятинѣ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Ѳеодоромъ Юрьевичемъ Балабаномъ, гимназію и, кромѣ того, типографію, изъ которой вышла въ 1604 году первая книга — Служебникъ. Въ предисловіи къ ней Гедеонъ, именуя себя „ексархомъ ѳрону константинопольского", также „ексархомъ вселенского престола", извѣщалъ, что доселѣ удерживался отъ исполненія совѣта патріарха Мелетія своею болѣзнію, и что теперь, осуществивъ этотъ совѣтъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ, „отъ своихъ имѣній отеческихъ", онъ выпустилъ для православныхъ изъ своей типографіи первую священную книгу литургіи, а потомъ, если Богъ продолжитъ жизнь, не замедлитъ выпустить, одну за другою, и прочія богослужебныя книги, и не только богослужебныя, но и книги учителей церковныхъ [1]). Значитъ, планъ изданія богослужебныхъ и учительныхъ книгъ у Гедеона Балабана былъ весьма широкій. И этотъ планъ отчасти осуществленъ былъ Гедеономъ въ послѣдніе годы его жизни. Въ 1606 году изъ той же стрятинской типографіи вышелъ, по повелѣнію Гедеона Балабана, „Молитвенникъ или Требникъ, изъ греческаго языка на словенскій преведеный и изслѣдованый" и исправленный тщаніемъ Ѳеодора К. [2]). Другую типографію и при ней ученое братство справщиковъ учредилъ Гедеонъ Балабанъ въ своей каѳедральной резиденціи Крылосѣ, подъ Галичемъ. Изъ нея вышло въ октябрѣ того же 1606 года „Евангеліе учительное на всяку недѣлю и на господскіе праздники, и нарочитыхъ святыхъ, избранно отъ святаго евангелія святѣйшимъ Каллистомъ, архіепископомъ Константиня града". Въ

---

[1]) „Описаніе славяно-русскихъ книгъ", И. Каратаева, С.-Петербургъ, 1883 г., № 175, стр. 300—301; Истор. Русск. Церкви, Макарія, т. X, стр. 341—342.

[2]) Тамъ же, № 182, стр. 305—306.

Digitized by Google

предисловіи къ ней, между прочимъ, сказано слѣдующее: „яже вся азъ смиренный Гедіонъ Болобанъ епископъ галицкій, львовскій и каменецкій, ексархъ ѳрону константинопольскаго, видѣхъ церкви Божіи быти зѣло потребна, видя же и инѣхъ благочестивыхъ и христолюбивыхъ людей тщаніе творящихъ о священныхъ книгахъ, возревновахъ, и якоже на прочихъ дѣло книгъ типарскимъ художествомъ благословеніе имый святѣйшаго Мелетія патріарха александрійскаго, мужа иже на край внѣшняя мудрости и благороднаго нашего наказанія достигшаго, яко изряднаго кормчіа корабля Христова, сице и о сей книзѣ попеченіе имѣхъ: собравши на дѣло се людей, искусныхъ въ художествѣ томъ, повелѣхъ изслѣдовати и на многихъ мѣстѣхъ исправити ея, приложивши и свидѣтельства отъ божественныхъ писаній, въ общую пользу великоименитому россійскому роду, зъ друкарни своей Крилоское власнымъ коштомъ и накладомъ своимъ издати потщахся [1]).

Въ издательской дѣятельности Гедеона Балабана заслуживаютъ вниманія выборъ книгъ для изданія и самый способъ изданія ихъ. Двѣ изъ книгъ, изданныхъ владыкой Гедеономъ, именно служебникъ и требникъ, имѣютъ ближайшее отношеніе къ богослуженію, чинопослѣдованіямъ и обрядамъ православной церкви, а послѣдняя, т. е. учительное евангеліе константинопольскаго патріарха Каллиста, — къ церковному проповѣдничеству. Что касается богослуженія и обрядовъ западнорусской православной церкви въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в.в., то они представляли собою одну изъ наиболѣе бросающихся въ глаза слабыхъ сторонъ ея, такъ какъ богослужебныя книги западнорусской православной церкви, распространяясь преимущественно путемъ переписки, заключали въ себѣ много ошибокъ и искаженій текста, противорѣчій и приписокъ и дополненій полусуевѣрнаго и прямо суевѣрнаго характера, ведущихъ начало свое еще отъ древнеболгарской апокрифической литературы. Теперь эти недостатки въ церковной православной обрядности стали рѣзче обозначаться и приходить къ сознанію лучшихъ православныхъ людей вслѣдствіе соприкосновенія и сопоставленія ея съ протестантскою и особенно римскокатолическою обрядностію. Съ одной стороны восточные патріархи Іоакимъ и Іере-

---

[1]) „Описаніе славяно-русскихъ книгъ“ И. Каратаева, № 186, стр. 307—308.

Digitized by Google

мія [1]), а вслѣдъ за ними и соборъ западнорусскихъ владыкъ 1590 г. [2]), указывали нѣкоторыя отступленія отъ чистоты обрядовъ православной церкви; съ другой стороны, уніаты и паписты дѣлали нападки на православное богослуженіе и обрядность, сгруппированныя впослѣдствіи въ сочиненіи извѣстнаго отступника отъ православія Кассіана Саковича „Perspectiva", 1642 года. Поэтому, одною изъ первыхъ нуждъ западнорусской православной церкви было устраненіе и исправленіе различныхъ отступленій и непорядковъ въ церковномъ богослуженіи и обрядности. Эта цѣль могла достигаться отчасти и простымъ изданіемъ богослужебныхъ книгъ съ болѣе древнихъ и исправныхъ славянскихъ списковъ, долженствовавшихъ пріостановить, по крайней мѣрѣ, дальнѣйшія искаженія церковной обрядности. Но Гедеонъ Балабанъ, какъ видно, стоялъ на высотѣ своего призванія и, по совѣту и при содѣйствіи вселенскаго патріарха Мелетія, задумалъ радикальный пересмотръ и исправленіе богослужебныхъ книгъ не только по славянскимъ спискамъ, но и по образцамъ греческимъ, какъ это и сдѣлалъ по отношенію къ изданному имъ въ 1606 году въ Стрятинѣ Требнику. Въ предисловіи къ этому требнику онъ писалъ слѣдующее: „лѣтъ за 10 передъ симъ, когда при кіевскомъ митрополитѣ Михаилѣ Рагозѣ былъ соборъ въ Брестѣ-Литовскомъ и тамъ были собраны прочіе епископы, тогда еще всѣ одной святой каѳолической восточной апостольской церкви, происходило розысканіе и разсмотрѣніе разностей въ церковныхъ дѣйствіяхъ... На семъ соборѣ, послѣ разсужденій, поручили мнѣ, смиренному епископу львовскому, употребить все стараніе объ исправленіи книги требникъ". Далѣе говоритъ онъ, что, собравъ списки требника, онъ „нашелъ между ними большое разногласіе", и это сильно опечалило его. Онъ писалъ къ вселенскому патріарху Мелетію и, извѣщая его „о разностяхъ и неисправности славянскихъ книгъ", умолялъ его прислать греческій евхологій. Патріархъ прислалъ служебникъ и требникъ, послѣдній свѣренный съ древними списками св. горы Аѳонской, и благословилъ печатать. Гедеонъ собиралъ послѣ того на соборъ опытныхъ священниковъ и вмѣстѣ съ ними разсуждалъ объ изданіи требника. На этомъ совѣщаніи положено перенесть въ новый треб-

---

[1]) Исторія русской церкви, Макарія, т. IX, стр. 452 и 495.
[2]) Тамъ же, стр. 498—499.

Digitized by Google

никъ необходимые чины изъ славянскихъ требниковъ, хотя чиновъ тѣхъ и не было въ патріаршемъ спискѣ. Таковы „чинъ, какъ принимать обращающихся изъ ересей“, „чинъ освященія мура“, и проч. [1]). Вообще же Гедеонъ Балабанъ является единственнымъ въ свое время иниціаторомъ и дѣятелемъ по исправленію и изданію церковно-богослужебныхъ книгъ на основаніи греческихъ образцовъ и достойнымъ предтечею митрополита Петра Могилы въ дѣятельности послѣдняго по исправленію богослуженія и обрядности церковной. Разница между Гедеономъ Балабаномъ и Петромъ Могилою состоитъ въ томъ, что послѣдній, тоже обращаясь къ греческимъ первоисточникамъ и древнимъ славянскимъ спискамъ, не ограничивался ими, но воспользовался въ разныхъ статьяхъ своего требника и системою римскаго требника, удерживая православную мысль, и такимъ образомъ пытался привесть православное богослуженіе и обряды къ стройной системѣ, полнотѣ и единству, черпая матеріалы изъ разнообразныхъ источниковъ [2]).

Не менѣе важна и послѣдняя изъ изданныхъ Гедеономъ Балабаномъ книгъ, именно „Евангеліе учительное“ константинопольскаго патріарха Каллиста. Этотъ сборникъ бесѣдъ переведенъ былъ на славянскій языкъ еще въ 1343 году, подъ заглавіемъ „Поученія, избранна отъ св. евангелія и отъ многихъ божественныхъ писаній, иже во св. отца нашего Іоанна Златоустаго, глаголема отъ архіерея изоустъ во всякую недѣлю на поученіе христоименитымъ людемъ, или прочитаема, также и на господскіе праздники и на памяти святыхъ“ [3]). Гедеонъ Балабанъ, желая утолить гладъ слышанія слова Божія въ тогдашней занаднорусской церкви, обратилъ вниманіе на этотъ сборникъ бесѣдъ патріарха Каллиста, велѣлъ исправить прежній его переводъ и восполнить и въ такомъ видѣ издалъ его въ „общую пользу великоименитому россійскому роду“. На сколько удаченъ былъ этотъ выборъ учительной книги для изданія, объ этомъ отчасти можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что евангеліе учительное въ непродолжительное время выдержало еще

---

[1]) „Обзоръ русской духовной литературы“ Филарета, 3 изд., 1884 г., кн. 1, стр. 168—169.

[2]) См. статьи Е. Крыжановскаго „Требникъ митрополита кіевскаго Петра Могилы“, въ III томѣ „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1860 годъ.

[3]) Описаніе рукописей Толстаго, №№ 101 и 266; „Описаніе рукописей церковно-археологич. музея при кіевской дух. академіи“ Н. Петрова, № 570, стр. 550.

Digitized by Google

два новыхъ изданія: 1616 года въ Евье, въ переложеніи на простонародный языкъ, и 1637 года въ Кіевѣ, и, что важнѣе всего, произвело въ югозападной Россіи передѣлки и подражанія, содѣйствовавшія развитію самостоятельной западнорусской проповѣди. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи хранится на половину утраченная рукопись начала XVII вѣка, съ бесѣдами на воскресные и праздничные дни церковнаго года, со кращенными и передѣланными изъ бесѣдъ патріарха Каллиста [1]).

Кромѣ того, при жизни Гедеона Балабана и по его повелѣнію, переведены были съ греческаго сочиненія Златоустаго „О священствѣ“ и „Бесѣды на Дѣянія“, но смерть воспрепятствовала ему издать ихъ. Такъ пишетъ Александръ Балабанъ въ предисловіи къ книгѣ „О священствѣ“, изданной имъ во Львовѣ въ 1614 году. „Бесѣды на Дѣянія“, переведенныя львовскимъ учителемъ Гавріиломъ Дороѳеевичемъ, изданы въ Кіевѣ въ 1624 году [2]). Такъ долго питалась трудами Гедеона, послѣ его смерти, проповѣдническая и издательская дѣятельность въ юго-западной Россіи!

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о заботахъ Гедеона Балабана по устроенію западно-русскихъ православныхъ монастырей.

Въ древней православной церкви выработались два главные типа иноческой жизни—пустынножительство или скитское житіе и общежитіе. Представителями перваго типа были Антоній Великій, Макарій Великій, Савва Освященный и впослѣдствіи аѳонскіе скиты; представителями втораго типа—Пахомій Великій, Василій Великій, Ѳеодосій, Ѳеодоръ Студитъ и др. Въ послѣдствіи времени на Аѳонѣ выработался еще смѣшанный типъ иноческой жизни, въ основѣ котораго лежало общежитіе по студійскому уставу, но съ дозволеніемъ болѣе усовершившимся въ добродѣтели вести отшельническую безмолвную жизнь. Въ аѳонскомъ монастырскомъ уставѣ 971 года, составленномъ студійскимъ игуменомъ Евѳиміемъ, въ § 10 говорится слѣдующее: „тѣмъ послушникамъ, которые посредствомъ упражненія въ добродѣтеляхъ успѣли сдѣлаться духовными и подвижниками, которые отъ игуме-

---

[1]) „Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской дух. академіи“ за 1881 годъ, стр. 36—38.

[2]) „Обзоръ русской духовной литературы“ Филарета, изд. 3., 1884 г., кн. 1, стр. 169.

Digitized by Google

новъ ихъ признаны способными вступить на поприще безмолвія, таковымъ и мы соизволяемъ и соблаговоляемъ жить наединѣ и подвизаться по изволенію и присужденію ихъ игуменовъ“ [1]). У насъ въ Россіи, въ первые вѣка христіанства, преобладающимъ типомъ иноческой жизни было общежитіе по уставу студійскому, но не исключившее и скитской жизни. Въ XV вѣкѣ Нилъ Майковъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Сорскаго, жившій нѣкоторое время на Аѳонѣ, учредилъ Сорскую обитель на особыхъ правилахъ, по примѣру аѳонскихъ скитовъ, и поэтому считается основателемъ скитскаго житія въ Россіи. Съ этого времени обозначаются въ Россіи два опредѣленные типа иноческой жизни, общежитіе и скитская жизнь, расходившіеся между собою и во взглядахъ на вопросъ о недвижимыхъ монастырскихъ имуществахъ. Тогда какъ Нилъ Сорскій и другіе старцы, съ любовію проходившіе скитское житіе, были противъ владѣнія,—монахи общежительныхъ монастырей, съ Іосифомъ Волоцкимъ во главѣ, стояли за владѣніе. Что же касается юго-западной Руси, то здѣсь въ XVI вѣкѣ продолжало существовать общежитіе, но оно находилось уже въ упадкѣ. Бывшій игуменъ Троицко—Сергіевскаго монастыря, старецъ Артемій, бѣжавшій въ XVI вѣкѣ въ юго-западную Русь, писалъ о тогдашнемъ общежитіи слѣдующее: „о общежительнѣмъ чинѣ обрѣтохомъ писано отъ святыхъ, яко прежде многихъ лѣтъ разрушися таковое жительство; аще же и дръжати, то нѣціи нынѣ въ своихъ воляхъ дръжатъ, а не якоже общежительный уставъ“. По этому старецъ Артемій находилъ, что „въ нынѣшнее время похвальнѣя общаго особное житіе, и спасая спасетъ свою душу“ [2]). Другаго взгляда на устройство православнаго монашества держался князь К. К. Острожскій и стремился преобразовать всѣ православные монастыри въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ въ строго общежительные, по уставу св. Василія Великаго, какъ бы въ параллель монашескимъ орденамъ католической церкви и религіознымъ общинамъ протестантскимъ и во избѣжаніе нареканія со стороны еретиковъ, которые обзывали

---

[1]) „Исторія Аѳона“ преосвященнаго Порфирія Успенскаго, Кіевъ 1877 г., ч. III, стр. 84.

[2]) Посланія старца Артемія см. въ изданіи: „Русская Историч. Библіотека. Памятники полемической литературы въ западной Руси“, кн. 1, 1878 г., стр. 260—261.

Digitized by Google

православныхъ отшельниковъ „скотиною и звѣрьми дивіими“. Съ этою цѣлію онъ издалъ въ 1594 году книгу св. Василія Великаго о постничествѣ, съ предисловіемъ о преимуществѣ монашескаго устава св. Василія Великаго предъ параллельными уставами иновѣрныхъ монашескихъ орденовъ и религіозныхъ общинъ, и затѣмъ старался постепенно вводить этотъ уставъ въ православные монастыри, находившіеся въ его владѣніяхъ [1]). Владыка Гедеонъ Балабанъ тоже отдавалъ предпочтеніе монашескому общежитію предъ пустынножительствомъ,—но уважалъ и послѣднее и поощрялъ и поддерживалъ въ своей епархіи тотъ и другой видъ иноческой жизни, получившей подъ его покровительствомъ особое оживленіе и разлившейся отсюда по всей юго-западной Россіи.

Еще около 1561 года въ Угорницкій Преображенскій монастырь, находившійся во владѣніяхъ Балабановъ, поступилъ въ отроческихъ лѣтахъ преподобный Іовъ Желѣзо, впослѣдствіи игуменъ Дубенскаго Крестовоздвиженскаго и Почаевскаго монастырей, и отсюда вызванъ былъ княземъ Острожскимъ для устроенія Дубенской Крестовоздвиженской его обители [2]); слѣдов: монашествующіе и самые порядки Угорницкаго монастыря считались тогда образцовыми для другихъ православныхъ монастырей. Но наиболѣе виднымъ дѣятелемъ по возстановленію монашеской жизни въ обоихъ ея видахъ, т. е. общежитіи и пустынножительствѣ, былъ схимонахъ Іовъ Княгининскій, подвизавшійся долгое время въ львовской епархіи подъ непосредственнымъ покровительствомъ владыки Гедеона Балабана и отсюда имѣвшій громадное вліяніе на обновленіе монашеской жизни во всей юго-западной Россіи. Онъ родился въ г. Тисмяницѣ, въ предѣлахъ галицкихъ, отъ благородныхъ родителей, и названъ Іоанномъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Уневскомъ монастырѣ, а высшее и окончательное—въ Острожскомъ училищѣ и пользовался здѣсь расположеніемъ князя Острожскаго. Послѣдній послалъ Іоанна, какъ человѣка способнаго и благонадежнаго, на св. гору для раздачи милостыни по монастырямъ; но Іоаннъ до того увлекся иноческою жизнію аѳонитовъ, что, возвратившись на родину для представленія отчета князю въ раздачѣ милостыни, снова отправился на Аѳонъ и тамъ

---

[1]) „Пчела Почаевская“ Почаевъ, 1884 года, предисловіе, стр. 69—71.
[2]) Тамъ же, стр. 24—30.

Digitized by Google

принялъ постриженіе въ Ватопедской обители съ именемъ Іезекіиля. Черезъ 13 съ половиною лѣтъ аѳонской жизни Іезекіиль, по порученію братіи, дважды отправлялся въ Великую Россію за милостынею; но во второй разъ онъ не могъ проникнуть туда вслѣдствіе большихъ нестроеній, происходившихъ въ Московскомъ государствѣ, и остановился въ родномъ своемъ городѣ Тисмяницѣ. Услышавъ о немъ, владыка Гедеонъ Балабанъ и племянникъ его Уневскій архимандритъ Исаія упросили старца Іезекіиля, чтобы онъ пришелъ въ Уневскую обитель и устроилъ въ ней общежитіе по уставу св. горы. Іезекіиль послушался, завелъ въ Уневскомъ монастырѣ всѣ общежительные порядки и помышлялъ уже возвратиться на св. гору. Но тяжкая болѣзнь удержала его, и онъ, опасаясь смерти принялъ постриженіе въ схиму съ именемъ Іова. Владыка Гедеонъ хотѣлъ рукоположить старца въ іеромонахи, когда онъ оправился, но Іовъ рѣшительно отказался и, смущаясь непокорностію уневскихъ монаховъ, желалъ уединенной и безмолвной жизни. Тогда панъ Адамъ Балабанъ предложилъ ему съ этою цѣлію удобное мѣсто въ своемъ имѣніи Угорникѣ при церкви св. архистратига Михаила, и Іовъ съ благодарностію принялъ предложеніе и началъ скитствовать одинъ при означенной церкви. Слухъ о его подвигахъ быстро распространился; къ нему стали приходить многіе иноки и міряне и просили, чтобы онъ принялъ ихъ къ себѣ въ сожительство. Іовъ принималъ желающихъ подвизаться съ нимъ, ввелъ между ними общежитіе и образовалъ монастырь въ Угорникѣ. Слава Іова распространилась еще болѣе. Настоятель Дерманскаго монастыря Исакій Борисковичъ, хотя самъ долго жилъ на Аѳонѣ, пригласилъ Іова въ свою обитель для устроенія въ ней общаго житія; Іовъ исполнилъ это и возвратился въ свою Угорницкую обитель. Здѣсь посѣтилъ его другъ его Іоаннъ Вишенскій и прожилъ съ нимъ нѣсколько времени. Потомъ, поручивъ обитель свою ученику своему іеродіакону Герасиму, Іовъ удалился „въ дальнюю пустыню яко 4 поприща“, вѣроятно во владѣніяхъ того же Адама Балабана, и устроилъ себѣ келью, гдѣ принималъ приходившую къ нему иноческую братію и убѣждалъ ее держаться общежитія по чину св. Василія Великаго, а нѣкоторыхъ, по ихъ желанію, оставлялъ у себя на время, для практическаго изученія монашескихъ подвиговъ. Такимъ образомъ прожили у него по нѣсколько времени Уневскій архимандритъ Ісаія Балабанъ, Захарія Копыстенскій, отецъ Пет-

Digitized by Google

роній Воютинскій полтора года, „и Копоть и Рудницкій и прочіи, и много и мало поживше, утѣшившеся отхождаху“ [1]). А всѣ эти лица или тогда уже были, или впослѣдствіи сдѣлались настоятелями монастырей въ разныхъ концахъ юго-западной Россіи и выносили съ собой изъ галицкой епархіи общежительные монашескіе порядки въ свои обители. Такъ напр., Захарія Копыстенскій былъ въ 1624—1627 гг. кіевопечерскимъ архимандритомъ [2]). Петроній Г'улевичъ-Воютинскій, въ 1617 году значится игуменомъ Почаевскимъ [3]); Іосифъ Бобриковичъ-Копоть съ 1593 и до 1633 года былъ игуменомъ Виленскаго свято-духовскаго братскаго монастыря, а съ 1633 года епископомъ Мстиславскимъ [4]); Антоній Рудницкій въ 1624 году былъ игуменомъ Дубенскаго Спасскаго монастыря и въ этомъ году составилъ общежительный уставъ для сего монастыря [5]); Кромѣ того, кіево-печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій около 1615—1617 гг. приглашалъ Іова въ Кіевъ и, при помощи его, устроилъ общежитіе въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Въ послѣдствіи времени Іовъ сдѣлался еще основателемъ монастыря, называвшагося Великимъ Скитомъ, въ Станиславскомъ уѣздѣ нынѣшней Галиціи. Скончался 29 декабря 1621 года [6]).

Внутренній порядокъ монастырскаго общежитія, возстановленнаго Іовомъ Княгининскимъ и его учениками въ львовской и другихъ епархіяхъ, опредѣляется вышепомянутымъ уставомъ, который данъ былъ въ 1624 году однимъ изъ учениковъ Іова Антоніемъ Рудницкимъ Дубенскому Спасскому монастырю. Приводимъ самый этотъ уставъ.

„Порядки монастыря Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, згодне всѣхъ братій, отъ преданій св. Василія Великого составлены. Содержати ихъ непорушимо помощу Божею обещаемся.

1) Господинъ отецъ Антоній, яко игуменъ власный, во всемъ маетъ мѣти власть, еднак же з совѣтомъ братій, избранных все строити.

---

[1]) Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, С. Голубева, т. I, Кіевъ, 1883 г., приложенія, № 25, стр. 226—231.

[2]) Тамъ же, стр. 283.

[3]) Архивъ Юго-Западной Россіи, т. IV, Кіевъ, 1883 г., № 175, стр. 448 и слѣд.

[4]) „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. II, Кіевъ, 1877 г., стр. 261—262.

[5]) Волынскія Епарх. Вѣдомости, 1869 г., № 15.

[6]) „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, С. Голубева, приложенія, стр. 230—231.

Digitized by Google

2) При немъ маетъ быти духовникъ въ семъ монастиру, абы братія не мѣли вимови до духовника отхоженя на сторону, але жебы совѣсти свои по вся часы мѣли предъ нимъ откривати.

3) Економъ до внешнего господарства з совѣту соборнего маетъ быти обираный.

4) Другій економъ внутрь монастыря, который завѣдевати трапезою, спѣжарнями, пивницею маетъ уряду.

5) Шафаръ грошумъ з собору маетъ быти обраный, который приходу и расходу личбу в чтверт року маетъ чинити.

6) Клесіархъ также зъ собору поставленый, который всѣ речи (вещи) церковныи, инвентаромъ списаны, в схованю маетъ мѣти, постерегаючи пильно, абы не въ чемъ шкоды не было.

7) Воротный соборне поставленый, который безъ благословенія игуменского з монастыря а не въ монастырь некого пускать не маетъ.

7) Правило церковное маетъ ся не нерадиво отправовати, а то тымъ способомъ, жебы до начала всѣ равно с ковтанямъ билца ставали, и безъ нужды до отпусту не сходили.

9) Трапеза, ведлугъ достатку монастырского, порядне маетъ быти, постерегаючи, абы не было умноженя надъ потребу, а не тыж умаленя, іжбы скудства ради, по келіяхъ не было тайно яденій, и кром трапезы общой, поправокъ а не присмаковъ конечне абы не было.

10) Напитковъ въ келіяхъ, кром воды альбо квасу, отнюдь бы не было, но точію въ трапезѣ, всѣмъ ровно.

11) Одежда вся ведлугъ потребы и достатку манастырского маетъ быти давана.

12) Схажокъ непотребныхъ, такъ на манастиру, яко и въ келіяхъ еденъ з другимъ зѣло блюстися, же бы ся не родило кощунство, баснословіе, оклеветаніе и проч. злое.

13) Прохажокъ безъ благословенія старшого а не за мостъ, также и на воду [1]).

14) Больница своимъ порядкомъ належнымъ, ведлугъ достатку манастырского, маетъ быти братіи хорымъ удовлена.

15) Гостинница также маетъ быти споряжена.

---

[1]) Монастырь расположенъ былъ на рѣчномъ островѣ, соединенномъ съ городомъ посредствомъ моста.

Digitized by Google

16) Строни стяжанія, хто маетъ слушна и спасителна, абы заразъ отдалъ все в общую потребу, поневажъ не тилько тое, але и себе разъ офѣровалъ и отдалъ Христу, или по произволенію кому хочетъ отдастъ, абы не мѣти нѣщо над потребу нужную в одежди и в книгахъ, и тое усужаемъ держати святымъ порядкомъ. Под совѣстю все предъ игуменомъ и братіи соборныхъ указати, и если бы що и на сторонѣ у кого в схованю было, повѣдѣти истину, постерегаючи пильне, жебы не впасти въ ровъ Ананіи и Сапфиры проклятству. Чогохмося тыжъ разъ отрекли, до того ся не вертати, жебы не приняти, сохрани Боже, мѣсце со Іюдою. Или чогохмы пред тымъ не мѣли, того не прагнути, жебы не подпасти (участи) Гіезиной, що вмѣсто дару пророческого, котрый на него припадалъ спадком по Іелеслею (Елисею) пророку учителю его, одержалъ вѣчный трудъ. Але отъ сего часу въ сей святой дружинѣ живучи, подъ неблагословеніемъ, абы нѣщо собѣ единому не пріобрѣтати, а нѣ отъ своихъ вещей безъ благословенія игуменского шафовати, албо що продавати или куповати, а нѣ тыжякимъ своимъ рукодѣліемъ собѣ одному заробляти, но елико сила тщатися послѣдовати науцѣ апостольской, у множества вѣрующихъ было сердце едино и душа едина, а нѣ еденъ з нихъ то, що мѣлъ, своимъ называлъ, але имъ было все сполное.

17) Также и милостиня гди будетъ дана кому поединковне любо на службу Божію или якое колвекъ богомоліе, если дома, если и въ дорозѣ гди будетъ, где посланый который братъ, теды все подъ совѣстю истинно повѣсти и отдати.

18) Поки тыж хто довол маетъ в одежди отъ своего стяжанія, теды ся не маетъ домовляти з общаго.

19) З манастиромъ, то есть з черницами жадного зобщенія потаемнаго подъ прокляцтвомъ абы не мѣти, але гды потреба якая будетъ инокини до брата, албо иноку до сестры, теды з благословеніемъ старшого въ друзствѣ, ведлугъ науки святого Василія въ главѣ 26, маютъ старшенствующіи тщатися порядокъ хранити.

20) З мирскими людми безпотребне друзства не мѣти, а з женскимъ поломъ отнюдь бесѣдъ а не схажокъ да не будетъ. До келій безъ вѣдомости игуменской нѣкого не принимати а нѣ отъ сороднихъ, но все з благословеніемъ творити.

21) Послушаніе, повиновеніе во всемъ ко игумену и духовнику, як ко самому Христу маетъ быти отдавано, а другъ друга честію

Digitized by Google

больша себе творити. Которое то постановеня порядку нашего все вцѣлѣ помощу Божею, молитвами пречистой Богородици хранити обѣцуемъ, на що для памяти лѣпшей на тую харатію нашу руки подписуемъ и иконы Христа Збавителя нашего и пречистой Его Матере утверженія ради лобызаемъ.

22) А хто бы былъ тому порядкови противный, по напомненю разъ другый и третій если ся не покаетъ, теди з манастыра и не хотяще уступити муситъ".

Въ заключеніе и самъ игуменъ Рудницкій обѣщается жить по этому уставу, съ тѣмъ, что, въ случаѣ отступленія его отъ своихъ обязанностей, „по Василію святому въ гл. 20, братія избранныи,— пишетъ онъ,—маютъ мя упомянути разъ другій, а если бым ся не покаялъ, оповѣсти мя церкви, ктиторови кж. Е. мт. (княжати Его милости), да буду (изгнанъ) изъ манастыря Пре(ображенія Господня)" [1]).

Надобно полагать, что такіе же общежительные уставы и порядки введены были и въ монастыряхъ Кіево-Печерскомъ, Виленскомъ Свято-Духовскомъ, Дерманскомъ, Почаевскомъ, Уневскомъ, Угорницкомъ Михайловскомъ, Великоскитскомъ и другихъ, въ которыхъ жилъ нѣсколько времени самъ Іовъ Княшнинскій или же настоятели которыхъ учились у него монашескому общежитію. Иниціатива же обновленія монашеской жизни, какъ мы видѣли выше, принадлежала владыкѣ Гедеону.

Вообще Гедеонъ Балабанъ своимъ мужественнымъ противодѣйствіемъ латинянамъ и уніатамъ и своею организаторскою дѣятельностію по внутреннему благоустроенію западно-русской православной церкви не мало содѣйствовалъ къ поддержанію бодрости и подъему религіозно-народнаго духа въ средѣ западноруссовъ, которые долго еще потомъ не поддавались, а нѣкоторые изъ нихъ и вовсе не поддались уніатскимъ обольщеніямъ и насиліямъ и не разъ заявляли энергическіе протесты противъ этихъ обольщеній и насилій. Одинъ изъ такихъ протестовъ послѣдовалъ въ 1607 году, на варшавскомъ генеральномъ съѣздѣ. Русскіе послы земель кіевской, волынской и брацлавской, прибывшіе на этотъ сеймъ, именемъ всей своей братіи, людей греческой религіи, жаловались на

---

[1]) Уставъ изданъ въ 15 № „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей" за 1869 годъ, съ рукописи почаевскаго архива за № 46.

Digitized by Google

нарушеніе правъ и привиллегій, дарованныхъ ихъ церкви прежними королями, на обиды и притѣсненія, какія они терпятъ за свою вѣру, и просили, чтобы имъ даны были и впредь всегда были даваемы пастыри греческаго закона, митрополитъ, владыки, архимандриты и прочіе пресвитеры и священники, и чтобы имъ дозволено было держаться своей „старожитной греческой вѣры во всемъ вольно, цѣло, спокойно и безпечно". И король объявилъ, что онъ подтверждаетъ людямъ греческой религіи всѣ права, привиллегіи и вольности, издавна наданныя его предками королями церквамъ вѣры греческой, также станамъ и людямъ той религіи, духовнымъ и свѣтскимъ, и удостовѣрялъ, что впредь эти люди будутъ содержать свою вѣру и отправлять всѣ обряды и церемоніи церкви греческой вольно и спокойно, и что онъ будетъ подавать имъ духовныхъ пастырей, владыкъ, архимандритовъ, игуменовъ и иныхъ церковныхъ учителей, по ихъ давнимъ правамъ и привиллегіямъ и по правиламъ св. отцевъ [1]). Но владыка Гедеонъ Балабанъ не дождался этой грамоты короля и скончался около 10 февраля того же 1607 года, за четыре мѣсяца до ея обнародованія [2]).

Н. Петровъ.

[1]) Истор. Русск. церкви, Макарія, т. X, стр. 352—353.
[2]) Тамъ же, стр. 350.

Digitized by Google

Кириллъ Терлецкій, епископъ Луцкій и Острожскій.

Кириллъ Семеновичъ Терлецкій происходилъ изъ небогатаго рода православныхъ дворянъ, имѣвшихъ свои помѣстья въ перемышльскомъ повѣтѣ, въ Галиціи. Въ числѣ этихъ помѣстій упоминается с. Терло, отъ имени котораго, вѣроятно, образовалось и фамильное прозвище Терлецкихъ. Въ первой половинѣ XVI ст. мы встрѣчаемъ двухъ православныхъ епископовъ перемышльскихъ изъ этой фамиліи: Лаврентія, упоминаемаго подъ 1535 г., и Арсенія — подъ 1540 г. Неизвѣстно, когда и по какому случаю отецъ Кирилла Терлецкаго оставилъ перемышльскую землю и переселился на Полѣсье; во всякомъ случаѣ родиной Кирилла правдоподобно можно считать пинскій повѣтъ или же самый г. Пинскъ, гдѣ въ исходѣ третьей четверти XVI в. мы встрѣчаемъ его въ санѣ священника при замковой церкви св. Димитрія, при чемъ, по свидѣтельству одного современника, онъ былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги „только дьячка за собою волочилъ, которому кермашами (т. е. доходами) пирожными заплату чинилъ“ [1]). О предшествовавшемъ періодѣ его жизни, главное же о его образованіи не сохранилось никакихъ извѣстій. Можно, однако, полагать, что образованіе, полученное въ юности Кирилломъ Терлецкимъ, не было шире и выше того, какое обыкновенно давалось тогда дѣ-

[1]) Посланія аѳонскаго инока-южнорусса Іоанна Вишенскаго. (Акты Южн. и Зап. Россіи, т. II).

Digitized by Google

Дозв. ценз. Спб., 8 Мая 1885 г.

Тип Тов. «Общ. Польза». Б. Подъяч., № 39.

Digitized by Google

Digitized by Google

тямъ небогатыхъ православныхъ шляхтичей въ югозападной Руси: кромѣ грамотности, ученики, подъ руководствомъ знающаго „дьяка“, пріобрѣтали начитанность въ „святомъ письмѣ“ и богослужебныхъ книгахъ, получали начальныя познанія о предметахъ вѣры и правилахъ христіанской нравственности и практически знакомились съ годичнымъ кругомъ церковныхъ богослуженій и вообще съ церковною обрядностью. Дальнѣйшая ступень въ системѣ тогдашняго обученія состояла въ томъ, что мальчика, подъ руководствомъ уже „бакаляра“, обучали „наукѣ латинскаго письма“, или же отдавали его на нѣкоторое время въ канцелярію градскаго или земскаго суда, гдѣ онъ, подъ руководствомъ „писаря“ (секретаря), упражнялся въ письмоводствѣ и въ составленіи дѣловыхъ бумагъ, изучалъ законы и знакомился съ порядкомъ и формами судопроизводства. Можно думать, что Кириллъ Терлецкій прошелъ именно эту послѣднюю школу, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что онъ и впослѣдствіи не зналъ латинскаго языка, но за то былъ хорошимъ юристомъ и основательно зналъ литовскій Статутъ и другіе кодексы гражданскаго и церковнаго права. Вообще же Терлецкій былъ человѣкъ весьма способный, зналъ хорошо польскій языкъ, и впослѣдствіи путемъ чтенія и обращенія въ кругахъ хорошо образованныхъ людей отчасти восполнилъ недостаточность своего первоначальнаго образованія [1]).

Занимая должность „протопопа“ соборной церкви въ г. Пинскѣ, Кириллъ Терлецкій стоялъ весьма близко къ центру мѣстнаго епархіальнаго управленія. Въ то время въ югозападной Руси при каждой епископской каѳедрѣ существовали особыя духовныя коллегіи, такъ называемые „*крылосы*“, составлявшіе одно изъ старинныхъ учрежденій въ южнорусской церкви. *Крылосъ* состоялъ изъ лицъ бѣлаго духовенства и служилъ органомъ епархіальнаго суда и управленія: по правиламъ Виленскаго собора 1509 г., безъ участія „крылошанъ“ епископъ не могъ судить не только мірянъ, но даже лицъ подчиненнаго ему духовенства; „крылосъ“ же избиралъ архіерейскихъ намѣстниковъ, судившихъ и ря-

---

[1]) Въ сочиненіи извѣстнаго Галицко-русскаго ученаго о. Качалы (Polityka polakow względem Rusi) сообщается свѣдѣніе, что Терлецкій, до вступленія въ духовное званіе, служилъ писаремъ у лит. скарбника Николая Тризны. Хотя въ документальныхъ источникахъ мы не нашли подтвержденія этому извѣстію, но самый фактъ признаемъ вполнѣ правдоподобнымъ.

Digitized by Google

дившихъ сельскіе причты, вмѣстѣ съ епископомъ завѣдывалъ церковными имѣніями, съ нимъ же нераздѣльно являлся представителемъ церковно-епархіальныхъ интересовъ въ свѣтскихъ судахъ и предъ государственною властью. Еще большее значеніе пріобрѣталъ „крылосъ“ въ случаѣ смерти епископа, когда каѳедра до назначенія новаго владыки оставалась нѣкоторое время вакантною: тогда все управленіе епархіей сосредоточивалось въ рукахъ крылошанъ, среди которыхъ первое мѣсто занималъ „протопопъ“ соборной церкви. А на каѳедрѣ пинской въ то время происходили безпрестанные смѣны епископовъ: послѣ смерти Макарія, ему наслѣдовалъ (въ началѣ 60 хъ годовъ XVI ст.) другой Макарій (Евлашевскій), а черезъ годъ или два на той же каѳедрѣ мы встрѣчаемъ Іону Протасовича, который въ 1568 г. былъ отсюда возведенъ въ санъ митрополита кіевскаго; послѣ чего король пожаловалъ пинскую каѳедру волынскому пану Андрею Русину-Берестецкому, который и правилъ ею въ теченіе четырехъ лѣтъ, оставаясь свѣтскимъ человѣкомъ и нося титулъ „нареченнаго владыки пинскаго и туровскаго“. Когда въ 1572 г. умеръ и этотъ непосвященный „владыка“, то въ числѣ другихъ претендентовъ на вакантную пинскую каѳедру выступилъ и соборный „протопопъ“ Кириллъ Терлецкій, тогда уже вдовый. Безъ сомнѣнія, онъ больше, чѣмъ кто другой, имѣлъ правъ на эту каѳедру, такъ какъ въ теченіе многихъ лѣтъ фактически управлялъ епархіею и пріобрѣлъ достаточную опытность въ церковно-административныхъ дѣлахъ; но въ то время въ польско-литовскомъ государствѣ высшія духовныя достоинства доставались не тѣмъ, кто ихъ заслуживалъ по праву, а тѣмъ, кто имѣлъ связи при королевскомъ дворѣ и обладалъ большею способностью къ происканъ.

Было время, когда въ южнорусской церкви всѣ іерархическія мѣста, отъ священника до митрополита, были избирательными, при чемъ избирателями являлись не одни члены клира церковнаго, но и міряне, пасомые избираемаго пастыря. Еще въ 1509 г. Виленскій соборъ изрекъ церковное отлученіе тѣмъ, кто вздумалъ бы искать высшихъ церковныхъ должностей помимо „совѣта и согласія митрополита и епископовъ и безъ *избранія* отъ князей и пановъ нашего греческаго закона“ [1]). Но, по мѣрѣ все болѣе тѣс-

[1]) Актъ Виленск. собора 1509 г., между прочимъ, напечатанъ въ приложеніи къ 6 вып. „Памятниковъ Русск. Старины въ зап. губ.“, loc. cit. стр. 165.

Digitized by Google

наго сближенія русско-литовскаго княжества съ Польшею, избирательные порядки въ западно-русской церкви все чаще были нарушаемы польско-литовскими государями, которые въ своей собственной, католической церкви совсѣмъ не знали избирательнаго начала, вели долгую борьбу съ Римомъ за право назначенія духовныхъ сановниковъ и въ XVI ст. добились того, что взяли исключительно въ свои руки раздачу церковныхъ должностей и бенефицій, обративъ въ доходы своей казны тѣ денежные взносы (annatae и т. под.), какіе прежде были уплачиваемы римскому двору епископами и прелатами при ихъ вступленіи въ эти должности. Тѣ же самые порядки они съ половины XVI в. стали вводить и въ православную западно-русскую церковь. Съ другой стороны, въ самомъ западно-русскомъ обществѣ обнаружился къ тому времени рѣзкій внутренній переломъ, благодаря усилившемуся усвоенію понятій и формъ польской культуры и шляхетскаго общежитія, а также подъ вліяніемъ умственно-религіознаго броженія, волновавшаго въ XVI ст. всю Европу и ощутительно отражавшагося въ Литвѣ и югозападной Руси. Этотъ переломъ болѣе всего коснулся высшихъ сословій западнорусскаго населенія и обнаружился въ томъ, что старыя національныя основы и преданія стали забываться, общественныя понятія и отношенія подверглись коренному измѣненію, а религіозныя вѣрованія потеряли прежнюю силу и искренность и вывѣтрились у очень многихъ до степени полнаго религіознаго безразличія. Въ то же время, вслѣдствіе измѣнившихся бытовыхъ условій жизни, стремленія къ роскоши и расточительности, западнорусскіе шляхтичи скоро ощутили недостаточность прежнихъ источниковъ матеріальнаго обезпеченія и всѣми мѣрами стали выпрашивать у короля грамоты на разныя прибыльныя мѣста и должности — староства, войтовства, тіунства и т. под. Такъ какъ православныя епархіи въ югозападной Руси и большинство монастырей обладали весьма значительными имѣніями, пожалованными имъ древними русскими и литовскими князьями и другими благочестивыми лицами, то отсюда становится понятною охватившая въ то время свѣтскихъ пановъ погоня за „духовнымъ хлѣбомъ“, т. е. епископіями и архимандріями. Естественно, что прежній путь къ достиженію этихъ достоинствъ, т. е. всенародное избраніе, для большинства искателей представлялъ много неудобствъ, а потому они предпочитали обращаться съ иска-

Digitized by Google

тельствомъ непосредственно къ „верховному подавцѣ столицъ и хлѣбовъ духовныхъ“ т. е. къ королю и наперерывъ другъ передъ другомъ выпрашивали у него жалованныя грамоты на архіерейскія и архимандричьи мѣста—кто за прежнія гражданскія и военныя службы, кто по ходатайству придворныхъ вельможъ, а большинство—прямо за деньги. Въ короткое время возникла и развилась сложная система происковъ, выпрашиваній и подкуповъ. Купля и продажа духовныхъ должностей производилась совершенно открыто и ее нисколько не старались скрывать сами участники, какъ это показываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай. Въ 1569 г. упомянутый уже нами п. Андрей Русинъ-Берестецкій, не довольствуясь выхлопотанною раньше королевскою грамотою на епископію пинскую и туровскую, захотѣлъ еще получить богатый Жидичинскій монастырь близь г. Луцка. Съ этою цѣлью онъ послалъ „до двора его королевской милости“ молодого шляхтича Загоровскаго и снабдилъ его тремя именными вексельными бланками, съ полномочіемъ написать на нихъ, въ случаѣ надобности, отъ его лица денежныя обязательства тѣмъ изъ членовъ королевской „рады“ (государственнаго совѣта), которые возьмутся исходатайствовать для него у короля „тотъ хлѣбъ духовный“—архимандритство жидичинское. Но Загоровскій почему-то „ничого добраго не выправилъ и того хлѣба духовного у его королевской милости и у пановъ радъ не зъедналъ“, а между тѣмъ вексельныхъ бланковъ назадъ не привезъ. Чтобы обезпечить себя на всякій случай отъ напрасной расплаты по этимъ бланкамъ, п. Русинъ внесъ въ луцкія гродскія книги заявленіе, что такъ какъ его попытка выхлопотать архимандритство не удалась, то поэтому онъ не считаетъ себя „виннымъ (должнымъ) якъ самому его королевской милости, такъ и панамъ радамъ, никому ничого и никоторой суммы пенезей [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такимъ же способомъ пріобрѣлъ пинскую каѳедру и преемникъ п. Русина, Кириллъ Терлецкій, такъ какъ въ жалованной грамотѣ, выданной ему впослѣдствіи на эту епископію, нѣтъ упоминанія о какомъ-либо избраніи, а говорится лишь о назначеніи его „панами радами“. Сами „паны рады“ дали Кириллу и грамоту на пинское и туровское „владычство“ и на всѣ принадлежащія къ нему имѣнія, сами и отпра-

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, часть 1, томъ VI, № XXVIII.

Digitized by Google

вили его съ этою грамотою къ митрополиту Іонѣ, который и рукоположилъ его во епископа. Это случилось въ междуцарствіе послѣ бѣгства изъ Польши короля Генриха (1574—1575 гг.); когда же въ 1576 г. на престолъ польскій взошелъ Стефанъ Баторій, Терлецкій поспѣшилъ испросить у него новую подтвердительную грамоту на данное ему панами радами владычество пинское и туровское.

Достигнувъ цѣли своихъ искательствъ, тогдашніе архіереи-шляхтичи нисколько не заботились о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ, а все вниманіе и помыслы посвящали одной заботѣ—о личномъ обогащеніи. Они устраняли „крылошанъ“ отъ участія въ распоряженіи церковными имѣніями и доходами и сами распоряжались ими единолично и совершенно безъ всякаго контроля и отчета: раздавали цѣлыя помѣстья въ пожизненное пользованіе своимъ дѣтямъ и родственникамъ, отдавали въ приданое за дочерьми, продавали, обмѣнивали, сдавали въ аренду на десятки лѣтъ, закладывали и вообще располагали какъ своею личною собственностью. Такъ же самоуправно распоряжались они и церковною движимостью: разоряли монастыри и церкви, разбирали изъ укрѣпленныхъ церковныхъ замковъ пушки и другое оружіе и развозили его по своимъ собственнымъ имѣніямъ, расхищали болѣе цѣнныя вещи изъ церковной утвари, „съ крестовъ великихъ малые чинили и собѣ поясы, ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотемъ справовали“ [1]). Не довольствуясь богатыми доходами съ церковныхъ имѣній, владыки произвольно налагали усиленные поборы и подати на подвѣдомственное имъ духовенство, и если священники не удовлетворяли ихъ требованіямъ, то они запрещали имъ богослуженіе и запечатывали церкви [2]). Еще безцеремоннѣе поступали владыки съ тѣми церквами, которыя находились подъ личнымъ ихъ патронатствомъ: они иногда сдавали такія церкви въ аренду наравнѣ съ мельницами и винокурнями; такъ въ 1585 г. мѣщане могилевскіе жаловались королю, что ихъ владыка, полоцкій архіепископъ Ѳеофанъ, будучи патрономъ церкви св. Спаса въ

---

[1]) Слова жалобы православныхъ дворянъ на своихъ епископовъ и архимандритовъ, изложенной въ письмѣ къ митрополиту въ 1585 г. Акты Зап. Россіи, т. IV, № 146. См. также Архивъ Юго Зап. Р. ч. 1, т. 1, стр. XXVI—XXVIII.

[2]) Тамъ же, № 33.

Digitized by Google

Могилевѣ, отдалъ эту церковь въ аренду [1]). Нажившись такими путями, нѣкоторые владыки, съ цѣлью еще большаго обогащенія, нерѣдко пускались въ комерческія предпріятія: брали подряды на поставку въ Данцигъ тамошнимъ купцамъ хлѣба и лѣсныхъ товаровъ и отдавали въ ростъ деньги панамъ, купцамъ и мѣщанамъ, не только христіанамъ, но и евреямъ, обезпечивая ихъ долги залогами соотвѣтственной цѣнности—землями, имѣніями или цѣнными вещами.

Къ этому типу владыкъ-стяжателей принадлежалъ и Кириллъ Терлецкій. Свое десятилѣтнее управленіе пинскою епархіею онъ не ознаменовалъ ничѣмъ инымъ, какъ только заботами о неприкосновенности церковныхъ имѣній и увеличеніи архіерейскихъ доходовъ, велъ безпрестанныя тяжбы по этому предмету съ разными лицами и успѣлъ составить себѣ большое состояніе [2]). Но пинская епархія считалась одною изъ бѣднѣйшихъ въ югозападной Руси, и Терлецкій давно уже выжидалъ удобнаго случая, чтобы промѣнять ее на другую, болѣе богатую епархію. Случай такой представился въ 1585 г. со смертью луцкаго епископа Іоны Борзобогатаго-Красенскаго, прославившагося своимъ воинственнымъ характеромъ и умершаго „баннитомъ“, т. е. присужденнымъ за буйство къ лишенію гражданскихъ правъ и къ изгнанію изъ отечества. Кириллъ Терлецкій не замедлилъ выпросить себѣ у короля новооткрывшуюся вакантную каѳедру и въ сентябрѣ того же 1585 г. былъ введенъ въ управленіе ею, по королевскому приказанію.

Луцкая и Острожская епархія, править которою былъ призванъ Терлецкій, считалась одною изъ самыхъ богатыхъ епархій южнорусскихъ. Ей принадлежало болѣе 40 населенныхъ имѣній, въ томъ числѣ 4 мѣстечка, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли укрѣпленные замки съ пушками и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Вступивъ въ управленіе всѣмъ этимъ богатствомъ, владыка зажилъ по обычаю магнатовъ того времени: его окружала многочисленная толпа бояръ и слугъ, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ имена двухъ князей Гедройть, потомковъ нѣкогда знаменитаго литовскаго рода; въ его кладовыхъ хранились неистощимые запасы, цѣлыми

---

[1]) Акты Зап. Россіи, т. III, № 152.

[2]) Въ документахъ того времени упоминаются слѣдующія имѣнія Кир. Терлецкаго въ пинскомъ Полѣсьи: сс. Дубая, Гридковичи, м. Мооаль и Рѣчица.

Digitized by Google

бочками, мальвазіи, рейнскаго и другихъ напитковъ [1]), а въ луцкомъ епископскомъ замкѣ всегда былъ на-готовѣ многочисленный и хорошо вооруженный отрядъ гайдуковъ, услугами котораго владыка пользовался довольно часто и притомъ не противъ однихъ только татаръ, нерѣдко вторгавшихся въ предѣлы Волыни. Сверхъ того Терлецкій, по обычаю тогдашнихъ архіереевъ шляхтичей, окружилъ себя многочисленною родней, которую вызвалъ изъ Полѣсья и Подгорья въ помощь себѣ по управленію церковными имѣніями; такъ, при немъ жила его дочь Ганна съ своимъ мужемъ п. Иваномъ Велятицкимъ, буйнымъ и своевольнымъ шляхтичемъ; одинъ изъ родственниковъ владыки Иванъ Терлецкій былъ урядникомъ въ церковномъ имѣніи с. Теремномъ, другой—Прокопъ управлялъ м. Фалимичами. Въ такой же должности, кажется, состоялъ и двоюродный братъ Кирилла, Василій Григорьевичъ Терлецкій, владѣлецъ нѣсколькихъ помѣстій въ перемышльскомъ повѣтѣ. Но самымъ довѣреннымъ лицемъ владыки, такъ сказать, его правою рукою былъ родной его братъ Ярошъ Терлецкій, котораго онъ держалъ при себѣ неотлучно въ замкѣ луцкомъ и всегда посвящалъ его въ самыя сокровенныя свои намѣренія. У этого Яроша была жена Марина Богухваловна, о которой тогда злые языки говорили, будто владыка съ нею „въ чужоложствѣ мешкалъ“.

Такъ какъ г. Острогъ входилъ въ составъ луцкой епархіи и въ острожскомъ замкѣ находился даже особый епископскій дворъ при соборной Богоявленской церкви, то новый владыка имѣлъ частые поводы и случаи встрѣчаться съ княземъ Константиномъ Острожскимъ и вообще входить въ близкое съ нимъ соприкосновеніе. А князь Острожскій въ то время занятъ былъ заботами о процвѣтаніи незадолго предъ тѣмъ основанной имъ въ Острогѣ высшей школы и при ней типографіи, объ изданіи книгъ священнаго писанія и другихъ православныхъ сочиненій, хлопоталъ о насажденіи въ юго-западной Руси образованія и всѣми мѣрами старался расположить высшее западно-русское духовенство къ содѣйствію ему въ этомъ полезномъ дѣлѣ. Угождая желаніямъ благочестиваго и могущественнаго князя, Терлецкій съ своей стороны старался казаться ревнителемъ просвѣщенія, слѣдствіемъ чего было то, что въ острожской типографіи скоро была издана въ свѣтъ книжка „О крестномъ зна-

[1]) См. опись кладовыхъ Терлецкаго—Архивъ Юго Зап. Р., часть 1, т. I, № 76.

Digitized by Google

меніи„ „за выдаткомъ або накладомъ на то велебного его милости епископа луцъкого и острозского отца Кирилла Терълецкаго“ [1]). Въ первое время князь Острожскій относился съ большою благосклонностью къ своему епархіальному архіерею, надѣясь имѣть въ немъ добраго пастыря церкви; но послѣдній не замедлилъ своими поступками разочаровать довѣрчиваго князя: „уловилъ его діаволъ (по словамъ современника) сребролюбіемъ, невоздержаніемъ, чужоложствомъ, убійствомъ и иными симъ подобными выступцками, о которыхъ его выступкахъ мало не весь свѣтъ вѣдалъ, и доносилося то до ушью благочестивого княжати“, который долго не хотѣлъ придавать вѣры этимъ дурнымъ слухамъ, пока самъ не убѣдился въ справедливости ихъ [2]).

Были ли въ то время какія нибудь фактическія основанія для этихъ слуховъ, мы не знаемъ; но впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, Терлецкій судебнымъ порядкомъ неоднократно былъ обвиняемъ въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ. Въ первые же годы по вступленіи Кирилла въ управленіе новой епархіей въ судебныхъ книгахъ хотя и встрѣчаются частыя жалобы разныхъ лицъ на самоуправство и другія насильственныя дѣйствія новаго владыки, но это были весьма обыкновенные „выступки“ въ жизни тогдашнихъ архіереевъ. Дѣло въ томъ, что Терлецкій нашелъ свою епископію въ сильно разоренномъ положеніи: одни изъ церковныхъ имѣній были розданы родственникамъ прежняго архіерея, другія сданы въ аренду на десятки лѣтъ, третьи присвоены сторонними лицами. Вмѣсто того, чтобы возстановлять нарушенное право при помощи суда, Терлецкій дѣйствовалъ другимъ способомъ: онъ высылалъ вооруженные отряды и силою отбиралъ захваченныя имѣнія, изгоняя прежнихъ владѣльцевъ и въ свою очередь захватывая ихъ собственныя земли. При такихъ наѣздахъ иногда происходили настоящія сраженія, совершались убійства, грабежи и другія насилія. Жалобы объ этихъ насиліяхъ не рѣдко доходили даже до ко-

---

[1]) См. „Памятники русск. старины въ зап. губ.“ вып. VI, стр. 159. При этомъ случаѣ позволимъ исправить вкравшуюся туда небольшую хронологическую невѣрность, перешедшую отсюда и въ нѣкоторые указатели старопечатныхъ книгъ: въ „Памятникахъ“ время изданія книги „О крестномъ знаменіи“ опредѣляется „около *1584 г.*“; это надо исправить такъ: „*не ранѣе конца 1585 г.*“, такъ какъ Терлецкій переведенъ былъ на луцкую епархію лишь въ маѣ 1585 г.

[2]) Слова автора „*Перестороги*“, составленной около 1600—1605 гг. и помѣщенной въ актахъ Зап. Россіи, т. IV, № 149.

Digitized by Google

ролевскаго суда; но у Терлецкаго были сильныя связи при дворѣ, и король постоянно его оправдывалъ, приказывая иногда уничтожать въ актовыхъ книгахъ и самыя жалобы, поданныя на епископа.

Скоро, однако, обстоятельства перемѣнились, и для Терлецкаго наступили тревожныя времена. Въ 1588—89 гг. южную Русь лично посѣтилъ константинопольскій патріархъ Іеремія. Своими дѣйствіями и распоряженіями онъ сильно поколебалъ укоренившуюся среди мѣстной іерархіи увѣренность въ безконтрольности ея дѣйствій и безнаказанности проступковъ. Извѣстно, что патріахъ низложилъ супрасльскаго архимандрита Тимоѳея Злобу, обличеннаго въ убійствѣ, издалъ декретъ о низложеніи всѣхъ второженцевъ и троеженцевъ священниковъ и самъ низложилъ за то же кіевскаго митрополита Онисифора. Это произвело сильное устрашающее дѣйствіе на привыкшее къ распущенности духовенство западно-русское. Не былъ спокоенъ въ то время и Кириллъ Терлецкій, тѣмъ болѣе, что его личный недоброжелатель, львовскій владыка Гедеонъ Балабанъ, разсказалъ патріарху разныя недостойныя вещи про Кирилла, за которыя тотъ подвергъ его осужденію и выдалъ было противъ него какія-то грамоты; но хитрый владыка съумѣлъ не только оправдаться предъ патріархомъ, которому, по незнанію русскаго языка, трудно было вполнѣ разобраться въ мѣстныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ,—но и расположилъ его въ свою пользу на столько, что тотъ возвелъ его даже въ санъ своего экзарха. Видно по всему, однако, что такой благополучный исходъ дѣла стоилъ Терлецкому не малыхъ хлопотъ, а можетъ быть и денегъ.

Два года спустя Терлецкаго постигла новая непріятность. Онъ заболѣлъ и для излѣченія уѣхалъ въ г. Сандомиръ, спрятавъ часть своего имущества въ острожскомъ замкѣ. Вскорѣ распространился слухъ, будто владыка умеръ. Этимъ воспользовался староста острожскаго замка нѣкто Жданъ Боровицкій и забралъ въ свою пользу часть архіерейскаго имущества — деньги, серебряные сосуды, бочки съ винами, оружіе и богатыя платья. Возвратившись изъ Польши, Кириллъ пожаловался объ этомъ князю Острожскому, который все еще былъ къ нему расположенъ по прежнему. Но Боровицкій, пользовавшійся еще большимъ довѣріемъ и расположенностью князя, удостовѣрилъ его, что Кириллъ

Digitized by Google

многое вымышляетъ на него, и при этомъ случаѣ порасказалъ князю о цѣломъ рядѣ проступковъ луцкаго владыки, слухамъ о которыхъ тотъ не довѣрялъ до этого времени: объ убійствѣ якобы Терлецкимъ съ корыстною цѣлью какого-то Филиппа Маляра, о „мѣшканьи въ чужоложствѣ“ съ женою брата, о сношеніяхъ владыки съ ворами „што ему волы до кухни воживали“, о яденіи мяса и объ „иншихъ сквернодѣйствахъ“. Всѣ эти обвиненія Боровицкій, въ присутствіи князя, повторилъ въ глаза самому владыкѣ и поставилъ тутъ же многочисленныхъ свидѣтелей, которые стали уличать его въ тяжкихъ грѣхахъ. Терлецкому, по словамъ современника, не удалось вполнѣ опровергнуть взведенныя противъ него обвиненія, и съ тѣхъ поръ онъ навсегда лишился расположенности князя Острожскаго [1]).

Въ то же самое время Терлецкому приходилось выносить упорную вражду со стороны луцкаго старосты Александра Семашка, потомка древняго южно-русскаго рода, лишь незадолго предъ тѣмъ перешедшаго въ католичество и потому со всею яростью ренегата преслѣдовавшаго православнаго епископа. Такъ какъ луцкая соборная церковь и епископскій дворъ находились въ самомъ замкѣ луцкомъ, состоявшемъ въ завѣдываніи старосты, то Семашко имѣлъ возможность дѣлать на каждомъ шагу притѣсненія Терлецкому и его клиру. Такъ, въ одно время онъ у входа въ замокъ поставилъ гайдуковъ и приказалъ имъ брать по грошу и по два со всѣхъ православныхъ, духовныхъ и мірянъ, идущихъ въ церковь, а иначе никого не пропускать. А въ праздникъ пасхи 1591 г. староста и совсѣмъ не пустилъ въ замокъ никого изъ духовенства, кромѣ одного епископа, вслѣдствіе чего въ соборной церкви въ тотъ день не было совершено богослуженіе; между тѣмъ староста, потѣшаясь надъ епископомъ, заводилъ въ церковныхъ притворахъ танцы и другія игры съ музыкою и приказывалъ гайдукамъ для развлеченія стрѣлять въ золоченный крестъ и куполъ собора. Въ другой разъ онъ не пропустилъ въ замокъ строительныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ Терлецкимъ для починки церкви; а вслѣдъ за тѣмъ возбудилъ противъ епископа судебное преслѣдованіе, какъ противъ нарушителя общественнаго спокойствія, за то, что будто бы тотъ во

[1]) Акты зап. Россіи т. IV, № 149, стр. 210–211.

Digitized by Google

время засѣданій суда входилъ въ замокъ съ оружіемъ, что было строго воспрещено закономъ. Сверхъ того староста постоянно вмѣшивался въ духовную юрисдикцію епископа и бралъ подъ свою защиту священниковъ, подвергаемыхъ наказанію со стороны владыки, при чемъ однажды во время разбора жалобы одного священника, котораго Терлецкій наказалъ за порочную жизнь, староста въ присутствіи суда публично заявилъ, что онъ знаетъ не мало грѣховъ и за самимъ епископомъ, и обратившись къ адвокату священника, шепнулъ: „скажи: попъ знаетъ, что къ владыкѣ приводили развратную женщину“ [1]). Нѣсколько лѣтъ продолжалась эта упорная вражда къ епископу со стороны старосты. Терлецкій неоднократно обращался съ жалобами въ суды, которые иногда постановляли рѣшенія въ его пользу; но это не могло остановить своевольнаго магната, пользовавшагося большимъ довѣріемъ при королевскомъ дворѣ. Между тѣмъ прежній покровитель Терлецкаго, извѣстный своею вѣротерпимостію, король Стефанъ Баторій умеръ еще въ 1586 г. и на польскомъ престолѣ сидѣлъ питомецъ іезуитовъ Сигизмундъ III, у котораго напрасно сталъ бы искать защиты православный епископъ.

Но всѣ эти частныя и случайныя непріятности были ни что въ сравненіи съ тою общею опасностью, какая въ то время грозила Терлецкому и другимъ подобнымъ ему владыкамъ со стороны ихъ же пасомыхъ. Безнравственная жизнь большинства этихъ владыкъ и рѣшительное ихъ нерадѣніе о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ и о нуждахъ церковныхъ давно уже подорвали въ православномъ западнорусскомъ обществѣ всякое довѣріе и уваженіе къ его недостойнымъ пастырямъ. По мѣрѣ того, какъ умножались злоупотребленія въ іерархической средѣ, въ обществѣ росло и зрѣло сознаніе ненормальности существовавшихъ церковныхъ порядковъ и отношеній и необходимости положить, наконецъ, предѣлъ дальнѣйшимъ злоупотребленіямъ. Мысль о реформѣ церковной скоро сдѣлалась общею, и органомъ этого преобразовательнаго движенія явились церковныя братства, а во главѣ ихъ старѣйшее южнорусское братство — львовское. Восточные патріархи, хорошо зная о нестроеніяхъ въ западнорусской церкви, доведенной злоупотребленіями владыкъ до послѣдней

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть I, т. I, №№ 69, 70, 72, 73—75.

Digitized by Google

степени упадка, съ своей стороны оказывали поддержку означенному движенію и даровали церковнымъ братствамъ столь широкія права и полномочія, что, владѣя ими, они являлись законными органами высшей церковной власти: такъ братствамъ предоставлялось право „обличать всякаго противящагося христіанскому закону и отметать изъ церкви всякое безчиніе", наблюдать за жизнью и нравственностью не только мірскихъ людей, но и духовныхъ, а неисправляющихся предавать церковному суду и даже подвергать отлученію, наконецъ, что особенно важно, братствамъ предоставлялось право контролировать дѣйствія и поступки самихъ архіереевъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ управлялъ своею паствою не по правиламъ церковнымъ, братчики имѣли власть „противиться ему какъ врагу истины" [1]). Владѣя столь широкими полномочіями и обезпеченныя поддержкою и содѣйствіемъ такихъ могущественныхъ сочленовъ своихъ, какими были тогда князья Острожскіе, Вишневецкіе, Скумины и другіе ревнители православія, братства настойчиво старались простереть свое вліяніе на высшее управленіе дѣлали западнорусской церкви: побуждали архіереевъ ежегодно созывать мѣстные соборы, посылали на эти соборы своихъ депутатовъ, ставили владыкамъ на видъ разные случаи нарушенія духовенствомъ церковныхъ правилъ и домогались кореннаго исправленія допущенныхъ архіереями безпорядковъ въ церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ, видя равнодушіе владыкъ къ интересамъ церковнаго благоустройства и очевидную ихъ неохоту и неспособность ввести требуемыя исправленія, братства все чаще обращались къ константинопольскому патріарху, доносили ему о проступкахъ своихъ архіереевъ и требовали отъ него рѣшительныхъ мѣръ къ искорененію церковнаго безчинія. — Всѣ эти обстоятельства рѣзко измѣнили прежнюю безмятежную жизнь западнорусскихъ владыкъ и внесли въ нее тревогу и постоянное безпокойство. Прежде владыки знали одно: заслужить благосклонность у короля и заручиться покровительственнымъ расположеніемъ со стороны кого-нибудь изъ сенаторовъ или другихъ близкихъ ко двору лицъ и затѣмъ могли безнаказанно дѣлать, что хотѣли; а теперь того и гляди братство пошлетъ донесеніе патріарху, а тотъ нарядитъ строгій судъ надъ

---

[1]) См. Уставъ Львовскаго братства—Памятники кіевской коммиссіи, т. III, отд. I. стр. 1—21.

Digitized by Google

обвиненнымъ, или же прямо пришлетъ грамоту о низложеніи. А много-ли между тогдашними владыками было такихъ, которые съ спокойною совѣстью могли бы предстать предъ этимъ судомъ и въ жизни которыхъ не нашлось бы каноническихъ поводовъ къ низложенію? Владыки холмскій (Діонисій Збируйскій) и пинскій (Леонтій Пельчицкій) святительствовали живя открыто съ женами и укрывая въ своихъ епархіяхъ священниковъ-двоеженцевъ и троеженцевъ, за что послѣдній уже и получилъ однажды отъ патріарха строгое замѣчаніе съ угрозою отлученія; владыка перемышльскій Михаилъ Копыстенскій также вступилъ на каѳедру въ женатомъ состояніи и не разведшись съ женою; львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ два раза уже подвергался патріаршему декрету о низложеніи за причиняемыя имъ насилія братству львовскому; что же касается луцкаго владыки Кирилла Терлецкаго, то мы упоминали уже о нѣкоторыхъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ былъ тогда обвиняемъ, а ниже сообщимъ и о другихъ, еще болѣе тяжкихъ обвиненіяхъ, возбужденныхъ противъ него открыто, на судѣ. Спрашивается, могли ли эти владыки оставаться спокойными въ виду неусыпнаго наблюденія за ихъ жизнью со стороны церковныхъ братствъ? да и вообще, могли ли они примириться съ новыми явленіями, лишь незадолго передъ тѣмъ возникшими въ западнорусской церкви: съ братствами новаго типа, облеченными правомъ надзора за жизнью духовенства, съ ихъ вмѣшательствомъ въ дѣла церковнаго управленія, съ ихъ требованіями преобразовательныхъ мѣръ въ церковномъ строѣ, съ ихъ постоянными апелляціями къ суду патріарха? Современный писатель, анонимный авторъ „Перестороги“, влагаетъ въ уста луцкому епископу Кириллу Терлецкому слѣдующую характерную рѣчь, которую онъ будто бы держалъ къ своимъ собратьямъ-владыкамъ, и которая лучше всего рисуетъ тогдашнія ихъ тревоги: „Теперь восточные патріархи, имѣя свободный путь въ землю московскую, станутъ часто ѣздить туда для сбора милостыни и, ѣдучи въ Москву и назадъ, не могутъ миновать и насъ; имѣя же королевскія разрѣшительныя грамоты на право чинить судъ и распоряженія въ нашей церкви, не преминутъ всякій разъ пользоваться этимъ правомъ и станутъ снова мутить между нами. Вѣдь вотъ Іеремія низложилъ уже одного митрополита, и какое безчестье учинилъ ему этимъ! Притомъ же и братства утвердилъ, которыя будутъ и теперь уже суть нашими го-

Digitized by Google

нителями: хотя чего и не будетъ, то они взведутъ на насъ и обжалуютъ патріарху; а за тѣмъ, сохрани Богъ, низложатъ ли кого изъ насъ съ епископіи, то сами посудите, какое то будетъ безчестье! Господарь король жалуетъ намъ достоинства наши пожизненно и не отнимаетъ ихъ ни у кого иначе, какъ только за тяжкія преступленія, караемыя смертью; а патріархъ по пустымъ оговорамъ можетъ каждаго изъ насъ обезчестить лишеніемъ сана! Посудите же сами, какая это тяжкая неволя!“ [1]) Чтобы освободиться отъ этой „неволи“, владыки готовы были рѣшиться на всякое средство и прежде всего попытались бороться противъ ближайшихъ своихъ „гонителей“ — братствъ; но борьба эта не привела ни къ чему и только повредила архіереямъ въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ братства стояли за правое и всѣми одобряемое дѣло: стремились ввести лучшій порядокъ церковный, открывали школы, какихъ до того времени и не было на Руси, заводили типографіи, умножали число ученыхъ людей, и этими дѣйствіями съ каждымъ днемъ завоевывали все большія симпатіи во всѣхъ слояхъ западно-русскаго общества и привлекали на свою сторону даже князей и знатныхъ дворянъ, съ охотою записывавшихся въ братскіе „реестры“ и оказывавшихъ братствамъ помощь и защиту. Напрасно владыки поднимали вопль о томъ, будто патріархъ отнялъ у нихъ всю церковную власть и вручилъ ее простымъ „хлопамъ“-братчикамъ, которые-де не повинуются власти своихъ епископовъ и осмѣливаются обсуждать ихъ образъ дѣйствій. Эти жалобы встрѣчали поддержку лишь за предѣлами православной перкви, въ средѣ католическаго клира и особенно іезуитовъ, которые, разсматривая съ своей точки зрѣнія соборные порядки и учрежденія православно-русской церкви, давно уже твердили о порабощеніи будто бы православными мірянами своихъ пастырей и указывали въ этомъ явленіи Божье наказаніе, постигшее якобы православную іерархію за ея отступленія отъ власти римскаго первосвященника [2]); мысль эту часто развивалъ предъ Терлецкимъ его ближайшій сосѣдъ, луцкій католическій бискупъ Бернардъ Мацѣевскій, склоняя его къ уніи. Можно легко пред-

[1]) Акты зап. Россіи, т. IV, № 149.

[2]) Эта мысль обстоятельно изложена, наприм., въ извѣстномъ сочиненіи іезуита П. Скарги „О единствѣ церкви Божьей“, изданномъ въ 1577 г. въ видахъ пропаганды въ зап. Руси идеи церковной уніи.

Digitized by Google

ставить, какое дѣйствіе эти рѣчи оказывали на мало образованныхъ богословски, но привыкшихъ къ властолюбію и своеволію русскихъ архіереевъ, до крайности тяготившихся вмѣшательствомъ братствъ въ церковныя дѣла и надзоромъ за ихъ дѣйствіями. Они издавна любили приравнивать іерархическія права свои къ правамъ католическихъ бискуповъ и тѣмъ сильнѣе чувствовали неравенство съ ними въ другихъ, житейскихъ отношеніяхъ. Католическіе прелаты и бискупы не имѣли и понятія о тѣхъ стѣсненіяхъ, какимъ подвергались они, русскіе архіереи, называвшіе свое положеніе „тяжкою неволей“. Первые сами любили хвалиться, что ихъ пасомые міряне не только не управляютъ ими, какъ то дѣлается будто бы у православныхъ, но напротивъ, отдаютъ имъ слѣпое послушаніе въ духовныхъ и даже въ мірскихъ дѣлахъ,— при чемъ всегда намекали, что такое же положеніе было-бы удѣломъ и русскаго духовенства, если бы оно признало надъ собою власть папы. Русскимъ владыкамъ было извѣстно, что католическіе бискупы имѣли мѣста въ сенатѣ и пользовались почетомъ наравнѣ съ высшими сановниками въ государствѣ; что они ни отъ кого не зависѣли, кромѣ папы и отчасти короля; что они вели праздную и роскошную жизнь, предавались излишествамъ—и никто не вмѣшивался въ это, никто не угрожалъ имъ за это судомъ и низложеніемъ; что они чинили свѣтскимъ людямъ насилія, часто совершали преступленія — и оставались безнаказанными, потому что не хотѣли признавать надъ собою власти свѣтскихъ судовъ и всегда могли обратить въ ничто ихъ декреты, потребовавъ перенесенія дѣла въ Римъ на судъ папы. Это вельможное положеніе католическаго духовенства издавна составляло предметъ зависти для западно-русскихъ владыкъ; и вотъ теперь отъ имени папы и короля обѣщали предоставить имъ такое же положеніе подъ условіемъ, чтобы они приняли унію, или точнѣе, согласились промѣнять іерархическую зависимость отъ восточнаго патріарха на подчиненіе римскому первосвященнику. Что могло удержать русскихъ владыкъ отъ соблазна принять это предложеніе? Чувство духовнаго единенія съ своими пасомыми? Но пасомые давно потеряли къ нимъ послѣднее уваженіе и въ лицѣ своихъ представителей — братствъ требовали въ то время соборнаго суда надъ ними. Или, можетъ быть, сила и искренность православныхъ убѣжденій? Но изъ всего, что намъ извѣстно о характерѣ вѣрованій той шляхет-

Digitized by Google

ской среды, изъ которой западно-русскіе владыки непосредственно восходили на іерархическія каѳедры, а еще болѣе изъ оцѣнки ихъ личныхъ поступковъ, отношенія къ пастырскому долгу и т. под., можно, кажется намъ, вывести безошибочное заключеніе, что между тогдашними представителями высшаго западно-русскаго духовенства совсѣмъ почти не было искренно и глубоко вѣрующихъ людей, сознательно преданныхъ православію. Большинство изъ нихъ были люди довольно безразличные въ религіозномъ отношеніи, въ родѣ, напр., самого же Кирилла Терлецкаго, о которомъ современники съ ироніей отзывались, что они ни мало не были бы удивлены, когда бы этотъ владыка „даже потурчился“ [1]); у другихъ же чувство вѣры не шло далѣе привычки къ церковной обрядности, которую имъ обѣщали оставить и при уніи.

И вотъ въ іюнѣ 1591 года на съѣздѣ западно-русскихъ архіереевъ, происходившемъ въ г. Брестѣ, была составлена первая грамота объ уніи, подписанная Кирилломъ Терлецкимъ, Гедеономъ Балабаномъ, Леонтіемъ Пельчицкимъ и Діонисіемъ Збируйскимъ — именно тѣми владыками, которые, какъ было упомянуто, болѣе другихъ имѣли поводовъ страшиться суда патріаршаго. Въ этой грамотѣ названные епископы заявляли о своей готовности признать своимъ пастыремъ намѣстника св. Петра, если только онъ согласится оставить безъ нарушенія всѣ церемоніи и обряды восточной церкви и если король обезпечитъ особыми грамотами ихъ „вольности“ и утвердитъ нѣкоторыя условія, которыя ими будутъ представлены. Веденіе этого дѣла они поручали своему „старшему брату“ Кириллу Терлецкому, экзарху и епископу луцкому и острожскому [2]).

Таково было происхожденіе и начало церковной уніи. Мы не выдѣляемъ участія въ этомъ дѣлѣ собственно Кирилла Терлецкаго, потому что, хотя онъ, по общепринятому мнѣнію, признается наравнѣ съ Ипатіемъ Потѣемъ, едва ли не главнымъ творцемъ и виновникомъ уніи, но при ближайшемъ изученіи дѣла не оказывается никакихъ достаточныхъ основаній, чтобы признать за нимъ это значеніе. Терлецкій былъ человѣкъ прежде всего мало образованный, составившій себѣ дурную репутацію въ православномъ

---

[1]) Апокрисисъ—Русская Историч. Библіотека, т. VII, стр. 1246.
[2]) Исторія русск. церкви, митропол. Макарія, т. IX, стр. 516.

Digitized by Google

обществѣ, не пользовавшійся никакимъ авторитетомъ ни въ средѣ мірянъ, ни въ средѣ духовенства, и уже по одному этому онъ не могъ быть иниціаторомъ уніи. Когда мы будемъ излагать біографію Ип. Потѣя, мы увидимъ, кому принадлежала дѣйствительная иниціатива въ этомъ дѣлѣ. Терлецкій же собственно прислужился этому дѣлу лишь тѣмъ, что подъ вліяніемъ затруднительныхъ обстоятельствъ своего личнаго положенія въ то время, а еще болѣе благодаря присущей его характеру привычкѣ дѣйствовать всегда по первому впечатлѣнію и не задумываясь отваживаться на самыя рискованныя предпріятія, онъ смѣло и рѣшительно сдѣлалъ такой шагъ, надъ которымъ еще задумывались другіе владыки, т. е. первымъ изъ архіереевъ высказался за принятіе уніи. Само собою разумѣется, что онъ не былъ искренно убѣжденъ въ истинности идеи уніи—да едва ли у него и вообще имѣлись какія-нибудь искреннія убѣжденія,— а дѣйствовалъ онъ исключительно по чувству своекорыстія, изъ желанія выслужиться предъ польскимъ правительствомъ и тѣмъ улучшить свое личное положеніе. Разсмотрѣніе дальнѣйшей дѣятельности Терлецкаго на пользу уніи, надѣемся, послужитъ подтвержденіемъ сказанному.

Нѣтъ сомнѣнія, что Терлецкій, уполномоченный своими единомышленниками-архіереями начать дѣло объ уніи, тотчасъ же поспѣшилъ довести до свѣдѣнія короля о состоявшемся на брестскомъ съѣздѣ постановленіи. И понятно, какъ должно было быть пріятно королю Сигизмунду и его руководителямъ это первое формальное заявленіе четырехъ русскихъ епископовъ о соглашеніи ихъ приступить къ уніи съ римскою церковью. Но, видно, личность уполномоченнаго не внушала королю большого довѣрія, что онъ не сразу рѣшился дать отвѣтъ на представленное ему заявленіе. И только 15 мая 1592 г., т. е. почти чрезъ годъ, появилась отвѣтная королевская грамота, въ которой Сигизмундъ III объявлялъ что съ радостью принимаетъ спасительное намѣреніе русскихъ епископовъ подчиниться власти единаго святѣйшаго пастыря римскаго, и удостовѣрялъ своимъ господарскимъ словомъ за себя и за всѣхъ своихъ преемниковъ, что если названные епископы по какимъ либо причинамъ подвергнутся неблагословенію и клятвамъ отъ патріарховъ, то все это не причинитъ имъ ни малѣйшаго вреда; кромѣ того, король обѣщалъ также господарскимъ словомъ, что какія-бы ни послѣдовали впредь жалобы и обвиненія противъ озна-

Digitized by Google

ченныхъ епископовъ, онъ никогда не отниметъ у нихъ епископскихъ каѳедръ и имѣній, которыми они владѣютъ, и не отдастъ другимъ; напротивъ еще придастъ имъ новыя вольности и льготы, какими пользуются римскіе духовные [1]).

На первый разъ это только и нужно было Терлецкому. Обезпеченный королевскимъ обѣщаніемъ, онъ могъ теперь спокойно думать о будущемъ и не опасался болѣе потерять богатый свой „хлѣбъ духовный". Черезъ мѣсяцъ онъ уже успѣлъ примириться съ недавнимъ своимъ врагомъ — луцкимъ старостою и уничтожилъ всѣ начатыя противъ него судебныя тяжбы. Послѣ всего этого владыка не имѣлъ болѣе побужденій сдерживать буйные порывы своей широкой натуры, и съ того времени въ судебныхъ книгахъ безпрестанно встрѣчаются самыя разнообразныя жалобы на его своеволіе. Прежде всего онъ поспѣшилъ свести счеты съ своими личными недоброжелателями, успѣвшими захватить нѣкоторыя церковныя земли въ то время, когда онъ былъ занятъ тяжбами съ старостою. Послѣдовалъ рядъ вооруженныхъ наѣздовъ, грабежей и разныхъ насилій. Съ особенною жестокостью было совершено отобраніе имѣнія Фалимичъ, захваченнаго королевскимъ секретаремъ Броневскимъ. Здѣсь въ то время случайно находился пріятель Броневскаго шляхтичъ Гижовскій. Во время ночнаго штурма онъ былъ тяжело раненъ пулею и ему отрубили кисть правой руки. Когда его, истекавшаго кровью, привели къ Терлецкому, послѣдній не только воспретилъ допустить къ нему фельдшера для подачи необходимой помощи, но еще приказалъ посадить несчастнаго шляхтича въ заключеніе, гдѣ голодомъ и холодомъ морилъ его въ теченіе 12-ти недѣль и по временамъ приказывалъ истязать его въ своемъ присутствіи [2]). А въ февралѣ 1594 г. противъ Терлецкаго возбуждено было обвиненіе, представляющее по своей чрезвычайности, быть можетъ, единственный примѣръ въ лѣтописяхъ уголовныхъ проступковъ высшаго духовенства: владыка обвинялся на судѣ въ томъ, будто онъ въ пьяномъ видѣ велѣлъ задержать въ одномъ изъ своихъ имѣній проѣзжую крестьянскую дѣвушку Палажку и, приведя къ себѣ въ домъ, изнасиловалъ ее. Нѣсколько дней въ гродскомъ владиміръ-волынскомъ судѣ происходило публичное разбира-

---

[1]) Акты Южной и Зап. Руси. т. I, № 202.
[2]) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 6, № XLVII и L.

Digitized by Google

тельство этого скандальнѣйшаго дѣла въ личномъ присутствіи обвиняемаго. Впрочемъ, судъ призналъ обвиненіе недоказаннымъ и оправдалъ епископа; но обвинитель п. Янъ Циминскій (помѣщикъ якобы потерпѣвшей дѣвушки) остался недоволенъ этимъ декретомъ и перенесъ дѣло въ люблинскій трибуналъ, гдѣ оно тянулось еще девять лѣтъ и окончательно было рѣшено лишь въ 1603 г. утвержденіемъ первоначальнаго рѣшенія гродскаго суда [1]).

Среди этихъ личныхъ хлопотъ, Терлецкому нельзя было забывать и другаго, болѣе важнаго дѣла, благодаря которому онъ только и могъ оставаться спокойнымъ въ виду столь тяжкихъ обвиненій. Дѣло объ уніи не прекращалось, оно велось тайно и хотя медленно но подвинулось впередъ уже на столько, что одинъ изъ участниковъ его, все тотъ же отважный Кириллъ Терлецкій, счелъ не нужнымъ болѣе скрывать свое участіе въ немъ. Въ маѣ 1594 г. владыка явился въ тотъ самый гродскій владимірскій судъ, въ которомъ за два мѣсяца предъ тѣмъ онъ судился по дѣлу о Палажкѣ, и просилъ внести въ актовыя книги запись о томъ, что „по волѣ и промышленію Бога въ Тройцѣ єлавимаго и при усердномъ стараніи и содѣйствіи его королевской милости и пановъ радъ, духовныхъ и свѣтскихъ, совершилось давно желанное примиреніе и соединеніе между двумя столько времени разрозненными по вѣрѣ церквами восточною и западною, съ признаніемъ святѣйшаго папы римскаго верховнымъ пастыремъ и намѣстникомъ апостольскимъ; а чтобы основательнѣе утвердить это соединеніе и засвидѣтельствовать покорность святѣйшему отцу папѣ, его королевская милость опредѣлилъ послать въ Римъ двухъ особъ: въ Бозѣ велебнаго о. Ипатія Потѣя, епископа владимірскаго, и меня, епископа луцкаго, и на разныя дорожныя потребности позволилъ мнѣ своею грамотою заложить одно изъ церковныхъ имѣній.“ Далѣе въ записи Терлецкаго говорилось о томъ, что онъ дѣйствительно заложилъ одно изъ такихъ имѣній п. Станиславу Кандыбѣ на 40 лѣтъ, занявъ у него 2,000 польскихъ золотыхъ [2]). Впрочемъ, намъ кажется нѣсколько странною эта поспѣшность Терлецкаго въ сборахъ къ путешествію въ Римъ: не хотѣлъ-ли онъ въ своихъ личныхъ видахъ

---

[1]) Почти всѣ относящіеся къ этому процессу документы напечатаны въ „Арх. ю.-з. Россіи“ ч. 1. т. 1 №№ 94—100 и ч. I т. 6, № CXXXI.

[2]) Архивъ Югозап. Р., ч. I т. I, № 101.

Digitized by Google

импонировать на общественное мнѣніе, поторопившись огласить о томъ почетномъ назначеніи, какого онъ удостоился со стороны короля? Въ дѣйствительности же до поѣздки въ Римъ было еще далеко. Въ дѣлѣ объ уніи не доставало еще очень многаго и притомъ весьма существеннаго: не были выработаны окончательныя условія для предположеннаго соединенія церквей, а главное—не доставало еще формальнаго согласія на унію со стороны митрополита и остальныхъ епископовъ (кромѣ извѣстныхъ четырехъ). Добиться такого согласія—это лежало уже на обязанности самихъ депутатовъ и преимущественно Терлецкаго, заявившаго себя въ глазахъ правительства иниціаторомъ уніи. Не извѣстно, что предпринимали они для достиженія этой цѣли, но только въ декабрѣ того же 1594 г. по ихъ стараніямъ былъ составленъ отъ лица всѣхъ западнорусскихъ іерарховъ декретъ или приговоръ объ уніи [1]) Въ то же время, по приглашенію Терлецкаго, нѣкоторые епископы съѣхались въ г. Сокаль и здѣсь составлена была первая редакція „артыкуловъ“ или условій, на основаніи которыхъ должна быть заключена унія. Въ этихъ условіяхъ не было и упоминанія о томъ, должно-ли быть и при уніи сохранено въ западнорусской церкви православное ея вѣрованіе и тѣ догматы, въ которыхъ она существенно расходится съ римскою церковью, и только въ одномъ пунктѣ шла рѣчь о неприкосновенности православныхъ обрядовъ и церемоній; но за то здѣсь очень много говорилось о правахъ владыкъ, о мѣстѣ для нихъ въ сенатѣ, объ ихъ пожизненной несмѣняемости на занятыхъ уже каѳедрахъ и наконецъ вообще о предоставленіи имъ такихъ же свободъ и вольностей, какія были присвоены въ польскомъ государствѣ католическимъ бискупамъ. Не были забыты въ этихъ условіяхъ и братства церковныя: владыки требовали, чтобы были уничтожены „листы и привилегіи, какіе понадавали у насъ патріархи ради прибытковъ своихъ братствамъ и на разныя справы въ народѣ, отъ чего размножились секты и ереси.“ Представленіе этихъ „артыкуловъ“ королю и панамъ радамъ было поручено опять тому же Кириллу Терлецкому.

Почти весь слѣдующій 1595 годъ прошелъ для Терлецкаго въ большихъ хлопотахъ. Нужно было окончательно договориться съ польскимъ правительствомъ и высшимъ католическимъ духовен-

---

[1]) Архивъ Зап. Р., т. IV, № 53.

Digitized by Google

ствомъ относительно всѣхъ подробностей уніи, чтобы имѣть возможность, наконецъ, предпринять давно назначенное посольство въ Римъ. Терлецкій безпрестанно ѣздилъ то къ митрополиту, то къ королю, то къ папскому нунцію, то къ коронному канцлеру, и обнаруживалъ столько усердія, что возбудилъ даже ревность въ сердцѣ своего ближайшаго сотрудника Ипатія Потѣя, который жаловался, будто при дворѣ говорятъ о немъ: „на кого мы болѣе всего надѣялись, тотъ теперь хуже всѣхъ.“ Даже митрополитъ Рагоза, который всѣ сношенія и переговоры съ правительствомъ велъ черезъ Терлецкаго, мало довѣрялъ послѣднему, и зная его хитрую, склонную къ интригамъ натуру, постоянно опасался, какъ бы тотъ не отнялъ у него митрополичьей каѳедры. Онъ и князя Острожскаго не разъ предостерегалъ на счетъ Терлецкаго и совѣтовалъ ему, какъ можно болѣе „беречься этого райскаго змія и коварной лисицы.“ [1])

Наконецъ, всѣ переговоры были окончены и послы получили приказаніе готовиться къ выѣзду въ Римъ. Видно, Терлецкій успѣлъ истратить вырученныя за церковное имѣніе 2.000 золотыхъ, такъ какъ для покрытія издержекъ на предстоящее путешествіе король вторично разрѣшилъ ему отдать въ аренду на 20 лѣтъ всѣ церковныя имѣнія луцкой епархіи, и въ тотъ же день подписалъ приказъ, чтобы всѣ судебныя дѣла, касающіяся Потѣя и Терлецкаго, были пріостановлены до ихъ возвращенія изъ Рима. Пускаясь въ дальній путь, Кириллъ нашелъ нужнымъ написать свое духовное завѣщаніе, которое и внесъ въ книги королевской канцеляріи. Въ концѣ сентября 1595 г. оба владыки выѣхали изъ Кракова съ немалою свитою изъ духовныхъ лицъ и мірянъ, и черезъ семь недѣль прибыли въ Римъ. Папа принялъ ихъ весьма ласково, помѣстилъ въ роскошномъ дворцѣ неподалеку отъ своего замка и приказалъ отпускать для нихъ въ изобиліи все необходимое. 23-го декабря въ большой залѣ папскаго дворца происходило торжественное засѣданіе священной коллегіи, во время котораго западно-русскіе владыки исполнили возложенное на нихъ порученіе и присягнули отъ себя и отъ лица остальныхъ архіереевъ на вѣчное соединеніе западно-русской церкви съ римскою

[1]) Исторія русск. церкви, митроп. Макарія, т. IX, стр. 580. Русск. историч. библіотека, т. VII, стр. 1058.

Digitized by Google

и полное подчиненіе ея власти римскаго первосвященника. На другой день, въ праздникъ Рождества Христова, оба они служили вмѣстѣ съ папою въ храмѣ св. Петра, занимая мѣста выше всѣхъ латинскихъ епископовъ; и въ послѣдующее время папа неоднократно приглашалъ ихъ къ сослуженію съ собою, часто принималъ ихъ въ своемъ дворцѣ и сдѣлалъ обоихъ своими „придворными прелатами“. Наконецъ, въ началѣ февраля 1596 г. Терлецкій и Потѣй выѣхали изъ Рима, и 3-го марта луцкій бискупъ Бернардъ Мацѣевскій воспѣлъ въ своемъ костелѣ *Te Deum laudamus* (т. е. благодарственный молебенъ) по тому случаю, что „владыки луцкій и владимірскій пріѣхали изъ Рима въ добромъ здоровьи, счастливо и съ радостными вѣстями“.

Но не радостныя вѣсти застали владыки у себя дома: вся Литва и юго-западная Русь волновалась и громко выражала свое негодованіе противъ іерарховъ, опозорившихъ себя вѣропредательствомъ. Какъ разъ въ это самое время въ Варшавѣ былъ созванъ генеральный сеймъ, и съѣхавшіеся сюда земскіе послы отъ воеводствъ: кіевскаго, волынскаго, минскаго, новогородскаго, полоцкаго и другихъ подали отъ имени своихъ избирателей просьбы королю, чтобы епископы Терлецкій и Потѣй были лишены архіерейскихъ каѳедръ за то, что безъ вѣдома православныхъ и своихъ духовныхъ начальниковъ—восточныхъ патріарховъ ѣздили въ Римъ и самовольно отдались подъ власть папы; а за тѣмъ тѣ же послы съ княземъ Константиномъ Острожскимъ во главѣ заявили торжественно предъ лицемъ сейма, что они и весь русскій народъ не бубутъ болѣе признавать означенныхъ владыкъ своими пастырями и не станутъ допускать ихъ духовной власти въ своихъ имѣніяхъ. Какъ ни много Терлецкій и Потѣй надѣялись на короля, но и на нихъ не могли не произвести самаго тяжелаго впечатлѣнія такіе сильные протесты. Кириллъ Терлецкій до того даже испугался, что на всякій случай все движимое имущество свое велѣлъ вывести изъ Луцка и отдалъ для храненія одному пинскому мѣщанину. Кромѣ того, онъ обратился къ королю съ просьбой вторично пожаловать ему грамоту на луцкую епископію. И король выдалъ ему такую грамоту и въ ней снова удостовѣрилъ за себя и за своихъ преемниковъ, что никогда не удалитъ Кирилла и никому не позволитъ удалить его отъ луцкой епископіи и принадлежащихъ ей „маетностей“. Сверхъ того, король предоставилъ еще Терлец-

Digitized by Google

кому въ пожизненное управленіе Кобринскій спасскій монастырь со всѣми его имѣніями.

Опускаемъ дальнѣйшую исторію провозглашенія уніи и наступившей за тѣмъ борьбы между православными и уніатами, такъ какъ во всѣхъ этихъ событіяхъ Кириллъ Терлецкій не принималъ сколько-нибудь активнаго участія. Унія сама по себѣ не была для него цѣлью, а только лишь средствомъ для достиженія личныхъ цѣлей; поэтому, возвратившись изъ Рима, Терлецкій счелъ свою роль исполненною до конца. Его, конечно, сначала тревожило то, что на брестскомъ соборѣ православные провозгласили его лишеннымъ епископскаго сана, что они неоднократно обращались къ правительству съ требованіями отобрать отъ него епархію и вручить ее православному пастырю, не разъ даже звали его къ сеймовому суду; но убѣдившись, что всѣ эти домогательства лишить его „хлѣба духовнаго“ никогда не увѣнчаются успѣхомъ, Терлецкій совершенно успокоился и съ тѣхъ поръ погрузился совсѣмъ въ заботы о личныхъ дѣлахъ, предоставивъ другимъ заботиться о судьбѣ уніи.

Мы упомянули, что король, въ награду за хлопоты по дѣламъ уніи, далъ Терлецкому Кобринскій монастырь. Но ему давно хотѣлось имѣть не этотъ, а другой, болѣе богатый монастырь—Жидичинскій, находившійся почти въ самомъ предмѣстьи г. Луцка. Въ половинѣ XVI ст. богатства этого монастыря неоднократно служили яблокомъ раздора между западно-русскими владыками. Въ послѣдній разъ его взялъ съ бою (въ 1585 г.) львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, успѣвшій потомъ выхлопотать себѣ и королевскую грамоту на архимандрію жидичинскую. Когда Терлецкій былъ переведенъ на луцкую каѳедру, онъ тотчасъ же сталъ обнаруживать свои виды на этотъ монастырь, что и послужило первою причиною враждебныхъ отношеній между нимъ и львовскимъ владыкою. Въ 1589 г. Балабанъ, съ королевскаго разрѣшенія, уступилъ Жидичинскій монастырь своему племяннику, шляхтичу Григорію Балабану, который и сталъ управлять имъ въ званіи „нареченнаго архимандрита“, не принимая церковнаго посвященія. Съ этимъ-то Григоріемъ Балабаномъ и началась у Терлецкаго чрезвычайно упорная борьба, продолжавшаяся до самой его смерти и полная самыми разнообразными приключеніями. Дѣло началось съ того, что въ мартѣ 1596 г.

Digitized by Google

Григорію Балабану было доставлено присланное изъ Рима отъ Терлецкаго письмо на имя его дяди, владыки львовскаго. Когда Григорій распечаталъ это письмо и поднесъ его къ глазамъ, чтобы разобрать подпись, его вдругъ обдало какою-то пылью и онъ внезапно впалъ въ обморокъ. Къ счастью, при немъ случился его братъ, который бывалъ въ чужихъ земляхъ и зналъ, что тамъ подобные ядовитые порошки часто посылаются въ письмахъ, при чемъ ему извѣстны были нѣкоторыя противоядія, при помощи которыхъ и удалось спасти Григорія отъ наглой смерти. Но не успѣлъ Балабанъ оправиться отъ этого случая, какъ со стороны слугъ Терлецкаго, побывавшихъ въ Римѣ, совершена была вторичная попытка отравить его чрезъ рукопожатіе. На этотъ разъ послѣдствія отравы были довольно серьезны: возный, свидѣтельствовавшій больнаго, донесъ уряду, что нашелъ Балабана едва живымъ, а на тѣлѣ его видѣлъ желтыя пятна величиною съ таляръ; онъ свидѣтельствовалъ также слюну больнаго и нашелъ, что она была густа и тянулась непрерывною нитью длиннѣе человѣческаго роста. Балабанъ долго болѣлъ послѣ этого случая, а выздоровѣвъ, позвалъ на судъ Терлецкаго [1]).

Послѣ этого Терлецкій открыто и настойчиво началъ преслѣдовать своего противника и, между прочимъ, обратился къ королю съ ходатайствомъ объ удаленіи Балабана, какъ человѣка свѣтскаго, отъ управленія монастыремъ. Тогда Балабанъ отправился къ своему дядѣ, львовскому епископу, и принялъ отъ него посвященіе въ санъ архимандрита. У Терлецкаго истощилось, наконецъ, терпѣніе: потерявъ надежду вытѣснить противника законнымъ путемъ, онъ прибѣгнулъ къ насилію. Въ одну ночь (въ 1597 г.) монастырь былъ окруженъ вооруженными людьми, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, которые разомъ открыли ружейную пальбу и съ крикомъ вломились чрезъ монастырскія стѣны. Разбуженный необычайнымъ шумомъ, Балабанъ выбѣжалъ изъ келіи и, не зная, гдѣ искать спасенія, бросился по лѣстницѣ на кровлю монастырской церкви; его примѣру послѣдовали растерявшіеся со страха слуги и ночевавшіе у него тогда гости. Нападавшіе не сразу замѣтили, куда дѣвался архимандритъ. Онъ былъ уже высоко на церкви, когда раздалось: „онъ Балабанъ! бый, забый!“ — и ему

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть I, т. I №№ 116 и 117.

Digitized by Google

вслѣдъ пущено было нѣсколько выстрѣловъ. Но онъ успѣлъ достигнуть шеи церковнаго купола („бани“) и тамъ укрылся вмѣстѣ съ своими слугами. Нѣсколько дней послѣ этого происходилъ грабежъ монастырскаго имущества, а Балабанъ съ своими людьми все это время сидѣлъ на церкви, окруженный внизу архіерейскими гайдуками. Его неоднократно убѣждали сойти внизъ и добровольно уступить владыкѣ монастырь, угрожали вслучаѣ дальнѣйшаго его упорства взорвать порохомъ церковь, на которой онъ укрывался; но Балабанъ рѣшительно отказывался исполнить эти требованія. Наконецъ, прибыли въ монастырь родственники Балабана въ сопровожденіи урядовыхъ чиновниковъ, по требованію которыхъ толпа грабителей удалилась и злосчастный архимандритъ могъ, наконецъ, спуститься изъ своего страннаго заключенія. Началось судебное дѣло. Король принялъ сторону Терлецкаго и присудилъ въ его пользу Жидичинскій монастырь, основываясь на томъ, что Балабанъ былъ преданъ на брестскомъ соборѣ церковному отлученію за несогласіе приступить къ уніи. А тѣмъ временемъ монастырь еще не одинъ разъ переходилъ изъ рукъ въ руки при помощи грубаго насилія. Въ концѣ-концевъ Терлецкому не удалось восторжествовать надъ своимъ противникомъ, такъ какъ тотъ принялъ унію и этимъ тотчасъ же укрѣпилъ свои права на оспариваемый у него монастырь [1]).

Было бы слишкомъ долго перечислять другіе подвиги Терлецкаго, за которые онъ безпрестанно судился въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. Но не можемъ пройти молчаніемъ одного дѣла, которое въ свое время надѣлало много шуму и послужило для православныхъ орудіемъ къ тому, чтобы дискредитировать уніатскую партію въ глазахъ народа: то было дѣло объ утопленіи священника Добринскаго. Стефанъ Добринскій былъ священникомъ въ православномъ спасскомъ монастырѣ, находившемся въ предмѣстьи Луцка Чернчичахъ, имѣніи князя Константина Острожскаго. Это былъ весьма популярный человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ простомъ народѣ. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 г. и его имя мы встрѣчаемъ въ чи-

[1]) Многочисленные документы, относящіеся къ судебнымъ тяжбамъ между Терлецкимъ и Григ. Балабаномъ, напечатаны въ „Архивѣ Югозап. Россіи“, части I-й томы 1 и 6.

Digitized by Google

слѣ лицъ, подписавшихъ соборный актъ и давшихъ здѣсь торжественный обѣтъ стоять крѣпко за вѣру православную и всѣми силами противодѣйствовать распространенію уніи. За это онъ, въ числѣ другихъ ревнителей православія, былъ преданъ проклятію со стороны уніатскаго синода и объявленъ лишеннымъ священническаго сана. Живя въ Чернчицкомъ монастырѣ, подъ защитой могущественнаго князя Острожскаго, Стефанъ Добринскій смѣло и открыто боролся противъ уніи и, пользуясь большимъ вліяніемъ среди православнаго населенія, оказывалъ значительное противодѣйствіе замысламъ уніатовъ. Когда Кириллъ Терлецкій принялся обращать въ Луцкѣ православныя церкви въ уніатскія, то луцкіе горожане, лишенные православныхъ монастырей, всѣ, по словамъ автора „Перестороги“, „обернулися“ къ чернчицкому священнику „и тамъ у него набоженства заживати почали“. Этого не могъ простить о. Стефану владыка луцкій и, со свойственною ему неразборчивостью въ средствахъ къ достиженію задуманной цѣли, готовился прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы только избавиться отъ вреднаго сосѣда.

Однажды, въ началѣ декабря 1597 г., Стефанъ Добринскій былъ по дѣламъ въ г. Луцкѣ, гдѣ между прочимъ договорилъ какого-то кузнеца Павла подковать ему лошадей. Многіе видѣли, какъ о. Стефанъ, въ сопровожденіи кузнеца, поздно вечеромъ отправился пѣшкомъ въ свой монастырь, но потомъ оказалось, что онъ не возвращался домой и вообще съ той поры какъ его самого, такъ равно и бывшаго съ нимъ Павла кузнеца и слѣдъ простылъ. Когда слухъ о таинственномъ исчезновеніи о. Стефана распространился въ Луцкѣ, то многіе сначала шепотомъ, а далѣе все громче стали называть виновникомъ его гибели Кирилла Терлецкаго: говорили, что священникъ былъ убитъ слугами владыки и тѣло его утоплено въ рѣкѣ. Толки эти еще болѣе усилились, когда весною, по вскрытіи рѣки Стыра, найдены были тѣла погибшихъ. Тогда братъ погибшаго священника, шляхтичъ Николай Добринскій, собравъ ходившіе въ народѣ слухи и основываясь на показаніяхъ крестьянъ Чернчицкаго монастыря, занесъ въ судъ жалобу на владыку луцкаго, обвиняя его въ убійствѣ и утопленіи своего брата Стефана. Но въ рукахъ обвинителя долгое время не было достаточныхъ уликъ противъ Терлецкаго, какъ виновника преступленія, такъ какъ единственными свидѣтелями убійства могли быть

Digitized by Google

только слуги епископа, которые не имѣли побужденій или же боялись выдать его. Многіе, возмущенные совершеннымъ злодѣяніемъ, всѣми мѣрами старались содѣйствовать открытію его виновниковъ. Въ числѣ такихъ лицъ были слуги и урядники князя Острожскаго, дѣйствовавшіе въ этомъ случаѣ, вѣроятно, не безъ его воли. Съ помощью хитрости и даже насилія имъ удалось однажды увезти изъ города нѣкоторыхъ слугъ Терлецкаго, на которыхъ молва указывала, какъ на свидѣтелей преступленія, и передать ихъ въ руки обвинителя, который не замедлилъ представить ихъ въ судъ какъ очевидцевъ и участниковъ убійства и утопленія его брата. Показанія этихъ лицъ сразу пролили яркій лучъ свѣта на это темное дѣло. Вотъ, для примѣра, показаніе архіерейскаго псаломщика Демьяна: „Была у владыки давняя ненависть къ попу Чернчицкому, и онъ строго заказывалъ людямъ, чтобы никто къ нему не смѣлъ обращаться за молитвами и таинствами, и меня неоднократно посылалъ записывать тѣхъ, которые къ нему хаживали. И въ одно время, въ декабрѣ подъ праздникъ Николая русскаго, въ пятницу вечеромъ владыка не помню откуда пріѣхалъ въ Луцкъ, а на другой день ему доложили, что попъ Чернчицкій находится въ городѣ. Онъ тотчасъ же приказалъ мнѣ и другому слугѣ Мартинку слѣдить за попомъ. Мы слѣдили за нимъ и вечеромъ донесли владыкѣ, что попъ съ кузнецомъ вышли изъ города. Онъ немедленно отрядилъ въ догоню за ними Войтеха повара, Василія Коростеля, Вижгу венгрина, и мы съ Мартинкомъ отправились съ ними. Догнали мы попа противъ церкви Воскресенской и стали говорить ему, чтобы онъ къ владыкѣ шелъ. А было тогда около часу по наступленіи ночи. Тотъ попъ оказался пьянымъ и не хотѣлъ идти къ владыкѣ; но его повели силою и сдали на руки владыкѣ, па покои къ нему. Туда же вошли и тѣ, что привели попа, и домъ заперли за собою, а намъ не позволено было войти и строго заказано никому не говорить о случившемся. Что творилось далѣе съ попомъ— этого я не знаю. А на другой день, въ воскресеніе, когда въ городѣ пошла молва о гибели попа и было большое негодованіе въ народѣ, владыка говорилъ за обѣдомъ: „это проклятіе брестское и наши молитвы погубили его!“ а потомъ прибавилъ: „вотъ бѣда! еще станутъ говорить, что владыка попа утопилъ!“ [1]).

[1]) Архивъ ю.-з. Россіи, ч. I, т. 6, №№ LXXXI, XC, XCIV и XCV.

Digitized by Google

Дѣло объ утопленіи священника прошло чрезъ всѣ судебныя инстанціи и въ 1598 г. восходило даже на судъ сеймовый; но „за зволокою“ не было тогда разсмотрѣно и вмѣстѣ съ другими церковными „справами“ отложено до слѣдующаго сейма. Въ виду этого Николай Добринскій обратился къ православнымъ депутатамъ отъ русскихъ воеводствъ, отправлявшимся на сеймъ въ 1600 г., и просилъ ихъ настоять, чтобы дѣло объ убійствѣ Терлецкимъ его брата было, наконецъ, разсмотрѣно сеймомъ, и чтобы король „обачилъ справы того, который унѣю чинитъ и зводитъ“. Въ это же самое время православные позвали на сеймовый судъ Терлецкаго и Потѣя по обвиненію въ томъ, что, они, вопреки постановленію брестскаго православнаго собора объ ихъ низложеніи, продолжаютъ титуловаться епископами и пользоваться не принадлежащими имъ церковными имѣніями. Что происходило на сеймѣ при разсмотрѣніи этихъ двухъ обвиненій—объ этомъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. По словамъ автора „Перестороги“, оба уніатскіе архіереи съ видомъ угнетенной невинности „удались“ подъ защиту своего неизмѣннаго покровителя, короля Сигизмунда III, съ представленіемъ, что вотъ, дескать, милостивый господарь, совершается „новое и неслыханное дѣло: овечки на пастырей жалуются и насъ за пастырей своихъ не хотятъ признавать“ и т. под.; въ отвѣтъ на что раздались со всѣхъ сторонъ укоризны, что они своею уніею произвели смятеніе въ народѣ „начинили убійствъ и всякихъ нечистотъ намножили: о чемъ свѣдѣтства полные книги въ судѣхъ знайдешъ“; что кровь, пролитая владыками, вопіетъ къ небу объ отмщеніи. Въ общемъ интересъ возбужденнаго противъ Терлецкаго и Потѣя обвиненія касательно уніи былъ такъ великъ, что, можно думать, совершенно заслонилъ вниманіе сейма отъ другаго, сравнительно меньшей важности дѣла—объ убійствѣ священника. Неизвѣстно даже, состоялось ли какое-либо сеймовое рѣшеніе по этому дѣлу. Можно предполагать, что польское правительство всѣми мѣрами постаралось замять это дѣло, столь сильно компрометировавшее одного изъ дѣятелей уніатской партіи.

На сколько доказательнымъ представляется обвиненіе Терлецкаго въ убійствѣ чернчицкаго священника, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель. Съ своей же стороны напомнимъ, что это убійство составляетъ не единственное преступленіе подобнаго рода, приписываемое луцкому владыкѣ: современники обвиняли его сверхъ того

Digitized by Google

въ убійствѣ какого-то Филиппа Маляра „многопѣняжного“ съ цѣлью присвоенія его „румяныхъ золотыхъ“, въ чемъ, какъ мы упоминали, Терлецкій былъ уличенъ будто бы предъ лицемъ князя Острожскаго; а знаменитый полемистъ того времени, инокъ аѳонской горы Іоаннъ Вишенскій, въ одномъ изъ окружныхъ посланій, присылаемыхъ имъ въ Малую Русь, писалъ, обращаясь къ Терлецкому: „Пощупайся только въ лысую голову, ксенже бискупе луцкій: сколько ты за время своего святительства живыхъ послалъ къ Богу мертвыми: однихъ—сѣканною (т. е. чрезъ сѣченіе), другихъ—водотопленною, третьихъ—огнепальною смертью съ жизнью разлучилъ!“ [1]).

Кириллъ Терлецкій умеръ въ маѣ 1607 года, пробывъ въ санѣ епископа болѣе тридцати лѣтъ. Мѣсяца за полтора до своей смерти онъ написалъ „тестаментъ“ т. е. духовное завѣщаніе. Готовясь къ послѣднему расчету и мысленно обозрѣвая свою мятежную жизнь, старый грѣшникъ не могъ не испытывать душевной тревоги и ужаса предъ наступавшей для него вѣчностью, и вотъ что писалъ въ своемъ завѣщаніи: „рахуючи реестры сумненя (совѣсти) своего и споминаючи тяжкіе грѣхи мои, которыми Творца и Избавителя моего завжды ображалъ есмь, прошу Его святои Божескои милости, абы, не памятаючи злостей моихъ, не входилъ зо мною въ судъ и не выконывалъ надо мною грозного и страшного справедливого декрету своего, але по невымовному милосердю своему святому, въ которомъ я надѣю (надежду) мою покладаю, былъ милостивъ душѣ моей грѣшной“ [2]).

Въ томъ же завѣщаніи приведена подробная опись оставшагося послѣ Терлецкаго весьма богатаго состоянія, которое онъ распредѣлилъ между дочерью Ганною и братомъ Ярошемъ. Сверхъ наличныхъ денегъ, наслѣдникамъ досталось много векселей на большія денежныя суммы, которыя были „винни“ епископу разныя лица: мѣщане, купцы, евреи и знатные шляхтичи; изъ нихъ, наприм., долгъ жмудскаго каштеляна Нарушевича простирался на крупную сумму 14 000 червонцевъ. Всѣ эти долги были обезпе-

---

[1]) Акты южн. и зап. Россіи, т. II, стр 230.

[2]) Завѣщаніе Терлецкаго напечатано въ крайне испорченномъ видѣ въ I т. Археографич. Сборника. Мы нашли его въ современномъ спискѣ въ актовой книгѣ Луцк. гродскаго суда 1607 г., хранящейся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ.

Digitized by Google

чены залогами соотвѣтственной стоимости: землями, имѣніями, или же цѣнными вещами.

Кириллъ Терлецкій завѣщалъ похоронить его „учтиво, соборомъ, звычаемъ закону греческого хованія тѣлъ епископскихъ", въ соборной луцкой церкви Іоанна Богослова, при гробахъ его предмѣстниковъ, владыкъ луцкихъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ прибавить нѣсколько замѣчаній къ вопросу о нравственной характеристикѣ личности Терлецкаго. Никто, надѣемся, не станетъ оспаривать того, что Кириллъ Терлецкій былъ во всѣхъ отношеніяхъ недостойнѣйшій пастырь и не высокой нравственности человѣкъ; что онъ представляетъ собою типъ грубаго эгоиста-стяжателя, дерзнувшаго надѣть на себя святительскую одежду ради богатыхъ „хлѣбовъ духовныхъ" и не задумавшагося стать предателемъ интересовъ вѣры и церкви ради достиженія личныхъ эгоистическихъ цѣлей; что отличительными чертами его характера были: хитрость, пронырство и склонность къ интригамъ. Сомнѣніе можетъ быть въ одномъ лишь пунктѣ: дѣйствительно ли онъ былъ такимъ уже до крайности порочнымъ человѣкомъ, какимъ его изображаютъ современные и послѣдующіе историки? Въ своемъ мѣстѣ мы привели отчасти отзывы о Терлецкомъ двухъ его современниковъ: автора „Перестороги" и Іоанна Вишенскаго; оба они, какъ мы видѣли, характеризуютъ его самыми темными красками и приписываютъ ему рядъ позорнѣйшихъ преступленій. Приведемъ еще отзывъ третьяго современника—автора извѣстнаго православно-полемическаго сочиненія „Апокрисиса", изданнаго въ 1597 г., при жизни Терлецкаго. Отзывъ этотъ важенъ для насъ въ двухъ отношеніяхъ: онъ принадлежитъ жителю Волыни, какъ видно по всему, имѣвшему возможность близко наблюдать и во всѣхъ подробностяхъ знать частную жизнь Терлецкаго; кромѣ того, отзывъ этотъ напечатанъ въ сочиненіи, составленномъ и изданномъ при ближайшемъ содѣйствіи князя Константина Острожскаго, который едва ли допустилъ бы, чтобы въ немъ нашли себѣ мѣсто пасквиль и клевета. Вотъ что говоритъ авторъ „Апокрисиса" о Терлецкомъ: „Годилось бы намъ упомянуть о достоинствахъ, свойствахъ, поступкахъ и добродѣтеляхъ луцкаго владыки, который можетъ быть названъ первѣйшимъ посредникомъ, творцемъ, дѣятелемъ, плотникомъ и

Digitized by Google

созидателемъ этой падтлѣвшей уніи; но такъ какъ объ этомъ упоминать было бы и продолжительно, и сверхъ того сюда примѣшалось бы много такихъ вещей, о которыхъ и слушать скверно, то я и не хочу мерзить читателю подобнымъ предметомъ. Впрочемъ, тотъ край, въ которомъ я жилъ и живу, можетъ повѣдать всякому любопытствующему о его безпутствахъ, неприличныхъ не только духовной, но и свѣтской христіанской особѣ. Мы надѣялись, что поѣздка въ Римъ произведетъ въ немъ перемѣну къ лучшему; но вмѣсто исправленія жизни, онъ привезъ съ собою оттуда, вмѣстѣ съ гнилою уніею, безстыдныя книжки, наполненныя крайне соблазнительными рисунками, разсматриваніемъ которыхъ онъ насыщаетъ свои безбожныя очи и разжигаетъ въ себѣ скверную похоть. Не довольствуясь еще тѣмъ, что самъ въ разсматриваніи ихъ полагаетъ утѣху своей роскоши, онъ не стыдится ихъ показывать и честнымъ женамъ; благопристойно ли это—пусть всякій судитъ. Трудно ему запираться въ этомъ, потому что есть такіе, которые, если только онъ пожелаетъ, скажутъ это ему прямо въ глаза. По этимъ малымъ дѣламъ можно судить и о большихъ, о которыхъ умалчиваю, какъ сказано выше, избѣгая мерзливости“ [1]). И достойно вниманія, что противники православныхъ—уніаты, не оставлявшіе безъ возраженій ни одного факта, ни одного положенія, приводимаго въ православно-полемическихъ сочиненіяхъ, сколько извѣстно, никогда не выступали на защиту чести и добраго имени своего сподвижника, котораго противная сторона столь тяжко позорила. Съ тѣхъ поръ репутація Терлецкаго, по видимому, прочно установилась въ исторіи и всѣ послѣдующіе историки отзывались о немъ въ духѣ современныхъ ему православно-полемическихъ сочиненій. Но лѣтъ двадцать назадъ въ одномъ почтенномъ трудѣ по исторіи уніи сдѣлана была попытка обѣлить печальный историческій образъ Терлецкаго и отвергнуть всѣ неблагопріятные для его памяти отзывы современниковъ, объясняя ихъ ненавистью къ нему за измѣну православію и видя въ нихъ „явныя преувеличенія, не подтверждаемыя никакими оффиціальными памятниками того времени“. Въ ту пору документальная разработка западно-русской исторіи только еще начиналась и потому естественно было ду-

[1]) Русск. Историч. Библіотека, т. VII, стр. 1760.

Digitized by Google

мать, будто отзывы православныхъ полемистовъ XVI—XVII ст. о Терлецкомъ не подтверждаются оффиціальными памятниками того времени. Но съ тѣхъ поръ была открыта и отчасти издана громадная масса историко-юридическихъ матеріаловъ, относящихся къ прошлой жизни юго-западной Руси, а въ судебныхъ книгахъ тѣхъ временъ найдено множество дѣлъ и процессовъ, касающихся лично Терлецкаго—и что же оказалось? Всѣ эти „оффиціальные памятники“ не только въ главныхъ чертахъ подтверждаютъ извѣстія современниковъ о порочной жизни Терлецкаго, но представляютъ сверхъ того рядъ новыхъ, не менѣе позорныхъ обвиненій, въ свое время противъ него возбуждавшихся, о которыхъ мы находимъ лишь неясные намеки у современныхъ писателей. Конечно, не всегда обвиненія и на судѣ бываютъ вполнѣ добросовѣстны; въ особенности это случается въ эпохи сильныхъ общественныхъ возбужденій, при такомъ, наприм., разгарѣ партійныхъ страстей, какимъ сопровождалось въ юго-западной Руси введеніе уніи. Но нужно принять во вниманіе слѣдующія соображенія: во первыхъ, изъ разсмотрѣнія судебныхъ актовъ о Терлецкомъ видно, что не всегда его обвинителями являлись лица православныя; въ особенности это можно сказать объ одномъ изъ самыхъ позорныхъ процессовъ Терлецкаго. (о дѣвкѣ Палажкѣ), возбужденномъ шляхтичемъ Яномъ Циминскимъ, ополячѣнное личное и фамильное имя котораго, кажется, довольно ясно указываетъ на принадлежность его къ католическому исповѣданію, и будь это иначе, въ такомъ случаѣ самъ Терлецкій не преминулъ бы въ своей защитѣ указать на религіозные мотивы, руководившіе обвинителемъ, чего онъ, однако, не сдѣлалъ. Во вторыхъ, всякое обвиненіе, возбуждаемое судебнымъ порядкомъ, возлагало на обвинителя весьма серьезную отвѣтственность: по литовскому статуту лицо, возбудившее противъ кого-либо завѣдомо ложное обвиненіе, само подлежало той карѣ, какая опредѣлялась закономъ за преступленіе, служившее предметомъ обвиненія. Съ помощію этого закона, Терлецкому всякій разъ было бы не трудно наказать своихъ клеветниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самому очиститься отъ клеветы; а между тѣмъ онъ лишь однажды рѣшился воспользоваться этимъ закономъ, именно въ дѣлѣ съ Циминскимъ; но весьма знаменательно, что судъ не нашелъ возможнымъ подвергнуть послѣдняго наказанію за клевету, какъ того добивался Тер-

Digitized by Google

лецкій, тогда какъ это было бы лучшимъ средствомъ смыть позоръ, причиненный репутаціи владыки его обвиненіемъ. Наконецъ, въ третьихъ, не одинъ же Терлецкій измѣнилъ тогда православію; намъ извѣстны, напримѣръ, почти всѣ судебныя дѣла, касающіяся его сподвижника, Ипатія Потѣя, который занималъ болѣе видное положеніе въ уніатской партіи, несравненно ожесточеннѣе преслѣдовалъ православныхъ и былъ за то столь ими ненавидимъ, что они посягали даже на его жизнь;—и однакоже ни въ отзывахъ современниковъ, ни въ судебныхъ дѣлахъ мы не находимъ о Потѣѣ ничего подобнаго тѣмъ обвиненіямъ, какими и тамъ, и здѣсь опозорено имя Терлецкаго. Поэтому, допуская въ этихъ обвиненіяхъ извѣстную долю пристрастія, невѣрностей и преувеличеній, мы не имѣемъ, однако, достаточныхъ основаній отвергать ихъ относительную достовѣрность только лишь потому, что они касаются лица, принадлежавшаго къ такой сферѣ, которую нынѣ мы, люди другаго вѣка, привыкли считать высшею и болѣе свободною отъ недостатковъ.

Орестъ Левицкій.

Digitized by Google

Ипатій Потѣй, кіевскій уніатскій митрополитъ.

«Днесь — еретикъ и каштелянъ, а заутра — намѣстникъ Христовъ (именемъ, а не дѣломъ) и пастырь славы и чести вѣка сего». (Изъ неизданнаго посланія православнаго инока І. Вишенскаго, начала XVII в.).

Съ увѣренностью можно сказать, что церковная унія въ юго-западной Руси никогда не имѣла бы успѣха, если бы она опиралась лишь на сочувствіе и поддержку такихъ сторонниковъ, какимъ былъ Кириллъ Терлецкій, и другія ему подобныя лица изъ среды духовенства западно-русскаго. Къ несчастью, на ряду съ многочисленными сторонниками уніи, принимавшими ее изъ своекорыстныхъ побужденій и расчетовъ, въ средѣ тогдашняго западно-русскаго общества находились лица, которыя искренно ревновали объ уніи, были убѣждены въ пользѣ и даже необходимости ея для интересовъ западно-русской церкви и потому съ полнымъ усердіемъ содѣйствовали введенію уніи и затѣмъ столь же ревностно трудились надъ упроченіемъ ея. Такихъ людей было не особенно много, но все таки они были, къ сожалѣнію, и ихъ-то трудамъ и усиліямъ унія и была обязана своими успѣхами. Самымъ виднымъ представителемъ подобныхъ, убѣжденныхъ сторонниковъ уніи, по всей справедливости, долженъ считаться Ипатій Потѣй, которому латино-уніатскіе писатели заслуженно усвояютъ титулъ „апостола уніи“. Въ біографіи Терлецкаго мы старались выяснить тѣ общія условія тогдашняго состоянія западно-русской

Digitized by Google

церкви, подъ вліяніемъ которыхъ большинство русскихъ архіереевъ приступили къ уніи и старались заявить себя усердными, хотя далеко не безкорыстными ея ревнителями, теперь же, приступая къ изложенію біографическихъ свѣдѣній о Потѣѣ, мы обратимъ преимущественное вниманіе на тѣ причины, которыя создали изъ него добровольнаго и убѣжденнаго приверженца уніи. Причинъ этихъ слѣдуетъ искать отчасти въ особыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ его личной жизни, а еще болѣе — въ общемъ положеніи тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ въ юго-западной Руси.

По мѣсторожденію Ипатій (въ мірѣ Адамъ) Потѣй принадлежитъ Забужскому краю: онъ родился въ 1541 г. въ с. *Розанкѣ*, на лѣвомъ берегу р. Зап. Буга, въ нынѣшнемъ влодавск. у. сѣдлецкой губ. Его предки были искони русскіе, исповѣдывали православную вѣру и жили въ южной части брестскаго воеводства, на границѣ съ Холмскою землею, гдѣ имъ принадлежали помѣстья: с. Розанка и м. Влодава (нынѣшній у. городъ). Отецъ Адама, Левъ Потѣй занималъ видную должность литовскаго подскарбія и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ „писаремъ“ при вел. лит. князѣ Сигизмундѣ I. Такимъ образомъ молодой Адамъ выросъ въ придворной сферѣ, и не удивительно, что онъ получилъ очень хорошее образованіе: въ дѣтствѣ онъ учился въ кальвинской школѣ князя Радзивилла, извѣстнаго покровителя протестантовъ въ Литвѣ, а послѣ — въ краковской академіи. Окончивъ образованіе, Потѣй поступилъ на службу къ князю Радзивиллу [1]).

Молодость Потѣя совпала съ временемъ самаго сильнаго распространенія въ польско-литовскомъ государствѣ идей нѣмецкой реформаціи. Собственно въ Литвѣ центромъ новаго умственно-религіознаго движенія была столица ея Вильна и въ особенности дворъ молодаго тогда литовскаго князя Сигизмунда-Августа. Вос

---

[1]) Эти свѣдѣнія, равно какъ и многія другія біографическія подробности, заимствованы нами изъ стариннаго жизнеописанія Ип. Потѣя, составленнаго въ началѣ XVIII в. владимірскимъ уніатскимъ епископомъ Леономъ Кишкою и напечатаннаго въ приложеніи къ изданному имъ же въ 1714 г., въ Супраслѣ, сборнику проповѣдей Потѣя подъ заглавіемъ: Kazania y Homilie męża Bozego nieśmertelnej sławy y pamięci Nurasyusza Pocieja, metropolity Kijowskiego... и проч. Въ началѣ книги находится хорошій литограф. портретъ Потѣя, а далѣе слѣдуетъ его Żywot, составленный на основаніи живыхъ еще тогда преданій (часто очень ошибочныхъ) и письменныхъ матеріаловъ владимірской архіерейской библіотеки. Книга эта въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость. Экземпляръ ея мы нашли въ библіотекѣ кіевскаго университета.

Digitized by Google

питанный въ такое время, когда протестантскія идеи были господствующими во всей Европѣ и съ дѣтства находясь подъ вліяніемъ людей, проникнутыхъ этими идеями, Сигизмундъ-Августъ не скрывалъ своей расположенности къ реформаціи: онъ окружилъ себя въ Вильнѣ лицами свободнаго образа мыслей; изъ его собственной библіотеки раздавались для чтенія желающимъ сочиненія Лютера, Кальвина и др. реформаторовъ; его придворные проповѣдники безбоязненно распространяли новое ученіе, не смотря на угрозы и противодѣйствія со стороны латинскаго духовенства. Но главнымъ насадителемъ и распространителемъ протестантства въ Литвѣ былъ патронъ Потѣя, князь Николай Радзивиллъ Черный, воевода виленскій и канцлеръ литовскій. Онъ былъ двоюроднымъ братомъ любимой супруги короля Сигизмунда-Августа, Варвары, пользовался у него неограниченнымъ довѣріемъ и могуществомъ, владѣлъ огромными имѣніями и богатствами—и всѣ эти средства употреблялъ на утвержденіе въ своемъ отечествѣ новой вѣры (кальвинизма), съ которою познакомился еще въ юности, когда воспитывался въ заграничныхъ университетахъ. Онъ устроялъ протестантскіе храмы въ своихъ многочисленныхъ имѣніяхъ, вызывалъ отовсюду извѣстныхъ своею ученостью пасторовъ, основалъ (въ Кейданахъ) протестантскую гимназію, открылъ (въ Брестѣ и Несвижѣ) собственныя типографіи, не щадилъ средствъ на изданіе книгъ своего исповѣданія и въ 1563 г. напечаталъ въ Брестѣ кальвинскій переводъ библіи. Благодаря подобнымъ могущественнымъ покровителямъ, протестантсво въ самое короткое время распространилось по всей Литвѣ и соединеннымъ съ нею русскимъ областямъ. Самые богатые и вліятельные литовско-русскіе роды, каковы: Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, князья Вишневецкіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, князья Пронскіе, Головчинскіе, Горскіе и др. приняли новое ученіе. Слѣдуя ихъ примѣру, и остальная шляхта, въ особенности католическая, легко покидала вѣру предковъ и обращала въ своихъ имѣніяхъ костелы, а часто и православныя церкви, въ реформатскіе молитвенные дома, такъ что, по свидѣтельству самихъ же католиковъ, изъ 700 латинскихъ приходовъ, бывшихъ въ Литвѣ до появленія реформаціи, къ 1566 г. осталось не болѣе *шести*, всѣ же остальные перешли въ протестантство. Увлеченіе реформаціею было тогда въ Литвѣ и западной Руси до такой степени всеобщимъ,

Digitized by Google

что рѣдкій сколько-нибудь образованный человѣкъ оставался вполнѣ отъ него свободнымъ [1]).

Не остался свободнымъ отъ него и молодой, блестяще образованный Адамъ Потѣй. Подобно другимъ своимъ сверстникамъ и соотечественникамъ (Ходкевичамъ, Воловичамъ, Сопѣгамъ и др.), онъ также оставилъ вѣру своихъ предковъ и сдѣлался протестантомъ, именно кальвинистомъ или евангеликомъ, т. е. принялъ то исповѣданіе, которому такъ ревностно покровительствовалъ его патронъ, князь Радзивиллъ. Въ этомъ исповѣданіи Потѣй оставался довольно продолжительное время, приблизительно до 33-хъ-лѣтняго своего возраста; но затѣмъ неожиданно оставилъ его и снова возвратился въ православіе, которое всегда содержали его предки. Еще раньше онъ оставилъ службу у Радзивилла, перешелъ на службу королевскую и получилъ должность, которую нѣкогда занималъ его отецъ, т. е. должность королевскаго „писаря", или секретаря. Вѣроятно, въ это же время онъ женился на дочери православнаго волынскаго князя Ѳедора Головни-Острожецкаго, Аннѣ, отъ брака съ которою имѣлъ трехъ сыновей и столько же дочерей. Затѣмъ, подъ 1580 г. мы встрѣчаемъ Потѣя уже въ званіи земскаго судьи въ г. Брестѣ, а черезъ 9 лѣтъ онъ получилъ отъ короля Сигизмунда III-го назначеніе на весьма видную должность каштеляна (брестскаго), съ которою соединялось обыкновенно и званіе сенатора.

Что побудило Потѣя оставить протестантство, въ которомъ онъ былъ воспитанъ съ первыхъ лѣтъ школьнаго возраста и въ которомъ оставался столь продолжительное время? Рѣшеніе этого вопроса можетъ отчасти объяснить характеръ послѣдующей дѣятельности Потѣя, и потому остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Какъ ни велики были внѣшніе успѣхи протестантскаго движенія въ польско-литовскомъ государствѣ, имъ далеко не соотвѣтствовала, однако, внутренняя жизненность и сила этого движенія. Главная причина слабости протестантства заключалась въ разнообразіи доктринъ, сектъ и толковъ, на которые сразу же распалось новое ученіе, и въ ихъ взаимной борьбѣ и несогласіяхъ между собою. Первоначально реформація проникла въ Польшу въ формѣ трехъ главныхъ исповѣданій: лютеранства, кальвинизма и секты богемскихъ или моравскихъ братьевъ—послѣдователей гуситизма.

---

[1]) Lukaszewicz, Dzieje kościołow wyznania Helweckiego w Litwie, стр. 4—9.

Digitized by Google

Но вскорѣ слухи о вѣротерпимости польскаго правительства и о покровительственномъ отношеніи къ новому движенію со стороны польско-литовскихъ вельможъ и дворянства привлекли сюда многочисленныхъ проповѣдниковъ такихъ ученій, которыя въ цѣлой Европѣ не находили для себя свободнаго уголка и терпѣли ожесточенныя преслѣдованія даже въ протестантскихъ государствахъ таковы были, наприм., швейцарскіе и итальянскіе антитринитаріи, голландскіе анабаптисты и нѣкоторые другіе. Всѣ эти захожіе представители разновѣрія и ихъ послѣдователи не сразу выдѣлялись въ особыя секты, но примыкали къ общему реформаціонному движенію, преимущественно къ кальвинизму, и подъ его покровомъ предпринимали пропаганду своего вѣроученія. Вскорѣ, однако, эти крайнія направленія протестантства пріобрѣли въ новомъ отечествѣ такую силу, что дальнѣйшій ихъ союзъ съ кальвинизмомъ оказался невозможнымъ, и въ 60-хъ годахъ XVI ст. произошелъ о[illegible]ный разрывъ между послѣдователями Кальвина и *антитринитаріями*, которые къ тому времени успѣли пріобрѣсти многочисл[illegible]ъ послѣдователей и покровителей и уже имѣли собственныя школы и типографіи. Но само антитринитаріанство, еще болѣе, чѣмъ кальвинизмъ, страдало недостаткомъ внутренней организаціи и отсутствіемъ однообразной, окончательно выработанной системы вѣроученія. Новая секта слагалась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Въ нее входили: 1) чистые антитринитаріи, или, какъ они сами называли себя, *унитаріи*, придерживавшіеся раціоналистической системы Лелія Социна, отвергавшіе христіанскій догматъ троичности и предвѣчнаго божества І. Христа, а также священное преданіе, призываніе святыхъ, почитаніе иконъ, таинства и всю внѣшнюю церковную обрядность; въ Польшѣ и Литвѣ они были извѣстны подъ именемъ *аріанъ*, по нѣкоторому сходству ихъ ученія съ древнимъ аріанствомъ, а также — *новокрещенцевъ*, такъ какъ они не признавали крещенія малолѣтнихъ и повторяли его надъ всякимъ, кто обращался въ ихъ секту; 2) *полужидовствующіе*, которые совсѣмъ отвергали божество І. Христа и большую часть христіанскихъ догматовъ, но, подобно евреямъ, признавали только единаго Бога, праздновали субботній день и раздѣляли другія іудейскія вѣрованія, наприм., о будущемъ тысячелѣтнемъ земномъ и чувственномъ царствѣ Мессіи; за это ихъ называли *субботниками*. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ направленій, со множествомъ пе-

Digitized by Google

реходныхъ оттѣнковъ, въ составѣ польско-литовскихъ антитринитаріевъ было много такихъ лицъ, которыя и по вступленіи въ секту продолжали придерживаться нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ вѣрованій: лютеранскихъ, анабаптистскихъ и другихъ. Наконецъ, около 1554 г. въ Литвѣ и Бѣлоруссіи появились проповѣдники самобытнаго, мѣстнаго антитринитаріанства, зародившагося здѣсь еще въ XV ст., но проявившагося съ особенною силою въ сѣверной Руси подъ именемъ ереси жидовствующей. Ересь эта заключала въ себѣ элементы юдаизма, но также и элементы самороднаго раціонализма, очень сходнаго съ ученіемъ крайнихъ антитринитаріевъ. Подавленная суровыми казнями въ Москвѣ и Новгородѣ, она и въ послѣдующее время не разъ вспыхивала отдѣльными искрами и всякій разъ по возбужденію изъ Литвы; но въ половинѣ XVI ст., подъ вліяніемъ занесеннаго литовскими же выходцами новаго религіознаго вольномыслія, эта ересь снова ожила въ ученіи московскихъ вольнодумцевъ: Матвѣя Башкина и его товарищей. Преданные суду и заточенію, нѣкоторые изъ этихъ вольнодумцевъ (Ѳеодосій Косой, старецъ Вассіанъ, Игнатій и др.) успѣли бѣжать въ Литву, примкнули здѣсь къ самымъ крайнимъ толкамъ антитринитаріанства и энергично выступили съ проповѣдью своего лжеученія. Косой, напр., проповѣдывалъ монотеизмъ въ іудейскомъ духѣ и ставилъ Моисеевы книги выше евангелія, отрицалъ почти всю догматическую часть христіанскаго вѣроученія, отвергалъ іерархію и монашество, церковные обряды называлъ идолослуженіемъ, иконы—идолами, храмы—кумирницами, утверждалъ, что не нужно ни царей, ни властей, ни господъ, ни податей, и — словомъ — доходилъ въ своемъ вольномысліи до крайнихъ предѣловъ отрицанія.

Когда всѣ эти разнородные и разномысленные толки и ученія, таившіеся нѣкоторое время въ общемъ потокѣ реформаціоннаго движенія, обнаружились съ достаточною ясностью, сами протестанты пришли въ смущеніе и немедленно начали вести ожесточенную борьбу съ непрошенными союзниками, сильно компрометировавшими ихъ въ глазахъ иновѣрцевъ. Эта своего рода междоусобная борьба въ средѣ послѣдователей реформаціи открыто обнаружила ея внутреннюю слабость и дала сильное оружіе противъ нея въ руки ея врагамъ. Католическое духовенство и въ особенности іезуиты воспрянули духомъ: они съ нескрываемымъ зло-

Digitized by Google

радствомъ возвѣщали о наступившемъ въ протестантской средѣ разложеніи, упорно отождествляли протестантство съ самыми крайними его сектами и приписывали ему всѣ грубыя и вредныя лжеумствованія, проповѣдуемыя его непрошенными союзниками.

Все это причинило польско-литовской реформаціи непоправимый уронъ, и люди умѣренныхъ убѣжденій стали понемногу оставлять протестантство и возвращаться къ прежнимъ вѣрамъ. Къ числу такихъ-то лицъ принадлежалъ и Адамъ Потѣй. Сохранилось письмо, въ которомъ онъ самъ такимъ же образомъ объясняетъ побужденія, руководившія имъ при его возвращеніи изъ протестантства въ православіе. Поводъ къ этому объясненію былъ такой. Когда Потѣй былъ уже уніатскимъ митрополитомъ и съ энергіею ослѣпленнаго фанатика вводилъ унію, то православные, хорошо знавшіе его прошлую жизнь и желавшіе всячески вредить ему, намѣренно стали разглашать о его прежнемъ „еретичествѣ“ (т. е. кальвинизмѣ), утверждая, будто онъ принадлежалъ къ самымъ крайнимъ протестантскимъ сектамъ и потому, какъ бывшій еретикъ, по силѣ церковныхъ постановленій, имѣлъ важное каноническое препятствіе къ возведенію его въ епископскій санъ. Потѣй счелъ нужнымъ оправдаться отъ этихъ нареканій и вотъ что писалъ къ львовскому доминиканскому провинціалу: „Дошло до моего свѣдѣнія, что въ Львовѣ, въ братской церкви, какой-то попъ, самъ ли отъ себя, или будучи кѣмъ наученъ, осмѣлился утверждать, будто я былъ въ молодости еретикомъ, а потомъ аріаниномъ, а затѣмъ будто-бы былъ даже жидомъ и отрекся отъ имени Господа и Бога моего І. Христа; другіе же утверждаютъ, будто я даже согласился подвергнуться и обрѣзанію и что только патріархъ Іеремія обратилъ меня снова въ христіанство. А надо знать, что русскіе имѣютъ въ своихъ правилахъ такой канонъ, по которому отрекшійся отъ вѣры въ І. Христа, не можетъ быть епископомъ, хотя бы и обратился. Правда, я самъ сознаю тотъ грѣхъ мой, что немалое время я былъ евангеликомъ, поелику съ молодости моей учился въ такой школѣ, а потомъ и пану такому, при которомъ ересь свила себѣ гнѣздо, немалое время служилъ. Но чтобы аріаниномъ или новокрещенцемъ когда-либо я имѣлъ быть, того никогда не было; напротивъ, аріанская и новокрещенская наука—та меня и отъ евангелической отогнала, и я возвратился къ своей старожитной вѣрѣ русской, въ которой родился съ дѣда,

Digitized by Google

прадѣда и отца,—мало не за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, какъ сталъ духовнымъ,— не такъ, какъ тотъ сплетникъ увѣряетъ, будто меня обратилъ патріархъ Іеремія, который недавно былъ у насъ. А чтобы я имѣлъ когда-нибудь къ мерзкому и проклятому жидовству обратиться и отречься Господа Бога моего І. Христа, того, по милости Божьей, никогда и въ помыслахъ моихъ не было. Самого Сына Божія, Господа и Бога моего, во свидѣтельство призываю и Тѣмъ клянусь; было-ли то когда въ мысли моей — пусть Господь мой отречется меня предъ Отцемъ своимъ, когда прійдетъ судить живыхъ и мертвыхъ“ [1]).

Такимъ образомъ, крайнее религіозное вольномысліе, порожденное общимъ реформаціоннымъ движеніемъ — вотъ что смутило религіозное чувство Потѣя и оттолкнуло его даже отъ умѣреннаго протестантства. Повторяемъ, это было тогда весьма обычное явленіе, побуждавшее очень многихъ образованныхъ западнорусскихъ людей, въ молодости совратившихся въ протестантство, отрекаться въ зрѣломъ возрастѣ отъ своихъ увлеченій и затѣмъ прямо переходить въ католичество, какъ такую вѣру, которая всего строже подчиняетъ своему авторитету разумъ человѣческій и требуетъ отъ него безусловнаго послушанія. Почему этого не случилось тогда и съ Потѣемъ—не умѣемъ сказать; можетъ быть, въ этомъ случаѣ имѣло мѣсто вліяніе православной семьи его жены.

Возвратившись (около 1574 г.) къ вѣрѣ своихъ предковъ, Адамъ Потѣй нашелъ положеніе дѣлъ западнорусской православной церкви въ самомъ плачевномъ состояніи. Всѣ духовныя должности, отъ высшаго предстоятеля церкви, митрополита, до приходскаго священника, считались въ ней не болѣе какъ доходными мѣстами, или, какъ тогда говорили. „хлѣбомъ духовнымъ“, который можно было выслужить у короля за разныя услуги или даже купить за деньги; вслѣдствіе чего на святительскихъ каѳедрахъ возсѣдали сплошь и рядомъ люди безъ всякаго призванія и подготовки къ пастырскому служенію, нерѣдко люди безъ вѣры и убѣжденій, „волки не сытые“, заботившіеся объ одномъ обогащеніи, предававшіеся порокамъ и безнаказанно нарушавшіе каноническія правила и церковные обычаи. Въ средѣ высшей и низшей іерархіи исчезла

---

[1]) Письмо это напечатано у Мацѣевскаго, въ его сборникѣ „*Pisma Polskie*“, т. III, стр. 201, и въ Актахъ Зап. Россіи, т. IV, стр 209.

Digitized by Google

самая тѣнь церковной дисциплины: всякій могъ дѣлать, что хотѣлъ, и лица, опозоренныя тягчайшими преступленіями, спокойно оставались на своихъ мѣстахъ, къ великому соблазну своихъ и чужихъ; священники не хотѣли слушаться своихъ архипастырей, погрязали въ невѣжествѣ, предавались пьянству и другимъ порокамъ и больше заботились о томъ, чтобы угодить своимъ патронамъ-помѣщикамъ, нежели думали о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ. Не было хорошихъ школъ, угасла наука церковная, умолкла проповѣдь. Вездѣ и повсюду царило грубое невѣжество, равнодушіе къ судьбѣ православія и преступное небреженіе о его нуждахъ и интересахъ. Между тѣмъ враги православія не дремали. Реформаціонное движеніе по прежнему разливалось широкою волною по западно-русскимъ областямъ и уносило изъ среды православной все новыя жертвы, и какъ на зло—въ это именно время успѣшнѣе всего распространялись здѣсь самыя крайнія протестантскія секты. Какъ ни грубо и малосмысленно было ученіе московскихъ бѣглецовъ—Ѳеодосія Косого и его товарищей, ихъ проповѣдь, однако, имѣла большой успѣхъ и ѳеодосіяне въ короткое время пріобрѣли многочисленныхъ послѣдователей въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, Полѣсьи и на Волыни. Одинъ изъ тогдашнихъ православныхъ апологетовъ (Зиновій Отенскій) съ прискорбіемъ признается, что еретики увлекли своимъ лжеученіемъ не только людей, не боящихся Бога и грѣхолюбивыхъ, но и богобоязненныхъ и смиренныхъ, въ числѣ коихъ были даже священники и другія духовныя лица. „По истинѣ, восклицаетъ онъ: какъ Магометъ развратилъ своимъ ученіемъ Востокъ, Лютеръ—Западъ, такъ Ѳеодосій—Литву!“—Но и заносное антитринитаріанство имѣло не меньшій успѣхъ въ Литвѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оно пріобрѣло здѣсь могущественнаго патрона въ лицѣ каштеляна виленскаго Яна Кишки, богача, владѣвшаго 70-ю мѣстечками и 400-ми селами. Это былъ потомокъ старинной литовско-русской фамиліи, получившій за границей блестящее образованіе и женатый на одной изъ дочерей князя Константина Острожскаго. Сдѣлавшись усерднымъ послѣдователемъ антитринитаріанства, Кишка собиралъ вокругъ себя учителей этой секты, отдавалъ имъ находившіеся въ его имѣніяхъ костелы и церкви, основывалъ сектантскія школы, заводилъ типографіи, въ которыхъ съ 1574 г, начали во множествѣ печататься антитринитаріанскія сочиненія.

Digitized by Google

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при такихъ могущественныхъ средствахъ пропаганды, антитринитаріанство съ быстротою охватило всю Литву и зап. Русь и причинило не малый ущербъ православію въ этихъ странахъ. О размѣрахъ этого ущерба можно отчасти судить по одному свидѣтельству іезуита Петра Скарги, который въ своемъ сочиненіи о Брестскомъ соборѣ 1596 года, упрекая православныхъ за дружбу съ аріанами, говоритъ, что эти мнимые ихъ друзья, а на самомъ дѣлѣ волки, въ одномъ новогродскомъ воеводствѣ (въ епархіи самого митрополита) отняли до 650 православныхъ церквей и упразднили въ нихъ службу Божью, и что изъ 600 дворянскихъ семействъ въ этомъ воеводствѣ едва лишь осталось 16 такихъ, которыя избѣжали еретической новокрещенской заразы [1]). Кромѣ новогродскаго воеводства, тоже самое можно сказать о воеводствахъ—брестскомъ, въ коемъ раньше и быстрѣе всего распространилась секта, минскомъ, виленскомъ, витебскомъ и наконецъ Волыни, о которой извѣстный московскій выходецъ князь Андрей Курбскій, проживавшій здѣсь съ 1564 по 1586 гг., съ прискорбіемъ писалъ, что въ его время она „мало не вся“ была заражена язвою аріанскаго ученія [2]).

Какова бы ни была сила и искренность православныхъ убѣжденій Адама Потѣя, но уже по естественному чувству всякаго новообращеннаго онъ не могъ равнодушно относиться къ этимъ неисчислимымъ потерямъ, какія съ каждымъ днемъ несло православіе со стороны протестанства, а еще менѣе могъ онъ терпѣть торжество надъ православіемъ такихъ сектъ и ученій, которыя возмущали его совѣсть еще и въ то время, когда онъ самъ былъ протестантомъ. Онъ въ смущеніи осматривался вокругъ и не только не видѣлъ никого, кто бы выступалъ на защиту православной паствы, немилосердно расхищаемой еретиками, но и хорошо понималъ, что такихъ защитниковъ не могло и быть среди тогдашнихъ нерадивыхъ и любостяжательныхъ іерарховъ; не могли они выйти и изъ среды мірянъ, такъ какъ для этого требовалась прежде всего наука и проповѣдь, а ни того, ни другаго не было еще тогда у православныхъ. Совсѣмъ иное видѣлъ Потѣй у католиковъ. Не прошло и десяти лѣтъ со времени появленія въ Литвѣ (въ 1569 г.) іезуитовъ, какъ они

---

[1]) Русск. Историч. Библіотека, т. VII, стр 951.
[2]) Сказанія князя Курбскаго, т. II. стр. 224.

Digitized by Google

значительно успѣли сломить силу опасныхъ до того времени враговъ католической церкви—протестантовъ, обратили на свою сторону многихъ изъ числа главныхъ покровителей кальвинизма, напримѣръ, сыновей Радзивилла, Ходкевичей и др., имѣли уже въ Вильнѣ свою академію и не малое число ученыхъ богослововъ и даровитыхъ проповѣдниковъ и, словомъ, довели дѣло до того, что протестанты не смѣли уже болѣе и помышлять о какихъ-либо наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ католицизма, а заботились только о томъ, какъ бы охранить отъ него свое исповѣданіе. Мало того, обезсиливъ протестантовъ, іезуиты все настойчивѣе направляли дѣйствія своей пропаганды и на православныхъ. Въ 1577 г. въ Вильнѣ было издано сочиненіе іезуита Петра Скарги „О единствѣ церкви Божьей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ сего единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскимъ народамъ, держащимся грековъ“. Въ этомъ сочиненіи проводилась главнымъ образомъ та мысль, что для православной западно-русской церкви нѣтъ и не можетъ быть другаго выхода изъ того жалкаго разстроеннаго положенія, въ какомъ она тогда находилась, какъ только возобновить состоявшееся нѣкогда на флорентійскомъ соборѣ соединеніе съ католическою церковью подъ главенствомъ первосвященника римскаго, но съ удержаніемъ своихъ восточныхъ обрядовъ; что греки безсильны оказать ей какую-либо помощь, ибо и сами, находясь въ неволѣ, страдаютъ тѣми же нестроеніями и погрязаютъ въ невѣжествѣ; что восточные патріархи никогда не заботились о русской церкви и намѣренно удерживали русскихъ въ невѣжествѣ, чтобы удобнѣе обирать ихъ; что истинная наука и просвѣщеніе сіяютъ лишь въ римской церкви, и что, соединившись съ римлянами, православные не только тѣмъ положили бы предѣлъ торжеству надъ собою со стороны еретиковъ-протестантовъ, но привели бы и ихъ самихъ къ общему церковному единенію и тѣмъ способствовали бы совершенному уничтоженію ересей въ польско-литовскомъ государствѣ [1]). Книга Скарги, написанная умно, талантливо, въ духѣ отнюдь не враждебномъ, а скорѣе какъ бы благожелательномъ по отношенію къ православію, производила глубокое впечатлѣніе на весьма многихъ западно-рус-

[1]) Сочиненіе Скарги недавно напечатано въ VII т. Русской Историч. Библіотеки, издаваемой С.-Петерб. Археогр. Коммиссіей.

Digitized by Google

скихъ людей, почти вовсе незнакомыхъ съ церковною исторіею. Даже наиболѣе преданные своей вѣрѣ и болѣе другихъ образованные люди, какъ, наприм., князь Константинъ Острожскій, хотя и не совращались убѣжденіями ученаго іезуита, но невольно соглашались съ нѣкоторыми его положеніями и, не видя другихъ средствъ къ спасенію своей церкви отъ грозившихъ ей опасностей, по немногу примирялись съ мыслью объ уніи, понимая ее лишь въ смыслѣ одного іерархическаго подчиненія западно-русской церкви римскому первосвященнику и надѣясь, что при этомъ, можетъ быть, скорѣе удастся дисциплинировать мѣстную іерархію, свободную тогда отъ всякаго высшаго надъ нею контроля, и ввести надлежащій порядокъ въ церковныя отношенія. Къ той же мысли стали по немногу склоняться на Руси и другіе ревнители церковнаго благоустройства и притомъ не одни образованные, но и простые люди мѣщане и другіе [1]). Тѣмъ большее впечатлѣніе должна была произвести книга Скарги на Потѣя, который съ дѣтства былъ оторванъ отъ духа и преданій своей предковской вѣры, учился въ иновѣрныхъ школахъ, и хотя хорошо зналъ богословскую науку и литературу, но то была наука протестантская или католическая, а не православная. Къ тому же, по своей прежней придворной службѣ въ званіи королевскаго секретаря и вообще по своему знатному положенію, Потѣй издавна находился въ близкихъ личныхъ связяхъ съ высшими католическими духовными лицами, которыя несомнѣнно и раньше внушали ему тѣ же идеи; по крайней мѣрѣ біографъ Потѣя увѣряетъ, что первыя мысли объ уніи посѣялъ въ немъ папскій нунцій кардиналъ Коммендоній, проживавшій при польскомъ королевскомъ дворѣ въ 70-хъ годахъ XVI ст. [2]).

Чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе утверждался Потѣй въ этихъ мысляхъ, чему способствовали отчасти нѣкоторыя случайныя обстоятельства. Проживая въ Брестѣ, Потѣю многократно приходилось видѣть разныхъ греческихъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, безпрестанно приходившихъ въ западную Русь изъ разныхъ восточныхъ странъ для собиранія милостыни. Эти посѣщенія были истиннымъ зломъ для православ-

[1]) См. письмо объ этомъ предметѣ львовскихъ братчиковъ къ константинопатріарху, писанное въ 1592 г. Акты зап. Россіи, т. IV, № 33.

[2]) Kazania y Homilie męża Bożego Hipacyusza Pocieja, супрасльское изданіе 1714.

Digitized by Google

ной церкви. Пришельцы самовольно (и нерѣдко самозванно) вмѣшивались въ мѣстныя церковныя дѣла, судили и рядили въ нихъ безъ всякаго права, производили разные безпорядки, нещадно обирали церкви и духовенство и за свои поборы давно уже заслужили здѣсь имя „грабителей“. Таковъ былъ, напр., прибывшій въ Литву въ 1582 г. архіепископъ охридскій Гавріилъ, титуловавшій себя патріархомъ первой Юстиніаны, Болгаріи, Сербіи, Молдавіи и проч. Сохранилась грамота, выданная имъ на имя патроновъ Супрасльскаго монастыря Ходкевичей о томъ, что, по дарованной ему свыше власти, онъ благословилъ настоятеля монастыря архимандрита Тимоѳея Злобу, „человѣка почтеннаго и святого“ (а этотъ Злоба семь лѣтъ спустя подвергся лишенію сана за убійство!), носить святительскую шапку или митру—какъ будто здѣсь была охридская епархія! Но этотъ самозванный патріархъ чинилъ на Руси и не такія еще дѣла. Вспоминая впослѣдствіи о своей встрѣчѣ съ нимъ, Потѣй вотъ что писалъ князю Острожскому, внушая ему свою нерасположенность къ православному востоку: „Нечего сказать, хорошую память оставилъ по себѣ въ нашихъ краяхъ Гавріилъ, патріархъ охридскій, который, подобно торговцу, раскладывающему въ лавкѣ свои товары, торговалъ здѣсь разными святыми вещами и продавалъ разрѣшенія на грѣхи: великое разрѣшеніе по талеру, среднее по полъ-талера, а меньшее по шести грошей. Все это я самъ лично въ Брестѣ собственными глазами видѣлъ. Не вспоминаю о другихъ дурныхъ его дѣлахъ, а ихъ было полно“ [1]). Легко понять, что подобные случаи должны были внушить Потѣю самыя невыгодныя понятія о представителяхъ восточныхъ церквей, и неудивительно, что впослѣдствіи онъ иначе и не отзывался о нихъ, какъ въ духѣ крайняго неуваженія. Отсюда же становится для насъ понятнымъ и поведеніе Потѣя во время пріѣзда въ западную Русь константинопольскаго патріарха Іереміи въ 1588—1589 гг. Вотъ что читаемъ мы объ этомъ въ письмѣ тогдашняго луцкаго бискупа Бернарда Маціевскаго къ папскому нунцію Аннибалу отъ 23 авг. 1588 г. „Въ іюнѣ мѣсяцѣ проѣзжалъ черезъ Подляхію цареградскій патріархъ Іеремія. Я старался догнать его и поспѣшилъ въ Брестъ, гдѣ, казалось, онъ остановится; но онъ уѣхалъ оттуда прежде моего прибытія. Черезъ нѣсколько дней господинъ брестскій

[1]) Акты южн. и зап. Россіи, т. I, № 224.

Digitized by Google

судья (т. е. Потѣй), хотя схизматикъ, но по авторитету, образованію и опытности человѣкъ не дюжинный и въ религіозныхъ дѣлахъ самый свѣдущій между своими, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ о религіи съ находящимся со мною здѣсь о. іезуитомъ, неоднократно приходилъ ко мнѣ и съ величайшею настойчивостью убѣждалъ меня, чтобы мы съ другими епископами и богословами католическими старались объ уніи русскихъ съ римскою церковью, особенно въ настоящее время, когда представляется къ тому такой удобный случай, какой едва ли когда можетъ повториться. Онъ говорилъ, что само провидѣніе Божье устроило такъ, что въ наши страны прибылъ цареградскій патріархъ; прибавлялъ, что надобно больше стараться о собесѣдованіяхъ съ греками, нежели объ изданіи сочиненій противъ русскихъ или опроверженіяхъ противъ нихъ, какія бываютъ въ нашихъ проповѣдяхъ. Если патріархъ согласится на диспутъ и будетъ побѣжденъ и обличенъ въ заблужденіяхъ, то онъ, судья, и многіе другіе русскіе, знатные родомъ и добродѣтелями, ничего столько не желающіе, какъ того, чтобы состоялось въ духѣ любви и кротости собесѣдованіе нашихъ съ патріархомъ,—не захотятъ болѣе подчиняться ему и слѣдовать его заблужденіямъ; если же онъ уклонится отъ состязанія, то подвергнется подозрѣнію въ дѣйствительной схизмѣ и тѣмъ удобнѣе будетъ оставленъ русинами. Передавалъ еще добрый мужъ, что онъ съ своими весьма усердно будетъ наблюдать: пришелъ ли патріархъ, чтобы ограбить своихъ владыкъ и поповъ, или чтобы позаботиться о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ. Наконецъ, указалъ даже путь, какимъ должно слѣдовать къ достиженію этой уніи по вѣрѣ: вотъ, говорилъ онъ, патріархъ назначилъ въ Вильнѣ соборъ митрополита и владыкъ на 8-е сентября; а они, безъ сомнѣнія, желали бы, чтобы соборъ состоялся здѣсь, въ Брестѣ, который и ближе для нихъ, и чаще посѣщается ими, нежели Вильна. Такъ пусть же король заставитъ патріарха перенести соборъ изъ Вильны въ Брестъ, а вы, епископы, съ вашими богословами между тѣмъ дѣлайте то, чего требуетъ отъ васъ вашъ долгъ. Повѣрьте (писалъ уже отъ себя нунцію бискупъ Маціевскій), что слышанное нами весьма много утѣшило насъ и обнадежило, и я убѣжденъ, что и ваше преосвященство отнюдь не пренебрежете настоящимъ столь удобнымъ случаемъ пособить нашимъ русинамъ въ ихъ ревности, которою они пламенѣютъ“ [1]).

[1]) Theiner, Vetera Monum, Poloniae et Lithuaniae, III, № 46.

Digitized by Google

И такъ, вотъ до какого крайняго колебанія въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ дошелъ уже въ то время Адамъ Потѣй, что училъ даже самихъ латинянъ, какъ вести дѣло уніи, и ждалъ лишь благовиднаго предлога, чтобы самому открыто перейти въ католичество. Въ такомъ же положеніи, по его словамъ, находились и „многіе другіе“ его соотечественники, „знатные родомъ и добродѣтелями“: не разумѣлъ ли онъ (конечно, ошибочно) въ ихъ числѣ и князя Константина Острожскаго? Какъ бы то ни было, но затѣвавшійся іезуитами, по мысли Потѣя, религіозный диспутъ съ патріархомъ не состоялся, и самъ Потѣй все еще не рѣшался открыто перейти въ ту вѣру, на сторонѣ которой лежали всѣ его симпатіи. Онъ даже сталъ принимать болѣе замѣтное участіе въ дѣлахъ своей церкви: бывалъ на съѣздахъ или соборахъ западнорусскихъ архіереевъ, оказалъ помощь брестскимъ мѣщанамъ въ хлопотахъ по учрежденію ими у себя церковнаго братства (въ 1590 — 91 гг.) и тѣмъ снискалъ себѣ такую извѣстность, что львовскіе братчики хвалились даже патріарху константинопольскому, какъ „панъ Адамъ Потѣй, каштелянъ и сенаторъ короля его милости, чинъ братства Львовскаго въ Берестѣ заложилъ“ [1]). Конечно, раньше или позже онъ перешелъ бы въ католичество, и это не оставило бы въ исторіи никакого слѣда: мало ли въ то время знатныхъ южноруссовъ становилось отступниками своей предковской вѣры! Но тутъ, къ несчастью, подоспѣли чисто случайныя обстоятельства, которыя неожиданно выдвинули Потѣя на такое поприще, гдѣ ему пришлось разыграть видную историческую роль и оставить по себѣ неизгладимый по своимъ печальнымъ послѣдствіямъ, и до нашихъ дней памятный слѣдъ въ исторіи его родины. Такими обстоятельствами были: во-первыхъ—вдовство Потѣя, и во-вторыхъ—послѣдовавшая въ началѣ 1593 г. смерть владимірскаго епископа Мелетія Хребтовича-Богуринскаго и настойчивое желаніе князя Константина Острожскаго, чтобы освободившуюся православную каѳедру занялъ не кто другой, какъ только Адамъ Потѣй, котораго онъ близко зналъ и отъ котораго ожидалъ важныхъ услугъ на пользу церкви. Впослѣдствіи Потѣй неоднократно высказывалъ увѣреніе, что онъ не искалъ епископства, даже и не помышлялъ о немъ, и что принялъ этотъ санъ, уступая лишь

[1]) Акты Зап. Россіи т. IV, № 33.

Digitized by Google

настойчивому убѣжденію и почти приневоливанію со стороны князя Острожскаго. Это вполнѣ справедливо. Потерявъ жену, Потѣй, несмотря на свои пожилые годы (ему минуло тогда 50 лѣтъ) и на то, что имѣлъ уже взрослыхъ дѣтей, задумалъ-было снова жениться и присватывался къ дочери полоцкаго воеводы Николая Дорогостайскаго; но гордая красавица отказала пожилому жениху-сенатору, и это обстоятельство болѣе всего склонило его уступить убѣжденіямъ князя Острожскаго. Иотѣй долго не могъ забыть этой обиды, и уже будучи архіереемъ, писалъ (въ 1594 г.) къ виленскому воеводѣ Кроштофу Радзивилу, который былъ посредникомъ въ его неудавшемся сватовствѣ: „Если панна Дорогостайская станетъ каждаго жениха справлять въ монахи, какъ поступила со мной, то будемъ ждать, не сдѣлается ли она когда-нибудь и сама монахиней. А ужъ я и молебенъ отслужилъ бы, когда бъ Господь Богъ отплатилъ ей за мою обиду тѣмъ же клобукомъ, какой я теперь ношу. Впрочемъ, я избралъ себѣ благую часть, и что сталось, о томъ не жалѣю, ибо навсегда простился съ міромъ и его радостями; вашихъ же усердныхъ стараній и услугъ въ этомъ дѣлѣ вѣкъ не забуду“ и проч. [1]).

Надо сказать, что князь Константинъ Острожскій, желая предотвратить на будущее время поступленіе на іерархическія мѣста лицъ недостойныхъ, не задолго предъ тѣмъ (въ 1592 г.) испросилъ особую королевскую грамоту, въ которой Сигизмундъ III формально обѣщалъ впредь предоставлять высшія духовныя должности въ церкви православной только такимъ лицамъ, которыя будутъ рекомендованы ему самимъ княземъ [2]). Пользуясь этимъ правомъ, князь Острожскій и ходатайствовалъ о предоставленіи владимірской епархіи Адаму Потѣю, зная его какъ человѣка умнаго, прекрасно образованнаго и, подобно ему самому, близко къ сердцу принимавшаго тогдашнее бѣдственное положеніе православія въ зап. Руси. Легко понять, съ какою охотою правительство поспѣшило уважить ходатайство князя, имѣя, конечно, свои свѣдѣнія о Потѣѣ, какъ о человѣкѣ вполнѣ желательномъ для замышляемаго уже тогда дѣла уніи. Въ началѣ марта

---

[1]) Подлинникъ этого письма хранится въ Импер. Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ — книга автографовъ, № 218; напечатано же это письмо въ книгѣ Голубева „Кіевскій митроп. Петръ Могила“, въ приложеніи подъ № X.

[2]) Апокрисисъ. Русск. Истор. Библіотека, т. VII, стр. 1,294.

Digitized by Google

1593 г. король извѣщалъ князя Острожскаго объ удовлетвореніи его ходатайства, а двѣ недѣли спустя онъ послалъ грамоту кіевскому митрополиту Михаилу Рагозѣ съ повелѣніемъ немедленно посвятить брестскаго каштеляна, „человѣка фамилiи старожитной способнаго, искуснаго въ греческомъ законѣ и благочестиваго", въ санъ епископа владимірскаго. Въ апрѣлѣ Адамъ Потѣй былъ постриженъ въ монашество въ г. Владимірѣ (Волынскомъ), въ соборной церкви своей будущей епархіи, и принялъ имя Ипатія. Постриженіе совершалъ луцкій владыка Кириллъ Терлецкій торжественно, въ присутствіи князя Острожскаго и другихъ знатныхъ дворянъ. Впослѣдствіи между православными сложилась легенда, будто во время этой церемоніи, когда Потѣй, по чину монашескаго постриженія, стоялъ посреди церкви въ одной, длинной рубашкѣ, вдругъ неизвѣстно откуда поднялся вихрь и обнажилъ его до самой шеи,—что, по замѣчанію современника, „было знакомъ злымъ а лихимъ: якожъ дознала потомъ церковь Божая отъ Потѣя срамновидного великои злости и гоненія" [1]).

Читатель можетъ недоумѣвать: какимъ образомъ князь Острожскій, какъ видно по всему, близко знавшій Потѣя и все таки считавшій его не только вполнѣ достойнымъ, но и крайне желательнымъ по тогдашнему состоянію церковныхъ дѣлъ кандидатомъ на православную епископскую каѳедру, могъ такъ жестоко ошибаться относительно этого человѣка? Зналъ-ли онъ въ то время, о его склонности къ уніи?—Лучшимъ отвѣтомъ на это можетъ служить слѣдующее письмо самого князя, писанное къ Потѣю спустя лишь два мѣсяца послѣ его посвященія. Въ виду длинноты этого письма, представимъ вкороткѣ самую сущность его: „Съ давняго времени, видя крайній упадокъ и оскудѣніе матери нашей св. восточной церкви, всѣхъ церквей начальнѣйшей, я размышлялъ и заботился о томъ, какимъ бы способомъ возвратить ее въ прежнее, благоустроенное состояніе. Сѣтуя объ упадкѣ ея и о поруганіи, какому подвергается она отъ еретиковъ и отъ самихъ отторгнувшихся отъ нея римлянъ, бывшихъ нѣкогда нашими братьями, я осмѣлился черезъ своихъ старшихъ духовныхъ совѣтоваться о нѣкоторыхъ нужныхъ вещахъ съ папскимъ легатомъ Антоніемъ Поссевиномъ, когда онъ былъ здѣсь; но къ

[1]) „Пересторога", Акты зап. Россіи, т. IV, стр. 210.

Digitized by Google

несчастью (или, можетъ быть, и къ счастью—не знаю) ничего изъ этого не вышло. Нынѣ, все занятый тою же мыслью и заботою о церкви Божьей и отправляясь для поправленія моего здоровья въ края, сосѣдніе съ мѣстопребываніемъ папы, я могъ бы кое что сдѣлать, если бы на то была воля Божья и дозволеніе нашихъ архипастырей. Если бъ всѣ вы на предстоящемъ вашемъ духовномъ соборѣ одинаково порадѣли и поразсудили, какимъ бы образомъ положить начало къ примиренію церквей, тогда я, находясь въ тѣхъ краяхъ, употребилъ бы, съ Божьей помощью и за началомъ и благословеніемъ вашимъ, всѣ мои усилія, чтобы повести и направить дѣло къ вожделѣнному соединенію. Да хорошо было бы, мнѣ кажется, еслибъ ты, милостивый отче, самъ, своею особою, посовѣтовавшись съ митрополитомъ и епископами, поѣхалъ къ московскому великому князю, поразсказалъ тамъ, какое гоненіе, поруганіе и уничиженіе терпитъ здѣшній народъ русскій въ церковныхъ порядкахъ и церемоніяхъ, и попросилъ бы великаго князя и тамошнихъ духовныхъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами позаботились, какъ бы прекратить раздѣленіе церквей и уничиженіе русскаго народа. Усердно прошу тебя, какъ многомилостиваго господина и пріятеля, а особенно какъ теплаго ревнителя вѣры Христовой, принять въ этомъ дѣлѣ искреннее участіе и со всею силою и властью постараться на предстоящемъ соборѣ, вмѣстѣ съ прочими владыками, чтобы положить начало если не къ соединенію церквей (что всего было бы желательнѣе), то по крайней мѣрѣ къ улучшенію положенія православныхъ. Всѣ вы знаете, что люди нашей религіи сдѣлались до того равнодушными, лѣнивыми и невнимательными, что не только не заступаются за церковь Божью и за вѣру свою старожитную, но многіе сами насмѣхаются надъ нею и убѣгаютъ въ разныя секты. А все это умножилось оттого, что у насъ не стало учителей, не стало проповѣди слова Божья, не стало науки. Пришло на насъ, наконецъ, то, что не остается у насъ ничего, чѣмъ бы мы могли утѣшиться въ нашемъ законѣ: все опроверглось и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если еще не будемъ заботиться, Богъ вѣсть, что будетъ съ нами далѣе. Я съ своей стороны въ другой и третій разъ прошу: Бога ради, и по вашей пастырской обязанности, и изъ страха мести Божьей, постарайтесь постановить что-либо доброе и положить какой-либо добрый

Digitized by Google

начатокъ". —Къ этому письму князь приложилъ и собственноручную записку о тѣхъ условіяхъ, какія считалъ необходимыми при заключеніи уніи. Онъ желалъ: 1) неприкосновенности обрядовъ восточныхъ; 2) „чтобы паны римляне церквей нашихъ и ихъ имѣній на свои костелы не отбирали; 3) чтобы по заключеніи уніи они не принимали тѣхъ изъ нашихъ, которые захотѣли бы перейти въ католичество; 4) чтобы духовные наши были въ такомъ же почетѣ, какъ и ихъ, и чтобы митрополитъ съ владыками имѣли мѣсто въ сенатѣ и на сеймахъ"; 5) чтобы унія съ Римомъ была заключена съ согласія патріарховъ восточныхъ, московскаго и представителей молдовлахійской церкви; 6) „нужны также исправленія нѣкоторыхъ вещей въ церквахъ нашихъ, особенно касательно людскихъ вымысловъ: и 7) весьма нужно позаботиться о школахъ и свободныхъ наукахъ, особенно для образованія духовенства, чтобы мы могли имѣть ученыхъ пресвитеровъ и хорошихъ проповѣдниковъ, ибо оттого, что нѣтъ наукъ, въ нашемъ духовенствѣ великая грубость умножилась" [1]).

Очевидно, что обо всемъ этомъ у князя Острожскаго не разъ бывали личныя бесѣды съ Потѣемъ, и послѣдній высказывался предъ нимъ сторонникомъ именно такой уніи, какой желалъ и князь, т. е. уніи въ смыслѣ одного лишь іерархическаго соединенія церквей,— а не такой уніи, о какой онъ въ тоже время водилъ бесѣды съ луцкимъ бискупомъ и іезуитами и даже научалъ ихъ, какъ слѣдуетъ повести это дѣло. Какъ человѣкъ свѣдущій въ церковныхъ дѣлахъ, Потѣй понималъ, что въ такомъ обширномъ объемѣ, какъ проектировалъ Острожскій, унія не осуществима, что ни на востокѣ, ни тѣмъ болѣе въ Москвѣ никогда не согласятся признать папу главою церкви. Съ другой же стороны, Потѣю было хорошо уже извѣстно и то, чего не зналъ еще тогда князь Острожскій, именно, что еще два года предъ тѣмъ (24 іюня 1592 г.) четыре западно-русскихъ епископа съ Кирилломъ Терлецкимъ во главѣ подписали тайное постановленіе относительно *другой*, мѣстной уніи, въ смыслѣ частнаго подчиненія западно-русской церкви папѣ римскому, и что король оффиціальною грамотою извѣстилъ уже владыкъ о благосклонномъ принятіи ихъ рѣшенія и объ имѣющихъ излиться на нихъ великихъ и богатыхъ его милостяхъ. Обо всемъ

[1]) Акты зап. Россіи т. IV, № 45.

Digitized by Google

этомъ умолчалъ Потѣй предъ довѣрчивымъ княземъ, равно какъ утаилъ отъ него и то, что самъ онъ не только присоединился лично къ тайному заговору на унію, но и сталъ его душею и главнымъ двигателемъ замышляемаго переворота: склонялъ къ нему нерѣшительнаго митрополита, велъ дѣятельныя сношенія и переговоры съ католическими бискупами и іезуитами и за свои старанія удостоился получить отъ короля особую грамоту (отъ 9 февр. 1595 г.) съ выраженіемъ похвалы и благодарности за усердіе. Когда же до князя Острожскаго дошли, наконецъ, достовѣрные слухи о затѣяхъ владыкъ-отступниковъ и онъ прямо спросилъ объ этомъ самого Потѣя, послѣдній имѣлъ безсовѣстность не только отрицать свое личное участіе въ этихъ затѣяхъ, но и укрывалъ своихъ сообщниковъ, будто никому изъ нихъ и не снилось даже ничего подобнаго. „Развѣ мы не видимъ, писалъ онъ князю, что хотя бы всѣ мы, епископы, согласились на ту унію, а христіанство все не соизволило на нее, то это было бы только напраснымъ трудомъ и безчестьемъ намъ предъ пасомыми. Да намъ и непозволительно было бы заключать или начинать такое дѣло тайно, безъ собора и безъ вѣдома всѣхъ братій нашихъ, меньшихъ, но равныхъ намъ слугъ церкви Божьей, и прочихъ христіанъ, а особенно безъ вашихъ милостей, пановъ христіанскихъ: не дай Богъ о семъ и подумать!“ [1]). А между тѣмъ еще за годъ до этого Потѣй и Терлецкій получили отъ короля формальное назначеніе отправиться въ Римъ для заключенія уніи. Наконецъ, когда въ іюнѣ 1595 г. окончательно были составлены условія уніи и уже подписана соборная грамота отъ лица западно-русскихъ владыкъ къ папѣ римскому, Потѣй не могъ болѣе обманывать довѣрчиваго князя Острожскаго, но посылая ему копію означенныхъ условій, имѣлъ смѣлость увѣрять его, что это именно и есть та унія, какой давно желалъ самъ онъ, князь Острожскій, и даже побуждалъ къ ней его и другихъ епископовъ. Теперь только Острожскій вполнѣ оцѣнилъ предательство того, кому доселѣ столь слѣпо довѣрялъ и такъ усердно покровительствовалъ, и въ отвѣтъ на письмо Потѣя появилось знаменитое окружное воззваніе его (отъ 24 іюня 1595 г.) ко всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши „отъ наиболь-

[1]) Писано отъ 17 марта 1595 г. Исторія Русской Церкви, митропол. Макарія, IX, 567.

Digitized by Google

шаго и до наименьшаго стану", духовнымъ и мірскимъ, въ которомъ князь объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе, что „злохитрыми кознями вселукаваго діавола, прельстившись славою свѣта сего и помрачившись тьмою сластолюбія, наши мнимые пастыри митрополитъ съ владыками претворились въ волковъ, отверглись единой истинной св. восточной вѣры, отступили отъ нашихъ вселенскихъ пастырей и учителей и приложились къ западнымъ, прикрывая въ себѣ внутренняго волка кожею своего лицемѣрія, какъ овчиною. Эти злонравные люди тайно, злодѣйски согласились между собою, какъ христопродавецъ Іуда съ жидами, отторгнуть и насъ всѣхъ правовѣрныхъ, будто безсловесныхъ отъ истины и низвергнуть съ собою въ пагубу" и проч. [1]). Нечего и упоминать, что съ тѣхъ поръ личныя отношенія князя Острожскаго къ Потѣю остались на всегда враждебными. Много усилій употреблялъ впослѣдствіи Потѣй, чтобы примириться съ княземъ и возвратить его прежнюю расположенность: писалъ къ нему убѣдительнѣйшія письма, обращался къ посредничеству разныхъ именитыхъ лицъ и т. под., но не достигъ ничего. Современники передаютъ, что однажды, по его просьбѣ, старшій сынъ князя Острожскаго Янушъ, каштелянъ краковскій, взялся было примирить Потѣя съ своимъ отцемъ, и въ надеждѣ на его посредничество Потѣй отважился было лично посѣтить князя, но принужденъ былъ почти у самыхъ воротъ острожскаго замка возвратиться вспять, такъ какъ престарѣлый князь рѣшительно отказался принять его и на всѣ убѣжденія сына отвѣчалъ одно: „пусть Потѣй ищетъ примиренія не со мною, а съ Господомъ Богомъ, ибо онъ отъ правой вѣры отступилъ и предателемъ ея сталъ" [2]).

Князь Острожскій былъ совершенно правъ, называя Потѣя отступникомъ и предателемъ православія. Въ самомъ дѣлѣ, то якобы соединеніе церквей, для заключенія котораго Потѣй ѣздилъ въ Римъ и за которое онъ съ того времени ратовалъ всѣми силами,—это была совсѣмъ не та унія, къ какой склонялся князь Острожскій и другіе ревнители православія въ зап. Руси; въ то же время это не была и та унія, на какую согласились митрополитъ Рагоза и другіе западно-русскіе владыки, не имѣвшіе въ душѣ никакого расположенія къ латинству и въ признаніи папскаго единовластія по-

---

[1]) Акты зап. Россіи, т. IV, № 71.

[2]) Палинодія Зах. Копыстенскаго—Русск. Истор. Библіотека, т. IV, стр. 1144.

Digitized by Google

видимому полагавшіе все существо уніи; наконецъ, это не была и та унія, о какой хлопоталъ въ первое время самъ Ипатій Потѣй, писавшій (отъ 25 марта 1595 г.) князю Острожскому: „считая унію полезною для умноженія славы Божьей, я разумѣю, однакожъ, не такую унію, чтобы намъ совсѣмъ претвориться въ иной образъ, а такую, чтобы мы, оставаясь въ цѣлости, исправили только нѣкоторыя вещи, которыхъ держимся больше по упрямству, нежели по истинѣ“ [1]). На дѣлѣ же унія, привезенная изъ Рима Потѣемъ, была ни чѣмъ инымъ, какъ именно полнымъ, „претвореніемъ“ русской вѣры въ „иной“, латинскій образъ. Принимая эту унію въ Римѣ, Потѣй, а за нимъ уже и Терлецкій, *совершенно отверглись православія*, осудили всѣ тѣ пункты вѣроученія, по коимъ они до того времени отдѣлялись отъ римской церкви, и прокляли всѣ, по ея понятіямъ, схизмы и ереси, осужденныя и анаѳематствованныя папою. а съ другой стороны—*вполнѣ приняли римскую вѣру* со всѣми ея ученіями и постановленіями, какъ они изложены не только на флорентинскомъ, но и на тридентскомъ соборахъ. Самые даже обряды восточной церкви были дозволены папою лишь въ видѣ крайняго снисхожденія и то не всѣ, но лишь тѣ, которые, на его взглядъ, окажутся не противными ученію католической церкви и не препятствующими общенію съ нею русскихъ уніатовъ. [2]) Конечно, все это совершилось съ вѣдома и согласія одного лишь Потѣя, ибо Терлецкій игралъ въ Римѣ лишь, такъ сказать, парадную роль и по незнанію латинскаго языка не могъ даже принимать прямаго участія въ предварительныхъ совѣщаніяхъ съ членами папской священной коллегіи. Да и впослѣдствіи Потѣй въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ, въ своихъ проповѣдяхъ, наконецъ въ своихъ дѣйствіяхъ постоянно высказывалъ самую слѣпую приверженность къ католичеству, восторженное преклоненіе предъ истинностью якобы ученія и всѣхъ установленій римской церкви, и настаивалъ на необходимости тѣснѣйшаго соединенія и даже слитія съ нею церкви восточной. Для образца—вотъ нѣсколько выдержекъ, наприм., изъ посланія Потѣя къ александрійскому патріарху Мелетію, убѣждавшему его оставить латинство и снова возвратиться къ православію: „Къ латинству я приступилъ не по при-

[1]) Акты зап. Россіи, т. IV № 63.
[2]) Исторія русск. церкви, митроп. Макарія, IX, стр. 632—634.

Digitized by Google

нужденію, а по доброй, свободной волѣ, будучи просвѣщенъ обильными дарами благодати Божьей. Не прельстили меня, какъ ты пишешь, ухищренія человѣческой мудрости: Богъ отецъ меня призвалъ, Сынъ Божій утвердилъ, Духъ св. просвѣтилъ, и я призваніе услышалъ, утверждающему подалъ руку, въ освѣщающаго вперилъ мои очи. Поэтому я и не думаю отсюда преклонять мой слухъ къ Александріи, руку простирать къ Іерусалиму, за свѣтомъ бѣгать въ Константинополь, ибо я сталъ на твердынѣ, обрѣлъ свѣтъ, во вселенскомъ пастырѣ римскомъ узрѣлъ Петра. Отдѣлился отъ васъ съ неизъяснимою сердца моего радостью, а если бы присоединился къ вамъ, то не иначе, какъ съ величайшею скорбью, превосходящею болѣзни ада. Живу во свѣтлостяхъ—и что мнѣ до вашего мрака!—Меня освѣтила мудрость Рима—меня, котораго предъ тѣмъ помрачало невѣжество грековъ. Римское богословіе, коротое ты называешь наукою суесловною и хитросплетенною, оно просвѣтило меня, разогнало мракъ, прояснило разумъ, укрѣпило волю. При его свѣтѣ я хожу и учу, при немъ провожу теченіе жизни, при немъ желаю окончить и предѣлъ житія моего. Теперь только я епископъ, когда утвердилъ меня папа, ибо дотолѣ я носилъ лишь имя епископа. Теперь я сотворилъ ангеламъ веселіе, Іисусу радость, ибо Іисусъ меня, заблудшую овцу, взявши на свои рамена, занесъ въ римскую овчарню; посему не призывай меня снова на еретическія пастбища, потому что ангеловъ онечалишь, Іисуса оѣорчишь, адъ возвеселишь. Достигъ я твердыни—не отступлю; спасъ душу—погубить ея не хочу; заключилъ съ Богомъ миръ—о войнѣ не мыслю; отрекся сатаны—не обращусь къ нему; церковь Божію возвеселилъ—не рѣшусь заставить ее плакать о моей погибели; принялъ древніе уставы—не отступлю отъ нихъ; восточную братію опечалилъ—по истинѣ слезъ ихъ не отру моею пагубою. Пусть плачутъ—я пребываю въ радости, ибо обрѣлъ Петра и преемника его, при которомъ одномъ незапятнанная осталась вѣра. Освобождаю васъ отъ плача, слезъ вашихъ не желаю, по слову Христа: не плачите о мнѣ, обаче себѣ плачите и чадъ вашихъ“ [1]). Такую же восторженную преданность римской вѣрѣ и церкви высказы-

[1]) Переписка Потѣя съ патріархомъ Мелетіемъ напечатана въ приложеніи къ сборнику проповѣдей Потѣя: Kazania y Homilie.. и пр., изданному въ Супраслѣ. въ 1714 г.

Digitized by Google

ваетъ Потѣй и въ своихъ проповѣдяхъ: „въ ней живу, въ ней умираю, при ней жизнь трачу,“ говорится въ одномъ изъ его поученій.

Нельзя не замѣтить, что въ этой восторженной исповѣди Потѣя слышится какъ бы нѣкоторая афектація, можетъ быть, внушенная духомъ полемики; тѣмъ не менѣе нѣтъ основаній отрицать, что Потѣй дѣйствовалъ на своемъ поприщѣ „апостола уніи“ по искреннему убѣжденію, и уже во всякомъ случаѣ его нельзя заподозрить въ тѣхъ своекорыстныхъ разсчетахъ, въ силу которыхъ пристали къ уніи Терлецкій и другіе западно-русскіе владыки. „Къ духовному званію и къ уразумѣнію въ немъ правды (писалъ Потѣй) не привлекли меня скоропреходящія богатства; напротивъ, я лишился сенаторскаго кресла, которое имѣлъ въ мірѣ, лишь бы только заблудшей Руси указать путь къ апостольской столицѣ. Привлекла меня къ Риму чистота вѣры, святость жизни, ангельскій порядокъ, безпримѣрная любовь, неслыханная заботливость о душахъ въ римской церкви“ [1]). Можно бы спросить: какъ могъ Потѣй выработать столь идеальное представленіе о порядкахъ римской церкви, когда именно въ его время въ Польшѣ, какъ и въ цѣлой Европѣ, громко раздавались самыя рѣзкія порицанія, направленныя противъ многоразличныхъ злоупотребленій римскаго двора и безнравственной жизни католическаго духовенства? Но это—вопросъ общій, примѣнимый не къ одному Потѣю, но и къ цѣлому ряду современныхъ ему вѣроотступниковъ изъ числа западно-русскаго дворянства. Вѣдь нельзя же утверждать, будто всѣ эти Ходкевичи, Скумины-Тышкевичи, Острожскіе, Чарторыйскіе, Вишневецкіе и имъ подобные принимали католичество исключительно изъ-за личныхъ разсчетовъ и выгодъ: такому заключенію противорѣчило бы уже одно то, что многіе изъ подобныхъ ренегатовъ оказывались потомъ ревностнѣйшими католиками, до фанатизма преданными интересамъ новой вѣры. Очевидно, въ этой вѣрѣ было нѣчто такое что неотразимо привлекало къ ней умы и сердца тогдашней южнорусской знати. Можетъ быть, эта притягательная сила таилась во внѣшнемъ величіи римской церкви, въ ея идеѣ всемірнаго господства, въ могущественномъ единовластіи ея первосвященника, державшаго тогда въ своихъ рукахъ судьбы царствъ и народовъ, въ

[1]) Изъ письма Потѣя къ Мелетію, патріарху александрійскому.

Digitized by Google

образованности и сановитомъ положеніи ея высшихъ служителей, бискуповъ и прелатовъ, и въ другихъ чисто внѣшнихъ преимуществахъ, которыми такъ любили тогда хвалиться іезуиты (наприм. Скарга), противопоставляя весь этотъ блескъ и господство униженному, порабощенному положенію церквей восточныхъ. По крайней мѣрѣ относительно Потѣя можно утверждать, что его сильно плѣняла эта внѣшняя, показная сторона католичества, особенно послѣ того, когда онъ побывалъ въ столицѣ католическаго міра и видѣлъ своими глазами блескъ и могущество римскаго первосвященника. Но въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ Потѣй дѣлаетъ неоднократныя указанія и на другія причины, побуждавшія его не только самому стремиться къ Риму, но и всѣми силами привлекать къ тѣснѣйшему соединенію съ нимъ западно-русскую церковь. Главнымъ изъ этихъ побужденій служили успѣхи протестантства среди православныхъ и сознаніе ихъ безсилія для противодѣйствія этой пропагандѣ. На это обстоятельство Потѣй самъ указывалъ князю Острожскому, какъ на главную причину, побудившую его думать объ уніи: „Много могъ бы я писать вашей милости, что дѣется въ моей брестской епархіи, какое притѣсненіе (отъ протестантовъ) терпятъ христіане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Еще бы утѣшался тѣмъ когда бы крестъ этотъ они несли съ покорностью; а то отпадаютъ не по одному, а цѣлыми громадами, видя наше безсиліе, и Богъ вѣдаетъ, съ кѣмъ мы наконецъ останемся“ [1]). Чтобы помочь этому безсилію, князь Острожскій завелъ уже у себя въ Острогѣ высшее училище и пригласилъ въ него ученыхъ грековъ; то же самое дѣлали въ то время братство львовское и виленское. Но Потѣй, вообще нерасположенный къ грекамъ, былъ очень не высокаго мнѣнія о греческой наукѣ и не ожидалъ отъ нея никакой пользы. Онъ повторялъ князю вычитанные у іезуитовъ толки объ исконномъ нерадѣніи восточныхъ патріарховъ о нуждахъ западно-русской церкви, твердилъ о совершенномъ якобы упадкѣ древней греческой образованности, изображая въ самыхъ мрачныхъ краскахъ безпорядки въ греческой церкви подъ турецкимъ владычествомъ, подкупы, интриги и разныя злоупотребленія въ средѣ тамошней іерархіи, и приходилъ къ заключенію, что „когда высыхаютъ источники, то изсякаютъ и питаемыя ими рѣки: если у грековъ не стало ни

[1]) Письмо отъ 25 марта 1595 г. Акты зап. Россіи, т. IV, № 63.

Digitized by Google

науки, ни проповѣди, ни даже порядка церковнаго, то не удивительно, что не достаетъ того же и у насъ, и мы вынуждены все это занимать у нашихъ противниковъ (т. е. латинянъ)“ [1]). Глубоко ненавидя протестантство, Потѣй крайне возмущался, видя въ средѣ своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, скорѣе дружественное, чѣмъ враждебное отношеніе къ протестантамъ. Такое отношеніе установилось съ того времени, когда протестанты въ союзѣ съ православными отстояли ихъ гражданскія и религіозныя права (вмѣстѣ съ своими) на сеймахъ 1563, 1568 и 1573 гг. вопреки католикамъ. По мѣрѣ усиленія въ Польшѣ католическаго фанатизма, раздуваемаго іезуитами и покровительствуемаго ихъ питомцемъ — королемъ Сигизмундомъ III, усиливалось и сближеніе православныхъ съ протестантами, какъ естественными ихъ союзниками, услугами которыхъ они пользовались не въ одной политической, но нерѣдко и литературной борьбѣ противъ іезуитской пропаганды, за недостаткомъ ученыхъ людей въ собственной средѣ. Когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что среди самихъ западнорусскихъ іерарховъ замышляется измѣна православію и что правительство готовится энергично поддерживать отступниковъ, тогда православные немедленно поспѣшили вступить въ соглашеніе съ протестантами, чтобы совмѣстными силами подорвать задуманную унію. За это дѣло взялся самъ престарѣлый князь Острожскій, находившійся въ родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ главными покровителями протестантства въ Литвѣ. Въ 1595 году онъ отправилъ своихъ пословъ на происходившій въ Торунѣ протестантскій соборъ съ письмомъ, въ которомъ увѣрялъ протестантовъ въ своей всегдашней къ нимъ расположенности и приглашалъ ихъ соединиться противъ латинянъ съ православными и дружно, общими силами отстаивать права и свободу обоихъ исповѣданій. Письмо это было перехвачено, доставлено королю и впослѣдствіи опубликовано Потѣемъ (при изданной имъ въ 1599 г. книгѣ „Антириссисъ“) съ явнымъ умысломъ скомпрометировать православныхъ ихъ дружбою съ „еретиками“. Но они нисколько не были смущены этимъ и въ томъ же 1599 г., по иниціативѣ того же князя Острожскаго, открыто устроили въ Вильнѣ съѣздъ съ протестантами для заключенія съ ними уже не одной политической,

[1]) Акты Зап. Россіи, т. IV, № 70. Акты Южн. и Зап. Р., т. I, № 224.

Digitized by Google

по и религіозной уніи, въ видахъ болѣе успѣшнаго противодѣйствія уніи католической. На этомъ съѣздѣ духовные обоихъ исповѣданій составили записку съ изложеніемъ тѣхъ пунктовъ вѣроученія, въ которыхъ сколько-нибудь сходно православіе съ протестантствомъ, и опредѣлили послать ее на просмотръ къ патріарху константинопольскому вмѣстѣ съ проектомъ церковной уніи между этими исповѣданіями [1]).—Всѣ эти событія возбуждали глубочайшее негодованіе въ Потѣѣ и еще сильнѣе утверждали его въ той мысли, что для западно-русской церкви нѣтъ спасенія внѣ союза съ Римомъ, и что въ противномъ случаѣ она совсѣмъ сдѣлается добычей реформаціи. Въ своихъ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ онъ не находилъ словъ, чтобы достаточно ярко изобразить всю противоестественность (по его мнѣнію) союза православныхъ съ протестантами. „Есть между нами русинами такіе, что говорятъ: мы скорѣе соединимся съ аріанами и новокрещенцами, нежели согласимся быть подъ властью папы и соединиться съ папистами. О милый Боже! развѣ жъ это не явное ослѣпленіе?! Родныхъ братьевъ убѣгаютъ, а къ дѣтямъ мачихи пристаютъ! Но ты, русинъ, скажешь: они (протестанты) съ нами больше сходятся въ вѣрѣ, нежели съ римлянами, ибо не такъ противъ насъ пишутъ и спорятъ, какъ противъ римлянъ. Это справедливо. Но вѣдь и ты, будучи простакомъ и неукомъ, не такъ имъ досаждаешь обличеніемъ ихъ еретическихъ бредней, какъ то дѣлаютъ римляне. Ты, жалкій простецъ, не только противника обличить, но и себя защитить не умѣешь, и за это они тебя „простакомъ-русиномъ“, глупымъ скотомъ“, „неукомъ“ величаютъ. Пусть бы только (отъ чего Боже сохрани) нынѣшніе еретики въ нашемъ государствѣ взяли такую же власть надъ римлянами, какъ въ Англіи, гдѣ они, имѣя на своей сторонѣ короля, совсѣмъ упразднили вѣру и богослуженіе римлянъ,—о, навѣрное и намъ, что нынѣ братаемся съ ними и соединяемся для борьбы противъ папы и римлянъ, они не дали бы ни малѣйшей пощады и немедленно загнали бы нѣмое стадо (какъ они насъ величаютъ) въ свои загоны! Поэтому, лучше тушить пожаръ, когда еще у сосѣда горитъ, нежели въ то время, когда огонь перекинется на твою кровлю“ [2]).

[1]) Подробности объ этомъ съѣздѣ—см. въ монографіи г. Васильевскаго „Очеркъ Исторіи г. Вильны“, помѣщенной въ V вып. „Памятниковъ Русской Старины въ зап. губ.“, стр. 53—55.

[2]) См. сочиненіе Потѣя: „Унія грековъ съ костеломъ римскимъ“, 1595 г. Русская Историч. Библіотека, т. VII, стр. 117 и 147.

Digitized by Google

Глубоко ненавидя протестантство въ самой его идеѣ, Потѣй склоненъ былъ видѣть ея выраженіе въ нѣкоторыхъ особенностяхъ внутренняго строя самой православной церкви, наприм., въ избирательности духовенства, въ участіи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, въ дѣятельности церковныхъ братствъ и т. под. Все это онъ считалъ отклоненіемъ отъ порядковъ и правилъ истинной христіанской церкви, которую не могъ и представить иначе, какъ по римскому образцу, т. е. въ формѣ теократической монархіи, съ строгимъ раздѣленіемъ управляющихъ отъ управляемыхъ и съ безусловнымъ подчиненіемъ послѣднихъ первымъ. Такое воззрѣніе вполнѣ соотвѣтствовало общему складу ума и характера Потѣя—бывшаго вельможи, съ дѣтства воспитаннаго въ шляхетскихъ понятіяхъ о сословныхъ и другихъ преимуществахъ, и, наконецъ, человѣка гордаго и властолюбиваго. Мѣняя сенаторское кресло на архіерейскій жезлъ, онъ, конечно, дѣлалъ это вовсе не съ тѣмъ, чтобы сносить съ кротостью хотя бы малѣйшее ограниченіе своей архипастырской власти со стороны пасомыхъ, и притомъ — какихъ-нибудь „хлоповъ, шевцовъ и кожемякъ“. Вотъ почему онъ скоро сталъ принципіальнымъ противникомъ тогдашнихъ церковныхъ братствъ, видѣлъ въ нихъ выраженіе начала не православнаго, а протестантскаго, и считалъ еретическимъ самое мнѣніе о правѣ участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. „Не думаю, негодовалъ онъ, чтобы нашелся человѣкъ-христіанинъ, который бы не тронулся той горькой обидой, какую терпимъ мы, русскіе владыки—и отъ кого же? Отъ простыхъ, посполитыхъ людей, ремесленниковъ, которые, покинувъ свое ремесло: дратву, ножницы, шило, и присвоивъ себѣ власть, приличную въ церкви однимъ лишь пастырямъ, неуважительно обращаются съ самимъ словомъ Божьимъ: по-своему его переиначиваютъ, извращаютъ и на свои богохульныя и еретическія выдумки выворачиваютъ, своихъ законныхъ пастырей безчестятъ, позорятъ и клевещутъ на нихъ“ [1]). Въ исходившемъ тогда отъ братства и вообще мірянъ церковно-преобразовательномъ движеніи Потѣй видѣлъ начало ересей, которыя, по его мнѣнію, угрожали возникновеніемъ въ югозап. Руси собственной реформаціи, неменѣе опасной, чѣмъ та, которая проникла сюда изъ Германіи; и вотъ почему онъ такъ ревностно старался о тѣснѣйшемъ соединеніи западно-русской церкви съ рим-

[1]) Ibidem, стр. 115—117.

Digitized by Google

скою, въ которой одной видѣлъ „ангельскій порядокъ и лѣпшую справу“.

Таковы были главнѣйшіе мотивы фанатической приверженности Потѣя къ уніи; ими же достаточно ясно опредѣляется характеръ и направленіе всей послѣдующей дѣятельности его въ званіи епископа, а съ 1600 г. митрополита уніатскаго. Въ объемѣ настоящаго, по возможности, краткаго очерка не удобно обстоятельное обозрѣніе этой дѣятельности, ибо это значило бы писать подробну́ю исторію уніи въ первые 16 лѣтъ ея существованія: до такой степени ея успѣхи неразрывно связаны съ личностью Потѣя. Укажемъ лишь главныя черты и болѣе характерные факты изъ его дѣятельности.

Энергія, обнаруженная Потѣемъ въ служеніи уніи, по истинѣ изумительна, но средства и способы его дѣйствій отличались нерѣдко крайнею грубостью и безразборчивостью; всего чаще такими средствами служили: насилія, интриги, инсинуаціи и ложные доносы. Онъ схватывалъ непокорявшихся ему православныхъ священниковъ и заключалъ въ тюрьмы, другимъ непокорнымъ брилъ головы и бороды, третьихъ выгонялъ изъ приходовъ и подвергалъ разнымъ истязаніямъ, наиболѣе же упорныхъ выставлялъ въ глазахъ правительства какъ мнимыхъ бунтовщиковъ, подлежащихъ суровымъ карательнымъ мѣрамъ. Нерѣдко онъ, въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ, вторгался въ православные́ храмы, арестовывалъ священниковъ, собственноручно обдиралъ престолы, грабилъ церковную утварь и уничтожалъ или уносилъ съ собою антиминсы—этимъ способомъ онъ налагалъ на непокорные ему приходы своего рода *интердиктъ*. Такъ онъ поступилъ, наприм., въ 1596 г. съ церковью св. Иліи въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, и когда патронша этой церкви, жена каштеляна брацлавскаго, Марія Загоровская подала въ судъ жалобу на епископа, неслыханнымъ способомъ оскорбившаго христіанскую святыню, то послѣдній, съ беззастѣнчивостью магната, увѣреннаго въ своей безнаказанности, отвѣтилъ жалобщинѣ, что она напрасно начинаетъ дѣло, такъ какъ въ Польшѣ никакой судъ не станетъ судить его за это, а если она пожелаетъ позвать его въ Римъ на судъ папы, то ей предстоитъ не легкій проѣздъ, и онъ будетъ имѣть предъ нею то преимущество, что дороги туда ему не нужно спрашивать, потому что уже извѣдалъ ее, и онъ увѣренъ, что тамъ не скажутъ въ пользу жа-

Digitized by Google

лобщицы [1]). Съ еще большимъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ Потѣй ненавистныя ему православныя братства: силою отбиралъ у нихъ церкви и школы, разгонялъ священниковъ и учителей, предавалъ братчиковъ торжественно анаѳемѣ, побуждалъ короля уничтожать выданныя раньше братствамъ грамоты и привилегіи, производить обыски въ ихъ типографіяхъ, осуждать на изгнаніе выдающихся братчиковъ и т. под. Особенно памятенъ въ исторіи разгромъ, учиненный Потѣемъ въ Вильнѣ въ 1608 — 1609 гг., повергшій въ панику все православное населеніе этого города и даже вызвавшій со стороны раздраженныхъ покушеніе на жизнь митрополита-гонителя [2]).

Помимо преслѣдованій, Ипатій Потѣй дѣятельно пользовался и другими средствами для водворенія въ юго-западной Руси уніи. Въ 1597 г. онъ отнялъ заведенную незадолго предъ тѣмъ въ г. Брестѣ православную братскую школу и преобразовалъ ее въ уніатскую, а учителемъ къ ней опредѣлилъ вывезеннаго имъ изъ Рима извѣстнаго ученаго уніата, доктора богословія Петра Аркудія, родомъ грека, воспитывавшагося въ римской коллегіи. Вслѣдъ затѣмъ, по отнятіи у виленскаго братства православнаго Троицкаго монастыря, Потѣй основалъ при немъ въ 1601 г. уніатскій коллегіумъ или семинарію, первымъ ректоромъ которой былъ нѣкто Петръ Ѳедоровичъ Сумеретниковичъ, издавшій въ 1604 г., по порученію Потѣя, книгу подъ заглавіемъ: „Оборона собору осьмого, флорентійского“, направленную противъ изданнаго въ 1598 г. въ г. Острогѣ православнаго сочиненія о томъ же соборѣ. Наконецъ, въ 1609 г. Потѣй основалъ въ г. Владимірѣ, при соборной Успенской церкви, небольшую уніатскую школу, записавъ на ея содержаніе изъ доходовъ своей каѳедры по 250 злотыхъ ежегодно [3]).

Не мало потрудился онъ для уніи и на литературномъ поприщѣ. Еще за годъ до формальнаго провозглашенія уніи, Потѣй издалъ въ 1595 г. въ Вильнѣ на западно-русскомъ языкѣ брошюру, „Унія грековъ съ костеломъ римскимъ“. [4]). въ которой

[1]) Архивъ югозап. Россіи, часть I, т. I, № 121. Апокрисисъ. стр. 1768.

[2]) Подробная исторія этихъ событій изложена въ прекрасной монографіи г. Васильевскаго „Очеркъ исторіи г. Вильны“, напечатанной въ V—VI вып. „Памятниковъ русской старины въ зап. губ.“

[3]) Архивъ юго-зап. Россіи, ч. I, т. 6. № CLII.

[4]) Брошюра эта недавно вновь издана въ VII т. „Русской Историч. Библіотекѣ“.

Digitized by Google

старался примирить и согласить ученіе обѣихъ церквей, описывалъ въ свѣтлыхъ краскахъ „зверхность епископа римскаго“ и энергично доказывалъ, что подъ именемъ антихриста не слѣдуетъ разумѣть папу римскаго, какъ то утверждали нѣкоторые изъ православныхъ, съ голоса протестантовъ. Потѣю же приписываютъ изданное въ 1597 г. на западно-русскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ „Справедливое описаніе дѣлъ и справы собора Берестейскаго“, направленное противъ описанія того же собора, сдѣланнаго кѣмъ-то изъ православныхъ [1]). Въ 1608 г. была издана въ Вильнѣ въ параллельномъ польско-русскомъ текстѣ книга Потѣя „Гармонія восточной церкви зъ костеломъ римскимъ“ [2]), посвященная разсмотрѣнію и соглашенію таинствъ и обрядовъ православной церкви и католической. Кромѣ того Потѣй, въ періодъ 1598—1600 гг., три раза издавалъ составленное, по его же порученію, грекомъ Аркудіемъ сочиненіе. „Антиррисисъ“ и въ приложеніяхъ къ нему помѣщалъ и свои труды: письма къ князю Константину Острожскому по дѣлу уніи, отвѣтъ клирику Острожскому и др. Наконецъ, въ приложеніи къ изданному впослѣдствіи сборнику проповѣдей Потѣя находится обширное отвѣтное посланіе его къ александрійскому патріарху Мелетію, склонявшему его возвратиться въ православіе. Всѣ сочиненія Потѣя носятъ несомнѣнную печать литературной таинственности и свидѣтельствуютъ о его учености; но полемическіе пріемы автора очень рѣзки, тонъ раздражительный и часто срываются по адресу противниковъ грубыя, бранныя выраженія.

Тѣми же достоинствами и вмѣстѣ недостатками отличаются и дошедшія до насъ проповѣди Потѣя. Еще при жизни Потѣй пріобрѣлъ славу талантливѣйшаго проповѣдника, и піотрковскій соборъ въ 1607 г. съ большою похвалою отзывался о проповѣднических трудахъ его, исполненныхъ учености и краснорѣчія [3]). Потѣй оставилъ послѣ себя нѣсколько сотъ бесѣдъ и поученій, но пока почитатели его надумались издать ихъ, большая часть матеріаловъ оказалась утраченною безвозвратно. Первое изданіе проповѣдей Потѣя послѣдовало лишь спустя 60 лѣтъ послѣ его

---

[1]) Исторія Русск. Церкви, митроп. Макарія, т. X. стр. 291.
[2]) Недавно вновь напечатана въ VII т. „Русской Историч. Библіотеки“.
[3]) Вишневскій, Historya Literat. Polskiej, т. VIII, стр. 309.

Digitized by Google

смерти, въ 1674 г., на западно-русскомъ языкѣ, на которомъ онѣ были составлены и произносились самимъ авторомъ; за тѣмъ въ 1714 и 1778 гг. было повторено это изданіе, но уже въ польскомъ переводѣ.

Скончался Ипатій Потѣй 18 іюля 1613 года, 72-хъ лѣтъ отъ роду, и похороненъ въ соборно-каѳедральной церкви г. Владиміра [1]). Въ оставленномъ имъ духовномъ завѣщаніи онъ не преминулъ послѣдній разъ предъ грядущимъ потомствомъ оправдать себя и вмѣстѣ то дѣло, которому онъ такъ ревностно посвящалъ себя при жизни. „Такъ какъ нѣкоторые противники наши (писалъ онъ въ завѣщаніи) осмѣливаются утверждать, будто мы къ тому св. единенію (т. е. уніи) ради пожитковъ нашихъ дочасныхъ приступили, то я, очищая совѣсть мою предъ всѣми людьми, свидѣтельствуюсь Богомъ, предъ которымъ открыто все тайное, что я учинилъ то не изъ гордости или презрѣнія къ св. восточной церкви и ея представителямъ, честнѣйшимъ патріархамъ, но въ живомъ сознаніи нужды этого соединенія для душевнаго спасенія моего и пасомыхъ моихъ, памятуя слова Іисуса Христа, который, приводя насъ къ миру и братской любви, учитъ: „О семъ познаютъ, яко мои ученицы есте, коли згоду и любовь промежку себе заховаете“; а сверхъ того имѣлъ еще и то соображеніе, что ежедневно привыкли мы въ церковныхъ молитвахъ просить Господа Бога „о соединеніи вѣры и совокупленіи святыхъ Божіихъ церквей“, а на дѣлѣ убѣгать этого самаго соединенія, изъ чего выходитъ, будто мы дерзаемъ шутки шутить съ Богомъ. А если кому почему-либо не нравится то, что учинилъ я, того прошу—не осуждай, а лучше отложи это на судъ Божій, предъ который всѣ мы предстанемъ: тамъ все тайное открыто будетъ, и каждому воздастся по дѣломъ его, тамъ и мы съ тобою разсудимся и подлинно увѣдаемъ, которая сторона по Богѣ ревнуетъ“ [2]).

Въ заключеніе, въ видѣ оцѣнки дѣятельности Ипатія Потѣя, приведемъ авторитетное сужденіе о немъ, высказанное знаменитымъ нашимъ церковнымъ историкомъ, покойнымъ митрополитомъ московскимъ Макаріемъ: „Для литовской церковной уніи Потѣй

[1]) Современное изображеніе развалинъ этой древнѣйшей на югѣ Россіи церкви см. въ 2 вып. „Памятниковъ Русск. Старины въ зап. губ.“.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. I т. 6, № CLIII.

Digitized by Google

сдѣлалъ столько, сколько не сдѣлалъ никто изъ его товарищей: безъ него, безъ его усилій и трудовъ, она не утвердилась бы въ краѣ, не пустила бы въ немъ корней и, можетъ быть, на первыхъ же порахъ мало-по-малу прекратилась бы, встрѣтивъ такое всеобщее и единодушное сопротивленіе со стороны православнаго населенія. Всѣ прочіе владыки, принявшіе унію вмѣстѣ съ Потѣемъ и въ началѣ, повидимому, ревновавшіе по ней, скоро какъ бы забыли и перестали для нея существовать; по крайней мѣрѣ, ничѣмъ не заявляли своей заботливости о ней, начиная съ пресловутаго Кирилла Терлецкаго, прежде такъ много о ней шумѣвшаго, а лишь проживали спокойно въ своихъ епархіяхъ и пользовались тѣми церковными имѣніями, какія обезпечилъ за ними король. И, сколько извѣстно, самъ Потѣй, сдѣлавшись митрополитомъ, ниразу не обращался къ этимъ своимъ товарищамъ, не приглашалъ ихъ для совѣщаній и для совокупной борьбы за унію: такъ мало онъ ожидалъ отъ подчиненныхъ ему епископовъ! Онъ предпочелъ безъ нихъ постоять за свою излюбленную унію всѣми своими силами и средствами, и дѣйствительно спасъ ее на первыхъ порахъ и утвердилъ въ литовскомъ краѣ. Спасъ и утвердилъ, во-первыхъ, тѣмъ, что впродолженіе своего почти четырнадцатилѣтняго первосвятительскаго служенія велъ за нее непрерывную войну съ своими противниками неустанно и съ величайшею энергіею, и съумѣлъ, какъ ни дорого то ему обошлось, одолѣть ихъ, восторжествовать надъ ними; а во-вторыхъ, тѣмъ, что приготовилъ себѣ новыхъ помощниковъ и сотрудниковъ, въ родѣ Рутскаго, Мороховскаго, Кунцевича, которые впослѣдствіи упрочили и продолжили то, чему онъ положилъ начало. Нѣтъ достаточнаго основанія отрицать, что Игнатій Потѣй дѣйствовалъ на своемъ поприщѣ по убѣжденію... Но всѣ эти недостойныя мѣры, какія употреблялъ онъ для своей цѣли, всѣ эти вопіющія неправды, къ какимъ не стыдился прибѣгать постоянно для одолѣнія своихъ враговъ, всѣ эти насилія и преслѣдованія, какими онъ старался навязывать православнымъ ненавистную имъ унію, кладутъ на имя Потѣя въ исторіи неизгладимое пятно вѣчнаго позора и безславія“ [1]).

Орестъ Левицкій.

---

[1]) Исторія Русск. Церкви, X, 411.

Digitized by Google

Уніатскій лжемученикъ Іосафатъ Кунцевичъ и посмертное чествованіе его бывшими уніатами юго-западной и западной Россіи.

Имя Іосафата Кунцевича тѣсно связано съ исторіей распространенія и утвержденія уніи на Подлясьи, въ нынѣшней сѣдлецкой губерніи. Хотя Кунцевичъ былъ собственно полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ и при жизни своей не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ Забужью; но брѣнные останки этого уніатскаго лжемученика, убитаго въ 1623 году витебскими православными жителями за фанатизмъ и изувѣрство, оставались и остаются въ г. Бѣлѣ около 180 лѣтъ и, окруженные со стороны католиковъ и уніатовъ-базиліанъ ореоломъ мученичества и святости, были въ ихъ рукахъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ истребленію слѣдовъ православія въ этомъ краѣ и обращенію мѣстныхъ православныхъ жителей въ унію и даже католицизмъ. Слѣдовательно, для исторіи холмскаго края Іосафатъ Кунцевичъ имѣетъ значеніе не какъ живой человѣкъ и историческій дѣятель извѣстной эпохи, а какъ сказочный мертвецъ-колдунъ, тѣнь котораго неоднократно вставала изъ гроба и пугала дѣтское воображеніе простецовъ и нетвердыхъ въ вѣрѣ, загоняя этихъ овецъ Христовыхъ въ овчарню папы и въ погибель вѣчную. Исторіи этого мертвеца и посмертныхъ его похожденій мы и намѣрены коснуться въ этотъ разъ, оставляя въ сторонѣ подробное изложеніе его жизни и дѣяній, хорошо извѣстныхъ по другимъ источникамъ и изслѣ-

Digitized by Google

дованіямъ [1]); но при этомъ считаемъ необходимымъ уяснить предварительно нѣкоторыя черты въ жизни и характерѣ Кунцевича, которыя, по нашему мнѣнію, могли имѣть вліяніе на его смерть и посмертную судьбу.

Прежде всего нужно замѣтить, что Іосафатъ Кунцевичъ былъ не просто уніатъ, а уніатъ базиліанинъ, членъ монашескаго базиліанскаго ордена, составлявшаго квинтъ-эссенцію уніи и учрежденнаго по образцу и подъ руководствомъ римско-католическихъ монашескихъ орденовъ кармелитанскаго и іезуитскаго. Главнымъ основателемъ базиліанскаго ордена въ западной Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшимъ и непосредственнымъ руководителемъ Кунцевича былъ Іосифъ-Вельяминъ Рутскій, бывшій впослѣдствіи уніатскимъ митрополитомъ. По свидѣтельству секретнаго прошенія базиліанъ къ папѣ въ 1624 году, Рутскій при выходѣ изъ грекоримской коллегіи предпринялъ намѣреніе помочь, по своей возможности, обряду греко-католическому и касательно этого далъ обѣтъ въ Римѣ. Съ этою цѣлію онъ обошелъ важнѣйшія мѣста Россіи и былъ даже въ самой Московіи и столицѣ ея Москвѣ. Онъ нашелъ, что не иначе можетъ помочь, какъ только сдѣлавшись монахомъ обряда греческаго. Прежде чѣмъ приступить къ этому, онъ отправился въ Римъ и, послѣ многихъ бесѣдъ со многими духовными людьми, съ вѣдома и согласія верховнаго первосвященника Павла V, въ началѣ его папствованія, вошелъ въ соглашеніе съ мужемъ особенной святости и учености отцомъ Петромъ кармелитомъ босоногимъ и съ генераломъ его ордена, чтобы этотъ отецъ послалъ съ нимъ въ Россію четырехъ монаховъ своего ордена, которые приняли бы обрядъ греческій и монашескую одежду св. Василія и были бы учителями нашими въ духовной жизни и реформаторами ордена св. Василія Великаго, тогда очень неупорядоченнаго. Заключивъ такое условіе, онъ отправился въ Литву и въ Вильнѣ, въ монастырѣ пресв. Троицы, принялъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, монашескую одежду св. Василія Великаго. Здѣсь жилъ этотъ послушникъ съ другими послушниками, занимаясь благочестивымъ изученіемъ хорошо устроенныхъ орде-

[1]) На русскомъ языкѣ о жизни Кунцевича можно читать: въ «Исторіи уніи» Кояловича; въ «Вѣстникѣ Юго-Западной и Западной Россіи» за іюль и августъ 1862 г.; въ «Исторіи русской церкви» преосвященнаго Макарія, т. X и XI; въ III томѣ «Исторіи возсоединенія Руси» Кулиша, и др.

Digitized by Google

новъ латинскаго обряда, съ которыми онъ познакомился, „когда еще былъ міряниномъ, и съ которыми имѣлъ тогда въ Вильнѣ общеніе. Но поелику тогда въ орденѣ отцевъ босоногихъ не было поляковъ, кромѣ развѣ одного, то посему разсѣялась эта миссія. А между тѣмъ умеръ помянутый отецъ Петръ; насъ же окружили многочисленныя бѣдствія, какъ внѣшнія отъ схизматиковъ, такъ и внутреннія отъ нашихъ старыхъ монаховъ, которые, лишь только узнали о нашемъ предпріятіи, возбудили противъ насъ сильное подозрѣніе въ томъ, что этимъ способомъ мы намѣрены уничтожить обрядъ греческій... Между тѣмъ, въ нашъ благоустроенный монастырь поступало много юношей, преимущественно изъ учениковъ іезуитскихъ школъ, которымъ мы приказывали заниматься науками въ тѣхъ же школахъ, освобождая ихъ отъ монашескихъ обязанностей. Такимъ образомъ мы соединили въ одно тѣло около 100 человѣкъ, и стали умножаться монастыри“ [1]). Въ числѣ первыхъ и ревностныхъ прозелитовъ этого латино-греческаго базиліанскаго ордена былъ и Іосафатъ Кунцевичъ. Холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша въ донесеніи своемъ конгрегаціи распространенія вѣры, въ 1664 году, писалъ слѣдующее: „Преемникъ Рагозы, преосвященнѣйшій Поцѣй, заботясь объ уніи, въ видахъ необходимости имѣть, для обращенія народа, монаховъ, пріобрѣлъ сначала монастырь виленскій и собралъ юношество, изъ коего вышли блаженный мученикъ Іосафатъ, Іосифъ Рутскій, столпъ уніи, и очень многіе другіе монахи, знаменитые ученостію и благочестіемъ, изъ коихъ нѣкоторые взяты были на епископства и прелатства“ [2]).

Изъ виленскаго монастыря Кунцевичъ, въ званіи послушника, долгое время ходилъ въ іезуитскій коллегіумъ обучаться разнымъ наукамъ, гдѣ главными руководителями и наставниками его были іезуиты Валентинъ Фабриціи Гроза и Гавріилъ Грушевскій, впослѣдствіи проповѣдники при дворѣ Сигизмунда III [3]). По окон-

---

[1]) См. книгу «Sacra Congregatione particulari de propaganda fide coram Sanctissimo domino nostro Benedicto papa XIV Kijowien. jurisdictionis pro reverendissimo domino Floriano Hrebnicki archiepiscopo Polocensi totiusque Russiae metropolita cum domino protoarchimandrita ordinis Sancti Basilii Magni Ruthenorum Supplicatio facti et juris, Romae, 1755 an, Summarium, № 80.

[2]) Тамъ же. Summarium, № 1.

[3]) Menologium Bazylianskie, Игн. Кульчинскаго, 1771 г., въ житіи Кунцевича подъ 16 сентября.

Digitized by Google

чаніи въ коллегіумѣ курса наукъ, Кунцевичъ въ 1604 году постриженъ былъ въ иноки того же свято-троицкаго монастыря, съ именемъ Іосафата, а чрезъ пять лѣтъ посвященъ въ іеромонахи [1]). Къ этому времени іезуитская затѣя Рутскаго уже ясно обозначилась и для православныхъ, такъ что въ 1609 году архимандритъ виленскаго свято-троицкаго монастыря Сенчиловичъ жаловался, что Рутскій построилъ въ этомъ монастырѣ особое зданіе для монаховъ, съ цѣлію превратить чинъ св. Василія Великаго въ іезуитскій [2]). Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ іезуитско-базиліанскомъ духѣ является Іосафатъ Кунцевичъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ написалъ будто бы на польскомъ языкѣ въ защиту уніи книгу „Obrona wiary“ [3]) и на русскомъ языкѣ „Катихизисъ“ [4]). Мы не нашли ни этихъ книгъ, ни указаній на нихъ у позднѣйшихъ библіографовъ; но въ „описаніи рукописей Виленской публичной библіотеки“ Ф. Добрянскаго, 1882 года, значатся два рукописные сборника, принадлежавшіе Іосафату Кунцевичу и, можетъ быть, отчасти имъ писанные (№№ 105 и 261), изъ коихъ въ послѣднемъ помѣщены рядъ черновыхъ проповѣдей на бѣлорусскомъ нарѣчіи „О жизни монашеской“ и „наука противъ грѣховъ“, представляющая толкованіе десяти заповѣдей въ вопросахъ и отвѣтахъ. Несомнѣнно принадлежатъ Кунцевичу только два посланія его къ канцлеру литовскаго княжества Льву Сапѣгѣ и одно къ Іосифу Рутскому, замѣчательныя по чудовищности іезуитскихъ взглядовъ на церковь и общество [5]), къ которымъ нужно присоединить издаваемое въ приложеніи къ настоящему вопросу письмо Кунцевича къ какому-то православному игумену, 1621 г. Но главная дѣятельность Кунцевича была по преимуществу практическая. Онъ всюду проповѣдывалъ унію: на

[1]) „Іосафатъ Кунцевичъ“, въ „Вѣстникѣ юго-зап. и западной Россіи“, іюль, 1862 г., отд. II, стр. 53.

[2]) Церковная литовская унія, М. О. Кояловича, т. II, стр. 303, примѣч. 79.

[3]) „Іосафатъ Кунцевичъ“, въ „Вѣстникѣ юго-зап. и западной Россіи“, іюль, 1862 г., отд. II, стр. 53.

[4]) Post-Scriptum do noty listow Anonyma adressowanych do Jasnewielmożnego Imci Pana Malachowskiego Referendarza Koronnego y Marszalka Seymu y Konfe. Koron, roku 1789, стр. 51.

[5]) О первомъ изъ нихъ можно имѣть понятіе по отвѣтному письму Льва Сапѣги (оно помѣщено въ Синопсисѣ Кульчинскаго), а второе перепечатано изъ Colloquium Lubelskie М. О. Кояловичемъ въ его „Церковной литовской уніи“ т. II, стр. 335—344, а третье въ „Вѣстникѣ юго-зап. и западной Россіи“, августъ, 1862 г., отд. I, стр. 81—83.

Digitized by Google

РГЪ.
ВА
Троицы На 1
гданова.
ихъ рисунковъ.

улицахъ, площадяхъ, въ церкви, и въ частныхъ домахъ, съ такимъ энтузіазмомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, что въ самое короткое время совратилъ въ нее половину Вильны, за что православные прозвали его „душехватомъ“, и кто-то изъ православныхъ нарисовалъ огромнаго размѣра картину, на которой были изображены: тогдашній уніатскій митрополитъ Ипатій Поцѣй и Троицкаго монастыря архимандритъ Іосифъ Рутскій въ свойственныхъ ихъ сану одеждахъ, а Іосафатъ въ видѣ дьявола, съ рогами на головѣ, страшнымъ лицемъ и крюкомъ въ правой рукѣ, которымъ тащитъ къ себѣ души православныхъ, а надъ головою его сдѣлана была надпись „душехватъ“. За ревность къ уніи Іосафатъ Кунцевичъ сдѣланъ былъ настоятелемъ сначала Бытенскаго, а потомъ Жировицкаго монастыря, водворяя въ нихъ порядки базиліанскаго ордена, и наконецъ около 1614 года назначенъ былъ архимандритомъ виленскаго троицкаго монастыря [1]). Теперь онъ фактически становится во главѣ зарождавшагося базиліанскаго ордена, къ которому принадлежало тогда пять монастырей—Виленскій, Новогрудскій, Минскій, Жировицкій и Бытенскій [2]), и все болѣе и болѣе сближается съ латинствомъ и іезуитами и вдохновляется ими. Въ 1617 году послѣдовалъ первый съѣздъ представителей базиліанскихъ западно-русскихъ монастырей въ Новогрудкѣ, на каковой съѣздъ присланы были по просьбѣ Рутскаго, бывшаго тогда уже уніатскимъ митрополитомъ, отъ іезуитскаго генерала два іезуитскіе доктора богословія, для присутствованія на засѣданіяхъ [3]). На этомъ съѣздѣ митрополитъ Рутскій избранъ былъ въ протоархимандриты или генералы базиліанскаго ордена [4]). Въ томъ же 1617 году и Кунцевичъ, по рекомендаціи Рутскаго, королевскою грамотою назначенъ былъ коадъюторомъ—епископомъ полоцкой архіепископіи и преемникомъ слабаго и дряхлаго полоцкаго архіепископа Гедеона Брольницкаго, который и скончался въ концѣ слѣдующаго 1618 г. [5]).

[1]) „Іосафатъ Кунцевичъ“, въ „Вѣстникѣ юго-зап. и западной Россіи“, іюль, 1862 г., іюль, отд. II, стр. 53—54.

[2]) Письмо Якова Суши къ секретарю конгрегаціи распространенія вѣры, въ Почаевскомъ архивѣ, № 201, л. 118 и 119.

[3]) „Исторія базиліанскаго ордена“, М. Колловича, въ „Христ. Чтеніи“, апрѣль, 1864 г, стр. 443.

[4]) Przydatek do Chronologie, Стебельскаго, Вильна, 1783 г., Ш, стр. 275.

[5]) „Іосафатъ Кунцевичъ“, въ „Вѣстникѣ юго-зап. и западной Россіи“, іюль, 1862 г., отд. II, стр. 55—56.

Digitized by Google

Извѣстны фанатическія дѣйствія Кунцевича на полоцкой каѳедрѣ противъ православныхъ, встрѣтившія обличеніе даже со стороны католика, канцлера великаго княжества литовскаго Льва Сапѣги [1]),—и мы не будемъ о нихъ распространяться: но не можемъ не замѣтить, что вдохновеніе для своего фанатизма Кунцевичъ продолжалъ получать отъ базиліанскаго ордена, членомъ котораго продолжалъ считать себя и въ санѣ епископскомъ и дѣятельно участвовать въ его съѣздахъ, и отъ базиліанскихъ руководителей іезуитовъ. Въ 1621 году состоялся въ Лавришевскомъ монастырѣ, подъ предсѣдательствомъ Рутскаго, второй базиліанскій съѣздъ, на которомъ выбраны были въ протоархимандриты или генералы базиліанскаго ордена виленскій архимандритъ Левъ Кревза-Ржевусскій, а въ провинціалы или викарные генералы Янъ-Дубовичъ [2]). Не знаемъ, былъ ли самъ Кунцевичъ на этомъ съѣздѣ; но онъ побуждалъ быть на немъ монастырскихъ настоятелей своей епархіи, какъ видно изъ нижеслѣдующаго письма его къ одному неизвѣстному игумену [3]): „Отче игумене!“ писалъ Кунцевичъ. „Умыслне посылаю выежчихъ

---

[1]) Тамъ же, за августъ 1862, отд. 1, стр. 65—79.

[2]) Przydatek do Cgronol, Стебельскаго, Вильна, 1783 г., т. III, стр. 275—276.

[3]) Подлинникъ этого письма Кунцевича находится въ коллекціи автографовъ издателя и въ копіи приложенъ къ тексту изданія. *Ред.* Вотъ его переводъ:

„Отецъ Игуменъ!

Нарочито посылаю разсыльныхъ моихъ, прибѣгаю къ письму и вновь напоминаю объ исправленіи. Ибо я слышалъ, что ты снова *возвращаешься на свои блевотины,* а потому не хотѣлъ прибыть, по письму моему, и на соборъ. Такъ знай же и то, что я васъ и самъ найду, и, вѣроятно, будетъ для васъ *послѣдняя* ваша *лесть горшая первыхъ.* Ибо я вижу, что ты *воздаешь ми злая возблагая и ненависть за возлюбленіе мое.* Въ заключеніе же будъ здоровъ и исправляйся. Изъ Полоцка, вторая недѣля (т. е. воскресенье) св. поста, февраля, 1621 года. Въ любви же Христовой братъ“.

На оборотной сторонѣ автографа сдѣлана слѣдующая надпись: „List swiętego Iozafata Ręką własną pisany do Ihumena niewiedziec jakiego, Roku 1621. in Februario, napominaiący go ad Unionem

Fascicul 157. № 3.

Ab illustrissimo Domino Carolo Copec Castellano Trocensi, Capitaneo Brestensi haec epistola Beati Iosaphati manu propria scripta donata est templo Brestensi Sanct... I. . . . .

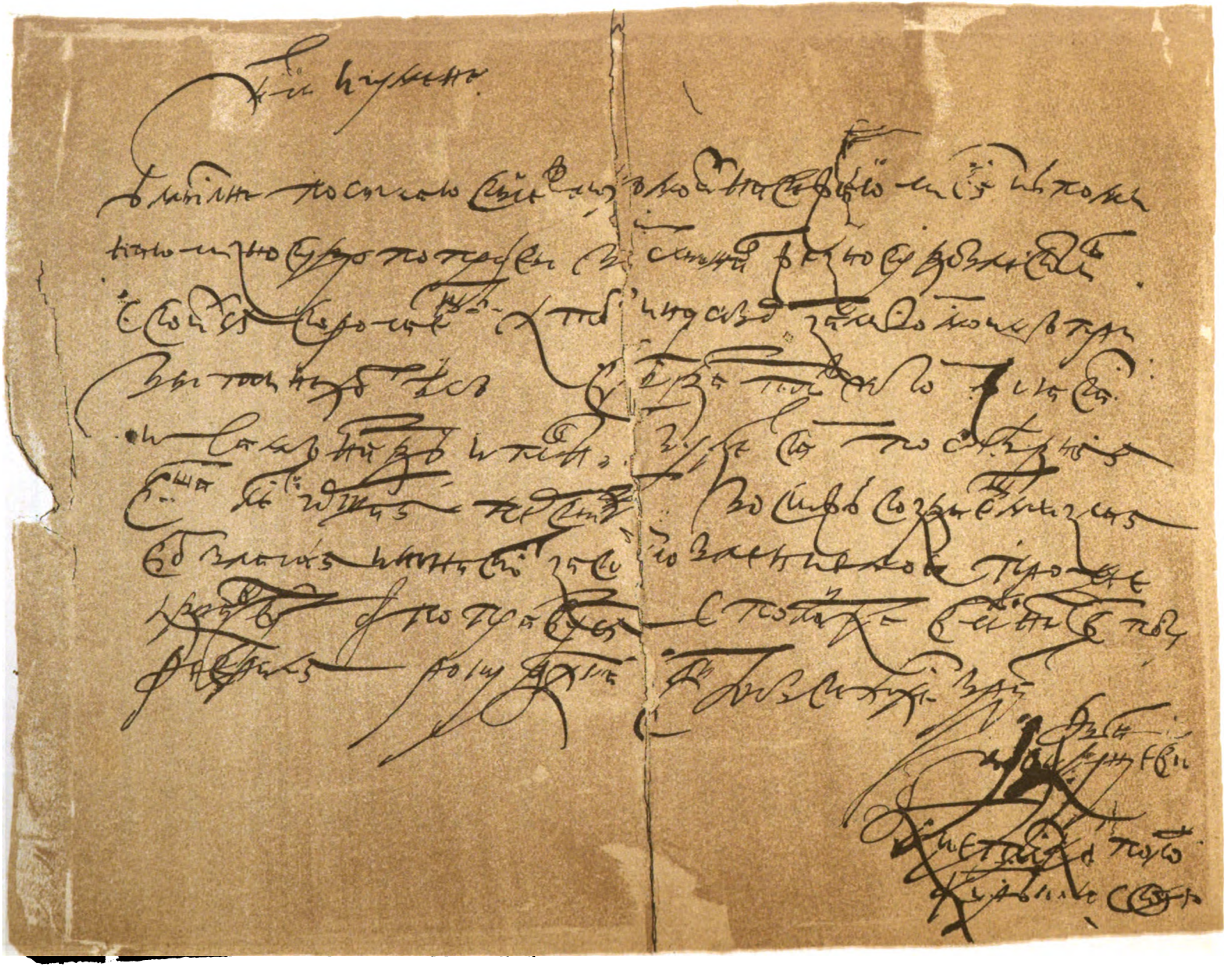
„Письмо святаго Іосафата, собственноручно писанное къ неизвѣстно какому игумену, 1621 года, въ Февралѣ, побуждающее его къ уніи.

Связка 157, № 3.

Отъ вельможнаго господина Карла Конца, каштеляна Троцкаго, старосты Брестскаго, сіе письмо, писанное собственною рукою блаженнаго Іосафата, пожертвовано храму Брестскому св. I.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

моихъ, навежаю листа и упоминаюся знову до поправы. Бо-мъ слышалъ, же знову до блевотинъ своихъ ся ворочаешъ, а тому и *на соборъ* за листомъ моимъ прибыть не хотѣлъ. Вѣдай тежъ и то, же я васъ и тамъ найду, и певно будетъ вамъ послѣдняя ваша лесть горшая первыхъ. Бо вижу, воздаешъ даешъ ми злая возблагая и ненависть за возлюбление мое. Прочее здравствуй а поправуйся. Съ Полоцка, вторая недѣля св. посту, 6евраля року 1621" и проч. [1]). На этомъ съѣздѣ, или какъ выражается Кунцевичъ, „соборѣ" базиліане заключили тѣсный союзъ съ іезуитами дѣйствовать заодно [2]). Въ силу этого союза, митрополитъ Рутскій учредилъ въ Бытенскомъ монастырѣ новиціатъ, въ который „введены были имъ"—по свидѣтельству Якова Суши, — „монахи общества Іисуса (іезуитскаго ордена) для духовнаго наставленія нашихъ монаховъ, такъ что оный превосходный пастырь (т. е. Рутскій), для возстановленія монашескаго духа, посылалъ упражняться въ сей новиціатъ настоятелей разныхъ монастырей и почтенныхъ лѣтами людей въ орденѣ" [3]). Наконецъ, несомнѣнно извѣстно, что Кунцевичъ, присутствовалъ на Рутскомъ базиліанскомъ съѣздѣ, за три съ небольшимъ мѣсяца до своей смерти [4]), созванномъ для прекращенія возникшихъ въ базиліанскомъ орденѣ несогласій, на которомъ базиліане дали другъ другу взаимную клятву и обѣщаніе заботиться о сохраненіи единства вѣры, обычаевъ и обрядовъ восточной церкви [5]). Можетъ быть, обнаруженные на съѣздѣ безпорядки и несогласія и послужили для фанатически настроеннаго Кунцевича одною изъ побудительныхъ причинъ принять мученическій вѣнецъ за унію и базиліанскій орденъ и содѣйствовать ихъ укрѣпленію и прославленію. По словамъ М. О. Кояловича, Кунцевичъ, собираясь въ 1623 г. въ Витебскъ, явно готовился къ смерти и всю дорогу весьма много

---

[1]) Издается въ приложеніи къ сему выпуску.

[2]) „Исторія базиліанскаго ордена", М. О. Кояловича, въ „Христ. Чтеніи", апрѣль, 1864 г., стр. 444.

[3]) Донесеніе Якова Суши, 1664 г., о началѣ уніи см. въ книгѣ „Sacra congregatione particulari de propaganda fide coram... Benedicto papa XIV kijoviensis jurisdictionis pro... Floriano Hrebnicki archiepiscopo Polocensi totiusque Russiae metropolita cum domino protoarchimandrita S. B. M. Ruthenorum supplicatio facti et juris. Римъ, 1755 г., Summarium, № 1.

[4]) Przydatek do Chronologie, Стебельскаго, Вильна, 1783 г., т. III, стр. 275—276.

[5]) „Исторія базиліан. ордена", М. Кояловича, въ „Христіан. Чтеніи", апрѣль, 1864 г., стр. 445.

Digitized by Google

говорилъ о мученичествѣ и хотѣлъ добиться его во что бы то ни стало для блага уніи и базиліанскаго ордена. Въ римской церкви слава монашескихъ орденовъ обыкновенно измѣрялась количествомъ великихъ и знаменитыхъ мужей, принадлежавшихъ извѣстному ордену. А между тѣмъ вновь учрежденный или преобразованный базиліанскій орденъ не успѣлъ еще обзавестись знаменитостями. Отсутствіе такихъ знаменитостей сознавали и чувствовали и сами базиліане, какъ это можно видѣть изъ письма базиліанина Симеона Яцкевича [1]), а поэтому на первыхъ порахъ существованія своего ордена всячески заботились о томъ, чтобы возвысить свой орденъ знаменитыми мужами. Такъ напр., только-что упомянутый Симеонъ Яцкевичъ, современникъ Рутскаго, считался у базиліанъ святымъ и блаженнымъ [2]). Приготовлялось къ нетлѣнію и тѣло Рутскаго, этого „столпа уніи“ и русскаго Аѳанасія, какъ величалъ его папа; но, къ огорченію базиліанъ, захвачено было московскимъ войскомъ при завоеваніи въ 1655 году Вильны и отвезено въ Москву [3]). За то въ это время неожиданно для самихъ базиліанъ явился новый базиліанскій „мученикъ“ Симеонъ Рупартовичъ, убитый при взятіи Бреста [4]). Такое желаніе базиліанами славы для своего ордена могло заставить и Кунцевича искать мученичества, желаніе, тѣмъ болѣе понятное въ Кунцевичѣ, что въ его время многіе не очень лестно отзывались объ уніи и предпочитали ей „схизму“, т. е. православіе [5]). Извѣстно, что жажда мученичества у Кунцевича была удовлетворена: православные жители города Витебска, куда явился Кунцевичъ пропагандировать унію насильственными мѣрами, 12 ноября 1623 года вторгнулись въ архіерейскій домъ, убили Кунцевича и его обезображенный трупъ бросили въ Двину, откуда онъ извлеченъ былъ только чрезъ три дня. Іосафатъ Кунцевичъ впослѣдствіи времени провозглашенъ былъ „блаженнымъ мученикомъ“ латино-уніатской церкви и въ этомъ новомъ званіи своемъ гораздо болѣе принесъ пользы уніи и вреда православію и русской народности, чѣмъ при своей жизни.

---

[1]) Почаев. архивъ, дѣло за № 201, л. 105.
[2]) Тамъ же, л. 105, 115 и 116.
[3]) Тамъ же, л. 99.
[4]) „Церковная литовская унія“, М. Кояловича, т. II, примѣч. 295.
[5]) Почаев. архивъ, дѣло за № 201, л. 10.

Digitized by Google

Въ слѣдующемъ 1624 году, съ разрѣшенія папы Урбана VIII, созванъ былъ въ Полоцкѣ соборъ высшаго уніатскаго и отчасти латинскаго духовенства, подъ предсѣдательствомъ уніатскаго митрополита Іосифа Рутскаго, для торжественнаго отпѣванія тѣла Іосафатова. Торжество сіе совершалось въ Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ. Лучшіе того времени проповѣдники произнесли нѣсколько надгробныхъ рѣчей на латинскомъ, польскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ, а базиліанскій протоархимандритъ и генералъ Левъ Кревза, заключилъ это requiem напыщеннымъ панегирикомъ Іосафату. Гробъ съ набальзамированнымъ его тѣломъ былъ вынутъ изъ склепа и поставленъ въ церкви, гдѣ и находился до завоеванія Полоцка войсками царя Алексѣя Михайловича [1]). Но это торжественное отпѣваніе Кунцевича и заботливость о сбереженіи его тѣла были только приготовительными актами къ канонизаціи Кунцевича впослѣдствіи времени. Для ускоренія этой канонизаціи, католики и уніаты, тотчасъ же по умерщвленіи Кунцевича, стали описывать и восхвалять его жизнь на разные лады и приписывать ему различныя небывалыя добродѣтели, знаменія и чудеса. Вишневскій въ своей исторіи польской литературы насчитываетъ до 13-ти сочиненій объ Іосафатѣ Кунцевичѣ и его смерти, написанныхъ базиліанами, іезуитами, доминиканами и свѣтскими людьми, изъ коихъ болѣе раннія суть слѣдующія: Josaphatidos sive de nece Josaphati Kuncewicz... libri tres, іезуита Николая Кмичича, подъ вымышленнымъ именемъ базиліанина Іосафата Исаковича; Relacya o zamordowaniu Josaphata Kuncewicza, составленная или Григоріемъ Михаловичемъ, или Іоакимомъ Мороховскимъ, въ Замостьѣ, 1624 г.; Glos krwie b. Iosaphata Kuncewicza, доминиканца Фабіана Бирковскаго, Краковъ, 1629 г., и др. [2]). Подготовивъ такимъ образомъ почву для канонизаціи Кунцевича, католики и уніаты около 1629 года обратились къ папѣ Урбану VIII съ просьбою объ этой канонизаціи, вслѣдствіе чего папа послалъ въ Полоцкъ особую коммиссію для освидѣтельствованія тѣла и чудесъ Кунцевича. „Пятимъ же лѣтомъ минувшимъ по честнѣмъ его страданіи (т. е. въ

---

[1]) „Іосафатъ Кунцевичъ", въ „Вѣстникѣ юго-зап. и западной Россіи", августъ, 1862 г., отд. II, стр. 83—88.

[2]) Т. VIII, въ переводѣ на русскій языкъ, съ примѣчаніями переводчика, см. въ Кіев. Епарх. Вѣд. за 1878 г. и особыми оттисками, подъ заглавіемъ „Очеркъ исторіи и литературы церкви западно-русской за XVI—XVIII стол.", стр. 145—148

Digitized by Google

1629 году), — говорится въ позднѣйшемъ уніатскомъ синаксарѣ Кунцевичу, — святый престолъ апостольскій римскій, слышащъ о чудесѣхъ день отъ дне множащихся, посылаетъ испытателей, си есть комміссарей въ градъ Полоцкъ, гдѣ впервыхъ тѣло нетлѣнное аки живо и нимало привянувшееся, ниже поврежденное обрѣтоша, отъ язвы въ главѣ сущія аки сегоднешняя кровь течаше, обоняша же вси благоуханіе отъ тѣлесе исходящее, отъ очесъ слезы текущія зряху, въ рацѣ на сподней дсцѣ ікона блаженнаго изображенна бѣ; егда отверзаху гробъ, многи немощныя здравіе воспріяша, въ недугахъ своихъ исцѣленія получиша, словомъ рещи: въ житіи и по блаженной кончинѣ своей неисчетными прославленъ чудесы: его же святѣйшій отецъ папа римскій Урванъ осмый (самъ на себе чудесе учасникомъ бывый, сего раба Божія предстательствомъ) къ числу святыхъ причтати и память его лѣтнюю (годичную) службою церковною и молитвою вѣнчавъ, праздновати повелѣ“ [1]). Но въ этой синаксарной уніатской лжи одно только и достовѣрно, что въ 1629 году было какое-то разслѣдованіе по дѣлу о канонизаціи Кунцевича, не удовлетворившее однако папу, который въ этомъ году вообще разрѣшилъ вести дѣлопроизводство относительно признанія блаженными рабовъ Божіихъ до истеченія 50-ти лѣтъ со времени ихъ кончины, но не призналъ и вообще никогда не признавалъ Кунцевича „святымъ“, и только уже въ 1641 году дозволилъ продолжать дѣлопроизводство о признаніи Кунцевича блаженнымъ (а не святымъ) мученикомъ и чествовать его общею службою исключительно въ базиліанскихъ церквахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ декретъ римской священной конгрегаціи обрядовъ по дѣлу Полоцкой беатификаціи и канонизаціи блаженнаго мученика Іосафата, архіепископа Полоцкаго, ордена св. Василія Великаго, отъ 6 мая 1643 года, въ которомъ сказано слѣдующее по этому предмету: „По порученію нѣкогда святѣйшаго господина нашего Урбана, Божіею милостію папы VIII священной конгрегаціи обрядовъ, вслѣдствіе представленія наияснѣйшихъ королей Польши и Швеціи Сигизмунда III и Владислава IV, также вслѣдствіе просьбы митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, воеводъ, князей и всего клира и народа

[1]) Почаевскій „Трефологіонъ“ 1773 г.; см. Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ“, А. Ѳ. Хойнацкаго, Кіевъ, 1871 г., стр. 430.

Digitized by Google

католическаго царства Польскаго, Великаго княжества Литовскаго и всея Россіи, равно монаховъ достопочтеннаго ордена св. Василія Великаго, по дѣлу раба Божія Іосафата, полоцкаго архіепископа того же ордена св. Василія, за имя Христово и католическую вѣру и особенно за св. унію съ римскою церковію въ Витебскѣ, въ Бѣлоруссіи, 12 ноября 1623 года отъ схизматиковъ убіеннаго, и затѣмъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи и изслѣдованіи сего дѣла означенною священною конгрегаціею въ теченіи многихъ лѣтъ, по выслушаніи притомъ богослововъ, совѣтниковъ и дѣлопроизводителя (promotor) св. вѣры, по предварительномъ полученіи отъ того же святѣйшаго господина нашего, отъ 27 января 1629 года, особой отмѣны декрета его святѣйшества о непроизводствѣ процесса относительно совершенія канонизаціи беатификаціи рабовъ Божіихъ, или провозглашенія мученичества до истеченія 50-ти лѣтъ со времени ихъ кончины, и по предварительномъ его святѣйшества дозволеніи, отъ 3 марта 1641 года, производить дальнѣйшій процессъ по этому дѣлу въ установленныхъ конгрегаціяхъ, каковое дозволеніе сообщено было превелебнымъ и достопочтеннымъ Іоанномъ Баптистой, имени св. Евсевія святой римской церкви пресвитеромъ кардиналомъ, по прозванію Памфилійскимъ,—сія священная конгрегація обрядовъ положила сдѣлать постановленіе: 12 марта 1642 года — о дѣйственности процессовъ, 13 сентября 1642 года о мученичествѣ и причинѣ мученичества, наконецъ 22 ноября того же года — о чудесахъ. И посему священная конгрегація полагаетъ, если угодно будетъ святѣйшему господину нашему, что можно помянутаго раба Божія Іосафата внести въ списокъ блаженныхъ мучениковъ и въ послѣдствіи времени приступить къ торжественной его канонизаціи. А между тѣмъ, пока не приступлено будетъ къ самой канонизаціи, найдено также возможнымъ предоставить право, чтобы въ честь сего мученика монахами ордена св. Василія, гдѣ-бы они ни находились, во всѣхъ церквахъ епархіи полоцкой и всей митрополіи русской, всѣми священниками мірскими и монашествующими, въ день кончины его, т. е. 12 ноября, отправляемы и совершаемы были служба и литургія общая одному мученику святителю, по указаніямъ требника и служебника римскаго, равно греческаго или русскаго, одобреннаго апостольскимъ престоломъ. Каковое мнѣніе священной конгрегаціи, доложенное святѣйшему госпо-

Digitized by Google

дину нашему мно́ю секретаремъ, въ бытность при этомъ дѣлопроизводителя (promotor) св. вѣры, 12 декабря 1642 года онъ одобрилъ и утвердилъ и, сверхъ того, приказалъ изготовить формальное бреве“ [1]). Совершенно ложно также синаксарное сказаніе о нетлѣніи будто-бы мощей Кунцевича и исходившемъ будто-бы благоуханіи отъ нихъ. Напротивъ, мы имѣемъ свѣдѣнія, что тѣло Кунцевича, не дождавшись полной канонизаціи этого новаго уніатскаго псевдо-мученика, стало быстро разлагаться и въ неоднократныхъ невольныхъ путешествіяхъ своихъ совершенно испортилось, а можетъ быть даже и вовсе исчезло. Еще 13 августа, 1650 года, т. е. спустя 27 лѣтъ послѣ смерти Кунцевича, папскій нунцій Іоаннъ-де-Торрессъ (Johannes de Torres) письменно даетъ строгое внушеніе полоцкому духовенству о сохраненіи останковъ Кунцевича, въ виду того, что „тѣло блаженнаго, положенное съ великою почестью въ Полоцкой церкви, со дня на день все болѣе и болѣе уменьшается, такъ что можетъ, наконецъ, превратиться въ ничто“ [2]).

Въ 1655 году, когда войска царя Алексѣя Михайловича приближались къ Полоцку, то уніатскій полоцкій архіепископъ и митрополитъ Антоній Селява бѣжалъ со всѣмъ уніатскимъ духовенствомъ въ Литву, куда унесъ съ собой и гробъ Іосафатовъ. Сперва гробъ этотъ оставленъ былъ имъ въ мѣстечкѣ Жировицахъ, потомъ перенесенъ въ Замостье. Преемникъ Селявы, полоцкій архіепископъ и митро̀политъ Гавріилъ Коленда опять возвратилъ гробъ Іосафата въ Полоцкъ и самъ переселился сюда на жительство по возвращеніи сего города Польшѣ [3]). Вѣроятно, это случилось въ 1667 году, такъ какъ въ этомъ году издана въ Вильнѣ брошюра литвина Валентина Бяловича по случаю возвращенія тѣла Кунцевича изъ изгнанія, подъ заглавіемъ: „Epinicion, dum sacrum corpus beati Josaphati archiepiscopi et martyris Vilnam ab exilio inveheretur [4]). Между

[1]) Bullae et brevia Summorum pontificum, Sacrarum congregationum decreta et caet., congregationem Ruthenorum O. S. B. M, concernentia, Почаевъ, 1767 г., ч. 1, стр. 52—54.

[2]) Извлеченіе изъ этого документа см. въ статьѣ г. Сикорскаго „Реликвіи Іосафата Кунцевича“, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, за декабрь 1870 года.

[3]) „Іосафатъ Кунцевичъ“, въ „Вѣстникѣ ю.-з. и зап. Россіи“, августъ, 1862 г. отд. II, стр. 89 –90.

[4]) Исторія польской литературы, Вишневскаго, т. VIII, и „Очеркъ исторіи литературы и церкви зап.-русской за XVI—XVIII стол.“ въ „Кіев. Епарх. Вѣд.“ за 1878 г., и особымъ оттискомъ, стр. 148.

Digitized by Google

тѣмъ агитація въ пользу канонизаціи Кунцевича продолжалась и выражалась въ цѣломъ рядѣ новыхъ біографическихъ и панегирическихъ произведеній въ честь Кунцевича [1]), но почему-то не имѣла успѣха. 2 сентября, 1679 года, послѣдовалъ только декретъ священной конгрегаціи обрядовъ, которая, вслѣдствіе ходатайства полоцкаго уніатскаго архіепископа и митрополита, а также протоархимандрита или генерала базиліанскаго, „благосклонно дозволила, чтобы память блаженнаго Іосафата мученика, архіепископа полоцкаго помянутаго ордена, доселѣ совершавшаяся, по разрѣшенію апостольскому отъ 6 мая 1643 года, 12 ноября, на будущее время, по уважительнымъ причинамъ, перенесена была и совершаема и имѣла силу въ Царствѣ Польскомъ только 26 сентября каждаго года“ [2]). Вѣроятно, эти уважительныя причины заключались въ томъ, чтобы соединить память противнаго для русскихъ Кунцевича съ памятью празднуемаго въ этотъ день православною церковію св. евангелиста Іоанна Богослова и, подъ покровомъ послѣдняго, пріучить русское ухо къ имени Кунцевича. Наконецъ, въ самомъ началѣ XVIII столѣтіи смертные останки Іосафата Кунцевича должны были совершить еще одну невольную прогулку, во время которой или послѣ нея еще больше утратили слѣды своей цѣлости и даже подлинности. „Въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка, — говоритъ г. Сикорскій, — реликвіи Кунцевича появляются въ Бѣлой, въ домовой каплицѣ Радзивилловъ, и остаются тутъ слишкомъ 60 лѣтъ, именно до 1769 года, когда онѣ были перенесены въ уніатскую (базиліанскую) церковь и поставлены открыто для общаго поклоненія. Этотъ 60-лѣтній періодъ представляетъ самую темную главу въ исторіи реликвій. Документы, относящіеся къ этому времени, крайне неточны и несогласны между

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній: 1) Primitiae honorum beato Josaphato Kuncewicz, Мелх. Савицкаго, Вильна, 1645 г.; 2) Cursus vitae et certamen martyrii beati Josaphati Kuncevicii, Якова Суши, Римъ, 1645 г.; 3) Cruces Kuncevianae, Яна-Стефана Линевскаго, Римъ, 1652 г.; 4) Żywot y męczenstwo b. Josaphata, іезуита Станислава Косинскаго, Вильна, 1665 г.; 5) Korona zlota nad głową zranioną B. M. Josaphata Kuncewicza, съ описаніемъ 186 мнимыхъ чудесъ,—сочиненіе какого-то доминиканскаго монаха, Вильна, 1673 г.; 6) Icones Symbolicae vitae et mortis beati Josaphati martyris, іезуита Андрея Млодзяновскаго, Вильна, 1675 г., и др.—см. тамъ же.

[2]) Bullae et brevia Summorum pontificum, et caet., congregationem Ruthenorum O. S. B. M. concernentia, Почаевъ 1767 г., част. I, стр. 54.—Но въ XVIII вѣкѣ, память Кунцевичу въ нѣкоторыхъ уніатскихъ книгахъ полагается 16 сентября.

Digitized by Google

собою относительно самыхъ важныхъ пунктовъ, именно состава реликвій, времени ихъ перенесенія и мѣста, откуда онѣ перенесены, такъ что подлинность реликвій слишкомъ шатка“ [1]). Въ то же время, кромѣ Бѣлой, мощи Кунцевича или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя части ихъ появляются также въ Полоцкѣ и Витебскѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Въ Бѣльскомъ монастырскомъ архивѣ есть нѣсколько документовъ о перенесеніи тѣла Іосафата Кунцевича въ г. Бѣлу, несогласныхъ между собою. По однимъ документамъ, тѣло это перенесено сюда въ 1704 году, а по другимъ—по окончаніи уже войны польско-русской со шведами, слѣдовательно не раньше конца 1706 года. По рукописному сказанію 1778 года, тѣло это тайно увезено было базиліанскими монахами изъ Полоцка, по вступленіи въ этотъ городъ въ 1705 году Петра Великаго, который будто-бы хотѣлъ сжечь тѣло Іосафата на кострѣ вмѣстѣ съ казненными имъ за дерзость полоцкими базиліанами. Но есть также извѣстіе, что часть мощей Кунцевича перенесена была сюда въ это время не изъ Полоцка, а изъ Витебска. По крайней мѣрѣ, въ 1715 году генералъ базиліанскаго ордена Процевичъ взялъ часть руки Іосафата Кунцевича изъ Бѣлы обратно въ Витебскъ, гдѣ будто бы она находилась до польско-шведской войны. Есть также нѣкоторое разногласіе и относительно мѣста храненія мощей Кунцевича въ г. Бѣлѣ до 1769 года. По сказанію 1778 года, онѣ положены были Радзивиломъ въ бѣльской замковой каплицѣ, тогда какъ въ 1715 году базиліанскій генералъ Процевичъ беретъ часть руки Кунцевича обратно въ Витебскъ, какъ будто бы изъ Бѣльскаго базиліанскаго монастыря [2]).

Гдѣ бы впрочемъ ни хранились въ г. Бѣлѣ мощи Кунцевича, несомнѣнно однако то, что главными хозяевами ихъ считались монахи Бѣльскаго базиліанскаго монастыря, который, не смотря на недавнее совращеніе свое въ унію [3]), съ 1709 года дѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ базиліанскаго ордена. Въ 1709 г. въ

---

[1]) «Реликвіи Іосафата Кунцевича», И. Сикорскаго, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», за декабрь 1870 года.

[2]) Тамъ-же. О пребываніи Петра I въ Полоцкѣ въ 1705 году см. также «Исторію Россіи», Соловьева т. XII, стр. 168—169.

[3]) Въ 1700 году Бѣльскій монастырь былъ еще православнымъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ актъ луцкаго православнаго братства 1700 года. См. этотъ актъ въ № 21 «Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1868 годъ.

Digitized by Google

Бѣльскомъ базиліанскомъ монастырѣ созванъ былъ генеральный базиліанскій съѣздъ, на которомъ сдѣлано было постановленіе и относительно почитанія памяти Кунцевича. Дѣло шло о мѣстѣ рожденія этого фанатика. Еще въ 1674 году уніатскій Владимірскій епископъ Глинскій пріобрѣлъ, для церковнаго употребленія, у сестры Кунцевича, владимірской мѣщанки Зиновіи Гавриловой Кунцевичевой, по мужу Париловичевой, то мѣсто въ г. Владимірѣ, гдѣ родился Кунцевичъ, и хотѣлъ основать здѣсь монастырь для базиліанъ. Съ этою цѣлію онъ, вмѣстѣ съ другими, пожертвовалъ въ пользу будущаго монастыря деревню около Кобрина и десять тысячъ злотыхъ польскихъ и просилъ начальство базиліанскаго ордена прислать во Владиміръ достойнаго монаха. Новый базиліанскій монастырь не былъ основанъ во Владимірѣ; но въ началѣ XVIII вѣка базиліане являются во Владимірѣ и завѣдываютъ владимірской коллегіей. Въ 1709 году на Бѣльскомъ генеральномъ базиліанскомъ съѣздѣ постановлено было передать этой коллегіи село Яново, отданное нѣкогда Поцѣемъ владимірской капитулѣ, а также мѣсто, гдѣ родился Іосафатъ Кунцевичъ [1]). На дубенскомъ генеральномъ базиліанскомъ съѣздѣ 1743 года, разсуждавшемъ объ образованіи двухъ базиліанскихъ провинцій прежней литовской и новой русской или польской, литовскіе базиліане предложили, чтобы пунктами для генеральныхъ базиліанскихъ съѣздовъ на будущее время были поочередно монастыри Брестскій и Бѣльскій [2]), и настаивали, чтобы прежній титулъ ихъ провинціи пресв. Троицы былъ общимъ титуломъ для всего базиліанскаго ордена и чтобы провинціи имѣли особые титулы, русская — Покрова пресв. Дѣвы Маріи, а литовская — св. мученика Іосафата (Кунцевича) [3]). Но въ пятомъ десятилѣтіи XVIII вѣка Бѣльскій монастырь истребленъ былъ пожаромъ [4]) и никогда болѣе не былъ сборнымъ пунктомъ для базиліанскихъ съѣздовъ. Что же касается титуловъ базиліанскаго ордена и отдѣльныхъ провинцій его, то папа, согласно желанію базиліанъ русской или польской провинціи, постановилъ, что общія дѣла ордена должны произво-

---

[1]) См. мой „Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ“, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“. май, 1870 г., стр. 478—479.

[2]) Протоколы сей Капитулы, сесс. 13. § 3, въ Почаевскомъ архивѣ, № 279.

[3]) Тамъ же, сессія 6. § 1.

[4]) См. Протоколы Брестской Капитулы 1751 г. въ рукописномъ сборникѣ библіотеки Волынской Дух. Семинаріи, № 1289.

Digitized by Google

диться подъ титуломъ ордена св. Василія Великаго русиновъ, въ отдѣльныхъ же актахъ литовской провинціи должно употреблять титулъ пресв. Троицы унитовъ, а въ актахъ польской или русской провинціи—Покрова Пресв. Дѣвы Маріи [1]). Но, не выхлопотавъ для своей провинціи титулъ Іосафата Кунцевича, литовскіе базиліане постарались возвеличить и прославить его иными способами. Такъ напр., послѣ коліевщины 1768 года, Бѣльскій настоятель Андрей Ладзѣевскій вынимаетъ изъ-подъ спуда мощи Кунцевича, находитъ ихъ мокрыми и обгнившими, секретнѣйшимъ образомъ сушитъ и препарируетъ ихъ и въ 1769 году переноситъ ихъ въ церковь Бѣльскаго базиліанскаго монастыря и поставляетъ на видномъ мѣстѣ для поклоненія [2]). Но поклонники праха Кунцевича слишкомъ уже усердствовали въ своемъ рвеніи и не только покланялись ему въ церкви, но и возили по домамъ, отъ чего не могли не портиться и самыя мощи. Вслѣдствіе этого папа Пія VI декретомъ отъ 16 февраля 1780 года повелѣвалъ, „чтобы реликвіи блаженнаго мученика Іосафата въ церкви Бѣльской тщательно хранились подъ двумя ключами". „На аудіенціи святѣйшаго—говорится въ этомъ декретѣ,—послѣдовавшей 10 февраля 1780 года, святѣйшій господинъ нашъ Пій Божіею милостію папа VI, вслѣдствіе доклада отъ меня нижеподписавшагося секретаря священной конгрегаціи, повелѣлъ, чтобы священные останки блаженнаго Іосафата, архіепископа Полоцкаго и мученика, хранящіеся въ монастырѣ или церкви Бѣльской монаховъ ордена св. Василія Великаго провинціи литовской, тщательно хранились и болѣе не развозимы были на лошадяхъ по желанію вѣрующихъ, и приказалъ, чтобы на будущее время эти священные останки хранились подъ двумя ключами, изъ коихъ одинъ долженъ храниться у достопочтеннаго отца протоархимандрита сей конгрегаціи, а другой—у мѣстнаго настоятеля помянутаго монастыря Бѣльскаго, такъ, чтобы никто изъ нихъ порознь, но протоархимандритъ или самъ, или чрезъ другихъ монашествующихъ лицъ, вмѣстѣ съ помянутымъ настоятелемъ, могъ свидѣтельствовать эти священные остан-

---

[1]) Bullae et brevia Summorum pontificum, et caet., Почаевъ, 1767 г., ч. 2, стр. 10. О желаніи же базиліанъ русской или польской провинціи см. протоколы дубенской Капитулы 1743 г., сесс 5, § 1, въ Почаев. архивѣ, № 279.

[2]) „Реликвіи Іосафата Кунцевича", И. Сикорскаго, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за декабрь, 1870 года.

Digitized by Google

ки, открывать и перемѣнять облаченія“ [1]). Въ томъ же 1780 году была сдѣлана первая ревизія мощей Кунцевича настоятелемъ Бѣльскаго монастыря Ѳеофиломъ Серафиновичемъ, который предварительно далъ присягу въ томъ, что онъ „не употребитъ во зло предоставленнаго ему Римомъ права осмотра“. Осмотръ сей произведенъ былъ по особой программѣ, при участіи медика Іосифа-Антонія Де-Карреса, князя Радзивилла, и др., при чемъ оказалось слѣдующее: 1) на правой рукѣ нѣтъ кожи, мягкихъ частей или мускуловъ; на кисти этой же руки недостаетъ перстневаго пальца; 2) на лѣвой рукѣ нѣтъ локтевой и лучевой костей, а также всей ручной кисти; 3) позвонковъ грудныхъ и поясничныхъ, а также всѣхъ реберъ нѣтъ; 4) икряныхъ мышцъ вмѣстѣ съ общими покровами нѣтъ; 5) надпяточной кости вмѣстѣ съ костями пятки и плюсны и фалангами пальцевъ на обѣихъ ногахъ нѣтъ. Всѣ послѣдующіе акты ревизій или осмотра мощей Кунцевича, напр. 1785, 1797 и 1800 годахъ, выражали лишь ту общую мысль, что все, найденное ревизорами, продолжаетъ быть неизмѣнно въ такомъ точно видѣ, какъ оно описано въ медицинскомъ осмотрѣ 1780 года [2]). Наконецъ, мы имѣемъ еще описаніе наружнаго вида мощей Кунцевича, сдѣланное русскимъ врачемъ И. Сикорскимъ за нѣсколько лѣтъ до того времени, пока мощи Кунцевича не были замурованы въ 1874 году въ монастырскомъ склепѣ. По описанію г. Сикорскаго, гробъ съ мощами Кунцевича имѣлъ три окошечка за стекломъ и запирался двумя висячими и однимъ внутреннимъ замкомъ. Изъ окошечка въ передней части гроба видѣнъ былъ цѣлый трупъ, одѣтый въ архіерейское облаченіе. Ноги обуты были въ сапоги съ кожаными подошвами; одинъ изъ сапоговъ представлялъ на тыльной поверхности глубокую впадину, какъ будто въ немъ не было ноги. На груди лежала рука; кисть руки обнажена; кожа на ней была черная, съ весьма крупными складками. На рукѣ недоставало большаго пальца и мизинца. На голову надѣта была митра. Лицо чистое, глаза запавшіе; волосъ не было ни на бородѣ, ни на губахъ, ни на боковыхъ частяхъ лица. Животъ впав-

---

[1]) Indulgentiae, brevia, decreta Summorum pontificum et sacrarum Congregationum, et caet., Почаевъ, 1788 г., ч. I, стр. 40—41.

[2]) Акты этихъ ревизій или осмотровъ хранятся въ Бѣльскомъ монастырскомъ архивѣ. Извлеченіе изъ нихъ—въ статьѣ И. Сикорскаго „Реликвіи Іосафата Кунцевича“ „въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за декабрь 1870 г.

Digitized by Google

шій. Окошечки въ гробѣ были расположены такъ, что одно изъ нихъ находилось въ передней части гроба, и въ него хорошо видны были ноги, руки, грудь и даже лицо трупа. Другое окошечко находилось сбоку, такъ что въ него видна была кисть правой руки. Третье окошечко помѣщено было у изголовья, но оно было закрыто митрой, такъ что чрезъ него ничего нельзя было видѣть [1]). Очевидно, мощи Кунцевича разрушались все болѣе и болѣе: г. Сикорскій не нашелъ уже на правой рукѣ мизиннаго пальца и на головѣ и лицѣ волосъ и подозрѣваетъ отсутствіе одной ноги у трупа. Но по мѣрѣ разрушенія бренныхъ останковъ Кунцевича, чествованіе его въ Бѣлѣ и въ Холмскомъ краѣ возрастало все болѣе и болѣе. „Къ образу Іосафата Кунцевича (въ серебряной ризѣ), до сихъ поръ сохранившемуся, —пишутъ намъ изъ Бѣлы,—прикрѣплена была къ главѣ сѣкира (топоръ),—эмблема лжемученика. Въ честь Іосафата устраивались даже церкви. Такъ напр., проживавшій въ Коднѣ князь Сапѣга отдѣлилъ село Страдечъ отъ коденскаго прихода и построилъ тамъ церковь во имя Іосафата. Въ иныхъ мѣстахъ устраивались въ честь Іосафата часовни, образа и хоругви. Въ г. Бѣлѣ, отъ временъ уніи, уцѣлѣли портретъ Іосафата и риза, передѣланная изъ кунтуша Радзивила. Тамъ же, стараніемъ настоятеля Бѣльскаго базиліанскаго монастыря Тимоѳея Щуровскаго, въ 1792 году открыта была женская община „Іосафатокъ“, которыя, сообща съ базиліанами, ополячивали народъ и довели его до страшнаго фанатизма и слѣпой покорности латинству“.

Подобное происходило и въ другомъ центрѣ религіозно-политическаго культа въ честь Іосафата Кунцевича, именно въ Полоцкѣ, гдѣ до начала XVIII вѣка находилось тѣло Купцевича и его изображеніе, отличавшееся особенными украшеніями [2]). Около половины XVIII вѣка полоцкій уніатскій архіепископъ и митрополитъ Флоріанъ Гребницкій соорудилъ въ Полоцкѣ новый софійскій храмъ и устроилъ въ немъ особый придѣлъ во имя Іосафата. Въ немъ на престолѣ помѣщена была бронзовая гробница, съ серебряными украшеніями, а сверху ея—образъ Іосафата. Базилі-

---

[1]) «Реликвіи Іосафата Кунцевича» И. Сикорскаго, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за декабрь 1870 г.

[2]) Объ изображеніи см. «Исторію Россіи», С. Соловьева, т. XIV, стр. 168.

Digitized by Google

анскіе монахи распускали въ легковѣрномъ народѣ молву, будто бы въ этой гробницѣ лежали мощи Іосафата, и хотя ежегодно въ день праздника его выносили эту гробницу на средину церкви для поклоненія, но ее никогда не вскрывали, а поэтому мнимыхъ мощей Іосафатовыхъ нигдѣ никому не случалось видѣть, по той простой причинѣ, что видѣть того нельзя, чего вовсе не было. Послѣ возсоединенія бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковію, рака Кунцевича изъ полоцкой софійской церкви перенесена была въ ризницу и вскрыта въ присутствіи многихъ свидѣтелей, но кромѣ клока волосъ и нѣкоторыхъ принадлежавшихъ Іосафату архіерейскихъ облаченій, не оказалось въ ней и слѣда мощей, а тѣмъ болѣе всего тѣла [1]). Тѣмъ не менѣе выдумка базиліанъ не могла не производить въ свое время извѣстнаго впечатлѣнія на мѣстное населеніе. Полоцкая шляхта, конечно съ голоса полоцкихъ базиліанъ, вѣровала въ чудотворенія Кунцевича и признавала его патрономъ своей области. На господарскомъ сеймикѣ воеводства полоцкаго, въ Ушачѣ, около 1790 года, постановлено было ходатайствовать предъ генеральнымъ сеймомъ, чтобы сохранены были неприкосновенными „имѣнія, находящіяся въ нашемъ полоцкомъ воеводствѣ и принадлежащія полоцкому монастырю, полученныя въ память побѣды подъ Полонечкой надъ врагомъ отечества ради благословеннаго Іосафата архіепископа полоцкаго, мученика, патрона Короны и Великаго Княжества Литовскаго, и данныя, какъ свидѣтельствуетъ самый фундушъ Рѣчи-Посполитой, для умилостивленія и полученія дальнѣйшаго покровительства сего патрона“ [2]).

Были, конечно, особыя чествованія Іосафата Кунцевича и въ Витебскѣ, мѣстѣ его умерщвленія, куда, какъ уже извѣстно намъ, возвращена была въ 1715 году базиліанскимъ генераломъ Процевичемъ часть руки отъ тѣла Кунцевича, будто бы хранившаяся здѣсь и прежде, до начала XVIII столѣтія.

Изъ главныхъ центровъ религіозно-политическаго культа въ честь Іосафата Кунцевича культъ этотъ мало по малу распространился во второй половинѣ XVIII вѣка и по всей юго-западной и западной Россіи и сталъ здѣсь одною изъ важнѣйшихъ опоръ для

---

[1]) «Іосафатъ Кунцевичъ», въ «Вѣстникѣ Юго-Зап. и Западной Россіи», августъ, 1862 г., отд. 2, стр. 90.

[2]) Рукописная книга о монастыряхъ базиліанскихъ, въ почаевскомъ архивѣ, № 94 приложенія, л. 230 и слѣд.

Digitized by Google

поддержанія распадавшейся уніи и полнаго окатоличенія и ополяченія русскихъ уніатовъ. Мы видѣли, что декретомъ конгрегаціи обрядовъ отъ 6 мая 1643 года Кунцевичу положена только общая служба святителю-мученику. Но во второй половинѣ XVIII вѣка является у русскихъ базиліанъ особо составленная служба Кунцевичу, вѣроятно, по примѣру монаховъ итальянскаго базиліанскаго ордена латинскаго обряда, образовавшагося изъ древнихъ греко-италійскихъ монастырей [1]). Въ 1746 году итальянскіе базиліане, съ разрѣшенія конгрегаціи обрядовъ и папы Климента XI-го, издали въ Римѣ книгу, подъ заглавіемъ „Officia propria Sanctorum... pro omnibus et singulis monachis ritus latini utriusque sexus quorumcumque monasteriorum totius ordinis sancti Basilii Magni, въ которой подъ 12 ноября помѣщена также латинская служба „блаженному Іосафату архіепископу Полоцкому и мученику“ [2]). А вслѣдъ за этою книгою и русскіе базиліане стали помѣщать въ своихъ богослужебныхъ книгахъ тоже особую службу Кунцевичу, съ синаксаремъ ему. Между прочимъ, эта служба съ синаксаремъ находится въ почаевскихъ уніатскихъ изданіяхъ „Празднѣ“ 1757 г. и „Трефологіонѣ“ 1773 года. „И нельзя не отдать справедливости уніатамъ, говоритъ А Ѳ. Хойнацкій, — за умѣнье восхвалять такихъ лицъ, каковъ былъ знаменитый Кунцевичъ. Кто не вѣритъ намъ, пусть сравнитъ извѣстное посланіе Льва Сапѣги къ Іосафату со службою ему въ 16 день сентября мѣсяца. Тамъ онъ—гонитель православныхъ и фанатическій изувѣръ, а здѣсь благій и кроткій пастырь, „свѣтильникъ свѣтлый, полагающій душу свою за овцы“, который проповѣдалъ соединеніе, погасилъ распрелюбовныхъ распаленная раздорствіемъ сердца мученическою своею кровію и вѣнецъ отъ Христа пріялъ; „тѣмже,—поютъ уніаты,—помяни насъ тебѣ вопіющихъ: радуйся, непоколебимый соединенія (т. е. уніи) столпе!“ Такая же самая исторія повторяется далѣе въ уніатскомъ синаксарѣ на память Іосафата, помѣщаемомъ въ нѣкоторыхъ изъ уніатскихъ анѳологіоновъ и трефологіоновъ“ [3]). Мы имѣли уже случай убѣдиться въ наглой

[1]) См. объ этомъ орденѣ въ предисловіи къ Menologium Bazylianskie, Игн. Кульчинскаго, 1771 года.

[2]) Экземпляръ ея есть въ библіотекѣ Волынской духовной семинаріи, за № 1539.

[3]) „Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ“, А. Ѳ. Хойнацкаго, Кіевъ, 1871 г., стр. 425 и слѣд.

Digitized by Google

лжи этого синаксаря, увѣрявшаго своихъ слушателей, будто бы чрезъ пять лѣтъ послѣ смерти своей Кунцевичъ причисленъ былъ папою Урбаномъ VIII къ лику святыхъ мучениковъ и будто бы тѣло Кунцевича сохранилось нетлѣннымъ и испускало благоуханіе.

Немаловажнымъ средствомъ къ распространенію между уніатами всеобщаго почитанія Кунцевича было дарованіе въ 1770 г. папою Климентомъ XIV полныхъ индульгенцій на дни нѣкоторыхъ святыхъ уніатской церкви и въ томъ числѣ на день памяти Кунцевича. „Заботясь съ благочестивою любовію объ усугубленіи вѣры вѣрующихъ и о спасеніи душъ небесными сокровищами церкви,— говорится въ папской буллѣ,—милосердно даруемъ о Господѣ полную индульгенцію и отпущеніе всѣхъ грѣховъ всѣмъ и каждому особо обоего пола вѣрующимъ во Христа, искренно кающимся и исповѣдавшимся и принявшимъ св. причастіе, которые какую-либо изъ церквей монаховъ и монахинь чина св. Василія Великаго конгрегаціи русской воздвигнутыхъ или имѣющихъ воздвигнуться, въ дни памяти сего св. Василія и св. Макрины, Онуфрія, Іосафата, Іоанна Златоустаго и Іоанна Дамаскина, съ ранняго вечера и до захода солнца въ сіи дни ежегодно съ благоговѣніемъ будутъ посѣщать и тамъ проливать усердныя къ Богу молитвы о мірѣ христіанскихъ государей, искорененіи ересей и возвышеніи св. матери церкви, въ какой изъ упомянутыхъ дней это сдѣлаютъ... Желаемъ, чтобы копіямъ или экземплярамъ сего документа, даже печатнымъ и скрѣпленнымъ печатью лица, облеченнаго саномъ церковнымъ, даваема была точно такая же вѣра, какая и самому настоящему документу, если бы онъ былъ предъявленъ и показанъ". 13 февраля, 1770 года. Эту папскую буллу контрасигнировалъ и рекомендовалъ для распространенія и исполненія въ русской уніатской митрополіи и въ своихъ епархіяхъ уніатскій митрополитъ Фелиціанъ-Филиппъ Володковичъ, а также луцкій и острожскій уніатскій епископъ Сильвестръ Лубенецкій-Рудницкій [1]). Вѣроятно, при этихъ одпустахъ или индульгенціяхъ на дни памяти Кунцевича раздавались гравированныя въ Почаевѣ изображенія сего псевдомученика, съ вонзеннымъ въ голову бердышемъ [2]).

[1]) Indulgentiae, brevia, decreta Summorum pontificum et sacrarum congregationum, et caet., Почаевъ, 1788 г., ч. 1, стр. 1—2.

[2]) Мѣдная гравировальная доска второй половины XVIII в. и современные и позднѣйшіе оттиски съ нея хранятся въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Духовной Академіи.

Digitized by Google

Одною изъ важныхъ причинъ прославленія и чествованія Кунцевича во второй половинѣ XVIII столѣтія было желаніе базиліанъ какъ можно болѣе отрозниться отъ православія, приблизиться къ католичеству и заслужить благоволеніе и милость польско-католиковъ. Когда послѣ перваго раздѣла Польши въ 1772 году бѣлорусскіе уніаты перешли во власть Россіи, то тогдашній полоцкій уніатскій архіепископъ и митрополитъ Ираклій Лисовскій сдѣлалъ папѣ представленіе о дозволеніи уніатамъ приблизиться въ своихъ обрядахъ къ православнымъ и объ уничтоженіи въ уніатской церкви праздниковъ тѣла Христова и Іосафата Кунцевича, „для улучшенія отношеній унитскаго исповѣданія въ Бѣлоруссіи къ господствующей тамъ религіи“. На первый пунктъ представленія папа не согласился и сказалъ: „надобно поддерживать то средостѣніе, которое насъ отдѣляетъ другъ отъ друга“ [1]). Вопросъ же объ уничтоженіи праздниковъ тѣла Христова и Іосафата Кунцевича пересланъ папою къ другому уніатскому митрополиту Смогоржевскому, проживавшему внѣ предѣловъ Россіи, и предложенъ послѣднимъ на разсмотрѣніе и обсужденіе генеральнаго базиліанскаго съѣзда въ Жидичинѣ, въ 1788 году, на которомъ присутствовали только депутаты базиліанскихъ монастырей, остававшихся въ предѣлахъ Польши [2]). Важнымъ прецедентомъ и руководительнымъ документомъ при разсмотрѣніи вопроса объ уничтоженіи праздниковъ тѣла Христова и Іосафата Кунцевича могло бы и должно бы быть бреве папы Пія VI отъ 23 мая 1775 года, которымъ онъ, вслѣдствіе ходатайства польскаго короля и сейма, отмѣнилъ въ Польшѣ излишніе праздники и оставилъ для всеобщаго чествованія, кромѣ воскресныхъ дней, не болѣе 20-ти праздниковъ, между которыми не значится праздника Іосафату Кунцевичу [3]). Но жидичинскій съѣздъ базиліанъ, кстати замѣтить—часто принимавшихъ монашеское имя Іосафата въ честь Кунцевича, единогласно отвѣтилъ, что разсуждать о семъ—не его дѣло. „Если бы однако такъ сдѣлалось,—пишетъ базиліанинъ Сульжинскій—то это прямо было

---

[1]) Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой польской, Н. И. Костомарова, въ „Вѣст. Европы“, апрѣль, 1869 г., стр. 625.

[2]) „Краткія извѣстія о положеніи базиліанскаго ордена и разныхъ перемѣнахъ въ его управленіи съ 1772 до 1811 г.“, базиліанина Луки Сульжинскаго, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи, іюль, 1868 г., стр. 150—151.

[3]) Indulgentiae, brevia, decreta, et caet., Почаевъ, 1788 г., ч. 2, стр. 130-131.

Digitized by Google

бы большимъ поношеніемъ для уніатскаго исповѣданія; а потому предложеніе это, сдается мнѣ, не записано въ протоколы съѣзда. Пишущій это былъ на томъ съѣздѣ гласнымъ и хорошо помнитъ то, что объ этомъ предметѣ говорено было“ [1]). Уніаты позаботились даже о большей торжественности праздника въ честь Кунцевича. 12 сентября, 1789 года, новогрудскій уніатскій архіепископъ Левъ Заленскій писалъ луцкому уніатскому епископу, что, хотя буллою апостольскаго престола празднованіе это положено 26 сентября, однако можно не обращать вниманія на 26 сентября и, для большей торжественности, праздновать Кунцевичу въ ближайшее воскресенье, чтобы больше народу было на праздникѣ [2]).

Нечего, впрочемъ, и удивляться, что уніаты и базиліане, еще не вошедшіе въ составъ Россійской имперіи, старались всячески отмежеваться отъ Россіи и всего русскаго и православнаго и оказывать почести злѣйшему врагу православія Кунцевичу. Но прискорбно и возмутительно, что уніаты и особенно базиліане, подъ знаменемъ этого лжемученика, продолжали свою религіозно-политическую агитацію противъ православія и Россіи даже и тогда, когда перешли подъ власть послѣдней. Въ 1837 году, когда подготовлялось возсоединеніе бѣлорусскихъ уніатовъ съ православною церковію, пущенъ былъ слухъ о мнимыхъ чудотвореніяхъ Кунцевича, съ цѣлію противодѣйствовать этому возсоединенію. Бывшій Полоцкій преосвященный Василій Лужинскій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ этомъ возсоединеніи, въ своихъ „Запискахъ“ пишетъ между прочимъ слѣдующее: „г. Богдашевскій сообщилъ мнѣ посекрету подробныя свѣдѣнія о распространеніи между помѣщиками по всей Минской губерніи слуховъ о явленіи будто-бы на камнѣ (на Песковатикѣ, вблизи г. Витебска), въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, епископа уніатскаго Іосафата Кунцевича; а вмѣстѣ съ симъ онъ и показалъ мнѣ картину, на которой искусно изображенъ былъ этотъ епископъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, сидящимъ на камнѣ, съ описаніемъ творимыхъ будто бы имъ

---

[1]) „Краткія извѣстія о положеніи базиліанскаго ордена“, Луки Сульжинскаго, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, іюль, 1868 г., стр. 151.—Изъ базиліанъ съ именемъ Іосафата намъ извѣстны слѣдующіе: супрасльскій архимандритъ Іосафатъ Михневичъ, † 1683 г.; провинціалы польской или русской базиліанской провинціи Іосафатъ Сѣдлецкій, 1766 г., и Іосафатъ Охоцкій съ 1784 г.; Брестскій уніатскій епископъ Іосафатъ Булгакъ, впослѣдствіи архіепископъ Полоцкій.

[2]) Почаев. архивъ, № 933.

Digitized by Google

чудесъ. На вопросъ мой,—пишетъ преосвященный Василій,—сдѣланный ему г. Богдашевскому: „что жъ, уже ли вы вѣрите этому? отвѣтъ его былъ: „я не столько глупъ, чтобъ повѣрить сему, но кажется не ошибаюсь, думая, что измышленъ ловко и съ цѣлію“ [1]). Въ 1863 году въ Бѣлѣ поднятою рукою мнимыхъ мощей Іосафата благословляли народъ па повстанье [2]). А папа Пій IX, какъ бы вознаграждая польско-католиковъ и ополячившихся уніатовъ за неудачу ихъ послѣдняго повстанія и вмѣстѣ желая предохранить холмскихъ уніатовъ отъ возсоединенія ихъ съ православною церковію и укрѣпить въ уніи, тотчасъ послѣ этого повстанія причислилъ Кунцевича къ лику святыхъ (Sanctorum) латино-уніатской церкви.

Изъ всего сказаннаго мы находимъ возможнымъ извлечь слѣдующія существенныя положенія относительно Іосафата Кунцевича и посмертнаго его чествованія въ уніатской церкви и въ базиліанскомъ орденѣ:

1) Іосафатъ Кунцевичъ былъ ревностнымъ членомъ базиліанскаго ордена, основаннаго по образцу и подъ руководствомъ кармелитскаго и іезуитскаго католическихъ орденовъ, и непосредственнымъ ученикомъ іезуитовъ и ими приготовленъ былъ къ мученичеству для прославленія уніи и базиліанскаго ордена.

2) Тѣло Кунцевича не было нетлѣннымъ и подлинность реликвій съ его именемъ подлежитъ сильному сомнѣнію.

3) О провозглашеніи Кунцевича блаженнымъ и святымъ мученикомъ хлопотали главнымъ образомъ іезуиты, доминиканцы и литовскіе базиліане, послѣдніе въ видахъ возвеличенія своего ордена и даже своей литовской провинціи и въ этомъ отношеніи встрѣтили нѣкоторое противодѣйствіе даже со стороны базиліанъ польской или русской провинціи.

4) Римскіе папы, до Пія IX, никогда не допускали полной канонизаціи Кунцевича, признавая его только блаженнымъ и предоставляя чтить память его только базиліанамъ.

5) Уніаты и базиліане, устрояя храмы и предѣлы во имя Іосафата Кунцевича, составляя ему особыя службы и вообще учреж-

---

[1]) „Записки архіепископа Полоцкаго—Василія Лужинскаго“ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за январь, 1885 года, стр.

[2]) „Реликвіи Іосафата Кунцевича“, И. Сикорскаго, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за декабрь 1870 г.

Digitized by Google

дая какъ бы особый культъ Кунцевичу, выходили изъ предѣловъ правъ и полномочій, опредѣлявшихся папскими буллами, бреве и декретами о чествованіи Кунцевича.

6) Со времени раздѣловъ Польши и до позднѣйшаго времени уніатско-базиліанскій культъ Іосафату Кунцевичу былъ средствомъ религіозно-политической пропаганды и демонстраціи польско-католиковъ, уніатовъ и базиліанъ противъ православія, русской народности и русскаго государства.

Н. Петровъ.

Digitized by Google

Игуменъ Аѳанасій Филипповичъ и шляхтичъ Янъ Луба [1].

Вслѣдствіе общеизвѣстныхъ недостатковъ своего государственнаго развитія, Западная Россія не была въ состояніи сохранить своей самостоятельности и примкнула сперва къ государству Литовскому, а затѣмъ при его посредствѣ соединилась съ Польшею. Неудобства отъ этого соединенія обнаружились на первыхъ-же порахъ его и имѣли главною причиною своею различіе вѣроисповѣданій. Но, хотя уже и при Ягайлѣ и первыхъ его преемникахъ, польскіе католики, увлекаясь религіозной ревностью, тѣснили православныхъ и всячески пытались распространить между ними католицизмъ, или, по крайней мѣрѣ, склонить ихъ на соединеніе съ католиками въ ученіи вѣры, оставаясь при прежнихъ обрядахъ и прежнемъ богослужебномъ языкѣ,—все-же, до

[1]) При составленіи настоящаго очерка авторъ пользовался неизданными, по большей части, документами XVII ст., хранящимися въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Д., съ разрѣшенія г. директора этого архива, барона Ѳ. А. Бюлера. Документы эти слѣдующіе: 1) Польскіе статейные списки за 1641—45 г №№ 62, 65, 66, 67 и 68 и 2) Дѣла польскія за 1644 г. св. 49. № 3; св. 51, №№ 6, 7 и 8 св. 52, № 13; и за 1645 г. св. 55, № 4.—Изъ напечатанныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, авторъ пользовался: 1) Русской историч. библіотекой, издав. археограф. коммиссіей, т. IV. 2) Собраніемъ Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. III 3) Статьей г. Левицкаго о Филипповичѣ,—въ кіевскихъ университ. извѣстіяхъ за 1878 г. № 5. 4) Статьей г. А. Маркевича о Филипповичѣ, въ Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ за 1879 г. №№ 22 и 24, и за 1880 г. №№ 2 и 6. 5) Исторіей Россіи—Соловьева, т. 7, 8, 9 и 10. и 6) Исторіей русской церкви—Макарія, т. X.

Digitized by Google

второй половины XVI ст. эти попытки были не постоянны, не сильны и постепенно даже ослабѣвали. Польское правительство, заботясь о возможно—тѣснѣйшемъ соединеніи Литвы и Руси съ Польшею, опасалось принуждать насильственно православныхъ къ религіозному соединенію съ католиками, и, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, политическое соединеніе ихъ, старалось достигнуть этого посредствомъ уравненія гражданскихъ правъ для народонаселенія этихъ трехъ странъ. Къ тому же и католическая ревность сильно ослабѣла къ этому времени—предъ реформаціей—а Ягеллоны нисколько не способствовали ея возбужденію, такъ что, рядомъ съ постепенно усиливающимся стремленіемъ польскаго правительства къ уніи политической, попытки къ уніи религіозной, церковной постепенно ослабѣвали и совершенно даже прекратились-было къ срединѣ XVI ст., когда религіозная борьба, вспыхнувшая въ западной Европѣ вслѣдствіе реформы Лютера, проникла и въ Польшу. Благодаря именно вѣротерпимости двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ и установившемуся къ этому времени обычаю польскихъ и литовскихъ богатыхъ дворянъ ѣздить за границу, ради своего образованія, протестантизмъ сталъ такъ быстро распространяться въ польскихъ владѣніяхъ, что сторонники католицизма сочли нужнымъ призвать іезуитовъ для борьбы съ нимъ. Борьба продолжалась не долго: іезуиты быстро осилили протестантизмъ, неуспѣвшій пустить прочныхъ корней въ народной массѣ и слабый своимъ раздѣленіемъ на множество враждебныхъ другъ другу сектъ, но, осиливъ его, они не могли не обратить вниманія на другаго, болѣе опаснаго врага—на глубоко укоренившееся въ народѣ вѣроисповѣданіе восточное, православное. Противъ него направили они всѣ свои силы: стали возбуждать противъ православія крайній фанатизмъ католиковъ; настраивали противъ него правительство, убѣждая послѣднее, что только церковная унія можетъ надежнымъ образомъ скрѣпить въ одно цѣлое Русь, Литву и Польшу; противъ православія писали они ученыя сочиненія, произносили краснорѣчивыя проповѣди, устраивали публичные диспуты и частныя бесѣды. Захвативъ въ свои руки воспитаніе знатной молодежи, іезуиты вселяли въ своихъ воспитанниковъ отвращеніе и презрѣніе къ вѣрѣ отцевъ и, благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, быстро достигли замѣчательныхъ успѣховъ и къ концу XVI ст. добились своего. Въ 1596 г. была

Digitized by Google

торжественно объявлена въ Брестѣ въ соборномъ храмѣ св. Николая унія т. е. соединеніе римско-католической церкви съ православной, унія, посѣявшая, по замѣчанію современника, раздоръ и ненависть между братьями одной крови и одной матери, вмѣсто единенія.

Успѣхамъ іезуитовъ не мало содѣйствовало то крайне бѣдственное положеніе, въ которомъ находилась западно-русская православная церковь во второй половинѣ XVI ст. Правительство, принадлежавшее къ другому вѣроисповѣданію, сперва равнодушное, а потомъ враждебное, не могло, конечно, относиться внимательно къ ея интересамъ. Высшія духовныя должности раздавались совершенно произвольно королемъ, въ видѣ кормленія, людямъ свѣтскимъ, оказывавшимъ какія либо услуги государству, а не церкви. Во главѣ монастырей, и даже цѣлыхъ епархій находились люди, не только не принадлежавшіе къ духовному званію, но и совершенно неподготовленные къ исполненію духовныхъ обязанностей и желавшіе исключительно попользоваться богатыми церковными имѣніями. Самъ митрополитъ назначался королемъ, и въ этотъ высокій и важный санъ часто были возводимы свѣтскіе люди, недостойные, необразованные, ставившіе выше всего земныя блага и выгоды, продолжавшіе и по возведеніи своемъ въ духовный санъ, вести, далеко не соотвѣтствующій ему, разгульный, свѣтскій образъ жизни. Характеристична, въ высшей степени, грамота, присланная въ 1585 г. извѣстному митрополиту двоеженцу кіевскому Онисифору Дѣвочкѣ православными дворянами галицкими. „Великому несчастью своему—писали они—должны приписать мы то, что во время вашего пастырства всѣ мы страшно утѣснены, плачемъ и скитаемся, какъ овцы, пастыря неимущія. Хотя вашу милость старшимъ себѣ имѣемъ, однако ваша милость не заботитесь о томъ, чтобъ словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонять, нисколько не заботитесь о благочестіи. Съ жалобою на великія несправедливости, намъ сдѣланныя, мы пріѣхали на сеймъ въ Варшаву, въ надеждѣ на ваше обѣщаніе явиться туда-же, чтобъ вмѣстѣ бить челомъ королю, защищать право и вольности закона нашего греческаго. Но ваша милость не хотите исполнять своихъ обязанностей, не хотите быть дѣятельнымъ при такихъ великихъ бѣдахъ, больше которыхъ не было и не будетъ. Во время вашего пастырства вдо-

Digitized by Google

воль всякаго зла въ законѣ нашемъ сталось; насилія святыни замыканье Св. Тайнъ; запечатаніе церквей святыхъ; запрещеніе звонить; выволакиваніе отъ престола изъ церквей Божіихъ поповъ какъ злодѣевъ; запрещеніе мірскимъ людямъ молиться въ церквахъ: такихъ насилій не дѣлается и подъ поганскими царями и все это дѣлается въ пастырствѣ вашей милости. Но этого мало: рубятъ кресты святые, захватываютъ колокола въ замокъ, отдаютъ ихъ въ распоряженіе жидамъ; а ваша милость листы свои открытые противъ церкви Божіей жидамъ на помогу даешь. Изъ церквей дѣлаются костелы іезуитскіе, имѣнія, церкви Божіей данныя, теперь къ костеламъ привернуты. Въ монастыряхъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ женами и дѣтьми живутъ и церквами святыми владѣютъ, изъ большихъ крестовъ маленькіе дѣлаютъ, что было дано къ Божіей чести и хвалѣ, изъ того „*святокрадство*“ сдѣлано: изъ вещей церковныхъ дѣлаютъ себѣ пояса, ложки и сосуды; изъ ризъ саяны, изъ епитрахилей брамы. Но что еще хуже, ваша милость поставляешь одинъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ братьи своей, что и правила запрещаютъ, вслѣдствіе чего негодные люди становятся епископами и на столицахъ съ женами своими живутъ безъ всякаго стыда и дѣтей плодятъ“. Далѣе они жаловались на то, что архіепископія кіевская отдана нѣкоему „еретику жолнеру“, архимандрія упиевская такому-же обѣщана, а епископія перемышльская отдана нѣкоему „тивуну брылинскому Стефану“, подданному пана старосты перемышльскаго. „Которое епископство—продолжаетъ грамота—взявши панъ староста въ моцъ свою, имѣньями церковными такъ шафуетъ, якъ ему угодно, а тотъ негодный нареченный епископъ противъ онаго, яко подданный противко пана своего мовити не смѣетъ“. Но кромѣ нерадивости и самовольнаго распоряженія церковнымъ имуществомъ, епископы западнорусской церкви обвинялись иногда и въ тяжелыхъ, уголовныхъ преступленіяхъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, былъ привлеченъ къ суду за смертоубійство, производство фальшивой монеты и т. п. Понятно, что такіе пастыри менѣе всего могли наставлять и укрѣплять свою паству въ вѣрѣ и нравственности; они способствовали напротивъ ихъ ослабленію, ослабленію церковной дисциплины, крайнему упадку нравственности и пониженію уровня образованія среди низшаго

Digitized by Google

духовенства. При такомъ разстроенномъ состояніи западно-русской церкви, многіе сторонники православія отнеслись сперва сочувственно къ мысли объ уніи, полагая, что чрезъ это избавится православная церковь и отъ притѣсненій польскихъ и прекратятся безпорядки въ іерархіи. Къ числу такихъ лицъ принадлежали, между прочимъ, и знаменитый князь К. К. Острожскій, воевода кіевскій, и извѣстный своею долголѣтнею борьбою съ львовскимъ православнымъ братствомъ, епископъ львовскій—Гедеонъ Балабанъ. И тотъ и другой скоро убѣдились однако въ томъ, что унія, въ той формѣ, какъ она была провозглашена на соборѣ 1596 года, ничто иное, какъ лишь переходная ступень къ латинству, что она поведетъ непремѣнно къ совершенному ополяченью всего западно-русскаго края, къ его полному окатоличенью, и поэтому горячо возстали противъ нея. Къ нимъ примкнула большая часть западно-русскаго дворянства, горожане и весь низшій классъ народонаселенія. На долю Гедеона Балабана выпала тяжкая, двоякая обязанность: ему приходилось быть архипастыремъ и первосвятителемъ не только для своей эпархіи, но и для всѣхъ тѣхъ православныхъ въ западно-русской митрополіи, которые не хотѣли принимать уніи и подчиняться уніатскимъ митрополитамъ и епископамъ. Къ Гедеону обращались всѣ они во всѣхъ церковныхъ нуждахъ и Гедеонъ съ изумительной энергіей и неутомимостью удовлетворялъ этимъ нуждамъ: освящалъ церкви, выдавалъ антиминсы, ставилъ священниковъ во всѣ приходы, гдѣ бы они не находились, не обращая никакого вниманія на сыпавшіяся безпрестанно на него жалобы со стороны уніатскихъ архіереевъ и угрозы и запрещенія отъ польскаго правительства. Что же касается до общеизвѣстной борьбы его съ львовскимъ братствомъ, то она объясняется и оправдывается именно ревностью Гедеона къ церковной дисциплинѣ, его приверженностью къ прежнимъ порядкамъ въ церкви, его глубокимъ сознательнымъ уваженіемъ къ сану епископа.

И такъ: съ момента объявленія уніи въ западно-русскомъ краѣ началась упорная борьба православныхъ съ уніатами и католиками. Борьба была далеко не равная—на сторонѣ уніатовъ и католиковъ были преимущества и матеріальныя и духовныя,—но въ высшей степени благотворная для православныхъ въ томъ отношеніи, что она возбудила нравственныя силы ихъ, заставила ихъ

Digitized by Google

обратить серьезное вниманіе на недостатокъ просвѣщенія среди народа и позаботиться о поднятіи сильно упавшей въ немъ нравственности. Появился цѣлый рядъ борцевъ за православіе и распространителей образованія, которые, отстаивая русскую вѣру, вмѣстѣ съ тѣмъ и обличали однако русскихъ, указывая на ихъ нетвердость въ вѣрѣ, на упадокъ вѣры и нравственности среди духовенства, на стремленіе его къ богатству, роскоши и почестямъ,— словомъ указывали на тѣ темныя стороны православія, которыя облегчили іезуитамъ побѣду. Съ жизнью и дѣятельностью одного изъ такихъ ревнителей православной вѣры, весьма близко напоминающаго намъ по своей энергіи знаменитаго Іоанна Вишенскаго, мы теперь познакомимъ читателя. Этотъ человѣкъ былъ настоятель православнаго св. Симеона монастыря въ Брестѣ-Литовскомъ— св. Аѳанасій Филипповичъ.

Къ сожалѣнію, намъ приходится начинать біографію Филипповича фразой, ставшей почти стереотипной,—такъ часто приходится ставить ее въ началѣ жизнеописаній, а именно: намъ ничего неизвѣстно о происхожденіи Филипповича, его дѣтствѣ, воспитаніи и первыхъ годахъ юности. Въ своемъ, дошедшемъ до насъ „Діаріушѣ“ онъ лишь глухо упоминаетъ о томъ, что „съ дѣтства былъ воспитанъ въ вѣрѣ православной, въ церкви восточной“. Но многочисленныя его, уцѣлѣвшія до нашего времени, разсужденія, суплики и меморіалы объ уніи, о бѣдственномъ состояніи православной церкви, о неустройствахъ въ церкви римской и т. п., свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ хорошо зналъ польскій, латинскій и греческій языки, обладалъ громадной начитанностью въ литературѣ богословской, зналъ наиболѣе выдающіяся сочиненія не только восточныхъ церковныхъ писателей, но и многихъ западныхъ [1]), имѣлъ хорошія свѣдѣнія по исторіи философіи и всеобщей исторіи,—короче сказать, былъ человѣкъ съ значительнымъ и многостороннимъ, для того времени, образованіемъ. Повидимому, онъ не обладалъ готовыми средствами къ жизни, ибо значительную часть молодости провелъ въ качествѣ преподавателя разныхъ наукъ въ богатыхъ домахъ русскихъ и польскихъ магнатовъ. Цѣлыхъ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, мы находимъ у него ссылки на: „св. Августина, Ѳеофилакта, св. Хризостома, Альфонса де-Кастръ, Метафраста“, и „иншихъ гисториковъ“, „на Липсіута и Діонеса филозофовъ“, „Длугоша и иншихъ лѣтописцевъ“ и т. д.

Digitized by Google

семь лѣтъ онъ прожилъ, между прочимъ, у канцлера литовскаго Льва Сапѣги, какъ „инспекторъ Дмитровичу, якомусь Царевичови Московскому“ [1]). Убѣдившись въ „омылности“ міра сего, Филипповичъ рѣшился его оставить, былъ постриженъ въ 1627 г. въ Вильнѣ, въ церкви св. Духа въ монахи и поступилъ послушникомъ въ Кутейнскій подъ Оршею монастырь, откуда вскорѣ перешелъ въ Межигорскій. Обративъ здѣсь на себя вниманіе монастырскаго начальства своими иноческими подвигами, Филипповичъ, въ 1632 г., былъ отправленъ въ Вильну и, по рукоположеніи здѣсь въ священники, посланъ въ Добойскій, близь Пинска, монастырь, гдѣ и провелъ три года, въ санѣ намѣстника, упорно борясь въ то-же время, по его словамъ, съ „злыми духами видимыми и невидимыи“. Въ 1636 г. канцлеръ литовскій, кн. Радзивиллъ, отдалъ Добойскій монастырь уніатамъ. Филипповичъ былъ глубоко потрясенъ этимъ событіемъ: сами силы небесныя — полагалъ онъ— должны были бы подвинуться на защиту православной обители, и дѣйствительно, въ моментъ занятія монастыря, ему было видѣніе: по небу носились полки ангеловъ, собирающихся покарать нечестивыхъ, а на землѣ вдругъ вспыхнуло семь огней адскихъ, „на седмь грѣховъ смертельныхъ заготованныхъ“, и въ одномъ изъ нихъ Филипповичъ ясно увидѣлъ трехъ лицъ, претерпѣвающихъ страшныя мученія за гоненіе православія. То были: папскій нунцій въ тіарѣ, король Сигизмундъ третій и гетманъ Левъ Сапѣга. Кромѣ Филипповича, удостоился видѣть это чудесное явленіе еще лишь одинъ благочестивый игуменъ Купятицкаго монастыря, Иларіонъ Денисевичъ. Монастырь былъ, однако, отобранъ уніатами и Филипповичъ могъ лишь составить объ этомъ „жалобный листъ“ и посвятить его чудотворной иконѣ Божіей Матери въ Крестѣ [2]), находившейся въ Купятицкомъ монастырѣ, куда перешелъ и онъ самъ на жительство.

Въ 1637 г. митрополитъ Петръ Могила, узнавъ о ветхости церкви въ Купятицкомъ монастырѣ, далъ игумену его Ил. Дени-

---

[1]) Объ этомъ „Дмитровичѣ“ будетъ подробнѣе сказано ниже.

[2]) Нынѣ эта икона находится въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ. Она начертана на равноконечномъ, имѣющемъ въ длину и въ ширину по 2¼ вершка, мѣдномъ складномъ крестѣ, на которомъ съ одной стороны изображено Распятіе, а съ другой Богоматерь съ Предвѣчнымъ младенцемъ. См. Н. Сементовскаго,— „Кіевъ, его святыня, древности, достопамятности“ и т. д. стр. 103—104.

Digitized by Google

Изображеніе Купятицкой Божіей Матери.

Хромолит Штадлеръ и Паттиотъ С. П Б

Digitized by Google

Digitized by Google

севичу универсалъ на сборъ подаяній для постройки новой. За сборомъ поручено было отправиться Филипповичу вмѣстѣ съ другимъ послушникомъ Онисимомъ Волковицкимъ. Филипповичъ до того испугался возложеннаго на него порученія, что нѣкоторое время сидѣлъ „какъ одрентвѣлый“, а затѣмъ порывался уйти отъ него бѣгствомъ, но былъ удержанъ нѣкою силою Божіей. Во время молитвы онъ затѣмъ услыхалъ голосъ: „Царь Московскій збудуетъ Ми церковь; иди до него“, и сообщилъ объ этомъ игумну. Тотъ увидѣлъ въ этомъ выраженіе воли Божіей и Богоматери и уговорилъ Филипповича идти за сборомъ, обѣщаясь молиться со всей братіей о благополучномъ его возвращеніи. Зайдя еще разъ передъ отъѣздомъ въ церковь, Филипповичъ сталъ снова молить Богоматерь не оставлять его и вновь услыхалъ голосъ отъ иконы: „иду и Я съ тобой“. Филипповичъ и Волковицкій отправились, но съ первыхъ же шаговъ ихъ сопровождали разнаго рода приключенія и неудачи. Едва прибыли они въ Слуцкъ, какъ были задержаны тамошнимъ архимандритомъ Шицикомъ, недовольнымъ тѣмъ, что Денисевичъ отпустилъ ихъ, не доложивъ ему сперва объ этомъ. Отнявъ у нихъ разрѣшительные листы, Шицикъ довольно долго продержалъ ихъ у себя и, только устрашенный какимъ-то видѣніемъ, согласился отпустить ихъ дальше. Прибывъ отсюда въ Кутейнскій монастырь, Филипповичъ сообщилъ игумну Іоилю Трусевичу о своемъ намѣреніи идти въ Москву за подаяніемъ и просилъ у него для этого путешествія „свѣдоцтва“. Тотъ, посовѣтовавшись съ братіей, отказалъ ему, при чемъ намѣстникъ его Іосифъ Сурта прибавилъ, что и съ паспортомъ отъ польскаго правительства трудно добраться до Москвы, а безъ него уже совершенно немыслимо. Взявъ у игумна рекомендательныя письма къ протопопамъ и братствамъ, наши сборщики отправились въ Копысь, Шкловъ, Могилевъ и другія мѣста въ Бѣлоруссіи, но собрали крайне мало: сборщики епископа Сильвестра Коссова успѣли еще до нихъ выбрать почти все здѣсь на „справу“ Сильвестра съ уніатскимъ владыкою полоцкимъ Селявою. Филипповичъ рѣшилъ тогда идти во чтобы то ни стало въ Москву и, по совѣту І. Сурты, выбралъ дорогу на Трубчевскъ. Терпя на пути разныя невзгоды, Филипповичъ и Волковицкій достигли Трубчевска, но воевода тамошній, князь П. Трубецкой не пустилъ ихъ дальше, не смотря на листы игумна Трусевича, коими они были снабжены. Неудачи эти поколебали рѣши-

Digitized by Google

мость Филипповича и онъ уже подумывалъ о возвращеніи домой, какъ снова услыхалъ голосъ Богоматери: „на что тебѣ помощь людская; Я съ тобой; иди въ Москву". Въ Човскомъ монастырѣ, близь котораго это случилось, одинъ изъ старцевъ указалъ Филипповичу на Новгородъ-Сѣверскъ, какъ на пунктъ, гдѣ можно было пробраться въ Москву. Пріободренный рядомъ чудесныхъ явленій и знаменій, Филипповичъ послѣдовалъ этому указанію, дѣйствительно успѣлъ, наконецъ, благополучно перейти границу и, не встрѣчая уже болѣе трудныхъ препятствій, достигъ цѣли своего путешествія. Въ Москвѣ онъ былъ радушно принятъ и помѣщенъ на квартирѣ въ Замоскворѣчьи, на Ордынской улицѣ, гдѣ и принялся немедленно за составленіе подробной записки къ царю. Въ ней онъ яркими красками изобразилъ бѣдственное состояніе православной церкви на юго-западѣ Россіи и подробно изложилъ свое путешествіе до Москвы, вмѣстѣ съ разсказомъ о тѣхъ, бывшихъ ему явленіяхъ и знаменіяхъ, которыя имѣли особой интересъ для Михаила Ѳедоровича, такъ какъ Богородица, сама или чрезъ свой чудотворный образъ, постоянно указывала Филипповичу на московскаго царя, какъ на защитника православія. Записку эту Филипповичъ поднесъ лично царю Михаилу Ѳедоровичу вмѣстѣ съ печатнымъ изображеніемъ чудотворнаго образа Купятицкой Божіей Матери, и просилъ его употребить свое вліяніе на польское правительство на защиту православія. Записка понравилась благочестивому царю и Филипповичъ возвратился съ богатымъ царскимъ пожалованьемъ въ свой монастырь.

Но не долго пришлось ему пробыть здѣсь. Въ Брестѣ, въ монастырѣ св. Симеона умеръ настоятель, и осиротѣлая братія вмѣстѣ съ обывателями брестскими, обратилась къ Денисевичу съ просьбой прислать къ нимъ въ игумны Филипповича, или, не менѣе его пользовавшагося извѣстностью Макарія Токаревскаго. Денисевичу не хотѣлось разставаться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, и онъ, посовѣтовавшись съ братіей, послалъ въ Брестъ отца Климента Несвѣцкаго и діякона Флавіана, при чемъ въ письмѣ къ братіи Симеоновскаго монастыря прибавлялъ, что Филипповичъ, въ случаѣ надобности, будетъ помогать Несвѣцкому своими совѣтами. Но въ Брестѣ этимъ не удовлетворились и не приняли о. Климента, а продолжали просить о Филипповичѣ или о Токаревскомъ. Рѣшили бросить жребій, кому изъ нихъ ѣхать; жребій палъ на Филиппо-

Digitized by Google

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.

Печать приказа

Большаго дворца.

Дозв. ценз. Спб., 20 Мая 1885 г.

Тип. Тов. «Общ. Польза», Б. Подъяч., № 39.

Digitized by Google

Digitized by Google

вича, и онъ въ 1640 г. былъ посвященъ въ игумны брестскаго св. Симеона монастыря. Съ этого года начался новый періодъ его жизни, періодъ энергической апологетико-полемической дѣятельности, неутомимой, страстной и упорной борьбы съ уніею, борьбы, продолжавшейся, почти безъ перерыва, цѣлыхъ восемь лѣтъ и приведшей его, наконецъ, къ мученической кончинѣ.

Прибывъ въ Брестъ, новый игуменъ принялся отыскивать „фундаціи, на чимъ жити“, при чемъ ему удалось найти шесть важныхъ, писанныхъ на пергаментѣ, документовъ. То были старинныя, королевскія и епископскія привилегіи и записи на разныя важныя права, дарованныя еще до 1596 года Николаевскому православному братству въ Брестѣ. Одинъ изъ этихъ документовъ разрѣшалъ братству новые придѣлы въ церкви и новые праздники, утверждалъ за нимъ нѣсколько участковъ земли, давалъ право выбирать членамъ братства священниковъ и учителей, имѣть свою больницу, украшать храмы, заботиться о нищихъ и сиротахъ и т. п. Другой документъ подтверждалъ вновь эти привилегіи; третій освобождалъ еще къ тому жъ братскій домъ отъ всякихъ поборовъ и повинностей, разрѣшалъ имѣть школу греческаго, латинскаго, польскаго и русскаго языковъ и т. п. Остальные документы были такого же содержанія и, кромѣ того, заключали въ себѣ еще и страшныя проклятья на отступниковъ отъ православія. Всѣ эти документы Филипповичъ поспѣшилъ внести въ мѣстныя гродскія книги, и, кромѣ того, сталъ торжественно провозглашать ихъ содержаніе, во всеобщее вѣдѣніе, въ церквахъ и другихъ мѣстахъ. Впечатлѣніе отъ этого оглашенія было громадное: „во всѣмъ повѣтѣ брестскомъ — говоритъ Филипповичъ — уніаты въ великой тръвозѣ зоставать почали“. Не довольствуясь однако этимъ, Филипповичъ въ слѣдующемъ, 1641 г., отправился въ сентябрѣ мѣсяцѣ на сеймъ въ Варшаву и тамъ добылъ, собственноручно королемъ Владиславомъ IV-мъ подписанный привилегіей, подтверждающій всѣ прежде дарованныя православнымъ въ Брестѣ права. Когда дѣло дошло до приложенія печати къ этому привилегію, безъ чего онъ не имѣлъ законной силы, то канцлеръ коронный и подканцлеръ на-отрѣзъ отказали Филипповичу. Тщетно умолялъ онъ ихъ объ этомъ, тщетно предлагалъ имъ 30 таляровъ за это,— оба упорно стояли на своемъ: „перейдите въ унію и мы вамъ даромъ приложимъ печати, ибо знайте, что св. отецъ папа подъ

Digitized by Google

угрозой проклятья велѣлъ намъ не допускать распространенія и усиленія греческой вѣры". Попытался-было поддержать просьбу Филипповича князь Клецкій, повидимому, пріятель канцлера, случившійся при этомъ, но не имѣлъ успѣха и королевскій привилегій остался не припечатаннымъ.

Однако Филипповичъ не унывалъ и рѣшился обратиться за совѣтомъ къ „старшимъ отцамъ" своимъ. Но и тутъ его также постигло разочарованіе: оказалось, что почти всѣ отцы были сильно заняты частными своими дѣлами и крайне равнодушно отнеслись къ дѣлу, о которомъ хлопоталъ Филипповичъ. Не желая позаботиться хоть сколько-нибудь объ угнетенной православной церкви, они всего болѣе хлопотали о своихъ денежныхъ дѣлахъ, или о личной своей безопасности. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, — о. Косовъ, — искалъ ежегодно 2000 золотыхъ на епископіи могилевской; другой, — о. Гулевичъ, епископъ перемышльскій, желая избавиться отъ „инфаміи", пускалъ свою епархію на вѣчность на унію; третій, — о. Жоладзь — былъ исключительно и всецѣло занятъ своимъ кирпичнымъ заводомъ и хлопоталъ о монополіи, словомъ, каждый имѣлъ въ виду одну лишь свою выгоду или общественное положеніе. „Маю зъ потребу у себѣ церквей, — говорилъ каждый изъ нихъ въ свое оправданіе — якъ собѣ хто хочетъ; нехай ся домовляетъ; я не дбаю". Объ общемъ, „грунтовномъ" успокоеніи гонимой церкви восточной они не помышляли даже.

Скорбное настроеніе духа, въ какое повергли Филипповича эти неудачи, еще болѣе усилилось отъ тѣхъ рѣчей, которыя пришлось ему услыхать здѣсь же, въ Варшавѣ, отъ православныхъ мѣщанъ, пріѣхавшихъ сюда изъ разныхъ мѣстъ хлопотать по дѣламъ своихъ церквей. Съ горькимъ плачемъ повѣдали они ему, какія терпятъ притѣсненія отъ уніатовъ: дѣти остаются некрещенными; взрослые живутъ въ безпорядочномъ сожительствѣ, невѣнчанные; больные умираютъ безъ причащенія Св. Тайнъ; умершихъ приходится хоронить тайно, ночью, безъ отпѣванія, въ погребахъ, поляхъ и огородахъ. Не стало прежнихъ защитниковъ православныхъ, славныхъ борцовъ за вѣру, каковы были св. Леонтій Карповичъ, архимандритъ виленскій, и Іосифъ Бобриковичъ, или, достойные памяти, паны Михаилъ Крапивницкій, Лаврентій Древинскій, Меѳодій Кисель и его товарищи. Уже и за деньги православные не всегда могутъ получить то, чего желаютъ. Оршане

Digitized by Google

за одно приложеніе печати къ разрѣшенію построить церковь заплатили подканцлеру 200 червонныхъ золотыхъ, а Соколяне за одно ходатайство дали 100 червонныхъ и 50 коровъ. И другіе многіе платили не мало, а ничего не получили. Гибнетъ, гибнетъ православная вѣра, и ея приверженцамъ приходится терпѣть въ христіанскомъ царствѣ польскомъ, бо́льшую неволю, нежели въ турецкомъ плѣну у невѣрныхъ.

Глубоко огорченный и сильно упавшій духомъ вернулся Филипповичъ къ себѣ на квартиру и, съ цѣлію побороть духъ унынія, всецѣло овладѣвшій имъ, сталъ на молитву. Во время чтенія акаѳиста св. Богородицѣ, при словахъ „освободи насъ отъ всѣхъ бѣдъ“ ему послышался отъ иконы голосъ, повелѣвавшій ему жаловаться торжественно, на сеймѣ, королю и всей Рѣчи-Посполитой и требовать отъ нихъ успокоенія православной церкви и уничтоженія на вѣки нечестивой уніи, подъ угрозой неминуемаго гнѣва Божьяго и страшнаго суда Его. Филипповичъ безстрашно принялся за исполненіе этого повелѣнія и въ 1643 г. явился снова въ Варшаву, на вальный сеймъ, въ сопровожденіи діакона, съ 7-ю изображеніями чудотворной иконы Купятицкой и съ таковымъ же количествомъ экземпляровъ подробнаго описанія явленія ему Богородицы на дорогѣ въ Москву. Здѣсь же было помѣщено и изображеніе угрозъ и гнѣва Божіихъ на отступниковъ отъ истинной вѣры. Эти изображенія и описанія онъ роздалъ отъ лица православной церкви наиболѣе вліятельнымъ членамъ сейма, а самъ обратился къ королю съ смѣлою, обличительною рѣчью: „Наяснѣйшій кролю Польскій, панъ мой милостивый, ото кривду незносную маемъ. Не хочутъ намъ, людемъ правовѣрнымъ, въ справахъ побожныхъ церковныхъ привилеовъ печатовати, не хочутъ насъ ведлугъ правъ заховати, поприсяжоныхъ вашой королевской милостю и южъ то отъ пятдесятъ лѣтъ вѣра правдивая и церковь восточная грецкая подъ вами, паны христіанскими, въ кролевствѣ польскомъ, для сбытковъ унеи проклятои, ажъ назбитъ утиски терпитъ! А то за причиною и помочю ненавистныхъ каплановъ рымскихъ, а найбарзѣй езуитовъ барзо мудрихъ, которіе-то езуиты, внутрности людскіе въ дѣткахъ малыхъ оливными словы на науки облудные и на титулы высокіе побравши, въ школахъ комедіи строячи и книжки перенцованые, измышленые ошуканемъ шатанскимъ, выдаючи, незбожне до людей простшихъ потаковниковъ

Digitized by Google

своихъ въ огиду подаютъ и преслѣдуютъ правовѣрныхъ христіанъ сами будучи неправовѣрные". Въ описаніи же явленія ему образа Богородицы Купятицкой, на пути въ Москву, Филипповичъ писалъ: „для того, наяснѣйшій кролю Полскій, панъ мой милостивый, тотъ чудъ Божій маестатови вашому прекладается, абы унея проклятая была згублена на вѣки: абовѣмъ есть барзо, барзо проклята правомъ то слушнымъ доводне ся покажетъ. О бида, бида тымъ, которіи суть прокляты отъ отца духовнаго, власне собѣ належнаго. Хотѣй же, ваша кролевская милость, ласкаве въ то вейзрити, для врожоное вашое доброти и присяги вашое кролевское милости, абы вѣра правдивая Грецкая грунтовне была успокоена, а унея проклятая вынищена и внивечъ обернена; бо если унею проклятую выкорените, а всходнюю правдивую церковь успокоите, то щастливые лѣта ваши поживете. А если не успокоите вѣры правдивое Грецкое и не знесете унеи проклятои, то дознаете запевне гнѣву Божого", — и проч.

Смѣлая выходка Филипповича произвела, повидимому, хорошее впечатлѣніе на короля и членовъ сейма, такъ какъ, на другой день послѣ этого, епископъ познанскій, Андрей Шолдровскій, хорошій пріятель П. Могилы, извѣстилъ нашего игумна, что король приказалъ выдать православнымъ привилегій, какой они потребуютъ, и совѣтовалъ Филипповичу явиться на слѣдующій день къ канцлеру. Но тутъ вмѣшались въ дѣло высшія православныя духовныя власти, бывшія въ то время въ Варшавѣ и совершенно иначе отнесшіяся къ манифестаціи Филипповича. Они объявили его поврежденнымъ въ умѣ и потребовали къ себѣ на судъ. Здѣсь они обвинили его въ томъ, что онъ совершенно самовольно, безъ совѣта, разрѣшенія и благословенія старшихъ отцевъ, отважился на такой поступокъ, осыпали его укоризнами, строго выговаривали ему, взяли подъ арестъ и начали водить отъ одного къ другому, ради безконечныхъ допросовъ. Филипповичъ не стерпѣлъ: въ сильнѣйшемъ припадкѣ негодованія онъ, на зло своимъ старшимъ, убѣжалъ босой и едва одѣтый, въ клобукѣ и съ костуромъ въ рукахъ, изъ подъ ареста, вымазался грязью въ лужахъ и въ такомъ видѣ сталъ бѣгать по городу, съ дикими воплями: „горе проклятымъ и невѣрнымъ". День былъ праздничный, улицы и площади были полны народа, толпами шедшаго къ обѣднѣ. Филипповичъ направился было къ одному изъ наиболѣе посѣщаемыхъ косте-

Digitized by Google

ловъ, чтобы и тамъ прокричать свое „vae maledictis et infidelibus“,— но за нимъ бросились въ погоню, стали ловить его. Филипповичъ сопротивлялся, челядь, ожесточенная этимъ, стала бить его, волочить по лужамъ, пока онъ не выбился окончательно изъ силъ. Еле живой былъ онъ наконецъ взятъ, увезенъ на архіерейскій дворъ и снова посаженъ въ прежнее мѣсто заключенія. По жалобѣ какого-то писаря архіерейскаго, Филипповича вновь предали суду, обвинили, лишили священства и игуменства, и, подъ крѣпкою стражею, отправили въ Кіевъ, для окончательнаго суда надъ нимъ главной консисторіи.

Въ Кіевѣ съ Филипповичемъ обошлись сперва очень строго, вновь подвергли его суду и заключенію въ тюрьмѣ, болѣе чѣмъ на три мѣсяца. По истеченіи же этого срока, Филипповичъ, благодаря заступничеству П. Могилы, получилъ свободу, священническій санъ и, по просьбѣ братіи Симеоновскаго монастыря, опять посланъ туда игумномъ. Въ универсалѣ, даннымъ по этому поводу, митрополитъ выражалъ, между прочимъ, и надежду, что Филипповичъ, послѣ такихъ горькихъ опытовъ и наказаній, исправился и будетъ осторожнѣе дѣйствовать въ дѣлахъ церковныхъ, особливо предъ королемъ и его сенатомъ. Неудачи, дѣйствительно, подѣйствовали на Аѳанасія и онъ, присмиренный ими, рѣшился было всецѣло отдаться монашескимъ подвигамъ и не заводиться съ уніатами и католиками. Но это не удалось ему: католическое и уніатское духовенство не оставляло его въ покоѣ и постоянно наносило ему самому и братіи самыя наглыя оскорбленія. Шайки воспитанниковъ іезуитскихъ коллегій нерѣдко дѣлали набѣги на монастырь, врывались въ церковь съ криками и бранью, останавливали богослуженіе, ругались надъ святыней, били монаховъ и т. д. Ходить съ Св. Дарами по городу было запрещено; похороны должны были совершаться тайно; имущество монастырское подвергалось чуть не каждый день грабежу. Нѣкто Облочинскій, архимандритъ уніатскій, ободралъ среди бѣла дня двухъ монаховъ, возвращавшихся изъ Купятицкаго монастыря въ Брестъ, отнялъ у нихъ лошадей и, кромѣ того, еще одному изъ нихъ обрѣзалъ бороду, а другаго раздѣлъ до-нага и въ такомъ виду отпустилъ домой „для души спасенья“. Едва показывался кто-либо изъ монастырскихъ на улицу,—тотчасъ на него со всѣхъ сторонъ сыпались насмѣшки и брань: „Га, га! Лупусъ! Господи помилуй! От-

Digitized by Google

щепенецъ! Турко-гречинъ!“ и т. п. Филипповичъ вздумалъ было пожаловаться пану Сапѣгѣ, воеводѣ новгородскому, считавшемуся покровителемъ брестскаго монастыря, но получилъ отъ гордаго шляхтича такой презрительный отвѣтъ: „попъ подрался съ попомъ — какое мнѣ до того дѣло? Будьте уніатами и будете жить въ мирѣ; а нѣтъ—такъ жалуйтесь ихъ старшимъ“. Въ это же время Филипповичъ получилъ изъ Варшавы отъ пана Зычевскаго извѣстіе, что тотъ привилегій, котораго онъ добивался, наконецъ припечатанъ, и поѣхалъ, чтобы взять его. Зычевскій потребовалъ съ Филипповича 6000 злотыхъ за „выкупъ“ привилегія и тотъ было согласился уже заплатить ихъ ему, но во время еще успѣлъ узнать, что этотъ документъ не занесенъ въ метрики. Опечаленный вернулся онъ ни съ чѣмъ къ братіи.

Не такова была, однако, натура Филипповича, чтобы примириться съ такимъ безправнымъ положеніемъ православной церкви. Вновь сталъ онъ строить въ головѣ своей разные планы, какъ бы добиться „грунтовнаго“ успокоенія ея и вотъ, вновь слышитъ онъ отъ иконы голосъ: „о, Аѳанасій, супликуй еще презъ образъ мой въ крестѣ Купятицкій на сеймы пришломъ до кроля Польскаго и до Речи Посполитое о вынищене грунтовное унеи проклятои. Добре будетъ, если услыхаютъ и вынищать еи: поживутъ еще въ приданыхъ лѣтахъ щасливе, ибо и планеты указуютъ Меркуріуша для Венери ласкавость въ тыхъ лѣтехъ“. Сильно призадумался Филипповичъ отъ этого вторичнаго призыва: какъ поступить ему? Ослушаться воли св. Богородицы онъ не дерзалъ, но, съ другой стороны, печальныя послѣдствія первой манифестаціи на сеймѣ 1643 г. были слишкомъ живы въ его памяти. Пять дней Филипповичъ не ѣлъ, не пилъ, такъ сильно былъ онъ занятъ вопросомъ: какъ поступить? Религіозная ревность одержала, въ концѣ концовъ, верхъ надъ всѣми прочими соображеніями и Филипповичъ сталъ готовиться къ новой публичной жалобѣ, долженствовавшей быть еще болѣе торжественной, нежели первая. Вмѣстѣ со всей братіей, съ образами Купятицкой Божьей Матери въ рукахъ, предполагалъ онъ явиться въ костелъ и тамъ, послѣ чтенія Евангелія, заявить о своихъ требованіяхъ предъ королемъ, всѣми чинами польскими и литовскими и всѣми съѣхавшимися на сеймъ чужестранцами. Ему пришла въ голову мысль, что уніаты были обмануты римлянами, а эти въ свою очередь,

Digitized by Google

введены въ обманъ самимъ сатаной; необходимо теперь исправиться всѣмъ, носящимъ имя христіанъ, не только правовѣрнымъ, но и отщепенцамъ и еретикамъ всѣмъ, ибо скоро наступятъ тяжкія войны противъ невѣрныхъ и имъ нѣкогда будетъ принести покаяніе; наступаетъ уже время исполненія пророчества о единомъ пастырѣ и единомъ стадѣ.

Согласно съ этимъ заключеніемъ Филипповичъ сталъ уже приготовлять вторую „суплику“ свою для подачи королю, какъ вдругъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія сейма, его арестовали, отвезли въ Варшаву и посадили въ оковы. Этотъ арестъ былъ вызванъ чисто политическими соображеніями со стороны правительства. Дѣло въ томъ, что Филипповичъ былъ близко соприкосновененъ къ дѣлу самозванца Яна Фаустина Лубы или Дмитровича, о которомъ московское правительство вело въ это время настойчивые переговоры съ правительствомъ польскимъ. Полагаемъ, что здѣсь умѣстно будетъ остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ дѣлѣ, какъ на эпизодѣ, имѣвшемъ весьма сильное и, притомъ, роковое вліяніе на дальнѣйшую судьбу Филипповича. Еще въ 1639 году посланный гонцемъ въ Польшу, подъячей Новгородской чети Иванъ Плакидинъ донесъ царю, что, въ бытность свою въ Польшѣ, онъ, между прочимъ, узналъ отъ россійскаго корреспондента, состоящаго переводчикомъ при польскихъ дѣлахъ, Миклаша Георки Венгрина, что король Владиславъ IV не только помышляетъ о томъ, чтобы доставить королевичу Казиміру россійское царство, но и держитъ еще при себѣ двухъ обманщиковъ-самозванцевъ, дабы, въ случаѣ смутъ въ Россіи, воспользоваться ими. Одинъ изъ нихъ называетъ себя сыномъ царя Василія Ивановича Шуйскаго — Семеномъ и находится на бережніи у подскарбія короннаго; другой—сыномъ Григорья Отрепьева и Марины Мнишекъ и скрывается въ іезуитскомъ монастырѣ въ Брестѣ-Литовскомъ. Встревоженный этимъ извѣстіемъ Михаилъ Ѳедоровичъ въ слѣдующемъ же, 1640 году, послалъ въ Польшу, подъ видомъ торговаго промысла, московскаго купца Ивана Степановича Кадашевца, съ тѣмъ, чтобы онъ точнѣе поразвѣдалъ объ этихъ „ворахъ“. Кадашевецъ вернулся въ 1642 году въ Москву и привезъ отъ вышеназваннаго Миклаша Георки донесеніе, подтверждающее извѣстіе Плакидина, при чемъ корреспондентъ сей прибавлялъ, что, хотя при самозванцѣ, выдающемъ се-

Digitized by Google

бя за сына Григорья Отрепьева и имѣются въ приставахъ двое Мнишковы, однако онъ, Миклашъ Георка, берется склонить его поѣхать съ нимъ въ Ригу, а оттуда въ Псково-Печерскій монастырь, гдѣ можно будетъ его выдать воеводѣ. Венгринъ просилъ на это дѣло 1000 рублей. Предложеніе это не было принято, неизвѣстно почему. Въ 1643 г. извѣстный намъ уже Плакидинъ, будучи снова посланъ гонцемъ въ Польшу, донесъ, что, въ бытность его въ Бѣловежѣ, извѣстился онъ отъ литовскаго греко-россійской вѣры писаря Яна Ермолыча, что въ Брестѣ-Литовскомъ живетъ въ іезуитскомъ монастырѣ нѣкто изъ россійскихъ подданныхъ, называющій себя московскимъ царевичемъ Дмитріевымъ (коего въ Россіи розстригою звали) сыномъ; что онъ имѣетъ у себя на спинѣ знаки, доказывающіе его царское происхожденіе; ходитъ въ польскомъ платьѣ, разумѣетъ польскій, латинскій и русскій языки и на содержаніе свое получаетъ доходы изъ опредѣленныхъ ему отъ польскаго короля особливыхъ маетностей. Тогда царь Михаилъ Ѳедоровичъ рѣшился отправить въ Польшу своихъ полномочныхъ пословъ для рѣшенія старыхъ дѣлъ—о титулѣ и размежеваніи—и для окончательнаго разъясненія дѣла о самозванцахъ. Съ этой цѣлью были посланы въ Польшу въ 1643 г. бояринъ князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ, думный дворянинъ Григорій Пушкинъ и дьякъ Волошениновъ. Въ тайномъ наказѣ, который велѣно было содержать въ великой тайнѣ, посламъ поручалось сказать панамъ раднымъ слѣдующее: „великому государю стало подлинно извѣстно, что въ прошломъ въ 1639 г. въ генварѣ пришелъ изъ Черкасъ въ Польшу въ Самборщину къ попу воръ, лѣтъ 30 или немного больше, и сталъ у попа жить въ работникахъ и жилъ съ недѣлю; попъ увидалъ у него на спинѣ гербъ, а по-русски пятно и отвелъ его въ монастырь къ архимандриту, а тотъ отвелъ его къ подскарбію, Даниловичу; подскарбій пятно осматривалъ и вора допрашивалъ; воръ назвался княземъ Семеномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, сыномъ царя Василія Ивановича, и въ доказательство, что онъ царскій сынъ, у него на спинѣ пятно; взяли его въ плѣнъ черкасы въ то время, какъ царя Василія изъ Москвы повезли въ Литву, и съ тѣхъ поръ жилъ онъ у черкасъ. Даниловичъ держалъ его у себя и сказывалъ про него и про его признаки шляхтѣ и всякихъ чиновъ людямъ; шляхта и вся Рѣчь-Посполитая приказала Даниловичу его

Digitized by Google

беречь, на кормъ и на платье велѣли давать ему изъ скарбу; подскарбій отослалъ вора въ монастырь для наученья русской грамотѣ и языку, и теперь тотъ воръ въ Польшѣ. Да государь же вашъ Владиславъ король больше 15 лѣтъ держитъ въ Брестѣ-Литовскомъ въ іезуитскомъ монастырѣ вора, которому лѣтъ 30, на спинѣ у него между плечами также гербъ и сказывается разстригинъ сынъ. И паны радные велѣли бы того вора сыскать и имъ великимъ посламъ отдать, или же, казнить при нихъ смертію". Исполнить этотъ тайный наказъ оказалось крайне труднымъ; съ самаго начала паны радные объявили, что они о такихъ ворахъ и не слыхали и что въ Польшѣ ихъ нѣтъ; взявъ у пословъ письмо о ворахъ, они сказали, что донесутъ объ этомъ королю. При слѣдующемъ свиданіи паны сообщили, что про воровъ велѣно, „сыскать" подскарбію корунному Яну Миколаю Даниловичу, и, буде объявятся таковые, они объявятъ о томъ посламъ „инымъ времянемъ". Послы настаивали на томъ, что имъ о тѣхъ ворахъ подлинно извѣстно, что они въ Польшѣ и что воръ, выдающій себя за сына Григорья Отрепьева находится въ Брестѣ-Литовскомъ, состоитъ на службѣ у пана Осинскаго въ писаряхъ. Чрезъ нѣсколько времени паны объявили посламъ, что сыскано: „дѣйствительно приходилъ къ подскарбію Даниловичу человѣкъ и сказывалъ про себя, что зовутъ его княземъ Семеномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, но подскарбій, зная, что этотъ воръ влыгается въ государскаго сына, велѣлъ его бить постромками и отъ себя сбилъ, а куда послѣ того этотъ воръ дѣлся мы рѣшительно не знаемъ". Про другаго же вора, Даниловичъ-де допрашивалъ пана Осинскаго и тотъ сказалъ, что, дѣйствительно, у него такой человѣкъ есть, живетъ въ писаряхъ, а въ шутку („въ жартовныхъ рѣчахъ") называютъ его царевичемъ московскимъ, и онъ, слыша про себя такія рѣчи, хочетъ постричься въ монахи, а самъ себя царевичемъ не называетъ, и мы его за такого не почитаемъ; а если бы считали, то не допустили бы его до того, чтобы жить у Осинскаго въ писаряхъ". Послы возразили имъ на это, что ихъ сильно удивляетъ, какъ это они, отринувъ страхъ Божій и стыдъ людской, такого безимянника укрываютъ; имъ-де, великимъ посламъ, подлинно извѣстно, что воръ тотъ, по королевскому указу долгое время жилъ у Льва Сапѣги и что кормъ и жалованье ему давалось изъ королевской казны, и въ Брестѣ ихъ люди его ви-

Digitized by Google

дѣли, и онъ не только что зоветъ себя, но и подписывается царевичемъ и такія письма у нихъ, пословъ, есть. Вотъ уже восемь дней—прибавили послы—какъ вы обѣщались сыскать того вора, а онъ все еще не привезенъ, а привезти его можно скоро, ибо онъ въ Брестѣ; но вы, паны радные, жалѣя его, не объявляете его намъ. Паны отвѣчали, что отъ Бреста до Кракова не близко и привезти его поэтому скоро нельзя. Если же онъ не поспѣетъ во время въ Краковъ, то его де привезутъ въ Варшаву, куда король собирался въ это время переѣхать. Послы, потребовавъ, чтобы по того вора было послано еще разъ и приказано сыскать его скоро, отправились за королемъ и въ Варшавѣ, при первомъ же свиданіи, напомнили панамъ раднымъ о ихъ обѣщаніи. Тѣ отвѣчали, что скоро поставятъ того вора передъ ними, и если онъ дѣйствительно объявитъ себя царевичемъ, то они никакъ не постоятъ за него. Послы замѣтили при этомъ: „вамъ панамъ раднымъ надобно очень остерегаться и не допускать такихъ воровъ, ибо они производятъ большую смуту въ людяхъ. Въ Краковѣ приходили къ стольнику Данилѣ Яковлеву для своихъ потребностей поляки Петръ Грамбошевскій да АдамъВойковскій и говорили со словъ нарочитыхъ людей, что если у насъ, великихъ пословъ, съ панами радными згоды не будетъ, то Дмитровичъ у насъ готовъ на войну съ запорожцами и съ черкасами“. Паны отвѣчали: „мы тѣхъ поляковъ Грамбошевскаго и Войковскаго знаемъ; люди глупые и пьяницы, и слушать у такихъ дураковъ нечего и въ дѣло ихъ словъ ставить не годится. И мы ихъ за такія непригожія слова зганимъ гораздо, чтобы впредь имъ не повадно было ссорныхъ рѣчей говорить. А отъ насъ, пановъ радныхъ, сенаторей и иныхъ знающихъ людей такихъ словъ не было и не будетъ; и вора того скоро поставимъ предъ вами однолично“. 14 сентября пріѣхалъ къ посламъ коронный канцлеръ Юрій Оссолинскій и объявилъ, что паны радные били челомъ королю, чтобъ выдать имъ вора, выдающаго себя за царевича, и что король на это сказалъ: „для братской дружбы и любви великаго государя московскаго онъ не постоялъ бы и не за такого мужика, если бы что не къ добру и не къ славѣ великаго государя видѣлъ. Но — продолжалъ Оссолинскій — мужикъ этотъ не причиненъ никакому злу и не царевичъ, а сынъ „обычнаго“ (простаго) отца изъ Подляшья, а вскормилъ его панъ Бѣлинскій и, желая выслужиться, ставилъ его предъ

Digitized by Google

Сигизмундомъ королемъ, называя царевичемъ, сыномъ Марины Мнишекъ. Сигизмундъ отдалъ его Александру Гонсѣвскому, а этотъ отдалъ учить его грамотѣ и велѣлъ его во всемъ покоить, умышляя надъ московскимъ государствомъ, потому что тогда между обоими государствами была война. А какъ учинилось вѣчное докончаніе, такъ этого мужика ни во что поставили, и онъ скитается безъ пріюта, служитъ у шляхты, чтобы сыту быть. Породы онъ польской и хочетъ ксендзомъ быть; а выдать его не за что и не пристойно; король и мы паны радные дадимъ на себя запись, какую хотите, а неповиннаго человѣка по нашему праву выдать непристойно: отъ Бога во грѣхъ будетъ, а отъ людей въ стыдъ. Теперь этотъ мужикъ привезенъ въ Варшаву и будетъ поставленъ предъ вами, когда будете у насъ, сенаторовъ, въ отвѣтѣ". Послы отвѣчали: „государю нашему подлинно извѣстно, что этотъ мужикъ бернардинъ и свезенъ изъ Москвы въ Литву въ прежнюю войну и намъ вѣдомо, какъ онъ въ Литвѣ велся, и у кого жилъ и почему и изъ какихъ доходовъ ему давано жалованье и кормъ, и какъ его называли и признавали царевичемъ и письма, его рука, у насъ есть. Если бы король и вы паны радные желали всякаго добра межъ обоими государями и покоя государствамъ, то вы бы намъ этого вора отдали. Если же вы не отдадите, то намъ никакихъ дѣлъ кончать нельзя". Канцлеръ повторилъ опять вышеприведенное нами о происхожденіи и невинности мнимаго претендента и снова предложилъ поручительную запись, но послы и слышать не хотѣли ничего, а настоятельно продолжали требовать, чтобы онъ былъ имъ выданъ, или же казненъ при нихъ, хотя и увѣряли, что такіе воры московскому государству не страшны и что имъ никто не повѣритъ. Канцлеръ сказалъ, что онъ донесетъ объ этомъ королю, а пока перешелъ къ другимъ дѣламъ. Въ тотъ же день послы были у пановъ радныхъ въ отвѣтѣ. Маршалокъ надворный коронный Адамъ Казановскій объявилъ имъ, что онъ допрашивалъ вора и что тотъ сказалъ ему слѣдующее: „зовутъ его Иваномъ Дмитріевичемъ Лубою; а привезъ его въ Москву еще ребенкомъ отецъ его, шляхтичъ изъ Подляшья, въ смутное время. Когда же отца его убили, то панъ Бѣлинскій взялъ его къ себѣ, привезъ въ Польшу, выдавая за сына Марины и объявилъ о томъ королю и панамъ раднымъ. Король велѣлъ отдать мальчика на сбереженіе Льву Сапѣгѣ, назначивъ ему по 6000 золотыхъ въ годъ на содержаніе, а Сапѣга отдалъ

Digitized by Google

его въ Брестѣ-Литовскомъ игумну Симеоновскаго монастыря Аѳанасію учить польскому, русскому и латинскому языкамъ. Во время мира съ Москвою это содержаніе было уменьшено ему до 100 золотыхъ, а когда было заключено вѣчное докончаніе между русскимъ и польскимъ государями, то его и совершенно перестали давать ему. Не зная, что и подумать о такой рѣзкой перемѣнѣ, онъ обратился тогда къ Бѣлинскому съ просьбой объяснить ему: чей же онъ подлинно сынъ и почему его прежде называли царевичемъ? Бѣлинскій разсказалъ ему все, прибавивъ къ тому, что уже намъ извѣстно, что онъ хотѣлъ дать его на повѣшенье вмѣсто сына Марины, а этого послѣдняго выкрасть, но ему не удалось сдѣлать этого и онъ рѣшился выдать его (Лубу) за спасеннаго яко-бы имъ сына Марины и называть царевичемъ. Узнавъ это — заключилъ Казановскій показаніе Лубы — онъ не называлъ себя царевичемъ и оставшись, послѣ смерти Сапѣги, безъ пріюта, волочился между дворянами и дался было служить пану Осовскому, а послѣ него поступилъ къ пану Осинскому и нынѣ служитъ у него въ писаряхъ". Послы отвѣчали, что все это неправда, что король долженъ былъ бы прислать его къ Москвѣ и безо всякаго требованія со стороны русскаго царя. Паны радные поставили посламъ на видъ, что въ корунѣ польской издавна повелось, чтобъ дѣти людей, убитыхъ на службѣ, учились въ школахъ и на кормъ бы имъ изъ скарбу давалось, пока они не возмужаютъ и не будутъ въ состояніи кормиться сами, а Казановскій предложилъ посламъ переговорить съ Лубою лично. Послы отъ послѣдняго отказались, говоря, что „не для чего", что имъ де подлинно все извѣстно о немъ; что люди ихъ, на пути въ Польшу, видѣли какъ его называли царевичемъ и почитали. „Вамъ паномъ радѣ—прибавили послы—подлинно вѣдомо, что въ московскомъ государствѣ прежнихъ великихъ государей, царей и великихъ князей россійскихъ дѣтей не осталось, да и у разстриги дѣтей не было". Паны отвѣчали, что имъ это извѣстно, и что они и не почитаютъ Луба за царскаго сына и царевичемъ не называютъ. Призвавъ Лубу, они вторично, въ присутствіи пословъ, подробно стали разспрашивать его, и онъ откровенно разсказалъ свою печальную автобіографію, вполнѣ сходную съ разсказомъ Казановскаго. Послы продолжали однако все еще стоять на своемъ: „воръ де говоритъ неправду, избываючи своего воровства; у насъ есть письмо, гдѣ онъ подписался

Digitized by Google

царевичемъ, а далъ намъ это письмо въ Брестъ-Литовскомъ игуменъ Симеоновскаго монастыря Аѳанасій". Канцлеръ Оссолинскій, взявъ письмо, показалъ его Лубѣ и тотъ призналъ его за свое собственноручное. Прочтя письмо, канцлеръ сказалъ: „въ этой грамотѣ приписалъ тотъ дѣтина своею рукою свое имя Иванъ Фаустинъ Дмитровичъ, а царевичемъ себя не называетъ". Послы обратили вниманіе канцлера на встрѣчающіяся въ этомъ письмѣ выраженія: „у царевича на обѣдѣ" и „въ его царевичевомъ жилищѣ" и продолжали утверждать, что „ваши де пановъ радныхъ неправда и умышленье явны, что и написано и то укрываете; а этому вору и безъименному безъ королевскаго повелѣнья и безъ вѣдома вашего, пановъ радныхъ и всей Рѣчи Посполитой, какъ было посмѣть называться и писаться такимъ высокимъ званіемъ царевичемъ". Паны отвѣчали, что еслибъ воръ назывался царевичемъ московскимъ, то онъ бы не подписывался по латыни, а Фавстинъ—имя латинское; что же касается до указанныхъ послами выраженій, то „часто де бываетъ, что урочища, мѣста и вѣси называются: царево или королево". Послы повторяли прежнее и требовали казни Лубы или выдачи его. Паны объявили, что шляхтича и къ тому же еще невинпаго, они выдать не могутъ, но что они на сеймѣ подтвердятъ и въ контитуціи напечатаютъ, что впредь ни отъ Лубы, ни отъ кого другаго подъ московское государство подъискиванія не будетъ. Послы отвѣчали, что подобная мѣра обезопаситъ лишь со стороны Литвы и Польши, но что воръ можетъ отъѣхать въ иное государство и тамъ учинить смуту; тогда на комъ будетъ взять? Паны сказали, что дадутъ „укрѣпленье" за своими подписями и печатями, что ничего такого не будетъ. Послы не соглашались на это, продолжали свои требованія, осыпая упреками и укоризнами пановъ радныхъ,—тѣ тоже не уступали имъ и, послѣ долгихъ и шумныхъ объясненій, послы и паны радные разошлись, наконецъ, ничего не рѣшивъ окончательно. На слѣдующемъ собраніи паны сказали: „вы говорили, что у Лубы на спинѣ между плечами есть пятно; если, дѣйствительно, у него таковое окажется, то мы согласны отдать его вамъ". Послы возразили, что про пятно они слыхали, но сами не знаютъ, есть-ли оно у него или нѣтъ. Когда же паны объявили, что у Лубы пятна нѣтъ, то послы все-таки потребовали казни его, за то что онъ называется царевичемъ и продолжали настаивать на этомъ требованіи, хотя паны

Digitized by Google

радные и клялись имъ: „шляхтичъ этотъ себя царевичемъ не называлъ; убей Богъ насъ душею и тѣломъ, если мы говоримъ неправду“. Рѣшили наконецъ послать гонца въ Москву за указомъ, при чемъ паны радные требовали, чтобы послы написали своему государю о невинности Лубы, что онъ будетъ поставленъ въ ксендзы и что за нимъ будутъ наблюдать. Послы отказались, говоря, что онъ „и въ духовномъ чинѣ можетъ воровать: Гришка Отрепьевъ тоже-де былъ постриженъ; вору духовный чинъ не смиренье; кромѣ смерти его ничѣмъ не усмиришь“, Паны сказали: „король приказалъ этого Лубу за его письмо, хотя онъ и писалъ его спроста, сослать за приставомъ въ крѣпкій городъ Маріенбургъ въ башню, года на три или на четыре, или на сколько государю вашему угодно, и какъ онъ эти урочные годы отсидитъ и сдѣлается ксендзомъ, то ему ничего дурнаго помыслить будетъ нельзя, и мы вамъ дадимъ укрѣпленье за руками и печатями, что отъ него впредь никакой смуты не будетъ“. Послы возразили, что за такое воровство арестъ на три года не есть наказаніе, и что они укрѣпленья безъ царскаго приказу взять не могутъ. Наконецъ, король рѣшилъ уступить, и рефендарь и писарь великаго княжества литовскаго ксендзъ Францышекъ Долматъ Исанковскій, пріѣхавъ къ посламъ на посольскій дворъ, объявилъ, что король, желая пребывать съ великимъ государемъ московскимъ въ дружбѣ и братской любви, велѣлъ послать Лубу въ Москву съ своими послами, но не для казни, а для оправданья. Послы и тутъ согласились не сейчасъ, а попытались было добиться того, чтобы Луба былъ отданъ имъ для доставки въ Москву. Встрѣтивъ рѣшительный отказъ въ этомъ, они вытребовали отъ пановъ радныя укрѣпленье за ихъ подписями печатями, что король непремѣнно пришлетъ Лубу съ своими великими послами къ Москвѣ, а если не пришлетъ вскорѣ, то договоръ теперешній нашъ и совершеніе межеваго дѣла и отмѣна о городы держана и крѣпка быть не имѣетъ“. Съ этимъ укрѣпленьемъ послы отправились обратно въ Москву, гдѣ царь остался доволенъ ихъ поведеньемъ и щедро наградилъ ихъ всѣхъ: князь Львовъ получилъ дворечество съ путемъ, думный дворянинъ Пушкинъ — окольничество, а дьякъ Волошениновъ—думу. Какое-же было это письмо, которое далъ Аѳанасій, т. е. Филипповичъ посламъ? Самъ Филипповичъ говоритъ объ этомъ, что онъ въ бытность свою въ Краковѣ въ 1644 году,

Digitized by Google

когда ѣздилъ къ Сапѣгѣ, чтобы выхлопотать охранный листъ для своего монастыря, то зашелъ между прочимъ и къ московскому послу, знакомому ему еще со времени бытности своей въ Москвѣ въ 1638 году. Какъ бывшій, долголѣтній воспитатель Лубы, Филипповичъ былъ настойчиво разспрашиваемъ посломъ о Дмитровичѣ: какого онъ роду и какъ онъ себя титулуетъ? Филипповичъ отвѣчалъ, что самъ онъ никогда не интересовался этимъ вопросомъ, а Дмитровичъ и самъ не знаетъ хорошенько, кто онъ такой, но что онъ царевичемъ въ письмахъ не подписывается, въ доказательство чего и передалъ послу письмо отъ Дмитровича, содержанія повидимому вполнѣ невиннаго, но въ которомъ однако встрѣчались вышеприведенныя уже нами выраженія: „у царевича на обѣдѣ“ и „въ его царевичевомъ жилищѣ“, которыя и послужили московскимъ посламъ уликой, на основаніи которой они такъ энергично стали требовать казни или выдачи имъ Лубы. Этимъ, по словамъ Филипповича, и ограничилось его участіе въ дѣлѣ уличенія Дмитровича. Иначе же сообщали объ этомъ въ Москву сами послы.—„1644 г. августа въ 7-ый день—писали они въ своемъ донесеніи государю—приходилъ къ великимъ посламъ къ боярину ко князю Алексѣю Михайловичу Львову съ товарищи, изъ Брестя Литовскаго Симеоновскаго монастыря игуменъ Аѳанасій и говорилъ: „хочетъ-де онъ игуменъ Аѳанасій великому государю послужити и вѣрную свою службу показати и вамъ великимъ посламъ то объявить: въ прежнюю де войну, какъ была война межъ московскаго государства и Польшею и Литвою, и въ то де время привезъ съ Москвы въ Польшу шляхтичъ панъ Бѣлинскій мальчика невелика и у себя его вскормилъ, а сказывалъ про него: дала де ему того мальчика въ Калугѣ вора Гришкина жена разстриги, Марина Мнишковна, воеводы сендомірскаго дочь, которая была за воромъ за Гришкою разстригою, и приказала де ему, чтобъ онъ панъ Бѣлинскій того мальчика свезъ къ себѣ въ Польшу и вскормилъ, а тотъ де мальчикъ царевичъ, разстригинъ сынъ, да ея Маринкинъ, и былъ съ нею на Москвѣ и велѣно его повѣсить, и въ его де мѣсто повѣшенъ иной малой, а онъ сбереженъ; и какъ де онъ Бѣлинскій его вскормитъ и сбережетъ, и отъ того де царевича заплата ему будетъ всякимъ добромъ. И Бѣлинскій де того мальчика у себя вскормилъ и своей братьѣ шляхтѣ про него разсказывалъ, что онъ московскій царевичъ и его де братья шляхта и племя Бѣлинскаго того маль-

Digitized by Google

чика у себя ему держать не велѣли, а говорили ему, чтобъ онъ про него объявилъ королю и панамъ радѣ на соймѣ; и панъ Бѣлинскій про того малаго объявилъ на сейму Жигимонту королю и панамъ радѣ, а сказалъ, что онъ московскаго царя Дмитрія сынъ, а привезъ де онъ его съ Москвы и Жигимонтъ де король и паны рада велѣли того малаго привезти на соймъ; и Бѣлинскій де его на соймъ привезъ, и король де и паны рада съ сойму того малаго приказали беречь канцлеру литовскому Львѣ Сапѣгѣ, а велѣли ему давать на кормъ, съ соймоваго уложенья, съ Бреста и съ Брестьскаго повѣта по шти тысячь золотыхъ и въ констатуціи де у нихъ то напечатано. И канцлеръ де Левъ Сапѣга отдалъ его въ Брестѣ-Литовскомъ въ наученье въ Симеоновскій монастырь ему, игумену Аѳанасью, а велѣлъ его учити грамотѣ по русски и по польски и по латыни, и былъ у него игумна въ наученьи семь лѣтъ, и на соймѣ онъ къ Жигимонту королю пріѣзживалъ и писался де царевичемъ московскимъ Иваномъ Дмитровичемъ; а послѣ де Жигимонта короля, при сынѣ его Владиславѣ королѣ велѣно ему давать на кормъ изъ брестьскихъ же доходовъ по сту золотыхъ на годъ. И какъ де у великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича вся Русіи со Владиславомъ королемъ учинилось вѣчное докончанье, а канцлера Льва Сапѣги не стало, и тому де москви... король... жалованья...“ Конецъ этого любопытнаго донесенія не сохранился, къ крайнему нашему сожалѣнію, ибо въ концѣ именно Филипповичъ долженъ былъ сообщить, какъ ведетъ себя этотъ мнимый царевичъ въ настоящее время, называетъ ли онъ себя царевичемъ и считаютъ ли его дѣйствительно таковымъ. Правда, что это донесеніе, писанное, вѣроятно, уже нѣсколько времени спустя послѣ посѣщенія посла Филипповичемъ, не вполнѣ вѣрно: едва-ли Филипповичу былъ какой разсчетъ приходить, исключительно съ намѣреніемъ донести на Лубу, съ цѣлію подслужиться московскому царю [1]), такъ какъ гораздо удобнѣе и съ большею безопасностью ему можно было сдѣлать это въ бытность свою у царя Михаила Ѳедоровича на Москвѣ въ 1638 году. Всего вѣрнѣе, что онъ зашелъ къ послу просто, какъ къ старому знакомому, принимавшему, быть можетъ, участіе въ немъ въ Москвѣ,

---

[1]) Какъ это полагаетъ Н. И. Костомаровъ въ своей „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ дѣятелей“ вып. 4, стр. 57.

Digitized by Google

гдѣ нашъ игуменъ былъ радушно принятъ и щедро одаренъ. Не вѣрно затѣмъ и то, что Сапѣга отдалъ будто бы Лубу на воспитанье въ монастырь. Филипповичъ былъ наставникомъ Лубы на дому у Сапѣги, еще до постриженія своего въ монахи и былъ игумномъ Симеоновскаго монастыря лишь съ 1640 года, когда его воспитаннику было около 30 лѣтъ [2]) и его никакъ уже нельзя было назвать „мальчикомъ не великимъ“; но подобныя ошибки, если бы онѣ встрѣтились и въ концѣ донесенія погибшаго для насъ, конечно, легко можно было бы замѣтить и исправить.

Пока переговоры русскихъ пословъ съ панами радными шли въ Польшѣ, въ Москву пришла еще тревожная вѣсть о самозванцѣ изъ Турціи. Греческій архимандритъ Амфилохій прислалъ въ октябрѣ 1644 года съ Романомъ Савиновымъ къ царю грамоту, въ которой сообщалъ, что въ августѣ мѣсяцѣ пріѣхали въ Константинополь двое турокъ съ грамотою къ султану, написанною на русскомъ языкѣ и спрашивали переводчика. Амфилохій заявилъ, что онъ знаетъ турецкій языкъ и можетъ переводить съ русскаго на турецкій и взялъ у нихъ съ этою цѣлію грамоту, но взглянувши на ея содержаніе, ушелъ обманнымъ образомъ съ нею въ Бруссу, а потомъ и переслалъ ее въ Москву. Грамота оказалась написанною на бѣлорусскомъ нарѣчіи и гласила слѣдующее: „милостивый и вельможный царь! Смилуйся надо мною, бѣднымъ невольникомъ! ты мнѣ отецъ и мать, потому что не къ кому мнѣ прибѣгнуть другому. Когда я шелъ изъ земли персидской въ Польшу, то встрѣтились мнѣ твои люди, казну у меня взяли, самого меня схватили, къ тебѣ не везутъ, а запродали жидамъ. Если ты надо мною смилуешься, то будешь отцомъ и матерью мнѣ грѣшному и бѣдному невольнику, московскому царевичу; если же по милосердію твоему овладѣю землею московскою, то будетъ она мнѣ пополамъ съ тобою“. Подписано: „князь Иванъ Дмитріевичъ, московской землѣ царевичъ, рука власная“. Подобное извѣщеніе не могло, конечно, подѣйствовать успокаивающимъ образомъ на московское правитель-

[2]) Мы опредѣляемъ приблизительный возрастъ Лубы по слѣдующему разсчету: Бѣлинскій хотѣлъ дать Лубу на повѣшенье вмѣсто 4-хъ лѣтняго сына Марины, повѣшеннаго въ 1614 г. и родившагося слѣдовательно, въ 1610 году. Луба долженъ былъ подходить по внѣшнему виду и по возрасту, т. е. родиться около этого же времени. Тогда ему, при отдачѣ его въ ученье Филипповичу, было бы, приблизительно, лѣтъ 10, а при пріѣздѣ московскихъ пословъ въ Польшу около 33 лѣтъ.

Digitized by Google

ство и поэтому, когда въ ноябрѣ того же 1644 г., въ Москву пріѣхалъ великій посолъ королевскій Гаврила Стемпковскій, каштелянъ брацлавскій съ товарищи и привезъ съ собою Лубу, то переговоры о выдачѣ его возобновились, съ еще большею настойчивостью, со стороны бояръ. Стемпковскій, сообщивъ боярамъ на первомъ же свиданіи (31 января 1645 г.) обѣщаніе короля, что обвиняемый въ воровствѣ шляхтичъ оправдается самъ передъ царемъ или боярами, далъ выраженію „у царевича на обѣдѣ“ такое объясненіе: „написалъ онъ (Луба) на томъ же листу, что онъ былъ у пана царевича на вечеру и потому не довелось его писати царикомъ московскимъ потому что онъ [1]) . . . . а живутъ де у нихъ шляхтя подъ Вильною, а называются всѣ царевичи“, и прибавилъ, что привезъ отъ короля и отъ пановъ радъ грамоты, ручающіяся за то, что въ Польшѣ не будутъ „такихъ воровъ держати, которые межъ великими государи имѣли вѣчное докончанье мѣшать, и такихъ воровъ казнити, а не живити“. Бояре возразили, что король де вора прислалъ и просилъ его не казнить и что ему Гаврилѣ Стемпковскому слѣдовало бы отдать его „въ царскую волю“, и потомъ уже подать и поручительныя грамоты. „Природнаго шляхтича — заявилъ Стемпковскій—я отдать вамъ не могу, потому что и королемъ мнѣ то не приказано; но если вы, бояре и думные люди, „возьмете на души свои“, что царь не велитъ казнить его, а велитъ отпустить со мной обратно въ Польшу, то я вамъ отдамъ его, для оправданія“. Бояре объявили, что царь ихъ „самодержецъ“, безъ его приказу они сдѣлать этого не могутъ, и послали думнаго дьяка Григорья Львова донести „тѣ посольскіе отвѣты“ царю. Царь велѣлъ передать послу, что король писалъ ему о ворѣ, что бы онъ, посолъ, отдалъ его въ „его царскаго величества повелѣнье, а онъ велитъ учинить объ немъ по своему царскому разсмотрѣнью, а будетъ онъ, Гаврило, того вора не отдастъ и онъ царское величество боярамъ и думнымъ людямъ своимъ ни о какихъ дѣлахъ съ нимъ посломъ говорить и его посольскихъ рѣчей слушать не велитъ“. Стемпковскій заявилъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ безъ соглашенія на то короля и всей Рѣчи Посполитой, и просилъ позволенія послать гонца на сеймъ въ Варшаву за указаніемъ, какъ

---

[1]) Пробѣлъ въ три слова въ памятникѣ: Польскій Ст. списокъ № 68 лист. 196 на оборотѣ.

Digitized by Google

ему поступить. Позволеніе было дано и гонецъ вернулся съ грамотой отъ короля къ царю, гдѣ король продолжалъ увѣрять въ невинности Лубы и просилъ отпустить его. Но раньше того посланный отъ Михаила Ѳедоровича по дѣламъ межевымъ гонецъ Ефимъ Юрьевъ привезъ между прочимъ отъ неизвѣстнаго лица, предлагавшаго свои услуги, какъ корреспондентъ, цѣлый списокъ того, что онъ „въ Польшѣ послѣ отъѣзду великихъ послозъ царскаго величества слышетъ“. Въ § 6 этого списка значилось что „о отдачѣ Лубы, есть-ли его отдать о томъ подлинно вѣдомости нѣтъ“, а въ § 7, неизвѣстный корреспондентъ сообщалъ, что „игумена Афанасія, который прежъ сего былъ у царскаго величества, посажено въ вязенье (тюрьму) въ брестскомъ городѣ, для того будто онъ объявилъ Лубу передъ царскимъ величествомъ, что онъ назывался Дмитровичемъ. И я его въ Брестѣ въ вязеньи видѣлъ и письмо его у себя имѣю, что онъ писалъ въ монастырь къ намѣстнику своему и къ братіи“. Очевидно, польское правительство, въ виду настойчивыхъ требованій бояръ и царя московскаго, пожелало заручиться хоть чѣмъ либо на случай, если Лубу не выпустятъ живымъ изъ Москвы и поэтому поспѣшило арестовать Филипповича, полагая, что богобоязненный царь навѣрное помнитъ его и дорожитъ имъ, какъ православной духовной особой, столь близко принимающей къ сердцу интересы гонимой церкви восточной.

Переговоры о выдачѣ Лубы еще продолжались довольно долго. Мы не станемъ здѣсь излагать ихъ, такъ какъ и бояре и посолъ все повторяли однѣ и тѣ же доводы, уже извѣстные намъ, а вернемся къ главному предмету нашего очерка—Филипповичу. Попавъ въ тюрьму Филипповичъ по прежнему продолжалъ скорбѣть о безправномъ положеніи православныхъ въ польскихъ владѣніяхъ, о гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ восточною, православною церковью и о томъ, что неожиданный арестъ помѣшалъ ему привести въ исполненіе его планъ о новой публичной жалобѣ. Скорбь эту онъ излилъ въ силлабическомъ стихотвореніи, сочиненномъ имъ тогда же въ тюрьмѣ и имъ-же самимъ положенномъ на голосъ. Въ виду того, что это стихотвореніе превосходно рисуетъ намъ настроеніе духа Филипповича во время его заключенія, мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь вполнѣ:

„Даруй покой церкви своей, Христе Боже,
Терпѣти болшъ не вѣмъ, если хто зъ насъ зможе

Digitized by Google

Дай помощь отъ печали,
Абысмы вцѣли зостали:
Въ вѣри святои непорочной въ милы лѣта,
Гдыжъ приходятъ страшные дни въ конецъ свѣта;
Вылучаешь кто зъ насъ, Пане,
По правици Твоей стане,
Звитяжай же зрайцовъ, первѣй уніатовъ,
Препозитовъ также и ихъ номинатовъ
Абы болшъ не колотили
Въ покою лѣтъ конецъ жили,
Потлуми всѣхъ противниковъ и ихъ рады
Абы большей нечинили гнѣву и зрады,
Межи Греки и Рымляны,
Гды-жъ то людъ твой есть выбранный,
Пришолъ той часъ раздѣленя съ проклятыми
Не зъѣстъ хлѣба ошарпанецъ зъ незваными
До темности каже втрутить
Звязаного въ вѣки мучить;
Тутъ южъ злости антихриста! Уніате,
Кламцо и похлѣбцо рожоный лжи бàрте!
Памятайся въ своей злости
Зажій на собѣ литости,
Пекло на тя горящее зготовано
Гордость твою и думы зле бы спаліоно.
Стережися того огня
Не вѣрь діаблу рукоимя.
Для тебе то церковь Грецка ляментуетъ,
Въ многихъ мѣстцахъ много утисковъ пріймуетъ
Перестань-же такой злости
Не чини болшъ южъ прикрости.
Не барзо тебѣ Рымъ прагнетъ и Латина,
Може бо вѣмъ обыйтися безъ Русина.
Навернися до Всходнеи
Церкви святои своеи.
Поможетъ въ томъ Пречистая и святыи
Молитвы свои даючи приемныи
Въ славу Богу своему
Въ Тройци Святой единому,

Digitized by Google

Будь-же сыномъ православнымъ, уніате,
Есть покута живымъ людемъ, милый брате!
Христосъ то тебе взываетъ
И Пречистая чекаетъ.
Проситъ за тя зъ плачемъ горькимъ въ трубѣ страшной
Матка Сына въ крижу мовячи мнѣ жалосной;
Теперь чловѣкъ ласку маетъ,
Напотомъ болшъ не узнаетъ.
Хвалимъ же вси Христа и Творца Нашего
Же намъ далъ южъ Матку неокрутно его
Речъ святая и знаки
Неомылны суть на вѣки
Аминь".

Пѣніемъ этого стихотворенія Филипповичъ пытался хотя бы сколько-нибудь облегчить горечь своего положенія и разсѣять свою скуку, такъ какъ въ первое время надзоръ за нимъ былъ весьма строгъ: къ нему никто не допускался, не давали ему также ни книгъ, ни бумаги и чернилъ. Но потомъ этотъ надзоръ ослабили и Филипповичъ принялся за продолженіе начатаго имъ на свободѣ меморіала, который и былъ поданъ королю отъ его имени во время вальнаго сейма, 29 іюня 1645 года. Меморіалу своему Филипповичъ предпослалъ „Новины" т. е. краткій автобіографическій очеркъ, гдѣ подробно и безъ всякой утайки изложилъ приведенныя уже нами выше обстоятельства жизни своей до заключенія въ тюрьму. Затѣмъ онъ переходитъ къ апологіи христіанства и начинаетъ съ того, что оправдывается, какъ бы въ этомъ своемъ поступкѣ. „Що жъ я, нендзный робакъ за обмову о собѣ дамъ, гды то Творца мой Іисусъ Христосъ и Матка Его Пречистая Богородица Купятицкая такъ трудную, дивную и барзо великую справу и послугу на мене, покорнаго, якъ на быдлятко Валаамово, вложити зезволили? О, Іисусе Христе, мой Одкупителю! Чи не волѣлъ бымъ я, нендзный, сидѣти въ монастыру, якъ другіи духовныи отцеве и братіи мои, молячися Тебѣ, Творцу моему, за себе и за всю владзу, духовную и свѣтскую, а особливе за добродѣевъ моихъ? Чи не уважалемъ я того собѣ? Уважалемъ и уважаю, дивуючися непонятымъ справамъ Его святымъ. Подаю то до побожняго уваженя вашеи кролевской милости пану и добро-

Digitized by Google

дѣеви мнѣ велце милостивому, што бымъ я мѣлъ чинити нендзный человѣкъ, простакъ, гарбарчикъ, калугеръ убогій, межи монархами свѣта, вашею кролевскою милостью и царомъ московскимъ, гды бы не было въ томъ особливои воли и опатрности Бога въ Троици Святой Единого! Поневажъ самъ рачитъ мовити: „безъ мене не можете творити ничего же“.—Ссылаясь на Длугоша и другихъ лѣтописцевъ, Филипповичъ указываетъ затѣмъ, что русская церковь, начиная со времени принятія христіанства Россіею, всегда находилась въ повиновеніи у константинопольскихъ патріарховъ. Унія же, стало быть, проклята прежде всего потому, что уніаты покинули своего прежняго пастыря, патріарха константинопольскаго, имѣющаго равную духовную власть съ прочими 4-мя патріархами, и перешли къ папѣ римскому. Въ особенности подлежатъ проклятію тѣ отщепенцы изъ русскихъ духовныхъ лицъ, которыя приняли унію изъ честолюбія или вслѣдствіе корыстныхъ разсчетовъ, какъ на примѣръ Потій, перешедшій въ нее ради того, чтобы получить мѣсто въ сенатѣ. Правда, онъ не получилъ его, но за то щедро вознаградилъ себя грабежемъ и конфискаціей церковнаго имущества и церковныхъ имѣній. Возникши вслѣдствіе такихъ побужденій, унія внесла въ государство раздоры, ненависть и взаимное озлобленіе между православными и уніатами; самыя войны козацкія произошли отъ нея.

Обрисовавъ яркими красками своеволіе Потѣя и его притѣсненія, Филипповичъ говоритъ, что король, конечно, можетъ относиться равнодушно къ вѣрѣ своихъ подданыхъ и не виноватъ, если кто изъ нихъ заблуждается въ дѣлахъ духовныхъ; но, такъ какъ унія установлена „за помочью кролей ихъ милостей“ то король и обязанъ уничтожить ее; отцы духовные не въ состояніи сдѣлать этого: они сами нуждаются въ исправленіи. Къ тому же король при вступленіи на престолъ клятвенно обѣщалъ „грунтовне“ успокоить церковь; пора теперь настала, пусть успокаиваетъ; уніаты могутъ остаться при своихъ заблужденіяхъ, но и православные пусть будутъ свободны въ своей вѣрѣ. Далѣе Филипповичъ одобрительно отзывается о посылкѣ королемъ Лубы въ Москву. „Стороны Дмитровича—говоритъ онъ—добре ся стало, за ласкою Божіею: же оного ваша кролевская милость, панъ мой милостивый... до царя московскаго послати рачилъ. Неслушно бовѣмъ пану зъ натуры и зъ дары особливого Бозского такъ будучи

Digitized by Google

справедливымъ, мѣшатися въ справы несправедливые. Лацно познати каждому гды бы былъ зъ Мнишковны, воеводзіанки Сендомирской Дмитровичомъ. Значная есть фамиліа ихъ милостей пановъ Мнишковъ. Якъ панъ кухмистръ коронный, староста Осецкій, и иншіе одозвали бы ся въ повиновацтво, гдыжъ то великая речъ быти правдивымъ царскимъ сыномъ. До того еще зъ устъ небожчика Сапеги, гетмана, слышалемъ, гдымъ педагогомъ былъ. Просилемъ килима обить ему надъ лужкомъ; теды голосно зъ гнѣвомъ рекъ: на що обитя надъ лужкомъ? Хто его вѣдаетъ, хто онъ есть".—Эти два вопроса—о Дмитровичѣ и о грунтовномъ успокоеніи—Филипповичъ кладетъ „на вѣсы разума" его королевской милости и выражаетъ надежду, что справедливость будетъ имъ узнана, если онъ будетъ разсуждать о нихъ, „правымъ разумомъ". О безпорядкахъ въ римской церкви Филипповичъ согласенъ предоставить говорить другимъ: его дѣло-де лишь выставить на видъ, что унія—дѣло нечестивое и требовать ея уничтоженія. Но въ концѣ меморіала онъ все-таки помѣщаетъ небольшую замѣтку о неустройствахъ въ римской церкви, главную причину коихъ онъ видитъ въ томъ, что папа, во-первыхъ, отпалъ отъ союза съ прочими патріархами и, во-вторыхъ, что онъ избирается не высшими духовными лицами, какъ патріархи восточные, а низшими-кардиналами. Въ заключеніе Филипповичъ выражаетъ обычныя вѣрноподданическія благопожеланія королю, призываетъ на него милость и покровительство „нетолько добрыхъ планетъ: Меркуріуша, Геркулеса, Іовишова сына, але и самого Творцы всѣхъ тыхъ Іисуса Христа, за повабою и ублагословеніемъ пренаймилоснѣйшой . . . . . Маріи, пречистой Богородицы, кролевои небеснои". и высказываетъ желаніе королю „мѣти облюбеницу зъ Москвы",— намекая, повидимому, на одну изъ дочерей царя Михаила Ѳеодоровича.

Мы не знаемъ, какъ отнесся Владиславъ IV къ этому меморіалу, но для Филипповича подача его не имѣла никакихъ послѣдствій. Его продолжали держать въ тюрьмѣ, даже и послѣ того, какъ на Москвѣ прекратилось совершенно благополучно дѣло о Лубѣ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ извѣстно, скончался 12-го іюля того же 1645 года, а его преемникъ согласился отпустить Лубу домой, съ тѣмъ лишь, чтобы король и паны радные поручились, что отъ него никакихъ подъискиваній на мос-

Digitized by Google

ковское государство не будетъ, и онъ не станетъ уже впредь именовать себя царевичемъ. Полагая, что его меморіалъ не дошелъ до короля, Филипповичъ поспѣшилъ составить вторую „супплику“, въ которой почти что повторяетъ вкратцѣ содержаніе меморіала: послѣ краткаго историческаго обзора православной церкви, гдѣ онъ проводитъ мысль, что въ ней все было спокойно до уніи, а со времени ея введенія начались всякія смуты и безпорядки, онъ по прежнему требуетъ отъ короля уничтоженія уніи, мотивируя свое требованіе, кромѣ прежняго довода, еще и тѣмъ, что исправленіе духовныхъ неурядицъ всегда-де было дѣломъ королей и царей, присутствовавшихъ на соборахъ. Коснувшись и въ этомъ своемъ прошеніи безпорядковъ въ римской церкви, Филипповичъ настаиваетъ на соединеніи папы съ прочими патріархами, высказываетъ свое удовольствіе по поводу высылки папскаго легата хвалитъ короля за то, что онъ послалъ Лубу въ Москву и умоляетъ выслушать его и „усправедливить въ справахъ бозскихъ“. Эта супплика, оправленная въ зеленый атласъ была, по его просьбѣ, брошена кѣмъ-то королю въ карету во время его проѣзда по городу. Король, а за нимъ и многія другія лица прочли „супплику“, нѣкоторые даже поснимали съ нея копіи, но рѣшенія не послѣдовало опять таки никакого. Вѣроятно къ этому же времени относятся и два небольшихъ трактата Филипповича, — „Зъ седми даровъ Духа Святаго лацно познати рядъ правдивый духовный въ пяти патріархахъ и въ едномъ папежу що есть“,—гдѣ онъ доказываетъ необходимость папѣ жить въ мирѣ и согласіи съ восточными патріархами и „о фундаментѣ церковномъ,—же спорка естъ, такъ вкоротцѣ вѣдати“,—гдѣ доказывается, что Іисусъ Христосъ есть истинная глава церкви и что Ап. Петръ имѣлъ силу и власть одинаковыя съ прочими апостолами.

Собираясь предстать предъ королемъ, Филипповичъ сочинилъ еще „Пересторогу кролю пану“, въ которой онъ, по его же словамъ, представляетъ объясненіе и истинныя причины продолжительныхъ бѣдствій своихъ въ дѣлѣ православной церкви. Сначала—говоритъ Филипповичъ—христіанство было принято изъ Константинополя на Руси, а изъ Рима въ Польшѣ; оба вѣроисповѣданія пользовались полною свободой; короли не только не гнали православія, но давали многочисленныя, разнаго рода, права и привилегіи, и патріархи константинопольскіе всегда заботились о

Digitized by Google

благосостояніи и благоустройствѣ православной церкви въ Польшѣ. Но вотъ Потѣй и Рагоза изъ-за личныхъ своихъ интересовъ и честолюбивыхъ замысловъ согласились, безъ вѣдома патріарха и прихожанъ, принять унію, по введеніи которой тотчасъ же послѣдовали повсюду „колотнѣ и злости“ и козацкія смуты. Перейдя подъ власть папы, уніаты, по мнѣнію Филипповича, „всѣхъ окрутниковъ и незбожниковъ злости и тиранства выполнили и превышшили“ и явились особенными противниками единой, святой, каѳолической апостольской церкви въ 4 „справахъ“: 1) „же одопхнули мизерне правдивого, единаго пастыра Іисуса Христа одъ церкве, Его власною кровію пренайдорожшою набытой, и одтяли голову сполне Бозскую и чловѣчую одъ тѣла Его (ажъ зъ уруганемъ пышнымъ) а приняли собѣ на тое мѣстце чловѣка еднаго за пастыра и голову. 2) „же взрушили право посполитое духовное и свѣтское, публичное и приватное, то есть: каноны, статуты и конституціи, фундуши и привилея, также значне и явне чинячи умнѣйшене и затлумене вѣры правдивой Грецкой, бо доложоно того въ листи отъ отца папежа Климентіа имъ данымъ, абы вже толко, ведлугъ сенодовъ Фліоренскаго и Триденскаго заховывалися, то есть: що колвѣкъ вжедруги костелъ Рымскій, заходній хвалитъ, абы и они хвалили. Похоженіе Святого Духа такъ и одъ Сына, якъ и одъ Отца, сакраментъ святый въ оприскноку подъ единою особою, чистецъ душамъ по смерти огнистый, постъ соботный и иншіи посты розерваны, безженство капланомъ свѣтскимъ, календару отмѣна, юбеліуши на непопелныи грѣхи, отпущеніа грѣховъ, и все ведлугъ наукъ вымышленыхъ, новыхъ, папежскихъ, що-рокъ одмѣнныхъ, а не ведлугъ Христовыхъ, апостольскихъ сенодовъ седми и каноновъ Отцевъ Святыхъ“. 3) „же цѣлость двомъ тылко реліамъ, мяновите Рымской и Грецкой зъ давныхъ часовъ тутъ правомъ наданую и змоцненую, отняли и поторгали и 4) „же присязи своей власной при посвященіи у патріархи выконаной, кламцами зостали“. А такъкакъ послѣ Брестскаго собора 1596 года—заключаетъ свою „Перестороrу“ Филипповичъ—православная церковь начала терпѣть всякаго рода преслѣдованія отъ этихъ уніатовъ и ненаходила себѣ защиты, то я и ѣздилъ въ 1638 году въ Москву и просилъ заступничества у московскаго царя; потомъ жаловался королю на сеймѣ; ѣздилъ хлопотать о привилеіѣ въ Краковъ и т. д. Неизвѣстно, по какому поводу Филипповичъ сочинилъ еще въ это же время „Пораду по-

Digitized by Google

божную, именемъ Іисуса Христа, Откупителя нашего, кролю Польскому, Владиславови Четвертому, пану, а пану мнѣ милостивому.“ Здѣсь онъ совѣтуетъ королю уничтожить „опачное литералное писмо и книги жидовскіи всюды и чорнокнижскія;“ изгнать изъ Польши іезуитовъ „бо значніи то суть предотечи антихристовы“; памятникъ отцу своему, королю Сигизмунду III, поставить въ часовнѣ, а не на колоннѣ, на которой гораздо лучше помѣстить литое изображеніе Купятицкой Божьей Матери; разослать просьбы къ восточнымъ патріархамъ, чтобы они молились о спасеніи души покойнаго короля, подобно тому, какъ это сдѣлала императрица Ѳеодора по смерти своего мужа иконоборца Ѳеофила, и заключаетъ такъ: „що то за льосъ-быти господаремъ въ нерядным дому и паномъ въ своволномъ панствѣ? Добре ся то стало, же десятину зъ плебаній даютъ каплани вашой кролевской милости, пану мнѣ милостивому. Значитъ то понижене гордости Римского панства, и южъ упала“. Эти два документа, оправленные также въ атласъ, Филипповичъ передалъ одному мѣщанину для врученія королю, но тотъ, увидѣвъ подателя, махнулъ рукою и сказалъ: „не надо, ничего уже не надо: я велѣлъ его отпустить.“ Дѣйствительно, обозный великаго княжества литовскаго, економъ брестскій и полковникъ королевскій Самуилъ Осинскій, письмомъ отъ 19 октября 1645 г. просилъ намѣстника Симеоновскаго монастыря, о. Давида, увѣдомить митрополита, чтобы тотъ прислалъ кого нибудь изъ своихъ „по того чернца, который тутъ сѣдитъ въ везеню, въ Варшавѣ“. Осинскій прибавлялъ, что „его кролевская милость, любо заслужилъ великое каране, пущаетъ то мимо себѣ. Того, еднакъ, потребуетъ по его милости отцу метрополитѣ, абы его въ такое мѣстце заслалъ, жебы въ немъ не могль жадныхъ галасовъ робити.“ Съ Филипповича сняли тѣмъ временемъ оковы и ослабили до крайности надзоръ надъ нимъ, видимо желая чтобъ онъ убѣжалъ. “Власне потребовали—говоритъ самъ Филипповичъ — абымъ утекъ изъ турмы, яко-жъ и голосы тые были: „пустите его, если пойдетъ.“ Но упрямый игуменъ и недумалъ бѣжать, а продолжалъ требовать суда надъ собой, или, чтобы король выслушалъ его. Убѣдившись, что король самъ уже никакихъ посланій отъ него не приметъ, Филипповичъ засыпалъ прошеніями его придворныхъ и ихъ женъ: маршалка Казановскаго и его жену, короннаго подкоморія пана Рыльскаго, канцлера Юрія Оссолинскаго

Digitized by Google

и другихъ, прося ихъ выхлопотать ему ауді̀енцію у короля. Владиславъ IV наконецъ уступилъ этимъ просьбамъ и назначилъ ужъ было день для выслушанія Филипповича, но сенаторы и католическое духовенство успѣли отговорить его: они увезли короля на охоту и ауді̀енція не состоялась. Въ этотъ же день многіе іезуиты приходили къ Филипповичу въ тюрьму и выговаривали ему грозно за то, что онъ безпокоитъ короля и такъ „безпечне галасуетъ.“ На другой день, 3 ноября, Филипповичъ, былъ отправленъ въ Кіевъ, получивъ пять таляровъ на дорогу и подъ охраною двухъ драгунъ.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, Филипповичъ отдалъ митрополиту Петру Могилѣ подробный отчетъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и представилъ ему копіи съ поданныхъ имъ королю документовъ. Повидимому, онъ разсчитывалъ на то, что митрополитъ и теперь, какъ и послѣ первой его манифестаціи, отнесется, если не съ одобреніемъ, то, по крайней мѣрѣ, снисходительно къ его поступкамъ и снова пошлетъ на игуменство въ Симеоновскій монастырь. Ревностный защитникъ православія, Петръ Могила, конечно не могъ не оцѣнить по справедливости качествъ Филипповича и его заслугъ въ дѣлѣ защиты православія, но въ то-же время, не могъ одобрить его образа дѣйствій, совершенно справедливо полагая, что подобнаго рода выходки раздражаютъ лишь понапрасну католиковъ и уніатовъ и безпокоятъ правительство, слѣдовательно болѣе вредятъ, нежели приносятъ пользу православнымъ. Да и король къ тому же настоятельно требовалъ, чтобъ безпокойный игуменъ былъ запрятанъ въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ не могъ „жадныхъ галасовъ чинити“. Поэтому Петръ Могила, оставивъ Филипповича при себѣ, помѣстилъ его въ Печерскомъ монастырѣ, что очень ему не понравилось и въ его „Діаріушѣ“, который былъ имъ въ это время составленъ, встрѣчаются, поэтому, довольно часто злобные намеки на счетъ „особы еднои, на которой, ведлугъ того часу, много бы належало взглядомъ вѣры православной и церкви восточной“. Сильно недовольны были этимъ обстоятельствомъ и многочисленные почитатели Филипповича и одинъ изъ нихъ, нѣкто Михаилъ изъ Замостья, „побожный человѣкъ“, обратился къ намѣстнику и къ братіи Симеоновскаго монастыря съ такимъ письмомъ: „Извѣствуете превелебность ваша, яко пречестный отецъ Аѳанасій отъ узилища раздрѣшенъ иновѣрныхъ, въ узы послася единовѣрныхъ до Кіева. Се нѣсть ми дивно и чудно, яко и Хри-

Digitized by Google

стосъ Господь нашъ сіе пострада: не бо отъ невѣрныхъ, но отъ вѣрныхъ и своихъ Ему преданъ бысть въ руцѣ человѣкъ грѣшныхъ. И хощете послати, да возвращенъ вамъ будетъ отецъ игуменъ вашъ. Не будетъ—вѣруйте ми. Развѣ аще тако есть воля Божая — пачеже глаголю и да не пророчествуетъ о имени Господни и о вѣри православной сотворятъ ему. Аще же восхощетъ пророчествовати, умретъ скорѣе въ рукахъ ихъ, нежели отъ туждыхъ. Обаче о семъ о молитву просите и пречестнаго отца Кирилла. Глаголю: яко аще вѣруете, тако быти вамъ отъ сихъ молитвъ; по вѣри вашей буди вамъ, ибо Богъ, кромѣ молитвы вѣсть еще, аще кто просить Его что, точію да творитъ волю Его; вы же творите, яко вѣрую—вѣруйте и вы, яко то пріймете. Пророчествуетъ господинъ отецъ Аѳанасій, яко унія погибнетъ. Сему бы вѣровалъ аще бы достоинство наше видилъ; но не вижду и не смѣю вѣровати во конецъ. Чесо ради речете? Сего ради, яко наша Русь сего не хощетъ, паче-же старѣйшины. Что бо есть, еже не хощутъ вамъ отъ Кіева пречестнаго господина отца игумена вашего послати вамъ. Се есть яко на унею творить: иже убо не хощетъ ратовати на унею, хощетъ унею: сего ради старѣйшины наши хощитъ унею, аще не словомъ, но дѣломъ, еже горѣе". Подобныя разсужденія постоянно доходили до слуха Филипповича и усиливали въ немъ чувство недовольства, раздраженія и озлобленія противъ своего начальства, чувство, которое не замедлило и обнаружиться у него на дѣлѣ. Въ праздникъ Воздвиженія, 14 сентября 1646 года, въ церкви Печерскаго монастыря, во время богослуженія произошло что-то такое, надѣлавшее, повидимому, тогда много шума. Въ чемъ именно состояло это загадочное происшествіе — объ этомъ намъ современныя извѣстія не даютъ никакихъ указаній, вѣрно лишь одно, что Филипповичъ принималъ тутъ дѣятельное участіе, если только не былъ главнымъ зачинщикомъ и дѣйствующимъ лицомъ. Упоминая объ этомъ происшествіи, Филипповичъ, ссылаясь на приведенное сейчасъ нами письмо, замѣчаетъ: „зъ листу Михаила каждый нехай зрозумѣетъ: для чого-то въ церкви Печеро-кіевской, на Воздвижене Честного Креста, при архіерею и сенатори такомъ попущеніемъ божіимъ, отъ особы недурной, *суплика кровавая ся стала*", а въ Діаріушѣ приводитъ записку, поданную имъ тогда же митрополиту Петру Могилѣ, озаглавленную: „Причины поступку моего въ церкви Печеро-кіевской на Воздви-

Digitized by Google

жене Честнаго Креста, року 1646", и заключающую въ себѣ слѣдующія причины:

1) „О укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ жаль незносный знялъ въ кривдѣ церкви правдивое.

2) Абымъ речъ правдивую, волею Божскою зачатую, правдиве, ведлугъ силъ немощныхъ моихъ въ совершенство и до увѣреня правовѣрнымъ духовнымъ и свѣцкимъ людемъ привелъ.

3) Абымъ звитяжцею о імени Іисусе Христове могъ стати надъ унеею проклятою.

4) Абымъ указалъ видочне, же то въ той справѣ церковной не зъ привати якой чиню, але власне для Бога Творца моего.

5) Абымъ уругане зъ себѣ знеслъ въ тыхъ, которіи мовятъ: «дурный то чинитъ» и довѣдался одъ кого и за що терплю изгнаніе.

6) Абымъ пыху въ своихъ си покорилъ покорою презъ мене Іисусъ Христовою.

и 7) Абымъ статечность мою въ справи Божской, волею Его святою мнѣ врученой, заховалъ и въ часи певномъ указалъ".

По нѣкоторымъ (1, 3, 5 и 6) изъ этихъ причинъ можно предположить, что „поступокъ" Филиповича былъ направленъ противъ его старшихъ, несоглашавшихся на его желаніе отправиться на прежнее игуменство, каковое желаніе вскорѣ, впрочемъ, исполнилось. Петръ Могила скончался 1 января 1647 года и на погребеніе его, въ числѣ другихъ, прибылъ въ Кіевъ и епископъ луцкій Аѳанасій Пузыня. Собравшись ѣхать домой послѣ похоронъ, Пузыня взялъ съ собою въ Луцкъ и Филипповича, какъ принадлежащаго къ своей эпархіи, а затѣмъ, уступая просьбамъ православнаго братства въ Брестѣ, отправилъ его на игуменство въ прежній его, Симеоновскій монастырь.

Но не долго пришлось Филипповичу прожить здѣсь спокойно. Въ 1648 году вспыхнуло въ Украйнѣ возстаніе козаковъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, началась злополучная война для поляковъ и „повстало великое преслѣдованіе и непотребная суспиція на бѣдную Русь отъ иновѣрныхъ по всей коронѣ полской и великомъ княжествѣ литовскомъ." По смерти Владислава IV это фанатическое преслѣдованіе русскихъ усилилось еще болѣе, особенно вслѣдствіе открытія по всѣмъ воеводствамъ такъ называемыхъ, каптуровыхъ судовъ, облеченныхъ чрезвычай-

Digitized by Google

ными полномочіями. У насъ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, какъ велъ себя Филипповичъ въ это тревожное время. По свидѣтельству учениковъ его, онъ „ничого южъ противного и не мовилъ противко уніатомъ: сидѣлъ собѣ тихо въ монастыру подъ часъ тотъ трвожливой". Быть можетъ, это было и такъ, но уже и предшествовавшей дѣятельности Филипповича, его упорнаго противодѣйствія уніи было совершенно достаточно, чтобъ его считали лицемъ небезопаснымъ и позаботились бы объ окончательномъ его устраненіи. Его обвинили въ томъ, что онъ сочувствуетъ козакамъ и помогаетъ имъ, доставляя порохъ и какіе-то „листы". Обвиненіе это не было доказано, но тѣмъ не менѣе Филипповича продержали около 2-хъ мѣсяцевъ въ оковахъ и, наконе́цъ, казнили смертью.

Судъ надъ Филипповичемъ и казнь его подробно описаны въ весьма живой и интересной „повѣсти", составленной подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этихъ событій учениками и почитателями казненнаго игумена, и которую мы, въ виду ея особенной характерности, считаемъ за лучшее привести здѣсь цѣликомъ: „О смерти славнои памяти небожчика Аѳанасія Филиповича, ігумена Берестейскаго православного (повѣсть презъ послушниковъ его списана), року 1648 сталой, подъ часъ безкрулевя. Штосмо очима нашими видѣли и што одъ другихъ тежъ особъ могли ся вывѣдати—о мукахъ и зейстю зъ сего свѣта небожчика отца Аѳанасіа ігумена нашего, тое пишемъ и свѣдчимъ. Не пишемъ о житію его и справахъ, о которыхъ и сами вѣдаютъ всѣ, и скрипта тежъ небожчиковскіе о томъ опѣваютъ достатечне, а мы тутъ то́лко о мукахъ и смерти его, если бы хто прагнулъ вѣдати теперъ албо напотомъ. Напродъ теды, абысмо порядокъ справы въ той справѣ нашой заховали, припоминаемъ и тое: одъ оного часу, яко славной памети наяснѣйшій Владиславъ Четвертый, король Полскій, заслалъ былъ небожчика отца ігумена зъ Варшавы до Кіева, мѣшкалъ тамъ неисходимо, ажъ до смерти святой памети господина отца Петра Могилы, метрополиты Кіевского. Потомъ приѣхавши его милость отецъ Пузына, епископъ Луцкій, до Кіева на погребъ метрополитанскій, взялъ его зъ собою до Луцка, яко до своей діецезіи належачого, й взась до Берестя, за прозбою нашею и за прозбою братства свѣтского, до насъ на ігуменство прислалъ.

Digitized by Google

Отъ, хтось недобрый въ томъ часѣ збурилъ войну зъ козаками. И повстало велйкое преслѣдоване и непотребная суспиціа на бѣдную Русь отъ іновѣрныхъ по всей Коронѣ Полской и великомъ князствѣ Литовскомъ. Ничогожъ небожчикъ отецъ ігуменъ южъ противного и не мовилъ противко уніатомъ: сидѣлъ собѣ тихо въ монастыру подъ часъ тотъ трвожливый. Алитъ панове судовые каптуровые воеводства Берестейского, за уданемъ пана Шумского, капитана на тотъ часъ гвардіи кролевской, прислали особъ килка шляхты до монастыра нашего, абы его взяли до замку. А былъ на тотъ часъ день соботный, мяновите першій іюля, и одправовалъ самъ небожикъ—литургію въ храмѣ Рождества Пречистои Дѣвы Богородици въ другомъ своемъ монастыру. Кгды теды обачилъ тую шляхту въ церкви, которая по него пришла была, а власне подъ часъ спѣваня „Иже хоровимъ“, стоячи у престола, стрвожился былъ собою барзо, и, якобы въ запомнене пришовши, стоялъ много, ничого не одправуючи, моглъ бы другій разъ еще пѣснь херовимскую проспѣвати. Потомъ взась одправовалъ, и всю оную литургію порядне скончилъ. А по скончену выслухалъ шляхты, же по него пришла была. И заразъ, изъ церкви не отходячи нигдѣ, взявши съ собою и другого брата, пошолъ до замку. Тамъ же, гды передъ пановъ судовыхъ пришолъ, почалъ былъ впродъ до нихъ нисходительно (sic) мовити и, зъ многою ихъ честію, приводити оное, яко Павелъ святый былъ передъ королемъ Аггриппою и щасливого себе розумѣлъ, же передъ нимъ мѣлъ оповѣдати. Але оные панове судовые згордили небожчика ігумена тою мовою и, не слухаючи далѣй, казали інстигаторови, помененому пану Шумскому, справу противъ ему—о посылане якихсь листовъ и пороху до козаковъ—зачати и доводити. А отецъ ігуменъ на тое (то есть, мовитъ): „Милостивые панове! Удане измышленая речъ, абымъ я мѣлъ албо листы, албо порохи до козаковъ посылати! Але такъ маете всюды свои мытники, шлите жъ собѣ до нихъ, нехай они признаютъ, если я коликолвекъ куды порохи провадилъ. А стороны листовъ—нехай ми тутъ доводъ якій на тое покажетъ, абымъ ихъ посылалъ, яко повѣдаетъ“. Послали теды заразъ того інстигатора своего и иншихъ при немъ, абы монастыри наши обадва страсли и пошукали тыхъ листовъ и пороховъ. А кгды ничого тамъ не знашли и назадъ южъ отходили, выригнулъ свою злобу тотъ інстигаторъ и реклъ до гайдуковъ своихъ: „ей, бодай васъ позабіано, же не под-

Digitized by Google

кинули есте якого ворка пороху и не повѣдили, жесмо то тутъ у чернцовъ знашли". Обачили затымъ и самые панове судовые, же не было жадного на тое доводу, але простая толко и словная мова, а праве—явный потваръ. И дали тому покой.

А о иншую речъ почали пытати и мовили: „але тысь то унею святую ганилъ и проклинналъ"? Отповѣдаючи на тое небожчикъ отецъ ігуменъ, а напродъ знаменье великого креста на собѣ положивши, реклъ до нихъ: „Чи по то есте, милостивые панове, казали мнѣ до себе прийти, щомъ я ганилъ и проклиналъ унею вашу? Я щомъ на сеймѣ у Варшави передъ королемъ его милостью, паномъ своимъ наяснѣйшимъ, Владыславомъ Четвертымъ, и сенатомъ его пресвѣтлымъ мовилъ, и завше всюды оголошалъ по воли Божой, тоежъ и передъ вами теперъ тверзу: проклятая есть теперешняя унея ваша, и вѣдайте о томъ запевне, если еи зъ панства своего не выкорените, а православной церкви Всходней не успокоите, гнѣву Божого надъ собою заживете". А тое мовилъ великимъ голосомъ, абы и тые, которые тамъ оподаль были, добре могли слышати. Заразъ теды тамъ нѣкоторые на тые слова его крикнули: „стяти, чвертовати, на паль вбити такого схизматика"! И южъ почали было его оденъ до другого пхати и шарпати. А панове судовые всѣмъ казали на часъ зъ избы уступити. И намовившися зъ собою, мовятъ до отца ігумена: „годенесь, абы тя заразъ тутъ ганебная смерть поткала, якожъ тя тое и не минетъ. А теперъ до вязеня тя взяти кажемо, ажъ вѣдомость якую будемо мѣти зъ Варшавы". Тамъ того теды брата, который зъ нимъ былъ, волнымъ учинили, а его до цекавзы до вязеня въ томъ же замку Берестейскомъ отдано року отъ Нароженя Іисусъ Христова 1648, мѣсяца іюля першого дня.

Въ килка дній зась потымъ еще и кайданы на ноги вложити казали, и такъ въ ономъ вязеню седѣлъ ажъ до дня пятого мѣсяца септемврія тогожъ року. А тымъ часомъ небожчикъ посылалъ зъ вязеня рази килка одного зъ насъ брата до пановъ судовыхъ, просячи, абы одно зъ тыхъ двохъ речей для него учинили: албо жебы кайданы зняти казали, албо жебы зъ цекавзы выпустили; а въ кайданахъ поты ходити обѣцовалъ, поки сами схочутъ. То онъ чинилъ для тоей власне причины, яко намъ самъ повѣдалъ, абы досвѣдчилъ ихъ и зрозумѣлъ, если бы отмѣнили южъ упору своего щоколвекъ стороны унеи. „Бо если—мовитъ—такъ ласкаве зо мною

Digitized by Google

поступятъ, жебы мя албо зъ кайдановъ, албо зъ турмы уволнили, и слова мои, противъ унеи речоные, знесутъ и приймутъ; если зась на тую мнѣйшую речъ не хочутъ позволити, певная-же и на болшую не позволятъ, и еще при унеи моцно стоятъ; а затымъ и о покою — мовитъ — бынамнѣй собѣ тушити не можемъ, который отъ насъ въ томъ панствѣ власне для унеи естъ отнятый и для кривды церкви матки нашеи православной". Для тогожъ онъ, кгды видѣлъ, же на жадну речъ не хотѣли позволити, смѣле южъ почалъ мовити: „не выйдетъ зъ того панства мечъ тотъ и война, ажъ муситъ конечне унея шію зломити. а благочестіе зась незадолго, дасть Богъ, заквитнетъ; ей, ей, заквитнетъ, а унея прудко згинетъ!" И часто такъ бывало, гды обачитъ шляхту, до нихъ зъ цекавзы презъ окно волаетъ. Пришолъ разъ до отца ігумена тотъ же братъ, который въ справѣ до судовыхъ ходилъ, и повѣдаетъ ему, же „не хотѣли васъ панове ани зъ кайдановъ, ани зъ турмы уволнити, ажъ ся война зъ козаками успокоитъ". А пришла была на тотъ часъ до него и шляхта за тымъ братомъ слухати, що тежъ на тое отецъ ігуменъ отповѣдитъ. А онъ заразъ при всѣхъ реклъ то: „не успокоитъ бо ся тая война, бо не хочутъ унеи зъ панства своего выкоренити". Шляхта отъ него то почувши, рекла: „вей, якій схизматикъ!" И заразъ пошли отъ него до суду.

Разъ при бытности ксіонженціа и бискупа, которыхъ тутъ не именуемъ, казали панове судовые небожчика въ кайданахъ таки привести передъ себе. И запыталъ его тотъ бискупъ, если бы проклиналъ унею? И признался небожчикъ до того мовячи: „такъ бо и естъ, же проклятая". А онъ, нехотячи его слухати далѣй, рекъ: „будешъ языкъ твой ютро передъ собою въ катовскихъ рукахъ видити". И взась казали до вязеня отвести и всадити.

Когды потымъ день четвертый мѣсеца септемврія въ томъ вышпомененомъ року минулъ, а ночь пятого дня наступила, взято небожчика отца ігумена оной ночи зъ вязеня и, съ кайдановъ росковавши, до обозу запроважено. А первѣй нижели его до обозу взято, повѣдаютъ, же езуиты, вѣдаючи южъ о его смерти, тоижъ ночи приходили до него до вязеня, яко звыкли и завше чинити, и напродъ его тамъ словами и обѣтницами отъ вѣры отводили православной, а потымъ и огненными муками страшили. Але ничого, за ласкою Божею, не справивши, сами назадъ одойшли, а студента своего еще за нимъ посылали, догоняючи, абы ся былъ намыслилъ

Digitized by Google

и не далъ губити себе. На що имъ онъ такъ отповѣдити казалъ: „нехай езуиты вѣдаютъ о мнѣ такъ: якъ имъ мило естъ въ сегосвѣтнихъ роскошахъ мѣшкати, такъ мнѣ мило теперъ на смерть пойти“.

Тамъ зась въ обозѣ що ся зъ нимъ дѣяло, такіе голосы носятся посполите межи людми. Кгды его той ночи до обозу южъ было припроважено, и до пана воеводы Берестейского, на тотъ часъ тамъ будучого, оддати его хотѣли, панъ воевода не хотѣлъ его до себе брати, и такъ реклъ: „по що сте его до мене привели? Маете южъ въ рукахъ своихъ, чинѣте жъ собѣ зъ нимъ, що хощете!“ Кгды теды южъ такъ былъ выданый отъ старшого, взяли его до себе тые, которые крви его давно прагнули, и вели его до борку, который недалеко былъ отъ обозу, а одъ мѣста въ чверть милѣ ѣдучи до села Гершоновичь, въ лѣвой сторонѣ. Тамъ его сами напродъ пекли огнемъ, а гайдукъ оденъ стоялъ тамъ на тотъ часъ оподалъ и слышалъ голосъ небожчика отца ігумена, а онъ имъ щось грозно одповѣдалъ на мукахъ оныхъ. Потымъ зась заволали и гайдука того, и казали му мушкетъ набити двома кулями. Тамъ же передъ нимъ заразъ и долъ казали наготовати. Допережъ спытавши его впродъ, если бы ревоковалъ словъ своихъ стороны унеи, а кгды имъ одповѣдилъ: „щомъ южъ реклъ, томъ реклъ и зъ тымъ умираю“, казали тому гайдукови, абы въ лобъ ему стрѣлилъ зъ мушкета. Гайдукъ, зась видячи, же то естъ духовный и знаемый ему добре, еще ся зъ тымъ не квапилъ, але первѣй о прощеніе и благословеніе его просилъ, а потымъ въ лобъ до него выстрѣлилъ и забилъ. О чомъ всемъ самъ тотъ гайдукъ певнымъ и вѣры годнымъ людемъ повѣдалъ, а мы южъ отъ нихъ ся довѣдали и тутъ написати казали. То дивная, що повѣдалъ тотъ же гайдукъ: же небожчикъ, южъ пострѣленый двома кулями въ лобъ на выліотъ, еще спершися о сосну, стоялъ часъ якій о своей моци, ажъ его впхнути въ онъ долъ казали. А и тамъ—мовитъ—еще ся самъ лицемъ въ гору обернулъ, руки на персяхъ на крестъ зложилъ и ноги протягъ, яко смотежъ его напотомъ такъ власне лежачого и знашли на томъ мѣстцу. Той зась ночи, коли его трачено, великій страхъ былъ на насъ и на всѣхъ мѣщанъ, зъ тыхъ мѣръ, же ночь была погодная и на одну стопу хмуры нигдѣ не видати было, а блискавица барзо страшная была и великая по всемъ небѣ. Казали тежъ были панове всѣмъ цехомъ и гайдукомъ забратися и въ ринку цѣлую ночь на-поготовю стояти, и тые теды всѣ оные страхи на небѣ видѣли

Digitized by Google

и повѣдали о нихъ. Сами зась шляхта и жолнере, на то назначоные, другою брамою потаемне на тотъ часъ выпроводили небожчика отца игумена зъ замку на Замухавча, и вышречонымъ способомъ его стратили на мѣстцу помененомъ.

А такъ лежалъ небожчикъ въ невѣдомости нашой безъ погребу одъ дня пятого септемврія ажъ до дня першого мая, презъ мѣсяцей осмъ. Вѣдалисмо, же его южъ немашъ на свѣтѣ живого, але не вѣдали, гдѣ его было тѣло, ажъ хлопецъ оденъ, въ лѣтехъ семи албо осми, указалъ намъ тое мѣстце, гдѣ было загребено. А хотѣлисмо напродъ довѣдатися, если онъ естъ власне, албо хто иншій, иже бысьмо потаемне могли его столь выпровадити, бо то езуицкій былъ грунтъ, на которомъ тѣло его лежало. Претожъ, дочекавши почи, одкопалисмо его и, познавши, же онъ естъ власный, заразъ на иншое мѣстце взялисмо его столь. При тѣли тежъ ничогосьмо зъ вещей не найшли, кромѣ того, же тылко кошуля его была, и то вся подраная, а папуцъ оденъ. Назавтрее зась, за позволенемъ его милости пана Фелиціана Тишкевича, пулковника хоругвій повѣтовыхъ Берестейскихъ, припровадили его до своего монастыра Рождества Пречистои Богородици. А въ килка дній потымъ, въ храмѣ пребодобного отца нашего Сумеона Столпника, на правомъ крилосѣ, въ склепику поховали, напродъ погребъ ему ведлугъ порядку церковного одправивши. Тамъ же и до тыхъ часъ тѣло его, благодатію Божею, безъ сказы захованое знайдуется.

Знаки зась муки и смерти его на тѣли тыи сутъ: подъ пахами зъ обохъ сторонъ кости голые, а трохи тѣла мѣстцами зостало и то одъ огня зчорнѣло барзо; потымъ въ головѣ дирокъ три—двѣ близко уха зъ лѣвой стороны, такъ великихъ, якъ бы куля мушкетовая, а третья зъ правой стороны, за ухомъ, южъ далеко болшая, нижли першіе двѣ; лице ему пречъ зчернѣло все одъ пороху и отъ крвѣ: языкъ зъ рота межи зубы троха выйшолъ и тамъ присохъ: дорозумѣваемся причины, же живого его еще загребли, и для великои трудности въ умираню, тое ся стало.

Богъ благодатію Своею и насъ нехай змоцнитъ въ благочестіи и дастъ терпливость для имени Его Святого. Аминъ.“

Совершенно иначе говоритъ о смерти Филипповича, неизвѣстно когда и кѣмъ составленное на польскомъ языкѣ „Житіе“ его [1]), въ

[1]) Переведенное въ 1805 году на русскій языкъ студентами кіевской духовной академіи.

Digitized by Google

которомъ онъ уже называется „святымъ“ и „преподобнымъ“. Здѣсь разсказывается будто Филипповичъ былъ казненъ мечемъ („усѣченъ въ главу“) за то, что явившись на сеймъ, онъ послѣ требованій своихъ объ уничтоженіи уніи и грунтовномъ успокоеніи православной церкви, прибавилъ еще слѣдующее предсказаніе, якобы услышанное имъ отъ того же голоса, который повелѣвалъ ему супликовать: „ежели твоихъ (Филипповича) словъ не послушаютъ и Сына Моего повелѣніе пренебрегутъ, то объяви имъ всѣмъ, не страшась, что вы человѣческаго лица стыдитесь (sic!); когда жъ судъ Божіи совершится, то вы, господа, будете имѣть безпокойствіе и безпорядки между подчиненными вашими; возстанетъ власть противъ власти у васъ; потомъ дана будетъ власть ваша владѣть вами восточной власти народу и его князьямъ, кои завладѣютъ государствами даже до запада. И будетъ имъ въ страхъ знаменіе креста святаго, гдѣ Царь восточный, яко левъ, уповая на Бога, побѣдитъ и покоритъ ихъ подъ свою власть“. Этому извѣстію не должно впрочемъ придавать серьезнаго значенія, такъ какъ все „житіе“ представляетъ собою ни что иное, какъ тенденціозное, „схоластическое измышленіе, въ которомъ всѣ индивидуальныя черты біографіи Филипповича или опущены, или же замѣнены общими мѣстами, одинаково приложимыми къ жизни всякаго мученика [1])“; но появленіе этого „житія“ и другихъ ему подобныхъ, вмѣстѣ съ обиліемъ сохранившихся до нашего времени списковъ „Діаріуша“, свидѣтельствуютъ о томъ, что память о дѣятельности и мученической кончинѣ Филипповича всегда оставалась живой среди православнаго населенія на юго-западѣ Россіи и что сочиненія его усердно читались грамотнымъ русскимъ людомъ.

За исключеніемъ головы, которая по приказанію Петра Великаго была отправлена въ С.-Петербургъ, тѣло Филипповича продолжало нетлѣнно покоиться, до пожара 8 ноября 1816 года, въ церкви Симеона Столпника, славясь чудесами и привлекая постоянно громадное количество богомольцевъ въ Брестъ. Въ 1823 г.

---

[1]) Таково мнѣніе г. Левицкаго. Намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть этого житія ни въ подлинникѣ, хранящемся въ Брестѣ въ соборномъ архивѣ, ни въ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1868 г. № 32, гдѣ оно было напечатано, и гдѣ, по словамъ г. Левицкаго, помѣщенъ также и „Памятникъ о новомъ преподобномъ мученикѣ А. Филипповичѣ“, составленный, на основаніи этого житія архимандритомъ Маркіаномъ въ 1825 г.

Digitized by Google

архимандритъ Автономъ, принимая церковное имущество, получилъ между прочимъ частицы мощей Аѳанасія, найденныя на другой день послѣ помянутаго пожара священникомъ Самуиломъ Лисовскимъ „на томъ мѣстѣ, гдѣ оные мощи были, при растопленной мѣдной ракѣ“ и хранившіяся въ монастырской трапезной церкви подъ алтаремъ. Подлинность мощей удостовѣрялась особымъ документомъ, подписаннымъ брестскими обывателями православнаго и римско-католическаго вѣроисповѣданія, лично присутствовавшими при ихъ открытіи и собираніи. Вслѣдствіе ходатайства архимандрита Автонома, резолюціей минскаго архіепископа Анатолія, отъ 27-го сентября 1823 года, разрѣшено было переложить эти частицы мощей въ раку и поставить ихъ открыто въ церкви, гдѣ они и находятся понынѣ. Въ томъ же, 1823 году, по распоряженію св. Синода монастырь св. Симеона былъ обращенъ въ приходскую церковь, а десять лѣтъ спустя, при постройкѣ брестъ-литовской крѣпости всѣ монастырскія строенія, въ томъ числѣ и соборный храмъ св. Николая, гдѣ была провозглашена унія въ 1596 году, были сломаны, а земля отошла подъ укрѣпленія.

Аѳанасій Филипповичъ представляетъ собою въ высшей степени интересный типъ образованнаго южно-русскаго игумна половины XVII ст., ревностнѣйшаго поборника православія, искренно и беззавѣтно преданнаго вѣрѣ отцевъ и глубоко оскорблявшагося безправнымъ положеніемъ приверженцевъ этой вѣры на юго-западѣ Россіи. Восторженный и крайне впѣчатлительный мечтатель, Филипповичъ вмѣстѣ съ тѣмъ выказываетъ и необычайно твердый и рѣшительный характеръ. Частныя и единичныя мѣры его не удовлетворяютъ: его идеалъ, цѣль всей его жизни — грунтовное успокоеніе православія во всѣхъ польскихъ владѣніяхъ, и полное, окончательное уничтоженіе уніи. Для достиженія этой цѣли онъ не задумывается ни надъ какимъ средствомъ, не останавливается ни предъ какимъ препятствіемъ: торжественныя, безупречныя со стороны внѣшней риторической отдѣлки, посланія и громовыя рѣчи; шумныя, публичныя манифестаціи на сеймахъ, эксцентричныя выходки въ родѣ напускнаго юродства, или бѣганія по улицамъ Варшавы, съ дикими воплями—все было имъ испробовано ради достиженія этой цѣли, намѣченной ему, по его глубокому убѣжденію, свыше. Подъ вліяніемъ чувства религіозной ревности Филипповичъ, человѣкъ, вообще говоря, весьма разсудительный и

Digitized by Google

хорошо образованный, впадаетъ нерѣдко въ крайній мистицизмъ и безпрестанно почти слышитъ голоса отъ иконы, или видитъ сверхъестественныя видѣнія и знаменія. Нападая на уніатовъ, Филипповичъ вмѣстѣ съ тѣмъ не щадитъ и своихъ: замѣчая, что никто изъ высшаго православнаго духовенства не дѣлаетъ такихъ попытокъ, какъ онъ самъ, къ успокоенію церкви своей—онъ смѣло, называя по именамъ, выступаетъ ихъ обвинителемъ въ равнодушіи къ своимъ обязанностямъ, въ пристрастіи къ житейскимъ интересамъ, матеріальнымъ выгодамъ и земнымъ благамъ. Прежде чѣмъ выступить на защиту православія и на борьбу съ уніею, онъ, сознавая, что это не—его дѣло, колеблется, но, убѣдившись разъ, что роль эта назначена ему самимъ Богомъ, онъ всецѣло отдается этому дѣлу, со всей страстностью, свойственной борьбѣ за собственное существованіе. Благодаря всему этому, личность Филипповича, являя собой совокупность всѣхъ наиболѣе крупныхъ чертъ, опредѣляющихъ весьма точно настроеніе сторонниковъ православной вѣры въ первой половинѣ XVII столѣтія, необходимо должна заинтересовать всякаго русскаго, если только онъ не относится совершенно безучастно къ давно минувшимъ судьбамъ своей родины и своей вѣры.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о шляхтичѣ Янѣ Фаустинѣ Лубѣ, котораго, какъ мы уже сказали выше, царь Алексѣй Михайловичъ согласился отпустить домой. 23 іюля 1645 г. полномочный посолъ польскій Гаврило Стемпковскій былъ у государя на дворѣ и билъ ему челомъ, чтобы государь велѣлъ боярамъ и думнымъ людямъ своимъ дать ему полный отвѣтъ о всѣхъ дѣлахъ, о которыхъ онъ, посолъ, съ ними говорилъ, и отпустилъ бы его назадъ въ Польшу, не задержавъ. При этомъ онъ подалъ царю четыре документа: грамоту отъ короля Владислава IV, съ его подписью и печатью, грамоту отъ пановъ радныхъ также за ихъ подписями и печатями, списокъ съ „конституцейскаго письма, которое на пришломъ сеймѣ имѣетъ быть установлено“ и наконецъ, запись шляхетскую. Всѣ они заключали въ себѣ одно и тоже: 1) увѣреніе, что шляхтичъ Янъ Луба, наслышавшись отъ глупыхъ людей вздорныхъ рѣчей, будто онъ царевичъ, одно время именовалъ было себя таковымъ, но узнавъ объ истинномъ своемъ происхожденіи, пересталъ зваться этимъ высокимъ именемъ, и никакой претензіи на московскій престолъ теперь не имѣетъ и царевичемъ себя не

Digitized by Google

называетъ, 2) ручательство короля, пановъ радныхъ и пановъ шляхетныхъ, земляковъ и родственниковъ Лубы въ томъ, что отъ него и впредь никакихъ подъискиваній подъ московское государство и смутъ не будетъ, и что онъ будетъ находиться подъ строгимъ надзоромъ; если же объявятся въ Польшѣ воры въ родѣ его, то мы-де ихъ будемъ почитать за безчестныхъ и за нарушителей общаго покоя и вѣчнаго докончанья и за недруговъ Рѣчи нашей Посполитой, и ратными нашими людьми оныхъ сносить будемъ, т. е. воевать, а въ московское государство „никакими мѣрами перепущать не имѣемъ“.—Запись шляхетская, кромѣ того, заключала въ себѣ еще интересныя біографическія подробности о Лубѣ, а именно: „что онъ уроженой Янъ Фаустинъ Дмитровичъ Луба имѣлъ отца Дмитра Михайла Лубу, брата нашего родного и двоюродного которымъ дѣлы вѣчные въ вотчинахъ имѣли есмя и имѣемъ, до которыхъ и сестренецъ и сыновецъ нашъ належитъ въ Подляшскомъ воеводствѣ, въ повѣтѣ Дрогитцкомъ, въ селахъ имянуемыхъ Ставахъ и Сенявахъ надъ рѣкою Бугомъ лежащихъ; а мать его была Марина Анна Мысловская воеводства Подляшскаго повѣту Дрогицкого; отецъ его изъ младыхъ лѣтъ служа славной памяти его милости пану Александру Госевскому, воеводѣ Смоленскому, дворскую и жолнерскую службу во время московской войны при святой памяти наяснѣйшего короля его милости Жигимонта третьего, будучи ротмистромъ подъ Бѣлою въ Острожку убитъ, а жена его съ сыномъ нынѣшнимъ обвиненнымъ сыновцемъ и сестреньцемъ нашимъ со многими поляками къ Москвѣ взята была, которая въ столицы умерла, а сынъ ихъ Янъ Фаустинъ Дмитровичъ Луба, сыновецъ и сестренецъ нашъ съ небощикомъ паномъ Войтехомъ Бѣлинскимъ и съ иными поляками послѣ примѣрья 1619 г. отпущены до Польши, которого мы дядья и всѣ сродичи и племя его за прямого племянника нашего имѣемъ и прямымъ его коруннымъ шляхтичомъ и съ старожитныхъ предковъ корене воеводства Подляшскаго, повѣту Дрогицкого, по совѣсти нашей шляхетской и подъ присягою быти свидѣтельствуемъ, къ которому сему свидѣтельству нашему племяннику нашему пану Яну Фаустину Дмитровичу Лубѣ, отъ насъ дядей его данному, для лучшей вѣры и надежды руки свои подписали и печати приложили есмы“. Грамота эта была подписана двѣнадцатью шляхтичами, въ томъ числѣ четырмя родственниками Лубы. Родственники эти были слѣдующіе: „Миколай Павелъ Луба,

Digitized by Google

Марко Луба, Мартынъ Казиміръ Луба, Михайло Константинъ Луба."

Стемпковскій и Луба были отпущены, но дѣло о самозванцѣ Дмитровичѣ этимъ не кончилось, и уже въ слѣдующемъ, 1646 году, посланнымъ въ Польшу великимъ и полномочнымъ посламъ, боярину Василію Ивановичу Стрѣшневу и окольничему Степану Матвѣевичу Проестеву, для поздравленія короля съ бракомъ на Людовикѣ Маріи Мантуанской и для подтвержденія Поляновскаго мира, было поручено сказать также панамъ слѣдующее: „великій де государь, не желая крови, для прошенія брата своего короля, отпустилъ Лубу въ Польшу; но онъ, вездѣ, ѣдучи дорогою называлъ себя опять царевичемъ и говорилъ, что посылали его въ Москву для освѣдомленія, и что великій государь призналъ его прямымъ сыномъ растриги. Посолъ Стемпковскій далъ обязательство, что Луба будетъ находиться подъ строгимъ надзоромъ, а онъ, оказывается, не только на волѣ теперь, но и сдѣланъ писаремъ при королевской пѣхотѣ и жалованье получаетъ. И его королевское величество и паны рады должны, по посольскому договору, того Лубу казнить, за то, что не перестаетъ называться церевичемъ московскмъ". Паны отвѣчали: „Если сыщется, что Луба дѣйствительно называется царевичемъ московскимъ, то онъ будетъ казненъ смертью; но мы вамъ говоримъ правду, что Луба отданъ для береженья королевской пѣхоты капитану Яну Осинскому, приставлены къ нему гайдуки и держатъ его съ большимъ береженьемъ, а королевскаго жалованья и уряду ему не дано никакого". Послы потребовали утвержденья, согласнаго съ записью Стемпковскаго; паны дали утвержденье отъ короля и отъ себя, но дать утвержденье отъ пословъ повѣтовыхъ отказались. Стрѣшневъ съ данными ему записями вернулся въ Москву, и дѣло о Лубѣ на этотъ разъ кончилось — по крайней мѣрѣ, мы съ этого времени окончательно теряемъ его изъ виду и не находимъ уже болѣе въ памятникахъ никакихъ переговоровъ о немъ. Есть лишь смутныя извѣстія, утверждающія, одни — что онъ погибъ въ битвѣ подъ Пилявцами 22 сентября 1648 года отъ татаръ, другія же, что онъ, по возвращеніи домой въ Польшу, продолжалъ скитаться по панскимъ домамъ, служа то у того, то у другаго, ради куска хлѣба.

Шляхтичъ Янъ Луба является во многихъ отношеніяхъ совершенной противоположностью Аѳанасію Филипповичу: полное отсут-

Digitized by Google

ствіе какой либо опредѣленной цѣли въ жизни, отсутствіе рѣшимости и силы воли, уступчивость при столкновеніи съ случайными жизненными обстоятельствами и слѣпое повиновеніе чужой волѣ— вотъ его главныя свойства. Слѣпое, покорное орудіе въ рукахъ польской шляхты, берегшей самозванца „для всякой причины“ пока была нужда держать московское правительство въ постоянной тревогѣ, а затѣмъ бросившей его, какъ ненужную вещь, Луба самъ по себѣ не заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ личность совершенно безхарактерная и безцвѣтная, но именно отрицательныя вышепомянутыя качества его служатъ превосходнымъ средствомъ для того, чтобы, при сравненіи съ ними, яснѣе и опредѣленнѣе выступали передъ нами качества и заслуги Филипповича. Въ этомъ отношеніи судьба, не баловавшая, вообще говоря, нашего игумна при жизни, сослужила ему, можно сказать, важную услугу по смерти его, связавъ на вѣки его имя съ именемъ самозванца „Дмитровича“.

Алексѣй Станкевичъ.

Digitized by Google

Объяснительный указатель словъ [1].

(Къ ст. г. Станкевича).

А.

Абы—чтобы, дабы.
Ажъ—даже.
Аимъ—вдругъ, вотъ.
Ани-ани—ни-ни.

Б.

Барзо—весьма, очень, сильно.
Блискавица—молнія
Борокъ—лѣсокъ, роща.
Брама—ворота, дорога.
Быдлятко—скотинка.

В.

Ведлугъ—согласно, по.
Везене—тюрьма.
Взась—опять, вспять.
Владза—власть, начальство.
Власный—законный, истинный, точный, собственный.
Волати—вопить, взывать.
Ворокъ—мѣшокъ.
Втрутити—ввергать, вталкивать.
Выконаный—исполненный, совершенный, точний.
Вылучати—отдѣлять, исключать.
Вынищати—истреблять, уничтожать.

Г.

Ганебный—позорный, безславный.
Гарбарчикъ—кожевникъ подмастерье.
Гды—когда, если, ежели.
Годный—достойный, почтенный, заслуженный.
Гораздо—сильно, весьма.

Д.

Дбати—заботиться, радѣть.
Долъ—яма, могила.
Домовляти—просить.
Доперожъ—только-что, едва, чуть, тотчасъ.

Ж.

Жадный—никто, никакой, ни одинъ.
Жесмо—что, такъ-какъ.
Жолнеръ—солдатъ, воинъ

З.

Завше—всегда, постоянно.
Заквитнути—зацвѣсти.
Заповне—истинно, подлинно.
Запомнене—забытье, безпамятство.
Заразъ—тотчасъ, сейчасъ.

---

[1] Въ «Указатель» вошли лишь тѣ выраженія, которыя представляютъ наиболѣе затрудненій для пониманія не спеціалистамъ по чтенію памятниковъ на бѣлорускомъ нарѣчіи.

Digitized by Google

Затлумене—заглушеніе.
Заховати—блюсти, беречь, оберегать.
Збудовати—построить, воздвигнуть.
Збурити—разрушить, разворить, привести въ смятеніе.
Збытокъ— роскошь, невоздержанность, своевольство.
Звытяжати—одержать верхъ, побѣду.
Зганити—порицать, бранить.
Згода—согласіе, миръ, единодушіе.
Згордити—презрѣть, пренебречь.
Зейсте—смерть, кончина.
Змоцнити—подкрѣпить, укрѣпить.
Значный—примѣтный, видный, ощутительный.
Зняти—пронять, проникнуть насквозь.
Зрада и Здрада—измѣна, вѣроломство, предательство.
Зрайца и Здрадца—измѣнникъ, предатель.
Зостати—оставаться, пребывать.

И.

Инстигаторъ—прокуроръ, стряпчій.

К.

Кайданы—оковы, цѣпи.
Калугеръ—монахъ, отшельникъ.
Катъ—палачъ.
Квапити—торопиться, спѣшить.
Килка—нѣсколько.
Килимъ—коверъ.
Кламца—лгунъ.
Колвѣкъ—нибудь, либо.
Костуръ—посохъ съ набалдашникомъ.
Кошуля—рубаха, сорочка.
Крижъ—крестъ.
Куля—пуля.

Л.

Лацно и Латно—легко, нетрудно, охотно.
Литость—сожалѣніе, состраданіе.
Лужко и Ложко—кровать, постель.
Ляментовати—плакать, вопить.
Льосъ—удѣлъ, жребій.

М.

Мешкати—оставаться, пребывать.
Мизерне—бѣдно. худо, убого.
Мусити—долженствовать.
Мытникъ—сборщикъ пошлинъ, мыта.
Мяновите—именно.

Н.

Назбитъ—чрезъ мѣру, чрезвычайно.
Належный—принадлежащій.
Напотомъ—послѣ, въ будущее время.
Напродъ—сперва.
Небожчикъ—покойникъ.
Неисходимо—безвыѣздно.
Нендзный—бѣдный.
Непопелненый (грѣхъ)—не совершенный грѣхъ, грѣхъ въ будущемъ.
Неокрутно—не жестоко, не люто.
Неомыляный—неложный, непогрѣшительный, вѣрный.
Неслушно—несправедливо, напрасно.
Нехай—пусть.
Нивѣчъ—ничто,

О.

Обаче—особенно, главнымъ образомъ.
Облудный—лукавый.
Облюбеница—невѣста.
Обмова—возраженіе оправданіе, а также и—клевета, доносъ.
Обозъ—станъ, лагерь.
Огида—отвращеніе, мерзость.
Одтяти—отрубить, отнять, отсѣчь.
Окрутникъ—жестокій, лютый человѣкъ.
Оливный—елейный, вкрадчивый
Опатрность—попеченіе, провидѣніе, промыслъ.
Опачный—превратный, перемѣнчивый.
Особа—видъ (про причастіе)
Ошарпанецъ—оборванецъ, лоскутникъ.
Ошукане—обольщеніе, обманъ.

П.

Паль—колъ.
Папуцъ—туфля, лапоть.
Певный—вѣрный, истинный, извѣстный.
Переницованый—съ искаженнымъ смысломъ
Пересторога предостереженіе, угроза.
Плебанія—приходъ.
Побожный—благочестивый.
Повaба—приманка, приглашеніе, зовъ.
Погодная—благопріятная, ясная.
Покута—покаяніе, эпитимія.
Поневажъ—такъ какъ, потому что.
Порада—совѣтъ.
Порядный—чинный, годный.
Потаемне—тайно, скрытно.
Потваръ—клевета, поклепъ.
Поткати—встрѣтить
Потлумити—уничтожить.
Поты—пока, до тѣхъ поръ.
Почути—почувствовать
Похлѣбца—льстецъ, ласкатель.
Похоженіе—происхожденіе.
Правица—десница, рука.
Прагнути—желать, просить, требовать, жаждать.
Презъ—чрезъ.
Прикрость—непріятность, досада, неудовольствіе.
Прекладати—представлять, предъявлять.
Препозитъ—старшій изъ прелатовъ (у католиковъ).
Пречъ—кромѣ.

Digitized by Google

Пришлый – предстоящій, будущій.
Прудко – быстро, горячо.
Пыха – гордость.
Пхати – толкать.

Р.

Рада – совѣтъ (собраніе съ этой цѣлью), совѣщаніе.
Рачити — соизволить, благоволить, удостоить
Ревоковати отзывать, отказываться, отрекаться.
Релія или **релѣя** религія.
Речъ – вещь, предметъ
Ринокъ—базаръ, площадь.
Робакъ – червь
Розерваный—отдѣлившійся.
Рукоимя – рукобитье, (знакъ заключенія договора), договоръ.

С.

Свѣдоцтво свидѣтельство.
Сказа—поврежденіе, тлѣніе.
Спорка – споръ, сомнѣніе.
Справа – дѣло, дѣло (тяжба), процессъ.
Статечность – постоянство, вѣрность.
Страснути – перерыть, обыскать.
Стопа—ступня, (какъ мѣра длины): футъ.
Стяти – отрубить, отсѣчь, отнять.
Супликовати – молить, требовать.

Т.

Трохи— немного, мало,
Туждый – чуждый.

У.

Удане– притворство, лицемѣріе, сплетня.
Умнѣйшене – уменьшеніе.
Уступити—выйти, отойти въ сторону.
Утискъ – притѣсненіе, обиды.

Х.

Хмура – мракъ, туча.

Ц.

Цекавзъ – цейхгаузъ, арсеналъ.

Ч.

Чекати—ожидать, ждать.
Чинити—дѣлать.
Чистецъ– чистилище.

Ш.

Шафовати—управлять, распоряжаться.
Шарпати—терзать, раздирать, рвать.

Ю.

Ютро—завтра, на утре.

Digitized by Google

Устная народная словесность въ Холмской и Подлясской Руси.

I.

Преимущественное значеніе памятниковъ народнаго творчества предъ другими памятниками старины. Борьба русской національности съ польскою и ея значеніе въ исторіи русскаго языка Холмско-подлясскаго народа. Предѣлы распространенія русской поэзіи въ Польшѣ. Обиліе народныхъ пѣсенъ въ Холмской и Подлясской Руси.

Много памятниковъ русской старины разсѣяно въ предѣлахъ люблинской и сѣдлецкой губерній. Древніе храмы, башни, разнаго рода грамоты и другіе многочисленные памятники подаютъ намъ свой голосъ изъ глубины вѣковъ и освѣщаютъ намъ минувшую жизнь края съ той или другой стороны. Этого рода памятники подвержены порчѣ и разрушенію отъ времени и обстоятельствъ и воскрешаютъ давно минувшую старину отрывочно, по частямъ и преимущественно съ внѣшней стороны. Но есть памятники старины нерукотворные, это — все богатсво народной словесности, плодъ творчества народнаго духа. Это памятники наиболѣе долговѣчные, представляющіе внутреннюю сторону жизни народа, его духовное міросозерцаніе, начиная даже съ эпохи до-исторической, откуда не дошли до насъ памятники вещественные. Посему вопросъ о поэтическомъ творчествѣ народа, живущаго въ пре-

Digitized by Google

дѣлахъ люблинской и сѣдлецкой губерній, есть вопросъ большой важности не только съ точки зрѣнія литературной, но и исторической. Напечатанныя въ VII выпускѣ „Памятниковъ старины въ западныхъ губерніяхъ“ пѣсни народныя представляютъ неоспоримое доказательство поэтическаго богатства холмско-подлясскаго народа. Остается еще бросить взглядъ на историческія судьбы здѣшней народной словесности, на остатки старины въ произведеніяхъ народнаго творчества и на ихъ художественныя достоинства со стороны внутренняго содержанія и языка.

Историческія судьбы народной словесности холмско-подлясскаго народа стоятъ въ самой тѣсной связи съ исторіей его религіознаго состоянія. Народъ Холмской и Подлясской Руси издревле принялъ православіе, распространенное здѣсь со временъ св. Кирилла и Меѳодія. Не смотря на перемѣны политическаго господства, православіе въ здѣшнемъ краѣ долгое время находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Народъ русскій любилъ свою родную православную вѣру, чтилъ установленія церкви, сохранялъ древніе благочестивые обычаи. Такъ было до начала уніи, конца XVI столѣтія. Эпоха уніи оставила глубокій слѣдъ на религіозномъ состояніи народа. Іезуиты внушили полякамъ мысль о совращеніи православныхъ въ католицизмъ посредствомъ уніи, долженствовавшей послужить переходною ступенью отъ православія къ католицизму. Огнемъ и мечемъ распространяется унія и съ этой поры Холмская и Подлясская Русь становится ареною самой ожесточенной борьбы православія съ католицизмомъ. Православные твердо и мужественно отстаиваютъ свою вѣру, такъ что нѣкоторые приходы два вѣка выдерживаютъ эту борьбу и совращаются въ унію едва въ концѣ XVIII вѣка. Рядомъ съ кровавыми гоненіями и насиліями надъ совѣстью православныхъ, шла между сплошнымъ русскимъ населеніемъ дѣятельная, систематическая пропаганда іезуитско-католическая. Въ русскихъ мѣстностяхъ, гдѣ не было ни одного католика, стали строить костелы и монастыри, которые сдѣлались твердынями католицизма, центрами иновѣрной пропаганды. Въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ Холмщина и Подлясье покрылись многочисленными костелами, особенно на западной границѣ, ближе къ Вислѣ, которая стала какъ-бы операціоннымъ базисомъ католицизма въ войнѣ съ православіемъ. И на востокъ отъ Вислы богатые фундаторы воздвигаютъ монументальныя зданія

Digitized by Google

костеловъ и монастырей, какъ наприм.: въ Бѣлѣ, Лѣснѣ, Коднѣ, Радечницѣ и другихъ мѣстностяхъ. Уніатскія церкви ветшаютъ, вакансіи остаются незамѣщенными, а прихожане—безъ церкви и священника; имъ предлагается временно посѣщать костелъ, поелику унія и католицизмъ „wszystko jedno“, и наконецъ они записываются прихожанами костела. Цѣль оказывается достигнутою: чрезъ нѣсколько поколѣній православный родъ превратился въ католическій. Въ посадѣ Коднѣ въ то время, когда въ немъ вовсе не было католиковъ, выстроили великолѣпный костелъ съ двумя органами, съ потолкомъ, украшеннымъ лѣпными работами, посадили туда инфулата съ 8-ю викарными, и все это для того, чтобы вербовать уніатовъ въ латинство, и въ скоромъ времени навербовали ихъ до 900 душъ. Уніатовъ же въ Коднѣ въ 1875 г. было до 3000 душъ, и они имѣли полуразвалившуюся деревянную церковь. Въ Лѣснѣ былъ основанъ католическій монастырь среди сплошнаго уніатскаго населенія, ставшій въ 1863 году очагомъ возстанія. Въ 1806 году была продана съ аукціона доведенная колляторами до рузрушенія церковь Вознесенія и Преображенія Господня вмѣстѣ съ погостомъ въ посадѣ Тарногурѣ, красноставскаго уѣзда. Въ деревнѣ Орловѣ, того же уѣзда, въ 1845 году была продана съ разрѣшенія губернскаго правленія за 7 рублей деревянная церковь, стоявшая долгое время безъ крыши, такъ что въ срединѣ церкви выросли вишневыя деревья. Какъ послѣ продажи тарногурской церкви бывшій тарногурскій приходъ былъ приписанъ къ орловскому приходу, такъ потомъ орловскій приходъ въ 1836 г. былъ приписанъ къ жданскому приходу. Въ 1816 г. по приходамъ орловскому и тарногурскому было у исповѣди 40 душъ, какъ значится въ церковныхъ документахъ; „это было по той причинѣ, говорится въ замѣчаніи къ этимъ документамъ, что вся Русь перешла въ латинскій обрядъ“. На очереди закрытія стоялъ приходъ жданскій. Въ Долголисскахъ, Русской-волѣ и многихъ другихъ приходахъ цѣлые десятки лѣтъ не было священниковъ.

Вліяніе католицизма было сильно въ люблинской и сѣдлецкой губерніяхъ. И тамъ и здѣсь были свои епископскія каѳедры, духовныя семинаріи, монастыри, великолѣпные отпустовые съ мѣстными святынями костелы. Такъ въ сѣдлецкой губерніи епископская каѳедра и семинарія находились въ Яновѣ, монастыри—въ

Digitized by Google

Лѣснѣ и Бѣлѣ съ мощами Іосафата Кунцевича. Въ люблинской губерніи каѳедра и семинарія въ Люблинѣ, монастыръ и чудотворная икона Антонія Падуанскаго въ Радечницѣ. Тамъ — отпусты въ Лѣснѣ и Коднѣ, здѣсь—въ Краснобродѣ, Красноставѣ и Щебрешинѣ.

Что было плодомъ этой почти трехвѣковой религіозной борьбы въ Холмской Руси?

По всей пограничной съ запада и сѣверо-запада линіи обѣихъ губерній, гдѣ малорусское племя смѣшивалось съ чисто польскимъ и мазурскимъ племенемъ, гдѣ православіе тѣсно соприкасалось съ населеніемъ католическимъ, католицизмъ усиливался, страна покрывалась костелами и унія исчезала. Такъ въ люблинской губерніи явилось множество костеловъ на юго-западѣ, въ уѣздахъ: красноставскомъ, замостскомъ, томашовскомъ, бѣлгорайскомъ и яновскомъ. Яновскій уѣздъ почти совсѣмъ погибъ для православія, осталось только два русскихъ прихода. Привислинская часть люблинской губерніи совсѣмъ окатоличена, при чемъ католицизмъ врѣзался даже въ предѣлы Холмскіе, какъ напр. въ приходахъ: Жулинъ, Крупе, Красничинъ. Въ сѣдлецкой губерніи католицизмъ завоевалъ себѣ отъ уніи всю сѣверо-западную часть, начиная отъ м. Нура на Бугѣ, гдѣ Бугъ круто поворачиваетъ на западъ, до сліянія Тысменницы съ Вепремъ. Здѣсь погибъ для православія бывшій нѣкогда православнымъ уѣздъ луковскій. Здѣсь многочисленны костелы въ уѣздахъ: соколовскомъ, константиновскомъ, бѣльскомъ и радинскомъ.

Такимъ образомъ посредствомъ уніи совращена была въ католицизмъ часть малороссійскаго населенія на западной и сѣверо-западной окраинѣ холмской и подлясской Руси, граничившая съ польскимъ и мазурскимъ населеніемъ. Остальная часть населенія Холмской Руси до 1875 года пребывала въ уніи. Въ этой части населенія, гдѣ унія еще сохранялась, успѣхи католицизма распространились преимущественно на города и посады. Къ числу такихъ мѣстностей относились города: Радинъ, Красноставъ, Щебрешинъ,—посады: Савинъ, Кодень, Грабовецъ, Роїовецъ и друг. По деревнямъ же и селамъ уніаты, хотя тоже благосклонно смотрѣли на костелъ, но отличали себя отъ католиковъ и держались древняго благочестія.

Digitized by Google

Мы изложили кратко ходъ религіозной борьбы въ Холмско-Подлясскомъ краѣ. Борьба религіозная была въ тоже время борьбою національною. По укоренившимся здѣсь понятіямъ, слово „католикъ“ равнозначно слову „полякъ“, какъ православный соотвѣтствуетъ слову „русскій“, хотя католиками могутъ быть и нѣмцы и французы и др., какъ съ другой стороны православіе исповѣдуютъ греки, арабы, грузины и др. По плану іезуитовъ Польша могла стать сильнымъ государствомъ только на католической основѣ. Полмилліона православныхъ, обитавшихъ въ Холмско-Подлясской Руси, по кровному родству и по вѣрѣ тяготѣвшихъ къ Россіи, другой державѣ, тогда усиливавшейся и соперничавшей съ Польшею, въ глазахъ поляковъ казались тормазомъ для благоденствія Польши. Съ польско-іезуитской государственной точки зрѣнія необходимо было прежде всего обратить русскихъ въ католическую вѣру. Остальное совершится само собою: разъ русскій человѣкъ сталъ католикомъ, то онъ охладѣетъ къ своей народности. Планъ іезуитовъ удался по отношенію къ тѣмъ русскимъ, которые совратились посредствомъ уніи въ католицизмъ. Многочисленными наблюденіями констатированъ фактъ: поляки въ глубинѣ Польши, напр. въ варшавской и кѣлецкой губерніяхъ, по отношенію къ русскимъ, далеко не имѣютъ той враждебности, какъ тѣ, которые живутъ въ мѣстностяхъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, которые происходятъ отъ совратившихся родовъ, или сами лично совратились изъ уніи въ католицизмъ.

Какія послѣдствія имѣла религіозная и племенная борьба по отношенію къ языку и народной словесности въ Холмско-Подлясской Руси?

Введеніе латинскаго обряда въ большинствѣ случаевъ сопровождалось полонизаціей русскаго племени. Русскій народъ, совратившійся изъ уніи въ католицизмъ, замѣнялъ свою родную рѣчь польскою. Пять сѣверо-западныхъ уѣздовъ люблинской губерніи, наиболѣе отдаленныхъ отъ центра Руси, и наиболѣе близкихъ къ собственной Польшѣ, совершенно олатинились и ополячились, а остались два уніатскіе прихода въ уѣздѣ яновскомъ, пять въ красноставскомъ, и два въ люблинскомъ уѣздахъ. Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія находилось въ этихъ трехъ уѣздахъ значительное число русскихъ приходовъ, нынѣ же не осталось отъ нихъ и слѣда. Пять юго-восточныхъ уѣздовъ люблинской губерніи—холм-

Digitized by Google

ский, грубешовскій, томашовскій, бѣлгорайскій и замостскій, менѣе другихъ окатоличенные, сохранили въ чистотѣ свою родную рѣчь. Въ сѣдлецкой губерніи русскіе уніаты населяли шесть уѣздовъ: радинскій, влодавскій, бѣльскій, сѣдлецкій, константиновскій и соколовскій. Населеніе луковскаго уѣзда, нѣкогда русское, нынѣ совершенно окатоличено и ополячено, какъ и въ остальныхъ четырехъ уѣздахъ сѣдлецкой губерніи. Въ сѣдлецкомъ уѣздѣ уцѣлѣли лишь два прихода уніатскіе, а въ соколовскомъ семь, остальные совратились въ латинство. Русская рѣчь сохранялась тамъ, гдѣ сохранялась унія.

Сельское населеніе бывшей холмской уніатской епархіи, большею частію, сознаетъ себя русскимъ и говоритъ малорусскимъ нарѣчіемъ. Только жители посадовъ и тѣхъ деревень, въ коихъ находятся костелы, особенно же молодое поколѣніе, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ бывшіе уніаты живутъ массою, значительно ополячились. Есть приходы, гдѣ б. уніаты совершенно забыли свой малорусскій языкъ и употребляютъ нарѣчіе мазурско-польское.

Кромѣ того, въ самой средѣ б. уніатскаго населенія есть много латинскихъ приходовъ, прихожане которыхъ говорятъ между собою здѣшнимъ малорусскимъ нарѣчіемъ, несмотря на энергическую пропаганду своего духовенства. Уніаты, чувствовавшіе себя русскими, съ восторгомъ приняли русскія проповѣди, и съ большою охотою отказались отъ латинопольскихъ нововведеній во время очищенія уніатскаго обряда. Во многихъ приходахъ народъ самъ, не смотря на сопротивленіе уніатскаго священника и его семьи, вынесъ изъ церквей органы и переставъ пѣть рожанцы.

Очищеніе богослужебнаго обряда, закончившееся возсоединеніемъ уніатовъ въ 1875 г., и правительственныя реформы положили окончательный предѣлъ окатоличенію и ополяченію русскаго народа въ Холмскомъ краѣ. Сознаніе своего національнаго единства и родство по вѣрѣ съ остальнымъ русскимъ народомъ были окончательнымъ мотивомъ къ возсоединенію уніатовъ съ православіемъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Холмско-Подлясской Руси католицизмъ дѣлалъ свои успѣхи на счетъ уніи, чѣмъ подготовлялась почва для успѣховъ полонизма. Область бывшей уніи, постепенно сокращавшаяся, была вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно ограничивавшимся кругомъ распространенія русскаго языка. Въ настоящее время область распространенія русскаго языка въ люблинской

Digitized by Google

и сѣдлецкой губерніяхъ совпадаетъ съ предѣлами бывшей холмской греко-уніатской епархіи. Такимъ образомъ оказывается вѣрнымъ историческій фактъ, что на сколько православіе и русская народность растворялись и исчезали въ римскомъ католицизмѣ въ западной половинѣ Холмско-Подлясской Руси, на столько православіе и русская народность въ восточной половинѣ сохранялись въ уніи. Въ этомъ заключается важная историческая заслуга уніи. Гдѣ уцѣлѣла унія, тамъ возникло православіе, тамъ и народъ говоритъ малорусскимъ языкомъ. Доказательствомъ могутъ служить пѣсни, записанныя изъ устъ народа въ различныхъ мѣстностяхъ Холмско-Подлясской Руси.

Впрочемъ, народной словесности гораздо болѣе посчастливилось, чѣмъ вѣрѣ нашихъ предковъ. Вѣра пострадала сильно: православіе народа замѣнилось уніей, унія съ каждымъ годомъ теряла свою паству и сама постепенно искажалась, почти до полнаго обезличенія, только искра православія тлѣла подъ этимъ пепломъ. Словесность же народная, какъ видно изъ самихъ пѣсенъ, осталась самобытною и неприкосновенною и не поддалась чуждому вліянію.

Польша старалась претворить русскій элементъ въ своемъ государственномъ организмѣ въ польскую плоть и кровь путемъ церковнымъ. Іезуитъ и польскій ксендзъ заглядывали только въ религіозную совѣсть народа, но не въ его міросозерцаніе. Эта область для нихъ оставалась недоступною. Шляхта, державшая русскій народъ въ самомъ позорномъ рабствѣ, считала ниже своего достоинства прислушиваться къ думамъ и пѣснямъ людей, которыхъ она считала быдломъ. На русскую словесность Холмской Руси не могла имѣть никакого вліянія скудная словесность народа польскаго. Спасовичъ говоритъ: „Польша не можетъ представить не только никакого эпоса, подходящаго къ „слову о полку Игоревѣ“, или къ рапсодіямъ Краледворской рукописи, но и никакого вообще литературнаго памятника, который бы черпалъ свое содержаніе изъ міросозерцанія языческаго и имѣлъ прямую связь со стариною языческою. Скудная поэзія народная жила устнымъ преданіемъ въ пѣснѣ и сказкѣ. Вслѣдствіе принятія христіанства по обряду римско-католическому народная почва покрыта была толстымъ слоемъ наносной латинской культуры, которой разсадниками явились школы, основываемыя духовенствомъ“ [1]).

[1]) Исторія славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича, изд. 2, т. 2, стр. 466.

Digitized by Google

Скудость устной польской поэзіи доказывается и современными наблюденіями: полякъ—крестьянинъ совершаетъ свои полевыя работы безъ пѣсни, улица польской деревни безмолствуетъ. Если гдѣ либо услышишь польскую пѣсню, хотя бы то надъ колыбелью младенца, то она напоминаетъ мотивы костельные. На улицѣ можно услышать польскую пѣсню, когда польскіе крестьяне и мѣщане ѣдутъ на „отпустъ“ въ какой либо знаменитый своими отпустами и миссіями костелъ или монастырь, напр. въ Ченстоховъ, въ Краснобродъ и другіе. Все паломническое путешествіе проходитъ въ пѣснопѣніяхъ.

Наконецъ, самобытность мѣстной народной поэзіи и сохраненіе ея въ неприкосновенности могутъ быть объяснены самимъ происхожденіемъ ея. Буслаевъ говоритъ: „начало поэтическаго творчества теряется въ темной, до-исторической глубинѣ, когда созидался самый языкъ; и происхожденіе языка есть первая, самая рѣшительная и блистательная попытка человѣческаго творчества“ [1]). Поэзія народная есть одна изъ основныхъ національныхъ стихій, которую искоренить чрезвычайно трудно. И такъ народная словесность Холмской Руси сохранила свою самобытность, благодаря: а) тому важному условію, что польская цивилизація, основанная на католицизмѣ, не была сильною гражданскою культурою, претворяющею въ свое бытіе чужіе элементы; б) отсутствію вліянія польской народной словесности; в) происхожденію своему изъ коренныхъ основъ національнаго духа. Вотъ почему историческія бури и невзгоды проходили, такъ сказать, по поверхности русскаго народа, касались преимущественно его богослужебнаго обряда, но не проникли въ глубь народной жизни. Такъ величайшія бури волнуютъ только поверхность моря, но не колеблютъ всей массы водной стихіи, иначе не уцѣлѣлъ бы въ живыхъ ни одинъ организмъ, населяющій море. Русскій человѣкъ поетъ и въ радости и въ горѣ. И въ Холмско-Подлясской Руси народная пѣсня раздавалась непрестанно: и во времена перваго православія, и въ кровавую эпоху уніи, и въ героическія времена козачества, и въ періодъ злосчастной панщины, и въ золотую пору свободы. На всѣ событія въ исторіи и въ своемъ домашнемъ быту откликался здѣшній русскій человѣкъ. И теперь онъ ничего не забылъ изъ своего прошлаго, и

---

[1]) Историч. очерки русской народной словесности и искусства, т. 1, стр. 1.

Digitized by Google

теперь онъ не относится равнодушно къ окружающимъ его явленіямъ народной и частнѣе—домашней, семейной жизни. Звонкая русская пѣсня разносится по всему Холмско-Подлясскому краю почти до самой Вислы, то оглашая воздухъ во времена полевыхъ работъ, то освѣжая силы послѣ трудовъ въ хороводахъ на улицахъ, то услаждая и назидая при свадебныхъ обрядахъ. Здѣшній народъ русскій по своей пѣвучести не уступитъ другимъ малоруссамъ, живущимъ на Волыни, Украинѣ, Подоліи и Галиціи. Здѣшній народъ русскій пѣвучъ и создалъ много пѣсней самобытныхъ, которыхъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ, кромѣ здѣшняго края. Есть даже особенно счастливые уголки въ здѣшнемъ, краѣ, гдѣ съ наибольшею свободою пріютилась народная поэзія. Разумѣемъ грубешовскій уѣздъ, отличающійся плодородіемъ, красотою видовъ природы, обиліемъ воды (Бугъ, Гучва и малые притоки) и удаленностію отъ центра мѣстной исторической жизни—Варшавы. Гдѣ народу лучше и спокойнѣе живется, тамъ ему больше и поется. Между прочимъ, въ самомъ грубешовскомъ уѣздѣ можно въ частности указать на посадъ Городло, отличающійся сильною склонностію народа къ пѣснѣ. Посадъ Городло расположенъ на Бугѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ впаденія въ Бугъ р. Гучвы, въ весьма живописной черноземной мѣстности. Отсюда, вѣроятно, произошла пѣснь: „ой, пойду я по надъ Бугомъ, по надъ крутымъ бережкомъ“. Берега Буга, а особенно лѣвый, прилегающій къ Холмщинѣ дѣйствительно высоки и круты. Въ песчаныхъ обрывахъ этихъ береговъ безчисленныя ласточки вьютъ свои гнѣзда. Мѣста эти въ высшей степени красивы и поэтичны.

Digitized by Google

II.

Слѣды языческой миѳологіи, общеславянскихъ историческихъ преданій и суевѣрій язычества. Остатки старины въ пѣсняхъ и обрядахъ свадебныхъ.

Самую глубочайшую до-историческую старину составляютъ тѣ пѣсни и народные обряды, на которыхъ сохранились слѣды славянской миѳологіи, древнихъ былинъ и общеславянскихъ преданій, и на которыхъ отразились суевѣрія язычества.

Народъ Холмской Руси къ христіанскимъ праздникамъ—рождественскимъ и пасхальнымъ—присоединяетъ пѣсни и забавы происхожденія миѳическаго. На Рождество Христово поютъ пѣсни колядскія, на новый годъ и Богоявленіе поются щедривки, на Пасху совершаются забавы и игры, сопровождаемыя пѣснями.

Наши предки обоготворяли стихіи, силы и явленія природы, и въ честь своихъ божествъ совершали въ разныя времена празднества съ разными обрядами. Первымъ праздникомъ въ честь Дажьбога или солнца былъ зимній праздникъ во время такъ называемаго солноворота, въ м. декабрѣ, когда солнце поворачиваетъ на лѣто. Въ этотъ праздникъ наши предки приносили въ жертву свинью и въ своихъ пѣсняхъ воспѣвали обыкновенно коляду. Для жертвы праздничной собирались обыкновенно приношенія. Эта старина сохранилась въ здѣшнемъ русскомъ народѣ до сего дня. Въ пѣсни, записанной въ Полюбичахъ, влодавскаго уѣзда, есть обращеніе къ колядѣ: „Ой, коляда, колядыця, ой, коляда, колядень“! Обычай во время колядованія собирать такъ называемыя „коляднички“, т. е. подаянія въ видѣ чего либо съѣстнаго, есть остатокъ языческаго обычая собирать приношенія на жертву. Въ Полюбичской пѣснѣ есть указаніе на самый родъ жертвы—свинью, въ словахъ: „гу-гу-гу, дайте намъ того, що на рогу: кишки, колбаски“. Что жертвеннымъ животнымъ во время коляды была свинья, на это указываетъ сохранившійся до сихъ поръ въ здѣшнемъ народѣ обычай приготовлять во время святокъ кушанья изъ свинины, варить свиныя ножки и начинивать свиныя кишки. Въ одной колядской

Digitized by Google

пѣснѣ мы встрѣчаемъ почти безсвязную миѳологическую рѣчь частнѣйшій смыслъ которой для насъ останется непонятнымъ:

„Коло березы вышлы козы,
Коло долыны вышли свиньи,
Сѣдитъ козыня за печью,
Зъ доброю рѣчью,
Солому сѣче
Пироги пече,
Сало смяже,
Пироги маже".

„Коло березы вышли козы, коло долыны вышли свиньи". Вѣроятно, это есть упоминаніе о жертвенныхъ животныхъ: о свиньѣ, какъ жертвѣ колядской, о козѣ, какъ жертвѣ купальской. Добрая рѣчь—это праздничная жертва и слѣдуемое за нею праздничное пиршество, на которомъ не послѣднее значеніе имѣютъ пироги, смазанные саломъ, можетъ быть, жертвеннаго животнаго. Такъ какъ оба праздника, и колядскій и купальскій, праздновались въ честь одного и того же божества Дажьбога, или солнца, то и въ пѣсни колядскія могли попадать похвалы жертвамъ купальскимъ, какъ въ данномъ случаѣ. Подобный примѣръ видимъ и въ пѣсняхъ великорусскихъ. Въ одной изъ колядскихъ пѣсенъ говорится:

„За рѣкою, за быстрою,
Ой, коліодка, ой, коліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коліодушки:
Ой, коліодка, ой, коліодка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати".

Порфирьевъ говоритъ: „очень вѣроятно, что въ пѣснѣ изображается купальскій праздникъ; ее стали пѣть во время коляды потому, что тотъ и другой праздникъ относились къ одному и тому же божеству, которое зимой чествовалось подъ именемъ коляды, а лѣтомъ подъ именемъ купалы. Здѣсь, очевидно, описывается старый языческій праздникъ, когда предки наши приносили жертвы

Digitized by Google

въ лѣсахъ; старикъ съ ножемъ—жрецъ, приносившій жертву, а козелъ— самая жертва. Для языческихъ жертвъ во время праздника собирались, вѣроятно, приношенія; во времена христіанскія это перешло въ обычай воспѣвать коляду и собирать разныя подаянія [1]).

Щедривка на новый годъ, записанная въ Пищацѣ, сопровождается обрядомъ обсыпанія овсомъ, или другими зернами. Пѣснь начинается обращеніемъ къ матери св. Василія Великаго, котораго память празднуется 1-го января: „Василева маты! иди гоготаты, старыхъ лѣтъ вспоминаты“. Затѣмъ слѣдуетъ благожеланіе хозяевамъ самаго изобильнаго урожая и просьба: „вынесьте того, що на рогу: кишки, колбаски, ложечку кашки“. Эта пѣснь соотвѣтствуетъ такъ называемымъ авсепевымъ пѣснямъ въ Великороссіи, которыя поются подъ новый годъ, въ которыхъ также заключаются разныя благожеланія хозяевамъ. И тамъ и здѣсь существующій обрядъ обсыпанія зерномъ въ древности несомнѣнно имѣлъ религіозное значеніе и былъ, вѣроятно, необходимою принадлежностью какого либо праздника въ честь солнца, какъ источника свѣта, теплоты и плодородія.

Въ Потуржинской щедривкѣ на „Богоявленіе“ на встрѣчу языческому элементу выступаетъ христіанскій. „Свѣти, свѣти, мѣсяченьку“ — это обращеніе языческое. Молодое поколѣніе уже „будуе“, т. е. строитъ церковь, о которой старое поколѣніе еще не имѣетъ понятія. Отецъ спрашиваетъ, зачѣмъ эта церковь строится? Сынъ объявляетъ отцу, „что она строится Богу на хвалу, людямъ на славу“.

Пѣсни пасхальныя, сопровождаемыя играми и забавами, несомнѣнно произведенія языческаго, и имѣли нѣкогда религіозный смыслъ,—къ христіанской идеѣ онѣ не имѣютъ никакого отношенія.

Пасхальныя пѣсни Холмской Руси соотвѣтствуютъ весеннимъ пѣснямъ, или всенянкамъ въ Великороссіи, и такъ называемымъ „гаивкамъ“ или „гаилкамъ“ въ Галиціи. Названіе это произошло отъ слова „гай“, дуброва, лѣсъ. Игры происходили въ лѣсу: дѣвицы, взявшись за руки, образуютъ длинный рядъ, какъ-бы снурокъ и извиваются снуркомъ въ самые разнообразные завороты,

---

[1]) Исторія русск. словесности, ч. I-я, изд. 3, стр. 30.

Digitized by Google

точно такъ, какъ-бы онѣ ходили между деревьями, или же на другихъ гаивкахъ каждая дѣвица имѣетъ свое особое тѣлодвиженіе [2]).

Къ числу общеславянскихъ преданій нужно отнести преданіе о Дунаѣ, который часто упоминается въ здѣшнихъ народныхъ пѣсняхъ, напр. „Прала (имя) шолковы хуста въ Дунаю". Далѣе разсказывается, что она потеряла въ Дунаю ключи, которыхъ не могъ отыскать и ея отецъ. Во время приготовленія коровая поютъ: „приплынь, приплынь, Дунаенько, до нашего бережку". Въ пѣсни Монятычской, грубешовскаго уѣзда, поется:

„Волю-жъ бо я, волю Дунай переплысты,
Якъ съ тобою, нелюбонько, коло стола сѣсты,
Дунай переплыву, сяду, отпочину,
За нелюбонька пойду, на вѣки загину".

Въ пѣснѣ, записанной въ с. Теребинѣ, того же уѣзда, поется:

„Сорву я одну калынову квитку,
Пущу по Дунаю,
Гдѣ родыну маю".

Въ пѣснѣ также Теребинской поется:

„Волила-бъ я въ той Дунай втонуты,
Якъ тоби за мылу буты".

Подобныя выраженія показываютъ, что въ народѣ сохранились преданія о Дунаѣ, какъ мѣстѣ первоначальнаго поселенія славянъ, нашихъ предковъ, даже какъ о родинѣ (гдѣ родыну маю). Вслѣдствіе того важнаго значенія, какое имѣли рѣки при первоначальномъ разселеніи славянскаго племени и развитіи славянской гражданственности, сложилась даже былина, гдѣ Дунай олицетворяется въ видѣ славнаго богатыря Дуная Ивановича. Если даже слово „Дунай" принимать не за собственное имя рѣки, какъ нѣкоторые допускаютъ [1]), производя отъ санкритскаго слова „дуна", „дун" въ смыслѣ воды или рѣки вообще, а слѣдовательно за нарица-

[1]) Пѣсни при гаивкахъ см. въ сочиненіи Игнатія Галька подъ заглавіемъ: „Народные звычаи и обряды зънадъ Збруга", Львовъ, 1861 г. двѣ части.

[2]) „Русскій Вѣстникъ", 1862 г., № 3, стр. 32—33.

Digitized by Google

тельное имя рѣки, то древность тѣхъ пѣсенъ, въ которыхъ упоминается Дунай, окажется еще старѣе; тогда преданіе восходитъ выше времени поселенія славянъ на Дунаѣ и связывается съ преданіями индо-европейскими.

Въ народныхъ пѣсняхъ отразились также суевѣрія язычества. Представимъ примѣры. Въ одной пѣснѣ, записанной въ с. Теребинѣ, козакъ отправляется на войну и прощается съ своею матерью и съ невѣстою. Когда его конь споткнулся въ воротахъ, это навело на козака тоску, какъ предзнаменованіе его погибели. Но когда „конь вороненькій заграв", козакъ сталъ утѣшать провожавшихъ его тѣмъ, что онъ вернется домой. Это языческая примѣта. Въ одной пѣснѣ дѣвица, сильно любившая Шимбирка, очаровываетъ своего брата посредствомъ калиновыхъ ягодъ; тогда женихъ, изъ опасенія быть очарованнымъ, отказывается отъ невѣсты, которая потомъ выходитъ замужъ за нищаго и переноситъ его грубое обращеніе и даже побои въ наказаніе за очарованіе брата и для внушенія страха и уваженія къ старику нищему. Въ пѣснѣ, записанной въ п. Городлѣ, грубешовскаго уѣзда, невѣста чаровница изъ ревности отравляетъ своего жениха посредствомъ зелья. Въ пѣснѣ Пищацкой, бѣльскаго уѣзда: „ой, не росты кропе выше мого города" невѣста, отказываясь отъ стараго жениха, желаетъ приворожить къ себѣ молодаго и красиваго, посредствомъ накладыванія перстня на его слѣдъ:

„И на твой слѣдочекъ,
На твой чоботочекъ
Перстенекъ наложила".

Эти очарованія вообще, и въ частности чары на слѣдъ—остатокъ глубокой языческой старины. Чары на слѣдъ ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой старины. Знахарь, замѣтивъ слѣдъ человѣка, на котораго думаетъ напустить немочь, отдѣляетъ слѣдъ отъ песку, трàвы или грязи, такъ искусно, что онъ представляетъ какъ-бы слѣпокъ со ступени, и потомъ приступаетъ къ заговорамъ. Вѣдьма Марина, желая наслать немочь на Добрыню Никитича, производитъ чары на слѣдъ:

Digitized by Google

„И втѣ-поры Маринѣ за бѣду стало:
Брала она *слѣды горячіе*, молодецкіе;
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дровца въ печку муравленную
Съ тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
Сколь жарко дрова разгаряются,
Разгорялось бы сердце молодецкое,
Какъ у молода Добрынюшки Никитича.
А и Божье крѣпко, *вражье-то лѣпко*.
Взяла Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому,
Онъ съ вечера Добрыня хлѣба не ѣстъ,
Со полуночи Никитичу не уснется“ [1]).

Въ нашей пѣснѣ невѣста очаровываетъ, или привораживаетъ къ себѣ жениха, накладывая перстень, или кольцо на его слѣдъ, такъ какъ кольцо служитъ символомъ вѣчной любви.

Сюда же можетъ быть отнесена пѣснь: „Сѣяла Марыся долю стоячи надъ водою“. Во времена языческія гаданіе о будущемъ было въ большомъ ходу и сопровождалось разными обрядами. Гадали различнымъ способомъ, напр. надъ блюдомъ, или чашею съ водою и пѣли подблюдныя пѣсни. Гаданіе на водѣ о будущей судьбѣ было самое распространенное. По сербскимъ повѣрьямъ, человѣкъ, глядясь въ воду, можетъ прочесть на своемъ лицѣ приближающійся часъ смертный. Потому въ старину вообще боялись увидѣть на чемъ бы то ни было отраженный свой образъ. Вѣроятно, на гаданіи водою основывается уже позднѣйшее гаданіе зеркаломъ. Молодые, пришедшіе отъ вѣнца, смотрѣли въ зеркало, гадая о своей судьбѣ. Въ нашей пѣснѣ невѣста „сѣетъ на водѣ долю“, т. е. гадаетъ на водѣ о своей будущей судьбѣ послѣ выхода замужъ въ чужую сторону. Пѣсня гаданія сохранилась, а образъ сѣянія доли на водѣ, т. е. гаданія, уже не существуетъ въ народѣ.

---

[1]) Историч. Очерки, Буслаева, т. I, стр. 14—15.

Digitized by Google

Съ появленіемъ христіанства между славянскими народами въ народную словесность проникаетъ элементъ христіанскій и укладывается на ряду съ языческимъ.

Такъ въ пѣснѣ Теребинской представляется характерный разсказъ о явленіи чудотворнаго Креста нѣкоей Катюшенькѣ. Она увидѣла чудотворное древо и объявила своему отцу, тотъ посовѣтовалъ ей взять св. Крестъ въ руки, отнести въ церковь и поставить на престолѣ. Когда она пришла къ церкви, двери церковныя сами отворились и св. ангелы заговорили. Здѣсь выражена прекрасная христіанская идея о явленіяхъ чудотворныхъ иконъ и крестовъ, основанная на историческихъ примѣрахъ. Указанныя пѣсни убѣждаютъ насъ, что хотя въ старину народъ и смѣшивалъ понятія христіанскія съ языческими, но съ другой стороны христіанство воспринималъ дѣятельною силою, и христіанскую истину и мораль претворялъ въ свою духовную природу.

И слѣды языческой миѳологіи, и вліяніе христіанскихъ идей, и черты народнаго быта самымъ наглядным образомъ выразились въ обрядахъ и пѣсняхъ свадебныхъ.

Мы не будемъ подробно объяснять смыслъ и значеніе всѣхъ обрядовъ и пѣсенъ, составляющихъ свадьбу,—это не входитъ въ нашу задачу [1]). Мы имѣемъ въ виду найти памятники старины въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ, нынѣ существующихъ въ народѣ Холмской Руси и Подлясья. Самая глубокая старина блещетъ драгоцѣнными камнями въ каждомъ моментѣ здѣшней русской свадьбы, которая есть какъ-бы воплощенная въ живомъ дѣйствіи народная археологія. Эту сѣдую старину мы находимъ: а) въ обрядахъ и пѣсняхъ религіознаго происхожденія, сначала языческаго, а потомъ христіанскаго; б) въ обрядахъ и пѣсняхъ бытоваго и историческаго характера; в) въ образѣ выраженія и вообще въ языкѣ свадебныхъ пѣсенъ.

Свадебные обряды коренятся въ глубокой древности и имѣютъ, по большей части, миѳическое значеніе, чѣмъ и объясняется то

---

[1]) Объ этомъ предметѣ есть изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя, въ сравненіи съ великорусскими“ Х. Ящуржинскаго, Варшава, 1880 года. Оттискъ изъ Русскаго Филологическаго Вѣстника.

Digitized by Google

глубокое уваженіе, какое народъ сохраняетъ до сихъ поръ еще по отношенію къ своимъ свадебнымъ обрядамъ. Они даже въ настоящее время занимаютъ самостоятельное значеніе и имѣютъ силу обязательную почти наравнѣ съ церковнымъ бракомъ. Въ болѣе древнее время имъ придавалось еще болѣе значенія. Отъ этого древняго языческаго брака въ здѣшней народной свадьбѣ сохранились слѣдующіе обряды: кругообразное движеніе, коровай, вывороченный кожухъ и обсыпаніе зерномъ.

Существо языческаго обряда брака заключалось въ обведеніи жениха и невѣсты вокругъ стола съ дежей. Дежа, изъ которой печется хлѣбъ, есть символъ богатства, счастія, а вмѣстѣ съ тѣмъ своею круглою формою она напоминаетъ солнце, подъ которымъ въ миѳическую эпоху разумѣлся богъ, оплодотворяющій землю и вмѣстѣ съ тѣмъ покровительствующій любви и браку. Столъ, вокругъ котораго совершалось хожденіе, въ миѳическую эпоху могъ имѣть значеніе жертвенника[1]). Хожденіе вокругъ священнаго предмета имѣетъ значеніе обряда. Въ данномъ случаѣ хожденіе вокругъ стола имѣетъ миѳическую основу и стоитъ въ связи съ представленіемъ солнца кругомъ, *колесомъ*. Въ нынѣшней свадьбѣ этотъ религіозный языческій обрядъ въ разныхъ мѣстахъ весьма разнообразится. Такъ напр.: „въ грубешовскомъ уѣздѣ кружатся съ дежей три раза, когда берутъ коровай“; въ п. Свирже, холмскаго уѣзда, обходятъ три раза вокругъ стола на дворѣ.

О происхожденіи и значеніи „коровая“ есть очень древнее свидѣтельство въ XIII вѣкѣ, это именно „Слово нѣкоего Христолюбца“: „тако покладываютъ богамъ и богинямъ требы и коровай имъ ломятъ и куры имъ рѣжутъ“. Отсюда видно, что коровай принадлежалъ къ числу жертвъ, которыя приносили идоламъ. Въ древней Россіи онъ употреблялся повсемѣстно. И въ настоящее время короваю придается весьма важное значеніе. Самое приготовленіе его сопровождается множествомъ пѣсенъ и состоитъ изъ такихъ дѣйствій, которыя представляютъ собою какъ-бы нѣкое священнодѣйствіе. Матеріалъ на коровай приносится многими родственницами, какъ-бы складчина на жертвенный хлѣбъ, на жертву, которую цѣлый родъ имѣетъ принести по случаю брака. Въ Грубешовѣ замѣшенное тѣсто коровая женщины окропляютъ

[1]) Историч. Очерки, Буслаева, I, стр. 48.

Digitized by Google

св. водою. На Волыни коровайницы, окончивъ приготовленіе коровая, умываютъ руки и этой водой, какъ священною, умываютъ лицо жениха и невѣсты. Коровай называютъ священнымъ. Въ Грубешовѣ поютъ: „свѣти, свѣти, мѣсяченьку, зъ раю нашему святому короваю, що бы бувъ коровай красный, якъ сонечко ясный". Въ короваѣ, по пѣсни, записанной въ Потуржинѣ, изъ семи криницъ водица, изъ семи полей пшеница, семь копъ яицъ. Число—семь—обыкновенно въ народѣ считается таинственнымъ. Не только приготовленіе коровая, но даже перенесеніе его, разрѣзываніе и раздача его сопровождается особенными пѣснями, что указываетъ на его особенную важность. Нужно замѣтить, что въ здѣшнемъ народѣ безъ коровая свадебное угощеніе немыслимо. Само собою разумѣется, что первоначальный миѳическій смыслъ коровая, какъ жертвы цѣлаго рода, по случаю брака даннаго лица, для нынѣшняго народа потерянъ. Но какъ имѣющій миѳическую основу, онъ оказался необыкновенно живучимъ и сохранилъ свою свѣжесть и жизненность болѣе другихъ свадебныхъ обрядовъ, что видно изъ повсюдности его распространенія. Въ настоящее время коровай есть символъ брачнаго торжества и единенія цѣлаго рода.

Употребленіе вывороченнаго кожуха на свадьбахъ весьма распространено между южноруссами. Въ здѣшнемъ краѣ, въ Галиціи, на Волыни и другихъ мѣстахъ, родители новобрачныхъ благословляютъ молодыхъ, или сидя на вывороченномъ кожухѣ, или держа его на колѣняхъ, а также встрѣчаютъ новобрачныхъ по возвращеніи ихъ изъ церкви отъ вѣнца. Эта обрядность выражаетъ миѳическую идею плодородія. По миѳическимъ понятіямъ кожухъ или шкура есть символъ дождевой тучи, которая являлась для первобытныхъ людей въ образѣ коровы. Такъ какъ дождевая туча являлась въ миѳическихъ воззрѣніяхъ участницей въ оплодотвореніи земли, то и представляющій ее кожухъ употребляется какъ символъ плодородія. Въ пѣсняхъ первое миѳическое понятіе овчинной шкуры сгладилось и замѣнилось новымъ значеніемъ, по которому шкуры суть только источники богатства народа. Въ пѣсняхъ часто употребляется благожеланіе: „якъ цей кожухъ мохнатый, такъ буде зять богатый" [1]) Въ Галиціи поютъ: „якъ волна мохната, така невѣста богата". По словамъ Аѳанасьева, данный обрядъ развился на

[1]) „Труд. Этн. Эксп." IV. 300. „Народн. звычаи, Галька", 1, стр. 84.

Digitized by Google

томъ основаніи, что „съ мѣхами и овечьей шкурой, какъ символами дождевыхъ облаковъ, соединяются счастливыя примѣты. Вывороченный кожухъ, овчина и соболи предохраняютъ жениха и невѣсту отъ дѣйствія нечистой силы и злыхъ чаръ, надѣляютъ ихъ плодородіемъ, счастіемъ и богатствомъ: тѣ же самые дары сулитъ и дождь, оросившій юную чету въ день свадьбы [1]).

Плодородіе—главная цѣль брака символизируется въ нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядахъ древняго происхожденія. Такъ, въ люблинской губерніи въ однихъ мѣстахъ на „покути", т. е. на главномъ углу въ хатѣ молодаго ставятъ снопъ, и въ концѣ брачныхъ торжествъ обмолачиваютъ его на гумнѣ, въ другихъ мѣстахъ обсыпаютъ молодыхъ разными хлѣбными зернами. На Волыни заставляютъ новобрачныхъ пить изъ новаго глинянаго кувшина воду, настоянную на зернахъ овса, — а коровайницы во время мѣшенія коровая затыкаютъ на голову колосья изъ ржи или пшеницы, сорванные изъ снопа, стоящаго въ главномъ углу хаты. Сущность этого обряда одинакова при разности внѣшней формы,—это именно идея плодородія. Хлѣбныя сѣмена въ значеніи миѳическомъ считались символомъ дождя и супружескаго сѣмени. Съ забвеніемъ этого основнаго значенія, стали видѣть въ обсыпаніи хлѣбными зернами только обрядъ, обусловливающій обильную и богатую жизнь вслѣдствіе урожая хлѣба [2]). По замѣчанію Аѳанасьева, этотъ обрядъ имѣетъ двойную цѣль: не только способствовать тому, чтобы новобрачные вели богатую и счастливую жизнь, но и чтобы небо благословило ихъ чадородіемъ [3]).

Указанные нами обряды составляютъ собою остатокъ религіозныхъ обрядовъ славянскихъ, сложившихся еще во времена языческія, и въ преемственномъ порядкѣ переходившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и такимъ образомъ дошедшихъ до нашего времени.

Перейдемъ къ обрядамъ и нѣснямъ, въ которыхъ проявляется вліяніе христіанскаго элемента.

Христіанство положило свою печать на свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ и внесло въ народную свадьбу новыя, животворныя идеи.

---

[1]) «Поэтич. воззр. славянъ на природу», 1, стр. 689.
[2]) Лир. пѣсни, Ящуржинскаго, стр. 89.
[3]) Поэт. воззр. славянъ на природу, 7, 11, стр. 178.

Digitized by Google

Отправляя молодыхъ въ церковь, родители напутствуютъ ихъ окропленіемъ св. водою, при чемъ поется:

„Покропи насъ, батенько,
Свяченою водою, правою рукою,
И счастливою годиною;
Бо мы ѣдемо до шлюбу
И до Божого дому".

Родители научаютъ молодыхъ возлагать надежду на Бога и въ Немъ искать своего спасенія. Въ одной пѣснѣ поется:

„Маты дочку научала,
Якъ до шлюбу высылала:
Ой, ты, мое дитятко,
Якъ заѣдешь до церковци,
Оно ты бардзо не пышнысь,
Господу Богу помолись,
Пречистой Дѣвѣ поклонись:
Пречистая Дѣво, Мати!
Поможи мнѣ шлюбъ взяти!"

Судьба, счастье новобрачныхъ опредѣляется Богомъ. Въ одной пѣснѣ женихъ обращается къ отцу:

„Батеньку, голубоньку,
Перепій мини доленьку!
Я жъ не Господь, сыноньку,
Перепыты доленьку (т. е. измѣнить судьбу),
Просы, сыночку, Бога,
Щобъ була добря доля,
Встаючи и лягаючи
Господа благаючи".

Чрезъ весь обрядъ проходитъ элементъ благословенія. Всякое новое дѣйствіе начинается благословеніемъ, которое преподается и словами: „нехай Богъ благословитъ", и символическими дѣйствіями; напр. въ здѣшнемъ краѣ дружба идетъ впередъ и въ дверяхъ дѣлаетъ крестообразное движеніе палкою; на Волыни тотъ, кто благословитъ новое дѣйствіе, подкрѣпляетъ слово благословенія крестообразнымъ стучаніемъ палкою въ дверяхъ, послѣ чего „благословитель" произноситъ: „за цимъ словомъ бондаръ простый", т. е. когда я благословлялъ, то имѣлъ весьма важное значеніе, даже священное, а когда благословеніе окончилось, я стаю обыкновеннымъ человѣкомъ. Это благословеніе имѣетъ силу отъ благодати Божіей:

„Каждый тоби змовить:
Нехай тя Богъ благословитъ!"

Digitized by Google

Умершіе родители предстательствуютъ предъ Богомъ за своихъ дѣтей и принимаютъ участіе въ ихъ судьбѣ. Въ одной пѣснѣ поется:

„Ой, (имя жениха) батенько,
Все предъ Богомъ стоитъ,
Трійцю свиченьку держитъ,
И все Бога си проситъ:
Ой, Боже, мій Боже,
Спусты мене на землю,
Нехъ я свое дите обачу
И на посази посажу".

Въ одной волынской пѣснѣ поется:

„Ой, Господи, та милосердный, На свое дитятко,
Спусты мене зъ неба на землю, Чи хороше та воно вбране,
Нехъ же я та подывлюся Чи въ часъ воно та й посажане".

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ бракъ признается учрежденіемъ божественнымъ. Въ Потуржинской пѣснѣ поется, что „два ангела несутъ отъ Бога поселъ, отъ батенька — посагъ", т. е. разрѣшеніе отъ Бога на брачную жизнь сообщено чрезъ двухъ ангеловъ, вѣроятно, отъ двухъ ангеловъ-хранителей—отъ ангела жениха и ангела невѣсты. На Волынѣ и въ Галиціи поютъ:

„Иде Василько на посагъ,
Встрѣчае его Господь самъ...
И съ долею счастливою,
И съ доброю годиною...
Ой, цей посагъ писаръ писавъ,
Писаръ писавъ ажъ отъ Господа Бога".

Это значитъ: бракъ учрежденъ самимъ Богомъ, а не по установленію человѣческому.

Преподобный Несторъ говоритъ:
„а Древляне живяху звѣриннимъ образомъ живуще скотски: убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и браки у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица. И Радимичи, и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣхъ, якоже и всякій звѣрь, ядуще все нечисто и срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами, и браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы; схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская

Digitized by Google

игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся [1]). Изъ этого свидѣтельства лѣтописи видно, что у нашихъ предковъ браки совершались при посредствѣ игрищъ, потомъ совѣщаній, и наконецъ—похищенія женихомъ невѣсты. Умыканіе невѣсты, бывшее необходимостью въ древнія времена вслѣдствіе родовой исключительности, съ теченіемъ времени стало принадлежностію брачнаго обряда. Слѣды этого мы встрѣчаемъ въ нынѣшнемъ обрядѣ. Такъ, возлѣ молодаго, большею частію именуемаго княземъ, собирается цѣлая дружина, готовая сдѣлать воинственный набѣгъ на другой родъ для добытія невѣсты. Въ грубешовскомъ уѣздѣ эти дружинники ѣдутъ верхомъ на лошадяхъ, а молодой на сивомъ конѣ. Въ г. Грубешовѣ впереди свадебнаго поѣзда отправляется хорунжій (т. е. носящій хоругвь), быстро входитъ въ комнату невѣсты, при чемъ дѣвушки поютъ: „Зачини, Касюню, воротця, не пусты Ивася-молодця, бо винъ найде зъ боярами, вытопче виноградъ ногами“. Въ с. Теребинѣ, грубешовскаго уѣзда, при возвращеніи молодыхъ изъ церкви, двери дома невѣсты запираются, и имъ приходится долго стучать, пока имъ отворятъ двери. На волынской свадьбѣ происходитъ напряженная борьба между братомъ невѣсты со стороны невѣсты и сватомъ—со стороны жениха. И сватъ и братъ дерутся палками и бранятся. Братъ невѣсты, между прочимъ, говоритъ: „я ночи литомъ не доспавъ, на чужіи городы ходывъ, гарбузы кравъ, качаны збиравъ и ее годовавъ“. Уступивши сестру послѣ борьбы, братъ шибко уходитъ. Въ здѣшнемъ краѣ и въ Галиціи сестру также защищаетъ братъ, называемый въ Грубешовѣ, „засядачемъ“, т. е. подкарауливающимъ. Со стороны жениха въ древности приходилось иногда прибѣгать къ оружію. На Волыни и теперь „свитылка“—со стороны жениха—несетъ въ рукахъ „шаблю“, сдѣланную изъ дерева, украшенную цвѣтами и восковою свѣчею по срединѣ и втыкаетъ ее въ снопъ на покути. Эта сабля свидѣтельствуетъ о замкнутости отдѣльныхъ родовъ, исключавшей всякія сношенія съ членами другаго рода, такъ что каждый членъ рода, если не находитъ себѣ подруги среди своего рода, то долженъ былъ добывать ее силою. Этою замкнутостію родовъ объясняется, между прочимъ, тотъ фактъ, что не только въ малорусскихъ, но и великорусскихъ

[1]) П. С. Лѣтоп. т. 1, стр. 13. изд. 2.

Digitized by Google

свадьбахъ родственники и вообще сторона невѣсты — поютъ насмѣшливыя пѣсни надъ сватами со стороны жениха. Будучи поставлены въ невозможность воспрепятствовать взятію невѣсты, они прибѣгаютъ къ злой ироніи.

Съ смягченіемъ нравовъ и съ переходомъ изъ родоваго быта къ племенному умыканіе невѣсты уступаетъ мѣсто покупкѣ невѣсты посредствомъ мирнаго договора между двумя родами. Покупка невѣсты сохранилась и въ нынѣшнихъ обрядахъ. Въ сѣдлецкой губерніи женихъ посылаетъ своихъ дружковъ купить мѣсто возлѣ невѣсты. Но мѣсто возлѣ невѣсты уже бываетъ занято ея братьями, которые уступаютъ его за деньги. Тогда поютъ:

„Хорошъ, браце, хорошъ,
Продавъ сестру за грошъ“.

А братъ на это отвѣчаетъ:

„Не за грошъ, за четыре,
За четыре золотыи“.

Въ г. Грубешовѣ происходитъ торгъ за сестру. Хорунжій спрашиваетъ брата молодой, засядача, сидящаго по правую руку княгини: „что ты продаешь, какой товаръ имѣешь?“ Засядачъ отвѣчаетъ: „у меня товаръ живой, я его выкормилъ, онъ хорошій, онъ изъ-за границы, дорогой, и продаю его только на серебрянную цѣну“. И такъ братъ съ хорунжимъ торгуются. А дѣвицы поютъ:

„Засядачу не уступайся,
Своего домогайся,
Срибного, золотого
Отъ пана молодого.
У насъ дѣвка дорогая,
Косонька золотая“.

Въ с. Теребинѣ женихъ вручаетъ своей невѣстѣ нѣсколько монетъ, которыя та вплетаетъ въ косу.

Обрядъ покупки невѣсты весьма распространенъ на свадьбахъ волынскихъ и галицкихъ.

Замѣчательно, что обязанность защищать интересы невѣсты, какъ при обрядахъ умыканія, такъ и покупки, лежитъ на ея братѣ. Въ данномъ случаѣ братъ является однимъ изъ главныхъ защитниковъ семьи и получаетъ вознагражденіе за то, что уступаетъ другому роду рабочія руки. Нѣкоторые видятъ въ такомъ обычаѣ

Digitized by Google

еще уцѣлѣвшую черту грубости, свойственной самымъ отдаленнымъ временамъ, когда въ силу замкнутости рода, братьямъ предоставлялось право жениться на собственныхъ сестрахъ. Поэтому въ продажѣ братомъ сестры можно видѣть торговый договоръ, которымъ братъ уступаетъ другому лицу свои супружескія права на сестру[1]).

Наконецъ, на высшей степени развитія бракъ является свободнымъ нравственнымъ союзомъ мужчины и женщины. И эта идея выражается въ нынѣшнихъ свадебныхъ обрядахъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грубешовскаго уѣзда сговоръ называется „полюбинами“, на которыхъ невѣста вручаетъ жениху кольцо, символъ вѣчной любви и непрерывной супружеской вѣрности. И этотъ обрядъ коренится въ глубокой древности и упоминается уже въ былинахъ. Жена Добрыни Никитича узнаетъ его, послѣ десятилѣтней разлуки, по кольцу, опущенному имъ въ чару вина.

Пѣсенъ историческаго происхожденія въ нашемъ брачномъ обрядѣ немного. Сюда прежде всего нужно отнести частое упоминаніе о Львовѣ, напр.: „нема ксендза дома, поѣхалъ до Львова“. Этотъ городъ упоминается не только въ здѣшнихъ, но и въ волынскихъ и галицкихъ пѣсняхъ, что указываетъ на близкое отношеніе Холмщины, Подлясья, Волыни и Галиціи къ этому центру древней Червоной Руси. Въ древнія времена связь между этими мѣстностями была оживленнѣе, чѣмъ въ нынѣшнее время. Въ волынскихъ свадебныхъ пѣсняхъ часто упоминается Люблинъ, напр.:

„Ой, есть у мене родына,
Пріиде титка зъ Люблина,
Отъ якъ пріиде,
Край стола сяде,
Писеньки заспивае“.

Отсюда видно, что народъ сохранилъ въ своихъ преданіяхъ идею о единствѣ Руси въ древнѣйшія времена, подъ скипетромъ св. равноапостольнаго князя Владиміра. Впослѣдствіи историческія обстоятельства разсѣкли на части это единое русское тѣло, части обособились внѣшно, но продолжаютъ жить единою внутреннею жизнію и чувствовать взаимное нравственное притяженіе другъ къ другу.

---

[1]) Лир. пѣсни, Ящуржинскаго, стр. 61.

Digitized by Google

Какъ на носящую историческій характеръ, можно еще указать на слѣдующую пѣсню, которую поютъ, когда братъ продаетъ сестру на свадьбѣ, а именно:

„Татаринъ, братичекъ, татаринъ,
Продавъ сестрыцю за таляръ,
А русу-косу за пятакъ,
Билее личенько отдавъ такъ".

Здѣсь братъ невѣсты уподобляется татарину, плѣнившему не вѣсту и дешево ее продавшему за таляръ. Такое сравненіе заимствовано изъ живыхъ народныхъ преданій о набѣгахъ татаръ, уводившихъ въ плѣнъ не только мужчинъ, но и женщинъ, и потомъ по дешевой цѣнѣ продававшихъ ихъ въ рабство.

По образу выраженія свадебныя пѣсни отличаются эпическимъ спокойствіемъ. Каждое дѣйствіе сопровождается соотвѣтственною пѣснію, которая объясняетъ или смыслъ обряда, или душевное состояніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Напр. въ с. Горбовѣ, сѣдлецкой губерніи, поютъ:

„Нашъ (имя жениха) панъ молоденькій
Отъ шлюбу пріѣзжае,
Его шапонька съ трехъ бобронькоѵъ
Голову уживляе.
А его вѣночокъ съ трехъ ягодочекъ
Шапоньку покрывае.
Пытае его матенька его:
Кто тоби той вѣночекъ вилъ?
Моя (имя невѣсты), моя душенька
Мнѣ той вѣночокъ увила,
Моя сванечка, моя сестренька
До шапоньки пришпилила".

Въ с. Полюбичахъ, той же губерніи, поютъ:

„Молодая (имя) коло лугу ходитъ,
Цвѣтъ—калыну ломитъ,
И къ личку прикладала
И батенька пытала:
Мій батеньку рідній!
Чи я буду такая,
Якъ калыпонька тая?
Ой, будешь, дитя, будешь,
Поки у мене будешь;
Якъ пойдешь до свекора
Разжурить журъ головоньку,
Якъ вѣтеръ маковоньку,
Якъ морозъ долыноньку,
Якъ солнце калыноньку".

Digitized by Google

Какъ на остатки старины въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ мы можемъ указать еще на отдѣльныя слова, дышущія глубокою древностію: 1) *Туръ*, турыця: слово до-славянское,—въ церковно-славянскомъ—тоуръ; по латыни—taurus; по гречески—ταῦρος. Туръ есть дикій быкъ, турыця—женскаго рода. Это животное водилось прежде во всей Европѣ. Теперь родственная ему порода (зубръ) уцѣлѣла лишь въ Бѣловѣжской пущѣ, гродненской губерніи. Въ славянскихъ миѳахъ туръ встрѣчается нерѣдко [1]). Въ словѣ о полку Игоревѣ князь Всеволодъ сравнивается по силѣ и мужеству съ ярымъ туромъ: „Ярый туръ Всеволодъ! Ты прыщешь на воиновъ стрѣлами, гремишь объ шлемы мечами булатными. Гдѣ туръ проскакалъ, своимъ златымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ лежатъ поганыя головы половцевъ“. Князь Всеволодъ по силѣ и неукротимости называется буимъ, ярымъ туромъ: „буй-туръ, яръ-туръ Всеволодъ“. Въ нашей пѣснѣ поется:

„Не туръ, не турыця,
Но хороша молодыця“.

Это отрицательно сравненіе: свойства женщины противополагаются неукротимости тура. Слово „туръ“ нынѣ вышло изъ народнаго употребленія и встрѣчается только въ пѣснѣ.

2) *Виноградъ*: слово древне-славянское [2]). Обращеніе къ винограду, который не ростетъ тамъ, гдѣ поселились русскіе славяне, есть ничто иное, какъ слѣдъ тѣхъ преданій, которыя составились въ другомъ мѣстѣ, вѣроятно тамъ, гдѣ первоначально обитали праславяне.

3) *Дунай*, слово, употребляющееся по большей части въ пѣсняхъ коровайныхъ. Изъ Дуная черпается вода на коровай.

4) *Коса, руса-коса, роса-коса*—слово праславянское. Въ арійскихъ миѳахъ коса является эмблемою тучъ и вмѣстѣ символомъ дѣвственности [3]). Русая коса есть лучшее украшеніе женщины не только въ славянской поэзіи, но и по древнѣйшимъ эстетическимъ воззрѣніямъ нѣмецкихъ племенъ [4]). Невѣста въ свадебныхъ пѣсняхъ

---

[1]) Первобыт. славяне, А. Будиловича, т. 1, стр. 183; т. 2-й, стр. 357.
[2]) Первобыт. славяне, Будиловича, т. 1, стр. 127.
[3]) Тамъ же, т. 2, стр. 376.
[4]) Истор. очерки, Буслаева, т. 1, стр. 351.

Digitized by Google

оплакиваетъ свою дѣвичью косу, которую по выходѣ замужъ она должна прятать подъ платкомъ и не имѣетъ права распускать ее по плечамъ. Расплетаніе косы, какъ прощаніе съ дѣвствомъ, есть самое трогательное дѣйствіе въ народной свадьбѣ, часто сопровождающееся плачемъ всей семьи. На великокняжескихъ свадьбахъ въ чару наливаютъ вино, или медъ; сваха обмакивала гребень въ чару и расчесывала невѣстѣ голову [1]). Обязанность расплетанія косы лежитъ на братѣ невѣсты. Въ потуржинской пѣснѣ поется:

„Молода (имя невѣсты)
Брата коваля мала,
Косоньку заковала.
Братечку ковальчику,
Раскуй же косоньку
На субботу на вечеръ,
На недилю на весь день,
Бо вже ми Богъ позволывъ,
Батенько благословилъ".

Здѣсь братъ невѣсты представляется кузнецомъ, заковывающимъ дѣвичью косу. Отъ его согласія зависитъ оставаться ей въ дѣвствѣ, или идти въ замужество. Но кромѣ этого бытоваго значенія, здѣсь можно найти слѣды миѳическіе. По народному воззрѣнію, судьба распоряжается жребіемъ жениха и невѣсты, связываетъ, сковываетъ ихъ жизнь вмѣстѣ. Это сковыванье народъ приписываетъ небесному кузнецу, который во времена христіанскія сталъ олицетворяться подъ именемъ Козьмы и Даміана. Отсюда выраженіе: сковать косу, расковать косу, равносильно выраженію: разрѣшить бракъ, не разрѣшить брака. Кромѣ того орудіе кузнеца есть *молотъ*. Въ германской миѳологіи богъ Торъ имѣетъ главнѣйшимъ аттрибутомъ—молотъ. Молотъ у германцевъ служитъ знаменіемъ плодородія и орудіемъ, освящающимъ брачный союзъ. Посему въ миѳическомъ значеніи выраженіе „расковать косу молотомъ", равно выраженію: освятить брачный союзъ и дать залогъ плодородія.

Народъ сосредоточилъ свою творческую дѣятельность на свадебномъ обрядѣ, такъ какъ свадьба есть важнѣйшій моментъ въ жизни человѣка, который тогда доходитъ до своего полнаго разцвѣта. Здѣсь же сосредоточилась и народная мораль о семейныхъ отношеніяхъ. Сколько самой нѣжной родительской любви къ дѣтямъ выражается въ здѣшней свадьбѣ! Сколько въ дѣтяхъ покор-

[1]) Лир. пѣсни, Ящуржинскаго, стр. 53.

Digitized by Google

ности родителямъ, къ цѣлому роду и къ будущей судьбѣ! Сколько религіозно-нравственнаго чувства разлито въ этихъ благословеніяхъ, въ окропленіи св. водою, въ благодарности священнику за вѣнчаніе и въ другихъ пѣсняхъ! Свадебный обрядъ во всей сложности его дѣйствій и пѣсенъ имѣетъ величайшее воспитательное значеніе. Онъ воспитываетъ въ народѣ уваженіе къ таинству брака и къ церковному его благословенію; онъ воспитываетъ уваженіе къ власти родителей и любовь къ роднымъ. Онъ воспитываетъ въ народѣ преданность своей родной старинѣ. Если въ древности языческіе обряды брака стояли на первомъ планѣ и имѣли для народа ясный миѳическій смыслъ, слѣдовательно поддерживали языческую миѳологію, то этого нельзя сказать о нынѣшнемъ свадебномъ обрядѣ: нынѣ уже исчезла ихъ миѳическая основа; нынѣ уже это свадебный декорумъ; нынѣ это уже мертвыя кости изъ нѣкогда живаго миѳическаго тѣла. Чрезъ мертвыя формы уже проторглись животворныя идеи христіанства, и этимъ античнымъ, въ смыслѣ миѳологіи—бездушнымъ формамъ, придаютъ свою духовную красоту. И такъ, напр., родители встрѣчаютъ молодыхъ въ вывороченномъ кожухѣ,—это уже не миѳологія, а символъ,—но они же напутствуютъ молодыхъ въ церковь, окропляя ихъ св. водою; они пекутъ коровай, но они же благословляютъ ихъ именемъ Божіимъ. Отнимите у народа полноту свадебнаго обряда, и вы лишите его общественно-воспитательнаго средства. Что у грековъ и римлянъ значили общественныя игры и театральныя представленія, то у здѣшняго народа значитъ свадебный обрядъ съ пѣснями. Такъ именно смотритъ и народъ: на свадьбахъ двери хаты всегда открыты, и цѣлая толпа народа, неучаствующая въ свадьбѣ, а особенно молодежь, пользуется правомъ стоять въ сѣняхъ (запорожци) и подъ окнами, смотрѣть и изучать все совершающееся.

Digitized by Google

III.

Отраженіе въ народныхъ пѣсняхъ важнѣйшихъ моментовъ народной исторіи.

Въ пѣсняхъ Холмской Руси отражаются важнѣйшіе моменты народной исторіи.

Исходною точкою государственнаго быта, такъ сказать, первичною клѣточкою общественности служитъ бытъ семейный. Это есть первое, по времени происхожденія, человѣческое общество. Соединеніе нѣсколькихъ семействъ узами крови и единствомъ жизненныхъ интересовъ образуетъ второй моментъ въ развитіи общественности,—это есть бытъ родовой. Сочетаніе многихъ однородныхъ родовъ въ родствѣ крови составляетъ бытъ племенный, это есть уже начало національности, начало гражданскаго или государственнаго быта. Бытъ семейный поддерживается властію родителей, родовой—властію старшаго въ родѣ, на степени же быта племеннаго появляется власть княжеская. Эти три формы быта народнаго точно отобразились въ народныхъ пѣсняхъ, и преимущественно свадебныхъ. Дочь выходитъ замужъ не по своему выбору, а по волѣ родителей, ихъ воля опредѣляетъ и судьбу сына. Въ пѣсняхъ даже умершіе родители интересуются тѣмъ, хорошо ли, согласно ли всѣмъ обычаямъ, дѣти ихъ посажены на „посагъ“. Они благословляютъ своихъ дѣтей то хлѣбомъ, то св. водою, принимаютъ отъ нихъ земные поклоны. Связь между родителями и дѣтьми такъ крѣпка, что отдача дочери въ замужество, сопровождающаяся разлукою между ними, вызываетъ много слезъ съ той и другой стороны. Посредствомъ брака присоединиться къ чужому роду—это значитъ перейти къ „чужому чужанину“, или въ „чужедальную сторонушку“. Члены одного рода, образующіе нѣсколько семействъ, пребываютъ между собою въ тѣсномъ нравственномъ союзѣ; напр. на свадебныхъ торжествахъ родичи повобрачныхъ являются не только какъ почетные гости, но и какъ лица, сочувствующія молодымъ и имѣющія вліяніе на ихъ судьбу. Въ люблинской и

Digitized by Google

сѣдлецкой губерніяхъ общею формою пѣсни на субботнемъ собраніи предъ свадьбою бываетъ пѣснь:

„Въ субботоньку по вечери годына,
Посходилася, посъѣздилася вся N родина“,

т. е. родственники жениха или невѣсты, смотря по тому, въ чьемъ домѣ поется, у жениха или невѣсты. Въ Галиціи поется:

„Грайте музыки рѣзко,
Кланяйся (имя) низко
Отцеви, матеноньцѣ,
Всей своей родиноньцѣ“.

Еще: „Иди сыну въ счастливу годынку
И спроси себѣ всю свою родинку,
Близкую, далекую
Велику, маленькую“.

Значеніемъ рода объясняется фактъ, почему новобрачные, поклонившись родителямъ и получивши ихъ благословеніе, кланяются до земли и всѣмъ родственникамъ до наимладшаго члена изъ нихъ.

Черты быта племеннаго на той степени его развитія, когда выступаетъ на сцену исторіи народность, слагающаяся въ государственный организмъ, отразились въ наименованіяхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ свадьбѣ: женихъ и невѣста называются „князь и княгиня“, на подобіе княжескаго вѣнца они украшаются вѣнками изъ цвѣтовъ. Ближайшія къ новобрачнымъ лица называются „дружками“, „дружбами“, „свѣтилками“, что происходитъ отъ словъ: „дружина, свѣтлица“. У князя всегда была своя дружина, съ которою онъ охранялъ свою землю и дѣлалъ набѣги. Въ теремѣ княжескомъ были горницы—свѣтлицы, въ которыхъ, по былинамъ, происходили пиры богатырей. Слѣдовательно, свѣтилка — это важная, сановитая особа, живущая въ княжеской свѣтлицѣ. И роль ея на свадьбѣ выдающаяся: она завѣдуетъ угощеніемъ и забавами всей женской половины свадебныхъ гостей, а также руководитъ вмѣстѣ съ дружкою свадебными пѣснями. Послѣ дружины близко къ князю стояли бояре, или верховные думные люди. И на свадьбѣ, даже у здѣшняго народа, важную роль играютъ „бояре“, или, какъ въ Онежскомъ краѣ, вершники. Слѣдовательно, все устройство высшаго управленія въ древней русской

Digitized by Google

землѣ перешло въ народный свадебный обрядъ. Въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ сохранились даже черты княжескаго быта, такъ, въ пѣснѣ Новоселковской (люблинской губерніи) отецъ невѣсты угощаетъ „зеленымъ виномъ"; въ пѣсняхъ Волынскихъ воспѣваются медъ и вино въ погребахъ глубокихъ. Подобныя особенности съ вѣроятностію можно объяснить тѣмъ, что народъ позаимствовалъ свои обряды и пѣсни изъ высшихъ сословій и даже отъ княжескаго двора. Князь, и особенно любимый, былъ для народа во всемъ образцомъ. Кіевляне и христіанство начинаютъ принимать, слѣдуя примѣру св. Владиміра. Воспринятый обрядъ оказался такъ живучимъ, что прожилъ вѣка, потерялъ свой непосредственный смыслъ, а все-таки существуетъ и до сего дня, будучи, такъ сказать, органическимъ проявленіемъ народной русской жизни.

Изъ сферы общественныхъ отношеній періода чисто историческаго въ здѣшнихъ народныхъ пѣсняхъ сохранились воспоминанія крѣпостнаго рабства, когда паны распоряжались даже личностію и жизнію своихъ подданныхъ. Такъ, въ одной пѣснѣ поется, что „черные очеиьки и брови" дѣвчины полюбились и жениху и пану, и поэтому случаю женихъ находится въ величайшей душевной борьбѣ и сердечной „тугѣ". Будучи вѣрнымъ слугою пана, онъ готовъ ее отдать пану, свое раздумье онъ разрѣшаетъ тѣмъ, что предоставляетъ невѣстѣ выборъ и во всякомъ случаѣ желаетъ ей счастья. Чувство рабскаго долга и страха создало въ женихѣ безропотную покорность своему злому жребію. Въ пѣсняхъ жатвенныхъ мы видимъ приставника, или надзирателя за работами, который наблюдаетъ за жатвенными работами. Но стоитъ ему отлучиться и въ этихъ работахъ является безпорядокъ, рабочіе расходятся „якъ быдло", скотъ, — выраженіе, къ которому весьма прислушалось народное ухо отъ польскихъ пановъ. По окончаніи жатвы (обжинки) дѣвица (княгиня) несетъ вѣнокъ пану въ сопровожденіи остальныхъ рабочихъ. Панъ укрывается, чтобы избѣжать угощенія. Но на его дворѣ раздается пѣсня, требующая угощенія („не жалуй пане пива, горѣлки"), единственнаго вознагражденія за даровой крѣпостной трудъ.

Изъ эпохи уніи сохранились въ народѣ воспоминанія въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ и въ пѣснѣ хороводной во время Пасхи о нѣкоемъ евреѣ Зельманѣ. Въ с. Новоселкахъ поютъ:

Digitized by Google

„Нема ксендза дома,
Поѣхавъ до Львова,
Ключивъ куповаты,
Церкви одмыкаты,
Намъ шлюбъ даваты".

Тамъ же, предъ отъѣздомъ молодыхъ въ церковь, поется слѣдующій варіантъ той же пѣсни:

„Нема попа въ дома,
Поѣхавъ до Львова,
Ключивъ куповаты,
Молодымъ шлюбъ даваты".

Эти пѣсни объясняются слѣдующими историческими фактами. Паны отдавали свои имѣнія въ аренду жидамъ. Жиды вымышляли новые поборы. Если рождалось у крестьянина дитя, онъ не могъ крестить его не заплативъ пану такъ называемаго „дудка"; если крестьянинъ женитъ сына, или отдаетъ дочь, прежде долженъ заплатить „поемщизну". Жидъ обыкновенно требовалъ съ хлопа еще больше того, сколько было назначено; и если крестьянинъ не могъ заплатить, то дитя оставалось некрещеннымъ нѣсколько лѣтъ, нерѣдко и умирало безъ таинства; а молодые люди принуждены были сходиться между собою безъ вѣнчанія. Жиды убѣдили пановъ, чтобы они отдавали въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, и церкви гонимаго православнаго исповѣданія. Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину, не забывая при этомъ показать всякаго рода нахальство и пренебреженіе къ религіи, за которую некому было вступиться [1]). И такъ, въ нашихъ пѣсняхъ „попъ", т. е. православный священникъ отправляется въ г. Львовъ, къ арендатору церкви „куповаты ключивъ", т. е. заплатить арендную плату за требу, чтобы отомкнуть церковь для совершенія таинства брака.

Къ той же категоріи пѣсенъ объ угнетеніи народа посредствомъ жидовъ относится распространенная въ Холмщинѣ и Галиціи, распѣваемая на пасхальныхъ хороводахъ, пѣснь о Зельманѣ.

---

[1]) Богданъ Хмельницкій, Н. Костомарова, т. I, стр, XLVI.

Digitized by Google

Въ нашемъ народѣ поется нѣсколько пѣсенъ, схватывающихъ ту или другую черту изъ народнаго быта временъ Польши и козачества.

Въ пѣсняхъ образъ козака есть самый милый, это — идеалъ красоты, проворства, отваги. Слово „козакъ“ стало синонимомъ словъ: „женихъ, милый, любимый человѣкъ“. Возвращеніе его изъ похода приноситъ радость, отправленіе въ походъ сопровождается плачемъ, „тоскою“, напр. въ пѣснѣ Теребинской поется:

„Засвисталы козаченьки
Въ походъ зъ полуночи,
Заплакала Марусенька
Свои ясны очи.
Не плачь, не плачь, Марусенько,
Не плачь, не журыся,
Та й за своего миленького
Богу помолыся“.

Въ п. Городлѣ народъ поетъ:

„Питается козакъ дѣвки:
Де дорога веде?
О, то тая дорога
До самого Кракова.
О, то тая дороженька,
До походу готова;
Козаченьки идутъ
Ажъ гостынци [1]) гудутъ,
А за ними батько и маты
Дрибнесеньки слезы льютъ.
Козаченьки мои
Заспивайте мини,
Хорошая ваша пѣсня
Сподобалася мини“.

Такъ русскій людъ изъ Городля съ плачемъ провожаетъ козака въ походъ, вѣроятно, для защиты русской земли отъ поляковъ, и на прощанье проситъ его запѣть любимую русскую пѣснь, съ которою жаль разставаться.

---

[1]) Гостынецъ – большая дорога.

Digitized by Google

IV.

Черты эпоса, лирики и драмы въ Холмско-Подлясскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Тѣ черты, которыми вообще характеризуется поэзія южно-русская, могутъ быть вполнѣ приложены и къ народной словесности Холмской Руси. Это созданіе того же народнаго духа, который проявляется въ словесныхъ произведеніяхъ Волыни, Украины и Подоліи. Отсюда проистекаетъ тождество внѣшнихъ формъ и пріемовъ народнаго творчества.

Какъ въ зернѣ заключаются всѣ жизненные элементы, изъ которыхъ произрастаетъ дерево, такъ въ устной народной словесности заключаются всѣ задатки и формы поэзіи художественной. Въ произведеніяхъ народнаго творчества Холмско-Подлясскаго края есть начатки эпоса, лирики и драмы.

Правда, въ здѣшней народной поэзіи нѣтъ цѣльныхъ эпическихъ произведеній, въ родѣ „слова о полку Игоревѣ“, но за то вся она, какъ непосредственное проявленіе народной жизни, проникнута эпическимъ духомъ и облечена въ одежду эпоса. По мнѣнію Буслаева, народнаго эпоса прежде всего нужно искать въ пѣсняхъ семейныхъ, объемлющихъ всю жизнь человѣка отъ колыбели до могилы и сосредоточенныхъ на свадьбѣ, какъ на такомъ обрядѣ, который полагается въ основу семейнаго быта.

Важнѣйшее событіе въ жизни, между двумя крайними ея предѣлами—между рожденіемъ и смертью—есть женитьба, и ни одинъ обрядъ столько не богатъ преданіями, повѣрьями, и старинными пѣснями, какъ свадьба, на которой эпическая поэзія разыгрывалась во всемъ своемъ древнемъ разумѣ и, какъ неизмѣнный, отъ періода миѳическаго идущій обрядъ, и какъ досужная забава пирующихъ, и какъ вѣщая сила, ограждающая благо, жизнь и здоровье жениха и невѣсты. Въ свадьбѣ сколько затрогивающихъ душу драматическихъ интересовъ! И между тѣмъ, въ художественномъ выраженіи ихъ, въ свадебныхъ обычаяхъ ни малѣйшаго драматическаго раздраженія; все идетъ чинно и складно, по заведен-

Digitized by Google

ному единожды на всегда порядку, по преданію и старинѣ. Такимъ образомъ даже самой драматической минутѣ въ жизни эпическая форма умѣла дать спокойное, ровное теченіе [1]).

Кромѣ того, отдѣльныя выраженія эпическаго характера повсюду блещутъ перлами въ нашей поэзіи. Время, большею частію, опредѣляется какими либо признаками, напр: въ одной пѣснѣ кукушка говоритъ: „якъ у гаи зеленѣло я до васъ вертала"; въ другой пѣснѣ: „а ще по горонькамъ снѣги не сгинули, меня пташки бѣлыя зъ вырью выганялы". Еще: „ой, тамъ въ полѣ, якъ вси гречки квитнуть, тамъ гостынцемъ вси жолниры идутъ". Мѣстность описывается также изобразительно, напр: народъ поетъ: „межъ горами тамъ долына, въ той долыни есть хатына, въ той хатыни есть дѣвчына"; еще: „и здвидси гора, здвидси другая, межи тыми горо́ньками ясная зоря"; или: „до саду стеженька, въ саду черешенька, тонка, а высока, корни глубоко, листочки высоко, тамъ Мариша стояла"; еще: „ой, тамъ гора, тамъ другая, гей тамъ долинонька, межи тыми горонькими твоя дивчинонька".—Невозможность чего либо, большею частію, представляется въ эпическихъ образахъ, напр: „бо дай же ты, дѣвчинонько, въ той часъ замужъ пошла, якъ на мори, на камени яра рута взошла". „Бо дай же ты, козаченьку, въ той часъ оженывся, якъ у лѣсѣ, при дорозѣ сухій дубъ розвывся"; „бо дай же ты, козаченьку, тоди оженывся, якъ у млыни, на камени кукиль уродывся".... „Ой, у млыни, на камени, кукиль не вродывся, козакъ, старый якъ собака, досыль не вженывся". „Возьми маты песку жменю, посѣй его на каменю, якъ той песокъ въ гору взыйде, тоби сынъ твой зъ войска прійде". Прекрасные образы, сравненія, аллегорическіе обороты разсыпаны въ нашей поэзіи на каждомъ шагу; напр: „а я си думавъ, что зоря зыйшла, а то моя дѣвчинонька по воду выйшла,—а я за нею, якъ за зорею, сывымъ, сывымъ коныченькомъ по надъ водою". „Штыри волы, якъ соколы, рогами ши чешуть, выдай маты дочку, нехай люде не брешуть". Смерть храбраго воина часто изображается въ видѣ женитьбы его съ могилою: „Но ты, маты, не журыся, уже твой сынъ оженывся: взявъ онъ соби дружиночку—высокую могилочку" (пѣснь на смерть Нечая).

---

[1]) Истор: очерки, т. I, стр. 46—47.

Digitized by Google

Вся природа въ пѣсняхъ живетъ и дѣйствуетъ и принимаетъ участіе въ судьбѣ человѣка. Кукушка (зозуля), любимый образъ въ славянской поэзіи, часто является въ пѣсняхъ; напр: „прилетѣла зозуленька, тай и стала кукаты, зачекайте добри люде, маю щось казаты"; „ковала зозуля у калиночки";—конь сочувствуетъ человѣку, и по своему предчувствію онъ или радуется, или тоскуетъ: „ой, коню мій, коню вороненькій! а чего ты стоишь на стани смутненькій"; Конь указываетъ дорогу: „гдѣ моя мыла"; конь находитъ дорогу на родину убитаго козака и приноситъ вѣсть о его смерти. Конь—это вѣрный сподвижникъ козачества,—занимаетъ важное мѣсто въ народной поэзіи.

Самою величайшею эпическою стариною отзываются двѣ пѣсни, записанныя въ с. Теребинѣ, грубешовскаго уѣзда:

Въ одной говорится:

„На морѣ, на камени
Стояло два лебедя,
Стоячи воду пили,
Плынучи говорили:
Летимо, полетимо, братья,
До Катюшеньки за сватья;
Катюшеньчинъ батенько
Будуть насъ частоваты,
Солодесенькимъ медомъ,
Зеленесенькимъ виномъ".

Здѣсь что ни слово, то старина: прежде всего нужно замѣтить, что въ славянскихъ и скандинавскихъ пѣсняхъ лебедь представлялась, какъ нѣжный образъ женщины. Въ нашей пѣснѣ два лебедя принимаютъ участіе въ судьбѣ Катюшеньки, отправляются къ ней въ качествѣ сватьевъ. Слово: „на морѣ, на камени" есть извращенное слово. „на морѣ, на океанѣ". Слова: „плынучи", „солодесенькимъ медомъ", „зеленесенькимъ виномъ"—это старинные обороты изъ эпоса богатырскаго, когда богатыри осушали чару зелена вина въ полтретья ведра, и когда бочки меду гоготали въ погребахъ глубокихъ, какъ лебеди на заводяхъ.

Въ другой пѣснѣ милый спрашиваетъ сокола, не былъ ли онъ тамъ, гдѣ его милая живетъ? Соколъ извѣщаетъ, что она лежитъ и правою рукою сердце держитъ, за нею ухаживаетъ мать и совѣтуетъ ей встать, потому что она еще молода. Надежда увидѣть милаго вернулась въ ея сердце и она быстро стала приготовляться къ его встрѣчѣ: „За годыну, якъ доненька наша тесовые столы позастеливала, пшеничнаго хлѣба понакладывала, новыя свѣченьки позасвѣчивала, повно повненько понаставливала".

Digitized by Google

Соколъ, отличающійся быстротою полета, силою и ловкостію, часто упоминается въ древне-русской поэзіи, онъ олицетворяетъ силу и отвагу. Пѣвецъ Игоря сравниваетъ персты и струны Бояновы съ десятью соколами и стадомъ лебедей, даже называетъ соколомъ воина; въ народныхъ пѣсняхъ соколъ — постоянный эпитетъ молодца. Сербы употребляютъ эпическое выраженіе: *соко*, *сив*; на Волыни въ одной свадебной пѣснѣ есть выраженіе: „*сывъ — соколонько*“. По чешскимъ преданіямъ, лебедь и соколъ были священными птицами и жили въ священныхъ *гаяхъ* или рощахъ. И въ нашей пѣснѣ соколъ является птицею вѣщею, возвѣщающею милому о состояніи его милой. Можно посему думать, что эта пѣснь отзывается миѳологическою стариною.

Въ пѣсняхъ вся природа олицетворяется. Умершій воинъ посылаетъ на родину своего коня съ вѣстію о его смерти: „бѣжи, коню, дорогою, чернымъ лѣсомъ, дубровою; якъ забѣжишь на новый дворъ, стукни, пукни копытами, щобъ подковы забряцалы, щобъ копыта зашумѣли“. Умершая жена бесѣдуетъ съ своимъ, оставшимся въ живыхъ мужемъ, сожалѣющимъ о ея безвременной потерѣ. Невѣста обращается къ мѣсяцу:

„Ой, мисяцю, мисяченьку,
Не свити никому,
Только свѣти миленькому,
Якъ иде до дому,
Свѣти ему раненько,
И разгоняй хмары,
А якъ прійде мій миленькій,
То зайды за хмары“.

Марися чешетъ русую косу и говоритъ къ ней:

„Кòсу моя, кòсу,
Дѣвоча роскошу!
Я тебе годовала въ батенька,
Я въ лѣтѣ, въ холодочку,
При зеленомъ барвиночку,
А въ зимѣ въ свѣтлоньчи
При червоной калыноньчи“.

Такъ, можно сказать, несомнѣнными эпическими свойствами дышетъ народная поэзія Холмско-Подлясской Руси, а эти свойства свидѣтельствуютъ о ея глубокой старинѣ.

Лирической поэзіи въ смыслѣ произведеній поэта, выражающихъ рзличныя чувствованія его души, въ нашихъ пѣсняхъ нѣтъ. Личности поэта не видно, пѣснь создается самимъ народомъ. За то много есть пѣсенъ, которыя могутъ быть отнесены къ лирикѣ

Digitized by Google

по своему содержанію; онѣ выражаютъ различныя чувствованія пѣвца, то тоскующаго за своей возлюбленной, то жалующагося на свою горькую долю, на свою неудавшуюся любовь. Прекрасными чертами рисуется красота невѣсты:

„Якъ той ангелъ она добра,
Якъ міръ Божій она гарна,
Ще до того и моторна,
И розумна и проворна.
Кары очи липше моря,
Есть въ нихъ счастье, есть въ нихъ доля,
Якъ подывлюсь на ты очи,
Мало душа не выскочить.
Боже добрый, Боже щирый!
Боже, батьку ты нашъ милый!
Тую дѣвчину хорошу
Даруй мини, я Тя прошу“.

Козакъ плачетъ „отъ свѣта до ночи“, что мать не отдаетъ за него своей дочери, и собирается умирать, только проситъ свою милую приходить на его могилу, но не бросать на него землею, подъ которою и безъ того тяжко лежать. Въ одной пѣснѣ пѣвецъ завидуетъ своему богатому и счастливому сосѣду и жалуется на свою судьбу:

„Нема счастья, нема доли,
Треба жыты якъ въ неволи;
Хиба пиду утоплюся,
А бо въ камень разобьюся“.

Нѣжнымъ языкомъ чувства дышетъ пѣснь: „солнце низенько, вечеръ близенько“.

Пѣвецъ умилительно проситъ свою возлюбленную Ганю выйти къ нему, называя ее „серденькомъ“, „рыбочкой“, „дорогимъ кришталемъ“. Въ другой: невѣста выходитъ за нелюба, а сердце щемитъ у того, кто ее искренно любитъ:

„Еденъ веде за рученьку, другій за рукавъ,
Третій стоить, сердце болитъ,—любывъ, да не взявъ“.

Далѣе—пѣвецъ скорбитъ, что онъ не можетъ жениться на той, которая плѣнила его сердце:

„Якъ спогляне яснымъ окомъ,
Якъ ся мило засмѣе,
Ажъ въ козаци сердце бье.

Digitized by Google

Въ насъ дѣвчата вси хороши,
Коса съ долгимъ волоскомъ,
Зубки бѣлы, брови черны,
Личко якъ кровь зъ молокомъ".

Если главное достоинство лиризма составляютъ сила и одушевленіе чувства, то можно сказать, что многія наши пѣсни отличаются высокими лирическими чертами. Только сфера нашей народной лирики ограниченна: наша лирика поетъ только про любовь.

Въ пѣсняхъ здѣшняго народа мы видимъ начатки драмы. Они заключаются: въ хороводахъ, разговорной формѣ пѣсенъ и въ глубокомъ драматизмѣ положенія, въ которое поставлены дѣйствующія лица въ пѣсняхъ. Народъ не имѣетъ театра, недостатокъ его замѣняется хороводами, обыкновенно совершающимися въ весеннее время, отъ праздника Пасхи до праздника рождества Іоанна Крестителя, 24 іюня. Хороводы—это народныя игры и забавы, сопровождаемыя пѣснями происхожденія то миѳическаго, то историческаго, (напр. хороводная пѣснь о Зельманѣ), то бытоваго (напр. хороводная пѣснь о выборѣ невѣстою жениха—солера). Хороводы первоначально имѣли религіозное значеніе. Начало ихъ нужно искать въ пляскахъ, пѣніи и дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ языческое богослуженіе. Каждый языческій праздникъ имѣлъ свои хороводы; съ водвореніемъ христіанства и уничтоженіемъ языческихъ праздниковъ, хороводы обратились въ простыя забавы и мало по малу утратили почти все, что показывало ихъ отношеніе къ тому или другому богослуженію. Если принять во вниманіе, что для нашего народа хороводы замѣняютъ театръ, и что какъ у насъ, такъ и у древнихъ грековъ религіозныя мистеріи положили начало театру, то наши хороводныя игры и пѣсни по справедливости могутъ быть признаны начатками народной драмы на первой ступени ея развитія. Кромѣ того, важное значеніе имѣетъ поперемѣнное пѣніе хорами на свадьбахъ.

Въ нашихъ пѣсняхъ являются дѣйствующія лица, которыя ведутъ между собою разговоръ, и этотъ пріемъ повторяется весьма часто. Для примѣра считаемъ достаточнымъ указать на пѣснь, записанную въ п. Городлѣ, грубешовскаго уѣзда, гдѣ ревнивая жена препирается съ своимъ мужемъ и доказываетъ превосходство свое предъ нимъ по происхожденію: „ты ткачъ-ниткоплетъ, а я

Digitized by Google

бондаривна". А онъ къ ней: „А щобъ ты пропала и на судъ Божій не встала". Многія пѣсни заключаютъ въ себѣ богатые драматическіе сюжеты по положенію изображенныхъ въ нихъ лицъ. Представимъ нѣсколько примѣровъ. Мать, женивши сына, не взлюбила своей невѣстки и угостила ее виномъ, которое сама наливала въ „стклянки". Но, вѣроятно, по ошибкѣ, этого напитка отвѣдали невѣстка и сынъ, и умерли обое, сына похоронили подъ церковью, а невѣстку подъ колокольнею. Мужъ не взлюбилъ свою жену; его сердечныя симпатіи обратились къ другой личности, для которой онъ покупаетъ медъ, вино, шубу, съ которой по рынку онъ ходитъ подъ руку. Драма оканчивается смертію жены, которую мужъ взялъ „подъ бѣлые боки и вкинулъ въ Дунай глубокій".—Мужъ бьетъ свою жену „нагайкою-дротянкою",—жена, у которой слезы не высыхаютъ, пускаетъ по Дунаю „калинову квитку", которая приплываетъ къ криницѣ, гдѣ мать набираетъ воду; увидѣвъ этотъ символическій знакъ, мать догадывается о несчастіи дочери и совѣтуетъ ей хотя притворно быть любезною съ мужемъ, называя его соколомъ, не сердцемъ, на словахъ только; дочь отвѣчаетъ, что она предпочла бы пить горькій полынь и лежать въ недугѣ, чѣмъ съ нелюбомъ сѣсть за столъ. Жена послѣ постоянныхъ побоевъ отъ мужа рѣшается умирать и завѣщаетъ ему приготовить для нея кедровый гробъ, похоронить ее въ вишневомъ саду, на ея могилѣ посадить надъ головою червонную калину на случай женитьбы сына; на рученькахъ зелененькій барвинокъ—на свадьбу дочери, а у ногъ — сухую тернину — на случай его собственной женитьбы. По смерти жены мужъ женился на другой, которая спрашиваетъ его, что это за могила въ вишневомъ саду. Этотъ вопросъ будитъ у него грустныя воспоминанія и онъ проситъ покойную встать изъ гроба, присмотрѣть за своимъ дѣтищемъ. Первая жена отвѣчаетъ:

„Нехай плаче, нехай умирае,
Маешь мылу другу, нехай доглядае!
Нехай плаче, наймы соби мамку
А то давай его сюда въ ямку".

Убѣдившись, что мужъ груститъ за первой женою, которая была „господынею", а не „наймичкою", вторая жена начинаетъ ревновать:

Digitized by Google

„Ой, було суки не ховаты,
Ой, було суци сорочки не даваты!“

Мужъ, оставивши свою жену, сталъ посѣщать вдову и по наущенію послѣдней, убилъ жену въ „коморѣ“. Мать, предполагая болѣзнь невѣстки, совѣтуетъ сыну отправиться на Украину за лекарствами, но, узнавъ, что она заснула на вѣки, совѣтуетъ ему сѣсть на коня вороного и уѣхать на Украину. Мужъ, совершивъ убійство, пробуетъ затушить виномъ угрызенія совѣсти, шинкарь между тѣмъ открываетъ виновника убійства. Горькій пьяница, постоянно бьющій свою жену, ходитъ надъ Бугомъ, по надъ крутымъ бережкомъ, собираетъ своихъ хлопцевъ-рыболововъ и предлагаетъ имъ утопить его жену. Дома дѣти недоумѣваютъ, гдѣ дѣлась ихъ мать. Онъ начинаетъ свататься: богатая ему отказываетъ, бѣдная же не осмѣливается выходить за него. Тогда онъ опять ходитъ по надъ Бугомъ, созываетъ своихъ хлопцевъ возвратить ему его жену:

„Верните мини нездалую,
Бо мини горе безъ ній“.

Приведенные факты достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ нашихъ пѣсняхъ есть начатки драмы, и содержаніе свое эта драма получаетъ изъ сферы семейныхъ отношеній.

Драмѣ обыкновенно противопоставляютъ юморъ, борьбѣ жизненной противополагаютъ смѣхъ. Но юморъ есть смѣхъ сквозь невидимыя міру слезы. И пѣсни юмористическія также изображаютъ недостатки жизни, какъ и драма, только съ другой стороны, съ смѣшной, а не грустной. Въ нашей поэзіи есть довольно пѣсней юмористическихъ. Въ одной пѣснѣ изображается пьяная и лѣнивая жена, ничего не дѣлающая, и даже не метущая хаты. Въ другой — пьяная жена возвращается домой, мужъ снисходительно ей прощаетъ, совѣтуетъ ей проспаться, а потомъ похмѣлиться. Въ пѣснѣ: „горѣлица, дурійлица“ описывается состояніе пьянаго, который никого не боится, возвращается домой, упираясь въ землю носомъ и руками, и своимъ пьянствомъ доводитъ свой домъ до крайней нищеты. Въ пѣснѣ Городельской: „якъ я въ тебѣ замету, то ты мини заплаты“, описывается жена, которую мужъ бьетъ „кулаками подъ боками“, а подъ грудьми „ко-

Digitized by Google

лѣньми", бьетъ ее за пьянство. Она приноситъ въ шинокъ мелкіе предметы изъ домашняго хозяйства: „макъ, цыбулю, яица и проч." Шинкарь, не довольствуясь этимъ, приходитъ еще на домъ и за водку еще забираетъ „коцюбу, лопату" и пр. Весь юморъ народныхъ пѣсней вращается около двухъ обыденныхъ предметовъ — пьянства и лѣности.

V.

Языкъ народныхъ пѣсенъ. Особенности народнаго говора въ Холмщинѣ и на Подлясьѣ.

Языкъ нашихъ пѣсенъ, и слѣдовательно языкъ народа, живущаго въ люблинской и сѣдлецкой гг., есть языкъ, который въ старину называли „русскимъ", а въ настоящее время называютъ малорусскимъ, или южно-русскимъ. Русскій народъ составлялъ нѣкогда значительную часть бывшаго королевства Польскаго. Въ русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому королевству, южнорусскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ, которымъ говорили и при дворѣ великихъ князей литовскихъ и въ знатнѣйшихъ русскихъ домахъ. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ во времена польскаго владычества, этотъ древній и прекрасный языкъ, на которомъ былъ написанъ „Литовскій статутъ", на которомъ происходило судопроизводство въ южно-русскихъ земляхъ, на которомъ писались привилегіи, приговоры и постановленія, выдаваемыя польскими королями для русскихъ земель, какъ въ духовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ,—вышелъ изъ употребленія и остался только языкомъ простаго народа.

Здѣшній народный говоръ наиболѣе подходитъ къ языку волынянъ, при чемъ въ люблинской губерніи и особенно въ грубешовскомъ уѣздѣ народный языкъ соотвѣтствуетъ языку югозападныхъ уѣздовъ Волыни; въ сѣдлецкой губерніи способъ произношенія словъ напоминаетъ произношеніе въ такъ называемыхъ полѣсскихъ уѣздахъ на Волыни, напр. въ ковельскомъ, овручскомъ и другихъ и вообще подходитъ къ произношенію словъ на сѣве-

Digitized by Google

ро-востокѣ Волыни. Несомнѣнно, что въ Холмщинѣ и на Подлясьѣ живетъ одно и тоже племя южно-русское, но съ небольшими разностями въ произношеніи нѣкоторыхъ буквъ, образовавшимися подъ вліяніемъ какъ географическихъ, такъ и историко-этнографическихъ условій. Въ люблинской губерніи букву „о“ въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ нею стоитъ удареніе, произносятъ за „и“, напр. мой—мій, родный—ридный, конь—кинь и т. п.; въ сѣдлецкой губерніи въ тѣхъ же случаяхъ букву „о“ произносятъ за „у“, напр. мой—муй, Богъ—Бугъ, конь—кунь и т. п.

Въ нѣкоторыхъ селахъ грубешовскаго и томашовскаго уѣздовъ, люблинской губерніи, напр. Теребинѣ, Монятычахъ, Терятинѣ и др., встрѣчается замѣчательная особенность въ произношеніи буквъ „с“ и „ц“, первую произносятъ за „ш“, вторую за „ч“; напр. Мариша, ши, хлопчи, свѣтлоньчи, вмѣсто Марися, си, хлопци, свѣтлоньци.

Извѣстенъ также фактъ изъ ветхозавѣтной исторіи: Евреи изъ колѣна Ефремова не могли произнести слова „шибболетъ“, а произносили „сибболетъ“, и ни одинъ Ефремлянинъ не могъ иначе выговорить это слово [1])

Въ сѣдлецкой губерніи русскій народъ дѣлится на четыре группы:

1. На границѣ люблинской губерніи и дальше надъ р. Бугомъ народъ по языку и костюму похожъ на народъ люблинской губерніи, говоритъ обыкновеннымъ волынско-галицкимъ говоромъ.

2. Граничатъ съ этимъ народомъ въ влодавскомъ уѣздѣ полѣшуки. Типичныя деревни: Ополе, Ганскъ, Коденецъ, Любень, Брусъ. Это, кажется, крайнія поселенія полѣшуковъ, населяющихъ сѣверную часть волынской губерніи.

3. Третью группу составляютъ тѣ деревни радинскаго уѣзда, гдѣ сплошное русское населеніе, кромѣ того, такой же народъ живетъ и во влодавскомъ уѣздѣ отъ границы радинскаго и бѣльскаго уѣздовъ, напр: въ Полюбичахъ, Вишницахъ, Городницѣ. Въ бѣльскомъ и константиновскомъ уѣздахъ большею частію такой же народъ, напр. Россоше, Ломазы, Дубовъ, но не вездѣ. Есть деревни, напр. Рокитно, особенно надъ Бугомъ, съ народомъ первой группы. Говоръ этой группы Г. Желеховскій называетъ сѣве-

[1]) Суд. Изв. 12—6.

Digitized by Google

ро-малорусскимъ подляшскимъ нарѣчіемъ. Особенности его слѣдующія:

Буквы „и“ и „ѣ“ произносятся какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. „О“ никогда не переходитъ въ „и“, а остается неизмѣннымъ, (напр. мостъ, постъ), или переходитъ въ дивтонгъ „уо“ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ польскомъ „о“; при чемъ въ однѣхъ деревняхъ слышно явственнѣе „о“, а въ другихъ „у“.

Буква „е“ послѣ согласныхъ произносится твердо.

Окончаніе прилагательныхъ употребляется почти всегда полное, а не усѣченное.

Въ прошедшемъ времени окончаніе „лъ“ такъ и произносится, а не переходитъ въ „въ“.

Глаголъ—„быти“, „былъ“ такъ и произносится; „имѣть“ — произносится мѣти, а не маты, — „имѣлъ“—мѣлъ, а не мавъ.

Слово—„что“ въ однихъ мѣстахъ (въ Руднѣ, Деревичнѣ, Вискахъ) произносится „што“, въ другихъ (Радчѣ, Гуси, Яблонѣ) — „що“,— въ третьихъ (Вошнѣ, Безволи)—„цо“. Въ Безволѣ, Лисьей—Вулькѣ, Збулитовѣ старики говорятъ „що“, а молодежъ по польски—„цо“.

Гдѣ говорятъ „що“, тамъ прошедшее время глаголовъ оканчивается „*въ*“, и гдѣ „што“, или “цо“, тамъ на „*лъ*“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. Радче) *а* и *я* иногда переходятъ въ *е* или *э*, напр, шапка—шэпка, коня—конье. Мѣстоименіе *ее* произносится—іэіэ, а не *ее* или *іе*.

Къ мѣстоименію—*вы* дается приставка *те*, вы-те, при чемъ *ы* переходитъ въ *ѣ*, вѣте.

На этомъ языкѣ сохранилось въ Руднянской церкви нѣсколько старинныхъ документовъ отъ времени Стефана Баторія. Народъ, употребляющій этотъ говоръ, весьма скоро выучивается русскому языку.

4. Четвертую группу составляютъ мѣстности съ русскимъ населеніемъ, по уже ополячившимся. Сюда относится прежде всего т. Мѣжирѣчье и Руссковольскій приходъ, гдѣ народъ говоритъ по польски. Въ соколовскомъ и сѣдлецкомъ уѣздахъ народъ говоритъ по польски, исключая двухъ приходовъ, гдѣ еще слышно мѣстное русское нарѣчіе третьей группы. Есть тамъ одинъ приходъ, гдѣ народъ у себя въ хатѣ при своихъ говоритъ „по своему“, т. е. по русски, при постороннихъ же, на улицѣ, въ городѣ, только

Digitized by Google

по польски. Въ п. Островѣ, влодавскаго уѣзда, говорятъ въ настоящее время мѣщане по польски, но старики помнятъ, что прежде всѣ говорили на своемъ русскомъ нарѣчіи. Вообще польскій языкъ въ этихъ мѣстностяхъ сильно распространяется и вытѣсняетъ собою прежній русскій [1]). Свидѣтельство священника Желеховскаго объ ополяченіи посада Острова можетъ быть примѣнено къ всѣмъ посадамъ и уѣзднымъ городамъ не только сѣдлецкой, но и люблинской губерній. Напр. старожилые мѣщане и мѣщанки г. Холма говорятъ по русски дома, по польски въ общественныхъ мѣстахъ, а молодое поколѣніе уже забыло русскій языкъ, съ которымъ ему теперь приходится знакомиться чрезъ церковь и школу. Жители посадовъ и городовъ уже стѣсняются пѣть русскія пѣсни, особенно на улицахъ, русская поэзія у нихъ оскудѣваетъ, хотя еще не совсѣмъ исчезла, а надъ русскими пѣснями поселянъ мѣщане иногда подтруниваютъ.

Языкъ народа Холмской Руси отличается двумя особенностями: въ восточной половинѣ Холмской Руси онъ сохранилъ замѣчательную чистоту русской рѣчи, и даже удержалъ много старинныхъ оборотовъ, на Волыни, Подоліи и Украинѣ уже вышедшихъ изъ употребленія. Эти обороты служатъ признакомъ глубокой старины и приближаютъ здѣшній народъ къ древнему южно-русскому языку. Въ западной половинѣ Холмско-Подлясской Руси въ языкъ народный вошло значительное количество польскихъ словъ, народная рѣчь отличается такъ называемымъ макаронизмомъ, но въ народную устную словесность, твердо держащуюся своихъ внутреннихъ основъ, польскихъ словъ вошло весьма немного. Объ этихъ особенностяхъ языка нашихъ пѣсенъ скажемъ подробнѣе.

1. Въ нѣкоторыхъ словахъ слышится слѣдъ произношенія юсоваго, именно тамъ, гдѣ въ старину писали букву *юсъ*, напр. мясо, теля, телятина, въ Холмскомъ уѣздѣ произносятъ: мьэсо, телѐ, телѐтина. Въ этихъ трехъ словахъ изъ юсоваго произношенія остались буква *е*, а исчезъ звукъ носовой „*и*“. На Волыни слово „дуброва“ въ пѣсняхъ часто произносятъ „димбривонька“, сохраняя такимъ образомъ древнее юсовое произношеніе.

---

[1]) Свѣдѣнія о русскихъ говорахъ въ сѣдлецкой губерніи заимствованы изъ статьи свящ. Желеховскаго, напечатанной въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, 1884 г. № 2-й стр. 255—261.

Digitized by Google

2) Имена существительныя, прилагательныя и даже нарѣчія, большею частію, употребляются въ уменьшительной формѣ, для выраженія ласки, любви и особенной нѣжности. Въ жизни это признакъ патріархальности, искренности и даже родственности отношеній, въ поэзіи — это признакъ старины пѣсни, потому что съ развитіемъ гражданственности отношенія между людьми охлаждаются, теряютъ простоту, а вмѣстѣ съ нею и искренность, облекаются въ формы искусственныя. И въ поэзіи художественной мы уже не встрѣчаемъ такого изобилія ласкающихъ уменьшительныхъ словъ. Эту истину мы можемъ подтвердить и непосредственными наблюденіями надъ жизнію и народными пѣснями. Напр. въ с. Теребинѣ, грубешовскаго уѣзда, при личныхъ обращеніяхъ, большею частію, употребляется уменьшительная форма: „татко мини казалы“, „кумцю“, „кумундзюню“, „братичку“ и т. п. Народъ поетъ: „пойдемъ до церковци“, „станемъ на коберцю“ (на ковpикѣ). „Ридный батенько повненьки стоять, свѣченьки горять, музыченьки граютъ, а свашеньки спиваютъ“. „Поклонилася Маруся черезъ столъ до батенька, черезъ столъ довисенькій“. „А на дворѣ хмурно, ажъ ся невидненько“. „Мужу мій, мужу, певѣрныченьку, чи ты не вѣришь моему серденьку“.

3) Личныя мѣстоимѣнія въ сокращенной формѣ „мя, тя, ми, ти“, и возвратное „ся“, въ отдѣльности отъ глагола употребляются весьма часто, такъ что эти обороты встрѣчаются почти въ каждой пѣснѣ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ живетъ южно-русскій народъ, кромѣ Галиціи, эти формы почти вышли изъ употребленія, и здѣсь онѣ употребляются не въ пѣсняхъ только, но и въ живой рѣчи.

4) Въ спряженіи глаголовъ часто встрѣчается форма сложнаго аориста, въ другихъ мѣстахъ уже затерявшаяся. Представимъ примѣры:

„А ще мъ не женывся“,
(Но еще не *есмь женился*).

—

„Привезлы-сьмо до Люблина“,
(Привезлы есмы до Люблина).

—

„Еще мъ ся не выспала“
(Еще не есмь) нѣсмь выспалася.

—

Digitized by Google

„Завязавъ есь мини, мой миленькій, свѣтъ“,
(Завязалъ еси, мой миленькій, свѣтъ).

—

„Не мигъ-емъ ши надывыти“
„Мушивъ-емъ си полюбыты“.

Не мигъ-не могъ, емъ-есмь, си-себѣ, надывыты-насмотрѣться, мушивъ-долженъ, отъ слова—мусъ-принужденіе, емъ-есмь; слѣдовательно, мушивъ емъ-долженъ есмь.

Кого-мъ любила (кого есмь любила).

Кромѣ аористовъ встрѣчается форма наклоненія условнаго, какъ въ прошедшемъ времени („давно бысь моя была“), такъ и въ будущемъ времени („буду ходила, буду говорила“).

5) Въ смыслѣ нарѣчія употребляется слово — „край“, напр: „якъ край битый при дорози яра рута взошла“, т. е. какъ рута взойдетъ на краю битой дороги. „А моя могила край синяго моря“, т. е. на краю, на берегу моря.—Это есть ничто иное, какъ старославянское нарѣчіе „въ скрай“ напр. Богъ говоритъ Аврааму: „умножая умножу сѣмя твое, *яко песокъ въ скрай моря*“ (Быт. 22, 17).

Въ такомъ же значеніи слово „край“ употребляется у славянъ новгородскихъ; въ олонецкой губерніи говорятъ: „край лѣса, край моря“. Въ одной заплачкѣ свадебной, между прочимъ, поется:

„Ты вставай-ко, красно солнышко,
Ты родитель, моя матушка,
И ты садись, родитель матушка,
Край высокій то могилушки [1]).

6) Изъ старинныхъ союзовъ употребляется иногда „понеже“, чисто славянскій, напр:

„Нехай винъ тамъ ходитъ,
Нехай погуляе,
Понеже-жъ винъ до дѣвчины
Дороженьку знае“.

7) Въ нашихъ пѣсняхъ встрѣчаются слова съ постоянными, изстари усвоенными народною поэзіею эпитетами, напр: „крещастый барвинокъ“, „яра рута“, „червона калына“, „студеная крыныченька“, „зимна вода“, „битая дорога“, „вишневый садочекъ“ и т. п. Все это прекрасные памятники старины.

[1]) Пѣсни, Рыбникова, т. 4, стр. 126.

Digitized by Google

8) Наконецъ, есть еще одинъ признакъ исторической давности нашихъ пѣсенъ: ни въ одной пѣснѣ не упоминается слово „костелъ“, тогда какъ слово „церковь“ упоминается очень часто; напр: „пійдемъ до церковци, станемъ на коберцю“, „тамъ церковь будуютъ“, „пойды до церковци“. Слово это очень употребительно.

Кромѣ того, встрѣчаются слова: „попъ, попонько, отченько, батенько, дякъ: все это слова, взятыя изъ сферы православія; они показываютъ, что самыя пѣсни произошли въ времена перваго православія въ здѣшнемъ краѣ. Выраженіе: „нема попа дома“, впослѣдствіи замѣненное случайно „нема ксендза дома“, „поѣхавъ до Львова, ключивъ куповаты, церковь одмыкаты“,—есть ясное указаніе на угнетенное состояніе православной церкви, когда православному пастырю приходилось иногда отправляться изъ Холмской Руси въ Русь Червоную, къ еврею—арендатору церкви и платить деньги, чтобы выкупить церковные ключи для совершенія требъ.

Что касается полонизмовъ въ нашихъ пѣсняхъ, то можно рѣшительно утверждать, что таковыхъ въ нашей устной поэзіи очень мало. Можно пасчитать едва около десяти словъ, вторгнувшихся въ нашу русскую пѣсню, а именно: *ксендзъ*, *кохаю*, *туга*, *стула* (эпитрахиль), *шлюбъ*, *вынясла*, *едвабна*, *витае*, *таляръ*. Этотъ замѣчательный фактъ объясняется тѣмъ, что народныя пѣсни особенно древняго происхожденія поются по старинѣ, какъ священный завѣтъ предковъ, и потому буквально, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда смыслъ словъ перестаетъ быть яснымъ для народа. Въ такихъ пѣсняхъ слово русское замѣнить польскимъ — вещь трудная.

Въ нашемъ народѣ поются, между прочимъ, двѣ пѣсни происхожденія очевидно позднѣйшаго, а потому перемѣшанныя сплошь польскими словами. Одна пѣснь, записанная въ Цициборѣ, бѣльскаго уѣзда, начинается словами:

„Дай же, Боже, добрый часъ, Вы малые бантраки
Якъ у людей, такъ и въ насъ! Вытынайте гопаки,
. . . . . , Въ веселаго хлопака,
Завше мина еднака... и проч“.

Это пѣснь свадебная, поется русскими людьми, но пошиба польскаго. Всѣ русскія свадебныя пѣсни носятъ спокойный эпи-

Digitized by Google

ческій характеръ съ оттѣнкомъ грусти, а не разгула. Польскій же народъ любитъ „вытынать веселые гопаки“.

Другая пѣснь, записанная въ с. Крыловѣ, грубешовскаго уѣзда, начинается словами:

„Станьмо братья въ коло,
Въ томъ колѣ весоло,
Вси вразъ заспѣваймо,
Нехай знаютъ люде,
Що зъ насъ колысь буде,
Охоты додаймо!
А тамъ плеснемъ въ руки—
трасъ, трасъ, трасъ,
Топнемо ногами вразъ, вразъ,
вразъ“!

Въ этой пѣснѣ, между прочимъ, воспѣвается единство, искренность, истинная добродѣтель, и порицается измѣна и заблужденіе. Въ этой пѣснѣ тоже чувствуется польскій духъ. Вѣроятно, эта пѣснь была сочинена поляками-католиками для уніатовъ. Здѣсь полякъ тянетъ уніата въ свое „коло“, въ свой кругъ, привлекаетъ его къ единству съ собою, увѣряетъ его въ своей любви, и разъ затянувши въ свои сѣти, предупреждаетъ его быть вѣрнымъ *цноты*“ добродѣтели, т. е. католицизму и сохранять къ католицизму любовь „безъ здрады“, т. е. безъ измѣны, а пріязнь имѣть „безъ вады“, т. е. безъ препятствій.

Указанныя двѣ пѣсни не имѣютъ повсюднаго распространенія на Холмско-Подлясской Руси.

Въ виду изложеннаго мы можемъ утверждать, что наша народная поэзія осталась самобытною и даже въ своихъ внѣшнихъ чертахъ—языкѣ не поддалась чуждому вліянію. Въ самой же жизни, въ западной половинѣ Холмской Руси, полонизмъ обнаружилъ большіе успѣхи: въ народномъ русскомъ говорѣ встрѣчается гораздо болѣе польскихъ словъ, чѣмъ въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ. Это объясняется тѣмъ, что въ тѣхъ мѣстахъ русскій народъ смѣшанъ съ польскимъ населеніемъ, съ которымъ онъ имѣлъ многообразныя, то житейскія, то родственныя отношенія и волей—неволей усвояетъ обороты рѣчи польской. Въ данномъ случаѣ русская пѣсня, глубокими корнями живущая въ народѣ, служитъ хранителемъ русскаго языка и источникомъ сознанія русской національности. Русская пѣсня поддерживаетъ родные національные инстинкты даже у тѣхъ лицъ, предки которыхъ были нѣкогда русскими, но которые въ настоящее время думаютъ, что въ ихъ жилахъ течетъ польская кровь. Въ нѣкоторыхъ сильно ополяченныхъ

Digitized by Google

приходахъ, начали распространяться русскія пѣсни. Сначала многіе пришли послушать изъ любопытства, потомъ слушали съ удовольствіемъ, а теперь и сами поютъ русскую пѣсню съ любовію. Родные инстинкты пробудились при благопріятномъ случаѣ и дѣлаютъ свое дѣло.

VI.

Опредѣленіе этнографической границы русскаго народа въ бывшей Польшѣ по области распространенія народной поэзіи Холмско-Подлясскаго народа.

Въ заключеніе настоящаго сочиненія скажемъ нѣсколько словъ о значеніи русской народной словесности въ люблинской и сѣдлецкой губерніяхъ.

1) Прежде всего оказывается несомнѣннымъ, что люблинская и сѣдлецкая губерніи заселены кореннымъ русскимъ народомъ, именно такъ называемымъ южно-русскимъ или малорусскимъ. Населеніе это сознаетъ себя русскимъ, поетъ русскую пѣсню, слѣдовательно думаетъ русскую думу и чувствуетъ русскимъ сердцемъ. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сѣверо-западѣ Подлясья и на западной окраинѣ Холмщины отчасти забыта русская рѣчь и перемѣшана полонизмами, то это можно считать чуждымъ наростомъ на русскомъ народномъ тѣлѣ, образовавшимся путемъ трехъ-вѣковой польско-католической работы. Но родные инстинкты къ родному русскому языку должны возымѣть свою силу и снести съ народнаго тѣла это испорченное наслоеніе.

2) Народная словесность здѣшняго края служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ о происхожденіи обитающаго здѣсь народа, о его кровномъ родствѣ и племенномъ единствѣ съ остальными русскими славянами, а также съ замѣчательною точностію опредѣляетъ этнографическую границу разселенія русскаго племени на западной окраинѣ Россіи. Здѣшній народъ принадлежитъ къ той отрасли славянъ, которые во времена до историческія двинулись съ Дуная и заняли огромное пространство русской территоріи: на югѣ и юго-западѣ подъ именемъ южно-руссовъ, а на сѣверѣ подъ име-

Digitized by Google

немъ новгородскихъ славянъ; слѣдовательно здѣшній народъ есть коренный малорусскій, по крови, языку, образу понятій тождественный съ остальными малоруссами и сродный съ новгородскими славянами. Все это доказывается сходствомъ свадебныхъ обрядовъ и многочисленныхъ пѣсенъ здѣшняго народа съ обрядами и пѣснями другихъ малорусскихъ областей, и отчасти новгородчины.

Народная словесность Холмской Руси и Подлясья опредѣляетъ этнографическую границу русскаго племени слѣдующимъ образомъ: на западѣ Висла; на сѣверѣ-сѣверные предѣлы сѣдлецкой губерніи до впаденія Буга въ Вислу; на юго западѣ—рѣка Санъ до впаденія ея въ Вислу (въ народѣ образовалась даже историческая поговорка: „знай ляше, по Санъ наше); на югѣ—Карпаты, поелику и Галиція заселена многочисленнымъ русскимъ племенемъ. Въ этихъ предѣлахъ часть Подлясья сѣверо-западная отъ Нура до сліянія Тисменцы съ Вепремъ, хотя входящая въ нашу этнографическую черту, наиболѣе пострадала въ отношеніи русской національности. И такъ, народная словесность самымъ наглядным образомъ подтверждаетъ достовѣрность историческихъ свидѣтельствъ по данному вопросу. Такъ, въ 1491 г. печатались въ Краковѣ русскія славянскія книги, а около Опатова за Вислою жили люди, исповѣдывавшіе греко-восточную вѣру. Въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ хранится рукописное евангеліе XV столѣтія съ современною надписью Козимірскаго мѣщанина Ивана Леонтьевича Шапника, пожертвовавшаго это евангеліе въ церковь св. Духа (нынѣ костелъ св. Духа) „въ Казимѣржѣ на Вислѣ“. Въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія на стѣнахъ костеловъ Краковской епархіи были видны образа греческой живописи, съ славянскими надписями надъ каждымъ образомъ. Въ рукописномъ сочиненіи Захаріи Копыстенскаго 1620 г. подъ заглавіемъ: „Оборона вѣры церкви всходней и патріарховъ“, хранящемся въ Варшавской библіотекѣ графовъ Красинскихъ, на страницѣ 381 говорится: „въ діоцезіи епископства Краковскаго по нѣкоторымъ костеламъ найдутся малеванья грецкимъ обычаемъ и кшталтомъ, зъ написами славянскимъ языкомъ надъ каждымъ образомъ“. (Истор. возсоединенія Руси, Кулеша, т. 1, стр. 10).

Протоіерей Николай Страшкевичъ.

Digitized by Google

Послѣдній греко-уніатскій епископъ холмской епархіи.

(Матеріалы для характеристики дѣятельности епископа Михаила Куземскаго).

Въ русской литературѣ неоднократно появлялись статьи и отдѣльныя монографіи, касающіяся возстановленія православія въ древнемъ достояніи Романа и Даніила Галицкихъ — въ Холмской Руси. Въ этихъ изслѣдованіяхъ упоминалось также и о послѣднемъ холмскомъ уніатскомъ енископѣ; но дѣятельность епископа Куземскаго, правившаго епархіею въ пору самаго обостреннаго положенія уніатскаго дѣла въ Холмской Руси, все же остается не вполнѣ очерченною.

Вотъ почему, на ряду съ научными изслѣдованіями, касающимися холмскаго края, мы полагаемъ умѣстнымъ и даже необходимымъ посвятить нѣсколько страницъ характеристикѣ дѣятельности епископа Михаила Куземскаго, пользуясь для сего несомнѣнно вѣрными матеріалами, предоставленными въ наше распоряженіе.

Положеніе холмской греко-уніатской епархіи, предшествовавшее вступленію Куземскаго на холмскую каѳедру, было крайне печальное.

Предъ польскимъ возстаніемъ 1863-го года холмская епархіальная власть дѣйствовала рука объ руку съ польскою администраціею и католическимъ духовенствомъ; эта солидарность дохо-

Digitized by Google

дила до такихъ границъ, что уніатскій епископъ-номинатъ Калинскій, вѣрный слуга польскихъ пановъ, готовый на всякую сдѣлку въ польско-латинскомъ вкусѣ, мечталъ уже о присоединеніи своей паствы прямо къ латинству. Но эти смѣлые проекты и преступные замыслы были разрушены тотчасъ, какъ наступила пора коренныхъ преобразованій всего гражданскаго строя въ Царствѣ Польскомъ, предпринятыхъ правительствомъ послѣ мятежа. Въ числѣ преобразовательныхъ проектовъ Н. А. Милютина на видномъ мѣстѣ стоялъ и уніатскій вопросъ, разрѣшеніе котораго по выработанной программѣ было ввѣрено князю В. А. Черкаскому. Съ полнымъ сознаніемъ исторической важности дѣла приступилъ этотъ русскій дѣятель къ выполненію правительственныхъ предначертаній. Подъ его мощною рукой были произведены такія преобразованія, какъ напр. устройство народныхъ школъ и русскихъ гимназій для греко-уніатовъ, преобразованіе холмской семинаріи, обезпеченіе быта греко-уніатскаго духовенства, уничтоженіе власти помѣщиковъ надъ уніатскими церквами, существовавшей подъ видомъ патронатства, и т. п. На ряду съ этими преобразованіями княземъ Черкаскимъ было обращено вниманіе и на положеніе холмскаго епархіальнаго управленія, находившагося въ рукахъ епископа-номината Калинскаго. Какъ польскій патріотъ, Калинскій оказался совершенно не пригоднымъ для дѣла: сдѣлавъ, по настоянію князя Черкаскаго, нѣсколько представленій о переустройствѣ епархіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ велъ тайныя интриги противъ князя въ дѣлѣ приглашенія уніатскихъ священниковъ изъ Галиціи и ставилъ разныя преграды распоряженіямъ его о замѣнѣ польскаго языка въ церковной проповѣди мѣстнымъ русскимъ нарѣчіемъ и наконецъ окончательно отказался приступить къ очищенію восточнаго обряда отъ латино-польскихъ искаженій. За всѣ эти враждебныя дѣйствія Калинскій понесъ должное возмездіе, а управленіе епархіей, по выбору князя Черкаскаго, было ввѣрено протоіерею Іосифу Войцицкому. Между тѣмъ упорство Калинскаго перешло, послѣ высылки его—въ сентябрѣ 1866 года—въ Вятку, къ духовенству, среди котораго не мало находилось его друзей и родственниковъ; слѣдуя по стопамъ бывшаго своего епископа, нѣкоторые священники не согласились освободить богослуженіе отъ употребленія польскаго языка и своимъ упорствомъ вызвали недовольство и въ народѣ, именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя болѣе

Digitized by Google

подверглись ополяченію. Такіе священники не могли конечно быть терпимы. Послѣ устраненія ихъ отъ приходовъ, мѣста ихъ были замѣщены уніатскими священниками, вызванными изъ Галиціи.

Съ замѣщеніемъ вакантныхъ приходовъ галицкими священниками, заботливость князя Черкаскаго о приведеніи въ порядокъ церковнаго богослуженія сдѣлалась неотложною. Церковная служба въ холмской епархіи вообще находилась въ полномъ разстройствѣ. Не было двухъ приходовъ, въ которыхъ она отправлялась бы одинаково. Кромѣ такого отсутствія богослужебнаго порядка, уніатскія церкви по своему устройству отличались особенностями, дѣлавшими ихъ скорѣе похожими на польскій костелъ, чѣмъ на русскую церковь, въ которой поэтому и нельзя было строго исполнять чинъ восточнаго богослуженія. Всѣ эти искаженія внутренняго и внѣшняго свойства дошли до такой степени, что еслибы творцы уніи—Кириллъ Терлецкій и Ипатій Поцѣй—воскресли и увидѣли дѣло рукъ своихъ, то навѣрное они отшатнулись бы отъ уніи, къ которой такъ необдуманно прибѣгли изъ личныхъ своихъ видовъ.

По прибытіи въ епархію священниковъ изъ Галиціи, разнообразіе въ богослуженіи по приходамъ выразилось еще въ большей степени, потому что священники эти, несомнѣнно преданные русской народности и церкви, не могли конечно придерживаться латино-польскихъ обычаевъ, не существовавшихъ на ихъ родинѣ, не говоря уже о томъ, что для нихъ была совершенно чужда проповѣдь на польскомъ языкѣ. Въ устраненіе всѣхъ этихъ безпорядковъ администраторъ епархіи, протоіерей Іосифъ Войцицкій, дѣйствуя по программѣ кн. В. А. Черкаскаго, обратился съ пастырскими посланіями къ духовенству, предложивъ, на основаніи папскихъ буллъ, строго руководствоваться порядкомъ службы, опредѣленнымъ уставами восточной церкви, и устранить изъ церковнаго употребленія латино-польскія нововведенія, какъ то годзинки, рожаньцы, шкаплежи, коленды, органы и т. п. Эта реформа была принята мѣстнымъ уніатскимъ духовенствомъ съ крайнимъ недоброжелательствомъ. Находясь подъ вліяніемъ польскаго фанатизма, нѣкоторые изъ священниковъ оказали полное противодѣйствіе новой епархіальной власти и произвели волненіе между семинаристами и въ народѣ. Но эти волненія принятыми княземъ Черкаскимъ мѣрами быстро устранены, не смотря на то, что для поддержанія

Digitized by Google

недовольства въ духовенствѣ и народѣ папа издалъ энциклику, въ которой подвергнулъ строгому осужденію и проклятію какъ администратора Войцицкаго, такъ и исполнителей его посланій. Хотя эта папская булла, расходившаяся съ заботливостію о чистотѣ восточнаго обряда со стороны прежнихъ папъ, не произвела особеннаго вліянія на состояніе умовъ въ народѣ, тѣмъ не менѣе предстояло еще много и много труда къ осуществленію предпринятой реформы по очищенію церковнаго обряда, и къ разъясненію уніатскому народу законности и непреложности реформы и необходимости добровольно отказаться отъ несвойственныхъ уніатской церкви латино-польскихъ нововведеній.

Въ такомъ положеніи находилась холмская греко-уніатская епархія въ то время, когда ей было суждено перейти въ управленіе епископа Михаила Куземскаго.

Архидіаконъ львовскаго митрополитальнаго собора крылошанъ, генеральный викарій и офиціалъ митрополита галицкаго и архіепископа львовскаго, предсѣдатель супружескаго суда, совѣтникъ и референтъ львовской консисторіи, посолъ сейма краеваго, командоръ австрійскаго ордена Франца Іосифа, кавалеръ русскаго ордена св. Анны II степени, предсѣдатель львовскаго „народнаго дома“ и „галицко-русской матици“ и членъ общества пчеловодства въ нижнихъ Ракуссахъ, Михаилъ Куземскій родился 8 (20) ноября 1809 года въ с. Шибалинѣ, близь г. Бережаны, отъ грекоуніатскаго священника Евстаѳія Куземскаго и жены его Анны, рожденной Домчевской. Фамилія Куземскихъ свыше 400 лѣтъ священствовала безпрерывно въ одномъ и томъ же приходѣ Шибалинѣ, и Михаилъ Куземскій былъ послѣднимъ потомкомъ этой единственной въ Галиціи фамиліи въ мужскомъ колѣнѣ. Первоначально онъ обучался въ нормальной школѣ, а потомъ въ гимназіи въ Бережанахъ и наконецъ во Львовѣ, гдѣ прошелъ курсъ философіи и богословія, изучивъ, кромѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ, еще греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій и польскій языки; но самою главной школой его были собственные научные труды, которымъ онъ отдавался съ юныхъ лѣтъ съ замѣчательнымъ рвеніемъ и любовью. Эти труды и ученость обратили на него вниманіе львовскаго уніатскаго митрополита, Михаила Левицкаго, который

Digitized by Google

приблизилъ его къ себѣ для исполненія разныхъ порученій по дѣламъ митрополіи. Въ 1833 году, по вступленіи въ бракъ съ Маріею Сѣчинскою, дочерью настоятеля микулинецкаго прихода, Петра Сѣчинскаго и жены его Маріи, рожденной Выслободской, Куземскій былъ посвященъ въ священники съ назначеніемъ администраторомъ прихода въ Залозцяхъ; но ему не суждено было наслаждаться семейнымъ счастьемъ: съ появленіемъ на свѣтъ дочери [1]), онъ лишился жены на второй годъ своей женитьбы. Оставшись вдовцемъ, молодой священникъ посвятилъ всѣ свои труды и заботы народному образованію. Поучая народъ въ церкви и устроивъ въ селѣ Залозци первую сельскую школу, онъ достигъ того, что жители сосѣднихъ селъ завидовали прихожанамъ с. Залозци, видя быстрое и успѣшное развитіе грамотности и трезвости въ народѣ. Приведя такимъ образомъ свой приходъ въ полное благоустройство, Куземскій въ 1836 году получилъ назначеніе на должность пенитенціярія при львовскомъ соборѣ св. Георгія, а въ слѣдующемъ затѣмъ году онъ былъ назначенъ канцлеромъ консисторскимъ. Здѣсь онъ приводитъ въ порядокъ дѣла и устанавливаетъ болѣе правильный способъ ихъ разрѣшенія, но въ 1842 году получаетъ новое назначеніе прелатомъ-схоліархомъ. По этой должности въ его завѣдываніе поступаетъ 24 народныя школы. Въ то время въ Галиціи народное просвѣщеніе стояло на самой низкой ступени и въ существовавшихъ тогда школахъ менѣе всего заботились о русскомъ народномъ языкѣ. Куземскій, поставивъ возрожденіе народнаго духа цѣлью своей жизни, рѣшился обратить вниманіе австрійскаго правительства на необходимость переустройства школьнаго дѣла на началахъ, отвѣчающихъ національнымъ потребностямъ и чувствамъ народа. Въ Вѣнѣ согласились съ его взглядами на народное образованіе и утвердили составленный имъ планъ устройства школьнаго дѣла. Заручившись такимъ образомъ правительственнымъ одобреніемъ и разрѣшеніемъ, схоліархъ Куземскій смѣло выступаетъ на поприще возрожденія народнаго духа и самосознанія, подъискиваетъ кандидатовъ на мѣста учителей, составляетъ русскіе учебники и въ теченіе 15-ти лѣтъ доводитъ школьное дѣло до такого положенія, что въ Галиціи появляется болѣе тысячи русско-народныхъ училищъ.

---

[1]) Дочь Куземскаго, Юлія, была выдана имъ замужъ за совѣтника львовскаго краеваго суда Василія Ковальскаго; подаривъ своему отцу внуковъ—Меланію и Евгенія, она скончалась въ 1868 году, имѣя только 34 года.

Digitized by Google

При такой усиленной дѣятельности схоліарха-народолюбца, идея русскаго самосознанія свободно и вполнѣ прививается къ галицкому народу. Воспользовавшись такимъ настроеніемъ народа, Куземскій въ 1848 году созываетъ, подъ предсѣдательствомъ епископа—суффрагана Григорія Яхимовича „русскую раду“, которая затѣмъ обращается въ постоянное учрежденіе, имѣющее цѣлью обсужденіе и развитіе дѣлъ народнаго возрожденія; съ назначеніемъ же владыки Григорія на перемышльскую каѳедру, „рада“ поступаетъ подъ главенство своего творца—Куземскаго, который, стремясь къ еще большему развитію дѣла, открываетъ въ болѣе значительныхъ городахъ Галиціи мѣстныя рады; изъ самой же русской рады учреждаетъ литературное общество подъ названіемъ „галицко-русская матица“ и библіотеку съ кабинетомъ картинъ и научныхъ пособій подъ названіемъ „народный домъ“, имѣющій свою церковь и собственное красивое зданіе.

Съ открытіемъ этихъ учрежденій дѣло народнаго просвѣщенія получаетъ прочную основу; вмѣстѣ съ тѣмъ Куземскій дѣлается народнымъ любимцемъ и кромѣ того защитникомъ народныхъ нуждъ и интересовъ своего края предъ правительствомъ и въ этой своей дѣятельности обращаетъ на себя вниманіе самого австрійскаго императора, который, оцѣнивъ заслуги Куземскаго, жалуетъ ему орденъ.

На ряду съ такой оцѣнкой трудовъ его со стороны правительства, Куземскій не остается безъ поощренія и въ духовной іерархіи: въ 1856 году онъ назначается прелатомъ-кустошемъ, затѣмъ—архидіакономъ собора крылошанъ, генеральнымъ викаріемъ и офиціаломъ галицкаго митрополита; занимаясь по этимъ должностямъ дѣлами консисторіи, митрополіи и епархіи, онъ нѣкоторое время управляетъ львовскою епархіею и митрополитальными имѣніями.

Но вотъ наступаетъ 1859 годъ, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторое испытаніе для Галицкой Руси. Въ маѣ этого года появляется рескриптъ намѣстника, приглашающій на конференцію нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей, а въ томъ числѣ и Михаила Куземскаго, для обсужденія вопроса о введеніи латинскихъ литеръ въ русское правописаніе.

Какъ громомъ поразило это приглашеніе ревнителей русскаго дѣла. Столько борьбы, столько труда для защиты того дѣла, которое уцѣлѣло не только подъ владычествомъ Польши, но даже подъ

Digitized by Google

татарскимъ игомъ, и вдругъ кириллицу хотятъ стереть съ лица земли! Стрѣла направлялась въ самое сердце. . . . . Понявъ, что подъ видомъ введенія мнимой западной цивилизаціи новаторы хотятъ оторвать галичанъ отъ родной церкви, съ тѣмъ, чтобы потомъ превратить русскихъ въ поляковъ, русскіе патріоты, и главнымъ образомъ Куземскій, положили всѣ свои усилія въ защиту кириллицы отъ польскихъ покушеній. Впослѣдствіи само австрійское министерство сознало ошибочность своихъ воззрѣній на это дѣло и, оцѣнивъ заслуги Куземскаго, назначило его членомъ ученаго совѣта въ Вѣнѣ, а русскій императоръ почтилъ его труды пожалованіемъ ордена Анны II степени.

Въ 1861 году для Куземскаго открывается новое поприще дѣятельности на пользу дорогаго ему отечества. Въ этомъ году онъ избранъ депутатомъ въ сеймъ, въ которомъ съ сей поры впервые послышались звуки могучаго русскаго слова въ защиту правъ галицкаго народа [1]).

Вотъ до какого могущества и славы дошла въ Галиціи дѣятельность Михаила Куземскаго къ тому времени, когда наша Холмская Русь, въ значительной степени обездоленная подъ вліяніемъ польско-латинской пропаганды, вызвала въ русскомъ правительствѣ непреклонную волю, въ интересахъ всего государства и самаго народа, оградить русскую народность и русскую вѣру въ краѣ отъ дальнѣйшихъ подобныхъ покушеній и когда съ этою цѣлью правительство рѣшилось приступить къ возрожденію холмскаго края посредствомъ школъ и очищенія обрядовъ въ грекоуніатскомъ богослуженіи.

Папа Пій IX, убѣдившись, что булла его, предававшая проклятію дѣятельность администратора холмской епархіи Войцицкаго и его сотрудниковъ по очищенію восточнаго обряда, не принесла желаемаго результата, избралъ другой способъ дѣйствій въ отношеніи холмской епархіи; опасаясь вѣроятно совершенной утраты главенства своего надъ уніатскою церковью въ Россіи, онъ вошелъ въ переговоры съ русскимъ агентомъ въ Римѣ, Капнистомъ, высказавъ ему желаніе прійти къ соглашенію съ русскимъ правительствомъ на счетъ холмской епархіи посредствомъ переговоровъ сво-

---

[1]) Эти біографическія данныя почерпнуты нами изъ львовской газеты „Слово“ за 1868 годъ.

Digitized by Google

его нунція въ Вѣнѣ съ нашимъ посланникомъ. Вслѣдъ за этимъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года, вѣнскій посланникъ, генералъ-адъютантъ гр. Э. Г. Штакельбергъ довелъ до свѣдѣнія русскаго правительства о словесныхъ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ ему по этому предмету папскимъ нунціемъ, монсиньоромъ Фальчинелли. Не имѣя въ виду обращать холмскихъ уніатовъ въ православіе и стремясь исключительно къ очищенію греко-уніатскаго богослуженія и обрядовъ отъ латинскихъ нововведеній и искаженій, воспрещенныхъ папскими же буллами, русское правительство ничего конечно не могло возразить противъ предположенныхъ переговоровъ и потому уполномочило графа Штакельберга заявить согласіе на утвержденіе папою епископа того лица, которое будетъ предложено русскимъ правительствомъ.

Такимъ образомъ, для русскаго правительства настала пора для избранія кандидата на холмскую каѳедру.

Уже послѣ высылки епископа-номината Калинскаго мысль о пріисканіи достойнаго кандидата на его мѣсто озабочивала князя В. А. Черкаскаго и съ этою цѣлью въ управленіи, завѣдывавшимъ греко-уніатскими дѣлами, были собраны свѣдѣнія о нѣкоторыхъ галицкихъ священникахъ, отличающихся твердыми національными убѣжденіями и полною преданностію восточному исповѣданію. Но князю Черкаскому, оставившему свою полезную дѣятельность въ Варшавѣ въ концѣ 1866 года, не пришлось принимать активнаго участія въ дѣлѣ замѣщенія холмской каѳедры, такъ какъ въ то время отношенія нашего правительства къ римской куріи были наканунѣ перерыва и потому нельзя было надѣяться на благопріятный исходъ переговоровъ. Тѣмъ не менѣе, нужно полагать, что князь Черкаскій уже намѣчалъ кандидата на холмскую каѳедру изъ числа тѣхъ галицкихъ патріотовъ, о которыхъ имѣлись въ греко-уніатскомъ управленіи благопріятные отзывы.

Въ числѣ такихъ лицъ со всею рельефностію выступала личность протоіерея Куземскаго, о дѣятельности котораго въ Галиціи доходили слухи и до князя Черкаскаго. Протоіерей русскаго посольства въ Вѣнѣ, недавно скончавшійся М. Ѳ. Раевскій, отзывался объ немъ какъ о защитникѣ русскаго народа въ Галиціи, горячо преданномъ русскому народному дѣлу, человѣкѣ твердыхъ убѣжденій, трудолюбивомъ и энергичномъ, дорожащемъ восточнымъ исповѣданіемъ вѣры; но при такой рекомендаціи почтенный протоіерей

Digitized by Google

дѣлалъ и оговорку, что онъ не ручается за то, чтобы преданность Куземскаго восточной церкви не ограничивалась бы одною обрядностью, что̀ получаетъ особенное значеніе при неподатливости Куземскаго вообще на дѣло несогласное съ его взглядами.

Не менѣе благопріятные имѣлись отзывы о протоіереѣ Куземскомъ изъ другаго источника. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей Галицкой Руси, указывая на трехъ священниковъ: Куземскаго, Ильницкаго и Гинилевича,— самыхъ популярныхъ людей въ Галиціи, непользующихся при томъ полнымъ довѣріемъ со стороны Рима, выставилъ Куземскаго, какъ русскаго дѣятеля первой величины, народолюбца, болѣе другихъ заслуживавшаго уваженіе въ Галиціи. По мнѣнію лица, рекомендовавшаго Куземскаго, это—самый лучшій кандидатъ на холмскую каѳедру, но онъ нуженъ для своей родины, потому что имъ держатся всѣ важнѣйшія дѣла народныя, и съ выходомъ его изъ Галиціи „отнимается у Руси половина жизни“. Но и этотъ источникъ указывалъ на нѣкоторые недостатки Куземскаго. Въ обращеніи съ людьми онъ оказывался слишкомъ жестокимъ и строгимъ; самая наружность его давала мѣсто мысли, что въ немъ нѣтъ теплаго чувства, нѣтъ сердечности; внѣшнее обхожденіе его съ людьми холодитъ душу и производитъ непріятное внечатлѣніе, и только его несомнѣнная любовь къ народу и громадная дѣятельность на пользу Руси заставляетъ уважать его и ставить выше всѣхъ мѣстныхъ патріотовъ, хотя при всемъ этомъ уваженіи самые ближайшіе его знакомые мало и рѣдко имѣютъ съ нимъ общеніе.

Эти свѣдѣнія пополнялись еще слѣдующимъ фактомъ, служащимъ во всякомъ случаѣ въ пользу Куземскаго.

Еще до высылки холмскаго епископа-номината Калинскаго въ Вятку, митрополитъ Литвиновичъ, воспользовавшись происходившими тогда переговорами между нашимъ и австрійскимъ правительствами на счетъ вызова въ Холмъ уніатскихъ священниковъ изъ Галиціи, пригласилъ къ себѣ протоіерея Куземскаго и предложилъ ему мѣсто епископа въ Холмѣ, предупредивъ его при этомъ, что его кандидатура не совсѣмъ благопріятно будетъ принята въ Римѣ, а потому ему придется отправиться въ Холмъ не въ качествѣ самостоятельнаго епископа, а суффраганомъ, подвѣдомственнымъ епископу Калинскому [1]). Куземскій не согласился служить подъ началомъ та-

[1]) Замѣчательно отношеніе львовской греко-уніатской митрополіи къ холмской епископской каѳедрѣ. Митрополитъ Литвиновичъ не разъ выражалъ предъ

Digitized by Google

кого епископа, какъ Калинскій, и отказался отъ предложенной кандидатуры.

Нужны ли были лучшіе отзывы и данныя о лицѣ, которому могло бы быть ввѣрено управленіе холмской епархіи? Правда, протоіерей М. Ѳ. Раевскій не ручался за то, чтобы Куземскій пошелъ дальше очищенія церковнаго обряда: но вѣдь больше этого не требовалось послѣ того, когда въ программу правительственныхъ мѣропріятій входило не обращеніе уніатовъ въ православіе, а твердое лишь стремленіе очистить русскія уніатскія церкви отъ польско-латинскихъ нововведеній; а поддержки этихъ нововведеній со стороны лица, преданнаго восточному исповѣданію, со стороны русскаго народнаго вождя трудно было конечно ожидать.

Поэтому, когда было получено отъ нашего посланника въ Вѣнѣ также указаніе на протоіерея Куземскаго, какъ на достойнаго кандидата въ епископы, графу Штакельбергу было дано уполномочіе остановиться на этомъ кандидатѣ и стараться достигнуть его назначенія въ санъ холмскаго греко-уніатскаго епископа, съ тѣмъ, чтобы и въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ съ папскимъ нунціемъ графъ Штакельбергъ придерживался того существеннаго и прежде указаннаго факта, что всѣ эти переговоры основаны на иниціативѣ, принятой самимъ папою.

Переговоры окончились согласно даннымъ указаніямъ и 24-го мая 1868 года намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ, графомъ Бергомъ было получено изъ русскаго посольства въ Вѣнѣ увѣдомленіе, что протоіерей Куземскій, по совершеніи надъ нимъ такъ называемаго канопическаго процесса (procés canonique), предваряющаго въ римской церкви рукоположеніе въ епископы, ожидаетъ формальнаго акта назначенія отъ имени русскаго правительства. Актъ этотъ послѣдовалъ 28 мая въ видѣ Высочайшаго указа о возведеніи Куземскаго въ санъ епископа холмской епархіи. 9 іюня онъ уже прибылъ въ Варшаву, а 12 іюня, въ королевскомъ замкѣ,

---

своими приближенными скорбь свою, что русское правительство, при устроеніи дѣлъ холмской епархіи, ни разу не обратилось къ нему за содѣйствіемъ, и высказывалъ при этомъ возможность поставить въ Холмъ епископа своимъ непосредственнымъ ходатайствомъ. Такое вторженіе митрополита-иностранца въ непринадлежащую его духовной юрисдикціи область объясняютъ тѣмъ, что Литвиновичъ продолжалъ смотрѣть на холмскую епархію, бывшую въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ подчиненіи львовскаго митрополита, какъ на часть своей митрополіи.

Digitized by Google

въ присутствіи графа Берга, былъ приведенъ настоятелемъ варшавскаго греко-уніатскаго монастыря Петромъ Скальскимъ къ присягѣ. По просьбѣ самаго Куземскаго, намѣстникъ объяснилъ ему взглядъ правительства на предстоящее служеніе его по управленію епархіею въ томъ именно направленіи, которое составляло главное условіе соглашеній съ римскою куріей, при чемъ именованный епископъ, вполнѣ согласившись со взглядами правительства на уніатское дѣло, высказалъ увѣреніе въ томъ, что онъ будетъ вести дѣло вполнѣ согласно съ этими взглядами. Затѣмъ, по принятіи присяги, Куземскій отправился въ Вѣну за полученіемъ документовъ отъ римской куріи, а 11 августа было совершено во Львовѣ посвященіе его въ епископы [1]).

Какъ проводы Куземскаго при оставленіи имъ Галиціи, такъ и встрѣча его въ Россіи были торжественны. Земляки епископа Михаила провожали его—съ хоругвями, съ плачемъ и рыданіями—до самой пограничной заставы, у которой онъ былъ встрѣченъ русскими уѣздными властями, уніатскимъ духовенствомъ и народомъ. Привѣтствуя встрѣчавшихъ, епископъ выразилъ въ рѣчи своей, что на „поприщѣ своей дѣятельности онъ будетъ руководствоваться неотступно отъ воли правительства“. Первымъ на пути его слѣдованія городомъ былъ городъ Томашевъ; здѣсь его встрѣтило многочисленное уніатское духовенство, а мѣстный католическій ксендзъ, каноникъ К., обратился къ нему съ привѣтственною рѣчью, но эта рѣчь не была дослушана епископомъ до конца....

Для разъясненія этого событія необходимо сдѣлать небольшое отступленіе.

Предъ самой хиротоніей Куземскаго, онъ былъ предупрежденъ русскими властями объ одномъ уніатскомъ священникѣ, намѣревавшемся воспользоваться вступленіемъ епископа Михаила въ управленіе епархіею для того, чтобы устроить антиправительственную демонстрацію. Это былъ настоятелъ томашевскаго прихода, свя-

---

[1]) Хиротонія Куземскаго была совершена въ архикаѳедральномъ соборѣ св. великомуч. Георгія архіепископомъ львовскимъ и митрополитомъ галицкимъ Спиридономъ *Литвиновичемъ* въ сослуженіи епископа перемышльскаго Ѳомы *Полянскаго* и апостольскаго администратора діецезіи перемышльской, архіепископа назіазенскаго *въ предѣлахъ невѣрныхъ* Іосифа *Сембратовича;* для присутствованія при посвященіи отъ холмской епархіи были командированы протоіереи: суррогатъ Михаилъ *Власевичъ*, ректоръ семинаріи Иполитъ *Крыницкій* и бѣлгорайскій благочинный Кириллъ *Хрусцевичъ*. *М. Г.*

Digitized by Google

щенникъ Назаревичъ, неоднократно возстававшій противъ распоряженій правительства и епархіальнаго начальства, но каждый разъ получавшій помилованіе. Прослышавъ о скоромъ пріѣздѣ Куземскаго, онъ возстановилъ въ церкви латинскіе порядки, чтобы сразу показать себя, къ какому лагерю онъ принадлежитъ; но, по распоряженію намѣстника, онъ былъ тотчасъ же переведенъ въ Варшавскій греко-уніатскій монастырь. Сочувствовавшій направленію Назаревича, каноникъ К. вздумалъ въ рѣчи своей встать въ защиту его предъ Куземскимъ и началъ его восхвалять, но епископъ тотчасъ же пріостановилъ его, поблагодаривъ его за привѣтствіе. Въ этомъ конечно явно проглядываетъ политическій тактъ епископа; но онъ не довелъ свою роль до конца. Прервавъ неумѣстную защиту ксендзомъ священника, епископъ предъ отъѣздомъ изъ Томашева счелъ почему то нужнымъ сдѣлать визитъ семейству Назаревича.....

На другой день, на пути слѣдованія своего, въ г. Грубешовѣ епископъ служилъ обѣдню въ уніатской церкви, посѣтилъ гимназію, откуда, по приглашенію ксендза, зашелъ въ костелъ, гдѣ пѣли „Тебѣ Бога хвалимъ“; хотѣлъ посѣтить и православную церковь, но это его желаніе не осуществилось потому будто бы, что въ то время не могли найти ключей отъ церкви.

Первые два дня пребыванія епископа Куземскаго въ епархіи произвели на мѣстные элементы различное впечатлѣніе. Съ одной стороны, уніатскіе священники въ обѣщаніи епископа дѣйствовать согласно съ волею правительства усматривали рѣшимость его искоренить всякіе раздоры и несогласія и вмѣстѣ съ тѣмъ привести въ порядокъ епархію; съ другой — польскіе паны и духовенство приходили въ восторгъ отъ посѣщенія епископомъ католическаго костела и радовались, что онъ не заглянулъ въ православную церковь. Каждая сторона толковала такимъ образомъ дѣйствія и слова епископа въ свою пользу. Произошло ли это случайно или же такая двойственность дѣйствій входила въ программу епископа Михаила, на первыхъ порахъ опредѣлить было трудно; тѣмъ не менѣе посѣщеніе имъ католическаго костела сразу привело къ неблагопріятному результату. Нѣкоторые уніатскіе священники, давно уже переставшіе заглядывать въ костелы, снова начали посѣщать ихъ, а одинъ изъ нихъ, настоятель прихода Городокъ, М. Л., въ день

Digitized by Google

храмоваго праздника въ м. Крыловѣ, говорилъ даже съ костельнаго амвона проповѣдь на польскомъ языкѣ....

Стольный городъ холмскихъ епископовъ встрѣтилъ новаго своего владыку также съ большимъ торжествомъ. У городской холмской заставы его ожидала процессія съ крестами и хоругвями, состоящая изъ ста слишкомъ священниковъ и болѣе пяти тысячъ народа.

Вступленіе епископа Михаила на каѳедру ознаменовалось прежде всего изданіемъ пастырскаго посланія. Этотъ документъ представляется весьма интереснымъ, такъ какъ содержаніе его поддерживало впечатлѣніе первыхъ дней пребыванія епископа въ епархіи.

Посланіе начинается пастырскимъ обращеніемъ ко „всему мірскому и монашескому священству, такожде и вѣрному народови русскому съ св. римскою церквою соединенному діецезіи Холмской".

Извѣщая духовенство о вступленіи своемъ на холмскую каѳедру и повелѣвая и приказывая молиться за святѣйшаго вселенскаго архіерея Пія, папу римскаго, и за благоденствіе Всемилостивѣйшаго Государя Александра II-го, епископъ обращается къ „душъ-пастырямъ" съ слѣдующимъ наставленіемъ:

„Держеться вѣрно порядка богослуженія по уставу богослужебныхъ нашихъ книгъ; хронѣть чистоту нашего святого обряда отцами намъ переданного, а въ исполненіи богослужебныхъ обрядовъ заховуйте всякую приналежну честность. Обучайте вѣрныхъ о благодати Божой, истекающей изобильно изъ святѣйшихъ Таинъ и призивайте народъ къ усердному участію въ нихъ; наставляйте ихъ съ всякою ревностію въ истинахъ вѣры. Будьте первыми въ приданности Августѣйшому Монарсѣ и Всевысочайшой Палатѣ Его и исполняйте правительственныи наказы и гражданскіи законы прилежно, точно и совѣстно, дабысьте и въ томъ родѣ должностей стали примѣромъ подражанія безъ всякаго зазора".

Въ обращеніи къ своей паствѣ епископъ взываетъ:

„Русскій Народе! Ты всегда славился твердою вѣрою и побожностію а непоколибимою преданностію къ своимъ Монархамъ. Неменше славился ты русскій народе постоянностію и любовію къ отеческимъ преданіямъ, любилъ есь и почиталъ завсегда пастырей и духовныхъ отцевъ своихъ! къ тебѣ отже русскій народе Холмской епархіи ввѣренному нашему архіерейскому управленію

Digitized by Google

отзываемся днесь: не отъ чужины приходимъ къ вамъ, возлюбленныи, но отъ того же самаго русского народа, который тою самою бесѣдою, що и вы говоритъ, туюжде самою вѣру каѳолическую, що и вы исповѣдуетъ и тѣхъ самихъ святыхъ обрядовъ греческихъ придержуется! Приходимъ къ вамъ съ полнымъ и необмежимымъ упованіемъ, що наставленіямъ архіерея и отца вашего повиноватися и къ нему полное и необмеженное довѣріе имѣти будете. Намъ не суть тайныи ни тяжкое бремя архіерейского званія, ниже неудобность силъ нашихъ, однакже облегчаетъ намъ оныя по части торжественное за порученіе высокого управительства, що тоежде нѣякъ не будетъ стѣсняти совѣсти нашой, ниже нашему соединенію во вѣрѣ съ римско-каѳолическою церквою въ нѣчемъ препятьствовати; больше же сего поддержуетъ и ободряетъ насъ крѣпкое упованіе на Бога, на Его помощь святую и на молитву вѣрныхъ".

Это пастырское посланіе, помѣченное 25-мъ августа 1868 г., очевидно было изготовлено епископомъ еще до вступленія его въ управленіе епархіей. Можетъ быть, по этому оно не имѣетъ въ себѣ опредѣленныхъ положеній и носитъ на себѣ характеръ двусмысленности и неясности. Епископъ Михаилъ приказываетъ духовенству „держаться порядка богослуженія по уставу богослужебныхъ книгъ"; но какихъ книгъ? древнихъ восточныхъ, утвержденныхъ папами безъ всякаго измѣненія при введеніи уніи, или новыхъ уніатскихъ, искаженныхъ вставками, сокращеніями, передѣлками? „Хранить чистоту святаго обряда отцами намъ переданнаго"; какими отцами? отцами восточной церкви — Василіемъ Великимъ, Іоанномъ Златоустомъ и другими великими учителями вселенской церкви, или тѣми отцами, которые собрались въ 1720 году, подъ предсѣдательствомъ папскаго нунція въ Замостьѣ для того, чтобы исказить обрядъ восточной церкви и передѣлать его на латинскій ладъ? Наконецъ, для кого и съ какою цѣлью въ посланіи къ духовенству и народу включено выраженіе надежды, что „управительство... нѣякъ небудетъ стѣсняти совѣсти нашой, ниже нашему соединенію во вѣрѣ съ римско-каѳолическою церквою въ нѣчемъ препятствовати", когда правительство достаточно опредѣлительно выяснило и въ сношеніяхъ съ римскою куріей и въ объясненіяхъ съ самимъ епископомъ свой взглядъ на уніатское дѣло, взглядъ обязательный для епископа, какъ принятый имъ

Digitized by Google

при посвященіи? Если епископъ имѣлъ въ виду путемъ этихъ двусмысленностей и неумѣстныхъ заявленій заручиться на первыхъ порахъ добрымъ о себѣ мнѣніемъ предъ польскимъ обществомъ, то онъ достигъ своего, потому что посланіе его возродило въ польскихъ ксендзахъ надежду, что ксендзы по прежнему будутъ допущены отправлять богослуженіе въ уніатскихъ церквахъ, какъ это было во времена епископа-номината Калинскаго и что такимъ образомъ старые порядки воскреснутъ во всей своей силѣ. Сочувственно отнеслись къ посланію и тѣ уніатскіе священники, которые по личнымъ своимъ выгодамъ и симпатіямъ дорожили старыми, польскими порядками, и лишь благомыслящіе священники, стоявшіе за чистоту обряда, усмотрѣли въ посланіи нежеланіе епископа идти по пути очищенія церковной обрядности.

Какъ бы для того, чтобы ослабить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное этимъ посланіемъ, епископъ выразилъ предъ русскими властями полную свою надежду, что онъ постарается привести уніатское дѣло въ желаемый порядокъ, надѣясь на помощь и содѣйствіе въ томъ административныхъ властей. Это было сказано Куземскимъ въ епископскомъ домѣ, въ день храмоваго праздника—8 сентября, въ застольной рѣчи, а 28 октября епископъ издастъ новое посланіе, въ которомъ, обвиняя „душъ-пастырей“ въ умышленномъ и невѣрномъ толкованіи перваго его посланія, объявляетъ обязательными для духовенства всѣ предшествовавшія распоряженія правительства и холмской консисторіи по очищенію обряда со времени устройства консисторіальнаго управленія 11 сентября 1866 г. и предписываетъ священникамъ свято хранить чистоту обряда и быть для народа образцемъ всѣхъ добродѣтелей, главнѣйшая изъ которыхъ — повиновеніе законамъ. Это обращеніе къ духовенству разсѣяло неблагопріятное впечатлѣніе перваго посланія: епископъ очевидно не имѣлъ въ виду вести церковь по пути своего предшественника Калинскаго и серьезно намѣренъ заняться очищеніемъ обряда. Такъ думалось священникамъ, желавшимъ видѣть въ своемъ владыкѣ того народнаго вождя, какимъ зарекомендовалъ себя Куземскій въ Галиціи.

Но... опять поводъ къ сомнѣнію, снова разочарованіе...

Желая получить отъ епископа личныя указанія и наставленія по церковнымъ дѣламъ, священники начали являться въ Холмъ къ своему владыкѣ, и когда зашла рѣчь о порядкѣ богослуженія, епис-

Digitized by Google

копъ сослался на службу въ каѳедральномъ своемъ соборѣ, пригласивъ ихъ придерживаться того порядка отправленія церковнаго богослуженія, который установленъ имъ въ соборѣ. Идутъ священники въ соборъ и къ удивленію своему видятъ, что колокольчики, употреблявшіеся въ уніатскихъ церквахъ во время священныхъ тайподѣйствій при Калинскомъ, снова теперь возстановлены даже при архіерейскомъ служеніи, а самъ епископъ, кромѣ того, каждое утро служитъ по латинскому обычаю тихую, читанную литургію, такъ называемую шептанку (msza czytana, szeptanka)... Удивленные возстановленіемъ латинскихъ порядковъ, священники обращаются за разъясненіемъ къ владыкѣ, но тотъ, вмѣсто успокоенія смущенной совѣсти русскихъ іереевъ, дѣлаетъ имъ намеки, что не всѣ прежнія распоряженія консисторіи слѣдуетъ исполнять, что нѣкоторыя изъ нихъ онъ не утвердитъ; священники обращаютъ вниманіе епископа на то, что всѣ консисторскія распоряженія правительство признало основательными, полезными и согласными съ намѣченной программой, но епископъ заявляетъ, что онъ установитъ свой порядокъ и издастъ наставленіе духовенству въ видѣ новаго посланія, упустивъ изъ виду, что онъ самъ одобрилъ въ посланіи отъ 28 октября 1868 года всѣ распоряженія консисторіи по очищенію обряда.

Высказавшись такимъ образомъ за употребленіе при литургіи звонковъ въ церкви, Куземскій началъ уже настаивать на обязательномъ введеніи этого латинскаго обычая; съ этою цѣлью онъ прежде всего приказалъ протоіерею Іоанну Лавровскому отслужить въ соборѣ литургію непремѣнно съ колокольчиками; на этотъ разъ колокольчиковъ не могли найти въ церкви, и Лавровскій лишенъ былъ возможности исполнить епископское приказаніе; такое ослушаніе сильно раздражило владыку и онъ съ гнѣвомъ замѣтилъ протоіерею: „если хотите со мною служить, то исполняйте въ точности мои приказанія; если же не хотите, то отправляйтесь туда, куда отправился Г.“ [1]) и тутъ же съ недовольствомъ показалъ Лавровскому полученное имъ изъ г. Нѣжина анонимное привѣтствіе, въ которомъ неизвѣстный авторъ, отъ лица русскихъ людей, выражаетъ радость по поводу назначенія Куземскаго еписко-

[1]) Бывшій профессоръ львовскаго университета, принявшій въ Вильнѣ православіе.

Digitized by Google

помъ, совѣтуя немедлить приведеніемъ уніатскихъ дѣлъ въ порядокъ и принятіемъ затѣмъ православія. Съ такою же настойчивостію Куземскій началъ требовать обязательнаго введенія колокольчиковъ во время литургіи отъ каждаго являвшагося къ нему священника, а къ этому требованію добавилъ еще новое приказаніе—не дѣлать возгласа къ народу „миръ всѣмъ“. Эти приказанія вызвали со стороны священниковъ замѣчанія, что такого воспрещенія вовсе нѣтъ въ пастырскихъ посланіяхъ самаго епископа и что въ нихъ не упоминается также и о звонкахъ, но епископъ настоятельно подтвердилъ свое приказаніе: „въ колокольчики звонить, а *миръ всѣмъ* не произносить“, добавляя при этомъ, что никому изъ священниковъ, недовольныхъ его распоряженіями, онъ не препятствуетъ переходить въ „схизму“.

На ряду съ такими приказаніями подчиненному ему духовенству, епископъ Куземскій высказывается въ томъ же направленіи и въ словесныхъ своихъ переговорахъ съ русскими оффиціальными лицами. Такъ, предъ одними изъ нихъ онъ открываетъ сокровенное свое желаніе возстановить въ предѣлахъ своей епархіи уніатскій орденъ базиліанъ, упраздненный въ Россіи въ 1864 г., какъ учрежденіе, стремившееся къ искаженію восточнаго обряда и выказавшее полную политическую неблагонадежность; предъ другими высказываетъ намѣреніе ходатайствовать предъ правительствомъ объ учрежденіи для народа общества трезвости, одобреннаго Піемъ IX, но неразрѣшеннаго къ открытію въ холмскомъ краѣ, не смотря на всѣ происки іезуитовъ...

Мѣстные уніатскіе священники, изъ числа тѣхъ, которые несочувственно относились къ очищенію восточнаго исповѣданія, пришли въ неописанный восторгъ отъ такого неожиданнаго поворота уніатскаго дѣла въ желанную для нихъ сторону. Примкнувъ къ епископу для поддержки его въ выказанномъ уже имъ направленіи, они вмѣстѣ съ тѣмъ усилили враждебное свое отношеніе къ группѣ священниковъ противоположнаго направленія, стремившихся къ возстановленію правильнаго восточнаго богослуженія. Положеніе послѣднихъ сдѣлалось при этихъ условіяхъ крайне тяжелымъ, въ особенности послѣ того, какъ епископъ потребовалъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, прибывшихъ изъ Галиціи безъ разрѣшенія мѣстной епархіальной власти, отпускныхъ грамотъ (litterae dimissoriales). По каноническимъ правиламъ католической церкви требуется, чтобы духов-

Digitized by Google

ныя лица, отдѣляющіяся отъ своего епископа, не были принимаемы въ другую епархію; но Куземскій не могъ не знать, что церковная практика въ крайнихъ, чрезвычайныхъ случаяхъ дѣлала исключенія изъ общаго правила; а холмская епархія находилась именно въ такихъ условіяхъ и не могла достигнуть перевода священниковъ изъ Галиціи формальнымъ порядкомъ, вслѣдствіе препятствій, дѣлаемыхъ австрійскими властями, и при принятіи къ себѣ галицкихъ священниковъ, взамѣнъ аттестацій и дозволеній со стороны прежняго ихъ епархіальнаго начальства, вынуждена была ограничиваться лишь тщательнымъ ихъ испытаніемъ.

Вотъ чѣмъ заявилъ холмскій греко-уніатскій епископъ свою дѣятельность въ теченіи почти двухъ лѣтъ управленія епархіей! Вотъ симпатіи и задушевныя мысли дѣятеля галицкой земли, недавняго борца и защитника русскихъ народныхъ интересовъ въ Галиціи!

Но можетъ быть всѣ его дѣйствія, не вполнѣ согласныя съ принятыми на себя обязательствами по проведенію русскихъ началъ въ церковный строй греко-уніатской епархіи, объясняются чрезвычайными условіями, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать, а не личнымъ нерасположеніемъ къ предпринятой реформѣ и къ русскому дѣлу въ краѣ? Вѣроятно, Куземскій стоитъ лишь за строгое сохраненіе надъ ввѣренной ему паствой духовнаго главенства римскаго папы, т. е. уніи, такъ сказать, въ лучшемъ смыслѣ слова, а оставленіе имъ въ церквахъ польско-латинскихъ порядковъ, нѣкоторыя колебанія въ дѣйствіяхъ—только невольныя ошибки, возможныя при всякомъ управленіи вслѣдствіе недостаточнаго еще знакомства съ мѣстными обстоятельствами? Можетъ быть, по мѣрѣ ознакомленія съ епархіальными дѣлами, съ духовенствомъ и народомъ, въ немъ проявится вся жизненная сила русскаго дѣятеля, который съумѣетъ сдѣлать различіе между уніей, какъ догмой, и уніей, какъ средствомъ для проведенія политическихъ тенденцій, противныхъ русскимъ государственнымъ началамъ?

Но такъ ли это въ дѣйствительности?

Предъ нами одинъ фактъ: почти два года Куземскій занимаетъ епископскую каѳедру, а въ теченіи этого времени не только остается невыполненою правительственная программа, не только холмская епархія не приведена въ надлежащій порядокъ, ничего не сдѣ-

Digitized by Google

лано ни къ успокоенію религіозныхъ сомнѣній народа, ни къ устраненію крайняго разнообразія въ отправленіи богослуженія, но даже въ этомъ отношеніи сдѣлано самимъ епископомъ нѣсколько смѣлыхъ шаговъ назадъ.

При такихъ условіяхъ нужно же было наконецъ поставить дѣло на строгую почву законности и государственныхъ интересовъ. Какъ бы широко ни проповѣдывали принципъ церковной независимости, сфера церковныхъ отношеній все же остается въ соприкосновеніи съ интересами государства и эти интересы отнюдь не должны нести какого-либо ущерба только потому, что можетъ явиться нареканіе въ мнимомъ нарушеніи тѣхъ или другихъ церковныхъ правъ, церковной независимости. Въ силу этого условія, не стѣсняя русскій народъ холмскаго края считать духовнымъ главою своей церкви римскаго папу, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не могло отказаться отъ прямой задачи своей — возрожденія русской народной церкви посредствомъ приведенія хаотическаго состоянія ея въ надлежащій порядокъ и возстановленія правильнаго восточнаго богослуженія въ уніатскихъ церквахъ. Предоставивъ осуществленіе этой задачи новому епископу и давъ ему всѣ средства къ самостоятельному управленію епархіей, правительство встрѣтило однако въ немъ нерѣшительность и двусмысленность дѣйствій, поэтому оно вынуждено было наконецъ обратиться къ преосвященному Куземскому съ напоминаніемъ по этому поводу, указавъ на то, что возстановленіе правильнаго и однообразнаго богослуженія въ уніатскихъ церквахъ привело бы въ порядокъ ввѣренную ему епархію. Сообщеніе это было послано епископу въ январѣ 1870 г., но епископъ лишь въ маѣ мѣсяцѣ прислалъ отвѣтъ. Онъ увѣдомлялъ, что „этотъ предметъ болѣе всего тяготитъ его душу“ и что онъ крайне озабоченъ введеніемъ церковнаго благоустройства.

Дѣйствительно, въ августѣ того же года, Куземскій представилъ проектъ посланія къ духовенству объ очищеніи обрядности. Этотъ обширный проектъ состоитъ изъ подробныхъ наставленій священникамъ по церковному благоустройству. Описавъ, какъ должна быть устроена внутренность уніатскаго храма, именно иконостасъ, расположеніе иконъ, алтарь и принадлежащіе къ нему престолъ, жертвенникъ и горнее мѣсто, перечисливъ богослужебныя книги восточной церкви, начиная съ евангелія и кончая акаѳистами, ука-

Digitized by Google

завъ какъ должны слушать церковную службу молящіеся, епископъ приводитъ въ посланіи чинъ всенощнаго бдѣнія, вечерни, утрени, великопостнаго богослуженія и литургіи св. Іоанна Златоустаго и Василія Великаго. Въ этомъ проектѣ уже не находилось воспрещенія говорить народу „миръ всѣмъ“, умалчивалось о колокольчикахъ, отсутствовало указаніе и на тотъ странный обычай восхваленія предъ народомъ во время литургіи таинства, который былъ введенъ въ нѣкоторыхъ церквахъ [1]). Въ общемъ своемъ содержаніи проектъ посланія былъ составленъ, такимъ образомъ, согласно съ уставами восточной церкви. Но въ немъ оказались нѣкоторыя частности, съ которыми нельзя было согласиться.

Частности эти касались слѣдующихъ четырехъ пунктовъ.

1) Поминанія римскаго папы на эктеніяхъ и въ другихъ молитвахъ прежде имени царствующаго государя; такое предпочтеніе римскаго владыки своему государю не допускалось во время существованія уніи въ юго-и сѣверо-западной Россіи, а притомъ было несогласно съ евхологіономъ, изданнымъ въ Римѣ на греческомъ языкѣ для уніатовъ и одобреннымъ въ 1754 году папою Венедиктомъ XIV.

2) Воспоминанія при литургіи ктиторовъ; это было излишне уже потому, что ктиторство въ уніатскихъ церквахъ упразднено правительствомъ въ 1864 году.

3) Ссылки на постановленія Замостскаго провинціальнаго собора 1720 года, какъ на обязательное руководство для уніатскихъ церквей; между тѣмъ соблюденіе правилъ сего собора было бы равносильно удержанію въ уніатской церкви нѣкоторыхъ польско-латинскихъ обрядовъ и при томъ не согласно съ намѣреніями римскаго папы, давшаго значеніе этому собору лишь подъ условіемъ соблюденія всѣхъ прежнихъ основныхъ постановленій восточной церкви.

4) Обязательности церковнаго устава, изданнаго въ 1815 году холмскимъ епископомъ Цѣхановскимъ, и въ которомъ, вмѣстѣ съ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ уніатскихъ церквахъ священники послѣ словъ: „со страхомъ Божіимъ“, произносили передъ народомъ: „Нехай буде похваленый пренаисвентшій сонраментъ правдиваго тѣла и крови нашего Господа Іисуса Христа“. Это дѣлалось прямо въ подражаніе католикамъ, у которыхъ, при возношеніи освященной гостіи въ монстранціи во время отпустовъ и въ праздникъ Божьяго тѣла, подобныя слова произносятся на латинскомъ или польскомъ языкѣ. *М. Г.*

Digitized by Google

установленіемъ вообще правильнаго порядка богослуженія, находятся однако нововведенія, чуждыя уставу восточной церкви, а именно: допущеніе читанной литургіи (тихой мши), боковыхъ католическихъ алтарей и т. п.

На эти четыре пункта было обращено вниманіе епископа Куземскаго. Придавая важное значеніе этимъ замѣчаніямъ, епископъ отвѣтилъ, что при его лѣтахъ и крайне разстроенномъ здоровьѣ онъ не можетъ заняться только однимъ этимъ предметомъ, оставивъ безъ движенія другія неотложныя дѣла, но что во всякомъ случаѣ, по окончаніи спѣшныхъ дѣлъ по управленію епархіей, онъ разсмотритъ сдѣланныя замѣчанія и выскажетъ свое мнѣніе по нимъ. Вскорѣ послѣ того Куземскій передалъ проектъ своего посланія, вмѣстѣ съ замѣчаніями по четыремъ пунктамъ старшему соборпому протоіерею Маркелу Попелю, который представилъ докладъ въ пользу сдѣланныхъ замѣчаній. Съ этимъ докладомъ вполнѣ согласились всѣ члены консисторіи, не исключая даже клеврета Куземскаго, протоіерея Власевича [1]). Такой результатъ обсужденія консисторіею дѣла очевидно не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Куземскаго; впрочемъ, на этотъ разъ онъ ограничился лишь немногими возраженіями, къ которымъ присоединился и протоіерей Власевичъ; возраженія эти касались практической стороны дѣла и опасенія, какъ будетъ встрѣчена обрядовая реформа со стороны приходскаго духовенства; но при этомъ Куземскій поставилъ вопросъ и о томъ, имѣетъ ли онъ право, какъ уніатскій епископъ, дѣлать измѣненія въ богослужебныхъ книгахъ и въ порядкѣ церковной службы и вообще производить своею властью обрядовую реформу? Протоіерей Попель, которому Куземскій поручилъ составить соображенія по этому поводу, въ подробномъ докладѣ опровергъ всѣ сомнѣнія епископа на этотъ счетъ, доказавъ, на основаніи папскихъ буллъ, что епископъ

---

[1]) Изъ всего состава холмскаго духовенства наиболѣе приближеннымъ къ Куземскому былъ протоіерей Михаилъ Власевичъ. На сколько онъ дѣйствительно сочувствовалъ направленію епископа Куземскаго, мы сказать не можемъ, но у насъ подъ рукою находится слѣдующій фактъ, о которомъ въ свое время было заявлено въ русскихъ газетахъ: въ самый разгаръ польскаго мятежа, въ 1862 году, Власевичъ явился въ Варшаву въ числѣ другихъ немногихъ депутатомъ отъ холмской епархіи и ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ о принятіи мѣръ къ возстановленію правильнаго богослуженія и замѣны въ уніатскихъ церквахъ и училищахъ польскаго языка русскимъ. Онъ былъ первымъ изъ уніатскихъ священниковъ, рѣшившихся произнести въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ проповѣдь на русскомъ языкѣ. *М. Г.*

Digitized by Google

не только имѣетъ право возстановлять правильность богослужебнаго обряда, но даже обязанъ дѣлать это.

Пока епископъ Куземскій возбуждалъ вопросы и сомнѣнія о правѣ своемъ возстановлять правильный порядокъ богослуженія, дѣло приведенія къ окончанію вопроса объ очищеніи обряда, обратило наконецъ на себя высочайшее вниманіе. Покойный государь императоръ, при разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго отчета Куземскго за 1870 годъ, изволилъ замѣтить, что послѣдовавшая по этому неотложному вопросу высочайшая воля остается неисполненною, а потому повелѣлъ спросить Куземскаго, къ какому именно времени можно ожидать осуществленія этой непремѣнной высочайшей воли.

Куземскій отвѣчалъ: „Я, къ невыносимой горести сердца моего, увидѣлъ, что высшему правительству представляется будто бы я оттягчался привести въ порядокъ выше наведенное дѣло.... оно такъ не есть.... инициатива по предмету изданія обрядоваго поученія произошла отъ меня самого; ибо я, видя разстройство въ богослуженіи, какъ оно въ холмской епархіи производилось, по моей должности и пастырской заботливости хотѣлъ точнымъ поученіемъ прекратить оное и привести въ законный порядокъ“, и въ заключеніе обѣщаетъ представить вскорѣ свои соображенія по поводу четырехъ пунктовъ замѣчанія.

Обѣщаніе это Куземскій исполнилъ въ мартѣ 1871 года.

Въ присланномъ имъ обширномъ представленіи епископъ Михаилъ прежде всего увѣдомляетъ о сдѣланномъ имъ распоряженіи о вспоминаніи на эктеніяхъ и другихъ молитвахъ царствующаго Государя.

Казалось, одинъ пунктъ указаній, принятый всецѣло епископомъ, долженъ отойти въ сторону. Но... увы! это было только на словахъ; въ дѣйствительности оказалось, что такого распоряженія епископъ вовсе не дѣлалъ

Затѣмъ въ объясненіи 2 пункта замѣчаній епископъ указываетъ на существованіе въ уніатскомъ богослуженіи съ давнихъ временъ поминанія ктиторовъ, находя, что если они въ холмской епархіи упразднены, то фактически ктиторство продолжаетъ существовать въ лицѣ Государя, заботящагося объ улучшеніи уніатскихъ церквей и быта духовенства; а такъ какъ при этомъ обычай поминанія ктиторовъ не противорѣчитъ гражданскимъ законамъ, то онъ выра-

Digitized by Google

жаетъ удивленіе, почему этотъ „похвальный звичай устранивать? не лучше ли его вообще распространять?“

Желая во что бы то ни стало удержать поминовеніе ктиторства, епископъ прибѣгаетъ къ такому искусственному толкованію, упуская при этомъ изъ виду, что церковь уже молится за Государя въ прямомъ произношеніи священнаго Его имени.

Болѣе подробное возраженіе епископъ представилъ по остальнымъ двумъ пунктамъ. Указывая на то, что уставъ епископа Цѣхановскаго содержитъ въ себѣ только поученіе, какъ должно совершать церковное богослуженіе, Куземскій выражаетъ полную свою готовность исключить изъ проекта посланія всякую ссылку на него; это онъ находитъ мѣрой паліативной, недостигающей желаемой цѣли, такъ какъ остаются еще въ силѣ постановленія Замостскаго собора, обязательныя для уніатской церкви. Развивая подробнѣе свои соображенія по поводу 3 и 4 пункта замѣчаній, Куземскій говоритъ, что одни изъ обычаевъ церкви „введены по постановленіямъ Замостскаго синода, другіе же вошли незамѣтно и нынѣ невозможно опредѣлить времени, когда они введены, — кто знаетъ, неужели еще предъ уніей“. Мнѣніе объ условности утвержденія папой постановленій Замостскаго собора онъ находитъ ошибочнымъ. Открывъ свои дѣйствія съ разрѣшенія папы, Замостскій соборъ призналъ нужнымъ одни изъ обрядовъ устранить, другіе измѣнить, нѣкоторые же новые постановить. Римскій престолъ никогда не навязывалъ уніатской церкви измѣненія обрядовъ и если они измѣнялись, то только когда сами уніаты усердно о томъ старались, какъ напр. они ходатайствовали объ устройствѣ капитула. Сами они испросили благословеніе папы на открытіе собора, сами сдѣлали измѣненіе въ обрядахъ къ „благоустройству“ церкви, и ихъ постановленія папа утвердилъ вполнѣ, что и исполнялось всею уніатскою церковью болѣе 150 лѣтъ. „Ажъ въ самыя новѣйшія времена — пишетъ далѣе Куземскій — послалъ Богъ на уніатскую церковь наказаніе. Явились въ среди той церкви незванныи учители, которые, не имѣя достаточнаго знанія указаній своей церкви, Богъ вѣдаетъ какимъ духомъ ведени, по какимъ видамъ и намѣреніамъ стали мудрствовать и своими необдуманными ученіами уводить неопытные умы, будто бы постановленія Замостскаго сунода папою только условно затверждени и не имѣютъ никакой обязательной силы. Стали сами препебрегать

Digitized by Google

постановленіями поименованнаго сунода и неуважать болѣе звычаи, обычаи и обряди уніятской церкви. Начало положили въ Галиціи, однакожъ не снайдя тамо къ таковымъ попиткамъ подготовленной почви, а встрѣтя въ народѣ прямой опоръ, перепеслись въ Холмскую епархію, гдѣ вслѣдствіе послѣднихъ смутъ имъ обширнѣйшее поле дѣланій открылось.... Новатори.... начали и въ публичныхъ письмахъ распространять свое необдуманное ученіе. Къ сему избрали себѣ Холмскій мѣсяцословъ. Есть въ томъ мѣсяцословѣ на 1869 г. артикулъ, подписанный какимъ-то священникомъ холмской греко-уніатской епархіи подъ заглавіемъ „Восточный обрядъ въ церкви холмской уніатской епархіи и отношеніе его къ Замостскому собору“. Опровергая доводы автора сей статьи, равно положенія авторовъ статей, помѣщенныхъ въ холмскомъ календарѣ за другіе года, какъ-то: „Римскіе догматы въ греко-уніатской церкви“, „Исправленіе обрядовъ“ и „Чинъ божественныя и священныя литургіи“, Куземскій указываетъ на то, что Замостскій соборъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ апостольскаго нунція и постановленія собора были утверждены бреве папы Венедикта XIII-го 19 іюля 1724 года, автора же статьи въ холмскомъ календарѣ упрекаетъ въ томъ, что онъ не все папское бреве цитировалъ. Коснувшись употребленія колокольчиковъ, существованія въ церкви скамеекъ и т. п., Куземскій заявляетъ, что никто не умѣетъ положительно обозначить время, когда „тыи звычаи введены въ нашую церковь; кто знаетъ: не были ли ты звычаи у юго-западныхъ руссовъ въ употребленіи еще прежде введенія уніи?...“ „Будь что-нибудь, они существуютъ гораздо больше вѣка. Такъ по человѣческому понятію не могутъ они назваться нововведеніями“... Но не касаясь того, что можетъ быть названо „нововведеніемъ“ и что относится къ древнимъ обычаямъ, Куземскій останавливается на вопросѣ о томъ: узаконены ли тѣ обычаи, имѣютъ ли одобреніе св. церкви? Такъ какъ епископъ обязанъ новый обрядъ, противящійся здравому смыслу и духу св. церкви или же благонравію, неотложно и безпощадно запретить и устранить, то онъ и одобрилъ заставшее имъ въ Холмѣ консисторское распоряженіе объ устраненіи изъ церкви органовъ, годзинокъ и т. п.; какъ не соотвѣтствовавшихъ устройству богослуженія въ уніатской церкви, при томъ они не существовали во всѣмъ уніатскимъ церквамъ, а только въ холмской епархіи и заведены лишь въ новѣйшее

Digitized by Google

время; прочіе же обряды существовали „отъ вѣковъ“ во всѣхъ церквахъ, а на основаніи § 27 буллы папы Венедикта XIV, всякій обрядъ, введенный съ давнихъ временъ, „отъ всѣхъ вообще принятый и отъ епископа положительно или же *молчаніемъ* (sic) затвержденный тѣмъ самымъ стается законнымъ“, а потому этими обрядами уже нельзя пренебрегать.

Жаль, что епископъ—номинатъ Калинскій не зналъ о существованіи этого іезуитскаго правила „молчать“ въ то время, когда чуждые элементы врываются въ сферу его дѣятельности; онъ бы такъ съумѣлъ отмолчаться, что всѣ уніатскія церкви были бы обращены въ католическіе костелы.

Но вотъ еще одно крайне своеобразное объясненіе, касающееся восточной литургіи, утвержденной папою Венедиктомъ XIV. Этотъ чинъ восточной литургіи Куземскій находитъ для себя не обязательнымъ потому, что онъ изданъ на греческомъ языкѣ для италогрековъ, а не для славянъ, которые имѣли свою славянскую литургію и не нуждались въ обращеніи къ греческой литургіи, принявъ затѣмъ литургиконъ, и требникъ, исправленные по постановленіямъ Замостскаго собора. Согласно такому толкованію выходитъ, что одна и таже восточная литургія въ одной и той же церкви (уніатской) можетъ быть отправляема греками — по одному ритуалу, а славянами—по другому. Но этого не сказалъ бы самъ папа римскій!

Въ заключеніе Куземскій уже входитъ въ разсмотрѣніе степени необходимости измѣненій въ обрядахъ и все то, что уже сдѣлано на этомъ пути въ епархіи, относитъ къ винѣ нѣкоторыхъ уніатскихъ священниковъ. „И реформы таковые въ уніатской церквѣ есть навѣрно нововведеніямы въ полнѣ вредливыми святой церквѣ, греческому обряду, русской народности, а даже святой вѣрѣ“.

Можно было бы усматривать въ послѣднемъ выводѣ Куземскаго нѣкоторую иронію, если бы возможно было допустить такой пріемъ Сократа въ офиціальномъ объясненіи епископа и при томъ по столь важному дѣлу, котораго онъ касался.

Впрочемъ, въ концѣ объясненія Куземскій изъявляетъ согласіе на введеніе и измѣненій въ обрядѣ, если эти измѣненія будутъ разсмотрѣны соборомъ и утверждены папой.

Очевидно, Куземскій въ представленномъ имъ объясненіи — перешелъ должную грань защиты уніи: воспоминаніе ктиторства, удержаніе порядковъ, установленныхъ на Замостскомъ соборѣ и

Digitized by Google

примѣненіе церковнаго устава епископа Цѣхановскаго не только противорѣчило требованіямъ папскихъ буллъ о сохраненіи въ уніатской церкви восточнаго богослуженія во всей неприкосновенности, но даже въ основаніи своемъ нарушало самое существенное условіе соглашенія русскаго правительства съ римской куріей по поводу назначенія Куземскаго холмскимъ епископомъ, именно неуклонную волю нашего правительства возстановить правильное восточное богослуженіе въ уніатскихъ церквахъ.

Вотъ послѣднее слово холмскаго епископа, высказанное имъ по вопросу объ очищеніи греко-уніатскихъ церквей отъ латинопольскихъ искаженій. Это категорическое заявленіе Куземскаго давало отвѣтъ на всѣ предъявленныя ему требованія по этому предмету. Дѣлалось несомнѣннымъ, что предстоявшая къ разрѣшенію задача—выше Куземскаго; но отъ этого самая задача нисколько не умалялась. Необходимость церковной реформы, предпринятой въ силу историческихъ, государственныхъ и народныхъ интересовъ, оставалась въ полной своей силѣ.

Все это привело къ одному результату: Куземскій долженъ былъ уступить мѣсто другому.

16 марта 1871 года послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи Куземскаго по разстроенному здоровью, согласно просьбѣ, отъ должности начальника холмской греко-уніатской епархіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грамота на пожалованіе ему ордена Анны первой степени.

11 мая того же года Куземскій оставилъ Холмъ, выѣхавъ за границу.

Такъ закончилось управленіе епископомъ Михаиломъ Куземскимъ холмскою епархіей, продолжавшееся почти три года. Много въ этомъ его управленіи непонятнаго, загадочнаго. Въ началѣ дѣятельности—колебанія, нерѣшительность, двусмысленные дѣйствія и поступки; въ концѣ—явное несогласіе со всѣми прежними его симпатіями и убѣжденіями, проявлявшимися въ Галиціи. Недавній защитникъ народныхъ правъ—церковныхъ и гражданскихъ, блюститель чистоты восточнаго богослуженія, основатель тысячи слишкомъ народныхъ школъ и разныхъ патріотическихъ и научныхъ учрежденій, достойный защитникъ славянской азбуки, этотъ галицкій народный вождь, перейдя въ одноплеменную и единовѣрную ему область, находящуюся при томъ въ значительно лучшихъ

Digitized by Google

политическихъ условіяхъ сравнительно съ Галиціей, обращается въ охранителя той разновидной смѣси польскихъ обычаевъ съ латинскими обрядами, которая насильно, путемъ частнаго произвола и злоупотребленій, вторгнулась въ русскую церковь холмскаго края, въ то время когда она находилась подъ вліяніемъ мѣстныхъ польско-католическихъ элементовъ [1]).

Разобраться въ этой массѣ противорѣчій и несогласій представляется крайне затруднительнымъ, а теперь даже еще преждевременнымъ. Болѣе правильное заключеніе о такой личности, какъ Куземскій,—личности замѣчательной хотя бы по одной только дѣятельности его на пользу галицкаго народа, должно быть сдѣлано не по однимъ только матеріаламъ, которые были предоставлены въ наше распоряженіе; для всесторонняго сужденія объ немъ необходимы еще другіе источники, какъ напр. изслѣдованія объ отношеніяхъ его къ мѣстнымъ властямъ, воспоминанія и разсказы его современниковъ и сотрудниковъ и т. п.; вообще Куземскій принадлежитъ къ числу такихъ дѣятелей, о которыхъ судъ исторіи рѣшится только тогда произнести свое послѣднее слово, когда будутъ исчерпаны всѣ матеріалы, служащіе къ его характеристикѣ. Быть можетъ, тогда разъяснятся всѣ его дѣйствія по управленію холмскою епархіею и личность послѣдняго потомка фамилій Куземскихъ изъ Шибалина выйдетъ болѣе понятной и болѣе симпатичной, чѣмъ она оказалась подъ нашимъ перомъ.

Епископъ Куземскій скончался близъ г. Львова, въ собственномъ имѣніи, въ селѣ Ляшки-Горѣшнія, бобрецкаго уѣзда, 23 ноября (5 декабря) 1879 года, проживъ 70 лѣтъ съ нѣсколькими днями, а погребенъ въ г. Львовѣ, на Лычаковскомъ кладбищѣ, въ фамильномъ склепѣ. Погребеніе было совершено 27 ноября грекоуніатскимъ митрополитомъ Іосифомъ Сембратовичемъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства русскаго, латинскаго и армянскаго.

М. И. Городецкій

---

[1]) Что въ галицкихъ уніатскихъ церквахъ твердо стоятъ за чистоту восточнаго обряда, что въ нихъ нѣтъ тѣхъ искаженій и польско-латинскихъ извращеній, которыя существовали въ Холмской Руси, тому служитъ доказательствомъ маленькая замѣтка, помѣщенная въ львовской газетѣ „Слово“ отъ 10 августа 1868 г. № 63; въ ней, послѣ разсказа о томъ, что нѣкоторые священники дѣлаютъ отступленія отъ русскаго обряда, сказано: „вводятъ самовольно новаціи въ нашомъ обрядѣ, *якихъ нынѣ и въ Холмщинѣ не находимо*“. *М. Г.*

Digitized by Google

О представленіи Императору Александру II уніатской депутаціи изъ Холмской Руси въ 1875 г.

Отторгнутые насиліемъ возсоединены любовію.

(Слова на медали, выбитой въ 1839 г., по случаю возсоединенія съ православною церковью Бѣлорусскихъ и Литовскихъ уніатовъ).

Лесть и мечь, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ вело чужое знамя,
Ими правилъ чуждый гласъ.
. . . . . .
Подъ знамёнами отчизны
Потекли они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни
Возрожденные Тобой!

И отторженные дѣти
Лишь услыша Твой призывъ,—
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,—
Снова, какъ во время о́но,
Успокоиться придутъ
На Твое святое лоно
Въ Твой родительскій пріютъ.

(Хомяковъ).

Неисчислимыми бѣдствіями для западно-русскаго народа ознаменовала свое существованіе почти три вѣка тяготѣвшая надъ нимъ церковная унія. Введенная въ страну обманомъ и насиліемъ, послѣ продолжительной и упорной борьбы съ нею православныхъ, унія никогда не составляла и не могла составлять самостоятельной церкви, но служила, какъ извѣстно, мостомъ для перехода въ латинство и отреченіемъ отъ прирожденной русской народности.

Digitized by Google

Польское правительство и римско-католическое духовенство, дѣйствуя рука объ руку и не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, при деморализаціи высшаго русскаго духовенства, при грубомъ невѣжествѣ и матеріальной зависимости священно-церковно-служителей отъ польской шляхты, патронировавшей православныя церкви въ городахъ и селеніяхъ, съ теченіемъ времени успѣли въ значительной мѣрѣ достигнуть до намѣченной ими цѣли, такъ что можно сказать положительно, что русскій народъ въ западной Россіи, принадлежащій нынѣ къ римско-католическому исповѣданію въ громадномъ большинствѣ (если только не весь) перешелъ въ латинство черезъ унію, бывъ нѣкогда православнымъ. Но съ паденіемъ Польши открылась уніатамъ возможность спастись отъ угрожавшаго имъ окатоличенія и ополяченія. Прежде всего освободилась отъ уніи Малороссія, наиболѣе отъ нея претерпѣвшая: при Екатеринѣ II болѣе 3-хъ милліоновъ южно-русскаго народа добровольно покинуло унію и возвратилось въ православіе.

Но традиціонная политика Императрицы Екатерины II, которая шла по слѣдамъ Царя Алексѣя Михайловича и Императора Петра I, — заботившихся о духовныхъ и матеріальныхъ нуждахъ православнаго населенія во время существованія самостоятельной Польши, — не была продолжаема въ послѣдующія за нею два царствованія, чрезъ что дальнѣйшее движеніе уніатовъ къ православію не только пріостановилось, но вызвало, со стороны не дремлющей латинопольской партіи, повсемѣстныя и усиленныя интриги, направленныя къ совращенію въ католицизмъ, какъ православныхъ покинувшихъ, при Екатеринѣ, унію, такъ и тѣхъ русскихъ, которые оставались еще уніатами. Только, въ самомъ началѣ царствованія блаженной памяти Императора Николая I, было обращено Правительствомъ особое вниманіе на вѣроисповѣдный вопросъ въ западномъ краѣ. Въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, мудрою предусмотрительностью и строгою послѣдовательностью въ предпринятыхъ мѣрахъ, было возвращено на лоно Церкви болѣе $1\frac{1}{2}$ мил. уніатовъ. Оставались одни уніаты за Бугомъ, на которыхъ еще до совершенія акта возсоединенія въ 1839 г. указывалъ приснопамятный митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, признавая своевременнымъ и необходимымъ включить ихъ въ общую сферу уніатскихъ дѣлъ. Представляя статистическія данныя что, вмѣсто 400 тыс. уніа-

Digitized by Google

товъ, считавшихся за Бугомъ въ 1820 году,—не смотря на естественный приростъ населенія, ихъ оставалось—къ 1835 году менѣе 300 тыс., митрополитъ Іосифъ, съ глубокою прозорливостью, предрекалъ о неминуемомъ поглощеніи латинствомъ и этого малаго остатка, если не будутъ приняты противъ того надлежащія мѣры. Только въ царствованіе въ Бозѣ почившаго Императора Александра II исполнилось завѣтное стремленіе митрополита Іосифа: въ 1875 году присоединились къ православію и уніаты Забужскіе—Холмская Епархія.

Въ настоящее время въ Россіи уніи болѣе не существуетъ. Было бы излишне распространяться о томъ важномъ значеніи, какое имѣетъ этотъ фактъ для жизни западныхъ нашихъ окраинъ, а съ ними и для всего государства.

Писать исторію возсоединенія Холмской Руси нынѣ было бы преждевременно: многое еще не приведено въ извѣстность, не улеглись страсти, не замолкли ложь и клеветы противной партіи. Со временемъ, событіе возсоединенія и его дѣятели получатъ правдивую оцѣнку и русская историческая правда восторжествуетъ окончательно надъ польско-іезуитскою кривдою. Она укажетъ, что возвращеніе русскаго народа Холмской Руси къ вѣрѣ предковъ составляетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ новѣйшей исторіи.

Но если рано писать исторію, то вполнѣ своевременно собирать матеріалы о ходѣ всего дѣла и о главнѣйшихъ его дѣятеляхъ. Въ этихъ видахъ, въ настоящемъ изданіи помѣщены статьи въ VII вып. о кн. Черкаскомъ и въ VIII о послѣднемъ уніатскомъ холмскомъ епископѣ Куземскомъ. Вслѣдъ за симъ, также въ качествѣ матеріала, печатаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ послѣднему возсоединенію холмскихъ уніатовъ, извлеченныя изъ „Правительственнаго Вѣстника“ того времени, а именно: о представленіи Государю Императору уніатской депутаціи 25 марта 1875 г. въ 36-ую годовщину Полоцкаго Соборнаго акта, и два списка, изъ коихъ въ первомъ поименованы члены депутаціи, а во второмъ обозначены имена всѣхъ уніатскихъ священниковъ Холмской епархіи, возсоединившихся съ православіемъ. Второй списокъ составленъ съ подраздѣленіемъ священниковъ *мѣстныхъ* уроженцевъ и *Галичанъ*, съ цѣлію нагляднаго доказательства, что православіе въ Холмщинѣ насаждено не исключительно трудами Гали-

Digitized by Google

чанъ [1]), какъ о томъ появились въ печати тенденціозныя сужденія, съ обвиненіемъ почти поголовно всего мѣстнаго русскаго духовенства въ крайнемъ его ополяченіи и окатоличеніи, но, что въ этомъ великомъ дѣлѣ принимали равномѣрно дѣятельное участіе и мѣстные пастыри и въ числѣ ихъ многія лица, издавна извѣстныя своимъ чисто русскимъ направленіемъ, не смотря на тяготѣвшій надъ ними польскій гнетъ, твердо держащія и по нынѣ знамя православія въ родной имъ странѣ.

Печатаніемъ обоихъ списковъ мы желаемъ сохранить историческую память о ревнителяхъ прародительской вѣры въ Холмской Руси, проложившихъ путь къ слитію послѣднихъ въ Россіи уніатовъ воедино съ обще-русскою православною семьею. Въ альбомѣ VIII вып. напечатаны ихъ портреты.

Означенные списки составлены для нашего изданія, на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, однимъ изъ уроженцевъ Холмщины, перу котораго принадлежитъ въ настоящемъ выпускѣ статья: „Очеркъ состоянія Холмской Руси до Брестской уніи“.

Прибывшая, съ Высочайшаго соизволенія, въ С.-Петербургъ депутація (въ составѣ, ниже сего обозначенномъ), была приглашена 25 марта, въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, къ слушанію божественной литургіи въ большой придворный соборъ.

Его Императорское Величество по окончаніи литургіи въ малой дворцовой церкви, изволилъ выдти въ Арабскую комнату, гдѣ ожидали Его депутаты. Сопровождаемый Государынею Императрицей Маріею Александровною, которая столь близко принимала къ сердцу все, что касалось церкви, съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ Императоромъ и другими членами Августѣйшаго Семейства, Государь Императоръ изволилъ подойти къ администратору Холмской епархіи протоіерею Попелю, который находился во главѣ депутаціи. Имѣя счастіе представить Его Величеству всеподданнѣйшее прошеніе, протоіерей Попель привѣтствовалъ Государя Императора, слѣдующими словами:

---

[1]) Изъ Галичанъ $^2/_3$ священниковъ получили образованіе и рукоположены въ Холмѣ.

Digitized by Google

„Имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее прошеніе и соборное постановленіе греко-уніатскаго духовенства Холмской епархіи, съ коимъ пребываетъ въ единомысліи и паства, о возсоединеніи греко-уніатовъ, съ святою, восточною православною церковью, бывшею церковью нашихъ предковъ. Благоволите, Всемилостивѣйшій Государь, осчастливить насъ принятіемъ сего искренняго и чистосердечнаго прошенія вмѣстѣ съ выраженіемъ неизмѣнно вѣрно-подданническихъ чувствъ духовенства и народонаселенія Холмской Руси".

Государь Императоръ, по окончаніи рѣчи прот. Попеля, изволилъ обратиться къ греко-уніатскому духовенству съ слѣдующими милостивыми словами:

„Выслушавъ съ особеннымъ удовольствіемъ ваши заявленія, Я прежде всего благодарю Бога, Котораго благодать внушила вамъ благую мысль возвратиться въ лоно православной церкви; къ ней принадлежали предки ваши и она въ настоящее время съ распростертыми объятіями принимаетъ васъ. Благодарю васъ за то утѣшеніе, которое вы Мнѣ доставили, вѣрю вашей искренности и уповаю на Бога, что онъ подкрѣпитъ васъ на томъ пути, который вы нынѣ добровольно избрали".

Затѣмъ, когда Государь Императоръ изволилъ подойти къ двумъ благочиннымъ Сѣдлецкой губерніи, уже возсоединившимся съ православною церковью [1]), то Бѣльскій благочинный протоіерей Ливчакъ имѣлъ счастіе представить Его Величеству всеподданнѣйшій адресъ отъ возсоединившагося и заявившаго желаніе возсоединиться населенія Сѣдлецкой губерніи и при этомъ выразилъ одушевляющія духовенство и народъ чувства въ слѣдующихъ словахъ:

„Повергаемъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданническія чувства духовныхъ и мірянъ Сѣдлецкой губерніи, часть коихъ имѣла уже счастіе, согласно

---

[1]) Извѣстно, что нѣкоторые греко-уніаты Сѣдлецкой губерніи, именно: Бѣльскаго и Влодавскаго благочиній возсоединились съ православіемъ торжественно въ г. Бѣлѣ 12 января 1875 года.

Digitized by Google

Всемилостивѣйшему соизволенію Вашего Величества, воссоединиться 12 января сего года съ святою православною церковью".

Его Величество милостиво изволилъ принять адресъ и удостоить обоихъ благочинныхъ (Бѣльскаго и Влодавскаго) изъявленія Высочайшей благодарности, за выраженныя чувства и поданный ими первыми примѣръ возвращенія къ церкви ихъ предковъ.

Затѣмъ, обращаясь къ выборнымъ, Его Величество былъ привѣтствованъ отъ мірянъ кандидатомъ богословія Николаемъ Поцѣемъ, потомкомъ Ипатія Поцѣя, одного изъ главныхъ зачинщиковъ и двигателей уніи при ея возникновеніи, въ краѣ котораго населеніе было сплошное православное, слѣд. словами:

„Отъ лица всего греко-уніатскаго населенія Холмской Руси всеподданнѣйше повергаемъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества увѣренія: въ искреннемъ, сознательномъ и добровольномъ желаніи нашемъ возвратиться въ лоно православной церкви, въ вѣрноподданническихъ чувствахъ къ Августѣйшей особѣ Вашего Величества и въ несокрушимой любви и преданности къ общему нашему отечеству — дорогой Россіи, съ которою неразрывно и навсегда соединена наша Холмская Русь".

По выслушаніи сей рѣчи, Его Императорское Величество обратился къ крестьянамъ и Всемилостивѣйше удостоилъ ихъ похвалы за то, что они искренно и чистосердечно рѣшились возвратиться къ православной вѣрѣ, которую исповѣдывали ихъ предки, и съ готовностью послѣдовали благому примѣру, поданному имъ духовенствомъ.

Обходя крестьянъ, Ихъ Императорскія Величества изволили милостиво обращаться къ нѣкоторымъ изъ нихъ и распрашивать, изъ какихъ именно мѣстностей выбраны были депутаты.

Возвратясь послѣ того къ депутатамъ отъ духовенства, Государь Императоръ изволилъ обратиться снова къ протоіерею Попелю и вручить ему св. икону двунадесятыхъ праздниковъ, украшенную великолѣпнымъ окладомъ, для Холмскаго каѳедральнаго собора, а также св. иконы Спасителя и Божіей Матери, для церквей Бѣльской и Яновской [1]) въ Сѣдлецкой губерніи, а Госу-

[1]) Бѣльской церкви, въ коей послѣдовалъ актъ перваго возсоединенія уніатовъ и Яновской,—гдѣ совершалось возсоединеніе въ день представленія депутаціи.

Digitized by Google

дарыня Императрица соизволила тутъ же пожаловать св. икону Божіей Матери Холмскому собору. Протоіерей Попель, тронутый до глубины души этимъ новымъ знакомъ Всемилостивѣйшаго вниманія Ихъ Императорскихъ Величествъ, имѣлъ счастіе еще разъ выразить одушевляющія духовенство чувства, присовокупивъ, что этотъ Всемилостивѣйшій даръ будетъ вѣчнымъ памятникомъ настоящаго событія и что духовенство не перестанетъ возносить предъ пожалованными св. иконами усердныя молитвы о здравіи Ихъ Величествъ и всего Императорскаго Дома и о благоденствіи Россіи.

По окончаніи аудіенціи Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами изволили удалиться во внутренніе покои, а депутація была приглашена перейти въ другую залу, гдѣ ей предложенъ былъ завтракъ.

Digitized by Google

Имена членовъ депутаціи отъ духовенства и прихожанъ Холмской греко-уніатской епархіи.

I. Отъ духовенства:

1. Администраторъ Холмской епархіи, старшій соборный протоіерей Маркеллъ **Попель.**
2. Ректоръ духовной семинаріи, старшій соборный протоіерей Ипполитъ **Криницкій.**
3. Секретарь епархіальной консисторіи, соборный протоіерей Іоаннъ **Гошовскій.**
4. Соборный протоіерей Филиппъ **Дьячанъ** (доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета).
5. Бѣлгорайскій благочинный, протоіерей Кириллъ **Хрусцевичъ.**
6. Томашовскій благочинный, протоіерей Северіанъ **Уляницкій.**
7. Грубешовскій благочинный, священникъ Климентій **Левицкій.**
8. Замостскій благочинный, священникъ Іоаннъ **Гайда.**
9. Красноставскій благочинный священникъ Александръ **Концевичъ.**
10. Холмскій благочинный, священникъ Александръ **Бобикевичъ.**
11. Бѣльскій благочинный, протоіерей Николай **Ливчакъ.**
12. Влодавскій благочинный, священникъ Іоаннъ **Плютинскій.**

II. Отъ прихожанъ Люблинской губерніи:

1. Холмскаго благочинія: Кандидатъ богословія Николай **Поцѣй** [1]), старшій учитель Холмской духовной семинаріи; мѣщанинъ Степанъ **Васильчукъ,** староста Холмской приходской церкви, и крестьянинъ Иванъ **Бабійчукъ,** войтъ гмины Холмъ.

---

[1]) Потомокъ одного изъ главныхъ виновниковъ уніи, Ипатія Поцѣя.

Digitized by Google

2. Бѣлгорайскаго благочинія крестьяне: Петръ **Липко,** войтъ гмины Крѣшовъ, и Ѳеодоръ **Грыцько,** войтъ гмины Кульно.
3. Грубешовскаго благочинія: мѣщанинъ Антонъ **Гапонскій,** староста Грубешовской церкви, и крестьянинъ Иванъ **Яскорскій,** церковный братчикъ въ с. Космовѣ.
4. Замостскаго благочинія крестьяне: Данило **Липецъ,** лавникъ с. Бортатыче, и Григорій **Левко,** солтысъ и братчикъ изъ прихода Сѣдлиска.
5. Красноставскаго благочинія крестьяне: Андрей **Кухарукъ,** войтъ гмины Цыцовъ, и Ѳеодоръ **Бѣлецкій,** церковный братчикъ въ с. Лопенникъ.
6. Томашовскаго благочинія крестьяне: Андрей **Бенько.** войтъ гмины Томашовъ, и Степанъ **Баворовскій,** церковный староста въ с. Посадовѣ.

Сѣдлецкой губерніи:

7. Бѣльскаго благочинія крестьяне: Тимоѳей **Гасюкъ** и Павелъ **Давыдюкъ.**
8. Влодавскаго благочинія крестьяне: Иванъ **Климюкъ** и Максимъ **Маковка.**
9. Константиновскаго благочинія крестьяне: Антонъ **Янчукъ** и Лаврентій **Бородюкъ.**
10. Радинскаго благочинія крестьяне: Яковъ **Каминскій** и Иванъ **Крацъ.**

Digitized by Google

Именной списокъ греко-уніатскихъ священниковъ Холмской епархіи, возсоединившихся съ православіемъ въ 1875—1876 г.

Изъ мѣстныхъ уроженцевъ:

Арештовичъ Ѳома.
Боярскій Михаилъ.
Будиловичъ Ѳеодосій.
Бѣлявскій Іоаннъ.
Вашкевичъ Людовикъ.
Ваховичъ Михаилъ.
Велиновичъ Ѳеофилъ.
Верешко Платонъ.
Вильчинскій Мартинъ.
Витошинскій Михаилъ.
Витусовскій Іосифъ.
Власевичъ Михаилъ (протоіерей).
Власевичъ Филиппъ.
Войновскій Николай.
Войцицкій Іосифъ (архипресвитеръ).
Врубель Власій.
Ганкевичъ Ремигій (іеромонахъ).
Ганыткевичъ Емиліанъ.
Ганыткевичъ Ѳедоръ.
Гомеля Проклъ (кандидатъ Богословія).
Горскій Александръ.
Горскій Генрихъ.
Горскій Григорій.
Горскій Сильвестръ.
Горскій Титъ.

Изъ Галичанъ:

Алексѣевичъ Константинъ.
Барвинскій Емиліанъ.
Бачинскій [1]) Іосифъ.
Блюсъ Іеронимъ.
Блюсъ Іосифъ.
Бобикевичъ Александръ.
Боровецъ Владиміръ.
Билинскій Северіанъ.
Бѣлецкій Александръ.
Васенко Петръ.
Васильчишинъ Тимоѳей.
Волощакъ Дмитрій.
Вышиванюкъ Николай.
Гайда Іоаннъ.
Гайдымовскій Михаилъ.
Гвоздовичъ Іосифъ.
Герасимовичъ Корнилій.
Гиссовскій Антоній.
Гойнацкій Игнатій.
Гошовскій Іоаннъ (протоіерей).
Грабовичъ Іосифъ.
Грегоровичъ Петръ.
Гумецкій Миронъ.
Децыкевичъ Михаилъ.
Добрянскій Михаилъ.
Дохнякъ Іосифъ.
Дячанъ Филиппъ (протоіерей).
Дѣдуникъ Андрей.
Желеховскій Альбинъ.

---

[1]) Напечатанныя густымъ шрифтомъ фамиліи означаютъ, что они прибыли въ Россію изъ Галиціи въ санѣ священниковъ, остальные кончили курсъ въ Холмской семинаріи, или же рукоположены въ Россіи.

Digitized by Google

Грабовичъ Михаилъ.
Григоревскій Іоаннъ.
Гриневецкій Діонисій.
Гриневецкій Іоаннъ.
Гукевичъ Іоаннъ.
Дембковскій Стефанъ.
Жилинскій Іоаннъ.
Жиповскій Іоаннъ.
Жуковскій Варѳоломей.
Завальскій Антоній.
Занскій Іоаннъ.
Заремба Адріанъ.
Заремба Александръ.
Заремба Владиславъ.
Зиневичъ Антоній (магистръ Богословія).
Калинскій Павелъ,
Карпикъ Михаилъ.
Карповичъ Михаилъ.
Козловскій Петръ.
Козминскій Гавріилъ.
Козминскій Феликсъ.
Колбусь Іосифъ (іеромонахъ).
Концевичъ Александръ.
Концевичъ Іоаннъ.
Крипякевичъ Игнатій.
Крипякевичъ Яковъ.
Куркевичъ Антоній.
Куркевичъ Францъ.
Курмановичъ Михаилъ.
Лебединскій Игнатій.
Лебединскій Іосафатъ.
Лисовскій Іоаннъ.
Лисовскій Павелъ.
Лишкевичъ Михаилъ.
Лишкевичъ Петръ.
Лонцкій Іоаннъ.
Лонцкій Людовикъ.
Лонцкій Павелъ.
Мазановскій Іосифъ.
Мазановскій Людовикъ.
Мазановскій Фелиціанъ.
Маковскій Лаврентій.
Мацѣевичъ Александръ.
Михаловскій Іоаннъ.
Михаловскій Феликсъ.
Новицкій Лаврентій (іеромонахъ).
Панасевичъ Петръ (іеромонахъ).
Петрусевичъ Павелъ.
Подковичъ Петръ.
Подковичъ Порфирій.
Желеховскій Симеонъ
Жуковецкій Владиславъ.
Загачевскій Іоаннъ.
Зухаевичъ Валеріанъ.
Индишевскій Іоаннъ.
Искрицкій Павелъ.
Калинскій Левъ.
Керичинскій Іоаннъ.
Климко Андрей.
Колянковскій Николай.
Коростенскій Леопольдъ.
Корытко Іоаннъ.
Контраневичъ Петръ.
Криницкій Ипполитъ (протоіерей).
Курчинскій Романъ.
Лагодинскій Иванъ.
Левицкій Климентій.
Лесюкъ Яковъ.
Ливчакъ Николай (протоіерей).
Лонкевичъ Михаилъ.
Лотоцкій Яковъ.
Лысякъ Александръ.
Маевецкій Іоаннъ.
Макаръ Іоаннъ.
Макогоньскій Ѳеодоръ.
Маціоракъ Алексѣй.
Мацкевичъ Левъ.
Медвѣдь Антонъ.
Могильницкій Маркіанъ.
Могильницкій Северіанъ.
Милько Владиславъ.
Насальскій Юліанъ.
Низовый Дмитрій.
Омельянскій Исидоръ.
Орловскій Іоакимъ.
Орловскій Михаилъ.
Перфецкій Юліанъ.
Плютинскій Іоаннъ.
Подсонскій Юліанъ.
Попель Зиновій.
Попель Маркеллъ (протоіерей).
Попель Юліанъ.
Породько Михаилъ.
Рожнятовскій Іоаннъ.
Рудько Петръ.
Рѣшетиловичъ Антоній.
Сальвицкій Аѳоалъ.
Сальвицкій Симеонъ.
Семеновичъ Стефанъ.
Сомикъ Михаилъ.
Стрѣльбицкій Ѳедоръ.
Сыроѣдъ Яковъ.
Сѣройчковскій Северіанъ.

Digitized by Google

Поцѣй Михаилъ.
Прухницкій Симеонъ.
Рогальскій Іосифъ.
Сайкевичъ Викторъ.
Сайкевичъ Іосифъ.
Скальскій Петръ (іеромонахъ).
Скробанскій Антоній.
Скробанскій Іоаннъ.
Слабневичъ Несторъ.
Смигельскій Виталій.
Смоленецъ Іосифъ.
Староселецъ Іоаннъ.
Тонкель Александръ.
Тонкель Іосифъ,
Троць Филиппъ.
Тусевичъ Николай.
Уляницкій Аполлинарій.
Уляницкій Северіанъ (протоіерей).
Харлампович Іоаннъ.
Хрусцевичъ Юліанъ.
Хрусцевичъ Кириллъ (протоіерей).
Черлюнчакевичъ Адамъ.
Черлюнчакевичъ Іосифъ.
Черлюнчакевичъ Петръ.
Шулякевичъ Андрей (іеромонахъ).
Шулякевичъ Константинъ.
Яскорскій Іосифъ.

Итого 102.

Сѣтницкій Амвросій.
Телиховскій Антонъ.
Телиховскій Климентій.
Торба Іосифъ.
Туцкій Михаилъ.
Угриновичъ Северинъ.
Урбанъ Іосафатъ.
Урбанъ Леонтій.
Ференцевичъ Корнелій.
Хойнацкій Макарій (протоіерей).
Хойнацкій Северіанъ.
Хоминъ Іосифъ.
Цыбикъ Лука (протоіерей).
Чайковскій Евгеній.
Черныш Григорій.
Якубовскій Василій.
Яновичъ Емиліанъ.
Яновичъ Николай.
Ясинскій Василій.
Ясинскій Іосифъ.

Итого 102 [1]).

[1]) Въ этомъ числѣ лицъ, прослужившихъ въ священническомъ санѣ, до воссоединенія уніатовъ, отъ 25—45 лѣтъ,— 30 человѣкъ и свыше 45 лѣтъ—8 человѣкъ.

Всего 204 священника.

Digitized by Google

Алфавитный указатель личныхъ именъ къ VII выпуску

„Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ".

А.

Августинъ, св: 301, 318, 319.
Августъ II, король польскій. 334.
Августъ III, король польскій въ XVIII в., 34, 86
Авдій, художникъ XIII в. украшавшій рѣзьбою храмъ Іоанна Златоуста въ г. Холмѣ, 3
Авксентій, князь Збаражскій, схимникъ, вписанъ въ Помянникъ Преч ц., 75.
Агаѳія, схимница изъ рода кн. Кобринскихъ, вписана въ Помянникъ Преч. ц. 75.
Агарь, 282, 287, 313, 314.
Агаѳіи, двѣ сестры, схимницы, изъ рода Уровецкихъ, вписаны въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Агаѳія, инокиня, изъ рода князей Ольгердовичей Ратенскихъ, вписана въ Помянникъ Пречистенской церкви, въ Холмѣ, 75.
Азарій, изъ князей Ольгимонтовичей, монахъ ордена св. Василія (аскетъ), 75.
Алексѣй, (онъ же Александръ) князь Збаражскій, православный холмскій епископъ въ XIV в., 24.
Александръ II Освободитель, Императоръ всея Россіи, 111.
Алексѣй св. архіепископъ кіевскій, память 12 февраля, значится въ Долженскомъ Евангеліи, 126.
Алексѣй Комненъ, Византійскій императоръ въ XIII вѣкѣ, 56.
Александръ, изъ рода князей Ольгердовичей Ратенскихъ, инокъ ордена св. Василія, 75.
Алексій, св. митрополитъ кіевскій въ XIV в. вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. 75.
Александръ I Благословенный, Императоръ Всероссійскій въ XIX в., повелѣлъ принять мѣры къ постановкѣ уніи въ независимое положеніе отъ католицизма, 39, 214.
Александръ Невскій св. принялъ схиму, 327.
Алексій, князь Сангушко, схимникъ, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Алексій, князь Збаражскій, холмскій епископъ, 75.
Александръ, король польскій въ XVI в:, 78.
Алексѣй, священникъ русской церкви Вознесенья въ Замостьѣ въ XVI в. 191.
Альдобрандини, кардиналъ, склонившій Господнѣчича оставить іезуитскій орденъ, 277.
Амвросій Медіоланскій, св:, 301, 314.
Анастасія, княжна Сангушко, схимница, вписана въ Помянникъ Преч. ц., 75.
Анастасія, инокиня, кн. изъ дома Владиміра св., внесена въ Помянникъ Преч. ц., 74.
Анастасія, шпитальная бабка въ Замостьѣ, 264.
Андреевскіе, знатный дворянскій родъ, вписанный въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Андрей, кн., сынъ Александра Невскаго, принялъ схиму, 327.
Андреуччи, Трогирскій епископъ, 279, 292, 294.
Анна, инокиня, изъ рода князей Ольгердовичей, вписана въ Помянникъ Преч. ц., 74.
Анна, схимница, изъ рода Уровецкихъ,

Digitized by Google

вписана въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Анна, супруга Владиміра св. 69.
Анна Болейнъ, 284.
Антоній, православный Варшавскій епископъ, первый сдѣлавшій опытъ русской школы для уніатовъ въ XIX в: 214, 215.
Антоній, епископъ туровскій, внесенъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Антоній Печерскій, память 10 іюля, значится въ Долженскомъ Евангеліи, 126.
Аполлонія, жена священника Вознесенской церкви Алексѣя въ Замостьѣ, 191.
Андреевскій Арсеній, первый холмскій уніатскій епископъ, въ XVI в., положившій начало православному братству въ г. Холмѣ. 26, 44, 173.
Асафъ, епископъ православный, сначала угровскій, потомъ холмскій въ XIII в., 22.
Аѳанасій, епископъ перемышльскій, вписанъ въ Помянникъ Пречист. ц. въ Холмѣ, 75.
Аѳанасій, патріархъ, 327.

Б.

Бабичъ Ермолай, въ XVII в.; 80-лѣтній старецъ въ г. Холмѣ, 67.
Баглевскій Иванъ, слуга пана Чарнковскаго, въ присутствіи котораго дана была дарственная грамота въ пользу Щебрешинской церкви въ XVI в., 232.
Бака Василій, холмскій епископъ въ XVI в., вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75, 82.
Балабанъ Гедеонъ, экзархъ константинопольскій, епископъ Галицкій, Львовскій и Каменецъ-Подольскій въ XVI в., 192, 193, 195, 196, 199, 261.
Балабанъ Діонисій, послѣдній православный холмскій епископъ въ XVII до вовсоединенія уніатовъ, 32, 88, 90, 92, 96, 182, 184, 210, 211.
Балинскій, польскій историкъ и этнографъ въ XIX в., 55, 58, 241, 242, 243, 254 262.
Банковскій, священникъ протоколистъ, а потомъ секретарь холмской консисторіи, 161.
Барановичъ Лазарь, 209.
Barnes Робертъ. свидѣтель страданій Господнѣчича, 283.
Баронія, кардиналъ, 281, 282.
Батый, ханъ Золотой Орды въ XIII в., 5, 6, 19, 20, 326, 327.
Баторій Стефанъ, король польскій, въ XVI в , 172, 188.
Бачинскіе, галицкіе дворяне, жертвовавшіе на мѣстные монастыри, 330.
Бела IV, угорскій король въ XIII в.. 5, 7.
Беллярминъ Петръ, кардиналъ, 281, 282, 286, 295.
Бергъ графъ, намѣстникъ Царства Польскаго, 166.
Беркай, ханъ Орды въ XIII в. послѣ Батыя, 7.
Бернардъ, аббатъ клервальскій въ XII в., 2.
Бибельскіе-Губины, знатный дворян. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Бильскій панъ, владѣтель с. Чернеева, 225, 226, 227.
Блаквеллъ Георгій, архипресвитеръ Англіи, 286.
Блещинскій Николай, настоятель Никольской церкви въ Замостьѣ въ XVIII в., базиліанинъ, 206
Бовій, кармелитъ 281.
Богданъ, сынъ молдавскаго господаря Стефана, 329.
Боговитины, знатный дворянскій родъ, вписанный въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Богумила, жена Маничика, совѣтника холмскаго городскаго магистрата въ XVII в., 98.
Богуши, вельможи православные, основавшіе Яблочинскій монастырь, 210.
Болеславъ храбрый, король польскій, 1, 55, 56.
Болеславъ II, король польскій въ XI в., 17, 18.
Боневскій Бонифатій, настоятель базиліанскаго монастыря, ярый католикъ въ 60-хъ годахъ. 146, 147.
Боньковскій, польско-украинскій поэтъ, 432.
Боргезе, кардиналъ, 277.
Борисъ и Глѣбъ, св муч., память 24 іюля; значится въ Долженскомъ Евангеліи, 126.
Борщ(ч)овка Степанъ, совѣтникъ холмскаго управленія, сослуживецъ Григорія Маничика и главнѣйшій его соучастникъ въ безпорядкахъ въ г. Холмѣ въ XVII в., 67, 98.
Босскіе-Окушковичи, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Бразыновы, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Буба Ѳедоръ, войтъ Станислава, графа съ Горки, 231.
Будиловичъ Ал. С., авторъ „Русской православной старины въ Замостьѣ“, 259.
Бучацкіе, паны, ревнители православія, 331.
Бучковичъ Ермолай, соучастникъ Григорія Маничика въ безпорядкахъ въ г. Холмѣ въ XVII в., 99.
Burchill R., псевдонимъ Господнѣчича въ его полемикѣ съ папистами, 286
Бурундай, татарскій военачальникъ, сподвижникъ Батыя въ XIII, 7, 8, 9, 10, 21, 80.
Бѣльскій Мартинъ, польскій хронистъ, 56.
Бѣковскіе Игнатій и П, надпись на ко-

Digitized by Google

локолѣ св. Николаевской церкви въ Замостьѣ въ XVII в., 261.

В.

Вавришевичъ Андрей, православный холмскій архипресвитеръ, въ XVII в.. 67.
Важинскій, Порфирій, Холмскій уніатскій епископъ, главный начальникъ холмскаго революціоннаго комитета въ XVIII в., 37, 38. 107, 108, 187.
Василій, Коріатовичъ князь, монахъ ордена св. Василія; вписанъ въ Помянникъ Преч. ц.. 74.
Василій, монахъ базиліанскаго ордена въ XVII вѣка, 178.
Василько Романовичъ, Галицко-волынскій князь, въ XIII в. 2, 5—9, 169.
Василій, изъ князей Ольгимонтовичей, монахъ ордена св, Василія, 75.
Василисса, княжна Сангушко, схимница, вписана въ Помянникъ Преч, ц., 75.
Васильковичъ Іоаннъ, католическій государственный нотаріусъ, въ XVII в., 66, 67.
Василисса, инокиня изъ рода кн: Ольгердовичей Ратенскихъ, вписана въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Вассіанъ, епископъ Владимірскій, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц., 75.
Ведельштедтъ, маіоръ польской арміи, во время польскаго мятежа въ Холмѣ въ XVIII в:, 37.
Веймарнъ, русскій генералъ въ Варшавѣ въ XVIII в., 214.
Веремовскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц, въ Холмѣ, 76.
Витте Ѳ. Ѳ:, главный директоръ народнаго просвѣщенія въ ц. Польскомъ въ 60-хъ годахъ, 147.
Витенъ, от. Гедимина, 249.
Вишневецкіе князья, ревнители православія, 331
Владиміръ Всеволодовичъ, кн., принялъ схиму въ XIII в:, 325.
Владиміръ, князь кіевскій, братъ Ягайлы, 328.
Владиміръ Мономахъ, вел. князь русскій. 60,
Владиміръ св. Равноапостольный вел. князь русскій, 13, 15—17, 22, 68, 69—71, 181, 323
Владиміръ, Удѣльный князь волынскій сынъ Василька въ XIII в.; 11, 12.
Владиславъ III, король польскій въ XV в., 24.
Владиславъ II Ягайло, польскій король, перешедшій изъ православія въ латинство, въ XIV в., 77, 78, 187.
Владиславъ IV, король польскій и шведскій въ XVII вѣкѣ, 29, 66, 176, 177, 180, 181.
Внуковичи, знат. двор. родъ; впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Войпловичи, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Войтехъ, чешскій архіепископъ, гонитель православія въ XII в.; 1.
Войцицкій Іосифъ, соборный протоіерей, профессоръ холмской семинаріи и предсѣдатель консисторіи, 137, 149, 160, 161, 163.
Володковичъ, Фелиціанъ-Филиппъ, холмскій уніатскій епископъ, въ XVIII в., 34, 103—105, 206, 208, 218.
Волосовичъ Ѳеодоръ (Ференцъ), ктиторъ Никольской церкви въ Замостьѣ, въ XVII в., 193, 199.
Волостовскій Григорій, старшій братчикъ св. Николаевскаго братства въ Замостьѣ, въ XVII в., 264, 266.
Воронецкіе князья, ревнители православія въ XVI в., 331.
Вратиславъ, князь Славовъ и Кашубовъ въ XIII вѣкѣ, 56.
Всеволодъ Мстиславичъ, князь, принялъ схиму въ XII в., 325.

Г.

Габалеонъ, Савойскій посланникъ въ XVII в., 290.
Гаврінлъ, князь Сангушко, іеромонахъ, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Гаврінлъ, инокъ, изъ рода Олизаровъ, вписанъ въ Помянникъ Преч ц въ Холмѣ, 76.
Гавриловичъ Иванъ и сынъ его Ѳеодоръ, русскіе священники, получившіе королевскіе привилеи на Спасскій монастырь и церковь въ Столыѣ въ XVI в , 172
Галлъ Іосифъ, архипресвитеръ Вигорискій, англійскій ученый, 283, 289, 291.
Галлъ Мартинъ, составитель латинской хроники въ XII в., 1, 2.
Гарасовскій, ассессоръ холмской консисторіи въ 60-хъ годахъ, 161.
Гаскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76
Гауманъ, маіоръ польской арміи во время польскаго мятежа въ XVIII в., 37.
Гедеонъ Война-Оранскій, холмскій уніатскій епископъ, въ кон. XVII и нач. XVIII в., 32.
Гедеминовичи Кейстутъ и Любартъ, шурья Казиміра III, владѣвшіе г. Холмомъ на ленныхъ правахъ въ XIV в., 21.
Гедиминъ Витеновичъ. 249, 327, 330.
Гейеръ, австрійскій коммиссаръ въ Холмѣ, въ XVIII в., 38.
Генрихъ VIII, король англійскій,. 283, 284.
Георгій, инокъ, изъ князей русскихъ, потомокъ Владим. св., внесенный въ Помянникъ Преч. ц , 74.
Герасимовичъ Василій, помощникъ совѣт-

Digitized by Google

ника холмскаго управленія, въ XVII в., 67.
Герасимъ, богодухновенный старецъ, въ XVII в., 333.
Герсдорфъ, полковникъ 3-го кирасирскаго полка въ XVIII в., 214.
Герцогъ, составитель энциклопедіи, 276—278, 282, 285, 286, 293—295.
Глажиевскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц въ Холмѣ, 76.
Глинская, русская княжна замужемъ за кн. Симеономъ Сапѣгой въ XVI в., 242.
Глѣбовъ, польско-украинскій поэтъ, 432.
Глѣбовичи, знаменитый родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ 76
Годзимирскій Войтѣхъ, панъ, чудомъ спасенный при пораженіи поляковъ казацкимъ отрядомъ, 95.
Гольшанскіе князья, ревнители православія въ Литовской Руси, 329.
Гондомаръ, испанскій посланникъ въ Англіи въ XVII в, 288, 289, 291.
Гоноратусъ, архіепископъ Лириценскій и папскій нунцій въ Варшавѣ, въ XVII в., 254
Горки (съ) князь Андрей, основатель Щебрешинской церкви въ XII в, Межерѣчскій воевода; сыновья его: Борисъ, Димитрій и Романъ, 231, 234
Горки (съ) графъ Станиславъ, познанскій воевода, 231.
Городынскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц въ Холмѣ, 76.
Гороховы, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч ц въ Холмѣ, 76.
Господнѣчичъ Маркъ-Антоній, Сплѣтскій архіепископъ въ XVII в., 275—304, 315.
Гошовскій I, протоіерей холмскаго каѳедральнаго собора, 107.
Григорій XV, папа римскій, учитель Господнѣчича, въ XVII в., 288, 292,
Григорій, князь Владимірскій въ XI в., добровольно подчинившійся Болеславу II-му, 18.
Григорій Великій, 301.
Григорій XI, папа, учредившій латинскую епископію въ г. Холмѣ въ XIV в., 23.
Григорій VIII, папа римскій, основавшій Лоретскую семинарію, 277.
Григорій, полонинскій православный игуменъ въ XIII в., 327.
Григорьевъ Н. Л., сотрудникъ кн. Черкаскаго въ Царствѣ Польскомъ въ 60-хъ годахъ, 143.
Гроссъ, русскій посланникъ въ Варшавѣ при Екатеринѣ II, 214.
Грузинскій, Накельскій каштелянъ въ XVII в., 90.

Д.

Давидъ, Смоленскій князь, принялъ схиму, въ XII в., 325.
Давидъ, Муромскій кн. принялъ схиму, въ XIII в., 325.
Дамбровскій Яковъ, изъ благородныхъ, служившій при Яковѣ Сущѣ, въ XVII вѣкѣ, 97.
Даніилъ Романовичъ кн. Галицкій, въ XIII в, 1, 2, 4—8, 10, 11, 13, 17—23, 48, 52, 53, 55, 57, 58, 61, 70, 72, 81, 102, 130, 169, 188, 326, 327.
Даніиловичи, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Даниловичъ, Николай, холмскій староста, подскарбій королевства, въ XVII в., 177.
Данишовскій, слуга пана Фаликовскаго, передавшаго ему ланъ поля Щебрешинской церкви, 231.
Дембовскій, предмѣстникъ кн. Черкаскаго по управленію духовными дѣлами въ ц. Польскомъ, 149.
Деревинскіе, дворяне, жертвовавшіе на галицкіе монастыри, 330.
Дзенгеловскій Станиславъ, ксендзъ, въ присутствіи котораго дана была дарственная грамота въ пользу Щебрешинской церкви въ XVI в. 232.
Димитрій, сынъ св. Александра Невскаго, принялъ схиму, 327.
Димитрій Корибутъ, князь Новгородскій, 328.
Димитрій, епископъ луцкій, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Діонисій Сѣнкевичъ, іеромонахъ, игуменъ свято-Юрьевскаго монастыря во Львовѣ въ XVIII в. 336, 337.
Длугошъ, польскій лѣтописецъ XV в. 10, 17, 18, 55, 56, 327.
Добрянскій Михаилъ, протоіерей въ г. Холмѣ въ XIX вѣкѣ, 131.
Дорошенко, Петръ, гетманъ въ XVII в., 333, 334.
Драгошъ Богданъ, первый господарь молдавскій, въ XIV в., 329.
Дроздовъ И. М., полковникъ, служившій въ цар. Пол. во время кн. Черкаскаго въ 60-хъ годахъ, 143.
Друкаровичъ Иванъ, сынъ Ивана Ѳедорова, первопечатника, продавшій первыя русскія книги по смерти своего отца для уплаты его долговъ, 121.
Друцкіе, князья, связанные родствомъ съ Ольгердовичами, вписаны въ Помянникъ Преч. ц въ Холмѣ, 75.
Дубровицкіе, князья, ревнители православія въ XVI в. 331.
Дунинъ Іеронимъ, дворянинъ кор. Яна Казим. посланный имъ въ г. Холмъ коммиссаромъ, 90.
Духовичъ Валентинъ, въ XVII вѣкѣ, соучастникъ Гр. Маничика въ безпорядкахъ въ г. Холмѣ, 98, 99.
Дьячанъ Филиппъ, галицкій священникъ, учитель холмской семинаріи, потомъ ассессоръ консисторіи, 161.
Дѣдошицкіе дворяне, жертвователи въ пользу православныхъ галицкихъ монастырей, 330.

Digitized by Google

Е.

Евпраксія, княгиня Острожская, схимница, вписана въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Евпраксія княжна дочь кн. Святослава, приняла схиму, въ XII в., 325.
Евпраксія, инокиня, изъ дома Рюрикова, внесенная въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 74.
Евфросинія, кн полоцкая, приняла схиму, въ XII в., 325.
Евфросинія, жена кн. Давида Смоленскаго въ XII в., приняла схиму, 325.
Евоимій, епископъ полоцкій, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Евоимій, епископъ пинскій, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Евоимія, дочь Владиміра Мономаха, приняла схиму въ XII в., 325.
Евоимій, изъ князей Ольгимонтовичей, монахъ ордена св. Василія, 75.
Екатерина Алексѣевна, супруга Петра I, 334.
Екатерина Арагонская, супруга англійскаго короля Генриха VIII, 284.
Екатерина II Великая, императрица въ царств: кот: принимались энергическія мѣры къ ограниченію базиліанскихъ монастырей въ Россіи, 171, 213.
Екатерина, схимница, изъ рода Уровецкихъ, вписана въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Елеоферій, изъ рода князей Ольгердовичей Ратенскихъ, инокъ ордена св. Василія, 75.
Епифаній, св. епископъ кипрскій, 115.

Ж.

Жабировичъ Кондратъ, совѣтникъ холмскаго управленія, въ XVII в., 67.
Жанчикъ Ѳеодоръ, соучастникъ Гр. Маничика въ безпорядкахъ въ г. Холмѣ, въ XVII в., 98.
Жардѣцкій. Войцѣхъ, экономъ пана Чарнковскаго, въ присутствіи котораго дана была дарственная грамота въ пользу Щебрешинской церкви въ XVI вѣкѣ, 232.
Жемборскій, Арсеній, львовскій епископъ въ XVII в., 256.
Жигимонтъ III Августъ, король польскій въ XVI и XVII в., 126, 192, 243.
Житковичъ Даніилъ, чрезвычайный комиссаръ, высланный изъ Львова въ Холмъ для ввода уніатовъ во владѣніе холмскими церквами въ XVII в., 92.
Жолкевскій Станиславъ, коронный гетманъ, 333.
Жуковичъ Захарій, совѣтникъ холмскаго управленія, въ XVII в., 67.

З.

Завада Филаретъ, настоятель Куленчицкаго монастыря, холмской епархіи, базиліанскаго ордена, въ XVII вѣкѣ, 178.
Завитневичъ, соврем. писатель, („Палинодія З. Копыстенскаго"), 302.
Завиши, паны, ревнители православія въ XVI в., 331.
Зайончекъ, генералъ, командиръ польской арміи во время польскаго мятежа въ Холмѣ въ XVIII в., 37.
Занони Ричи, географъ, 320.
Замойская Анна, владѣтельница Замостья во второй половинѣ XVII в., 200, 202—206, 263.
Замойскій Янъ, великій канцлеръ польскаго короля Стефана Баторія въ XVI в., 188—192 259.
Замойскій Ѳома, ординатъ на Замостьѣ въ XVII в, 195, 233.
Замосцкій Томашъ, коронный подканцлеръ, имя котораго значится въ надписи, сдѣланной на послѣднемъ листѣ Крешовскаго евангелія, 125.
Заславскіе, князья, ревнители православія въ XVI в., 331.
Захарія, епископъ холмскій въ XVI в., вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Збаражскіе, князья, ревнители православія въ XVI в., 331.
Збируйскій Діонисій, православный холмскій епископъ, перешедшій въ унію въ XVI вѣкѣ, 26, 75, 172, 173,
Збунинскіе, знатный двор. родъ, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Зларолзы, знаменитый двор. родъ, вписанъ въ Помянникѣ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Зубко Антоній, архіепископъ, сподвижникъ I Сѣмашки при возсоединеніи уніатовъ въ 1839 г., 160.
Зубрицкій, исторіографъ, 13.
Зубрицкій Марко, пушкаръ Берестейскій, 245.

И.

Иванъ, первый холмскій православный епископъ въ XIII в.; 6 8, 17. 22, 23.
Иванъ Берладникъ, кн. въ XII в., 325.
Иваниковичи, Константинъ и Лука, бояре, охранявшіе г. Холмъ отъ татаръ въ XIII в., 8, 9, 80.
Игорь, князь, принялъ схиму въ XII в., 325.
Издебскій, управитель имѣнія Радзивиллъ въ XVIII в: преслѣдователь православныхъ, 214.
Иннокентій IV, папа, заботившійся о подчиненіи русской церкви римскому главенству въ XIII в., 5.

Digitized by Google

Иларіонъ, сперва пресвитеръ Берестовскій, потомъ кіевскій митрополитъ, въ XI в., 70, 323.
Исидоръ, митрополитъ кіевскій и всея Руси, въ XV в. вводилъ унію послѣ флорентійскаго собора, 24.

I.

Іаковъ, православный монахъ въ XI в., писавшій о крещеніи Руси Владим. св: 70.
Іаковъ I, король Англіи, 283 — 288, 290, 295, 299
Іоакимъ, Антіохійскій патріархъ, въ XVI в.; 195.
Іоаннъ Дамаскинъ, св., 301.
Іоаннъ-де-Торресъ, коммиссаръ, въ XVII в.; 66.
Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь московскій въ XV в.; 25.
Іоаннъ, сынъ Калиты, принялъ схиму, 327.
Іоаннъ Калита, вел. кн., принялъ схиму, 327.
Іоаннъ, схимникъ, изъ рода Уровецкихъ, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Іоанникій, архіепископъ варшавскій и новогеоргіевскій. 42, 160.
Іоанникій Іоакимовичъ, игуменъ Креховскаго монастыря въ XIX в., 321, 334.,
Іоанникій, игуменъ Яблочинскаго монастыря, въ XIX в., 215
Іоиль блаженный, основатель Креховскаго монастыря въ Галиціи, въ XVII в.. 332, 333, 336
Іона, инокъ, изъ князей Любартовичей, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц въ Холмѣ, 74.
Іона, инокъ, изъ князей русскихъ, потомокъ Владиміра св: внесенный въ Помянникъ Преч ц. въ Холмѣ, 74.
Іона, инокъ, изъ рода Олизаровъ, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Іосифъ II, австрійскій императоръ въ XVIII в , 234.
Іосифъ Левицкій, уніатскій холмскій епископъ к. XVII и нач. XVIII в:, подписавшій постановленія Замойскаго собора 32.
Іосифъ, пряшевскій епископъ въ 60-хъ годахъ, 152.
Іуліанія, схимница, изъ рода кн Кобринскихъ, вписана въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75
Іустина, схимница, изъ рода Уровецкихъ, вписана въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ. 76.

K.

Казиміръ IV, король польскій въ XV в., 78, 242.
Казиміръ III, король польскій (въ XIV в.) завладѣвшій г. Холмомъ, 21. 22
Казиміръ Великій кор. польскій, 328.
Калинскій Іоаннъ, сельскій уніатскій священникъ, потомъ епископъ-номинатъ, въ XIX в., 137, 145, 146, 148—153, 160—162.
Калистъ, православный епископъ холмскій и белзскій, 73.
Карлъ V, императоръ, 284.
Карпинскій А., холмскій оффиціалъ въ XVIII в, 201.
Кій, одинъ изъ трехъ первыхъ русскихъ князей въ IX в., 50.
Кипріанъ, 301, 315, 318, 319.
Кипріянъ, священникъ при церкви въ Коднѣ въ XVI в., 244, 245.
Кирдѣевы, паны, ревнители православія въ XVI в., 331.
Кириллъ и Меѳодій, славянскіе апостолы и первоучители, 1, 127, 130, 323.
Кириллъ, патріархъ константинопольскій въ XVII в., 333.
Киркоръ А. К., хранитель древностей краковскаго музея, 271, 272.
Кириловичъ Іоаннъ, уніатскій попъ при Вознесенской церкви въ Замостьѣ, въ XVII в., 200.
Кишка Левъ, уніатскій митрополитъ въ XVIII в., 102, 169, 186, 263.
Климентъ VIII, папа рим., принявшій прошеніе Діонисія Збируйскаго объ уніи съ римскою церковью, въ XVI в., 26
Климентъ VII, папа римскій, 284.
Климентъ, папа римскій, причтенный къ лику святыхъ, мощи его, 69.
Климентъ XII, папа римскій въ XVIII в., 105.
Клюйводычи, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Кнышевичи, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Когатынскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Кокошкинъ Ѳ. Ѳ., коммиссаръ холмскаго уѣзда во время кн. Черкаскаго въ 60-хъ годахъ, 143.
Колодейскіе-Верещинскіе, знатный дворян. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Коломанъ, венгерскій король въ XII в., 325.
Колюмна Алексѣй, кардиналъ, 281.
Комитолъ, іезуитъ, 281.
Константиновичъ Янъ, обыватель замостскій въ XVII в., 191, 192.
Константинъ порфирородный, греческій императоръ, въ IX в., 55.
Константиновичъ, основатель госпиталя при церкви въ Замостьѣ, въ XVII в., 204.

Digitized by Google

Концевскій Лаврентій, монахъ ордена св. Василія, въ XVII в., 67.
Копыстенскій Захарія, архимандритъ кіево печерскій, въ XVII в., 300—302.
Коріатъ, князь, сынъ Гедимина, князя Литовскаго, родоначальникъ князей Коріатовичей, 74.
Корибутовна Гризелла-Констанція, владѣтельница Замостья во второй половинѣ XVII в., 200.
Корнило, Гаврилъ, Елена, Уимка и Лукіанъ, купили напрестольное евангеліе, изданное въ XVII в., во Львовѣ, для Коденской церкви, 256.
Корниловичъ Макарій, іеромонахъ, возстановившій Яблочинскую обитель въ XVII в. и управлявшій ею, 211.
Корсакъ, митрополитъ, начальникъ базиліанскаго ордена въ XVII в, 181.
Коссовъ Сильвестръ, кіевскій митрополитъ, занявшій холмскую епископскую каѳедру по изгнаніи уніата Якова Суши въ XVII в., 29, 30, 32, 86, 87, 92, 182, 196, 197, 199, 256.
Костанда А. С., генералъ-лейтенантъ, служившій въ цар. польск. во время кн. Черкаскаго въ 60-хъ годахъ, 143.
Костецкій Ираклій, настоятель базиліанскаго Замостскаго монастыря, въ XVIII в., 260.
Костомаровъ Н. И. ,(прим.),183,188,200,273.
Костюшко Ѳаддей, польскій генералъ, 108, 187.
Кочоровскіе Владиславъ, Осипъ и супруга его Ядвига, владѣтели села Чернеева, въ XVIII в, строители черн. церкви, 218, 219, 221, 222.
Коширскіе, князья, ревнители православія, 331.
Коялович М. О., профессоръ, 13.
Кранмеръ Томасъ, архіепископъ Кентерберійскій, 284, 287, 290.
Красицкій, графъ, литовскій хорунжій, въ XVIII в., 35.
Кревза Левъ, уніатскій виленскій архимандритъ, въ XVII в., 299, 300.
Кременецкіе, знатный двор. родъ, внис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Крживчицкій Янъ-Ѳома, холмскій староста уніатъ, 89.
Кринницкій Ипполитъ, бывшій префектъ уніатской семинаріи въ Вѣнѣ, въ 60 годахъ, потомъ ректоръ холмской дух. сем., 151, 152, 161, 162.
Крицкіе-Окушки, знатный двор. родъ, внис въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Крупскіе, знатный двор. родъ, внис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Крушинскіе, знатный двор. родъ, внис. въ Помянникъ Преч , ц. въ Холмѣ, 76.
Крыжановскій Е. М., начальникъ учебной дирекціи въ г. Сѣдлецѣ, во время кн. Черкаскаго въ 60-хъ годахъ, 143.
Кулишъ А. П., сотрудникъ кн. Черкаскаго въ Царствѣ Польскомъ въ 60-хъ годахъ, 143.
Кульзики Николай, совѣтникъ холмскаго управленія, въ XVII в., 67.
Кунцевичъ Іосафатъ, 28, 136, 137, 146, 147, 174, 246, 255.
Куремса, татарскій темникъ или воевода, въ XIII в., 6 7.
Куровскіе Константинъ и Татьяна, надпись на колоколѣ при св. Николаевской ц. въ Замостьѣ, въ XVII в., 261.

Л.

Лаврентій, бумажный фабрикантъ въ XVI вѣкѣ, 115.
Лавровскій, священникъ Галицкій, вицеректоръ холмской семинаріи въ 60-хъ годахъ 163.
Ландини, кардиналъ 278.
Лебединцевъ Ѳ. Г. начальникъ учебной дирекціи въ г. Холмѣ, во время кн. Черкаскаго въ 60-хъ годахъ, 143.
Левъ Васильковичъ, Русск. уд. князь, племянникъ Даніила Галицкаго, въ XIII в., 68.
Левъ, старшій сынъ Даніила Романовича, посланный отцомъ къ воев. Бурундаю съ дарами, въ XIII в., 8; 11, 55, 327.
Левицкій Стефанъ, офиціалъ, генеральный визитаторъ въ XVIII вѣкѣ, 125
Левицкій Іосифъ, холмскій и белзскій епископъ, въ XVIII в., 32—34, 103,186, 187, 206, 230, 233.
Левкевичъ Матіашъ, делегатъ Никольскаго братства къ уніатскому митрополиту Льву, въ XVII в., 202.
Леликовичъ Алексѣй, настоятель Никольской церкви въ Замостьѣ, базиліанинъ, въ XVIII в, 206
Ленковичи, князья, ревнители провославія, 329.
Леонъ, греческій царевичъ въ XII в. 325.
Липовецкій Иванъ-Карлъ, настоятель Щебрешинской церкви, въ XVIII в., 230, 234.
Липинскій, польскій ученый въ XIX в., 55, 241, 262
Литвиновичъ, греко уніатскій митрополитъ въ Галиціи въ 60-хъ годахъ, 151.
Литомысль Гирка Генрихъ, въ присутствіи котораго дана была дарственная грамота въ пользу Щебрешинской церкви, въ XVI в., 232.
Лещинскій Рафаилъ, православный, надѣлявшій фундушами Яблочинскій монастырь, 211.
Лещинскій, графъ Андрей, Яблочинскій вотчинникъ въ XVII в., 211.
Лещинскій Владиславъ, православный, надѣлявшій фундушами Яблочинскій монастырь, 211.
Лещинскій Андрей, Красноставскій латинскій епископъ, въ XVII в., 89.
Лодзяда Александръ-Августинъ, холмскій

Digitized by Google

уніатскій епископъ въ XVII в., 200—202.
Лоттеръ, географъ, 320.
Лотоцкій Аѳанасій, протоіерей (впослѣдствіи архимандритъ Амвросій) въ XIX вѣкѣ, 168, 169. 210.
Луковскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Любартъ, сынъ велик. кн. литовскаго Гедимина, потомки его внесены въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 74
Любартъ—Димитрій, князь Владиміро-Волынскій, сынъ Гедимина, православный, 327.
Любичъ, біографъ Господнѣчича, 276, 285.
Людовикъ, король польскій включившій г. Холмъ въ составъ коронныхъ земель Польши, 22, 23.
Людоговскій М. Л. сотрудникъ кн. Черкаскаго въ царствѣ Польскомъ въ 60-хъ годахъ, 142.
Люценскій, послушникъ Яблочинскаго монастыря и учитель, 215.

М.

Мазановскій Константинъ, приходской уніатскій священникъ, м. Славатичъ, гонитель православія, въ XVIII в., 212.
Мазепа, гетманъ, 206.
Макарій, митрополитъ, церковный историкъ, 70, 119, 120.
Макарій, инокъ, изъ рода Уровецкихъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Максимъ, митрополитъ, въ XIII в., 326.
Малеванный Василій, бурмистръ Коденскій, въ XVI в., 243.
Малышевскій И. И., современный ученый, 190.
Маничикъ Григорій, судья холмскаго городскаго магистрата, въ XVII в., 86, 97—99.
Марія Александровна, императрица, 111.
Марія, Витебская княжна, жена Ольгерда, 328.
Марія Казиміровна, дочь польскаго короля, приняла схиму, въ XII в , 325.
Марія, дочь Владиміра Мономаха, приняла схиму, въ XII в. 325.
Марія, инокиня, изъ рода Олизаровъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Мартежсъ Ф , проф., 321.
Мартышкевичъ Григорій, судья въ г. Холмѣ, въ XVII в , 67.
Марфа, инокиня, изъ дома Рюрикова, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 74.
Матвѣй, епископъ краковскій, гонитель православія, въ XII в., 2.
Мейеръ, д-ръ, президентъ краковской академіи, соврем., 271.
Мелешко Янъ, основавшій въ XVII в. два баиліанскихъ монастыря: Бытенскій и Жировицкій, 175.
Мелино, кардиналъ, 278, 289.
Мемнонъ, перемышльскій православный епископъ, въ XIII в., 11.
Менгли-Гирей, крымскій ханъ, въ XV в., 25.
Милютинъ Николай Алексѣевичъ, 134, 138, 139, 141, 142, 164.
Миндовгъ, литовскій князь, въ XIII в., 6, 7, 327.
Миникайлы, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч ц. въ Холмѣ. 76.
Михаилъ Георгіевичъ, удѣльный князь, правнукъ Даніила Галицкаго, въ XIII в., 21, 72.
Михаилъ, священникъ св. Параскевіевской церкви, въ XVI в., 82.
Михаилъ, молдавскій господарь, 259.
Могила Іеремія, господарь, 329.
Могила Петръ, митрополитъ кіевскій, въ XVII в., 29, 216.
Модестъ, епископъ люблинскій, викарій холмско-варшавской епархіи 131.
Мосинъ Д. Ѳ., завѣдывавшій церковностроительною частью въ цар. Польскомъ при кн. Черкаскомъ, въ 60-хъ годахъ, 143.
Москвитинъ Иванъ Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ. въ XVI в., 113 — 115, 118—121, 123.
Мстиславъ, удѣльный князь волынскій, младшій сынъ Даніила Галицкаго, въ XIII в., 11.
Мстиславъ Мстиславовичъ, кн., принялъ схиму, въ XIII в , 325.
Мстиславцевъ, первый московскій печатникъ, въ XVI в , 119, 120.

Н.

Наполеонъ I, основатель варшавскаго герцогства, 39.
Наримундовичи, князья литовскіе, 249.
Наримундъ Гедиминов., пинскій епархъ, 249.
Небаба, предводитель козацкій, при Богданѣ Хмельницкомъ, 199.
Немировичи, изъ знатнаго рода, впис. въ Помянникъ Преч ц. въ Холмѣ, 76.
Нестеровичъ Моисей, игуменъ Яблочинскаго монастыря, въ XVIII в., 214.
Несторъ, князь Ольгимонтовичъ, православный холмскій епископъ, въ XIV в , 24, 74
Несторъ, первый русскій лѣтописецъ, 14, 56, 323.
Николай I, императоръ всероссійскій, 39, 215.
Николай, львовскій живописецъ, любимецъ кор. Яна Собѣскаго, 333.
Никифоръ, историкъ, 64.

Digitized by Google

О.

Обичерскій Станиславъ, слуга пана Чарнковскаго, въ присутствіи котораго дана была дарственная грамота въ пользу Щебрешинской церкви, въ XVI в., 232.
Овлучинскій Павелъ, православный епископъ самборскій, перемышльскій викарій и архимандритъ кобринскаго монастыря, въ XVII в., 66, 67, 181.
Огилевичъ Іоаннъ, изъ благородныхъ, служившій при Яковѣ Сушѣ, въ XVII в., 97.
Огилевичъ Пахомій, провинціалъ базиліанскаго ордена и другъ Суши, въ XVII в, 97
Огинскіе, князья, ревнители православія, въ XVI в., 331.
Олегъ, князь русскій, въ X в, 13.
Олендзкій, холмскій каштелянъ, въ XVIII в., 35.
Олехно Александръ Бѣлый, холмскій староста, въ XV в., 82.
Ольгимонтовичи, князья, владѣтели части Литвы и Руси, 74.
Ольгердъ, великій князь литовскій, въ XIV в., 21, 328.
Ольгердовичи, князья литовскіе, 74, 75, 249.
Оноковскіе, знатный двор. родъ, впис въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Осецкая Екатерина, владѣтельница сел. Чернеева, 227—229.
Острожскіе, князья, ревнители православія, 331.
Оттокаръ, чешскій король, въ XIII в., 7.

П.

Павелъ I, императоръ всероссійскій, 171.
Павелъ V, папа римскій, приказавшій схватить въ Кельнѣ бѣжавшаго Марка Антонія Господнѣчича, 174, 280, 283, 286, 288, 291.
Павлюковичъ, ренегатъ православія въ г. Красноставѣ въ XVII в, 184.
Павловскіе, два брата, православные, спрятавшіе въ г Холмѣ икону Пр. Богор. во время буйства польскихъ волонтеровъ, въ XVII в., 88, 89, 183.
Падура, польско-украинскій поэтъ, 432.
Пакоста Аѳанасій, холмскій уніатскій епископъ, гонитель православія, въ XVII в., 27, 169, 177 179.
Парѳеній II, константинопольскій патріархъ, въ XVII в., 262.
Подгородынскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Пелагея, княгиня Острожская, схимница, впис въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Понятовскій Станиславъ-Августъ, король польскій, въ XVIII, 35, 214.
Попель Маркеллъ, протоіерей, администраторъ холмской уніатской епархіи, въ XIX в., 42.
Поридубскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Пострижовъ Іосифъ, калужскій купецъ, пожертвовавшій на нужды холмской возсоединенной епархіи 30.000 руб., (соврем), 130, 132.
Потоцкій Салевій, покровитель уніи въ Малороссіи, въ XVII в., 106.
Петръ Великій, 213, 334.
Петръ св., митрополитъ кіевскій, въ XIV в., впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75
Петръ, сынъ молдавскаго господаря Стефана, 329.
Петръ, переписалъ Долженское евангеліе, въ 1571 г., 125.
Петръ, кармелитъ, 174.
Петровъ Н., профессоръ, 217, 259, 303.
Петрушевичъ А. С., священникъ, авторъ соч. „Холмская епархія и святители ея“, 67, 113, 324.
Поцѣй Адамъ, въ XVII в, въ Холмѣ, 67.
Поцѣй, протоіерей въ 1850 хъ годахъ, ратовавшій за православіе, секретарь холмск. консист , 148, 161.
Поцѣй Ипатій, владимірскій епископъ, въ XVI в., одинъ изъ главныхъ дѣятелей брестской уніи, 101, 173—176, 261.
Прусскіе, князья, ревнители православія 331.
Пстроконскій Станиславъ, красноставскій латинскій епископъ, 87, 183.
Пузеровичъ Павелъ, Замостскій предмѣщанинъ, въ XVII в., 200.
Путятичи, князья литовской Руси, ревнители православія, 329, 331.

Р.

Рагоза, митрополитъ, 174.
Рагоза, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Радзивилъ, виленскій воевода, въ имѣніи котораго основанъ Яблочинскій монастырь св. Онуфрія, 211, 214.
Радиловичи, князья, ревнители православія, 329.
Римонтъ Елисей, литовскій князь, въ XIII в., 327.
Ровицкій, владѣлецъ с. Чернеева, 222, 223
Рожинскіе, князья, ревнители православія, 331.
Романъ Мстиславичъ, самодержецъ всея Руси, 56, 72.
Романъ, удѣльный князь волынскій, въ XIII в., сынъ Даніила галицкаго, 10, 11, 21, 72, 327.
Ромодановскій Ѳеодоръ, князь, въ XV в., 25.

Digitized by Google

Ростиславъ Ивановичъ, вел. кн., похороненъ въ монастырѣ Іоанна Крестителя, близъ Галича, въ XII в., 325.
Ростиславъ Володаревичъ, въ XII, 325
Ростоцкій Ѳеодосій, холмскій уніатскій епископъ, въ XVIII в., 107.
Рутке Андрей, владѣтель с. Чернеева, въ XIX в. 223—225.
Рутскій Іосифъ-Вельяминъ, холмскій уніатскій епископъ, потомъ митрополитъ; основатель базиліанскаго ордена, въ XVII в., 27, 128, 174—177.
Рущицы, братья, владѣтели окрестностей Кодня, въ XV в., 241.
Рылло Максимиліанъ, игуменъ холмскаго базиліанскаго монастыря, затѣмъ холмскій уніатскій епископъ, въ XVIII в., 33—36, 102, 104, 187.

С.

Саковичъ, священникъ Собѣборской церкви и сыновья его Николай и Демьянъ, купившіе „Апостолъ“ первопечатный, въ XVII вѣкѣ, 121.
Саковичъ Григорій, поручикъ, братчикъ св. николаевскаго братства въ Замостьѣ въ XVII в., 264, 266.
Сангушки ведутъ свой родъ отъ князей Ольгердовичей, вписаны въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Сангушко-Пронскіе, князья Александръ и Ѳеодоръ, православные, надѣлявшіе фундушами Яблочинскій монастырь св. Онуфрія, 211.
Сапѣга Фридрихъ Ивановичъ, воевода подлясскій, 245.
Сапѣга, Иванъ Семеновичъ, воевода трокскій, обрусѣвшій литовскій князь, купившій Кодень въ XVI в., 242—246, 248, 251—253, 255, 257, 258.
Сапѣга, Казиміръ-Владиславъ, подчашій великаго княжества литовскаго, въ XVII в., 250.
Сапѣги, литовско-русскіе православные князья, сѣдибой которыхъ былъ Кодень, 242, 243, 248, 249.
Сапѣга Александръ, кн. сынъ Павла, 245.
Сапѣга Николай, кн., православный, потомъ перешедшій въ латинство, въ XVII в., 250—254 257.
Сапѣга Павелъ, сынъ Ивана, православный литовско-русскій князь, 243, 245, 249—253, 257.
Сапѣга, князь Симеонъ Сунигайло, первый христіанинъ изъ рода Сапѣгъ, 242, 248.
Сапѣги, ревнители православія, 331.
Сапѣга Казиміръ-Левъ, подканцлеръ вел. кн. литовскаго, 89.
Сверщовскіе, знатный двор родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Свирскій Николай, суффраганъ холмскаго латинскаго епископа въ XVII в., устроитель латинской школы въ г. Холмѣ, 28.
Свистельницкіе, знатный двор родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ г. Холмѣ, 76.
Свидригайло Левъ, сынъ Гедимина, 327.
Скиргайло, князь троцкій, православный, 328.
Свѣжовскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Святополкъ, князь Померанскій, въ XIII вѣкѣ, 56.
Святославъ, кіевскій князь, принялъ схиму, въ XII в. 325.
Святославъ, князь, принялъ схиму въ XII в., 325.
Седлискіе-Бруновы, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Селява, генералъ базиліанскаго ордена въ XVII в., 182.
Семенъ, князь, сынъ князя Юрія Даниловича, 73.
Семеновичъ С. свящ. авторъ ст. „Начало уніи въ холмской епархіи“ (прим.), 173, 178, 179, 184.
Серапіонъ, епископъ, 326.
Сергій, преподобный чудотворецъ, память 25 сентября, означена въ Долженскомъ евангеліи, 126
Серебрискіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, въ числѣ ихъ схимница Евгенія, 76.
Сержпутовскій, ректоръ латинской семинаріи г. Холма, служившій обѣдню въ день оглашенія владычества императора Франциска II, 38.
Сигизмундъ I король польскій въ XVI в., 25, 58, 75, 78, 175, 210, 242, 243.
Сигизмундъ II Августъ, король польскій въ XVI в. скрѣпившій учредительную грамоту, данную г. Холму Ягелломъ, 24, 58, 75, 172.
Сигизмундъ III Августъ, король польскій, 82, 119, 172, 176, 178.
Сидоровичи Григорій, Филиппъ и Петръ, соучастники Григ. Маничика въ безпорядкахъ въ г. Холмѣ, въ XVII в., 99.
Сидоровичъ Григорій, православный священникъ церкви св. Николая въ Холмѣ, въ XVII в., 67.
Сидорскій І. С. сотрудникъ кн. Черкаскаго и одно изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ въ царствѣ Польскомъ въ 60-хъ годахъ, 143.
Сильвестръ, папа римскій, 301.
Сильвестръ, князь Сангушко, іеромонахъ, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Сильвестръ, князь Кобринскій, православный холмскій епископъ, въ XIV в., 24, 328.
Сильвестръ, князь, изъ рода кн. Кобринскихъ, былъ холмскимъ епископомъ, вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75, 87.

Digitized by Google

Симеонъ, сынъ Іоанна Калиты, принялъ схиму, 327.
Симоновъ, домовладѣлецъ въ г. Замостьѣ въ XVI в., 191.
Скоруты, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Скальскій, іеромонахъ, настоятель варшавскаго грекоуніатскаго монастыря, въ 60-хъ годахъ, 147.
Скумины-Тишкевичи, паны, ревнители православія въ XVI в., 331.
Слуцкіе, князья, ревнители православія, 329.
Слуцкіе-Олельковичи, князья, ревнители православія, въ XVI в., 331
Слуцкій кн. Симеонъ Александровичъ, отстроившій и украсившій Кіево-Печерскую лавру въ XV в., 329.
Смоленецъ, протоіерей холмскаго собора и управлявшій консисторіей, преданный полонизму, въ XIX в., 137, 149.
Смотрицкій Мелетій, извѣстный отступникъ отъ православія, 297.
Соарецъ Францискъ, іезуитъ, полемистъ, 286, 287, 295.
Собѣскій Янъ III, король польскій, 186, 271. 333.
Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ, исторіографъ, 13.
Солтаны, знатный двор. родъ, впис въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Солтанъ, Іосифъ, кіевскій митрополитъ, получившій отъ Сигизмунда I грамоту о подчиненіи и подсудности ему всего духовенства греческаго обряда въ Польшѣ, въ XVII в., 176.
Сосновскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Ставскіе, знатный двор родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц въ Холмѣ, 76.
Станиславскій, Галицкій хорунжій, въ XVII в., 90, 91.
Станишечовы, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Сташковы, паны, ревнители православія, въ XVI в., 331.
Стефанъ, господарь молдавскій 329.
Страшковы-Койленскіе знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Стрѣченовы, знатный двор. родъ, вписан. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Суша Яковъ, холмскій уніатскій епископъ гонитель православія, и авторъ „Phoenix'a" въ XVII вѣкѣ, 14–16, 19, 20, 26, 29, 30, 31, 49, 53, 54, 60–63, 65–70, 74, 76, 80–90, 92, 97, 100–103, 106, 129, 135, 173, 175, 179, 181–187, 200.
Сѣраковскій, поручикъ въ XVII в., 90.
Сѣмашко Іосифъ, литовскій митрополитъ, 148, 160.
Сѣрные, знатный двор. родъ, вписан. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.

Т.

Тарнопольскій Самуилъ, делегатъ никольскаго братства къ митрополиту Льву въ XVII в., 202.
Терашкевичъ, холмскій уніатскій епископъ, во второй половинѣ XIX в., 40.
Терлецкій Меѳодій, холмскій уніатскій епископъ, гонитель православія въ XVII в., 15, 27–29, 31, 41, 66, 102, 103, 179, 180—182, 186, 187.
Терлецкій Венедиктъ, базиліанинъ, впослѣдствіи провинціалъ баз. ордена въ XVII в., 184.
Терновскій Илія, пресвитеръ крышовской церкви имя котораго значится на послѣднемъ листѣ рукописнаго крешовскаго евангелія, XVI в., 125
Теодоровичъ Александръ, священникъ, 200.
Тимоѳеевичъ Тарасій, православный священникъ въ Коднѣ, въ XVI в. 252.
Тишкевичи князья, ревнители православія, 331.
Тортъ Матѳей, псевдонимъ кардинала Беллярмина, 286.
Трабскіе князья, изъ князей Кобринскихъ, 75.
Тришинцы, знатный двор родъ, впис. въ Помянникъ Преч ц. въ Холмѣ, 76.
Тросцинскій Максиміанъ, панъ, имя котораго значится въ надписи, сдѣланной на послѣднемъ листѣ крешовскаго евангелія, XVI в. 125.
Туровы, знатный двор. родъ, вписанный въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.

У.

Урбанъ VIII, папа р. въ к. XVII в., 27, 33, 179, 254, 292.

Ф.

Фаликовскій Станиславъ, староста и арендаторъ въ Щебрешинѣ въ XVII в., 231.
Филаретъ, архіепископъ черниговскій; авторъ „Исторіи русской церкви", 17.
Францискъ II, императоръ австрійскій, 38.
Фульгенціо Фра, венеціанецъ, убѣждавшій Господнѣчича не вѣрить Риму, 289, 290.

Х.

Харитонъ, холмскій православный епископъ въ XV в., 82.

Digitized by Google

Хмельницкій Богданъ, гетманъ,—85, 90,—92, 94, 107, 182. 199, 200, 270—274.
Хмельницкій Тимофей, поразившій на голову польское войско при м. Батогѣ, 94.
Ходкевичи, ревнители православія, 331.
Ходкевичъ Григорій Александровичъ, покровитель русскаго первопечатника И. Ѳедорова, 114, 119, 120
Холмскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Хоривъ, одинъ изъ первыхъ трехъ русскихъ князей въ IX вѣкѣ, 50.
Хребтовичъ, владимірскій епископъ въ XVI в., 173.
Хрусцевичъ Кириллъ, протоіерей въ г. Холмѣ, соврем., 131.

Ц.

Цытинскіе, знатный двор. родъ, впис въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Цѣконскій, въ XVIII в, прочитавшій въ соборѣ холмскомъ цезарскій универсалъ по польски въ день оглашенія владычества императора Франциска II, 38.

Ч.

Чаплица, архимандритъ, настоятель православнаго Мѣлецкаго монастыря, 211. 212
Чарковскій Иванъ, владѣлецъ Щебрешинскаго округа, въ XVI в, 230—232.
Черемошенскіе, знатный двор родъ, впис. въ Помянникъ Преч ц. въ Холмѣ, 76.
Черкавскій Паисій Ипполитовичъ, холмскій православный епископъ, въ XVII в, 27.
Черкасскій князь Владиміръ Александровичъ, призванный къ умиротворенію Польши послѣ возстанія 1863 г, 133, 134, 138—143, 145, 147 — 153, 155 — 160, 163—166.
Черновскіе, знатный двор. родъ, впис въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Черновскій Паисій, холмскій православный епископъ, въ XVII в., 177, 210.
Четвертинскій Гедеонъ, князь луцкій, православный епископъ, въ XVII в., 212.
Чешинскіе, знатный двор. родъ, впис въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Чирскіе, знатный дворян. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Чолганскіе, дворяне, жертвовавшіе на галицкіе монастыри, 330.

Ш.

Шараневичъ, историкъ, соврем, 329.
Шатровъ, кіевскій художникъ, его работы—иконостасъ Кирило-Меѳодіевской часовни, 132.
Шафарикъ, чешскій исторіографъ XIX в., 13, 323.
Шашкевичъ, польско-украинскій поэтъ, 432.
Шваркъ, сынъ Даніила галицкаго, въ XIII в., 11, 21, 72.
Шевченко, украинскій поэтъ, 432.
Шемберка, панъ, чудомъ спасенный при пораженіи поляковъ казацкимъ отрядомъ, 95.
Шептицкій Аѳанасій, уніатскій митрополитъ, въ XVIII в., 207.
Шиманскій Веніаминъ, подляскій латинскій епископъ, 136, 148, 158.
Ширинцыны, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Шлюбичъ-Заленскій Левъ, уніатскій митрополитъ, владимірскій и брестскій епископъ, въ XVII в, 202.
Шумборскій, холмскій уніатскій епископъ, перв. пол. XIX в, 40.
Шумлянскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Шумлянскій Іосифъ, львовскій епископъ, въ XVII в., 333.

Щ.

Щитынскіе, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Щекъ, одинъ изъ первыхъ трехъ князей Руси, въ IX в., 50, 53, 60—62.

Ю.

Юрій, удѣльный князь холмской украйны, сынъ Льва Даніиловича галицкаго, въ XIII в., 11.
Юрій Даніиловичъ, правнукъ князя Даніила галицкаго, 73.
Юрій Наримонтовичъ, князь литовскій, въ XIV в, владѣвшій г. Холмомъ на ленныхъ правахъ, 21
Юрій Львовичъ, галицко-русскій король, въ XIII в, 326.
Юрій, холмскій православный епископъ, въ XV в., 24.

Я.

Яворницкій Янъ, деканъ луцкій, высланный королемъ Яномъ Казиміромъ въ г. Холмъ коммиссаромъ, 89.

Digitized by Google

Ягайло, (Ягелло) король польскій, 24, 77, 78, 249, 328.
Янка княжна, дочь вел. князя Всеволода, приняла схиму въ XI в., 325.
Янъ Казиміръ, король польскій, отнявшій грамотою управленіе холмской епархіей отъ православныхъ и передавшій ея управленіе Якову Сушѣ, 32, 89, 93—96. 100, 106, 107, 110, 183—186.
Якубовичъ, еврей, которому первопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ закладывалъ книги по нуждѣ, 121.
Якимовичи, знатный двор. родъ, впис въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Яцыны, знатный двор. родъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.

Ѳ.

Ѳедоръ, православный священникъ въ Коднѣ, въ XVI в., 244.
Ѳеогностъ, митрополитъ кіевскій въ XIV в.; вписанъ въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 75.
Ѳеодора, супруга князя Михаила Черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ и сестра Даніила Галицкаго въ XIII в., 3.
Ѳеодоръ Коріатовичъ, кн. основатель двухъ православныхъ монастырей въ Венгріи, въ XIV в., 328.
Ѳеодоръ, князь Любартъ изъ Ольгердовичей, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 74.
Ѳеодосій Печерскій, препод., память его 3 мая значится въ Долженскомъ евангеліи, 126.
Ѳеодосія, инокиня, изъ рода Олизаровъ, впис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 76.
Ѳеодосій, инокъ изъ князей русскихъ, потомокъ Владиміра св., запис. въ Помянникъ Преч. ц. въ Холмѣ, 74.
Ѳеофанъ, іерусалимскій патріархъ, возстановившій южно-русскую православную іерархію въ XVII в., 27, 177.
Ѳома св., ученикъ папы св. Климента, 69
Ѳома, инокъ, изъ рода Уровецкихъ, вписанъ въ Помян. Преч. ц. въ Холмѣ, 76.

Digitized by Google

Digitized by Google

Алфавитный указатель личныхъ именъ къ VIII выпуску

„Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ".

А.

Александръ II, Императоръ, 516, 525, 526.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 257, 258, 383, 386, 446.
Александръ Невскій, великій князь, въ XIII в, 92.
Александра, жена князя мазовецкаго Семовима, сестра Ягайлы, получившая въ приданое Белзское княжество, въ XIV в., 24
Александръ, литовско-русскій князь въ XV в., 28-30, 32, 33, 50, 51, 109, 110, 119, 136—139, 182, 216, 230, 238.
Альбрехтъ, король польскій, въ XV в., 28, 30.
Амфилохій, греческій архимандритъ, въ XVII в., 425.
Андрихъ, кн. чешскій, въ X в., 229.
Андрашовичъ Николай, коммиссаръ вел. княжества литовскаго. для опредѣленія границы Мазовіи и вел. княж. литовскаго, 39.
Андрей, король мадьярскій, захватившій Галичъ на короткое время, 4
Анна, княжна острожская, жена Адама Потѣя, 345.
Аннибалъ, нунцій папскій въ XVI вѣкѣ, 354.
Антоній, митрополитъ галицкій, 264.
Арій, еретикъ, 100, 244.
Аркудій Петръ, ученый уніатъ, докторъ богословія; въ XVI в, 371, 372.
Артемій, старецъ, игуменъ Тр.-Сергіевскаго мон., въ XVI в, 300.
Асафъ, епископъ въ Угровскѣ, 87.
Афонасовичъ Леонтій, уполномоченный люблинскаго православнаго братства, въ XVI и XVII в., 246, 247.

Б.

Бака Василій, или Вассіанъ, холмскій православный епископъ, въ XVI в., 89.
Балабанъ Александръ, въ началѣ XVII в., 299.
Балабанъ Арсеній, львовскій епископъ, въ XVI в.. (дворянинъ Маркъ, отецъ Гедеона), 267—269, 280.
Балабанъ Гедеонъ, львовскій епископъ, 261—263, 267—282. 285—299, 301, 302, 306, 307, 317, 324, 331, 379, 404.
Балабанъ Григорій. шляхтичъ, получившій съ разрѣшенія короля Жидичинскій монастырь отъ своего дяди Гедеона, 331—333.
Балабанъ Діонисій, 257.
Балабанъ Иванъ, (въ монашествѣ Исаія), племянникъ Гедеона, 289, 290, 302.
Балабанъ Ѳедоръ Юрьевичъ, племянникъ Гедеона, 295.
Баптистъ Іоаннъ, кардиналъ въ XVII в., 385.
Баторій Стефанъ, король польскій, 100, 103 104, 251, 313, 319.
Башкинъ Матвѣй, въ XVI в, московскій вольнодумецъ, 347.
Бергъ графъ, намѣстникъ царства Польскаго въ 60-хъ годахъ. 513, 514.
Бернардъ, клервоскій аббатъ, въ XII в., 91.
Бирковскій Фабіанъ, доминиканецъ, авторъ соч. о І. Кунцевичѣ, въ XVII в., 383.
Біютивскій Павелъ, землевладѣлецъ литовскій, 53
Бобриковичъ Копоть Іосифъ, игуменъ виленскаго св.-духовскаго мон., въ XVII в., 303. 410
Бобровницкій, урядникъ доктора Андрея, со стороны вел. кн литовск., при граничномъ обходѣ, 53.

Digitized by Google

Богдашевскій, нелѣпые слухи о І. Кунцевичѣ, 397, 398.
Богенскій Яковъ, подстароста визненскій, 39, 40.
Богушевая, пани 31.
Болеславъ Плоцко Мазовецкій, 241.
Болеславъ храбрый, король польскій, 12, 13, 22, 229, 240.
Болеславъ Смѣлый, король польскій въ XI в., 87.
Болеславъ Тройденовичъ въ XIV в., литовскій кн., 19.
Болеславъ лядскій князь, уступившій г. Визну кіевскому князю Всеволоду Ольговичу, въ XII в., 15, 229, 238.
Болеславъ Семовитовичъ, 236
Болеславъ Стыдливый, въ XIII в., 235. 240,
Бона, королева, 194, 265.
Бонка Адамъ люблинскій домовладѣлецъ, въ началѣ XVII в., 249.
Борзобогатый Красенскій Иванъ, епископъ луцкій въ XVI в., 106, 173, 174, 176 263, 314.
Боровицкій Жданъ, староста острожскаго замка въ XVI в., 317.
Браницкіе, коронные владѣльцы, въ XVI в., 46, 47.
Броневскій, королевскій секретарь, въ XVII в., 326.
Буйно, дрогичинскій хорунжій и подстароста брянскій, 146, 148, 159
Булгаковъ Василій, посланецъ московскій, въ XVI в., 192.
Буранда, предводитель татаръ, въ XIII в., 237.
Биловичъ Валентинъ, литвинъ, издавшій брошюру о І. Кунцевичѣ въ XVI в., 386.
Бѣла IV-й, въ XIII в., 237.
Бѣлинскій, панъ, державшій у себя самозванца Лубу, 418—420, 423, 424, 447.

В.

Василій, іерей, настоятель Преображенской ц. въ Люблинѣ, его „Кормчая“, 217, 218, 223—227.
Василій, священникъ въ г. Гологорскѣ, львовской епархіи, въ концѣ XVI в., 273.
Василько Романовичъ, кн., въ XIII в., 230, 232, 236, 238—240.
Васковичъ Алексѣй, уполномоченный люблинскаго правосл. братства, въ нач. XVII в., 250.
Вассіанъ, старецъ, московскій вольнодумецъ, въ XVI в., 347.
Ваповская, кастеляншна перемышльская, обращавшая русскія церкви въ костелы, въ XVI в., 97.
Варгинъ Матіасъ, варшавскій каноникъ, коммиссаръ коронный, 39, 46.
Вартинъ, армянскій попъ, 174.
Велятицкій Иванъ, шляхтичъ, мужъ дочери Терлецкаго, 315.
Венгринъ Миклаша Георка, переводчикъ при польскихъ дѣлахъ, 415, 416.
Венедиктъ XIV, папа римскій, 523, 528.
Вильченъ Бернардъ, львовскій архіепископъ, въ XVI в., 96.
Витовтъ, литовско-русскій князь, 24, 25, 31, 110.
Вирбицкій Викторинъ, луцкій р.-католическій епископъ, отказъ пріѣхать на люблинскій сеймъ написалъ по-русски, 156, 163, 213.
Вишенскій Іоаннъ, южноруссъ, инокъ афонской горы, знаменитый полемистъ, въ XVI в., 337, 338, 342, 405.
Вишневецкіе, князья, ревнители православія, потомъ протестанты и католики, 320, 344, 365.
Вишневецкій Константинъ, кн., 163—165.
Вишневецкій Константинъ, люблинскій съѣздъ, 128.
Владиславъ IV. кор. польск., 247—252, 255, 384, 409, 415, 417, 424, 431, 434, 435, 437, 438, 446.
Владиміръ Равноапостольный (Великій), 1, 3, 6, 11, 12, 81, 82, 84, 86, 92, 229—232, 476.
Владиславъ, король польскій, 47.
Владиславъ Варнскій, король польск., 26, 147.
Власовичъ Михаилъ, протоіерей, 524.
Войцицкій Іосифъ, протоіерей, администраторъ Холмской епархіи, 505—507, 510.
Войцѣхъ Адальбертъ, пражскій епископъ, римскій миссіонеръ, въ X в., 92.
Войны, лит.-русск. зн. родъ, принявшій протестантство, 344.
Война, секретарь литовской канцеляріи, въ XVI в., 154.
Воловичи, принявшіе протестантство. 344, 345.
Воловичъ Евстафій, литовскій подканцлеръ въ XVI в., 116—118, 121, 127, 128, 132, 142, 143, 149—151. 154, 156, 157, 166, 171. 179, 187, 189, 200, 201, 204—211, 214. 215.
Волковицкій Онисимъ, послушникъ Купятицкаго монастыря, въ XVII в., 407.
Волошенниновъ, дьякъ, въ XVII в., 416, 422.
Володковичъ Фелиціанъ-Филиппъ, уніатскій митрополитъ, въ XVIII в., 395.
Волынецъ Тимофей, врядникъ старосты луцкаго. 54.
Волоцкій Іосифъ, 300.
Воютинскій-Гулевичъ Петроній, почаевскій игуменъ, въ XVII в., 303.
Времевскій, польскій землевладѣлецъ на Литвѣ, въ XVI в., 32.
Всеволодъ Ольговичъ, кіевскій князь, въ XII в., 15.
Всеволодъ, князь, Слово о полку Игор., 478.
Выговскій Данила, гетм., 257, 258.
Выслободская Марья, жена. священ. Сѣчинскаго, 508.

Digitized by Google

Г.

Гавріилъ Дороѳеевичъ, львовскій учитель, переведшій съ греч. соч. Златоустаго „Бесѣды на Дѣянія", въ XVII в., 299.
Гавріилъ, охридскій архіепископъ, въ XVI в., 354.
Ганна, дочь К. Терлецкаго, 315, 337.
Ганскіе, земяне холмской земли въ XVI в., 50.
Гарабурда, секретарь литовской канцеляріи, на люблинск. съѣздѣ, 154.
Гедеонъ Война-Оранскій, епископъ въ XVII в., 260
Гедиминъ, вел кн. лит., 19.
Гедройтъ, князья литовскіе, при епископѣ Кир. Терлецкомъ, 314.
Герасимъ, іеродіаконъ, 302.
Германъ, полоцкій епископъ, въ XVI в., 282.
Генрихъ, король польскій въ XVI в., бѣжавшій изъ Польши, 313.
Генрихъ Вратиславскій, въ XIII в., 241.
Гижовскій, шляхтичъ, подвергнутый истязаніямъ К. Терлецкимъ, 326.
Гинча, староста изъ Подлѣсья, на люб. съѣздѣ, 151, 209.
Гинилевичъ, священникъ, в. популярный въ Галиціи, 512
Глинскій, душеприкащикъ князя Дм. Путяты, 16
Глинскій, уніатскій владимірскій епископъ, въ XVII в., 389.
Глинскій Михаилъ, маршалокъ литовск. княж., 238.
Глобовичъ. виленскій воеводичъ, въ XVI в. 128.
Глѣбовичи, принявшіе протестанство, 344.
Глѣбовичъ, виленскій воеводичъ, 153, 154, 160.
Гоголь Іона, епископъ пинскій, 282.
Годлевскіе, мазовецкіе землевладѣльцы, 42.
Гозій, польскій кардиналъ, знаменитый католич. богословъ, 102.
Головня-Острожецкій Андрей кн., 173.
Головня-Острожецкій Ѳедоръ, князь волынскій, православный. 345.
Головчинскіе, принявшіе протестантство въ XVI в., 344.
Головчинъ князь, владѣлецъ на Литвѣ въ XVI в., 50.
Гонсѣвскій Александръ, у котораго жилъ самозванецъ Луба, 419, 447.
Горецкій Матвѣй, королевскій секретарь, коронный комиссаръ, 39, 46.
Горностай Иванъ, сварбій в. кн. лит. и королевскій маршалъ, 44
Горскіе, принявшіе протестантство, въ XVI в., 344.
Гребницкій Флоріанъ, полоцкій уніатскій архіепископъ и митрополитъ въ XVIII в., 392.
Григорій XIII, папа р., 97.
Григорій XI, папа р., основавшій на Руси четыре латинскія епископскія каѳедры, въ XIV в., 93.
Григорій, пробощъ люблинскій, въ XIII в., 238.
Грушевскій Гавріилъ, іезуитъ, наставникъ І. Кунцевича. 377.
Гулевичъ Григорій, хорунжій земли волынской, 174
Гулевичъ, епископъ перемышльскій, въ XVII в., 410.
Гурко, воевода Ленчицкій, 114.
Гусъ Іоаннъ, реформаторъ, 100.

Д.

Данилъ Романовичъ Галицкій, 5, 17, 87—90, 230, 232, 233, 239, 240, 242.
Даниловичъ Янъ, коронный подскарбій, держалъ у себя самозванца Лубу, 416, 417.
Де-Карресъ Іосифъ-Антоній, медикъ, свидѣтельствовавшій мнимыя мощи І. Кунцевича, 391.
Денисевичъ Иларіонъ, игуменъ Купятицкаго монастыря, 406, 408.
Дембинскій, канцлеръ, 149, 170.
Дембовскій, грубешовскій староста, 89.
Демьянъ, псаломщикъ К. Терлецкаго, свидѣтель противъ Терлецкаго, 335.
Добринскій Стефанъ, прав. священникъ, утопленный К. Терлецкимъ, 333, 334.
Добринскій Николай, братъ священника, утопленнаго К. Терлецкимъ, 334, 336.
Добрынецкій Францискъ, мазовецкій подстароста, 40.
Домчевская Анна, мать еписк. Куземскаго, 507.
Дорогостайскій Николай, полоцкій воевода, 357.
Древинскій Василій, писарь велик. княж. литовскаго, на люблинск. съѣздѣ, 163.
Древинскій, чашникъ волынскій, въ XVII в., 249.
Дубницкій М., владимірскій войтъ, 176.
Дубовичъ Янъ, провинц. базил. орд., въ XVII в., 380.
Дульскій, староста журавскій и брянскій, 148, 149.
Дѣвочка Онисифоръ, кіевскій митрополитъ, двоеженецъ, въ XVI в., 106, 317, 402.

Е.

Евѳимій, игуменъ студійскій, 299.

Ж.

Желеховскій Стефанъ, мѣщанинъ, уполномоченный люблинскаго прав. братства, въ нач. XVII в., 247, 250.

Digitized by Google

Жигимонтъ, кор. польскій, 222, 424, 447.
Житкевичъ Даніилъ, коммиссаръ, въ XVII в., 257.
Желѣзо Іовъ, игуменъ Дубенскаго и Почаевскаго мон., 301.
Журавинскій Маркъ, занималъ въ концѣ XVI в. луцкую епископію, не посвящаясь въ духовный санъ, 107.

З.

Забрезинскій, землевладѣлецъ, въ XVI в., 44, 45.
Загоровскій Александръ, панъ, 292.
Загоровскій, волынскій маршалъ, въ XVI в., 163.
Загоровскій, шляхтичъ, посланный паномъ Берестецкимъ къ королю для испрошенія ему Жидичинскаго мон., 312.
Загоровская Марія, жена брацлавскаго каштеляна, въ XVI в.. 370.
Зависты, мазовецкіе землевладѣльцы, въ XVI в., 42.
Завадскіе, литовскіе землевладѣльцы, въ XVI в., 40.
Залѣсскій Николай, мѣщанинъ, генеральный возный королевства, въ XVII в., 256.
Заленскій Левъ, новогрудскій уніатскій архіепископъ, въ концѣ XVIII в., 397.
Замойскій Янъ, канцлеръ, 233, 275.
Зарубы, мазовецкіе землевладѣльцы, въ XVI в., 41.
Збаражскій Петръ, кн., луцкій воеводичъ, 162.
Збируйскій Діонисій, епископъ холмскій, 106, 107, 278, 282, 321, 324.
Зборовскій, Городельскій староста, королевскій коммиссаръ, въ XVII в., 251.
Зборажскій Стефанъ, кн., литовскій сенаторъ, воевода троцкій, 117, 121, 153—166, 200.
Збражка Станиславъ, бургомистръ луцкаго подстаростваа, въ XVII в., 253.
Зелинскій Иванъ, ганзскій префектъ, въ XVI в., 39.
Зизаній Стефанъ, виленскій дидаскалъ и проповѣдникъ 279.
Злоба Тимофей, супрасльскій архимандритъ, низложенный патріархомъ Іереміемъ за убійство, въ XVI в., 317, 354.
Зубрицкій Станиславъ, подстароста холмскій, въ XVI в., 50.
Зычевскій, панъ, въ XVII в., 414.
Зѣновичи, принявшіе протестантство, 344.

И.

Иванъ врядникъ Городецкій, въ XVI в., 53.
Ивановскій Матіасъ, луковскій подстароста, въ XVI в., 44.
Иванъ, епископъ холмскій, въ XIII в, 87.
Иванъ Даниловичъ Калита, вел. кн. моск. 18, 82.
Иваницкій, панъ, сборщикъ податей во владимірск. повѣтѣ, въ XVI в., 175 -
Иванъ Васильевичъ Грозный, Царь русскій, 37, 116, 128, 192.
Игнатій, московскій вольнодумецъ, въ XVI в, 347.
Ижиковичи братья, подлѣсяне, на люблинск. съѣздѣ, 163
Ижиковичъ Касперъ, дрогичинскій и мельницкій подкоморій, отговаривался отъ присяги на люблинск. съѣздѣ, 146, 148, 149, 202
Ильницкій, священникъ, в. популярный въ Галиціи. 512.
Иннокентій IV, папа р., учредившій „Societas peregrinantium", съ цѣлью латинизаціи русскаго народа, въ XIII в., 92, 93
Исанковскій Францишекъ, — ксендзъ, въ XVII в., 422.

І.

Іаковъ Святиславъ, болгарскій деспотъ, 225.
Іеремія, патріархъ константинопольскій. 244. 245, 270, 271, 273, 274, 293, 294, 296, 317. 321, 348. 349, 354.
Іоакимъ, Антіохійскій патріархъ, 244, 294, 296.
Іоаннъ-де-Торресъ, папскій нунцій, въ XVII в., 386
Іоаннъ, львовскій латинскій архіепископъ, получившій отъ кор. Ягайлы грамоту, предоставлявшую ему полную власть карать схизматиковъ, 95.
Іоаннъ III, царь русскій, 30
Іона Борзобогатый Красенскій, епископъ, 106, 263.
Іосифъ, патріархъ, 218.
Іезекіиль, въ свѣтѣ Іоаннъ, подвижникъ, 302.

К.

Кадашевецъ Иванъ Степановичъ, москов. купецъ, въ нач. XVII в., 415.
Казиміръ Ягеллончикъ, кор. польскій, 26—28, 33, 52, 56, 137, 147.
Казиміръ Великій, кор. польскій, 18—21, 24, 88, 94, 98, 109, 110, 199, 240, 264.
Казиміръ, князь мазовецкій, 27.
Казановскій Бартоломей, луковскій судья, въ XVI в., 45, 46
Казановскій Адамъ, коронный, надворный маршалокъ, въ XVII в., 419, 420, 434.

Digitized by Google

Калинскій, холмскій епископъ-номинатъ, 505, 511–513, 518, 519, 528.
Каллистъ, константинопольскій патріархъ, 295, 296, 298, 299.
Каллистъ, холмскій православный епископъ, въ XIII в., 89.
Кальвинъ, реформаторъ, 100, 344, 346.
Каменецкій, панъ, староста белзскій, въ XVI в., 29.
Кандыба Станиславъ, которому К. Терлецкій заложилъ церк. имѣніе на 40 лѣтъ, 327.
Калуста, князь, брацлавскій кастеллянъ, на любл. съѣздѣ, 168.
Карповичъ Леонтій, архимандритъ виленскій, защитникъ православія, 410.
Кахусовскій Иванъ, судья во Владимірѣ на Волыни, въ XVI в., 175.
Качинскіе, литовскіе землевладѣльцы, въ XVI в., 41.
Кипріанъ, митрополитъ кіевскій, 88, 91, 264.
Кириллъ, епископъ холмскій, потомъ митрополитъ всея Руси, въ XIII в., 87, 88
Кириллъ, св., славянскій первоуч., 454.
Кириллъ Лукарисъ, экзархъ александрійскаго патріарха, 282, 287.
Кирдей Петръ, пинскій староста, въ XVI в., 54.
Кисель Меѳодій, панъ, защитникъ православія, 410.
Кишка Янъ, каштелянъ виленскій, богачъ, женатый на дочери князя К. Острожскаго, 350.
Кишки, литовскіе землевладѣльцы, въ XVI в., 42.
Кишка Левъ, 252.
Кишка Николай, 117, 118.
Клецкій. кн., 410.
Климентъ VIII, папа рим., 277.
Климентъ XI, папа рим., 394.
Климентъ XIV, папа рим., 395, 433.
Ковальская Юлія, дочь Куземскаго, 508.
Ковальскія Меланія и Евгеній, внучата Куземскаго, 508.
Козека, князь Дмитрій, съ Волыни, 174.
Коленда Гавріилъ, полоцкій уніатскій архіепископъ и митрополитъ, въ XVII в., 386.
Коломанъ, мадьярскій король, захватившій Галичь на короткое время и прогнанный оттуда Мстиславомъ Удалымъ, 1, 4, 5.
Комаровскій Станиславъ, коммиссаръ со стороны велик. княж. литовск., 39.
Коммендони, папскій нунцій, кардиналъ, 102, 121, 122, 353.
Конрадъ Семовитовичъ, мазовецкій, въ XIII в., 239–242.
Копыстенскій Михаилъ, еп. перемышльскій, вступилъ на каѳедру женатымъ, 282, 286. 321.
Копыстенскій Захарія, кіево-печерскій архимандритъ, 302, 303, 503.
Корецкій Якимъ, въ XVI в., 249.
Корецкій Богушъ, луцкій староста на люблинскомъ съѣздѣ, 121, 163, 164, 168, 173, 174.
Корчакъ, владѣлецъ г. Красника, въ XIII в., изъ русскаго боярскаго рода, 235.
Косинскій Адамъ, подлѣсскій маршалъ, 146, 148, 161, 202.
Костецкій, подлѣсскій воевода, нежелавшій прибыть на люблинскій съѣздъ, 156, 214, 215.
Косой Ѳеодосій, проповѣдникъ монотеизма въ еврейскомъ духѣ, въ XVI в., 347, 350.
Коширскій, кн., староста луцкій, въ XVI в., 54, 55.
Коссовъ Сильвестръ, кіевскій митрополитъ, 255–257, 407.
Краевскіе, мазовецкіе землевладѣльцы, въ XVI в., 41.
Красинскій, ксендзъ, подканцлеръ, на люблинскомъ съѣздѣ, 163, 186.
Красинскіе, графы, ихъ библіотека, 503.
Красносельскіе, бояре, съ Волыни, 174.
Кревза-Ржевусскій Левъ, виленскій архимандритъ, генералъ базил. орд., 380, 383.
Кречовскій, полякъ, на люблин. съѣздѣ, 178.
Кримошскіе, литовскіе землевладѣльцы, въ XVI в., 45,
Куземскій Михаилъ, послѣдній греко-уніатскій епископъ холмской епархіи, 504, 507–522, 524–530.
Куземскій Евстаѳій, греко-уніатскій священникъ, отецъ епископа Михаила, 507
Кулешъ, авт. „Ист. возсоединенія Руси“, 503.
Кунцевичъ Іосафатъ, полоцкій уніатскій архіепископъ, 374–399, 456.
Курбскій Андрей, князь, московскій выходецъ, 175, 351.
Курцевичи, князья, на Волыни, 175.
Курчасъ, уполномоченный еп. Меѳ. Терлецкаго, 252.
Кутиловскіе, мазов. землевладѣльцы, въ XVI в., 42.
Кучинскіе, мазов. землевладѣльцы, въ XVI в., 42.

Л.

Лавровскій Іоаннъ, протоіерей холмск. соб., 519
Ладзѣевскій Андрей, бѣльскій настоятель, препарируетъ мощи І. Кунцевича, въ XVIII в., 390.
Ласскій Альбертъ, Сѣрадскій воевода, на Любл. съѣздѣ, 157.
Лащи, мазовецкіе землевладѣльцы, въ XVI в., 41.

Digitized by Google

Лаховскіе, мазовецкіе землевладѣльцы, въ XVI в., 43.
Левъ Даниловичъ, кн. 242
Левицкій Михаилъ, львовскій уніатскій митрополитъ, 507.
Ленартовичъ Войтехъ, коммиссаръ вел. княж. литовскаго, 39.
Лешекъ III, 238.
Лешекъ Чорный, король польскій, 22, 239.
Лещинскій, радѣевскій староста, на люб. съѣздѣ, 204, 205.
Лидуховскіе, литовскіе земяне въ XVI в., 65, 66.
Лисовскій Самуилъ, священникъ, нашедшій частицы мощей св. Аѳанасія, послѣ пожара, 445.
Лисовскій Ираклій, уніатскій полоцкій архіепископъ и митрополитъ, 396.
Литвиновичъ, львовскій уніатскій митрополитъ, 512.
Литынскій Василій, православный въ г. Люблинѣ, его смѣлая и пламенная рѣчь противъ оскорбленій вѣры и русскаго народа, въ XVII в., 254.
Лозовскій Ѳеодосій, владиміро-брестскій еписк. въ XVI в., 106, 263.
Локотокъ Владиславъ, кор., писавшій жалобы папѣ Іоанну XII противъ русскихъ славянъ, 16.
Луба, шляхтичи, Дмитрій-Михайла, отецъ самозванца, родственники самозванца: Миколай-Павелъ, Марко, Мартынъ-Казиміръ, Михайло-Константинъ, 447, 448.
Луба Янъ-Фаустинъ, шляхтичъ, самозванецъ, онъ же Дмитровичъ, 400, 406, 415, 416, 418—427, 430—432, 447—449.
Лубенецкій-Рудницкій Сильвестръ, луцкій и острожскій уніатскій епископъ, 395,
Лужинскій Василій, архіепископъ полоцкій, 397.
Лукьяновичъ Андрей, уполномоченный люблинскаго православнаго братства, въ нач. XVII в., 246, 247, 250.
Львовъ Григорій, думный дьякъ, по дѣлу о самозв. Лубѣ, 426.
Львовъ, князь Алексѣй Михайловичъ, по дѣлу о самозв. Лубѣ, 416, 422, 423.
Лысаковскій, холмск. каштелянъ, въ XVI в., 123.
Любецкая, княгиня, 173.
Людовикъ, кор. польскій (б. венгерскій), въ XIV в., 21.
Людовика—Марія Мантуанская, 448.
Лютеръ Мартинъ, реформаторъ, 100, 344, 350, 401.

М.

Макарій, православный епископъ пинскій, въ XVI в, 310.
Маляръ Филиппъ, убитый якобы К. Терлецкимъ 318, 337.
Мархотка Гаврило, земянинъ кобринскій, въ XVI в, 53.
Матишекъ, писарь и староста мельницкій, изъ Подлѣсья, именемъ Бога умолялъ на люблинск. съѣздѣ не принуждать его къ присягѣ, 148, 149, 202-204.
Матвѣй, епископъ краковскій, въ XII в., 91.
Матеей, архимандритъ святогорскаго-Пантелеймонова монастыря, 282.
Матеей II кор. мадьярскій въ XVII в., 6.
Мацѣевскій Бернардъ, луцкій бискупъ, въ концѣ XVI в., 322, 330, 354, 355.
Межко, лядскій кн, въ XII в., уступившій г. Визну кіевск кн. Всеволоду Ольговичу, 15.
Мелетій, вселенскій патріархъ. 286, 288, 295—297.
Мечиславъ I, побѣда надъ нимъ Владиміра Вел. 230.
Меѳодій, св., слав. первоучитель, 454.
Милютинъ Н. А. 505.
Михаилъ, изъ Замостья, почитатель Аѳан. Филипповича, 435.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, 408, 424, 427, 431.
Михайловичъ Иванъ, пинскій староста, въ XVII в., 54.
Мнишекъ Марина, жена лжедимитрія I, 415, 419, 420, 423.
Мнишки, паны, 431.
Могила Петръ, кіевскій митрополитъ, 247, 251, 253, 298, 412, 413, 435—438.
Могила Іеремія, молдавскій господарь 288.
Молмоцкій Олекшій, (Алексѣй) старшина люблинскаго православ. братства, въ нач. XVII в., 247, 250.
Мольскій Станиславъ, королевскій комморникъ и комиссаръ, 173.
Мороховскій, уніатъ, 374.
Мстиславъ Удалой, новгородскій князь, прогнавшій изъ Галича Коломана, мадьярскаго короля, 5.
Мысловская Марина-Анна, мать самозванца Лубы, 447.
Мышковскій Петръ, подканцлеръ, 123.
Мѣлецкій, каштелянъ краковскій, на люблинск. съѣздѣ, 152
Мялинскій Данилъ, каштелянъ белзскій, сенаторъ, уніатъ, въ XVII в., 256.

Н.

Назаръ, священникъ колеховицкой церкви, въ пол. XVI в, 237.
Назаревичъ, уніатскій свящ., настоятель Томашевскаго прихода, сочувствовавшій латинству, 515.
Нарбортъ Альбертъ, королевскій писарь, коммиссаръ вел княж литовск., 39, 46.

Digitized by Google

Нартольды. землевладѣльцы, въ XVI в. 42.
Нарушевичъ, жмудскій каштелянъ, 337.
Нарушевичъ Николай, литовскій земскій подскарбій. на любл. съѣздѣ, 117,137, 143, 154, 177, 178, 180.
Насонъ, урядникъ королевскій, въ XVI в., 56.
Никодимъ панъ, мельницкій староста, въ XVI в., 48.
Никифоръ, экзархъ, цареградскій патріархъ, 282, 283, 286.
Никифоръ-Туръ, кіево-печерскій архимандритъ, 282.
Нилъ Майковъ (Сорскій), учредилъ сорскую обитель, въ XV в., 300.
Николай изъ Ленчицы, монахъ доминиканецъ, предсѣдатель трибунала св. инквизиціи, съ правомъ карать еретиковъ русскихъ, въ XV в., 96.
Носекъ Иванъ, люблинскій земскій возный, въ XVI в, 244.

О.

Облочинскій, уніатскій архимандритъ, въ XVI в., 413.
Образцовъ, королевскій дворянинъ, въ XVI в., 54.
Олельковичи, князья, 125, 128, 213.
Олешковскій Трофимъ, уполномоченный любл. прав. братства, въ нач. XVII в., 250.
Олецкіе, землевладѣльцы, въ XVI в., 43.
Олегъ. русскій князь, владѣвшій, Галиціей, Волынью, Подолью и Бессарабіей, 6.
Ольгердъ, вел. кн. лит., 18, 199, 213.
Олизаровичъ Сенька, въ княженіе лит. кн. Александра, 51.
Опаровскій, польскій землевладѣлецъ на Литвѣ въ XVI в., 32.
Опольскій князь. владѣвшій Галиціей въ XIV вѣкѣ. 21.
Орѣховскій Валентинъ, перемышльскій судья на любл съѣздѣ, 168, 177, 183.
Отрепьевъ Григорій, самозванецъ, 415—417, 423.
Отенскій Зиновій, православный апологетъ, въ XVI в.. 350.
Оссолинскій, сандецкій каштелянъ, на любл. съѣздѣ, 204, 205
Острожскій кн., Константинъ Александровичъ, жившій въ Люблинѣ въ началѣ XVI в., 249.
Острожскій кн. Иванъ Александровичъ, жившій въ Люблинѣ въ нач. XVII в, 249.
Островецкій Осипъ, дворянинъ, 256.
Осовскій панъ, у котораго нѣкоторое время служилъ самозв. Луба, 420.
Оссолинскій Юрій, коронный канцлеръ, по дѣлу самозв. Лубы, 418, 421, 434.
Острожскій Конст., князь, кіевскій воевода, маршалъ волынскій и староста владимірскій, 108, 117, 128, 132,142 151—153, 155—157,162, 163. 165—167, 171, 174—176, 249, 277, 286—288, 291, 300, 301,315 - 318,329, 330, 333—335, 338, 350, 353, 354, 356, 358, 360, 363, 366, 367, 372, 404.
Осинскій, (Самуилъ Янъ), по дѣлу самозв. Лубы, 417, 420, 434, 448.

П.

Павловичъ Михаилъ, подстароста владимірскій, 175.
Павелъ, кузнецъ, обвиненіе К, Терлецкаго въ его убійствѣ, 334.
Павелъ V, папа р, 376.
Падневскій Филиппъ, еп. краковскій, на любл. съѣздѣ, 130, 169, 170, 171.
Палажка, крестьянская дѣвушка, судебное дѣло о К. Терлецкомъ, 326, 327, 340.
Палицкій Ярошъ, воротный луцкаго замка, 173.
Паплинскіе, литовскіе землевладѣльцы, въ XVI в, 43.
Пархомовичева Зиновія Гавриловна, владимірская мѣщанка, сестра І. Кунцевича, 389.
Пасскій Петръ, попъ греческаго обряда, мужественный защитникъ православія въ Люблинѣ въ XVI в., 243, 244.
Пахомій Великій, 299.
Пацъ, витебскій каштелянъ, на любл. съѣздѣ, 157, 211.
Петръ Великій, 388, 444.
Петръ св., митрополитъ въ XIV в, 91.
Петръ, архіепископъ краковскій въ XVI в., предсѣдатель Петроковскаго собора католическаго духовенства, 96.
Петръ, земянинъ копеинскій, въ XVI в., 47.
Пельчицкій Леонтій Зеновьевичъ, пинскотуровскій епископъ въ XVI в., 106, 321, 324.
Пій, VI, папа р., 390, 396.
Пій IX, папа р., 398, 516.
Плакидинъ Иванъ, подъячей новгородск. чети, по дѣлу о самозв. Лубѣ, 415.
Плетенецкій Елисей, Кіево-Печерскій архимандритъ. 303.
Полозъ. земянинъ пинскій въ XVI в., 54.
Полубенскій, кн., литовскій землевладѣлецъ, въ XVI в., 48. 49.
Полубенская княгиня, 161, 211.
Понятовскій Давидъ, коронный комиссаръ, въ XVI в, 39.
Попель Савва, уполномоченный кіевскаго митрополита, 259.
Попель Маркелъ, старшій соборный протоіерей въ Холмѣ, 524.
Пострихъ, шляхтичъ въ XVI в., 45.
Потворовскій, калишскій судья, на любл. съѣздѣ, 155.

Digitized by Google

Потемкинъ Петръ, въ Люблинѣ, въ XVII в., 257.
Поцѣй Станиславъ, витебскій воевода 161.
Поссевинъ Антоній, миссіонеръ, іезуитъ 99. 105, 358.
Потѣй Левъ, литовскій подскарбій и писарь при вел. кн. лит. Сигизмундѣ, отецъ уніатск. митрополита Ипатія Потѣя, 343.
Потѣй Ипатій (въ мірѣ Адамъ), кіевскій уніатскій митрополитъ, 107, 279, 280, 282, 287, 289—293, 324, 325, 327, 329, 330, 336, 341—345, 348, 349, 351, 353—358, 360—374, 377, 389, 430, 433.
Приборовскій Лаврентій, коронный комиссаръ, въ XVI в., 39.
Пронскіе, князья, принявшіе протестантство; 344.
Проестевъ Степанъ Матвѣевичъ, окольничій, по дѣлу о самозв. Лубѣ, 448.
Протасовичъ Іона, митрополитъ кіевскій, въ XVI в., 124, 310, 313.
Процевичъ, генералъ баз. орд., въ XVIII в., 388, 393.
Пузына Аѳанасій, епископъ луцкій, 437, 438.
Путята Дмитрій, кн., 16.
Путятичъ Дмитрій, кіевскій воевода, въ нач. XVI в., 238.
Пушкинъ Григорій, думный дворянинъ, по дѣлу о самозв. Лубѣ, 416. 422.

Р.

Раевскій М. Ѳ. протоіерей русск. посольства въ Вѣнѣ, 511.
Радзивиллъ Варвара, жена Сигизмунда—Августа, 112, 127.
Радзивиллъ, кн. Николай Чорный, воевода виленскій и канцлеръ литовскій, 37, 112, 113, 115, 117, 119, 120, 126—128, 137, 139, 161, 178, 343, — 345.
Радзивиллъ Николай Христоферъ, по прозванію Сиротка, 161, 177, 178, 180.
Радзивиллы, князья, 115, 121, 143,
Радзивиллъ, кн. Николай Рыжій, 112, 117, 178, — 180.
Рагоза Михаилъ, митрополитъ кіевскій, 245, 274—276, 278, 279, 282, 283, 286, 289, 290, 292, 297, 358, 433.
Рикордъ, доминиканецъ, въ XIII в., 237.
Романъ Мстиславъ, волынско-галицкій кн., потомокъ Владиміра Мономаха, 17, 18, 231.
Рутскій Іосифъ—Вельяминъ, уніатскій митрополитъ, 374, 376—380, 382, 383.
Русинъ Ѳедоръ, писарь, въ XVI в., 173.
Рупартовичъ Симеонъ, новый базиліанскій мученикъ, 382.
Рудницкій Антоній, игуменъ, въ XVII в., 303, 306.
Русинъ-Берестецкій Андрей, волынскій панъ, получившій отъ короля пинскую каѳедру, 310, 312.
Рожинскіе, князья, Михаилъ, Дмитрій и Стефанъ, 175.

С.

Савва, іерей въ Люблинѣ, въ концѣ XVI в., 244.
Савиновъ Романъ, привезшій царю Михаилу Ѳедоровичу грамоту отъ греч. архим. Амфилохія, 425.
Саковичъ Кассіанъ, ректоръ кіево-братскаго учил., 249, 297.
Сакранъ Иванъ, каноникъ краковскій, 98.
Сангушко-Каширскій, князь Андрей Михайловичъ, староста луцкій, 56.
Сангушка Ѳедоръ Андреевичъ, князь, володимерскій староста, 49, 50, 55.
Сангушко-Кошерскій Григорій, 249.
Сангушко Романъ, православный русскій князь, 108, 117, 128, 166—168.
Сапѣга Павелъ, 117, 121.
Сапѣга Левъ, канцлеръ литовскаго княж., 378, 380, 394, 406, 417, 419, 420, 423—425, 431.
Сапѣги, принявшіе протестантство, 344, 345.
Свидригайло, литовскій князь, 25, 26.
Свѣтицкій Войтехъ, подстароста ратенскій, 32, 52—55.
Селицкій Богушъ, полоцкій архіепископъ въ XVI в., 106.
Селицкій Севастьянъ, правосл. игуменъ, въ Люблинѣ, въ XVII в., 253.
Семашко Александръ, луцкій староста, изъ древняго южно-русскаго рода, 285, 318.
Селява Антоній, уніатскій полоцкій архіепископъ и митрополитъ, 386, 407.
Семашко Петръ, литовскій землевладѣлецъ, въ XVI в, 56.
Сембратовичъ Іосифъ, греко-уніатскій митрополитъ, 530.
Семовитъ, кн. мазовецкій, жен. на сестрѣ Ягайлы, 24.
Сенчиловичъ, архимандритъ свято-троицкаго виленскаго монастыря, 378.
Сепретовскій Флоріанъ, люблинскій домовладѣлецъ, въ XVI и XVII в., 249.
Серафиновичъ Ѳеофилъ. настоятель Бѣльскаго монастыря, 391.
Сигизмундъ Ваза, король польскій, обратившій русскія епископскія каѳедры въ свои бенефиціи, 104.
Сигизмундъ I, кор. польскій, 30, 31, 38, 56, 111, 112, 115, 210.
Сигизмундъ I, кор. польск., 96, 101, 111, 264.
Сигизмундъ III, польск кор., воспитанникъ іезуитовъ, 103, 105, 244—246, 250, 274, 284—286, 290—292, 319, 325, 336, 345, 357, 367, 377, 384, 406, 419, 434.

Digitized by Google

Сигизмундъ Августъ, кор. польскій, 9, 24, 30, 35—38, 97, 101—103, 108, 111—113, 115, 205, 210, 214, 215, 265, 280, 343, 344.
Сикорскіе, землевладѣльцы литовскіе, въ XVI в., 40.
Сикорскій И., врачь, авт. ст. „Реликвіи І. Кунцевича", 386, 387, 391, 393.
Симеонъ, игуменъ, 271.
Синицкіе, землевладѣльцы въ XVI в., 42
Синявскій, гетманъ и русскій воевода, 138.
Скальскій Петръ, настоятель варшавскаго греко-уніатскаго монастыря, 514.
Скарга Петръ, іезуитъ, 99, 351—353.
Скорута Олехно, землевладѣлецъ коронный, въ XVI в., 32, 55.
Скорынскіе, землевладѣльцы литовскіе, въ XVI в., 41
Скумины-Тышкевичи, 365.
Скумины, ревнители православія, 320
Скуминъ, воевода новогрудскій, защитникъ православія, въ XVI в., 281.
Слуцкій, князь, 114, 128, 143, 161.
Сметана Ирикъ, врядникъ старосты луцкаго, въ XVI в., 54.
Смогоржевскій, уніатскій митрополитъ, 396.
Собецкій Антоній, 44.
Социнъ Лелія, раціоналистъ, 100, 346
Станишевскій, шамбелянъ, королевскій коммисаръ, 251.
Стефанъ, брылинскій тивунъ. 403.
Стемпковскій Гаврило, королевскій посолъ, по дѣлу о самозв. Лубѣ, 426, 446, 448.
Станиславъ-Августъ, кор. польск., 260
Станиславъ, судомірскій каштелянъ, 243
Стрѣшневъ Василій Ивановичъ, бояринъ, полномочный посолъ, по дѣлу о самозв Лубѣ, 448
Статковичъ Дмитрій, уполномоч. люблинскаго братства, 246.
Стефанъ Угрьскій, князь, 229.
Сульжинскій Лука, базиліанинъ, 396.
Сума Алексѣй, воинскій урядникъ, вел. княж. литовскаго., въ XVI в., 46, 47.
Сумеретинковичъ Петръ Ѳедоровичъ, первый ректоръ уніатской семинаріи въ г. Вильнѣ, 371.
Сурта Іосифъ, намѣстникъ игумена Кутейнскаго монаст., 407.
Суша Яковъ, холмскій уніатскій еписк., 86, 257, 377.
Сѣнинскій, холмскій подкоморій, на люблинскомъ съѣздѣ, 140, 144, 135, 204, 210, 211.
Сѣчинская Марья, жена Куземскаго, 508.
Сѣчинскій Петръ, настоятель микулинецкаго прихода въ Галиціи, 508.

Т.

Тенчинскіе, построили костелъ въ Красникѣ въ XV в., 235.
Тенчки, помѣщики мазовецкіе въ XVI в., 44.
Терлецкій Ярошъ, родной братъ Кирилла и его довѣренное лицо, 315, 337.
Терлецкая, Марина Богухваловна, жена Ярошa, 315.
Терлецкій Арсеній, православный перемышльскій епископъ въ XVI в., 308.
Терлецкій Лаврентій, православный перемышльскій епископъ въ XVI в., 308.
Терлецкій Иванъ, урядникъ въ церковномъ имѣніи, родственникъ Кирилла, 315.
Терлецкій Прокопъ, родственникъ Кирилла, 315.
Терлецкій, Василій Григорьевичъ, двоюродный братъ Кирилла, 315.
Терлецкій Кириллъ, епископъ луцкій и острожскій 107, 268, 277—279, 283, 285, 287, 308 310, 312 319, 321, 322, 324—342, 358, 360. 361, 363, 374, 403, 506.
Терлецкій Меѳодій, холмскій уніатскій епископъ, 251 - 253.
Тиборовскіе, помѣщики дорогицкаго повѣта, въ XVI в., 40, 41.
Тименскіе, мазовецкіе помѣщики въ XVI вѣкѣ, 42.
Тисаровскій, владыка львовскій, 228.
Токаревскій Макарій, 408.
Толстой, Графъ Дмитрій Андреевичъ, авторъ сочин. «Римскій католицизмъ въ Россіи», 92
Точинскій Янъ, судомірскій воевода, въ XVI в., 47 -49.
Точинская, пани, выпросившая у князя Александра нѣсколько селъ въ володимерскомъ повѣтѣ, 32.
Точинскій, панъ 31 32.
Тризна Николай, литовскій скарбникъ, 309.
Тринишскіе, помѣщики въ XVI в., 42.
Труцевичъ Іоиль, намѣстникъ Кутейнскаго монастыря, 407.
Тутолминъ, русскій генералъ, заявившій въ универсалѣ 1795 г. о принадлежности русскому государству Холма, Белза и Луцка издревле, 3
Тучапскій Макарій, львовскій митрополичій намѣстникъ, въ XVI в., 265, 267, 292.
Тышкевичъ Василій, литовскій маршалъ, въ XVI в., 39, 46.
Тысменецкій Георгій, дворянинъ, 256.
Тышкевичъ Василій, подлѣсскій воевода, на любл. съѣздѣ 121, 160.

У.

Угровецкій Янъ, помѣщикъ литовскій, 50, 51.
Урбанъ VIII, папа рим., 383, 384, 395.
Уханскій, примасъ, 122.
Уханскіе, помѣщики. 50, 51.
Уханскій Яковъ, примасъ архіепископъ, 101, 203.

Digitized by Google

Ф.

Фалибовскій Иванъ, коммиссаръ 175.
Фальковичъ Андрей, дрогичинскій подстароста, 43.
Фредро Максимиліанъ, дѣдичъ Тернавы, каштелянъ львовскій, 236.
Фридрихъ-Альбертъ, прусскій князь, на люблинск. съѣздѣ, 191.
Филиповичъ, Аѳанасій, 400, 405—415, 420—425, 427, 429 438, 443—446, 448, 449.
Филаретъ, холмск. православный епископъ, въ нач. XVI в., 89.
Фотій, патріархъ, 218.

Х.

Харитонъ, холмскій православный епископъ, въ XV в., 89.
Хмельницкій Богданъ, 254, 255, 258, 437.
Ходзинскій Петръ, нурскій подстароста, 42.
Ходкевичъ Григорій, 117, 124.
Ходкевичъ Иванъ, староста жмудскій, 108, 117, 118, 121, 123, 127, 132, 133, 135, 139—143, 151, 152, 154, 157, 160, 171, 177—181, 184 187, 191, 200, 209, 211, 212, 215.
Ходкевичъ Юрій, бѣльскій староста, 117, 160, 180.
Ходкевичи, принявшіе протестантство, 344, 345, 365.
Ходкевичъ Александръ, берестейскій староста, 47, 48.
Хомякъ Петръ, подстароста, въ Луцкѣ, 173.
Хомякъ Титъ, судья, въ Луцкѣ, 173.
Хребтовичъ-Богуринскій Мелетій, епископъ владимірскій, 356.

Ц.

Цимимскій Янъ, шляхтичъ, обвинитель, К. Терлецкаго, 327, 340.
Цѣхановскій, епископъ холмскій, 523, 526, 529.

Ч.

Чарковскій Станиславъ Сендзивой, посольскій маршалъ, реффендарій королевства, Дрогичинскій староста, на любл. съѣздѣ, 123, 129, 146, 148, 149, 165, 168, 170, 171, 181, 195, 202
Чарноставскій Павелъ, любомльскій подстароста, въ XVI в, 51.
Чарторыйскій Александръ, кн., правос. на любл. съѣздѣ, 128.
Чарторыйскій Юрій, кн. 238, 239, 248, 249.
Чарторыйскій Иванъ, князь, убившій вел. кн. литовск. Сигизмунда, 26.
Чарторыйскій, кн. воевода волынскій, 163, 166, 167, 174.
Черкасскій В. А., князь, 505, 506, 511.
Четвертинскій - Святополкъ Григорій, подкоморій луцкій, 249, 251, 254.
Четвертинская, княгиня, 173.
Четвертинскіе, кн. 247.
Чижъ Иванъ, междурѣцкій подстароста, 44, 46.
Чорторыйскій Александръ, князь, помѣщикъ литовскій, 54.

Ш.

Шамотулъ, Доброгостъ и Елизавета, родовое село ихъ Туробинъ въ землѣ «русской» въ XV в., 235.
Шапникъ (шовникъ) Иванъ Леонтьевичъ, Козимірскій мѣщанинъ, пожертвовавшій евангеліе въ церковь св. Духа, въ XV в., 17, 231, 503.
Шафранецъ, посолъ краковскаго воеводства на люблинск. съѣздѣ, 136.
Шваринъ Даниловичъ, 232, 239.
Швыдвы-Шамотульскіе Андрей и Викентій, 235.
Шицикъ, архимандритъ, 407.
Шолдровскій Андрей, епископъ познанскій, 412.
Шпаковскій—Чапличъ Іосифъ, игуменъ, 253.
Штакельбергъ, графъ Э. Г. русскій посланникъ при австрійскомъ дворѣ, 511, 513.
Шумборскій, епископъ холмскій, въ XIX в, 239.
Шуйскій Василій Ивановичъ, царь, 415, 416.
Шуйскій, князь Семенъ Васильевичъ, самозванецъ, 416, 417.
Шумскій, капитанъ королевской гвардіи, 439.

Щ.

Щуровскій Тимоѳей, настоятель бѣльскаго базил. монастыря, 392.

Э.

Энгель, историкъ австро-венгерскій. 3.

Digitized by Google

Ю.

Юрій — Казиміръ, князь Галицкій, со смертію котораго пресѣкся родъ князей Галицкихъ, 17.
Юрій Львовичъ, въ XIII в., 239, 240, 242.
Юрковскій Станиславъ, тыконскій подстароста въ XVI в., 39, 40.

Я.

Ягайло, король польскій. 8, 24, 25, 27, 33, 93–95, 103, 110, 129, 138, 139, 147, 204, 212, 235, 241, 243, 400.
Ягеллоны, польская королевск. династія, 8, 9, 20, 115, 401.
Ядвига, жена Ягайлы, 129.
Якимъ Васильевичъ, писарь, 175.
Яковлевъ Данило, стольникъ, 418.
Яловинская Козинская, Авдотья, княгиня, 173.
Янъ, аптекарь во Львовѣ, 291.
Янъ-Казиміръ, король польскій, 16, 255, 256, 257, 259.
Янъ-Собѣсскій, кор. польскій, 260.
Яртакъ, ляхъ, 241
Ярославъ I, вел. кн., 86, 229.
Ясенскій, ляхъ, родственникъ виленскаго бискупа. въ XVI в, 32.
Яхимовичъ Григорій, епископъ—суффраганъ въ Галиціи, 509.
Яцкевичъ Симеонъ, базиліанинъ, 382.
Яцыничъ Иванъ, подстароста берестейскій, 47, 49, 53.

Ѳ.

Ѳеогностъ, митрополитъ кіевскій, 88.
Ѳеофанъ, полоцкій архіепископъ въ XVI в., 313.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Маркъ-Антоній Господнѣчичъ.

Слѣптскій Архіепископъ.

Дозв. ценз. Спб., 8 Мая 1885 г.

Тип. Тов. »Общ. Польза», Б. Подъяч., № 39.

Digitized by Google

Digitized by Google

Замѣченныя опечатки VIII выпуска.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
3	3	зелеными деревьями	золотыми деревьями
5	примѣч.	Podoła	Podola
15	9	вехнее	верхнее
18	24	Терновы	Тернавы
26	примѣч.	ejesti	ejecti
27	—	тамъ родичамъ	тымъ родичомъ
30	—	Uolumina	Volumina
31	6	представителямъ	предстаивителямъ
32	19	Вопятичами	Вонятичами
39	22	Вонсогла	Вонсоша
41	12	Дампа	Дампса
43	17	Линбеша	Линбешъ
—	35	Кримаша	Кримоша
46	примѣч.	Lithvaninac	Lithvaniae
—	—	antenticis	autenticis
50	31	Іюница	Уюница
51	9	Кобылко	Кобылка
—	17	лютыка	мотыка
—	28	княжествами	княжествомъ
52	1	Свѣтницкій	Свѣтицкій
—	13	Иржищчи	Иржищи
53	24	Ротна	Ратна
54	28	Чырскіе	Чирскіе
—	29	вдаль	вдоль
55	38	ратнещцы	ратненцы
56	21	Войлшнѣ Дубѣ	Войминѣ Дубѣ
—	26	Цинскъ	Пинскъ
—	46	князя, Коширскаго	князя Коширскаго
57	15 и 16.	Котѣшовскую	Хотѣшовскую
58 и 60.	37, 9 и 15.	любомскаго, любомскій, любомскихъ	любомльскаго, любомльскій, любомльскихъ
—	47	лозъ	лазъ
60	46	кали	коли
61	34	Дорощничъ	Дорогиничъ
62, 63 и 64	—	Сокольскій	Сокальскій
64	34	олексо	олесско
—	52	земяне Опорипескіе	земяне Опарипескіе
65	3	панове Олексіе	панове Олесскіе
—	20	Уваднемъ	Уводнемъ
—	38	Сапельницкой	Сопельницкой
66	13	по р. Икѣ	по р. Иквѣ
—	26	вертена	веропета
67	34	терабовльскую	теребовльскую
68	16	Сколотчане	Скалатчане
71	6	Васильково	Васильковъ
—	12	Стыри Горыни	Стыри, Горыни
77	28	Чемищевичовъ	Чимищевичовъ

Digitized by Google

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
90	примѣч.	Баженскій	Балинскій
104	—	(probablisme)	(probabilisme)
—	—	бресстскій	брестскій
181	—	Худкевичемъ	Ходкевичемъ
228	счетъ стр.	128	228
231	примѣч.	Шанникомъ	Шавникомъ
246	22	Рогоза	Рагоза
253	примѣч.	Афонасій	Аѳанасій
256	28	ахіепископъ	архіепископъ
—	30	привиллегію	привиллегіею
257	прим.. 2.	Pgoenix	Phoenix
—	прим. 3.	Россіи	Россіи
317	28	Терлепкаго	Терлецкаго
400	нумерація листовъ	1	25
406	3	Филипповичъ	Филипповичъ.
563	подпись портрета	Слѣпткій.	Сплѣтскій.

Поправки къ VII выпуску.

На 264-й стр. ошибочно упомянуто, что книга «Прототипонъ-Онома» хранится въ Холмскомъ музѣе; она находится въ архивѣ при Замостской св. Николаевской церкви.

На стр. 297, строка 22, вмѣсто Люблинской» губ. должно быть «Сѣдлецкой» губ.

523	35	сонраментъ	сакраментъ
526	12	на него; это	на него; но это
—	33	указаній	узаконеній

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google